

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках современников. Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Флоренский П. А. Взыскующие града. Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках современников.

Владимир Сергеевич Соловьев, закончивший свой жизненный путь в последний год XIX столетия, оставил в наследие веку грядущему ряд идей, среди которых наиболее привлекательной для части русской интеллигенции оказался призыв создать религиозно-политическое движение, имеющее целью на принципах христианской политики [1], обновить духовную, культурную и общественную жизнь страны. Его младшие современники и последователи сформулировали стоящие перед ними задачи в следующей программе: христианизировать и воцерковить этический идеализм русской интеллигенции, чтобы затем ее усилиями духовно преобразовать все общество; гарантируя свободу совести, радикально реформировать внутреннюю жизнь Российской Православной церкви, отделив ее от государства; посредством экономических и политических реформ социализировать промышленные предприятия их работниками;

безвозмездно передать землю крестьянам на основе семейного и артельного землевладения;

вести активное просвещение крестьянских и рабочих масс.

Реализовав эти предварительные этапы, они надеялись осуществить идеал «полной правды в жизни верующих и тем самым при содействии Духа Святого положить начало концу господства зла и смерти» [2].

Как отмечал Г. Федотов, русское религиозное возрождение зародилось и протекало в противостоянии церковно-государственному консерватизму и традициям «интеллигентского староверия» [3], которое в тот период проявлялось в повальной заморозенности марксизмом. /6/

Американский историк Дж. Патнэм выделяет в русском религиозном возрождении три формы оппозиции марксизму:

поиски нового религиозного сознания в кружке Д. Мережковского и З. Гиппиус;

христианский социализм С. Булгакова, укорененный как в русском религиозном опыте, так и в современной ему политической философии и социологии;

этический либерализм правоведа П. Новгородцева, чья личная религиозная установка оказывала косвенное влияние на политическую философию, формулируемую им в секулярных понятиях [4].

Через год после кончины В. Соловьева в 1901 году в Петербурге организуются «Религиозно-философские собрания» по инициативе Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, В. В. Розанова, А. В. Карташева, В. Тернавцева и др., входивших в состав редакции журнала «Новый путь». На этих собраниях впервые произошла встреча представителей православного духовенства и интеллигенции, пытавшейся в своих духовно-общественных поисках обрести опору в Православной Церкви. Собрания проходили под председательством ректора Санкт-Петербургской Духовной академии епископа Ямбургского Сергия (Страгородского), при участии профессоров богословия и приходских священников. Здесь впервые были поставлены и обсуждены проблемы, ставшие основными для русской религиозной философии:

свобода и необходимость; авторитаризм – индивидуализм – соборность; религиозное осмысление и оправдание культуры; социальная правда и социальный вопрос; революция как религиозная проблема; проблема христианского государства; православие и жизнь;

Здесь же впервые было открыто констатировано то, что впоследствии станет общим местом в суждениях русского интеллигента о Православии:

– полное поглощение Церкви государством, превратившим ее в один из бюрократических институтов самодержавной власти;

– крайняя регламентация прав духовенства и его сословная замкнутость и

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. приниженность;

– отсутствие самостоятельной церковной социальной концепции.

Хотя через год по распоряжению обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева Религиозно-философские собрания были прекращены, их деятельность нашла отклик в церкви, обществе и государственных структурах, положив основание интенсивному церковно-общественному движению, завершившемуся в 1917 году Всероссийским поместным собором. Протоколы собраний и стенограммы выступлений были опубликованы на страницах "Нового Пути". Таким образом, творческая инициатива принадлежала религиозной интеллигенции, как частице церковного народа, восполнившей отсутствие "пророческого" служения церковной иерархии[5]./7/

У истоков этого движения стояли представители нового поколения общественных деятелей, в числе которых был С.Н. Булгаков, уже обозначивший свой прорыв к новому мировоззрению изданием сборника своих статей "От марксизма к идеализму"[6]. По тому же пути шли Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, П.Б. Струве, также отошедшие к тому времени от политического марксизма, и их более молодые современники: В.П. Свенцицкий, В.Ф. Эрн, А.В. Ельчанинов, А.С. Глинка (Волжский), С.А. Алексеев (Аскольдов), А.В. Карташев, В.А. Тернавцев, священники Григорий Петров, Константин Аггеев, Иона Брихничев, Михаил Семенов.

Первым совместным выступлением "идеалистов-общественников" был сборник статей «Проблемы идеализма» (1902), вышедший под редакцией П.И. Новгородцева, с кратким предисловием Л.М. Лопатина, написанным от имени Московского психологического общества, издавшего сборник. В сборнике выступили двенадцать авторов: С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Д. Жуковский, Б.А. Кистяковский, А.С. Лаппо-Данилевский, П.И. Новгородцев, С.Ф. Ольденбург, П.Б. Струве, кн. Е.Н. Трубецкой, С.Н. Трубецкой, С.Л. Франк. Общие задачи участников сборника были сформулированы в Предисловии П.И. Новгородцева.

В качестве мировоззренческой базы господствовавшему в то время позитивизму противопоставлялся идеализм. Данные естественных наук, принимавшиеся как единственный источник познания, признавались лишь одной из сфер многообразных поисков и задач человеческого духа. Особое значение придавалось моральной проблематике, на место этического релятивизма выдвигалась задача поисков абсолютных принципов морали, в продолжение традиций Вл. Соловьева и Б.Н. Чичерина. Впервые идеализм как вечная основа человеческого духа выдвигался в связи с насущными вопросами общественной и культурной жизни. Новые формы жизни становились, таким образом, «уже не простым требованием целесообразности, а категорическим велением нравственности, которая ставит во главу угла безусловное значение личности». Наметив задачи, соявшие перед новым философским движением, участники признавали, что «дальнейшее разъяснение их еще требует сложной и усиленной работы». Эта работа продолжалась в трудах русских религиозных мыслителей и в деятельности новых общественных движений, разбуженных их призывом.

Было бы упрощением назвать эти движения российским вариантом христианского социализма, который к тому времени уже занял свое место в европейском политическом спектре. В отличие от современных им западных христианских политиков, отстаивавших в первую очередь интересы духовного сословия, проповедовавших либеральный консерватизм или умеренный прогрессизм, представители российской "христианской общественности" не ставили во главу угла построения "Царства всеобщего благоденствия" путем политического и экономического переустройства общества. Их программа основывалась на "эсхатологическом анархизме", то есть на неприятии любой формы /8/

государственной власти в предверии "окончательного, апокалиптического периода всемирной истории"[7]. Они отрицали любое неравенство личностей, основанное на собственности, социальном происхождении, внешнем авторитете и традиции. Ядром предлагаемой ими модели переустройства общества выступает "община верных", в которой осуществлен "идеал безвластия"[8]. Она должна быть устроена по подобию первохристианской общины, описанной в книге Деяний Святых Апостолов, где сказано: "Все же верующие были вместе и имели все общее и продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах по нужде каждого" (2, 44-45).

От «Нового пути» к «Вопросам жизни»

В 1904 году в редакции "Нового пути" объединились представители двух направлений религиозно-философской публицистики. С одной стороны – члены прежней редакции, искатели "нового религиозного сознания": Д.С.Мережковский, З.Н.Гиппиус, Д.В.Философов, Г.И.Чулков, А.В.Карташев, с другой – сторонники "христианской общественности", ушедшие от марксизма: С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев, С.А.Аскольдов, А.С.Глинка (Волжский). Это объединение, и положило начало тому явлению, которое впоследствии будет названо "Русским религиозно-философским возрождением", с 1905 г. редакция в обновленном составе начинает выпускать журнал «Вопросы жизни», издателем которого становятся по очереди Д.Е. Жуковский и Н.О. Лосский[9]. Впоследствии автор, далекий от объективности в оценке политических противников, признает, что деятели русского религиозно-философского возрождения выступали не просто как авторы книг и статей, но «как настоящие идейные вожди целого общественного направления, давая целую энциклопедию по вопросам философии, религии, политики, публицистики, оценки всего освободительного движения и всей истории русской демократии»[10].

На фоне нараставшей пропаганды левых партий забастовок рабочих, крестьянских бунтов, еврейских погромы и террористических актов против государственных деятелей вызовом консервативных сил прозвучало опубликованное 16 января 1905 г. после расстрела манифестации 9 января, холодно-обличительное и казенное послание Синода "Ко всем чадам Православной Церкви", прошедшее цензуру Победоносцева. Даже правые газеты кричали от возмущения: "Где в это время был сонм духовных? Где были учителя наши в непогоду, приведшую к катастрофе 9 января?!"

На самом деле церковные иерархи вовсе не были холодными исполнителями воли стоявшего за их спиной государства. Сердца многих из них обливались кровью. Объясняя неучастие Церкви в бурных общественных событиях, первоприсутствующий член Синода, митрополит Петербургский Антоний (Вадковский) писал в "Новом времени" (под именем своего секретаря П.И.Тихомирова): "В сфере политических и социальных движений духовную власть никто не считает нужным посвящать. Поэтому пастырского слова к /9/

рабочим не могло и быть. Во всяком общественном движении надо быть вполне осведомленным, чтобы вовремя явиться, где нужно и сказать, что следует". Эти горькие слова намекали на старческую немощь царского режима, в своих объятиях удушающего энергию церкви. Иерархи не были посвящены в планы готовящейся расправы. В итоге после разразившейся трагедии на Церковь была возложена часть ответственности. Трудно было сильнее опорочить Церковь в глазах народа. И тогда группа 32-х петербургских священников обратилась к Синоду и епископату с призывом осудить кропопролитие и стать на сторону жертв трагедии. Впоследствии эта группа оформилась в "Братство ревнителей церковного обновления" (позже "Союз церковного обновления"), выступая с инициативой созыва Поместного собора, который по их мысли должен был демократизировать церковное управление, максимально удалив его от влияния государственных структур, выработать церковную социальную доктрину и модернизировать архаичный культ. По существу движение стремилось к церковным реформам в направлении протестантизма, заменяющим традиционную концепцию православной соборности личной ответственностью верующего перед Богом. Предпочтение отдавалось активизму, а не покорной пассивности, что должно было повлечь за собой изменение массового религиозного сознания русских.

После катастрофы "Кровавого воскресенья" из Петербургской духовной академии вышли и вскоре стали известны всей России священники Георгий Гапон, Константин Агеев, архимандрит Михаил (Семенов), ректор епископ Феофан (Быстров). В эти неистовые дни из Москвы в Петербург прибыли делегаты религиозно-философских кружков и движений, чтобы встретившись со столичными деятелями религиозного возрождения, попытаться выработать общую программу действий. Среди них были В.Эрн и В.Свенцицкий, у которых 9 января «высекло искру решимости». Они призывали к борьбе за расторжение старорежимного союза Православной Церкви и самодержавной власти, за выведение церковных сил на поле общественной борьбы за новый строй.

А.В.Карташев оставил яркие воспоминания о собраниях, происходивших в

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. редакции «Вопросов жизни», в которых принимали участие сотрудники и идейно близкие журналу люди [11]. Особенно бурным и накаленным было январское собрание кружка «Вопросов жизни», обсуждалось отношение Церкви к текущим революционным событиям. Присутствовали С.Н.Булгаков, С.А.Аскольдов (Алексеев), С.Л.Франк, А.В.Карташев. Московские гости Эрн и Свенцицкий предложили организовать большую демонстрацию-панихиду по жертвам «кровавого воскресенья». У Эрн сорвалась фраза: «...в пику Синоду». Тут обычно молчаливый, сдержанный Франк возвысил голос и запротестовал: «Я решительно возражаю против такой постановки вопроса. Я понимаю демонстрацию как акт внешний, боевой и до известной степени грубый; но молиться Богу «в пику кому-то», примешивать сюда мои интимные отношения к Богу -- этого я ни понять, ни принять не могу» [12]. /10/

Эта реплика охладила разгоряченные головы православных революционеров. Предложение не было принято. Однако у молодых москвичей созрел новый замысел: основать революционную организацию, члены которой, оставаясь преданными Православной церкви, включают в политическую борьбу с самодержавием на основе евангельского понимания достоинства человеческой личности. Многие политические публикации журнала имели антисамодержавный характер: осуждали русско-японскую войну, «обнажившую зло и неправду царизма», протестовали против подавления забастовочного движения и жестоких разгонов рабочих демонстраций. В программной статье «Вопросы жизни» и вопросы жизни» [13] С.Булгаков наметил путь общественного служения в условиях политического кризиса, наступившего в России, определенный им как «идеал-реализм», предлагавший всем, относящим себя к сторонникам общественного прогресса, уделять равное внимание как материальной и социальной, так и духовной сферам человеческого бытия, ибо «не хлебом единым живет человек», но «он не может жить без хлеба» [14]. Идеал-реализм предполагал реформы в четырех направлениях: достижение политической свободы личности, экономическое возрождение на основе социализации промышленности, культурное возрождение и церковное обновление. Группа общественных деятелей и публицистов, объединившихся вокруг журнала «Вопросы жизни», стали таким образом единственным русским общественно-политическим движением, провозгласившим неразрывность социальных, гражданских и церковных проблем, на фоне полного равнодушия или враждебности к религии всей «прогрессивной» публицистики. С.Булгаков напоминал заветы русской этико-философской мысли: «После Толстого, Достоевского, Соловьева непозволительно уже не понимать значения религии как силы социального прогресса» [15].

Подводя итоги первого года существования журнала, его издатели заявляли, что «Вопросы жизни», «присоединяясь к общему освободительному и социальному движению», желают сохранить «независимое, непартийное положение», стремясь остаться «верными анархическому идеалу в его религиозном понимании» [16].

В вопросах религиозной свободы и реформы церкви журнал сражался «на два фронта, — направо с казенщиной религиозной жизни и мысли, с церковной полицией, налево — с повальным религиозным индифферентизмом русского общества» [17].

Тем временем внутри редакции назревал новый идейный конфликт. Столкнулись две тенденции: революционно-анархистская — Г. Чулкова и церковно-охранительная — С. Булгакова. В статье «Поэзия Владимира Соловьева» Г. Чулков остро и критично поставил тему судьбы исторического христианства [18]. С резким возражением против нее среди прочих выступил С. Булгаков, который «мистическому анархизму» Чулкова противопоставлял православную церковность [19]. Конфликт усилился впоследствии из-за резкого несходства литературных вкусов: Г.Чулкову с трудом удалось пре /11/

одолеть длительное сопротивление С.Булгакова публикации на страницах журнала романа Ф.Сологуба «Мелкий бес» [20].

К концу года выяснилось, что журнал к тому же экономически разорителен для его издателя Д.Е.Жуковского, и он отказался от его дальнейшего финансирования. По выражению Булгакова в составе редакции «идет разложение и гниение» и он ни за что бы не согласился в нем участвовать, если бы его издание продолжилось в 1906 году. По общему согласию в декабре 1905 года издание было прекращено. По мнению Г.Чулкова эта дата стала распутием представителей двух тенденций христианской общественности, которые сначала объединились в противостоянии позитивизму, материализму и атеизму

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах революционно-демократической интеллигенции, но внутренне так и остались чуждыми друг другу. Г. Чулков вместе с Вяч. Ивановым, А.Блоком, Ф.Сологубом, пройдя через этап "мистического анархизма" и альманахов «факелы», полностью погрузились в чисто литературную деятельность, а С.Булгаков, Н. Бердяев, С. Аскольдов, В. Эрн и их единомышленники двинулись дальше по пути религиозной публицистики и церковной политики.

Христианское Братство Борьбы

В феврале в 1905 г. в Москве произошло немногочисленное собрание христианской интеллигенции обеих столиц, на котором было основано "Христианское Братство Борьбы" (ХББ). Возглавили эту революционную организацию пламенный христианский публицист Валентин Павлович Свенцицкий, и только что окончивший историко-философский факультет Московского Университета Владимир Францевич Эрн. Идеи этой радикальной-христианской группы поддерживают их близкие друзья и соученики по 2-ой Тифлисской гимназии Павел Александрович Флоренский (в то время студент Духовной Академии) и Александр Викторович Ельчанинов.

Их общим духовным наставником был живший на покое в Донском монастыре епископ Антоний (Флоренсов). По воспоминаниям современников в характере епископа Антония "всегда чувствовалась его постоянная готовность к бою, к решительному действию. У него был особый вкус и чутье к вопросам человеческой психофизиологии, расы, породы, крови, темперамента". В своей пастырской практике он исходил из евангельского понимания любви и свободы, сформулированной в максиме: "Христианская свобода и любовь – одной то же. Свобода – в любви и любовь – в свободе. А основа всего – страх Божий"[21].

Интересно, что первое сообщение об организации новой партии и краткое изложение ее Программы было опубликовано (вероятнее всего, не по воле авторов, так как отсутствует указание на источник) в большевистском эмигрантском еженедельнике "Вперед"[22]. /12/

В историческом введении к "Программе ХББ" В.Свенцицкий так пишет о его целях, обстоятельствах возникновения и первых политических акциях:

"Христианское братство борьбы" имеет целью активное проведение в жизнь начал вселенского христианства. Эти начала, введенные вселенским историческим христианством в сферу индивидуальной жизни, до сих пор не были сознательно положены в основу общественных отношений, в общественных отношениях до сих пор осталось нераскрытой "правда о земле", лежащая в самой сущности христианского учения. Раскрыть эту правду и действительно осуществлять вселенскую правду Богочеловечества во всемирно-историческом процессе и есть общая задача "Братства".

Своеобразие и исключительность настоящего исторического момента сами собою определяют ближайшие, частные задачи "Братства", необходимо вытекающие из общей, основной. Эти задачи суть:

Борьба с самым безбожным проявлением светской власти – с самодержавием, кощунственно прикрывающимся авторитетом Церкви, терзающим народное тело и сковывающим все добрые силы общества.

Борьба с пассивным состоянием Церкви в отношении государственной власти, в результате чего Церковь идет на служение самым низменным целям и явно кесарю предает Божье.

Утверждение в социально-экономических отношениях принципа христианской любви, содействующего переходу от индивидуально-правовой собственности к общественно-трудовой. "Братство" призывает к совместной Господней работе всех верующих во Христа без различия исповеданий и национальностей ввиду того, что борьба с безбожной светской властью имеет смысл не только национальный, но и вселенский".

Члены Братства сочли первоочередной задачей опровержение синодского послания, в котором забастовщики и участники манифестации 9-го января приравнялись к изменникам и пособникам японцев. Город был разделен на десять участков. Ночью члены Братства развесили свое воззвание с большим черным крестом сверху листа:

"Синод обратился к вам с воззванием не заводить в государстве смуты, не быть заодно с внутренними врагами и тем не служить японцам. Не таких слов ждали все истинно-православные люди в настоящее тяжелое время. Кому неизвестно, какие грабительства и притеснения творят царские слуги. Они и ослабили Русскую землю, потому что измучили народ. А когда Петербургские рабочие с пением "Отче наш" пошли умолять царя выслушать об их нуждах, в них стали стрелять солдаты и убили 2000 человек и ранили более 5000 своих братьев-христиан. И после этого Синод, забыв истинную Апостольскую Церковь, увещевает вас, а не тех, кто довел вас до крайности, кто губит Русскую землю и зверски убивает наших братьев. В такие минуты все ждали, что Церковь возвысит свой голос против обезумевшей власти, забывшей, что Царь всех царей – Господь и что царская власть ниже воли Господней подобно тому, как митрополит Филипп обличал царя Ивана Грозного, измучившего народ опричниной..."

Перед Братством с первых же шагов вставали две сложные задачи: дать религиозно-философское обоснование "христианской общественности", от теории перейти к практике, воздействуя на духовенство, интеллигенцию и народ. Эти задачи казались неразрешимыми из-за недостатка активных сторонников Братства, денежных средств и отсутствия собственной типографии. Однако несмотря на это В.Эрн и В.Свенцицкий приступили к поиску бога /13/

словских начал своей деятельности, которые вскоре формулировали следующим образом:

"Христос–Богочеловек. Он стал человеком и принял плоть. Искупая ее Своей Пречистой Кровью, Он не отделился от нее, а остался в ней и с ней, потому что связан с ней "нераздельно и неслиянно", потому что пришел на фаворе и освободивши ее от рабства смерти Своим Воскресением, Он положил начало "обожению плоти", которое закончится "новой землей, на которой обитает правда" (2 Петр.3, 13). Этим Он дал вечный образ поведения и указал путь, по которому должен идти каждый христианин. Каждый человек для того, чтобы становилось возможным Царство Божие внутри него, должен победить в себе похоть плоти и облечь тело свое во Христа, приуготовляя его к славе и нетлению. Но согласно Евангелию, человек не есть самодовлеющий, не связанный с другими атом. Он лишь один из бесчисленных членов великого и единого целого – Тела Церкви. Церковь Христова – объективное Царство Божие, осуществляясь и водворяясь в душе всего человечества, должна победить похоть плоти уже не отдельного лица, а всего человечества, и облечь тело – уже не тело отдельного лица, а тело всего человечества – во Христа и сделать его Невестой Христовой. Эта плоть и тело являются результатом взаимодействия тела и плоти отдельных лиц, основанного на потребностях тела и плоти, а это и есть, прежде всего, отношения экономические, общественные и государственные. Значит, человечество, становящееся Церковью, для осуществления в себе Царства Божия, должно бороться со своей похотью и побеждать свою плоть, то есть животворить и проникать Духом Христовым отношения экономические, общественные и политические. Да изобразится и в них Христос и да будет Бог во всем.

Таким образом, из действительной веры во Христа, вочеловечившегося и пришедшего во плоти, неизбежно вытекает обязанность каждого христианина принимать самое деятельное участие в общественной и политической жизни страны. В той самой области жизни, от которой с брезгливостью и ужасом отворачивалось историческое христианство, необходимо действительно и самоотвержено осуществлять вселенскую правду Богочеловечества, отдавая, если потребуется, жизнь "за други своя".

Обращение, озаглавленное "О задачах Христианского Братства Борьбы", было разослано почти всем епископам Российской Церкви и многим представителям духовенства в Москве, Петербурге, Киеве, Владимире и других городах.

Этот документ представляет собой первую попытку вывести и сформулировать социально-экономическую доктрину, исходя из догматики православия. Русские интеллигенты, почувствовавшие общественный кризис и равнодушие церковной иерархии к земным человеческим проблемам, решились расколоть длившуюся полтора тысячелетия "симфонию богоизбранных супругов"–самодержавного Государства и Православной Церкви. Одновременно был положен первый камень в основание того радикального учения, которое через десятилетия разовьется в

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах недр католицизма под именем "теологии освобождения" и "теологии революции". В обличении капиталистического общества, в постановке революционных целей, в признании и оправдании насилия для изменения общественного строя и в призыве к самопожертвованию, а главное – в утопии этих целей просматриваются и блоки марксистской теории, и эсхатологический пафос европейской Реформации. Вслед за вдохом /14/

вителями и сторонниками Реформации ХББ обретает свой идеал общественного устройства не в будущем, а в прошлом, в "первохристианском коммунизме" катакомбной Церкви. Звучат в Программе ХББ (см. Приложение 1) и отголоски крестьянских хилиастических чаяний о жизни по "Правде Божией" в утопическом "Беловодском царстве", где будут обитать крестьяне-праведники.

Члены ХББ отпечатали 4000 экземпляров "Обращения к войскам", призывавшем солдат не исполнять приказов офицеров, если те прикажут им стрелять в восставших рабочих и крестьян. Вот фрагмент этой пламенной христианской проповеди:

"Братья христиане! Страшный грех на вашей душе. По приказанию безбожной власти усмиряете вы "бунтовщиков", убиваете и мучаете их. Самое ужасное то, что, убивая своих братьев-христиан, вы не приносите покаяния, думаете, что поступаете хорошо. Это не наше дело, – говорите вы, – начальство велит, оно и ответит перед Богом, а мы обязаны слушаться. Не так говорили апостолы и святые мученики христианские, когда начальство заставляло их отречься от Христа и поклоняться идолам. Не говорили они тогда: поклонимся, отречемся, – а там пусть начальство отвечает <... /> Разве так уж виноваты голодные крестьяне, когда отбирают хлеб у помещиков, проживающих в городе десятки тысяч рублей в год; или рабочие, не знающие отдыха <... />, когда они просят прибавки жалованья и сокращения рабочего времени?! 3...3 А если они и виноваты, то разве есть такая вина, за которую можно убивать людей? <... /> Кто выше, Бог или царь со своими слугами? Один у нас Господь – Царь Иисус Христос.

<... /> Если завтра на землю придет Иисус Христос, как обещал Он в Евангелии, и будет проповедовать и учить, а начальству это не понравится, и оно прикажет стрелять в Него. Кого вы послушаетесь? Но ведь Христос, по слову Его, приходит ежедневно в образе голодного, гонимого, бедного человека <... />" [23].

В "Обращении к крестьянам", также распространенном в нескольких тысячах экземпляров, утверждалось, что русский народ переживает все ужасы за грехи свои. Но недостаточно сказать: "грешен", – надо покаяться в трех главнейших (по мнению ХББ) грехах: в любви к кесарю (государству), превысившей любовь к Богу, в поглотении церкви государством и в войне на Дальнем Востоке [24]. Считая необходимым ознакомить со своей программой образованные слои общества, Эрн и Свенцицкий составили "Обращение к обществу" и разбросали его по почтовым ящикам в больших городах.

Желая привлечь на свою сторону рабочих, летом 1905 г. ХББ направило своих пропагандистов, Евгения Лундберга и Ивана Беневского в Иваново-Вознесенск, где происходила грандиозная стачка. Перед ними была поставлена непростая задача – пробудить в бастующих идею борьбы за "Правду Христову", противопоставив ее борьбе за экономические цели, служащие лишь "эгоистическому желанию обогащения и благополучия". Вместо стачки за "хлеб насущный" они призывали восстать против тех, кто "оскверняет мир – этот храм Господень – делая его домом торговли и вертепом разбойников, где безбожные сытые бездельники крадут труд бесправных, голодных и нищих рабочих". При этом ХББ вслед за партиями социалистической направленности выдвинуло и экономическую программу-минимум. Выступления в рабо /15/

чей среде агитаторов ХББ никак не повлияли на ход стачки и не привлекли в его ряды новых членов. Пролетарии не отозвались на протестантский пафос программы "Братства". Немногочисленные слушатели христианско-социалистических ораторов, решив, что перед ними сектантские проповедники, вскоре теряли к ним интерес и расходились. Также безуспешно закончилась миссия ХББ в крестьянской среде, где им в лучшем случае подавали несколько медных грошей, принимая за странников. Лишь во внецерковных религиозных группах, сочувствующих движению за политическое освобождение, идеи "социального христианства" и "христианской политики"

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. вызвали осторожное сочувствие.

Пожалуй, наибольший отклик идеи Братства нашли в среде разночинной интеллигенции, которая вместе с ними воспринимала нарастающее революционное движение как прелюдию религиозного возрождения апокалиптического масштаба. Варочем, уже в 1906 г. В.Свенцицкий признавал, что идеология ХББ выродилась в либерально-христианскую публицистику, "фельетонное христианство", и привело лишь к умножению числа "либеральных батюшек"[25], а не к появлению мучеников, пророков и апостолов Церкви Будущего. "Союз христианского обновления", – писал Свенцицкий, – вовсе не первый луч Жены, Облеченной в Солнце (Откр.12,1), а лишь один из многочисленных профессиональных союзов внутри общей массы синдикалистского движения"[26].

Современники называли новое общественное движение "христианским социализмом", однако вряд ли это название, взятое из западно-европейской политической жизни, адекватно отражало хилиастический пафос основателей Братства. В центре их внимания стоял Христос и Его Церковь, через которую, обновив и освободив ее от пленения государством, они надеялись войти в царство любви и социальной гармонии. Достижение традиционных политических свобод также не отвергалось, но при этом им отводилась лишь роль средств для осуществления идеи "христианской общественности", восходящей к концепции богочеловечества как залогоу эсхатологического освобождения в Царстве Христовом.

Не получив поддержки в обществе, ХББ тем не менее затронуло религиозно-нравственное сознание части православного духовенства, вызвало у отдельных священнослужителей желание искупить тяжелый многовековой грех социальной пассивности и "этатизма". К их числу в первую очередь относятся архимандрит Михаил Семенов, священники Иона Брихничев, Константин Аггеев и другие участники "Союза церковного обновления". Их голоса, живые и искренние проявления христианской совести, прозвучали в затхлой атмосфере казенно-умеренной безжизненной "религиозности", не защитившей общество от террористического разгула революционного экстремизма. Искренняя вера христианских революционеров в возможность переустройства общества на евангельских основах искупала наивный утопизм их политико-экономических построений. /16/

"Исход русского социализма – Церковь <... /> Мы верим в возрождение Церкви, мы его страстно желаем и жаждем и к нему-то и ведет ход русских событий. Душа начатой с хоругвями, под пение "Отче наш" революции русской – в грядущем возрождении Церкви. Это возрождение вберет в себя всю правду освободительного движения, примет всю многовековую культуру всего человечества, в жизни <... /> осуществит больше, чем даже намечается в самых смелых мечтах социализма, и явит миру лик истинной и полной Христовой Правды"[27]

Христианско-общественное движение объявило "непримиримую войну" черносотенству и шовинизму. Поддерживая прогрессивно-демократические партии, оно будет бороться с теми философско-религиозными атеистическими идеями, с которыми обычно связывается проповедь этих партий"[28].

В кругах радикально настроенной интеллигенции идеи "Христианского Братства Борьбы" и булгаковского неосуществленного "Союза христианской политики" были восприняты враждебно: Церковь, поддерживавшая ненавистное им самодержавие, была для них оплотом консерватизма и реакции. Так, например, марксистская газета "Новости" в ряде статей призывала радикалов встать в оппозицию к предполагаемым церковным реформам, ибо всякий "свободомыслящий" желал бы видеть Церковь подчиненной государству, а не свободной и, следовательно – активной и влиятельной.

В 1905 году С.Булгаков при участии А.Глинки (Волжского), В.Эрна, В.Свенцицкого, В.Зеньковского и издателя В.Лашнюкова основал в Киеве независимую религиозно-общественную газету "Народ", просуществовавшую всего две недели. В программе "Народа" утверждалось, что это "орган не только местный, киевский, но прежде всего, всероссийский"[29]. Из перечня сотрудников было видно, что газета было попыткой продолжения "Вопросов жизни", но с более ярко выраженной общественной направленностью. В церковной области газета выступала за реформу института иерархического управления и свободу совести, в области политической выдвигала конституционно-демократическую программу, выступая за широкое народное

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. представительство, поддерживала только что возникшее профсоюзное движение.

В следующем 1906 году С.Булгаков, В.Свенцицкий и В.Эрн делают очередную попытку издания собственного религиозно-общественного журнала "Свобода и религия". В нем предполагалось сотрудничество как представителей "левых" кругов освободительного движения, так церковных деятелей, оппозиционно настроенных Синоду: священников Г.Петрова и К.Аггеева, архимандрита Михаила (Семенова), А.В.Карташева. И на этот раз проект терпит неудачу из-за отказа в финансовой поддержке. Однако энергичным "христианским социалистам" в том же году удается начать издание "Религиозно-общественной библиотеки", состоящей из трех серий популярных брошюр: для интеллигенции, для народа и переводы работ иностранных авторов по вопросам взаимоотношений церкви и общества. Кроме того, в течение двух последующих лет вышли в свет два религиозно-общественных сборника "Вопросы ре /17/

лигии, где, в частности, опубликованы работы В.Эрна "Церковное возрождение", "О жизненной правде".

В конце 1907 года при книжном магазине "Братство", через который распространялись брошюры "Религиозно-общественной библиотеки" начал выходить журнал "Живая жизнь"[30], который закрылся на 4-ом номере. С ноября 1906 по июль 1907 г. Петербурге издавался еженедельник "Век"[31] и приложение к нему "Церковное обновление"[32], на страницах которых Свенцицкий и Эрн вели острую полемику с петербургскими сторонниками "нового религиозного сознания": Мережковским, Гиппиус, Розановым, Философовым, Карташевым. Однако и этому изданию не суждена была долгая жизнь. На смену ему появился журнал "Религия и жизнь"[33], просуществовавший еще меньше. Этот журнал был последней попыткой организации самостоятельного органа интеллигенции христианско-либерального направления. Его редакция распалась вследствие скандала, возникшего вокруг самого активного проповедника "христианского социализма", одного из основателей ХББ Валентина Свенцицкого. В 1908 году он выпустил в том же издательстве Ефимова, где под его редакцией печатались брошюры "Религиозно-общественной библиотеки", свой роман "Антихрист", где весьма гротескно описал себя и своих друзей "христианских-социалистов".

По свидетельству современников нравственная репутация Свенцицкого в тот период действительно была сомнительна, о чем свидетельствует плохо поддающаяся интерпретации истерическая сцена, описанная в письме Эрн Ельчанинову (61) [Здесь и далее цифры в круглых скобках отсылают к порядковому номерам документов, публ. в наст. изд.]. Выход в свет романа и по меньшей мере двусмысленное поведение Свенцицкого стало причиной раскола в составе редакции "Живой жизни", повлекшего закрытие журнала и самороспуска ХББ, которое фактически к концу 1907 года уже сошло с российской политической сцены. После этого московские "социал-христиане" отказались от дальнейших попыток издания собственного печатного органа и разбегались по изданиям либерально-демократического направления. Их философские статьи печатались в "Вопросах философии и психологии", общественно-публицистические и критические в "Русской мысли", редакторами которого с 1907 г. стали Кизеветтер и П.Б.Струве. Последний с 1910 г. уже полновластно руководил журналом. Сочувственно относился к участникам ХББ и редактор выходившего с 1906 по 1910 г. "Московского еженедельника" кн. Е.Н.Трубецкой[34].

С самого начала своего возникновения ХББ находилась под сильным влиянием идей С.Н.Булгакова, который в тот же период, в попытке осуществить мечты В.С.Соловьева выступил с программной статьей "О Союзе христианской политики"[35], где сформулировал проект и программу христианско-социалистического движения, укорененного в церкви, которому так и не суждено было осуществиться. Как признавал впоследствии сам автор, для основания такого движения "у меня самым очевидным образом не хватало ни воли, ни умения, ни даже желания, это предпринято было, в сущности, для отписки, /18

ради самообмана *ut aliquid fiori videatur* [и чтобы что-то сделать. - лат.]. Сам я очень скоро разочаровался и отказался от этой затеи"[36]. Это отношение, впрочем, было высказано много лет спустя, незадолго до смерти, когда отец Сергей решительно пересмотрел свою жизнь. Во времена же описываемых событий он вполне серьезно и сочувственно относился к

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах основателям Братства, особенно к В.Эрну, что не мешало ему, однако, как профессионалу в области политической экономики критиковать вопиющий утопизм их программных построений в этой области на фоне эсхатологических ожиданий, выраженных в преамбуле. Политико-экономическая часть программы ХББ была фактическим сколком с программ левых партий. Она включала в себя требования демократической республики, в которой каждому гражданину были бы гарантированы основные права и свободы.

Московское Религиозно-философское общество

памяти Вл.Соловьева

На грани веков в обеих столицах и в губернских городах одно за другим стали возникать литературные, философские, религиозные и мистические кружки, общества и собрания. Здесь по словам Андрея Белого встречались "люди нового сознания", услышавшие подземный гул, "звук грядущей эпохи". Одни из них обратили свои взоры к Церкви, другие, оттолкнувшись от нее, углубились в самостоятельные религиозно-мистические поиски. Некоторые из этих кружков выросли в признанные религиозно-философские общества со своими издательствами, оставившими нам труды деятелей русского религиозного возрождения. Между обществами сразу же возникли связи и взаимовлияния. Особенно глубоким это взаимопроникновение было между кругами религиозной общественности обеих столиц. Москвичи Эрн и Свенцицкий будучи сотрудниками "Вопросов жизни" часто бывали в северной столице. Там они вошли в "Братство ревнителей церковного обновления", основанное клириками и представителями церковной интеллигенции. Основанное ими чуть позже ХББ в свою очередь оказало влияние на петербургское движение за церковное обновление. Эрн и Свенцицкий принимали участие в петербургских Религиозно-философских собраниях и имели там значительное влияние. Одновременно в Москве они посещали "среды" на квартире П.И.Астрова, юриста по профессии, где регулярно собирались люди разных поколений с непохожими взглядами и интересами: поэты-символисты Андрей Белый, Сергей Соловьев, Эллис; философы: Николай Бердяев, Федор Степун, священник Григорий Петров; теософы, журналисты, либеральные политические деятели.

Продолжались занятия в секции Истории религии при Московском Университете, на одном из заседаний которой присутствовал Александр Блок. Еще большее значение имели такие же собрания, проходившие с 1905 года в доме Маргариты Кирилловны Морозовой, состоятельной вдовы промышленника-мецената Михаила Абрамовича Морозова и дочери другого разорившегося мецената /19/

Кирилла Мамонтова. Смерть мужа, по словам Андрея Белого, была для нее началом новой эры; до этого она—"дама с тоской по жизни", а после—"активная деятельница музыкальной, философской и издательской деятельности Москвы", хозяйка салона, ставшего одним из интеллектуальных центров первой столицы. Она обладала редким даром примирять самые крайние мнения, делать возможными встречи и дискуссии между идейными противниками, занимавшими крайне противоположные общественно-политические позиции, "мирить и приучать друг к другу вне ее салона непримиримых и неприручимых людей" [37] М.К.Морозова занималась широкой культурно-благотворительной деятельностью. Регулярные дотации получало от нее Московское психологическое общество при Московском Университете, издававшее журнал "Вопросы философии и психологии", она была председателем Московской музыкального общества. Ученица А.Н.Скрябина, она на протяжении ряда лет материально поддерживала композитора, а после его неожиданной кончины учредила фонд помощи его семье. Без ее материальной поддержки не смог бы выходить орган либеральной московской профессуры "Московский еженедельник", редактируемый кн. Е.Н.Трубецким.

С весны 1905 года дом М. Морозовой (на Смоленском бульваре, позже – на Воздвиженке, затем в Мертвом переулке в районе Пречистенки) стал местом политических собраний. Здесь встречались и спорили будущие кадеты с бундовцами и социал-демократами, неокантианцы с марксистами, нищанцы со сторонниками христианской общественности. Здесь излагал политическую программу русского либерализма лидер будущей партии Народной Свободы П.Н.Милюков, недавно вернувшийся из эмиграции. Приведем его воспоминания.

«После дворянского особняка и студенческой мансарды я получил приглашение сделать доклад в купеческом дворце на Zubовском бульваре [38] для гостей хозяйки, вдовы Михаила Морозова, рано умершего дилетанта истории, Маргариты Кирилловны. Это уже было подтверждением достигнутого в Москве успеха.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Обстановка здесь была совсем иная, нежели в особняке Новосильцевых. Великолепный зал, отделанный в классическом стиле, эффектная эстрада, нарядные костюмы дам на раззолоченных креслах, краски, линии – все это просилось на историческую картину. Картина и была задумана, не знаю, хозяйкой или художником. Пастернак принялся зарисовывать эскизы и порядочно измучил меня для фигуры говорящего оратора на эстраде. Ниже эстрады, на первом плане, должны были разместиться портретные фигуры гостей хозяйки вместе с нею самой. Однако картина не была написана: вероятно, большое для тех дней событие сократилось в размерах перед другими историческими картинами и новизна моды прошла.

Очаровательная хозяйка дома сама представляла интерес для знакомства тем более, что со своей стороны проявила некоторый интерес к личности оратора. Несколько дней спустя я получил визит ее компаньонки, которая принесла пожертвование в несколько тысяч на организацию политической партии. Именно этому вопросу я посвятил свою лекцию в ее дворце: эта тема была обновлена новым материалом после наших программных апрельских работ и "освобожденческих" влияний. Меня просили также руководить ориентацией хозяйки в чуждом ей лабиринте политических споров. От времени до времени я начал замечать присутствие Маргариты Кирилловны на наших политических собраниях. /20/

Наконец она опригласила меня побеседовать с ней лично. Беседы начались и вышли далеко за пределы политики, в неожиданном для меня направлении. Я был тут поставлен лицом к лицу с новыми веяниями в литературе и искусстве, с Москвой купеческих меценатов. Это был своего рода экзамен на современность в духе последнего поколения.

Маргарита Кирилловна, <... /> молодая, по купеческому выражению, "взятая за красоту", скоро овдовевшая, жаждущая впечатлений и увлекающаяся последними криками моды, она очень верно отражала настроения молодежи, выросшей без меня и мне чуждой. В наших беседах, очень для меня поучительных, мы постепенно затронули все области новых веяний, и везде мне приходилось не только пасовать, но и становиться к ним оппозицию. Началось, конечно, с общего философского "мировоззрения". Немецкое слово Шелтансчауунг давно сделалось традиционным в наших интеллигентских салонах. Но оно принимало разный смысл, смотря по господствующей философской системе. Мой "позитивизм" и даже мой "критицизм" остались теперь далеко позади. Молодые последователи Владимира Соловьева развивали его этические и религиозные взгляды. Я еще пытался оградиться от метафизики при помощи Фр. Ланге. А моя собеседница прямо начинала со ссылок на Шопенгауэра. Ее интересовал особенно мистический элемент в метафизике, который меня особенно отталкивал.

На философии, впрочем, мы недолго задержались, перейдя отсюда в область новейших литературных веяний. В центре восторженного поклонения М.К. находился Андрей Белый. В нем особенно интересовал мою собеседницу элемент нарочитого священнодействия. Белый не просто ходил, а порхал в воздухе неземным созданием, едва прикасаясь к полу, производя руками какие-то волнообразные движения, вроде крыльев, которые умиленно воспроизводила М.К. Он не просто говорил: он вещал, и слова его были загадочны, как изречения Сивиллы. В них крылась тайна, недоступная профанам. Я видел Белого только ребенком в его семье, и все это фальшивое ломанье, наблюдавшееся и другими – только без поклонения, – вызывало во мне крайне неприятное чувство.

От литературы наши беседы переходили к музыке. Я было обрадовался, узнав, что М.К. – пианистка, и в простоте душевной предложил ей свои услуги скрипача, знакомого с камерной литературой. Я понял свою наивность, узнав, что интерес М.К. сосредотачивается на уроках музыки, которые она берет у Скрябина. Я не имел тогда понятия о женском окружении Скрябина, так вредно повлиявшем на последнее направление его творчества и выразившемся в бессильных попытках выразить в музыке какую-то мистически-эротическую космогонию. Тут тоже привлекал М.К., очевидно мистический элемент и очарование недоступной профанам тайны.

Об изобразительных искусствах мы не говорили. Широкий коридор морозовского дворца представлял целую картинную галерею, и я с завистью на ней задерживался. Но не помню, чтобы модернизм преобладал в выборе картин. Кажется, увлечение московских меценатов новейшими течениями началось несколькими годами позже.

Был один предмет, которого мы не затрагивали вовсе: это была политика, к которой новые течения относились или нейтрально, или отрицательно. И у меня отнюдь не было повода почувствовать себя в роли ментора. Скорее я был в роли испытуемого – и притом провалившегося на испытании. Вероятно поэтому и интерес к беседам ослабевал у моей собеседницы по мере выяснения противоположности наших идейных интересов. В результате увлекательные tet-a-tet'ы в египетской зале дворца прекратились также внезапно, как и начались»[39].

Как показывают письма П.Милюкова к М.К., увлечение этого человека с большими политическими амбициями растерянной, но по-московски щедрой хозяйкой салона, было не столь поверхностно-светским, как это вспоминает /21/

ся ему через десятилетия. На самом деле лишь встреча М.К. с кн. Е.Н.Трубецким не дала осуществиться их наметившемуся сближению[40].

Позже в том же доме выступали с лекциями либеральные профессора Фортунатов и Кизеветтер, князь Г.Львов, Мережковский и братья С.Н. и Е.Н. Трубецкие. Выручка от продажи билетов шла на помощь политическим заключенным. В эти бурные революционные дни, писал Андрей Белый, особняк Морозовой «стал местом сбора либерально настроенных партий и даже бундовцев, сражавшихся с меньшевиками. Я был на одном из таких побоищ, окончившихся крупным скандалом (едва ли не с приподниманием в воздух стульев), скоро московские власти запретили ей устраивать домашние политические митинги с продажей билетов». Однако, несмотря на запреты полиции в доме продолжались нелегальные собрания, на которых читались лекции для функционеров московской организации РСДРП(б) [41]. М.К. сочувствовала и помогала всякому инакомыслию.

В ноябре 1905 г. в том же было зарегистрировано "Московское религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева" (МРФО). В числе членов-учредителей помимо М.К.Морозовой были С.Н.Булгаков, кн. Е.Н.Трубецкой, Н.А.Бердяев, С.А.Котляревский, Л.М.Лопатин, священник Н.Поспелов, Г.А.Рачинский, А.В.Ельчанинов, В.П.Свенцицкий, П.А.Флоренский и В.Ф.Эрн. На открытии МРФО В.Свенцицкий прочел реферат "Христианское братство борьбы и его программа", вызвавший оживленную дискуссию. Через месяц число членов Общества достигло 150 человек. Однако еще через месяц Отделение чрезвычайной охраны приостановило заседания МРФО. Их удалось возобновить лишь 4 ноября 1906 года[42]. МРФО просуществовало до весны 1918 г., когда было распущено по приказу новой власти[43]. Не даром МРФО было основано в память Вл. Соловьева: философские поиски его участников зиждились на высказанном им убеждении, что полнота истины открывается человеку не как отвлеченно мыслящему субъекту, а как целостной, то есть религиозно-живущей личности. Если в Петербургском РФО на первый план выдвигались выявление точек зрения религиозных мыслителей, то в Московском делались попытки изучить феномены религиозного сознания и с философских позиций описать их исторические и социальные проекции. Здесь в первую очередь обсуждалось собственно религиозное значение этих феноменов, а не их художественно-эстетическая ценность. Хотя отдельные попытки такого рода не выходили за пределы мистических фантазий их авторов, были доклады, увлекавшие слушателей, дававшие ответы на мучительные вопросы их личного религиозного опыта. Результаты этих религиозно-философских поисков, как пишет активный участник этих дискуссий Ф.А.Степун, предвосхитили более позднюю формулировку Карла Ясперса: "То, что мы в мифических терминах называем душой и Богом, именуется на философском языке экзистенциальностью и трансцендентностью"[44]. /22/

В марте 1907 г. при МРФО открылся «Вольный богословский университет», где читали лекции Андреев, Аскольдов, Андрей Белый, Бердяев, С.Булгаков, В.Зеньковский, Г.Рачинский, В.Свенцицкий, С.Соловьев, Тареев, Е.Трубецкой, П.Флоренский и др. Один из слушателей так впоследствии описывал атмосферу этих заседаний: «Это была религиозность, но в значительной степени (хотя и не исключительно) вне-церковная или, вернее, не-церковная, рядом с церковной, а главное, вливалась сюда порой и пряная струя "символического" оргазма, буйно-оргиастического, чувственно-возбужденного (иногда даже сексуального) подхода к религии и религиозному опыту. Христианство

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках, «втягивалось в море буйно-оргиастических, чувственно-гностических переживаний». [45]

Состав МРФО был весьма разнороден: на его заседаниях бывали члены православно-консервативного «Братства взыскующих христианского просвещения» (Новоселовского кружка), поэты и публицисты символистского лагеря, христианские социалисты, теософы и штейнерианцы. Тем не менее в целом ближайшие участники Соловьевского общества тяготели к православию и не желали разрыва с церковной традицией. К сожалению МРФО не имело своего печатного органа и не издавало протоколов своих заседаний, лишь часть из них по инициативе самих докладчиков были потом опубликованы в периодических изданиях («Вопросы философии и психологии», «Русская мысль», «Век», «Московский еженедельник», «Русское слово», «Утро России») или в сборниках статей этих авторов («Два града» С.Н.Булгакова, «Борьба за Логос» и «Меч и Крест» В.Ф.Эрна и др.) Краткие сообщения, о заседаниях МРФО, разбросанные по страницам периодических изданий, обладают обычными недостатками газетной хроники: неполнотой, неточностью, произвольностью оценок. Исследователям деятельности московской религиозной общности еще предстоит путем полного просмотра периодических изданий и архивов, чтобы составить полный список участников заседаний, перечень докладов и рефератов, сделанных за тринадцать лет существования общества. На последнем (закрытом) заседании МРФО 3 июня 1918 г. С.Н.Булгаков накануне своего рукоположения в священник выступил с докладом «На пиру богов. Современные диалоги» [46]

Книгоиздательство «Путь»

В феврале-марте 1910 г. после нескольких предварительных совещаний, проходивших в особняке М.К.Морозовой, было основано религиозно-философское книгоиздательство «Путь». Его редакционный комитет составили члены правления МРФО: М.Морозова, Евг.Трубецкой, С.Булгаков, Н.Бердяев, В.Эрн, Г.Рачинский. Финансирование, как всегда, взяла на себя М.Морозова. Деятельность книгоиздательства помимо духовного просветительства, предполагала, и коммерческую выгоду для его нуждающихся сотрудников. В идейном же плане издания «Пути» должны были проводить в философии «русскую идею», стать орудием борьбы с материализмом, позитивизмом, кантианством. Идейная позиция и издательская программа «Пути» в самых общих чертах была сформулирована в издательском предисловии [47] к первому сборнику статей «О Владимире Соловьеве». Однако уже на первом этапе формирования положительной философской и общественной программы среди учредителей обнаружились острые идейные противоречия в попытках выделить и обозначить национальную составляющую «русской религиозной мысли». «Путейцы» обращались к читателям с предложением «пересмотреть свое духовное наследие» обратившись к забытым трудам В.Одоевского, П.Чаадаева, И.Киреевского и еще не опубликованным по-русски работам Вл. Соловьева, которые впоследствии были изданы «Путем». Кроме того были анонсированы монографии о В.Печерине, А.Козлове, А.Хомякове, Г.Сковороде, Л.Толстом, Вл.Соловьеве, Н.Новикове, А.Бухареве, Н.Гоголе, К.Леонтьеве, М.Сперанском, о. Серрапионе Машкине, Ф.Тютчеве, Н.Федорове, Ф.Достоевском, И.Киреевском, С.Трубецком, П.Чаадаеве, Б.Чичерине. [48]

Соловьевская тема в истории русской мысли была выдвинута на передний план уже в первом издании «Пути». В сборнике «О Вл. Соловьеве» была помещена блестящая по оценке А.Лосева [49] статья В.Эрна «Гносеология В.С.Соловьева», в которой он сформулировал исходный принцип философии своего учителя – «софийность мира»: «Первый после Платона, Соловьев делает новое громадное открытие в метафизике. В море умопостигаемого света, который безеосите;бразно открылся Платону, Соловьев с величайшей силою прозрения открывает определенные ослепительные черты Вечной Женственности». По мнению автора гносеология Соловьева «должна занять почетное место в сокровищнице философских прозрений всех времен и эпох». Характеризуя ее как антикантианскую Эрн утверждает: «Соловьев, употребляя его терминологию, постиг в Египте живую и существенно личную идею мира, идею вселенной, и только этим постижением обосновывается все философское творчество Соловьева, которое есть не что иное, как воплощение в грубом и косном материале новой философии – его основной интуиции, в живой идее и живом смысле всего существующего».

Далее Эрн отмечает перелом, произошедший к концу жизни Соловьева, когда он «вдруг ощутил дурную схематичность прежних своих философем. В этом огне самопроверки сгорела схема теокритическая, схема высшего соединения церковей, схема планомерного и эволюционного развития Добра в мире, и Соловьев

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках Бердяева "Я почувствовал трагизм и катастрофичность истории".

Рассматривая связь и преемственность философской позиции "Пути", нельзя не заметить ее славянофильских корней, что дало современникам повод назвать "путейцев", в первую очередь Эрнста, Булгакова, Бердяева "московскими неославянофилами", "православными философами" (хотя последний решительно отказывался от этого титула).

Отношение "путейцев" к славянофильству Бердяев изложил в монографии о А.Хомякове, где он, выделяя проблему "Хомяков и мы", ставит вопрос: "В чем мы кровно связаны с Хомяковым и в чем расходимся с ним? Это и значит рассмотреть судьбу славянофильства, лежащую между нами и Хомяковым". Ведь по общему признанию "путейцев" "русское самосознание находится в периоде затяжного кризиса"[50] и для его творческого преодоления необходимо, по мнению Бердяева, исследовать историю русского самосознания XIX в., чтобы углубить "образы наших национальных религиозных мыслителей". По его мнению борьба славянофилов с западниками обессилила общественное движение и духовное развитие интеллигенции. Потому сейчас "перед русским самосознанием стоит задача преодоления славянофильства и западничества. Эпоха распри славянофильства и западничества заканчивается и наступает новая эпоха зрелого национального самосознания".

В центральной для славянофилов проблеме отношения Востока и Запада (в связи с ролью и местом России в мировой истории) Бердяеву чрезвычайно импонирует идея Хомякова о том, что вера является движущей силой исторической жизни народа. Он сочувственно относится к стремлению Хомякова исторически обосновать русский мессианизм, но критикует его за то, что он делает это с позиции этнографии, истории, лингвистики, т. е. позитивистски. По мнению Бердяева нельзя ставить в прямую зависимость дух и призвание русского народа от общественных и экономических причин, ввиду их эмпиричности. Подобное обоснование возможно лишь на религиозно-пророческом, мистическом уровне. "дух народа воспринимается лишь мистической или художественной интуицией <... /> Славянофилы же впали почти что в экономический материализм. Они так дорожат русской общиной, так связывают с ней все будущее России, весь духовный облик русского народа, что кажется будто без общины не может существовать дух России, и не может осуществиться призвание России. Но ведь община есть лишь известная общественно-экономическая форма, исторически текучая <... /> Но можно ли ставить русский мессианизм, веру в дух народный и призвание народное в зависимости от столь зыбких вещей!"

"Славянофильская история России научно ниспровергнута, – пишет далее Бердяев, – но немало не может это поколебать русский мессианизм <... /> Можно по-марксистски смотреть на общину и религиозно верить в призвание России". Автор решительно не согласен и с государственно-политической концепцией славянофилов: "С самодержавием, как преходящей исторической формой, так же мало можно связывать русский мессианизм, как и с общиной". Бердяевская критика славянофильства была обращена не только к прошлому, но к его сотрудникам по издательству, к Булгакову и Эрнсту, переживавшим в этот период отход вправо, как реакцию на социальный радикализм в прошлом.

Коренной недостаток русской философии истории Хомякова и всего славянофильства Бердяев видит в том, что его позиций невозможно "объяснить русский империализм, агрессивный, наступательно-насильственный характер русской исторической власти. Славянофильская психология русского народа не в силах объяснить и тот факт, что русская историческая власть становилась все более и более ненародной, все более отдавалась идолу государственности, языческому империализму. Коренной же недостаток всей философии истории Хомякова тот, что в ней отсутствует идея религиозно-церковного развития".

В построении собственной философии истории "путейцы" основывались на концепциях Соловьева и Чаадаева, поскольку, по мнению Бердяева, у последнего меньше притязаний на научное обоснование религиозного смысла истории. "Католический уклон Чаадаева помог ему утверждать религиозную философию истории. В православии не было того активного отношения к истории, которое было в католичестве". В этом отношении он, по Бердяеву, имея определенный провиденциальный план истории в духе католичества, более церковен, чем Хомяков, который философско-историческую проблему Востока и Запада "решает на риск собственного разума, а не разума церковного, и в его решении религиозный момент незаметно смешивается с научным и позитивно-бытовым".

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Творчески развил и преодолел славянофильство по его мнению "Вл. Соловьев – славянофил по своим истокам, от славянофилов получил он свои темы, свое религиозное направление, свою веру в призвание России". Однако в нем соединились два антипода – Хомяков и Чаадаев, ибо он признает и правду католичества, жаждет соединения церквей и приобщения России к западной культуре.

Тем не менее культурная антитеза Запада и Востока близка и тем, кто решил творчески развивать "русскую идею", объединившись вокруг нового книгоиздательства. Во времена Хомякова творческая мысль стояла перед задачей преодоления Канта и Гегеля. Ныне творческая мысль стала перед задачей преодоления нео-кантианства и нео-гегельянства, богов меньшей величины, но не менее властных. Весь круг германского идеализма вновь проходит в модернизированной форме, с прибавлением "нео". Хомякову и славянофилам приходилось бороться с идеализмом классическим. Ныне приходится бороться с идеализмом эпигонским. То вооружение, которое выковывалось в борьбе с классическим германским идеализмом, с вершинами западной философии, может пригодиться и для борьбы с идеализмом модернизированным". С целью приобщения русского читателя к национальной философской классике был издан главный труд В. Одоевского "Русские ночи" и полное собрание сочинений философа-славянофила И. Киреевского.

Издавались в "Пути" и книги, рассчитанные на философски мало подготовленного читателя, не претендующего на религиозно-философские построения, а лишь стремящегося соприкоснуться с народной духовной культурой: "В обители преподобного Серафима" А. Волжского, "Сказание о граде Китеже" С. Дурылина. Небольшая книжечка "Около Церкви" о. С. Шукина, содержит мысли православного священника о насущных церковных проблемах.

Стремление осмыслить национальное философское наследие требовало выявить связи и противостояния русской мысли с западно-европейскими течениями. В первую очередь это проявлялось в самостоятельном философском творчестве "путейцев". Сюда в первую очередь относится шедевр русской религиозной мысли XX века "Столп и утверждение истины" П. Флоренского. Книги "Философия свободы" Бердяева, "Борьба за Логос" Эрнста, и "Метафизические предположения сознания" Е. Трубецкого, защищая религиозное мироощущение, были направлены против неокантианских теорий познания и рационалистических систем в западной философии. Сборник статей Л. Лопатина подводил итог трудов одного из ветеранов русской философии. Сборник статей Булгакова "Два града" развенчивал социалистический миф русского "освободительного движения". Альтернативу марксизму выдвигает "Философия хозяйства", где Булгаков исследовал проблему духовного смысла труда как созидательной деятельности человека. Наиболее в то время полное и аналитически-критическое изложение философии Вл. Соловьева было дано в двухтомном труде Евг. Трубецкого. Годовщина со дня смерти Л. Толстого была отмечена выходом сборника статей "Религия Л. Толстого".

Редакция "Пути" ставило целью ознакомить своих читателей в переводах с классическим философским наследием, а также с трудами современных европейских авторов, не только близких по духу русской религиозной философии, но и внутренне значимых для современной мысли. Кроме пропаганды определенных религиозно-философских воззрений руководители книгоиздательства ставили своей целью и философское воспитание читателя. "Философское воспитание мысли необходимо в целях религиозного ее воспитания. Но оно достигается вовсе не тенденциозным подбором чтений, а разносторонним и свободным от всякой предвзятости изучением великих памятников философской мысли", – писал Е. Трубецкой в предисловии к "Избранным сочинениям" Фихте.

В "Пути" были изданы труды Спинозы, Фихте, монографии о Джоберти, Розмини и Бергсоне. В издательских планах были переводы Платона, Плотина, бл. Августина, Дионисия Ареопагита, Скота Эриугены, Николая Кузанского, Шеллинга, Гегеля, Баадера, оставшиеся, правда, неосуществленными.

Отчасти сохраняя позиции внутрицерковного реформизма, "путейцы" хотели познакомить читателя и с произведениями современного им "католического модернизма", внутрицерковного движения, возникшего в конце прошлого века во Франции, запрещенного несколькими папскими посланиями и в 10-ые годы подавленного Ватиканом. К числу последних относится перевод "Истории древней церкви" аббата Дюшена, французского историка и археолога. В то время в консервативных католических кругах он подвергался остракизму за

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. попытки критически подойти к исследованию источников по церковной истории. философского союзника увидели "путейцы" в Эдуарде Леруа, лидере французского "католического модернизма", авторе книги "Догмат и критика". В предисловии к этой книге Бердяев пишет, что в лице Леруа прагматическая философия действия, возникшая на Западе, "сближается с философией цельного духа, провозглашенной у нас славянофилами и развиваемой всей самобытной русской мыслью. Последние результаты европейской философии неожиданно подтверждают правду киреевского и Хомякова". Тем не менее, по оценке Бердяева, Леруа все же находится под властью рационализма и интеллектуализма западной философии, ему не достает "мистичности" философии славянофилов.

В "Пути" под редакцией и с предисловием Булгакова переводится книга австрийского католического прелата, богослова и политического деятеля, одного из основателей Христианско-социалистической партии (пришел к власти в Австрии в 1918 г) Игнаца Зейпеля "Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви". В своем предисловии Булгаков говорит, что хозяйственные и этические взгляды ранне-византийских и латинских отцов церкви во многом позднейшие превосходящие социалистические учения, но в них же можно обосновать и неприятие насильственных форм социальных революций. Однако взгляды эти фрагментарны, выражены подчас в наивной, неадекватной современной политэкономии форме, не систематизированы, а потому на их основе не возможно построить теорию хозяйственных отношений, альтернативную, например, марксистской.

Линии притяжения и отталкивания

В издательстве соединились слишком яркие личности и очень самостоятельные философы, что вскоре привело к разделению в принципиальных оценках и дало повод конфликтам. В предлагаемых письмах прослеживаются идейные и личные взаимоотношения сотрудников "Пути" и представителей христианской общественности. Не пытаясь дать профессиональной оценки философским построениям каждого из участников переписки, попытаемся на "личностно-психологическом" срезе разглядеть скрытые причины идейных противостояний, столкновений и полемики. Предварительно попробуем начертить схему этих взаимоотношений и психологические силуэты основных участников переписки на фоне повседневности.

ПРФО и МРФО

Еще в начале 1906 г., к моменту распада журнала "Вопросы жизни", обнаружился идейный конфликт петербуржцев и москвичей, сторонников "нового религиозного сознания" во главе с Мережковскими и группы "христианских политиков", объединившихся вокруг С.Булгакова. Первые, разочаровавшись в надеждах привлечь Православную церковь на свою сторону, демонстративно оттолкнулись от нее как от государственного института. Вторые, после тихой кончины эфемерного "Христианство братство борьбы", не оставляли попыток издавать собственный религиозно-общественный журнал на "православной" основе в надежде преобразовать российское общество на путях "христианской политики", опираясь на обновленную церковь, с верой в особую миссию России, заняв тем самым общественно-политическую нишу "либерального славянофильства", где-то между кадетами и октябристами. Такая позиция вызывала лишь сарказм со стороны петербуржцев (20, 69) [51], перешедших к тому времени к "внецерковному христианству" и сблизившихся с находившимися в эмиграции идеологами и функционерами лево-радикальных форм народничества (Партия социалистов-революционеров). Неоднократно москвичи и петербуржцы встречались в стремлении найти единую идейную и политическую платформу. Так 5.12.1908 в Москве произошло открытое совместное заседание обоих религиозно-философских обществ, посвященное юбилею М.Ю.Лермонтова, за ним на следующий день последовало общее закрытое заседание, на котором Д.Мережковский выступил с программным докладом "Борьба за догмат" [52]. Несмотря на давние личные контакты и обоюдные попытки сближения, противостояние продолжалось именно на личном уровне, и лишь обрело идейное оформление в газетно-журнальной полемике. Так отталкивание Булгакова от кружка Мережковских коренилось прежде всего в религиозно-нравственном их неприятии, вырывавшемся на поверхность лишь в интимных признаниях друзьям. В письме А.Глинке (Волжскому) (103) он наиболее откровенно высказывает свои подозрения, хотя и здесь не решается обозначить их словами, ограничиваясь лишь предположением, что в узком кругу исповедников "нового религиозного сознания" и "Третьего завета" практикуется какой-то собственный религиозный культ, профанирующий

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках церковные таинства. В качестве аналогии кружок Мережковских он приводит секту, организованную бывшим поэтом-символистом А.Добролюбовым[53], кружок экстатических почитательниц В.Свенцицкого и "Всемирный христианский студенческий союз"[54]. Подозрения эти, основанные на слухах, имели не только чисто религиозную, но по-видимому, еще и интимно-нравственную подоплеку, что косвенно подтверждается его постоянным стремлением предохранить от влияния Мережковских юную Мариэтту Шагиняну[55], метавшуюся между двумя кружками: "Темные и смутные слухи относительно близости и положения ее при дворе Мережковских. Плюнуть хочется, если верно, хотя не хочется верить. Вообще все-таки для меня здесь не все ясно, кроме того, что она отменила свой пост и стала обращаться с "неверными". В описываемый период конфликт перешел в фазу холодного взаимоотношения. Так, сообщая о приезде Мережковского, С.Булгаков пишет: "Сейчас читает лекции Мережковский. Он был в Москве 5 лет назад. Не знаю, будем ли видеться теперь, похоже, что нет, хотя это во всяком случае глупо". Впоследствии выступления Мережковских в печати Булгаков называет "старой жвачкой о православии и самодержавии", а уклонение Бердяева от "путейских" позиций "мережковщиной". В то же время Булгаков, предчувствуя надвигающуюся на Россию катастрофу, в личных письмах к Глинке иногда соглашается с некоторыми тезисами своих противников: "Я все больше проникаюсь настроением, что мы стоим еще накануне таких великих событий, перед которыми и Государственная Дума, и наши практические замыслы – сущие пустяки. И все больше начинает казаться, что хотя религиозно и неправ Мережковский, но он может оказаться исторически прав, т.е. что вся историческая черносотенная церковь пойдет на слом, история заставит забыть о ней раньше, чем станет ощутительно явление Церкви" (52). Впрочем, стремление к сближению с "христианскими политиками" и надежда на признание в московской православной среде иссякли у петербуржцев задолго до этого (69).

"Путь" и "Мусагет"

Пробудившийся в российском обществе интерес к вопросам религии, мистики и философии был столь велик, что в течение 1909-10 годов почти одновременно с "Путем", возникла другая издательская компания, "Мусагет", которую возглавил Эмилий Карлович Метнер, музыкальный критик, поклонник Goethe; те, Вагнера и Ницше. В статьях этого периода Метнер высказывал мысль, что Германия и Россия – двоюродные братья. Издательство намеревалось публиковать книги в трех сериях: "Мусагет" – литература, "Орфей" – мистика и журнал "Логос" Международный ежегодник по философии культуры". Впоследствии в том же издательстве выходил еще и журнал "Труды и дни". Вокруг нового органа объединились молодые люди, прослушавшие курсы философии в немецких университетах, последователи Г.Когена, П.Наторпа, Э.Кассирера, Г.Риккерта и В.Виндельбанда, а также молодые литераторы, относившие себя к неокантианской философской школе. Среди них были Б.Яковенко, С.Гессен, Ф.Степун и др. Однако видимо никто из них не знал, что германофильская ориентация «Мусагета» была поставлена неперенным условием подругой Э.К.Метнера, Ядвигой Фридрих, финансировавшей предприятие, о чем он по секрету писал Эллису (26.08.1909): "Направление журнала (по желанию издателя) должно быть германофильское (в широком неполитическом, нефанатическом, культурном смысле слова) и отнюдь не враждебное Вагнеру; вот и все"[56]. М.К. Морозова была одна из тех немногих, кому была известна личная подоплека отношений Я. Фридрих и Э. Метнера: "Это была девушка лет 25-ти, немка, жившая постоянно в Пильнице, близ Дрездена, довольно красивая, культурная, имевшая большие личные средства, которая мечтала его превратить в немца и перевести на постоянное жительство в Пильницу, но «этого никогда не будет», – писал мне Эмилий Карлович /> <... /> Так как Эмилий Карлович /> всегда мечтал основать культурное издательство в Москве, то она дала ему довольно крупную сумму денег, чтобы начать это дело. Так возникло книгоиздательство "Мусагет". Протянувшись шесть лет, отношения его с этой девушкой кончились разрывом <... />"[57] Идейная позиция "Логоса", определившаяся после выхода первого номера журнала, была сразу же воспринята "путейцами" враждебно.

Владимир Эрн, "мыслитель с темпераментом бойца", выражая мнение последователей В.Соловьева, выпустил вскоре пространную критическую статью под названием "Нечто о Логосе, русской философии и научности; по поводу нового философского журнала "Логос""[58]. За ним последовал целый сборник остро полемических статей "Борьба за Логос", в котром автор одним словом определяет характер русской философской мысли – логизм. Между прочим, сам этот термин вызвал неприятие со стороны С.Булгакова, во многом

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. определявшего "путейские" позиции: "не приемлю кое-чего в терминологии Вашей, особенно "логизм", происходящий из Божественного Логоса, ведь так можно сказать и бог-изм (или как писал уже Волжский, – "богофильство" – "логофильство"). "Изм" есть вообще рационалистическое изделие, и логизму угрожает опасность бессознательно стать одной из форм рационализма, с которым Вы боретесь" (111).

"Логосовцы" восприняли выступление "путейцев" как объявление войны, вызов был принят, и вскоре в их журнале появилась язвительная рецензия С.Гессена, содержащая резкую критику книги Эрн и обвинение ее автора в философском дилетантизме. Рецензия Ф.Степуна на книгу Н.Бердяева о Хомякове была тоже по существу разгромной. Из-за агрессивной манеры Эрн вести дискуссии, противостояние лишь усиливалось, превращаясь в открытую вражду. По воспоминаниям самого Ф.Степуна в философских спорах Эрн выступал как "непримиримый враг немецкого идеализма и в частности неокантианства, сразу же после выхода первого номера "Логоса" (органа последователей Марбургской философской школы неокантианства) он <... /> в своих постоянных устных и печатных полемически-критических выступлениях против нас, логосовцев, упорно проводил мысль, что апологеты научной философии, оторванные от антично-христианской традиции, мы не имеем права тревожить освященный Евангелием термин, еще не потерявший смысла для православного человека. Думаю, что в своей полемике Эрн был во многих отношениях прав, хотя и несколько легковесен. В его живом, горячем и искреннем уме была какая-то досадная приблизительность"[59].

Более терпимые "путейцы", Е.Трубецкой и С.Булгаков, признавали философскую талантливость и образованность русских неокантианцев, последний даже планировал пригласить в сотрудники "Пути" Б.Яковенко (83), ученика Риккерта и Виндельбанда, исследователя итальянской философии. Однако он отказался от этого шага после решительного протеста В.Эрна (88), а Б.Яковенко вскоре переехал в Италию.

«Основной вопрос "Пути" был – "како веруешь?", основной вопрос "Мусагета" – "владеешь ли своим мастерством» – писал в своих воспоминаниях Ф. Степун[60]. Тем не менее, в последние предвоенные годы между обоими направлениями русской философии наметилось сближение. Можно было бы ожидать некоего философского синтеза, если бы не мировая война и последовавшая за ней катастрофа.

В.Эрн и "Путь" В.Эрн был одним из самых активных и потому наиболее заметных деятелей "путейского" направления. В этом издательстве вышло четыре его книги. Зачастую именно он, как наиболее "боевитый путеец", своими эмоционально-хлесткими, но далеко не всегда философски убедительными статьями и определял "образ" всего направления. Постоянно бросая вызов философскому релятивизму и наднациональному, внерелигиозному европейскому либерализму, он вызывал на себя, а заодно и на своих коллег, наиболее сильные разряды критики. Отвечая С.Франку, обвинившему его в национально-культурном призрастии в области философии, Эрн пишет: "Абсолютно-данное моего мировоззрения – восточно-христианский логизм. Русская мысль дорога мне не потому, что она русская, а потому, что во всей современности, во всем теперешнем мире она одна хранит живое, зацветающее наследие антично-христианского умозрения..." В статье "Основной характер русской философской мысли и метод ее изучения"[61] Эрн обвиняет массу русской интеллигенции в том, что она склонна к постоянной, неискоренимой подозрительности ко всему русскому и предпочтению всего западного. По его мнению оригинальная русская философия принципиально отличается от европейской, которой присущи четыре характерные черты: рационализм, меонизм, имперсонализм и иррелигиозность. Европейской философии Эрн противопоставляет "органичную", христианскую культуру, которой свойственны "логизм, онтологизм и существенный, всесторонний персонализм". Эти два начала (западное и восточное) непримиримы и "вселенская задача философии сводится к всестороннему и свободному торжеству одного из этих начал над другим". Однако в истории развития человеческой мысли эти два начала могли встретиться только в России, ибо с одной стороны, Россия – живая наследница восточного православия, поэтому логизм восточно-христианского умозрения есть для России внутренне данное, а с другой стороны, Россия приобщена к новой культуре Запада, восприняла и переработала ее в своей душе. Поэтому "русская философская мысль, занимая среднее место, ознаменована началом этой свободной встречи, столь необходимой для торжества философской истины. "Для меня, – пишет далее Эрн, – вся русская философская мысль, начиная со Сковороды и кончая кн. С.Н.Трубецким и Вяч. Ивановым, представляется

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. цельным и единым по замыслу философским делом. Каждый мыслитель своими писаниями или своею жизнью как бы вписывает главу какого-то огромного и, может быть, всего лишь начатого философского произведения, предназначенного, очевидно, уже не для кабинетного чтения, а для существенного руководства жизнью"[62]. Эрн признает, что русские философы не создали систем и тем самым не самостоятельны, однако считает, что именно в отсутствии систем и есть проявляется заслуга русской философии и ее превосходство перед западным рационализмом. Однако обращает на себя внимание одно неожиданное признание Эрна: "Для меня поэтому диалектика есть сама по себе божественное орудие мысли и искусство логически опрокинуть противника, есть то, что Вяч. Иванов так удачно назвал "веселым ремеслом и умным весельем"[63]. Отнюдь не принижая чисто философского пафоса выступления Эрна, можно предположить, что печатная и устная полемика, да и сами философские построения были для него не в последнюю очередь игрой, средством привлечения к себе внимания, проявлением желания иметь успех. Здесь необходимо отметить, что в отличие от многих своих коллег, имевших источники постоянных доходов, он жил и содержал семью исключительно литературными гонорарами, и следовательно от успеха его выступлений зависело его физическое выживание. "В четверг будет деловое собрание. Это значит, я на лето добуду работы рублей на 1000! (148)... О Джемсе в Московском Еженедельнике я уже с согласия Трубецкого пишу. Это все-таки позволит немного заткнуть нашу финансовую течь. Если дело устроится с Князем, я смогу до весны заработать рублей 80-100. Я этому радуюсь, ибо положение без этого было бы поистине стеснительно (140)... "Московский Еженедельник" все же под боком, и всегда при крутых обстоятельствах можно будет что-нибудь из себя выжать" (145). Кроме тисков постоянной нужды надо помнить о все усиливающейся болезни, преследовавшей Эрна последнее десятилетие его жизни. Может быть, предощущение скорой смерти заставляло его с непоколебимой настойчивостью и бескомпромиссностью, характерной для мессиански настроенных носителей сверхценных идей, которые он стремится во что бы то ни стало донести до сознания современников: "Пишу со страстью и Бога молю, чтоб мне удалось во весь голос сказать то, что сейчас нужно прокричать на всю Россию, даже на весь мир. Дал бы мне только Бог сил справиться с трудностью и важностью темы <... /> хочу написать ряд статей на современные темы (о славянстве, германизме и европейской культуре)" (381).

Стремление к превосходству, желание выглядеть "победителем", в глазах окружающих традиционно истолковывается как компенсация комплекса неполноценности, возникшего из-за нехватки материнской любви в детстве, что может объясняться холодным отношением матери к Владимиру, как к ребенку от предыдущего неудачного брака[64]. Но в то же это может быть обусловлено и преодолением страха приближающейся смерти. Подавленно-конфликтные отношения Эрна с матерью и отчимом, чувство отторгнутости от семьи ищут компенсации в наивном отождествлении себя со своими научными "отцами", профессорами Г.Челпановым и Л.Лопатиным, в ответ на их всего лишь подбадривающие комплименты: "Челпанчик находит, что из всех экзаменовавшихся за последние годы я сдал экзамен наиболее "блестяще". Мало того, они с Лопатиным решили, что вот теперь у них найден "заместитель" и они спокойно свои кафедры могут оставить мне." Эрн подробно описывает жене сцены встреч и прощаний с друзьями и коллегами, содержание полученных им комплиментов и даже количество и качество приветственных объятий и поцелуев. При этом он очень скупно передает содержание самих бесед (151). Острая потребность внимания, восхищения и любви, завуалированная христианско-платонической терминологией, выражается в письме к жене (159). Свои творческие и житейские неудачи, больно его ранящую критику оппонентов (в том числе и справедливую), он объясняет интригами против него соперников, изменой друзей или просто глупостью оппонентов: "Позавчера у меня с Лопатиным было жаркое столкновение. Я-то молчал, говорил почти исключительно он. Но видно его здорово зарядили. Всякие Котляревские, Хвостовы и даже, как подозреваю, князь, интригуют ужасно. Явно и злостно перевирают" (194). "У моих противников, Гессена, Гордона, Вышеславцева, особенно у двух последних, говоривших очень много и длинно, - я ощутил такой примитивизм мысли, такую элементарность и тяжеловесность мозгов, что прямо был удивлен... отчасти приятно: я сильнее ощутил правоту своих философских позиций" (189). "Степпун - это пустая бочка от пива. Гудит, гудит - все бесплодно. Топорщится, раздувается - как бы не лопнул!" (156).

С началом войны В.Эрн становится политическим публицистом и лектором. По его мнению с началом Великой войны, не только люди, но само "время славянофильствует", указывая России исполнить свой долг чести, веление национальной совести, поэтически выраженное строкой А.Хомякова: "... все

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках / обняв любовью своей, / скажи им таинство свободы, / сиянье веры им пролей". Победив германский дух милитаризма, Россия по его мысли должна восстановить Польское государство, полностью освободить и объединить Армению, примирить славян на Балканах, создать условия для свободного существования малых народов. Миссия духовного и политического освобождения – вот нравственное оправдание участия России в этой страшной войне.

Быть может, бессознательным стремлением отторгнуть от себя чуждые ему германскую фамилию и отчество отчима можно объяснить столь болезненную идеосинкразию Эрн к духу немецкой философии. Апогеем его германофобии стала скандально знаменитая речь Эрн "От канта к Круппу", произнесенная перед многотысячной аудиторией, собравшейся в Московском Политехническом музее на открытом заседании МРФО в начале Первой мировой войны[65].

Амбивалентное отношение друзей "православного философа" к этому и некоторым другим его выступлениям проявилось даже в одном из некрологов написанных его другом[66]: "Ах, этот Эрн! – слышится со всех сторон, – опять он всех рассердил и никого не убедил! То же бы слово да не так молвил... Что же сделал этот рыцарь русской философии с нерусской фамилией и отчеством? – Он заострил и без того острые углы, отчего тупые стали еще тупее. Он набрал курсивом там, где было набрано петитом, он примечания перенес в текст, он продолжил линии, которые современники не решились продолжить, затер точки, на которых они хотели остановиться. Параллели он перенес в иные измерения и они там пересеклись... И все это он назвал словами, которые стали крылатыми: "От канта к Круппу". Блудный сын философии!.. Не читал Канта!.. Славяновильствующий богоискатель!.. Сколько напрасных ударов принял он на себя, – думалось жалеющим его друзьям, и было досадно за него. Казалось, нападающие в чем-то правы, но и он не виноват... Рыцари всегда немного неуклюжи... Казалось, Эрн так защищен своей мыслительной непреклонностью, броней убеждения, щитом веры, что все удары ему нипочем: только латы гудят от ударов. Но это лишь казалось: сердце, бьющееся под философскими латами, было нежно и трепетно-чутко, и каждый удар отдавался в нем. Это был рыцарь-ребенок, одинокий и беззащитный в наш век, враждебный вечному детству, когда отвергнут тот, кто сказал: «Будьте как дети»[67]. Эрн не дожил до трагического краха "русской идеи" и "миссии России" в Первой мировой войне, приведшей страну к исторической катастрофе. Летом 1916 г. на Кавказе, освободившись, наконец, от газетной поденщины и академических обязанностей, он приступил к своему главному философскому труду о Платоне. Борясь со все усиливавшейся болезнью, он успел написать лишь первую главу, которая была опубликована за несколько недель до его кончины[68].

«Путь»: внутреннее разделение

Н.А.Бердяев и «Путь»

К концу 1911 г. в составе редакционного комитета «Пути» назревал конфликт между Н.А.Бердяевым и его остальными членами. На поверхностном уровне он выразился 1) в отвержении книги Гелло "Портреты святых", уже переведенной Л.Бердяевой и ее сестрой, 2) в возвращении Бердяеву на доредактирование ими же сделанного перевода книги другого французского автора, Э.Леруа "Догмат и критика", 3) в намерении самого Бердяева писать монографию о философии Н.Федорова, не дожидаясь выхода всего корпуса его текстов. Отказавшись от компромиссов, которые предлагали коллеги, Бердяев вышел из редакции "Пути" и перестал посещать собрания МРФО, ушел по его словам в "творческое уединение". Сам он описывал это как "личный и идейный конфликт с Булгаковым <...> Мне трудно вынести ту степень невнимания к моей личности, которую обнаруживает С.Н., и непризнание моей индивидуальности <...> Мне трудно жить и работать в той атмосфере уныния подавленности, отрицания творчества и вдохновения, атмосфере утилитарно-деловой, которую создает вокруг себя С.Н.(84)." Этому Бердяев противопоставляет убеждение, "что путь творческого вдохновения, путь переживания призвания есть религиозного опыт, отличный от опыта аскетического <... /> За тайной искупления скрыта тайна творчества, как свободного начала твари-человека, продолжающего творение мира <... /> Мне не следовало вступать в состав редакции "Пути". Я не чувствую себя принадлежащим к его духовному организму".

Позиция, с которой Булгаков оценивает произошедший конфликт косвенно подтверждает обвинение Бердяева в идейном и личном непонимании со стороны давнего друга, не только не принявшего всерьез его нового творческого периода, но и расценившего его как заблуждение и отступничество от общего дела: "В истории Николая Александровича сплелись в одно случайные причины:

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах. Обиды личные, моя требовательность в делах при его либеральности, с глубоким иррациональным кризисом его души, потребностью бунта во имя индивидуальности, рыцарской его смелости и безудержности и рокового дилеттантизма, который решительно застилает ему глаза. Пафос его – "творчество", которого <... /> у него нет в настоящем смысле, но в то же время он способен пройти этот путь до конца, как будто бы был настоящим творцом".

Особого внимания заслуживают два письма Н.Бердяева: одно написано в дискуссии с неизвестным лицом о праве пацифистов на "неучастие" в войне (434), здесь он подробно излагает свою концепцию свободы и ответственности человеческой личности в истории. Во втором (447) он объясняет свою церковную позицию и оценивает взаимоотношение церкви и общества в истории.

С.Н.Булгаков и "Путь"

Судя по письмам Булгакова, вся рутинная издательская работа лежала на его плечах, т. к. "сам себя назначивший" директором-распорядителем Г.А.Рачинский по складу характера и состоянию здоровья был весьма мало работоспособен. Уже начиная с конца 1911 г. Булгаков все чаще жалуется Глинке и живущему в Италии Эрну на отсутствие работоспособных сотрудников, на падение энтузиазма у Бердяева, уезжавшего на зиму туда же. Состояние МРФО приводит его в уныние: "Новых людей почти не является, старые выходят в тираж. Сейчас в "Пути" работать бы и работать, но как-то выходит, что работать некому, а он превращается в систему кормлений и авансов". Жалуется он и на то, что "издано и издается не только то, что нужно для издательства, но и что, по линии наименьшего сопротивления, нужно для участников" (61). Финансовые дела издательства ухудшались, плохо расходились и без того мизерные тиражи книг (от 400 до 2000). Умонастроение интеллигенции с конца 1911 г., после временного спада революционной волны, вновь все более обращается к чистой политике, к партийной борьбе, совершенно чуждой "путейцам". Как левому, так и правому лагерю российской общественности все меньше становится дела до задач обновления Православной церкви и христианского возрождения общества. С горечью Булгаков признается Глинке: "Вот Вам новая страница религиозной общественности. Боже мой! Как мы уже стары, сколько их: "Новый Путь", "Народ", "Союз христианской политики", история со Свенцицким (который оттаял, кстати, и расправляет крылья), теперь – Николай Александрович, который уходит куда-то, вроде как в мерещковщину, но в действительности-то – просто раскапризничался" (87). Разочарование в возможности осуществить идею "православной общественности" звучит уже откровенно в годы войны: "Увы! Выяснилось, что того "Пути", о котором в начале мечтали, уже нет (если и был когда-либо), я уже это отболел <... /> Остается "Путь" академический и религиозно-философский; я, конечно, ценю и этот, тем более, что другой, быть может, есть и впрямь романтизм" (540).

М.К.Морозова, Е.Н.Трубецкой, «Путь» и другие

Формально князь Е.Н.Трубецкой обладал в редакционном комитете "Пути" теми же правами, что и остальные члены-учредители, однако его мнение (в частности при обсуждении и формулировке идейной базы всего предприятия и его издательской политики) иногда становилось решающим. Это объяснялось особыми отношениями между ним и М.Морозовой, в основе которых лежала драма "незаконной любви" этих двух выдающихся людей, длившаяся многие годы и остававшаяся тайной для большинства окружающих. Лишь ближайшей подруге и наперснице доверяет М.К. свою тайну [69]. В переписке М.К. и Е.Н. религиозно-общественная и философская проблематика излагается на фоне глубоких личных переживаний. Ни к коей мере не сомневаясь в глубине и искренности личного энтузиазма Маргариты Кирилловны в деле религиозно-философского просвещения российского общества, следует выделить сугубо интимный мотив ее общественных предприятий. Считая своего возлюбленного самым выдающимся из последователей Вл. Соловьева, способным продолжить и осуществить его "вселенское дело", Морозова на протяжении почти полутора десятилетий всеми силами стремилась предоставить общественную трибуну в первую очередь ему, сделать его главой "христианской общественности", чтобы самой вместе с ним и его единомышленниками трудиться для осуществления "вселенской миссии России". На ее деньги и при ее участии с 1906 г. выходил "Московский еженедельник", орган либеральной московской профессуры, который редактировал Евг. Трубецкой. В августе 1910 издание было неожиданно прекращено якобы из-за "финансовых затруднений". На самом деле М.Морозова решила пожертвовать регулярными встречами с возлюбленным,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и внешне обусловленными их работой в редакции "Еженедельника", чтобы смягчить страдания Веры Александровны Трубецкой, давно понимавшей, что муж отдалился от нее не только по академическим и религиозно-общественным причинам[70].

В этом плане открытие МРФО и учреждение М.Морозовой на свои средства книгоиздательства "Путь" можно интерпретировать как новые попытки, не разрушая семьи любимого человека, "сублимировать" свои чувства и "институализировать" их отношения[71]. Перипетии этой драмы косвенно влияли как на отношения внутри правления МРФО, так и на издательскую программу "Пути". Здесь мы видим редкий пример того, как драма "незаконной любви" была превращена в источник творчества и на протяжении многих лет питавший своей энергией целое религиозно-философское и общественное движение, большинство участников которого вряд ли до конца это понимало.

Не будь М.К.Морозовой, женщины одаренной поразительной культурной интуицией, самоотверженной готовностью отдавать огромные материальные средства и собственную энергию на служение духовному и культурному созиданию, не обладай она даром душевной мудрости, благодаря которой ей удавалось соединять и примирять в своей гостинице традиционных противников, русская философия, литература, музыка, живопись серебряного века не досчитались бы многих творений первой величины. Отказавшись даже от надежды соединить свою жизнь перед Богом с жизнью возлюбленного "и увидеть дитя, в котором чудесным образом соединились бы черты" их обоих, М.Морозова оставалась уверена в историческом предназначении этой любви. Она осуществилась в созданной ее энергией питательной среде, где накануне российской катастрофы выросло, пожалуй, самое "беспочвенное" из исторических явлений начала XX века – "Русское религиозное возрождение".

Уже при первой попытке сформулировать цели и программу только что организованного книгоиздательства "Путь" (в форме редакционного предисловия к сборнику статей "О вл. Соловьеве") возник острый идейный конфликт между Е.Н.Трубецким и его коллегами на почве различного понимания ими национальных особенностей русской философии. Проект предисловия, составленный С.Булгаковым[72] и одобренный остальными членами редакционного комитета, был решительно (телеграммой) отвергнут Трубецким, находившимся в это время в Италии. В личных письмах к М.Морозовой он категорически отказывается участвовать в сборнике, если текст предисловия не будет изменен: "Предисловие Булгакова ужасно. Безвкусный шовинизм с допотопным старославянофильским жаргоном, при том крайне размазан и бездарен" (25). В последующих письмах к Морозовой (26, 29, 30) он в самых резких выражениях отвергает "неославянофильство" Булгакова, Бердяева и Эрна, считая его притворным, и в весьма ярком и эмоциональном стиле доказывает историческую несостоятельность этой идейной позиции на фоне деградации российской государственности. Опираясь на безоговорочное согласие М.Морозовой, он добивается публикации нейтрального предисловия, не содержащего никакой общей религиозно-политической платформы. Но идейный конфликт на этом не заканчивается. В своих устных и письменных выступлениях Е.Трубецкой остается решительным противником "православного славянофильства" своих коллег по издательству и на одном из открытых заседаний МРФО публично отмежевывается от их позиции. Он отвергает все расхожие сентиментально-патриотические рассуждения о "Народе-Богоносце" как кощунственные в устах христианина (35, 67), справедливо полагая, что о "миссии России" не говорить теперь нужно (слишком много было раньше хвастовства и невыносимых обещаний), а надо делать дела, свидетельствующие об этой миссии. А то опять наобещаем "русское" царство Божие, а во исполнение дадим труды Владимира Францевича Эрна, – по-немецки педантичное и непримиримое "всеславянство" (25).

При подготовке к печати третьего "путейского" сборника философских статей Е.Трубецкой столь же резко критически отозвался как на идею "философии свободы", впервые высказанную Бердяевым и ставшую для него магистральной, так и на первое выступление С.Булгакова о Софии-Премудрости Божией, образовавшей с тех пор ядро его философии и богословия: "читая статью Булгакова "О природе науки", я убедился, что свои опаснее чужих. Ни Гессен, ни Яковенко, ни Фохт никогда мистики не скомпрометируют и не смешают ее со всяким сором, потому что вовсе ею не интересуются. Булгаков, наоборот, в этой статье этим занимается специально, смешивает в одну кучу хозяйство, науку и Софию и превращает все это вместе в ужасного вкуса окрошку. Они с Бердяевым еще могут быть полезны в темах религиозных и культурных, но в философии такая статья или бердяевская "Свобода от философии" – вредны. <... /> Такой мистицизм опаснее всякого рационализма и против него нужно

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках "бороться" (67). В результате из-за идейных разногласий авторов сборник так и не увидел света.

Удрученный фатальностью русской истории, историософской слепотой интеллигенции и своим идейным одиночеством, Трубецкой в письмах из Италии 1911 года достигает поистине пророческих высот, предсказывая грядущую революционную катастрофу, "когда правые будут сметены левыми, эти покажут нам ужасы, неизмеримо большие, и мы, т.е. культурная середина, опять и всегда <будем /> гонимы" (17). "Жду не добра, а настоящей сатанинской оргии от будущей революции. Обе борющиеся стороны будут попирать ногами Россию <... /> Разгром всего прекрасного, всего не дикого, что содержит какой-либо зачаток культуры, теперь уже неизбежен" (22). В письмах к М. Морозовой Евг. Трубецкой острее всего выражает скепсис в отношении возможности реализовать солоньевские идеи "всемирной теократии", духовного и политического обновления России и всего христианского мира на основе православно-католического синтеза.

Исследуя проекции личных судеб главнейших представителей религиозно-философского возрождения, на сферу их внешней деятельности, нельзя не отметить одну экзистенциальную параллель. – Две женщины одной эпохи, Ядвига Фридрих и Маргарита Морозова, поклонницы Р.Вагнера, представительницы одна немецкой, а другая русской интеллектуальной элиты, движимые пафосом духовного просветительства России, бескорыстно вкладывают большие финансовые средства в два российских религиозно-философских издательских предприятия, «Мусагет» и «Путь». Обе при этом прикровенно стремятся достичь личных целей – приблизить к себе своих возлюбленных, обеим это не удается.

В. В. Розанов и "Путь"

Несмотря на эти разногласия "путейцев" объединяла большая осторожность по отношению к "внешним", к тем, кого они считали "декадентами" и "неправославными". После того, как Вяч. Иванов опубликовал статью в "путейском" сборнике "О Вл. Соловьеве", Трубецкой в письме к Морозовой закликает ее не пускать в "Путь" Вяч. Иванова, Мережковского, философа[73]. К Розанову из-за его скандализовавших публику выступлений по "вопросу пола", по "еврейскому вопросу", а также книг о христианстве и Церкви отношение было особенно осторожное. Булгаков в письмах к Розанову неоднократно отказывает ему в участии в путейских изданиях[74], несмотря на его просьбы и публичные хвалебные отзывы о деятельности "Пути"[75]. Так в связи с нехваткой авторов для участия в готовящемся сборнике статей о Л.Толстом он писал: "Я возбуждал с горя вопрос о Розанове, но Маргарита Кирилловна решительно против, а я не настаиваю, потому что и сам сомневаюсь" (45). Не принимая розановской концепции "пола в христианстве" Булгаков с горькой иронией писал Глинке: "Отец Павел Флоренский был недавно, вызываясь (конфиденциально!) свояченицей Розанова для его ободрения ввиду острого маразма, в который он впал, дойдя, очевидно, до крайней точки по линии пола" (61). Однако после выступлений В.Розанова в связи с "делом Бейлиса" и высказанной им по меньшей мере фантастической концепции "еврейства".[76] Булгаков пишет: "Читали ли Вы новые книги Розанова по еврейскому вопросу? Если отделить фельетонное и кошмарно-легкомысленное, то остается все-таки очень серьезный остаток, который лежит у меня на душе еще не освоенным". Публикуемое письмо этого периода В.Розанова Д.Мережковскому показывает возможные причины подобной амбивалентности.

Притяжение Италии (1911–1913)

С 90-х годов прошлого века до начала Первой мировой войны в Италии побывало большинство русских философов и литераторов "серебряного века". Ни для кого из них это путешествие не прошло бесследно. Н.А.Бердяев по его собственному признанию пережил Италию "сильно и остро". Зима 1911–12, проведенная во Флоренции, Риме и Ассизи, стала для него периодом Стурм унд Дранг, реакцией "против московской православной среды". "Минуты большой радости" от погружения в атмосферу флорентийского Раннего Возрождения, вдохновили его к написанию книги "Смысл творчества"[77]. Под грузом проблем российской жизни, неуклонно катящейся к катастрофе, пытаюсь преодолеть творческий и семейный кризис, он снова и снова стремился в Италию: "Надеюсь, что в Италии не будет тоски, тоска от тоски по Италии... Мысль об Италии меня очень приподнимает. Мы очень там обогатимся"[78].

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Князь Евгений Трубецкой, работавший тогда над книгой "Мирозерцание Вл. Соловьева", приезжал сюда, надеясь отыскать в ватиканских архивах неопубликованные произведения Вл. Соловьева. Здесь он познакомился с Аурелио Пальмери, пионером католического экуменизма и выдающимся знатоком русской культуры и православия; вступил в контакты со сторонниками "католического модернизма", близкого по своим реформаторским стремлениям православным "ревнителям церковного обновления". Вл. Эрн в течение двух лет писал здесь диссертации о А. Розмини-Сербати и В. Джоберти. Сюда много раз приезжал Вяч. Иванов, чтобы в конце концов остаться здесь навсегда. С. Булгаков в своих "Автобиографических заметках" вспоминает, что его религиозное обращение совершилось в Дрезденской галерее перед "Сикстинской Мадонной" Рафаэля. Может быть, поэтому он испытывает к Италии постоянное влечение и в письмах к находящемуся в Риме В. Эрну неоднократно признается: "Вы пишете об Италии: Мне по-прежнему страстно хочется ее видеть и пережить!" Сюда всю жизнь стремился, но так и не приехал Вл. Соловьев, хотя тема Рима, как одного из двух полюсов христианства, составляет ядро его духовных умозрений. Для русских религиозных мыслителей Италия была не только культурным пространством, заполненным историческими памятниками, но и пространством духовным, попадая в которое, они, часто безотчетно, переживали и особый опыт самопознания, и опыт нового "узнавания" и видения отечественных проблем. Возвратившись на родину, русская душа начинает чувствовать "притяжение Италии", "влечение к Риму" как месту скрещения греко-римской культуры и иудео-христианской духовности. "Закрываю глаза и нюхаю эвкалиптовые четки и цветущую ветку из Тре Фонтане и думаю о Риме, и издали по-новому переживаю свой роман с ним, – потому что ведь к Риму отношение всегда как роман, то отталкивание, то влечение..." – пишет по возвращении на родину Евгения Герцык (78).

Русские религиозные мыслители, письма которых составляют настоящую публикацию, в большинстве своем побывавшие в Италии не один раз, переживали здесь острое ощущение этой двуполярности исторического христианства, сходство и противоположность духовного опыта Запада и Востока, взаимообусловленность национальной психологии русского и европейских народов. Из Италии они еще пристальнее всматривались в черты русского религиозного самосознания, общественного идеала и сформировавшего их православного благочестия. Каждый из них постиг и по-своему выразил метафизическое отталкивание–притяжение Рима и Москвы, католицизма и православия, их нераздельность и неслиянность, взаимную дополнительность при внешней разобщенности, то, что Вяч. Иванов увидел как ...единый сон / Двух, сливших за рекой времен / Две памяти молитв созвучных, – / Двух спутников, двух неразлучных... [79]

Одним этот опыт помогал по-новому сформулировать "русскую идею", другим утвердился в своей национально-культурной идентичности: "До боли жалко оставлять Италию, которой мы все еще не насытились, и оценить которую можно только долгими годами жизни и изучения, – писал Эрн перед отъездом домой, – и в то же время радостно думать о сладком "дыме отечества" и нашем возврате на родину. Меня окрестили "славянофилом". Может быть я и стану им к концу жизни. Знаю только, что почти двухлетнее пребывание в Италии какими-то дальними и окольными путями только утвердило меня в верности родным святыням" (103). Тем не менее, возвратившись в Россию, Эрн помимо издания монографий и статей об итальянской философии, переводит на русский язык вместе с Вяч. Ивановым Цонвивио Данте для книгоиздательства братьев Сабашниковых (371 примеч.).

"Путь" и спор об "Имени Божиим"

После выхода в 1907 г. книги Антония Булатовича "О почитании Имени Божия" [80] в одном из русских монастырей на Афоне зародилось мистическое учение "имяславие" или "именославие" (как называли его противники), берущее начало в духовной практике исихазма и в редуцированной форме сводившееся к формуле: Имя Божие есть Бог. Быстро распространившись по другим монастырям не только на Афоне, но и в России, [81] имяславие было осуждено Константинопольским патриархом и Российским синодом. Грубые полицейские гонения обрушились на его сторонников, простых монахов, отстаивавших свою правоту богословски беспомощными аргументами и избравших иногда не слишком монашеские способы протеста. Репрессии возмутили в первую очередь, как ни странно, светское общественное мнение, лишний раз продемонстрировав ему ориентацию церкви на государственную силу даже в чисто богословских проблемах. Идеиные разногласия не помешали Булгакову, Эрну и Бердяеву выступить в поддержку "имяславцев". Бердяев (уже вышедший к тому времени из

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. состава редакции "Пути") опубликовал в газете статью "Гасители духа" (140), в которой с такой резкостью нападал на церковь и синод, что против него было возбуждено уголовное дело по статье, грозившей в случае доказательства вины вечным поселением в Сибирь. Булгаков, вместе с Волжским и Новоселовым тяжело переживавший "афонское дело", (136) написал очень осторожную статью в защиту "имяславцев"[82], а М.Морозова, собиравшаяся одно время опубликовать под маркой "Пути" сборник материалов и статей об "афонском деле", по совету Трубецкого[83] отказалась от этого плана. Это, впрочем, не помешало Эрну издать незадолго до кончины "Разбор послания св. синода об имени Божиим"[84], где он становится на сторону гонимых монахов. В письме Аскольдова Эрну (139) содержится философский анализ проблемы[85].

Война и культура.

Первая мировая война, начавшаяся Балканским кризисом и русской солидарностью с "братьями-славянами", на волне охватившей российское общество волны патриотизма, иногда переходящего в шовинизм, пробудила угасший интерес к религиозной философии неославянофильского направления. Массовому сознанию необходимо было обосновать войну с "духовно загнившим германским миром" религиозным призванием и миссией России. Религиозные философы начали лекции, писать статьи на темы: "Национальный вопрос, Константинополь и Святая София", "Война и русское самосознание", "Христианство и национальный вопрос", "Русский мессианизм и война", т. е. темы, давно занимавшие участников МРФО и сотрудников "Пути". Теперь им представилась возможность развить и актуализировать "русскую идею" перед массовой аудиторией. Большим спросом стала пользоваться литература этого рода, однако по финансовым причинам издавать ее в "Пути" оказалось невозможно.

С началом войны приобрели новую остроту разногласия "путейцев" с их петербургскими оппонентами, кружком Мережковских. З.Гиппиус записала в дневнике: "Война, кончающаяся победой одного государства над другим, несет в себе зародыш новой войны, ибо рождает национально-государственное озлобление... и отдаляет нас от того, к чему мы идем, от "вселенскости"[86]. Несколько страницами дальше она пишет: "Москва осатанела от православного патриотизма. Вяч. Иванов, Эрн, Флоренский, Булгаков, Трубецкой и т.д. и т.д." [87]

Принципы публикации и архивные источники

Предлагаемая публикация вводит в научный оборот архивные документы, относящейся к периоду с 1900 до 1918 г. При публикации использован метод, ранее апробированный в томах "Литературного наследства": эпистолярные документы выстроены в хронологическую цепь так, что рядом оказываются письма разных авторов, написанные в тот же день или близкие по времени. В них зачастую обсуждаются одни и те же события, идеи, однако их оценка и интерпретация преломляется через призму личных отношений данных субъектов, степени их доверительности, а также от явных или бессознательных намерений данного лица. Это создает ощущение "полифонии жизни" и позволяет исторически и психологически углубить наши представления об эпохе "серебряного века", развеять некоторые устоявшиеся предубеждения. Публикуемые тексты взяты в основном из трех архивных источников: РГАЛИ, фонд 142, ед.хр.198, оп.1 – письма С.Н.Булгакова, Г.А.Рачинского и С.Аскольдова к А.С.Глинке (Волжскому); ОР РГБ, фонд 171.7. – переписка М.К.Морозовой и Е.Н.Трубецкого; семейный архив В.Ф.Эрна и Е.Д.Эрна (Векиловой), находящийся в распоряжении их наследников. Письма из последнего источника требуют особых комментариев. Этот частный архив, в настоящее время к сожалению недоступный для исследователей, содержит письма С.А.Аскольдова, Н.А.Бердяева, Л.Ю.Бердяевой и Е.Ю. Рапп, С.Н.Булгакова, А.В.Ельчанинова, М.К.Морозовой, сестер А.К. и Е.К. Герцык и др. Здесь же хранится вся переписка В.Ф.Эрна и его жены Е.Д.Эрна (Векиловой) письма В.Ф.Эрна к А.В.Ельчанинову, а также творческая записная книжка В.Эрна. Помимо информации частного характера эти письма дают широкую панораму быта русской либеральной интеллигенции начала века, событий политической и общественной жизни, содержат исторические пророчества, философские и историософские размышления, задушевные полемике, характеристики третьих лиц, а также хронику деятельности ХББ и МРФО. Благодаря любезному разрешению дочери философа Ирины Владимировны Эрн-Калашниковой (1909–1991) я получил непосредственный доступ к семейному архиву Эрнов-Фоминых, однако мне было разрешено копировать полностью лишь часть писем Эрна, а также письма лиц, не состоявших в родственных отношениях с его семьей. Большую часть писем отца Ирина Владимировна собственноручно переписала с

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и автографов, сделал купюры, касающиеся по ее мнению сугубо семейных отношений (в частности, сняты все обращения и приветствия). Таким образом, тексты большинства писем В.Эрна и некоторых писем А.Ельчанинова публикуются по этой промежуточной копии. При публикации сохраняются индивидуальные особенности орфографии и каждого автора, исправлены лишь явные описки. Все письма (в том числе и отправленные из Италии) датированы по юлианскому календарю.

Когда настоящая публикация находилась в стадии подготовки, Александр Носов опубликовал в "Новом мире" значительную часть переписки Е.Н.Трубецкого и М.К.Морозовой[88] за период 1909–11 (и 18) гг., а Модест Колеров – часть писем С.Н.Булгакова к А.С.Глинке (Волжскому)[89], которые должны были войти в состав настоящей публикации. Чтобы избежать излишних повторений, я изъясил часть менее содержательных документов, оставив лишь те, без которых нарушились бы сюжетно-исторические связи в публикуемом массиве. Тексты этих писем были сверены с оригиналами (при обнаружении разночтений в примечаниях отмечается только факт их наличия), комментарии местами уточнены и дополнены. Некоторые письма из архива М.Морозовой также подверглись сокращению, дабы избежать излишних повторений личной темы. Из стремления к полноте републикованы три письма П.А.Флоренского к В.Ф.Эрну, впервые изданные игуменом Андроником Трубачевым[90], а также фрагменты дневниковых записей А.В.Ельчанинова, впервые опубликованные Н.А.Струве[91]. Все публикуемые документы сопровождаются стандартными атрибутами <дата, место написания (отправления), место получения>, предположительные датировки сопровождаются вопросительным знаком.

Выражаю глубокую благодарность семье Эрнов-Фоминых за предоставленную мне возможность работать с материалами их семейного архива. По теме настоящей публикации мне были доступны труды профессоров Ютты Шеррер[92], Дитера Штеглиха[93], Дж. Ф. Патнэма[94], Темиры Пахмусс, Н. Полторацкого[95], Н.Зернова[96], а также исследования и публикации последних лет Е.Голлербаха[97], М.Колерова[98] и других отечественных и зарубежных ученых. Их результаты я с благодарностью использую в своей работе. Кроме того я благодарю Н.В.Котрелева, Е.Д.Вьюник (Москва), Дмитрия Вячеславовича Иванова и А.Б.Шишкина (Рим) за ценные консультации, а также мою жену Ю.К.Кейдан и сына А.В.Кейдана за составление именных указателей и помощь в подготовке рукописи к печати.

Владимир Кейдан

1996

1900–1905 гг.

1. В.Ф.Эрн[99] – Г.Н.Гехтману[100] <30.09.1900. Москва – Тифлис>

...> До прошлого года у меня было направление аскетическое, монашеское, средневековое, если можно так выразиться. Конечно, отношение к науке и к исследованию при таком мировоззрении было у меня, если не враждебное, то во всяком случае, пренебрежительное... Много пришлось пережить вследствие собраний у Вас по субботам. Я сначала боялся утратить свои убеждения..., но затем стал читать книги по разным отраслям знания и смело пускаться в исследование интересующих меня вопросов. Правда, религиозная точка зрения не только осталась, но еще и утвердилась и получила теоретическое обоснование < ...>

2. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову [101]/ [102]

<8.02.1901. Москва – СПб>

Дорогой Саша!

Посылаю тебе 5 рублей для того, чтобы ты купил мне Виндельбанда, Мальбранша, Декарта. Те 3 рубля дал тебе за меня Флоренский, для него ты купи на эти деньги книг.

В.Эрн

3. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову [103]

<7.09.1901.Москва – СПб>

7 сентября 1901 г.

Дорогой Саша! Павлуша мне сказал, что тыпросишь меня написать тебе, какие лекции у нас были в прошлом году, какие в этом. Исполняю это с величайшим удовольствием. В прошлом году у нас читались следующие лекции:

* обозначены те предметы, по которым был экзамен.

По сравнительн<тельному> язык<ознанию> лекции
по Богословию
по греческому "Медея" Эврипида
практич<еские> зан<ятия> Антология
по латинскому Цицерона
практич<еские> занятия по Овидию
по старо-церковн<ой> грам<матике>
по новой истории, 18-ый век, преимущественно История идей и немного (в
главных чертах) французская революция
по истории Греции до Пелопонесской войны, подробно родовой быт,
восстановление первоначальной истории Греции по оставшимся памятникам,
законодательство Ликурга, Солона, гомеровский вопрос и греческая
историография. лекции
По Логике * часа
Белкин читал за весь год раз 6 и потому успел только охарактеризовать
направления в Логике да сделать несколько заметок об индукции и дедукции.

А в этом году будет читаться у нас:

По лат<инскому языку> катула * – 3ч
По русской др<евней> литерат<уре> * – 2
По психологии Лопатин * – 2
По истории зап<адно>-европ<ейской> литер<атуры> Веселовский* – 2
Виноград<ов> по средн<евоковой> истории * – 3
Греч<еский> оратор * – 1
Лат<инские> упраж<нения /td> – 1
Греч<еские упражнения> – 1
Герье. Римская история * – 2
Ключевский Русск<ая> история * – 4
Лекции еще не начались и потому не могу сказать как кто читает. Если тебе
нужныкакие-нибудь справки то пожалуйста только прикажи – напишу с большим
удовольствием. А если тысам сюда переведешься, то буду очень и очень рад.

Твой В.Эрн

4. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову[104]

size:9.0pt'><16.11.1902. Москва – СПб>

Дорогой Саша! По некоторым причинам, разъяснению которых тут не место, я
решил остаться по болезни на второй год; если мне удастся устроить это с
формальной стороныудовлетворительно – то я выеду в Тифлис в конце недели.

5. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову[105]

<17.11.1902. Москва – СПб>

Дорогой Саша! Извини, что даром взбудоражил тебя. Оказывается выехать не
могу, потому что заведующий общежитием[106] требует внесения всех 90 руб.,
следующих за полугодие, чего я при всем желании сделать не могу. Извини за
беспокойство.

Твой В. Эрн

6. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову[107]

<9.10.1903. Москва – СПб>

Дорогой Саша! Прости, что я не отвечал тебе до сих пор, но минутки времени

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. (не было свободного). Впрочем я собственно и теперь не отвечаю тебе (о чем прошу извинения) – а решаю обратиться к тебе с довольно странной просьбой.

Чтобыбыть понятным – начну издалека: помнишь ли я тебе говорил как-то о Свенцицком[108], гимназисте, по поводу того, что появился его рассказ в "Русской мысли" за май[109]? Он теперь у нас на факультете. Бог послал мне счастье сблизиться с ним. Это человек необыкновенный. В его присутствии чувствуешь свою мелочность, ограниченность и пошлость, так же, как чувствуешь себя в церкви. Возбуждается страстное желание очиститься, подняться – а к нему чувствуешь благоговение, восторг. Это ужасно сильная, богато одаренная личность во всех отношениях: прежде всего бросается в глаза его громадная умственная сила; в самых трудных и запутанных вопросах он разбирается легко и так уверенно, что эта уверенность передается и другим; сложные и самые трудные философские вопросы он уяснил себе до конца и его мировоззрение поражает своею стройностью и цельностью даже тех, кто с ним совсем не согласен. Диалектик – сильнейший. Затем поразительна его нравственная сила. На всех окружающих он действует перерождающим образом. От него исходит какая-то сила, и кто попадает в круг его действия – тот относится к нему с трогательною любовью. Я видел, как оставленный при Университете человек свободной науки, еврей, сионист, скорбящий о своем народе[110], и деятельный социал-демократ, и человек изнывающий от сомнений[111], которые по своей глубине напоминают Ивана Карамазова – все эти разнородные люди сходились в благоговейном почитании этого первокурсника. При этом у него удивительно оригинальные формы жизни: много я бымог тебе рассказать об них, но теперь скажу только: он строгий аскет при удивительно бодром и веселом настроении; любит мир, как любил мир старец Зосима – и сознательно идет в монастырь.

Он обладает громадным даром слова; я не слыал никогда, чтобыговорили так сильно и красиво – и кроме того недюжинным – на мой взгляд – художественным дарованием. На последнее обрати внимание. Ибо на этом кончается предисловие и начинается моя просьба. Он написал несколько рассказов и напечатал их в различных журналах. Теперь он задумал чрезвычайно глубоко (подробнее пока не считаю возможным объяснить) целую серию рассказов, в которых религиозная психология на первом плане. Один рассказ из этой серии он написал и очень хочет напечатать, но почти уверен, что его в журналах не примут по цензурным соображениям[112]. Герой рассказа монах – с сложной религиозной психологией – кончает жизнь самоубийством. Больше всего шансов, что примет и пропустит рассказ "Новый Путь", как интересующийся религиозной психологией и несколько более других свободный в цензурном отношении. Поэтому Свенцицкий на днях пошлет свой рассказ в "Новый Путь". Не можешь ли тыобратить внимание Мережковских на этот рассказ и каким-нибудь образом содействовать тому, чтобыего пропустили? В этом – просьба к тебе. Я уж не буду говорить, как будет благодарен тебе Свенцицкий, – я думаю само дело говорит за себя. Прощай! Писать тебе – пока принужден отложить – ибо занят чертовски.

Твой В.Эрн

7. А.В.Ельчанинов – В.Ф.Эрну [113]

<14.10.1903. СПб – Москва>

Неприменно выполню твою просьбу, дорогой Володя; твое письмо меня ужасно взволновало: я давно ничего не читал с таким волнением. Если ты, человек во всяком случае недюжинный (не прими за комплимент), преклоняешься перед первокурсником вместе со многими другими, то это действительно что-то поразительное. Жаль только, что я не могу подробнее расписать Мережковскому его планы. Пожалуйста, при первом свободном часе напиши о нем подробнее.

Почему тыне пишешь ничего о флоренском? Если тыне можешь, пусть Женя[114] напишет. Твой А.Е.

лиговка, 56 – 8. СПб 1903.14.10.

Ответ мой, вероятно, опоздал, т.к. тыневерно адресовал. Напиши свой адрес.

8. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову[115]

<17.11.1903. Москва – СПб>

Дорогой Саша! Ключевского лекций у нас достать никак невозможно, по крайней мере менее, чем за 15-12 рублей. В утешение могу тебе сказать, что Ключевский весь свой курс печатает и, сколько мне известно, 28 листов уже напечатано из него. Шлю тебе привет. Мне довольно хорошо работается. Основные мысли своего мировоззрения я ухватил, и начинаю понемножку их развивать [116]. Если будет время, то в этом году три основных мысли я изложу, если не в деталях, то в существенных чертах. Очень уж это меня соблазняет. Павлуша перешел на новую квартиру: Остоженка, д.Егорова, кв.40. Много у него очень мыслей. Пиши.

Твой В.Эрн

9. П.А.Флоренский – О.П.Флоренской [117] [118]

<3.03.1904. Москва – Тифлис>

Оказалось, когда мы познакомились между собою, что у нас независимо друг от друга выработалась известная программа действий. Это конечно сильно сблизило нас, несмотря на значительное расхождение во многих теоретических вопросах. Но все-таки, мыволей-неволей образуем одну кучку: не ссориться же теперь, когда нас так немного (сравнительно) и когда одни с сожалением качают головой на нас, считая больными, другие кипят благородным негодованием на наш "обскурантизм" и сплетничают. Но кое-чего мы добиваемся, потому что, несомненно, движение растет. Произвести синтез церковности и светской культуры, вполне соединиться с Церковью, но без каких-нибудь компромиссов, честно воспринять все положительное учение Церкви и научно-философское мировоззрение вместе с искусством и т. д. – вот как мне представляется одна из ближайших целей практической деятельности. В необходимости церковности я лично, да и многие, убеждены более, чем в чем-нибудь другом, и мне кажется, что было бы только нелепо, но во многом и не последовательно отрицать такую необходимость, как это делалось и делается

10. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову [119]

<12.04.1904. Москва – СПб>

Дорогой Саша! Ты прости меня. Свенцицкий, перечитав свой рассказ, который хотел отправить в "Новый Путь" – решил его немного переделать, это конечно займет некоторое время. На счет его планов к сожалению ничего не могу тебе сказать. Он мне говорил о них, но не в тех терминах, которые бы можно было передать. Не помню писал ли я тебе в прошлом письме: он на днях едет в Македонию для подачи медицинской помощи македонцам [120].

Если это тебе характерно – могу сказать: с этим человеком я сошелся очень близко, узнал его хорошо и преклонился перед ним вполне. Кроме горячего почитания – я испытываю к нему самую живую любовь. От сближения с ним я обновился и почувствовал, что во мне что-то назревавшее – назрело до конца и определилось навсегда. Ты представь себе только: ни одного противоречащего впечатления от него не было, ни одной хотя бы крохотной черточки. Цельность необычайная. К сожалению нет у меня времени, а то бы много интересных вещей я тебе рассказал о нем.

Я очень занят. В последние две недели набросал свои мысли о вере в людей [121], пришедшие мне летом; поглощен этим, потому что увлекли меня мысли и показались очень важными. Читаю довольно много, но пожалуй не особенно много, зато хорошо воспринимаю прочитанное. В Университете у нас заваривается каша. В Гомельском погроме участвовал юрист 2 курса Абрамович (Моск<овский> Унив<ерситет>). Его хотят судить. Уже начались курсовые совещания и выборы делегатов. Как всегда полный индифферентизм и вялость. Но есть основания бояться посторонних осложнений. О Павлуше я тебе ничего написать не могу. Мыс ним видимся очень редко. Он вконец на меня рассердился, конечно без мелейшего повода с моей стороны: на чисто теоретических основаниях. А разве ты с ним не переписываешься? < ...>

11. С.Н.Делекторский [122] – В.Ф.Эрну [123] <15.12.1904. Нyon – Женева>

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Прошу Вас приехать ко мне (во вторник или четверг на той неделе). Надеюсь, что Выне проскучаете, т.к. встретитесь здесь с интересными людьми: Маргарита Кирилловна Морозова[124] по убеждению Белого принадлежит к числу трех женщин, имеющих мировое значение, да и, помимо замечаний Белого, по моему убеждению это очень хороший и глубокий человек, которого я очень уважаю. Мне хотелось бы, чтобы Вы познакомились с ней; такие люди удивительно хорошо действуют на душу. На Рождество Вы можете встретить здесь Александра Николаевича Скрябина[125], что и для Вас и для него будет очень и очень полезно, а для меня радостно.

любивший и любящий Вас С. Делекторский.

28/14 декабря

12. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову[126]

<2. 04. 1905. Москва – Тифлис>

Дорогой Саша! <...> После твоего отъезда у нас довольно много событий.

От Морозовой получили средства и будем получать[127]. 2) Технически наконец устроились[128]. 3) Во Владимире объявилась целая компания, которая просит приехать, чтобы устроить там отделение[129]. 4) Совокупно с ней[130] Рачинский[131], Духовная Академия, и наша компания открывает Религиозно-философское Общество памяти Соловьева – где выступит с целым рядом рефератов на общественные темы, прения, широкий доступ публики. Уже есть духовенство, рабочие-радикалы профессора. Пока все на частных квартирах и параллельно с этим пойдут хлопоты об официальном разрешении <...>

13. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову[132] <3. 04. 1905. Москва – Тифлис>

Дорогой Саша! Получил твою открытку. Спасибо. Вести приятные. У нас дела пошли совсем не дурно. Изготовили несколько важных вещей и сейчас заняты мультиплицированием посредством ми-ми и ти-ти[133]. При первом удобном случае вылезем. Носятся слухи о готовящихся избиениях. У нас не совсем спокойно. Многого ждут в мае. Мы конечно откликнемся как сумеем. Всего самого доброго <...>

Твой В.Эрн

14. М.М.Морозов[134]. Дневник[135] <15.05.1904 – 18.02.1905>

год. Легеркалия, декабрь.

15-го. Мы приехали за границу, в Швейцарию Nyon Villa les Frenes. Здесь очень весело. Мы уехали из Москвы 11-го мая, а приехали сюда 15-го мая. Я здесь играю в поезде. В воскресенье, 12-го, мама ехала на моем поезде. Она ехала в Оборак. Главный город был Великий Лес. Легеркалия состоит из 45 островов. Это северные острова. Я царь Боца. Боца главный город Легеркалии. – Мама это писала. Мы учимся каждый день. Юра поехал в Рим, а Леля пока топает с ногами на лестнице.

<...> 8-го ноября в день моих именин было у нас представление "Братья враги", драма моего сочинения. <...>

19-го декабря "Россия" Газета

Воскресенье 19-е декабря.

Воскресенье 26-го декабря 1904 года будет елка, фейерверк и цирк. Содержатель всего этого М.М. Морозов. Праздник "минвю" будет в нашей комнате. Декорации будут очень красивые. Помощница Антонова. Начинается после обеда.

1905 год

2-го января прошлого года родилась у нас Маруся[136]. У нас была елка. Я получил очень хорошие подарки. От тети Лели – плэд, от мамы – альбом для карточек.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др
<...> Когда мне было четыре года <1901>, мы жили в Проскурове.

18-го февраля.

Я очень люблю кукол. Вчера было мое рождение. Мама мне подарила мальчика, которого я назвал Сережа! И еще несесер de voyage. Семен Николаевич мне подарил чашки и поднос, а Mademoiselle мне подарила чашку, из которой я пью!

Новость.

В три часа дня, 4-го февраля 1905 года убили Сергея Александровича, Великого Князя, в Москве. <...>

15. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову[137] <21.06.1905. Тифлис – Гомбори>

Дорогой Саша! <...> Завтра я выезжаю из Тифлиса в Сигнахский уезд по одному важному для меня делу, о котором никто из домашних моих не должен знать. Поэтому я дома сказал, что еду к тебе в Гомбори. Это не полная ложь, потому что я к тебе действительно собираюсь заехать <нрзб>– 31 июля. Если (паче всякого чаяния) по твоему гомборскому адресу придет на мое имя какая-нибудь телеграмма или письмо – то уж будь так добр: телеграфируй мне два слова: "Володя приезжай" по такому адресу: Царские Колодцы, Векиловым (они уж мне передадут). Тогда я немедленно выеду и буду у тебя на другой день <...>

Тыне удивляйся. Дело все это очень простое. Я тебе потом объясню, впрочем, если понадобятся объяснения.

16. С.Н.Булгаков[138] – А.С.Глинке[139] [140] <22.06.1905. Кореиз – Черныевка>

Крым, станция Кореиз,

22. 6. 1905.

Дорогой Александр Сергеевич!

Как я разочарован, что Выне приезжаете теперь и, как мне кажется по тону Вашего письма, совсем не приедете. Кроме того, сомневаюсь, чтобы в августе я был здесь. Тогда Вас извещу. Как Ваше здоровье, и не является ли это некоторым легкомыслием, приезжать Вам снова в Петербург?

Приезжайте-ка в Киев, <может> <быть> будет и газетная работа (сейчас есть возможность), подумайте. Я и не работаю и не отдыхаю: не работается от волнения по поводу происходящего и угрызений по поводу своего бессилия и неучастия, а уж, конечно, и отдыха нет, так что напрасно трачу судьбой отсчитанные дни. Все-таки готовлю статью о Фейербахе. Я ведь был проездом в Москве на совещании о проектируемом там Соловьевском обществе. Познакомился там со Свенцицким и им очаровался[141]. Это огромная величина и сейчас уже, а что из него выйдет! Да и оба они так чисты, так хороши. Эрн дал статью о собственности, она мной принята уже. Не все в ней хорошо, но все-таки она замечательна по силе духа и убеждения. Д<митрий> Евг<ениевич>[142] здесь, и по обычаю, ноет. У меня нет уверенности, что журнал будет существовать в следующем году, а если будет, то в очень измененном и сокращенном виде. Таково настроение Д<митрия> Е<вгениевича> (впрочем, Вызнаете, как оно изменчиво), и трудно его убедить, зная, что он в этом году теряет 30 тысяч. Но продолжать это дело стоило бы в конце концов оно себя окупило бы.

С газетой дело обстоит сложновато вследствие малой литературности и вообще некоторой наивности Аггеева[143], который недавно прислал мне отчаянный проект редакционной конституции (тоже с Аксаковым). Но я все-таки надеюсь, что все это в конце концов уладится в желательном для дела смысле, только нужно смотреть в оба и держать твердый курс в начале. Беда: опять нет официального редактора, ибо найденный Карташевым отказался. Не можете ли Вы все-таки разубедить Мережковских в их настойчивости издать сборник? Ведь такая уйма серьезной и неотложной работына руках, что совсем не до причуд. Я при всем желании окажусь банкротом, ибо при теперешнем состоянии и в "Вопросах Жизни" не могу достаточно писать. А их статьи охотно были бы приняты в "Вопросыжизни".

У меня есть еще план, осуществление которого я предлагаю взять в свои руки

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Москве: дешевой народной христианско-демократической газеты (типа "Рабочей газеты"). Это насущнейшая необходимость при теперешнем положении вещей, если только печать освободится. Не знаю, согласятся ли они (проект собственной газетой оставлен). Идеиная и внутренняя связь этой газеты петербургской очевидна. У меня нет веры в серьезность и прочность газеты, во главе которой стоит теперь Лашнюков в Киеве [144], и в которой он убеждает меня принять участие. Но в благоприятном случае ваше жительство в Киеве могло бы оказаться полезным и для этой газеты.

Поправляйтесь и отдыхайте. Пишите. Возможно, что в июле мне-таки придется ехать на север из-за политики. Но сейчас не знаю. Ваш С.Б.

17. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке [145] <29.07.1905. Кореиз – Черныевка>

Крым, ст.Кореиз. 29.07.1905.

Дорогой Александр Сергеевич !

Сегодня получил письмо Ваше. Я по-прежнему, начинаю находить, что издание сборника теперь клином врезается в наши планы, но раз дело обстоит так серьезно, я, разумеется, приму участие в сборнике, хотя продолжаю просить Вас это дело затормозить <сноска Булгакова>: то есть вообще, затягивать же издание, раз оно состоится, не следует, нужно, напротив, ускорить и выпустить осенью.

Я написал большую и тяжеловесную статью о Фейербахе [146], которую готовил в качестве тяжелого орудия для "Вопросов жизни", и теперь с явным ущербом для "Вопросов жизни", (к удовольствию Зинаиды Николаевны) задержу ее для сборника. По идеям она к нему вполне подойдет. Сборник будет, конечно, интересен, и не участвовать в нем было бы грехом. У меня, чем дальше, тем больше, – обостряется чувство виновности за хамский, хотя и не предотвратимый поступок наш с ними [147]. О Дмитрие Владимировиче я без боли не могу вспоминать, и теперь только соображаю, как много они должны были перестрадать. Мои чувства эти обострились еще грубой выходкой Чулкова в его безвкусной статейке о мистическом анархизме [148], которая причинила мне много огорчений (было поздно ее задержать). У меня что-то сломалось внутри после этой статейки по отношению к нему, я думаю, и у Вас? Вообще в "Вопросах жизни" за последнее время крепнет скорпионовская [149] – в дурном смысле – струя, это неизбежно, ибо это есть все-таки стихия Георгия Ивановича, – но это огорчительно. О будущем "Вопросов жизни" я не знаю ничего кроме того, что Жуковский кряхтит и отбрыкивается...

Я даже не собираюсь читать Минского о религии [150], ничего не жду, но надо бы его разделать. Я не прочь был бы отдать его на "психологическое" растерзание Шестову [151], который желал это сделать, но не напишите ли Вы? Напишите! Если кто-нибудь столкнется с Вами, не беда, будет две заметки. Как меня огорчает, беспокоит состояние Вашего здоровья. Очевидно, там Вы не поправитесь, приезжайте сюда на виноград, если только можете, право. К несчастью, я совершенно не могу сказать, буду ли я здесь август, ибо каждый день могу быть вызван, но считаю возможным, что пробуду здесь до двадцатых чисел. Приезжайте скорее.

Мне бы очень хотелось и нужно бы повидаться теперь с Вами и обсудить несколько практических вопросов о предстоящих на этот год начинаниях. У меня назревает еще один план, связанный с литературными надеждами, основание "Союза христианской политики" [152] (несколько измененная идея легального "Братства борьбы") и теперь обдумываю доклад на эту тему в петербургском кружке [153]. Кроме того, у меня явилась мысль, если осуществится газета, не присоединится ли Вы в редакцию? Наша молодежь идеальна как работники, но еще нуждается в совете. Если Вы не можете оставаться на зиму в деревне, то в случае неудачи с Киевом, может быть поселиться в Москве? Однако пока не удалось сделать никаких шагов относительно Сытина [154], а на него все надежды. Я сильно надеюсь на поддержку Петрова [155] (во влиянии на Сытина), которого хочу заинтересовать идеей народной газеты, и вообще, издательства. Относительно Киева выправы: Лашнюков не устойчив и "стечкиных" легион, но надо еще выяснять дело. Напишите мне, по получении этого письма, приедете ли Вы сюда, а я извещу Вас о своем отъезде, если таковой скоро и неожиданно состоится, телеграммой по указанному адресу.

На север я не ездил [156], и рад этому, делать нечего было там. Мой

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. политический кризис, вероятно, еще больше углубится со введением представительства. А какую тучу брошюрной литературы выпустили марксисты! Всякую залежавшуюся немецкую дрянь перепирают! Но это, конечно, медовый месяц цензурного послабления!

В религиозно-общественную хронику на август пойдет интересная корреспонденция Эрнста о движении грузинского духовенства и мой пост с скриптом, но могут застрять в цензуре.

На сентябрь напишет Карташев [157]. С большинством Ваших возражений и замечаний о Бердяеве [158] я вполне согласен. Жду Вас или ответа.

В случае решения известите о дне приезда.

Ваш С. Б.

18. С. Н. Булгаков – А. С. Глинке [159] <3.09.1905. Киев – Москва>

Киев, 3 сентября 1905 г.

Дорогой Александр Сергеевич!

Мне пришла в голову мысль, что может быть, если даже Сытин и не возьмет наш журнал, то рекламируя еженедельник и газету, он может заодно рассылать объявления и о "Вопросах жизни", а мы бы ему за это что-нибудь заплатили. Ведь он намерен рассылать и сельским учителям, и священникам и т. д. Кроме того, если Вы увидите, что для пользы нашего дела нужно, чтобы все-таки дал статью для "Русского Слова" (может быть, и для Петрова), и если Ваше субъективное впечатление будет таково, что не страшно опачкаться, то я считаю возможным дать, как М. Ковалевский [160], политический фельетон. Жду Ваших указаний и ранее их, может быть не буду приступать к пристраиванию этой статьи или пришлю ее Вам. Намерение устранить беллетристику (хотя не безусловно) у меня все крепнет. Обнимаю Вас.

Ваш С. Б.

Киев, Большая Житомирская, 26.

19. С. Н. Булгаков – А. С. Глинке [161] <7.10.1905. Киев – Симбирск>

7. 10. 1905.

Киев, Б. Житомирская, 26

Милый Александр Сергеевич!

Откуда начну плакаты окаянного моего жития деяний! [162] Я так виноват перед Вами своим молчанием. Выпростите меня, если узнаете, что у меня была больна в Крыму скарлатиной дочь, и я ездил туда и потерял две недели (она, слава Богу, поправляется). А в настоящее время я так занят всевозможными мелочами (выборами, митингами, лекциями, политикой), как никогда еще не был. Неотвеченные письма лежат ворохами, и Ваша рукопись, которая сначала ожидала моего приезда, потом ждала своей очереди. Теперь, едва успев пробежать ее бегло, посылаю Вам, боясь и без того, что задержал. По-моему – интересная и полезная статья. Она и по внешности лучше Ваших последних статей (проще, хотя все-таки по моему вкусу недостаточно проста) и, главное, местами дает религиозные апокалиптические настроения, так что я ее приветствую и ничто же вопреки глаголю. Но помимо ее, так сказать, художественной стороны, со стороны отвлеченно рационалистической, я, как и раньше не был убежден или даже, точнее, не понимал Ваших возражений против Соловьевских (и моих) рассуждений о зле, так и теперь вижу здесь какое-то недоразумение. Главное, Вы думаете, что своими указаниями на переживаемое зло и мистически-молитвенное его преодоление, ссылаясь на Достоевского, возражаете Соловьеву (и мне), между тем как я вполне с Вами здесь соглашаюсь (и Соловьев согласился бы), и никакой противоположности, даже разницы между Соловьевым и Достоевским тут нет, просто они в разных плоскостях, говорят на разных языках, но не противоречат. В интересах исторической полноты обращаю Ваше внимание на то, что у Вас отсутствует ссылка на французскую книгу Соловьева [163], а между тем там изложение космогонии, падения злых духов, грехопадение и подобное изложены полнее и даже несколько иначе, чем в "Чтениях о Богочеловечестве", так что это

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
может быть отчасти звеном между "Чтениями" и "Тремя разговорами", хотя ближе к "Чтениям". Не горела ли у Вас рука, когда Вы коснулись вопроса о вечных муках? Не рано ли об этом писать? Мне еще страшно. Я об этом постоянно и пристально думаю много лет, но жду озарений. То, что Вы написали, меня не шокирует несколько, так что вопрос мой не надо понимать в отношении литературном.

В вопросе о либерализме и Соловьеве Вы переборщили и, мне кажется, не соблюли перспективы. Я думаю, что отношения Соловьева к "Вестнику Европы" [164] объясняется так же, как мои к "Освобождению" [165]: то и другое религиозно нейтрально и терпимо. Это не есть, конечно, достоинство с религиозной точки зрения, но здесь нет и ненависти к религии, которая всегда была и есть в партиях революционных (хотя она там и соединяется со своеобразной религиозностью).

Для Соловьева "Вестник Европы", как и для меня Союз Освобождения, есть только временная политическая квартира, без которой однако нельзя обойтись пока [166]. Ограничусь этим.

Будем говорить лично. Писать не могу и некогда. С «Вопросами Жизни» хорошего мало. Жуковский был в Киеве в ином, лучшем настроении, но оно может измениться. Говорил, что условно обещал дать 10 тыс. Пирожков [167], но с редакционными правами. Пирожкова я мен ее боюсь, потому что не знаю, но вот Туган [168] предлагает пай и с ебя в редакцию, правда, на экономический отдел, но ведь как разграничить; что у нас будет за редакция!

Напишите свое мнение, я же боюсь, тем бол ее, что он переезжает в Петербург. Больше нет ничего. Я решил, если в половине октября поеду в Москву, поговорить прямо, по душам с Сытиным и думаю, что, если "Вопросы жизни" должны существовать, то будут деньги. Эрн уже подал прошение, Карташев тоже, так что эти дела налаживаются. В "Русское Слово" я статью послал, не знаю, цензурна ли, и не задержал бы Петров.

Кстати: там появился Озеров и выступает на тему о религии и общественной в качестве религиозного человека. Это совершенно неожиданно. Статья была противная, хотя я не решаюсь не верить искренности. Во всяком случае это осложнение. Пронунциам енто [169] Карташева (которое еще ждет своей очереди на моем столе) мне мало нравится, длинно и неэргично. Кроме того, излишне упоминание о конституционно-демократической партии, в этом, впрочем, я сам виноват.

Значит, Вы все в Симбирске? Как обстоит дело с Вашим поселением в Москве? Вы знаете, я решил в будущем году, если будет заработок у Сытина, переехать тоже в Москву. Больше не в силах выносить кафедру политехникума [170]. Но пока это еще мечта.

Как Ваше здоровье? Будете ли Вы приезжать на Север? Я еще не решил, когда поехать, но по-видимому, около 15 октября.

Как поразила всех смерть С.Н.Трубецкого [171]! Я оплакиваю в нем философа-Соловьевца. Придется написать о нем. Обнимаю Вас. Всего Вам доброго. Пожалуйста, простите за молчание. А знаете, я опять уже настаиваю на уничтожении беллетристики (отдохнул что ли) и согласен с Вами о "блокаде". Но закрыть "Вопросы жизни", даже если не найдем пайщиков, у нас не хватает духа, при возможности сл едует попытаться. Это я чувствую. Николай Александрович был здесь и принимал участие в довольно, впрочем, безрезультатных совещаниях. Хотя мы спорили, но дружески, и вообще, у меня от этой встречи осталось светлое впечатление [172].

20. А.В.Карташев-Д.С.Мережковскому [173] [174] <16.10.1905. СПб>

10 октября, воскресенье,

Дорогой Дмитрий Сергеевич. Был я у Аггеева [175]. Предлагал. Не только не "заглись", но без стыда замяли вопрос, как будто удивляясь моей наивности. Наполовину искренне не понимают, наполовину пугаются, как благонамеренные чиновники.

Сначала был один Аггеев. На мое предложение, ясное и довольно пространное, он сделал большие глаза, отвел их в сторону, протянул: «мм...» и занял меня другим разговором. Я почувствовал, что он в данную минуту не

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
вверяется мне, потому что накануне видел м еня с вами.

Чер ез 5 минут явились Григ<орий> Петров и Егоров[176] – с азартом рассказывают о своем участии в посл едних событиях "духовного ведомства". Я все-таки снова предложил про ект митинга. Поддакнул один Гр. Петров, да и то с издевательским почти добавлением: «Кон ечно, можно высказаться на пастырском собрании и пригласить туда даже светских лиц, напр. Антона Влад<имирови>ча Аксакова, преподават еля семинарии...» Это говорил тот Гр.П етров, который в «Рус<ском> Сл<ове>» громит священников за "поповство".

Все они – только "попы".

На этих днях у них – инт ереснейшие собрания и рефератыпо дух<овно>-акад<емическому> вопросу. Общее собрание разре ено даже Митрополитом (во вторник или среду). Больше им ничего не надо. Они чувствуют себя героями, занимаясь своими делишками и воображают, что этот их домашний "бунт" есть бунт общероссийский и что больше с них ничего не требуется. – Нечего и надеяться на быстрое собрание митинга, нужно договориться с этими колодами. Поджигать их с разных концов. С егодня я возьмусь за Колачева[177]. Не загорится ли кто из семинарских педагогов и т.д.? Вполне своего челов ека они послушают. – «Далеко нам до Европы– Далеко им до политики» – От Колачева приеду к Розанову[178].

Ваш Ант. Карташев.

21. К.М.Аггеев – В.Ф.Эрну[179] <21.10.1905. СПб – Москва>

СПБ Смольный. 21.10.1905

Дорогой Владимир Франц евич, вчера получено разрешение на бесцензурное издание "Вестника жизни".[180] Обращаемся к Вам с усердной просьбой:

Побывать у И.Д.Сытина и попросить его дать нам возможность нем едленно начать дело. Ни Антон Владимирович[181], ни я не обладаем никакими капиталами: вдвоем не мож ем дать суммы, нужной в качестве задатка за квартиру. О другом неч его и говорить. Сегодня в ечером ед ет в Москву о. Г.С.Петров. И это письмо пишу на вокзале в ожидании о. Григория. Мог быя все нижеследующ ее передать Сытину через него. Но о. Григорий устраняется, каким-то холодком постоянно обдает нас. У меня при разговоре о журнале просто язык прилипа ет к гортани. Помогите Вынам. Разъясните И.Д. то, что по неизв естным мне причинам не ясно о. Григорию : наш журнал единств енный в своем роде. Ведь он берет в себя все реформационное движениецеркви. Как же ему не пойти... Подогрейте Сытина!

Я буду ожидать от Сытина т елеграммой разреш ения нанимать квартиру. В данном пункте у нас планырокие. Нам хотелось быпри Редакции иметь залу для заседаний "Союза церковного обновления" (бывший кружок "32-х") и для собраний по р елигиозно-общественным вопросам. То и другое мыначинаем "явочным порядком". Квартира нужна в 2–3 тысячи. Проектиру ем – это по совету о. Григория – организовать собрания с платой за вход по 20 коп. Предложите Сытину, не найдет ли он возможным нанять квартиру, а весь сбор с зас еданий будет идти уже в пользу Издателя. Предложите это с предваряющим зондом почвы, постоянно помятуя, что все мыбеднота!..

Шлите нам свои статьи.

В воскрес ение назначаю заседание Союза по вопросу о Движении Грузинского духовенства. Приехал о. Иосиф Чавчавадзе <?> и был уже на заседании Комитета. Резолюцией собрания быть мож ет начнем "Вестник жизни".

Ц елую Вас и Валентина Павловича. Любящий свящ. К.Аггеев.

Ожидаю от Вас писем.

22. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[182] <27.10.1905. Киев – Симбирск>

27 октября 1905г. Киев

Дорогой Александр Сергеевич!

Письмо Ваше (открытое) повергло м еня в смущение и волнение. Дело в том,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. что статья о Соловьеве вместе с письмом по поводу ее выслана Вам около месяца (с опозданием из-а того, что вследствие приключившейся у мо ей девочки скарлатины, благополучно прошедшей, я ездил в Крым, где моя семья, и пот ерял две нед ели). Наведите справки, статью я сам отпровлял заказной бандеролью, на которой написан и мой адрес, так что она могла быворотиться в случае ненахожд ения. Смотрю на вашу открытку и вижу, что она от 2-го, а получена сегодня. Начинаю над еяться, что причина замедл ения в железнодорожной забастовке и Выуже получили т еперь все.

Итак, конституция! Стало быть ид ем в открытый бой с драконом, и да укрепит Бог наши слабые силы! Я сейчас, несколько опомнившись от окружающих ужасов, вс ецело захвачен мыслями о союзе Христианской политики (инт ересные письма по этому поводу получаю), об организации учредит ельного съезда, вообще этой черновой, но н еотложной деятельности. Даже курс политической экономии с христианской точки зрения хочу писать, надо дать такую книгу сельскому духовенству. Последнее растет на глазах, как я в этом убедился, здесь в Киеве, во время епархиального съезда.

Равным образом м еня заботит петербургская газета, московская газета и народная литература. Этого по крайней мере на полгода хватит. В виду этого я легко помирился быс врем енным закрытием "Вопросов жизни", например на год или на полгода. Да и вообще по изменившимся условиям п ечати теперь надо изменять тип журнала. У меня опять неудовольствие накапли ется против "Вопросов жизни" и Г<еоргия> Ив<ановича>, и вот мое последн ее слово. Для поддержания "Вопросов жизни" в теперешн ем их виде я не ударю пальцем о палец, говорить же и убеждать Сытина мне не позволит сов есть. Если журнал продолжится помимо меня, я выставлю условие своего участия в редакции перенесение ее в Москву, куда пер ееду при первой возможности (в есной или осенью)[183]. Г<еоргия> Ив<ановича> нужно подчинить опр еделенной конституции. Если журнал не осуществится, то я буду убеждать и надеюсь убедить Сытина издавать (м<ожет> б<ыть> при Соловь евском обществе) "Соловьевский Вестник"[184], журнал христианской философии и христианской политики, без беллетристов и б ез позитивистов, с широкой терпимостью, но все же свой. За такой журнал я буду распинаться, и нужен – в дополнение к другим нашим органам – именно такой журнал, а не сец ессион[185], к которому я лично все-таки холоден. Напишите, дорогой мой, или лучше телеграфируйте, можете ли Выв начале ноября или в начале д екабря быть в столицах для налаживания всех дел наших.

Без Вас обойтись-то можно, но совет Ваш и для д ела и для меня дорог. Обнимаю Вас. Ваш С.Б.

Статью в "Русское Слово" я посылал (на церковно-общ ественную тему), но она возвращена по нец ензурности, но я подозреваю зд есь чарыАртабана, который предпоч ел быменя в качестве социолога.

23. К.М.Агеев – В.П.Свенцицкому[186] <31.10.1905. СПб – Москва>

СПб. Смольный

Дорогой Валентин Павлович, сию минуту получил Ваше письмо. Я только могу от всего сердца благодарить Вас за приглашение, столь мне приятное. Я был бысчастлив, если бычем-либо мог помочь д елу, связанному со столь дорогим мне именем...

Завтра у нас сов ещание у о. Григория. При езжает И.Д.Сытин. На мое письмо по поводу газетии сов ершенно неожиданного поворота о. Григорий сказал мне сегодня: газета будет, так говорит об этом полученное мною письмо от И.Д. Целую Вас и В<ладимира> Фр<анц евича>.

Священник К.Агеев

Сегодня или завтра приезжает в СПб С<ергей> Н <иколаевич> Б<улгаков>. Подробнее напишу на днях. h1>24. К.М.Агеев – В.Ф.Эрну и В.П.Свенцицкому[187] <4.11.1905.СПб – Москва>

4. 11. 1905. Смольный

Дорогие Владимир Францевич и Вал ентин Павлович.

Серг ей Николаевич посвятил м еня в ваше настроение по отношению к о.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Григорию. А сам о. Григорий передавал мне о заседании у Астрова[188], оставившем в его душе "столь неприятный осадок". Мне почудилось в передаче о. Григория какая-то смущенность, нечто вроде сожаления о бывшем. Представьте : мне самому почему-то стало его жалко. Это, быть может, чисто субъективное.

Как быто ни было, мне очень хочется перекинуть отсюда к вам, в ваш флигелек, ветку примирения. Нас так мало, что всякий разрыв тяж ел – а с лицом, сделавшим н есомненно многое для торжества Христовой истины, особенно...

Есть и особые обстоятельства, дающие мне смелость просить Вас вменить бывшее в н ебывшее. О.Григорийцелые годынаходился в исключит ельных условиях: целые годывсе носят его на руках. Петербург и провинция соперничают в восхвалении его. Ну как не закружиться голове от этого вихря? Позволительна в таких случаях снисходительность?

Вы, дорогие друзья, простите меня за это письмо, которое я вам пишу после беседы с Н.Б.<улгаковым> , который тоже разделя ет мои чувства при согласии с Вами по существу. Кстати, письмо в "Руси" о Кронштадте написано о. Григорием исключительно по собственной инициативе.

* * * * *

Вчера составили первый № "Вестника Жизни". Ваша статья "Деморализация войск" вошла в н его. Ожидаем с часу на час при езда И.Д.Сытина и примемся за д ело.

Вопрос о народной газ ете с редакторством С<ергея> Н<икола евича> Б<улгакова> не нужно считать отрицательно реш енным: такое я вынес впечатление из беседы с о. Григори ем. Подробнее напишу на днях.

При "Вестнике Жизни" можно будет учр едить Петербургский секретариат партии Христианской политики[189]. Во всяком случае Антон Владимирович Карташ ев и я радыбудем служить этому д елу.

Любящий Вас всей душой свящ. К.Агеев.

Хорошо было быхотя быдля второго № получить от вас обоих что-либо.

При случае сообщите о. Петру П етровичу, что мой адрес не Стремянная 20, как он пиш ет, а Смольный. Я тоже буду писать ему. Его ввел в заблуждение конв ерт, в котором за отсутствием чистых шлю свое письмо.

25. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[190] <11.11.1905. Киев – Симбирск>

11.11.1905г. Киев

Дорогой Александр Сергеевич!

Воротился я из Москвыи П етербурга и ничего Вам определенного сказать не могу, как ни хотелось бывас чем-нибудь порадовать: все неясно и смутно. От газетыСытин отвивляет (б.м. не б ез влияния о. Гр<игория>[191], хотя это не достоверно). "ВопросыЖизни" мырешили попробовать продолжать б ез денег и, не платя почти гонораров, исключив текущую политику и позитивистов. Но, конечно, вопрос осущ ествятся ли они без д енег. Ж<уковский> от нас отказался совсем. Г<еоргий> Ив<анович>[192] ограничен одним белл етристическим отделом. Был принципиальный и откровенный разговор. Больше всего я надеюсь на "Вестник Ж<изни> ", хотя Сытин и от н его не прочь увильнуть. Но он так или иначе будет. Напишите мне нем едленно для первого номера и отшлите в П етербург не очень большую статью о чем хотите, – религиозную. В ероятно Вам уже писали об этом, но прошу Вас сделать нем едленно. Как только выяснится что-либо, извещу.

Будьте здоровы. С.Б.

26. К.М.Аггеев – В.Ф.Эрну и В.П.Свенцицкому[193] <14.11.1905.СПб – Москва>

Дорогие Владимир Францевич и Валентин Павлович, после мучительно н ерешительных недель, истерзавших нас обоих, "Вестник жизни", пер

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах, изданный в "Свободу и Религию" [194], близок к появлению на свет Божий. Сегодня у Антона Владимировича Карташева были Сытин и солидный петербургский книгоиздатель Сойкин и заявили, что берут совместно наш орган в свои руки.

В самых первых числах декабря выйдет первый номер. А раньше будет публиковаться составленный С.Н.Булгаковым и принятый всеми нами проект издания. Мы жили со вчерашнего дня. Трудно в достаточной степени изобразить вам пережитую душевную муку: свые полгода жить идеей журнала и вдруг по каким-то роковым стечениям событий потерять его...

Григорий, к слову сказать, от издания и даже сотрудничества пока устраняется: по его желанию в объявлении его фамилии значится не будет <надписано над строкой>: Это слова о. Григория – для возможности писать о нем)

Обращаемся к вам с горячим призывом – объединиться около нашего новорожденного детища и отдать ему свои силы...

Народная газета в Москве будет издаваться Сытиным. Главным деятелем в ней будет о. Григорий, который даже, как мне передавали, переезжает на жительство в Москву. Было бы конечно очень хорошо и ваше участие, но боюсь я за его возможность: чистый вид для компромиссов и не захотите идти по указке людей, несколько чуждых вам. Во всяком случае, не откажите поделиться сведениями о предстоящем народном органе, если они у вас имеются.

Ожидаем статей. В первом номере будет отзыв о вашем сборнике. А я, надо полагать, посвящу ему не одну статью.

Антон Владимирович очень просит сообщить имя и отчество Флоренского. Попросите его при свидании о статьях.

Всего вам хорошего! Преданный священник К.Аггеев.

27. К.М.Аггеев – В.Ф.Эрну и В.П.Свенцицкому [195] <3.12.1905.СПб – Москва>

3. 12. 1905. Смольный

Валентин Павлович, Владимир Францевич,

Вам теперь известен финал нашей газеты. Больно, но рук покладать не стоит.

Я делаюсь более или менее постоянным сотрудником "Церковного Вестника" и, если только смогу быть полезным, – Вашей библиотеки. Прошу вас располагать всеми моими статьями, как напечатанными, так и имеющими появиться на свет, делать в них редакционные изменения по своему усмотрению. В прошлом году, в конце, была напечатана в "Церковном Вестнике" моя заметка "Нужды деревни", имеющая принципиальное значение, написанная по поводу книги "Нужды деревни" изд. "Право" [196]. Не будет ли она полезна вам? "Московские Ведомости" окрысились на нее: значит, в ней есть нечто достойное внимания. В начале 1906 года будут напечатаны "Церковь и государство", "Смертная казнь перед судом христианского сознания". Возможно редакция их немного кастрирует, тогда я пришлю вам оригинал...

Откликнитесь о ходе Вашего издательского дела. Боюсь, что мои письма до вас не доходят. Напишите, можно ли мне будет пристроить куда-либо (разумею "Нашу Жизнь") "Деморализацию войск". В вашем книгоиздательстве, уверен примут участие мои киевские друзья. Повторяю: напишите поподробнее. Как бы я рад вашей народной газете. Помните и об этом. Целую вас

Свящ. Аггеев

Примемся с А. Вл. Карташевым за религиозно-философские собрания.

28. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке [197] <28.12.1905.Киев – Симбирск>

Киев, 28.12.1905

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Милый Александр Сергеевич!

Как давно от Вас нет известий и как хотелось бы, как внутренне нужно свидеться. Не нужно рассказывать, как переживались и мною и Вами эти томительные дни предварительного антихристового разгула[198]. Можно сказать здесь только одно: в терпении спасайте души ваши! В то же время как поучительны эти ужасные дни, как выжигают они "солому" в душе, обесценивают теленные ценности и заставляют искать только нетленных.

Литературные дела наши окончательно расстроились. Так как я полтора месяца почти отъезжан, то имею только самые скудные сведения. "Вопросы жизни" окончательно разложились. Д<митрий> Е<вгениевич>[199], почувствовавший к нам со времени возвращения Струве[200], род брезгливого презрения и раздражения за понесенные убытки, не хочет издать даже декабрьскую книжку. Денег, конечно, не достали, до «Вопросов жизни» ли сейчас. Но произошло и окончательное внутреннее разложение. Н<иколай> Ал<ександрович>[201] отзывается теперь о Г<еоргии> И<вановиче> так, как вероятно отзываются Мережковские. Я, как ни охладел к нему за последнее время, этого не понимаю и этим огорчаюсь. Одним словом, идет гниение. Ежедневник наш хотел издавать Сытин с Сойкиным (?!), но, очевидно, в конце концов отказались, и я приписываю это враждебному влиянию Петрова, иначе нельзя это понять. Впрочем, я этого не знаю.

Теперь на нашем горизонте появился Александр Стахович[202], который хочет финансировать журнал, но пока нет тоже ничего осязательного, и я боюсь верить. Наконец, из нашей народной газетной среды выродилась кощунственно-бессовестная – по проспекту и названию – «Правда Божия», редактируемая священником Петровым![203] Как верен был Ваш инстинкт относительно него, теперь для меня ясно, что Вы были правы. У москвичей остаются еще какие-то надежды комбинации. Впрочем, в данный острый момент реакции нельзя было начинать газету. Вообще же я внутренне все-таки как-то успокоился в вере, что у нас будет орган, а если нет сейчас, значит, еще не нужно.

Как Ваше здоровье? Боюсь, что смерть "Вопросов жизни" произведет у Вас финансовый крах. Как бы нам повидаться? Не могли бы Вы без ощутительных для себя потрясений приехать в Москву или Петербург в 10-х числах января? Я бы Вас известил телеграммой о точном сроке своего выезда.

Нужно всем сообща посоветоваться относительно съезда "христиан", как говорят москвичи, или "Союза Христианской политики", как его организовать и проч. Есть практические предложения, и ввиду церковного собора[204] это получает важное значение. Если не можете приехать, то напишите о себе, о здоровье, о занятиях, о настроении. Желая Вам всего лучшего, больше всего здоровья.

Весь Ваш С.Б.

1906 год

29. К.М.Агеев – В.Ф.Эрну и В.П.Свенцицкому[205] <15.02.1906. СПб – Москва>

Дорогой Валентин Павлович. По поводу Вашего "Обращения"[206] мною было послано Вам три письма. Получены ли они? (2 письма и бандероль) Во всяком случае, простите за медленность исполнения поручения.

На днях я получил из редакции 22 рубля за Вашу статью, каковые деньги высылаю Вам завтра. Получил их во время перевозки своей на новое место, потому и замедлил несколькими днями. И сейчас еще не знаю, где в новом месте обитания почта. Во всяком случае на этой неделе они будут в Москве. Перешел я на должность законоучителя самой "буйной" гимназии Ларинской и настоятелем гимназической церкви. Чувствую себя отлично.

Не так давно получил письмо от князя Е.Н.Трубецкого, чрезвычайно порадовавшее меня. На другой же день послал ему письмо с изъявлением полной готовности быть полезным, чем могу. На днях посылаю ему еще с указанием нескольких подходящих сотрудников. Отзовитесь вы с Владимиром Францевичем.

Пока – в периоде устройства своего угла. Надеюсь со второй недели заняться кое-чем в области вопроса о т.н. христианском социализме.

Целую Вас и Владимира Францевича. Любящий священник К.Агеев.

Мой теперешний адрес: СПб Васильевский остров, 6 линия, Ларинская гимназия.

30. К.М.Агеев – В.Ф.Эрну и В.П.Свенцицкому[207] <2.03.1906.СПб – Москва>

2 марта 1906. Васильевский остров, 6 линия, Ларинская гимназия

Дорогие Владимир Францевич и Валентин Павлович, вчера получил Ваше письмо. Сегодня отвечаю на него. Вероятно потому, что за последнее время в виду суеты я отдалился от жизни, но Ваше письмо удивило меня. Неужели и теперь могут быть затруднения цензурного характера? Ведь духовной цензуры нет. А "Взыскующим града"[208], вероятно, религиозно-общественного содержания... Во всяком случае, я готов, чем могу, служить Вам. Боюсь только буду не особенно полезен: в светской цензуре у меня особенных ходов нет. Могу лишь торопить обычным путем. Если имеет силу духовная цензура, и если Ваше произведение можно провести через нее одну, то могу быть более полезен. Председатель цензурного комитета (бывшего) – мой знакомый, знаменитый отец Матфей, который, надеюсь, сделает все возможное...

Итак, шлите статью. С нею отправлюсь по назначению в первый же вечер по получении. Почему вы не хотите напечатать ее предварительно в в "Еженедельнике" князя Трубецкого[209]? Ведь он выйдет на днях. Оттиски в количестве 200 экземпляров – бесцензурны... Впрочем, вам виднее.

Чувствую себя на новом месте отлично. Постом занят очень. У меня церковь открытая для посторонней публики, и при ней развита приходская жизнь. Я служу ежедневно, исключая только понедельник.

Напишите мне о том, принимаете ли вы участие в "Еженедельнике". Почему вы не поименованы в предварительном объявлении? Простите за спешное письмо: сейчас после долгой службы. Крепко целую вас

Любящий свящ. К.Агеев.

31. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову[210] <16.03.1906. Москва – СПб>

дорогой Саша!

Видишь не успел ты уехать, а я уже пишу.

Была Ивашева[211]. Спрашивала между прочим: был ли ты в Саду[212] и узнал ли что-нибудь о нем, пожалуйста, напиши. Мы с ней поговорили сегодня очень хорошо, как давно не говорили. Сережа[213] просил передать, что хотел вас спросить о диаволе. Ивашева читала "Церк<овь>. Апост<ольскую>"[214] Агаше[215]. Та поняла все – выказала это в вопросах. Была очень довольна.

Приходил Боголюбский (сын). Как пришел, прямо заговорил о церкви. Очень милый и хороший юноша. Рассказал и о том, как пришел к Христу. Мы говорили много и долго. Расстались совсем друзьями. Это что-то бесконечно удивительное – как люди с разных сторон подходят к одному и тому же. Мы почти все время говорили об общине. Он тоже о ней мечтает и хочет дела. Еще увидимся с ним.

Твое "житие"[216] меня совсем очаровало. Я думал о нем и, между прочим, вспомнил такую вещь: отчего ты ничего не написал о стигматах. Ведь это тоже характерно для Франциска – такое чувство страданий Христа? Или может быть, у тебя были свои соображения. Мне почемуто кажется, что это вышло у тебя случайно <...> Не забудь справиться о Фиоретти для "Библиотеки"[217].

32. П.А.Флоренский – С.Н.Булгакову[218] <18.03.1906. Москва – Киев>

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Эрн посылает Вам собранные мною адреса священников, остальные и текст "послания" вышлю на днях Лица с НБ отличаются особенной живостью или пописывают, их можно иметь ввиду, как сотрудников. Рекомендованы они товарищами. Некоторым посланы по несколько экземпляров плаката и послания для распространения, кое-кому уже дано знать.

Куда направлять ихние письма? В Академию ли, к Вам ли? Пришлите и мне плакатов[219], штук 30 и посланий[220] штук 50.

На днях Эрн вышлет Вам мое кое-что. Попрошу только: если можно, то приготовьте мне оттисков или пришлите номера газеты. И вообще, будьте добры присылать мне по несколько (до 25 экз.) штук, что будет печататься из моего.

Профессоров потороплю и попрошу прислать что-нибудь теперь же. Если будут у товарищей подходящие статьи (кажется, есть кое-что), присылать ли?

Стихи присылаю по настоянию Эрна, хотя великолепно знаю, что они скверны. Но если Вы захотите печатать их, то подпишите так: Ф.П. Готовый к услугам П.Флоренский. 1906.03.18

33. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову[221] <26.03.1906. Москва – Спб>

Дорогой Саша! Булгаков прислал письмо где умоляет о присылке статей. Вспомни Лашнюкова! кроме того, может быть, сочтешь возможным написать еще раз в Тифлис о присылке корреспонденции оттуда непременно к первому № <...>. У нас целая вереница статей. Рабочие, между прочим, тот художник, Грифцов[222], Сизов[223], гр. Бобринская .

34. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову[224] <5.04.1906. Тифлис – Москва>

Дорогой Саша! Сегодня получил твои две открытки и 2 пересланных тобою письма. Большое спасибо. Доехал я хорошо, в 4 суток без одного часа <...> Я был у твоих в первый день Пасхи. Они взяли 20 экз. Павлушиной проповеди[225], остальные взял священник Иона Брихничев, который, помнишь, написал письмо Городцову[226] в "Вестник Возрождения"[227]. Он с несколькими другими лицами затевает здесь издание еженедельной газеты для народа в религиозно-прогрессивном, направлении в противовес агитации о. Городцова. Сегодня мы совещались и они очень просили участия нашего вообще. Я обещал, потому что хочется им помочь – дело симпатичное[228]. С Булгаковскими оттисками[229] и Павлушиными брошюрками поступай, как знаешь. Что же Павлушу дорогого выпустили наконец?[230]<...>.

<...> я много пишу для Киевской газеты[231].

35. Д.Н.Егоров[232] – В.Ф.Эрну[233] 6.05.1906>

6/V – 1906.

<...> Сейчас, сколько мне известно, нет вакансий на историю <...>. Относительно истории, таким образом, дело скверно. Несравненно лучше дело обстоит с логикой и особенно "философской пропедевтикой". Последний предмет впервые вводится в следующем году в VIII классе и потому он не заполнен во всех гимназиях. В целом ряде случаев он б<ыть> м<ожет> будет "поручен кому-нибудь" из преподавателей (для "очистки совести"!), но, конечно, далеко не везде отнесутся так ремесленно. Во всяком случае тут шансы исключительно большие и этим нужно воспользоваться. При свиданиях с г<осподами> директорами непременно упирайте на то, что Вы ученик покойного Сергея Николаевича[234]. Как Вам ни странным покажется этот совет, но он необходим; имя покойного князя читается одинаково в разных лагерях. Если же будут "рекомендации", то ими не пренебрегайте. Как видите, это – дело не из приятных, настоящее мытарство <...>

36. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[235] <17.05.1906. Кореиз – Симбирск>

Стан. Кореиз 17 мая 1906

Дорогой Александр Сергеевич!

Как Вы поживаете? Как Ваше здоровье? Есть ли что новое?

Давно собираюсь Вам писать, да лень и хандра мешали. На Ваше имя прислана из Петербурга рукопись "<нрзб>", очевидно, Эрна, она у меня лежит до дальнейших указаний, кому ее передать. Письмо распечатал, но, конечно, не читая, прилагаю. Из киевских газет я узнал, что "Народ" остановлен был постановлением судебной палаты еще 17 апреля; почему-то нам об этом не сообщили своевременно. История эта у меня совершенно затянулась, если не считать «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» (Примечание для моих хулителей: это Пушкин, посвящ. Е.Онегина).

Я убедился и почувствовал с несомненностью, что издавать газету было великим соблазном и безграничной дерзостью при нашей слабости религиозной, и особенно милость Божия проявилась в том, что газета прекратилась в силу внешних условий, и вообще эксперимент прошел сравнительно нешумно, обнаружив перед нами только слабость нашу.

Не поражает ли Вас еще, что ведь все-таки отозвалось в конце концов поразительно мало из всех наших адресатов. Это наводит меня на пессимистические мысли и об еженедельнике. Судя по намекам Трубецкого, трещать начинает и его "Московский Еженедельник" Впрочем, что еще будет до осени!

Я переживаю отчаянные приступы политической лихорадки, живу от газеты до газеты, пропадая от своего бессилия и бездействия. Подлое состояние, не пожелаю и врагу. Надеюсь, что это минет с минованием критического момента. Вы не должны этого презирать. Хорошо, если стоишь выше и действителен, если же этого нет, болит совесть, а м<ожет> б<ыть> и сатана искушает. Что-то теперь переживаете Вы?

Я получил от Мережковского преувеличено ласковое письмо, которое однако все-таки меня порадовало. Я продолжаю очень чувствовать связь с ними, и в этом духе ответил. Он пишет про сборник, чтобы статьи были к сентябрю, и Вам поручает это передать. Хорошо бы, если бы они успели, только я не верю, а сборник очень жалею. Обещаю им тему: Христос и Антихрист в современном социализме. Д<митрий> С<ергеевич> просит меня снестись с Флоренским и просить его описать свои переживания в тюрьме етц (?!). Здесь приходится поставить только вопросительный и восклицательный знак перед такой непроницательностью даровитого беллетриста. Я отвечаю, что едва ли Флоренский согласится и излишне просить его об этом. Но вообще, списываться с ним взялся. В списке сотрудников есть все, кроме Свенцицкого и Эрн, – Мережковский не может им простить, да и те сами не пошли. Как это грустно! Не попытаетесь ли уладить это Вы? Впрочем, не стоит.

Мне Струве предлагает очень выгодные условия для постоянного сотрудничества в "Думе", пока газетке довольно паршивой-кадетской (200р. жалования при 4 статьях в неделю и 10к. построчно). Меня это отчасти соблазняет возможностью бросить кафедру и перехать в Москву, а вместе устрашает обязательностью многописания. Во всяком случае в соединении с журналом это намного бы облегчило переезд в Москву.

Писать я ничего не могу, думать тоже. Писать курс политической экономии совсем не в состоянии, испытываю это как непролазную скуку и ложь, и это меня тоже обескураживает, тем более, что половина работы сделана.

Кажется, будет революция у нас настоящая! О соборе вести в газетах беспокойные. Хочу писать об этом у Трубецкого. Удручает очень дальность от центров.

Сборник наш, очевидно, снова застрял, – я. пока что, не имел еще ни одной страницы корректуры. Скверно!

Обнимаю Вас. Ваш С.Б.

Пишите. А какой паршивый вышел сборник о смертной казни[236]! Не хватило у нас характера поступить нешаблонно.

Ради Бога, если у Вас есть лишний полный экз<емпляр> "Народа" пошлите его проф. А.Е.Преснякову (СПб, Надеждинская, 56, кв.9), а если нет, то хотя бы номер газеты с его статьей. Он просит об этом как об отдолжении.

Известите меня об этом, у меня нет.

37. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову[237] <2.06.1906. Царские колодцы – Москва>

Дорогой и милый Саша! Я страшно обрадовался, получив сегодня твою открытку. Я очень жалею, что я не с вами и не могу приложить и своих стараний к газете. <...> Я просил Валентина[238] написать мне, когда по совести он считает нужным, чтобы я приехал в Москву. Спрашиваю теперь и тебя. До получения твоего ответного письма из Царских[239] вряд ли выеду <...> Страшно жалко, что ты пробыл в Царских всего один день. Впрочем, этот день совсем

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. как-то особенно вошел в мою душу и я испытываю большое удовлетворение от того, что ты взглянул хотя бы мельком на мою невесту. Она тронута, что ты ее не забываешь, и просит передать тебе искреннейший привет <...>

Беспокоюсь о Валентине. Передай сердечный привет Пелагее Александровне[240], Сереже[241], Чмичу[242], Валентину. Я с вами душой, часто думаю о вас. Не пишу для газеты, потому что слишком велико расстояние <...>

38. П.А.ИВАШЕВА – В.Ф.ЭРНУ[243]

<5.06.1906. Москва – Царские колодцы>

Владимир Францевич! Напишите, получили ли посланные Вам экземпляры. Мы с Чми[244] посылаем братские листки, "что нужно крестьянину"[245] и "Взыскующим"[246] через Г<аланина> Д<митрия> священнику Афанасьеву. Как Ваши дела вообще? Сережа кланяется. Всего, всего хорошего.

Ваша Ивашева.

Вл. фр., цаиврете[247]! "Взыскующим" вышли. 20 кн. послано в Царские Колодцы. Чми[248].

39. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[249] <10. 06. 1906. Кореиз – Симбирск>

10. 6. 1906. Ст. Кореиз

Дорогой Александр Сергеевич!

Сначала о делах, хотя – увы! – сообщить нечего. Хотя месяц, назначенный Терещенко, давно минул, от нее нет известий[250], и я теряюсь в предложениях, что это значит, во всяком случае, не значит ничего хорошего! От Валентина П<авловича>ча я письма не получил, значит, затерялось (если знаете его адрес, упомяните ему об этом), и о плане Пятикрестовского[251] догадываюсь только по Вашим намекам, да видно, что это зыбкий песок. Возлагал надежды на приезд в Москву Эрн в связи с Морозовой, к чему подал повод Галанин, но тоже не подтвердилось. Наоборот, из слов Галанина я заключил, что он полон литературных планов на основании кавказского опыта, который производился без денег. Это скорее устрашает. Все это, в связи с полнейшей неопределенностью политического положения, заставляет меня смотреть на положение дела в этом году пока безнадежно. Дай Бог, чтобы этот пессимизм получил фактическое опровержение. Жаль огорчать Вас, но нечем и утешить.

Получил вчера "Взыскующих", перечел и сегодня просто отравлен ими. С тоской думаю, что это – ошибка молодости или "прелесть" и во что обещает это развиваться. И все у меня стоит образ огромного креста в их квартире[252], на который мне всегда было почему-то неловко глядеть... Когда я сталкиваюсь непосредственно с В<алентином> П<авловичем>, и живое чувство любви заглушает все, мне не страшно, а, когда читаешь, тяжело... Боюсь думать о судьбе этой брошюрки и о том значении, которое она может получить для движения... Не трудно угадать, и лучше не будем угадывать. Интересно, какое впечатление у Вас получилось.

Относительно московского сборника я думаю, что лучше выпустить его в августе, да м<ожет> б<ыть>, так и выйдет и естественным путем, при помощи забастовок и пол<обного>. Относительно Бухарева[253] Вы меня все-таки несколько разочаровали, я ожидал большего увлечения и заражения этой музыкой-молитвой, какую являются все его произведения, какую были лучшие страницы у Соловьева. А Вы, все-таки, мне кажется, литературничаєте больше, чем следует. И, кроме того, относительно его литературности для современности: не только прямо по идеям, особенно относительно религиозного участия в общественности (а что такое иная "религиозная общественность", – это еще очень большая проблема, м<ожет> б<ыть>, именно не современная, ибо сверх-современная), но еще больше по факту такого типа религиозного опыта, который, будучи исключительно подлинным и сильным, в то же время по своему относительному размаху был для своего времени ничуть не уже, чем наш размах, пока бессильный. Словом, для меня, для моей души (а не головы) он дал по-своему также много, как Соловьев и Достоевский. Этим, я понимаю, как много сказано, и однако коворю. Когда-нибудь православная церковь канонизирует трех неравнозначных, хотя и равнозначительных, "отцов и

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках учителей": Александра (Бухарева) [254], Феодора (Достоевского) и Владимира (Соловьева). Не знаю, доживем ли мы, но это будет.

Я ответил Мережковскому и теперь получил хороши письмо от Дмитрия Владимировича [255]. В конце его он дружески предостерегает нас от писаний Э<рна> и Св<енцицкого> с их "варварскою святостью". Я знаю, что в их устах значит это, но здесь, в его устах, меня это не шокировало, а по существу это то же самое, что и мы говорили. Пожалуйста, спишитесь же с Флоренским, я им так и скажу, что Вы это взяли на себя. У них уже есть французский и немецкий издатель. Что же, пускай издают! Заглавие – "меч"!! (дас Сццщерт, ла глаиве) [256].

Своих планов я не определил еще. В Ливны съезжу. если революция будет развиваться, за границу не поеду. если же правительство образумится и уступит, то, м<ожет> б<ыть>, съезжу, у меня является практическая цель изучения. За это время я написал несколько газетных статей для "Думы" [257] и кн. Трубецкого и большую статью франку "Маркс как религиозный тип" [258], хотя положительно не знаю, кто наши статьи сейчас будет читать. От сердца политическая боль в таком виде, как она была у меня в первое время, слава Богу, отлегла, и я получил относительную ясность духа, хотя вообще, как я Вам рассказывал, жить здесь трудно. Политические события идут все грандиозны. Все-таки тяжело быть "лишними людьми" в такую минуту, и лично, и исторически, но воля не наша.

Я тоже, кроме этого сборника задумываю статью "Церковь и общественность" [259]. Вопрос этот и мучит и сверлит, и я снова склоняюсь к дуалистическому его решению, т.е. при признании того большого и подлинного, что может проявиться только в ограде церковной и явится истинной религиозной общественностью, нужно и религиозное участие в общественности вне церковной ограды, т.е. огрубляя эту мысль, нужна и церковная партия, и моя идея "Союза Христианской политики" тоже верна, как относительное историческое средство. Ее нужно понести, м<ожет> б<ыть> не как дар Духа, вольный и радостный, а как тяжесть жизни, с которой, хоть и тягостно, но и обязательно "считаться". Иначе уж в монастырь что-ли прямо!...

Не знаю, преимущество ли или недостаток Ваш, верны всего, и то и другое в разных отношениях, что Вы так, мне кажется, спокойно не участвуете в "жизни", а я несу это неучастие не только как тяжесть, но и как грех, нахожусь в постоянном неравновесии, переходящем по каждому поводу в истерику...

Пока прощайте. Пишите сюда. Весь Ваш С.Б.

40. Е.Н.Трубецкой [260] – М.К.Морозовой [261] <10.06.1906. Пятовская – Ораниенбаум>

Пятовская, 10 июня 1906 г.

Многоуважаемая Маргарита Кирилловна,

Только что вернулся из Москвы в мое имение. В Москве мне говорил Г.К.Рахманов [262], что Вы просили его известить Вас о судьбах нашей газеты. Я сообщил ему, что сам Вам напишу. Рад случаю еще раз засвидетельствовать, насколько я тронут тем живым интересом, с каким Вы относитесь к нашей газете. Вы, вероятно, получили наш 12 номер, который запоздал на две недели из-за забастовки.

Теперь наши дела, кажется, налаживаются и это, разумеется, всецело благодаря Вам [263]. В смысле распространения, понятно, идет плохо в такое горячее время, притом летом. Но соглашение с Сытиным устраивается, и теперь до конца года мы во всяком случае доведем. Сытин берется, а там будет видно. Вскоре увидите нас в новом приличном костюме (т.е. в обложке) и новом формате – брошюрном – в типе «Полярной звезды». Увидите и некоторые внутренние перемены – выигрыш и для читателя и для нас.

Один благоприятный симптом все-таки есть: хотя розница убывает, зато подписка прибавляется. Когда Вы у нас были, было 440 подписчиков. Теперь у меня полная надежда, что мы вскоре перевалим за 600. если правительство уйдет, и настанут былые мирные времена, то круг читателей расширится. Но в случае революции, мы, разумеется, успеха иметь не будем.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
На днях испугался за Вас, прочтя в газетах, что жители, и в особенности дачники Ораниенбаума, были встревожены пушечной пальбой из Кронштадта. Надеюсь, что дети Ваши не слишком перепугались.

Позвольте от души пожелать Вам того, что всем нам теперь так нужно – спокойного лета.

Искренне Вас уважающий и преданный

Кн. е.Трубецкой

41. е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[264] <лето 1906. Б/спан>егичево – Михайловское<?>

ст<анция> Пятовская

Сызр<анско>-Вяз<емской> ж<елезной> д<ороги>

Многоуважаемая Маргарита Кирилловна,

Пишу Вам, чтобы поделиться моими смущениями относительно журнала. Забастовка рано или поздно прекратится. Что мы будем делать тогда?

Каждый день в газетах печатают сообщения о штрафах, довольно крупных на них налагаемых. «Русские Ведомости» до того съезжились и высохли, что читать в них уже почти нечего, и их все-таки бичуют штрафами.

Что, если мы подвергнемся той же участи? До сих пор нас щадили в виду малого нашего распространения. Может быть, пощадят и теперь, но что делать, если не пощадят.

Вся ценность нашего журнала в том, что мы можем говорить все, что считаем нужным. если нам стеснят свободу слова, самый смысл нашего существования исчезнет.

Я думаю поступить так. В дальнейшем не вызывать задорными статьяями кар, но и не сбавлять тона против прежнего. Но, если кару все-таки наложат, по-моему следует совсем приостановить издание, выплатив подписчикам недостающы до конца их подписки. Все же это будет мены убыточно, чем дальнейшее существование со штрафами. Но главное – не убытки, конечно. Суть в том, что цензурные стеснения могут довести издание до невозможности вести достойное существование. Пример «Русские Ведомости»: их оскорбительно читать.

Предвидя, что и нам может это угрожать, я счел долгом об этом предупредить Вас. Очень просил бы Вас написать, что Вы об этом думаете. Конечно прекратить издание следует не иначе, как придя к убеждению в невозможности его ведения, и тогда следовало бы нам посоветоваться с Вами, с Николаем Васильевичем[265]<...>

Я чувствую, что во мне что-то притупилось, т.е. в особенности поистратилось негодование: как-то я не могу так негодовать на правительство, как следовало и гораздо менее взволнован, чем бы мог ожидать.

Искренне Вам преданный

Кн. Е.Трубецкой.

42. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[266] <1.07.1906. кореиз – Симбирск>

кореиз, 1 июля 1906 г.

Дорогой Александр Сергьвич!

Нового ничего нет. От Терещенко[267] ответа нет и, очевидно, не будет, у Кульженки[268] была забастовка, которая его, вероятно, подкосила, из Москвы нет ответа и, в виду того, что мне пришлось писать в последнем письме и о "Взыскующих", у меня немножко саднит на душе от этого молчания.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Должен поведать Вам свое решение, окончательно сложившись у меня после долгих и мучительных колебаний, не оставляющих и теперь: я переезжаю в Москву. Это прыжок в неизвестность, и, конечно, не весьма рассудительный поступок, если рассуждать обывательски. Но беспокоиться за этот год, кажется, у нас нет оснований (кстати, я печатаю политическую экономию) [269] благодаря тому, что за это время образовался тонкий слой жира, а в течение года надеюсь приискать работу. Причина в том, что для меня все больше выяснялась невозможность и даже унижительность и двусмысленность возвращения в Киев и в Политехникум, где мне нечего делать! Я не ободряю себя и Москву, но думаю, что там я нужнее, больше могу сделать для основания органа. А если и разочаруюсь, то все же надо пойти и на это разочарование. Словом, надеюсь, Вы меня поймете и благословите. Елена Ивановна [270] соглашается лишь, укрепя сердце, ради меня, и это, конечно, делает для меня решение затруднительным. Валентину Павловичу об этом я еще не писал. В первой половине июля еду в Киев ликвидировать свои дела, и – в Москву искать квартиру. Надеюсь, что и для Вас это удобно будет, да вообще для всего нашего дела.

Из Парижа пока ничего нет. Я написал статью «Церковь и социальный вопрос» (1,5 л), которую хочу непременно навязать в сборник [271], ибо это часть того, что там напечатано. Однако удастся ли, – не знаю. Все равно пускать сборник в июле нет смысла.

«Дума» [272] и «Полярная Звезда» [273], как Вы знаете, прекратились, а я на них сильно рассчитывал, но что-нибудь ведь восстановится. Если Вы захотите сообщить мне что-либо в Москву, то напишите или на В<алентина> П<авловича>, или Остоженка, д.5/15, кв.63.

Обнимаю Вас

Ваш С.Б.

Пересылаю без комментариев полученное сюда письмо Лашнюкова, на момент вскрытое старые раны.

43. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову [274] <9.07.1906. Тифлис – Москва>

<...> В Царских много писал для "Взыскующих". "Стойте в свободе" [275] мне очень понравилось. Статьи Валентина превосходны. Только меня неприятно поразил несколько нервный тон их. "Беседа с читателем" совсем не подходит. Сумбурно. Я очень прошу оставлять для меня номеров по 5 каждого выпуска, в том числе и первого. <...> В Москву собираюсь ехать скоро. Выезжаю числа 27-28-го. Известие о переезде Булгакова [276] меня страшно поразило <...>.

44. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову [277] <11.07.1906. Царские колодцы – Москва>

Дорогой Саша! <...> На ваш вопль: "статей!" я вчера же откликнулся, написав статью "Сам уходит" [278] и сегодня послал уже заказной корреспонденцией. <...> "Освящение пулеметов" [279] и "По поводу Ренана" – это для "Взыскующих" [280] <...>

45. А.В.Карташев – З.Н.Гиппиус [281] <24. 07. 1906>

<...> Свенцицкий и Эрн только что издали в Москве номер маленького религиозно-анархического журнальца [282], как их прихлопнули; был обыск, не знаю арестовали ли? Ничего нельзя говорить прямо. Никаких "свобод" как не бывало <...>

46. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке [283] <25.07.1906. Москва – Симбирск>

Москва, 25 июля 1906 г.

Дорогой Александр Сергеевич!

Спешу и буду краток. Ваших опасений не разделяю, но основания для Ваших предположений есть. Религиозная общественность есть проблема, и то "Царство Божие", которое ни здесь, ни там, но внутри нас, и как его найти – в "уединении" или на людях – сказать трудно. А религиозное участие в общественности – долг перед жизнью. Решение перыхать вызвано тем ясно сознанным убеждением, что этого требует наша политическая чреда и, если суждены разочарования, то необходимо все же-таки разочароваться, пойти

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. навстречу. Это Вы, конечно, поймете. Не скрою, конечно, что здесь играли роль и мотивы личные, – утомление Киевом и полная безнадежность там. От политической экономии, кажется, не освобожусь и здесь. Очевидно "Народ" все-таки сделал свое дело. Приезжайте в середине сентября. если будут начинания, Вы здесь мучительно нужны. С Валентином Павловичем мы сходимся в стихии "Стойте в свободе", но по-прежнему и непримиримо расходимся в понимании задач журнала (что символизируется в вопросе о Мережковских). Он настроен по-прежнему сектантски, и это очень тяжело, как-то тесно. Обсуждаем вопрос о съезде, разные проекты так и роятся. Прелестен ельчанинов. Вообще все-таки здесь завертывается узел. О журнале ничего нового нет. Попы – дрянь и ерунда – ничего не сделали и едва ли сделают. Ефимов платит, несколько увлечен успехом (действительно большим) "Стойте в свободе", но ждет убывка от сборника, а я еще больше, чем он. Я печатаю у него первый выпуск "политической экономии". Для Вас деньги получены Галаниным за брошюры пока. С Сытиным я говорить готов, но говорят, его дела плохи, а кроме того, он принял на себя "еженедельник" Трубецкого. Совсем потерял голову этот человек. Мое участие в "Русском Слове" было для опыта и, главное, мне хотелось в распространенной газете поместить статью о Розегере <?>. Расчитывались со мной по 5к. (!) за строчку, впрочем, м<ожет> б<ыть>, тут недоразумение.

Опыт журнала при моем перызде несомненно будет сделан, но внутренне без Вас это будет мука и, м<ожет> б<ыть>, прямо для меня непосильная, вследствие сектантства. Хотя и временно, но мы Вас вызовем.

Я Мережковским ничего еще не написал и рад, что и Вы еще не готовы. Напишу "Христос и Антихрист в социализме", но опоздаю. Я нахожусь, как Вы верно угадали, опять в полосе "религиозного участия в общественности", лето дало себя знать. Огорчу Вас до конца: если будут выборы, в чем сомневаюсь, пойду в Думу, не так, как весной собирался, а именно во имя этих настроений, религиозно-общественных. Валентин Павлович меня понимает и одобряет. Конечно, не надо преувеличивать своих сил, трудности велики, но надо испытать.

Вдова Достоевского обратилась ко мне с просьбой срочно написать очерк о нем для полного собрания сочинений, – с Мережковским она разошлась. Я и смущен, и увлечен, и затруднен, ибо трудно настроиться в такой срок. Однако отказать было невозможно, согласился. Кроме того, немного смущает Мережковский, хотя ведь она права и дело ясно. Не написать ли ему? Буду занят ближайшы время этим. Буду до 2-го в Ливнах, а там опять в Крыму. Квартуру нанял в Б.Афанасьевском пер. д. Борщева, кв. 4.

По-видимому, осенью будет не до литературы и не до выборов. Вообще, волна подымается, почва колеблется. Как меня огорчает Ваше здоровье, Валентин Павлович тоже совсем болен (сердцем), ходит как старик.

Обнимаю Вас. Ваш С.Б.

47. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову <19.08.1906. Москва – Тифлис>

19 августа 1906 г.

Дорогой Саша! Ты просишь по правде сказать тебе насколько ты нужен в Москве. Ты страшно нужен. Но это не значит, что ты должен приехать. Духом ты с нами и мы с тобой. Так что речь может быть лишь о необходимости твоего физического присутствия. Ну вот мне кажется, что это вовсе не так уж нужно. Постепенно я вошел вполне в практическую сторону дела и с помощью Чмича (который стал исполнять поручения с большой готовностью) справляюсь с хождениями по Ефимовым[284], Унфугам[285] градоначальникам, типографиям и пр. и пр. конечно с тобой это было бы значительно проще и с меньшим трением. Но все же мы справляемся удовлетворительно. Во всяком случае дело не останавливается. Так что ты не мучайся и оставайся с Соней[286], сколько будет нужно и впрочем сколько будет можно. А это "можно" определится для нас когда 1) получится разрешение (его еще нет), 2) когда мы будем готовы к открытию "кружков" (а мы еще совсем не готовы – нужно выработать программу и пр., что нами еще не сделано). А когда это все обозначится, мы напишем тебе или в крайнем случае дадим тебе телеграмму. А пока не беспокойся. Тебе следует больше отдохнуть от сутолки, которая окружала тебя здесь. Ведь все лето ты был усиленно занят. Я очень радуюсь за тебя и за то, что финляндская природа так хороша <...>.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
48. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[287] <4.09.1906. Кореиз – Симбирск>

Ст. Кореиз

Милый Александр Сергивич!

Простите меня, что я так лениво и нерадиво отнесся к Вашей просьбе, которую исполняю только сегодня – написал к Достоевской (адрес ы: СПб, Спасская, 1), но думаю, что это не поздно. Мешали разные дела. Очерк пишу, мучит он меня бесконечно, но боюсь, что не удастся, – пишу все-таки об общественных воззрениях, конечно апологию. Мережковского статья – возмутительное кощунство над памятью Достоевского (вплоть до неверных цитат включительно), вдова права, что отвергла такую статью[288], и как ни коряво напишу я, все-таки я благоговей и люблю Достоевского и не буду кощунствовать. Письма А.Г.Достоевской очень деловые, чересчур, я Вам покажу[289]. Статья о Достоевском меня затянула[290], и теперь я не знаю, когда и как справлюсь со статьей для сборника Мережковских. А у тех все новые проекты: теперь уже два сборника: один об революции (для революционного райка?), а другой об анархии (последняя игрушка!) и, главное, к этим сборникам проектируются наши портреты и биографии, о чем просят Вас и меня. Вот бы злорадствовали москвичи! Уж не знаю, как отверчусь. Насколько привлекательно мне казалось быть с ними в общерелигиозном сборнике, настолько расхолаживаюсь теперь. Но все-таки постараюсь быть, хотя бы без портрета (!). Нежность с Мережковскими, конечно, искренняя с моей стороны в известных пределах, их же не преидешь[291], кажется никогда, привела к тому, что Дмитрий Сергивич помимо моего ведома и ведома Н.А.Бердяева завел переговоры с Пирожковым о журнале под моей редакцией, и тот готов вступить в переговоры, особенно, если я принесу с собой денег.

Но, конечно, все это чушь, да и Пирожков настолько подсажен[292], что надо справиться у Струве, да и с Николаем Александровичем неловко. Ответил, что принципиально от разговоров с Пирожковым не уклоняюсь, но считаю необходимым предварительно переговорить со Струве и Бердяевым. Последний, напротив, смотрит на журнал безнадежно. За лето он написал целую книгу, и "религию и мистику" дает Мережковским в сборник[293]. Страшно ругает "Взыскующих". еще бы! Я в Москве буду, вероятно, 18-го. Я-таки заделался на политическую экономию в Вольный Коммерческий университет, увы и ура! Так что буду при своей тачке, но обеспечен.

Получил и прочитал наш сборник[294] и нахожусь еще в периоде острого им отравления. Объективно я им все-таки доволен, потому что в корявой форме он содержит здоровое и даже значительное зерно. Это, если не событие, то все-таки, – факт и знамение. Но вижу, что сектантский догматизм москвичей так значителен, разногласия – при действительном единстве настроения – так велики и неустранимы (сравните хотя последнюю мою статью и Эрна), что с этим надо считаться. И я впервые вижу и чувствую, что мы, пожалуй, общего журнала вести и не можем, иначе расплзется хуже. М<ожет> б<ыть>, я и ошибаюсь, но сейчас мне кажется, что этот журнал, о котором мы с Вами думаем, может вести Бердяев, подобно тому, как Иерусалимом лучше всего владеть туркам, а не одному из вероисповеданий, в интересах христианской веры. Обо всем этом много будем говорить лично. Сейчас для меня бесспорен тип "Трудов Соловьевского общества со стенографическими отчетами". "Стойте в свободе" особь статья, здесь я с Вами все-таки не согласен, и уж очень Вы омонастырились, – правильно ли это? А все-таки в сборнике есть жар души, а это главное!

Пока кончу. До свидания! Целую Вас. Ваш С.Б.

Представьте себе, что как ни тяготит меня политическая экономия, но теперь, в виду призывов к "общению имуществ"[295] и прочей детской белиберды я должен чувствовать себя экономистом и хочу быть экономистом. Ибо или к черту культуру, или же науку надо тоже уважать, иначе Лашнюковщина[296] выходит!

49. С.А.Венгеров[297] – А.С.Глинке[298] <7.11.1906. СПб – Симбирск>

С.Петербург, 7.11.1906 г.

Семен Афанасьевич Венгеров

Разъезжая №39

Многоуважаемый

Александр Сергивич!

Только теперь имею возможность послать Вам листы с библиографией Достоевского.

Ваш С. Венгеров

50. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[299] <26.11.1906. Москва – Симбирск>

Дорогой Александр Сергивич!

Пока ефимова в городе нет, и я не мог его спросить о Вашей брошюре. По словам В<ладимира> Ф<анцевича> сейчас он принимать новых изданий не склонен, и следовательно, надежды мало, хотя я и спрошу его. Гершензон[300] отыскал и ему переслал Ваше письмо. Кажется, Вы обмануты Ремизовым.

Ваш С. Б.

51. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[301] <15.11.1906. Москва – Симбирск>

Дорогой Александр Сеогвич!

Письмо к Галанину еще не отправлено, не удалось еще добыть адреса. Отправляю. Надо бы Вам писать много, лень и не сумею. Потому буду протоколен. Общество открыли и пока удачно, точны, не неудачно. На моем реферате[302] было много народа, – хорошая публика, – слушали терпеливо и с интересом прения на непривычные темы (по содержанию мало интересные). Хотя и поругивают, но есть и похвалы и большой интерес. На Галанинском реферате[303] (закрытое заседание) были оживленные разговоры. Не без смущения думаю о публичном реферате Валентина Павловича о терроре и бессмертии[304], однако внутренне боюсь. Затем до Рождества имытся на публичном заседании Аггив (предлагающий о пессимизме у Андрыва[305] и Метерлинка[306]!!! Надеюсь, переменит! и Бердяева[307]).

Вообще, это дело началось и, надеюсь, пойдет. Эх жаль, Вас нет, как Вас мучительно не хватает. Но важны и труднее другое дело, с журналом. ефимов меня не вызвал и сначала отказался Эрну от журнала. А затем при одной комбинации, выразил Эрну готовность в виде пробы издать номеров пять журнала "Христианство и социализм"[308] (с 1-го декабря) с тем, чтобы, если клюнет, поставить дело широко. Эрн пришел ко мне с готовым предложением, отказаться от коего невозможно. Дело теперь стоит так. Объявление, по моему предложению (чтобы избежать худшего) таково: "издается при постоянном участии нас, сотрудников "Вопросов Религии", Аггеева, Карташева, Успенского, Зеньковского, ельчанинова". Буду настаивать, что подробный список будет опубликован впоследствии. Пока не из-за чего огород городить. В редакционной статье будет указано, что у нас нет редакционной точки зрения, как это и было предположено. Проект я составил я, надеюсь облагородить извне это внутренне неблагообразие. Дальнейшее привлечение "еретиков" не возбуждает, да при такой постановке дела, и не должно возбудить скоро, я однако это еще оформлю. Сейчас ответственным редактором – Валентин Павлович, издателем – ефимов. Я думаю, это ничего. Первые действия, которые мы должны предпринять, если журнал пойдет, это выписать Вас (примерно в январе), а затем повысить гонорары, которые пока 50 р. за лист (в сорок тысяч букв!), при трех листах в номере. Внешность будет приличная. Рекламу буд-то бы ефимов будет ставить широко. Вчера мы обсуждали проект содержания пяти номеров. Можно сносно поставить своими силами с постоянными отделами. Конечно, слишком много будет нелитературного материала, но я с этим временно мирюсь, может быть, так даже легче зацепиться. Очень просим Вас все – и я в особенности – если можно, – поскоры, – возможно скоры, – несколько статей небольшого размера (не болы 10 -и стр. нашего 40 тыс. буквенного листа), темы по Вашему усмотрению: м<ожет> б<ыть>, дадите то, что прочили в "еженедельник", а м<ожет> б<ыть>, напишете то письмо ко мне о христианской ответственности, что предполагали; или даже, например, о "Взыскующих", м<ожет> б<ыть>, это даже будет особенно кстати (вообще к внутренней полемике придется часто прибегать).

Вообще не обессудьте, на Вас рассчитано и оставлено два места, да это и нужно хотя бы для аудиатур ет алтер парс[309].

Мне одному будет (уже есть) и трудно и тяжело, но внутренне я спокоен. Во-первых с неудачей этого опыта для меня внутренне уже очень мало связано, не то, что с "Народом", во-вторых, я считаю возможным успешное развитие дела, в-третьих, если в результате выяснится и окончательная для нас невозможность работать вместе литературно, то я надеюсь, что это только и ограничится литературой. Но все-таки, всякое соприкоснове с тем, что Вы вполне справедливо называете "вымогательством чуда", тяжело для обеих сторон. Однако я настроен так, что страдать надо, и трение будет всегда, лишь бы что-нибудь вышло. Конечно, страшно не хватает Вас, но что делать.

Не знаю, когда я буду находить время писать, я совершенно раб лекций. Вступительная лекция в Университете прошла тускло, было не столько народа, сколько ожидалось – кажется, не было объявлено – теперь ничего, слушают хорошо. От Достоевской как-то имел письмо, она хворала что-то. Выход 1-го тома задерживается, неизвестно почему. Для Вас от меня, от ны нет ничего. От здешней сестры Соловьева, Надежды Сергивны, надымся получить письма его к Аксаковой. Получил сегодня "Век", – то, что и ожидалось, но я допускаю, что он может иметь значение для причисывания чумазых. Там недурен Михаил [310].

Ваш С.Б.

52. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке [311] <30.11.1906 Москва – Симбирск>

Дорогой Александр Сергивич!

Вы имыте все основания сердиться на меня за молчание, но я так устаю и у меня так мало времени, что трудно собраться написать письмо. Ваше последны письмо получил и перечувствовал, да чувствовал и раньше, сами знаете. В одном Вы оказались неправы: дело это устанавливалось прочны, чем Вы думали. ефимов увлекся и сказал, что он будет издавать год, и решил широко поставить рекламу (о списке сотрудников не беспокойтесь, я много думал, и придумал компромиссный исход, который не обидит, надеюсь, никого). Но не успел ефимов согласиться, как получил известие, что Сибирская ж.д. сдана обманным образом вместо него какому-то черносотенцу, и это так его подорвало, что он сразу отказался и от журнала, и от "Религиозно-общественной библиотеки". Теперь, однако, существует серьезная надежда, что торги будут опротестованы и права его восстановлены, тогда он будет издавать журнал на прежних началах. Это выяснится на днях. Относительно же Гл. Успенского он отказал наотрез, и вообще, надежд на серию у меня нет. Владимир Францевич, с его согласия, возобновил переговоры с Сытиным, но только вряд ли будет толк. Поэтому пока – последние дни – эта боль журнальная и не болит.

В Соловьевском обществе очень интересно (страшно жаль, что нет Вас с нами), многое здесь, конечно, тоже болит, характер, вообще, "московский", но все-таки хорошо. Только начинаются придирки администрации, вряд ли удастся устроить намеченный реферат Бердяева, закрытые заседания происходят каждую неделю с интересными прениями. Все-таки это пока является единственным, что чуть-чуть оправдывает жизнь здесь, поналезло лекций, суеты и мелочей. Характер наших отношений тот же, скоры лучше, сживаемся, на общем деле срослись, пожалуй, уже, хотя на манер сиамих близнецов!

Относительно журнала не беспокойтесь, все, что Вы пишете и чувствуете, я знаю и стараюсь осуществлять по мере слабых своих сил, хотя мне одному и трудно. В "Веке" уже перегрызлись и расплевались, вчера получил уморительное и вместе грустное письмо об этом от Колачева. Тернавцев [312] чрез Успенского обратился ко мне (а косвенно и к Вам) с предложением хлопотать о приглашении меня на Собор [313], чему он придает большое значение (симптом его отчаяния и растерянности). Меня сильно взволновало это, но взять на себя заведомый грех неделания я не решился. Отвечаю сегодня так, что я не бойкотирую собор принципиально из-за того, что он принадлежит церкви "Петровой", а не "Иоанновой", участие же или неучастие в этом лже-соборе есть вопрос тактики, который сейчас я решить не могу, а рещу лишь в последнюю минуту.

Для того, чтобы хлопотать, если находит нужным, Тернавцеву достаточно, по-моему, и этого ответа, да едва ли это не фантазия все.

Читали ли Вы истерический выпад Михаила [314] в "Товарище" об его

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. принадлежности к народно-социалистической партии? Окончательно растрепался монашенок, да, вероятно, не долго и удержится на нем монашеский клобук. Но что же будут делать с ним власти? Во всяком случае положение любопытное.

С моими выборами вопрос открытый, конечно, хотя мое настроение остается прежним и я предполагаю активно участвовать. Кажется, Достоевская не дает Вам ничего или почти ничего, судя по фальшивому тону ы причитаний в письмах, и по тому, что до сих пор она даже письма Соловьева не присылает. Гершензон отрекался и Вам, кажется, уже написал.

Целую Вас. Простите за краткость. Ваш С.Б.

53. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[315] <4.12.1906. Москва – Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич!

Снова придется Вас разочаровать. Сегодня узнал, что Столыпин телеграммой запретил сдавать Сибирскую дорогу ефимову, и дело наше окончательно провалилось. Ужасно больно сообщать Вам об этом, потому что для Вас это новое разочарование и последняя надежда зацепиться за Москву. Да кроме того, Вы уже, я вижу, известным образом настроились, отбились от работы о Достоевском, начали писать обдумывать... Нет над нашими начинаниями благословения Божия. У меня самого очень смешанное чувство и вместе с горечью есть некоторое облегчение. Во-первых, я не был увлечен а трения давали себя чувствовать; во-вторых, я слишком устал и раздерган, и хочется думать и писать что-нибудь болы серьезные, после голодухи, во время лекций. Статьи Ваши я перешлю в "Московский еженедельник"[316]. Я прочел возражение мне[317]. Боли у меня нет, чего Вы опасались, но есть некоторая досада на Вас, во-первых, за Мережковского, во-вторых, за Достоевского. Касательно первого Вы отнесли к нему и его писанию без обычного импрессионизма: ведь это кощунственный канкан на могиле Достоевского, вбивание осинового кола, щеголяние во вновь примеренном костюме – анархическом. Ведь это самоновейшы открытие, что государство, а не только самодержавие от Антихриста (к чему Вы так благодушно отнесли в конце статьи), и декламации на эту тему с искажениями текста (второе искажение, Вами не упомянутое, об византийском попе, еще хуже первого). Мережковский искажает текст Достоевского, а Вы с ним просто не считаетесь, больше доверяя нутру и прямо отвергая значение его слов. Это неверный путь. Пусть я неправ, сглаживая психологические неровности Достоевского (чего я однако не делаю), но я прав текстуально о Достоевском как писателе, и на иную правоту не притязаю здесь. А Вы пускаетесь в психологический сыск а ла Шестов. И затем Вы напрасно проглотили ту интерпретацию, которую я со своей стороны даю царизму русского народа и которой противостоят Ваши и Мережковского заключения. Во всяком случае, оказаться здесь в обществе Мережковского – что-то странное. Благополучия во мне нет, я очень чувствую хаос и бездну в Достоевском, но принципиально провожу границу чисто психологической критики и музыкальному импрессионизму. В конце концов, мы стоим здесь на разных путях подходов, но Вы не можете отрицать раисон д'етре такой критики. Не подумайте, что я сержусь, но у меня иногда бывает такое чувство, что Вы слишком декадентничаете, облегчая себе задачу: так в политике, так и здесь. Простите ругательный тон, Вы знаете, что это любя.

Завтра реферат "Террор и бессмертие" Валентина Павловича[318]. Я не спокоен, как пройдет все, хотя вообще надеюсь на лучшы. Его речь сильна, я люблю его слушать и люблю его говорящим (хотя и не всегда). Но вообще мы видимся не по делам редко (вследствие занятости), и я не чувствую, чтобы наше сближение шло в ногу с географической близостью, но зато нет никакого отдаления. Незаметно срастаемся. Конечно, страшно не хватает Вас, я часто теоретически это соображаю, как много бы это давало.

Бедный о. Михаил! Я очень боюсь за него, не только внешне, но и внутренне. Я подобно Вам воспринял его статью в "Веке", а письмо в "Товарищ"[319] раскованны и еще странны[320]. В "Веке" перегрызлись и Колачева выперли, о чем он писал под секретом[321].

Иметь надежду на издательство Ефимова теперь нельзя. Как-то я встретил Саблина, и он на меня набросился, хотя разговор прервался, да я и не склонен был его поддерживать. Не снесетесь ли с ним? Только он все-таки не ефимов!

В "Перевале"[322] была помещена устрашившая меня заметка, что с января

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Пирожков издает еженедельный журнал под редакцией Мережковского (т.е. Гиппиус?) [323]. А ведь это возможно. Здесь есть положительные в литературном смысле (что Вы жаждете) стороны, но в общем я во всяком разе к этой комбинации отношусь несравненно более отрицательно, чем к московской. Однако м<ожет> б<ыть> здесь возможны еще соглашения и переговоры, но слишком много личного.

Обнимаю Вас

Ваш С.Б.

54. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке [324] <14.12.1906. Москва – Симбирск>

14 декабря 1906 г.

Милый Александр Сергеевич!

Я получил Ваше последнее письмо, тяжелое оно, больно с Вами душой и люблю Вас, но поделать ничего не могу. Журнал, как Вы уже теперь знаете, окончательно лопнул. Сейчас я лично этим положительно доволен. Во мне совершенно определилось, что, если что и будет, то не сейчас и не скоро. К "агитации" церковной сейчас не чувствую влечения, а, в меру нужды, могу удовлетворить и в "светских" газетах, а что до внутреннего, то хочется именно подумать, заглянуть в себя (благо лекции остановились) и не дрожать в журнальной горячке. Кроме того, надвигается дума, в которую попасть я имею шансы (хотя и почти не верю в ее результаты). Наконец, это утомительное чтение... Но за Вас мне больно, Вы теряете гораздо больше. Статьи Вашей из "Русского Слова" я не получил. Если Вы получите из него отказ, то обратитесь к Трубецкому и в письме упомяните, что я имею с ним о Вас говорить. Я могу его совсем не увидеть, но это полезно. Думаю, что написать лучше к нему, потому что, хотя он и не входит фактически в журнал, но, конечно, имеет решающий голос. Возникает новая кадетская газета. Я не знаю, насколько Вы можете написать что-либо там приемлемое, но готов сказать Новгородцеву в случае нужды. Мыровича видал всего два раза. Кажется, ему трудно материально, но он все-таки еврей, следовательно, ему все с гуся вода [325]. В затруднительном положении оказался здесь Лундберг [326], статьи которого приходится призраивать без надежды на успех.

Соловьевское общество постигла первая неудача. По поводу доклада Валентина Павловича возникло целое дело. Был сделан кем-то донос, что он проповедовал террор (в действительности, он, конечно, его отрицал, но так, что имеют основания доносчики, и не только внешние; Вы это, впрочем, сами знаете). Уличный "Век" (здешний) [327] пустил слух, что Валентин Павлович арестован, и это пошло гулять по всем газетам. Меня вызывал для объяснения градоначальник и спрашивал, верно ли это обвинение и как ему относиться к Обществу. Я представил положение дела. Он был вполне вежлив. Предстоит еще объяснение Валентину Павловичу, которому по словам градоначальника, предстоит "наказание" (как и полицейскому, за то, что находился во время чтения в соседней комнате). Из-за этого реферат Бердяева запрещен. Я однако надеюсь, что сейчас это уладится и нам разрешат следующие заседание, но не думаю уже, чтобы общество было долговечным, на что впрочем нельзя было и рассчитывать.

Я однако ожидал все время от этого реферата Валентина Павловича таких осложнений и внутренне (боюсь, что м<ожет> б<ыть> и из малодушия, но во всяком случае не из-за него одного) ему противился, но наружно этого не выражал, ибо не имел оснований, да это было бы и бесполезно. Надо, впрочем, сказать, что для своей темы реферат был еще цензурен, прения – мены. Однако, м<ожет> б<ыть> эта история послужит и обществу на пользу в общественном мнении.

Читали ли Вы безвкусную и недобрую выходку Д<митрия> Вл<адимировича> [328], в которой совершенно определено слышатся супруги Мережковские, против "Века" и "Институтков"? Мне было больно читать, и эта отчужденность опять почувствовалась. Статейка произвела свое впечатление на заинтересованных лиц. Даже Аггив, который вообще, как сам пишет, "теряет почву", взволновался. Я дал-таки после второго письма Никольского [329], совершенно никчемную и пустую статейку в "Век", навеянную именно статьей Дмитрия Владимировича (хотя в ней и нет прямой полемики) [330]. А Колачева уже выслали из редакции. Подписка идет хорошо, по словам Аггива, болы 1500

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах подписчиков. Нет, этот орган может пойти, он погибнет от недостатка сотрудников, а не подписчиков!

Относительно Тернавцева и собора Вы правы, да ведь я и не дал согласия оставив решение за собой, я ответил только, что принципиально согласен и оставляю руки Тернавцеву свободными.

Что Вам сказать насчет Думы? Остается в хладном сне и бессилии. Я испытываю сейчас только потребность самоуглубления. Внешние мелочи и суета, даже "кадетские" комиссии меня не тяготят, даже, очевидно, нужны для какой-то стихии, как и Дума нужна, и пусть! Вообще же я все больше проникаюсь настроением, что мы стоим еще накануне таких великих событий, перед которыми и Государственная Дума, и наши практические замыслы – сущие пустяки. И все больше начинает казаться, что хотя религиозно и неправ Мережковский, но он может оказаться исторически прав, т.е. что вся историческая черносотенная церковь пойдет на слом, история заставит забыть о ней раньше, чем станет ощутительно явление Церкви. Не знаю почему, поэтому или по-другому, но мне легче сейчас в светской среде, своего рода настроение Антона Владимировича [331] и мало заботы о полах, хотя я и считаю себя обязанным. Впрочем, это случайно и временно. Я принимаю Ваше предложение о Лашнюкове, но он сейчас, по словам Зеньковского, скрывается, и я ему не посылаю сейчас. Вот что, Александр Сергеевич, не испытываете ли Вы сейчас какого-либо острого кризиса? Имейте в виду, что у меня Вы можете перехватить, сколько Вам нужно, безо всякого ущерба для меня.

Ну Христос Вами!

Как Ваше здоровье? Видели ли Вы о. Михаила?

55. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке [332] <22.12.1906. Москва – Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич!

Я говорил с П.И.Н<овгородцевым> [333] о Вашем участии в качестве литературного критика в газете "Новь" (новая кадетская московская газета). Он сам выразил принципиальное согласие и рассчитывает, что в редакции не будет принципиальных возражений. Следовательно, Ваше сотрудничество здесь эустрию факти. П. И. предлагает Вам прямо прислать статью для опыта (конечно начните понейтральнее – по возможности), а там постепенно выяснится, выйдет ли что-либо. Пока у газеты, кажется, нет избытка материала. Пишу это, условившись с П.И.

Хороших праздников!

Ваш С.Б.

56. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке [334] <28.12.1906. Москва – Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич!

Адрес Струве: СПб, Таврическая, 19. Напишу на днях большое письмо, сейчас получил от Вас. Получили ли Вы мое письмо насчет "Нови"? Очерки о Достоевском уже печатаются. Только теперь с большой симпатией и интересом прочел Вашего Гаршина [335].

1907 год

57. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке [336] <17.01.1907. Москва – Симбирск>

Москва, 17 января 1907 г.

Дорогой Александр Сергеевич!

Простите меня за молчание, все не удавалось Вам написать. Ездил в Ливны, а затем откладывал со дня на день. Отазываюсь поэтому отвечать на все Ваши письма, пишу, что вспомню.

Моя предвыборная агитация в Ливнах состояла только в том, что я там показавшись и кой с кем поговорил. По городу, кажется, я пройду, пройду ли по губернии, – не знаю. На меня уже начинает по началу нападать кошмар иногда, но идти надо, да, м<ожет> б<ыть> это и легче, чем не идти. Статьи Ваши

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
приняты, но напишите сами в контору "Нови" (Кузнецкий мост, д. Юнкера) о
высылке Вам газеты, иначе не добьетесь толку. Последнюю статью Вашу
передал.

"Взыскующие"[337] очень милы, и я счастлив, что очень люблю их последнее
время; хотя все-таки радуюсь, что нет журнала и не желаю его сейчас.

Эрн женится в январе. На Валентина Павловича был довольно интересный донос
в "Московских ведомостях". Разрешат ли нам заседание
Религиозно-философского общества теперь с Бердяевским рефератом, я не
знаю[338]. Сегодня у меня был В. А. Тернавцев, который в Москве и которым
я, как всегда, увлекаюсь. Но тяжело, что все вразброд. Он возобновил
прежние свои предложения (относительно собора) относительно меня и Вас. Я
думаю, что его домогательства потерпят неудачу независимо от его желаний.
Говорили с ним об Апокалипсисе[339]. Интересно! Обещал мне отыскать
рукопись Бухарева об Апокалипсисе[340]. Завтра пойдем с ним смотреть в
Художественный театр "Бранда" (я уже видел, – это событие!)[341].

Лашнюков в больнице, все болеет. К Рождеству я получил от него чудное
письмо. В. В. Зеньковский тоже констатирует очень хорошее его настроение. Я
счастлив, что снова люблю его, как и раньше (хотя это – маниловщина, –
забывать так легко то, что не следует). Я посылаю ему понемногу денег.

Эрн привез из Петербурга проект реорганизации "Века" на кооперативных
началах. Уже за три тысячи подписчиков, преимущественно – духовенство. Уже
это одно налагает на нас обязанность его поддерживать. Пишите туда хоть
иногда по самым принципиальным вопросам Церкви, все-таки стоит. Например,
хотя бы в вопросах, затронутых философским. Последний прислал мне письмо, в
котором выражает сожаление относительно своей статьи[342] и просит
пристроить другую, более принципиальную. У них явилось мнение, что у нас
есть журнал, в который, следовательно, они не приглашены. Я разъяснил
положение вещей. Они, оказывается, выпускают свой сборник, обещают
прислать. Значит, решили обойтись без нас. Их статьи, слышно, есть уже в
"Русской Мысли".

Я как-то не умел воспользоваться праздниками. Думал много, но бесплодно,
болел душой. Меня взволновала статейка Карташева в "Веке"[343], Вы
догадываетесь чем: опять мерещковщиной повеяло, а в нем мне это так больно
видеть. Написал полукомпилятивную статью в "Русскую Мысль" и больше
ничего[344]. Иногда так тянет к большой работе и книге даже...

Пирожков отказал издать второй выпуск "Вопросов Религии", ссылаясь на то,
что с осени он будет издавать журнал – уж не знаю какой. М<ожет> б<ыть>,
здесь обида на меня. Переговоры велись через Могилянского и Эрна.

Говорят, Сергей Соловьев поместил в "Перевале" враждебную рецензию о
"Вопросах Религии"[345]. Я его не знаю лично, но очень к нему заочно
расположен, и мне это больно, тем более, что здесь приходится расхлебывать
чужую кашу.

Прощайте и еще раз простите, милый Александр Сергеевич! Да хранит Вас
Господь! Как Ваше здоровье?

У меня начались лекции. Если буду выбран в Ливнах, то в начале февраля
предстоит ехать в Орел на выборы.

Ваш С. Б.

58. С. Н. Булгаков – В. Ф. Эрну[346] <21.01.1907. Москва–Москва>

Дорогой Владимир Францевич! Не имея почтового адреса Валентина Павловича,
обращаюсь к нему через Ваше посредство. Передайте ему, что я прошу его дать
мне возможность познакомиться с текстом его реферата[347] заблаговременно,
как это делал он в прошлом году. А сверх того, хорошо бы по этому поводу
вообще с ним поговорить.

Ваш С. Булгаков

59. П. А. Ивашева – В. Ф. Эрну[348] <22.01.1907. Москва – СПб>

Дорогой Владимир Францевич! Прежде всего мне хочется сказать Вам, что мне

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. очень-очень понравилась Ваша статья "Наша вина"[349]. До чего это все верно, что Вы там в ней написали, – ох, до чего верно! По-моему, ни разу не писали Вы так хорошо. Я прочла и перечла ее, и чудно то, что после этой статьи точно ниточка какая-то протянулась от Вас ко мне. Ужасно хорошо, что Вы так написали!

А теперь вот: была сегодня у присяжного поверенного. Он говорит, что это дополнительное обвинение, которое ко мне предъявляется[350], плохо тем, что оно предъявляется прокурором. Оно по 103 статье и грозит каторгой. Присяжный поверенный говорит, что он думает, что все это все-таки можно будет свести к году крепости, причем на кассацию надеяться нечего, так как теперь приговоры Судебной палаты всегда подтверждаются.

Кланяйтесь от меня Евгении Давыдовне. Всего Вам доброго, всего хорошего от самой-самой души.

Ваша П.Ивашева.

Опять хочется мне повторить Вам, что почему-то особенно как-то дошла мне до души Ваша статья, и мне очень хочется сказать Вам настоящими словами то настроение и то отношение внутреннее к Вам, которое она во мне вызвала. И я думаю, что если я и не сумела все это передать Вам словами, то Вы все равно почувствуете это.

22го января 1907 г.

60. А.В.Карташев – З.Н.Гиппиус[351] <6.02.1907. СПб>

<...> Бердяев только что приехал из Москвы. Читал там реферат в РФО[352]. Затекает открыть такой же и здесь ...

Булгаков поразил Бердяева. Уже критически относится (и даже очень) к Эрну и Свенцицкому. Не может ходить в правительственную церковь, враждует с аскетизмом, носится с Песнею Песней, говорит о значении пола в религии[353] (чем даже "терроризировал свою жену"), говорит о новом откровении и не ждет многого от попов. <...>

61. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову<8.02.1907. Москва – СПб>

Дорогой Саша! Пишу тебе письмо, потому что очень хочется чтобы ты знал о том очень большем, что нам пришлось пережить за последние дни. Произошло объяснение с П<еллагей> А>лександровной>[354]. Ты знаешь что оно назревало уже давно. Сложность и запутанность наших отношений с П.А. становилась с каждым днем все мучительнее. П.А. сама захотела поговорить с Валентином Павловичем. В.П. с радостью отозвался на это ее предложение, но поставил ей такое условие: чтобы при его разговоре с ней присутствовали я, Надя[355], Оля, и Чми[356]. Вал<ентин> считал это необходимым, потому что только при таких условиях разговор этот мог носить окончательный и исчерпывающий характер. Иначе П.А. могла бы свести его на один из тех обычных разговоров, которые она вела, кажется, со всеми, причем всем говорила разное. П.А. согласилась на это условие. Присутствие Нади было необходимо потому что, как только Надя приехала, П.А. сразу же посвятила ее во все, конечно в своем освещении, выставив себя жертвой, нами мучимой, и это сильно задело Надю. К нам она стала относиться с враждебностью. Для Чми это было необходимо для того, чтобы поставить последнюю точку на свои отношения.

Пришли мы все к П.А. как условились заранее, в среду вечером. Валентин спросивши предварительно, считает ли П.А. возможным, чтоб он говорил все ,без обиняков, и с такой резкостью с какой это им действительно переживается и, получивши от П.А. утвердительный ответ, стал говорить о том каковы наши, т.е. его и мои отношения к П.А., и почему мы к ней относимся именно так, а не иначе. Начал издали и спокойно. Говорил, что с самого первого знакомства ощутил в ее душе пустое место. Но никому об этом не говорил, до самого последнего времени, когда и другие стали замечать это же самое, как постепенно это пустое место стало расти и душа ее мертветь. Когда начинались ее отношения с Чми – последние остатки жизни в ней погбили и теперь душа ее темна, без проблеска, как какая-то черная, зловещая птица, омертвенная совсем, – что она подошла теперь к глухой стене, и ее ничто теперь не может спасти, если она сама не покается и не начнет новой жизни.

Говоря это, Валентин все с большей мукой произносил слова и такое страдание

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках. Слышалось в его словах, что становилось жутко.

на это каменным голосом и со сдержанной злобой сказала, что она не чувствует правды в его словах, что каяться ей не нужно и никакой новой жизни она начинать вовсе не хочет.

Валентин вдруг зарыдал: "она не чувствует, не чувствует, Господи!" Выбежал из комнаты, упал на постель – стал метаться в рыданиях. Мы все в страхе вскочили. Я стал молиться. Он прямо бился. Через несколько минут перестал, с усилием встал, шатаясь, пришел опять в комнату, попросил снова всех сесть и стал уже говорить более резко и властно. Сказал между прочим, что П.А. все может сделать. У ней нет внутренних сдержек. Она может украсть.

с какою-то наглостью сказала: "неправда!" Валентин тогда вскрикнул, как ужаленный: "Неправда? А Агаше Вы заплатили? (П.А. брала из Общества 9 рублей в месяц Агаше и ничего ей не заплатила и Агаша позволила это сказать).

И тут уже зарыдал судорогами потому что действительно упорство П.А. было какое-то нечеловеческое. Потом выбежал из комнаты. Я ему накинул пальто. Он, чуть не падая, сбежал с лестницы. Вся эта сцена носила тягостный характер. Чмич выбежал. Надя заплакала. А у П.А. вид был прямо демонический – такой злой, такой недобрый, что-то невероятное.

Мы вышли с Олей. Я пошел к ним за Валентином. Валентин лежал в изнеможении на постели в самом истерзаном виде и что-то шептал. Ему многое виделось в эти минуты, и он почти не сознавал, что делается кругом. Я побыл с ним немного – как вдруг раздался звонок, и в комнату вбежала Надя. Свалилась головой на грудь Валентину Павловичу и, рыдая, сказала: "Не то, не то, Валентин Павлович!" Валентин поднялся, стал целовать ее руки и твердо сказал:

"Нет, то, Надя, то!" Надя откинулась, упала на пол и ломала с плачем руки. Валентин опять поднялся, привлек с любовью к себе ее голову и стал утешать ее. Надя утихла, поднялась, отошла к окну и горько плакала, шепча: "Как больно, как больно!..." Я подошел к ней, утешал ее, но она все продолжала плакать. Валентин вдруг позвал меня и, очевидно не сознавая даже хорошо, как в бреду, стал говорить, что он видит страшное. Потом стал плача говорить: "Отчего меня Бог зовет? Ведь у меня только грехи, порочности. Я недостойн, отчего Бог не является к тем, кто Его призывает? <нрзб> отчего?" Потом опять лег. Все это долго тянулось. Я подошел к Наде, говорю: "Пойдемте." Она послушно встала за мной и пошла. Валентин оклинул ее. Она вернулась. Он заговорил с еще большей мукой, чем раньше, что он недостойн, зачем он видит так ясно. "Господи, возьми мою жизнь, чтобы мне не грешить". Надя закричала: "Не нужно, не нужно, Вы должны жить!" Валентин хотел ее перекрестить, но она вся перекосилась, и только сделав видимое усилие над собой, дала себя перекрестить. Она вышла в шеровскую гостиную темную, и там продолжала всхлипывать. Я пошел за ней. Она все плакала, потом захотела воздуху, но окно не открылось и она выскочила на улицу. Я пошел к Валентину. У него было очень странное состояние. Точно он откуда-то издалека, издалека возвращался к нашей действительности и не мог в ней сразу ориентироваться. Становился все радостнее. Тут между нами было сказано много такого, о чем я не могу даже писать. Отмечу только, что он становился все радостнее и светлее. Вошла Ольгуша, и он отнесся к ней с большой любовью. Из него прямо лила любовь. Светлые и радостные были эти минуты. Многое непосредственно открывалось из того, что нас окружало, и становилось прозрачным и ясным. Такая глубина жизни почувствовалась и близость. Посидели мы так, а потом оставили Валентина одного. Когда я вышел, из темной гостиной выбежала Надя с удивительно светлым лицом и еле сдерживаемым смехом.

"Я вас ждала, чтобы Вы перекрестили меня!" Я перекрестил ее, и она в таком же радостном настроении ушла домой.

Это позавчера.

А вчера П.А. пришла переговорить с Валентином. Валентин лежал совершенно больной, но позволил П.А. войти. Никого больше в комнате не было. П.А. со страшной злобой стала Валентина оскорблять, назвала негодяем, мерзавцем. Он лежал беспомощным, но все же приподнялся и сказал ей таким голосом: "вон!", что она повернулась и ушла. Валентин впал в обморочное состояние и как

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Сквозь сон помнит, что П.А. возвращалась несколько раз и что-то все продолжала ему говорить, но он уже не мог прийти в себя.

А сегодня Валентин получил самое резкое, бранчивое письмо от жены доктора <фамилия – нрзбр> (которая с ним не знакома). П.А. очевидно трубит обо всем происшедшем по всем знакомым. Расползается клевета. Она обещала мстить.

Многое, очень многое выяснилось окончательно.

Валентину лучше. Мы чувствуем себя бодрыми и крепкими. Очевидно еще предстоит много неприятностей, но во всяком случае громадная тяжесть спала, потому что дело уже развязалось. Пока прощай. Я утомлен до последней степени...[357]

62. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[358] <12.02.1907.Москва – Симбирск>

Москва, 12.02.1907 г.

Дорогой Александр Сергеевич!

Ужасно давно нет о Вас известий, и меня это беспокоит. Отзовитесь. 17-го я выезжаю в Питер. Избрание в Думу легло на меня, такой тяжестью, что я и не ожидал, хотя и стараюсь настроить себя так, чтобы идти туда во имя Господне. Но гнутя мои слабые плечи...

Ваша статья о Бирюкове напечатана в "Нови", и я думаю, Вы можете теперь посылать дальнейшее прямо Новгородцеву.

Вл<адимир> Ник<олаевич>[359] – плох, он болен нервным расстройством, граничащим, по словам В.В.З<еньковского>[360], с помешательством (уже однажды у него бывшим). Духовное же его состояние, насколько можно судить по письмам, очень просветленное.

Здесь был о. Михаил[361], читал и у нас, спорили, но без меня. Читал Бердяев[362]. Кажется, будет читать Шестов[363]. С «Веком» продолжается ерунда. Его можно сделать приличным, лишь взяв совсем в свои руки, но кому!? Я познакомился с Новоселовым, он очень мил и подлинно религиозен, Вам бы понравился[364]. «Взыскующие» благополучны. Затеваются ряд лекций, зародыш богословского факультета, пока без меня. Вообще, хотя и медленно, но дело развивается.

Не приедете ли Вы на север?

Целую Вас. Пишите.

63. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову[365] <19.02.1907. Москва – СПб>

Дорогой Саша! Отвечаю на твой вопрос: в "Церковном Обновлении"[366] 26 февраля будет читать Валентин о Бранде[367] в Соловьевском обществе это чтение уже состоялось и прошло хорошо. По всей вероятности привезу в Петербург готовый реферат о жизненной правде[368]. Если это действительно будет так, то я готов читать студентам, курсисткам и пр. – где будет можно. Хотелось бы читать раз. Валентину же выступать в Церк<овном> Обновл<ении>не хочется. Но если у меня не будет готов реферат, то он готов читать о Бранде в другом месте. Что касается отца Михаила, то Валентин самым решительным образом восстает против печатания "Господ и рабов"[369]. Завтра высылаю тебе статью для "Века": "Таинства и возрождение церкви[370]". Эта статья, я думаю, ответит на твое желание "основоположительных и серьезных" статей. У меня она написана вдруг. Здесь был Павлуша два дня.

Пока прощай. Твой В.Эрн

64. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову[371] <12.03.1907. Москва – СПб>

Дорогой Саша! Я был несколько дней болен и потому не мог быть у Ефимова. Вчера был у него и сказал, чтобы он написал Цукерману[372] о выдаче тебе книг на комиссию. Он сказал, что непременно напишет. Только Цукерман может выдавать не с 30-процентной скидкой, а 25-процентной. Завтра высылаю тебе "Правду о земле"[373], блокнот и свои две рецензии.[374]

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
65. В.Ф.Эрн – А.Ельчанинову[375] <16.03.1907. Москва – СПб>

Дорогой Саша!

Мне кажется, хорошо бы было поместить в отделе "Голоса печати" посылаемую выдержку из 72-го номера московской газеты "Утро"[376].

Вчера мы с Валентином открыли чтения наших курсов[377]. Публики было больше 200 человек.

Удачно и хорошо. Пока прощай.

66. К.М.Аггеев – В.Ф.Эрну и В.П.Свенцицкому[378] <17.03.1907.СПб – Москва>

Дорогие Владимир Францевич и

Валентин Павлович,

московские лекции бросают в озноб "раздувающегося иерея": пока минуты мне не дадут для нее. Съезду больше на Бранда: будет легче.

Поездке своей придаю другое значение. Одновременно с сим пишу о. Пospelову. Прошу его собрать куда-либо – лучше было бы к вам в общество, в понедельник вечером – отцов Добронравова, Боголюбского, Пятюкрестовского для беседы, – между прочим и по делам "Века": иначе я не успеваю с каждым из них поговорить. Помогите о. Пospelову[379] устроить это и отдайте сами им вечер.

Статей, статей, статей: иначе грозит "Морозовщина"[380] и вообще Никольщина[381]...

Целую вас. Любящий свящ. К.Аггеев

67. К.М.Аггеев – В.Ф.Эрну[382] <19.03.1907.СПб – Москва>

Очень рад, что мой доклад[383] назначен именно на 27.

У Вас буду 26-го.

Ваш свящ. К.Аггеев.

68. Э.К.Метнер[384] – л.л.Эллису[385] / [386] <19.03.1907. Мюнхен>

Мюнхен, 19. 03. 1907.

<...> Но допустим, что меня ничего не гнало бы из России и ничто надолго не удерживало здесь; все-таки есть еще одно препятствие к тому, чтобы взять на себя инициативу издания журнала и переговоров с Маргаритой Кирилловной. Я не верю в свои силы и способности; это может испортить дело с самого начала и это не сулит мне удачу в переговорах с Маргаритой Кирилловной, которая как сама она говорила мне, готова жертвовать только на то, во что сама уверовала и во что, как она видит, веруют те, кто ее побудили к этому. Вы помните, я передавал Вам мой разговор с ней по поводу "Руна"[387] и Бориса Николаевича, бывшего с ней недостаточно откровенным, и сообщил Вам о моей переписке в 1903 году с Борисом Николаевичем, наотрез отказавшимся говорить напрямик с Маргаритой Кирилловной об издании "Руна".

Я пока не начинаю переписываться с Маргаритой Кирилловной, которая в самом начале прислала небольшое письмо Аняте[388], а затем на ее ответ в свою очередь не отозвалась; я не знаю, в каком она там настроении, стороной слышал, что чем-то серьезно озабочена; издали, письменно очень трудно "заразить" ее нашей идеей; по всей вероятности в конце лета она будет здесь, тогда я поговорю.

Поверьте, дорогой Лев Львович, не из-за эгоизма я отказываюсь писать ей, а ради самого дела; я глубоко убежден, что Вы теперь могли бы лучше выполнить эту миссию; пойдите к Маргарите Кирилловне с Бугаевым раза два, а потом зайдите один и заговорите про журнал; но говорите от себя, тогда Вы демоничны, может быть и Борис Николаевич не откажется теперь затронуть с Маргаритой Кирилловной эту тему. Если она спросит, кто будет редактором, скажите, что Вы надеетесь уговорить меня. Надо быть откровенным с ней. Я

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. конечно соглашусь, если 1) к этому времени успокоюсь; 2) увижу, что это будет действительно полезно делу; 3) если Ваш выбор будет одобрен вполне Маргаритой Кирилловной. Со своей стороны обещаю Вам скоро написать Маргарите Кирилловне письмо, чтобы завязать переписку, которая впрочем (если не говорить о том, что мне постоянно некогда) сама по себе приятна мне, так как я люблю Маргариту Кирилловну за ее редкую в наше время здравость, естественность, основательность, – качества, не исключające в ней большой тонкости ума и сердца.

В своем письме к ней я поговю о Вас. А Вы теперь же смело идите к ней с Борисом Николаевичем, которому пока не говорите о "Мусагете" и о том, что я Вам писал в этом письме. Делайте все от себя. Вы больше одержимы Вашей идеей, Вы скорее всех достигнете результатов. <...>

Отложите свое негодование на меня до 1908 года..., а пока идите к Маргарите Кирилловне. Я убежден, что если есть какая-либо возможность склонить ее к журналу, Вы добьетесь этого. Только предупреждаю Вас: она мало понимает пока специфическое в поэзии, в особеннности, в романтизме; ее мысли вращаются больше вокруг вопросов культуры: как сделать, чтобы в России не только были отдельные культурные индивидуумы, но и появилось культурное общество, своя культура и т.д. [389] <...>

69. А.В.Карташев – З.Н.Гиппиус [390] <21.03. 1907. СПб>

<...> Эрн, Булгаков и прочие не "обманывают себя", стремясь к освобождению церкви от черносотенства, а искренно думают, что это возможно. Наше сознание, что это невозможно так же, как невозможно была любовь Христова в Ветхом завете, им совершенно непонятно. Это факт поразительный. И прямо страшный. Почти никто этого не понимает и не способен понять. Для этого надо иметь что-то в крови. Вот почему и страшит меня наше одиночество, наша "кружковщина", что никому в мире не приходит в голову, что земная жизнь, свобода, культура мистически несоединимы с евангелическим Христом. Эрн и компания собираются изобличить и проклясть эту ересь в "Веке". Написаны Эрном уже две статьи против Бердяева (без упоминания имени) и скрытно против всего направления Мережковского [391]. Открывается систематическая кампания и ждут ответов. Решили поэтому (а сначала отказали) напечатать и статью Дмитрия Владимировича переданную мной из "Телеграфа" [392]. Спрашивают ваш адрес с тем, чтобы посылать "Век" в Париж. Свенцицкий и компания все более берут "Век" в свои руки ... Где и как у Христа и апостолов пророчено то, чего чаем мы? Где Христос говорит о Своем новом Лике и точно ли об этом говорит? Это нужно внимательно выяснить в видах полемики с Эрнами <...>

70. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову [393] <23.03.1907. Москва – СПб>

Дорогой Саша!

Ужасно приятно получать большие письма. Но как трудно писать! Лекции у нас идут как по маслу. Как это ни невероятно, но действительно кладется первый реальный камень к будущему, думаю, гордому и величественному зданию Вольного Богословского Университета. Но зато я страшно устаю. Приходится писать невероятно много и ведь все на темы самые трудные и ответственные. Параллельно с этим приходится поглащать массу "литературы", и с каждым днем я чувствую себя все более господином своего предприятия. Вчера было наше второе выступление с В.П.С<венцицким> [394]. Народу было опять более 200 человек. Лекции сошли еще удачнее, чем в первый раз. Настроение было очень хорошее. В понедельник 17-го начали в помещении общества [395] читать Каптерев [396] и Тареев. Каптерев читал интересно. Но Тареев просто "сногшибательно". Это талантливейший человек [397]. Публики было немного, около 40. И то Валентину и мне пришлось почти насильно заставить придти всех шеровских и королевских девиц. Но зато теперь уже будет иначе. От лекции Тареева все, в том числе и девицы, пришли в такой восторг, что решили не только сами посещать его аккуратно, но пропагандировать его возможно шире и создать ему действительно достойную его аудиторию. 25-го реферат Бугаева "Социал-демократия и религия" [398], 26-го лекция Тареева, [399] 27-го реферат Аггеева [400], 29-го лекция Валентина и моя [401] – в результате выходит, что мы бомбардируем московскую публику заседаниями [402]. И ведь ходят и платят покорно за билеты и не ропщут. Прямо чуть ли не стыдно становится.

На твои вопросы я могу ответить следующее:

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
По всей справедливости жалованья себе ты можешь прибавить. [403]

Я сдержу свое обещание и буду присылать статьи раз в две недели наверно, а может быть и больше. Вот и сейчас шевелятся в мозгу несколько статей. Да уж физика не выдерживает. Я последнее время немилосердно из себя выкачиваю. Выкачал "жизненную правду" [404], выкачал две лекции и выкачаю еще три до Пасхи. Душе-то ничего. Даже удовольствие от такой чрезмерности. Чувствую, что летит. А вот тело еле-еле справляется с таким напором. И бывают минуты, что я лежу совсем без движения. По совести упрек в лени от себя отстраняю.

Скажи пожалуйста, что ты подразумеваешь под "осенним пальто"? У меня имеется такая шерстяная "требуха", та самая, в которую ты одевался в Москве и в которой ты выглядел истинным пролетарием, но я все же сомневаюсь, что ты имел в виду именно ее; может быть ты целишь на "летнее" пальто, которым завладел Валентин? Тогда нужно будет дело повести дипломатично. Во всяком случае, напиши немедленно, что именно я должен передать Аггееву, иначе выйдет нечто вроде истории с ковром.

Ты пишешь, что на Пасху может быть будешь в Москве. Это в высшей степени хорошо. Имей в виду, что у меня квартира в четыре комнаты, так что ты можешь устроиться с полным комфортом...

<...> Лето свое я думаю расположить таким образом:

К 15-му мая мы кончим свои лекции. В это же время разливаются Волга. Валентин без Волги жить не может, и мы думаем проехать вместе по Волге до Астрахани. Мы с Женюрой, может быть, только до Царицина, а оттуда – в Ессентуки, где собирается вся Векиловская семья. Устроив Женюру там, я думаю поехать к своим в Тифлис, пробуду с месяц у них и вернусь в Ессентуки. Из Ессентуков может быть с Кристи [405], Беневским, [406] и Валентином – совершим религиозное хождение, во-первых, по сектантам, а во-вторых, к Толстому. <...> Летом поработаю над второй, заключительной частью "Социализм, Анархия и Христианство" [407] – посвященной проблемам христианской общественности. Кроме того буду усердно работать для "Века". Пока прощай, дорогой, Господь с тобой и с Соней [408]. Привет ей от души.

Твой В.Э.

Я послал тебе брошюру флоренского [409]. напиши о ней рецензию. Ты умеешь писать о его вещах.

71. А.В.Карташев – З.Н.Гиппиус [410] <25. 03. 1907. СПб>

<...> Как тут быть в полемике с Эрном и православием? Детский лепет тут недостаточен. Значит, полемика на словах и в печати еще невозможна, а по идеалу и она должна быть доступна, хотя я отлично понимаю, что правда может быть и на стороне детского лепета. Однако грустная сторона этого факта еще не в том, что нет никаких сил сказать что-нибудь похожее на логичность перед Эрном и компанией, а в лице его и перед всем народом. <...>

72. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову [411] <4.04.1907. Москва – СПб>

Дорогой Саша! Сейчас была у Валентина П.А. <Ивашева> и сообщила, что ей вручен обвинительный акт по делу "Стойте в свободе" [412]. Следовательно сказал, что такой же акт будет вручен в течение трех дней и тебе, и таким образом будет обнаружено, что тебя нет в Москве. Замок равносильно нарушению подписки о невыезде. И раз ты уехал, не уведомив следователя, твое отсутствие будет рассматриваться как уклонение от суда. Решая вопрос о том, являться на суд или нет, прими во внимание, что следователю каким-то неведомым для нас образом известно, что ты в Петербурге и работаешь в "Веке". Таким образом, если ты решишь уклониться, тебе немедленно нужно выехать из Петербурга. Иначе уклонение будет безрезультатным [413]. Советовать тебе какое-нибудь определенное решение мы не можем. Но во всяком случае имей в виду следующее:

О "Веке" не беспокойся. Через две недели может приехать в Петербург Валентин. И таким образом твое отсутствие не отразится на "Веке" пагубным образом.

Поэтому ты можешь выехать из Петербурга и поехать туда, куда тебя всегда тянет. Там, я думаю, ты будешь в полной безопасности. Когда же первый пыл

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. тех, кто ищет тебя, уляжется, ты снова можешь приняться за свое дело.

Таким образом, необходимости непременно являться на суд – нет.

73. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову[414] <4.04.1907.Москва – СПб>

Дорогой Саша!

Валентин просит, чтобы ты 200 экз. его "Бранда"[415] переслал по почте немедленно, потому что он хочет продавать его на публичном заседании 9 апреля. Остальные пусть перешлют ж<елезной> д<орогой>.

Мы с Валентином самым решительным образом против затевания новых дел, подобных "Берегу"[416], передай это Никольскому.

Насчет принятия Попова[417] и Глаголева[418] в "общину" – полагаемся на тебя. Если ты находишь их подходящими, мы не имеем ничего против.

О.Ионе мы послали 40 р.

К пасхальному № Валентин приготовит статью.

Я уже стал писать брошюру для библиотеки "Века" "Что нужно делать в ожидании собора"[419]. Она выливается из души.

Статью философа[420] печатайте непременно. Я насчет нее напишу, поставлю несколько вопросов неохристианам.[421]

На статью И.Осипова[422] отвечу по существу.

Сейчас дописываю 4-ю лекцию. Страшно устал, а Валентин заболел.

О своем решении немедленно сообщай.

Пока прощай.

74. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[423] <5.04.1907.СПб – Симбирск>

5 апреля 1907 г.

СПб, лиговка 35, "Версаль" (или Госуд. Дума)

Милый Александр Сергеевич!

Вы меня, вероятно, похоронили в мыслях и в сердце, как погрязшего в пучине греховной политики, но "но в безднах греховных валяясь, милосердия Твоего призываю бездну", – этот лучше всего выражает, чем и как я живу. О впечатлениях здесь касаться не буду, слишком сложно и важно, но поучительно бесконечно, как ни мучительно. Вас я не могу себе здесь представить, конечно. Слежу за Вами в литературе и только из нее узнаю, что Вы живы. Смилуйтесь, дайте о себе весть, живы ли, здоровы ли, что делаете и т.д.?

Поговорить бы с Вами хотелось страшно, и о себе, и о Вас, и о "братчиках", и о душе, и о жизни. Знаете ли Вы, между прочим, что с Лашнюковым повторилось помешательство? Целую Вас.

Ваш С.Б.

75. Э.К.Метнер – л.л.Эллису[424] <22. 04. 1907>

<...> Мне передают, как слух, что Маргарита Кирилловна выходит замуж за Рейнбота[425]. Совершенно ошеломлен этим известием. Строго между нами говоря, я бы скорее понял, если бы узнал, что она возлюбленная Рейнбота; ну просто два экземпляра отличной породы чоминис сапиентис слюбились физиологически; но жениться?! К чему? Общество литераторов и музыкантов сменить на полицию! Я бы понял, если бы она вышла замуж за Столыпина: это можно было бы объяснить себе желанием воздействовать либерально на супруга и принести этим пользу. Но что такое Рейнбот? Держиморда, который при малейшей "гуманности" будет заменен другим. <...>

76. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову[426] <25.04.1907. Москва – СПб>

Дорогой Саша!

<...> Пожалуйста, не забудь мне написать как имя, отчество и настоящая фамилия Аскольдова[427], а также адрес его. Мне нужно ему кое-что написать. Отвечать И. Осипову[428], Мережковскому[429], Розанову[430] и философову[431] я буду сразу, может быть, в отдельной брошюре[432]. Хочу сконцентрировать. Хотелось бы о многом тебе сказать, но сейчас я чувствую себя довольно плохо. Прощай.

Твой Володя.

77. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[433] <7.05.1907.СПб – Симбирск>

Милый и дорогой Александр Сергеевич!

Христос Воскресе! Сердечное Вам спасибо за Ваше письмо. Не имея сил ответить на него по существу, спешу известить Вас, что думские каникулы будут не раньше июля, когда я и могу поехать в Крым и буду там бесконечно счастлив встретить и Вас. Оттуда надо мне будет совершить поездку в Ливны, но срок ее я еще не определил. Итак, в июле (только жарко) или в августе приезжайте в Крым, – можно бы Вас и увидно, только приезжайте. Ужасно хочется пого нас устроить, если согласитесь, но там будет ворить и много накопилось.

Я начал снова "линять" и не знаю, до чего долинаю. Бердяев покачивает головой, а я знаю, хотя и в бездне греховной валяясь, что "жив Господь Бог мой", и это все. Прощайте. Да хранит Вас Господь!

В думе я – внешний человек, <нрзб> как умею[434].

Ваш С.Б.

78. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову[435] <10.05.1907. Москва – СПб?>

10 мая 1907 г.

Дорогой Саша!

Я действительно занят "неистово" <...>

Прежде всего о Соборе. Мне кажется все тут настолько ясно, что кажется нет ни одного сомнения. Собор, созываемый Синодом – в его теперешней обстановке, т.е. со всеми антицерковными ограничениями – мы никогда не можем признать Собором. Значит, бойкот? – нисколько. Для нас синодский собор – это съезд, состоящий из епископов, священников и мирян. Съезд может иметь громадные последствия, а потому:

мы должны в нем принять возможно более деятельное участие,

пропагандировать, что съезд этот, не будучи собором, может создать условия для осуществления истинного собора. Это создание условий состоит целиком враскрепощении церковных сил, в снятии всяких пут, в предоставлении не словесной, а настоящей полной свободы религии, т.е. права проповедывать, писать, говорить все религиозные идеи, свободы создания религиозных общин, свободы съездов и т.д. Словом, идейное и религиозное отрицание синодского собора, признание его только в качестве съезда, это с одной стороны. А с другой – положительное и активное отношение к нему как к съезду. Так и будем советовать всем прогрессивным и радикальным батюшкам: "идите на собор, но только как на съезд". Необходимо чтобы на "Соборе" был хоть один голос истинно христианский. Его услышит вся церковь и своим одобрением сделает его голос соборным голосом пробуждающейся церкви, хотя бы на этом "Соборе" – большинство закидало его митрами-шапками.

Валентин с Надей уехали по Волге 4 мая – так что все теперь лежит на мне.

3-го мая было заседание с моим рефератом "О прогрессе"[436]. Прения были удручающие.

Брошюрку о Соборе напишу в первую голову, как приеду в Ессентуки. Я очень хочу ее написать. Значит, числа 30-го.

На днях получил от отца Ионы[437] печальнейшее письмо. У него туберкулез кишок. Доктора говорят, что если он сейчас же, как его выпустят, не уедет в Абастуман на месяца 3-4, он умрет. Ему необходимо ехать. Нужно достать 200-300 рублей. Я кое-что собрал. Но это гроши. Напишу Егорову[438] и Аггееву[439], пусть дадут рублей по 10 и дадут тебе (я так им напишу) и ты перешлешь мне в Эссенуки по адресу, который я тебе оттуда пришлю. Но этих денег мало. Я решил печатать открытки. Пробовал в типографиях – никто не берет. Чмич – как всегда отвиливает безжалостно. Приходится печатать самому. Сегодня напечатал 150 штук. Завтра и послезавтра думаю напечатать 850, итого 1000 по 20 коп. – 200 руб. Из этой 1000 я возьму на Кавказ 500. Может быть, перешлю твоей маме, только сначала спишусь. 200 пришлю тебе, Егорову и Аггееву, т. е. на весь Петербург. Саша дорогой, постарайся их распространить и, собравши деньги, вместе с теми, которые (по всей вероятности) получишь с Аггеева и Егорова, пришли мне в Эссенуки. Присылай в Эссенуки, ибо это сборный пункт. Если их не собрать, они разойдутся по мелочам. 200 открыток привезет тебе Люся[440], которая едет в Питер 14-го или 15-го. Открытки выходят очень не дурно.

Я еду, если успею, 17-го или 16-го по Волге. По всей вероятности вместе со Штанделем, "невестой" его и Синельниковым. Может быть поедет и Лиля[441].

Сегодня уехала в Финляндию нанимать дачу Ольгуша[442]. Последнее время. особенно после отезда Нади и Валентина мы с ней сдружились.

Последним номером "Века"[443] я очень доволен. Твоя статья[444] мне положительно нравится. Чувствуется, впрочем, что она была бы яснее, если бы не "цензура". Частности в ней лучше и сильнее, чем целое. Тебе не трудно было ее писать. С внешней стороны кажется, что начало написано разом. А над второй половиной ты как будто помучился, так ли? Статья Бердяева[445] после памфлета Амфитеатрова мне показалась слабой, но приятно было увидеть его на страницах "Века". Розанов[446] привел меня в умиление. Изумительно искренняя и точная передача своих мыслей и чувствований (И.Осипову, Розанову, Мережковскому и т.д. я отвечу сразу в отдельной брошюре, Церковь мистическая и историческая)[447]. Но всего более мне понравилось письмо Кудрявцева[448]. Удивительно глубоко и верно написано. Валентину будет полезно прочесть. С авторитетом написано. Хроника очень хорошая и приятно, что стало много корреспонденций. Хотя "жажда перемен" проникнута немного пасквильным духом. Такого сорта писаний нужно как можно меньше <...>.

79. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[449] <27.05.1907.СПб – Симбирск>

Милый Александр Сергеевич!

Вчера получил Ваше любящее и беспокоящее письмо. Оно очень взволновало меня. Хотя Валентин Павлович[450] (который уже здесь) говорил мне о тех предположениях, которые Вы оба делали относительно моего "линияния", но я отнес это больше к нему, который мог за это принять и несомненное от него религиозное отталкивание, весною особенно обострившееся во мне. Ваши теперешние опасения суть, конечно, прямое зеркало моей религиозной слабости, которую сознаю всеми силами, всеми глубинами своей души. Очевидно, слабость эта так велика и впечатления от нее так сильны, что даже и Вы, с которым меня соединяет самое, <может> б<ыть>, большее внутреннее взаимопроникновение в религиозной жизни, стали опасаться, что я – переводя на язык грубый и резкий – возвращаюсь к атеизму. Я знаю, что только любовь и забота обо мне Вам это подсказывает, но возможность этих опасений вселяет острую печаль в мое сердце. Ради Бога, не считайте это упреком, Вы сами понимаете, что иначе это и быть не могло.

Нет, милый А<лександр> С<ергеевич>, Вы не правы. "Линяние" мое совершается в совершенно противоположном направлении, в направлении, если кратко и условно выразиться, к "православию" с его аскетической, мироотрицающей философией. Думские впечатления (подобно впечатлениям от "Народа") дали мне огромный душевный и жизненный опыт, под впечатлением которого у меня закипела – неожиданно – внутренняя работа новой переоценки ценностей и самопроверки. Сами собой стали знаки вопроса (хотя еще и нет ответа) над старыми догматами христианской "политики", "общественности", культуры етц. Думать некогда, да и нельзя ускорить этого, работа души идет сама собой, но кое от чего я освободился уже окончательно (как например, от христианской политики или братства борьбы), почему и "окадетился" окончательно. За это время мне пришлось – хотя и мало – знакомиться с аскетической и

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. святоотеческой литературой, на Святой я прониклся Тихоном Задонским[451], и мне давало это так много, так открывало внутренние очи и обнаруживало кривость и религиозную неподлинность многого. Вы думаете, что я для мира отказался от Бога, ради тех его прелестей, которые открылись мне в Государственной Думе, – нет, может быть даже слишком мир все утрачивает для меня абсолютную ценность, обесценивается, я все сильнее чувствую правду и глубину Розановской альтернативы в статье об Иисусе Сладчайшем: или мир – или Христос[452].

Все для меня еще вопросы, а не утверждения, но в таком состоянии я не могу писать по религиозным вопросам, ибо не могу повторять старые формулы, которые перерос, а нового не нашёл. Я думаю, что Вы, в конце концов, мне близки сейчас, несмотря на некоторую Вашу литературность (вкус к которой я все больше утрачиваю, а писать по серьезным вопросам становится все труднее и мучительнее), понимает меня и Антон Владимирович Карташев, – и в сущности разделяет (несмотря на свою Гиппиусовскую прививку и отраву), очень сблизился я за это время с Новоселовым, в котором много подлинной церковности. (К радости, многое понял и Валентин Павлович, которому я говорил). И тем самым я стал ближе к "исторической" церкви, стал еще больше "православным". Вот обо всем этом я и хотел с Вами много, много говорить, в этом и состоит то "линяние", под влиянием которого, (а также некоторых жизненных впечатлений) я действительно отчуждился от москвичей.[453]

Конечно, это намеки, боюсь, что теперь я перегнул палку в другой конец, но это неизбежное следствие общения в письмах. Теперь о политике. Я втянулся в думскую работу и несу ее – по долгу – как верный раб. Я знаю, что на этом пути "спасти" в подлинном смысле ничего нельзя, это – поденщина, от которой нельзя уклониться. Мое отношение к политике теперь совершенно внешнее, и, хотя я никогда столько не был занят ею, но и никогда не был так внутренне от нее свободен. Работу эту я считаю и своим патриотическим долгом перед страной, – у меня историческое почти отчаяние в сердце, но я считаю, что в порядке эмпирическом и историческом надо делать все, чтобы предотвратить, что можно. Я полагаю, что мы обязаны это перед Богом. Политически я независим, очень поправел (зову себя черносотенным кадетом), страшно еще раз разочаровался в себе и своих силах, и чему действительно учит и авантюра с "Народом", и дума – это смирение, вытекающему из опытного сознания своего бессилия. Никогда запевать о нищете духовной, всегда мне близкая, не была так близка, как здесь. Я принимался ко всякому смраду, меня не шокируют Милюков[454] и Гессен[455], ибо я им чужд и внутренне от них свободен, – я веду самые рискованные политические переговоры на разные стороны и, ей-ей, остаюсь при этом свободен, делаю это для дела[456]...

Конечно, во всем этом грязнишься, мельчаешь и пошлеешь, я бесконечно чувствую силу греха в мире и в себе и бессилие без помощи Свыше спастись от него. Я признаю, что высший путь – уйти от мира к Богу, путь православных святых, но знаю, что для тех, кто не может, обязательна эта работа и суета! И пока я жив и духовно остаюсь в "мире", может быть всю свою жизнь, я не отойду от своей запряжки. Благо Вам, если Вы уже свободны от мира, если же не свободны, то и Вы должны страдать[457]. Во всяком случае, это лучше, чем читать политэкономия для заработка. Грешен я и окаян, живу в смрадном грехе, но нет у меня никакой святости кроме религиозной Вот Вам корявая исповедь моей души, надеюсь, угадаете.

"Реформировать" церковь я уже не собираюсь, я хотел бы быть в законодательстве лишь пономарем, чистить стекла, мести пол, – да и вообще – говорю и не только о себе – нельзя вымогать чуда, нельзя ставить условия Богу, а это делается[458].

Ужасно грустно, что Вы не можете приехать в Крым. Ведь Вы могли бы и у нас пожить. Еще грустнее история с "Новью", она и здесь не расплатилась. Кажется, надежды мало. Когда я отделаюсь, не знаю. Если не разгонят, то в июле. Замаялся, истосковался без семьи и проч. Где буду жить в следующем году, тоже не знаю. Ответьте, понимаете ли Вы и как относитесь к моему действительно "линянию". Простите мне это письмо, не подумайте, что я обиделся или хочу Вас обидеть. От парижан я имел пасхальное приветствие[459].

Бердяев уехал, он был из немногих, с кем я делился всем. Часто выдаюсь здесь с Тернавцевым. Очень меня огорчают думские политические попы[460] и вся история их, зато я утешаюсь церковностью еп. Евлогия[461].

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Целую Вас. Господь с Вами. Любящий Вас С.Б.

80. К.М.Аггеев – В.Ф.Эрну[462] <4.06.1907. Лъзи – Москва>

Станция Веребье по Николаевской ж.д., хутор Лъзи.

Дорогой Владимир Францевич, письмо Ваше к Валентину Павловичу переслано мне сюда. Отвечаю Вам непосредственно по содержанию его.

Мною передано Саше 60 р. для о. Ионы.

я был у о. Г.С.Петрова. Он дал 300 руб. на 100 руб. выдал доверенность Валентину Павловичу, каковую я переслал ему.

13. руб. будут получаться ежемесячно по 50 руб. им же.

Полагаю, что это письмо придет к Вам по получении 160 рублей.

С "Веком" дела обстоят хорошо. Во время пребывания Валентина Павловича мы оформили договор нотариально. На лето разобраны все передовые и корпусные статьи: для хулиганства места оставлено очень мало. Ближайшее заведывание на летние месяцы поручено Никольскому и Глаголеву.

Объявлены мною 4 курса:

Бессознательные искатели Бога (Ницше и др.)

Толстой

Достоевский и Соловьев

"Новое религиозное сознание"

В данную минуту сижу над "несвоевременными размышлениями" Ницше. Как много у него истинно-религиозного!..

Летом меня охватывает та умственная жадность, с которой так воет Ницше. Чего-чего я только ни навез сюда! В июне предполагаю побывать в Кутузове. А в июле жду к себе Валентина Павловича и "милого Сашу".

Пишите мне, дорогой Владимир Францевич. Привет супруге.

Любящий свящ. К.Аггеев.

81. И.П.Брихничев – В.Ф.Эрну[463] <1907 ?>

†

Дорогой Владимир Францевич! Давно уже, очень давно я не беседовал с Вами... Такая полоса пошла... С одной стороны внешние неприятности... С другой нервность и какое-то расплывчатое неопределенное настроение... Много раз порывался написать Вам хоть несколько строк... Но всякий раз, как брался за перо, так и оставался с пером в руках нередко по несколько часов, глубоко задумавшись, а затем, конечно, перо снова ложилось на свое обычное место и письмо откладывалось...

Может быть это отчасти происходит и оттого, что слишком большие вопросы встают передо мною, когда я начинаю писать Вам, о многом существенном и назревшем необходимо поговорить с Вами лицом к лицу... Да, большие, грозные вопросы ставит мне и Вам и всем, кто получил много, – жизнь. И в частности, церковь, общество верующих. Необходимо немедленно отвечать и ответить... Нельзя медлить... Врачам жизни нельзя медлить. Больная жизнь метается в агонии... Необходима скорая, немедленная помощь... В политике у народа есть вожди... Но в вопросах жизни и смерти, в вопросах быть или не быть – не заметно. Все пустые места. Или там, где место пророку – сидит крикливый и продажный фарисей... Они есть вожди. Но замешались в толпе. Они зовут, но не всю силу данного им голоса...

Простите, Владимир Францевич, это к Вам последние слова – к Александру

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Викторovichу, Валентину Свенцицкому, Булгакову, Ивашевой и друг<им>. Громче, господа. Громче. Хорошо. Умно... Но пишите нам о Христе так, чтобы жгло нас – жгло сильно, горячо... Очень уж мы заскорузли. Нас не легко донять. Имейте это в виду. Далее. Помощь нужна не только в Москве, где Вы сложили свое богатство, но и в Тифлисе, и на Камчатке. А между тем я, священник, и не скажу, чтобы не интересовался религиозными вопросами, и только месяца два тому назад познакомился с "братской" литературой... Вы и Александр Викторovich так близко стояли ко мне и не одним словом не обмолвились о существовании где-то в Москве, у книгопродавца Ефимова, этого сокровища. Точно вы боялись говорить обо всем том, что написано в этих драгоценных книгах. Точно Вы не придавали им никакого значения.

Дорогой Владимир Францевич, как это случилось? И всегда ли это так случается? Несколько книг "религиозно-философской" библиотеки я, прочитав, передал в известные мне кружки – и ведь слышу, что люди очарованы тем новым освещением "вопросов религии", которое предложено в этих книгах. Прочитав эти книги, каждый хочет читать и мыслить дальше в этом направлении. Еще, "Вопросы религии" отпечатаны в одной книге, стоящей 1 р. 50 к., такая цена не всякому доступна.

Поэтому следовало бы центральные статьи этого сборника – "Церковь и государство" Булгакова, "О приходе" Вашу и "Письма Серапиона Машкина" флоренского[464] отпечатать отдельными брошюрами для распространения в широкой массе. Еще... Вмените в обязанность г. Ефимову разослать хотя по одному экземпляру всех вышедших изданий – по всем главнейшим книжным магазинам. Светильник должен быть на свешнице, да светит всем, иже в храме суть... Особенно поторопите отпечатать и разослать – "Церковь и государство" и "О приходе". Для этих сочинений придет час... Хорошо бы, Владимир Францевич, создать свое постоянное издательство – со своей же типографией. Тогда дело бы пошло быстрее"

Затем, попросите всех "братьев"[465] даже для интеллигенции писать попроще, каждое сочинение священника Петрова проникло и в "нищую хату, и в царский чертог" и разошлось в сотнях тысяч экземпляров, главным образом благодаря этому качеству, – простоте. Читал Вашу брошюру обо мне. Хотелось бы, дорогой Владимир Францевич, быть тем, чем Вы уже меня нарисовали, а пока, думаю, что сказано больше, чем есть...

Писали ли Вам из Тифлиса, что "сам" господин Ростовский поселился также в Метехском замке[466]. и, очевидно прочитав Вашу брошюру, прислал ко мне пасквильное письмо, где, впрочем, о Вас не упоминает, меня только лягает, а бедного Александра Викторovichа прямо-таки забодал. И что ему сделал Александр Викторovich. Я конечно, дал понять сему господину "хорошему", что я и он два разные полюса... Он пытался еще раз войти со мною в переписку и прислал второе письмо, но его я даже не принял. С этого времени – не слышно его голоса. Хотя всячески старается дискредитировать меня среди заключенных. Пока до свидания. Будьте здоровы. Ваш священник Иона Брихничев.

82. Э.К.Метнер – л.л.Эллису[467] <6.08.1907. Ротенбург>

<...> Вы слишком много ожидаете от Морозовой; кроме того она всегда при первом знакомстве бывает неповоротлива; ее тяготение к Еженедельнику тоже смущает меня очень сильно, но я убежден, что это пройдет. Не забывайте, что она учится еще только и потому уважает профессорство. <...>

83. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[468] <18.08.1907. Кореиз – Симбирск>

18 июня 1907 г., Крым, ст. Кореиз

Дорогой Александр Сергеевич!

Получили ли Вы мое письмо из СПб, написанное в ответ на Ваше письмо? Меня беспокоит, что нет от Вас ни слуху, ни духу, здоровы ли благополучны ли? Пишите мне до июля сюда, а в течение июля в г. Ливны Орловской губернии, куда мы поедем. Август и м<ожет> б<ыть> часть сентября в Крыму, а затем – в Москву. Как сложится будущий год еще не знаю, ибо не решил еще, буду ли участвовать в следующих выборах, а для меня это вопрос нелегкий. Здесь я стараюсь опомниться и одуматься. Читаю Макария Египетского[469] и под<обное>, и знаете, с некоторого времени из религиозных книг я только такие и могу читать как подлинное, а не "литературу".

Неужели же мы не увидимся, не обменяемся пережитым и нажитым за это время? Не приедете ли в августе? У нас места много.

Целую Вас. Да хранит Вас Христос.

84. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову <24.09.1907. Москва – СПб?]

Дорогой Саша!

Ты, наверное, сам понимаешь, что постыдно молчу я только оттого, что действительно совершенно не имею возможности писать. Причина, конечно, в "делах".

На твое письмо я отвечу, как только дорвусь до своего стола. Пока только уведомляю, что в самом непродолжительном времени будут присланы две брошюры для "Рел<игии> и жизни". Пусть это имеется в виду. Я это пишу, переговорив с Вал<ентином> Павл<овичем>, т.е. другими словами, мы вместе решили, что этими двумя брошюрками вытесняются его (о Толстом) [470]. Несколько статей тоже напишу в самом ближайшем времени. Пока прощай! Привет Соне. До скорого следующего письма!

Твой В.Э.

85. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову [471] <3.11.1907. Москва – СПб>

дорогой Саша! Твою статью об Обществе [472] получил. Она хороша своим объективным тоном. До сих пор разрешения не было. 31-го я подам на всякий случай прошение на свое имя. С Валентином трудно. Все он в спутанном состоянии <...>.

86. А.В.Ельчанинов – В.Ф.Эрну [473] <9.11.1907. СПб – Москва>

дорогой Володя! Завтра посылаю тебе пук рецензий. Напиши, пожалуйста, будешь ли ты писать о "Суб спеце" [474]. Я очень прошу тебя писать самому, т.е. просто использовать свою рецензию в "Веке" [475]. Недавно мы постановили оплачивать проезд Валентина 25 р., а твой 50 р. Вчера у нас был доклад Мережковского [476]. Теперь хочет возражать Тернавцев, что займет еще один вечер. Числа 26 – 29-го устраиваем реферат в большом зале (человек на 400–500). Можешь ли ты приехать в понедельник (26) или тяжело в праздник? (я забыл, прости). Если не можешь, то попроси Валентина, т.к. во все ноябрьские праздники зал занят. Пока все это предположительно.

87. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову <9.11.1907. Москва – СПб>

Дорогой Саша!

Я к тебе с делами. Завтра будет разрешение. Это почти наверное. Гукович прибежал к "финансовому воздействию". Я тебя прошу возможно скорее сделать следующее:

Во первых. Сегодня пришел счет Ефимову из типографии Отто Унфуг (за "Антихриста" [477]) на 447 руб. 50 коп. На счете написано: получить В.А.Никольскому. Я могу получить эти деньги от Ефимова только при двух условиях 1) чтобы Никольский написал мне засвидетельствованную доверенность. 2) чтоб О.Унфуг снова написал этот счет за своею подписью, ибо счет, присланный Ефимову, ничем не скреплен и подписан какою-то фамилией, ему неизвестной.

Это дело очень серьезное, потому, что иначе Ефимов перешлет деньги по счету в типографию Унфуг (он так сказал), а не Никольскому, и тогда деньги могут пропасть. Унфуг нам не заплатит, и мы с журналом сядем в калошу.

Кроме того, узнай от Никольского, в каком положении находятся 150 рублей, которые должны были быть им получены, пусть он мне перешлет. Если не получены, пусть он с ними поторопится.

Во вторых. Я тебя умоляю приехать. За это говорит все. Я без тебя как без рук.

Не знаю, как быть с рассылкой (Валентин сейчас совершенно непригоден для

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах (практики). Она меня совершенно приводит в ужас.

Судьба журнала зависит от того, как мы поставим дело с подпиской. Нужно действовать скоро, энергично и использовать все пути (например, через Струйского[478] можно достать адреса тысячи возможных наших подписчиков и разослать им проспект). Гончаров обещал взять 100 экз. Нужно бы сговориться и с другими газетчиками. Нужно вовремя устроить обмен объявлениями и т.д. и т.д. Я многое здесь нащупываю, но всего охватить не могу. А между тем от умелой постановки дела зависит вся внешняя судьба журнала.

Хотя внутренняя сторона для меня ясна, но я страшно нуждаюсь в тебе, для того чтобы "делать номер". Боюсь впасть в субъективизм, хочу с тобой советоваться обо всем.

Кроме того духовный кризис Валентина – есть кризис и всех тех дел, с которыми Валентин связан кровно (а это значит почти всего нашего дела). Очень и очень многое у нас должно принять новые формы. К этому убеждению я прихожу все сильнее и сильнее. Ты понимаешь, что это заставляет меня страшно хотеть твоего присутствия. Это все заставляет меня просить тебя самым настойчивым и убедительным образом приехать. 8-го будет у вас реферат. Приезжай 10-го, 11-го и пробудь до следующего вашего реферата[479]. А этот следующий реферат назначь вместе с Аскольдовым возможно позднее (чтобы быть у нас дольше)[480]. Деньги на дорогу получишь из денег "вековских". Бога ради приезжай. Завтра, как только получу (и если получу) разрешение, я тебе дам телеграмму с одним словом: "приезжай". Если ты согласен приехать, пожалуйста, телеграфируй мне об этом. Выезжай же только тогда, когда получишь мою телеграмму (о получении разрешения). Перед отъездом сюда непременно устрой с никольским все нужное, чтобы я мог получить с Ефимова деньги по счету О.Унфуг. Итак, Саша, если есть какая-нибудь возможность, приезжай. Буду ждать с нетерпением твоей телеграммы. Телеграфируй по моему адресу. Еще раз прошу тебя: приезжай! Христос с тобой. Твой В. Целую тебя.

Я очень нуждаюсь в твоём приезде.

88. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову[481] <12.11.1907. Москва – СПб>

Разрешение получено, приезжай. Володя.

89. С.А.Аскольдов – А.С.Глинке[482] <15.11.1907.СПб – Симбирск>

Петербург, 15 ноября 1907 г.

<...> На меня очень удручающе подействовало Ваше предположение о быстром разложении Московского религиозно-философского общества. Для нас это был ободряющий пример. У нас последнее заседание прошло удачнее, хотя неподготовленность публики и ораторов к религиозным вопросам вопиющая. Для многих нужно начинать с азов. Печать все происходящее по-прежнему перевирает до неузнаваемости. <...>

90. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[483] <13.12.1907. Москва – Симбирск>

Москва, 13 декабря 1907 г.

Милый Александр Сергеевич!

Простите, что не сразу отвечаю Вам, отчасти потому, что выжидал выяснения направления дела. Я виделся с Н.Н.Львовым[484], и он мне дал совет лично обратиться с письмом к Столыпину[485], что я и сделал (только это между нами). К письму приложил и Вашу памятную записку. Будем ждать результатов, но это, по уверению Львова, есть самое действительное здесь. Ваши чувства при получении письма М<ережков>ского я понимаю и разделяю. Стараюсь настраивать себя на любовь и прощение, но постоянно срываешься с этого. О В<алентине> П<авлови>че ничего нового, а следовательно, и ничего внутренне утешительного сообщить не могу. Доклад его прошел внешне прилично и бесцветно[486]. После он выглядел сначала смущенно (но и только), а затем и это прошло, по внешности, по крайней мере. Теперь уехал, но будет, как я и предполагал, готовить "лекции". Я чувствую к нему преступную холодность неверия и не в силах растопить этого льда. (не "испуг", а бессилие любви, смерть души).

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Эрн делает, по-моему, героические усилия, чтобы не чувствовать того же, и прекрасен в этих усилиях. Если Вы читали письмо М<ережковско>го к Валентину Павловичу, то поймете, как должен был быть ошарашен "Антихристом" М<ережковск>ий, стоящий притом вне нашей психологии и дрязг.

Председателем Религиозно-философского общества согласился быть Рачинский, пока это служит к общему удовольствию и всех устраивает, но может быть, это спокойствие кратковременно и объясняется отсутствием нервус рерум[487]. Как жаль, что Вы разболелись. Поправились ли? Неужели Вам не удастся приехать полечиться? если нужны какие-либо справки у Мамонова, то пишите. Я живу по-прежнему. Может быть, будет возможность мне занять у нас в коммерческом институте, не оставляя политической экономии, кафедру "богословия" (точнее – философии религии, два часа в неделю). Поручить некому, кого бы стали слушать студенты, а мне и хочется и колется, и боязно превысить свою компетенцию (не в книжном, а внутреннем смысле) и хочется дать, что можешь и помочь кому-нибудь. Конечно, задача эта исключительно апологетическая, "умовая". Флоренский отказался. Напишите, как Вам кажется, если кажется что-нибудь: держать ли хотя бы в виде опыта временного? Возможны, впрочем, и внешние препятствия.

Получил сегодня письмо от Бердяева, едет в Париж. Собирается держать государственный экзамен и готовится к кафедре философии права. Это – доброе, как любит выражаться Феофан Затворник. Читает св. Исаака Сирина и одновременно "поражается" и "ужасается" им, вообще же сам пишет, что ему трудно[488]. Помоги ему Бог! Перед праздником, если Бог благословит, собираемся в Пустынь[489]. Если бы Вы были здесь с нами! Желаю Вам встретить праздник в мире и здоровье! Да хранит Вас Господь!

Ваш С.Б.

Жду от Вас письма с "настроением". Новоселов кланяется. Как с издателями?

1908 год

91. С.А.Аскольдов – В.Эрн[490]<10.02.1908? СПб – Москва/>

Дорогой Владимир Францевич!

Деньги получил – спасибо. Верно ли, что Ж<ивая /> Ж<изнь /> прекращена?[491]

Реферат В.П.Свенцицкого мы назначили на 14 февраля[492] в виде обыкновенного реферата с прениями. Его реферат мне очень понравился – я нахожу, что это лучшее из написанного им.

Ваш разлад с Валентином Павловичем меня очень удручает, и я ничем его не могу в себе переварить и разрешить. Мои личные и литературные впечатления от В.П. не могут примириться с той оценкой, которую Вы ему делаете. С другой стороны я не могу примириться, чтобы Вы так ошибались и чтобы Ваши приговоры были жестоко не справедливы. Конечно, для меня самое естественное предположить, что мои впечатления ошибочны. Но дело в том, что тут дело не в одних впечатлениях, а в совершенно объективных соображениях. Я не могу даже вообразить, чтобы Вы и Ельчанинов, стоя так близко к В.П., не могли в продолжение нескольких лет его распознать. Я в конце концов готов признать, что объяснение этому в необъяснимых и непередаваемых столкновениях человеческих душ. Вы с В.П. как-то особенно повернулись друг к другу какими-то иными сторонами своей души, которыми раньше не соприкасались, и получилась новая душевная реакция, столь же неотвратимая и столь же непонятная, как неотвратима и в конце концов необъяснима химическая реакция. Это могло обусловиться даже Вашей женитьбой. Кислород в чистом виде и в соединении с водородом неодинаково реагирует с другими элементами. Не обижайтесь на это химическое сравнение. Никакое христианство не может освободить нас, людей, от лично-индивидуальных тяготений друг ко другу и отталкиваний, от рокового превращения дружбы в охлаждение и разрыв. В нас неистребимо живут наши предки, их вражда и дружба оживает и в нас. Но я все же надеюсь, что это лечат временем.

Если правда, что Ж<ивая /> Ж<изнь /> прекращена, то не предполагается ли что-либо новое.

Привет Евгении Давыдовне. Ваш С.Алексеев.

92. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[493] <28.02.1908.Москва – Симбирск>

28 февраля 1908 г. Москва

Часто вспоминаю о Вас и собирался Вам писать, как получил уже Ваше письмо. Молчал не из-за "ужасных", а все-таки неприятных причин: из-за баснословного недосуга вследствие лекций и суеты, из-за болезни жены, своей, и, главное, детей, которые тянутся непрерывно с Нового года. Особенно хворают маленький. Я здоров. Как бы хотелось мне Вам помочь, но, кажется, неудачная попытка вызвать жалость Столыпина исчерпывает мои ресурсы. Я как-то говорил о Вас с Гершензоном, заведующим литературным отделом "Вестника Европы". Он предложил передать Вам, не дадите ли Вы в "Вестник Европы" отдельную главу о Достоевском, составленную по возможности по новым материалам, можно не одну статью, листов так на 5 – 6 в общей сложности. Однако он ничего не может обещать до знакомства со статьями (помимо всего он еще человек подневольный там). Подумайте, может быть />, что-нибудь и заработаете, да и напечатаете. Если приедете сюда, то переговорите с Гершензоном лично. Ведь мы с ним старые приятели.

За это время я вышел в свет, читал студентам в СПб в защиту религии. Тоже буду и здесь 10-го[494]. Это устроил кружок христианских студентов, примыкающих к международной студентческой ассоциации (не соблазняйтесь этой "международностью", как и я соблазнялся)[495]. Впечатления были отрадны и бодрящие. Есть возможность создать хотя небольшое ядрышко студентов и курсисток на чисто религиозной почве, и это дорого[496]. Теперь здесь уже есть такой кружок курсисток, собирающихся у Новоселова. Если приедете, расскажу, а писать трудно. Но этими надеждами мы сейчас живем. Общался я, кроме внешних, с "кружком Новоселова". Редко видался с Эрном, к которому чувствую любовь все большую. О Валентине Павловиче Свенцицком нечего сообщить, он у меня почти не бывает, от Эрна тоже уклоняется. Действия внешние, т.е. бесконечные чтения с выступлениями Вы знаете по газетам. Так что с ним, по-видимому, скверно, и это писать мне Вам было так тяжело, что я откладывал письмо. Хуже всего то, что, как определяет Эрн, он старается вести себя так, как будто ничего не произошло и все остается по-прежнему: "Антихрист", слава Богу, почти не расходится, но автору его повредил страшно, судя по отзывам[497]. Последняя ненужная и злобная выходка Гиппиус в "Русской мысли"[498]. Однако повторяю, что о духовном мире Валентина Павловича сужу по слухам и с чужих слов.

Много я волновался действиями синода, запиской Григория /> Петрова, все-таки очень вредной и для него сильной (поначитался братской, да и всей нашей брошюрной литературы).

Работать для себя мечтаю только на каникулах, теперь нет времени. Хотелось бы многое обдумать и кое-что написать. Внутри у меня чаще темно от моей мертвости и себялюбия, живу только короткими проблесками, когда посещает молитва или живая вера. Увы! В бездне греховной валяясь, милосердия Твоего призываем бездну![499] А тут приходится другим проповедовать!

Как Вы меня обрадовали своим предложением приехать сюда, а затем проехать вместе в Пустынь! Вместе помолиться, а б.м. и поговорить, – это такое было бы счастье! И замечательно, что и обстоятельства этому содействуют: мы с М^{ихаилом} /> А^{лександровичем} /> только сегодня отложили поездку, предполагавшуюся было на первой неделе поста, до Крестопоклонной. Мы туда ездим только на субботу и воскресенье, но, если понравится, ведь можете и еще остаться денек-другой. Значит, по этому предположению мы поедем 15-го марта. Вот и пригоните свой приезд к этому времени, а если приедете к 10-му или хотя к 11-му, то увидите еще и много любопытного, а может /> быть />, и поможете нам с молодежью, если что-нибудь выйдет. Ведь 11-го будет второй вечер для молодежи, уже в узком кругу, для организации кружков, хотя неизвестно, найдутся ли желающие студенты (курсистки уже есть). Итак, приезжайте. Если Вам неудобно, известите, когда ждать, мы можем и подождать Вас с поездкой. Итак, приезжайте, полечитесь и у Мамонова, здоровье-то Ваше как?

Канарейка уже сидит на яйцах, радостям всех конца нет, спасибо, что научили.

12 апреля 1908г. Москва

Вечер Великой и "преблагословенной"Субботы

(о богослужении которой так вдохновенно

нам рассказал-таки арх.Гавриил).

Христос Воскресе, дорогой Александр Сергеевич!

В нем, Воскресшем, и в Его распятии и славном Воскресении да будет нам и есть нам всем единственная подлинная радость жизни, радость в надежде...

Может быть, скажут, бессильная радость и надежда бессильных. Да это и правда, ведь мы бессильны; как глубоко, до мозга костей, проникает душу это сонание своего бессилия и небытия вне Него. Но это не создает еще и бытия в Нем, только распинаем Его, только в могиле нашего сердца и нашей мертвости Он покоится... Но Господи, если Ты даешь хотя в бессильной истоме любить Тебя и стремиться к Тебе, если так невыразимо горестно и невыразимо сладостно стоять у Твоей плащаницы и лобызать Твои пречистые раны, не отвергнешь же до конца Ты нас за то, что мы так слабы и беспомощны, за то, что мы так злы и себялюбивы, оттого, что кругом скорбь, нищета, кровь, прими и прости нас, воскреси нас, Господи!

Простите мне это неуклюжее излияние, оно вышло как-то неожиданно. Я всю Страстную неделю жил и живу в каком-то религиозном сумбуре, то горю, то гнию и копчу от всякой жизненной мелочи и внешнего впечатления. Говел и в чистый четверг причащался. И редко, когда так сильно чувствовал всю муть своей души, всю ее ложь, всю ее мертвость. Вот и написал Вам, и без того опечаленному, вместо радостного, такое глупое письмо.

Но – Христос воскрес, Он – наше солнце, наша надежда, Жених...

Круто обрываю и перехожу к прозе. Пока мне нечего сообщить Вам по Вашим делам. По справкам, наведенным М<ихаилом /> А<лександровичем />, экзамена на преподавателя определенного предмета, теперь не существует. Но на Фоминой неделе М<ихаил /> А<лександрович /> едет а Петербург и добьется свидания с министром (с хорошими рекомендациями), так что, м<ожет /> б<ыть /> и будет толк. Неблагоприятным для общего положения, но благоприятным для хлопот о Вашем деле, следует признать назначение Георгиевского, бывшего директора Катковского лицея, товарищем министра.

Теперь о "Слове". Я в Петербург по обстоятельствам не мог поехать и послал о Вас Федорову[501] письмо через руки, на него получил ответ только сегодня. В нем он, после любезностей мне, о Вашем деле пишет так: "постоянный критический обозреватель у меня есть, но я ничего не имею против отдельных и опять-таки небольших статей на критические темы Волжского[502]. Напишите ему об этом". Но об условиях, о которых я у него спрашивал (впрочем, в связи с постоянным сотрудничеством) ни словом. Мне это подозрительно, принимая во внимание его имущественную слабость и трудное положение всех газет. Не попытать ли еще "Речь", где сделались присяжными фельетонистами парижские "трое"[503], но, в сущности у меня нет туда ходу для облегчения вступления.

Моя лекционная каторга кончилась, хотя еще и не совсем. Здесь останусь до половины мая, когда поеду в Крым, но не невозможно, что в течение первой половины мая прокачусь по Волге, тогда доеду и до Вас. Ничего нового обо всех здешних и взаимных отношениях сообщить Вам не могу.

Письмо Ваше в "Шиповник" осталось неотправленным, оно у меня. По почте его не посылал, ибо не считал нужным. Не поручить ли его вниманию Михаила Александровича? Что Вам ответил Сабашников? Говоря откровенно, буду очень удивлен, если он, позитивист, даст Вам лучшие условия, чем Лерке и другие, хотя, конечно, этого очень желаю. У нас вывелся один кенарченочек, так что идет большое ликование об этом.

Будьте здоровы и не унывайте. Все, что можно, здесь делается и будет сделано, чтобы облегчить Вам дорогу. Будем ждать результатов <нрзб /> поездки М<ихаила /> А<лександровича />.

Целую Вас и еще раз христосуюсь с Вами.

Ваш С.Б.

Простите глупое письмо. А помните как два года назад раздался "Народ"?

94. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[504] <15.05.1908. Москва – Симбирск>

Москва, 15 мая 1908г.

Дорогой Александр Сергеевич!

Пишу Вам второпях, перед отъездом в Крым. (Значит адрес мой: Крым, ст. Кореиз).

Спасибо Вам за письмо Ваше и простите, что не успел ответить. Поездка моя по Волге не состоялась из-за погоды, а теперь и поздно. Кроме того зовет Бердяев, и проездом через Харьков заеду к нему, как-то его найду!

Михаил Александрович только вчера уехал в Петербург за хлопотами по Вашему делу. Раньше он никак не мог, почему не осуществилась и Ваша мысль попасть в Москву до общего разъезда. Эрн мне говорил, что он устраивает Вас у Бобринской[505] и что Вы соглашаетесь. Конечно, это не сахар, но можно будет жить в Москве, и то слава Богу. Напишу Вам из Крыма более человеческое письмо. Я это время без конца экзаменовал...

Кандидатура моя в Академии должна быть решена теперь. На днях прошел слух, что выбран кто-то другой, из "своих". Конечно, они, по-своему, правы, хотя в числе мотивов против меня у "молодых", вероятно, и вражда против религии.

Увы! Впрочем, я считаю, что вопрос еще не выяснен, а сам испытываю противоположные чувства и в случае удачи и неудачи. Вот флоренского будет жалко!

С Эрном виделся за это время, хорош.

Валентина /> Павловича /> видел как-то на улице, он встретился нежно (и мне это было радостно), обещал зайти проститься, но, конечно, не зашел. Дряни этой его последней не читал и не собираюсь, хотя знаю, что впечатление и на мою жену будет соответствующее. Но что Вы скажите, если он, по словам его Эрну, говел – сильно, значит одновременно... "Слишком сложен человек, я бы упростил ..." [506]

Михаил Александрович "возил" в Пустынь двух студентов, по их просьбе. Он благополучен и благодушен. Относительно Религиозно-философского общества ничего не решили; все, конечно, в руках Валентина /> Павловича /> и его устраниения или неустраниения ... В Киеве тоже есть. Там пародирует Павел Тихомиров[507]. Помните? Желаю Вам всего доброго, авось Михаил /> Александрович /> что-нибудь устроит. Целую Вас.

Да хранит Вас Господь!

Ваш С.Б.

Надеюсь, Вы не поверите подлинности приписанного мне в газетах письма Милюкову по поводу мордобоя.

95. Н.А.Бердяев – В.Ф.Эрну[508] <10.06.1908? Люботин – Москва>

ст. Люботин, Южных дорог, имениеТрушевой

10 июня

Дорогой Владимир Францевич!

Получил от Вас 77 руб. 99 коп. и немедленно пересылаю Ельчанинову 40 руб. Я до сих пор ничего не знал о судьбе сборника "Вопросы религии". Не знал даже выйдет ли сборник. Из присылки гонорара заключаю, что сборник вышел. Очень хотел бы этот сборник иметь. Неужели издатель не высылает авторам по экземпляру? Если можно запросить, чтобы я получил сборник, то, пожалуйста,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. сделайте это.

У меня есть статья "Христианство и государственная власть"[509], которая тесно связана со статьей, напечатанной в "Вопросах религии"[510]. Статья эта повидимому не подходит ни к одному общему изданию и могла бы быть напечатана только в сборнике в роде "Вопросов религии" или "Религия и Жизнь", или в журнале в роде "Живая жизнь", "Новая жизнь"? Предполагаете ли Вы в ближайшем будущем выпускать сборники или подобные издания? Если да, то я хотел бы поместить мою статью в подобном издании. Будьте добры, ответить мне по этому поводу. Укажите также, куда послать статью, если будет место, где ее можно будет напечатать.

Очень жалко, что Вы приехали в Париж тогда, когда я уже оттуда уехал. Очень рад был бы повидать Вас и поговорить с Вами. Иногда я думаю, что между нами больше общего, чем это может сначала казаться. А я сам очень нуждаюсь в общении с людьми, которые идут к тому же, что и я. А где теперь В.П.Свенцицкий? Его книга "Антихрист" произвела на меня очень тяжелое, кошмарное впечатление. Многого я в Свенцицком не понимаю. Ужасно, что все мы скорее разъединяемые, чем соединяемые. Я и Мережковский во многом разъединились, Булгаков – с Вами, и все мы друг с другом. Не достигается даже минимума христианского общения[511].

<неразб. 2 слова> меня очень обрадовало Ваше письмо. Редко получаю хорошие письма.

От сердца желаю Вам всего лучшего.

Мой деревенский адрес остается в силе до осени.

Ваш Николай Бердяев

96. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[512] <11.07.1908. Ливны – Симбирск>

г.Ливны, Орловской губ. 11 июля 1908 г.

Дорогой Александр Сергеевич!

Ужасно давно не писал Вам, на большое письмо не хватит энергии, а на малое охоты. Видел в Крыму перед отъездом М<ихаила /> А<лександровича />[513], который доехал-таки до В<ладимира /> А<лександровича />[514] и узнал от него, что Ваше дело остается в прежнем невыясненном положении. Я понимаю, по крайней мере, что будущую зиму Вы будете в Москве проводить? Будем стучать во все двери, с осени надо будет возобновить поиски. Поездка М<ихаила /> А<лександровича /> не привела ни к чему вследствие ряда неблагоприятных обстоятельств. Конечно, Вам от этого не легче, ждать и ждать. Как Ваше здоровье теперь?

Когда Вы приезжаете в Москву? Я сижу за книгами, все по истории христианства, занимаюсь и немцами. Все зреет желание и решение перейти окончательно на "богословие", но и мне для этого надо проходить стаж, так или иначе, а легко ли! Писать ничего не пишу, – некогда, жаль тратить свободные обрывки времени на отсебятину, когда такое необъятное поле изучения, столь завлекательного. Конечно, это иное – чем чтение святых отцов, – умовое, но все-таки завлекательное. Хотелось бы заняться большой научной работой, но не знаю, когда удастся и удастся ли. Очень восхищаюсь немцами за их науку, в этом есть свое благочестие, хотя нам и чуждое, и недоступное.

С Академией дело не вышло, выбрали по рекомендации факультета Савина – специалиста[515]. Формально это, конечно, правильно. Я был подготовлен к неудаче и, кроме того, боялся нового компромиса, так что я не был огорчен. Флоренский (он избран на кафедру истории философии) хочет попробовать в будущем. Бердяева не застал, хотя и заезжал к нему, вследствие его нелепой неточности. Жаль, теперь до осени. Настроений – увы! – у меня нет, какая-то деревянность и мертвость, нечем похвалиться. Кроме косности души, может быть, чересчур рационалистически живу. От Эрна имел весточку из заграницы[516]. О. Федор[517], м<ожет /> б<ыть />, попадет в ректоры Академии, жаль его!

М<ихаил /> Ал<ександрович /> отдохнул, а то он очень утомленным выглядел. Хочу вымучить из себя нечто о Толстом, – ноблессе облиге – да не знаю,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. смогу ли; нет непосредственного влечения, да и не могу отдать себе ясного отчета, что это за смесь религиозной тупости и слепоты, и пророчесственного служения. На меня тяжелое впечатление (относительно душевного его строя) произвело письмо о смертной казни[518]. Как-то сложится будущий год? Думаю, но ничего не придумаю об религиозно-философском обществе, все-таки участь его остается в руках В<алентина /> П<авловича /> и его отстранения или неотстранения. О нем ничего не знаю и не слыхал.

Целую Вас, да хранит Вас Господь!

Ваш С.Б.

Здесь до августа, а август – в Крыму.

97. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[519] <26.07.1908. ливны – Страсбург>

ливны, 26 июля

Дорогой Владимир Францевич!

Завтра выезжаю обратно в Крым до сентября. От души радуюсь <тому />, что на душе у Вас живет и зреет. У Вас есть то завидное качество (конечно, если оно в меру и, так сказать, оправдано), которого у меня нет и, кажется, никогда не будет: спокойная уравновешенность и твердость воли. При верном внутреннем курсе, которого сердечно Вам желаю от Бога, Вы можете прожить плодотворную жизнь. Но воздержусь от лирики и о Вас, и о себе. Я так же люблю готику, как и Вы, хотя ее недостаточно знаю, жалею, что не был в Страсбурге, но был в Вене, Ульме, Кельне (хотя Кельнский собор и не жалую). Очень сильное впечатление, почти такое же, как Нотре Даме, на меня произвел св. Марк в Венеции.

Живу здесь в атмосфере русской бедности, темноты, простоты и всего того, что так живописал Чехов. Начинаю уже жалеть о быстро промчавшемся лете, после которого начнется лекционный год, и мне придется оторваться от книг, за которыми просидел бы еще долго-долго, да и лучше бы мне...

– Звонят ко всеношной, таким хорошим густым, благодатным звоном, который переполняет наш город и поднимает над непригляднойдействительностью. Вот за границей нет этого... Пора кончать... Всего Вам доброго.

Любящий Вас С.Б.

98. А.В.Ельчанинов – Е.Д.Эрн и В.Ф.Эрну[520] <19.08.1908. Тифлис – Москва>

Милая Женя!

Сейчас я получил Ваше письмо, завтра уезжает Наташа, а я тороплюсь ответить Вам, хотя бы коротко, т<ак /> к<ак /> в почте я разуверился совершенно. Ваше письмо мне очень напомнило Вас, хотя Ваш язык в письме не таков, как когда Вы говорите; все же вспомнилось многое – не детальное, частное, а типичное, Ваше. Это письмо Вы получите, уже возвратившись из Вашей поездки в Питер, и я опять взываю к Вашей доброте с просьбой возможно полнее описать Ваши встречи и впечатления (о самом реферате[521], о прениях, жене Аскольдова и т.д.). Меня радует, Женя, очень, что Вы помните и даже любите Соню. Я узнал о ней кое-что от моего брата Коли, который был в Питере и жил у них. Но кажется, я писал об этом Володе. Она помирилась со своими, ведет бурную жизнь, поздно ложится, сблизилась с некоторыми подругами. Что меня обрадовало ужасно, так это то, что она видела Дункан[522] и поняла ее.

Реферат я не пишу еще, хотя занимаюсь много разными вещами: философией биологии, историей гимнастики, особенно греческой, пишу вообще). Для меня здесь появилось новое дело; совершенно неожиданно в Тифлисе некий офицер Левандовский открыл школу "нового типа", школа красивая, шумная и веселая, и я туда часто хожу наблюдать. Да вот еще: читаю Метерлинка "Ла сагене ет ла дестинее" и изумляюсь, поучаюсь, наслаждаюсь. Я думаю пробыть здесь довольно долго, во всяком случае до тех пор, пока получу деньги за Робинзона или за "Вопр<осы /> Рел<игии />" – иначе ехать не на что. Да я здесь чувствую себя недурно. Одно плохо: точит и грызет меня червь недовольства собой; ни одного дня, ни часа даже не бывает спокойным; а что сделать, чтобы успокоить его, я не знаю. Я уже кормлю его и Метерлинком, и Робинзоном, и Дарвином, и даже Мюллер'ом[523] – все не сыт еще. Думаю

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. взяты за греческий и латинский. Пока торжествую над главным своим врагом – сонливостью: ложусь в час, встаю в 8, но... ем ужасно много...!

Погода здесь по-прежнему великолепная, ясная, солнечная – чуть только похолоднее, чем раньше. Пока все, прощайте, милая Женя, всего Вам светлого, Вам и окружающим Вас.

Саша. 8/19 1908. Тифлис.

дорогой Володя! Вышла книга, очень интересная (судя по оглавлению) – "Литературный распад", где большевики – Горький, Троцкий, Каменев, Луначарский и др. выступают против современной литературы, ожесточенные победой декадентства[524]. Здесь она еще не получена. Я вероятно напишу о ней.

Если будешь в силах напиши, напиши мне, Володенька, о вашей поездке в Москву[525], потому что мне очень важно это; особенно, как ты и Женя чувствовали себя с Аскольдовыми – они так близки мне (не говоря уж о вас), что хотел бы знать все. Конечно, если ты не напишешь, я все же буду знать – потом, от них или от тебя устно.

Прощай, ваш Саша.

1908 8/19 Тифлис.

99. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[526] <20.08.1908? Москва – Тифлис>

<... /> Вчера я сидел после обеда и только что приготовился взяться за чтение – пришел Валентин[527]. Сначала разговаривал о делах: о книгах, о Смирнове о своем столике и Венере, которые он просит обратно. Потом поднялся и стал уходить, но нехотя как-то. Я его остановил: "останься, расскажи о себе, мое сердце открыто, чтобы слушать тебя". Несколько минут он колебался. Потом остался, и стали мы дружески говорить "о главном". От него не шло смутных волн. Он был тихий и слабый. Он говорил обо всем прошлогоднем и сообщил мне один факт, который многое объяснит и извиняет. Я чувствовал себя свободно и ясно. Теперь у нас никаких общих дел: отношения чисто личные. Мне вдруг стало стыдно за свое черствое отношение к нему, которого было немало, за малую и недостаточную любовь к нему; стало жалко его потому, что он одинок и беспомощен, и страдает глубоко и постоянно (хотя бы и по своей вине); наконец мне вдруг стало страшно судить его, потому что перед лицом Божиим все то, что я в нем осуждаю есть, наверное, и во мне <... />

Валентин совсем размягчился и сказал: "ты меня не оставляй". Потом посидели мы немного и расстались дружески. Сегодня утром он был у Рачинского. Рачинский в редакции с очень доброй улыбкой мне говорил, что он ужасно доволен сегодняшним посещением Валентина, что Валентин кроткий и ясный, "с чистыми глазами"; что Валентин хочет работать, стать самым простым человеком, что "из пророков он вышел в отставку", что, наконец, о нашем вчерашнем свидании говорил с большой нежностью.

Меня это очень радует. Какое счастье, если Валентин действительно пойдет по этой дороге. <... /> А я счастлив, что с плеч моих свалилась тяжесть нехороших отношений с Валентином. Сегодня в 7 ч. вечера Валентин просил Рачинского и меня прийти к нему <... />

100. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[528] <22.08.1908. Москва – Тифлис>

Москва. 22 августа 1908 г.

<... /> Обо мне не беспокойся. Мне хорошо, для души моей хорошо побыть одному. Временами нужно всегда остановиться и сосредоточиться <... /> Я уже начинаю приводить в порядок квартиру <... /> Я был у Серова[529], но он еще не приехал с дачи; с журналом[530] дело обстоит очень хорошо. Чем больше я с ним знакомлюсь, тем больше я вижу, что из него может выйти очень нужная и полезная вещь. Я раньше все оборачивался к нему спиной, но теперь могу повернуться лицом. Я очень этому рад, потому что это облегчает работу. От Волжского пришла телеграмма, что он болен и просит отсрочки на неделю. "Графиня"[531] очень благосклонно эту отсрочку дала. <... />

101. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <26.08.1908. Москва – Тифлис>

<... /> Хочу омыть ту пакость обычности и серединности, которая против воли моей успела свить свою серую паутину в моей душе. <... /> Если б можно было пройти по жизненному пути не спотыкаясь, не падая, не делая ошибок, не впадая в те мелочи, от которых потом, когда наберется их много, становится тяжело, тяжело. Если б можно было вспыхнуть, загорется и гореть так до самого конца жизни, отдав сюда все свои силы. Так хочется встать, решительно встать, взять одр свой, на котором часто лежишь в расслабленности, и пойти <... />

102. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <31.08.1908. Москва – Тифлис>

31 августа 1908

<... /> Сегодня был солнечный, теплый день. Я ехал и любовался, как солнце обнимает своим ясным светом подернувшуюся осенью зелень деревьев. И вдруг мне мелькнуло видение: ты со своей лучезарной победной улыбкой прошла невидимым ликом, преображенная, с ликованием передо мной. Образ твой занял весь небосклон и просветился через все. Все растворилось, стало прозрачным и ты прошла... Ах, как радостно стало мне! Какая уверенность, бодрость сильным потоком влилась в мою душу. Радостны и бесконечно нужны эти мгновения какого-то тайного созерцания, видения чего-то невидимого и неопишуемого. Дальше проехал и снова деревня, снова солнце; только еще не остывшая от видения душа улавливала в них дыхание вечности, чей-то Женственный взор.

...Представь, сегодня утром получаю открытку от Вали флоренской[532]. Пишет, что она уже в Москве и просит зайти. Я отправился. Она приехала с Лилей[533] и уже они наняли комнату в Каретном ряду (это очень далеко от нас) <... /> Я видел две скульптуры работы Вали весьма замечательных, и несколько тетрадок рисунков, тоже очень хороших. Но в школу живописи ей вряд ли удастся попасть. У Вали немного растерянный вид. От дороги, от простуды, от необычности обстановки – это ее сияние, которым изнутри полна она, погасло, она была не такой, как всегда. Потом они поехали вместе со мной на девичье Поле[534]<... />

103. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <2.09.1908. Москва – Тифлис>

2 сентября 1908 года.

<... /> Пишу тебе посреди страшного хаоса. Второй день работают маляры, и постепенно наша квартира принимает новый и неожиданный вид. Становится много лучше, чем было раньше <... />

Волжский представился вчера Бобринской, и сразу умело вошел в свою должность. Очень приятно и за него и за себя. Бобринская очень довольна им, и мне очень приятно это чуждое мне дело вести с такими превосходными людьми, как Волжский и Рачинский. Вчера вечером мне захотелось пойти к Валентину. Я пошел, и мы очень хорошо провели с ним вечер. Говорили больше всего о Соловьеве и о той биографии, которую Валентин думает написать. Он больше и больше погружается в эту работу, достает новые материалы, изучает старые, с любовью обдумывает план и подробности. Дай, Господи, ему исцелиться на этой работе! <... /> Волжский устроился в редакции, потому что семья его не приедет. Ему негде обедать. Может быть, он будет обедать у нас <... />

Недавно на Сухаревке я купил произведение Пруденция – христианского поэта IV-го века. Он еще весь проникнут "катакомбальностью". Сколько у него непосредственной любви к жизни! С какой радостью первые христиане вкушали пищу, возжигали светильники вечером, слушали пение петуха при восходе солнца, с каким умильным торжеством и без печали хоронили своих умерших! и как они любили цветы!

"Собирайте пурпурные фиалки, рвите багряные кроки! Лед, растаяв, освободил землю, чтобы могли быть наполнены цветами корзины.

Несите, девушки, отроки, эти дары из распутившейся листвы; а я, находясь среди хора, буду из стихов своих вить гирлянды – не столь ценные, не столь пышные, но подходящие к празднику.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках
пусть таким образом чувствуются останки мученицы и воздвигнутый над ними алтарь; а она, находясь перед престолом Божиим, умиловитвенная песнею, будет молить за народ свой."

104. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <10.09.1908. Москва – Тифлис>

10 сентября 1908 года.

<... /> Сегодня с Ваней Пагиревым[535] еду в лавру[536]. В Академии Павлуша читает свою вступительную лекцию[537]. Я все никак не могу приняться за занятия, и это меня немного угнетает.

105. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <12.09.1908. Москва – Тифлис>

12 сентября 1908

<... /> Я только что вернулся из Лавры. В голове шумит от дороги и плохо проведенной ночи, но мне хочется сесть и побеседовать с тобой. <... /> Поехал я в Лавру с Ваней Пагиревым. Застали Сашу[538] лежащим на лавке на животе и читающим "житие" какого-то святого. У Павлуши чудесная квартирка. Только что выстроенная изба, в которой еще никто не жил, три комнаты, за 10 р., с огородом, в котором Павлуша думает весной садить капусту и репу. Павлуша отпустил длинные волосы, подвязал их на макушке какой-то тесемочкой и локоны пустил на уши. Получилось что-то древне-египетское. В комнатах чисто, светло, тепло, пахнет свежим деревом и смолой; обоев нет – прямо дерево. На лекции Павлуши собралась вся Академия. Прочел он их хорошо, и та лекция, которую он выбрал от себя, была очень оригинальна по содержанию и красива по форме. Академики горячо ему аплодировали. Мы провели очень хороший вечер. Саша у него совсем обжился; едят они постное, ватрушки из картофеля, репу, огурцы, которые сами они засолили – словом, ведут жизнь полупустынников, полуинтеллигентов. Саша крестится перед каждой церковью. Он героически справился со своей работой и сегодня привез со мной Турбину[539] последние листы.

<... /> Павлуша написал стихотворение специально, чтоб посвятить тебе!! <... />

Трезвая пьяность.

Посвящается Е.Д.Эрн

Глубокая утра холодного лета!

Полнеба одето огнем перламутра.

Чуть мглисты и сини бодрящие дали.

Где горечь печали? Где тяжесть полыни?

И к сердцу безвольно ласкаются руки.

Над-мирные звуки звенят богомольно.

Как в винном потире – во влаге огнистой

на дне – аметисты; в небесном эфире

разлита отрада фиалковой мутью.

Пойду к перепутью любезного сада.

Заросшие кашкой пурпурные пятна!

Тут гибель приятна, – бесмертье не тяжко.

Как пахнет цветами и медом душистым!

К устам розволистым смиренно устами

прильнул я; и знаю, кто в душу глядится –

взирает Царица фиалковой далью.

Павел Флоренский.

5/20 – 7/26. Сергиевский Пасад – Тольпино.

106. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <20.09.1908. Москва – Тифлис>

20 сентября 1908 года.

<... /> За эти два дня такая куча новостей, что спешу тебе выложить их все, чтобы не забыть. Приехала неожиданно Домночка[540]. Сейчас играет в гостиную. Хотела приехать позже, но подвернулась экскурсия и она приехала за 5р.50к. Вчера пришла кухарка, и сегодня я уже обедал дома и как следует. Позвал Волжского к себе. Только что мы кончили, пришел ... как ты думаешь кто? Андрей Белый. Пришел просить у меня какой-нибудь статьи и сотрудничества для Мережковских. К Мережковским перешло заведывание толстым журналом "Образование". Я ужасно был рад Белому. Волжский ушел, и мы с Белым говорили очень сердечно и хорошо еще часа два. Он очень просил к себе заходить и сказал, что непременно будет ходить к нам. Я чувствую, что это действительно будет так <... />

Говорили и о загранице – о готике, о Беато Анджелико. Борис Николаевич ужасно хороший и милый. В то время как сидел Б.Н., – приехала Домночка, привезли всяких гостинцев от мамы, варенья, наливки, пирожного, винограда и много – много рассказов о доме. Да, я забыл тебе написать, что недавно зашла А.Н.Чеботаревская[541]. Мы очень с ней разговорились, и она три часа рассказывала всякие интересные вещи о Вяч. Иванове. С ней было хорошо. Она очень просила нас заходить. Вчера целый день был проливной дождь. Я сидел дома, писал статью для журнала и думал, что никто не придет. Вдруг звонок. Пришел Александр Яковлевич[542]. Только что стал уходить он, вдруг новый звонок. Пришла Валя[543]. Я очень ей обрадовался, потому что у меня все еще не прошел неприятный осадок от того разговора с Мишей. Она просидела часа полтора, и мы очень хорошо с ней говорили. Она изумительно была ясной, простой и доброй. Скоро горечь та пропала совсем. Слава Богу! Ее отношение ко мне слишком прочно, и того отдаления, которое произошло у меня с Люсей[544] и Павлушей[545], у нас наверное не будет. Я ужасно радуюсь за тебя, что придется познакомиться с Валею. Ты будешь отдыхать на ее лице и наверное глубоко полюбишь ее. Когда она спрашивает что-нибудь о тебе, она говорит с затаенной любовью. <... /> Все готово уже для твоего приезда. <... />

107. Н.А.Бердяев – Вяч. Иванову[546] <1908 ? Москва – СПб>

Москва, Мясницкая,

Кривоколенный пер., д. Микини

17 марта

Дорогой и милый Вячеслав Иванович!

Очень живо вспоминаю я башню[547] и милых ее обитателей, и наши с Вами разговоры до 4 часов /> ночи, огромное между нами сближение, а минутами страстное расхождение. Все это время силюсь я осмыслить наше общение и хочу довести до ясности степень нашей близости. Не должно ведь быть кажущейся общности веры, не должно быть двухсмысленности в религиозном сближении. Я ведь люблю Вас, Вячеслав Иванович, и потому воля моя устремлена к Вам. Я хочу религиозной близости с Вами и этим уже очень многое дано. И чем сильнее устремление моей воли к Вам, тем сильнее хочу я знать, знать не внешне и формально, а внутренне и материально, какая Ваша последняя святая, не экзотерическая и не разложимая уже никаким оккультным объяснением. Я знаю и чувствую, что в Вас есть глубокая, подлинная мистическая жизнь, очень ценная, для религиозного творчества плодоносная. И все же остается вопрос коренной, вопрос единственный: оккультное ли истолкование христианства или христианское истолкование оккультности, Христос ли подчинен оккультизму или оккультизм подчинен Христу? Абсолютно ли отношение к Христу или оно подчинено чему-то иному, чуждому моему непосредственному, мистическому чувству Христа, т.е. подчинено оккультности, возвышающейся над Христом и Христа унижающей? На этот вопрос почти невозможно ответить словесно, ответ может быть дан лишь в религиозном и мистическом опыте. Я знаю, что может быть христианский оккультизм, знаю также, что лично Ваша мистика христианская. И все-таки: один отречется от

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Христа во имя оккультного, другой отречется от оккультности во имя Христа. Отношение к Христу может быть лишь исключительным и нетерпимым, это любовь абсолютная и ревнивая. Все эти вопросы я ставлю не потому, что я такой "православный" и такой "правый" и боюсь дерзновения. Я человек большой свободы духа и сама моя "православность" и "правость" есть дерзновение. Не боюсь я никакого нового творчества, ни дерзости новых путей. Всего больше я жду от рождения какой-то новой любви. Но к Христу должно быть отношение консервативное. И должно быть консервативное отношение к умершим через Христа.

Существует в мире таинственное умерших, живых и рождающихся, связанное консервативно, и единственный глава этого общества, источник жизни и любви – Христос, конкретный, реальный и единственный. Должно быть дерзновение во Христе, небывалое дерзновение и вне Христа неведомое. Но для этого мы должны пройти какой-то путь аскезы, путь отречения от многого. Я не готов еще для самого главного и боюсь, что слишком многие еще не готовы. Дерзость против Христа и вне уже изжита, "против" и "вне", нужно быть скромнее. А известного рода "правость" сейчас может оказаться очень "левой" и радикальной. Для меня, непокорного кшатрия[548], нов и желанен опыт богопокорности. Я не благочестивый человек и не боюсь соблазна благочестия. О Вас же я себя спрашиваю, что для Вас главное и первое, мистика или религия, религией ли просветляется мистика или мистикой религия? Это старый наш спор, но теперь он вступил в новый фазис.

Для меня мистика, с одной стороны, есть стихия, таинственная среда, с другой, метод и особый путь, но никогда мистика не есть цель и источник света. Мистика сама по себе не ориентирует человека в бытии, она не есть спасение. Религия есть свет и спасение. И я все боюсь, что Вас соблазняет автономная, самодовлеющая мистика, слишком господствует у Вас мистика над религией. Я знаю, что в истории мистика играла творческую религиозную роль и спасала религиозную жизнь от омертвления и высыхания, от косности и реакционности. И никак без живой, творческой мистики мы не перейдем к новой, возрожденной религиозной жизни. Но такая мистика должна имманентно заключать в себе религиозный свет, в мистической стихии должен уже пребывать Логос, мистический опыт должен быть в магическом кругу таинственного общества Христова. Я знаю, что Вы со мной согласитесь, помню, что мы доходили почти до полного согласия, но тут вся суть в опытном переживании. И я не совсем еще знаю, вполне ли мы тождественно переживаем отношение между мистикой и религией, между оккультизмом и христианством, вполне ли схож наш молитвенный опыт, т.е. интимнейшее, неизреченное отношение к Богу. А я ищу сходства и тождества наших религиозных переживаний. Быть может, я еще буду бороться с Вами, буду многому противиться в Вас, но ведь настоящее общение и должно быть таким. Взаимное противление может быть творческим. И наш спор Востока и Запада поможет их соединению, а не разделению. А что меня страшит, так это то, что так мало людей религиозно и мистически живых и творческих. Религия Кн. Е.Трубецкого также мало меня утешает, как и мистика А.Белого.

Передайте от меня сердечный привет Марье Михайловне[549] и горячую благодарность за все заботы обо мне. Мне было очень хорошо на башне, и я всех ее обитателей вспоминаю с любовью и чувством родства. Нежный привет Вере[550] от меня и Лидии Юдифовне. Когда же придет в Москву мой любимый друг Евгения Казимировна[551]? Передайте, что очень ее жду и очень чувствую ее отсутствие. Привет и ей, и Вам от Лидии Юдифовны />. Очень крепко целую Вас и люблю.

Христос с Вами, Вячеслав Иванович.

Ваш Николай Бердяев

108. Е.Н.Трубецкой – Д.В.Философову[552] < 4.11. 1908. Москва – СПб>

Многоуважаемый Дмитрий Владимирович,

Очень благодарен за интересную статью[553], которую уже сдал в печать и спешу ответить на Ваше письмо. Никакого недовольства Вашим сотрудничеством в "Московском Еженедельнике" не было и нет, напротив, я очень пожалел, когда мне показалось, что Вы это сотрудничество прекратили.

В разговоре с М.М.Федоровым я говорил лишь по поводу одной статьи (не помню заглавия), за которую я сетовал и на "Слово" и на Вас. На "Слово" потому,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. что этой газете обвинять меня, Булгакова и Бердяева в "реакционерстве" значит ставить себя в положение унтерофицерской вдовы; печатать подобные вещи для "Слова", значит просто напросто отказаться от своей физиономии и впадать в совершенно непростительную бесхарактерность.

Что же касается Вас, то зная Вас по Вашей литературной деятельности иначе, я прочел эту статью с известным чувством душевной боли не потому, что она меня касается, а потому, что видеть Вашу подпись под статьей эсдековско-трудолического типа было для меня большим разочарованием[554]. Нападки на меня с точки зрения политической благонадежности слева, применение политической точки зрения как критерия к области религии, Боже мой, как это банально! Неужели Вы этого не чувствуете. Я уже не говорю о том, что никто не давал Вам оснований смеиваться в одну кучу меня, Булгакова и Бердяева, людей, стоящих на весьма различных точках зрения, – под именем "церковно-обновленцев" (точка зрения Булгакова православная, моя же – вневероисповедная). Это – просто литературная небрежность от спешности, которая бывает у пишущих в ежедневных газетах. От души приветствую, что Вас от ежедневных газет стошнило. Но вот, что меня удивило: когда Вы обвиняли нас в реакционерстве, как Вы могли не подумать, что не Вам это говорить, и не нам слушать! Во время освободительной борьбы где были Вы и где были мы? Давно ли Вы вернулись в Россию? Неужели Вы не чувствуете, что относительно людей, вынесших освободительную борьбу на своих плечах, следовало бы выразаться осторожнее?

Не могу не указать и на невероятные поспешности Ваших обообщений, например, сопоставление православной "метафизики" с самодержавием. Меня лично это не задевает, так как родился я католиком или протестантом, я бы не перешел в православие, как и теперь не перехожу из православия в католицизм или протестантство. Но тут меня интересует легкость Вашего отношения к существу дела. Скажите на милость, чем кроме филиозуе православная метафизика отличается от католической? Рискнете ли Вы сделать попытку доказать, что самодержавие коренится в этом? На днях я слышал упрек Вам и Д.С.Мережковскому, что Вы "олитературили" христианство; я же лично боюсь другого, что Вы его "огазечиваете".

Простите такую откровенность; но, во-первых, Вы ееш сами вызвали, а во-вторых, такое отношение к "эмпирическому характеру" Вашей деятельности обуславливается единственно высоким мнением о ее "умосозерцательном характере". Если бы Ваша статья принадлежала человеку, от которого я не ждал многого, я бы прошел мимо нее без внимания. А кроме того, этот разговор с глазу на глаз объясняется и нежеланием выступить против Вас в печати; но в споры о политической моей благонадежности перед публикой не вступал и вступать не желаю. Крепко жму Вашу руку

Ваш кн. Е.Трубецкой.

109. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[555] <12.12.1908. Москва – Симбирск>
Москва, 12 декабря 1908 г.

Вы исчезли из Москвы внезапно, очевидно, невтерпех стало, и нет от Вас известий. А мы здесь кошмаримся помаленьку и пережили еще кошмар мерещковщины, который – внутренне и для большинства, м<ожет /> б<ыть />, и незаметно, стоил мне кое-чего, но, молитвами святых угодников, пока пронесло сравнительно благополучно. Заседание о Лермонтове было страстное[556]: досталось и Лермонтову[557], и всем и всему (хотя и не соблазнительно было по существу), но самое-то <неприятное?> – это вывезенная из Парижа невыносимая демагогия манеры Св<енцицк />ого, но без его внешнего темперамента[558]. Была схватка – полуличная – с кн. Трубецким. Был неприятный выпад Белого, который в их бытность вообще страшно омерещковился и повернулся как-то не примиряющей, скорее непримиримой своей стороной, которую хотелось преуменьшить, и тоже была демагогия. Вообще впечатление от вечера было невыносимо отвратительное. Кроме того, они выступали еще несколько раз, но как-то шумно и несколько скандально, так что и сами смущены[559].

Наконец, в доме М.К.Морозовой в "кружке философском" мы имели некий бой[560], причем, "православные" стояли дружно и, до известной степени, натиск врага отразили (таково внутреннее чувство), но и это благодаря отсутствию широкой публики, ибо демагогия (до миссионерского съезда включительно) была пущена во всю. Вы знаете, вероятно, что Д<митрий />

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
С<ергеевич /> написал было Св<енцицкому /> письмо с изъяснением в любви и смирении после нашего газетного письма[561]. Здесь, когда им рассказали все, они с нами согласились по существу (оговорки – неважны) и решили, что его нельзя пускать в СПб Религиозно-философское общество.

Но только ла донна е мобиле[562], сами знаете, непреклонна из них только З<инаида /> Н<иколаевна />, которая относится к Св<енцицкому /> с холодным и брезгливым презрением. Но разные могут быть комбинации. Лично мы виделись раз. Они хотели быть у меня, но заболели дети, и это не состоялось, мы были у них. Лично мы встретились дружелюбнее, чем можно было ожидать (тем более, что я высказал – со своими бесконечными и многословными оговорками и извинениями – но по существу решительное осуждение и скорбь по поводу тона прений в Религиозно-философском обществе и ему, и Белому). Щупали друг друга, расспрашивали (хотя, впрочем, без нарушения границ). Боюсь, их дружелюбие ослабело после стычки с Морозовой, а мы еще раз убедились, что разговор в комнате – одно, а на эстраде – другое. Между прочим, они говорят, что в литературе их направление получает одностороннее и неудачное освещение, так что в сущности от своих выступлений отказываются, но – опять! – до первого случая. Говорят, что нас разделяет гораздо менее отношение к православию, чем к политике, но это детский вздор и новая игрушка, несерьезно; а их еретичество заострилось, и это почувствовалось, – мы как бы лбами стукнулись. У меня впечатление, что они совершенно на той же точке, литературно-безблагодатной, на какой мы расстались несколько лет назад. Но, по-видимому, дело стоит хуже, и "тайнства", боюсь утверждать, но таково общее наше предположение, – все-таки есть[563]. И жалко и страшно за них. В дружелюбные моменты разговора, по мягкотелости, хочется и кажется, что все это недоразумения и вот-вот сговоримся, но, говоря объективно, это не так: это секта со всеми ее признаками; и отношение их к нам, даже при некотором личном дружелюбии, как у сектантов, как у Добролюбова[564] или петербургских членов всемирного христианского студенческого союза[565], в этом роде. Про Вас спрашивали. Я старался придать Вашему отъезду характер случайного совпадения. Я пришел к заключению, что диспутов с ними, в том числе и в СПб-ском Религиозно-философском обществе, положительно следует избегать за бесполезностью для них и вредностью для публики. Вот в кратких чертах удовлетворяю Ваше любопытство, по обычаю, чересчур кратко.

Св<енцицкий /> сбежал, как и надо было ожидать, теперь прячется, уже прислал ругательное письмо Ш<еру /> – я считаю возможными и дальнейшие выпады. Вероятно, теперь он обдумывает "платформу", на которой возобновит свою деятельность, как только почувствует наступление физической безопасности[566]. На будущей неделе будет у нас годовое собрание, не устроили бы скандала его почитательницы. Мы приготовились.

Лекции у меня остановились и я получаю возможность кое-что делать. На 20 – 21 проектируется поездка в пустынь. Собираются Владимир Александрович[567], Флоренский, Ельчанинов, Михаил Александрович[568], жаждет душа этой поездки, жаль, что не будет Вас. Дал бы Бог съездить!

Меня приглашал к себе московский еп. Антоний[569] через Флоренского (который его решительно отстаивает и защищает). Надо пойти. Был здесь и Флоренский. Он, чем больше наблюдаешь его, тем становится все больше. Он внес было в мое настроение одну совершенно особую полосу, о которой я м<ожет /> б<ыть /> и рассказал бы лично, да и то не следует, тем более, что теперь это почти прошло.

Из "С<еверного /> С<ияния />" уже вышли и В. Т<ернавцев /> и Г<ригорий /> Ал<ексеевич />[570]. Как будет Эрн, – не знаю. А бедному Григорию Ал<ексеевичу было оказано со стороны Мережковских их выдержанное игнорирование, так что опасность от его "авансов" была тем самым исключена, и на вечере у М.К.Морозовой он был превосходен.

Ну вот, сколько выворотил Вам всякого хламу. Бердяев едет в Москву. Он уже схватился за Федорова, по моей заметке[571].

Отзовитесь, живы ли. Дай Вам Бог встретить праздник в мире, молитве. Да хранит Вас Христос! Целую Вас.

1909 год

110. М.А.Новоселов[572] – А.С.Глинке[573] <6.01.1909.Москва – Симбирск>

<...> Вчера только уехал от нас Вал<ентин> Ал<ександрович> [574], с которым мы не раз вас вспоминали. Конечно, с его приездом выплыл на сцену хилиазм с самодержавием, католицизм, римский империализм и многое другое "неудобовразумительное" для малосведующих в области, лежащей "ни здесь, ни там". Я лично занимал наблюдательную позицию, а ломали копыя С<ергей> Н<иколаевич> и Влад<имир> Ал<ександрович> [575]. Последний осызился по вопросу о самодержавии с Валентином и наседавал на "христианского социалиста" [576], который с изумительной добросовестностью производил исследование страны, в которую таинственными путями оккультической идеологии достославный Валентин втаскивал своих собеседников.

Подробности великолепных схваток и блестящих выступлений приезжего хилиаста сообщим Вам при свидании. Впрочем, скажу пока одно: положение дел ни в России, ни в нашем кружке не изменилось, по крайней мере, заметным образом.

Побывали мы на праздниках – С<ергей> Н<иколаевич>, Влад<имир> Ал<ександрович> и я – у Васнецова [577], посмотрели новые работы его и побеседовали о плоти, хилиазме, пакибытии... Подробнее и о сем при свидании.

О Мережковском, вероятно, слышали: по общему признанию он провалился в Москве. – В Петербурге, в Религиозно-философских собраниях, шумят и бранятся изрядно. Вал<ентин> думает, что все же польза от них значительная, хотя публика набралась туда подозрительная; хвалит Столпнера [578], который представляется ему личностью "провиденциальной", главным образом, кажется, по отношению к Мережковскому, Белому и К°.

С частью молодежи у нас пришло некоторое недоразумение на почве конфессионализма, обостренное вследствие приезда Страупмана, прибывшего со специальной, по-видимому, целью обследовать здешние позиции. По поводу сих дел были у нас серьезные совещания. Кажется можно надеяться на хороший исход [579]...

Однако, я все о наших делах. Вы вот о своих пишете малоутешительное: враг представляется не столь сильным, каким оказался при встрече лицом к лицу. Все же в уныние не впадайте! Ведь можно отступить и отсрочить сражение. Не горячитесь! А в Москву в феврале приезжайте. Мне кажется, что так давно не виделся с Вами...

Спрашиваете о Зосимовой. Я ездил туда на 13-е и 14-е декабря; с С<ергеем> <Николаевичем> и Влад<имиром> Ал<ександровичем> собирались на 20-е, но оба они, особ<енно> последний, порасклеились физически, и поездка не состоялась. Думаем постом побывать там.

Валентин Ал<ександрович> [580] ездил к старцам на два дня, говел, потише стал и похудел.

Сегодня вечером о. Феодор с 2-мя учеными иноками будет у Владимира Ал<ександровича>, куда и я зван. 9 – 11 января ожидается в Москву архиепископ Антоний [581]; предполагается ин цорпоре сделать на него облаву. Застрельщиком выступает Н.Д.Кузнецов [582], С<ергей> Н<иколаевич> немножко смущается...

Печатаю теперь книжки о Церкви, о благодати и таинствах и еще о Церкви. А в "Церковных Ведомостях" с первых номеров должна идти моя статья, разбитая на маленькие главы, под заглавием "У отцов".

Мамаша здорова, хотя поустала от служб церковных. Ал. Ив. готовится к урокам. Аба приветствует вас. Ф.К.Андреев [583] в Петербурге у своих. Готовится к экзаменам и потрухивает. Экзамен в феврале.

кот блудит, пропадает по суткам и более, заметно худеет от любви.

Пока умолкаю, крепко обнимаю и в гости ожидаю.

Господь да поможет Вам обогатиться внешней премудростью, чтобы потом удобнее служить внутренней!

Михаил.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
111. М.А.Новоселов – А.С.Глинке[584] 16.02.1909. Вышний Волочек – Симбирск>

Вышний Волочек,

16 февраля 1909.

<...> Вчера вернулись из Зосимовой мы – С.Н.Булгаков, Влад<имир> А<лександрович>[585], П.А.Флоренский и я. Как хорошо там было! Причастников за субботу и воскресенье больше 200. Когда приехали, все номера были заняты. И погода чудесная! – Приезжайте! Съездим туда еще разок. Если не скоро соберетесь в Москву, черкните слово – другое о себе. Давно не слышал Вашего голоса.

Влад<имир> А<лександрович>, С<ергей> Н<иколаевич> и я здоровы, хотя и изрядно мятемся в суете мира. О последнем можете судить по прилагаемой программе[586] <...>

112. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[587]

<...> Заседание наше мы назначили на среду на вечер! Вчера у нас в редакции было очень много народа. Были новые: Лурье[588] и П.П.Рябушинский[589].

Вожусь со Скрябиным[590], хожу его слушать очень часто – он много мне дает! В основах и вообще во всем кредо мы чужие с ним! Но в переживаниях, красках, подъемах – он мне близок и мил! <...>

ОР ГЛ. ф. 171.3.9. л. 23, б.д.

113. А.В.Ельчанинов. Дневник[591]. <1.03.1909. Сергиев Посад>

III/1

Он <Флор/и>енский> мало изменился со времени нашего последнего свидания (три месяца назад); только как будто стал нервнее и чуть беспокойнее. Он ежеминутно в каком-нибудь деле. Вот перечень его дел за те два дня, что я здесь[592]. В пятницу вечером он сел писать лекцию и писал ееш до половины четвертого. Встал в субботу в 8ч. и в 10 пошел на лекцию, а оттуда в баню, затем обед. Сейчас же после обеда исправление рукописи о частушках для "Костромской старины" и т.д.[593]

114. А.В.Ельчанинов. Дневник.[594] <4.03.1909. Сергиев Посад>

III/4 Герасим-Грачевник

Вот несколько его <Флор/и>енского> разговоров.

– Ты замечаешь, я двигаюсь по направлению к т, иначе – впадаю в детство. Ведь я даже с осени изменился в этом направлении. Я часто чувствую себя ребенком, хочется возиться, шалить.

Действительно, только что перед этим он полчаса возился с Дарьей, представляя из себя медведя, дразнил ее, пел ей частушки и умолял ее, чтобы она посоветовала ему, что надо делать, чтобы понравиться девкам.

"В Академии я сдерживаю себя, но и то мне постоянно хочется или затрубить в сверток с моими лекциями, или кого-нибудь ткнуть в живот, или скатиться по перилам. И это делается как-то само собой. Я думаю, что это оттого, что мои дионисийские силы ищут себе выхода и обнаруживаются именно здесь".

Эту перемену в Павлуше я заметил особенно ярко этой осенью, а за зиму она у него усилилась и развилась. Он очень смешлив, остроумен, неутомим в разговорах с дамами и барышнями, причем они обычно остаются в восторге от своего кавалера.

Сегодня катались на лыжах. Несмотря на то, что завтра у него лекция, из которой у него готовы только три страницы, он так увлекся, что я едва уговорил его идти домой. Во время этой прогулки несколько очень интересных разговоров. Когда я ему сказал, что пора идти домой, он ответил:

– Зачем мне писать лекцию? Может быть я не доживу до завтрава, так уж лучше

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках
накатаюсь в свое удовольствие.

– Как приятно ехать, – сказал он, когда мы попали на глубокий нетронутый снег, – как будто идешь по пирогу и режешь его лыжами. На меня нападают, – прибавил он потом, – зачем я часто употребляю гастрономические сравнения; но ведь это так естественно: пирог нам ближе всего, мы знаем его вкус, запах, теплоту, состав; послесамосознания, конечно, на первое место надо поставить пирогосознание.

Последние дни он все порочит дамский пол. После посещения Д. и Т. он все жаловался, что с их приходом что-то хорошее ушло из дому.

– Позвать надо о. Евгения[595]; пусть хоть молебен отслужит. Я понимаю, почему дам не пускают в скиты; люди всю жизнь копят, а придут бабы и враз все унесут. Ты не думай, что я считаю их чем-нибудь поганым, ничуть. Но они, видишь ли, как-то страшно пассивны и пористы и поэтому всасывают в себя все. Оттого они так легко поддаются влияниям.

– Несчастный народ женщины, – вздохнул я.

– Почему несчастный? Я вовсе не считаю себя более счастливым или привилегированным. У многих людей мускулы больше, чем у меня, а я ничуть не огорчаюсь.

– Но ведь ты должен признаться, что о женщинах ты отзываешься с иронией, насмешкой, даже презрением.

Павел> стал серьезен.

– Это не так. Я с глубоким уважением отношусь к женщине, которая делает свое дело. Ты знаешь, что я Марусю Ланге[596] сейчас уважаю гораздо больше, чем когда она была курсистской. Я смеюсь над теми, которые берутся не за свое дело; я бы стал смеяться над мужчиной, который занялся бы бабьим делом, смеялся бы над женщиной, которая захотела бы завести себе бороду. Ум ведь – то половой мужской признак. И незачем нам завидовать: вот мне очень бы хотелось родить дитенка, а не могу! И знаешь, что я заметил, что женщины, склонные к научным занятиям, и после брака – обычно ведь все это слетает моментально – отличаются всегда блудливым характером.

– Я не понимаю, почему Д. обиделась на меня за Гефсиманский скит и за прочее: ведь не ходят же дамы голыми по улицам; зачем же она хочет, чтобы я всякому показывался обнаженным от моей квартиры?

– Но ведь ходишь же ты в гости?

– Ну так что ж? Ведь не ко всем хожу. Я и голым появляюсь некоторым людям – в бане, например.

– Я тебе говорил про опыты Каптерева[597] с внушением? Оказалось, что иногда достаточно бывает тонкой вуали, чтобы парализовать гипноз. В этом глубокий смысл фаты – женщину в фате невозможно соблазнить.

115. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[598] <26.03.1909.москва – Симбирск>

Чистый Четверг

Дорогой Александр Сергеевич!

Христос воскрес! Поздравляю Вас с Светлым праздником и целую. Теперь Страстная. Благодатное время. Хожу к службам, говею, сегодня причащался вместе с Муночкой[599] и Михаилом Ал<ександровичем> в храме Спасителя. Как Вы? Погружены ли в лекции или нашли возможность оторваться? Ждем Вас после Святой в Москву, как о том доходят слухи. Наша "миссионерская" деятельность пришла к благополучному (относительно) концу на этот год, о результатах ее судить нам невозможно! По части внешнего успеха англосаксы (Джон Мотт)[600] нас далеко перебили. Это сообщая Вам для Вашего злорадства. Вообще ничего особенного за это время не произошло. Выпустили сборник против интеллигенции, вышло хорошо, т.е. довольно крепко. Начинают немного его поругивать, но все это, Вы, конечно, скажете, чепуха и ни к чему[601]. Я, по приписываемой Вами мне потребности в возбуждениях, кажется, начинаю еще втягиваться в националистическую политику. У нас все благополучно. Писать

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. нечего и не стоит в виду скорого свидания. Ваш

С.Б.

116. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <24.04.1909. Москва – Тифлис>

24 апреля 1909 года

<...> Представь, Надя встретила на трамвае с Эфросом[602] и пригласила его к себе. Я ей объяснил, что за человек Эфрос, какую роль он играл подле Валентина, и она быстро согласилась, что поступила опрометчиво. <...> Сейчас только что был Сашенька. Он мне передал приятную весть. Лопатин говорил товарищу Миши Карповича, что я выдержал "блестяще" и несмотря на "каверзные" вопросы его сумел ответить ему как следует. Это меня очень радует, потому что, если этим экзаменом они остались довольны, то значит и на другие экзамены мне не придется затратить очень много сил. Я рад к тому же, что могу немножечко похвастаться перед тобою: ведь я еле на ногах держался в день экзамена[603]. <...>

117. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[604] <24.05.1909.Кореиз – Симбирск>

24 мая. Кореиз

Дорогой Александр Сергеевич!

Был очень огорчен Вашей неудачей, слава Богу, что Вам позволил держать осень. Надеюсь даьше Вам больше повезет. У нас болят дети, Ваня и Муночка корью, но у Муночки осложнилось воспалением в легком, которое тянется уже вторую неделю. Так, что, когда ей становится хуже, из головы вылетают всякие идеи. Оттого путем и не начал заниматься.

Ваше сообщение о Мариэтте[605] меня сравнительно утешило. Николай Александрович думает, что удерживать не надо, пусть переболеет, что разочарование последует само собой. Но аналогичные по бессердечному попранию живого человека случаи он знал и в Париже, равным образом и случаи "влюбленности", но в прошлом. У него я провел день. Вчера набросал статью в "Слово" об арх. Антонии и Струве (показалось предательством молчать и подводить одного Струве)[606], отдал на суд В<ладимира> Ал<ександровича> и поступлю, как он укажет. Сердечный привет авве. Ему напишу особо.

Целую Вас.

Христос с Вами!

Ваш С.Б.

118. П.А.Флоренский – А.С.Глинке[607] <9.06.1909.Сергиев Посад – Симбирск>

Многоуважаемый Александр Сергеевич!

Простите, что до сих пор не мог повидаться с С.И.Смирновым[608] и спросить у него насчет Русской Церковной истории. Сегодня видел С<ергея> Н<иколаевича>. Он говорит, что для экзамена[609] достаточно учебника Знаменского[610] или, лучше, – Доброклонского[611]. Но настоятельно рекомендует почитать "Историю Русской Церкви" Е.Е.Голубинского, конечно не всю, а частями[612].

Вы можете выбрать 2 (или больше) любых вопроса и по ним подчитать у Голубинского. Желаю Вам успеха в занятиях и экзаменах. На всякий случай сообщаю свой адрес (до 1-го августа): Тифлис, Николаевская, 61, мне.

Уважающий Вас

Павел Флоренский

Сергиевский Посад

Приготовил для Вас книжку об о. Исидоре[613], но не знаю, как ее Вам доставить. Ну, – до осени.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
119. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[614] <11.06.1909. Бегичево –
Ст.-Бласиен>

11 июня 1909 г.

Дорогая Маргарита Кирилловна,

с большой радостью получил открытку с необыкновенно симпатичным видом на Пчилосопченщег[615], а также письмо от 6 июня. Пчилосопченщег приводит к дому, где читаются сочинения Соловьева; так оно и исторически произошло – именно немецкая "филосфская дорога" к нему привела. Значит, это – путь верный. Станным образом последнее Ваше письмо пришло ко мне через Москву, а потому шло 5 дней!

Я также теперь только одолел "Теократию"[616] и читаю "La Russie et l'Еглизе Универселле"[617] – необходимое к ней дополнение, вероятно, можно заказать какому-нибудь немецкому книгопродавцу. Много нового выясняется мне в этой теократии. Соловьев не то, чтобы отказался от нее, но оставил эту мечту в конце своей жизни ("Три разговора"). Теперь нужно, чтобы эта теократия стало окончательно "юбершунденер Стандтпункт"[618].

Ни в какие рамки человеческой теократии "Божеское царство" никогда не вместится. Это, в сущности, – попытка Петра построить три кущи для Иисуса, Моисея, Ильи и удержать на земле преображенное Божество[619]. – Нельзя! И мы хотели сделать то же с нашим освободительным движением, но последние годы доказали, что Христа земля не принимает и, во всяком случае, – в себе не удерживает. Земля не готова еще, а когда она будет готова, – будет сразу само Царствие Божие, а не промежуточная ступень теократии. В сущности уже в "Трех разговорах" Соловьева это промежуточное звено выпадает: вместо теократии – соединение церквей где-то в пустыне в лице немногих верных, а потом – сразу кончина мира.

Вы не подумайте, что этот мой ход мысли похож на монашеский аскетический пессимизм. Нет! Я все-таки вижу здесь, на земле, огромную задачу – готовить эту землю к преображению. Только все-таки это не будет боговластие, потому что внешним образом до конца мира Бог еще не будет царствовать. Внешним образом будет скорее торжествовать зло; Апостол не даром говорит, что если бы мы только в этой жизни надеялись на Христа, мы были бы несчастнее всех человеков[620].

Мне удастся доказать, что теократическая мечта Соловьева – не что иное, как последний остаток славянофильства (Россия – народ-богоносец). Она и есть "богоносец" – это правда, в идее, умопостигаемом характере; но эта идея осуществится в чем угодно, только не в политическом могуществе. А Соловьев мечтает именно о могущественной русской теократической Империи[621]. Возможно, что в будущем нам придется пройти через целую серию внешних неудач и бед, чтобы возгорелся в нас небесный огонь: удача чаще всего заставляют народы забывать о религии. Я боюсь, что русский народ только тогда сможет исполнить свое религиозное назначение, когда ему на земле станет уж очень плохо.

Ну прощайте, крепко целую Вашу руку. Жена Вас целует. У нас после потопов два дня чудной погоды; только к ночи дождь.

Ваш Кн. Е. Трубецкой.

120. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[622] <11.06.1909. Бегичево –
Ст.-Бласиен>

№ 6

Милая и бесконечно дорогая

Я также пишу Вам два письма и по той же причине: второе – совсем, совсем между нами. Хорошо, что дети в Вилла Бристол не дают плакать, то есть мешают отдаваться слезам; а то ведь эдак можно совсем известись! Нельзя всегда сдерживаться; но ведь можно и вечером поплакать, когда дети легли спать, не так ли? А все-таки я ужасно надеюсь на моего милого "Ваньку-встаньку", – на силы, которые в Вас есть и несомненно Вас вывезут.

О моем настроении много говорить не буду; почему? Потому что не следует

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Слишком в нем копаться: иначе доковыряешься до боли. Скажу только, что по отношению к Вам оно неизменно, моя милая, дорогая. Вот другое письмо мое в этом конверте очень характерно. Почему ход мыслей о Соловьеве так сам собой отливается в письмо к Вам; потому что так связано с Вами все, что я думаю. Вот этот Пчилосопченцег в Ст.-Бласиен правда замечателен, но символичен: он приведет Вас ко мне, моя бесценная, дорогая.

Что касается моего здоровья, то оно – так себе: увидим к концу месяца, можно ли вылечиться здесь или надо ехать за границу, так же относительно жены.

Прощайте, мой ангел дорогой, крепко крепко Вас целую.

121. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[623]<18.06.1909. Бегичево – Ст.-Бласиен>

Дорогая Маргарита Кирилловна,

Мое последнее письмо – почти полный ответ на Ваше; Сооловьев к концу жизни бросил теократию; в предисловии к переводу Платона он прямо говорит, что должен был отказаться от любимой мечты[624]. Почему? Он убедился, что соединение Церквей может привести к Царствию Божию на небе, а никак не на земле; в "Трех разговорах" оно происходит в пустыне между горстью христиан разных исповеданий; никакого внешнего могущества теократии в результате не наступает, а, напротив, – сразу настает конец мира. "Теократия" – остаток панславистской мечты о внешнем величии России; в "Трех разговорах" С<оловьев> приходит к заключению, что скорее внешнее унижение может побудить Россию исполнить свое внутреннееш назначение. По-видимому, и Вы так думаете; я – так же. Только вражда Чаадаева против "гомеризма" и его пристрастие к Индии мне непонятны и чужды; не понимаю, почему это Вам нравится: ведь Греция и гомеризм – олицетворение жизнерадостности, а Индия – нездорового, враждебного жизни аскетизма.

У нас по-прежнему за исключением немногих сравнительно редких дней – почти непрерывный потоп. В церквах молятся о появлении солнца и прекращении дождя. Не скажу, чтобы это было мне полезно. Мое здоровье весьма неважно и отъезд за границу вдвоем весьма вероятен, тем более что в доме очень сыро, что никому не полезно. Большая часть прогулок совершается в непромокаемых плащах и высоких сапогах.

Ну, прощайте дорогая Маргарита Кирилловна, крепко целую Вашу руку.

Ваш Кн<язь> Е<вгений> Т<рубецкой>

122. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[625] <24.06.1909. Кореиз – Симбирск>

24 июня 1909 г. Кореиз

Милый Александр Сергеевич!

Спасибо Вам за словарь и за письмо Ваше, которое я получил одновременно с долгожданным письмом от В.В.Зеньковского, настолько тяжелым и унылым, как я никогда еще от него не получал. Он окончил курс и переутомился, а кроме того, очевидно, неизвестные нам его раны вскрылись, так что он, как пишет, не знает как выберется. Горюю о нем, но уповаю на помощь Божию. Ваше письмо тоже было тяжелое, много горького достается на Вашу долю, и такого нужного, вязкого, помогай Вам Бог! Наконец, получил еще большое, очень милое, но также очень тяжелое письмо от Мариэтты! Как видите в довольно скрюченном состоянии наши христиане! От Эрна и об Эрне ничего не имею, боюсь за него и вспоминаю о нем с любовью.

От Павла Александровича получил книжку об Исидоре, умилительно! Отдыхаешь духом, вспоминая об его крепости. Меня это лето наказует и милует Господь. Все время болеют дети. Муночка теперь поправилась, хотя и не укрепилась, но заболел наш маленький Ивашечка, сначала корью, затем инфлуэнцией, осложненной воспалением в обоих ушах, а затем острым воспалением почек (нефритом). Сама по себе эта инфекция на южном берегу Крыма летом – довольно поразительна. Сейчас ему полегчало, у нас появилась надежда и временное успокоение (хотя особенность этой болезни–колебание), и я могу писать Вам в такие времена лучше всего узнаешь себе настоящую цену и всю свою человеческую и религиозную немощь!

Конечно, последнее время занятия прервались, и возобновление и ход их будут зависеть от здоровья Ивашечки. Поездка в Ливны тоже, вероятно, отменится. Елена Ивановна совсем замоталась и замучилась, п.ч. это продолжается уже второй месяц с малым перерывом.

А начал было я заниматься, точнее, учиться с увлечением, и ничего кроме отрезвляющего в том, с чем мне приходилось знакомиться, нет. Ведь я вообще люблю эту область знания-религиозно-историческую. О каких-либо практических результатах еще и не думал, даже тема не определилась и не скоро определится. Просто буду учиться. Пожалуйста, прошу Вас, напишите мне свои соображения о Религиозно-философском обществе, о которых упоминаете. Иногда мне кажется, стоит ли овчинка выделки, при наличии данных сил, особенно раз отсутствует религиозно-философской настроение, а для научных рефератов есть и Психологическое общество? Но за общество говорит его 3-хлетнее существование, право консерватизма, кроме обоих соображений.

От "старца"[626] не имел прямых вестей, а только через Вл<адимира> Ал<ександровича>[627], (который у меня был вместе с В.М.Васнецовым[628]). Ему написал на днях: мою заметку по поводу письма арх. Антония, одобренную Вл<адимиром> Ал<ександровичем>, "Слово" не напечатало, вероятно за черносотенство[629]. Прощайте, пишите. Храни Вас Христос!

Ваш С.Б.

Сколько же у Вас экзаменов-то?

123. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[630] <25.06.1909. Москва – Шварцвальд>

Дорогая Маргарита Кирилловна,

Теперь наш отъезд в Берлин окончательно решен; мы выедем из Москвы 30 Июня, а там – куда пошлет берлинский доктор. Это не означает плохого состояния моего здоровья; но надо поступать в ремонт поскорее в предупреждение худшего.

Получил Ваше письмо и открытку с рейнского водопада[631]. Относительно Соловьева Вы много чувствуете верно. Схематизм и диалектическое построение хода всемирной истории, несмотря на замечательный блеск, – самая слабая и даже несколько легкомысленная часть этой философии. Все эти построения к концу его жизни рухнули, как картонные домики. Посмотрите, что от них осталось в "Трех разговорах"! Не только нет речи о могущественной католической и русской империи, – но Россия – даже не самостоятельное государство: она – сначала под китайским игом, потом – под властью Антихриста. Где же тут русско-польско-еврейская теократия? Соединение церковью влечет за собой уже не политический переворот, а кончину мира[632].

Вообще та доля лжи, которую Вы в построениях Соловьева инстинктивно чувствуете, заключается именно в его идее теократии. Он считает государство частью Тела Христова и требует, чтобы оно походило на Церковь! Если довести эту мысль до конца, то получится нечто ужасное: такое государство должно исключить из себя всех иноверцев; нельзя же от неверующих, мусульман и других некаатоликов требовать, чтобы они занимались осуществлением католической теократии. В результате – без деспотической власти и без инквизиции в самом средневековом смысле для осуществления такого государства не обойдешься. Соловьев этого не понимал, потому что он был в сущности слишком восточный неотмирный человек и большое дитя вместе с тем.

Что касается "материализма" в еврейском смысле, то в этом религиозном смысле – я также материалист; только не знаю, – в этом ли смысле Вы называете себя материалисткой; во всяком случае в Ваших цитатах из Соловьева нет ничего, под чем бы я не подписался.

Знаете ли Вы, в чем слабость Соловьева? – Несомненно в обломовщине. Гончаров прекрасно понял Обломова, потому что это – он сам; в Обломове – его собственная бездеятельная, созерцательная природа; но когда в противовес Обломову он попытался изобразить деятельный, практический характер, то вышел карикатурный, несимпатичный и совершенно неправдоподобный немец Штольц[633]: таких не бывает.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Вот теократия Соловьева и напоминает мне этого Штольца; из черт, недостающих Обломову в России, не построишь идеального общества, а только отвлеченную и нежизненную схему. Курьезно, что за изображение практического идеального христианства взялся самый непрактичный человек, какой только существовал в нашей непрактической России [634]. Чтение Соловьева укрепляет в мысли, что России не суждено политическое величие: она будет велика тем, чем был велик Соловьев и прочие шее гении, – не внешним, а внутренним своим делом. Какой урок заключается в том, что внешние замыслы Соловьева рухнули! В религиозном творчестве мы можем достигнуть великого, а в политике – дай нам Бог, хотя бы сносного.

Теократия в сущности – попытка влить вино новое (Царствие Божие) в ветхую форму государства. Неудивительно, что вино разорвало мехи; и так как мы, русские – по самой нашей природе – любители нового вина, то "мехи", по всей вероятности, всегда у нас будут дырявые. – Немцы на этом основании будут считать себя высшей расой: у них такого вина нет; зато мехи – превосходны. Поеду в Германию и, поскольку питье вод не помешает, посмотрю каково у них то и другое.

Крепко целую Вашу руку

Ваш кн. Е.Трубецкой

124. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой [635] <25.06.1909. Бегичево–Ст.-Бласиен>

25 июня 1909 г.

Дорогая Маргарита Кирилловна,

Прежде всего о моих занятиях Соловьевым. Ведь эти занятия едва начались, а я уже чувствую, что они много мне дали: опять что-то загорелось, и вылилась из-под пера одна большая статья "Патриотизм и национализм" [636], в которой вы увидите, что что-то зажглось. По тому, как льется, я чувствую, что горит; надеюсь, что будет разгораться; но на Ваш вопрос, чувствую ли я себя во всеоружии, я скажу – "еще нет". Ведь это "всеоружие" – не начало, а венец дела, которому я хочу служить. Могу только свидетельствовать о моей решимости служить, а затем – что Бог даст! Только оставьте это выражение – "теократическое дело".

Я верю в Божье дело и в Божье царство; а "теократия" – только человеческая фальсификация; такой порядок, где Бог только ограничивает и сдерживает зло, прибегая для того к светскому мечу, – не шестое еще Божье царство; Бог может царствовать только изнутри, а не извне. Я думаю, что внешней теократии на свете (в смысле действительного Боговластия) нет и не будет, потому что в деле спасения она была бы тормозом; человечество на ней успокоилось бы, что было бы концом христианского прогресса.

Вообще, где Божье царство, там зло уже побеждено; оно ни в каком случае не может быть только внешним порядком. Поэтому теократия, в которой католический первосвященник и царь правят над людьми независимо от их вероисповедания, убеждения и воли – сушая нелепость с христианской точки зрения; если христианство требует совершенно свободного единения людей с Христом, то принудительная теократическая власть с государственными полномочиями ему по существу противна.

Вы спрашиваете о моем здоровье; оно не дурно, и чувствую себя бодрим; но все-таки еще нет коренного излечения; и вот почему мы 30го июня трогаемся в путь, чтобы второго числа быть в Берлине. Не знаю, куда пошлет нас берлинский доктор; нам московский усиленно рекомендует неуначр (недалеко от Кельна).

Соловьева ла Руссие ет л'Еглисе Универселле. Парис, Алберт Савине едитеур. 1889.

Тьерри наиболее интересные вещи:

Сан Йеан Цприсостоме <ет л'императрице Еудохие>

Несториус ет Еутыцчес [637]

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Мы 30-го июня трогаемся в путь, чтобы 2-го числа быть в Берлине <...>

Прощайте, целую Вашу руку. Моя жена Вас целует.

Ваш Кн. Е. Трубецкой.

Милая и дорогая, Вы не поверите, как сильно действуют на меня Ваши призывы и как дорого мне участие Ваше в моей работе. Ах, как бы хотелось увидеться.

125. А.В.Ельчанинов – дневник[638]. <7.07.1909. Москва>

Я не помню, когда это было; кажется в конце мая, во всяком случае в его<флор/и>енского> последний приезд в Москву по вызову Новоселова. Я провожал его на вокзал, где около часу мы ждали поезда. Беседа была длинная, и я помню только главное. Мы говорили все о том же равнодушии Павлуши к дамам и его частой влюбленности в молодых людей; мы долго путались в объяснениях, и только в конце П<авел> напал на следующую гипотезу. Мужчина ищет для себя объект достаточно пассивный, чтобы принять его энергию[639]. Такими для большинства мужчин будут женщины. Есть натуры уйпо-мужественные[640], которые ищут дополнения в мужественных мужчинах, но есть уйпер-мужчины[641], для которых ж<енственное?>

слишком слабо, как слаба, положим, подушка для стального ножа. Такие ищут и любят просто мужчин, или уйпо-мужчин.

126. М.А.Новоселов – А.С.Глинке[642] <27.07.1909. Вышний Волочек – Симбирск>

Вышний Волочек, 27. 07. 1909.

День Священномученика Пантелеимона

<...> В Соловки я неш шездил, так как два главные спутника – о. Феодор[643] и другой ректор[644] – отказались от поездки, ибо получили короткие отпуска. Вместо Соловков посетил Троице-Сергиеву Лавру, где пребывали во время монашеского съезда Зосимовские старцы. Прожил в Лавре три дня и, хотя на Съезде не был, на иноков посмотрелся. Познакомился с Оптинским старцем Варсонофием[645], виделся с 2-мя епископами и многими архимандритами.

Побывав (на три дня) в Петербурге по делам законоучительского съезда и по своим – книжным. Видел Тернавцева, который при мне взял приз на гонках (пришел третьим), а после моего отъезда взял Императорский приз, придя первым[646], – о чем известил меня немедленно письмом, и о чем сообщено было в "Новом Времени". Боюсь за него: с двух сторон опасность...

Виделся с Ф.К.Андр<еевым>, на квартире которого и останавливался. Он усиленно готовится к экзаменам при Московской Академии. Дай Бог, и Вам, и ему порадовать нас успехами! Я так и представляю. Ваш стол, заваленный "памятниками", и очень понимаю, что от него отдает чем-то операционным. Мама очень болеет за Вас душой.

Я живу тихо-тихо. Ни у кого не бываю, кроме 2-х двоюродных братьев, да в церкви. Никуда не тянет отсюда; даже подумать жутко, что опять в московскую суету погружаться придется. Если бы не письма, коих получаю чрезмерно, то житие было бы монастырское. Да еще беда: стал в газеты заглядывать. Неутешительно там... У меня такое чувство, что жизнь идет усиленным темпом, и что изо всех углов выглядывают какие-то страшные фигуры, о которых ученые историки и мудрые политики не знали ничего, а между тем нити грядущих событий содинены с этими фигурами. И ни политическая экономия, ни союзы и собрания, ни Дума, ни свидания монархов – ничто не спасет от грядущего всеобщего крушения[647].

Нельзя остановить или направить по своему усмотрению сил, уже приведенных в действие и впущенных в гущу человечества. Жутко становится в Божиим мире, и одно остается: "Господи! Утверди нас на камени исповедания Твоего!".

июля. День Смоленской Б<ожией> Матери.

Вчера за поздним временем не успел дописать. Знаете новость: еп. Феофану (ректору) в совете Академий предъявлено обвинение в ереси и предложено представить письменное оправдание, от чего он, разумеется, отказался.

Инцидент занесен в журнал заседаний совета, несмотря на противодействие Феофана.

Привет жене Вашей!

Храни Вас всех Господь!

Любящий Вас Михаил.

Пишите!

127. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[648] <12.08.1909.Кореиз – Симбирск>

12 августа 1909 г. Кореиз

Наш мальчик Ивашечка, наша радость и живой вестник неба, отлетел от нас, скончался 27 июля после мучений. Елена Ивановна разбита и еще не оправляется от горя. Я – или лучше, мы оба, пережили за это лето и за последнюю неделю (у него была дизентерия) страшно много, и религиозно, и по-человечески, хотя еще и не отдал отчета во всем, и в письме не напишешь. Для меня – или, лучше, опять для нас обоих – ясно, что в нашей жизни прошла решающая грань, разделяющая ее на две качественно разные части. Я не берусь судить об их относительной величине, но в Ивашечке и его уходе образовалась новая ось ее и центр. И это я говорю не только по-человечески, но и так чувствую высшим религиозным сознанием. Смирюсь перед волей Божией (хотя принять не на словах, а в сердце все пережитое будет еще дорого стоить), вижу здесь суд над собой и указание, которого еще не умею распутать. Святой Церкви предан более, чем когда-либо, и Ей хотел бы послужить остатком сил и дней. Что будет с нами в земном смысле, не знаю, т.е. осуществится ли предполагаемая наша программа, для меня утерявшая первоначальный смысл, а нового пока не получившая. В случае благоприятном в начале сентября буду в Москве и тогда увидимся. Ваше письмо было очень тяжелое. На всех нас что-то надвинулось. Помогите нам, Господи! Молитесь за нас. Христос с Вами. Целую Вас.

Пишите!

128. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[649] <22.08.1909. Беичево–Берлин, Хотел Цонтинентал>

Дорогая Маргарита Кирилловна

Это – мое последнее письмо; другое уже Вас не застанет. Пока пишу дождь льет и поливает, а небо безнадежно сыро. Ну что ж, я, слава Богу, набрался запасов – и тепла и света; работа идет хоошо и служит источником постоянной интенсивной радости. Работается скоро, так что рассчитываю написать здесь вдвое больше, чем в Найнаре, и несомненно виден берег, т<о> е<сть> если ничего не помещает, я вывезу отсюда законченную часть страниц в 100; но не в этом дело, а в том, что отношение мое к теократии проясняется для меня окончательно, – в воззрении на государство, на отношении его к религиозному государству исчезают темные пятна, раньше застилавшие поле зрения. В смысле самоопределения то, что дает мне эта работа, – огромно. Оттого велика и доставляемая ею внутренняя радость. Днем я уже не могу спать из-за нее – слишком возбуждение от этой работы.

Вагнер во мне начинает умолкать, хотя нынче ночью я всеш шеще слышал увертюру к Рчеинголд и Щалдщепен из Зигфрида; но все-таки чувствую, что что-то на всю жизнь во мне отанется от этого поломничества Байрейт, какой-то подъем, "призыв к борьбе и победе", как Вы говорите.

Сам того не подозревая, оказал услугу Михаилу П<авловичу> Поливанову[650]. Он прислал мне окончание своей статьи об Ибсене, чувствуя, что я должен реагировать ввиду расхождения в религиозно-философских взглядах. Я с огорчением прочел нечто не то когенианское[651], не то вообще имманентистское[652] и написал жестокую критику. В результате Поливанов взял свою статью назад, пишет, что я расшатал его философию и благодарит. Статья моя, таким образом пропала для печати; но я этому рад, т.е. рад поводу ее пропажи. Уж очень больно смотреть, как ученики моего брата один за другим уходят в эту философию, которая время и всевременное возводит в абсолют.

Коген, Авенариус[653], Скрябин, – все это вариации на одну и ту же тему – "смерть и время царят на земле"[654]; вопреки Соловьеву они смерть и время "зовут владыками"; ужасно мало теперь людей с крыльями, способных взлететь над временем. И эту свою неспособность выдают за философию! Мне хочется драться, когда я это вижу. Толпа всегда будет принимать их за учителей жизни, потому что они сами не вышеш шее и этим самым льстят ей; ей лестно признавать философиями людей, которыеш шей по плечу и насквозь понятны благодаря своей философской вульгарности.

Покойный Аксаков говорил: "Со всяким игом можно примириться, но иго глупости невыносимо"[655].

Верочка[656] Вас целует. Ну прощайте, крепко целую Вашу руку.

Ваш Е<вгений> Т<рубецкой>

129. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[657] <27.08.1909.Кореиз – Симбирск>

27 августа 1909 г. Кореиз

Милый Александр Сергеевич!

Не беспокойтесь за нас. Бог, посылающий испытания, дает силы и переносить их, да и вообще, человек может перенести больше, чем думает. Я испытал такие страдания, каких еще никогда не испытывал, но и пережил такие осенения благодати Божией, – такое живое соприкосновение с тем миром (с душой нашего Ивашечки у его гроба), как тоже никогда раньше, и между горем и живым стремлением к Богу все время двойтся наша жизнь.

Неля, несмотря на приливы отчаяния и ропотности иногда, по собственному побуждению говела, причем на исповедь и причастие пошла прямо от могилки нашего мальчика. В ней и в нем вообще, я чувствую ключ нашей будущей жизни. О, Александр Сергеевич, если бы мне сохранить хоть часть того, что мне открывалось и перенести это в новую жизнь. «Забвена буди, десница моя, если забуду тебя, Иерусалим!»[658] А между тем чувствую, что уже тону в болоте, не в силах расправить крылья... И если бы я был достаточно серьезен и постоянен, я должен бы окончательно излечиться от религиозных новшеств, послеуслышанного мною слышимого и теперь зова оттуда, говорящего, что все здешнее преходяще, и наша родина – там, как и учит нас святая Церковь... В Москве буду лишь в начале декабря. Как Ваши экзамены? Пишите.

Целую и молюсь.

130. А.В.Ельчанинов. Дневник[659] <9.09.1909. Сергиев Посад>

9 сентября

Сегодня за утренним чаем Павлуша <Флоренский> рассказал мне о себе следующее. Еще этим летом П<авел> часто говорил мне, полушутя, полусерьезно, о своем интересе к кабацким песням, к пьяницам, о том, что он сам пробует пьянствовать.

– По крайней мере, эти люди, – говорил он, – простые, без всякой фальши, а я хочу простой жизни с простыми людьми.

Когда я приехал сюда (8-го сент.), Павлуша встретил меня сообщением о своем пьянстве. Я не поверил тогда. За чаем сегодня он начал с того, что сообщил о своем намерении прочесть студентам ряд лекций о пьянстве.

– Я начну с того, что центральным пунктом философии считается сейчас вопрос о познании, т.е. вопрос о познавании реального; но ведь всякое познаваниеш шесть выходение из себя, я думаю, что исторически гносеологический вопрос зародился из культа опьяняющих растений, т.к. лучше всего явление выходения из себя, тождества субъекта и объекта знают пьяные. Интересно то, что опьянение различными веществами дает совершенно различные переживания. Например, ром, водка и вино. Их действие совершенно различно. Я теперь много пью, я даже думаю, что это полезно. У нас слишком много еще всяких диких порывов, которым надо давать выход. Если б мы воевали, сражались с разбойниками – тогда другое дело. Когда я много выпью, на другой день я чувствую себя очень хорошо. Я даже физически стал

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках – поправляться, – все это замечают и не знают почему.

– Но разве ты не думаешь, что от пьянства притупляются способности?

– Я знаю это, но я этого и хочу; мне противна всякая культурность, утонченность, я хочу простоты.

– Но ежели ты потеряешь способность отличать божественное от дьявольского, то не боишься ли впасть в какие-нибудь искушения и соблазны и попасть на дорогу, которая ведет к гибели?

– Я и так погибший, – это было сказано очень серьезно. – Вообще у меня наступает какой-то перелом. Близок уже 27 год, значит это неизбежно.

– Но почему ты сам решаешь это все, почему не посоветуешься с духовником?

– Почему ты думаешь, что я не советовался? Если я спрошу духовника, что мне выбрать, самоубийство или пьянство, он запретит и то, и другое, и иначе он не может ответить. Конечно, я мог бы удержаться от этого, но я знаю, что тогда будет еще хуже; а потом – видно иначе никак себя не смиришь...

131. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <11.09.1909.Москва – Тифлис>

Москва

11 сентября 1909 года.

<...> Все эти дни занимаюсь к экзамену, не очень много, хотя сосредоточенно; а в свободное время, которого остается все же много, хожу по делам и людям. Вчера, проходя по переулку Белого, решил зайти к нему, но не застав его дома, пошел домой. Проходя мимо квартиры Д.Н.Егорова[660] – вдруг собрался, что хорошо бы его повидать. Он оказался дома и с обычным оживлением встретил меня и повел в столовую. Он был очень весел, мил, очень доброжелателен ко мне, и я провел у него с удовольствием часа два. Это поистине русско-немецкое произведение. Энергии и сил без конца! Он весь так и брызжет жизнью. Дел у него подавляюще много. Одних лекций в неделю 16 часов!! У него ужесть детей!! И с ними он возится и дурачится два часа в день! При этом у него растет громаднейшая и ученейшая диссертация, о больших достоинствах которой я слышал от других. При этом у него масса сношений с людьми: беседы с курсистками на дому, всякие педагогические предприятия, издание учебных хрестоматий и пр. и пр. Он просто восхищает меня своей кипучей энергией. Когда он был два года за границей за разысканием материалов к своей диссертации, он немецким студентам читал по-немецки четыре семестра. Он писал своей женеш ежедневно! <...>

Когда я возвратился от Дмитрия Николаевича и только что успел пообедать, пришла Надя в очень расстроенном виде. Вела себя нервно и, говоря всякие пустяки, ушла. Я закончил свою работу, у меня был свободный вечер, и я решил пойти к Наде. Купил конфет, пирожного и пошел. (Надя живет очень близко). Надя в совершеннейшей меланхолии лежала на диване; когда увидела сладости – так была необыкновенно тронута, что несколько минут плакала. Я занялся Надюшкой и только через минут десять мне удалось перевести Надю в третье измерение. Саша приготовила чай, и мы мирно разговаривая сели за чай. <...>

132. А.В.Ельчанинов. дневник[661] <14.09.1909. Сергиев Посад>

IX/14

Сегодня, когда я вернулся из Москвы, моя прислуга, очень толковая баба средних лет, доложила мне:

– Тут вас спрашивал студент один, голова набок... малоумный такой... раскосый будто.

Она, видимо, очень затруднялась точно определить наружность Павлуши. Я даже не сразу догадался, что это о нем, и только по признакам – длинный нос, длинные волосы и штатское платье – сообразил, о ком идет речь.

133. А.В.Ельчанинов. дневник[662] <22.09.1909. Сергиев Посад>

я не знаю еще, всегда ли он <Флоренский> такой, но я его вижу каждый раз очень изменившимся по сравнению с прошлым годом. Нет той ясности в глазах, живости и веселости; вместо этого какая-то тусклость, тяжесть, как с похмелья (хотя П<авел> и уверяет, что именно на другой день после пьянства особенно хорошо чувствует себя, "наступает какой-то катарсис, сначала острое раскаяние, а потом смирение, ясность и радость"). Вчера, как обычно, он вздыхал о том, что слишком много дел, что он не успевает всего делать, что нет времени, а потом вздохнул, что у него нет секретаря. Я вызвался помочь ему в одной из его работ (рецензия на сочинение Наумова о Дионисе[663]), он согласился. Мы работали вчера весь вечер и сегодня до обеда, и много разговаривали.

134. А.В.Ельчанинов. дневник[664] <24.09.1909. Сергиев Посад>

IX/24

Я запишу только одну часть разговора, особенно для меня важную, хотя мысли эти я слышал от него полтора года назад, прошлой весной.

– Мне не трудно многое убить в себе, но что из этого выйдет. Я мог бы убить в себе все, что связано с полом, но тогда бы во мне умерло всякое научное творчество прежде всего. Ты говоришь, что так и надо, что через такую смерть проходили все подвижники, я знаю это, но ведь меня не пускают в монастырь, мне велят читать лекции. Почему от многих сочинений, учебников и т.д., семинарских особенно пахнет мертвечиной; как будто бы все на месте, есть большая ученость, приличный язык, даже мысли, но читать невозможно? Потому что их писали скопцы. И я бы мог так записать, но кому нужны такие труды? Вот теперь мы с тобою пишем о Дионисе; ведь я должен же пережить все это, почувствовать, сегодня я не спал всю ночь, от какого-то общего возбуждения, как будто я сам участвовал в оргиях. И так все. Так и с лекциями. Я знаю, что в последующих лекциях я дам христианский синтез, но пока я излагаю, я не могу не проникаться симпатическим отношением к своему предмету.

135. А.Р.Минцлова[665] – Вяч.Иванову[666] <9.10.1909. о. Рюген – СПб>

Любимый мой, дорогой...

Я Вам пишу у окна, из которого видно море Арконы[667]. Сегодня оно спокойное, тихое, цвета зеленой бирюзы – позеленевшей...

Эти два дня дивная погода, и я могла совершить все должное, все что указал мне Голос. И странно – мне было удивительно легко все сделать. Я обошла (пешком, здесь нет извозчиков совсем, да я и не могла бы ими воспользоваться, т.к. сама не знала, куда я должна идти) – я обошла, вчера и сегодня, почти всеместа, отмеченные Роком – все ущелья, где были перерезаны, коварно и предательски, Славяне, погибшие здесь все до одного, кто жили на острове, кто охраняли мистерию Славян... Мне было совсем легко и свободно ориентироваться здесь, как нигдеш щеце – даже в Париже... Я молилась на этих местах, совершила все обряды, предписанные мне, и поцеловала землю эту, которую гореть я взяла с собой.

Псылаю Вам сегодня, дорогой брат, три очень плохих изображения этих мест (открытки). Мне важно, чтобы они у Вас были. И для "сосредоточения" – очень нужно это, для прочтения этого периода в Акасча[668]. Когда я буду с Вами, это будет нам нужно для урока... В одном ущелье здесь – Вы сами должны увидеть, в котором, – были перерезаны все жрецы Арконы Германцами...

О том, что я узнала здесь... О том, что открылось здесь и даровано мне – писать нельзя. Этому нет слов. Я чувствую себя измененной до самых глубоких корней существа моего. Я еще останусь здесь сегодня весь день до отъезда в Берлин, в 3 часа дня – я должна здесь пробыть 3 дня и ночи...

Весь остров теперь молчаливый и опустелый. И так легко и свободно и радостно это одиночество и запустение. Я брожу день и ночь – теперь новолуние – и никто не обращает внимания, все дороги открыты, все леса буковые, устланные алым ковром осенних опавших листьев – зовут и ждут, ждут давно... И вот... И вот я пришла – меня послали к ним, хотя до сих пор яникогда не знала ничего, не думала о Рюгене и Арконе – и к туманным, слабым,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. недостаточным словам Нины Гернет[669] относилась всегда с улыбкой недоверия, т.к. они не были ею серьезно и строго обоснованы... А теперь... теперь, когда я сразу, немедленно нашла старый дуб – "Herta's Eiche" – со знаками человеческих жертвоприношений – это было первое, что я должна была найти, эти "письмена смерти" – и любви (жертвы здесь были лишь добровольные, лишь последние невозможности имели доступ к принятию, здесь <?>)[670].

Вячеслав... Ваше имя звучит особенно вещим – здесь, в этих рощах священных. Если бы я знала, что предстоит мне теперь – о, конечно, я бы тогда безусловно, бесповоротно, позвала Вас с собой, умолила, упросила бы Вас ехать со мной теперь (я знаю, Вы сделали бы это), но у меня было тогда смутно все, и я боялась, что это у меня слишком личное... А сейчас – сейчас я вижу, что я была неправа к себе... и за это теперь должна заплатить страшной ценой, за это, незаслуженное недоверие к себе, ибо вся жизнь моя, с начала и до конца, не давали мне повода для такого отношения к себе. Во мне распахнулась дверь безумия – Сибиллинского... Сорвалось с петель все, задерживающее прежде... Сейчас – со мной, возле меня Великие, Старшие братья (не те, кто в Нюрнберге). Но... звена, соединяющего с землей – нет больше, кроме одной любви к Вам – и здесь... здесь мне очень трудно...

Целую руки Ваши

136. А.В.Ельчанинов. дневник[671] <10.10.1909. Сергиев Посад>

У него <флор/и>енского> масса нежности, привязчивости, любви. Я никогда не видел, чтобы он охладевал к людям первый, чтобы он тяготился близким человеком, искал перемены, свободы. Если он полюбит кого-нибудь, то все отдает для этой дружбы, он хочет вовлечь своего друга во все подробности своей жизни, и в его жизнь и интересы входит всей душой; он оставит свои дела, своих знакомых, срочные занятия, если его время нужно (или ему кажется, что нужно) другу. С Васенькой[672] он ест из одной чашки и ни за что не сядет обедать без него, хотя бы тот не пришел бы до вечера, ездит разговаривать с его доктором, помогает ему писать реферат, вообще не дает ему "ни отдыху, ни сроку". (Таковой и должна быть настоящая дружба, но только при полной взаимности; иначе она – невыносимая тяжесть, я знаю это по себе).

Часто говорит о своем намерении бросить Академию. Он решил было летом бросить ее, да отговорил Вас<илий> Мих<айлович>. Настроение по-прежнему тяжелое.

137. А.В.Ельчанинов. дневник[673] <18.10.1909. Сергиев Посад>

13-го – 16-го я был в Москве. Перед отъездом Павел сказал мне:

– Если увидишь Владыку[674], скажи ему обо мне. Можешь сказать, что я часто хочу его видеть, но не приеду к нему, потому что все равно не послушаю, что он мне скажет.

Я был у Владыки 15-го. Сначала я рассказал ему о своих делах, а потом о ф<лоренско>м. Я сообщал только факты: разочарование в науке, беспричинная тоска, пьянство. Владыка слушал, сидя боком и усмехаясь в бороду, но когда я сказал о пьянстве, он стал серьезен. "Рано, рано начал", – бормотал он.

– Скажите ему, – быстро сказал он, – что я очень прошу его удерживаться до 30-ти лет. Пусть соберет все свои силы. Потом уже не опасно. Кровь бродит до 30-ти лет и эти последние годы особенно опасны.

Взволнованный (но не очень) он встал и вышел на минуту в свою комнату; потом вернулся и продолжал:

– Пусть применяет мой сократовский метод анализа понятий. Летом я поеду в Соловецкую пустынь и возьму его с собой. Передайте ему это; это его ободрит.

Между прочим, уже в конце беседы он высказал предположение, не заразился ли Павел пьянством от Глаголева.

138. П.А.Флоренский – А.С.Глинке[675] <15.11.1909.Сергиев Посад – Казань>

Многоуважаемый Александр Сергеевич!

Доселе я все откладывал исполнить Вашу просьбу, надеясь на получение точных сведений, но т.к. теперь я боюсь уже задерживать свое письмо, то пишу, что знаю. Михаил Алесандр<ович> Новоселов (уже 2 недели тому назад) был здоров; повидимому теперь нет изменений в его положении, – по крайней мере мне об этом ничего не сообщали. Его болезнь была серьезна, но, слава Богу, кончилась благополучно.

Сердечно благодарю Вас за то, что помнитесь щедро обо мне. Сейчас живее, чем когда-нибудь, я чувствую, что того не стою. Господь да будет с Вами.

Книжку об о.Исидоре (в ней только и есть хорошего, что имя о.Исидора, да мое намерение напомнить о нем) вышлю Вам в Симбирск, – как Вы велите, на днях. Желаю успеха в экзаменах.

Господь да хранит Вас и всю Вашу семью с детками.

Павел флоренский.

16. их. 15. ночь. Сергиевский Посад[676]

139. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[677] <22.11.1909.Олеиз – Москва>

22 ноября 1909 г. Олеиз.

Дорогой Владимир Францевич!

Очень обрадован был письмом Вашим и содержащимся в нем относительно успокоительным известием о Вас. Радуюсь я так же очень Вашей радости в работе и самому вашему замыслу. философия, особенно гносеология, как орудие христианской апологетики (я беру это в самом утилитарном смысле) так нужна теперь для "малых сих", пробивающихся к вере сквозь колючую изгородь неокантианства в разных его разветвлениях. Конечно, не гносеология родит веру, но некоторые шаги к ней. Тому, кто неспособен перепрыгивать, удобнее пройти с крепким гносеологическим костылем в руках. Я, конечно, понимаю, что для Вас работа имеет прежде всего самостоятельное религиозное значение, и менее всего в ней Вы думаете о пользах претякающихся, но польза будет и для них. дай Вам Бог сил и таланта совершить это благое дело. В декабре в Москву собирался В.В.Зеньковский, Ваш коллега по философии и собрат по церкви. Как было бы хорошо, если бы он застал Вас! Впрочем, срок его приезда еще не определен. мы предполагаем приехать в самых первых числах декабря. Над нами сгущаются новые тучи: у Елены Ивановны нашли хронический аппендицит, может быть, предстоит операция, хотя хотелось бы без нее обойтись. К душевному потрясению присоединилась и физическая болезнь. Впрочем, самое последнее время она чувствует себя опять несколько лучше. Об Александре Сергеевиче имел короткую весточку от М.А.Новоселова (который, кстати сказать, перенес тяжелое и продолжительное воспаление легких и тем причинил мне немало тревоги о себе). Он писал ему, что собирается в Казани держать экзамен. Мне он так же не пишет. От Григория Алексеевича ничего нет, религиозно-философское общество замерло. В Москве Н.А.Бердяев, Вы с ним увидите, конечно. Вчера исполнилась годовщина опубликования нашего письма о Свенцицком[678]. Я вспоминаю об этом с огорчением и с некоторым раскаянием, хотя, вспоминая обстоятельства дела, понимаю тогдашнюю безысходность. Итак, надеюсь, до скорого свидания! Обнимаю Вас. Да хранит Вас Господь!

Ваш С.Б.

Ускорение нашего приезда вызывается тем, что, может быть уже теперь, до праздников, придется делать там операцию.

140. П.А.Флоренский – А.С.Глинке[679] <26.11.1909.Сергиев Посад – Казань>

Многоуважаемый Александр Сергеевич!

Сообщаю Вам, в дополнение к предыдущему письму, что Мих<аил> Алелс<андрович> Новоселов совершенно здоров, как я узнал о том вчера. Письма Вашего он, – насколько я понимаю, – не получил.

Если будет время, черкните о своем здоровье и об экзаменах. Желаю Вам всяческого успеха.

П.Флоренский

11. 26.

Простите, пишу открыткой и небрежно: страшно тороплюсь.

141. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[680] <29.11.1909. Олеиз – Москва>

29 ноября 1909 г. Олеиз

Милый Владимир Францевич!

Спешу Вас уведомить, что мы остались в Крыму еще на месяц и будем в Москве только к новому году. Поэтому нам, значит, не суждено теперь увидаться. Простите, если я Вас задержал в Москве. Если увидите Григория Алексеевича и Николая Александровича, побудите их устроить до Рождества хотя одно заседание Религиозно-философского общества, ведь право же это возможно, если только этого захотеть. Кроме того, следовало бы устроить и годовое, хотя фиктивное(в квартире Григория Алексеевича даже) собрание для перевыборов членов правления. Тогда мы будем иметь юридическую возможность беспрепятственно продолжить в будущем году. Грустно, что не пришлось теперь видаться. Когда еще увидимся! Но мы решили день Рождества Христова и рожденья Ивашечки провести у его могилки. Елена Ивановна чувствует себя сносно, я тоже. Крепко обнимаю Вас. Христос с вами!

Вчера послал С. Вл. Шеру 45 р. для Нади, в начале сентября послал ему же.

142. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <3.12.1909 .Москва – Тифлис>

Москва

3 декабря 1909 года.

<...> Вчера я был у Бердяевых – провел у них несколько часов. Быть может когда-нибудь мы станем друзьями. Пока пора доброжелательности и дружелюбности. <...>

143. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <4.12.1909. Москва – Тифлис>

Москва

4 декабря 1909 года.

Сегодня наконец я разузнал о своих делах. До Рождества будет всего лишь одно факультетское заседание – именно 15-го, и на это 15-е назначен мой экзамен по метафизике. Я кое-что сделал, приехав, но теперь придется усердно посидеть в эти десять дней перед экзаменом. Придется засесть основательно и все другое отодвинуть на второй план. А этого другого здесь порядочно много, так что мне предстоит не только умственная работа, но и волевая. Я ничего не имею против.<...>

Я узнал очень печальную новость. Волжский провалился на экзаменах в Казани. Прямо не знаю, как он теперь будет. Тифлисское место для него пропадает. Я постараюсь на него всячески воздействовать, чтоб он держал еще, но быть может, это не удастся. Как это все тяжело. <...>

О Павлуше Рачинский рассказал мне ужасную вещь: будто бы Павлуша начал горько пить и ходить по кабакам с забулдыгами. Я был страшно поражен. Но Вася, слышавший рассказ того же Саши, от которого слышал и Рачинский, говорит нечто совершенно иное. А именно, что Павлуша стал производить опыты и наблюдения над действием разных наркотических веществ на психику человека – и для этого пробовал "наркотизироваться" опиумом, гашишем и алкоголем. Это совсем другой смысл. Это просто любопытно, а не страшно. И я уверен, что прав Вася, а не Рачинский. Григорий Алексеевич просто, должно быть, перепутал, и я даром переволновался за Павлушу[681]. <...>

144. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <8.12.1909. Москва – Тифлис>

Москва, 8 декабря 1909

<...> Я ужасно рад и счастлив, что ты себя чувствуешь хорошо. Я теперь после радостных писем успокоился и тревога моя забралась в самый дальний угол моей души. Вчера было очень интересное заседание Соловьевского Общества. Но у меня были не менее интересные приготовления к заседанию. Во-первых уже за несколько дней Татьяной и Васей был поднят вопрос о некоторых дефектах (весьма незначительных, впрочем, хотя и в очень значительных местах) моих философических штанов и решено было снабдить меня специально к заседанию штанами Васи. За несколько часов до заседания Вася с увлечением подруги принялся за мое снаряжение, или, лучше сказать, одевание. Я вычистил сапоги, вымылся (в этот же день стригся и мыл голову шампунем!), Вася заставил меня надеть весь его костюм, достал какой-то длинный галстук Татьяны, и сам мнеш шего очень искусно завязал. Я посмотрел в зеркало и просто себя не узнал. Приехал Саша, пришла Надя, – начались восторги и восклицания <...>

Заседание было великолепное – в главной зале Морозовой. Только что я вошел, как меня поймал Е.Н.Трубецкой и так вцепился в меня, что со всеми другими только здоровался. Он мне говорил о своей новой книге о Соловьеве[682]. Тернавцев прочел реферат поистине вдохновенный и великолепный: Церковь и Римская Империя. Слушать его было – одно наслаждение. Белый сказал о реферате: "местами он гениален". Мы давно не слышали такого реферата. Прения были менее интересны и существенны, хотя и очень оживленны. Дядя Гриша[683] блистал костюмом и удовлетворением и властью председателя вписал меня третьим оппонентом (после Бердяева и Трубецкого). Я протестовал, но он настоял, и мне пришлось говорить все опять о ней, о Мировой Душе, потому что Тернавцев обидел язычество.

В перерыве Маргарита кирилловна, на которой было, кстати, великолепное платье, угостила всех великолепно сервированным чаем в столовой <...>

145. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн<9.12.1909. Москва – Тифлис>

Москва, 9 декабря 1909 г.

<...> 15-го у меня экзамен. 16-го еду в Посад, 17-го иду к Титову, 18-го рождение Татьяны, 19-го митин[684] суд (Митя рассчитывает на меня). Так что первый день, когда я могу выехать, – это 20-е. Представь! В день заседания я получил неожиданное предложение. На улице встретился с Котляревским[685], который спросил меня, не хочу ли я занять в Университете кафедру истории церкви. Там же никого нет и пр. Конечно – это только возможность (ибо не Котляревский предлагает кафедры, а факультет) и кроме того, тут есть своеобразные затруднения от того, что эту кафедру хотел занять Булгаков, но против него вели какие-то интриги, в которых участвовал чуть ли не Котляревский – но во всяком случае я предложения этого не отклонил и Котляревский поднимет от себя этот вопрос на факультете, в январе он более или менее выяснится. Я написал уже подробное письмо Булгакову, чтоб выяснить окончательно вопрос о возможности его кандидатуры. Это все, конечно, лишь журавль в небе, и даже м<ожет> б<ыть> не журавль, а простая болотная цапля, но я так проголодался отсутствием всякой дичи, что готов радоваться даже цапле. Хотя пока что я предпочитаю этой цапле заграничную командировку, а если она не выйдет, – Тифлисскую кафедру на Женских Курсах. Ну это материя скучная!

Сегодня получил деньги с "Русской Мысли"[686]. Меня обочли! Вместо 80 р. за лист дали всего 60 – и вышло всего 63 р. 75 коп. И так как никого из заправил не было, а были только конторщицы – мне пришлось удовольствоваться молчаливым принятием денег. И так, мечты о костюме рассеялись. <...>

146. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[687] 13.12.1909. Олеиз – Москва>

Олеиз. 13.12. 1909

Дорогой Владимир Францевич!

Отвечаю немедленно на запрос Ваш. Прошлой осенью С.А.Котляревский, встретив меня на улице, сделал мне предложение занять кафедру церковной истории, уверяя, что это осуществимо, что он этого добьется и т.д. и т.д. В результате этого самоуверенного легкомыслия, Вы знаете, не вышло ничего,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. кроме неприятностей, пересудов и т.д., причем теперь и сам С.А. от меня отказался, хотя тогда находил, что я единственный в России человек, призванный занять эту кафедру. По оценке, например, М.О.Гершензона, факультетские дела знающего, влияниеш шего на факультете совершенно не соответствует его самооценке. Рассказываю это Вам исключительно для того, чтобы сразу же установить надлежащий взгляд на происшедший разговор и предостерегаю от его переоценки, хотя конечно некоторое влияние С.А. и имеет. Ново здесь для меня то, что кафедра по-прежнему пустует. Между тем весной я слышал от Г.И.Челпанова[688], что декан[689] ведет переговоры с какими-то византинистами и, стало быть, вопрос устраивается. Раз нет, надо употребить все усилия, чтобы заполучить эту кафедру в свои руки. О себе скажу так, что, конечно, я с радостью взял бы ее, если бы мне предложили. Но я до такой степени уверен, что не предложат (и главное, исходя из этой уверенности, и не предпринимаю никаких шагов), что лучше обо мне и не ворошить вопроса. Вас же это прямо идеально устраивает, иначе Вам в университете Московском, вероятно, и не устроиться, и хотя трудности и с Вами велики, но в ином роде, чем со мною: Вы – своего факультета, и пока еще не вызываете против себя такой озлобленности (конечно принципиальной), как я. Но трудность, кроме Вашей академической незрелости в том, что по понятиям историков, не только с Виппером[690], но даже и Виноградовым[691] во главе, на эту кафедру нужно историка в их смысле, то есть или такого, который бы исследовал связь свиноводства с реформацией, или же политическую историю католицизма. Для нас же история церкви, конечно, совпадает с внутренней ее историей, – догмы, жизни и т.д. Но, с другой стороны, одно время предполагалась кафедра эту поручить С.Н.Трубецкому, которого Вы ученик и в некотором роде школьник (в смысле школы, а не школьничества). Практически же надлежит действовать так. Я думаю, что Г.К.Челпанов, сочувствующий моему стремлению, поддержит и Ваше для этой именно кафедры, хотя распинаться за Вас он не будет. Во всяком случае, как человек трезвый, знающий превосходно дела и дрызги факультета и в нем действительно влиятельный, он даст оценку положения и, может быть, практический совет; и лишь имея его заручку, можно продолжать это дело. С ним же может поговорить Н.А.Бердяев, которому он выскажет откровенно свое мнение и сделает оценку положения, возможно ли заполучить эту кафедру и кому легче, мне или Вам (хотя, повторяю, для меня здесь нет никакого вопроса). Кроме того, через того же Н.А. можно спросить мнение М.О.Гершензона, который в прошлом году делал для меня нужные справки и давал совершенно верную оценку положения дел (а также и обещаний Котляревского). В заключение скажу, что как не желал бы я чтобы Вы устроились, но веры в это имею очень мало и Вам увлекаться не советую, – в прошлом году я дорого поплатился за свое легковерие, – впрочем, тогда во мне поддерживал эту надежду Новгородцев. Рад, что В.А.Тернавцев прочел блестящий доклад. Н.А.Бердяев сообщил мне, будто в совет Общества Григорием Алексеевичем вводится Астров. Неужели это правда? Меня это крайне огорчило[692]. Впрочем, вам там виднее. Жаль, что слабы были прения. Мы благополучны. Обнимаю Вас. О всем, происходящем с кафедрой, уведомляйте.

Волжский писал М.А.Новоселову, что его опять постигла неудача на экзамене. Больно думать о нем! Ваш

147. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <15.12.1909. Москва – Тифлис>

Москва, 15 декабря 1909 г.

<...> Устал, конечно, от экзамена, который благополучно свалился с моих плеч. Пришлось ожидать ужасно долго. Ты только подумай, я ждал 3 с половиной часа! Я пил невероятное количество чая, разговаривал с кем только можно, наконец разболелась голова и наступила полная апатия! Только тогда появился Лев Михайлович[693] и позвал меня на допрос о Спинозе, Лейбнице и Платоне. Я говорил совершенно механически, без всякого одушевления; просто выкладывал все, что нужно. Вялые вопросы Лопатина меня не оживили и хотя они, видимо, остались довольны, но сам я остался экзаменом очень мало доволен. Это какая-то профанация! Мечтаю скорее сдать все, что осталось, и больше никогда в жизни не переживать этого глупого состояния! <...>

148. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[694] <22.12.1909. Москва – Москва>

Моя дорогая, родная и хорошая

Пишу тебе рано утром, пока никто не вставал, и пошлю так, что никто не узнает, через массажиста. Вот уже третий день, что я лежу: повредил себе

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
ногу гораздо сильнее, чем предполагал: не только ходить не могу, но вчера
еще шедва мог ступить на ногу: возможно, что порваны связки.

О тебе имею известия через Елену Кирилловну [695], слава Богу, недурные; но тоскую ужасно без тебя. Повреждение моей ноги также связано с тобой: я бежал стремглав в редакцию, чтобы там уединиться и оттуда написать тебе письмо, и растянулся на тротуаре так, что сам потом не мог подняться из-за подвернутой ноги. Поднимал меня извозчик.

Хорошо еще, что это случилось, когда видеться мы все равно не можем. Лежание предрасполагает к усердной работе над Соловьевым. Он двигается хорошо! Но больно, обидно и тоскливо тебя не видеть. Когда можно будет, извести, изменив почерк на конверте. Я к Рождеству надеюсь выходить, если массажист не обманывает.

Боборыкина [696] в Среда секли вчетвером: я, Бердяев, Хвостов, Лопатин. Он почти ничего не был в состоянии ответить. Высекли так больно, что среди речи Лопатина он ушел со скандалом, не дослушав. Подобного не было с основания Психологического Общества [697] ну прощай, моя радость ненаглядная, дорогое мое сокровище. Ах, как хочется тебя видеть. Целую крепко.

149. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке [698] <24.12.1909.Кореиз – Симбирск>

24 декабря 1909 г. Кореиз

Милый Александр Сергеевич!

Поздравляем Вас с праздником Рождества Христова. Да пошлет родившийся в Вифлееме Господь мир в Вашу душу! Слышал от Михаила Александровича [699] о Вашей новой неудаче и скорблю о Вас. Дай Вам Бог сил и бодрости справиться и как-нибудь выкарабкаться. За все это время ничего ни от Вас, ни о Вас не имел, кроме этого коротенького известия и истолковывал это в том смысле, что Вам не до писем.

Мы живем, пока Бог грехам терпит. Время и сила низости Карамазовской помогли пережить наше горе, давшее испытать много и благодати Божией, оставляющей однако, ее недостойных и отвращающейся от одевшихся сердцем. В сегодняшнюю Христову ночь будем впервые вспоминать о рождении от нас ушедшего.

Мы несколько раз уже собирались уезжать отсюда, но всякий раз удерживал тихий зов могилы. Теперь определили отъезд на 2-е января, так что с 4-го будем в Москве, и начнется мой беличий бег. Эрн сдает экзамены в Москве, дела его, очевидно, сносны. О здоровье Михаила Александровича знаю лишь из его писем. Если можете, дайте знать о себе сюда или в Москву по прежнему адресу. Христос с Вами!

Обнимаю Вас крепко. Если нужны какие-либо справки, хождения и подобное, пишите без стеснения.

Ваш С.Булгаков

1910 год

150. А.В.Ельчанинов. Дневник [700] 01.1910. Сергиев Посад>

На все доводы он <Флоренский> говорит одно: "я хочу настоящей любви; я понимаю жизнь только вместе; без "вместе" я не хочу и спасения; я не бунтую, не протестую, а просто не имею вкуса ни к жизни, ни к спасению своей души – пока я один. Если меня будут спасать, я не стану протестовать, но сам не хочу. Ты говоришь о старце; я советовался много раз, и всякий раз мне говорили: подожди, перетерпи, это пройдет; я жду – может быть это действительно самое лучшее".

151. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн [701] <21.01.1910. Москва – Тифлис>

Милая, дорогая и любимая моя девочка! Только что опустил открытки мамочке, в которых изложил все интересные и для тебя сведения о Домночке. Что касается меня, то я еду самым обыкновенным образом. Единственная особенность этого моего путешествия заключается в том, что я решил дорогой

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках.
заниматься. Напившись утром молока и закусив пирожками, я преспокойно погрузился в чтение взятых в корзинку книг – получилось недурно – сразу два зайца – и дорога проходит незаметнее, и экзаменационные карманы пополняются. Пожалуйста, ты напиши мне немедленно письмо, чтобы я, приехав в Москву, сразу мог иметь о тебе весточку. Как твоя спинка? Тысячу раз целую твои ручки и ножки, а также ручки и ножки нашей дорогой девочки. Горячо и нежно обнимаю твою чудную абиссинскую фигурку. Привет всем. Христос с тобой! Всем сердцем твой Володя.

152. А.В.Ельчанинов. Дневник[702] <25.01.1910. Сергиев Посад>

I/25

Сегодня как будто прояснело. Пришел к нему – он один, пишет. Вид светлый, тихий.

– Смотри-ка: я Антонию[703] письмо пишу. Почти уже написал.

Я было не поверил.

– И не только Антонию; вот еще одно – совсем готово. И кому?! Девице!! Только, Антонию я еще может быть не пошлю. Ты сам посуди – что он может помочь, а что я написал – все-таки польза – объективация. <...> Разговор на этом оборвался и начался снова по поводу еп. Гавриила[704]. Вчера он служил у нас литургию, и я был поражен той торжественностью и значительностью, с которой он провел ее. Я спросил об этом Павла.

– Ты ведь знаешь мое мнение о нем, – с неудовольствием начал он. – Все это звучит фальшью и театральностью. Он произносит слово, и чувствуется, что тон, дикция придуманы, и что он смотрит, какое это производит впечатление. Весьма возможно, что объективно все это воспринимается иначе, но я его знаю и не могу освободиться от этого чувства. Он хорошо знает богослужение, любит его, но эта чинность и выделанность – не православное дело. В тебе сказывается западник, а нам наоборот мило, когда служба идет так, как она идет везде в России, спотыкаясь, некрасиво и т.д.; мы любим рабий зрак, а ты хочешь, чтобы даже лохмотья были не настоящие, а подшитые на подкладке. Это – евангельское, а не только православное. Почему Христос так любил общество блудниц, мытарей; ведь нужно представить, что это были настоящие блудницы, которые ссорились, вели неприличные разговоры, бранились, а Христос все же предпочитал их обществу фарисеев. Ты подумай, почему сказано: "сила Божия в немощи совершается". Ведь немощь не только слабость, какая-нибудь оэтическая болезнь вроде чахотки, а греховность, скверность. Христос был с грешными не только потому, что они больше нуждались, а потому что ему приятнее было с ними, он любил их за простоту, смирение.

153. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[705] <25.01.1910. Москва – Тифлис>

25 января 1910 г.

Москва, Моховая, д. кн. Хилковой, кв. 18

Моя милая, моя золотая, моя любимая девочка! Я еще полуустроившись сажусь за письмо к тебе. Вчера, вставши и напившись чаю, искал очень недолго и остановился на второй комнате. Местоположение прекрасное. Румянцевская библиотека – вис а вис, не более 60 шагов, так же близко старинная небольшая прелестная церковка. Это меня радует. Близость и уютность этой церкви позволит мне удовлетворить мою всегдашнюю потребность ходить к вечерней. Остановка трамвая у самого дома. № 24 довозит до 1-ого Зачатьевского. № 23, 24 везут прямо к Бердяеву. До Арбатской площади, где живет Сергей Николаевич, минут 5 ходьбы. С Арбатской же площади идет трамвай №7 до Нади. Университет под рукой. Моя моторная энергия, таким образом, будет сберегаться. Хозяева по-видимому симпатичные. Комната большая, светлая, высокая, теплая и сухая, ан премьер, то есть в бель-этаже. Обставлена недурно. Есть мягкая мебель, старинная, значительно обветшавшая, и прекрасный письменный стол, за которым я сейчас сижу. Стоит 20 р. Сегодня я перевез вещи с вокзала и, как было условлено, явился к 10 часам. К моему удивлению старые жильцы еще долго не просыпались, и я ждал до 1 часу, ходя по коридору, пока они оденутся, сложатся и впустят меня. С достойным хладнокровием я прождал три часа и наконец усталый, с головной болью принялся развязывать вещи. Ты думаешь они ушли? До сих пор вещи их в комнате, и один из них (актер; другой – лицеист) до сих пор сидит, курит и

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. непрерывно чистит зубы зубочисткой. Я все-таки надеюсь, что к вечеру буду один. Хотя, кто знает? Быть может этот кунстатор-актер останется ночевать. Что ж, переночует. Комнатой я доволен. Не совсем доволен только тем, что болит голова. Это должно быть от вчерашнего бегания. А бегал я вчера изрядно.

Пошел искать комнату. Нашедши и дав задаток, отправился к Сергею Николаевичу. Подхожу к его подъезду и вдруг неожиданно передо мной вырастает Волжский! Еще более худой, еще более прозрачный. Поднялись вместе к С.Н. С.Н. ушел, и мы в ожидании посидели с Е<леной> И<вановной>. У ней исстрадавшееся лицо. На почве горя было даже некоторое психическое расстройство. В последние дни болезни и особенно после смерти Ивашечки у нее были многочисленные обмороки. Она впадала в беспамятство, и это ее спасло. Эти обмороки ее отупляли, и она не так чувствовала горе. Теперь ей уже гораздо лучше. Пришел С.Н. и страшно поразил меня исхудавшим, заострившимся от страдания лицом. Он бодр и светел, но горе все еще его давит[706]. Я еле удерживался от слез, глядя на него. Потом несколько привык к его взгляду, напоминающему взгляд Гаршина на последних портретах. Мы у них закусили и втроем на извозчике двинулись к Рачинскому, к которому должен был подойти Бердяев. Там мы обсудили дела общества и выработали план действия. Оттуда опять втроем доехали до Арбатской площади, где С.Н. слез, а мы с Волжским, не желая расставаться друг с другом, отправились по Арбату пешком. Было холодно, и мы, иззябнув, зашли обогреться в прихожую кинематографа. Представь, каково мое было чувство, когда случайный мой взгляд упал на Люсю, которая сидела в числе ожидающих. Но взгляд мой не дошел до лица, я скорее чувством схватил, чем увидел глазами, что она на меня смотрит. Мы с Волжским вышли и пошли в ресторан на Тверской, потребовали кофе и душевно поговорили. Он мне подробно рассказывал все свои злоключения в Казани. Говорили и о С.Н. и о Бердяеве. В общем, грустно положение всех. Пришел я к Шерам, усталый, разбитый, иззябший. Теперь буду отдыхать. Уж выйду, когда совсем отдохну.

Мую милую девочку горячо-горячо обнимаю и целую. Все время люблю тебя, все время душой с тобой с какой-то тайной тоской и с еще более тайной радостью. Наваливаются впечатления дня. Но в глубине сердца всегда неизменно светит родною улыбкой твоей дорогой образ. Нежно, сердечно и умиленно целую твои руки. Поцелуй ножки Ириночки. Христос с тобой и с ней. Горячо поцелуй всех. Жду с нетерпением письма.

Всем сердцем твой

Володя

154. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[707] <27.01.1910. Москва – Тифлис>

27 января 1910 г. Москва.

Моя милая, хорошая и любимая девочка! Простишь ли ты мне, что 25-го, занятый переездом и плохо себя чувствуя, забыл поздравить тебя? Я вспомнил об этом и с ужасом подумал, что ты можешь огорчиться. Это непростительно с моей стороны! Но ведь я забыл только поздравить тебя, а о тебе помнил и думал все время – так что ты не огорчайся–я прошу тебя об этом. Теперь я сразу поздравляю тебя и с 25-м, и с 29-м и с удвоенной нежностью, с удвоенной теплотой чувства целую много раз твои дорогие руки. Мне доставляет большую радость мысль, что я пойду выбирать и искать подарок тебе, моей золотой девочке и дорогой Манюрочке, о которой думаю всегда с нежностью. К сожалению я все еще не могу осуществить эту приятную задачу – потому что сижу пока без аржану[708], но в самом скором времени раздобуду кое-что и тогда моментально сооружу на имя Коли посылку. Ты заранее его предупреди, чтобы все остаось в секрете. Он может даже прямо мне сообщить, что что-нибудь получил. Передай ему кстати, что на "Рус<ское> Сл<ово>" подпишусь завтра, то есть 28-го. Раньше не позволили обстоятельства. Чтобы уж закончить все свои просьбы, попрошу тебя в ближайшем письме сообщить Карлюке[709] мой адрес. (А впрочем, может быть соберусь написать ему сам). Кроме того усиленно прошу напечатать все снимки и прислать мне в ближайших письмах. Не забудь также прислать и надюничка с Надей.

Сегодня к великому моему удивлению пришла ко мне Надя. Дело в том, что я до сих пор у нее не был и не мог сообщить моего адреса. Она прибежала от Шеров. Она много расспрашивала о тебе и говорит, что не писала тебе из-за дифтерита, боясь заразить через письмо. Теперь уже дифтеритный срок прошел,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. и она скоро напишет. Я выразил в этом сомнение, но она говорит, что напишет. Вид у нее очень неважный, худой, зеленый; губы почти белые, глаза мутные. Она смеется и говорит: "некому за мной ухаживать". Квартирой она довольна. Прислугу уже успела переменить, заложила кольцо и крестик. Шуба разлезается. Но так – бодр и весела. Надюничик уже говорит.

Вчера и сегодня я уже как следует занимался в Румянцевском. С удовольствием совершаю плавание по книжному морю. Теперь у меня уже такое количество идей передумано и пережито, что книжная необозримость меня не смущает. Есть компас, есть опытный кормчий, никакие бури в мире идей, никакие срывы в мировоззрениях мне не страшны. Некогда я был подобен Колумбу, который только отплывал из Европы, который лишь верил, что где-то должно быть нечто. Теперь я подобен Колумбу, уже совершившему большую часть пути и уже встречающему в открытом море обломки деревьев и сухопутных растений, осязательно говорящих о близости столь желанного берега.

Меня тяготит только, что я до сих пор не пришел в себя. Жду с страшным нетерпением от тебя письма. Как то вы там живете? Без скандалов? Без происшествий? Одиночество меня не тяготит. Я рад ему, как возможности сосредоточиться, глубже всмотреться в жизнь и в себя, основательно разобраться во всем своем жизненном опыте. Но, Боже, как хочу я, чтобы поскорее наладилось наша общая жизнь. Я ничего не хочу для себя. Все хочу и для тебя. Не только в этом мире, но и в том. Вечной любовью люблю я мою хорошую, мою золотую, мою чудесную девочку. Христос с тобой и Ириночкой. Будь здорова. Пожалуйста смотри за собой, ни на шаг не отступай от режима. Горячо-горячо поцелуй всех дорогих наших. Поклонись няне. Горячо и нежно обнимаю тебя и целую тысячу раз твои руки и ноги.

Всем сердцем твой

Володя.

155. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[710] <29.01.1910. Москва – Тифлис>

29 января 1910 г. Москва

Моя милая, золотая и славная Женюра! Сегодня прошло ровно три года, как мы с тобой в это самое время стояли вцеркви под венцом. Сегодня утром я, все еще не оправившийся, долго сидел и смотрел на твой дорогой портрет, снятый в Сухуме. Ты такая изящная и такая воздушная на нем! Стоишь бесконечно милая, светлым видением, и по-прежнему чаруешь мое тихо влюбленное сердце. Если есть у меня что-нибудь действительно подлинное в жизни, так это любовь к тебе. Ты источник моей беспрестанной радости, благосовение моей жизни, моя отрада и мой покой. С таким тихим чувством я думаю о тебе всегда. Храни тебя Господь! Вчера вечером Вася принес мне твое письмо. Ради Бога берегись, не выходи из пределов тебе положенных, гуляй регулярно и ни в коем случае не уставай. Быть может учше будет, если пузырьки будет мыть фряулеин. Ведь ты с этим возишься более полугода и все на ногах. Ты готовишь кушанье, а фряулеин пусть моет[711]. Кроме того непременно возьми за правило лежать перед обедом час. Ведь так тебе и Левшин советовал. Помни, что самое критическое время ты переживаешь теперь. Если Бог даст, мы поедем в Красную Поляну, ты в ней окрепнешь окончательно. Ты ужасно мило пишешь. Несмотря на прыгающий ход мыслей все представляется так конкретно. Нечего говорить, как мне хочется, чтобы ты писала мне часто. Но если письма тебя утомляют, то помни, что можешь реже писать и прибегать к самому маленькому формату твоей зеленой бумаги.

Позавчера вечером у меня просидел Волжский. Вчера были Вася и Надя. Сегодня Надя и Бердяев. Как видишь, мое одиночество весьма относительно. Я Наде передал твои слова, но она на подобный рекламент[712] не согласилась, хотя и восчувствовала живо высокую учтивость твоего предложения. С Булгаковым увижусь как следует в понедельник. Так мы условились с ним. За него болит душа. Да и за всех болит. Положение Волжского просто трагично. А он все каламбурит. Он вчера спрашивал о тебе и Ириночке с подробностями. Наш дом был ему настолько дорог, что теперь, приехав в Москву и не имея возможности идти в дом Бом, – он очень расстроился, потому что чувствовал себя у нас, как у себя дома. Он очень плох. И выхода ему нет никакого.

Кроме занятий я все думаю, размышляю. "Дума за думой, волна за волной..." только влечет "тревожно радостного призрака" – радостное, чисто умственное созерцание несказанных вещей. Думы, что голуби – подымутся и полетят, и

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. следишь каким-то далеким, спокойным взором за их полетом. Потом опустятся, сядут и опять земля. Читаю "Божественную Комедию" в стильном переводе Д.Мина[713] и прихожу в эстетический и философский восторг. Читаю подробное житие св. Серафима и со слезами, с изумлением чувствую, как сильно волнует, как бесконечно привязывает к себе этот дивный старец. Я так ужасно хочу, чтобы и ты познакомилась с ним, какими тайнами вселенскими, мировыми тайнами полна его жизнь. Велика земля русская, велик народ русский, вскормивший св. Серафима!

Я все еще чувствую себя неважно. Но сегодня приступил уже к занятиям. Высижу. Меня утешает, что и св. Серафим, как и старец Исидор, говорит, что "болезнь очищает от грехов".

Как поправлюсь, пойду выбирать подарок моей дорогой девочке. Только уж ты не будь в претензии, если я куплю что-нибудь ниже твоих ожиданий. Много-много раз целую и обнимаю тебя, также много мысленно целую ножки дорогой моей дочери. Крепко обними и поцелуй всех дорогих наших. У меня растет желание мира, и мне так стыдно, что я был на недостаточной высоте положения. Ты уж постарайся, чтобы у нас все было хорошо. Крепко поцелуй Манюрочку.

Христос с тобой и Ириночкой!

Еще раз крепко обнимаю тебя. Всем сердцем твой Володя.

156. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[714] <31.01.1910. Москва – Тифлис>

31 января 1910 г. Москва

Волхонка, д. кн. Хилковой, кв.18

Моя милая, бесконечно любимая девочка! С величайшей радостью получаю твои письма. Вчера вечером пришло уже третье. Целую тысячу раз твои ручки. Спасибо за их работу. Они у тебя такие искусные, что твое горячее сердце так и трепещет на зелененьких листочках, к которым с любовью прикладываются мои уста. Я ужасно счастлив, что "Катерина" так великолепно меня помнит и на твои призывы ждет моего появления. Ты ей скажи (чтоб она поняла), что ея папочка также сердечно помнит ее и ждет, страстно хотя и тщетно ждет времени, когда сможет опять поселиться вместе со своей дорогой дочерью и с ея столь обворожительной во всех отношениях мамочкой. Я очень рад посещению Вали[715]. Это неожиданно и приятно. Я неизменно питаю к ней прежние чувства уважения и привязанности и очень был бы счастлив, если б ты узнала ее такую, как знаю ее я. Значит у ней есть известная глубокая потребность, раз она пришла. Так она не придет: ни из любопытства, ни из чувства приличия. Было бы лучше, конечно, если б ты ее прямо попросила придти еще. Но это не так уж существенно. Если выдастся хороший солнечный день – у тебя явится желание пойти повидаться с Валею, ты, не задумываясь, иди. Будет хорошо. Тебя встретят приветливо, и мне кажется, неловкости ты не испытаешь. Ты ужасно хорошо описала приход Вали. Немного словно – но с такой ясностью, что я представил все очень живо. Мне очень нравится, что ты с тетей была нежна. О если б ты совсеми, со всеми была нежна! Говорю это смеясь, потому что сам-то я несчастный!... Ты себе и Саше уже смастерила маминими руками <нрзб> Это очень искусно с твоей стороны. На этот счет ты у меня первый сорт, и не только на этот счет, но и на все счета. Чего это ворчишь на меня за отсутствие писем? Забыл? Ах ты, радость моя! Могу ли я забыть всегдашнюю мою думу, мое всегдашнее тонкое и интимное чувство возле тебя? Я писал тебе аккуратно, но только не всегда мог сразу опускать в ящик уже написанные письма. Тут мешало мое недомогание. Но за это ты меня простишь, также и за то, что я опаздываю с подарком. Надя ужасно потешная. Вчера одно твоё письмо принесла Вераша. Надя пришла одновременно с ней. Увидев письмо, она неожиданно вскочила, чтобы оставить меня одного с твоим письмом. Я вчера плохо себя чувствовал и потому с Верашей виделся мельком. Вераша с большим вниманием и теплой улыбкой смотрела на Мусь Мусю[716] (с бабушкой) и просила показать все другие снимки. К сожалению у меня их нет! Я надеюсь, что призывы мои дошли до сердца моей девочки, и она отпечатала, (хорошо отпечатала) для меня все снимки. Вчера вечером был у меня только что кончивший и оставленный при Университете С.С.Розанов. Он пришел для того, чтобы принять на себя обязанности секретаря "Общества". Оказался премилым субъектом, очень подходящим и нужным для общества, с огромным запасом молодости и теплых чувств к Булгакову, Бердяеву, Волжскому, Рачинскому. Мне прямо приятно было провести с ним вечер. Чистая,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках
неискушенная душа, умен и подает надежды. За дело примется, видимо, с жаром. Хорошая замена Сашеньке. Сегодня я себя чувствую лучше, хотя все же не занимался. Думаю, что завтра получу возможность и заниматься. Когда читал твое первое и второе письмо, где ты пишешь, что тебе грустно, и мне сделалось тоскливо, и так глубоко-глубоко захотелось к тебе. У тебя душевный уют. Ты согреваешь. Так приятно, так отраднo за тобой ухаживать, о тебе заботиться, все время ощущать твою нежную мягкую душу. Мне так не хочется, чтобы тебе было тоскливо. Ты лучше будь бодра и весела. С тобой Катерина и с тобой душевно всегда твой любящий рыцарь печального образа.

Самым нежным образом целую твои руки и прикладываюсь к твоим милым, непостижимо ехидным гляделкам. Нежно целую ножки Катерины. Крепко обнимаю всех наших и поименно передай всем привет. Поклонись няне.

Всем сердцем твой Володя.

157. А.В.Ельчанинов. Дневник [717] <31.01.1910. Сергиев Посад>

Пришел вечером в 10-м часу. В субботу утром Булгаков, Глинка и Новоселов (с ними был и Бердяев) увлекли его в Зосимову пустынь, откуда он вечером бежал.

Я к тебе на короткое время. Принес Лаватер'а. Нет ли у тебя чего о покаянии – В<асилию> М<ихайловичу> нужно для семестра.

Ничего не оказалось.

– Я хотел тебя спросить о твоей поездке; но если ты торопишься, то я спрошу потом.

П<авел> поупрямился немного, но потом рассказал о Булгакове и о всех прочих. Оказывается, он и сам собирался в Зосимову, но сейчас не хотел, так было много чужих людей.

– Ты ведешь свои мемуары по-прежнему? так запиши тогда – это интересно и с общегословской точки зрения. Я замечаю на себе сейчас странное явление: никогда раньше моя молитва не была так действительна, как сейчас, когда я казалось бы менее всего достоин. Такое впечатление, как будто Бог нарочно идет мне навстречу, чтобы посмотреть, до чего же я наконец дойду; у меня иногда странное чувство, нелепое с богословской точки зрения, может быть потому, что я не могу его как следует выразить – мне бывает жалко Бога – за то, что ты у него уродился таким скверным.

– Да. У меня такое сравнение: если кто-нибудь очень рассердится, то начинает со всем соглашаться и делать все, как ты хочешь; так и Бог со мной. Правда это более в мелочах. Вчера, например, В<асилия> М<ихайловича> долго не было дома. Я очень беспокоился. Прошли все обычные сроки, когда он приходит – 11 часов и три часа. Я страшно встревожился и стал молиться, и не успел я кончить молитву, как он уже стучал в дверь.

– Ну, я побоялся бы таких явлений: я подумал бы, что это меня черт охаживает.

– Да какая ему выгода? Если бы это увеличивало мою гордость...

– Это увеличивает твое отчаяние.

Он как-то не обратил на это внимания.

– Все вы смотрите на мои грехи слишком просто, а главное – применяете к ним оценки эстетические, житейские. Например, мое пьянство. Есть грехи безусловные – гордость, злоба, но пьянство и т.д. – относительно этого еще большой вопрос. Когда я сижу в компании и вздумаю отказаться от водки – сейчас же меняется все настроение компании, откуда-то появляется злоба, раздражительность – и не на меня, и даже не за мой отказ, а так откуда-то.

– Но ведь это ужасно! Ну если ты попадешь в компанию, где жуют калоши – неужели тебе жевать вместе с ними, чтобы сохранить их благодушие? Ну они свиньи и хлещут свиное пойло, да зачем тебе-то к ним идти?

– Видишь ли, я сейчас настолько отупел, что не могу ни рассердиться, ни

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках; но если бы здесь был еще кто-нибудь, даже вполне твоих взглядов, у него сейчас же вспыхнула бы злоба от твоих слов.

Сказано это было поистине кротким, беззлобным тоном.

– Я с тобой согласен, что таким тоном говорить нехорошо; но я хотел сказать, что ты своим поведением обижаешь трезвых людей, утешая пьяных, ты оставил своих приятелей, за тебя болит сердце у о. Евгения и у многих других.

– Я сам боюсь этого, и еще больше боюсь соблазна от моего поведения. Но вы не хотите понять, что в моих грехах важное, а что нет. Я, например, часто говорил о. Герману [718], что занятие наукой развивает во мне тщеславие, но он как-то совсем этим не трогается; думает, что это я говорю от излишней скромности. А потом, не пьянствуя, меня давно уже не было бы в живых. Моя тоска имеет, должно быть, органическое происхождение, избыток сил, но пьянство эти силы рассеивает, и тогда я усмиряюсь: отчего же, мол, и не заняться наукой; хоть пустое это дело, но кое-как прожить все же можно.

– Я очень рад, что так думаешь о причинах твоего состояния.

– То есть как?

– А то, что твоя тоска, как ты сказал, органического происхождения.

– Это не совсем так. Главная ее причина, конечно, другая, это – желание настоящего, полного общения, как гарантии церковной жизни. Я никогда не нахожу этого общения: все только бумажки, и ни разу – золото. Я не говорю, что в церкви нет чистого золота, но мне не попадалось. Если бы я не верил, было бы легче, но в том-то и тяжесть, что я верю, что золото есть. Раз нет общения, нет и церкви, нет и христианства. Мне велят верить – я и верю, но ведь это не жизнь – жизнь как раз начинается с того времени, как увидишь, ощущаешь этот главный факт.

158. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн [719] <1.02.1910. Москва – Тифлис>

1 февраля 1910 г.

Моя милая, моя золотая девочка! Сейчас Вераша принесла твое письмо и мне так хочется непосредственно привлечь к себе свою любимую, ненаглядную Женю и развлечь ее немного. Да не будет тебе тоскливо! Лучше бы было конечно, если бы ты была у Елизаветы Лазаревны, там у тебя не могло бы быть чувства одиночества и оставленности. Но ты уж с мужеством перенеси испытание. От твоих грустных слов мне стало еще тоскливее, чем было (потому что без тебя у меня всегда на сердце известная доля тоски), и мне так захотелось быть около тебя, так захотелось подсесть к тебе на диван в гостиной и успокоить и приласкать свою милую девочку. Господь с тобой! Теперь для нас трудное время: разлука, экзамены, суд, но Бог даст и для нас эта весна будет весною радости и опять на нас упадут лучи того солнца, которое так благодатно золотило твою головку в дни нашей первой любви. Теперь самый разгар зимы. От лета, желанного, прекрасного лета, нас отделяет не только несколько месяцев, но и дела. Сколько нужно совершить, сколько сделать, сколько пережить, пока ладья времени доплывет до чудных стран мая, июня, июля! Но будем надеяться, моя милая детка, что Господь будет к нам милостив. Я так рад, что ты искупала, наконец, Катерину. Она, бедная, так нуждалась в этом. Только бы не простудилась! Очень приятно, что ваши снимки одобрили. Также приятно, что ты согласна с моим чувством к Домночке. За платье Манюпочки я опасаюсь ну, посмотрим, какая выйдет "фантазмагория". Блузку непременно купи скорей – я думаю, что смогу прислать тебе несколько рублей с посылкой, которая пока еще у меня в голове, – но которая должна же быть наконец сдана на почту! Сегодня я уже чувствую себя настолько лучше, что приступил к занятиям – правда не во всю – и теплою надежду, что послезавтра смогу уже выйти. Я ужасно наказан за неосторожность. Несколько дней форменно прозябал. Единственно оставалось – размышлять.

Вчера вечером заглянул ко мне Волжский. Он с Бердяевым, Булгаковым и другими ездил в Зосимову Пустынь. Там исповедались и причастились. Приходил светлый, порывистый, радостный и передал как-то без слов пережитое.

По делам Общества я вызывал к себе Бориса. Что за несчастный! Я просто не

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
могу в себя притти от его вида. Они теперь перешли в одну комнату, и на что же они живут? Татьяна неожиданно села. Была у кого-то по делам клуба, там произвели обыски и всех задержали. Вот уже третий день не выпускают. Выпустят, должно быть, на днях. Но все же не очень приятно. Надя эти дни не показывалась. Впрочем, забегала с Чмичем на минутку. Видишь и я тебе обо всем рассказываю, чтобы тебя развлечь. Знаю, что тебе интересно. А как тебе рассказать, какие мысли бродят у меня? Что делается у меня в душе? Об этом никак не расскажешь. Я тебя нежно-нежно целую – прошу быть бодренькой. Твоя Катерина – такая прекрасная девочка, что ты скоро забудешь свою тоску. Хоть бы скорей пришло лето. Эти дивные дни и это божественное изобильное солнце? Я так за тобой и за девочкой нашей мечтаю ухаживать. Так хочу в доме, в заботе. в нежности постоянной излить свою любовь! Я тебя вознагражу за эти месяцы разлуки, только бы Господь дал быть свободным летом! Я очень доволен, что няня меня помнит. Если она будет к нам привязана – она не захочет уходить. До сих пор не мог сходить в Университет и назначить дней для экзамена. Сделаю это в первый свой выход. А устроился я хорошо. Хозяева очень милые, исключительно добродушные. Неподдельная московская ласковость. Питаюсь ничем. Почти каждый день пеку великолепную картошку. Это даже повкусней, чем вареная. Два раза в неделю хозяйка обещала мне делать рыбу. Остальное – молоко, яйца, сушеные фрукты.

От всей души обнимаю мою тоскующую девочку и нежно целую ее в самые глаза. Поцелуй ручки и ножки Катерины. Поцелуй горячо всех.

Всем сердцем твой Володя.

159. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[720] <1.02.1910. Москва – Тифлис>

1 февраля 1910 г. Москва

Моя милая, моя любимая, моя хорошая девочка! Вот пришел вечер. Я усталый сижу один. Память моя несется к тебе, с желанием тебя приласкать, понежить и приголубить. Как ты провела день? Как себя чувствуешь? Как наша малютка? Как у тебя спина? Болит, не болит? Гуляли ли милые ножки твои? Что делали ручки? Что созерцали твои дорогие глаза? Я пока жду известий от тебя; эти милые прыгающие строчки так много говорят моему сердцу, так волнуют меня всегда тихой радостью. Опять какой-то поворот в моей жизни. Опять я один, опять жду дорогого письма. Только бы ты была здорова! Только бы наша малютка роса, развивалась и крепла! Что ты сейчас делаешь? Они сидят за винтом или в синематограф пошли, а ты? Сидишь за столом в гостиной? Быть может, пишешь письмо своему далекому другу? Или читаешь Достоевского? Или играешь фантазию? Помни, что я с тобой. Как я рад одиночеству! У Шервуда всегда кто-нибудь был, с кем-нибудь нужно было разговаривать, кто-нибудь так или иначе нарушал одиночество, и я не мог спокойно думать о тебе, не мог даже перечитывать твои письма. А теперь я один. И мне вспоминается мое давнишнее студенческое одиночество в Москве и мое столь же давнишнее одиночество в Женеве или в Тифлисе, столь заполненное, столь пронизанное мечтой о тебе.

Ты всегдашняя мечта моя. Сколько лет уже я с тобой, а ты все где-то далеко впереди – в какой-то бездонной глубине моей души, куда мчится мой дух, и все влечешь меня – влечешь, моя дорогая волшебница, моя хорошая, светлая моя чаровница.

Нежно-нежно целую тебя, твои хорошие руки. Христос с тобой. Сердце мое благословляет тебя и молится о тебе. Старайся всегда перед сном прочесть Евангелие. Я опять получил возможность читать и так радуюсь этому.

2 февраля 1910 г.

Моя милая и любимая девочка! Письмо сегодня залежалось и я решил его продолжить. Я боюсь, что ты уже начала беспокоиться о моем здоровье; спешу тебя успокоить: сегодня я уже чувствую себя совершенно здоровым, занимался, как следует, и если не выходил, то отчасти из осторожности, отчасти за отсутствием времени. Я не заметил, как прошел день, а выходить вечером нет желания. Уставши штудировать Шопенгауэра, я вспомнил, что ты пришла в восторг от моего сооружения масляными красками; я решил, что если оно преобразилось от "бокового" освещения, то так же преобразится и следующее сооружение, и в надежде на это я с невероятной быстротой стал переводить краски на полотно, так что уже зажелтели лимоны, зазеленели листья, зафиолетели сиреневые цветы. Еще два-три таких вдохновения, – и вторая

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и д...
створка для ширмы будет готова. Но рисунок меня не удовлетворяет, и я, кончив эту вторую полоску, опишу что-нибудь попроще и нарисую тебе ширмы, более тебя достойные, возьму если не качеством, то размером! (Быстрота моей сегодняшней мазни вызвала во мне натиск альтруистических мыслей, и я решил, следуя евангельской притче – "приобретать людей богатством неправедным"[721]. То есть решил всех своих близких и дальних родственников почтить приподнесением ширм. Как тебе это нравится? Например, не одобришь ли ты, если я изготовлю плоды магистратского отдыха 1. Зое и Саше, 2. Домночке и А.П., 3. <нрзб> Я думаю это значительно смягчит все твердые места наших родственно-дальних отношений. И если не смягчит, то хоть умаслит. Ибо все же рисую я настоящими масляными красками. Во всяком случае я буду ждать твоего отклика. Пока буду сооружать для тебя. Горячо-горячо обнимаю тебя и нежно целую. Также нежно целую мою прелестную дочку. Самый сердечный привет всем нашим.

Христос с тобой! Будь здорова и весела.

Всем сердцем твой

Володя.

Горячий привет Марии Семеновне, если увидишь.

160. А.В.Ельчанинов. дневник[722] <5.02.1910. Сергиев Посад>

II/5

Вчера был у него <Флоренского> вечером и ночевал, т<ак> к<ак> В<асилий> М<ихайлович> уехал на день в Москву. Некоторые афоризмы и мысли. <...>

Павел любил растения с детства с какой-то усиленной нежностью, жалостью и пониманием. Он говорит, что любит их за кротость, за их непосредственную близость с землей.

161. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[723] <5.02.1910. Москва – Тифлис>

5 февраля 1910 г. Москва

Моя милая, моя славная, моя очаровательная девочка! Наконец-то после четырехдневного перерыва пришло твое письмо. Как я счастлив, что все у вас сравнительно благополучно. Меня одолевали сны и я беспокоился. Милая моя девочка, я тысячу раз целую твои руки! Ты прекрасно описываешь вашу жизнь и еще прекраснее делаешь, что не поддаешься синематографомании. Ради Бога, не заражайся, потому что это в конце концов мелочно. Также – карты. Я очень рад, что ты в стороне. Лучше лежи, лучше читай, лучше играй, лучше предавайся прекрасному долце фарниенте[724], только не поддавайся общему настроению. Тем более, что скоро (правда скоро!) я пришлю тебе посылку, в которую положу какие-нибудь книги. Будешь понемногу читать. Это куда интереснее. Я очарован деликатностью своей дочери, которая уже теперь (не вполне русским языком) передает мне свои чувства. Мне это очень и очень приятно и я с удовлетворением и с глубоким чувством целую ей ручку. А тебе и няне как воспитывающим мою дочь в подобных чувствах – объявляю похвальный отзыв. Ты не печалься: опытность к тебе придет и ты будешь ясно чувствовать, что и когда нужно и что не нужно[725]. Ты ничего не пишешь о здоровье Манюточки. Пожалуйста напиши. Ты не скучай, не тоскуй. Старайся использовать это время, чтобы выработать в себе внешнюю самостоятельность, на отсутствие которой ты сама иногда жаловалась и присутствие которой никогда не мешает. Я тебе, моя роза, нежно целую руки.

Сегодня у меня день посещения. Утром я вышел за твоим письмом к Шерам. Письма не оказалось. Посидел у Веры Васильевны и пропел ей о Красной Поляне с таким чувством, что возбудил в ней живое желание проехать туда летом. Зашедши к Шерам мимоходом и не заставши ни Васю, ни Таню (которую позавчера выпустили) я был поражен крайне болезненным и изнуренным видом Васятки и Танюши[726] – просто жалко смотреть. Таня все-таки плохо за детьми смотрит. Это мы в один голос решили с Надеи, которая ко мне забежала сегодня и была обворожительна: во-первых серьезно решила поститься и уже сегодня съела два яйца и во-вторых восхитилась мной нарисованными цветами.

С Надеи я встретился в своих дверях, возвращаясь от Шеров. С Надеи, уходящей от меня, встретился в дверях Григорий Алексеевич, который послеш

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и другие
шее ухода повел со мной какой-то конфиденциальный разговор, из которого я понял не более 1/7. Он говорил 2 часа с вариациями, с каденциями, но тема, на 1/7 мною ухваченная, состоит в том, что кн. Е.Н.Трубецкой рвется к "нам" и горит нетерпением "слиться", что Маргарита Кирилловна Морозова тоже рвется, только куда – не знаю, и тоже жаждет слиться; что "Московский Еженедельник", томимый скукой и покаянием, восчувствовал стремление к обновлению (но уже мирному) и хочет завести что-то вроде постоянного отдела по религии и философии, в каком-то отделе должны поместиться не то я, не то Булгаков, но чтобы не налегать, а то все дело провалится; что кроме того возможно в связи с этим какое-то издательство, широко поставленное, которое преподнесет русской публике Гарнака, Августина и брошюры Булгакова, Бердяева. Словом, там что-то наклеивается и нам, может быть, перепадет какая-нибудь серьезная работа. Я конечно этому рад и на приглашение Рачинского отвечал с полной готовностью. Вскоре после Рачинского пришла Вераша, которая принесла к моей великой радости твое письмо. Полежал я этак, пришел в себя и только что взялся за прерванного утром Канта, как пришел из церкви дорогой Сергей Николаевич. Беседа с ним была тиха и радостна. Он мне ужасно, ужасно как нравится! Вот краткий формуляр сегодняшнего дня. Ты своей проницательностью заметишь пробелы, оденешь и плоть и кровью скелет – и получишь действительность.

Горячо-горячо и нежно тебя обнимаю и целую с чувством обоим своим дорогих девочек. Горячий привет всем нашим.

Всем сердцем твой Володя.

К формуляру следует прибавить, что после написания этого письма пришел еще Волжский и просидел до полдвенадцатого!

162. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн<11.02.1910. Москва – Тифлис>

11 февраля 1910 г. Москва

Моя милая, хорошая и прелестная девочка! Я к тебе обращаюсь с просьбой. Мне нужны некоторые архивные вещи. Во-первых, для того, чтобы восстановить подробности моего дела (судебного) мне нужно перечитать письма, которые я тебе писал из Москвы осенью 1905 г. Пожалуйста, выбери из своей шкатулки те письма, которые начинаются с моего приезда в Москву (кажется с конца августа) по декабрь включительно. Выбери и пошли посылкой (ценной). Я клятвенно обещаю возратить тебе их в полной сохранности и целостности. Булгаков находит важным для нашей моральной уверенности восстановить факты в подробностях, и я с ним согласен. В эту же самую посылку вложи еще а) шприц для впрыскивания мышьяка (кажется будет нужен Наде) – он у меня в берлинской коробке и б) черную масляную краску, теперь мне нужную, но мной почему-то оставленную – она кажется лежит в моем шкапу с книгами. Если ты все это сделаешь, я буду тебе без конца благодарен. Ну, слава Богу, деловую часть кончил и теперь могу посадить девочку свою на колени и говорить обо всем. Радость моя, моя прелестная детка! Мне жалко, что ты гуляешь одна. С какой радостью я выходил всегда с тобой на Михайловскую! Это ужасно трогательно, что ты, как институтка, считаешь дни до лета и радуешься каждому ушедшему дню! Я не могу из сочувствия делать то же только потому, что у меня скачки с препятствиями, бега и гонка все сразу. У тебя время ползет медленно, не торопясь. У меня мчится и до лета я во времени должен совершить целых 30 тысяч верст. Я тоскую и томлюсь, но тоска моя глубока – на поверхности я занят, и у меня даже почти не хватает времени. Никто, кто меня видит, не может сказать, как страстно Эрн ждет почты, а в сущности, не только я, а душа моя в глубине также считает дни, как ты. Так что мы и тут оказываемся солидарны. По этому случаю позвольте нежно поцеловать Ваши руки! Самостоятельность Катерины мне очень нравится. Только бы была здорова, а уж деликатнейшим, нежнейшим обращениям научится. Насчет характера ее я не думаю пока беспокоиться. Ведь она вышла из тебя и из моей любви к тебе. "Фасоны" – все это пустяки. Я ужасно рад за тебя, что она к тебе уже "прикладывается". Это должно быть восхитительно хорошо. Надюничок очень мило ласкается к Наде. Обнимает ее шею ручками, прикадывается головой и целует. Я уверен, что для Нади-это один из источников бодрости и жизнерадостности. Представь – сидениев участке скверно отозвалось на Татьяне. У ней теперь такой вид, –кислая, бледная и равнодушная. Конечно, ничего серьезного. Детишки их уже оправились. Музыка конечно заброшена. Валя в какой-то женской гимназии преподает политэкономю. Я занимаюсь.

Вчера был в Университете и выяснил дни экзаменов. 23 февраля буду держать
Страница 109

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. этику. Через две недели латынь и греческий, еще через две недели Логику и Психологию. Латынь и греческий предложил соединить мне декан, для ускорения. Логику и психологию – Челпанчик[727]. Это знаки благоволения с их стороны – для меня же сбережение сил. Итак, 23 марта я кончу экзамены, если все пройдет благополучно. В марте мне предстоит мой суд. Таким образом, в марте покажет нам лик свой наша Судьба. 23 февраля будет держать первый экзамен Аскольдов. Я это узнал от Челпанчика. С Челпанчиком меня сватают Бердяевы, которые хотят пригласить нас одновременно. Как говорит Николай Александрович, – Челпанчик влюблен не только в него, но и в "сестер", то есть в "ли"[728] (иначе зовут ее "Бобой") и Евгению[729]. Н<иколай> А<лександрович>, подмигивая, говорит, что он не знает, в кого из троих влюблен Челпанчик больше. От Н<иколая> А<лександровича> я узнал новость: Челпанчик по происхождению турок! Как это тебе нравится? То-то я чувствовал симпатию к его огромному носу. Что-то родное, кавказско-малоазиатское! Кроме того, я узнал, что Челпанчик носит в душе идею ординарного профессора! Это уже по-немецки! Что же касается меня, то я готов быть и турком и немцем, только бы получить поскорей профессуру, хотя бы экстраординарную. Сегодня заседание Общества с Бердяевым, вот почему пишу тебе утром, только что отзанимавшись.

Горячо-горячо тебя обнимаю и много-много раз целую. Так же нежно целую мою девочку другую в животик и ножки. Горячо поцелуй всех наших. Не судятся и наши, что я им не пишу?

Всем сердцем твой Володя.

Поклон няне.

Посылаю тебе марки, которые наверно у тебя кончились.

163. А.В.Ельчанинов. дневник[730] <13.02.1910. Сергиев Посад>

Около недели, как он вполне спокоен, занимается и не пьет.

Сегодня я перечитывал его письма 1903–4 годов и поражаюсь, насколько он мало изменился в своих главных идеях. Кажется, он не отказался ни от чего, высказанного им тогда, а многие идеи, которые он сам, кажется, склонен сейчас считать за новые, были у него опять-таки семь лет назад. Например, "этой капли не замечаешь, когда сознаешь коренную негодность себя по существу" (1903.Х.16) и многое другое.

Вчера. Я ему говорил о Ефреме Сирине и его советах против блудных помыслов.

– Ну они не очень-то хороши! – с улыбкой сказал он. – Например, совет представить себе любимую женщину разлагающимся трупом. Ведь этак не только блудные мысли, но всякие человеческие отношения становятся невозможными. Я не думаю, чтобы такое отношение к ближним было бы морально...

164. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <13.02.1910. Москва – Тифлис>

13 февраля 1910 г.

Моя милая, моя славная, моя прекрасная девочка! Сегодня с радостью великою получил твое письмо. Я уже начал было беспокоиться. Особенно вчера. Но слава Богу, все "сравнительно" благополучно! По этому поводу много раз целую тебя и сажаю к себе на колени. Так мне приятнее разговаривать с тобой. Ты ближе, и я все время могу тебя целовать. Я с великим наслаждением читаю твои письма. Читаю жаждающей с душой, –каждое слово твое родит во мне многочисленные отклики. Ты пишешь прекрасно. Мне так передается и так чувствуется живо ваша жизнь. Мусь-Муся очаровательна. "Полька", "Апа-по" –так и звучит в моем воображении. Что она будет сообразительна, –в этом нет ни малейшего сомнения. Ведь ее мамаша поражала своей сообразительностью даже неверного фому – Сашу. Но что она уже теперь соображает настолько, что свое нежелание выражает отрицательным качением головы – это поистине достойно изумления. Дй Бог ей здоровья, а также тебе и мне. Ты пожалуйста продолжай в том же духе – описывай всякие подробности, также искусно и интересно, как это ты делала до сих пор. Я очень рад, что теперь у вас дело обходится без драматичности. "Колко-ехидно-сдержанные" отношения мне поистине не нравятся и теперешнему моему духу весьма мало симпатичны. Ты пожалуйста напиши, не обижается ли мама на то, что пишу только тебе. За Домночку радуюсь. Известие Коли как раз совпадает со

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. слухами, шедшими от Вуси. Меня беспокоит немного, что ты пишешь мне "утомленная сумятицей". Разве ты устаешь? Если ты чувствуешь утомление, непременно ложись, и вообще хорошо бы, если бы ты вспомнила совет утешительного "певца Красной Поляны" Левшина – лежать в середине дня хотя бы часок. Не слыхала ли ты чего-нибудь о Евгении Викторовне? Меня очень интересует ее состояние, и я уже более месяца ничего не знаю. Представь, что Таня даже у меня не была и адреса ее я до сих пор не знаю. Пожалуйста не забудь написать Памировым: Екатеринодар, Кирпичная, 38. Ты наверное забыла об их открытке. Если ты им что-нибудь напишешь, тогда и Валя мне что-нибудь напишет, а мне очень хочется от него получить письмо. Представь, ты единственная моя корреспондентка, и у меня на полке лежат лишь твои письма. Ни единого письма ни от кого другого я не получил. Это даже занимательно. Видишь, насколько в Москве сконцентрировано все мое. Я в Москве и писать мне некому.

Реферат Бердяева[731] был интересен, прения вялые. Ко мне подъехали с двух сторон. Маргоша[732] пригласила меня сегодня в 4 часа. У ней есть "много дел, о которых бы ей хотелось переговорить со мной" !! Я ничего не понимаю и иду с любопытством, не ожидая впрочем ничего важного. Князь Евгеша[733] пригласил нас всех на среду (через четыре дня) для совещания о "Московском Еженедельнике" и издательстве. Значит, Рачинский был прав. Это дело ясно. Но моя миссия у Маргоши неясна ни мне, ни С.Н., ни Н.А., ни Волжскому; Трубецкой на заседании меня насмешил. Я его спросил могу ли я рассчитывать на скорое помещение своей статьи в "Вопросах философии и Психологии". Он мне на это ответил "Конечно, можете, только вот нужно для этого Льву Михайловичу (Лопатину) поставить клистир" !?! Волжский уезжает послезавтра. У него с делами плохо. Он все надеется и ждет чуда. Вдруг кто-нибудь к нему позвонится. Или вдруг откуда-нибудь получит письмо. Ему нужно было зайти к Бердяеву. Они пригласили меня с ним на вчера. Я хоть устал, но пошел. Было приятно. Волжский разошелся и был несколько другим – старым Волжским. Бердяевы меня полюбили и относятся с большой сердечностью. Я себя чувствую ничего. Могу заниматься, могу ходить. О Джемсе в "Московском Еженедельнике" я уже с согласия Трубецкого пишу. Это все-таки позволит немного заткнуть нашу финансовую течь. Если дело устроится с князем, я смогу до весны заработать рублей 80–100. Я этому радуюсь, ибо положение без этого было бы поистине стеснительно.

Горячо-горячо тебя обнимаю и целую, так горячо и так нежно, как ты умеешь целовать. Нежно-нежно целую ножки и ручки дорогой Катеринки. Привет всем нашим. Христос с тобой и с Ириночкой.

Всем сердцем твой Володя.

165. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн<14.02.1910. Москва – Тифлис>

14 февраля 1910 г.

Моя милая и прелестная девочка! Сегодня опять пришло твое письмо. А в нем еще стишки. Обе партии стишков я получил и приношу тебе живую благодарность. Мне больше всего нравится группа, которая нравится Вале. Я тебе целую ручки. Мне сегодня грустно. Тоска и томление. Я занимаюсь – сверх всего прочего пишу статейку о Джемсе. Но Боже, как мне хочется тебя! Как просит моя душа твоей близости! Как я стремлюсь к моему далекому, вечному другу! Если бы ты хоть на пять минут пришла посидела в моей комнате! Я усадил бы тебя в самое удобное кресло, стал бы перед тобой на колени, целовал бы руки твои, и моя тоска прошла бы! Длтронуться до тебя рукой, провести по твоим волосам, и в душу мою сошел бы покой. Милая моя, бесконечно родная! Я с таким тихим чувством смотрю на твой Данвэровский снимок. Он удивительно хорош. Только теперь я его оценил. Меня радует, что у вас все хорошо. Я очень хотел бы, чтобы мама проехала в Баку. Люсь Люське[734] желаю счастливого аппетита. А яблочка ты ей даешь? А бульон? Очень приятно было услышать хоть что-нибудь о Леле. Ее положение не из важных. <нрзб>, кажется, овладел не только ее сердцем. Когда вернется наш капитан[735]? Мне очень стыдно, что занятый делами, я до сих пор не отправил ему посылку. Отправлю завтра. На "Русское Слово" я подписался, с опозданием, правда, но виной тому была трудность для меня выходить. Во всяком случае попроси за меня извинения. Если будешь Леле писать – передай мой привет. Я готов покраснеть, что на мою мазню смотрел Валя – покраснеть от стыда, конечно! Очень приятно, что было темно, и когда будет светло, пожалуйста, никому не показывай. Да ! Ведь тебе нужно рассказать о вчерашнем. Очутившись в кабинете у Маргариты Кирилловны и несколько минут

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. поджидая ее выхода, я с величайшим наслаждением смотрел на большую картину Врубеля. Хороша, прелесть как хороша! [736] Среди многих других портретов висит хорошая фотография Белого с надписью: "Глубокоуважаемой и бесконечно близкой Маргарите Кирилловне" и т.д. [737] Врубель и Белый настроили меня в пользу М.К., и когда она вышла, и, воссев на софу, повела со мной сумбурный и очень сбивчивый разговор об обширном книгоиздательстве, я слушал очень внимательно и с удовольствием. У ней хорошие глаза и скверный рот [738]. Говорили мы два часа, и в результате выяснилось, что быть может в наши руки попадет крупное книжное предприятие. Денег она кладет по 10000 в год, а в редакционный комитет предполагаются: князь Евгений Трубецкой, Булгаков, Бердяев, Рачинский и я. В среду у Трубецкого это дело выяснится больше, а пока это только журавль, летящий по поднебесью, впрочем выказывающий явную склонность попасться в религиозно-философские руки. Это все-таки знак времени: теперь даже журавли как будто заинтересованы в религиозно-философской проблематике.

По дороге от М<аргариты>К<ирилловны> я зашел в церковь и так бесконечно был умилен богослужением! Молился и плакал, переживал несказанное, душа созерцала горнее и томилась в предчувствии, и так хорошо было, что невольно жалел, отчего ты не переживаешь этого вместе со мной. Когда я пришел домой и только что прилег отдохнуть – постучался Волжский, который тоже пришел только что от вечерни. Он был какой-то особенный (сегодня он уехал), и хотя мы говорили об обычных вещах, что-то из наших разговоров мне врезалось в душу, потому что Волжский был поистине прекрасен и полон какой-то особой тихой серьезности и тихой проникновенности. С грустью огромной мы попрощались. Когда и как мы увидимся? Быть может, он навсегда в Симбирске. Быть может, возьмет чиновничье место и... безвыездно будет в Симбирске. Книгоиздательство и для него имеет свои приятные стороны. Быть может, удастся устроить там его "Достоевского" [739].

Моя милая девочка, моя родная Женюра! Я горячо-горячо от всей души обнимаю тебя и нежно целую твои дорогие глаза. Катеринке ножки и ручки целуй от меня каждый день. когда ее умываешь. Горячий привет всем нашим.

Христос с тобой и Ириночкой!

Всем сердцем любящий тебя Володя.

166. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн [740] <16.02.1910. Москва – Тифлис>

16 февраля 1910 г.

Моя милая, славная девочка! Я сегодня так устал, что не смогу тебе написать большое письмо. Уже подвигается экзамен, а кроме того у меня берет много сил статейка о Джемсе. Она приковала меня к столу, но зато 30-40 р. впереди! Посылаю тебе адрес Тони, который наконец узнал: Москва, Бужениновская ул., д. 14, кв. 3. От души горячо обними всех наших. Целую тебе много раз ручки, а Ириночке ножки. Завтра напишу большое письмо.

Христос с вами!

Любящий Володя.

167. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн [741] <18.02.1910. Москва – Тифлис>

18 февраля 1910 г. Москва

Моя бесконечно милая девочка! Прежде всего позвольте Ваши ручки. Я их цеую раз, другой, третий, потом переворачиваю и целую ладошки, потом пальчики, все вместе и каждый в отдельности. Все это из благодарности за прелестные письма. Я нахожу восхитительными твои "зарницы" и прочие литературные прелести. Еще более нравится мне твоя веселость даже в присутствии "грозовых туч". Поистине дух веселия, даже "гиперболического", возвышает над обыденностью, и в то время, как "серьезное" отношение к мелочам жизни порождает пересуды и осуждения, – крылатая шутка с легкостью возвращает человека к самому себе. Этот дар крылатого веселья и легкой иронии ко всему происходящему в "дольних" местах широко текущей жизни – украшают тебя не менее, чем твои "прекрасные глаза" и не менее, чем твои прекрасные губы, которые я люблю за их удивительно тонкое выражение, за их бесконечно скромную жизнь, за их чистоту и благоуханность. Относительно "Манички" ты прохаживаешься великолепно, и я тебя осуждать не посмею уже потому, что

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
твое нежное сердце бесконечно добрее, незлобивее моего. Не мне тебя учить. Катерине еще раз желаю доброго аппетита. Радуюсь очень, что Боба опять стал нежен. Ты веди свою линию и гуляй каждый день, а там пусть "гремит гром" в отдалении и, если вдруг и на тебя попадут частицы "атмосферных мазков", ты со спокойствием мудреца и как ни в чем не бывало, продолжай свою жизнь. Это поистине будет прекрасно. Рассказы твои о Домночке меня очень тронули, но я пока не придумал как бы выразить ей свои чувства.

Вчера у нас происходило "совещание" с Трубецким. Три мистических философа поистине соединены солидарностью. Булгаков меня восхищает, а Бердяев эстетически радует. У меня общий ком впечатлений. Великолепное звездное небо, прекрасные кудри Бердяева и масса пирожных, печений, мармеладов у Трубецкого, сонный и хладный душою князь, какие-то переговоры на расстоянии пистолетного выстрела и в результате журавль все почему-то летает и не хочет садиться. Ну, Бог с ним! Пусть себе полетает. Мне уже приятно и то, что насшироко приглашают в "Московский Еженедельник". Очевидно, бедный журналчик чахнет, и его может спасти только усиленное питание. Князь три раза повторил, что моей статье о Джемсе очень рады. Вообще просит содействия. К сожалению, приглашая садиться, не указывает ни одного свободного стула. Мы, то есть С.Н. и я, чувствуем себя неопределенно. С одной стороны, "пожалуйста", а другой – никаких полномочий. Я-то радуюсь исключительно из-за того, что мой финансовый кризис смягчается, и я что-нибудь заработаю. Но вот если книгоиздательство осуществится – тогда дело другое. Там можно по-настоящему поработать и свершить истинно культурное дело. У нас же самые обширные планы.

Надежда выглядит очень неважно. Была больна несколько дней. Тронутый твоим "сожалением", я решил сделать Наде подарок. Пошел к Чичкину, купил яиц, масла и сыра и принес Наде. "Вот вам подарок от жени!" Надя в это время только что кончила переживать муки и радости творчества (она пишет о Пушкине) и ужасно была тронута твоим вниманием. Когда же раскрыла пакет и увидела яйца, то стала страшно хохотать и была страшно довольна. Еще бы! Она уже две недели не видела яйца! Надя так много радовалась, что сделала из этого целое событие. Ее письмо, которое я посылаю в посылке, написано давно. А теперь она собирается написать "еще". Но я ей не верю.

От всей души обнимаю тебя, от всей души целую тебя. Поцелуй нежно Мусь-Муську и всех дорогих наших. За твои письма я бесконечно тебе благодарен и много раз еще целую твои дорогие руки. Христос с тобой и Ириночкой!

Всем сердцем твой

Володя.

168. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <19.02.1910. Москва – Тифлис>

19 февраля 1910 г. Москва

Моя бесконечно любимая девочка! Сегодня третий день нет письма и я начинаю беспокоиться. Что у вас делается? Как вы живете? Я теперь несколько реже пишу тебе, потому что завален работой. Во-первых, послезавтра экзамен, к нему надо приготовить ряд конспектов. Во-вторых, пишу о Джемсе, в-третьих, написал за эту неделю одну рецензию и отчет о Бердяевском реферате[742] – последний по настойчивому желанию кн. Трубецкого. Впрочем, меня эта "писательская" работа очень радует, потому что, как иначе выйти из финансовых затруднений, я не представляю. Можно сказать, судьба ко мне благосклонна. В самую критическую минуту ко мне сами обратились с предложениями, и мне ни у кого не пришлось просить. Позавчера я был сильно взволнован повесткой от следователя. Я терялся в догадках и уже решил, что вспомнят мой грех об Ионе[743] или еще какой-нибудь старый грех, и не ожидал ничего хорошего. Но к счастью тревога оказалась ложной. Вызывался я по старому делу: передпроситься о брошюре Маркова[744]. Одно только неприятно, что это дело идет отдельно от дела Сытина – Свенцицкого[745], и мне придется фигурировать на суде дважды. Но если бы ты знала все же, как отлегло у меня от сердца, когда я вошел к следователю, ожидая чего-нибудь "катастрофического" и услышал о Маркове. Бог милостлив: потому что за те мои брошюры[746], если бы они вынырнули, – год тюрьмы неминуем. Вчера была у меня Таня. Я был бесконечно утомленным, а она пришла с какой-то дамочкой, и мы, хотя разговаривали по внешности очень мило, – по существу "не зацепились". Это мне очень печально, и когда она ушла, осталась грустный

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. след. Позавчера забегали один за другим Валер. Ив. и Бабакин. В.И. потешен и мил. Трогательно заботится о своей сестре и всячески приглашает к себе. Кроме того намекал на что-то, очевидно на ту миловидную особу, которая по словам Нади его пленила. С Бабакиным сидели долго. Иногда мне с ним видется очень приятно. Он между прочим сообщил о Свенцицком, что тот летом жил с Ионой и с ним же затеял журнал, да не достали денег. Очевидно Свенцицкий "воскресает" к новой деятельности[747]. Он ездил в Петербург, Петров денег не дал, но зато сошлись с о. Михаилом. Вот я тебе скажу "сероводородные" соединения[748]. Надя вечером мне принесла два завядших белых цветка и я за это угостил ее халвой, которую она после недолгих упрашиваний "скушала" всю. Она разрешилась новым рефератом и кажется даст мне шего прочесть. Я работаю, работаю, работаю. Бесконечно жду лета, отдыха, солнца и тебя. Так хочется прижать тебя, мою девочку, к себе – поцеловать твои милые глаза. Я не скучаю, но я томлюсь. Мне никогда не скучно, но иногда тяжело от моих стремлений, которые должны помереть в груди, не вырвавшись наружу.

Мою дорогую Катеринку целую нежно и горячо. Мою дорогую Женюру целую нежно, горячо и страстно. Также нежно и горячо обнимаю ее милый полный стан. Посылку наконец послал. Слава Богу! Каких усилий она мне стоила! Как облегченно вздохнул я, когда в руках моих очутилась квитанция! Она теперь уже подъезжает к Ростову. Хоть бы ты была удовлетворена! Пожалуйста напиши мне о твоих денежных делах. Как твои зубы? Горячо поцелуй всех наших. Христос с тобой.

Всем сердцем твой Володя.

169. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[749] <22.02.1910. Москва – Тифлис>

22 февраля 1910 г.

Моя милая, бесконечно любимая девочка! Страшно обрадовался твоему письму, но читал его с грустью. Как мне больно за отношение мамы к Онику. Мальчик – ребенок – можно было бы исключить его из неприязни к Векиловым! Ты меня бесконечно трогаешь тем, что еще извиняешься. Да разве это "проступок"? Я бесконечно тебе сочувствую – всячески одобряю твое поведение. Если бы я был с тобой, я бы не только повел Оника в театр, но и подарил бы ему что-нибудь в корпус. Жалею твой зуб и негодую вместе с тобой на Валера. Насчет цены непременно надо условиться. Пожалуйста напиши о своих денежных делах. Сколько тебе нужно, кроме присланных Карлюкой, чтобы не было дыр? Я заработаю с "Московского Еженедельника" рублей 70 – и я бы почувствовал себя совсем хорошо, если б Таня отдала бы свой дог (75 р.). Я как раз должен Булгакову 75 р. Деньги, мной заработанные, пошли бы тогда на "дыры". Но кажется Таня не думает отдавать, кажется у нее и у Берманов дела очень скверны. И если я этих 75 р. не получу, то и мне придется скверно. Хотя положение не безвыходное: "Московский Еженедельник" все же под боком, и всегда при крутых обстоятельствах можно будет что-нибудь из себя выжить. Если же Таня деньги отдаст, я почувствую себя хорошо. Во всяком случае ты не беспокойся. Все, что тебе будет нужно, я пришлю. Только ты напиши, сколько и чего тебе будет нужно. Сколько кому ты задолжала, сколько будут стоить зубы, сколько будет стоить шитье вельветовой юбки; я хочу, чтобы ты эту юбку сшила непременно теперь. Мне очень больно, что у меня сейчас нет денег, чтобы ты могла совершать "проступки" свободно, сколько душе влезет. Я бесконечно люблю твои руки за то, что в них есть потребность давать и дарить. Я их нежно целую. А тебя, мою девочку, горячо обнимаю и с комфортом усаживаю себе на колени.

Вчера вечером я пошел к Бердяевым (по приглашению). У них собрался народ. Была одна молодая дама, слышущая за очень красивую. Я не поразился и не восхитился. Были Е.Герцык, Шестов, Лурье[750], какой-то скульптор и Челпанчик. Челпанчик ухаживал за дамами. Евг<ения> Ю<дифовна> их всех зюззила и поддевала. Н<иколай> А<лександрович> спорил с Шестовым. Потом Шестов заспорил со мной. У него такое скорбное лицо. На Лидии Ю<дифовне>, Евг<ении> Ю<дифовне> и "красавице" были великолепные стильные платья. От Н<иколая> А<лександровича> узнал, что Маргоша говорила уже с ним о "делах" и результаты очень благоприятные. Все наши желания М<аргаритой> К<ирилловной> принимаются. Значит примутся и Трубецким.

Вчера я занимался много – с утра до 4-х часов. Когда почувствовал, что скоро начнет болеть голова, решил проветриться и проехаться к Наде. Надю застал в "ажиотаже", она пылала (щеками!) и сверкала (глазами). Вид самый

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках
романтический! Не успел я еще сесть на стул, как из ее "прекрасных" уст полился бурный и сумбурный поток "впечатлений". Накануне она легла в 4 часа! Ее затащили к себе на вечер хозяева (одинокая семья). Была масса блистательной "поэтуры". Надю особенно поразил один "Герой нашего времени". Мрачный как демон, высоко воздымающий плечи, окутанный тайной, с крепом на руке, с сарказмами на устах и с печатью в сердце. Объяснялся Наде в любви. Надя имела "огромный" успех и ей, как и прочим дамам, непрерывно целовались ручки. Бог знает что такое! Надя наивна и мила. Как ей хочется жить!

Ну вот моя девочка, радость моя, я тебе расскажу все интересное. Теперь позвольте Вашу ручку. Я ее поцелую сверху и снизу и перейду к глазам. О моем здоровье ты не беспокойся. Мне теперь лучше. Я могу заниматься и с осторожностью жить. Мое дело назначено на 30-ое марта. Лучшего срока я не мог и желать. Как раз успею сдать экзамены. От всей души и без конца целую тебя. Иногда так хочется твоих нежных, благоуханных уст, твоих тихих прекрасных поцелуев! Горячо и нежно целую Ириночку. В этом письме ты ничего не написала о ней. Горячий привет всем нашим. Христос с тобой!

Всем сердцем твой Володя.

Поклон няне.

170. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[751] <24.02.1910. Москва – Тифлис>

24 февраля 1910 г. Москва

Моя прекрасная, великолепная девочка! От души и горячо целую твои ручки, которые так быстро и так изящно смастерили мне посылку. Приношу тебе свою благодарность. А я-то несчастный, как медлил с моею! Позвольте Вас ангажировать на колени. Усадьтесь, я вам буду рассказывать про свой вчерашний триумф. Но прежде позвольте Ваши глазки и Ваши губки. Только один сладостный поцелуй! Ваше любопытство возбуждено, но кажется понапрасну. Впрочем, буду эмпириком и перейду к фактам. Пролог к вчерашнему дню был печальный. Только что я заснул позавчера, как стуком в дверь меня разбудил околоточный. Опять повестка от следователя и на вчерашний день! Заснул, предавшись на волю Божию, и утром, не успев убрать постель (я сам убираю), обрушились на меня Аскольдовы. Через несколько минут звонок – Александр Великий! Еще мгновение – звонок – Надежда Великолепная![752] Образовалось божественное "пеле меле"[753]. И "он" и "она" – нежные глазки, улыбки и воздыхания. "Роковой идеалист"[754] – (который произвел на меня самое лучшее впечатление) – был рассеян и трепетал. Надя была черна, бледна и худа до умопомрачения. Он погрузился в канта. Я безнадежно отправился к следователю. Оказывается, опять "Марков"[755]. У меня опять отлегло. Только что успел выпить молока – стучится Булгаков. Беспокоится о моем деле и дает ряд советов. Ушел Булгаков, ушел и "он"[756], трепещущий и потрясенный роковым образом. Не успел я еще лечь на постель, как стучится Павлуша! Мне бесконечно приятно было увидеть его. Он светится и горит, но какую-то мукой и жаждой. Я его накормил, и мы долго сидели, мирно беседуя. Я оделся и только что хотел выходить, – "он"! Евг<ения> Мих<айловна> и Сашенька, каждый с двумя горшками чудных цветов. Мне! Благодарю, "трогаюсь" и иду. С "ним" уже покончили.

Отвечал прекрасно, получил "весьма". Челпанчик смотрит на меня застенчиво, Дают Платона и застенчиво Спенсера. Отвечаю. Они довольны. Вместо вопросов – разговор на философские темы. С Лопатиным – о Платоне, с Челпанчиком – о Спенсере. Жмут мне руки. Лопатин смотрит с любовью. "Одноглазый" декан смотрит ласково. Назначаю день следующих экзаменов. Лопатин начинает спрашивать о "диссертации". Темой довольны, написанной главой – еще больше. Я пользуюсь моментами и заговариваю о заграничной командировке. И декан, и Лопатин – в один голос: "Отлично! Прекрасно! И поезжайте". Тут же декан сообщает самую приятную весть. Дают не 3000 на два года, а 4000! Чего же лучше! Поездка возможна лишь с января. Осенью я должен прочесть какой-нибудь курс в Университете. Значит Тифлис отпадает! Но об этом потом. Лопатин опять мне жмет руки, изъявляет желание придти на мой реферат о Джемсе (я читаю 26-го) и высказывает мне всякие пожелания[757]. Я бесконечно рад. Лопатина чувствую символически. Как бы получаю благословение от крупнейшего (в настоящее время) представителя философской культуры в России. Возвращаюсь домой, покупаю "провиант" и застаю в своей комнате "журфикс" в полном разгаре. Чистятся апельсины, шелкаются орехи, разливают чай и всеобщее "блаженство". Павлуша тоже весел и мил. В 8.30 все это исчезло. С Сергеем Алексеевичем[758] простился сердечно. Он звал меня к

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. себе в Петербург. Я решил поделиться гостинцами с Надей. Забрал апельсины, орехи, булки, сыр и пару цветов и отправился к ней. У ней были Вераша и Ольгуша. Надя была очень рада и съела, кажется, почти все зараз. Вернулся домой, выпил "Боржому" и лег. А сегодня лежу с похмелья.

Без конца горячо и нежно целую тебя. Также нежно целую дорогую Катеринку. Христос с Вами! Поцелуй всех наших.

Горячо и нежно обнимаю тебя.

Всем сердцем твой Володя.

171. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[759] <1.03.1910. Москва – Тифлис>

1 марта 1910 г.

Моя милая и прелестная девочка! Душа моя тоскует. Как далеко от меня обе мои девочки, – как хочется быть с ними – оковы мои меня не пускают. Меня, мою вольную душу, привыкшую к поэтическим созерцаниям, взнуздали самым безжалостным образом. Я чувствую удила, мундштук и принужден, повинуюсь невидимой руке, скакать туда, куда мне не хочется скакать, ехать туда, куда меня в данный момент вовсе не тянет. Ты представь только: я с утра до вечера перевожу: то до одурения погружаюсь в латынь, то до одурения ухожу в Аристотеля. А все это оттого, что мечтатель! Нужно было все это проделать заблаговременно. А теперь приходится в две недели одолеть 300 стр. латинского и греческого текста. Но я хоть и с ворчанием, хоть и с кряхтением справляюсь. А потом еще предстоит две недели ускоренного перелистывания массы томов для экзамена по логике и психологии. Ну Бог с ними! Эти дни я "одионочествую". Мрачно одолеваю классиков (и все-таки восхищаюсь ими, несмотря на то, что приходится есть насильно), не выхожу, размышляю о некоторых критических сторонах моей жизни (например, финансовой!) и вообще настроен торжественно. Чувствую себя слегка простуженным и болит голова. Все это пустяки. Если бы я мог подозвать к себе свою девочку, попросить ее забраться к себе на колени и поцеловать ее глаза, и у меня сразу бы всякие "настроения" прошли, и я моментально бы забыл о всех прелестях стиля Сенеки и о всех темнотах и глубинах Аристотеля. И даже от одного мысленного представления этого я прихожу в себя. Познай же свое могущество, моя волшебница. и позволь тебе почтительно поцеловать ручки.

Я очень опасаясь за спокойное течение вашей жизни. Ведь эти известия о взрывах, вспышках и неудовольствиях мамы меня удручают и я чувствую (еще бы на таком расстоянии!), что ничего не могу предпринять. Умоляю тебя – сделаться еще более кроткой, чем ты есть и со своей стороны постараться быть действительно на высоте и не подавать никаких поводов. Когда будешь писать, пиши мне о ваших. Я очень интересуюсь знать, что с ними, но не имею от них ничего. Очень жду известия о Катеринке: как для нее прошел твой героический день. Пожалуйста пришли мне еще один экземпляр тех моих последних снимков, где есть Ириночка. Надя смотрела на них с таким чувством и с таким желанием иметь, что я не мог их ей не отдать. Только пришли скорее. Сегодня второй день не было твоего письма. И я каждый день утром читаю твое последнее письмо, как будто бы заново его получив. И читаю всегда с новым удовольствием, потому что "стиль" твой мне бесконечно нравится, и достаточно нескольких твоих выразительных строк, чтобы мне было ясно все. Еще раз по этому поводу горячо целую твои руки. Я забыл тебе написать, что на моем реферате была племянница <нрзб> с матерью. Я только не поздоровался с ними потому что был "окружен". Был и <нрзб>. Он справлялся участливо обо всех, просил тебе кланяться и между прочим сказал, что Наташа Л. на днях была в "клиниках" – ходила что-то "осматривать". Говорит, что вид у нее хороший.

Позволь, моя девочка, подойти к твоей кровати, горячо и нежно тебя обнять и перекрестить тебя на сон грядущий. От тебя совсем близко лежит Катеринка и тихо дышит. Я с такой любовью вспоминаю, как ночью с умилением слушал ее сопение. Только бы малютка была здорова. Христос с тобой и с ней! Горячо-горячо поцелуй всех наших. Привет няне. Ты ничего не пишешь о папе, о Бобе и Марусе.

Нежно-нежно целую Катеринке ручки и ножки, а тебе – глаза, ручки и ножки.

Всем сердцем твой Володя.

О моем возможном отказе от Т<ифлисских> Женских Курсов пока никому не говори.

172. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[760] <5.03.1910. Москва – Тифлис>

5 марта 1910 г. Москва

Моя милая, прелестная и обворожительная женюра! Я так боюсь твоего наказания, что сейчас же беру двумя строчками выше и на чинаю письмо не с "половины" страницы. Больше белого места я оставлял, впрочем, без всяких задних мыслей, а из одной лишь чистосердечной "эстетики". Но если твоя эстетика против моей эстетики протестует, я смиряюсь, целую твои ручки и уступаю. Вчера утром было ровно 5 дней, как я не получал от тебя писем, и это заставило меня волноваться. Когда с некоторым опозданием (против обычного часа) пришло твое, самое маленькое из всех тобой за последнее время написанных писем – я проглотил с такой жадностью и главное с таким наголодавшимся чувством, что алкание мое не утолилось. Но когда я в мрачном лежании на постели прочел 15 страниц Аристотеля, я почувствовал, что жажда моя прошла и, прочитав еще раз твое беглое послание, я уже остался вполне удовлетворенным. Непонятна душа человеческая! Когда в "удовлетворительном" состоянии духа я начал анализировать, что, как и почему, я открыл приятную для себя вещь. Твое письмо было помечено 23-м, а посано 27-го. Значит, виноват почтальон! Три дня задержки, вызвавших во мне столько беспокойств, и это дело "Генерального штаба"! Значит, следующее письмо должно быть тобою написано не позже 27-го, то есть я получу его завтра! Ура! Когда сегодня утром мне было действительно подано твое письмо – в моей душе уже был апрель. А когда я его бережно распечатал и стал вдыхать в себя все шего прелести – мое сердце затрепетало в майском восторге и я готов был начать танцевать. Я тысячу раз целую твои ручки и столько же раз твои глазки. Твое письмо сделало меня счастливым, и я несмотря на то, что на шее у меня сидит Аристотель и погоняет Сенекой, выскочил из его времени, чтоб прикоснуться душой ко всем блаженствам, которыми светятся твои прелестные глаза. Ты можешь себе представить с какой благодарностью я тебя обнимаю, с какой нежностью мысленно целую твое дорогое лицо! Ты ужасно мило пишешь, и я чувствую, что мои восторги и поощрения вызывают в тебе новые приливы вдохновения, потому что ты даришь меня новыми "перлами", от которых, я уверен, даже сам Александр "Великий" пришел бы в восторг. Он бы сейчас вынул "блокнот" и попытался бы "записать"! Я ужасно рад, что Ириночка не простудилась после купанья. А что она умница и все понимает – это я знаю. Ты хорошо делаешь, что гуляешь каждый день несмотря на погоду, но все-таки берегись. В сомнительных случаях выбирай не более удобное, а более благоразумное. Твое желание танцевать я понимаю и ему сочувствую – ибо ты танцуешь прелестно, но Боже тебя упаси и думать о каком-нибудь "вечере" – это ни под каким видом! Вечером выйти и танцевать – это абсолютно невозможно. Я тебе обещаю: если дело мое кончится благополучно, и мы будем жить осенью в Москве, тогда я тебе смастерю прекрасный "вечер". Вася, например, кавалер артистический и танцует увлекательно. Честное слово, устрою! Ты будешь царицей вечера, а я буду "антрепренером". Мы выпишем даже из Посада Сашу и Павлушу!

Позавчера у М.К. (которую, кстати, в ночь перед нашим приходом обворовали какие-то мазурики на 3000 р. – выломали дверь и унесли из буфета все серебро), мы (Сергей Николаевич, Григорий Алексеевич и я) почти окончательно порешили насчет книгоиздательства. В четверг будет деловое собрание. Это значит, я на лето добуду работы рублей на 1000! Тогда осень можно будет провести порядочно. То есть во всяком случае не умереть. Ах как это было бы хорошо! Т.е. не умереть, а достать работы.

Горячо-горячо и нежно целую обеих моих дорогих девочек. Горячий привет всем нашим.

Христос с тобой и Ириночкой.

Всем сердцем твой Володя.

173. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[761] <16.03.1910. Москва – Тифлис>

16 марта 1910 г.

<...> Прежде всего прости, что я уже второй раз пишу тебе через два дня. Это

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
вызвано тем, что эти дни я был особенно занят. К Логике и Психологии приходится готовиться больше, чем к другим экзаменам, а готовиться мне уже страсть как надоело и мне нужно делать много усилий, чтобы одолевать сотни страниц в день. <...>

Кроме занятий у меня много времени брал Вячеслав[762]. От Бердяевых тогда я пришел в третьем часу. Значит другой день пришлось почти не работать, а отлеживаться. Вчера Вяч. Иванов читал у Морозовой доклад. "Красота и христианство в связи с поэзией Новалиса". Это было не то чтоб и собрание Общества, хотя публика была вся наша. Нечего говорить, что Вяч. Иванов был неотразим. Мне было ужасно дорого и важно, что намеками он подтверждает почти все мои мысли о Мировой Душе. Из Новалиса он перевел ужасно много стихов, перевел мастерски и читал их почти все – это было великолепно. После доклада был небольшой обмен мнений. Борис Николаевич очень тонко и вдохновенно привел в параллель Новалису поэзию Вл. Соловьева и читал много его стихов. Это было приятно. Брюсов после нескольких теплых слов облил холодом и Новалиса и Вяч. Иванова. Но атмосфера в общем была настолько тепла и хороша, что холод Брюсова пропал – растаял. Я сказал несколько слов по поводу двух великолепных мыслей Вяч. Иванова. Он меня очень благодарил и сказал, что согласие со мной ему ценно и дорого. Очень задушевно спрашивал Вяч. Ивановича о Мировой Душе <Сергей> Н<иколаевич>. В.И. всем отвечал хорошо и вообще все собрание было очень своеобразно. Правда, князь скучал. Правда, Таня нашла, что переводы В.И. несовершенны по форме. Правда, Лопатин убежал в первый же перерыв. Но это все необходимые мелочи.<...>

Возвращался я с С.Н. на извозчике. – Его отношение к В.И. меня пленяет и радует. Он почувствовал силу и значительность В.И. и с великой готовностью душевно его признал. Я был ужасно удивлен, когда после заседания ко мне подошел Эллис и отведя меня в сторону, очень серьезно сказал, что он раньше меня не понимал, что он был далек от христианства, но через Лик Мадонны стал к нему подходить, и сегодняшние мои слова о сфинксе, о Логосе очень его затронули и очень ему дороги.

Евгения Казимировна Герцык приглашает меня сегодня на обед с Вяч. Ив<ановичем> Но Господи! Когда же я пойду? Мне еще нужно проконспектировать 50 стр. Логики щундт'а!

174. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн<20.03.1910. Москва – Тифлис>

20 марта 1910 г.

<...> Я ужасно занят. Я многим взволнован. Я прислушиваюсь к новым смутным чувствам <...> Вчера после защитника я отправился к Бердяевым. Там застал Вячеслава, Бориса Николаевича, Герцык, Эллиса, каких-то дам и Надю. Надя была у Бердяевых без меня, потянулась к Лидии Юдифовне и приручилась. Они вчера пригласили ее уже на "многолюдство".

У Бердяевых очень мило. "ни"[763] сияет. "Зюзючка"[764] добродушно ехидничает. "ли"[765] добра и уютна. Эллис ругает Пушкина. Вячеслав секретничает по очереди со всеми в соседней комнате, затворив двери. Евгения Казимировна[766] молчаливо внимает. Так до 12 часов. В 12 часов двери растворяются и начинается "действие". Появляются бутерброды, вино, апельсины и выпускается Эллис. Вячеслав из вежливости находит что-то в его стихах и затем начинает читать сам. Конечно, он прекрасен и великолепен. Кое-что он читает уже из прочитанного в прошлый раз, но втором чтении его стихи звучат еще, еще многосмысленней. За Вячеславом – Борис Николаевич читает опять "Симфонии", стихотворение, посвященное Сидорову и кое-что из "Философической грусти". Электричество гаснет, и при свечах в полутьме Эллис великолепно пародирует Брюсова. Имитация до чертиков схожа. Я смотрю на часы: Боже мой, уже два!

Ты думаешь, это все? Сегодня, вставши к 12, я был посещен Ольгушей. Пришла просить прощения. Пришла сказать, что относилась ко мне скверно и больше не хочет так относиться. Господи, я ничего против нее не имею. Я очень хочу отношений простых и ясных. Будем друзьями. Я очень хочу этого. Пью чай, ложусь на постель и погружаюсь в английского джемса <...>.

Приходит Вася, говорит о "деле" (он ужасно заботится обо мне), и только что кончили, – приходит Вячеслав. Вася быстро уходит, и мы с Вячеславом проводим два очень полных, очень глубоких часа. <...> После долгих расспрашиваний о тебе, о нас, обо мне, о моих литературных занятиях, В.И.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. много и очень откровенно говорил о себе. Между прочим, он сам стал говорить мне о Минцловой [767]. Он говорит, что ему хочется о ней свидетельствовать, что, если он стал светлее и лучше, это в значительной степени благодаря ей. Что он прекрасно видит ее недостатки: примитивность натуры, сварливость, зависть, склонность даже к обману – но из нее моментами истекают на него "реки света", что она, будучи мало умной, страшно много мистически знает. Он спрашивал, как я к этому отношусь. Я сказал, что чувствую в ней враждебную силу и совершенно ее не приемлю. Его же рост в добре мне понятен без Минцловой. Смерть Лидии Дмитриевны [768], его скорбь и борения – вот источники просветления. На это он мне сказал две очень важные вещи: в его мистическом чувствовании Лидии Дмитриевны после ее смерти – Минцлова не играет никакой роли. Это не через нее и без нее. Кроме того, он признался, что Вера, которая вполне разделяет его мистическую жизнь и живет памятью матери, – Минцловой не приемлет. Вера при своей прямоде в решительные мистические минуты говорила Минцловой, что не верит ей, не чувствует доверия к ее личности. А Лидия Дмитриевна уже в предсмертном борении сказала про Веру Вячеславу: "Вера – Диотима" [769]. Из тона, которым говорил Вячеслав в конце, я чувствовал, что от Минцловой он не только освободился в смысле ее личного влияния, но даже питает сомнения, хотела ли она ему добра. Во всяком случае, на мои слова, что Минцлова даже со злыми намерениями могла послужить добру (как Свенцицкий, не любя меня, сыграл в моей жизни большую роль), Вячеслав почти соглашался и не возражал, что было бы невозможно еще в прошлом году. Он увлекся и так разговорился, что пропустил свидание в "Скорпионе" [770]. Он извинился, что не прислал "По звездам" [771], и сказал, что непременно пришлет <нрзб>. Книга стихов его все печатается, и он обещает тоже прислать ее, как только выйдет. Ну, целовались, целовались и расстались. Он уезжает через два дня <...>

я непременно хочу, чтоб Иринка была похожа на тебя. А на меня – не хочу. Я себя не люблю <...>

175. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <28.03.1910. Москва – Тифлис>

28 марта 1910 г.

<...> Представь, вчера я узнал новое, неожиданное о своих "лаврах". После защитника я пошел к Бердяевым (Лидия Юдифовна хотела поговорить со мной о Наде) и там мне рассказали, что после моего ухода Челпанчик (это было вечером в день экзамена, когда мы встретились с ним у Бердяевых) пропел мне целый панегирик. После экзамена они говорили с Лопатиным обо мне и сошлись в удивлении перед той легкостью, с которой я держал экзамен. Они были поражены, как я в короткий срок успел не только ознакомиться с нужным материалом, но и самостоятельно к нему отнестись, обо всем иметь свое собственное мнение. Челпанчик находит, что из всех экзаменовавшихся за последние годы я сдал экзамен наиболее "блестяще". Мало того, они слопатиным решили, что вот теперь у них найден "заместитель" и они спокойно свои кафедры могут оставить мне. Со стороны Челпанчика это слышать почетно, потому что он меня о всем не знает и судит лишь по экзаменам, а со стороны Лопатина такое мнение обо мне для меня сущий бальзам. Пишу тебе об этом подробно, дословно, как слышал, потому что знаю, что и для тебя это будет "бальзам". Если тебе захочется, ты можешь сообщить в общих чертах вышеизложенное "нашим" и "вашим". Для ваших это будет отчасти тоже "бальзам", и в наших отношениях сыграет, быть может, роль некоего "едея". <...>

Все эти дни я много двигался и ходил. Почти целый день потратил на разыскание в Шеровском сарае книг, брошюр, статей, журналов, нужных для "дела" <...> На Благовещение зашел к Шерам – Вере Васильевне. С величайшим удовольствием пообедал. У них как раз был суп из курицы, а затем великолепный чай с сладостями. Я так давно уже не "обедал" (с самого Тифлиса!), что обед пережил "эстетически". <...> Очень заботливо относятся ко мне Бердяевы. Даже слишком – незаслуженно.

<...> Николой Александрович с милой улыбкой мне говорил несколько раз: "Вы имеете успех у женщин!" Да-с, моя дорогая Женюра, не только у старых дев, а у прекрасных обворожительных созданий, перед которыми млеет сам Челпанчик! <...>

176. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <31.03.1910. Москва – Тифлис>

21 марта 1910 г.

<...> "Найду ли краски и слова?" Громадность событий превышает силу моего бойкого пера <...> Но к делу. Меня торжественно оправдали. Не сказали, как Сашеньке[772], что я "заслужил благодарность народов" – но все же сняли позор с моего славного имени и бремя с моих не менее славных почек. Еще за неделю Сытин и Тесленко[773] хотели меня "топить". "Мой" испугался и стал было от защиты отказываться. Тогда я просил его передать г-ну Тесленко, что я их совершенно не боюсь, ибо буду говорить последним, ибо на моей стороне факты, ибо на моей стороне документы, ибо я спорщик и диалектик известный. Наконец, один я не пойду, а потяну за собой и Сытина. Робкая душа Тесленки струсила, и он немедленно запросил свидания с С<ергеем> Н<иколаевичем> На свидании был очаровательно вежлив и говорил "наши интересы общие" <...>

Томили вчера невероятно долго. Передо мной слушались два дела, и наше разбирательство началось в 3 часа. Председательствовал Разумовский – очень привлекательной наружности. Тонкие породистые черты лица, вежливый, внимательный, с красивыми движениями. Я как посмотрел на него, сразу почувствовал, что на год не посадят. Первым свидетелем допросили Булгакова. Он был невероятно хорош. Его искренность заставила всех судей слушать его с глубоким вниманием. Затем все шло очень гладко. Начал говорить "он". К концу его речи я почувствовал себя "канонизированным". В силу своего адвокатского красноречия "он" выставил меня замечательным творцом совершенно загробной философии, столь загробной, столь потусторонней, что в моих глазах все земное "испаряется как дым". Я почувствовал себя не только канонизированным, но и заживо похороненным. Очевидно за эти погребальные услуги я и должен буду заплатить ему 50 рублей! Защитник Сытина Варшавский был не менее красноречив. Он выставил Сытина министром громадного дела, многомиллионного предприятия, – великим служителем на ниве народного просвещения и в конце речи патетически заговорил о "венце" на седую голову 59-летнего старика. Эта глорификация тронула даже бывалого Сытина и он...прослезился. Сашенька (этот "божественный и святой человек", по выражению Сытина) уверяет, что собственными глазами видел сытинскую слезу. Затем выступил "сам", т.е. Тесленко (сколько тысяч он получит с Сытина?), и разобрал брошюру Свенцицкого, аттестовал ее автора как в высшей степени печального, религиозного и симпатически мечтательного молодого человека. Прокурор был совершенно ошеломлен количеством святости и добродетелей в подсудимых, потерял дар слова, и вместо перлов красноречия, вместо грозной обвинительной речи – сказал два слова: обвинение все же я поддерживаю. Суд удалился на совещание и через четверть часа Разумовский своим приятным голосом прочел оправдательный приговор. Меня очень "почтили". На суде просидели: Вера Вас<ильевна>, Вераша, Митя, Евг. Николаевна, Вася (который одолжил мне свой великолепный сюртук). Бердяевых, Надю, Ольгушу я еле отговорил приходить. Неожиданно для меня пришел Гершензон. Накануне вечером на скучнейшем заседании с Астровым, с меня взяли слово сообщить немедленно об исходе дела князь и "Маргоша". Князь волновался и телефонил всем, кому мог, чтобы подействовать на суд. Лопатин опять очень жал руки и желал горячо благополучного исхода. С<ергей> Н<иколаевич>, видя все это, тронулся и сказал: "как приятно, что эти холодные люди так горячо отзывались!" <...> Сегодня получил очень теплые телеграммы от Бердяевых и от Ваших. Очевидно писал Карлюка. Очень высокоторжественный стиль. Кончается телеграмма пожеланием "новой жизненной эры" <...>

177. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <2.04.1910. Москва – Тифлис>

2 апреля 1910 г.

<...> Я только что встал, напился чаю и намерен посвятить сегодняшней день долце фарниенте[774]. К сожалению, у меня чуть-чуть побаливает голова и фарниенте не обещает быть долце. Впрочем и фарниенте довольно относительное, ибо, во-первых, в четыре часа у меня свидание с М<аргаритой> К<ирилловной> в "Моск<овском> Ежен<едельнике>", во-вторых, целый ряд писем: нужно написать Вашим, Гехтману, Волжскому, Аскольдовым. <...> На суде был и Саша. Он бы неотразим в своем форменном сюртуке[775]. На злые вопросы прокурора он отвечал с столь очаровательной улыбкой, полной христианского милосердия и невинности, что даже прокурор перестал сердиться. Саша уехал вчера. Мы с ним виделись несколько раз, и я счастлив, что раны в наших отношениях окончательно затянулись. Мне даже было положительно приятно видеться с ним. Все плохие чувства исчезли совсем. После суда с Сашенькой мы отправились к "крокодильше"[776]. Она оказывается так волновалась, что у ней, как у Степана Трофимовича[777], было что-то вроде холерины. У ней есть прекрасный дар радоваться за других. Если Булгаков волнуется бесконечно

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. больше меня, то Надя бесконечно больше меня обрадоваась моему оправданию. С апельсинами в руках я возлег отдыхать, а Саша с Надей стали нежно ворковать... на тему о том, какие костюмы носили в средние века. По поручению Тани, Надя одевает куклу для какой-то благотворительной лотереи. Саша обнаружил величайшие познания в истории женской моды <...>

178. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <3.04.1910. Москва – Тифлис>

3 апреля 1910 г.

<...> Глухо доносятся вести. Глухо ложатся на сердце, а сердце мое полно каких-то страшных переживаний, тоже глухих и тайных. Но, Боже, разве душа моя не трудна для меня самого? Психика моя стала беспокойнее. Последние дни мне не хочется сидеть дома, и я все шатаюсь. Но это все пустяки. Вчера я ходил в Университет и подал прошение в факультет о вступительных лекциях. Мне было страшно. Душа моя мятется. А внешние рамки жизни, кажется, определяются, – кажется почва под ногами становится действительно твердой и прочной. Во всяком случае в конце апреля и в начале мая читаю две лекции. факультет возбуждает ходатайство о заграничной поездке. С осени я должен буду читать какой-нибудь курс в Университете или по крайней мере поведу практические занятия хоть один час в неделю. Это уже определено. Вероятно к весне поездка определится. Все это хорошо. Все это так соответствует моим планам. Декан ко мне форменно благоволит. Лопатин не только благоволит, но и всем рассказывает о моих "дарованиях" и о моем необыкновенном экзамене. Я уже слышал об этом из разных концов. А душа моя все же тоскует и тоскует. Позавчера виделся с М<аргаритой> К<ирилловной>. Говорили о шрифтах, о форматах, о бумаге и все для издательства. Затем, кончив об этом, помянули Лидию Дмитриевну и поговорили о Белом, Иванове, теософии, "розенкрейцерах-мусажетчиках". М<аргарита> К<ирилловна> несомненно выигрывает при ближайшем знакомстве. Мне кажется, я начинаю уже нащупывать в ней душу. Во всяком случае, теперь разговаривать с ней мне бывает приятно. А раньше приятности я, правду сказать, не ощущал.

179. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <6.04.1910. Москва – Тифлис>

6 апреля 1910 г.

<...> Я опять в спокойном состоянии, только вот что-то болит голова. Я тебе поэтому буду мирно рассказывать всякую всячину <...> Я уже давно собирался ехать в Посад и решил ехать в воскресенье, то есть позавчера <...> Полоса трагических переживаний у Павлуши, если не кончилась, то во всяком случае кончается [778]. У них мирно и благорастворенно. С Павлушей (его Васеньки не было) мы вечер провели очень хорошо. Он остригся, опять стал прежним Павлушей, простым и естественным, – мне дорогим. У него масса работы, еще больше замыслов все более грандиозных и интересных. Беседа с ним меня освежает. Вспоминается далекое и милое общение с ним "на заре туманной юности", когда мы глухо сталкивались и влеклись друг к другу еще "себя не познавшие" [779]. <...>

Представь! Приехали в Москву в 730 вечера. Вдруг вспоминаю, что в 8 часов заседание "кн<игоиздатель>ства". прямо с вокзала попадаю в самое блестящее общество. "князь" [780] горячо поздравляет меня, Бердяев, только что вернувшийся из Петербурга, заключает в свои объятия и мы сочно целуемся. Он поздравляет, я благодарю. Он разворачивает пакет и преподносит мне "гостинец" от Вячеслава! Сборник "По звездам" с надписью "Влад. Фран. Эрну поцелуй любви от его Вячеслава". Заседаем, решаем дела; я с удовольствием смотрю на М<аргариту> К<ирилловну>, в которой ощутил хорошую, правдивую, тонкую душу: она мне стала положительно нравиться. Все вчера "блестели". С<ергей> Н<иколаевич> – остроумием, "князь" благодушием, М<аргарита> К<ирилловна> своей былой красотой, Н<иколай> А<лександрович> – петербургскими впечатлениями, а мы с дядей Гришей [781] "по естеству". Много смеялись, острили, порешили много вопросов и разошлись в самом веселом настроении. Бердяев проводил меня до дому, и мы, смотря на звезды, обсуждали "мировые вопросы". Он вдохновенно говорил об "опасностях" и сложности современного положения <...>

180. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <7.04.1910. Москва – Тифлис>

7 апреля 1910 г.

<...> Вчера усталый, с головной болью я пошел к Бердяевым. Нельзя было не

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках.
пойти. Это была последняя вечеринка у них. А на днях они уезжают <...>
Николай Александрович сделал нечто вроде философского смотра. Пригласил Степпуна [782], Ильина [783] (у него супруга сущий Гуссерль [784], хотя не без симпатичности). Ильин очень талантливый человек, но не творческий, самолюбив и с полдюжиной бесенят. Хвостики так и мелькают в глазах. Улыбка с сарказмом. Все это, молодость и талант, привлекают [785]. Степпун – это пустая бочка от пива. Гудит, гудит – все бесплодно. Топорщится, раздувается – как бы не лопнул! Николай Александрович обворожителен. Он так чудно "сплетничал" после ухода философов, что Надя [786] в него влюбилась и мечтает преподнести ему цветы. Несмотря на присутствие холодных философов вчера была масса самых нежных чувств. Посредине пустынно-абстрактных разговоров расцветали самые нежные цветы. "Зюзючка" мне объяснялась в любви (она прелестнейшее, любопытнейшее и невиннейшее существо) <...>

181. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <9.04.1910. Москва – Тифлис>

9 апреля 1910 г.

<...> Я обещал тебе вчера написать письмо. Но на меня снизошла божественная испиразионе [787] – и я с головной болью, разбитый, написал статью, целую статью в 6 больших страниц в один присест и только для того, чтобы несколько "излиться" и освободиться от массы чувств, возбужденных во мне г. Астровым на позавчерашнем заседании С.Н.Булгакова "Апокалиптика философии истории, социализм". Я писал совершенно бескорыстно, но какова была моя радость, когда я сообразил, что за свое бескорыстие получу с князя 15 рублей! <...>

Позавчера был реферат С.Н., вчера заседание в книгоиздательстве. Сегодня иду обедать к Герцыкам. Удивляюсь, откуда берутся силы <...> Маргарите Кирилловне я изумляюсь. Она деловита, умна и с необыкновенной твердостью и упорством ведет нрзб дело. Это не прежняя В.Н.Бобринская! <...>

182. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн [788] <10.04.1910. Москва – Тифлис>

10 апреля 1910 г.

<...> Я очень устал и потому не пишу тебе сегодня письмо. Я получил уже тему лекций: "Беркли и имманентная философия". Обложился книгами <...>

183. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <11.04.1910. Москва – Тифлис>

11 апреля 1910 г.

<...> Я "великодушно" прощаю твое позавчерашнее письмо. О, мой "успех" невинен! Я просто иногда очень сильно люблю людей, и "они" очевидно чувствуют это. Я уверен: если бы я сам не любил – меня бы никто не любил. Тут высший, хотя и простой закон: на вопрос дается ответ, на чувство отвечают чувством. Я всегда "субъект" любви, а не "объект". Ты понимаешь? Иногда очень хочется быть "объектом", потому что с самого раннего детства я не был объектом. Только в годы сознательной жизни меня стали иногда "баловать", но и теперь, когда меня балуют больше всего, я гораздо больше "субъект", чем "объект". Я не знаю, что лучше, блаженнее нрзб быть "субъектом" или "объектом". Быть "объектом" любви – это значит быть совершеннее объективно, то есть быть значительнее сильнее, ценнее, важнее. Быть "субъектом" – это значит сильнее, глубже и горячее стремиться к совершенству. Что лучше: стремиться или быть? Платон сказал: "божественнее любить, чем быть любимым". Это справедливо, конечно, но не всегда. Когда объект любви достоин любви – тогда он выше того, кто его любит. Беато Анжелико как объект эстетической любви и восторга – конечно, больше и выше всех тех, кто его любит и им восхищается. Но благодарение Богу за то, что я попал в категорию "любящих". Несчастны лишь те, кто ни "объект", ни "субъект", кто находится вне божественной стихии любви, кто – ни отведал этого таинственного напитка, ни дал напиток из себя другому.

Сегодня я встал в "философическом" настроении и даже тебе о чем-то философствую. Но у меня теперь часто "философическое" настроение. Когда я один – я всегда философ, когда я созерцаю, я всегда философствую. Но ведь тебе от этого только лучше. Все мои созерцания тесно и глубоко проникнуты тобой. Ты тот мой драгоценный корень, который роднит меня с землей. И на этом корне распускаются все цветы моих созерцаний. Всякий дух с Неба. Но задача всякого духа не только осознать себя как духа, но и полюбить Землю, как-то принять ее всю, таинственно обручиться с нею навеки. Я так счастлив,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. что ощущаю в себе благодатную энергию Эроса христианского, столь многим неведомого Эроса. Это тайный восторг, влюбленность в людей и в жизнь, некий Эрос, пусть покатуское видение несказанных вещей <...>

184. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <17.04.1910. Москва – Тифлис>

17 апреля 1910 г.

<...> Я думаю, что к 15 мая я выеду совершенно верно, и весьма возможно, что и значительно ранее. После лекций я могу задержаться всего лишь на 2-3 дня. Мне нужно будет во 1) набрать книг из Университетской библиотеки для того курса, который я буду читать в будущем году и 2) нужно будет закончить чтение всех материалов о жизни Сквороды. Ведь книгу о Сквороде я должен буду написать непременно летом, чтобы по приезде в Москву осенью получить за нее около 800 рублей <...>

185. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[789] <17.04.1910. Москва – Симбирск>

17 апреля 1910 г. Москва

Христос Воскресе!

Дорогой Александр Сергеевич!

Пздравляю Вас со светлым праздником, да пошлет он мир и свет в Вашу душу. Знаю, как Вам тяжело живется, и как все трудней пробиваться к свету чрез обволакивающую Вас тучу, но и желаю Вам нечеловеческой помощи и облегчения. Страстная прошла в непрерывном потоке религиозных чувств и волнений, как и прежние годы, но лишь с иной, на все ложающейся окраской. Я говел вместе с Муночкой. В семье у нас последний месяц болел Федя коклюшем, а с ним и Елена Ивановна. Но теперь лучше. Я – как с гуся вода – вытянул семестр и, говоря официальным стилем, "полон планов". Числа около 10-го уедем сначала в Крым, потом в Ливны.

О благоприятном исходе дела Эрна Вы, конечно, знаете. Все прошло крайне благоприятно и в смысле духовном и юридическом. Дело кончилось тем, что я после суда обедал с Сытинным и Тесленко в "Праге".

Дела с Маргаритой Кирилловной также развиваются удовлетворительно. С ней иметь дело положительно приятно. Она дельная, спокойная женщина, любит поговорить, правда, и к этому стремится, но худоого в этом ничего нет.

Таково пока наше общее чувство. Издательство становится на деловую, не благотворительную почву, и это также хорошо. Раньше ноября оно фактически не родится. На последнем совещании я поднял вопрос о Вашем Достоевском и, так как должен был говорить по существу дела, то изложил все, что знаю по этому делу, то есть размер и характер книги, Ваши мытарства с нею, говорил, что издание это грузно, но имеет хотя и медленный, но обеспеченный сбыв и т.д. И для того, чтобы устранить всякий элемент личного пристрастия в выборе книг для издательства, предложил поручить Григорию Алексеевичу познакомиться с работой по какой-нибудь характерной главе, которую Вы для этого доставите, чтобы сделать затем доклад. Это было постановлено. Я надеюсь, что Вы также отнесетесь к делу по существу, поняв, что ведь я и не мог настаивать прямо на принятии издательством этой книги, и нашел гораздо тактичнее и дажеединственно возможным избрать такой путь. Но благоприятный исход дела на основании того, что мне о Вашей книге известно, я крепко надеюсь. Надеюсь также, что Вы пойдете навстречу и вышлете–прямо Григорию Алексеевичу часть своей работы, какую найдете пригодной для ознакомления, еще лучше вместе с общим планом или подробным оглавлением работы. Конечно, если бы Вы могли сконденсировать свою книгу, уменьшив ее размер, это было бы очень хорошо в смысле облегчения издательства. Анна Григорьевна Достоевская в письме ко мне высказывает предположение об издании писем разных лиц к Федору Михайловичу в эпоху "Дневника писателя" в извлечениях и спрашивает моего мнения и совета (вопрос, конечно, риторический).

Я хочу предложить ей поручить работу эту Вам (ведь эти письма лиц, м<ожет> б<ыть> еще живых должны быть использованы с большой осторожностью и умелостью), но не сделал этого, не получив на это Вашего разрешения (хотя вообще на практические результаты не рассчитываю). Отзовитесь на это хотя открыткой, но немедленно, а я подожду ей отвечать.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Николай Александрович уехал на лето. Михаил Александрович удручен новыми разоблачениями о "Гришке" Распутине и выглядит по-моему плохо, постарел, похудел. Мамонов его шлет на месяц в Крым. Остальные по-прежнему. Целую Вас.

Пишите о своих делах. Ваш С.Б.

186. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <19.04.1910. Москва – Тифлис>

19 апреля 1910 г.

<...> Меня радует, что уже 19-е, и какие-нибудь недели отделяют меня от радостного мига соединения с тобой. И эти недели будут полны такой кипучей работой, что для меня время будет лететь незаметно. Да оно и летит! Мне кажется, что все эти последние месяцы я мчусь в каком-то экспрессе и пролетаю жизнь в какой-то головокружительной стремительности. Впечатления яркие и так быстро сменяются одни другими. У нас пасхальные дни великолепны <...> Заутреню был с Ольгушей и Надей в Девичьем монастыре. На другой день пошли в монастырь. Все зелено, тепло, тепло. Чистая лазурь, изумительные облака. Ты знаешь, как красив монастырь. Я забыл о существовании всего мира. В дремотном состоянии упивался солнцем .

<...> Пошел к Григорию Алексеевичу и не застал дома, от него к Сергею Николаевичу – тоже безрезультатно. Пришел домой и лег. Представь, хозяева-то какие хорошие! Я ничего себе не покупал. Прихожу и вижу у себя в комнате: чистая скатерть и кулич, крашенные яйца. Очень даже кстати! Вот что значит Москва! У меня в кармане четвертак, а вечером гости. Пригласил Валера с сестрами, Надю и Ольгушу. Но пришел еще Вася и пришла Ольга Ивановна Зарубина. Был один чай, но вечер прошел великолепно. Валер (для которого собственно вечер был устроен) был в ударе, смешил публику и наконец... запел. О ужас! Но из ужаса родилась приятная неожиданность. Валер своим "порывом" заразил О.И., которая вдруг стала петь. У ней очень приятный голос, прекрасный слух, никакой школы, очень хорошая дикция. Народные песни, малороссийские у ней выходили великолепно. Валер в заключение воспроизвел Вяльцеву артистически! Он так нежно скандировал, так томно закрывал глаза и откидывал голову – что вызвал общий восторг <...ш>

187. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <20.04.1910. Москва – Тифлис>

20 апреля 1910 г.

<...ш> А у нас какие чудные дни! Я выставил окошко и теперь блаженствую: чистый воздух, солнце, тепло. Кричат мои любимые петухи, распевают птицы и гудит город звоном и шумом.

<...ш> Между прочим, "Филадельфий" говорил, что вряд ли тебе с Иринкой будет хорошо жить в Москве на будущий год. Он говорил, что совсем другое – жить под Москвой <...ш> и указывал, как на хорошее здоровое место Лосиноостровскую. Там великолепный лес и прекрасные зимние дачи. Это первая станция от Москвы по Архангельской ж.д. Я, конечно, обо всем этом буду говорить с Титовым <...ш>

188. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <24.04.1910. Москва – Тифлис>

24 апреля 1910 г.

<...ш> Представь, я сегодня получил великолепнейший подарок. Можно сказать, в первый раз жизни такой получил. Евгения Юдифовна (она ведь очень недюженный скульптур – Паолош Трубецкой, увидев ее работу в Париже, в ее отсутствии сказал: эуеста сигнора ча таланте [790]). А он очень строг) прислала мне сработанную ею самую копию с чудеснейшей средневековой Мадонны. Я просто не могу насмотреться: так хорошо! <...ш>

189. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <2.05.1910. Москва – Тифлис>

2 мая 1910 г.

<...ш> Я был вчера у Титова <...ш> В почках моих ухудшение – больше белка. Еще припухлость лица. В общем же, если принять во внимание экзамены и пр., мое состояние "ничего". Во всяком случае не то, что в прошлом году [791] <...ш>

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
190. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <5.05.1910. Москва – Тифлис>

5 мая 1910г.

<...ш> Я согласен: материя не подходит. Это не комильфотно, не кавалерственно. Но позвольте дать "сдачу". Вы находите лучшим: зонтик плюс сумку? Меня этот плюс смущает. Может быть, зонтик и сумку плюс чайный сервиз? Может быть зонтик, сумка, чайный сервиз плюс дюжину полотенец? Не находите ли Вы, моя прелестная супруга, что подарок по самой идее своей един. Вся энергия желающего подарить что-нибудь должна непременно сосредоточиться на чем-нибудь одном. И в этом должна быть сосредоточена самая мысль подарка? Дарить два, а не одно, при кавалерственности, которую Вы хотите соблюсти – совершенно нельзя. Всякое прибавление к единому будет звучать "довеском"! [792]<...ш>

191. С.Н.Булгаков – А.С.Глинка [793] <5.05.1910. Москва – Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич!

Большое письмо Ваше получил и очень было от него больно. Ответ на него откладываю до Крыма (куда уезжаю 10-го), а сейчас извещаю Вас, что только что написал Анне Григорьевне, относительно изданий писем к Федору Михайловичу. Сообщаю о Вашей согласии и адрес. Однако, перечитывая ее письмо, еще раз прихожу к заключению о том, как мало надежды на ее посулы. Ваш адрес ей сообщил, ее адрес: СПб, Преображенская, 40. Сегодня поучил Ваше письмо для Рачинского. По этому делу еще нет движения, потому что не было еще редакционного собрания, но будет перед отъездом. К осени выяснится.

О всем остальном буду писать позже.

Целую Вас. Да хранит вас Бог! Ваш С.Б.

192. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн [794] <9.05.1910. Москва – Тифлис>

9 мая 1910 г.

<...ш> Завтра у меня лекции. Одну я вчера уже закончил, а другую нужно кончить завтра утром. Я ужасно устал, потому что работать пришлось сгущенно. Не знаю поэтому во сколько дней я успею сорваться и ликвидироваться. Для летней работы (которая будет кормить нас осенью) я должен непременно прочесть в Румянцевском три рукописи Сквороды. Я думаю, что в 2-3 дня я справлюсь и таким образом выеду 13-14-го.

<...ш> Меня прервали. Сейчас я только что с лекций. Спешу отправить письмо и потому в трех словах: лекции сошли великолепно. поздравляю тебя с приват-доцентурой <...ш> Я неимоверно устал и напишу тебе завтра. Раньше 14-го не выеду, потому что дела в факультете. Но и позже не выеду.

Итак, я свободен и передо мной лето <...ш>

193. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке [795] <10.05.1910. Москва – Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич,

Ваша рукопись и письмо переданы Григорию Алексеевичу, он будет заниматься летом, и раньше осени не следует ждать результатов, хотя не невозможно и раньше. Насчет переводов я получил Ваше письмо слишком поздно, чтобы мог повидать Сабашникова, тем более, что он в Крыму был. Буду об этом помнить и думать. Сегодня едем в Крым, адрес прежний (Кореиз). Адрес Григория Алексеевича: Кудрино, д. Найденова.

Целую Вас. Напишу из Крыма. Господь с Вами.

194. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <11.05.1910. Москва – Тифлис>

11 мая 1910 г.

<...ш> Я как в тисках. И свободен и не свободен. Можно сказать, почетное заключение! После лекций сейчас же Лопатин с Челпанчиком в один голос сказали: дайте нам Вашу лекцию для юбилейного номера "Вопросы философии и
Страница 125

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. "Психологии". Я конечно с радостью согласился. Лопатин взял мою рукопись исам, оставив экзамены, свез в редакцию, дал распоряжение немедленно набрать. Но это значит, я на 2-3 дня связан! Это прекрасно. Я очень ценю их расположение ко мне. Это радостно и почетно видеть как старики, заслуженные старики, обнимают юнца... Но я ведь так бесконечно хочу ехать <...ш>

Сегодня ко мне ворвался Рачинский. "Вы понимаете? Вы понимаете?" Ничего не понимаю. "Да Вы не понимаете, какой Вам почет. Вы стену пробили! Ваша лекция сдана в набор! Ведь это же юбилейный! Ах, он ничего не понимает. Вы мальчишка, а они Вас сами посадили рядом с собой! Так в свое время с Трубецким не обращались!" Дядя Гриша меня поздравлял, обнимал, вообще проявил бурную радость за меня. Он приехал прямо из редакции "Вопросов философии" и "Психологии" под свежим впечатлением того, что там говорилось обо мне. Значит успех! Успех не среди толпы, а среди избранных. Но и студенты остались довольны. Честолюбие твое может быть удовлетворено. Лопатин вчера говорил много приятных вещей. И талантливо, и свежо, и оригинально, и ярко, и необыкновенная ясность мысли, и пр., и пр. Я пишу немного, потому что страшно устал. Ты пойми, что это ведь одна моя мысль, притом писанная в состоянии крайней слабости и утомления <...ш>

195. С.Н.Булгаков – А.С.Глинка[796] <6.06.1910.Корез – Симбирск>

6 июня 1910 г. Крым, Корез,

День Святой Троицы

Милый Александр Сергеевич!

Целую вечность не писал Вам, хотя последние Ваши письма произвели на меня очень сильное впечатление. Но может быть именно сознание бессилия помочь Вам духовно и практически и чувство собственной вялости и слабости, всегда мне присущее, удерживали. О ваших делах, о судьбе рукописи и пр<очем>, не имею никаких известий с самого отъезда из Москвы да и не жду теперь ничего. Сабашникова здесь не видел, а письмо Ваше получил слишком поздно, чтобы сделать что-нибудь для приискания перевода для Ольги Федоровны[797]. Но об этом памятую и не теряю надежды найти, но только со временем. Как-то Вы выносите свою судьбу? И как здоровье? Я последнее время разговаривал о Ваших практических делах с Франком, которого видал по поводу дел издательства. Сам он выглядит как и прежде, замкнут и сдержан. Сюда я не получаю ни от кого никаких известий. Здесь у нас сравнительно благополучно, дети хворают, но не страшно. Елена Ивановна лечится. Каждый день бываю на могилке, которая стала для меня святыней, но поражаюсь "силе низости Карамазовской", то есть инстинкту жизненности своей.

Перед отъездом моим из Москвы возбудился опять вопрос о привлечении меня на кафедру Духовной Академии, хлопочет опять Павел Александрович. Я, конечно, отношусь к этому уже без всякого энтузиазма, но не считаю себя в праве препятствовать. Если удастся, то почему же не попробовать, ведь на худой конец это будет не хуже, чем читать лекции в другом месте, а м<ожет> б<ыть> Господь и поможет и устроит.

От аввы Владимиром Александровичем была получена тревожная телеграмма с вестью об опасной болезни сердцем его мамы, он просит молиться. Он сам выглядел очень плохо и, по словам Мамонова, нуждался в отдыхе и покое, а вместо этого испытание. Помогите ему, Господи! Сухомлиновское дело он-таки издал и "старца" Распутина изобличил, последнее уже подхвачено газетами. Будет ли толк – не знаю.

Эрн должен был читать уже пробные лекции и сделаться приват-доцентом. Если Бог даст ему здоровья, то его ожидает рано или поздно кафедра в Московском Университете. Так складываются сейчас для него обстоятельства, неожиданно благоприятно, ввиду сочувственного отношения к нему представителей кафедры, совсем не имеющих сродных заместителей и учеников.

Владимир Александрович приезжал ко мне однажды. Читали ли Вы его книгу Федорове и что думаете о ней? Следует ли ее переиздать в нашей Библиотеке русских мыслителей[798]?

Я сам всецело занят своей богословско-экономической книгой ("Философия хозяйства") и запутываюсь в собственных построениях все дальше и дальше. Для "духовной" жизни от этого занятия кроме ущерба ничего, а выйдет ли что,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. тоже не знаю. Очень сомнительно, чтобы получилась "диссертация". Остается ли у Вас возможность работать при службе и пишете ли вы что-либо?

Храни Вас Господь! Не торопитесь с ответом, я знаю, что Вам трудно. Но если соберетесь дать о себе весточку, буду рад. Бердяев в том же положении, но пока набрал себе литературной работы в издательстве.

Целую Вас. любящий Вас

196. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[799] <10.06.1910.Кореиз – Симбирск>

10 июня 1910 г. Кореиз

Дорогой Александр Сергеевич!

Ваше письмо поучил на другой день, как отправил Вам свое. Я от Эрнэ с самого отъезда из Москвы известий не имел, хотя он и обещал написать мне, когда устроится. Прежний его тифлисский адрес: Тифлис, Дидубе, Глданская ул. собств. дом.

Целую Вас. От Михаила Александровича новых известий все нет.

Да хранит Вас Господь! Ваш С.Б.

197. Е.К.Герцык – В.Ф.Эрну[800] <31.07.1910. Судак – Бакуриани>

31 июля, Судак

Мне было радостно, милый Владимир Францевич, получить маленькую весточку от Вас, спасибо и за Беркли, которого Вы так остроумно и уничтожающе породнили с нынешними немцами[801]. Но всего больше волнуют меня Ваши слова о Логосе по поводу "логоса", которые я только что прочла[802]. Нужды нет, что это быстрая, с полемическим заданием написанная статья, за нею чувствуется такая глубокая тишина, долгий путь и та уверенность и меткость удара, которая бывает при самой большой – не только своей собственной – силе. В Вас есть то бесстрашие, то дохождение до конца, которого так мучительно, особенно последнее время, не вижу вокруг и в самых близких.

Я знаю, что я в дальнейшем с Вами не соглашусь, что и здесь за своей справедливой и воинствующей Истиной вы не видите вы не видите почему держат они (пусть заблуждаясь) выступать под знаменем Логоса, не видите, что они не только вырожденки рационализма, а Сыны, взбунтовавшиеся, верящие в Творчество, но не в покой Седьмого дня...

Безнадежный пафос – как бы это назвать? – трансцендентализма я почувствовала особенно остро в "Символизме" Белого[803] (страшная книга), но он же проскальзывает за маской благополучия порой и у немцев. Я их не люблю, но я слышу, что и они идут, будят, готовят... Конечно я говорю не об идиотских их выходках против русско<ого> предания, а о существе их, пусть церквененавистнической, но не нейтральной мистически философии.

Мы переживаем очень трудное время – 6 недель назад тяжело заболела Евг<ения> Ант<оновна>, и несколько докторов считали ее в безнадежном состоянии. Долгая и мучительная борьба за жизнь была, и долгие дни мысль о смерти. Теперь она оправляется, но так медленно и трудно. За время ее болезни я много говорила с Минцловой[804], приехавшей по просьбе больной. Я была с нею раньше во вражде и теперь узнала ее впервые близко и по-новому. Теперь я глубоко, бездонно устала и, видите, пишу карандашом...

Жду к нам Бердяевых недели через 3. Вяч<еслав> Ив<анов> сейчас на пути в Рим – переезжает границу. Радуюсь и боюсь за него. Здоровых, светлых и творческих дней желаю Вам.

Герцык

198. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[805] <6.08.1910. Бегичево – Михайловское>

№ 1

августа

Милая и дорогая

Начну с самого для тебя интересного. После двухнедельного долгого обсуждения все мы наконец пришли к согласию, чтобы я просил себе командировку на вторую половину года. Как-то всем это оказалось удобнее: для сыновей при этой комбинации жертв – никаких, а только одно удовольствие; в финансовом отношении затруднения отпадают. Наконец, я надеюсь, что это будет лучше для самого главного: именно нужно, чтобы наши отношения в Москве установились по-новому уже до отъезда за границу и чтобы от этого впоследствии наступило успокоение для всех, о чем мы при свидании так много говорили. От души надеюсь, что все это, Бог даст, наладится так, чтобы всем было в душе легко.

Теперь у нас все относительно хорошо, хотя сначала было очень тяжело и трудно. Ну, да что же об этом размазывать! Повторяю, теперь стало легче: по крайней мере все на чем-нибудь остановилось, и впереди виден исход.

Теперь предстоит подать прошение Мануилову[806] о командировке на второе полугодие. Если это осуществится, то предстоит отъезд в декабре. Это будет нелегко и тебе, и мне, но все же это легче, чем на год, а для души, для спокойствия совести, для равновесия и прекращения раздвоения это, увы, необходимо. Ты не можешь себе представить, как я тебе благодарен за то, что ты с этим мириться, и насколько ты мне от этого становишься ближе и дороже, если ты еще можешь стать мне дороже, чем ты есть.

Получил письмо от Струве. Он пишет между прочим: "обидно, что такой флаг, как «Московский Еженедельник» оказался спущенным"[807]. Мне не столько обидно, сколько жалко: уж очень много хорошего связано для меня с этим флагом. Конечно, флаг не пропадет; но жаль целого дорожого, теперь оконченного цикла жизни. Жалко наших с тобой там переживаний; жалко и независимо от наших отношений многого, особенно вторичных собраний, всегда столь интересных.

Нужно, чтобы, по крайней мере в будущем из этого что-нибудь выросло. От всей души надеюсь, что это будет не уничтожение, а превращение. А пока прощай, моя дорогая. Крепко тебя целую. Я совершенно здоров.

199. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[808] <14.08.1910. Бегичево – Михайловское>

№ 3

14 августа 1910

Милый и дорогой друг

Не удивляйся, что я пока не назначаю точно дня моего приезда в Москву. Вероятно придется приехать не 20го, а несколько позднее. Только в Четверг 19го Августа Мануилов увидит гр. Камаровского (декана), и, следовательно, только в тот день выяснится, когда будет назначено заседание.. Очевидно, оно не может быть назначено на другой день!

Сейчас с большим подъемом перечитал твое единственное письмо после нашего последнего свидания; с нетерпением жду второго. Много думал по поводу этого письма о твоей и моей московской жизни. Перемена – громадная. Закрывание "Еженедельника" и твой переезд будут иметь последствия неисчислимы, и хотя это и трудно, но, надеюсь будет хорошо и для тебя и для меня. Перемена карты в самом деле даст тебе возможность зажить по-новому. Что же касается "Еженедельника", то грустно и жалко всего хорошего, что есть в прошедшем; грустно, что не будет наших собраний и особенно наших заседаний там вдвоем.; жалко комнаты с портретами, с Васнецовым[809] и Беклиным[810], но в смысле дела не могу не сказать, что "Еженедельник" для меня уже прошедшее: теперешним моим задачам и настроениям он не соответствует. Писать о чем-либо текущем я сейчас не могу без насилия над собой, которое не окупается результатом! А если так, то зачем же я стану наполнять "Еженедельником" твою жизнь. И твои силы, твое время и средства должны послужить чему-либо другому, более соответствующему потребностям времени.

И опять-таки я думаю, что с точки зрения объективной (помимо наших личных

Страница 128

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. обстоятельствах и чувств) прекращение "Еженедельника" – не простая случайность. Если бы он оказывал глубокое влияние и был необходим, мы, вероятно, нашли бы способы его продолжить. А что он не влиял – это обуславливается не одной общественной психологией, но причинами более глубокими. Чтобы оказывать глубокое духовное влияние, мысль должна очиститься и углубиться. Должны зародиться новые духовные силы. Нам нужно не дилетантское богоискательство Бердяева и не постное масло Булгакова, а нечто более глубокое и сильное. Публицистика, как я ее понимаю, должна питаться философией и углубленным религиозным пониманием! Стало быть, философия – первая задача, а публицистика – вторая или даже третья!

Наши настроения – спокойные и хорошие. Мое – ужасно углубляется.

Со страхом, с робостью перед великой ответственностью пишу главу о богочеловечестве и чувствую, что необходимо в это уйти с головой. Работаю много и с величайшим наслаждением. Это – главное; ничего существенного от тебя не таю; в общем стало легче. Ах, моя милая, родная, какое блаженство будет, когда станет совсем легко. А легко может быть только с тобой, благодаря твоим и моим усилиям, а больше всего – благодаря Богу, если Он даст сил и мудрости.

До скорого свидания, бесценный и дорогой друг, целую тебя крепко.

200. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[811] <17.08.1910. Михайловское – Бегичево>

3е письмо

Дорогой мой, милый мой ангел! Какая досада, что заседание не состоится 20го. Я так радовалась возможности тебя скоро повидать! Дай Бог, чтобы оно состоялось 21го или хотя 23го. Как я ни сдерживаю себя, но признаюсь тебе, что очень хочу тебя видеть. Почему ты не получил моего 2го письма, я его послала 12го? Известие о том, что ты послал прошение, а следовательно отъезд на несколько месяцев состоится, меня сразило[812]! Как я ни подготавливала себя ко всякому возможному решению с твоей стороны, но я только теперь поняла, как я надеялась, что отъезд как-нибудь не состоится. Конечно, это лучше, чем на всю зиму, но все-таки это грозит четырьмя месяцами, чего доброго! Как я молила Бога, чтобы это горе меня миновало! Это известие поразило меня в самое сердце, как что-то неожиданное! Одно рассуждать и думать, другое – переживать. Я так страдала эти дни, что даже заболела! Сейчас привела сама себе много очень строгих, разумных доводов, и опять силы поднялись, и я чувствую себя опять покойно и бодро! Пожалуйста, не тревожься этим, мой милый дружок! Требуюдаже, не смей жалеть меня! Пишу тебе это не для того, чтобы жаловаться, а чтобы ты знал все, что я переживаю, знал, как я борюсь с собой и, следовательно, как сильно во мне желание, чтобы тебе было хорошо, чтобы все было хорошо! Радуюсь, что у вас стало лучше! Слава Богу! Надеюсь, что твое решение и отъезд принесет серьезное успокоение и, главное, прочное, так, чтобы его не нужно было повторять! Как я счастлива, что ты хорошо работаешь и пишешь о таком важном. Действительно, по-моему, самое интересное и важное – это о Богочеловечестве и еще о мистическом познании. Я очень обстоятельно, много раз прочла твою главу о теоретической философии[813]. Так хорошо все объяснено и установлено твердо, так хорошо все это расчищает путь и подготавливает почву для исследования самого главного. Прочтя все это, чувствуешь потребность получить ответ и углубиться в вопрос о мистическом познании, единственном истинном познании. Каково оно, каким же образом происходит оно в нас? Страшно интересно, что ведь в нем участвует воля, действие, подвиг. Хорошо бы не только это установить, но и проникнуть в глубину этой тайны, пробраться в ее плоть и кровь. Что ты обо всем этом думаешь и что напишешь? По этому поводу посмотри IIIю главу у Бергсона (о смысле жизни), он говорит много интересного, по-моему[814].

Я в восторге от того, что Эрн говорит в своей статье против "логоса", об отсуствии систем у Русск<их> мыслителей. "Всякая система лжива, плод кабинетности (!!!). Соловьев призрачен там, где он оставляет путь интуиции, обольщается миражем систематичности"[815]. Как я с этим согласна! Этот ужасный гибельный диалектический метод, мертвое начало, потому что всегда все, им созданное, гибнет с течением времени. Бессмертным остается то слово, которое сказано из глубины и мук души, пережито, хотя и могло современникам казаться непоследовательным! Конечно, если в нем была правда живой души, то оно неизбежно глубоко логично. Самое-то важное, что оно не

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. создано логикой, я явилось результатом действия и страдания, как откровение! Вот суть того, что надо, что не должно быть дилетантским богоискательством Бердяевых и Булгаковых, но ему мало быть и философией, хотя бы и прекрасной. Должно быть живое искание, живое дело, прекрасная жизнь! По-моему, кроме этого надо написать новую теорию познания, динамическую теорию познания, как хорошо сказано у Эрн[816]. Кажется у Соловьева есть только намеки на это, но нет чего-нибудь определенного, правда?

Ужасно меня волнует и интересует, как ты напишешь обо всех этих самых глубоких вопросах, которые составляют суть души Соловьева, что ты скажешь и как наметишь путь? До свидания, радость моя, надеюсь, до скорого! Жду известия. Целую крепко. Лучше пошли телеграмму.

201. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[817] <25.08.1910. Бегичево – Михайловское>

Милая, родная и горячо любимая Гармося

Ты не можешь себе представить, какую радостью наполнило мою душу твое последнее письмо. Точно снап света в нее ударил, и тихой нежностью я наполнился к тебе. Это со мной всякий раз бывает, когда я не то что умом пойму, а осязательно, своей душой почувствую твою дружбу, твою жертву, твою глубокую ко мне любовь. Ах, как я тебя люблю, моя дорогая, как особенно люблю в эти минуты. И что ты ими делаешь со мной! Вдруг какой-то тяжелый камень спадет с души и легко становится. Ты не знаешь, моя дорогая, сколько в этом камне тоски по тебе и какой я вижу просвет, когда вдруг чувствую тебя без камня, чувствую возможность светлой, хорошей и любовной дружбы с тобой в согласии с моей совестью и с общим делом!

Как мне хочется порадовать тебя. И порадую. Вот прочитай отдел "Печать" в "Речи" за воскресенье 22 августа, что там говорится по поводу прекращения самого "Еженедельника" и порадуешься[818]. Увидишь, что мы с тобой не даром работали. – И поработаем, Бог даст, еще: потому что наше направление нужно. Но ни минуты я не раскаиваюсь в прекращении самого "Еженедельника". Во-первых, когда мы временно исчезнем, на с больше оценят. Пускай о нас "потерявши плачут". Во-вторых, воскреснуть нам надлежит в новом виде: форма "Еженедельника" обветшала.

"Вехи" имели огромный успех, хотя они питались крохами с нашего стола. В чем тут разгадка? Да в том, что сборник издается, когда есть потребность что-нибудь высказать; а в еженедельном издании, наоборот, многое пишется только для того, чтобы наполнить номер. Если мы с нашими идеями освободимся от лишнего баласта и станем писать только в меру нашей собственной потребности высказываться, то очень быть, что мы возродимся – в форме ли периодических сборников или чего другого, я не знаю, – но непременно возродимся. Жить в Москве и не делать какого-нибудь общего дела с тобой для меня невозможно! Но сейчас, и пока тебе большое спасибо за отстранение меня от "редакторства и председательства" и т.п.

Милый, дорогой и добрый мой друг! Ты понимаешь, что мне в данную минуту нужно. Ты все понимаешь своей нежной, любящей и чуткой душой. Спасибо, моя дорогая, хорошая. Крепко тебя целую.

Получила ли ты мое последнее письмо из Оболенского, или оно там застряло? Я там пишу, что наше заседание будет только 3го и что буду у тебя около 8 вечера 31го.. До скорого свидания. Целую еще раз.

202. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[819] <26.08.1910. Москва – Тифлис>

26 августа 1910 г.

<...> Я хорошо сделал, что приехал пораньше. Оказывается, много всяких задержек, которые можно устранять только личной настойчивостью. Бумага о моем утверждении в "чине" приват-доцента была послана попечителю Округа только в начале августа (почему не в мае – я совершенно не понимаю). Потребовались дополнительные сведения, каковые посланы Университетом только на днях. Без утверждения я не могу начинать лекций (это отчасти сходится с моими желаниями), и первую лекцию при благополучном исходе дела я смогу прочесть лишь в 20-х числах сентября. Итак, предстоит масса канители, которую я добросовестно и энергично начну расканителить с завтрашнего

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках.
дня. Декан сообщил мне неприятное известие. В этом году кроме меня хлопочет о заграничной командировке Д.Викторов[820]. Это грозит осложнениями. Если в Министерстве не найдется достаточных сумм – будет сделан выбор и Д.Викторов будет предпочтен как старший, и тогда – прощай моя заграница. Впрочем, Любавский[821] и Челпанчик ободряют. Говорят, что скорее всего пошлют обоих <...> Словом, вместо прямой линии масса зигзагов, и я самую усиленную подготовку к курсу должен совмещать с совершенно ненужными глупым делом выпрямления канцелярских зигзагов <...>

203. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <27.08.1910. Москва – Пятигорск>

27 августа 1910 г.

<...> В наши обмудироважные планы я решил внести изменения: я увидел, что нет никакой необходимости в сюртуке. Наши профессора ходят в самых различных одеяниях, и я к декану вчера ходил в своем паршивом грязном пиджачишке (чистил, сколько мог, честное слово!), не возбуждая в нем никаких эмоций. Я закажу себе хорошую пару рублей в 45 – и этого с меня хватит. Куда я денусь с сюртуком? Что я с ним буду делать? Ходить к Булгакову, Бердяеву, Рачинскому и т.д. – в сюртуке даже как-то неловко <...>

204. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <28.08.1910. Москва – Пятигорск>

28 августа 1910 г.

<...> Маргарита Кирилловна продала свой дом и сейчас переезжает. Будет жить на Знаменке против Румянцевского, то есть в двух шагах от меня. Это мне будет удобно. Не знаю, купила ли она дом или наняла квартиру, как простые смертные. Причины гибели "Моск<овского> Еженедельника" покрыты таинственным мраком. Во всяком случае деньги тут не на первом месте, потому что, как говорила заведующая конторой, с января возможно издание нового журнала. Очевидно, какие-то внутренние столкновения. Но с кем, у кого, как – мне не ясно. Вот придет Григорий Алексеевич и из его великолепных прозрачных умолчаний я узнаю в чем дело. Во всяком случае, с книгоиздательством твердо <...>

205. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <31.08.1910. Москва – Пятигорск>

31 августа 1910 г.

<...> Сегодня, идя в сумерках по Арбату, был остановлен князем. Т<ак> к<ак> я совершал прогулку, я пошел с ним. Он во-первых сообщил, что моя статья пошла благодаря его настойчивости. Я поблагодарил. Во-вторых сообщил, что Франк, очень задетый моей статьей, будет мне отвечать в "Русской мысли". Что он – я очень рад! На эти темы я могу писать без конца, а форма полемики моему сердцу очень даже мила, так что, разделавшись со Степпуном, я ничего не имею против померяться силами с "культурным философом" Франком. Мне приятно и то, что "Русская мысль", закрывшая двери предо мной (когда я хотел поместить в "Р<усской> М<ысли>" Беркли и т.д.), теперь принуждена будет помещать статью обо мне. Эти честные либералы-кадеты всегда так. Мне не дают писать, а обо мне писать принуждаются. Меня это потешает. Я тут не я, а идея. Когда идеи им враждебны, они дают, а когда враждебные им идеи возбуждают общественный интерес, – они волей-неволей принуждены давать место. Силе внешней они уступают. Силу внутреннюю игнорируют. Ну, Бог с ними! <...>

206. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <2.09.1910. Москва – Пятигорск>

2 сентября 1910 г.

<...> Я только что вернулся из Посада и в голове шумит от плохо проведенной ночи <...> Павлуша женился! Вхожу я к нему в сумерки, целуемся, и он мне безмолвно показывает кольцо. Я столбеню, а он кричит: "Анна!"[822] И мы знакомимся. Появляется Васенька, садимся за чай и все так гладко и просто, а я сижу, дивлюсь и стараюсь проникнуть в совершившееся. Она нежна с Васенькой, говорит ему "ты". Смотрю на лицо: сестра! Три дня, как приехали из Рязанской губернии, а когда обвенчались, не знаю. Павлуша тих, спокоен, весел, с женой обращается просто, ласково, без влюбленности, точно живут двадцать лет. Итак, свершилось! Но все мои страхи рассеялись. Ничего трагического. Все очень просто и хорошо. Старый сложный Павлуша замер, и он этот шаг сделал, видимо, без надрыва. Будут дети, которых он будет любить,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и еще одной прочной семьей в России станет больше. Она сильно похожа на Лилю[823], совсем не красива, но видимо непритязательна, незлобива, проста и может быть очень хороша по душе. Ее отношение к Павлуше мне нравится. Опять-таки очень просто, как будто она сестра его, почтительная и любящая. Вот мои впечатления. Павлуша очень мил, много спрашивал о тебе и Иринке, подарил мне новые брошюры свои, из коих одна заполнена его стихами. Он говорит, что боится, как бы ты не рассердилась. Типография напечатала почему-то не все стихи сразу, и в эту первую тетрадку не вошли стихи, посвященные тебе. Войдут во вторую тетрадку[824]. Он непременно хотел подарить тебе оттиск на веленовой бумаге. Но долго проискавши, не нашел и дал простой. Я очень проветрился в этой поездке. и вчерашний вечер и сегодняшней были просто роскошны. <...> А все-таки отчасти грустно было за Павлушу. В его поступке много униженности и смирения, на которые я, может быть совсем не способен, я как-то готов даже любоваться им. Но есть в нем что-то сиротливое и <нрзб>, и сквозь веселую тихость сквозит глубокая печаль <...>

207. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <4.09.1910. Москва – Тифлис>

4 сентября 1910 г.

<...> Я тоже не беспокоюсь по существу[825], но мне неприятно во-первых толкаться по канцеляриям. во-вторых не иметь возможности брать из Университетской библиотеки книги. Это мешает занятиям. Статья Франка обо мне уже появилась[826]. Бездна непонимания, извращения моих мыслей и ожесточенная критика. Сначала это меня огорчило. Но потом я обрадовался. Значит, задела моя статья за живое, и столь сильно, что Франк, культурный философ Франк, заволновался и растерялся. Мне ничего не будет стоить разделать его так же, как я разделал "Логос"[827]. Я буду изысканно вежлив, но идейно буду палить из пушек. Нечего говорить, насколько значительна для меня поддержка друзей. Я вчера пошел к М.О.Гершензону, который назвал мою статью чудесной, и если был несколько недоволен, то только потому, что я слишком важные вещи говорю по поводу такого ничтожества, как "Логос". Статье Франка он рад как поводу, дающему мне возможность ответить. Я у него долго сидел, и он меня просто очаровал тонкой духовностью своего облика, меткостью и силой некоторых своих характеристик, огромным вниманием к самому главному. Я бы очень хотел с ним сблизиться. Он приглашал к себе и обещал непременно зайти ко мне. У нас общие друзья: А.Н.Чеботаревская, которую он знает 15 лет, и С.Н.Булгаков, перед которым он благоговеет <...>

208. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <6.09.1910. Москва – Тифлис>

6 сентября 1910 г.

<...> Я все хожу, но дело с утверждением движется очень медленно <...> Сегодня Челпанов определенно сказал мне, что утверждение и заграничная командировка – два совершенно разных дела, если б меня даже сейчас не утвердили, все равно бы командировка шла своим чередом. Завтра на факультетском заседании Л.М.Лопатин сделает письменное представление о командировке, и это главное дело будет пущено таким образом в ход[828]. Теперь утверждение меня интересует как значительно меньше, чем вопрос о том, какого числа я начну свои лекции <...>

209. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <11.09.1910. Москва – Тифлис>

11 сентября 1910 г.

<...> Сегодня я много сделал: кончил ответ Франку[829]. Конец самый ехидный. Отнес посылку на почту <...> Сегодня же сходил к портному и заказал костюм <...> Я еще успел позаниматься в Румянцевской <...>

210. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <12.09.1910. Москва – Тифлис>

12 сентября 1910 г.

<...> Ты можешь поздравить себя и меня с удачей. Я предложил издательству сборник своих статей[830] – приняли с полной охотой, даже с сочувствием. Во-первых, это даст мне несколько сот рублей, которые нам так необходимы, чтобы пережить зиму. Во-вторых, разбросанное будет собранное воедино и моя "литературная личность" будет "закреплена". Кроме того, мне приятно покончить со всеми этими набросками для того, чтобы спокойнее приступить к

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
созиданию в больших масштабах. Издать эту книгу и Сквороду, затем уехать за границу – вот поистине лучшее, что я могу придумать для себя, как писателя <...>

Сегодня я был у Сергея Николаевича (он приехал уже несколько дней тому назад, но мы виделись мельком). Мы разговорились. Он пишет большую книгу свой Лебенсчерк[831] – "Философия хозяйства". Читая летом мою статью, он был прямо поражен, до чего мы "перекликнулись". Он у меня читал то, что в другой связи мыслей, сам писал в это время. Но т.к. его область хозяйства – а моя теория знания – мы не можем встретиться в развитии мыслей и, так сказать, повторять друг друга, но об двух различных предметах будем говорить с существом одной и той же точки зрения. Это духовная солидарность нас взаимно радует. У С<ергея> Н<иколаевича> вид нехороший, также и у Е<лены> И<вановны>. У него что-то с сердцем неладно. Он говорит, что прошлогодний удар[832] им еще не изжит, или если изжит, то из него он вышел надломленным и надломленность эту остро ощущает. У него глаза при этом были такие страдальческие, что я внутренне как-то сотрясся и целый день ходил подавленный <...> Пожалуй, у меня к впечатлению примешался смутный и тайный страх: хрупок Сергей Николаевич – у меня мелькнула мысль, что он может уйти... Эта мысль открыла мне сразу, как бесконечно дорог мне С.Н.! <...>

211. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <15.09.1910. Москва – Тифлис>

15 сентября 1910 г.

<...> В эти дни у меня была масса встреч и впечатлений. И одно выбивает другое, не успев до конца осесть в душе. Вчера виделся с Белым. Я несколько раз к нему заходил все не заставал. Вчера – вернувшись от Булгакова, вижу на столе пакет и записки. Был Белый, принес свои книги "Символизм"[833] и "Луч зеленый"[834]. Мне непременно захотелось его увидеть, пошел к нему: говорят в "Мусагете"[835], я в "Мусагет". Отворил Б<орис> Н<иколаевич>. Он был занят и, мы успели поговорить немного. Условились встретиться как следует на днях. Он непременно захотел представить меня "мусагетчиком". Можно сказать, попал в самые "щи"[836]. Много молодых людей, элегантно одетых и в достаточной степени вежливых, немного даже не по-русски. Представь: благодарят за мою статью. Несогласны, спорят, но как с противником для них важным и нужным. Спорил и Б<орис> Н<иколаевич>, а потом ушел (было дело). Я присмотрелся ближе к Гессен[837] и увидел, что они ужасно все молодые, зеленые, увлеченные и еще почти слепые, но вообще преисполнены самых лучших намерений. По существу об их "Логосе" я думаю то же, что писал, но по форме я бы гораздо больше их щадил, если бы знал их лично. И даже любят Россию и православные! Скрывать патриотизм свой – их тактика. Словом, прелестные молодые люди! Они всячески меня к себе приглашали, подарили мне свои издания, и Б<орис> Н<иколаевич> взял обещание с меня, что я приду на чтение повести одного молодого, по словам Б<ориса> Н<иколаевича> очень талантливого поэта Б<ориса> Садовского[838], здесь же присутствовавшего.

Сегодня я был по делу в редакции "Вопросов философии и психологии". Застал там Лопатина, который заспорил со мной о первой части статьи, печатающейся сейчас в их журнале[839], заспорил упорно, так что я непременно должен был отвечать и очень принципиально. Критика Лопатина сильна, но я чувствую, что моя позиция сильнее, и наш спор все углублялся. Вдруг кто-то стукнул в дверь. Лопатин говорит: войдите. Вошла княгиня П.Трубецкая, жена покойного князя С.Н.Трубецкого[840]. Спорить конечно перестали, все обратились к ней. Она села и стала отвечать на вопросы, говорить о своих детях. Если спор Лопатина произвел на меня некоторое впечатление, то княгиня произвела на меня огромное впечатление. Я, можно сказать, впился в нее своим вниманием, стараясь разглядеть всю ту сложную, богатую и неизвестную мне жизнь, которая с ней связана, и живую часть которой она составляет. Я за ней чувствовал С<ергея> Н<иколаевича> и внимал с благоговением. Мне ужасно много открылось такого, впрочем, неуловимого, что словом не выразишь. Меня поразил ее изящный, благородный, строгий облик. Она вся в черном, уже немолодая, но в чертах лица, в фигуре тонкая духовность и какая-то <нрзб> замкнутость. Она с любовью, проникновенно, как художник говорила о своих детях, и все время чувствовалась какая-то граница, ясно ею соблюдаемая. Она говорила интимно, интересно и в то же время как-то издали, из какой-то духовной дали. И потому о себе, о своих чувствах ни слова.

Уходя и прощаясь, она сказала мне: "Я очень рада, что познакомилась с Вами." У меня почему-то есть предчувствие, что с ней я еще познакомлюсь

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах.
поближе.

Когда я прочту "Луч зеленый", пришлю тебе. Это статьи Б<ориса> Н<иколаевича> о русской литературе, ты их прочтешь с увлечением <...>

212. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <27.09.1910. Москва – Тифлис>

27 сентября 1910 г.

<...> Мне очень хотелось бы, чтобы ты приехала ко мне так, чтобы попасть на торжественное заседание нашего общества, посвященное памяти Вл. Соловьева (10-летие! со дня смерти). Мы хотим обставить это заседание возможно полнее, теплее и торжественнее. Будет читать А.Белый свои воспоминания о Соловьеве, хотим просить Вячеслава, по всей вероятности выступят Булгаков и Бердяев, – я задумал прочесть доклад на тему "Соловьев и мы". Т.е. какими сторонами своимизжив Соловьев в современности. Если я напишу, но напишу патетически, ибо даже думаю на эту тему с трепетом <...>

Сейчас вечер. Подают самовар. Я сейчас сяду в кресло, которое так любил Волжский и отдамся мыслям, ибо устал и работать не могу <...>

213. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <1.10.1910. Москва – Тифлис>

1 октября 1910 г.

<...> Вчера вечером был у меня Сергей Николаевич. Долго-долго сидели мы с ним. Планы и замыслы у нас огромные. Подождем пока что-нибудь осуществится – пока говорить не будем. Видеться с С<ергеем> Н<иколаевичем> для меня всегда радость высокая и сильная. Он все более делается для меня дорогим и душевно родным.

Так как как ты хочешь занятий, я купил для тебя несколько книг, которые скоро вышлю. Между ними "Серебряный голубь" А.Белого. Я читал эту книгу несколько дней – был под огромным ее впечатлением. Вещь огромная и в смысле литературном изумительная. Но я не буду пока об ней говорить. Когда ты прочтешь, тогда поделимся впечатлениями. В посылку вложу и фельетон Мережковского о "Серебряном голубе". Фельетон паскудный и гадкий и все же интересный. Затем пришлю две книжки о Грезе[841] и Рафаэле. Они мне попались случайно, а ты прочтешь с интересом. О Грезе написано хорошо. Здесь же по 8 картин в красках, исполненных очень недурно. Я несколько переменял свое мнение о Грезе. В нем есть своеобразная поэзия, небольшая, неглубокая, но все же подлинная. Прозрачность и мягкость его красок меня в этот раз тронули, и я с удовольствием смотрел на эти девичьи фигуры. О Рафаэле написано хуже, но тебе все же приятно будет прочесть, вспомнить Уфицци и галерею Питти[842]. Если эти книги тебе понравятся, я пришлю тебе и другие – их уже вышло довольно много <...>

Чтоб тебя развлечь – посылаю тебе 2 стихотворения[843]. Одно из них меня замучило, потому что родилось, когда я лег в постель. Вместо сна стали лезть рифмы, пришлось встать, зажечь свечку и записать их <...>

Сегодня чувствую себя неважно. Пошел в Румянцевский музей. Пристально смотрел Иванова[844]. Если бы я свободен и более подготовлен, я бы, кажется, написал целую книгу об Иванове. Столь он богат и интересен. Мне кажется, я понял в нем сегодня самую суть: в нем гениальна периферия. В подсознательном он был полон веичайших видений, глубоких восторгов. Но его сознание не вмещало его гения. Его акварельные наброски (около 300 штук), там, где рука его творила, движимая первоначальным порывом, без контроля сознания, и там, где видение предстало ему издали, в общих контурах, мелодии красок – он сверхъестественно хорош. Но как только он, как бы боковым зрением пытался уяснить – приблизить к своему сознанию – гениальность блекла и четкость контуров и анатомическая разработка деталей – почти совсем уничтожала благоуханность и изумительность первоначального его творческого порыва. Это можно доказать его акварелями, и это так объясняет его внутреннюю драму <...>

214. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[845] <1.10.1910. Москва – Симбирск>

1 октября 1910 г.

Покров Пресвятой Богородицы

Милый Александр Сергеевич!

Последний месяц я каждый день собирался писать Вам, но все что-нибудь мешало, сначала переезд, затем дела, а, главное, я все надеялся дождаться известия о Вашем "Достоевском" и сообщить Вам о нем, но так и не дождался. Григория Аексеевича еще нет в Москве, слышно, что он в состоянии острой неврастении, еще приготовил ли отзыв... Во всяком случае, на днях он должен быть в Москве, я, как только узнаю, тотчас напишу Вам.

Письмо Ваше о тяжелой жизни Вашей только обострило то чувство, с которым я всегда думаю о Вас, с болью, заботой и тревогой. Да укрепит Вас Господь! Тревожно, что Вы сообщаете о здоровье Ольги Федоровны. Что это? В нашей семье относительно благополучно, хотя здоровье Елены Ивановны вообще таково, что всегда чувствуешь себя под Домокловым мечом, а теперь в особенности. С тех пор, как смерть вошла в нашу жизнь, конечно, доверие к жизни утрачено, вместо него в лучшие минуты – доверие к Промыслу, в худшие – легкомыслие.

За лето у меня были исключительно тяжелые переживания (о которых не стоит рассказывать – семейные). Так что весь август я болен экземой. Но и работал летом, – опять в отвлеченно-соловьевском плане, пишу "философию хозяйства". работа меня захватывает, но плезна ли она для души, – можно сомневаться. Здесь же я задавлен огромным количеством занятий с лекциями и практическими занятиями.

С издательством дело стоит крепко, и с Маргаритой Кирлловной иметь дело только приятно и в личном, и в деловом отношении. Лишнего в отношениях нет ничего. Масса забот и вопросов организационно практического характера, которые распутываем пока (да я думаю и не пока) мы с Владимиром Францевичем. Бердяева в Москве пока нет. Деловые качества Маргариты Кирилловны, кажется, надо ценить высоко. В ноябре выйдут первые издания: мой двухтомный сборник, Соловьев, Киреевский. Затем переводы пойдут.

Здоровье Владимира Францевича, хотя получше его прошлогоднего, но все же остается надломленным и тревожит.

Флоренский нынче летом женился, для всех неожиданно, произошло это, как я теперь понимаю, в аскетическом плане, без всякого романтического элемента. Со стороны жалеют, даже авва, а Владимир Францевич совершенно за него спокоен, у меня тоже впечатление от него вполне благоприятное, точнее, – все его проблемы остаются при нем и теперь, а может быть жизнь будет и действительно проще, к чему он так стремится. В Академии тяжело, и он не скрывает, что стремится уйти в попы, – в деревню, – это остается все-таки.

Авва неважен, потускнел еще больше, я его мало видел, потому что это время он живет у Троицы. Пребывает, конечно, в своей простоте.

Религиозно-философское общество мы с Владимиром Францевичем думаем открыть в ноябре, в этом году юбилейные заседания о Хомякове и Соловьеве будут (читали ли Вы об униатстве Соловьева письмо ник. Толстого в "Русском слове"[846]? Это страшно важно и интересно).

Вчера мы с Владимиром Францевичем до полночи обсуждали проекты изданий и, между прочим, сборников оригинальных статей на разные темы и долго говорили о желательности, но и трудности сборника о православии, в котором все мы, православные, (от Михаила Александровича[847] или даже Антония[848] до Караулова[849] или Карташева) высказали бы свое исповедание о Церкви. Это было бы церковное, а не литературное только дело, важнее "Вех". Вы поймите, в чем дело. Отзовитесь, как думаете. Также, если у Вас явится мысль об альманахе литературно-критического и религиозно-философского характера, – сообщите. Надо было бы также в интересах популярности издательства, какой-нибудь вехообразный, хлещущий сборник, который бы потом трепали во всех газетах.

Мы думали и об этом, но пока еще не придумали. Относительно переводов для Ольги Федоровны. Сабашникова еще нет в Москве. Думаете ли Вы, что она возьмет религиозно-исторический или философский перевод? Прощайте. Да хранит Вас Христос!

Целую Вас. Любящий Вас С.Б.

215. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <3.10.1910. Москва – Тифлис>

3 октября 1910 г.

<...> Вчера я виделся с Д.Н.Егоровым, который разъяснил мне, что "проволочка" в моем утверждении – явление нормальное и что мне еще придется ждать долго, та не со мной – так со всеми.

<...> Представь, разговоры о моей летней статье все продолжают. Гессен и вообще мусагетчики[850] хотят устроить публичный диспут. Я ничего не имею против. Мы с С<ергеем> Н<иколаевичем> думаем, что лучше всего это сделать в нашем обществе. Я прочту что-нибудь (например, о Сковороде), а затем начнется баталия. Гершензон, у которого вчера мы с С<ергеем> Н<иколаевичем> провели вечер, настаивает, чтобы "Русская мысль" прислала стенографа и наши дебаты напечатала. Между прочим, Гершензон сообщил, что у него был Гессен – видимо, мой тогдашний визит в "Мусагет" на Гессена произвел впечатление. Он <нрзб> поддался и уже иначе говорит и о русской философии, и о многом другом. С Гершензоном у нас вышел вчера самый оживленный разговор о православии, после которого мы с С<ергеем> Н<иколаевичем>, идя по улице, просто восторгались душевным складом Михаила Осиповича. Он многого непонимает, но его психика столь страстна, столь прозрачна, столь трепетна и чиста, что, соприкасаясь с ней, невольно чувствуешь радость и восхищение. С<ергей> Н<иколаевич>. очень хорошо сказал: "уж если он войдет в Церковь, – мы сразу все останемся позади." Такие люди, как Михаил Осипович, невольно заставляют внутренне сказать: благословен народ еврейский! <...>

216. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <6.10.1910. Москва – Тифлис>

6 октября 1910 г.

<...> Эти дни я устал. Пришлось много бегать; заседания, разговоры, обсуждения, посещения и т.д. несколько дней подряд заставили меня поздно ложиться, и я так счастлив, что сейчас, кончив тебе письмо, рано лягу спать. Работать нужно очень много. Везде железо горячо и везде нужно ковать. Ставится издательство, составляется курс, и, к моему изумлению, мысли, брошенные мною в статье о Логосе, породили целый ряд личных откликов, и то тут, то там, то с одним, то с другим приходится столкнуться то в полемической сшибке, то в интимном разговоре. Я могу с радостью констатировать: как-то очистилась атмосфера. Во всех встречах, свиданиях, разговорах, в которых мне приходится быть участником или просто присутствовать, я наблюдаю гораздо большую искренность, простоту, задушевность, чем раньше. В атмосфере что-то перебесилось. И пока наступили хорошие, ясные дни. На долго ли – не знаю – м<ожет> б<ыть> перед новой грозой. Но вспоминая кошмарное время "свенцицианства", я с радостью вижу как теперь все по-иному, как "серый" не так нахально путается во все. Ох, как хотелось бы, чтобы я не ошибся.

Вчера зашел за мной Белый и предложил выйти на улицу (у нас стоят великолепные дни). Пошли в Третьяковскую галерею. Я давно в ней не был и был совершенно ошеломлен, когда бы увидел "прибавления", то есть, главным образом, Морозовский дар[851]. Врубель, Врубель! Борисов-Мусатов! Какие огромные произведения! Пан Врубеля титаничен, колоссален, гениален – нечто всемирное, вселенское, нечто такое, что в веках занимает особое место. Как хороши перлы новой французской живописи, собранные в отдельной комнате! Но какой горой, снежной горой, высится Врубель над всеми этими Гогенами, Монэ, Дегазами, Каррьеррами! Сейчас в русской живописи есть много великого и достойнейшего. Как увлекательны Серов, Бакст, Малявин! <...>

217. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <8.10.1910. Москва – Тифлис>

8 октября 1910 г.

<...> Я стараюсь больше заниматься. Мне нужно ужасно много прочесть. Тот путь, на который уже определено вступила моя мысль, – требует внимания ко всему, и у меня усилилась жажда узнать возможно больше во всех отраслях знания. Все, что я читаю сейчас, только распаляет жажду, и когда я сколько-нибудь удовлетворю ее, – я и не предвижу. Больше, чем когда-нибудь чувствую потребность учиться, т.е. посильно и созерцательно воспринять в себя опыт человечества. Я чувствую, что то, что я должен сказать, должно быть высказано в соответствующей форме – мне нужно утончить свое зрение и

218. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <14.10.1910. Москва – Тифлис>

14 октября 1910 г.

<...> Вчера был мой доклад[852]. Ну и каша заварилась! Форменная свалка! Тот налет легкой скуки, который иногда так неприятно бросался в глаза в наших прежних заседаниях – заменился бурным рвением. Все захотели говорить. Все метали и рвали, друг друга не слушая и не вполне понимая. Несомненно было заметное "выхождение из себя". А.С.Петровский[853], с удовольствием потирая руки, при выходе мне сказал: "Хорошо грызлись, очень хорошо". М.О.Гершензон стычкой был очень доволен. О моем реферате говорили много лестного. В.А.Кожевников, например, с большой горячностью сказал: "В истории русской философии Ваш доклад – настоящее событие". Что же касается меня, то я прениями хотя и был увлечен, но внутренне остался ими очень мало доволен. У моих противников, Гессена, Гордона[854], Вышеславцева[855], особенно у двух последних), говоривших очень много и длинно, – я ощутил такой примитивизм мысли, такую элементарность и тяжеловесность мозгов, что прямо был удивлен... отчасти приятно: я сильнее ощутил правоту своих философских позиций. С.Н.Булгаков определенно и сильно взял мою сторону, князь все хотел занять позицию между двух стульев, а Белый, начав за здравие, кончил за упокой, и сказавши, что совершенно согласен со мной и разделяет мою точку зрения, неожиданно (может быть и для себя) наскочил на меня "слева". Брюсов также захотел говорить. Но так как слово ему досталось в половине первого – за поздним временем отказался. Кончилось заседание в час ночи. Жалею, что не было Николая Александровича. Он – по определению Вяч. Иванова, – «проникнутый пафосом пикадора», очень был бы в своей стихии вчера <...>

219. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <18.10.1910. Москва – Тифлис>

18 октября 1910 г.

<...> Вчера, когда я в сумерках лежал в ожидании, когда можно будет зажечь лампу, – вдруг пожаловал Павлуша, за Павлушей – "Вася", за Васей, Анна Михайловна[856]. Я был ужасно рад. Накормил их обедом (они приехали на "Евгения Онегина" и с утра не ели), и потом за самоваром мы провели несколько очень хороших часов. Отчасти болтали, отчасти говорили. Мне сейчас Павлуша ужасно нравится. С радостью вспоминается наша дружба. Он опять ко мне стал относиться дружественно. Он на редкость светел, духовен, трезвен и весел. Меня всегда чарует его природная, врожденная тонкость[857]. Жена очень нравится. Чувствую, что первоначально схватил правильно. Все очень прочно и в существе хорошо. Павлуша, увидев твою карточку, очень одобрил и сказал: "Совсем как картина!" Таким образом ты можешь не беспокоиться. Рекорд остаеся за тобою и не думаю, чтоб его было так легко у тебя перебить! <...>

Теперь у меня есть аппарат, и если я, Бог даст, поправлюсь, я снимаю всех наших друзей, начиная с Нади и кончая Бердяевыми, которые, кажется, должны приехать. Это снимание мне очень улыбается, потому что знаю, что тебе доставит большое удовольствие. Может получиться занятная "коллекция", где один за другим будут сняты: Рачинский, Надя, Павлуша, Лидия Юлиановна и т.д. А если поеду в Петербург (мне нужно по делам) – то захвачу и Вячеслава со всеми обитателями башни[858] <...>

220. А.К.Герцык – В.Ф.Эрну[859] <19.10.1910. Москва–Москва>

<...> Мы с Дмитрием Евгениевичем[860] уже перебрались на свою квартиру (близ Красных ворот, Хлудовский тупик, д. 5, кв. 5). но если Вам ближе и удобнее – приходите в Малый Ивановский пер. д. 4, где Вы бывали у моей сестры. Я могу придти туда. Одним словом – где и когда хотите. Буду ждать Вашего ответа.

Искренне уважающая Вас Аделаида Герцык-Жуковская.

221. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <22.10.1910. Москва – Тифлис>

22 октября 1910 г.

<...> Ты очень честолюбива за меня, а потому скажу еще, что С<ергей> Н<иколаевич> разговаривал с Рачинским о моем реферате и, осуждая некоторые

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. мои приемы в прениях, сказал Рачинскому, что будет записано в историю мое выступление против "Логоса", ибо я дал им отпор, с чем Г<ригорий> А<лексеевич> согласился. Это мельком и конфузясь передал сам С<ергей> Н<иколаевич>. Нельзя отрицать, что в нашем столкновении столкнулось что-то историческое, то, что сто раз уже сталкивалось в нашей истории[861].<...>

222. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <25.10.1910. Москва – Тифлис>

25 октября 1910 г.

<...> Сейчас я устал, потому что пришлось и вчера и сегодня по два раза выходить. Во-первых, обедал у Шеров. Во-вторых, вчера в 6 ч. вечера отправился к Аделаиде Казимировне Герцык[862], которая очень хотела со мной повидаться. Ты с ней мельком познакомилась на реферате Вяч. Иванова. Очень вышло все мило. Бердяевы и Евгения Казимировна так расположили ее заочно ко мне, что мы встретились как друзья и провели вечер как друзья. Это трогательно, что Бердяевы и Евг<ения> Каз<имировна> так меня помнят и любят. Все они очень ценят мою статью и много в ней нашли для себя. Аделаида Казимировна говорила, что они там в Судаке, прочитав мою статью и Франка, устроили импровизированное "заседание", для которого Ад<елаида> Каз<имировна> написала "Ответ Франку", Евг<ения> Каз<имировна> – "В защиту трансцендентизма", а Николай Александрович устно сделал доклад на тему: "Проблема Франка", т.е. что из себя представляют франки вообще.

Аделаида Каз<имировна> и ее супруг Дмитрий Евгеньевич Жуковский задавал мне очень серьезные вопросы и видимо остались удовлетворены нашей длинной беседой. Во всяком случае, мы еще будем видеться и очевидно сойдемся.

Я пишу ужасно вяло и это от усталости <...>

223. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <27.10.1910. Москва – Тифлис>

27 октября 1910 г.

<...> Пожалуйста, поздравь от меня Карлушку: я утвержден! Для того, чтобы сделать ему удовольствие, готов заказать себе визитные карточки с обозначением "приват-доцентуры". <...> Теперь получу доступ в Университетскую библиотеку и мне гораздо легче будет заниматься. Я жду, чтобы ты приехала и тогда нужно будет созвать друзей и, так сказать, отпраздновать, т.е. "ознаменовать" <...>

224. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <28.10.1910. Москва – Тифлис>

28 октября 1910 г.

<...> Ты представить себе не можешь, до какой степени оказались "действенными" моя летняя статья и реферат в Обществе. Они до сих пор взволновано обсуждаются. Позавчера у меня с Лопатиным было жаркое столкновение. Я-то молчал, говорил почти исключительно он. Но видно его здорово зарядили. Всякие Котляревские, Хвостовы и даже, как подозреваю, князь, интригуют ужасно. Явно и злостно перевирают. Несомненно это имеет свою плохую сторону. Но столь же несомненно и то, что в своих выступлениях я нащупал какой-то больной, но центральный нерв. Ярь, оживление, взволнованность – явные признаки этого. И еще глубже почувствовалось наше единство с Булгаковым. Травля ведется не против меня, а против нас, т.е. Булгакова, Бердяева, отчасти Гершензона и меня. Меня поражает, что разруганные мной мусагетчики, гораздо лучше относятся ко мне, чем, например, Рачинский, Трубецкой, Котляревский и пр. Г<ригорий> А<лексеевич> мечется и прядает. Князь злится за то, что мы кричим, что нельзя теперь спать; Котляревский, Хвостов интригуют по мелким мотивам. Лопатин заражается ими и тоже волнуется. Словом кавардак. Но внутри у меня спокойно и ясно. С С<ергеем> Н<иколаевичем> сообщая мы решили, что время и обстоятельства для нас не из легких и потому нам необходима тактика. Интриге, косности, обывательскому раздражению, самовлюбленному сну и духовному маразму – необходимо противопоставить змеиную мудрость. Мы с С.Н. решили "застегнуть сюртуки" и больше не "откровенничать". А в своих атаках соблюдать постепенность и некоторый расчет. Когда я передавал С.Н. разговор с Лопатиным, он ужасно волновался – один раз воскликнул: "Но ведь они предают русскую культуру и в такую минуту!" <...>

225. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <31.10.1910. Москва – Тифлис>

31 октября 1910 г.

<...> Вчера приехали Бердяевы. Приехали в 11 часов утра, а в час уже ко мне стучался Николай Александрович. Очень приятно было встретиться. Помимо своих <нрзб> качеств, он ужасно приятен в общении. Часто у него срываются меткие – остроумные "слова". И он их говорит, так аппетитно посмеиваясь. Можно сказать, приехал вовремя! Ибо как раз теперь насели на нас со всех сторон. (Между прочим, он сообщил мне, что в "Утре России" был фельетон А.Белого о моем реферате[863].) Вечером я пошел повидаться с Л<идией> Ю<дифовной>. Они остановились в двух шагах от меня. Очень приятно провел вечер. У них много неприятностей. Мать их, которую они очень любят, сломала ногу и с трудом оправляется. Евг<ения> Ю<дифовна> больна и чувствует себя скверно. Она не приехала. Кроме того, денежные затруднения. Но все-таки настроение у них очень светлое. Л<идия> Ю<дифовна>. очень много смешного рассказывала про Челпанчика. К концу вечера пришел Н.А., который успел уже побывать во многих местах. С<ергей> Н<иколаевич> оказывается страшно волнуется и "лезет на стену". От Белого у Н.А. плохие впечатления. Отчасти оттого, что Белый болен и изможден (кстати, Л<идия> Ю<дифовна>. сказала, что Белый женится! Только пока мало об этом известно), – отчасти оттого, что Белый от всего отказывается. Отказался от возражения мне на реферате, отказался от фельетона, отказывается чуть ли даже не от "Серебряного голубя". Что же касается интриг, то Н<иколай> А<лександрович> очень потешно сказал, расставив руки и прищурив нос: "Как это все мизерабельно!" <...>

226. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <2.11.1910. Москва – Тифлис>

2 ноября 1910 г.

<...> Вчера у нас было заседание. Читал А.Белый "Трагедию творчества у Достоевского". Вечер вышел крайне интересным и оживленным. Реферат был блестящ, <нрзб> написан мастером слова. Прения также вышли очень удачными. В них приняли участие: Брюсов[864], Струве[865], Волошин[866]. Представь, рядом с Булгаковым сидел Блок[867]! Говорил хорошо Бердяев. Рачинский насильно меня записал. Я сказал кратко, сжато, но кажется не без сгущенности. Вася, по крайней мере, сказал мне комплимент, – что мои слова были наиболее существенными. Вася и Таня, а также Вера Васильевна, остались крайне довольны и были захвачены общим оживлением <...> Мы слышали, уходя, как на улице неистово спорили студенты о Достоевском. Так что пока заседания удачны. Хороший показатель, что снова много студентов и курсисток. Вчера видели предполагаемую невесту Белого[868]. Кажется, ты ее знаешь, но описать не могу. Когда мы были на Дункан в зале Благородного собрания, она была недалеко от нас, сбоку, с Петровским. Лицо прелюбопытное, русалочье. Голову поднимает все кверху, шея необычайно красива (Татьяна говорит, что она знает об этом и нарочно показывает шею – ох, женщины, женщины!). Глаза загадочны и моментами пронизывают, все время горят огоньком. Я глядел на нее внимательно. Не думаю, чтобы она сулила Борису Николаевичу безмятежное счастье. Она производит несомненное впечатление, эстетически сильное, но хорошее или дурное – трудно сказать.

Завтра у меня реферат. Меня попросили что-нибудь прочесть в студенческом обществе памяти князя С.Н.Трубецкого[869]. Я не мог отказаться и вот буду читать то, что читал в Красной Поляне, то есть приступ к своей диссертации. Этот приступ меня совсем не удовлетворяет по форме – мне завтра предстоит огромная работа исправления. Много придется вычеркнуть, много заменить, особенно в связи с нашими теперешними спорами. Но эту работу все равно нужно было бы проделать, потому что все равно печатать ее в первоначальном виде я не согласился бы. А эта статья сейчас очень пригодится, потому что хладнокровно, аналитически, можно сказать, прямо "за нас" она приводит к тем жгучим темам, которых когда коснешься, все волнуются. Пожелай мне успеха (в работе)[870] <...>

227. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <4.11.1910. Москва – Тифлис>

4 ноября 1910 г.

<...> Теперь о делах. Сегодня уже четвертое. Значит письмо это будет в Пятигорске 8-9-го, то есть накануне твоего отъезда? Сейчас я получил от философа телеграмму. Мой доклад назначен на 22-е[871]. Другими словами, ты должна приехать не позже 15-го <...>, чтобы провести в Москве и Петербурге по крайней мере 5-6 дней. <...>

Вчера читал реферат в студенческом обществе – и был совершенно очарован молодежью. Все семь моих студентов несмотря на то, что мысль моя трудна и отвлеченна, прекрасно ее поняли и возражали мне очень по существу, обнаруживая не только общую философскую начитанность, но и весьма глубокое изучение таких трудных и часто профессорам философии неизвестных философов, как Фихте, Гегель и даже Шеллинг. Кроме того очень недурно говорят. Со мной был Н<иколай> А<лександрович>, который остался тоже очень доволен студентами. Когда заседание закрылось, "студы", как их называют Шеры, устроили мне горячую овацию. Во всяком случае, на моем реферате в нашем Обществе возражения по качеству были много ниже, чем вчера у студентов. Это замечательно и отраднo! <...>

228. К.М.Аггеев – Д.В.Философов[872] <10.11.1910. спб>

10. 11. 1910.

Глубокоуважаемый Дмитрий Владимирович, сегодня я узнал от Дмитрия Сергеевича[873] о характере предполагаемого собрания РФО памяти Л.Н.Толстого. Считаю необходимым поделиться с Вами, Дмитрием Сергеевичем и Зинаидой Николаевной[874] своим отношением к главному элементу этого собрания.

По моему убеждению, Церкви как Церкви, не только можно, но и должно молиться – не говорю о Толстом – хотя бы и о полном атеисте. И – позволю это сказать – сам за литургией молюсь и за Герцена и за Белинского... Синод, таким образом, думаю я поступил нерелигиозно, запретив церковное моление...

Это первое.

Принять участие в общественной "самочинной" (термин канонический) молитве я в виду определенного общего и мною лично полученного распоряжения Е<пархиального> н<ачальства> не могу. Принять участие в такой молитве, Вы, конечно ясно сознаете, значит 17 ноября снять рясу. А к этому я не готов, и по житейским мотивам, может быть, и неспособен... Это второе.

При таком своем настроении я считаю себя не только бесполезным членом Совета[875] сегодняшнего, но и вредным: скажу ли я да или нет, я одинаково не буду вполне солидарен ни с ними, ни с другими.

Внешние препятствия к присутствию на сегодняшнем совещании таковы – служба в Церкви и непосредственно после нее – единственная в году конференция на курсах, на которой я обещал быть. Но, разумеется я бы преодолел эти препятствия, и в действительности предполагал быть у Вас часов в 11. Но по вышестоящим мотивам решил сознательно не быть.

Пишу это письмо для Вас, а не для Совета.

Ваш свящ<енник> К.Аггеев.

229. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[876] <16.11.1910.москва – Симбирск>

Москва, 16 ноября 1910 г.

Дорогой Александр Сергеевич!

Вчера узнал от Михаила Александровича о болезни Ольги Федоровны и очень за вас скорблю. Да пошлет ей Господь выздоровление, а Вам – сил. Молитвенно с Вами. Бог посылает нам испытания и дает чувствовать свою крепкую и милующую руку, открывая нам всю нашу слабость и немощь. Милый мой, как тяжело складывается Ваша жизнь! Не нужна ли Вам в чем-нибудь моя помощь (деньги, например)? Пишите, не стесняйтесь.

Я хотел Вам писать деловое письмо, с которым страшно замедлил вследствие недосуга, но теперь откладываю до выздоровления Ольги Федоровны. У нас все сравнительно благополучно. Целую вас. Да хранит вас обоих Матерь Божия!

Ваш С.Б.

230. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[877] <25.11.1910. Москва – Тифлис>

Моя милая, моя любимая, моя золотая девочка! Здравствуй, моя радость, Господь с тобою! Нежно целую твои руки. Я не знал, что буду так беспокоиться без твоих писем. Мне вдруг стало тревожно, что с тобой? я тебя прежде всего прошу и умоляю: пиши мне всю правду и не скрывай от меня ничего. Если плохо себя чувствуешь, так и пиши. Может быть тебе уехать в Kisловодск до моего приезда? М<ожет> б<ыть> там есть хороший пансион? Поехала бы ты с Валеи, и ей было бы хорошо и тебе. Если эта поездка тебе обойдется 100–150–даже в 200 р.– ты помни, что это сущие пустяки. Возьми у Карлюки, а я когда буду уезжать, возьму из издательства столько, чтобы покрыть их. Женечка моя дорогая, моя хорошая! Скорее бы прошло это неопределенное время ожидания и томления!

Милая моя Женя, у меня сегодня много впечатлений. Пошел к Павлуше в 11 дня и возвратился в 10 вечера. Я застал Павлушу одного и несколько часов с ним беседовал. Он, как всегда, тих, мудр и интересен. У нас опять старые хорошие, хорошие отношения. Анна Михайловна была у Люси с ребенком. Люся накануне уехала в Москву по делам и осталась там ночевать. К обеду пришли Василий Михайлович и его брат Миша, который гостит сейчас у флоренских–семинарист. К обеду же пришла Анна Михайловна с ребенком, завернутым в несколько одеял. Василий Михайлович стал разворачивать и, представь, с таким умением и с такой точностью – точно старая нянька. Ребенок проснулся и заплакал. Но Василий Михайлович стал так великолепно его забавлять, что я им (В.М.) очаровался. Ребенок (он – Шурик) очень хороший. Настоящий флоренский! Что-то среднее между Люсей и Тосей. Тонкие смешные губы и улыбка робкая, милая. Глаза темные–темные, с маслянистым блеском. Я очень рад, что он не похож на своего отца "Михаила Потапыча". В шесть часов все кроме Анны Михайловны с ребенком, ушли в церковь (говеть). Анна Михайловна при ближайшем знакомстве совсем обвораживает кротостью и детскостью. Лучше жены Павлуша не мог бы найти! Из ее немногих слов я мог заключить, что у флоренских в Тифлисе очень тяжелое настроение. Валя убита, чрезмерно занимается и у нее подозрительно болит грудь. Шура[878] на днях был при смерти от воспаления легких (в Петербурге). У Люси малокровие. Словом, очень тяжело. Часам к 8 пришла Люся[879]. Она, оказывается, в Москве ко мне заходила. Встретились просто и хорошо. Я поцеловал у нее руку, и она меня крепко поцеловала в голову. Сразу мы почувствовали себя по-старому, друзьями и очень хорошо провели время. Она страшно похудела. Стала тонкая, как тростинка, издергалась нервно до последней степени. Жаль ее очень. Не пожалела ее жизнь! Завтра зайду к ней и тогда напишу тебе больше.

Пока прощай, моя радость, моя ненаглядная девочка. Христос с тобой и Иринкой. Тысячу раз тебя целую. Будьте здоровы. Привет всем. Всем сердцем любящий тебя Володя.

Надя очень просит передать тебе (она провела весь день у Зверевых) привет и ее любовь. Она напишет тебе из Москвы. В Москве будет завтра. А я поеду в Москву послезавтра.

Еще раз нежно целую.

231. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[880] <12.12.1910. Москва – Казань>

12 декабря 1910 г. Москва.

Милый, милый Александр Сергеевич!

Как я страшно давно не писал Вам и как виноват перед Вами, но вместе и не знаю, кстати ли настоящее письмо, потому что от Вас вестей не имею о болезни Ольги Федоровны. Утешаю себя мыслью, что молчание здесь благой показатель. Не писал я Вам то от досуга, который с годами все увеличивается, то от отсутствия "настроения" в момент досуга, то в ожидании вестей от Вас, то, наконец, от своей собственной краткосрочной и пустяшной болезни. Сейчас ограничусь делом и самыми краткими сообщениями.

В издательстве в общем благополучно и дело крепнет, о болевых точках, которые есть как и в каждом деле, на письме не расскажешь. "Заведующим издательством" на исполнительные функции на днях избран Григорий Алексеевич. Бердяев находится в затруднительном материальном положении, все ухудшающемся. Эрн хворает периодически, здесь Женя, они на днях уезжают на

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах с Кавказа.

Вышел пока киреевский [881], и я пошлю Вам на днях. Журналом пока дело не пахнет, да и нет к нему желания. "Московского Еженедельника" давно не существует, газеты, которая могла бы печатать Ваши (или иного соответствующего автора фельетоны) также теперь нет (разве "Утро России"?). "Русская Мысль", находящаяся теперь в единоличном заведовании Струве, стала значительно доступнее для религиозных тем, так что положение здесь улучшилось. (Адрес Струве: СПб, Лесной, Б.Спасская, 5; адрес Зеньковского: Киев, Караваевская, д.24, кв.6). Струве завел теперь ежемесячные обзоры, посмотрите в последних №№, литературу там ведет А.Крайний [882]. Попробуйте ему предложить присылать иногда обзоры!

Сейчас пишу Вам вот о чем. В издательстве постановлено издать сборник статей, посвященных В.Соловьеву, в память 10-летия. Сборник будет небольшой и недорогой и будет состоять, с одной стороны, из философских характеристик, с другой – из характеристик личности и, наконец, на тему вообще: "Соловьев и мы". Сотрудники Евг. Трубецкой, Булгаков, Бердяев, Эрн, Вяч. Иванов, А.Белый, А.Блок (говорят, он очень религиозно теперь настроен) и Вы. Я имею поручение от издательства пригласить Вас дать о Соловьеве статью для этого сборника, но размером не более листа в 40000 букв. Тему Вы установите сами из общих заданий сборника. По-моему, нужнейшее здесь – показать нужнейшее для Вас в Соловьеве. Моя статья будет философская, – о природе у Соловьева. Конечно, статью надо написать не откладывая, п.ч. сборник должен выйти не позже марта. Если Вы согласитесь и будете иметь возможность, конечно, Вы напишете скоро.

Относительно Достоевского Вам полный отчет напишет Григорий Алексеевич, коротко об этом говорить не стоит. Потребуется большая дополнительная работа, чтобы Ваша книга получила характер законченного исследования и, чтобы мы имели шансы провести ее в издательстве. Такого впечатления от прочитанных и разобранных Григорием Алексеевичем глав. Я считаю, что эта работа вполне для Вас выполнима, если только позволит Ваше время и станет охоты производить вновь кропотливую эту работу.

Пожалуйста, отзовитесь, Христа ради насчет того, как у Вас в семье, а также и о статье Соловьева. У нас благополучно, но напряженно... Прочтите при случае роман А.Белого "Серебряный голубь", это незавершенная, но совершенно изумительная вещь.

Флоренский благополучен сравнительно, был у нас недавно с женой. Ничего себе. Но недавно убит на Кавказе муж его сестры, а его друг – Троицкий, учитель гимназии. "Авва" находится в прежнем состоянии. Он волновался во время болезни Толстого (а уж как я волновался, Вы можете себе представить. Кстати, у нас проектируется сборник и о Толстом). Собираемся с ним перед праздником в Пустынь.

Владимир Александрович благоденствует. Григорий Алексеевич теперь ничего, хотя нервен тяжело. Андрей Белый уехал за границу; кажется, женится. Он очень хорош, и страшно за него.

Да хранит Вас и семью Вашу Христос и Царица Небесная! Ах, как о многом хотелось бы поговорит с Вами!

Целую Вас и люблю

Ваш С. Булгаков

Ваши чувства при умирании тестя я знаю и пережил это в точности.

Рецепт от экземы пришлите на всякий случай.

232. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке [883] <20.12.1910. Москва – Симбирск>

20 декабря 1910 г.

Милый Александр Сергеевич!

Поздравляю Вас с наступающим праздником. Да родится Младенец в темном сердце нашем. От Вас все еще нет известий, и думаю о Вас с тревогой. Получили ли недавнее мое деловое письмо? Для нас тяжелы праздники – как

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. раньше детская елка была величайшим праздником в году, так теперь тяжело думать о ней, хотя и надо! Ездили в Пустынь, говели. Там все по-прежнему. Видели обоих старцев. О. Герман, на мой взгляд, постарел. О. Алексей[884] несет тот же сверхчеловеческий труд духовника, большую же часть недели пребывает в затворе. Был и Павел Александрович, он очень хорошее впечатление теперь производит. Мечтает о "сыне", в котором уверен. Немного чудит, но вобщем благополучен. Мечтает о бегстве из Академии, все-таки в "деревню", во всяком случае в священство.

Вспоминали Вас, особенно, когда "авва" обличал меня в еретичестве, что вообще говоря, было бы смешно, когда бы не было так грустно. Но я чувствую, что все это становится серьезнее, чем шутка, несмотря на то, что я его по-прежнему вмещаю, но в него не вмещаюсь... Ах, если бы свидеться, о многом бы поговорили. И право не знаю, не уверен, оперся ли бы на Вас авва.

Сегодня я сижу и прислушиваюсь к внутренней тишине, привезенной из пустыни. Вы знаете это чувство...

В издательстве по-прежнему. "Заведующий издательством" много и возбужденно говорит. Непременно прочитайте, если не читали, А.Белого "Серебрянный голубь".

Да хранит Вас и семью Вашу Христос. Целую Вас.

Послал Вам книгу свою.

Любящий Вас С.Б.

233. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[885] <22.12.1910.Москва – Симбирск>

22 декабря 1910 г.

Милый, милый Александр Сергеевич,

получил Ваше письмо и был ошеломлен им. Я из молчания Вашего заключил, что у Вас все благополучно уже, между тем, как вы все время в такой атмосфере ужаса, под страхом удара великого. Могу только плакать о Вас и молиться, чтобы Господь, посылающий Вам испытания, дал силы, просветил сердце, укрепил волю, показал, чего Он хочет и к чему ведет... О, как я знаю это чувство, – когда обнажается перст Божий и нет сил сказать: не как я хочу, но как Ты! Но в самом великом страдании и слышится голос Божий. Простите слова, без них не обойдешься. Да хранит Вас Господь и Его Пречистая Матерь, да коснутся они души Вашей, и души болящей, и деток Ваших. Милый, милый, сердечный мой! Когда я думаю о Вашей несчастной судьбе, такой жестокой и непонятной, кажется иногда, что особая любовь Божия почит над Вами. Авве передам. В Пустыни молился о Вас, но не так, как надо было бы, если бы знал все. Николай Александрович и Григорий Алексеевич были очень взволнованы за Вас. Эрн уехал (по обычаю, больной) и находится на Кавказе. Рукопись Вам будет выслана.

Относительно Крыма, посоветовавшись с Е<леной> И<вановной>, могу предварительно высказать следующие соображения. Январь и особенно февраль, легко могут быть неблагоприятны по погоде для переезда, особенно ввиду того, что стояла исключительно погожая осень. Можно, конечно, известить о погоде по телеграфу, но в это время за погоду нельзя ручаться за один день. Кроме того, переезд из Севастополя в Ялту затруднителен и утомителен и морем и сушей. Ввиду этого, по-моему, следовало бы в Москве обсудить вопрос, не предпочесть ли заграничный курорт (дороже не будет) или Сухум. Относительно устройства в Крыму могу сообщить пока следующее.

Обсудив с Еленой Ивановной положение, мы приходим к заключению, что в зимние месяцы надо устроиться в санатории в Ялте или Алушке, но не в деревне, Олейзе или окрестностях, ввиду крайне недостаточной медицинской помощи, которая пока так необходима. Пишем туда и наводим справки. По имеющимся сейчас у нас сведениям, такие санатории должны быть, но страшно дорого, – 150–200 руб. в месяц. Но это только на первое время, потому что при первой возможности надо будет оставить их и устраиваться на частной даче. Мы предполагаем спросить, не возьмет ли наша родственница, у которой будет удобнее, чем в Олейзе, где слишком много неудобств <...>

<Последний лист письма отсутствует – В.К.>

234. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[886] <23.12.1910. Берлин–Москва>

Берлин, Н.Щ. Неустаdt. Кирццстр. 6/7. Цонтинентал Чотел.

Берлин 23 декабря

Милая Гармося

Чтобы не забыть, начну с делового. Доктор по болезням сердца, которого я тебя рекомендовал для мики. – Проф. Краус, живет в Берлине, Брюцкеналлее, 7. На дому он принимает несколько торопливо; будет основательнее смотреть, если ты позовешь его в гостиницу.

Еще вот что: ты забыла заплатить счет прагеру (Буцчандлунг[887] Прагер, Н? 21, Миттелстрассе, зщисцчен Фриедрицх унд Неустаdt Кирццстрассе) около 219 марок. Пошли ему банковым переводом около этого.

А теперь, оставивши эти глупости, поговорю с тобой по душе и сообщу все тебе интересное.

Первое – наше здоровье – слава Богу. У Верочки, к счастью, ничего органического, хотя нервная система в ужасном состоянии. Во мне не найдено ничего плохого, но Боас хотел было на возвратном пути засадить меня в свою санаторию, но на мой энергичный протест немедленно сдался и засадил на 6 недель на строжайшую вегетарианскую диету. Это сейчас вполне соответствует моему настроению, которое и без того вегетарианское; как и почему, – тому следуют пункты –

Вчера вечером в день приезда в Берлин пошел с мальчиками шататься по улицам, – от нечего делать[888]. Зашли в театр-синематограф, и там неожиданно я получил такое сильное впечатление, что даже заболела грудь, напала тоска, и до сих пор я не могу отдышаться от кошмара.

Среди плоских немецких витцов[889] и добродетельных мелодрам вдруг одна правдивая и реальная сцена. Просто – внутренность аквариума – жизнь личинки хищного водяного жука, а потом самого жука – все это увеличенное во сто раз, так что личинка (с надписью сечр Гефряссиг[890]) имела вид огромного живого дракона, который с четверть часа пожирал всевозможные живые существа – рыб, саламандру и т. п., которые отчаянно бились в его железной челюсти.

Я не могу представить себе более наглядного и ужасного изображения бессмыслицы естественного существования. Это та неумышленная, беспощадная и бесплодная борьба за существование, которая наполняет всю жизнь природы с тех пор, как есть животный мир. Ты не можешь себе представить, как сильно я в эту минуту ненавидел пантеизм и хотел убежать из этого мира. Редко так сильно ощущал "афонское" настроение. Может ли быть клевета на Бога гнуснее той, которая утверждает, что это божественно!

Ужас мира, покинутого Богом, подчеркивался неимоверной бессознательностью и пошлостью немецкой обстановки, особенно кельнерами, которые предлагали "рафраицхиссементс"[891], пока дракон пожирал свою живую еще добычу, и музыкой, которая неизвестно зачем этому сопровождала сентиментальными аккордами. Второй день у меня от этого болит все нутро, – противно думать о себе самих, т.е. о людях, потому что наши бойни, а тем более войны, разумеется, – та же сущность в менее жестокой и безобразной форме[892].

Когда же на другой день после этого Боас прописал мне вегетарианский режим, то это было словно продолжение того же назревшего хода мыслей. Точно организму вредно то, что ненавистно душе! Между прочим, и Соловьев был вегетарианцем[893].

Вообще ужасен этот мир. Как только начнешь его утверждать, так сейчас же станешь этим самым водяным жуком, будешь безжалостно жрать и уничтожать чужие жизни, и животные и людские! Вообще "любовь к миру" – противоречие; между настоящей любовью и этим миром нет ничего общего. Любовь – такой сдвиг, который ничего не оставит на месте в этом мире. В самом своем умопостигаемом корне она ему противоположна! Правда, дорогая? Все разрешение жизненной задачи в этом огромном и мощном повороте жизни в любви к любви. Вся ценность любви – в мире ином! Но Боже мой, как это трудно! Какого подвига требует любовь; и какая ложь – любовь без подвига. Какая

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках
правда в том, что Зигфрид должен подыматься в гору, чтобы достать изогня свою Брюнгильду[894]! Вагнер несомненно ощущал ту любовь, которая награнице здешнего.

Милая и дорогая моя Гармося, не бойся подвига и не страшись этого огня, хотя бы он сжег и многое, что кажется дорогим! Не тоскуй, моя родная: чем больше он в нас сожжет здешнего, тем ближе мы будем друг к другу. Пусть соединит нас и спаяет нерушимое, вечное. Христос с тобой.

Целую тебя крепко.

Завтра еду в Рим. Ах как бы хотелось хоть одним глазком на тебя взглянуть!

235. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[895] <24.12.1910. Москва–Берлин>

24е дек<абря>

Здравствуй, мой дорогой, милый Женичка. Прости, что так скоро пишу. Во мне происходит целый день сегодня борьба: хочется ужасно написать, а с другой стороны, боюсь. Через некоторое время постараюсь взять себя в руки и в этом. Пока не могу, неудержимо хочется поблагодарить тебя за твое дорогое, чудное письмецо! Милый мой, дорогой мой, прекрасный мой, спасибо тебе за него! Как оно нужно мне! Пиши чаще, моя радость, хоть словечко! А если бы ты посмотрел в мои глаза, то сколько любви, сколько самой нежной, самой страстной, самой бесконечной любви ты увидал бы в них! Моя радость, мое утешение – ты! Не забывай меня, Женичка, умоляю тебя! Ах как я боюсь, что ты меня забудешь, отвыкнешь от меня, я тебе стану чужая! Все сделаю, но только чтобы этого не было, чтобы не допустить этого! Как я была счастлива получить твое письмо, если бы ты знал! Я живу, думаю и делаю все, все так, как если бы ты все время стоял передо мной, все слушал, все видел, все знал, и я знаю, что ты был бы доволен мной, мой ангел бесценный! Бесконечно счастлива тем, что ты бодр и что сознание того, что ты делаешь, успокаивает твою дорогую, чудную душу! Надеюсь, ты скоро начнешь работать и не слишком увлечешься беготней и суетой. Дай Бог, чтобы это пребывание принесло В<ере> А<лександроне> успокоение и тебе тоже отдых, сокровище мое! Утром и вечером крещу тебя и молю, чтобы все было хорошо, но молюсь, чтобы и ты меня не забыл.

Твоя Гармося.

236. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[896] <27.12.1910. Рим – Москва>

Рома, Виа Тритоне, 36, Пенсione Ломи

27 декабря, № III

Милая и дорогая Гармося

Ты не можешь себе представить, как я был обрадован здесь первым твоим письмом от 23го, написанным в таком хорошем настроении! Сегодня – Понедельник – ровно неделя, как мы расстались; и столько разных мыслей мимо меня промчалось. А я так же, как и ты, – еще не верю в разлуку, т.е. душа моя еще не понимает, что мы с тобой расстались на такой долгий четырехмесячный срок. Что это такое? И даль и близость чувствуются в одно и то же время. Иногда мне кажется, что ты вот тут – рядом со мной, и хочется заговорить с тобой. А иногда мучительно чувствуется отдаление..

Это бывает, особенно когда испытываешь какое-нибудь сильное переживание. Слишком привык я делить с тобой всю мою духовную жизнь. А когда вдруг этого нельзя, становится тоскливо и больно.

Вот хоть, например, сегодня видел я с мальчиками Сиксистиинскую капеллу – фрески Микельанджело, а потом с высоты и чудную панораму Рима с Апенниннами, покрытыми густым снегом (вещь исключительно здесь редкая). Я сильно был взволнован и потрясен этой красотой: в моей душе воскрес целый мир, который, который я переживал много лет назад; я бесконечно обрадовался тому, что этот мир во мне уцелел, обрадовался, между прочим, и контрасту, потому что рядом с этим Рафаэль почти перестал для меня существовать. Но все это мне тотчас же напомнило, что весь этот мир, который так глубоко во мне засел – Италия, ее искусство и природа, – мир, не разделенный у меня с тобой, и меня взяла тоска! Сколько угодно могу говорить о нем с тобой

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. словами, но этих красок, этого ослепительного сияния солнца, этого творчества, живописи, которые переворачивают душу, – мы вместе не переживали. А все святое, духовное, хорошее я хотел бы пережить с тобой, перелить из моей души в твою и обратно! Жизнь наша еще не вошла в колею; вчера устраивались, переезжая в пансион; сегодня, по-видимому, устроились окончательно (адрес в начале письма) и недурно. Раскладка только окончена, Соловьев выложен, и я за него принялся, хотя пока еще ничего не написал. Верочка вдребезги разбитавсякою усталостью, и московскою и дорожною, и моральною и физическою, и пока еще не может наслаждаться. Но я надеюсь на одно: чтобы усталость прошла, нужно, чтобы она обнаружилась: в Москве она обнаруживалась, может быть, в меньшей степени, чем здесь, потому что там была против нее напряженная, но поэтому тоже утомительная борьба. Мне кажется, что это – неизбежная детенте де нерфс[897], за которой, если Бог даст, последует и отдых. Только очень скоро его нельзя ожидать: уж слишком она измучилась! Ну, прощай, моя родная, еще раз спасибо за письмо, которое так меня утешило и обрадовало. Крепко, крепко тебя целую.

237. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[898] <29.12.1910. Михайловское–Рим>

29е дек<абря>

С новым годом, дорогой мой, от всего сердца желаю тебе быть здоровым! Будь бодр, работай хорошо, и все, Бог даст, будет хорошо. Посылаю письмо Маруси, она сама захотела тебе написать. Пишу это письмо из деревни, завтра возвращаемся в Москву. Здесь чудно хорошо. Снег блестит, все обсыпано инеем и залито розовыми лучами солнца. Ночи лунные – прямо волшебные. Мы здесь устраивали елки – у себя и в сельской школе для деревенских ребятишек – очень весело смотреть на их радость. Праздник для меня очень труден сейчас. Прервались обычные занятия издательством и школой и общение со всеми наэтой почве – невольно много остаешься сама с собой. С детьми очень трудно, никакого успокоения, за исключения Маруси пока. Встреча праздника была очень грустна, сердце разрывается, глядя на Лелю[899], да и самой не легче. Нет семьи ни у нее, ни у меня – мы с детьми не составляем единства, чувствуем и ищем совсем другого. Внешне обоюдно уступаем друг другу, а внутренне и те и другие угнетены. Читаю каждый день Евангелие и много размышляю. Добираюсь до самых глубин, туда, где все лежит и решается "Высшим светом, где воля неба"[900]! Как мизерна, как ничтожна наша так называемая сознательная воля, как беспомощно сознание человеческое, как оно коротко. Как оно не знает, зачем что-нибудь делает человек, что он делает и куда он придет. Маленький у него горизонтик! – читаю твою книгу "Григорий VII"[901] и тебя там ни секунды не чувствую. Все – и посвящение – рационализм и ученость. Это интересно исторически, это прекрасное твое среднее, но это не ты. Но это грандиозная картина, и я понимаю, что она могла привлечь твой взор как картина. Сию секунду получила твое письмо из Берлина – его привезли из Москвы. Ужасно рада, спасибо, милый, что написал. Пиши чаще – мне очень нужны твои письма. Радуюсь, что здоровье В<еры> А<лександровны> в основном хорошо. Видишь, как ты все преувеличиваешь! О твоём здоровье думай серьезно и исполняй все, ради Бога. Понимаю твой ужас перед тем, что делает презираемая тобой материя, и твое вегетерианское настроение. Я всегда думаю о вегетерианстве, – соблюдаю посты, но чувствую, что должна идти к цели путем "мирного обновления"[902], еще чувствую много соблазнов на пути, а то как бы не сорваться – это хуже. Всегда соглашаюсь с тобой, что пантеизм ложь как мировоззрение, но никогда не могу согласиться и всегда скажу, что он не ложь как переживание, как психологический момент. Если, хотя на минуту, не сольешься с хаосом, не погрузишься в него, не познаешь, что такое мир. А для этого необходимо видеть, чувствовать Бога во всем. Ужас охватывает при видереальной картины природы – это правда. Но вот если бы мы не сталкивались с этой ужасной реальностью, не стремилась бы наша душа и преобразить этот ужас. Ужасно чувствую и слышу твою душу, мой ангел, это все трубные моего солнечного всадника "оттуда". До бесконечности жажду, чтобы огнем горело в тебе все горе, все несовершенство мира и твое собственное. Тем больше ты сделаешь, тем ближе ты будешь всему и всем. Одно меня всегда ужасает – это твое стремление перескочить в мир "иной". Ужасны твои слова, что любовь к миру есть противоречие, – ужасны. Как же, когда любовь к миру есть основа и источник познания и любви к Богу, она свята потому, что только через нее нам дано увидеть Бога. Смысл, завершение любви в мире "ином" действительно, но ценность как раз наоборот. Огонь любви затем и есть, чтобы глубже нас взять к земле, заставить плотью и кровью полюбить жить на земле, слиться с ней, переживать все ее радости, чтобы мы не покидали ее, не убегали от ее ужасов, а оставались на ней и этой любовью спасали ее и себя, что неразрывно связано.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Если "погрузиться в мир" всецело, то нужно воспринимать весь мир целиком, а не небольшой уголок, где встречаются две любящих души. А чувствовать и воспринимать целиком весь ужас всеобщей беспощадной непрекращающейся борьбы, составляющей здешнее, к счастью никому не дано, иначе бы люди не вынесли жизни. Только оттого мы ее выносим и любим, что не слишком погружаемся в мир, а или смотрим на него поверхностно, или воспринимаем "мир иной".

Я увлекся спором с тобой и забыл, что ты можешь подумать, что мое настроение очень мрачное! Совсем нет, ангел мой дорогой, милый и хороший. Душа полна нежности и ласки к тебе и любовью. Но люблю я тебя по-своему и люблю твой дорогой образ – в мире, там, где в самом деле есть мир. И хочу от души, чтобы твоя душа утверждалась там, т.е. в мире, не в хаосе. Пусть хаос вылетит в дымовую трубу, где он шумит!

Прощай, моя дорогая. Целую тебя крепко.

239. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[906] <7.01.1911.Москва – Рим>

№ 5й

7го янв<аря>

Милый и дорогой мой женичка! Очень хочется написать тебе сегодня о моей жизни, впечатлениях и событиях. Какой ты гадкий, мой друг, что так мало пишешь! Олимпиец ты этакий, гербарий ты неисправимый! Не сердись, ангел мой, я очень добродушно браню тебя, но не бранить тебя нельзя. Про мое настроение скажу тебе, что оно в общем светлое, тихое и доброе. Очень, очень важно мне получать от тебя письма, и потому особенно я нахожу эгоистичным с твоей стороны, что ты мало пишешь. Ты понимаешь, как каждая твоя строчка поддерживает мне душу. Часто просыпаюсь рано, всегда думаю о тебе, плачу и тоскую, но мрак и отчаяние редко охватывают. Как-то, где-то есть много веры и надежды! Бывают минуты мрака, конечно, но еще чувствую себя в силах пока. Что будет дальше, не знаю! Сейчас я как-то особенно увлекаюсь чтением Евангелия и чувствую неудержимое влечение к философии. Вообще тянет ко всему объективному, отвлеченному, хочется погрузиться в сферу мысли. философия всегда была моей спасительницей и убежищем в трудные минуты. Видишь, что кроме тебя у меня есть спаситель, и единственный, к которому я советую тебе меня ревновать! Хотя ты гордо мне объявил, что я тебя ничем не испугаю. Но к этому я тебе не советую относиться с презрением – это неуловимый соперник, но вовсе не безопасный! Думаю начать с моего милого Канта. Перечту "Крит<ику> практич<еского> разума", потом хочу прочесть "микрокосм" – Лотце[907], и Гегеля после! Что ты думаешь? С увлечением przygotowляюсь взяться за это. Как видишь, некоторый запас огня будет перенесен на эту работу. Я очень озабочена вопросом о поездке за границу с Микой. Он в общем очень поправился. Конечно, я поеду, если нужно, и поеду туда, куда велят. Но мне ужасно не хочется ехать. Главное, просто ужасает мысль ехать на юг и к морю – я там с ума сойду! Я могу вынести весну, юг, море только с тобой вместе, а одна, когда ты далеко, видеть всю эту красоту и поэзию – гореть, кипеть и быть одной – этого я не могу себе представить. Я там или заболела, или, что еще хуже, убегу к тебе! Этого я очень боюсь! Будь совершенно покоен, мой друг, что я этого ни за что не допущу. Если уж нужно будет ехать, то поеду куда-нибудь подальше от тебя, подальше от соблазна! Чтобы и духу его не было. Будь спокоен, моя радость, слишком дорога мне твоя душа, слишком люблю я твою милую, светлую душу! Слишком мне хочется, чтобы успокоилась В<ера> А<лександровна>. Пиши ради Бога о ней почаще. Что она, лучше ли ей? На будущей неделе посоветуюсь со Шварцем, и решится вопрос о поездке. Раньше я как-то обо всем этом не думала, когда ты был здесь, а когда тебя нет, то я чувствую, какой огромной силы ключ я в себе заперла, и понимаю, что должна с ним обращаться осторожно. Вообще будь покоен за меня, силы я в себе чувствую немало. Их мне дает бесконечная моя благодарность к тебе и, конечно, к Богу, который послал мне такой светоч. Вот и сейчас хотела написать очень серьезно о моем мудром житии, а не могу быть серьезно, все разливается в какой-то улыбку, хочется прыгать, носиться, и вся душа залита ярким, ослепительным сиянием. И все это только от мысли о тебе, от того, что ты есть, что ты такой прекрасный, и что такая безумная радость будет тебя увидеть! Вот что на дне этой мудрости! А так, видит Бог, что трудно найти человека серьезнее и добродетельнее меня. – Ну довольно болтовни. – На днях я пережила сильнейшее впечатление. Я провела вечер с В.М.Васнецовым[908]. Какой это удивительной силы ума и самобытности человек. Сколько в нем жизни и огня. Я

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. была в восторге от него и думаю, что даже больше буду теперь любить его вещи. Больше буду верить в их подлинную, горячую жизненность. Хотя в существе своем он слишком догматичен и тяжел и деспотичен, наверно. – У нас в издательстве – драма. Рачинский совсем болен. К моему ужасу, он избрал меня своим другом и рвется ко мне неудержимо[909]. Слава Богу, сейчас его засадили дома. Пока для дела это неважно, но в будущем, если это не изменится, то придется искать кого-нибудь. К сожалению, наше дело является для него центром жизни. Все его чувства и мысли вертятся кругом этого всего. Пока мы осторожно его обходим и конфиденциально все с Сергеем Никол<аевичем> решаем. Читаю твоего "Григория VII" – очень интересно. Умоляю тебя написать подробно о твоём здоровье, помогает ли вегетарианская диета, пьешь ли часто соду? Все напиши. Что твоя работа? Если ты действительно будешь работать так, как пишешь, т.е. 6 час<ов>, то это хорошо. Тогда и немного шлаться можно. Радуюсь, что ты видишь такую красоту. Я ее как-то сейчас переживаю. Так и вижу Виа Аппиа, и особенно красив вид на Рим против Пинцио. Что ты скажешь об Аполлоне[910]? Неужели он не прекрасен, по-твоему? Действительно живой носитель муз! Вся красота искусства как-то в нем живая и красота человека. Что тебя там особенно сейчас поражает и захватывает? Напиши обо всем, а то я больше писать не стану и настроение изменится. До свидания, мой ангел, Христос с тобой. Целую очень, очень крепко.

Твоя Гармося.

240. Н.А.Бердяев – В.Ф.Эрну[911] <10.01.1911. Москва – Пятигорск>

10 января 1911 года. Москва

Дорогой Владимир Францевич!

По получении Вашего письма переговорил с Челпановым. Он не знает, получен ли ответ, по поводу Вашей командировки[912], но обещал через неделю навести об этом справки. Тогда сообщу Вам.

Отчего ничего не пишете о своем здоровье?[913] Пора Вам уже возвращаться в Москву. Соловьевское заседание назначено на десятое февраля[914]. Беда у нас с бедным Григорием Алексеевичем. Ему настолько сделалось плохо, что его отвезли в Ригу на поправку[915]. Мы остались вдвоем с Сергеем Николаевичем и ждем Вашего возвращения[916]. Из новых событий нашей жизни могу указать на то, что мы (я и Л<идия> <Юдифовна>) очень подружились с Флоренским[917]. Приезжайте поскорее, если здоровье позволяет. Очень ждем. Привет от нас Евгении Давыдовне[918]. Л<идия> <Юдифовна> очень Вас приветствует.

Любящий Вас Николай Бердяев.

241. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[919] <11.01.1911.Москва – Симбирск>

11 января 1911 г.

Дорогой Александр Сергеевич!

Мне не нужно выражать Вам радость, которую я испытал по получении благой вести от Вас. Слава Богу, все устрояющему.

Пишу кратко, чтобы не задерживать ответом. В Нерви (Италия)[920] живет сейчас для поправки после такой же болезни, что и у Ольги Федоровны[921], наш близкий человек, бывший кореизский доктор Константин Васильевич Волков (он пользовал еще в Крыму Толстого). Он – человек сердечный, энергичный и разумный, и ему уже лучше. Я думаю, что он, по моей просьбе и встретит, и поможет всячески устроиться Ольге Федоровне. Кажется, он еще некоторое время там пробудет. Там постоянно практикует член 2-ой Государственной Думы, еврей Мандельберг[922]. Врач он, кажется, опытный, и человек, для своего внешнего положения, мягкий и недурной. Очевидно, там есть и русские, или по крайней мере, говорящие по-русски. Я с Волковым не списывался, но могу это сделать немедленно, да это даже и излишне.

Эрн в отъезде, кажется, болеет, но средне. Григорий Алексеевич "болен", как во дни «Северного Сияния»[923], и вносит величайшую сумятицу в дела издательства «Путь», которого "заведующим" он избран, отчасти избрал сам себя (говорю это, конечно, без всякого осуждения, констатируя факт, ведь Вы его знаете). Получить что-либо от него невозможно, потому и рукописи

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. придется ждать до возвращения. Бердяев между небом и землей[924], но мил и благодушен. Дела вообще трудные.

Писал ли я Вам, что Свенцицкий все больше выныривает в газетчине, но тон <nrзб> прежний[925]. Целую Вас.

242. Н.С.Богатурова[926] – Е.Д.Эрн[927] <11.01.1911.Москва – Пятигорск>

<...> я надеюсь очень скоро (ведь Володя говорил в середине января) увидеться самолично и все узнать из философских уст аргументированного ученого <...>

Теперь сплетни:

Ольга Ивановна Зарубина выходит замуж за Василия Михайловича Гиацинтова, Павлушина друга. <...>

243. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[928] <12.01.1911. Рим – Москва>

№ 8

12 января 1911

Милая моя хорошая, прекрасная и дорогая Гармося,

Так много хочется тебе сказать, что не знаю, с чего начать. Получил твой №5 и ужасно доволен твоим настроением, бодрым и даже слегка игривым. Я так надеялся на моего хорошего и милого Ваньку-Встаньку, что ты духом надолго упасть не можешь и сейчас же опять выпрямляешься. С волнением буду ждать, что скажет Шварц про Мику. Я тоже думаю, что для тебя Москва, где ты можешь заняться, – куда лучше, чем Ривьера, где ты обречена бездействию. Волнует меня и вопрос об издательстве и Рачинском. Получила ли Маруся мою открытку? Что касается твоей философии, то крайне удивлен выбору такой рационалистической суши, как Гегель, Лотце же не знаю. Уж лучше прочти ты сначала Куно Фишера – "Историю философии после Канта". Думаю, что тебе Шеллинг во всяком случае роднее Гегеля. У меня тут сильные переживания – как-то вдруг и Рим и работа о Соловьеве сошлись в одно, и не случайно. Пишу я как раз про соединение церковей и папизм Соловьева и все вспоминаю, что он не был в Риме. А между тем какое откровение Рим о католицизме, как тут каждый камень вопиет о его духе. Вижу я тут громадные храмы – Петра, Павла, Мариа Маггиоре – все без малейшего религиозного настроения – мраморно-золотые, великолепные дворцы, выстроенные папами для Бога. На всех сводах папские гербы – сочетание "ключей царствия Божия", вошедших в герб – с гербами римских аристократических фамилий, из коих папы выбирались. Обхожу дворцы этих фамилий – Боргчесе, Цолонне, Дорио-Памфили – и узнаю в них тот же мрамор и золото, тот же стиль и дух, те же гербы, как во храмах. Выстроили для Бога дворцы, а Бог в дворцах не живет, и народ это почувствовал. Отсутствие молящихся гнетущее, давящее. Сегодня был в соборе Павла в день поминовения обращения Павла. Храмовый праздник, торжественное богослужение. И что же – не было и сотни молящихся, меньше, чем у нас в захудалой деревенской церкви в воскресенье, и все больше любопытные из туристов. А собор в полтора раза больше нашего храма Спасителя, и в нем торжественный парад духовенства – без верующих. Вот что сделала "Теократия" и та внешняя власть, которую Соловьев считал условием действующего христианства. Сколько раз я убеждал Соловьева поехать в Рим, но он, кажется, просто боялся. А будь он здесь – гораздо раньше кончилась бы его "Теократия" и глубже бы он оценил православие, которое сделало одно великое дело: положило грань между мистическим и здешним, не дало ему слиться с мирским, презрело храмы-дворцы и ушло на Афон – созерцать свет горы Фавора, тот самый, что ни в дворцах, ни в хижинах Петровых не умещается. И этим спасло веру. Ибо что же остается от веры, если вынуть из нее мистическое? Кто поверит в царствие Божие, если ключи к нему – принадлежность папского и аристократического гербов? Вот тебе вкратце, душа моя, мои последние впечатления. Ах, хотелось бы тебе показать все это, чтобы ты это со мной пережила. Всего труднее не делиться с тобой ежечасно всем этим. И читать тебе не могу, что пишу. А теперь – подвожу итог главы и чувствую, что опять выходит что-то значительное, потому что перо волнуется и переживает подъем. Ну прощай, душа моя, крепко тебя целую.

244. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[929] <14.01.1911. Москва – Рим>

14 января

Дорогой друг женичка!

Как я рада, что мое письмо из деревни не пропало. Сегодня Маруся получила твое письмо, и я получила №7й, спасибо, милый друг, за оба твои письма. Маруся также очень обрадовалась. Посылаю тебе повестку на заседание философского кружка сегодня. Теперь предполагается целый ряд рефератов кружка. Я очень рада, что эти собрания сами собой возрождаются, без моего усилия. Значит, они нужны[930]. В эти дни много думаю о планах школы, о способах внести и создать в ней дух соответствующий нашему направлению[931]. Пока это все еще очень неопределенно, потому тебе не сообщаю. Как только что-нибудь выяснится, сообщу тебе. Делать что-нибудь по заведенному и заведомо ложному порядку – не хочется и начинать. Хочу верить и надеюсь, что удастся внести и воплотить что-нибудь свое, особенно дорогое. Очень радуюсь, что ты доволен изданием Киреевского и что он так нужен. Вот когда мы соберем всехруссских мыслителей, то можно подумать и об изданиях для народа. Вот два очень важных и нужных дела. Сейчас мы обдумываем сборник Соловьева[932]. Напиши мне, какие две твоих статьи пустить? Если первой твою первую главу книги (характеристику), то мне нужно дать тогда мою рукопись? А второй поместить то, что ты читал в Психологическом Обществе? Так целиком, или ты там что-нибудь переделаешь? Все это нужно знать скорее, т.к. скоро начнем печатать сборник. Волжского в нем не будет. Я совсем поправилась и чувствую себя хорошо. Настроение спокойное. Я радуюсь, что твоя работа идет. Надеюсь, что В.А. теперь будет отдыхать как следует. Как это у тебя нет твоей комнаты, не мешает ли это тебе и не утомляет ли? А как здоровье? До свиданья.

Крепко целую.

245. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[933] <17.01.1911. Рим – Москва>

№9

17 января

Милая и дорогая Гармося!

Все мои попытки найти в Риме спокойствие для Верочки и для меня рухнули внезапно и совершенно неожиданно. Я чувствую себя точно раздавленным. Верочка все узнала сама, каким-то ясновидением, с такую точностью, что даже определила срок и прямо указала на прошлую весну, когда это произошло. Она все угадала по внутренним переменам в моей душе, все чувствовала, о какой тайне я умалчиваю, но не решалась сказать из-за сомнений. И в этом причина, почему ничто не могло помочь ее душевной боли. Вдруг вчера прорвало, и она мне сказала это а боут портант[934]. Я долго молчал, пораженный громом, а потом не мог не сказать всю правду. Все мое нутро восстает против лжи, которая мне окончательно невыносима, а в данном случае исовершенно невозможна.

Теперь она в ужасном состоянии, потому что как ни страшно это внутренне сознавать, услышать подтверждение – все-таки еще ужасней.

Теперь она второй день ничего не ест, больна совершенно; все это пребывание в Риме меня тревожит какой-то сухой, упорный и не прекращающийся кашель.

Дорогая моя, милая, хорошая, из глубины отчаяния моего пишу тебе и молю тебя: помоги мне! Верю в душу твою и в силу любви твоей ко мне, оттого и молю. Я чувствую, что если я все оставлю по-прежнему, то убью ее и погибнет и моя душа. Друг ты мой дорогой, помоги, сделай то, что я тебя просил сделать в минуту жизни трудную!

Пойди к Антонию в Донской[935]; а если его нет – за Троицкой лаврой есть сердцеведец, Алексей[936], кажется (мой брат Гриша[937] знает). Я дошел до того, что не доверяю больше себе: мне не человеческий нужен голос услышать, а божеский и подчинить свою волю ему. Пусть святой какой-нибудь человек скажет, что тут делать и мне и тебе. Пусть будет нам всем троим Божья помощь.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Я знаю одно, что нельзя больше лгать, надо покаяться и сделать правду. Но как ее сотворить так, чтобы была действительно полная правда? Где то, что спасет и ее, и твою, и мою душу? Как дальше устроить свою жизнь, чтобы собственная моя вера не жгла мукой и чтоб не строить моего благополучия на таком несчастье. Дорогая моя, мне нужен выход, и такой, который спасал бы также и твою душу, перед которым бы и ты преклонилась бы.

Ах дорогая моя, береги ты свою душу и не делай ей зла. И не может сделать ей зла то, что ты сделаешь из любви к моей душе. Будь я в Москве теперь, сам бы пошел к Антонию, а теперь не к кому. Но чувствую всеми силами то, что говорил тебе и перед отъездом. Буду говеть перед Пасхой; и если тогда не принесу к алтарю твердого намерения исправиться, в чем грешен, то не будет мне это во спасение. И буду оттого безгранично несчастен. Дорогая моя, – горячая страстная любовь к тебе говорит во мне. Нужно спасти и твою и мою душу. И для спасения не может быть нам нужно разное. Крепко тебя целую.

246. Н.А.Бердяев – Вяч. Иванову[938] <19.01.1911. Москва – СПб>

Москва, Волхонка, "Княжий Двор"

19.

Дорогой Вячеслав Иванович!

Молю Вас как можно скорее выслать по моему адресу тезисы Вашего доклада о Вл.Соловьеве. Заседание назначено на 10 февраля[939], уже взята зала. Необходимо сейчас же подавать прошение градоначальнику с тезисами. Откладывать нельзя, т.к. потом сойдет [?] масленица и первая неделя Поста. Кроме Вас участвуют еще Блок, Эрн и я. Моя тема – проблема Востока и Запада у Соловьева. Приехать в Москву Вам следовало бы не позже 9 февраля. Все мы счастливы будем Вас видеть. О многом важном хочется поговорить с Вами по-новому. Мне радостно, что свидание наше уже близится. Привет Вам от Лидии Юлиановны.

Целую Вас любовно

Ваш Ник. Бердяев

247. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[940] <19.01.1911. Москва – Рим>

№8

19 янв<аря>

Дорогой друг! Получила твое письмо – 7е, спасибо большое за него. Ты только ничего не пишешь о своем здоровье, подробностей, как я просила. Что Вера Александровна, напиши о ней? Ты наверно знаешь о циркуляре Кассо из газет[941]. В университете тревожно! Веня[942] говорит, что если возникнут беспорядки, то Мануилов[943] и К° подадут в отставку и тогда начало конца автономии. Если университету придется это переживать, тяжело тебе будет, и особенно там вдали. Я очень рада, что ты так живо переживаешь в Риме все крушение теократии. Это очень важно, может быть, пережив эту картину так сильно, ты напишешь что-нибудь очень почувствованное. Вообще дай Бог, чтобы все это время дало тебе как можно больше. Вообще мысль о грани между здешним и мистическим – твоя основная мысль и исходная точка твоей критики. Весь твой Соловьев, весь "Григорий VII" на этом построен. Тебе сейчас Рим все это ярко уясняет, а мне очень ярко это все дает твой "Григорий VII". Для философского анализа, для познания – эта мысль о грани между двумя мирами очень удовлетворяет. В самом деле, насколько же не соответствует миру умопостигаемому наш естественный мир. Чтобы разобраться в том и другом, где кончается одно и начинается другое, необходимо строго разграничивать. Но, по-моему, в религиозной сфере это как-то недостаточно. Нельзя служить Богу и мамоне. С одной стороны, презирать мир, предписывать насилием аскетизм, а с другой стороны, бежать за властью, силой, корыстью. Разве может не погибнуть подобное начало само по себе. И очень понятно, что католицизм гибнет, как ты пишешь! В этом смысле, как понимал католицизм, необходимо уйти внутренне на Афон, действительно положить внутреннюю грань между двумя мирами, чтобы спасти святое. Но тут-то и наступает самое важное: любовью надо снимать эту страшную грань, надо делать то, что делал Христос. Недаром же он не сидел на Афоне, а дни и ночи бился с людьми.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Никому насильственно ничего не предписывал, а путь к свету указал через свободное, внутренне преображение. В этом смысле православие по духу куда ближе к Христу. Никому оно ничего с ножом к горлу не предписывало и внешнему закону не поклонялось. Чтобы снять эту грань, надо найти совсем особый творческий прием, как преображать душу, как создать из души и из жизни творческое, прекрасное изнутри и свободное. Это то, что есть лучшего у Соловьева, – свободная теургия. Здесь ни чувство, ни мысль не могут остановиться на мысли о грани. Здесь грань снимается, и рождается новое! Пока это только мечта далекая, но дорогая, и не жаль отдать жизнь, чтобы хотя не терять в душе чувства близости к этой тайне, чувство интимного прикосновения к ней. Этого еще нет в мире, но это будет, и надо идти к этому. Все Евангелие проникнуто этим призывом к бодрствованию, потому что близко, при дверях! Это очень, очень важно. И еще тайна в том, что один человек не в силах стать совсем свободным, не в силах преобразить свою душу. Это, по-моему, возможно только во взаимной любви и в деятельности всех вместе. Я бы много могла писать об этом, самая моя любимая тема. Как нужно и как мне хочется, чтобы ты нашел этот синтез в душе, не в уме, и все это написал бы так, как я мечтаю! Ты можешь и найдешь форму для этого. Главное искать – и найдешь.

Целую крепко. Твоя Г.

248. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[944] <20 ? 01.1911 Рим – Москва>

Милая и дорогая Гармося

С тех пор, как я писал тебе в последний раз, прошло несколько мучительных дней, и теперь стало легче нам обоим. Легче оттого, что с души спал тяжелый камень и что я больше не чувствую себя обманщиком; легче и оттого, что прервалось это невероятно тягостное молчание, в котором скопилось столько душевной боли. Легче, но вообще очень мучительно чувствовать себя причиной такого несчастья и такой муки.

Мучительно и тоскливо и по тебе, моя дорогая. Как часто мысль переносится к тебе в Москву и как ясно я воображаю и чувствую все твои мысли, интересы и занятия. И как я молю Бога, чтобы духовная связь между нами и нашими интересами не порвалась, а окрепла. Письма твои – большое для меня утешение и радость. С радостью вижу, что жизнь твоя наполняется. Вижу из твоего №7 – и заседания кружка с очень интересной программой, и школа (как это ты заведешь там наш дух?), и издательство. Бедный Рачинский меня смущает и огорчает несказанно, во-первых, для него самого, потому что за этими припадками безумия скрывается личная трагедия, а во-вторых, и для издательства. Напиши о нем и как ты из этого выкрутишься.

Окончил небольшую главу об отношении Соловьева к церковному вопросу и славянофилам. Высказал совершенно для меня новую точку зрения на православие и католицизм, чему Рим очень помог. Если удастся найти переписчика, пришлю тебе копию. Думаю пойти к кардиналу Рамполле[945] попросить у него ту докладную записку Штроссмайера о Соловьеве[946], о которой упоминается в письмах Соловьева, т. 1, с. 192. Тогда напишу тебе, если удастся. Также предстоит возобновление знакомства с Монсеигнеур дущесне[947].

Обе мои статьи отдай в сборник для напечатания без перемен, причем 1я глава книги должна быть напечатана первой[948]. Ты ошибаешься, что у меня нет своей комнаты. Она есть, но в виде крошечного кабинета с одним столом и двумя стульями, и работается там хорошо[949].

Ах, дорогая моя, милая, хорошая и любимая, как я молюсь, чтобы тебе было хорошо, чтобы силы и бодрость у тебя были, и как я тебя люблю, моя ненаглядная. Верю твоей душе и крепко надеюсь, что все светлое в ней восторжествует и что Господь укажет тебе путь.

Крепко тебя целую, моя дорогая.

Мое здоровье, т.е. желудок, не выше, но и не ниже среднего. В пансионе последовательно выдерживать вегетаринство невозможно, да и не очень впрок.

249. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[950] <23.01.1911. Москва – Рим>

№9

23 янв<аря>

Милый Женичка! Глубоко взволновало меня твое письмо вчера. Поверь мне, дорогой, дорогой и милый друг мой, что я всей душой с тобой! Переживаю, перестрадываю все, о чем ты пишешь. Душа у меня очень болит – тяжело. Надеюсь и верю, что Бог поможет и все будет к лучшему. Собираюсь с силами, чтобы писать тебе. Каждое слово этого письма продумано, выстрадано, потому каждое слово прочти со вниманием. В сущности, это хорошо, что все так случилось. Меня это не поразило, и я вполне понимаю В.А., что она должна была к этому прийти. Это единственный путь, чтобы у Вас наступили более искренние отношения и вообще стало бы легче между собой. Это все к лучшему, поверь мне, хотя и тяжело это переживать. Но лгать вообще ужасно, да и ни к чему. На лжи жизни все равно не построишь. Будь же тверд, мой друг, трудно тебе, но верь, что это все к лучшему. В.А. будет постепенно легче, ты увидишь. О здоровье ее не теряй головы напрасно, мой милый, помни, что доктора сказали, что органического ничего нет. Все дело в душевном состоянии и нервах. Нужен отдых и успокоение. Как этого достигнуть, ты постепенно увидишь. А делаешь ты сейчас все, что можешь. Ты уехал с ней, а не со мной, и с ней останешься, от нее не уйдешь. Не теряй бодрости духа и будь покоен, что ты все делаешь. Я всю эту ночь переживала В.А. Если бы я могла прийти к ней, как-нибудь успокоить ее, хорошо поговорить с ней. Моя душа полна этим чувством. Затем должна высказать тебе самое главное для меня. Ты мне приносишь сейчас очень глубокие огорчения. Особенно все это больно сейчас, когда ты уехал, я совсем одна. Мне вообще очень трудно жить. Все сейчас, даже мое здоровье, изменилось, весь мой организм разладился. Ты меня глубоко огорчаешь своей неправильной оценкой наших отношений. Я решила было пока молчать об этом, но вот все твои события меня вынуждают высказать до дна души мою боль. Неужели в наших отношениях была и есть одна страсть, неужели они основаны только на эгоизме и грехе? Кто был твоим живым и настоящим помощником во всех твоих делах и мыслях? Кто жертвовал всем, чтобы двигать твое дело, чтобы окружать тебя, сближать со всеми душой? Кто раскрыл и дал всю ширину, глубину и красочность, которых ты не имел, т.к. иначе не ушел бы от В.А.? Кто есть твоя истинная духовная половина? Кто живет и горит вякой секундой с тобой? Где тут один грех, от чего тут искать спасения, что я гублю? Неужели все это можно назвать злом, грехом, падением? Как досадно и горько, что мне приходится самой все это говорить, а не слышать от тебя и не видеть главное, что это все дает тебе действительное счастье и удовлетворение и нужно тебе для дела. Мне жаль, что я должна писать об этом, но теперь иначе не могу. Вижу, как ты забываешь все это важное и подчиняешься какой-то идее фиксе, которая все затмевает и ты теряешь твердость, теряешься. Думаешь об одном грехе, видишь один грех! Как будто ничего кроме греха и нет. Еще я хочу тебе сказать, что когда ты будешь исповедоваться, ты не можешь говорить о наших отношениях как только о грехе и умалчивать обо всем, что является их основой и смыслом. Ты не смеешь сравнивать наши отношения с чувственностью и падением. Ты не смеешь перед Богом унижать мою святую, в которую я вложила мою душу. Помни, что ты нанесешь мне тяжелую рану. Все это, чего ты не чувствуешь, есть единственное, чем ты можешь мне отплатить за все, не оскорбить моей души, и так оскорбленной всем твоим отношением. Ты также не должен забывать, что В.А. знала о твоём чувстве и решила, что "она не хочет в тебе ничего гасить", также и о моем чувстве к тебе она знала и признала, что оно нужно тебе. Не странно ли теперь, после четырех лет начинать все снова, перестрадывать все, что давно уже было ясно? Я смело говорю о своем чувстве, т.к. знаю, что оно не есть прихоть, а смысл и спасение души и жизни моей. Пять лет борьбы и страданий, пять лучших лет, они стоят двадцати, и опять все страдания без конца. Вообще же уверяю тебя, что я спокойна и уверена во всем. Что касается до "греха", т.е. проявления чувства, то ты борись и побеждай, друг мой. Меня поражает одно, что же я, насилую, что ли тебя? Заставляю, что ли? Не хочешь, не можешь, ну и не нужно. Ради Бога успокойся на этот счет. Если ты и В.А. видите весь смысл Вашего несчастья в этом одном факте, все спасение жизни и всю действительность христианства в этом, то эта задача очень просто разрешается. Не нужно, вот и все. По поводу старца я думала много и пришла к отрицательному результату. Не только я, но и Леля не решается идти к старцу. Опасно, страшно, можно хуже нарушить свою душу. Где клятва, там и преступление. А потом, боюсь впускать в душу того, кто вне жизни. А я вся в жизни, в монастырь не пойду. Я стараюсь молиться, верю, что Бог меня не оставит, даст силы. Видит Бог, что я не хочу зла, не хочу отнять тебя от семьи, а стараюсь любить все твое. Если же ты считаешь злом проявление чувства, то борись с ним. Очень прошу тебя быть покойным. Пиши чаще и

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. подробнее – я тревожусь. Целую крепко.

250. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[951] <24.01.1911. Рим – Москва>

(кажется 10-е)

24 января 1911г.

Милая и дорога Гармося!

За последнее время ко всем прочим моим душевным тревогам примешалась еще одна – неполучение писем от тебя. Это меня мучило тем более, что последнее твое письмо было какое-то непрозрачное: души твоей там не видать, хотя снаружи все хорошо. За то сегодня получил от тебя письмо, которое меня утешило.

Говоришь ты, как будто об отвлеченном: о Григории VII, о Риме, о католицизме, православии и Афоне. Но это "отвлеченное" для нас с тобой – такое живое, что в каждой строке твоей чувствуется трепет твоей души – ты вся. Вот это-то меня и обрадовало, а еще больше то, что мы, будучи так далеко, до такой степени переживаем то же самое.

Странное дело, я еду в Рим, а ты читаешь моего "Григория", т.е. – не думая о том, что и для чего ты делаешь, – совершаешь неожиданно для себя такую же поездку в Рим – окунаешься в те же переживания, которые отталкивают меня от католицизма. Совершилось это совершенно нечаянно; и доказательство тому то, что смысл "Григория" только теперь тебе стал ясен. Только теперь ты увидела в нем то "мое", что отделяет меня и от Соловьева и от католицизма, т.е. почувствовала верным твоим чутьем, что это подготовительная работа, коей смысл и разгадка в теперешней моей работе о Соловьеве. Так оно и было на самом деле. Ведь этот "Григорий" был зачат в борьбе против Соловьева; это попытка, удавшаяся мне только теперь, – отмежеваться от него. Следовательно это не мое "хорошее, среднее", а мое, но недоделанное, недосказанное.

Сейчас много новых впечатлений. Знакомства с Рамполлой и с Пальмери[952]! Первое много не дало само по себе, а дало много ценных указаний и справок. Я открыл четыре французских статьи Соловьева, неизвестных в России и очень важных[953]. Вскоре их найду. Уверен, что получу в руки и мемуар Соловьева о соединении церквей[954], переданный через Рамполлу Льву Хиии[955]. Рамполла указал мне, как это сделать. Приобретаю ход в Ватиканскую библиотеку.

Крайне интересное знакомство и приобретение – Пальмиери (священник и монах) – поклонник Соловьева, пламенный сторонник соединения церквей, лучший знаток нашей русской церкви, и по воззрениям – со мной почти единомышленник, читатель и поклонник "Московского еженедельника", переводящий на итальянский одну из моих статей. Из того, что я пишу о нем, ты ничего не рассказывай, т.к., если дойдет до Рима, может быть ему страшный вред[956].

Из разговора с ним и многих других впечатлений я почувствовал еще больше жизненную ошибку Соловьева. Здесь – ужасающая католическая реакция; папа – простоватый попик[957], знающий один только свой венецианский диоцезе[958] и воображающий себя свыше вдохновенным орудием Бога; в результате – ужасающий гнет и удушение всякой живой мысли. Пальмери был предан суду по обвинению в схизме (хоть и оправдан)[959] за то, что осмелился назвать православных де фререс сепарес[960]. Система всеобщего шпионства и доноса. Панический страх перед модернизмом[961], который делает то, что никто пикнуть не смеет. Никто из их духовных писателей не может участвовать в нашем сборнике о толстом[962], потому что они имеют право его только ругать, а не оценивать. Пальмери дает надежду на одного только Фогаццаро[963] и дал мне его адрес (он живет в Пьяченце). Вот нынешний католицизм. Можно ли с этим соединиться! Предстоит еще ряд интересных знакомств из католического мира, о коих при первой возможности буду писать. То, что ты пишешь об Афоне и о деятельном христианстве в мире не только верно, но это – та основная христианская задача, из-за которой раскололся Запад с Востоком. Один Христос мог быть совершенным человеком, т.е. зараз – совершенным и в пассивных восприятиях Божества, и в деятельном осуществлении в мире. А человечество этого идеала доселе не вместило и не осуществило. Одни были только пассивны и ушли на Афон, потому что не были в силах в миру побороть свои злые страсти; другие – были деятельны в мире, но

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. поплатились способностью мистически воспринимать и переживать Божественное; и мирское для них закрыло горнее. Это православные и католики. Мир разделился пополам из-за неспособности вместить в себя совершенство Христово. Кто же может исцелить мир? Конечно, Христос, совершенный в переживаниях своих и в деятельности. Но надо помнить одно – этого совершенства Христос человек достиг через страдания. И переживания Его и деятельность одинаково к этому приводят. О нашей жизни могу сказать одно: легче сейчас, хоть и очень трудно. Но в Бога я верю. Ах, дай нам Бог сил на все хорошее. Крепко тебя целую.

251. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[964] <26.01.1911. Москва– Рим>

№ 10

26 янв<аря>

Дорогой друг! Вчера получила твое письмо и немного успокоилась. Очень рада, что теперь легче, хотя я понимаю и чувствую, поверь мне, как трудно и сколько приходится перестрадать. Не забывай, однако, что нет на свете жизни без страданий, испытаний и креста. Поверь, что мне и всем, кого я знаю, вовсе не легче. Очень мне интересно, что ты написал о католицизме и православии. Если только возможно, вели переписать и пришли. Много можно сказать глубокого, психологического, разбирая эти два пути. Я как раз сейчас собираюсь читать Добротолубие[965], Несмелова[966] и книжки Новоселова[967]. Все это мне приносит Серг<ей> Ник<олаевич> Булгак<ов> – он очень хороший и отзывчивый человек, мы много с ним беседуем. В этих книгах я ближе познакомилась с настроением православия. Я всегда ненавидела дух католицизма, он мне глубоко чужд. Не люблю все это в Соловьеве. Особенно много противного у меня связано с католици<змом> с детства, т.к. мама и ее родные – все ярые католики[968]. Мне очень интересно привести эти чувства и оттенки к сознанию. Напиши об этом.

У нас в редакции много волнений. Рачинский все еще в лечебнице, хотя ему лучше. Что и как будет с ним покажет будущее. Если ему будет хорошо, то это ничего, если будет плохо, то я как-нибудь через родственников постараюсь отделаться.

Теперь я очень волнуюсь книгой Соловьева[969]. Я боюсь, что ее конфискуют. Я показала некоторые места Никол<аю> Васил<ьевичу>, и он их показал другим, и они находят, что опасно. Мы думаем вычеркнуть опасные места, т.к. Рачинский раньше не подумал, и книга уже напечатана[970].

С Солов<ьевским> сборником ничего не выйдет, т.к. мы слишком поздно о нем подумали, и все статьи кроме твоих, Булг<акова> и Берд<яева> неинтересны или уже обещаны в журналы. Бугаев не успеет свою написать[971]. Мы или совсем не будем выпускать сборник или отложим до осени. Это лучше, я думаю, т.к. тогда попрошу Льва Мих<айловича>[972] написать. Л<ев> М<ихайлович> бывает у меня очень часто, мы очень много с ним философствуем и на глубокие темы. Сегодня собираюсь "веселиться" у Якунчик<овых>[973], за ужином моим кавалером будет Сергей Алекс<андрович>. Щербат<ов>[974].

Наш отъезд заграницу и именно на Ривьеру решен, мы едем в Бордигеру или в Цаннес. Хотя Шварц за Бордигеру, т.к. там санаторий. Я ужасно расстроена этой поездкой, т.к. должна нарушить свои занятия. Мы едем 20 февраля. Мика и Маруся останутся там 2 месяца, а я вернусь к Пасхе, т.к. мне нужно устраивать все в деревне, потому что Мику сейчас же по возвращении надо отправить туда. эта поездка к сожалению необходима, как я ни старалась ее отклонить. Мне, главное, жаль своих занятий философией, которыми я так сейчас увлечена. О моем увлечении, о милом Канте, я напишу тебе потом и с особой, самой нежной любовью, которой я опять к нему преисполнена.

Собрание с Гессеном было интересно, была борьба "меонизма" с реальным идеализмом (не знаю, как назвать)[975]. Причем за отсутствием профессоров (было экстрен<ное> засед<ание> совета) разверзлись уста Огнева[976], Шпета[977], Степуна, Фохта[978]. Они разболтались и разострились – но не к своей выгоде. Огнев мне нравится, он тоже у меня бывает теперь.

Ну, до свидания, пиши скорее обо всем. Целую крепко.

252. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[979] <27.01.1911. Москва – Рим>

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
<...> Господи, как это ужасно больно и трудно порывать нить общения с тобой! Довольно, довольно жить тебе далеко в разобщении и отдалении от меня и от всей нашей здешней духовной жизни, которая требует постоянного живого участия твоего! Довольно!!!

У меня опять поднялся страх за твое творчество, за жизненность его! Как хочешь, мой друг, как бы не были хороши в твоих глазах твои (и я сама отдаю им должное), но твое дело они морально, конечно, всегда поддержат, но на жизнь и на смерть они не пойдут и огнем гореть за это не будут! А твоей натуре это нужно! Григорий Алексеевич удивительно любовно к тебе относится и глубоко тебя чувствует, и он мне сказал, что твои это не то, и он понимает, как мы все нужны! Я даже понимаю, что самые недостатки наши тебе нужны, потому что они необходимые условия твоего огня и кипения! Ради Христа, Ради Бога, Ради всего святого не подчиняйся всем существом этому дворянскому моральному духу, не подчиняйся насмешливому остро словию. Терпеть его не могу! Оно незаметно убивает пафос души и развивает бездарную трезвость! Ради Бога! Вот даже в день прощания со мной ты только остро словил, а ничего мне важного, нужного не сказал! Я очень горюю. Не люблю я этого, а часто страдаю от этого! Не дай Бог, чтобы пострадало творчество!

Вчера обед у Якунчиковых был без кривошеина[980]. У него сделался сердечный припадок. Я сидела за обедом и большую часть вечера с Сергеем Александровичем Щербатовым, говорили и о тебе! Вот и он тоже особенно ценит твое остроумие! Это меня укололо в больное место!

Тут же мы с Григорием Алексеевичем ушли в уголок и горячо говорили. Он огорчен, что ты уехал, и он не успел тебя "обласкать", как ему хотелось. Он вдруг сам сказал мне то, что и у меня в душе болит! Как не верить, что между душами горящими есть мистическая связь и понимание. Ты для него, как и для меня тоже вся надежда в борьбе за оправдание истинного мистического, святого начала, против современного крайнего рационализма и хаотического мистицизма. Он так же, как и я, верит в тебя и надеется на тебя! Но он в такой же степени испытывает страх за то, чтобы ты не поддавался слишком логическому и не подчинил херувимской песни (это мое определение, и Г<ригорий> А<лексеевич> согласен) своей души, зияющей пустой философской, логической правде а ла Лопатин! не омертвел бы, как Лопатин <...> Григорий Алексеевич боится твоего отвращения к мистике! и правда, не будь так академичен, выпивай в себя больше иррационального! Вся твоя логика очень важна, но главное для того, чтобы отстоять и обосновать иррациональное и мистическое начало всего! <...>

253. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[981] <2.02.1911. Рим – Москва>

(кажется 12-е)

Милая Гармося,

Большое спасибо за твой №10. Там просишь меня найти переписчика; но рукопись моя[982] была отдана переписчику раньше получения твоего письма и, конечно, я пошлю ее к тебе. С тех пор (сегодня) я успел кончить еще главу под заглавием "Вселенское и русское в теократической идее Соловьева". Эта глава еще более захватывающая для меня, особенно конец, где говорится о "юдаизме" Соловьева. Родная моя, поймешь ли ты и почувствуешь ли, сколько в этой главе с тобой связано, сколько в ней общих и дорогих переживаний и сколько в ней борьбы и против твоего еврейства[983]! Этот заключительный параграф выстрадан и кровью сердца написан. Там – болезненный стон души – надорванной! Но, впрочем, прочтешь, увидишь и поймешь сама и... за мной не последуешь, потому что слишком ты полна иной жизни! А мне будет грустно!

Работа моя, вообще, двигается быстро: в Риме написано уже приблизительно 100 печатных страниц. Поиски мои в Ватикане успехом, повидимому, не увенчаются. Мемуар Соловьева там не числится вовсе[984], письмо же Штроссмайера было до 1890 года[985], когда его куда-то переместили (неизвестно куда), и сейчас найти не могут. Статьи же Соловьева я несомненно найду[986].

Весьма возможно, что вскоре в здешней русской читальне[987] и в ее пользу я прочту либо читанное у тебя о Соловьеве и написанное летом, либо характеристику Соловьева по личным воспоминаниям. Очень просит Сергей Волконский[988]; а так как статьи готовы, то прочитать их не трудно.

Ужасно жаль, что тебя с Микой доктора послали-таки на Ривьеру. Занятия и интересы твои наладились, повидимому, хорошо. Дай Бог, чтобы Рачинский поправился и чтобы не пострадало дело с издательством. А как "Религиозно-философское общество"? Видимо поминки Соловьева и Толстого не состоятся[989].

А мне тут трудно, тяжело и грустно! Только в работе оживаю и чувствую себя легко, да и там – душевная боль дает перу жизнь и силу. Крепко целую.

254. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[990] <3.02.1911.Москва – Рим>

Дорогой Женечка,

Пишу экстренно по поводу ужасного события. Завтра все тебе напишут. Дело в том, что Мануйлов, Мензбир и Минаков уволены совсем и от ректорства и из профессоров.

Сегодня подали в отставку 12 профессоров и 24 приват-доцента. Из профессоров: Вернадский, Хвостов, Петрушевский, Умов, Чаплыгин и др. Из доцентов – Николай Васильевич Вернадский. Николай Васильевич и Хвостов спрашивали у меня твой адрес и решили тебе писать письма. Телеграмму посылать не решились, чтобы не спутать. Все ожидают, что и ты подашь в отставку. Это ужасно, хотя, действительно, иначе нельзя. Одно горе, что и тут нет настоящей солидарности. Ключевский отказался, Новгородцев, Булгаков и Котляревский колеблются. Не знаю как ты решишь, но вероятно тоже выйдешь. Какое горе!

Кругом черные, черные тучи нависли! Главное жаль твоей работы со студентами и семинарий по Соловьеву! Если это должно кончиться навсегда, это ведь ужасно.

Ну, до свиданья, милый друг, будь добр, сделай для меня: не беспокойся и не мучься обо мне. Будь уверен, что с этой стороны все будет хорошо и так, как тебе нужно.

Я надеюсь, что Бог мне даст силы быть твоим другом и поддержкой, и ты меня поддержи. Пиши чаще и больше обо всем, не стесняйся, я теперь все могу слушать.

Какое горе!.. Сегодня получила твое письмо и уже послала ответ днем.

255. Н.А.Бердяев – Вяч.Иванову[991] <3.02.1911. Москва – СПб>

Москва, Волхонка, "Княжий Двор",

Малый Знаменский пер.

3 февраля 1911 г.

Дорогой Вячеслав Иванович!

По получении Вашего письма переговорил с управляющим наших меблированных комнат. Он обещает приготовить на среду (9 февраля) две комнаты для Вас и А.А.Блока. Комната будет приблизительно стоить 2 р. 25 к. в день. Может быть будет один номер с двумя комнатами. У нас хорошо и наверняка дешевле Вы не найдете.

Я собирался даже предложить Вам остановиться в "Княжем Дворе". Мы будем почти вместе, и это будет так хорошо. С радостью ждем Вашего приезда и огорчены, что так недолго Вы останетесь в Москве. Так прямо приезжайте с Блоком в "Княжий Двор". Ждем Вас в среду утром. Привет всем обитателям башни[992]. Огорчен, что не видел веры в ее проезд через Москву. Передайте ей мой особый привет и сожаление.

Л<идия> Ю<дифовна> Вас ждет.

Любящий Вас Ник. Бердяев.

256. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <4.02.1911.Москва – Тифлисс>

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
4 февраля 1911 г. Москва

<...> Приехал, остановился у Шеров (больших)[993]. Очень хорошо. Вчера же с любезного предложения самой В<еры> В<асильевны>[994] был у меня Н<иколай> А<лександрович>. Вобщем я попал в гушу. В издательстве[995] меня ждали страшно. Что рассказывал Н<иколай> А<лександрович> напишу сегодня вечером <...>

257. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[996] <5.02.1911. Москва – Тифлис>

5 февраля 1911 г.

Милая, золотая, прелестная моя девочка!

Еще не имею от тебя известий и жду, – что и как с тобой? Мне кажется, что судьба наша опять улыбнулась нам. Вчера получил письмо от Радлова[997], в котором к своему удивлению прочел следующую неожиданную приписку: "Ваша заграничная командировка прошла благополучно через Университетскую комиссию". Хотя это сведение неофициальное, но оно равно официальному, ибо Радлов важный чиновник Министерства Народного Просвещения. Если бы он не знал наверное, вряд ли он решился об этом писать мне – почти неизвестному ему человеку. Так что теперь все зависит от 11-го[998]. С какой радостью увезу я тебя в теплые края, если только Господь Бог позволит. За вчерашний день я очень устал, потому что был везде и сегодня встал с головой далеко не свежей. Вот мой итинерарий: на телеграф, к Наде[999], осмотр комнаты, которую Надя приготовила (бедняжка искала 5 дней по 3 часа в день), Булгаков, издательство, обед у Шеров, Бердяевы и опять к Шерам, где праздновалось рождение Вераши. Вот мои краткие впечатления: Надя очень устала от экзаменов (сдала их 5) и находится в довольно безумном виде, но кажется довольна. Во-первых, окончательно сдружилась с Бердяевыми, которые уже заходят к ней ен деух[1000]; во-вторых усердно переводит своего А..а <нрзб> и надеется с моей помощью получить от Турбина первый аванс и первые своим трудом заработанные деньги. У Булгаковых все переболели, и у жены воспаления легких. У ней до сих пор хрипы, и она не выходит. Какое обворожительное впечатление производит С<ергей> Н<иколаевич>! У нас очень много самых тонких душевных точек соприкосновения. Представь, и с Татьяной делается что-то неладное. Тит Титыч нашел что-то подозрительное в легких, так что я в своей тревоге за тебя здесь не одинок. И Шеры, и Булгаковы тоже в тревоге. У Бердяевых я был с Надей. Когда я сказал Л<идии> Ю<дифовне>, что Павлуша был пронзен ее платьем, она с разочарованием сказала: "А я была очарована самим Флоренским, а не его платьем." Вераше[1001] вчера подарил цветы. Но у нее и без моих было так много цветов, что вся комната была буквально завалена ими. Я пока у Шеров. Но сейчас думаю перебраться. И Вера Васильевна, и Вераша особенно, предлагали мне у них остаться совсем. Но я, подумав, все же решил не оставаться. Хотя по правде сказать, очень соблазняет. За Васей[1002] почему-то следят, и он уехал в Питер.

Милая моя девочка, нежно целую тебя и жду поскорее известия, что чувствуешь себя лучше. Нежно целую Иринку[1003]. Вспомнит ли она меня? Горячо-горячо обнимаю тебя, мою дорогую, самую любимую, самую хорошую мою девочку. Сердечный привет всем дорогим вашим.

Всем сердцем твой Володя.

258. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1004] <7.02.1911. Москва – Симбирск>

7 февраля 1911 г. Москва.

Милый Александр Сергеевич!

Опять давно, давно нет от Вас вестей, и сам я не писал Вам. Что-то делается у Вас? Как здоровье Ольги Федоровны и как решение с ее отъездом? Не получая вестей, начинаем опять тревожиться о Вас. Мы жили и живем беспокойно. Была больна Елена Ивановна инфлуэнцией с начинающимся воспалением легких, но, слава Богу, остановилось, хотя и теперь остались хрипоты.

Кроме того, последнее время – беспорядки студенческие, пришлось подать демонстративную (!) отставку из приват-доцентов Университета[1005], хотя, Вы знаете, как мало я могу теперь увлекаться такими вещами, но иначе поступить не было возможности. Развязка еще неизвестна.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Пишу Вам на всякий случай опять о сборнике памяти Соловьева. Если у Вас напишется статейка, пришлите ее скорее, не позже марта, а лучше – раньше, это было бы очень радостно для меня. В издательстве все благополучно. Григорий Алексеевич в санатории в Риге. У него был легкий удар, повлиявший на двигательные центры, но надеются, что он справится, но должен будет еще пожить там. Эрн приехал с праздников бодрый, но снова прихварывает. Авва ничего теперь, пободрил и такой же славный и непримиримый. Появились новые замыслы – религиозно-философских лекций на будущий год и т.п., остальные – Бердяев, Флоренский, Кожевников благополучны. Мой приятель в Нерви пробудет, как мне говорили, там до конца февраля. В Крыму небывалая зима, и туда ехать даже невозможно. Да хранит Вас Христос и Царица Небесная! Целую Вас и люблю. Ваш С.Б.

259. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1006] [? 02. 1911. Рим–Москва.>

№13

Милая и дорогая Гармося

Ко всем бывшим и настоящим волнениям сейчас прибавилась одна гложащая забота – университет. С тревогой и ужасом слежу за событиями в Петербурге и в Москве по итальянским и русским газетам. Сейчас под впечатлением возвещенной телеграфом отставки московских профессоров. Каких? Вот источник волнения!

Чувствую, что правительство решилось вышвырнуть вон все порядочное или заставить профессоров выйти самих, сделав их жизнь невозможной. Вообще положение безвыходное: если победят студенты, университет превратится в революционный клуб. Если, что вероятнее, победит правительство, университет превратится во что-то среднее между участком или чайною русского народа. Я люблю университет, крайне боюсь поэтому, что отставка с минуты может стать нравственно обязательною. Написал Мануилову, чтобы получить от него точные сведения на этот счет.

Вообще невесело, потому что университет в данном случае частное проявление зла более общего и большого – разрушения культуры дикарями слева и справа. Неужели не дадут они ничему порядочному у нас образоваться? И неужели придется от всякой деятельности уйти – в чистое созерцанье? А что делать тем, кто не может созерцать или созерцанием наполнять свою жизнь? Сколько шиповых[1007], Г.львовых[1008] и иных полезных крупных сил выбрасывается за борт, когда мы так бедны силами. Просто отчаяние берет!

Сейчас получил твой № 11 и в восторге, что хоть ты не унываешь. Я же нахожу огромное утешение в моей работе, которая сильно двигается. Боюсь, что изо всей моей деятельности одна эта работа останется. Хотя, кто знает, может быть, для дела и нужно временно сосредоточиться на этом одном.

Ты спрашиваешь, приносит ли Верочке пользу Рим. Крайне трудно ответить на этот вопрос. Да, разумеется, сейчас в Москве было бы много хуже. Но ведь как раз теперь и так недавно прибавилась новая и такая невероятная тяжесть и боль. Во всяком случае, эта боль не из тех, которые излечиваются переменой места. Лучше в Риме, чем в Москве, но нож сидит в груди и тут.

Мое знакомство с Пальмери продолжается, и очень интересно. На днях он меня ошеломил. Я был у него в келье (он августинский монах), и он показал мнотеатр, устроенный в их монастыре, где итальянская молодежь дает оперы и комедии под руководством католических монахов. Играются исключительно пьесы с нравственным сюжетом, и делается это в целях противодействия безбожному и безнравственному светскому театру. Что ни говори, а жизненности и деловитости в католицизме хоть отбавляй! ни один способ влияния не остается неиспользованным. Но только мало они достигают. Дюшен – вообще большой острослов, на днях зло охарактеризовал папу: "Ил веут трансформер ла барэуе де Ст.-Пиерре ен гондоле венитиенне"[1009] Папа, к<ото>рый кроме венецианской епархии ничего не знает, это – не в бровь, а в глаз. Пальмери ужасно боится, что узкий <нрзб> дух, бюрократия и невежество, коим этот папа наводняет церковь, вызовут новую реформу вроде лютеранской, и считает "модернизм" внушительным предостережением[1010].

Ну прощай, моя милая, дорогая и хорошая Гармося. Ужасно досаду на медленность моего переписчика, иначе давно бы прислал тебе 2 главы. Копии со статей Соловьева в Универс[1011] для меня снимаются.

Целую тебя крепко.

260. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[1012] <7.02.1911. Москва – Тифлис>

7 февраля 1911 г.

Афанасьевский пер., д.17, кв.4

Моя милая, золотая, прелестная девочка!

Вот я и в комнате у себя. Перебрался, немного устроился и сажусь писать тебе. Перебрался и чувствую себя очень неважно. Очевидно с переездом простудился. А на носу несколько героических дней. Ну, да как Бог даст. Устроился я как будто очень недурно. Большая, светлая и, главное, чистая комната с новой мебелью, с великолепным турецким диваном. С обедом тоже устроился. Саша готовит, а прислуга мне приносит в судках. Сегодня обед был превосходный. К сожалению не было аппетита, а вчера был аппетит, да нечего было есть. Я все еще нахожусь как во сне. Дорога, Шеры, Бердяевы, "Путь", – все это с такой быстротой наскочило на меня, что я все еще неясно ощущаю действительность. Лежу на диване и думаю, отчего не подходит ко мне Люська и не говорит: "На живот!"[1013]. Кончаю работать и не понимаю, почему я в уединении должен пить свое молоко, когда меня ждет стол в столовой с красноречивым и талантливо-общественным шурином, с горячим кофе и с моей дорогой Женюшкой. Ну, через день, через два приду в себя. Завтра сажусь за регулярную работу. Я решил писать о Соловьеве[1014] как можно больше. Благо, что можно, и не только можно, но и просят.

Только что проснувшись утром, был изумлен тем, что увидел Павлушу[1015], входящего в мою комнату. И как это он нашел меня! Павлуша был очень мил. Между прочим, как-то неловко спросил: "понравилась ли Анна Михайловна[1016] жене?" Я сказал, что понравилась очень. "А Вам?" Я сказал, что также очень. Тогда он мне слегка пожаловался на Сашу[1017], который, как проговорилась О.М., ... ну, словом, говорил гадости. Оказывается, что Саша сердит и на Павлушу, не пишет и дуется (зато Наде пишет такие нежные письма, что Надя не знает, что делать). Павлуша рассказывал мне много и очень тяжелого о Люсе[1018]. Бедная, бедная! Как ее жизнь не щадит: Асатиани[1019] оказался не только грубым, но и бессердечным человеком и вел себя в отношении Люси возмутительно. Теперь они, кажется уже совсем разошлись. Люся две недели уже живет с ребенком в Посаде. Между прочим, из слов Павлуши можно заключить, что она раскаивается в том разговоре со мной и хотела бы примириться. Для меня бы это была большая радость. Павлуша усиленно звал в Посад. Если "дело" мое пройдет благополучно – поеду. Надя очень мила и заботлива, хотя и больна. Сегодня звали меня Тарувские (?). Но я не пойду. Решил возможно строже придерживаться "режима". А то лежать пластом, с болью в голове, с бессилием во всем теле – не Бог весть какая приятная штука.

Теперь для меня все заостряется в один вопрос: пан или пропал? Если суд скажет "невиновен" – все для меня превратится в радость, ибо немедленно повезу свою девочку в теплые края и своим непрерывным уходом с помощью Бога сделаю совсем здоровой, или же ... тогда не заню, что будет: настолько вторая возможность безумна, бессмысленна, хаотична.

Христос с тобой, моя радость. Будьте здоровы все. Нежно тебя обнимаю и целую. Нежно целую Иринку и всех.

Всем сердцем твой Володя.

261. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1020] <8.02.1911. Москва–Неаполь>

№15

Дорогой, милый, драгоценный друг!

Пишу тебе с отчаянием в душе! Ты себе не можешь представить, как ужасно то, что происходит в Университете. Главное ужасно, что тебя нет. Все, особенно Мануйлов и Хвостов, говорят, что это ущерб для положения дела, что тебя нет. Каково это слушать и самой это видеть! Я бы на твоём месте не могла сидеть там смотреть на Рафаэлей, гулять с "мальчиками". Прости, что я так пишу, но не могу! Клянусь тебе, что для себя я сейчас ничего не жду, всего ожидаю плохого, махнула рукой. Но твое дело, твоя деятельность,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах Университет! Ведь это развал, разгром Университета, что происходит<...>

Вообще ушло 21 профессор и 35-40 приват-доцентов. Отставку сегодня вытребовали из Петербурга – следовательно она принята. Все эти дни все живут только этим. Все собираются то здесь, то там. У хвостова в воскресенье вечером были все изгнанные. Опять говорили о тебе и досадовали<...>

Все это меня убивает! Я страдаю и не сплю эти дни хуже, чем из-за своих личных горестей! Так мне обидно, так я не могу примириться, что ты там, не здесь со всеми и что ты конечно гордо и непоколебимо останешься на своем Олимпе и в своем семейном благополучии. Это вроде жара у Сонечки[1021], а был съезд земский, решались вопросы жизни России!

Так и теперь решается вопрос духовной жизни Университета, а там Вера Александровна и мальчики. Ах, прости, но я говорю из души, что я думаю! Господи, как мне ужасно, что я говорю так с тобой, в которого я так верю и вместе с тем, в котором я так сомневаюсь.<...>

<...> Твоей отставки ждут. Телеграммы, какого-нибудь известия ждут. Ты не можешь себе представить, это совсем как будто кто-то умер. Всем непременно хочется быть вместе. Я фактически ни при чем, но я чувствую, что все эти люди мне близки и они мне тоже все звонят, все сообщают.

Я все думаю и представляю тебя, как ужасно быть где-то в холодной загранице, а здесь все кипит, а ты там неизвестно почему. Тебя все любят и ужасно жалеют, что ты мог бы выступить сразиться или что-нибудь разузнать. Ну, да что же делать!

262. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1022] <1911>

<...> Надеюсь, что Бог пошлет, чтобы все в моей жизни так сложилось, чтобы выйти на ясный путь свободы и выйти цельной, светлой и радостной. Найти дело и отдаться ему всей душой!

<...> Основа для меня ясна. Она та же, что мы делаем. Должен быть Христос –любовь, должно быть дело – работа, должна быть Россия – вся ее живая красота и сила. <...>

263. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[1023] <11.02.1911. Москва – Тифлис>

11. 2. 1911. ТИФЛИС ДИДУБЕ ЭРН

- ОПРАВДАН-

264. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <12.02.1911, Москва – Тифлис>

12 февраля 1911 г.

<...> Вчера отправил тебе телеграмму, а сегодня, только что встав (в 12 часов!), сажусь тебе за письмо. Прости, что не писал тебе эти дни. Во-первых, бегать пришлось невероятно (для суда), во-вторых, ты знала мое основное настроение и отношение к суду, т.е. о чем было еще писать, когда вся наша жизнь ставилась на карту <...> Теперь это все уже в прошлом, но как тяжело было вчера. Этот суд совсем не был похож на прошлый. Когда я приехал с Булгаковым (настолько невероятно волновался), Сытин[1024] просил меня: "Уезжайте, сегодня такой состав суда, что мы пропадем!". Но я уже заявился судебному приставу и кроме того твердо решил или сесть, или кончить эту канитель неопределенности и ожидания. Сытин был готов подействовать на пристава "по-своему"[1025], но я настоял. Председательствовал не Разумовский, а Циммерман. Тот был красив и корректен, а этот суцая обезьяна, к тому же рамолли[1026]. Но это было бы еще полбеды. Рядом с Циммерманом сидел Шадурский[1027], человек, по рассказам, чудовищно и сладострастно жестокий. Я рассказам не очень верил, но с первого же взгляда на Шадурского почувствовал, что все, что говорили о нем, правда. Он вошел в залу суда, нагло улыбаясь и цинически презрительно глядя на нас всех, как на какую-то шушеру. А на меня и Сытина он смотрел сладострастно, как гастроном на двух жирных устриц, сейчас долженствующих очутиться в его желудке. Во все продолжение разбирательства он непрерывно вмешивался, поддевал вопросами, нагло старался внедрить в сознание судей, что мы просто ловкие жулики. Он протестовал против рассмотрения судом моих сочинений

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. (прокурор не протестовал), протестовал против прочтения отзыва Лопатина, словом, вел себя самым неистовым и, главное, активным образом. Вместо простого разбирательства и вникания в сущность дела, как было в прошлый раз, получилась ожесточенная, внутренне напряженная борьба. В этой борьбе стусевалось даже показание Булгакова, и несомненно сыграл большую роль отзыв Лопатина, который мы решили захватить на всякий случай. Фальковский[1028] говорил недурно, но не в нем было дело, а в чем-то другом. Из семи судей (три сословных и 4 судьи) три почти наверное за нас (судя по тому, как они держали себя), и три безусловно против нас. Получалась напряженная коллизия: убедит ли четвертого господин Шадурский или не убедит?

Без двадцати три (дело началось в 11ч.) судьи наконец удалились для совещания. И представь, совещались почти два часа. Мне непосредственно чувствовалось, что Шадурский агитирует и действует. Когда после часового напряжения они все еще не выходили, служитель пошел подсмотреть и увидел, что завтракать они давно кончили и усиленно заняты обсуждением. У бедного С<ергея> Н<иколаевича> глаза ввалились от волнения и напряжения. Тесленко[1029] определенно говорил, что будет осуждение, я внутренне молился, и вдруг половина пятого выходит суд и объявляет нас по суду оправданными. Вот уж стало легко! <...> У меня было такое чувство, что я проскочил над бездной <...>

265. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1030] <13.02.1911. Москва – Симбирск>

13 февраля 1911 г. Москва.

Дорогой Александр Сергеевич!

В начале марта вернется Григорий Алексеевич, который уже выздоравливает, и тогда рукопись будет Вам послана. Она, конечно, цела, но все бумаги у него под замком, и, если вы будете настаивать, я попрошу А.С.Петровского произвести это расследование, но лучше, если можно, подождать.

Мой приятель – Волков из Нерви уже возвратился, поправившись.

О переводе для Вас буду думать, но очень трудно, разве только счастливым случаем может попасться, по естественному-то особенно трудно мне. Я все-таки буду ждать от Вас статьи о Соловьеве, хотя то, что Вы сообщаете о своей занятости, к тому не располагает. Но ведь статья м<ожет> б<ыть> и невелика, и в немногом можно сказать многое. Напишите, как же устроились с поездкой жены, и не могу ли я быть полезен для Вас?

Бонны и гувернантки здесь сосредотачиваются в евангелическом Чейм-е хотя и трудно бывает сделать выбор. В Крыму потеплело, и через некоторое время, когда пройдет таяние снегов, можно и туда поехать или на Кавказское побережье. На Ривьере с апреля уже, как слышал, жарко.

Напрасно Вы стыдитесь своего святочного письма, я изведаль то состояние, когда душа раскрывается от ужаса и боли, и могу понять. Эрна оправдали и по последнему процессу. Ваше приветствие передал ему. Он прихварывает, надеется на командировку. Христос с Вами!

Ваш С.Б.

266. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[1031] <13.02.1911. Москва – Тифлис>

13 февраля 1911 г.

Моя милая, золотая, ненаглядная девочка!

Во-первых, нежно целую тебя за все твои письма. Во-вторых, нежно обнимаю тебя за то, что ты моя самая любимая и хорошая девочка. Ах, радость моя, как мне стало легко! Ночью во сне душил меня кошмар, и вдруг я проснулся и увидел, что это только сон, пустой призрак, а в комнате, то есть в жизни моей, светит яркое доброе Солнце. Ты подумай, если правда только, что писал Радлов о командировке, какая радостная даль расстилается перед нами. Ущелье, мрачное, угрожающее кончилось, и мы можем спокойно наслаждаться открывшимися панорамами. Господи! Только бы сбылась теперь моя мечта! Только бы увести тебя подальше от простуды и холода. Пожалуйста берегись! Не выходи пока не станет совсем хорошо. И пока не настанет совсем хорошая погода. Я очень рад, что Елизавете Лазаревне[1032] и Карлюке[1033] лучше.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Дай Бог им здоровья! Принеси Вольване [?] самое искреннее мое извинение за то, что я не поздравил ее вовремя. Поздравляю теперь и душевно желаю ей счастья. Я все время держал в голове, что нужно послать телеграмму, но десятого был канун моего дела и день моего чтения[1034], и у меня совершенно вылетело из головы, а когда вспомнил, было уже поздно.

Соловьевский вечер прошел хорошо. Публики было битком. Ты не верь корреспонденту "Русского Слова", он врет[1035]. Реферат Вячеслава Иванова[1036] был обворожительно хорош и доставил истинное наслаждение. Вот ты увидишь по сборнику[1037]. Моя речь[1038] понравилась многим[1039]. Но особенно дорого мне было услышать слово искреннего одобрения от сестер Герцык[1040]. В день суда, то есть 11-го вечером, все собрались у Бердяевых. Вячеслав уезжал на другой день и нельзя было не пойти. Все мои друзья и знакомые приветствовали мое оправдание шумно. Вечер удался на славу, с большим внутренним содержанием, с интересными разговорами, но без споров. Меня выбрали "председателем" и я заведывал чтением поэтов. Сначала читала Аделаида Казимировна Герцык, затем Бородаевский[1041] и, наконец, Вячеслав. Меня особенно поразила А.К.Герцык, у нее свежее, яркое лирическое дарование и простота выражения почти детская. Все были просто покорены ее чтением. После того, как прочли Герцык и Бородаевский, пришла Маргарита Кирилловна (в первый раз) и очень быстро освоилась с нашим обществом. На другой день она мне высказала свои восторги. Ей очень все и все понравилось. Очевидно ей больше всего понравилось, что к ней отнеслись как к равной, как к человеку, как к своей. Лидия Ю<дифовна> попросила, чтобы я как председатель еще раз устроил чтение стихов Герцык и Бородаевского, и они читали второй раз, чтобы слышала их и Маргарита Кирилловна. От второго чтения стихи еще выиграла. Я позволил себе кутнуть и возвратился только в два часа. Теперь уже я работаю над статьей о Владимире Соловьеве. Пишу по ежедневным порциям, как в Пятигорске. Радость моя, девочка моя золотая, нежно-нежно и горячо тебя обнимаю. Еще несколько дней, и выяснится командировка. Тогда начнем собираться. Ах, как будет весело ехать! Нежно и горячо тебя целую. Христос с тобой и Иринкой. Нежно целую ручки Люси. Только бы вы были здоровы, когда я приеду. Сердечный, сердечный привет и поцелуй всем.

Твой Володя.

267. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1042] <14.02.1911. Рим – Москва>

Милая и дорогая,

вконец убит и пришиблен только что полученным твоим письмом до боли, до нестерпимой боли, обидным и несправедливым. Неужели это ты можешь так писать и, главное, так меня понимать! Я совершенно иначе чувствую эти вещи, когда ты одна с глазу на глаз кричишь их в твоей комнате и потом через полчаса сама плачешь и просишь прощения. Но это написано за много тысяч верст, значит, обдуманно и все-таки послано! Гармося, моя дорогая, неужели это ты?

<...> Как сказать человеку, истерзанному, измученному, изболевшемуся душой до того, что в ней нет места живого, человеку, который часто думает о смерти, как "о счастье", что он сидит "на Олимпе", наслаждается Рафаэлем и прогулками с мальчиками. Да побойся ты Бога! Припоминать отъезд со съезда как характерный для меня эпизод[1043] в те годы, когда я почти круглый год провел в вагоне, ездил все время забастовок, во время мятежей, ходил и под пулями с опасностью для жизни (в Киеве в нас стреляли революционеры), запустил науку, потому что политика съела все; и говорить, что я тогда был погружен в "семейное благополучие!" кто это говорит!

А теперь, видит Бог, почему я в Риме, а не в Москве, и счастье ли это для меня! Но кроме Бога и ты должна знать, а не говорить, что эта мука для меня – благополучие!

"Это ущерб для дела". Я этого не думаю: в таком стихийном деле отдельная личность не может ничего. Но пусть так! Если и был ущерб, то был он оттого, что меня не было в Москве в критическую минуту, когда подал в отставку Мануилов, а за ним и профессора[1044]. Но приезжать после этого свершившегося факта было для университета совершенно бесполезно! Я узнал об университетских событиях истинную правду только тогда, когда университет был уже разрушен непоправимо; мне оставалось только послать мою отставку, что я и сделал в письме к Давыдову[1045] (одно прошение очень резкое,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. другое – менее – на выбор профессоров-друзей). Что же мог я сделать кроме того! Вот профессора меня правильно поняли, что мне неизмеримо тяжелее переживать все это одному. Ах, Гармося, милая, дорогая, как обидно, как больно думать, что они это поняли, а ты нет! <...>

268. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[1046] <15.02.1911. Москва – Тифлис>

15 февраля 1911 г.

Б.Афанасьевский пер., 17, кв.4

Моя милая, золотая, ненаглядная девочка!

Мне больно, что я не могу тебе писать так часто, как хочу. Когда пронесся надо мною вихрь суда, я увидел, что мне очень усиленно нужно писать Соловьева, ибо 1) нужны деньги, 2) нужно не задерживать сборника. И вот теперь уже я погрузился в писание и сегодня, например, написал три страницы. Радость моя, я понемногу прихожу в себя, теперь уже чувствую, что я один без тебя в Москве, вижу, что это не сон, и мне грустно, что я не с тобой и не могу за тобой ухаживать. Как-то ты себя чувствуешь? Вышла? Благополучно? Я не имею от тебя писем два дня и сегодня мне беспокоино. Тем более, что позавчера меня всю ночь душили кошмарные сны. Женечка, милая моя, когда я наконец увезу тебя, и будет ли это? Хоть бы скорее пришел официальный ответ. Эти дни я проводил довольно безумно (после усиленной работы впрочем!). Именно – вместо того, чтобы приглашать Шеров к себе по случаю избавления моего от тюрьмы, я решил прокатить их на автомобиле. Я хотел взять Ольгушу, Верушу, Надю, Бердяевых. Но Ольгуша уехала из Москвы, Л<идия> Ю<дифовна>, как потерпевшая сильное крушение на автомобиле (во Франции), решила не ехать, Н<иколай> А<лександрович>, который был сильно занят, сказал, что это "демонизм", и мы поехали вчетвером, взяв вместо Ольгуши Елену Федоровну. Ездили час и сделали верст 25, выехав за Москву в поле и в лес. Все остались довольны, в том числе и я. Стоило это удовольствие 5р. Да, вспомнил о долгах. На днях я вышлю Карлюке деньги. Только не все, м<ожет> б<ыть> даже очень немного, потому что нужно платить Фальковскому. Кроме того, еще будучи в Пятигорске, я мысленно дал обет, что если останусь на свободе, подарю Салвинас 25р. Из тех денег, которые я пришлю Карлюке (все равно, сколько бы я ни прислал) ты возьми себе 5 или 10 рублей на мелкие расходы и 10р. дай Салвинас. Остальные 15р. я передам ей через Карлюку к Пасхе. Я уверен, что ты исполнишь это мое желание с радостью. Милая ты моя, золотая девочка! Господь с тобою! Нежно-нежно тебя целую и обнимаю, только будь здорова и берегись! Я думаю уже скоро, то есть на этих днях, должен прийти ответ, и тогда мы можем начать готовиться к отъезду. Мне нужно очень много сделать до отъезда из России, у меня, очевидно, февраль будет занят самыми усиленными занятиями во всех смыслах. Л<идия> Ю<дифовна> просила тебе очень кланяться и сказала, что она переживает за нас восторг, т.е. за то, что мы едем. Твои письма меня страшно радуют. Пиши всегда "бюллетень". Непременно телеграфируй все. Прощай, за мной пришел С<ергей> Н<иколаевич>.

Завтра объясню. Христос с тобой.

269. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1047] <16.02.1911.Москва – Рим>

Милый Женечка! Посылаю тебе по просьбе Сергея Ивановича[1048] экземпляр воззвания, написанного Сергеем Андреевичем[1049]. Пока оно конфиденциально роздано по рукам и собираются подписи[1050]. Мы с Сергеем Андреевичем очень пожалели, что не ты это писал, т.к. написано слабо, по-моему, не достаточно для массы, на которую рассчитывают. Дай Бог, чтобы что-нибудь вышло – это было бы внушительно. Сейчас получены твои корректуры – я еще не прочла, но видела, что ты кое-что исправил.

У нас в издательстве все хорошо. Булгаковым с Бердяевым я очень довольна – мы с ними все больше сходимся. Часто много и хорошо говорим. Они относятся к делу горячо – заходят постоянно. Меня волнует вопрос о сборнике. Ты понимаешь, что мы, издавая ряд сборников, хотим этим выразить нашу боевую линию. Мы задумали поэтому написать предисловие к Соловьевскому сборнику, как к первому и обозначить этим предисловием вехи, по которым будем идти, вроде программы. Писать хочет Булгаков. Т<ак> к<ак> меня соблазняет боевая позиция и увлекает мысль вести борьбу, то я сочувствую этому, но боюсь, потому я сказала, что без твоего прочтения и согласия я нахожу неловким выступать с этой программой. Тебе будет прислано предисловие скоро. Ты

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. напиши, как ты находишь данное предисловие, прокорректируй его и скажи вообще согласен ли ты, что предисловие нужно. Ради Бога сделай это и обдумай.

Эрн вообще пугает меня своей узостью – он отпугивает всех. Теперь, когда спор двух течений так остер, опасно отпугивать узким догматизмом. Ввиду этого хорошо ли предисловие? А с другой стороны, не определять своего облика, не ставить иногда ребром – как-то безжизненно. Разреши мои сомненья – я тебе верю.

Я тебе не сообщала о двух докладах Яковенко[1051] и Степуна. На обоих очень резко вспыхивали столкновения между христианами и неокантианцами (или как их назвать?). Видно, что спор разгорается по всякому поводу и встают ребром все вопросы по существу. Степун был разбит в пух и прах! Он не бездарен, но поразительно безвкусен и легкомыслен. Яковенко, по-моему, единственный, к которому стоит присмотреться. Несмотря на оболочку меонизма его конечный идеал как-будто религиозен, хотя пока еще бессодержателен[1052].

Я забыла тебе сообщить, что у меня явился новый знакомый Кривошеин, знаешь, министр земледелия[1053] – я его избегала, особенно ввиду университетской истории, противно видеть представителей власти. Но он очень энергично мне звонил, писал и приезжал. Меня это особенно заинтересовало потому, что он явно меня интервьюирует. Знает обо всех наших собраниях, кружках, изданиях и, видимо, очень хочет проникнуть во все. Меня поражает, насколько наивные и ложные у них там взгляды на все – это поразительно. Мы с ним воевали два часа насчет Университета[1054]. – Вот, кажется, все, что я имею сказать более внешнее. Еще хочется сказать, что я чувствую, что ты мной чем-то недоволен и думаешь, что я тебя не понимаю. Вообще ты ужасно там увлекся своей борьбой! Милый друг, так мне тяжело, так безотрадно жить, а жить так хочется! Ну зачем ты так все ненужно портишь, так не ценишь! Право, я не претендую составлять для тебя все – я сама хочу жить не только личным! Зачем же нам так омрачать и так тяжелую жизнь! Хоть одну минуту отвлекись от своей задачи и войди в мою душу и положение и не будь так сух и суров, не разбивай всего! Будь более доверчив – вспомни, что не одни ужасы ты со мной переживал, а много радости! Почему же ты хочешь губить эту радость, что ты этим достигнешь и к чему?

270. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[1055] <18.02.1911. Москва – Тифлис>

18 февраля 1911 г.

Моя милая, прелестная, хорошая, золотая моя девочка! Ты не сердись на меня, что пишу тебе мало. Меня заела работа над Соловьевым. Еще слава Богу, что остается сил. Кроме того, что хочется написать что-нибудь достойное, я еще увлечен ритмом работы. Я взял то "темпо", которое с необходимостью заставляет меня писать больше, чем я предполагал сначала, и вот уже написал 42 стр., а сделал всего лишь 2/3 работы, а может быть даже и меньше. Кроме всего прочего в данную минуту это единственный наш заработок, и я не насилую своей мысли в приятном чувстве, что, чем больше я пишу, тем больше получу, а деньги нам будут очень нужны даже при поездке за границу, а без оной тем паче. Радость моя, я очень доволен твоими письмами. Даже твои закрыточки меня удовлетворяют. Меня тревожит только твое признание, что ты дышишь свежим воздухом, боюсь вдруг простудишься.

Женечка, лишь только написал эти слова, как получаю твою телеграмму. Ничего не понимаю! Я пишу тебе через день, иногда через 2, но никогда не реже, так что очевидно какое-то мое письмо не дошло, и ты, бедная, тревожишься. Успокойся, радость моя, все хорошо. Я здоров (относительно) только очень занят. И так как утром пишу почти до изнеможения, у меня нет сил писать так часто, как хотелось бы. Будь хорошей девочкой, не сердись на меня.

То письмо, которое я послал тебе неоконченным, было прервано Булгаковым, который с Кожевниковым и Новоселовым зашли за мной, чтобы идти к В.М.Васнецову. Мы условились, что я зайду за ними в 7 часов, но я стал писать тебе и решил не идти. Тогда они пришли за мной, причем Кожевников и Новоселов ждали во дворе, на морозе. Я поэтому так поспешил. У Васнецова провели очень интересный вечер, но о нем напишу лучше отдельно, потому что в этом письме мне хочется тебе написать о другом. Позавчера я был у Жуковских на блинах. К ним собралось много народу, и представь мое удивление, когда вдруг вижу одну из Тибяковских [?] теток, а потом пришла и "Саша". Она, можно сказать, ко мне "кинулась" и долго держала мою руку,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках
говоря, "как я рада, как я рада!" Рассказывала о болезнях своих и болезнях "Лелеки". Она стала подробно спрашивать о тебе и сказала нарочито: "Когда будете писать, пожалуйста передайте мой самый сердечный привет. Я очень полюбила Евгению Давыдовну, она вошла в мое сердце, такая приятная, музыкальная ученица!" Я на это сказал, что ты мечтаешь о Москве главным образом для того, чтобы брать у нее уроки! Е.М. совсем была довольна: "Ах, мне очень, очень приятно это слышать"... Вообще в этот вечер говорили много приятного не только обо мне, но и о тебе.

Аделаида Казимировна[1056] (которая мне все больше и больше нравится) сказала мне, что видела тебя всего раз на заседании Вяч. Иванова, но у ней сохранилось "очень светлое впечатление" от тебя. Когда ты ее узнаешь, ты поймешь, почему мне было приятно это слышать. Она очень особенная и настоящий поэт, и как поэт проницательна и искренна. Тебе должно быть приятно, что ты оставила в ней при мимолетном свидании хорошее и светлое впечатление.

Чтобы преподнести тебе весь букет, скажу еще, что Н<иколай> А<лександрович> патетически вспомнил, что мои приемы их с тобой и без тебя совсем разные вещи. Когда я протестовал против этого, сказавши, что все на столе и в комнате при тебе не изменилось, он разводя руками, встав, сказал очень убедительно: "Нет! нет! Все по-другому! И угощения другие и скатерть и варенье – все по-другому!!!" Очевидно под этим "все" он разумеет, что с тобой ему было веселее. Вообще он просил тебе кланяться.

Я купил тебе "Былое и думы" и вышлю в понедельник (сегодня суббота). Надя усиленно переводит и скоро уже сдает в печать. Очень недурно выходит. С обедом вышло остроумно. Получаю очень хорошую пищу. Милая девочка моя, золотая Женюшка, нежно и горячо тебя обнимаю и нашу Люську. Христос с Вами. Буду стараться больше и чаще писать. Нежно-нежно тебя целую в самые губы. Будь здорова, береги себя. Сердечный привет всем.

Вл.

271. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1057] <19.02.1911. Рим – Москва>

Гармося, милая моя и родная

Боюсь писать тебе в Москву, потому что не знаю, когда ты должна выехать. Отправил тебе об этом две телеграммы; но одну вернули из Москвы, так как не доставало твоего адреса, а на вторую, посланную сегодня, ответа еще не могло прийти. Итак рискую писать в Москву и, боясь пропажи, пишу немного.

Очень тебе благодарен за присылку открытого письма представителей промышленников. Но я прочел его уже раньше в "Русск<их> вед<омостях>" – единственной газете, которую я получаю, и разумеется догадался, что это – дело рук С.И.Четверикова. Передай ему выражение моей глубокой благодарности и уважения за это доброе общественное дело: письмо написано с большим достоинством и без лишних фраз; оно мне очень понравилось.

Очень рад видеть, что у вас философская жизнь по-прежнему кипит. И надеюсь еще принять в ней участие. Но сейчас думаю, что даже и будучи в Москве к "трансцендентализму"[1058] относился бы рассеянно. Уж очень захватывает грандиозная университетская драма, из-за которой работа о Соловьеве идет сейчас значительно медленнее и хуже. Кстати, судя по газетному отчету, Эрн по обыкновению подпустил в свою речь[1059] патристического кваса и конечно наврал. Открытие "Софии" вовсе не принадлежит Соловьеву. У Баадера[1060] она так и называется "София" и совершенно также определяется как "идея" или "мир идей".[1061]

Долго мучала меня мысль написать в газеты по поводу нашего ухода, долго останавливала трудность писать издали, не зная всего и с опасностью отстать от событий. Наконец, не выдержал, написал и послал в "Речь", где она появится приблизительно одновременно с получением тобою этого письма. Послал в "Речь"[1062], потому что московским газетам, по-видимому, запрещают печатать. Уж и будут же меня ругать и справа и слева. Я чувствовал себя обязанным всыпать и тем и другим, потому что и правая и левая умаляют значение нашей отставки, делая нас "забастовщиками", что вопиющая ложь[1063]. Послезавтра (на 1й неделе великого поста) начну говеть, а кончивши говение, мы поедем в Неаполь.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Мальчики мои поехали в Сицилию одни[1064]; теперь никаких осмотров я не произвожу (впрочем, уже давно) и ограничиваюсь гигиеническими и деловыми прогулками.

Настроение теперь временами – подавленное общественным кошмаром и ужасом, нависшим над Россией; боюсь, что "сие есть начало болезней"[1065]. Когда правые будут сметены левыми, эти покажут нам ужасы, неизмеримо большие. И мы, т.е. культурная середина, опять и всегда гонимы. Но в гонениях и рождается все великое, прекрасное и ценное. А это дает надежду.

Крепко целую тебя, моя дорогая.

272. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1066]

[353]

273. Е. Н. Трубецкой – М. К. Морозовой

<20.02 1911. Рим–Москва>

20 февраля 1911 г.

Милая и дорогая Гармося,

Вчера получил твоих два письма; утром – отчаянное, а вечером – утешенное и соответственно с этим сам к вечеру утешился, а утром был весьма мрачен. Сейчас буду говорить по поводу обоих этих писем. А пока утешу тебя ещё маленькой весточкой. – Вчера получил копию с той части письма Штроссмайера к Рамполле1, где говорится о Соловьеве; очень интересный неизданный документ. Соловьев ожидался в 1888 году в Риме, где должен был получить апостольское утверждение и благословение на дело католической проповеди в России (в действительности не явился).

Одно не знаю – опубликовать ли этот важный документ в сборнике памяти Соловьева. Посоветуйся об этом с прочими членами «Пути» и скажи, что по-моему, лучше такого рода документ поместить где-либо в другом месте, в связи с пространном комментарием о католичестве Соловьева (напр<имер>, в приложении к моему сочинению), а не в сборнике, где, не будучи надлежаще комментирован, он собьет с толку читателя.

Относительно предложения Кубицкого есть много доводов за и против. Противто, что К<убицкий> хоть и хороший филолог и древнюю философию знает, – как рационалист и недаровитый человек, совершенно не способен передавать ни мистической глубины, ни мистической красоты поэзии Платона. За то, что хоть какой-нибудь перевод, сделанный человеком знающим, – все же лучше, чем ничего. Можно согласиться, хотя энтузиазма это не вызывает; но если остальные члены «Пути» очень запротестуют, я настаивать не буду; тем более, что хороших переводов иностранных – сколько угодно. Как бы не вышел мертвый Платон у К<убицкого>?

[354]

А по поводу твоих двух последних писем, дорогая моя, скажу вот что. Завтра начинаю говеть и прошу у тебя от души прощения. Всю неделю до Субботы буду молиться, чтобы все между нами было хорошо, чтобы Бог дал сил нам обоим на хорошую, святую и чистую дружбу и чтобы никакая неправда не вторгалась в наши отношения и не нарушала мир наших душ. Родная моя, вот если бы ты могла поговорить и с той же мыслью. Такие ответственные минуты приближаются для нас с тобой – и страшные, оттого что слишком радостные. Дочитывай и твоего письма и пойми, что ведь не видел бы я опасности, если бы с моей стороны было бы равнодушие. Не холода я боюсь, а чрезмерной горячности моих собственных чувств.

А бояться есть чего. И ты и я чувствуем, что неправда, обман в будущем недопустимы. Стало быть, между нами должна быть такая истина, которая бы не убивала. Нужно сделать сверхчеловеческие усилия, чтобы это было так. Все мое значение и дело в жизни от этого зависит. Но, впрочем, нужно ли это тебе говорить? Дорогая моя, ты сама все это знаешь не хуже меня. – Но вместе с тем не могу и не говорить тебе этого, потому что сейчас вся душа

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
моя этим полна. Помни, что вся наша задача теперь, предстоящая обоим – принять крест (чего иудеи не захотели)². И через крест мы с тобой не удалимся, а будем много много ближе. Сколько раз на опыте я убеждался, как общее лишение и общая жертва нас с тобой сближают, милый мой, дорогой ангел и друг. Не потому пишу все это, чтобы сомневаться в серьезности твоих намерений, а потому, что хочу и сам в этих намерениях укрепиться и тебе помочь.

Крепко, крепко тебя целую. Пожалуйста, извести задолго о твоём отъезде. Очень боюсь, как бы все твои дети не переболели корью. Тут заразительность – огромная, даже непреодолимая.

Ещё раз крепко целую.

ОР РГБ, ф. 171.7.1а, л. 40, 42 об. Ранее опублик. с коммент.: Носов 1993.

1 См прим. 1 к п. 248.

2 Тема Креста становится центральной в книге Е.Н. Трубецкого «Смысл жизни».

274. Е. К. Герцык – В. Ф. Эрну

<20.02.1911. Москва–Москва>

Милый Владимир Францевич, завтра в воскресенье Бердяевы у нас на Солянке. Я не зову Вас, помня усталость Вашу, но просто говорю, чтобы Вы знали, и, если б смогли и захотели, – нашли бы нас и обрадовали.

Е. Герцык. М.Ивановский пер. 4.

ОР РГБ, ф. 348.2.19, л. 4, открытка с видом афинского Акрополя. Адресовано: «Вл. Фр.Эрну. Большой Афанасьевский (Арбат), д. 17». Датировано по почт. шт. отпр.

[355]

275. М. К. Морозова – Е. Н. Трубецкому

<20.02.1911. Москва – Неаполь>

<...> Как удивительно хорошо ты выразил неправильность понимания Соловьевым Восточного и Западного начал, противоположения их как деятельного и созерцательного. Это удивительно верно и глубоко, что это есть различное понимание действительности христианства мистической и практической.

Потом два понимания Церкви как духовной власти и таинственного дома Божия. Все это время под влиянием того, что ты пишешь, статьи Макса Сакс<онского> и Соловьевского заседания я думаю обо всем этом и читаю некоторые книжки. Кругом все время у нас в «Пути» идут разговоры о католицизме и православии, и я вижу, как ты глубоко поставил и глубоко проник в смысл этого явления. Никто из всех этих писателей так верно и ярко этого не сказал. Удивляюсь на Соловьева, как он мог желать и думать о внешнем соединении Церквей и придавать ему значение. Тут все дело в мистическом взаимном проникновении, в действительном проникновении двух мировых религиозных начал. Этот абсолютный синтез есть конец этого мира, как ты говоришь. Чтобы этот синтез был достигнут объективно в мире – это, вероятно, конец истории, но в отдельных душах, я думаю, может быть приближение к самым глубоким откровениям. Отдельные люди, я уверена, могут достигать такого радостного состояния в любви к Богу, в котором может открываться, взаимно передаваться и реализоваться самый глубокий синтез. Душа может переживать всеединство в полноте! Это та «Церковь», о которой я мечтаю. У Соловьева в его «Теургии» это выражено! Как это он мог вместе с тем так не реально мыслить в сфере жизни. Это влияние на него Гегеля?

Но все-таки хорошо то, чтобы хотя обе стороны не враждовали и, хотя не соединялись внешне, умом пока понимали друг друга. Жаль только, что заботясь, чтобы мы признали католичество, Соловьев не сделал того же для православия. Вот тебе бы написать по-французски книгу о нашем активном мистицизме для католиков <...>

Всегда и во всем я с тобою согласна в построении и понимании, всегда испытываю удовлетворение, всегда ты мне столько даешь и разъясняешь. Но одно у меня всегда остается невыясненным, и как будто я иначе чувствую. Это мысль о конце всего и о запредельном! Ты всегда все разрешаешь «там». Это так, конечно, и должно быть, объективно Царствие Божие уже не есть этот мир. Но, с другой стороны, Царствие Божие внутри нас уже «здесь» нами начинает реализовываться в каком-то таинственном откровении и делании «теургии». Тут уже мир земной может переживаться символически. Какая-то радость и новая реальность открывается в нём. Тот же мир, но новый! Это положительный идеал и вера в этой жизни начать и найти переход к вечной

[356]

жизни. Тут есть свои пути, которые нужно искать и создавать. Все-таки религиозный материализм, воплощение! <...>

ОР РГБ, ф. 171.3.4, л. 35–36 об. Публикуется впервые.

276. М. К. Морозова – Е. Н. Трубецкому

<? 02.1911. Москва–Рим>

<...> Совсем другого хотелось бы от жизни, от общества и от тебя <...> Порыва, безумия, силы, кипучей деятельности, энтузиазма и в любви, и в Боге. Авечная правота, вечная теплая манная каша надоедает иногда до нестерпимости! Душно делается и хочется разорвать все оковы и полететь! А тут чувствуешь, что ни в ком и ни в чем не находишь ответа и падаешь бессильная и разбитая. Пусто и одиноко делается! Вообще такая ломка, такой Крест! А ты находишь, что ещё мало! Ну довольно <...> Прости за нападения, прости твою беспокойную Гармосю, мне хочется уж сильной жизни! Бога надо любить с энтузиазмом, с упоением души, и тогда в жизни уже приобщиться к вечной жизни, к Царствию Божию. Нельзя гасить этого огня, нужно безгранично дорожить тем, что мы зажигаем огонь друг в друге. Будь терпелив и очистится этот огонь постепенно, а сразу нельзя – смерть! <...>

ОР РГБ, ф. 171.3.4, л. 15–16 об. Б. д., датируется по контексту, публикуется впервые.

277. Е. Н. Трубецкой – М. К. Морозовой

<25.02.1911. Рим–Москва>

№ 19 ?

<...> Многое происходит конечно и оттого, что ты не отдаешь себе отчета в нашем здешнем настроении. Не только не приходится давать обещаний «не бывать на собраниях»¹ и т.п., но напротив, сама же Верочка первая настаивает на том, чтобы я на них бывал и иногда даже с этой точки зрения восстает против Бегичева². У нее панический страх – оторвать меня от моих интересов и деятельности. И этой мысли она не допускает. Значит ты видишь, до какой степени с этой стороны бояться тебе нечего. Но я испуган в свою очередь тем, что жизнь тебе кажется совсем потухшей и скучной! Я тебя зову участвовать во всей моей духовной жизни, – переживать вместе то, что составляет её смысл. И ты отвечаешь, что тебе это кажется так серо, тускло и скучно!

Дорогая моя, самая в тебе опасная черта – искание яркого как такового. Ничего кроме ярких солнечных красок ты не ценишь. Перечти ради Бога знаменитое стихотворение Тютчева – «Эти бедные селенья» и все, что дальше там говорится о «крае долготерпенья» русского народа. Внешне все то, что в этом крае творится – серо, скучно и неярко. И оттого-то всего этого «не поймет и не оценит гордый взор иноплеменный».

[357]

Но ведь ты не иностранка, ты – русская и потому должна понять, сколько

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах. Красы, силы и глубины в этой молчаливой, неприметной рабыне масс, какой подвиг и какое творчество тут совершаются в молчании.

Это стремление к яркому, во что бы то ни стало, – черта романтическая, не русская и в особенности не христианская. Это желание вдруг, сразу, помимо Креста достигнуть Преображения и удержать его навсегда.

Дорогая моя и милая, ужасно боюсь, что неярким, постылым и скучным кажется тебе именно то, что составляет мою духовную сущность! Скажи, ради Бога, почему же при всем этом я тебе дорог и нужен?

Думаю, что нужен тебе не чем-либо другим, а этой самой духовной сущностью, против которой ты восстаешь и борешься. Видимо душе твоей нужно не то внешнее яркое, о чем ты так часто мечтаешь, потому что иначе ты давным давно бы нашла другой предмет мечтаний; таких предметов, превосходящих меня внешнею яркостью, можно найти бесконечное множество. Отчего же тебя тянет именно ко мне? Да именно оттого, что вопреки мечте в тебе есть какое-то подсознательное («сублимашка»³ ты эдакая!), которое сильнее и вернее мечты. И оно говорит тебе, что яркое в этой жизни 99 из 100 случаев – мираж.

Поверь ты также и вот чему: в моём, как ты говоришь, «скептицизме» есть искания подлинного и истинного; от того и эта неудовлетворенность тем, что полуправда или тем, что ярко на «мгновение», а завтра исчезает, как мираж. <...>

ОР РГБ, ф. 171.7.1а, лл. 42–43 об. Датировано по почт. шт. отпр.: 10.03.1911. Рим.

1 Речь идет о заседаниях редакционного комитета издательства «Путь», которые были единственным официальным поводом встреч Е Трубецкого и М Морозовой, проходивших в её доме.

2 То есть против жизни в Бегичеве, семейной усадьбе Трубецких.

3 По-видимому, это одно из первых употреблений базовых терминов психоаналитической теории З Фрейда в русском ненаучном контексте.

278. М. К. Морозова – Е. Н. Трубецкому

<26.02.1911. Москва–Рим >

<...> Мне нужно массу всего тебе сообщить – накопилась тьма. Во-первых, деловое. О переводе Платона: наша редакция, также как и ты, отнеслась отрицательно к переводу Кубицкого и из тех же соображений. Может быть в будущем мы и организуем этот перевод, но в лучшей комбинации.

В сборник о Соловьеве статей Соловьева лучше не помещать, а их издать, может быть отдельной книгой вместе с другими, не вошедшими в собрание сочинений, если это нам удастся. Или ты при твоей книге издашь. Но твоего Соловьева необходимо издать в «Пути», иначе будет прямо ужасно обидно и грустно.

[358]

Теперь о твоей статье в «Речи»¹. Она мне очень понравилась. Везде она произвела большое впечатление. Профессора, которых собралось очень много у Николая Васильевича² в четверг, все в восторге от нее. С.И. Четвериков говорит, что вчера на собрании у Коновалова³ тоже все о ней говорили. Наконец, и Четвериков и Давыдов привезли известие из Петербурга, что на нее все обратили большое внимание.

Потом, в четверг вечером, у Ник<олая> Васильевича при большом собрании профессоров, читались твои оба прошения об отставке «пиано» и «форте», но все единогласно решили, что ты должен попасть под суд, если его подать <...>

Потом ещё известие: все это время происходят собрания у Коновалова.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Собираются профессоры и все подписавшие письмо⁴ коммерсанты. Только что мне сообщил по телефону Сергей Иванович⁵, что вчера они постановили пока конфиденциально, составить обращение от избирателей 1-ой курии, собрать массу подписей к депутатам от Москвы в Государственную Думу с выражением порицания действиям Правительства.

Завтра у нас опять собрание, посылаю тебе повестку. Ты говоришь, что к «трансцендентному» отнесся бы рассеянно. Это я понимаю, но не в этом дело. Вся твоя сила в том, что ты никак не смеешь относиться рассеянно ни к одному движению философской мысли вообще, а у нас в Москве в частности. Ты должен быть проповедником, в этом твоя сила. Ты не ученый исследователь. Твоя философия есть философия жизни. Она равнодушно не может относиться ни к одному духовному движению русской души и мысли. Временно ты должен углубиться и уединиться, но только для того, чтобы ещё усилить борьбу в будущем <...>

Ведь сейчас я хоть и не говею, но уверяю тебя, что в поте лица несу свой Крест. Утром рано встаю, еду дежурить в школеб. Провожу четыре часа там, наблюдая занятия с детьми, я изучаю это дело для будущей школы в деревне. Возвращаюсь домой к 9-ти утра, около 2-х завтракаю (ем постное), бегу ко всем детям, смотрю, что они делают. Бегу в редакцию, там много дела. Потом 2 часа мы читаем фихте. Обедаю, читаю с Марусей и Микой по часу. В десять вечера так устаю, что едва дотащусь до постели. Это почти все время так <...>

Конечно, жизнь иссохшей старой девы или преисполненной высоких правил матроны – это не моя жизнь. Я или буду гореть жизнью или погасну. Только тогда я буду жить, работать и нести Крест, когда моя душа будет зажигаться и соприкасаться с лучезарным миром, где мой чудный солнечный всадник, где мы соединяемся, чтобы делать то светлое и прекрасное, ради чего только и стоит жить <...>

ОР РГБ, ф. 171.3.4, л. 31–34, датировано по почт. шт. отпр., публикуется впервые.

1 «К уходу профессоров». См. прим. 5 к п. 271.

2 Давыдов Н. В.

[359]

3 Коновалов Александр Иванович (1875–1948) – крупный промышленник, лидер «прогрессистов»; в дальнейшем – министр Временного правительства. Умер в Нью-Йорке.

4 «Крупный промышленник и видный общественный деятель устраивал у себя два раза в месяц собрания, на которые приглашались представители промышленности и видные профессора <...> для обмена мыслями по экономическим вопросам. Помню как неизменных посетителей профессоров П.И. Новгородцева и С.А. Котляревского. <...> С этим временем совпало гонение со стороны правительства на передовые элементы московской профессуры. В очередном собрании Александр Иванович <Коновалов> возбудил вопрос о том, не следует ли также купечеству, много сыновей которого учится в числе студентов Московского университета, тоже присоединить свой голос к общему протесту московского общества. Мысль эта нашла полный отклик со стороны собрания, и решено было, не теряя времени, опубликовать такой протест за подписью возможно большего числа лиц московского купечества; составление текста этого протеста было поручено мне <...> Было составлено два экземпляра текста, и, разделив между собой список лиц, от которых было желательно получить подписи, Коновалов и я на другой день отправились их собирать. <...> Было собрано 66 подписей. <...> Так как я был знаком с главным редактором «Русских ведомостей», Соболевским, то мне было поручено упросить его поместить этот протест в следующем же № «Р.В.» Соболевский настолько этим заинтересовался, что при мне вызвал метранпажа, распорядившись переставить текст уже почти готового № и поместить наш протест на первой странице» (Четвериков С.И. Безвозвратно ушедшая Россия. Берлин, б. г., с. 53–54. Цит. по публикации: Носов 1993). Текст письма см. в прим. 3 к п. 269.

6 М. К. Морозова была попечительницей одной из московских гимназий.

279. М. К. Морозова – Е. Н. Трубецкому

<? 02.1911. Москва–Рим>

<...> По-моему самая трудная задача, суметь пролить в трудное дело луч солнца, воскресенья, заставить все и всех делать его в радости, просиять от мрака и страдания, в которые мир погружен. Я думаю, это огромная психологическая и религиозная задача – понять радость и улыбку как начало любви к Богу и победы над жизнью и смертью. В слиянии с жизнью, в общем деле, чтобы каждый воскресал душой, оживлял и одухотворял все вокруг себя, вызывал веселую улыбку жизни. Только в радости и красоте можно почерпнуть силу для победы. А что будет со всеми нами, если среди мрака, тоски и серой мглы, нам все будут без конца говорить о Кресте, который и так все несут! Крест, Крест и Крест! Не лучше ли с улыбкой радости и участия прийти в «эти бедные селенья», такой же грешной и несчастной, как и все, и отдать свою душу, не беречь её, чтобы пролить луч солнца, творчества, свободы и в свою и чужую душу!

Вспомни Зосиму. Он не Крест все время показывал, а мировую любовь, мировую душу в радости и бесконечной любви ко всему живому! Он улыбался и радовался! Это ли не русское, не христианское! Нет ты погрузился в Римский мрак! И у кого «гордый взор иноплеменица»? Конечно, я люблю яркие краски, солнечный свет, суть моей души связана с этим, несмотря на

[360]

трудность моей жизни. В этом моя сила и победа. Убить это – убить меня! А я ещё надеюсь, что эти краски послужат многому о чем мечтаю и чему верю. Не для благ земных я эту радость хочу сберечь, не разбивать, для дела, которому отдала свою жизнь. Это единственное моё сокровище, Богом мне данное. Не разбивай его. Я сама, конечно, все сделаю, чтобы сохранить живой ключ, потому что знаю, что с этим надо мудро обращаться, а то, убив это, – убьешь себя!

В моём школьном деле – много хорошего. Как будто что-то выйдет. Боюсь верить ещё! Пока было столько разочарований во всем. Летом собираются ко мне в деревню человек 20 молодежи, начнут обрабатывать землю для колоний. Землю я купила, Синод разрешил, так как для колоний¹ <...>

ОР РГБ, ф. 171.3.4, л. 10; б. д., датируется по содержанию.

¹ М. К. Морозова организовала недалеко от своего имения Михайловское, в деревне Белкино, школу для крестьянских детей. При школе на земле, специально купленной Морозовой у церкви, была организована трудовая колония «Бодрая жизнь», которой с 1911 г. руководил педагог-психоаналитик С.Т. Шацкий (1878–1934). После революции и национализации имения колония была превращена в 1-ю опытную станцию по народному образованию Наркомпроса, находившуюся под наблюдением Н. Крупской. О С.Т. Шацком см. прим. 1 к п. 460.

280. Е.Н.Трубецкой–М.К.Морозовой

<5.03 1911 Неаполь–Москва>

<...> Между прочим с 5-го по 11-е апреля (по новому стилю) будет философский конгресс в Болонье, на который званы некоторые русские профессора, в том числе Петражицкий, Новгородцев (оба не поедут) и я¹. Продолжится он недельку, будут Виндельбанд, Риль и многие другие; но меня это мало соблазняет. Уж очень чуждо бы я себя чувствовал; приглашают сделать «сообщение» и дают 8 минут времени! И к чему мне все эти имманентности. Всех бы их отдал за одну твою улыбку. Когда-то её увижу!

Поеду или нет, пока не знаю² <...>

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах ОР РГБ, ф. 171.7.1а, л.54, об. Датируется по почт. шт. отпр.: 18.03.1911, публикуется впервые.

1 IV Международный философский конгресс состоялся в Болонье 4–11 апреля 1911 г. Россия (включая Варшавскую губ.) была представлена следующими лицами:

Абрикосов Николай, Москва; Боборыкин Петр Дмитриевич, профессор Петербургского университета, действительный член Петербургской АН, член почетного президиума конгресса; Васильев Александр, докт., СПб.; Гессен Сергей, докт., СПб., редактор русского издания международного ежегодника по философии культуры «Логос»; Готтесманн Вениамин, докт., Москва; Елинек Людвиг, докт., Здолбунов, Варшавская губ.; Ивановский В., докт., Киев; Ключайт Карл, докт., Киев; Козловский В., докт., Варшава; Лосский Николай, докт., Петербургский университет; Лосская Людмила, СПб.; Лютославский Винцент, докт., Варшава (доклад: «Польский мессианиззм»); Минор Алексей, Москва; Штейнберг Арон, Москва; Энгельмейер П. К., инж., Москва; Яковенко Борис, докт.,

[361]

Москва–Вена; Якубанис Генрих, приват-доцент Киевского университета (см.: Штейнберг А О философском конгрессе в Болонье // РМ, 1911, №7).

2 В списке зарегистрированных участников конгресса Е.Н. Трубецкой не значится.

281. В. Ф. Эрн – Е. Д. Эрн

<6.03.1911 Москва–Тифлис>

6 марта 1911 г.

<...> Меня начинает охватывать нетерпение. Хочется, чтобы поскорей выяснилась судьба; хочется скорей приниматься за сборы и переезд. Меня совсем не страшит перспектива отъезда на целых два года. Наоборот, радостно думать о большой работе и о жизни с тобой и Иринкой. Я хочу устроиться как можно оседлее – это будет для всех нас лучше.

Соображений много: 1) с Иринкой нельзя вести кочевую жизнь, 2) на переезды у нас не будет денег. 3) Я окончательно решил остановиться на диссертации по теории познания¹ (а не Джордано Бруно²). Для этой же диссертации мне ничего не нужно кроме уединения, спокойствия, сосредоточения и вдохновения. То есть мне не нужны обширные библиотеки, и я могу жить где-нибудь в самом скромном городке <...>

Я мечтаю непременно об оседлой жизни. Чтобы была вилла с садом, чтоб был рояль, чтобы ты брала уроки музыки и, может быть, языков, чтобы приходили к нам из России журналы – чтоб у нас наладился домашний семейный, длительный и глубокий строй жизни! Переезды же меня совсем не привлекают. Вояжировать я совсем не хочу. Хочу работать и сосредоточенно жить <...> На будущий год собираются за границу и Герцыки – может быть Бердяевы, Вячеслав³ – так что наше одиночество абсолютным никак не будет <...>

Завтра я думаю поехать дня на два в Посад для того, чтобы повидаться с Павлушей (может быть и с Люсей) и для того, чтобы порыться в духовных журналах, приготовленных Павлушей для моей «Библиографии» к Соловьевскому сборнику. Решили ехать компанией: Булгаков с женой, Надя и я <...>

1 Ср следующий архивный документ:

«В историко-филологический факультет Императорского Московского Университета магистранта Владимира Францевича Эрна

Прошение

Честь имею просить Историко-филологический факультет возбудить ходатайство перед Министерством народного просвещения о командировании меня с ученой целью на два года за границу с содержанием из сумм Министерства. Избравши

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Темой диссертации всестороннее рассмотрение проблемы познания, мне по ходу моих мыслей необходимо исследовать о том, как новая европейская мысль преобразовала античную идею <...> в свое понятие о природе. Для этого мне нужно изучить итальянскую натурфилософию переходного времени, малоисследованную по рукописным материалам, хранящимся во Флоренции. Кроме того, мне необходимо исследовать историю античного Логоса в патристике и в

[362]

философии Средних веков. Книгохранилища Парижа и Лондона, как наиболее богатые литературой по данным вопросам, – мне представляются наиболее подходящими местами для работы над той частью диссертации, которая будет посвящена изысканиям по истории Логоса. Но так как историческая часть диссертации будет служить лишь материалом для систематического исследования о нормальной постановке проблемы познания – я бы считал очень желательным ближайшее ознакомление с различными направлениями современной гносеологии в Германии. Ввиду этого, кроме библиотек Флоренции, Парижа и Лондона, я бы хотел часть работы писать в различных университетских городах Германии. Владимир Эрн» (Волков и Куликова, с. 133–134).

2 Ранее предполагалась диссертация о гносеологии Джордано Бруно.

3 Вяч. Иванов.

282. М. К. Морозова – Е. Н. Трубецкому

<? 03.1911. Москва–Неаполь>

<...> Отвожу душу в чтении по философии с Ф. Лемберг. Иногда хожу к Бердяевым, там собираются, ведутся горячие споры больше о католичестве и православии.

Иногда в редакции у нас с Булгаковым, Бердяевым и Эрном споры самые горячие о Соловьеве. Это все меня всегда увлекает, чувствую всегда трепет и близость чего-то прекрасного.

Езжу в школу. Ты не можешь себе представить, как трогательно ко мне отношение Сергея Ивановича Четверикова. Он так тонко мне помогает в школе, на всех заседаниях, в обработке устава, в привлечении членов. Почти каждый день звонит по телефону, сообщает о своей борьбе с купечеством по поводу Университета. Он знает, что мне дорого действительно <...>

Я ведь ничему не мешаю, но своё мнение иметь могу! Например, из конфиденциальных разговоров со многими я вижу, что внутри Университета не было серьезно поступлено! Может быть была сделана ошибка! Бог с ним, с правительством, но ужасно, если по ошибке был разбит Университет, может быть лет на 20. А может быть ты мог бы поступить умнее и глубже! Всего не скажешь в письме! Может быть, я не права, но одно это сомнение мне причиняет ужасную боль. Потом вообще в России так ужасно, а она так дорога, что отрываться от нее и жить долго по этим Соррентам – это непонятно моей душе! Я серьезно к этому не могу отнестись! По-моему достаточно 2 месяца, когда решили жить в Бегичеве. Ведь многое может ещё случиться, а тебя опять не будет! <...>

Я пишу под впечатлением волнений об уходе Столыпина и назначении Коковцева! Все может измениться для Университета. Хотя надеяться нечего <...>

Наши собрания очень оживлены. О Сковороде было очень интересно. Это странник, старец, прообраз Соловьева!

Рачинский вернется на Пасху – ему лучше. «Путем» никто не заведует – все вместе. Дело идет хорошо, книги продаются <...>

[363]

Пиши в Ялту, до 1-го апреля мы там, а с 1-го апреля по 15-е – в Алупку, дача Борисова, пансион Зиминой. 18-го будем в Москве <...>

283. М.К. Морозова – В.Ф. Эрну

<весна 1911>

Многоуважаемый и дорогой Владимир Францевич!

Как Вы поживаете, здоровы ли, как Ваша работа? напишите обо всем, хочется знать о Вас. У нас в «Пути» очень горячий момент сейчас, решаем порядок изданий на будущий сезон. Необходимо, чтобы дело шло без перерывов. Приблизительно намечено так: 1-ая серия, 1-ый том Дюшен, Хомяков и Флоренский. 2-я серия, Скворода, Зейпель и Толстовский сборник. 3-я серия под вопросом. Сообщаю Вам это к тому, чтобы очень просить Вас ответить, можем ли мы наверно рассчитывать на Сквороду к августу, т.к. 2-ая серия должна выйти в ноябре, в начале. Следовательно, необходимо начать печатание в августе. Пожалуйста, дорогой Владимир Францевич, устройте так, чтобы Скворода был готов к этому времени. Ответьте мне в «Путь», я часто там бываю. Это время мы выясняли деловую сторону «Пути» с бухгалтером, и кажется дело становится ясным для всех. Как будто за пять месяцев дела шли хорошо, продали на четыре с чем-то тысячи. По общему мнению – это хорошо, даже блестяще. Дай Бог, чтобы и дальше так шло. Мечтаю, что мы будем издавать для народа. Сергей Николаевич хотел поговорить об этом с Щукиным¹, священником. – Не подумаете ли и Вы об этом. Напишите мне, что Вы об этом думаете? Вообще брошюры издавать тоже хорошо. Хотим издать сборник статей Щукина. Ещё что не придумаете ли? Жду ответа на все вопросы. Желая Вам от души всего лучшего. Искренне преданная М. Морозова.

АЭ, ф. Морозовой, л. 1, б. д.; датируется по контексту.

¹ Щукин Сергей (1873–1931) – священник Успенской церкви в Ялте. Подружившись с С.Н. Булгаковым, сблизился с кругом «христианской общности», позднее опубликовал книгу: Щукин Сергей, свящ. Около Церкви. Сборник статей. М., Путь, 1913. См. подробнее его жизнеописание: Евдокия, игуменья. Воспоминания об отце Сергии Щукине // Вестник РСХД, 1977, № 122.

284. М.К. Морозова – Е.Н. Трубецкому

<? 03.1911. Москва–Флоренция>

<...> Так жить нельзя – я задыхаюсь от такой жизни! Если уж не личная жизнь, то хотя бы жизнь, подъем и творчество в деле и жизни для России! Но для всего, для всех крест ты провозгласил! Чем же тут жить? В чем будут наши отношения, в чем будет наше дело? Всего этого я не знаю и не понимаю! Что ты мне сказал, что ты это время дал, чему мне было отвечать,

[364]

что приветствовать? В чем было творчество и в чем было положительное? Я видела только или разрушение всего, буддийское начало, отрицание жизни, или «умную» критику. Единственный луч света, который меня обрадовал несказанно, что я тебе писала – была твоя первая глава, анализ католичества и православия. Кроме критики здесь была твоя мысль и мысль положительная, начало творческое, создающее жизнь, а не убаюкивающее все во имя миражапотустороннего. И потустороннее реально, поскольку здешнее ему дает жизнь! Я вся прямо просияла душой, когда, слава Богу, прочла твои строки о смысле православия. Вот насколько моей душе нужно положительное, утверждающее! Не вижу, не слышу я живого звука в твоей другой главе и во всех твоих письмах! Крест во всем и для всего! Для России ты ещё хочешь креста! Мало этого всего! Что же ты тогда скажешь, что она несет крест, когда её растерзают немцы или японцы! Для меня тоже мало креста, а надо меня душить жить и быть плодотворной! <...>

Проверил ли ты сам себя, не другие ли тебе это подтасовывают, что против меня, т.е. прости, не против меня, а против ужасного греха в тебе борются твои «высшие силы», а не твое олимпийское обязательство? У меня много оснований в этом очень сомневаться. Ну, да что ж? Жизнь сама покажет: все

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. проваливается, что на песке и на дутом величии построено! Боялась бы я быть такой гордой, как ты! Бог накажет, нехорошо! <...> И уезжать в Крым мне ужасно – жаль отрываться от дел – которых бездна <...>

ОР РГБ, ф. 171.3.4, лл. 28–30 об., б.д. ; датируется по контексту.

285. В.Ф. Эрн – Е.Д. Эрн

< 10.03.1911. Москва–Тифлис>

10 марта 1911 г.

<...> Хотя я порядочно устал от усиленных занятий, но зато у меня есть удовлетворение. Сборник мой кончается печатанием¹, статья о В. Соловьеве уже набирается (мне осталось дописать несколько страниц), библиография тоже (она очень выросла и растет каждый день), и статья о Сковороде² уже печатается в «Вопросах философии и психологии». Позавчера я прочел её в Обществе, как доклад, и все были в большом восторге. Меня хвалили и выражали своё восхищение решительно все: и простые и непростые, и ученые и философы, и поэты и литераторы. Особенно дорого мне было горячее одобрение со стороны М.О. Гершензона – такого тонкого и глубокого знатока русской литературы. С.Н. Булгаков и другие, начиная говорить, высказывали сожаление, что своими словами нарушают высокое впечатление от Г.С. Сковороды, полученное из реферата (следовал ряд самых лестных эпитетов!) – все это пишу тебе, чтобы удовлетворить, твое «самочувствие обо мне» – а во-вторых, для того, чтобы ты не поверила наглому репортеру из «Русского слова» – и разуверила моего дорогого шурина Карлюку,

[365]

который с присущим ему злорадством, наверное, донимает тебя тем, что твой благоверный «ничего существенно нового о Сковороде не сказал». Репортер просто очевидно хотел показать, что и он кое-что знает о Сковороде, а на самом деле – бьюсь об заклад – впервые на нашем вечере узнал о существовании Сковороды <...>

1 Эрн В. Борьба за Логос. М., Путь, 1911.

2 Эрн В. Жизнь и личность Г.С. Сковороды // ВФП, 1911, т. 2, с. 126–166.

286. М.К. Морозова – Е.Н. Трубецкому

<? 03.1911. Москва–Флоренция>

Дорогой мой Женичка!

Пишу впопыхах, тороплюсь послать тебе корректуру нашего предисловия к сборнику памяти Вл. Соловьева. Это то самое предисловие, о котором я уже тебе писала. Оно написано С.Н. Булгаковым и обсуждено и исправлено всеми нами кроме тебя и Рачинск<ого>, конечно. Все теперь зависит от тебя! Примешь ли ты вообще это предисловие как выражающее общий смысл нашего «Пути», определяющее его задачи и выражающее его облик? Это по существу. А затем находишь ли ты в тактическом отношении правильным и целесообразным такое выступление? Потом, удовлетворяет ли тебя это данное предисловие, или ты находишь нужным сделать добавления, или даже указать на важные стороны упущения? Или ты сделаешь исправления чисто стилистические? Так вот, мне поручено так тебя настоятельно просить (это необходимо, чтобы не задержать выпуск книги, что будет неблагоприятно для издательства). Сделай, пожалуйста, так: тотчас по получении того письма и по прочтении ты реши и телеграфируй: Знаменка 11, книгоиздательство «Путь» (т.к. меня не будет), согласен ли ты, да или нет, печатать ли предисловие, и добавь, что ты письмом высылаешь добавления или изменения, если ты таковые сделаешь. Нам необходимо по телеграфу знать твое согласие или вето, а изменения могут придти письмом. Но, а письмо ты посылай скорей! Письма с твоей корректурой ты адресуй в «Путь» на имя Булгакова. Напиши ему подробно, он очень принимает к сердцу это предисловие, <так> <что> ты основательно напиши ему, если с чем не согласен в отдельности или если вообще не хочешь этого предисловия, как общего выступления. Очень, очень тебя прошу и мне

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. телеграфируй то же самое, т.к. и я очень принимаю все это к сердцу и буду ждать твоего слова. Телеграфируй мне: Ялта, гостиница «Россия».

Я досаую, что не ты все это написал, это было бы важно для «Пути». Вообще, по-моему, желательно предисловие к сборникам, как нашей боевой линии. Но я бы хотела, чтобы ты внес большую мужественность и яркость твоей живой и талантливой рукой и головой во все это, немного расплывчатое. Представь, что я многое там уже забраковала, и особенно, находясь под

[366]

влиянием твоей чудной критики Востока и Запада у Соловьева. Но боюсь и сейчас елейности, расплывчатости и неопределенности!

Дорогой, милый, прекрасный, умный, солнце моё, душа и радость! Ты совсем не понимаешь, как я тебя обожаю.

ОР РГБ, ф. 171.3.4, лл. 13–14 об., б. д. Впервые опубли. с коммент.: Носов 1993. Сверено с оригиналом.

287. Е.Н. Трубецкой – М.К. Морозовой

< 10.03.1911. Рим–Москва>

<...> Только вчера приступил к ответственной оценке разрыва Соловьева со славянофилами на церковной почве. Читаю киреевского с большой пользой для своей темы и с крайней радостью о том, что первая книга, изданная тобою, так нужна и так оправдывает цель издательства. Отсюда целые снопы света падают на историю русской мысли. <...>

ОР РГБ, ф. 171.7.1а, лл. 8 об.

288. Е. Н. Трубецкой – М. К. Морозовой

<14.03.1911. Капри–Москва>

<...> Очень меня пугает то, что ты пишешь о предисловии Булгакова. Для меня из твоих слов совершенно ясно, что тут есть фальшивая нота. По-моему не нужно нам никаких общих предисловий¹; пусть каждый отвечает сам за себя, а не так, как в «Вехах» все отвечали за Гершензона². Славянофильства же не потерплю: это то самое, против чего я борюсь: в нем 3/4 вредных иллюзий и 1/4, которую следует принять и продолжить! Достаточно ли этого, чтобы на первый план поставить наше духовное родство? Особенно не верю славянофильству Булгакова, Бердяева и Эрна, если хотят выставлять его непременно как знамя, то пусть делают это в сборнике, где моих статей не будет. Моё отношение к славянофильству слишком сложно, чтобы я просто мог пойти под славянофильским знаменем, не выяснив, что я в нем отвергаю и что принимаю.

А о «миссии России» не говорить теперь нужно (слишком много было раньше хвастовства и невыносимых обещаний), а надо делать дела, свидетельствующие об этой миссии. А то опять наобещаем «русское» царство Божие, а во исполнение дадим труды Владимира Францевича Эрна, – по-немецки³ педантичное и непримиримое «всеславянство».

Целую тебя очень крепко!

Ранее частично опубли. А.Носовым (НМ, 1991, №7)

1 Предисловие к сборнику о Вл Соловьеве все-таки было помещено. См. Приложение 4.

2 Очевидно, речь идет о заключительной фразе статьи М.О. Гершензона «Творческое самосознание» в сб. «Вехи» (1909), вызвавшей самые ожесточенные критические нападки: «Каковы мы есть, нам нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны

пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками тюрьмами ещё ограждает нас от ярости народной». Во 2-м издании автор поместил следующее примечание: «Эта фраза была радостно подхвачена газетной критикой, как публичное признание в любви к штыкам и тюрьмам. – Я не люблю штыков и никого не призываю благословлять их; напротив, я вижу в них Немезиду. Смысл моей фразы тот, что всем своим прошлым интеллигенция поставлена в неслыханное, ужасное положение: народ, за который она боролась, ненавидит её, а власть, против которой она боролась, оказывается её защитницей, хочет ли она того или не хочет. "Должны" в моей фразе значит "обречены": мы собственными руками, сами не сознавая, соткали эту связь между собою и властью, – в этом и заключается ужас, и на это я указываю».

3 Ср. прим. 1 к п. 1, где дается справка о русском происхождении Эрн.

289. Е.Н. Трубецкой – М.К. Морозовой

<15.03.1911. Капри–Ялта>

15 февраля. Капри

Если получишь это письмо с большим опозданием, не удивляйся. «Чижа захлопнула злодейка западня». Это сделал со мной Саргі. Мы здесь уже 5 дней. Я буквально очарован совершенно неслыханной красотой, красочностью и разнообразием здешних видов. Весь Крым и всю Ривьеру можно за это отдать, а из неаполитанского залива это – лучшее, но... к сожалению, при этом Капри – остров. Вчера и сегодня буря crescendo; говорят, сегодня с вечера перестанет ходить почта, т.к. пароход не может причалить, и мы будем отрезаны от всего мира. Такое положение тут продолжается иногда несколько дней. А мы как раз было собрались выехать отсюда именно на эти несколько дней до Флоренции <v> Амальфи.

Сейчас здесь невыносимо: на улицу носу показать нельзя, холодно, да и прямо сбивает вас ветром; а ночью нельзя спать от свиста, рева и хлопанья ставень.

Как раз в обстановке такой погоды пришли сюда известия о новом, неслыханном безобразии, которым разрешился столыпинский кризис, о втаптывании в грязь Думы² и о китайской войне³, и все эти впечатления для меня слились в одно. Скоро в России засвистит самая жестокая из бывших доселе бурь. При каждом новом известии кажется, что край правительственного безумия уже достигнут; но сейчас же вслед за тем приходит ещё известие, доказывающее, что предыдущее безумие уже превзойдено. И никакие уроки прошлого уже не помогают! Опять, совсем как в 1904 году, правительство борется зараз и против всех внутри, и против Дальнего Востока снаружи. Мне все казалось, что до заключительной катастрофы ещё ужасно далеко. А теперь она страшно приблизилась, надвинулась совсем! И эта быстрота назревания революции – фатальна. Всю культуру сметут. И чего не разрушили справа, то довершат слева. Левые ещё заставят пожалеть о Столыпине. Вот он, крест России. И сколько бы она его ни несла, ничего приличного в государственной жизни она не создаст. Совсем это не её дело и не её

[368]

призвание: средних добродетелей у нее нет! Безотносительно прекрасное в религии, искусстве, философии она произведет, но в области относительной, житейской все и всегда будет безотносительно скверно: тут мы – бездарны. Оттого наша повседневная будничная жизнь есть и будет невыносима. Кто знает, может быть, именно это нам и нужно, чтобы не дать нам успокоиться и застыть на будничном, повседневном или хотя бы на среднем.

Жизнь только и делает, что все относительное разбивает. «Захотели конституции, – вот вам конституция!»! «Университет, – вот вам университет!»! Все это для того, чтобы русская душа прилеплась к тому, что больше относительного, против чего ни Столыпин, ни Кассо, ни правые, ни левые ничего не могут.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Так всегда у нас и будет. Величайшее рядом с постыдным и плоским, и никогда – среднего. Может быть это связано с высотой нашего призвания, но если так, то «тяжела ты, шапка Мономаха!»

Милая, родная моя и хорошая, среди всего этого думаю много о тебе. И в буре, и в непогоде, и в серой погоде будь ты моим солнечным лучом. Но уж если тебе быть моим солнцем и радугой, то помни, что радужные и солнечные краски не идут к относительному; не там им место. А потому не жалуйся, когда я разрушаю относительное и говорю, что оно – обман. Право, само относительное, особенно наше русское, неизмеримо мрачнее всякого мрачного скептицизма. И особенно не называй мой скептицизм римским. Именно наоборот – в римском настроении скептицизм отсутствует, а есть сильная вера в земную стихию, вотносительное, заменившее Христа.

Целую тебя крепчайше.

ОР РГБ, ф. 171.7.1а, лл.44–45 об. Почт. шт. отпр.: 28.03.1911. Капри. Ранее опубл. с коммент.: Носов 1993. Обнаружены разночтения.

1 Описка, письмо датировано по почт. шт. отпр.

2 Речь идет о законопроекте о земстве западных губерний, отклоненном Думой и Государственным советом, но 13 марта 1911 г. заседания этих законодательных органов были незаконно приостановлены на три дня, в течение которых премьер-министр П. А. Столыпин утвердил закон.

3 В начале 1911 г. между Россией и Китаем возник политический конфликт, завершившийся российским ультиматумом. Россия требовала соблюдения своих торговых прав и привилегий в Монголии и грозила, в случае притеснения русских купцов, ввести войска на китайскую территорию. В стране возникли опасения новой войны на Дальнем Востоке. Однако Китай безоговорочно выполнил все условия. Е.Н. Трубецкой находился под впечатлением пророчеств В. С. Соловьева о «китайской угрозе».

290. М.К. Морозова – Е.Н. Трубецкому

<20.03.1911>

Дорогой мой, радость моя, сокровище и счастье!

Сейчас получила маленькую записочку твою – такую милую. Немного утешилась! А то сколько мне огорчений, сколько грусти от тебя! И за что все

[369]

это, не понимаю. Ты врешь, что я ничего тебе не говорю о твоей второй главе! Я много тебе писала, хотя, правда, отрывочно, потому что, право, у меня нет сил спокойно писать. Как начну писать, столько всего подымается, что чувствую, что нет сил справиться! Когда человек слишком чем-нибудь страдает, то говорить нельзя. Можно плакать, можно кричать, можно стонать, можно болеть – но говорить и писать – нельзя! Оттого не могу я до конца все тебе сейчас высказать! Когда приедешь – все буду говорить. А так – много я тебе высказала.

Одно меня терзает, что ты всегда думаешь, что везде и во всем у меня подкладка личная! Уверяю тебя, что я в твоей постановке вопроса – главного мирового вопроса – вижу, понимаю и верю – очень большое и глубокое. Это я тебе писала. Но тем более я боюсь, будет ли содержание, положительные ответы, соответствовать ширине и огромности постановке этого вопроса! Я уверена, надеюсь безгранично, что это будет, что у тебя все данные на это! Надо, чтобы не было драмы Платона¹, чтобы хватило любви, творчества на это! Здесь я вижу и верю, что может иметь все объективное значение и вынашивание всего твоего! (Помнишь, жены мироносицы). А вот в этой главе я боюсь, что ты уклоняешься и замыкаешься в «своем», а не идешь навстречу «вечно женственному» началу любви и творчества. («Свое» я предполагаю не твое личное, а твое мужественное, слишком разумное!) Если бы это не касалось такого самого интимного, душевного в творчестве Соловьева и так близкого моей душе – я бы так не боялась! А тут именно в этом самом нашем с тобой духовном, интимном соприкосновении наших душ, тут-то если не пойдут наши

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и душе навстречу – тут-то и произойдет катастрофа всей жизни и, что неизбежно, всего дела! А мы с тобой так много можем сделать! Если бы я не верила, что наша любовь нужна даже России, неужели бы я с такой силой её отстаивала! Неужели можно столько переживать, столько попирать и стольким жертвовать – если не имеешь огромной и непоколебимой веры в идеальный и вместе реальный смысл этого союза! И самое святое это все и есть, и подымать руку на это – совершать преступление! Значит ты не веришь, значит ты не знаешь, что это и во имя чего-то, если может так затмевать тебя ничтожное тело, чтобы ради него ты заносил кинжал на душу. И душу не личную, а ту, долженствующую родиться, ту цель, тот смысл, ради которого все это есть. Он только один оправдывает и разрешает все! Вот что я почувствовала в этой главе и вот в чем моё страдание!

Если ты и сейчас в моих словах не почувствуешь меня, всей моей души – то для меня это ужасно! Единственная сила моей жизни в том, что в моей душе горит такой огонь и такая вера, за которую я умру и буду бороться до последних сил. Вся моя награда, свет и сила в том, чтобы вся твоя душа жила, творила и раскрывалась со мной! И когда я чувствую остановку – мне

[370]

ужасно, я чувствую смерть! Не крест я отрицаю, а требую внимания к жизни и любви. У Гете так хорошо сказано!

Im tiefen Boden bin ich gegründet; Drum sind die Blüten so schon gerundet².

Радость моя, счастье моё, прекрасный мой, волшебный мой, сердце моё! Мы должны быть вместе! Все я отдам за это, ничего не боюсь, потому что верю. Кроме всего мы так прекрасно дополняем друг другу.

Целую очень крепко. Твоя Гармося.

ОР РГБ, ф. 171.3.4, л. 14–15, б. д. Впервые опубли. с коммент.: Носов 1993. При сверке обнаружены некоторые разночтения с оригиналом.

1 Намек на статью В. Соловьева «Жизненная драма Платона».

2 В глубоких недрах я укоренен; Потому так пышны мои цветы (нем).

291. Е. Н. Трубецкой – М. К. Морозовой

<20.03.1911. Неаполь–Москва>

20 марта

Милая и дорогая Гармося

Буря прекратилась, и я пишу тебе из Неаполя на выезде из <в ?> Флоренции, в последний раз глядя на море, и думаю о том, что как раз и ты сегодня на него смотришь. Хочется мне крепко тебя поцеловать, моя дорогая, и сказать тебе, что очень соскучился без твоих писем, которые ты, очевидно, слишком рано начала посылать во Флоренцию.

Я живу подавленный ужасом при виде надвигающейся на Россию грозы. Столыпин один идет против всех: против инородцев, против Думы, университета, против всей России и всего Китая. Боюсь, что близится ужасный конец и не радуюсь, потому что жду не добра, а настоящей сатанинской оргии от будущей революции. Обе борющиеся стороны будут попирать ногами Россию. Левые будут благословлять китайцев, как они благословляли раньше японцев, и это будет невероятно противно.

Ты пишешь в твоём письме, что были сделаны какие-то ошибки со стороны Московского университета и что я бы мог их предотвратить, если бы был в России. Этому я положительно не верю. Надвигается буря, настолько стихийная, что никакими усилиями её предотвратить нельзя. Случившееся с Московским университетом также неизбежно и естественно, как то, что во время грозы молнии падают на самые высокие предметы. Делай или не делай тут

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах. В письмах много ошибок, но ведь разгром всего прекрасного всего не дико, всего, что содержит какой-либо зачаток культуры, теперь уже неизбежен. Чья личная мудрость могла бы теперь предотвратить разгром конституции? Так же

[371]

неизбежен и разгром Университета. Сколько ни трать сил, а это – неизбежно будет.

Что меня не было в Москве, об этом я для дела нисколько не жалею. Никогда не убежал бы от такой борьбы по собственной инициативе, но не буду жалеть о том, что сама судьба меня отстранила от этого, дав возможность вместо того здесь делать дело, в плодотворность которого я в самом деле верю.

Не для дела, а скажем прямее – для меня и для тебя это долгое отсутствие очень тоскливо. Писать письмами уж как-то не хочется теперь, а поскорее и непосредственнее всю тебе душу вылить. Ну до свидания, моя дорогая и хорошая и горячо любимая. Целую тебя крепко.

ОР РГБ, ф. 171.7.1а, лл. 61–62 об. Датировано по почт. шт. отпр.: 20.03.1911.

292. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <21.03.1911. Москва – Тифлис>

21 марта 1911 г., Москва

<...> Спешу поделиться с тобой радостью. Командировка получена[1067] и на днях смогу получить деньги. Есть еще какие-то формальности (канцелярские) – но это уже пустяки. Значит, мне остается теперь ликвидировать свои дела, что возьмет дней 10–11 – тогда я уже приеду за тобой. А ты готовься со своей стороны. Пасху мы проведем с нашими, а затем с Богом в путь. <...>

293. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1068] <23.03.1911. Ялта – Флоренция>

23е марта

<...> Дорогой мой, хочу все разобрать, что ты пишешь по поводу предисловия. Меня оттого так интересует и кажется важным это предисловие, потому что важно и интересно для меня все, что выясняется по поводу этого предисловия. Его самого может и не быть – это не важно, но ты не можешь себе представить, как ярко для меня обозначилась твердость или шаткость многого и что важно для ведения общего дела и для будущего, ясность или спутанность ума у каждого из наших сочленов. Все, что ты говоришь, меня очень воодушевило. Я обожаю в тебе твой смелый, сильный, протестующий тон! Что, значит, ты все глубоко продумал и пережил! Чем ярче, сильнее ты будешь ставить все вопросы, пусть наперекор всем, тем больше жизни у нас будет в "Пути", тем это все заставит всех глубже продумывать эти важные положения.

Дорогой мой друг, как ты нужен, как полезен, как много ты можешь двинуть не только меня, но и всех других, ставя перед всеми эти проблемы с твоей ясностью, правдой и силой! Пусть пока это кружок, но ведь мы можем завоевать и молодежь. Потом я мечтаю, что можем пересоздать преподавание по многим вопросам, особенно религиозному. Об этом после. Вообще надо делать, надо врать! Мы все все-таки честные и бескорыстные, а таким ли людям в России не работать! Дорогой, потому умоляю тебя, не отходи от этого дела, а будь душой с нами. Борись, обличай, спорь, не допускай много – это все будет святое дело! Но не ставь никогда вопроса так, что пусть печатают одни – я не дам статей или не дам книги! Это ужасно. Ну, кажется, ты понял, что мне больно и что больно для дела. Я только и верю, когда ты тут. Чувства, горячности к делу много и у Булгакова и Бердяева, но того ума, той силы, смелости и независимости, как у тебя, у них нет! Напиши все Булгакову, что ты думаешь. Насчет Эрн – ты прав тоже. Но не можем мы не поддерживать молодых людей, идущих все-таки этим путем. По-моему, наш святой долг идти навстречу молодежи, которая ищет религиозного пути. Нам придется ежегодно на это давать тысячи три и издавать такие произведения. По-моему, иначе нельзя. Черствости, сухости, академичности не должно быть в нашем деле. Пусть лучше будут ошибки. Ты не можешь себе представить, как я исстрадалась за наш "Путь" в Москве. Все в интеллигентских кружках, конечно, с нами очень считаются. Степпун, Яковенко и все Логосы и Кубицкие только и

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. предлагают себя. Степпуны и Яковенки чуть ли не от взглядов своих отказаться хотят, лишь бы их взяли. Но тут я очень резко и наотрез отказала. Продажных перебежчиков нам не нужно. Это одна сторона.

С другой стороны, у нашего "Пути" есть мелкий враг – Хвостов, он меня извел. Но что хуже, он возбуждает Льва Мих<айловича>. Я решила по возвращении атаку провесити на Левона. У нас было втроем бурное столкновение. Я их обличала в мертвом сне и говорила, что хотя мы плохи, однако у нас собрания, кружки и "Путь", а них ничего, и если бы не я, и журнал бы, пожалуй, кончился[1069]. Этого поледнего я не сказала, но ведь это так.

У нас с книгой Левона вышла драма[1070]. Корректор<овал> ее Эрн и сделал это ужасно. Ошибок тьма. Эрн в отчаянии. Это в последний раз, что мы даем ему такую работу. Но ты посуди, что это всегда может случиться. Особенно в новом деле. Левон жесток к Эрну, и вообще к нашему делу, ужасно. Хвостов мефистофельски злорадствует. Мне все это больно. Я знаю, как трудно делать дело. Но ты-то уж, ради Бога, не будь таким жестоким.

Вернусь к предисловию. Надеюсь, ты все понял, что я думаю. так, значит, ты и напиши, что ты находишь предисловие излишним. Но для меня вся эта работа и разговоры о предисловии были очень важны, и я рада, что все вообще так было. Всех я сознательнее оцениваю во всех отношениях.

За все это время у нас не было заведующего Изд<ательств>ом за болезнью Гр<игория> Ал<ексеевича>. По-моему нам не надо такого лица, оно только будет мешать. За это время мы это выяснили. Только одно есть смущение, кто тогда возьмет ответственность перед судом за какие-нибудь недоразумения. Это единственное, что меня заставляет колебаться. Нужно лицо, которое бы знало каждую выходящую книгу и отвечало за все. Или можно поручать Рачинскому как знающему просматривать книги некоторые книги. Как заведующий и Рач<инский> и всякий другой нам будет в тягость. Все вопросы лучше обсуждать коллективно, а дело мы устроили хорошо. Изданы книги технически (бумага, типография, обложка) очень хорошо. Все магазины и вообще все это говорят. Отчетность поставлена и все расценки правильны. Переписку можно делить. Я очень хотела бы отменить Рачинск<ого> и всякого заведующего. Но остается вопрос об ответственности. Что делать? Подумай и напиши, мой ангел. Вообще как я вижу твою необходимость для религиозно-общественного дела в России. Как меня мучит вопрос о твоей дальнейшей деятельности!! Но это я оставляю до твоего возвращения. Уверяю тебя, что наш "Путь" и Религ<иозно>-филос<офское> О<бщество> Соловьева – это почва, которой ты не пренебрегай. Очень трудно проводить свои взгляды где бы то ни было. А если не будет университета, то что будет? Шанявск<ого> – это тоже шатко. Милый, радость, до свиданья! Ах, когда я буду говорить с тобой обо всем, когда я дождусь этого? Целую крепко.

294. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <24.03.1911. Москва – Тифлис>

24 марта 1911 г.

<...> Прости, что пишу открытку. Я очень устал от беганья и кроме того был сегодня у Мамонова, который предписал мне 3 дня покоя и лежания. Я жажду поскорее уехать и постепенно все дела свои ликвидирую. Осталось немного. Самое главное получить паспорт и деньги. О моем здоровье не беспокойся. Ничего серьезного – просто забегался. <...>

295. Е.Н.Трубецкой – С.М.Архиповой[1071]/[1072]<25.03.1911. Флоренция – Москва>

ДЕ ФИРЕНЦЕ. ПРИНЯТА 25.03.1911. МОСКВА.

ЦОММУНИЭЕЗ БОУЛГАКОФФ ЕНВОЫЕ ИММЕДИАТЕМЕНТ ТЕХТЕ ЦЦАНГЕ ДЕ ПРЕФАЦЕ ПОУР СОЛОЩИОФФ. ТРОУБЕТСЗКОЫ.

<СООБЩИТЕ БУЛГАКОВУ, ЧТО Я НЕМЕДЛЕННО ПОШЛАЮ ИЗМЕНЕННЫЙ ТЕКСТ ПРЕДИСЛОВИЯ К СОЛОВЬЕВУ. ТРУБЕЦКОЙ.>

296. Е.Н.Трубецкой – Г.А.Рачинскому, В.Ф.Эрну, Н.А.Бердяеву, С.Н.Булгакову <Флоренция – Москва, 25.03. 1911>[1073]

Флоренция

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Дорогие Григорий Алексеевич, Сергей Николаевич,

Николай Александрович и Владимир Францевич.

К сожалению, я совершенно не могу подписать присланное мне предисловие и не только подписать, но и взять на себя за него ответственность. Верю в религиозное призвание России, но "народом богоносцем" назвать ее не решусь, считая это совершенно недозволительно и ничем не оправданной национальной гордостью, если только, если не признать "богоносцами" всех вообще христианских народов.

"Покорность преданию" и "историческое сыновство" без очень ясных оговорок для меня неприемлемы, ибо у нас есть два и даже три предания – от Бога, от дьявола и от человека. Я должен ясно сказать, которому преданию я верен, а в кратком предисловии это нельзя. Верность свою православию могу подчеркивать только при одном условии, – ясно отделив историческую скорлупу, которую я отбрасываю, от вселенского зерна, которому я верен. "Неискаженный облик Христа" считаю не конфессиональным, а сверхконфессиональным и окончательно отказываюсь верить, что он в православии менее искажен, чем на Западе. Только у каждого искажение свое.

Словом, в присланном мне предисловии материала для спора как по существу, так и в редакционном отношении – сколько угодно. И если бы было решено оставить его в этом виде, я безусловно отказался бы от печатания статей моих в сборнике. Поэтому прошу дорогих товарищей по издательству, – дабы не насиловать друг друга, – вычеркнуть из предисловия все спорное.

С этой целью я прилагаю при этом письме измененный проект предисловия редакции, в котором я умышленно не вношу ничего своего, а беру только то, что для меня приемлемо из присланного мне проекта. Против изменений стилистического свойства или редакционных не стану возражать, но на добавления по существу безусловно не согласен.

Пусть мой проект предисловия несколько сух и бесцветен. В коллективной работе, когда есть некоторое различие взглядов это неизбежно. Но пространный предисловие и не нужно. Ведь вопросы о призвании России, о ее будущем, о значении православия и т. п., будут неоднократно ставиться и решаться каждым из нас в отдельности. Зачем же заранее в предисловии предрешать, что мы будем говорить. Не достаточно ли в предисловии в одной фразе выразить, что мы верим в христианскую задачу России. А затем уж каждый из нас будет решать эту задачу за своей ответственностью и под собственной подписью! Ведь мы не можем заранее предрешить, как далеко мы разойдемся. Пока же очевидно, никто из нас не может поручить за себя другому определять свое отношение ни к православию, ни к славянофильству, ни ко всем вообще основным религиозным и общественным задачам.

Вообще же думаю, что всем нам, как можно больше нужно делать и как можно меньше обещать как за себя, так и за Россию. Нужно осуществлять религиозное призвание России, а не трубить о нем заранее. Иначе повторится ошибка Соловьева, который ведь был больше нас всех: обещал за Россию третий Рим, всемирную теократию, а вышел красивый мыльный пузырь, причем сам же Соловьев его проколол.

Крепко и троекратно всех вас четырех целую.

Христос Воскресе!

Ваш князь Е.Трубецкой

Очень прошу переслать это письмо в Крым Маргарите Кирилловне.

297. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1074] <25.03.1911.Флоренция – Ялта>

25 марта 1911 г., Флоренция.

Милая Гармося,

Вчера приехал во Флоренцию и получил сразу три твоих письма. Начну с деловой части.

Предисловие Булгакова ужасно. Безвкусный шовинизм с допотопным

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. старославянофильским жаргоном, при том крайне размазан и бездарен. Что мне оставалось делать? Писать свое предисловие – во-первых, для них обидно, а может быть, мое для них столь же неприемлемо, как ихнее для меня. Поэтому я взял из их же предисловия все приемлемое для меня, сделал полстраницы из трех, и в заключение целиком взял булгаковскую последнюю страницу, где излагаются намерения "Пути" относительно последующих изданий. Вышло сухо и бесцветно, но для предисловия от общего имени достаточно: то, в чем мы сходимся – признание религиозной, христианской задачи России выражено совершенно ясно в одной фразе, и этого довольно. Пусть яркие и красочные статьи пишутся каждым за собственной подписью и ответственностью. Говорить же от моего имени, как я решаю или буду решать религиозные вопросы, я не позволю никому.

Помня, однако, твою просьбу, я послал всем четверем "путейцам" чрезвычайно ласковое по форме, но весьма решительное по содержанию письмо, где, между прочим, говорю, что если предисловие будет сохранено, я прошу не печатать моих статей в сборнике. Аргументирую я там обстоятельно и тоном очень мягким, и в заключении прошу переслать письмо тебе, чтобы ты сама рассудила, мог ли я поступить иначе. Разумеется, этот "ультиматум" относится к ним, а не к тебе, т.к. ты, конечно, на печатание сборника без моих статей не согласишься.

Что касается тебя, то я пишу тебе в день Благовещения; и мне особенно хочется, чтобы письмо мое было для тебя благой вестью. Хочу верить, что между нами происходит сплошное недоразумение. Ведь идеал мой – светлое Христово воскресенье – радость всему миру; а крест – не цель, а только путь, который, кстати, не я выдумал. В письмах и писаниях моих я утверждаю только одно: кто не сораспнется со Христом, тот не совоскреснет с ним. Ты пишешь, что этого не отрицаешь? Но тогда в чем же дело? За что ты на меня обрушиваешься? За то, что я говорю об этом слишком много. Но если я увижу, что ты это признаешь вполне, то писать и говорить об этом не буду. Но почему ты сочла "буддизмом" мое развенчание наивной "русской" теократии Соловьева, этого я не понимаю, когда ты тем же самым раньше восхищалась, этого я не понимаю[1075]. Если "третий Рим" мираж, то неужели же все мираж? Если я в этой же главе не говорю оположительной задаче, положительном значении России, то ведь одна глава – не целое, а часть. Об этом по плану моего сочинения должно говорить в конце его. Ты говоришь: "все это одно только разрушение". Но неужели жалко разрушать петровские "три кущи"[1076], которые и глупы и кощунственны. Без разрушения немислимо созидание. Ты же, когда читаешь разрушительную главу, должна знать, во имя чего я разрушаю. В следующей главе (теперь законченной) – идет знакомая тебе апология государства и апология относительного.

Главное же, чего ты совсем не принимаешь во внимание, сколько во всем этом утверждении "креста" тревоги от любви к тебе. Такой страх, что самое мое святое святых останется тобой не разделенным, такое горячее желание приобщить тебя к нему. А при этом столько борьбы против собственной моей страсти, которая во мне кипит и клокочет!

Я тебе скажу вот что. Слава Богу, с детства и до сей поры я каждый год переживаю Пасху как светлую радость, озаряющую на целый год все существование, люблю ее и чувствую ее детски жизнерадостно. И это, между прочим, оттого, что каждый год я сильно и глубоко переживаю неделю страстей Христовых. Если бы на эту неделю я не откликнулся во всю глубину крестной муки, то чувствовал бы себя неспособным к радости, красоте и светлому подъему. Вот что крест для меня – смерть и победа смертью, жизнь, светлое воскресенье. Одно с другим неразлучно. И для того, милая моя, мне хочется, чтобы ты подняла и почувствовала крест, чтобы и ты могла потом и тут же ощущать эту беззаветную светлую и безбрежную радость.

Ах, если бы ты могла это почувствовать и если бы на этом призошла наша встреча. А то боюсь, что не я, а ты теперь замыкаешься в своем, а моего не вынашиваешь, потому что не хочешь принять. Не сомневаюсь в том, что в самом себе я живу. Но неужели же я в самом деле для тебя отжил? А я все-таки, хочешь или не хочешь, – настойчиво буду предлагать свое: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ».

Христос воскрес, моя бесценная, милая и дорогая. Крепко, очень крепко тебя целую.

27 марта 1911 г.

<...> Прости, что опять не напишу тебе порядочного письма, не хочу себя переутомлять. А сегодня я утомился, потому что вышел в Университет, а из него пришлось ехать в Казначейство, где я и получил первую четверть, т.е. за первые три месяца 500 рублей. Сегодня же принес из участка дворник свидетельство о неимении препятствий к выезду. Завтра я получу отпуск за границу из Университета и тогда в два-три дня получу заграничный паспорт. К этому времени думаю кончить все свои дела и значит на Страстной буду уже с тобой. Господи! Поскорее прибыть в какую-нибудь Флоренцию, что ли! Завтра у меня будет доктор Мамонов, который обещал мне собрать справки о климате Италии и "обдумать" местопребывания для меня и для тебя. Доктор хороший, положиться на него можно. Но я бы очень хотел побывать и у Титова. Не знаю, удастся ли. Я боюсь, что ты обо мне беспокоишься, получая мои открытки. Пожалуйста, не трать свои силы на печальные мысли: мне очень даже хорошо, только нужно отдохнуть недели две. Вот приеду и до отъезда ничего не буду делать, обещаю тебе! Хочешь даже пообещаю тебе, что не буду писать целых две недели по приезде! <...>

299. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <28.03.1911. Москва – Пятигорск>

28 марта 1911 г.

<...> Вот теперь канитель с паспортами. Ведь и тебе нужно получить от полиции бумажку о неимении препятствий к выезду. Завтра схожу в участок и спрошу как поступить. М<ожет> б<ыть> сделают это здесь. Я получил от Университета отпуск, который дает мне право на беспоплатное получение паспорта. Т.е. сохраняется этим около 60 рублей. Ибо каждое полугодие стоит 15 рублей. Я оправляюсь и чувствую себя сравнительно лучше. Сегодня будет Мамонов, тогда мы с ним поговорим как следует, где мне поселиться. <...> 300. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому [1077] <03.1911>. Ялта – Неаполь>

Я прочла статью Эрн в Сборник и прочла твою главу о теории познания Соловьева. Напиши в чем разница понимания Эрн и твоего? Я вижу только, что Эрн увлекся общим выводом, определим теория познания Соловьева как динамической, и потому весь устремился на это. Он мало останавливается на имманентной критике. У тебя же наоборот – все сосредоточено на анатомии. Вскользь говорится о том, что идея Всеединого дается интуицией, актом экстаза. Общего вывода нет. Я понимаю, что он еще впреди. Очень важно сделать то, что ты делаешь: обострить то, что у Соловьева часто сливается и погружается в темноту. У тебя главный пункт – это яркое разделение познания естественного от мистического. Интересно какой ты сделаешь общий вывод и характеристику теории познания Соловьева. Ее недостает пока.

Меня сейчас занимает вопрос, особенно меня интересующий у Соловьева. Как нужно сочетать теургию, религиозный материализм, вообще религиозное творчество жизни, процесс воплощения, со смыслом повести об Антихристе, вообще с катастрофическим концом? Как-то одно другое уничтожает. Если я верю в эволюцию, в процесс теургии, то как я могу принять катастрофический конец? Тогда зачем нужна свобода, деятельность, ответственность, если мира спасти нельзя. Тогда нужно отдаться чему-то мистически совершающемуся и чувствовать себя только пассивным медиумом каким-то. Тогда и создавать нечего, если это действительно ничего не создает и не спасает. Я убеждена, что живой Соловьев был Соловьев теургии, радостного, свободного творчества и веры в реальное значение жизни; катастрофичность же и "Три разговора" – это был итог личных разочарований во все построения, в жизнь, какова она есть, и ужас перед заблуждением, в котором мир живет. А по-настоящему жить этим нельзя. Если не жить убеждением, что все создано Богом не для разрушения, а что именно иначе не мог проявиться Бог, как именно в этой форме, то это значит смотреть на мир как на зло и ждать его разрушения! Тогда чем жить, чему верить, во имя чего действовать и терпеть! Во имя отвлеченного, потустороннего преображенья, а здесь ждать смерти, гибели и катастрофы.

Вот Шукин верно говорит, что слишком все соединяются у подножия Креста и видят мир лежащим во зле, а мало обращают свой духовный взор на Воскресенье, на светлую радость, всех соединяющую! Не омрачай твоего Соловьева – Соловьев не был мрачным! Я его вижу радужным, любовно видящим все чудесное творение Божие! Неужели ты не чувствуешь, что Преображение должно переживаться как осязательное предчувствие здесь в радости

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и творчестве и любви! Нужно чувствовать близость Царствия Божия радостно, а не в ужасе. Я не хочу давать перевеса миру, лежащему во зле. Знаю сама, что это есть, но душа хочет побеждать мрак!

Я прочла две книжки о Шумане и мне очень нравится, как он себя самого разделял на Флорестана и Евзебия[1078]. Это мне очень близко сейчас, хотя у меня это разделение несколько по-другому. При свидании будем обо всем говорить. В письмах могу говорить только об одной своей половине – о другой говорить не хочу. Придумай названия для обеих половин, тогда будет удобнее во всем разобраться! И та и другая половина имеет свою логику и правду, и обе спорят[1079] <...>

301. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <29.03.1911. Москва – Пятигорск>

29 марта 1911 г.

<...> Сегодня пошел в участок, чтоб узнать, как быть с разрешением тебе выехать. Предвкушал самые неприятные затруднения и вдруг счастливая случайность – я сказал письмоводителю: "Вы забыли вписать мою жену"...

– Хорошо, хорошо, сейчас! И не дав мне договорить, сказал, чтоб тебя вписали. Я обрадовался и промолчал, что ты не в Москве, а затруднение именно в том, что ты не в Москве. Если б не эта случайность, они должны были списаться с Пятигорской полицией, и тогда дали бы разрешение <...>

Сейчас пришел Булгаков-Бердяев, для важных редакционных дел <...>

302. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <31.03.1911. Москва – Пятигорск>

31 марта 1911 г.

<...> Если ничего непредвиденного не встретится, я думаю выехать в воскресенье и значит буду с тобой уже во вторник <...> Отъезд всегда вещь хлопотливая, а отъезд за границу, да еще на два года – тем паче! Приходится обо всем подумать и чего-нибудь существенного не забыть. Я сейчас весь в этом желании сделать все "как следует" и уехать без угрызений совести. Везде мелкие препятствия – но слава Богу, их все меньше и меньше <...>

303. С.М.Архипова – М.К.Морозовой[1080] <31.03.1911. Москва – Ялта>

Книгоиздательство

"Путь"

Москва

Знаменка, 11, тел. № 127-18

Многоуважаемая Маргарита Кирилловна!

Прилагаю при сем телеграмму и письмо Ев<гения> Н<иколаевича>. Предисловие в переделке Евгения Николаевича принято, сделали только небольшое сокращение. В настоящее время его отдали в набор; как только получу гранки набора, так тотчас же вышлю Вам подлинник. Одновременно с моим письмом, пишет Вам письмо Серг<ей> Николаевич.

Что же касается Лопатина, то Лопатин желает перепечатать 30 стр., т.е. 60 двойных, которые равны почти 6 листам, а затем в конце книги приложит список опечаток. Придется менять обложку и вновь брошюровать. Приблизительно издательству это обойдется в 500 руб. Гонорар Эрн 208 руб. покрывает только часть расходов. Настроение Лопатина благодушное, но Эрн конечно виноват. В будущем корректор необходим.

Сборник Соловьева и книга Эрн будет готова на Страстной (так обещают). Продавать будем на Фоминой. Эрн сдал последний оригинал для сборника. Но клише для сборника до сих пор не готово. В этом отношении Типография Мамонтова ужасна, все нервы вымотали[1081]. Книг продано после вашего

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
отъезда на 844 руб., а всего продано книг за март на сумму 1800 руб.
(Философия свободы – 268 экз., Лопатин – 238, Россия и Вселенская Церковь – 320, Русская идея – 325).

Проспекты "Пути" были посланы в книжный магазин Волкова, но после Вашего письма я опять, вторично, послала проспекты Волкову и Синани.

Публикацию на 4 стр. сдала в "Русские ведомости" и "Речь" (2 апр<еля>). По адресам Санктпетбургского Религиозно-философского общества разосланные проспекты возвращаются обратно с подписью: "выбыл неизвестно куда". Я подозреваю, что Николаю Александровичу подсунули старый список адресов. Досадно, загубили марки на 21 руб., адресовано было 1090 шт<ук>. и нет никакого толка. В субботу вышлю подлинник.

Преданная Вам

Архипова

304. С.Н.Булгаков – М.К.Морозовой[1082] <Москва – Ялта. 31.03.1911>

31 марта 1911, Москва

Глубокоуважаемая Маргарита Кирилловна!

Одновременно с этим письмом вы получите письмо кн. Евг<ения> Ник<олаевича> и измененный им текст. Как я и опасался, выработать общее пронунциаменто нам не удалось, причем тут сказались неудобства нашей разноместности: если бы мы все были вместе, нащупать различие оттенков можно было бы уже в стадии предварительного обсуждения. Обсудив положение, мы, т.е. В<ладимир> Ф<ранцевич>, Н<иколай> А<лександрович> и я, единогласно постановили, конечно, при условии если вы, а так же Гр<игорий> Ал<ексеевич> к нам присоединитесь, принять текст Евг<ения> Ник<олаевича>, с тем лишь условием, что нам кажется предпочтительнее совсем исключить место о сборнике, посвященном Православию, ибо из теперешнего текста необходимость этого упоминения не вытекает, а без этой необходимости раньше времени об этом не следует говорить.

Кроме того, мы предлагаем изменить заголовок: вместо "От издательства "Путь" просто поставить "Предисловие" или даже совсем ничего не ставить. Будем ждать Вашего отзыва по этим вопросам, а пока на всякий случай попросим С<усанну> М<ихайлов>ну отдать в набор полученный текст. Григорию Алексеевичу он будет показан по его приезду сюда, который состоится, по его письму ко мне 2-го апреля. Евгению Ник<олаевичу> я напишу об этом тоже, вероятно, сегодня же.

По сведениям С<усанны> М<ихайловны> нам, очевидно, так и не удастся выпустить Соловьевский сборник до Пасхи, но на всякий случай лучше, если Вы известите "Путь" о своем согласии или несогласии телеграммой, причем в последнем случае, мы совершенно готовы идти на то, чтобы сборник вышел с одним формальным предисловием.

С Л. М. Лопатиным я, вместе с Н<иколаем> А<лександровичем>, имел разговор в "Пути", причем мы просмотрели весь его сборник, и он указал места, необходимо требующие перепечатки, так как подклейка страниц слишком изуродует книгу, то мы склоняемся к перепечатке отдельных листов (числом до 6) с тем, чтоб ликвидировать эту историю.

Разговор наш происходил вполне миролюбиво. Здоровье В<ладимира> Ф<ранцевича>, по отзыву доктора, которому он показался только теперь, очень плохо. К счастью, он получил командировку и уезжает за границу. Я думаю, что и приключения с Лопатинской книгой помимо его корректорской неопытности, имеет причиной болезнь. Не могу без боли сердца об этом думать. Сус<анна> Мих<айловна> радеет делу издательства как всегда и образует теперь деловой центр. Я провел себе телефон и имею возможность сноситься с нею по всем делам не только лично, но и по телефону.

До свидания! Поздравляю Вас с наступающим праздником и крепко жму Вам руку.

Ваш С.Булгаков.

305. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1083] <31.03.1911. Флоренция – Ялта>
Страница 188

<...> Целых два твоих письма полны тревоги за "Путь" и мое к нему отношение. Спешу тебя уверить, что тревога – совсем не основательная. Когда я писал, что с таким предисловием Булгаков и К° могут выступать сами от себя – без меня, я подразумевал, что это выступление должно быть не в "Пути", а где-нибудь еще. Что же касается "Пути", то он мне дорог и его я им отдавать не собираюсь вообще, тем более – без боя.

Предисловие же Булгакова взволновало меня как признак большой опасности, угрожающей делу. Не подумай, что я тут хочу "швыряться" людьми. И разрывать с ними я вовсе не намерен. Но все-таки скажу, что друзья иногда бывают опаснее всяких врагов. Никакой враг не мог бы так потопить "Пути", нанести ему такой непоправимый удар, как это расплывчатое, слащавое, а главное, пошлоепредисловие.

Подписаться под ним – значит сказать, что Соловьев напрасно жил и работал. Это – частью возврат к досоловьевскому славянофильству, против которого он боролся, частью повторение в карикатурном виде его собственных заблуждений. Так вот я и боюсь, как огня, тех друзей, которые добросовестно подносят вам собственную вашу карикатуру, или еще хуже – карикатуру вашей святыни, и уверяют, что это она сама. Право, Струве, Хвостов и Котляревский менее опасны. Этого они не сделают.

Посуди сама. Когда славянофилы и Достоевский утверждали, что русский народ – "Народ-Богоносец", в этом был ясный и определенный смысл. Они полагали, что только у нас истинная Церковь, что католичество и протестантство даже не Церковь. Кроме того они верили в религиозную миссию самодержавия и в религиозное значение нашего сельского общинного быта.

Теперь все это – давно разбитые мечты. Соловьев доказал, что не у нас одних Церковь, но и у католиков. Самодержавие – оказалось сосудом дьявола. Об общине всякий неуч знает, что она свойственна многим первобытным культурам и ничего ни русского, ни христианского не представляет.

Потом мечта о "Народе-Богоносце" возродилась в форме теократии Соловьева, но и она разбита вдребезги: ни Булгаков, ни Бердяев, ни Эрн в нее не верят. Говорить о святости русской общественности теперь, когда Россия создала самую безобразную государственность на свете, когда в сфере общественности она вечно колеблется между жандармократией и пугачевщиной, – просто неприлично! Значит, в устах наших друзей слова "Народ-Богоносец" – старая, разбитая скорлупа без старого, да и без нового смысла, мертвая формула. Котляревский не может слышать ни одной фразы Булгакова или Бердяева, чтобы не сказать, что это мертво. Тут, я согласен, есть и несправедливость. Но как мне обидно, когда он бывает прав.

Мне глумление Хвостова и других над "Путем" не менее обидно, чем тебе. Поэтому благодари меня за то, что я спас "Путь" от этого предисловия: будь оно напечатано, глумление было бы основательное. А я был бы в ужасном положении. Появись оно даже не в "Пути", а где-нибудь еще, я бы должен был бы его разнести, как одну из тех вредных благоглупостей, – которые компрометируют святое и хорошее дело своим трупным запахом. А к тому же – стиль Козьмы Пруtkова. Соловьев в гробу перевернулся бы, если бы, пародируя его мысль, кто-нибудь назвал Россию "востоко-западом".

О "Народе-Богоносце" я скажу вот что! Ветхий Завет был действительно заключен с одним народом – еврейским; но после того, сколько мне известно, особого Завета с Россией Бог не заключал. Новый Завет – не национальный, а вселенский, а потому никакого особого "Народа-Богоносца" быть не может. Богоносцами должны быть все народы; игнорировать это – значит подменивать христианское – русским. Из всего славянофильства наши друзья выставляют вперед как знамя именно самое ядовитое и вредное, что в нем было. Этот национализм надо отдать Пуришкевичу и Маркову II-му.

Боюсь я друзей, когда к тому же и ты грозишься отделиться от меня и довести с ними дело до конца! Заведут в море пошлости, узости и квасного патриотизма в немецком Владимир Францевском стиле! Будут петь по-русски: "Руссланд, Руссланд, юбер аллес! [1084]" и уверять, что в этом заключается "истинное сыновство". Не допущу я такого торжества Хвостова и такой растраты твоих сил духовных!

Что сказать о себе? В Болонью я не поехал – не тянет. И, судя по газетам,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. не особенно там интересно, выступать же, когда на доклад дается 8 минут, – бессмысленно.

Не знаю, радоваться ли тому, что ты осталась в Ялте. Уж очень пошлая гостиничная обстановка в этой банально-курортной гостинице "Россия". В Алупке, по-моему, уютнее.

Может быть, ты познакомилась с священником Щукиным? Он бы тебе понравился. Он священник Аутской церкви в Ялте. Ах, как счастливы те, кто тебя теперь видит. А вот теперь скоро увижу и я. Ах, как это будет хорошо! Как надоело говорить письмами и как нужно, нужно тебя видеть, говорить и не наговориться с тобой, моя ненаглядная.

Очень крепко тебя целую.

306. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1085] <1.04.1911. Москва – Симбирск>

1 апреля 1911 г., Москва.

Дорогой Александр Сергеевич,

сейчас получил Вашу открытку и, откладывая письмо к празднику, отвечаю немедленно на Ваш запрос. Нечего говорить, что Вы правы в своем гневе, и можно потерять всякое терпение. Но все дело в Григории Алексеевиче (который, ведь Вы знаете, сделал себя редактором издательства, т.е. добился своего назначения, но по-видимому, это уже скоро окончится). Мы думали, что он приедет сюда в начале марта из лечебницы из Риги, а его вместо этого послали в деревню, и он ожидается только теперь. Как только он приедет, я буду добиваться от него (если только от него по его состоянию можно будет добиваться) возвращения рукописи и мотивированного ответа. Все его бумаги оказались запорты им, и добывать их, не прибегая к взлому и посредничеству его жены, не было возможности, да и к тому же ждали его все время. Напишу на днях побольше. Меня самого эта бестолочь угнетает до крайности, Вы это знаете. Но в сохранности Вашей рукописи я не сомневаюсь.

Христос с Вами. Ваш С.Б.

307. С.М.Архипова – М.К.Морозовой[1086] <4.04.1911. Москва – Алупка>

Многоуважаемая Маргарита Кирилловна.

В дополнение письма, написанного Вам в субботу 2 апр<еля>, шлю Вам продолжение. Я до сих пор нахожусь под впечатлением свидания с Григорием Алексеевичем. Если хотите знать, он поправился, наружный вид у него хороший, но нервность осталась. На мой взгляд он все-таки больной человек. Говорит много странных и непонятных слов. Слушать его устаешь, после его разговора не остается ни одной ясной мысли, просто какая-то каша. Бывает каждый день в редакции, сидит подолгу. Называет себя директором-распорядителем (Разве в редакции есть директор?!) Не ребенок ли он?! Конечно вопрос о его "директорстве" очень сложный. Мне кажется, что придется оставить в этой роли, хотя для Вас и меня это будет мука. Вчера получила от Евгения Николаевича открытку, в ответ послала телеграмму в Алупку, т.к. Ек<актерина> Ивановна сказала мне, что Вы уехали из Ялты.

Рекламу по адресам <нрзб> "Московского Еженедельника" не разослала, т.к. боюсь, что до осени не хватит проспектов для вкладки в книги. Я послала около 2000 проспектов в "Провинцию" для вкладки в их книги. Сейчас продажа книг идет слабее, чем в марте. Продано книг с 1–5 апреля на 95 рублей.

Лопатин будет исправляться только на Фоминой, т.к. завтра они кончают работать. Вы, может быть, будете сетовать на меня, но я все-таки продаю Лопатина.

Читали ли Вы, что Котляревскому вернули его 1000 руб., которые он пожертвовал в пользу приват-доцентов. Не сердитесь, но, право, они молодцы, что вернули ему его 1000![1087]

Поздравляю с праздником. Желаю Вам всего лучшего.

Уважающая Вас

308. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1088] <11.04.1911.Москва – Симбирск>

11 апреля 1911 г., Москва

Христос Воскресе!

Дорогой Александр Сергеевич!

Поздравляю Вас с Светлым Праздником, заочно христосуюсь с Вами и шлю Вам наилучшие пожелания, особенно, здоровья Вам и Ольге Федоровне, вероятно, теперь уже уехавшей или уезжающей. Страстную я провел очень хорошо и благодатно, говел, ходил ко всем службам и испытывал радость и благодарность, что Бог сподобил меня прикоснуться к Церкви Своей. И это было особенно чувствительно потому, что предшествовала суэта и запутанность большая. В личной жизни у нас теперь неприятная пора, потому что Елена Ивановна ожидает ребенка, и это само по себе при нашем душевном состоянии вносит большую сложность и противоречивость чувств, но, кроме того, состояние здоровья ее внушает разные опасения, немного выдуманные, но медицински установленные. Но да будет воля Его!

Григорий Алексеевич вернулся, наконец, и на мои заклинания обещал Вам послать и рукопись и мое письмо. Если бы Вы были с нами, то знали бы все трения, дразги и затруднения, внешние и внутренние, тактические и личные, здесь возникающие, причем, главные из них связаны с одной стороны с Григорием Алексеевичем, и с другой – с князем. Про самое Маргариту Кирилловну по-прежнему ничего кроме самого лучшего сказать не могу.

Несмотря на все это, я думаю однако, что в данный момент издательство стоит крепко и ничто ему не угрожает серьезно, и вопрос о судьбе его есть преимущественно вопрос о судьбе самого "направления". На днях выходит Соловьевский сборник, ему последует – осенью – сборник о религии Л.Толстого. В этот сборник я имею поручение пригласить Вас, ввиду того, что Вы, как мне писали, теперь увлеклись работой о Толстом и, вероятно, напишите. Тема по Вашему усмотрению, но однако, в пределах общей задачи сборника (хотя желательнее ее знать уже теперь), но размер в пределах полутора, максимум – двух листов, по плану сборника.

Эрн уехал, наконец, из Москвы и уезжает за границу в двухгодичную командировку. Состояние его здоровья внушает самые серьезные опасения, и повидимому, даже его всегда оптимистическое самочувствие начинает изменять ему. Надеемся на теплый климат и покой заграничной жизни, хотя с ним едет, кроме его семьи, еще Надя с ребенком[1089], и это все на его попечении.

Николай Александрович[1090] по-прежнему, между небом и землей, но не унывает. Он очень хорош. Вообще мы жили душа в душу втроем в издательстве.

Павел Александрович принимает священство, вероятно, скоро[1091]. И радуюсь за него, и устрашаюсь, хотя, вообще говоря, за последнее время он очень хорош и ясен. Надеюсь быть на его посвящении.

Михаил Александрович[1092] по-прежнему всегда занят чужими делами, миссионерствует, завел "четверги" – журфикусы (которые сравнительно пошли). Силы его уже не те, но все-таки он благополучен.

Целую Вас и поздравляю Ольгу Федоровну.

Христос с Вами. Любящий Вас С.Б.

309. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1093] <17.04.1911. Анкона – Алупка>

17 апреля 1911 г., Анкона

<...> В лучшем случае я в Одессу попадаю 25-го; не знаю, когда туда приходит пароход: если утром, придется до вечера томиться до поезда. Что совершенно невыносимо, это то, что в Киеве я должен остановиться на целый день по совершенно неотложному и крайне важному делу (продажа дома); и взять тебя туда не могу, т.к. меня там всякий прохожий знает. А без трагических последствий от этой поездки отказать нельзя. Нужно все делать для Верочки. Она за последнее время необычайно трогательна: сама рассчитывает

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках
приехать дня на два позже меня, чтобы дать нам с тобой до ее приезда
повидаться. А потом хочет скоро уехать в Бегичево из Москвы, предполагая,
что может быть я останусь.

Все это, разумеется, очень болезненно ей дается и стоит страшных мучительных усилий и муки, которые она старается, но не может от меня скрыть. Очень было бы хорошо, если бы меня могла задержать в Москве какая-нибудь объективная, независящая от меня и тебя необходимость, например, университет Шанявского, разные общественные заседания и совещания (например, о предстоящих выборах в Думу, словом, что-нибудь общественное). Постарайся поджигать всех, чтобы таких предприятий, делающих мое присутствие необходимым, было побольше. Ведь если я выставлю причиной желанья остаться для тебя, я причину этим боль! Зачем это нужно? <...>

310. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[1094] <5.05.1911. Москва – Рим>

5 мая 1911 г.

Дорогой Владимир Францевич!

Жалею, что Вы так долго задержались, и рад, что Вы выехали. Прилагаю Вам записанный Михаилом Александровичем список указаний Мамонова для Вас, не к сведению, но к исполнению. Вы сами знаете, что Ваше здоровье теперь зависит от Вашей осмотрительности. За это время пришлось пережить два радостных события: посвящение Павла Александровича во иерея, на котором мне лично быть не удалось, и присоединение к православию Евгении Казимировны[1095], на котором я был. И то, и другое событие глубоко и радостно всколыхнуло мою душу. Да благословит Господь жизненный путь обоих. Евгения Казимировна уехала в Судак, вскоре после присоединения. Бердяевы также уехали. Приехал князь, и завтра предстоит свидание в "Пути". Григорий Алексеевич сравнительно хорош вообще, но для издательства все остается в прежнем положении, и Маргарита Кирилловна, посоветовавшись с близкими Григория Алексеича, не решается с ним говорить об "директорстве", опасаясь нанести ему слишком тяжелый удар. И, действительно, есть основания опасаться. Потому и решили предоставить событиям разворачиваться естественным ходом без хирургической помощи.

У меня занятия кончились, но задерживают здесь обстоятельства. Вероятно, задержусь до конца мая, вернее, начала июня. Живем не без волнений, но пока благополучно. Я получил возможность возвратиться к своим занятиям, в частности, к Кантологии и подобным, но такая берет одурь и вражда к этому антихристову изданию... Будьте здоровы и берегите здоровье. Привет Евгении Давыдовне от нас обоих.

Любящий Вас С. Булгаков.

311. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1096] <13.05.1911.Москва – Симб.ирск>

13 мая 1911 г., Москва

Дорогой Александр Сергеевич!

Ваше письмо я получил как раз в тот день, когда Елена Ивановна в больнице мучалась родами, а я сидел дома у телефона и ждал известия. 11-го мая она разрешилась мальчиком – Сергием. У меня в душе смерть непосредственно сошлась с рождением, и ушедший таинственно говорит через явившегося в мир[1097]. Конечно, раньше не было и не могло быть такого чувства. Да благословенно имя Господне! Елене Ивановне страстно хотелось родить мальчика и потому оба мы радостны и счастливы, насколько это теперь вообще для нас доступно.

Павел прислал мне письмо вскоре после посвящения, все сияющее миром, радостью и благодатью. Я был умилен им до слез. Быть на посвящении мне не удалось по болезни. Он справлялся, между прочим, о Вашем адресе. Он тоже скоро ждет ребенка.

Недавно состоялось также радостное событие – присоединение к православию Евгении Казимировны Герцык (не знаю, знаете ли Вы ее, она близка с Бердяевым, очень тонкой души человек).

Ваше дело с Рачинским поведу, как только станет для меня возможным.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Огорчает это меня до крайности, как Вы легко можете себе представить, и
совестно даже снова и снова настаивать. "О рус! О Русь!" (эпиграф Онегина).

Да будет над Вами и семьей Вашей благословение Божие.

Любящий Вас С.Б.

1911 год

312. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[246] <7.06.1911. Кореиз – Рим>

7 июня 1911 г.,

Крым, ст. Кореиз

Дорогой Владимир Францевич!

Как Вы поживаете и как Ваше здоровье? Еще не было от Вас известий из-за
заграницы. Пишу сейчас на скорях и вот по какому поводу. Ельчанинов прислал
отказ от статьи о Толстом, не приложив своего адреса. Ссылается на недосуг,
но прошло ведь почти полгода времени, прежде чем этот недосуг выяснился. Вы
сами понимаете, какой ущерб для сборника отсутствие статьи на такую тему.
Между тем, за отсутствием адреса я не могу исполнить поручения издательства
– все-таки просить Ельчанинова и перепоручаю это Вам, – напишите ему
поэнергичней, тем более, что и сам он в письме своем не исключает
возможности написать статью, но только попозже, "осенью, в октябре-ноябре".
Вероятно, ему теперь это и действительно трудно. У нас родился сын –
Сергий. Было много волнений, болезней и тревог, но хорошо все, что хорошо
кончается. Только что приехали сюда из Москвы, я берусь за работу. Сердечный
привет от нас обоих Евгении Давыдовне. Христос с Вами!

Любящий Вас С.Б.

В издательстве вобщем все благополучно, но по-старому.

313. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[247] <11.06.1911.Кореиз – Симбирск>

Крым, ст.Кореиз

Милый Александр Сергеевич!

Спасибо Вам за любящее письмо Ваше. Меня спасает не "дело", а "сила низости
Карамазовской", какая-то кошачья живучесть – и биологически даже (здоровье
мое почти не поколебалось!). При неврастенической слабости! Самая пакостная
комбинация! Но сейчас нечего Бога гневить, ибо Он явил к нам Свою милость.
Теперь мы уже благополучно в Крыму, а о пережитом за последний месяц не
расскажешь, да Вам и не надо рассказывать, сами можете рассказать. Как
Ваше-то собственное здоровье? Ведь Вы не имеете отдыха ни телом, ни душой.
Какие известия от своих? Кстати, на случай, сообщаю, что Мамонов уехал
за границу на лето. Авва крестит нашего Сережу. Он истомлен и тревожен за
мамашу, при том не за ее тело, но за психику.

Милый Александр Сергеевич, как мне хотелось бы, чтобы Вы были с нами в
сборнике о Толстом. Тема его: религия Толстого, следовательно, Вы вполне
можете писать свое о нем, т.е. наиболее интимное, это и будет самое
интересное и нужное. Статью надо в начале сентября. Если можно будет
оттянуть, сообщу.

Я продолжаю делать начатую работу о "философии хозяйства". Про нее можно
сказать розановским афоризмом, что пусть я бездарен, но тема моя
талантливая, причем я-то чувствую преимущественно первую половину его, т.е.
недостаточность своих сил. Но, сказать правду, если бы этого и не было, чем
дальше, тем больше смотрю я на эти работы и начинания как на что-то "не
то", что можно делать лишь извиняясь, по слабости, что не в силах отдать
себя на служение Богу и Церкви. Вот как в моей душе к началу пятого десятка
ставится сейчас проблема о "религии и культуре"[248]. Впрочем, это про себя
и для себя. И как всегда, когда углубляешься в работу и волнуешься ею (что
для меня неизбежно), то явно для себя удаляешься от "единого на потребу", а
так как нужно же что-то делать, то и крутишься. Да признаться сказать, все
увеличивается недовольство собою. Но все это не ново, и, кроме того, все это
мелко и ничтожно, когда приближаешься к Таинствам рождения и смерти и

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и душевной душой чувствуешь перст Божий. И совсем это разные пути и миры, и нет между ними даже подпочвенной связи, одни воздушные словесные мосты. У о. Павла родился сын[249]. Дай ему Господь свету и сил на правом пути его!

Целую Вас. Да хранит Вас Матерь Божия, Всех скорбящих Радость!

Любящий Вас С. Булгаков

314. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[250]<17.06.1911.Кореиз – Флоренция>

17.06.1911.

Крым, ст. Кореиз.

Дорогой Владимир Францевич!

Только недавно отправил Вам закрытку, – не знаю дошла ли – как получил Ваше письмо. Радуюсь, если не Вашему выздоровлению, то по крайней мере Вашей готовности к нему стремиться и возможности для того. Пока еще Ваше здоровье в Ваших руках, держите крепче. Я писал Вам уже в этой закрытке, что у нас благополучно родился сын Сергей, и мы, пережив много всяких тревожений за май месяц, теперь водворились в родные места, точнее у родной могилы. Я жую резину – все еще читаю гносеологов, прежде чем придать окончательную редакцию главе о науке. Вернулся к философии хозяйства и буду ее кончать[251], но пыл у меня к ней уже прошел, и я не знаю, удивляться или завидовать немцам, благополучно просиживающим век за школьной темой. От неопытности ли это к научной работе или от того, что отдаться целиком, душой идулу можно только, если забыть истинного Бога. Пишешь, работаешь, суетишься, а в глубине души знаешь, что все это "не то", не важно и что надо, если не мочь, то желать быть готовым оставить все... Как олень желяет источника водного, возжада душа Бога крепкаго, живаго...[252] и в этом культурном нигилизме я чувствую себя близким к Волжскому, от которого имел не так давно любящие строки. Он живет один, семью отправил на юг, а каков сам, неизвестно. Относительно статьи о Толстом по существу отвечаю Вам, что считаю всякую помеху для Вас и отвлечение от главной работы делом нежелательным, при возможности выбора настойчиво советовал бы ее не писать. Но сейчас судьба сборника, если не стала критической, то может стать ею. Я уже писал Вам об отказе Ельчанинова писать о Толстом, я прошу Вас воздействовать на него в желательном для нас смысле, или хотя бы сообщить его адрес, который он не приложил. Волжский тоже далеко не наверное, Зеньковский тоже, Экземплярский под вопросом, с о. С. Щукиным буду говорить лишь на днях. На А. Белого не рассчитываю, Вяч. Иванов уже написал (и по-моему слабо) в "логосе"[253](!!). Словом, сборник состоит из статей отсутствующих (дана дыра, которую требуется облить металлом, чтобы получить пушку). Находясь в таком стеснительном положении, я начал думать, что не продать ли "Пути" черту немного души и не пригласить ли в этот сборник – Розанова для этого именно сборника, но соблазнительно, особенно если окажется, что сборник состоит из отсутствующих статей. Я этот вопрос еще обдумаю и спишусь с соответствующими лицами. А о Вас думаю, что пока не выяснено окончательно, что мы имеем для сборника, занимайтесь своим делом, может быть на досуге почитывая Толстого (которого, конечно, не мешало бы иметь в запасе), и лишь в случае крайней необходимости писать статью. Поэтому пока я Вас освобождаю.

Дюшен наметился силою вещей (князь здесь ни при чем), – оказалось, что мало материала, а издательство надо расширять, чтобы оправдать накладные расходы (неустраняемые и не только устраняемые). Я боюсь, что если дело будет идти также, то есть количество работников или их работоспособность будет уменьшаться, а не увеличиваться, нас постигнет кризис. Иногда я об этом очень скорблю и думаю, думайте и Вы. Хотя бы Григорий Алексеевич стал переводить для "Пути", все была бы помощь! Его тронуть побоялись, и он остался в прежнем положении. Летом на него обещал влиять в желательном для нас направлении А.С.Петровский, но надеяться трудно, потому что есть сильное контрвлияние. Последнее время он был мил и оказывался полезным в деловых совещаниях, но, конечно, эту полезность он сохранил бы, если бы был просто членом комитета.

Из всей Западной Европы мне хотелось бы быть (ради культуры, конечно) только в Италии и особенно во Флоренции, но не знаю, когда попаду и попаду ли. Относительно Бердяевых имел лишь краткие известия.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Привет Евгении Давыдовне и Надежде Сергеевне с младшим поколением. Фотографии я не получал кроме двух пробных, которые остались в Москве, не решаясь выбрать и заказать те и другие. Если Вы захотите иметь до моего возвращения в Москву, то есть до осени карточки, напишите в фотографию Шерер и просьбу прислать Вам Ваши две карточки наложенным платежом (6 карт. стоят 12 р., а 12 – 20, пока заказал 6) или пошлите деньги, или даже напишите, что я осенью заплачу, если неудобно иначе.

Нэли Вас приветствует. Обнимаю Вас. Да хранит Вас Матерь Божия!

Любящий Вас С. Булгаков.

Подробностей о делах издательства не пишу, потому что не стоит. Вообще все благополучно. Сковорода нужен, и нужнее Толстого.

315. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[254] <22 ? 06.1911. Михайловское – Бегичево ?>

<...> Моя жизнь складывается очень хлопотливо, опять должна ехать в Москву, думаю на четверг и пятницу, в редакции накопились дела и денежные расчеты разные. Читала эти дни статьи Щукина по просьбе Сергея Николаевича. Мы с ним думаем их издать брошюрой; он пишет, чтобы я их перечла и ему написала подробно свое мнение. Что ты думаешь об этом? Напиши.

Я должна скорее написать об этом Сергею Николаевичу, т.к. он увидит Щукина. Вышла неприятность с Эрном. Посмотри "Русские Ведомости" за 21 июня, там напечатано открытое письмо, в котором Эрн упрёкают за неточность в библиографии Соловьёвского сборника. Оказывается, что статья Н.К.Михайловского написана по поводу другого, а не Владимира Соловьёва. Эрн всегда опасен и в работе. Что это, болезнь ли его или органический его недостаток? Я хочу непременно ему поставить все это на вид. И сомнеюся у него много!

Постоянно получаю письма от Булгакова и Эрна о "Пути", полные забот. Они так же, как и я, придают этому делу большое значение, и верят в него. Это меня очень ободряет! Это то, чего не было в "Еженедельнике" – оттого он и умер. Я все больше верю, что в "Пути" может развиться жизнь, конечно, если все будут его любить и в него верить! Это большое и глубокое дело, несмотря на его скромную внешность. Но и в этом отношении оно разовьётся при единодушии и горячности всех <...>

316. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[255]<22.06.1911, Кореиз – Рим>

Дорогой Владимир Францевич!

Хотя и не хочется волновать Вас дразгами, однако не могу не послать Вам вырезку из "Русских ведомостей" от 21 июня, №141, где рецензент (по-видимому, скрывающийся за псевдонимом, хотя, впрочем, я совершенно не догадываюсь, кто это) хочет Вас подсадить со стороны метода Вашей работы[256]. Прав ли он в своем утверждении или не вполне? И как могло получиться это недоразумение? Сам я этой статьи Михайловского или не читал, или же не помню. И как кажется Вам уместнее поступить: отмолчаться или же как-нибудь ответить.

Щукин о Толстом писать статью отказался, так что одной статьей для сборника стало меньше. Как подло поступают с нами "Русские ведомости": они знакомят публику с нашим издательством только таким методом: статьей Козловского[257], полемикой об издании Киреевского, теперь щипок по Вас, – о сборнике же самом не было ни строки. Смотришь-смотришь, терпишь-терпишь – даже и одурь возьмет. Пишу Вам немедленно по получении газеты.

Обнимаю Вас. Не волнуйтесь больше, чем следует, потому что едва ли кто заметит это письмо, если только не будет подхвачено друзьями из "Логоса". Привет Вашим домочадцам.

Ваш С.Булгаков

317. С.Н.Булгаков – М.К.Морозовой[258] <23.06.1911. Кореиз – Михайловское>

23.VI.1911. Крым, ст. Кореиз

Глубокоуважаемая Маргарита Кирилловна!

Вы, конечно, уже прочли "письмо в редакцию" "Рус<ских> Вед<омостей>" от 21 июня некоего Павла Попова (очевидно псевдоним), касающегося библиографии в Соловьевском сборнике и заключающее в себе тонко рассчитанный и попадающий в цель удар по "Пути"[259]. Единственный способ, которым "Русские ведомости" считают нужным знакомить своих читателей с "Путем", это выходы Козловского, бравады новоявленного "философа"[260] (в том же номере, – ведь не может же быть это Яковенко?!) и это открытое письмо. Но так или иначе, но я испытал, читая его, наибольшую боль за "Путь", чем от всех до сих пор случавшихся злоключений, и могу объяснить эту, вообще говоря, непростительную ошибку Эрна только его болезнью, в которой он составлял свою библиографию, но при этом остается непонятным, как это произошло. За библиографию я вообще не был спокоен, <потому> ч<то> мне уже указывали на ошибки в ней, но менее одиозного характера. Как мне ни жаль волновать Вл<адимира> Фр<анцевича>, я не считал возможным скрыть от него этого письма (ведь он может узнать о нем и помимо) и немедленно послал ему вырезку и спрашиваю, можно ли как-нибудь здесь ответить или нет, прося сообщить мне о своих предположениях и не предпринимать самостоятельных шагов. Боюсь, что ответить здесь нечего и останется лишь расписаться в получении. В первый раз я порадовался, что не осуществилось наше торжественное пронунциаменто к этому сборнику, и я тоже стал думать, что лучше нам держаться поскромней и по одежке протягивать ножки. Главное наше несчастье, конечно столько же личное, сколько историческое, что у нас так мало реальных рабочих сил и, при необходимости расширять издательство, дефекты торопливости и небрежности будут неизбежны, как это показал уже опыт. Надо учиться у этого опыта. Но из этого, конечно, не следует, чтобы можно было раскисать и ослаблять энергию. Будем делать то, что мы можем, и больше с нас не спросится.

Я живу здесь спокойно. Занимаюсь понемногу, хотя работа идет медленнее, чем я бы этого желал. Виделся уже с о. С. Щукиным, который отказался написать о Толстом – мало это его занимает, вообще же, конечно, что-нибудь напишет[261]. О сборнике его статей я с ним пока не говорил.

Заботит меня толстовский сборник, – мало будет в нем статей и, конечно, запоздает с выходом. Ввиду такого положения я начинаю задумываться, не пригласить ли нам в этот сборник еще В.В.Розанова? Конечно, по многим мотивам это нежелательно, но он даст интересную статью, возможно для нас и подходящую. Конечно, с обращением к нему можно не торопиться, пока не выяснится, что мы уже имеем. Каково Ваше мнение на этот счет?

Крепко жму Вашу руку. Всего доброго.

Ваш С.Булгаков

318. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[262] <29.06.1911. Бегичево – Михайловское>

<...> О себе ничего особенно нового сказать не могу. Закончил целую большую главу об "Оправдании добра". Пишу о дальнейших частях той же книги. Уже три четверти ее кончил. Потом перейду этим же летом к последнему периоду Соловьева. Вероятно, вчерне кончу к Рождеству. В свободные минуты читаю Бердяева "Философию свободы". Необыкновенно искреннее произведение, местами с блестящими талантами (много талантливее Булгакова), но таланта совершенно загубленного и задушенного дилетантством. От этого попадают главы, например, 1-я, даже смешные, словно написанные Козьмой Прутковым. В первую минуту я было начал кричать и ужасаться, что "Пути" приходится издавать такие книги, хотел было и тебе об этом написать, но к счастью, удержался, потому что прочел следующую главу, в которой много хорошего. Вообще в книге много раздражающего, что нужно перетерпеть. Но терпеть я буду, конечно, ради "Пути", т.е. ради тебя. Ты будешь нашей примирительницей и должна нам мешать бросаться друг на друга <...>

319. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[263]<17.07.1911. Кореиз – Рим>

17 июля 1911 г.

Дорогой Владимир Францевич!

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.

Я рад, что инцидент с Библиографией не произвел на Вас чрезмерного впечатления, потому что я с волнением за Вас ожидал Вашего письма. Конечно "Русские ведомости" делают и будут делать нам гадости, но все-таки гораздо приятнее, когда им приходится инсинуировать впустую, нежели удастся подсидеть, хотя и на пустяковой, но пикантной ошибке, в невыгодном свете выставляющей метод работы. Вы по этому поводу переходите из дефенсивы в офенсиву[264]. Мне это не свойственно индивидуально, а с точки зрения интересов издательства я подал бы свой голос против помещения такого письма, потому что оно не улучшает, а ухудшает положение и, конечно, если бы появилось в печати (чего тоже, конечно, ни в коем случае нельзя ожидать, неужели Вы не знаете нашей прессы?), то было бы использовано против нас. По моему самочувствию на это надо было бы ответить лишь так: тщательно, в микроскоп, пересмотреть всю библиографию и проверив все сомнительные случаи, если таковые еще имеются (а о возможности их я узнал именно из рассказа в Вашем же ответе), надо напечатать на цветной бумажке для вкладки в сборник в числе еррата[265]: просят исправить досадную погрешность и пр. Я лично буду отстаивать в издательстве этот выход. Маргарита Кирилловна писала мне о Вашем письме, она смотрит на него приблизительно одинаково со мной. Впрочем, как бы мы ни смотрели, Ваше письмо все равно, повторяю, или света не увидело бы, или увидело бы его под таким редакционным соусом, что нам бы от этого не поздоровилось.

Вы спрашиваете меня о статье Вашей. Основную ее идею я разделяю вполне, – по-своему то же говорю в своей работе, – но внешность и план этой статьи отразили Ваше болезненное состояние: она растянута, вяла; с большим подъемом, хотя и с чрезмерной парадоксией написано послесловие Ваше. К сожалению, и о том и о другом говорю по старым впечатлениям еще от чтения корректур и по выходе и потому не могу детализировать. Очень меня беспокоит Толстовский сборник, что он не выйдет осенью, это для меня сейчас очевидно. Но беда в том, что авторы один за другим отказываются или оттягивают статьи: отказался Ельчанинов, отец Щуркин, Зеньковский, наполовину – Волжский, опоздают Бердяев и Булгаков, подумайте! Я возбуждал с горя вопрос о Розанове, но Маргарита Кирилловна решительно против, а я не настаиваю, потому что и сам сомневаюсь. Необходимо пригласить Аскольдова, Волжский писал, что он может написать. Запросил мнение Маргариты Кирилловны. Я думаю, что Вы будете за, особенно ввиду малочисленности статей, да он, вероятно, напишет вяло, но содержательно. Рад, что Вы вошли ин медиас рес[266]. И еще более рад, что настроены так мужественно (и, надеюсь, без задора). Я уже не могу подобно Вам окрыляться теоретической работой (вчера мне исполнилось 40 лет), но работаю кой-как и несколько продвинулся. Однако за лето не кончу, и опять перерыв до будущего года! Челпанов обратился ко мне с повторением прошлогоднего предложения дать статью в сборник (для меня еще неясно, будет ли специальный сборник или же очередной номер "Вопросов философии и психологии"), посвященный Лопатину по поводу его юбилея. Это же приглашение он просил меня передать Вам, что я и обещал сделать. Статья нужна к сентябрю. Разумеется, я могу дать только главу из "Философии хозяйства". Быть может, Вы тоже можете выделить из своей работы или даже, на худой конец, из Сковороды. По-моему желательнее было бы, чтобы Вы участвовали, но всяком случае, ответьте скорее.

У нас в семье все благополучно, я пользуюсь – не знаю надолго ли – необычным отсутствием тревоги за близких. Лечитесь, Бог Вам в помощь. Привет Вашим домочадцам от нас обоих. Господь с Вами.

Ваш С. Булгаков.

Вопрос о библиографии в философский сборник пока откладываю. Желательно, чтобы она не была случайна и пестра, а систематична.

320. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[267]<24.07.1911. Кореиз – Рим>

24 июля 1911 г.

Дорогой Владимир Францевич!

Ваше письмо от 24 июля[268] получил. Даже, когда я не совсем соглашаюсь с Вами, я радуюсь бодрости Вашей, ясности и крепкой вере в свою правду, – правду своего дела. Пожалуй, я не буду спорить о конце Вашего письма, о временном и вечном, об отвлеченной постановке. Но для Вас гораздо определеннее звучит уверенность в своем призвании, которую я на ломанном пути своей жизни порядочно растерял, а ошибки и измены вижу ясно. Но и Вы,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. как чеховский дьякон, одной припиской разрушивший все написанное протоиереем письмом с грозными инвективами[269], своим признанием, что не все и для Вас ясно, приблизились ко мне в тоне. Перехожу к делам.

Я понял Вас так, что Челпанову напишите Вы лично, хотя я и упомяну ему о Вашем согласии. Его адрес сейчас: Крым, Алупка, Симеиз, дача Субботина (не знаю докуда).

Относительно Толстовского сборника с Вами вполне согласен, иначе мы не можем поступить, как отложить срок выхода сборника. Я сам примусь за статью лишь в Москве. Зеньковский, на которого я-таки насел, обещал написать. Аскольдову я написал уже. Статья Трубецкого уже есть, – доклад в РФО. От Волжского еще жду. Вообще все очень затягивается, например, печатание книги Зейделя[270] стоит из-за задержек с редактированием переводов с латинского и греческого, возложенным на Павла Александровича. Бердяев тоже, повидимому задерживает. Кажется, он вообще тяжело себя чувствует по внешним, а, может быть, и внутренним причинам.

Я совершенно принимаю Вашу редакцию еррата, и об этом не думаю, конечно, никаких объяснений или извинений быть не должно. Проверка же остального, о которой я писал, есть Ваше личное дело и, если Вы не находите ее нужной, этого достаточно. Мы не можем друг друга контролировать иначе как товарищески. Вам, действительно, исключительно не везет с этим "Русским Богатством"! Ваше же устремление на бой с "Русскими Ведомостями", даже если бы мы его разделяли, повторю, осталось бы неосуществленным: "сыны века сего искусны в делах века сего"[271]

Я живу потихоньку. В семье у нас все сравнительно благополучно. Маргарита Кирилловна стоит – и я это поддерживаю – на издании сборничка старых и новых статей отца С. Щукина, с которым я здесь выдаюсь и очень к нему расположился. У нас вообще мало изданий, и надо заботиться об их увеличении.

В Москве я буду к 30 августа или к 8 сентября, не позже. Боюсь, что осенью, в начале сезона, у нас не будет готово ничего. Но что же делать! Будем делать, что можем, а больше с нас не спросится. Трудна работа Господня, а еще труднее отдавать работу Господу! Обнимаю Вас. Да хранит Вас Матерь Божия. Сердечный привет Вашим домочадцам.

Ваш С.Б.

321. Н.А.Бердяев – В.Ф.Эрну[272]<24.07.1911. Люботин – флоренция>

Ст. Люботин, Южных дорог

24 июля

Дорогой Владимир Францевич!

Наконец-то Вы дали о себе весть. Мы недоумевали, что значит Ваше упорное молчание, беспокоились и даже сердились. Рады были узнать, что Италия подействовала на Вас благотворно и возрождающе. От Вашего письма пахло Италией, и нас еще больше потянуло в Италию. В последние дни у меня прямо тоска по Италии и усиливается она еще тем, что я не совсем уверен, что будет возможность ехать в Италию, слишком уж очень неопределенны и плохи мои дела. Напишите, дешева ли жизнь в Италии? Если поедем, то, конечно, заедем к Вам во флоренцию, но коренным образом жить предполагаем в Риме. Если поездка состоится, то не раньше ноября. В Италию стремится и Евгения Казимировна. Знаете ли Вы, что в апреле-месяце, перед отъездом из Москвы она перешла в Православие? Свершилось это в церкви Великой Княгини через отца Евгения Синайского, при ближайшем участии Сергея Николаевича, Новоселова, а также Григория Алексеевича[273]. Совершилось это с большим духовным подъемом, судя по письмам Евгении Казимировны[274] и Сергея Николаевича. Теперь она живет в Судаче. О себе я Вам не могу сообщить ничего утешительного. Это лето для меня очень тяжелое во всех отношениях. Чувствую я себя в смысле нервов очень плохо, почти каждый день болит голова в самой тяжелой давней форме, и вообще я расклеился.

Много всяких тяжелых впечатлений. Мои семейные условия так ужасны, что я предпочитаю никогда о них не говорить (под семейными условиями я понимаю не мои отношения с Лидией Юдифовной). Моя выносливость ослабляется, и

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
временами я начинаю унывать. К тому же я нахожусь в периоде острой самокритики и самоосуждения. Мало благодатности в жизни.

Работаю я много, но занят я, главным образом, тем, что переписываю своего "Хомякова" и усиленно редактирую Леруа и о Л. Толстом. "Хомяков" уже печатается. Немного занимаюсь также оккультизмом и Штейнером. Философов смешал меня с грязью в двух № "Речи" по поводу "Философии свободы" и Соловьевского сборника[275]. Я все-таки не ожидал такой злобы и ненависти. Но выводы его бессильны и глупы. И друг наш Степун мстит мне в "Логосе" за унижения этой зимы[276]. По существу же ничего не сказал ни тот ни другой.

Лидия Юдифовна тоже чувствует себя неважно, хуже, чем в Москве. Евгения Юдифовна уехала в Уфимскую губернию лечиться кумысом. Мы живем в полном уединении. Рады письмам от друзей. Я получил письмо от Челпанова, в котором он просит меня передать Вам приглашение участвовать в философском сборнике в честь Лопатина. Сборник выйдет в конце сентября, а статьи надо представить к 1 сентября. Статья может быть на любую философскую тему. Ответьте Челпанову по адресу: Крым, Алупка – Симеиз, дача Субботина. Ответьте поскорее.

Я увлечен мыслью написать статью о Бергсоне[277]. Над чем Вы теперь работаете? Как Скворода? Напишите непременно об условиях итальянской жизни. Мы с Лидией Юдифовной сердечно приветствуем Вас, Евгению Давыдовну и Надю. Заботитесь ли Вы о своем здоровье? Все мы очень надеемся увидеть Вас этой зимой.

До конца сентября будем в Люботине. Пишите нам чаще. Целую Вас с любовью. Надеюсь, что следующее мое письмо будет более отрадное.

Любящий Вас Николай Бердяев

322. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[278] <29.07.1911.Кореиз – Симбирск>

23. 7. 1911 г., Кореиз.

Милый Александр Сергеевич!

Спасибо Вам за письмо Ваше. Может быть мы просто напросто стареем, но все же с годами чувствуешь себя как будто проще, и "краски чуждые с годами спадают ветхой чешуей"[279], и из соприкосновений с Вами через письма осознаешь, что хотя в этом идем мы одним путем... Придем ли к чему? – Воля Божия!

Я пишу Вам в страшные июльские дни, еще полный благодатию годовичного поминовения ушедшего. Я имел в этот день радость молитвенного общения с о. Сергием Щукиным (помните его статьи в Московском Еженедельнике), который у меня служил, и на всю жизнь у меня останется и эта обедня, да и весь его светлый облик. Чем больше чувствуешь свое недостойнство и все расстояние, отделяющее от настоящего служения Церкви, с тем большим волнением видишь это в других. Относительно хлопот Аскольдова о Вас, конечно, могу сказать: "могий вместить, да вместит", и я был бы счастлив услышать, что Вы смогли, ибо выше и прямой пути служения нет, или по крайней мере, для нас теперь уже быть не может[280].

От о. Павла недавно получил письмо, где он, между прочим, описывает свои переживания теперешние. Не знаю, что бы Вы сказали, но я с радостным волнением и умилением читаю это. Дай ему Бог благодати Своей! Но, я, конечно, не закрываю глаза на трудности для него, которые у каждого свои.

Я провожу лето благополучно, сочиняю "философию хозяйства", живу. Умеренно волнуюсь за "Путь", в котором все-таки уж очень мало работников. Григорий Алексеевич совсем ведь не работоспособен (ведь вот Вам письма не может написать!). Бердяев часто в хандре и растерянности, уж очень его материальная неустроенность, в связи с отсутствием рабочей дисциплины, допекает. Эрн наделал ошибок в Соловьевской библиографии в сборнике (который вообще вышел ничего себе, – цена 1р. 50к, если хотите, я Вам из Москвы вышлю). Уличили в "Русских ведомостях" в ошибке, было неприятно, хотя он отнесся к этому несколько в старом стиле. Он живет под Флоренцией и лечится, не знаю успешно ли. Виснут на нем не только семья, но и Надя с девочкой. Боюсь за него, мало надежды на его поправление.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Об Авве стороной слышал, что нервы не в порядке, и о том же заключаю, потому что за все лето не имел от него ни строки. Живет он на даче в Вифании (Сергиев Посад), в духовной семинарии.

Как Ваши? Поправляются ли? Лето пока стоит здесь багоприятное, о недороде узнаешь лишь из газет, потому что кругом полей нет. Как здоровье Ваше собственное? Пишете ли о Толстом? Пишите, наверное, сборник запоздает и поспеете. Если знаете адрес Аскольдова, и если на основании разговора думаете, что выйдет у него статья о Толстом, есть вкус к ней, то перешлите ему, пожалуйста, не откладывая, настоящую записку с запоздалым приглашением.

С 31-го августа я уже в Москве. Адрес прежний: Б.Афанасьевский пер., д.22, кв.12. Не приедете ли? Как хорошо бы повидаться и помолиться вместе! Храни Вас Господь и Матерь Его! Целую Вас. С. Булгаков

323. С.Н.Булгаков – М.К.Морозовой[281] <3.08.1911. Кореиз – Михайловское>

Кореиз, 3 августа 1911

Многоуважаемая Маргарита Кирилловна!

Я получил Ваше письмо, которое произвело на меня очень бодрящее и радостное впечатление. В конце концов, подобные толчки заставляют больше узнавать и себя, и других и этим выкупаются. Я послал Вам еще одно письмо, очевидно, до Вас так и не дошедшее, судя по тому, что я не имел на него ответа, – относительно приглашения Аскольдова в Толстовский сборник, на каковую мысль навел меня недавно видевшийся с ним Волжский. В виду позднего времени я на свой страх пригласил его, у нас статей мало, а он человек во всяком случае близкого направления и у нас числится как биограф Козлова[282]. Сделал же я это в заботах о Толстовском сборнике (впрочем за последнее время я опять вынудил обещание у Зеньковского, а Эрн вынуждает у Ельчанинова). На Розанове я не настаиваю, по~~тому~~ <что> мне и самому сомнительна эта комбинация. Надо было бы ее во всяком случае обсуждать, прежде чем принять. Но срок выхода сборника, очевидно, придется отодвинуть на конец ноября, по~~тому~~ <что> к сентябрю не будет готова ни одна статья, кроме ранее написанной Евг<ения> Ник<олаевича>. И отодвинув срок мы, быть может, и получим статьи от всех приглашенных.

Инцидент с библиографией сейчас может считаться законченным. В<ладимир> Ф<ранцевич> прислал и мне копию своего предполагаемого ответа, который я тоже признаю невозможным и, кроме того, неосуществимым по внешним условиям. Я ему уже написал об этом как Ваше, так и свое мнение, а на днях получил от него письмо, в котором он, оставаясь внутренне на своем, устраняет свой ответ и соглашается на предложенное мною лаконичное оповещение о вкравшейся ошибке, которая может быть напечатана на особой полоске и вклеена в сборник. Разумеется, этот вопрос мы еще обсудим осенью. По рассказу В<ладимира> Ф<ранцевича> он даже и не так виноват, как кажется, но подробнее поговорим об этом при свидании. К огорчению у нас все затягивается. Флоренский задерживает Зейпеля, повидимому Бердяев тоже задерживает, в начале сезона, кажется, ничего не будет готово!

С о. Сергием Щукиным я видался не раз и как-то очень к нему прильнул сердцем. Я еще не успел поговорить с ним как следует об его сорнике; на первое мое приглашение он ответил смущением и отказом, но это в его стиле, и мы еще поговорим. Мне очень хочется его так или иначе приблизить к "Пути". В Москву я приеду либо 30 августа, либо в сентябре, не позже. Нароботал я мало, и собою не доволен, хотяи стрался вемени не терять.

То, что Вы пишете о кризисе "Мусагета", и роль здесь Б<ориса> Н<иколаевича>, как я ее понимаю, я прямо за него огорчился. Тут скрывается не только – увы! – русская несостоятельность в выполнении принятых обязательств всякого рода, но и более глубокое заблуждение: ведь "Мусагет" стал именно тем, чем он только и мог быть по духу руководителей. Я думаю, что мы не разошлись в личном отношении к Б<орису> Н<иколаевичу>, но совершенно разделяю Ваш скепсис к устойчивости его "путейских" настроений при его болезненной впечатлительности, примеры которой мы видели в последний приезд Мережковских, хотя я очень был бы рад этому его курсу.

Надеюсь, что Вы будете наезжать в Москву, и мы увидимся в начале осени; и

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. поэтому откладываю дальнейшее до личного свидания.

Жму Вашу руку и желаю мира душевного.

Ваш С.Булгаков

324. С.И.Гессен – Вяч.Иванову[283] <11.08.1911. Конуки – СПб>

СПб 11 августа 1911 г.

на станции Вайвари, дер. Конуки

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Пожалуйста, немедленно сообщите мне, куда посылать Вам корректуры Вашей статьи о Толстом в немецком переводе: она будет помещена в ближайшей книжке немецкого "Логоса". Перевод не особенно удался Степпуну (да и не мудренно) и требует с Вашей стороны самого внимательного чтения[284].

Сердечный привет от искренне преданного

С.Гессена

325. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[285] [? 08.1911. Михайловское – Бегичево?]

<...> Последний раз в Москве мы два дня работали в "Пути" с Рачинским (который был довольно спокоен) и с Булгаковым. Много обсуждали! Представь себе, что обстоятельства с книгами сложились так, что мы решили в первую очередь издать первый том Дюшена под редакцией Попова[286].

Были у нас разговоры и из всего я всегда выношу глубокое и твердое убеждение, что без тебя дело идти не может. Булгаков действительно живет этим делом, он на него смотрит, как на свое, не жалеет сил и времени. Ты не можешь себе представить, как он мне помогает! Но все это органическая работа, выполнение задуманного и намеченного. Но руководить делом, ясно видеть общий смысл и связь всего – на это у Булгакова не хватает ума и критического дара нет. Необходим твой ум и критическая глубина, дорогой друг!

Я мечтаю, что, наконец, будем издавать для народа. Это очень важное и живое дело и вместе практическое. Только тогда "Путь" может развиваться широко и прочно. Я думаю, что такой человек, как священник Щукин, может быть в этой области очень хорош.

Я много поработала и с бухгалтерией и все себе выяснила. Теперь, кажется, деловая сторона "Пути" начинает выясняться, и для всех становится все понятным.

Здесь, в деревне, у меня масса хлопот, которые мне надоели, скорее бы все кончить. Все по устройству! Колония уже начала функционировать[287]. Всего поселилось 50 человек. Пока у них еще беспорядок и неустройство.

Как-то все пойдет и что даст?! <...>

326. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[288] <13.08.1911. Бегичево – Михайловское>

<...> Уже назначили день моих занятий в Университете Шанявского[289] – по пятницам. Это великолепно по близости к четвергам и субботам[290]. Возражения твои основаны на недоразумении. Раз Соловьев видел в половой любви путь выше ангельского и универсальный путь спасения, он, очевидно, ее переоценил. Но ведь я же и говорю, что возвести относительное в абсолютное значит – растворить его в абсолютном и разрушить; именно переоценка и разрушительна в данном случае: именно потому, что любовь для Соловьева – "выше ангельского пути", он принужден был отбросить от нее все естественное: оттого и ложный "стыд". В сущности во всей этой теории говорит неудовлетворенное земное желание, которое Соловьев бессознательно разжигал, принимая его за небесное откровение. Как же не сказать, что истину здесь заслоняет земная величина.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Очень рад, что ты мне стала "коллегой" по земской деятельности. Думаю, что опрос земских деятелей – верный путь, чтобы сделать очень много.

Что касается колонии, то я не сторонник преувеличенного практицизма. Пусть это будет место летнего отдыха; но если там есть труд, то труд обязательно должен быть целесообразен, т.к. бесцельный и фантастический труд не может заинтересовать и служить воспитательным средством. Поэтому, например, огород обязательно должен быть поставлен так, чтобы давать колонии настоящие овощи <...>

327. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[291] [? 08.1911. Михайловское – Бегицево]

<...> Вчера, хотя и получила строгую телеграмму от Джунковского[292], "требую, чтобы Вы приехали с Марусей на торжества", но не решилась ехать, сил нет. Да и тоска везде! Лучше всего здесь, где мне каждый уголок дорог. Каждый уголок мой устроен, столько вложено любви в каждое деревце, в каждый кустик, цветок, травку! Все здесь до последней песчинки мне мило и дорого и мной все из дебрей устроено. Очень уютно и мило становится здесь. Но еще много нужно сделать, тогда будет драгоценный уголок. Колония тоже налаживается, много милых маленьких мальчишек, моих любимцев <...>

Пока читаю курс богословия Светлова[293]. Хочу читать это лето особенно внимательно Библию <...>

Сегодня ко мне приедут соседи здешние. У меня есть мысль: устроить общество для крестьян. Мне пришлось заставить их закрыть трактир, и вот теперь я вижу, что лучше мне же устроить для них что-нибудь вроде клуба: чайную, читальню. Все это надо обдумать, но надо и приступить к этому делу. Нужно, все-таки, чтобы у несчастных было пристанище, где найти совет, поддержку и развлечение. Без этого жизнь слишком темна. Вообще планов у меня много, желания делать много, сил много, но нужно делать, делать и делать и не бояться неудач, которыми жизнь полна! Лишь бы не терять энергию и вкус к жизни, а тогда – крах! На серых буднях примиряться не хочется, да и не нужно, ничего тогда все равно не сделаешь, плодотворного и живого ничего не зажжешь. Без огня нет жизни, и она мне не нужна! <...>

328. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[294] <25. 08. 1911. Кореиз – Флоренция>

25 августа 1911., Кореиз

Дорогой Владимир Францевич!

Я 28 августа уезжаю в Москву и с 30 буду там жить по прежнему адресу. Имейте это в виду. Отсрочка сборника до 1 ноября, можно считать, принята. Зеньковский обещал написать, Ельчанинов тоже (?!), если продлить срок до половины октября, но Аскольдов – увы! – отказался. Будем печатать сборник статей о С. Щукина[295]. Присылайте в редакцию "Вопросов философии и психологии", не откладывая, лопатинскую статью[296], о чем хотите, – я так условился с Челпановым. Любящий Вас С.Б.

329. Г.А.Рачинский – А.С.Глинке[297] <30.08.1911. Бобровка – Симбирск>

с.Бобровка Тверской губ.

Дорогой Александр Сергеевич!

Вот я, хоть и поздно, собрался написать Вам обещанное письмо. Не сетуйте на меня, мой родной, за это промедление: я вообще необыкновенно туг на писание писем и иногда просто теряю грамотность; меня это самого очень огорчает, я негодую на себя, но ничего не могу поделать со своим скверным характером.

Весной у меня нервы были страшно утомлены, после двухмесячного пребывания в санатории, и я мало, на что годился. Теперь хорошо отдохнул за лето и втянулся в работу: мне нужно было покончить с лежавшим на моей душе томом полного собрания сочинений Ницше; я изготовил две трети перевода и надеюсь к ноябрю отделаться окончательно от Ницше и приступить к переводам для "Пути" и другим работам, которые мне в теперешнем моем настроении значительно более по душе, чем перевод Ницше.

Последнее время моего деревенского отдыха было нарушено событием,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. произведшим на меня невыразимо тяжелое впечатление. Наш священник, страдавший острым алкоголизмом, повесился в лесу, оставив большую семью. Самое событие, похороны, отчаяние семьи и некоторые обстоятельства, сопровождавшие его поступок, сильно потрясли меня, и я до сих пор не могу перестать думать об этом. Перед смертью он просил прощения у всех, с кем ссорился, и сам причастил себя запасными дарами; повесился он на глазах у своего маленького сына, следившего за ним по поручению матери и бессильного что-либо сделать!

Я обещал написать Вам мои соображения по поводу Вашей биографии Достоевского. Она производит впечатление собрания материалов без критической обработки их и переплавления их в некоторое целое. От этого получается какая-то неравномерность, и читатель будет принужден сам производить работу систематизирования биографических фактов. У Вас в первой главе воспоминания А.М.Достоевского занимают более печатного листа (11–30 и 34–42), прерванного только воспоминаниями Кочановского. В третьей из присланных глав на 71 листик приходится 39 листиков крупных цитат – минимум полтора листа печатных. На листках 217–230 – письма Краевскому, страшно интересные как материал, занимают массу места и разобраться в них трудно без обработки и оценки. Описание писем и библиография вообще попадают таким образом в текст, и нить рассказа теряется для читателя, которому местами, может быть, трудно будет разобраться в хронологии и порядке событий. На листках 495–500 Вы приводите целиком рассказ, который сами признаете апокрифическим. В других местах Вы приводите целиком ряд писем, часто повторяющихся одно и то же с небольшими вариантами. Повидимому, главная работа, критическая и психологическая, предполагается в монографиях 3-го тома, что опять-таки возлагает на читателя обязанность свести их с биографией в одно целое. Но главное возражение, которое при чтении приходит на ум, это – пользование художественными произведениями Достоевского как материалами для его биографии, без критической переработки этого условного материала: сюда относятся цитаты из "Братьев Карамазовых", а, может быть, и кое-что из "Мертвого дома". Я понимаю, что хочется привести многое, до того все хорошо, но некоторые цитаты, как например, о товарищах Достоевского по каторге (464–468), об Орлове и Кореневе (489–490) и еще кое-что, не относятся прямо к биографии. Конечно, у писателя, который почти сплошь автобиографичен в своих произведениях, не обойдешь их в биографии, но тут нужна какая-нибудь обработка и предположение, что читатель предварительно познакомился с ними. От всего сказанного зависит чрезвычайно большой объем книги: два тома листов по сорока, не считая третьего, составленного из монографий, который при данном характере изложения явится безусловно необходимым. Мне кажется, что, если критически переработать весь материал и сжать все, воспользовавшись монографией для самой книги, то вещь страшно бы выиграла: а вещь очень нужная и своевременная.

Вот все, что я могу сказать Вам вкратце, не вступая в обсуждение частных и мелочей. Не посетуйте на меня за мою придирчивость; читал я рукопись внимательно и любовно и считаю полную откровенность делом любви и дружбы.

Крепко жму Вашу руку. Храни Вас Христос!

Душевно Вас любящий

Григорий Рачинский.

330. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[298] <5.09.1911.Москва – Геленджик>

5 сентября 1911 г., Москва

Дорогой Александр Сергеевич,

как я рад был получить от Вас закрытку из Геленджика, хоть на короткое время светлый луч прорезал вашу тяжелую жизнь. Спешу известить Вас, что срок представления статей – предельный – отодвигается до 1 ноября и потому опять прошу Вас дописать и прислать статью. Писать о Толстом вообще и трудно и неприятно, даже если не считать с тем, что Вы называете самообрезгливостью, что и мне не ведомо. Сюда мы приехали с неделю, сравнительно благополучны, хотя с маленьким и возимся. Видел Михаила Александровича, он Вас целует. Он за лето отдохнул и на вид поправился, мамаша тоже, хотя мне она показалась все-таки возбужденной.

Видел я в первый раз о. Павла в его новом состоянии. Он трогателен, тих и

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках
светел, но "эмпирически" ему очень трудно житься, изба их разваливается, а назначения на место в деревню, м<ожет> б<ыть> и не будет по разным интригам, и живет он между небом и землей. Смотрю и вижу, чего требует по крайней мере от него священство. Он очень нежный и заботливый отец. Там же встретил нового инокка – о. Серапиона, – б<ыть> м<ожет> известного Вам Воинова[299].

Здесь по-прежнему я очень ценю и все более привыкаю к Маргарите Кирилловне, – вопреки своей внешности, она человек с редкими деловыми и, по-моему, душевными качествами и, по-моему, искренно хочет служить "русской идее" (не в Соловьевском смысле, а в настоящем).

Обнимаю Вас. Да хранит Вас Господь.

Ваш С.Б.

331. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[300]<10.09.1911. Москва – Флоренция>

10 сентября 1911, Москва

Дорогой Владимир Францевич!

Откладывая ответ на Ваше письмо сюда, спешу однако уведомить Вас, что здесь отодвигание срока предоставления статей в "Толстовский сборник" вообще не встречает сочувствия, да и нет мотивов, потому что все равно новых статей мы не дождемся (Аскольдов окончательно отказался, В. Иванову будет еще писать Григорий Алексеевич, но, конечно, безнадежно). Поэтому остается Вас просить передвинуть порядок работ и лучше поставить вперед Толстого, а затем Сквороду, а не наоборот, как Вы предполагаете. Я никакого вдохновения к статье о Толстом не чувствую и не почувствую, потому что, как и раньше, меня охватывает при чтении его в большинстве бездарных религиозных статей лишь скука, раздражение и враждебность, не смягчаемая даже теперь. Потому напишу статью лишь по делу. Будьте здоровы. Привет Вашим.

Ваш С.Б.

На днях пошлю Вам ругань на Вас С. Гессена в "Речи"[301], это махровый чеснок!

332. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[302]<30.09.1911. Москва – Флоренция>

30 сентября 1911 г., Москва

Дорогой Владимир Францевич! Давно собираюсь писать Вам, а сегодня побудила меня к этому Ваша открытка. Здесь все благополучно. Григорий Алексеевич хорош, насколько он может быть, и деловит настолько же. Маргарита Кирилловна прежняя. Князь отсутствует, живет в деревне и лишь наезжает. Очень замедлилось печатание всего, задерживает Павел Александрович и Зейпеля и свою книгу, задерживает Николай Александрович, задерживается Толстовский сборник. Однако теперь я уже начинаю в него верить, ибо есть уже статьи Трубецкого, Зеньковского, Экземплярского, Белого, жду Волжского, кроме того, наши статьи (я, кажется, раскачиваюсь, наконец), даже не считая проблематичного Ельчанинова. А одно время я совсем уже было приуныл о нем. Приступаем к печатанию.

Я приступаю к печатанию первой части "Философии хозяйства", которую как более философическую и теоретически основную, решил отделить от второй, более религиозной. Должна выйти к февралю, если ничто не задержит. Комплект этого года уже заполнен, и теперь идет речь о будущем годе. Предстоит ряд заметок и рецензий в "Русской Мысли" о наших изданиях. Статью Гессена я послал Вам, но не заказной бандеролью.

Очень трудно будет в этом году с Религиозно-философским обществом. Вас нет, Бердяева пока нет, а затем он тоже в Италию собирается, остаюсь я, которому ведь не разорваться на все (у меня 8 часов лекционных в неделю!) и Григорий Алексеевич. А в то же время приостанавливать темп жизни Общества никак нельзя. Будем нажимать на Трубецкого, который тоже не живет в Москве, а в деревне (я его и не видал еще), и на себя.

Хорошо, что Вы продвигаетесь к югу[303] на зиму. Как теперь Ваше здоровье?

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Я, приехав сюда, поразболелся экземой, но сейчас поправился.

Повидимому, скоро будет поставлен-таки вопрос об юридической природе издательства, и придется обратиться к юристу (я предлагаю Кузнецова[304]). Я лично сейчас к этому равнодушен, но этот вопрос возбудила Маргарита Кирилловна, между прочим, ввиду необходимости подписывать условия с авторами.

Между прочим, Б.Кистяковский[305], как "украинец", отмечает отсутствие в Вашей статье о Сковороде украинского колорита[306]. Сообщаю Вам это к сведению, а не к исполнению. Он воодушевлен "Логосом", я огорчил его, высказав свое мнение, хотя он не остается в долгу.

Я предполагаю сделать попытку издать "Философию хозяйства" по-немецки, хотя на успех не особенно-то рассчитываю[307].

Пока жизнь здесь еще не раскачалась. Российские события, как убийство Столыпина, Вы, конечно, знаете, хотя и не читаете газет. Вы теперь попали в волну итальянского шовинизма[308], это должно быть препротивно.

Сердечный привет Е.Д. Будьте здоровы. Да хранит Вас Бог!

Любящий Вас С.Б.

333. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[309] <9.10.1911.Москва – Симбирск>

8 октября 1911 г., Москва

Дорогой Александр Сергеевич!

Мы ждем Вашей статьи. Пожалуйста, присылайте. Предельный срок – 1 ноября. Так как торопимся печатанием, но, если не готова часть, то присылайте частями. Нужна ли вам корректура? Сборник обещает быть интересным, по крайней мере, лучше, чем я ожидал.

Как Вы поживаете? Как здоровье Ваше и Ваших? Благополучно ли вернулись из Геленджика и все ли вернулись? Мы живем благополучно. Я треплюсь, как всегда. Дети и Е<лена> И<вановна> здоровы. Авва в Москве и относительно благополучен. Сейчас в Москве о. Павел А<лександрович> Фл<оренский>, приехал на день. Ах, и трудно ему живется внешне, от нужды, от скверной квартиры, дрызг и проч. Кроме того он не получает, тоже из-за дрызг, обещанного ему прихода, т.е. лишен своего храма. Но он трогателен и светел, так радостно его видеть.

Бердяева еще нет в Москве. Денежный и, по-видимому, какой-то душевный кризис в нем нарастает. Надо бы ему как-нибудь преодолеть дилетантизм жизни, который его, по-моему, гложет и который он принимает за "свободу творчества". Впрочем, м<ожет> б<ыть> я ошибаюсь. Эрн болеет и за границей, очевидно, плохо ему.

Была у меня недавно Мариэтта, несчастная, больная, но прелестная и трогательная больше, чем раньше. Петербургские мерзавцы[310] ее, конечно, опустошают и эксплуатируют, и лично к ним, по ее словам, если, конечно, она верно себя понимает, она теперь значительно охладела, но тем не менее или тем более чувствует себя с ними, за чертой, с открытыми глазами идет на эту погибель или спасение, но в то же время чувствует себя и с нами, и нет никакой вражды. Тепло спрашивала о Вас. Что с ней лично сейчас, я не знаю[311].

Христос с Вами.

334. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[312]<12.10.1911. Москва – Флоренция>

12 октября 1911г., Москва

Дорогой Владимир Францевич! Сегодня получил Ваше письмо, и завтра по телеграфу, с первой возможностью, будут посланы Ваши деньги, о возвращении которых вскорости не прилагайте забот. Рад я, что Вы переехали, но огорчен Вашей болезнью. Я уже писал Вам в Рим до востребования о том, что дела "Толстовского сборника" сейчас хороши, можно сказать блестящи, что Вам нет необходимости вытягивать из себя статью, если она не написана. Сборник

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. начал печататься, и, надеюсь, должен выйти до конца ноября.

В издательстве все обстоит благополучно, но все запаздывает. Религиозно-философское общество не может открыться, потому что нет никого, кроме меня и Григория Алексеевича. Я – загнанная кляча, а Григорий Алексеевич, как всегда, прогрессивно нервнеет. Однако хотим открыться 2 ноября торжественным заседанием о Толстом, если разрешат, конечно. Номер газеты со статьей Гессена я Вам уже переслал во Флоренцию, не знаю получили ли Вы.

Будьте здоровы и благополучны с близкими Вашими. Да хранит Вас Матерь Божия.

Ваш С.Б.

335. С.А.Аскольдов – В.Ф.Эрну[313] <15.10.1911. СПб – Рим>

15 октября 1911 г., СПб

Дорогой Владимир Францевич!

Как поживаете? Как здоровье? И как философия? Если бы не Ваши больные почки, то я, признаюсь, изумился бы Вашей упорной привязанностью к Италии, стране, насколько я знаю, мало философской и в древнейшее, и в новейшее время. Впрочем, быть может, Болонский конгресс сделал ее сразу самой передовой в философии, хотя по достигшим до меня отчетам[314] и сему не нашел бы достаточно веской причины и даже нахожу выступление наиболее, быть может, обнадеживающего философа, нашего Лосского, было одним из самых неудачных по запутанности и зловредности его мыслей[315]. Зловредность сию усматриваю в подчеркнутом гносеологизме (в противовес психологизму). Этот гносеологизм начинает меня сильно раздражать: я скоро, кажется, перестану переносить равнодушно такие невинные слова, как "теория знания". Все это немцы развели схоластику. То ли дело француз Бергсон[316] жарит прямо без всякой гносеологии и недурно выходит, даже почти гениально, можно сказать[317].

В настоящее время заканчиваю монографию о Козлове, часть которой уже послал в Москву для печатания[318]. Хотя все это совсем не в курсе моих мыслей, но работа эта не была мне несколько тягостной, – приятно и полезно всматриваться в историческое прошлое и его воссоздавать в новой перспективе, видеть в идейных ошибках известную правоту общего самочувствия, вообще овладевать историческим смыслом совершившегося. И отец мне стал еще ближе через эту работу, ибо понял его теперь, что называется, – насквозь. Но все-таки с величайшим удовольствием возьмусь за свою диссертацию[319]. За эти лет шесть, отвлеченный религиозными вопросами, я опять возжаждал чистой философии и вождедею того времени, когда за нее возьмусь.

Черкните весточку о себе. Когда Вы возвращаетесь в Россию? И привезете ли с собой некий волюмен[320] и о чем? Я надеюсь в этом году побывать в Москве на свободе. Хотелось бы, когда Вы уже приедете.

Пока всего лучшего, а главное – здоровья. Кланяйтесь Евгении Давыдовне, предполагаю, что она с Вами.

Ваш С.Алексеев.

СПб, Кронверкская ул., д. 21.

336. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[321] <26.10.1911.Москва – Симбирск>

26 октября 1911 г., Москва

Милый Александр Сергеевич!

Я ужасно обрадовался сегодня утром, получив Вашу статью (а сейчас, вечером, и письмо). Прочел ее немедленно и сразу, и скажу Вам без лести, мне она ужасно понравилась, я думаю, что она будет одной из лучших в сборнике, а сборник вовсе не плох и не беден выходит (кром всех нас, есть Зеньковский, есть интересная статья А. Белого и проч.) Или уж я между строк Ваших о Толстом слишком вашу душу и Вашу жизнь почувствовал?

По содержанию я во всем с Вами согласен, а по форме она одна из лучших Ваших статей. Статья пошла уже в типографию, корректуру Вы, вероятно, получите, но опять просим исправить немедленно, потому что ужасно торопимся. Одно для меня ясно с несомненностью: Вашего эпиграфа с начинкой через "Путь" ни в каком случае не провести, и потому, простите меня по старой дружбе, что я своею властью снял его до разговоров. Я Вашу психологию здесь понимаю, но литературно он не вытекает и не нужен, для малых сих будет совершенно ненужный соблазн и даже провокация. Отнесите это на старую мою тактику, хотя в действительности мною руководит здесь не только тактика, но и такт. В содержании статьи нет никаких изменений.

Сейчас я тороплюсь Вам написать о статье и не буду отвечать пока на все Ваше письмо. Присовокуплю лишь, что недавно у Гершензона встретил я Венгерова и разговорились о Вашей книге. Он выразил уверенность, что такая книга, изданная в 2-х томах с иллюстрациями, за 10 руб. по подписке разойдется и хотел сам поговорить с каким-то фительманом (или в этом роде) из "Просвещения". Вы могли бы ему об этом напомнить или просто запросить об ответе, ссылаясь на меня и мой рассказ. Сообщаю для сведения и на всякий случай. Подробнее напишу на днях.

Христос с Вами.

любящий Вас С.Б.

337. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[322]<6.11.1911. Москва – Рим>

6. 11. 1911

Дорогой Владимир Францевич!

простите, что давно не писал, но и всегда-то мне было недосужно, а в этом году, когда я один (имея помощником лишь Григория Алексеевича, который правда мил и вообще полезен, но с наркотиками возбужден и, сами знаете, и мало работоспособен, и нуждается в контроле). Однако дела идут, могло бы быть все и хуже. Самое трудное с Религиозно-философским обществом. После того, как выяснилось, что Николай Александрович не приедет в Москву, а едет к Вам в Италию, я впал в маразм: подумайте, князь живет в деревне, Белый – тоже, и все общество я с Григорием Алексеевичем составляем. Но потом, как всегда, стал искать исход, вытягивать у себя жилы, а дачников из деревни, и машина заработала. Было одно заседание, закрытое, устроили доклад Зеньковского о Толстом[323], прочитанный Григорием Алексеевичем. Открытое моим докладом[324] о Толстом же, затем сделаем одно-два закрытых, а второе полугодие авось полегче будет.

В издательстве все благополучно. Сборник о Толстом будет положительно хорош и лучше Соловьевского. Вашу статью я прочел (первую присылку). Мне она понравилась, я нахожу ее сильною, ценною, но нуждающуюся в ретуши, которую я, с Вашего позволения и доверия, конечно в минимальных размерах, беру на свою ответственность, советуясь с Григорием Алексеевичем, – пересылать корректуры – немислимо. Например, Вы пишете о Софье Андреевне, как возможной представительнице Церкви у одра умирающего, а я знаю некоторые документальные свидетельства (впрочем, не бесспорные) ее равнодушия к нецерковности мужа; и еще, может быть, найдется два-три шероховатых выражения, которых до получения печатной корректуры я по Вашей рукописи переделать не берусь. Я навалил целых две статьи и набросал проект предисловия. Очень хороша статья Волжского[325]. Ельчанинов так и не дал статьи, но и не жалко. Конечно, есть статьи слабоватые.

Теперь о философском сборнике. Меня он тоже волнует и заботит. Мы недавно переобсуждали прошлогодний проект и внесли в него некоторые дополнения (т.е. это моя мысль). Именно, наряду со статьями о "школах", характера разносного, допустить статьи, по проблемам, хотя ввести в них и критический обзор. Это освободит нас от связанности исключительно критической позицией, направленной против философии, которая ведь ложна по существу. И это освободит сборник от чрезмерной специализации. Что Вы об этом думаете? Но, конечно, надо, чтобы вопросы обсуждались возможно строго, даже школьно, и чтобы из-под личной философии свободы не вырвалась свобода от философии, не было запаха философской беллетристики. По отношению к Вам лично я возбуждал такой вопрос: к Вам приписан Гуссерль, но вот мне и думается, что будет излишней роскошью посвящать статью такой совершенно местной знаменитости,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
но проблема Гуссерля – проблема чистой логики, важна и нужна для сборника. Подумайте, какой проблемой Вы соотвественно с задачей сборника могли бы заняться, т.е. чтобы это было не только Вашим коньком в сторону особой любви или ненависти, но, учитывая педагогическую задачу сборника, дать читателю книгу, которой он мог бы обороняться от наступающих на него пакостников, хотя при этом он может и не сосредотачиваться на наших излюбленных темах. Я надеюсь, что Вы понимаете мою мысль.

Маргарита Кирилловна, которая шокируется равнодушием князя и "живой трупностью" Лопатина, хочет сама "обрабатывать" их для сборника, хотя я и мало верю, особенно в Лопатина, но было бы великолепно. Пишу Зеньковскому в том же духе, как и Вам. Я готов уступить Рик-верта[326] князю, как легкую тему, которую можно даже и слегка разделить, и, кажется, он на это идет, хотя сейчас он книгой о Соловьеве забаррикадировался от всего остального. Я сам в таком случае возьму или гносеологию князя С.Н.Трубецкого, или шире: проблема рационализма и мистицизма в теории познания. Это вопрос центральный. Николай Александрович, кажется, хотел Бергсона писать? По-моему – только не Штейнера[327]: теософия – такая вещь, что о ней надо говорить или много, хорошо подготовясь, или ничего, одну же из статей ей посвящать – нельзя, ведь это не философское направление, а нечто, что выше и ниже философии.

Рад, что Вы имеете возможность посещать такие места и впитать аромат истории. Доведется ли мне когда-либо побывать в Италии? Не знаю, сейчас не видится возможности, я все думаю, что, когда дети подрастут, да и я с ними вместе... Не торопитесь посылать деньги, они сейчас мне вовсе не нужны. Издержки пересылки записаны на Ваш счет в "Пути", потому что деньги я переводил через контору (пересылка – славная процедура!). Пишите о своем здоровье пообстоятельнее. Кончаю, – рука не пишет от усталости. Сердечный привет всему Вашему дому от нас обоих. У нас благополучно, дети прихварывают, но умеренно.

Да хранит Вас Христос!

Любящий Вас С.Б.

338. С.Н.Булгаков – Вяч.Иванову[328] <30.11.1911. Москва – СПб>

Москва,

Б.Афанасьевский пер. д.22, кв.12

30.XI.11

Дорогой Вячеслав Иванович!

Евгения Казимировна передала мне, что Вы согласны были приехать сюда между 15 декабря и 15 января и прочесть реферат или вступление к беседе о религиозном воспитании в нашем РФО. С радостью приветствую от лица общест<ва> и от себя лично это Ваше настроение, прошу Вас не отказать дать мне по возможности скорый ответ на следующие вопросы:

можете ли Вы читать свой реферат в воскресенье 18-го декабря, а если нельзя этот день, то 19, 20 или 21-го?

если да, то, во-первых, определите день – 18-ое был бы удобнейший, а, во-вторых, немедленно пошлите мне тезисы или план своего реферата для представления в градоначальство при прошении. Кроме того, тезисы были бы напечатаны и на повестках для удобства членов. В интересах интимности и плодотворности беседы мы предлагаем сделать закрытое заседание (вероятно и Вы это предпочитаете), только для членов, которых, однако, бывает свыше 100 человек, в квартире Маргариты Кирилловны Морозовой, в которой Вы уже читали. Железнодорожный проезд оплатит общество. В надежде на скорое свидание крепко жму Вашу руку.

Любящий и уважающий Вас

С.Булгаков

339. С.Н.Булгаков – Вяч.Иванову[329] <6.12.1911. Москва – СПб>

Дорогой Вячеслав Иванович!

В дополнение к тому письму, в котором я просил Вас приехать в Москву на 18 декабря для прочтения доклада в <религиозно> ф<илософском> обществе на тему о религиозном воспитании, шлю еще это напоминание, что, если Вы не ускорите высылки тезисов или программы (или, если угодно, самого текста реферата, тезисы составим мы сами), то может быть опоздано. Мы должны ранее, чем за неделю до реферата представить программу при прошении в градоначальство.

Ваш С.Булгаков

340. Н.А.Бердяев – В.Ф.Эрну[330]<8.12.1911. Флоренция – Рим>

Флоренция 8/21 декабря

Дорогой Владимир Францевич!

Очень счастлив, что скоро увижу Вас, но точно нельзя еще определить, когда. Мы полны Италией, Флоренцией и красотой, блаженствуем, насколько это можно для русских людей, всегда о чем-то беспокоящихся. Хотели мы прожить во Флоренции месяца три и затем на месяц поехать в Рим, но ввиду Вашего пребывания в Риме поедем туда скорее. Нас пугает, что в Риме гораздо дороже и сырее <?>, чем здесь. Во Флоренции погода чудесная.

Много отдаем времени осматриванию и изучению Флоренции, но я кроме того довольно много работаю. Очень огорчило меня известие из "Пути", что Григорий Александрович заболел и уехал в санаториум. А как Ваше здоровье, поправляет ли Вас Италия? О многом, многом хочется поговорить с Вами. Пишите во Флоренцию на poste restante. Я каждый день хожу на почту. Флоренция лечит душевные раны. Перед нашими окнами Сан Миниато. Ждем от Вас известий. Приветствую Евгению Давыдовну. Передайте также привет Зайцевым[331]. Очень буду рад скоро встретиться.

Целую Вас, дорогой Владимир Францевич.

Любящий Вас Николай Бердяев.

341. С.А.Аскольдов – В.Ф.Эрну[332]<8.12.1911. СПб – Рим>

декабря 1911 г.

Дорогой Владимир Францевич! Получили ли № "Живой Жизни", который я Вам послал. Его не потеряйте и при случае верните, ибо все сии реликвии я храню и берегу, Ваше последнее письмо отчасти вразумляет меня относительно Ваших итальянских привязанностей. Вообще приведение в связь философии с жизнью и, между прочим, с искусством, я понимаю. Но эта задача очень трудна и сложна. И здесь есть опасность впасть в натянутые сопоставления, сближения и аналогии. Впрочем думаю, что Вы все так или иначе преодолете и покажете нам, как отец лжи распространил свои завоевания из области воли и чистых созерцаний в царство мысли. Я иногда задавался обратной задачей и находил мало моментов в истории, где бы это можно было рельефно обнаружить, так сказать, пальцем ткнуть. Занимаетесь ли Вы специально Бруно? Я об нем мало читал, но мне кажется, что здесь есть, над чем повозиться. Он для меня довольно-таки загадочен как характер и в своем основании и окончательном устремлении. И вот тут-то наиболее для меня интересно то, был ли его теоретический конфликт с церковью только теоретическим, или его источник надо искать глубже? Насколько его костер был единственный путь спасения или это безмерная заслуга Бруно?

Я подобно Вам теперь обращаюсь к "природе", но только совсем с другого конца – к современным теориям физики. Собственно мне следовало бы по ходу мыслей писать диссертацию по натурфилософии, но меня устрашает обилие материала и вообще трудность и громоздкость проблемы. В два года (максимальный срок для моего старческого возраста[333]) я успею только подавиться всем этим блюдом и едва что-либо переварю. Увы, к новому году должен разрешить этот роковой вопрос, ибо время течет, а я к диссертации даже не приступаю.

Об отце монографию кончил и уже часть напечатана. Уж не знаю, как вышло,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. иногда кажется, что порядочно, иногда – что гадко. Вероятно, и то и другое правда. Пока что будьте здоровы. Поздравляю Вас с наступающим новым годом. Любящий Вас С. Алексеев.

342. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[334]<12.12.1911.Москва – Симбирск>

12 декабря 1911 г.

Милый Александр Сергеевич!

Я ужасно виноват перед Вами своим молчанием, но Вы простите меня, если подумаете как я занят. А занят я так: кроме 8 часов в неделю лекций со всеми советами, приготовлениями, я несу всю работу по "Пути", стало быть, и переписку по Религиозно-философскому обществу, по всему этому волнуясь, пишу, читаю и пр., а силы и здоровье уже не те, все сердце дает себя чувствовать, хотя и здорово, вот и выходит, что трудно написать частное письмо. Ваше последнее письмо заразило меня, как ни странно, "гражданской скорбью", ибо мысль о голодающих как-то всегда волнует и дает чувствовать преступность своего существования, но никогда у меня это не выражается в дело, а только тупо ноет. Ваши слова о России и проч. слишком страшны и смертны <?], чтобы можно было практически проникнуться пока жив. А грусть, все растущая, вместе со страхом за Россию все усиливается в душе. Ее навевают как-то все, все впечатления жизни, этого убийственного нашего безлюдья, беспочвенности. Одно скажу: цредо эуиа абсурдум.

Мне эти же мысли навевают и дела наши литературные и религиозно-философские. Новых людей почти не является, старые выходят в тираж. Сейчас в "Пути" работать бы и работать, но как-то выходит, что работать некому, а он превращается в систему кормлений и авансов, без злой воли, но по трудности жизни и по слабости.

А положение такое: Григорий Александрович, "директор-распорядитель", совсем болен, просто, начало рамолисмента[335], как это ни грустно, Николай Александрович "ощутил тоску по Италии" и укатил на сезон во Флоренцию, конечно на аванс от Пути[336], (говорю без осуждения, но с болью человека, стоящего у дела), Эрн болен и за границей, князь – мертв для издательства, я – один, и, конечно, не могу все делать как следует, ни субъективно, ни объективно: ибо издано и издается не только то, что нужно для издательства, но и что, по линии наименьшего сопротивления, нужно для участников. Конечно, мы издали и издадим нужные и хорошие книги, но и макулатура будет[337], и безнадежные. А ведь мы все искренно любим и друг друга, и дело. Пока Маргарита Кирилловна терпит, но не знаю долго ли. Я бы на ее месте долго не потерпел, но она, очевидно, обладает моей потребностью что-нибудь делать, о чем-нибудь радесть.

Довольны ли Вы Толстовским сборником? Я вобщем доволен (мне не нравятся определенно статьи Николая Александровича[338] и Экземплярского[339]; груба, хотя я ее и обламывал, по форме, но хороша по содержанию – Эрн, Белого – тоже не очень нравится, но интересна), сборник все-таки яркий и интересный. Но читаться, конечно, не много будет, хотя и больше Соловьевского. Вообще издания наши идут плохо, а некоторые (вы без труда отгадаете какие) и совсем не идут. Но самое тяжелое здесь для меня, что некому работать как следует, и в тоже время "места заняты". Но тем не менее, дело все-таки идет, хотя и не так, как могло бы идти, и должно идти, и, пока Господь не укажет лучшего, я его не брошу.

Адрес Струве, самый простой – "Русская Мысль"[340], личный же: СПб, Лесной, Б.Спасская, 5, Петру Бернгардовичу Струве. Авва хлопочет, как всегда, хотя силы его сдают понемногу. Недавно мы с ним поцапались немного из-за реферата о. Сергия Шукина, а в сущности, из-за того же, из-за чего всегда, о, конечно, это не нарушает и не должно, и не может нарушить основы наших чувств и отношений.

Мариэтта[341] в Петербурге. Она была и у аввы, и писала ему оттуда, но про нее там идут темные и смутные слухи относительно близости и положения ее при дворе Мережковских. Плюнуть хочется, если верно, хотя и хочется верить. Вообще все-таки для меня здесь не все ясно, кроме того, что она отменила свой пост и стала обращаться с "неверными".

Павел Флоренский был недавно, вызывался (конфиденциально!) свояченицей Розанова[342] для его ободрения ввиду острого маразма, в который он впал,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах, очевидно, до крайней точки по линии пола[343]. Я не видел его, воротившись, но знаю, что Розанов ему каялся, собирается ехать говеть к Троице и пишет статьи в "Новом времени" за церковь[344]. Не знаю, чего все это стоит... Владимир Александрович – прежний. Появились на нашем фоне еще два-три человека, но не из литературных...

Как Бог хранит вас всех? Смотрите за детьми в послекоревой период, берегитесь простуды, дайте мочу на анализ, через некоторое время. У нас второй месяц бронхитом хворает Муночка, на почве общей слабости легких и предрасположения. Сегодня вышла. Остальное благополучно.

Я печатаю "Философию хозяйства"[345], первую часть, и хочу сделать из нее диссертацию на доктора политической экономии (!!) Я делал попытку даже из "Двух градусов"[346], но безуспешно. Конечно мне не степень нужна, но побочные права, с нею связанные и имеющие значение для семьи. Вы это понимаете. Ах, дорогой Александр Сергеевич, если бы Вы могли приехать: было бы о чем потолковать, обсудить, показать... В Зосимовой не удалось быть в этом году, хочется теперь, но не пускают дела, так и не знаю, выберусь ли. Быть может, на праздниках поеду с детьми на неделю за город, в санаторию.

Ну, прощайте. Да хранит Господь Вас и всех Ваших. Целую Вас.

Любящий Вас С.Б.

"Московского Еженедельника" давно нет на свете, "Слова" еще давнее, и вообще приличных из газет сейчас нет!

343. Н.А.Бердяев – В.Ф.Эрну[347] <16.12.1911.Флоренция – Рим>

Флоренция, 16/29 декабря

Дорогой Владимир Францевич! Спешу Вам ответить, что Вы сделали неверные выводы из наших писем. По получении известия, что Вы все время будете в Риме, мы немедленно же изменили свой план прожить во Флоренции три месяца и с Вами встретиться ближе к весне (если бы Вы были в Неаполе) и решили здесь остаться всего четыре недели. Пробудем здесь еще недели полторы и затем едем к Вам в Рим.

Раньше уехать нам трудно будет не только потому, что хотим видеть красоту Флоренции, но и по условиям нашего пансиона и по денежным соображениям, которые делают меня не вполне спокойным. Видеть же Вас и пожить с Вами мы просто жаждем. Надеемся, что и Вы потом перекочете из Рима, так как слишком долго там оставаться было бы нежелательно. Мне почему-то кажется, что Рим надо изучить, но жить там не радостно. Во Флоренцию я влюблен. Мы бы хотели в Риме сразу приехать в пансион, не останавливаясь в гостинице, и по этому поводу хотим посоветоваться с Вами и Зайцевыми, которых надеемся еще застать. Л.? и Е.?. Приветствуют Вас и Е.Д.

До скорого свидания. Пишите на Посте рестанте. Отчего Вы не пишете о своем здоровье? Любящий Вас Николай Бердяев

344. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[348] <15.12.1911. Москва – Бегичево>

<...> Пиши, пожалуйста, рецензию о Хомякове, ты сделаешь услугу и "Пути", хорошо бы в "Русские Ведомости". Но непременно ты в начале упомяни, что вообще это серия "Русских мыслителей", задачу, которую себе ставит "Путь". Это все очень нужно для нас, а то замалчивают. Подумай хотя о "Пути". Пожалуйста, сделай.

Хорошо очень, если ты будешь читать реферат в январе – мы с Булгаковым очень рады. Не забудь упомянуть в рецензии о задаче "Пути" и "Русских мыслителей".

Жду письма.

345. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[349] <16.12.1911. Москва>

16 декабря из Москвы 3-е.

<...> Пришли мне через несколько времени (не сейчас) мою главу о "Трех разговорах"[350], 2-ую часть: хочу готовиться к январскому реферату. "Три

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах. "Разговор" и "Пий"... Соловьева также. Еще я собираюсь писать рецензию на книгу Бердяева о Хомякове, рекомендовать книгу читателю, но кстати и восстать против русского "мессианизма"[351] <...>

346. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[352] <21.12.1911. Москва – Рим>

21 декабря 1911 г., Москва

Дорогой Владимир Францевич!

Поздравляю Вас и Евгению Давыдовну с праздником Рождества Христова и Новым годом. Рад был письму от Вас, потому что очень беспокоился за Ваше здоровье ввиду Вашего молчания, теперь вдвойне утешен и Вашим здоровьем и Вашей бодростью. Сейчас я передыхаю и занят печатанием своей книги. Год этот для меня трудный, и даже не столько от количества работы, которой я не боюсь, пока находятся силы, сколько от горечи – видеть не такое отношение к делу, какое хотелось бы, и от сознания, что дело не делается как следует и не может делаться. Некому работать – ведь это же приговор! Над работоспособностью Григория Александровича я окончательно поставил крест на основании долгого опыта. Конечно, он может быть полезен, как консультант, человек со вкусом и опытом, но никаких ответственных функций нести не может. Впрочем, практически надо вести себя так, как будто все благополучно, да и в действительности дело такое маленькое, что без помех его вести не трудно. С религиозно-философским обществом, конечно, еще труднее. Но, конечно, я не оставлю ни того, ни другого, авось Бог даст лучшие времена.

Рад, что Вы вошли в работу, и не хотел бы, чтобы Вы отвлекались от нее чем бы то ни было (хотя бы переводом Августина[353], который требует так много времени и труда). Теме Вашей статьи в философском сборнике я сочувствую (повидимому она несколько близка к теме о природе науки[354], напечатанной мною в Лопатинском сборнике). Выдержать план сборника только на темы или только по школам нет возможности да и нужды. Я его налаживаю. Аскольдов уже обещал, Павел Александрович очень ненадежен в своих обещаниях. Но я уже сейчас по тому, что имеется, вижу, что сборник будет, и, вероятно, содержательный, по крайней мере, я прилагаю все меры и заботы. Князь обещает об онтологических основах трансцендентального метода, а я, вероятно, о философии и религии. Будем печатать в будущем году сочинения Чаадаева, приобретаемые от Гершензона[355]. Время Баадера все неопределенно. Евгения Казимировна здесь, мы виделись. Павла Александровича давно не видел. У него хворает жена почечными камнями. Григорий Алексеевич возвратился из Риги и едет в деревню. "Болезнь" его – увы! – прежде всего российская! В Риге его выдерживают от нее, и он поправляется быстро – пока. Относительно Бруно[356] я мог пока обменяться мнениями с Маргаритой Кирилловной (которая Вам писала и еще напишет). Мы решили окончательное решение этого вопроса отложить до возвращения Григория Алексеевича и выздоровления Евгения Николаевича (который прихворнул). Но у нас обоих Ваш план вызывает сомнение с той стороны, что ведь Бруно нам чужд по историческому своему значению и приближается лишь как натурфилософ, но и то пантеист. Даже если и признать ценность такого издания, было бы естественно предпринять его не "Пути", но Психологическому Обществу, и особенно нам неудобно начинать им "Библиотеку философов", другое еще дело, если бы был издан уже Баадер, может быть, Плотин, еще кто-либо; здесь примиряющим моментом является, конечно, Ваше предисловие, а располагающим Ваше увлечение и специализация на этой эпохе. Так стоит пока вопрос о Бруно.

Было бы хорошо в Ваших интересах, если бы Вы могли сделать заявление о своей предполагаемой книге возможно заблаговременно, именно – время и размер. Нам теперь уже приходится составлять, хотя и не окончательный, план издательства будущего года. Я рад, что в Риме тепло, хотя не завидую, ибо здесь чудная зима, и – лыжи. Но очень хотелось бы мне когда-нибудь увидеть Рим и Флоренцию, только не знаю, придется ли, и когда: вероятно, это от того, что недостаточно хочется. Вообще говоря, у меня чем дальше, тем больше так усиливается чувство родины, что представление о "загранице" меня вообще слегка кошмарит, хотя Италия и не "заграница".

Сердечный привет Евгении Давыдовне. Елена Ивановна Вас приветствует и поздравляет. Да хранит Вас Бог. Обнимаю Вас крепко.

347. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[357] <21.12.1911. Москва – Москва>

<...> Работа о Бердяеве, разрослась в очень важное, большое и боевое произведение[358]. Это – не рецензия для газеты, а большая и боевая статья для журнала, в которой я крайне решительно нападаю на "национальный мессианизм", то есть вскрываю разногласия левого и правого крыла "Пути" по всей линии. Это очень ответственная и необходимая вещь: ликвидировать все наши разногласия необходимо в целях самого сотрудничества в истине, в котором существенные расхождения не должны утаиваться. Но сделать это надо в такой форме, чтобы не дать личным отношениям нтянуться.

Если Рачинский тут, – пришли его дня через два ко мне. Я ему дам рукопись, чтобы он прочел и сообщил ее тебе. Если он будет кипеть, <нрзб> то пришлиБулгакова. От него я тоже не желаю таить, а прямо скажу "иду на вас", и если он найдет нужным смягчения (не по существу, а по форме), я их сделаю <...>

348. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[359]<24.12.1911. Москва – Симб.ирск>

24 декабря 1911 г., Москва

Милый Александр Сергеевич!

Поздравляю Вас с наступающим праздником Рождества Христова, да родится и в душе Вашей Божественный Младенец и да осияет ее светом Своего Рождества.

Как здоровье Ваше, кончилась ли корь? Мы пока благополучны. Съездить в Пустынь пред праздником не удалось, из-за суеты, так и встречаю праздник, не очистившись от пыли и грязи мирской.

Вели со мной переговоры о газете в Петербурге, повидимому, типа Федоровского "Слова", но не знаю выйдет ли что-либо. Если да, то постараюсь там уготовать место для Ваших писаний.

Недавно имел письмо от Эрна, он сравнительно благополучен и энергичен, много работает. В издательстве сейчас затишье. Вл<адимир> Ал<ександровичі>>[360] живет по-прежнему, без перемен. У о. Павла жена хворает камнями в почках, и он сам скучает без своей церкви (служить негде). Оказывается все и здесь не так легко и гладко. Давно его не видал. Поздравляю Ольгу Федоровну. Да хранит Вас Матерь Божия!

Целую Вас и люблю. Ваш С.Б.

У нас канарейки почти все перевелись, но и рыбок нет, живет синица и чиж.

349. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[361] <25.12.1911. Москва – Москва>

Гармосечка, моя милая, Вчера мое письмо было прервано приходом Гриши, и я не успел тебе сказать самого главного, потому чувствую нерпеодолимую потребность попробовать сказать это тебе сегодня.

Главное это то, что я тебя люблю, обожаю без конца, мой светик, моя красота, мой милый, дорогой, незаменимый, очаровательный друг. Ах, дорогая, ты жалуешься на тяжесть твоего положения. Но вникни в мое и скажи легко ли оно? Из того, что я не говорю и не расписываю ведь не следует того, что я не страдаю. Ну да что об этом, лучше при свидании. В письме все равно не так скажешь. Ах, как мне хочется, родная, скорее крепко, крепко прижать тебя к своему сердцу, устроить это взаимное переливание тоски из сердца в сердце[362], от чего так часто тоска превращается в радостный подъем.

Много и озабочено думаю о "Пути". Хочется ему хорошенько послужить; но чувствую, что на меня, между прочим, ложится самая неприятная обязанность выметающего сор из комнаты. Я должен тщательно смотреть, чтобы руководящая мысль его не засорялась, не смешивалась с безвкусием и непониманием. А это может совершиться на каждом шагу. Например, хотя бы "национальный мессианизм", – это уродливая смесь религии и патриотического кваса, руссификация Христа и Евангелия. С этим, впрочем, еще мы справимся (пришли как-нибудь Никиту, и я с ним отошлю тебе мою рукопись, которую затем отдай в переписку). Но вот где самая большая опасность – философский сборник.

Читая статью Булгакова, "О природе науки", я убедился, что свои опаснее чужих. Ни Гессен, ни Яковенко, ни Фохт никогда мистики не скомпрометируют и

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. не смешают ее со всяким сором, потому что вовсе ею не интересуются. Булгаков, наоборот, в этой статье этим занимается специально, смешивает в одну кучу хозяйство, науку и Софию, и превращает все это в ужасного вкуса окрошку. Они с Бердяевым еще могут быть полезны в темах религиозных и культурных; но в философии такая статья или бердяевская "Свобода от философии" – вредны. Я буду решительно настаивать на том, чтобы философский сборник еще расширить: с ними одними прямо неловко выступать, да и для дела вредно. Такой мистицизм опаснее всякого рационализма и против него нужно бороться. Ну прощай, душа моя, радость миленькая, хорошенькая, улыбка моя, сокровище, солнышко мое[363]. Целую крепко тебя и много раз. Из этих поцелуев несколько передай другу моему Марусе.

А статья Эрна в сборнике Лопатина – хороша. Несказанно рад! Сегодня вдруг усилился насморк. В остальном – без перемен.

350. Н.А.Бердяев – В.Ф.Эрну[364]<26.12.1911. Флоренция – Рим>

26 декабря 1911 / 8 января 1912 г., Флоренция

Дорогой Владимир Францевич!

Мы, – люди бестолковые и необстоятельные, поражены Вашей толковостью и обстоятельностью и решили следовать Вашим указаниям. Выезжаем из Флоренции в четверг (29/12)[365] в 7 ч. утра и будем в Риме около часу дня. Если увидим Вас на вокзале, то будем счастливы. Сердечно благодарим за Вашу готовность взять нас под Ваше покровительство. Если бы день нашего отъезда изменится, то мы известим Вас. Радуюсь скорому свиданию.

Любящий Вас Николай Бердяев

1912 год

351. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1098] <5.01.1912. Москва ?>

<...> Что касается статьи, то она готова, и я ее тебе на днях пришлю[1099]. Могу до этого отложить всякие разговоры, но не могу изменить своего убеждения, что национальный мессианизм есть глубоко антихристианская идея, вдобавок теперь ставшая квасной и просто – пошлою (успокойся, последнего я не говорю в статье). Не высказать этого в печати я не могу и не имею права. С этой ерундой надо покончить. Пусть они это исповедуют; но условием сотрудничества должна быть и моя и их свобода слова. Удивляюсь одному, – что ты заподозриваешь в моем выпаде точку зрения Струве. Мотивы у меня – в самом существе религиозные: я считаю боготворение нации и возведение ее в Мессии просто кощунством.

Крайне удручен статьей Булгакова в сборнике Лопатина[1100]. Это нечто ужасное, но об этом – при свидании.

Крепко целую тебя, прервали, кончаю, обожаю.

352. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1101] <начало 1912>

<...> Дорогой! Теперь о деле. Ответь на то письмо, на эти два деловые можешь ответить потом! Прости, что посылаю эти все сегодня! Теперь буду писать реже – это только сегодня себе позволяю. Будь покоен!

Дело в том, что я задумала организовать переводы русских философов на немецкий язык. Впереди у меня мысль перевести твои работы и распространить за границей! Но надо начать исподволь. Теперь я сговорила с Огневим перевести "Положительные задачи" Лопатина. На будущий год можно приняться за Соловьева. Одобряешь ли ты этот план? Потом можно взять некоторые вещи Сергея Николаевича Трубецкого, потом твою работу! Правда? Наконец узнают нашу философию и, кто знает, может быть она окажет влияние и там. А тогда это – великое дело! Переводчика мы ищем в Москве, немца, редактировать будет Огнев и сам Левон. Но нужно заручиться сочувствием какого-нибудь философа Германии. Хорошо, если он примет участие в этом деле. Мы остановились на Кюльпе в Бонне, который знает русский язык. Написали ему письмо, которое тебе посылаю[1102]. Важно было бы, чтобы подписали профессора – ты, Новгородцев, Челпанов. Корелина переговорит с обоими. От Психологического Общества это делать трудно – будут тормозить дело. Может быть, это будет от "Пути". Я думаю это лучше. Просмотри письмо, исправь,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. что хочешь. Это Огнев писал, а мы с Корелиной одобрили. Напиши, согласен ли и подпишешь ли! Может быть, ты знаешь Кюльпе? Что он, Черр Профессор или Черр Гечеимратт[1103]? Или ты думаешь, что есть путь лучше для этого дела? Но для распространения там и для немецкой фирмы издательской лучше, если заручиться содействием немецкого профессора. Письмо будет переведено по исправлению. Ответ на это, очень важно не задерживать дела! <...>

353. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1104] <начало 1912>

письмо № 3

Дорогой ангел!

Мне необходимо поделиться с тобой моими мыслями о твоей статье[1105]. Она меня поразила, взволновала новой для меня мыслью и была в этом смысле откровением. Ты говоришь, что «важнейшая задача современности найти специфическую особенность во всем» (в православии) и что мессианство мешает определить наш национальный облик. «Мы должны знать, что мы такое». Это замечательно верно и глубоко и страшно плодотворная мысль. Именно это так и в этом отношении твое положение может служить основой для дальнейшей работы – этой оценки, и ты сам должен ее дать. По-моему твоя критика мессианства будет тогда только хороша для реферата, если ты дашь кроме критики и положительную часть, чего не сделал Бердяев.

Определение православия необходимо, у тебя оно есть – в моей любимой главе твоего Соловьева. Задача определения нашего национального облика есть задача «Пути» и потому твое указание на опасность, «чтобы индивидуальное, особенное, не потонуло в абсолютном, универсальном».

Это указание и предостережение для нас важно и на нем можно настаивать и глубоко его продумать. Это все то, что ужасно важно и очень живое, по-моему. С одной стороны мессианство может мешать, если оно ослепляет, но с другой стороны оно должно зажигать душу и вдохновлять, и здесь я с тобой несогласна. Во-первых, не понимаю почему ты говоришь о преодолении славянофильства и целиком не обосновываешь этой мысли. Это не по-соловьевски. Он все включал в своем относительном значении. Потом ты указываешь на пересказ беседы Христа с Самарянкой и на слова "врешь, я чистый русский". Ты называешь это "руссификацией Евангелия", ты сравниваешь это с "петушиными ногами". Это несправедливо и мне даже больно! Я много думала об этом чувстве, что русские чувствуют близость Евангелия, интимность к Христу «Он наш». Я слышала, что наши паломники в Иерусалиме этим отличаются от других народов, это по-моему важно, что народ чувствует себя в этом как дома, душой близким, домашним – это не исключает чувства страха Божия и смирения. Потом не понимаю, почему мессианизм должен быть основан на особом завете, и почему он не может быть христианским? Христианство, утверждая универсальное, вовсе не исключает индивидуального – а, наоборот. Пусть каждый народ сознает себя народом-Мессией. Важно в ком сильнее и ярче это проявится и тот во всяком случае двинет мир к цели. Евреи силой этой веры дали пророков и Христа. Это важно не ради мирской власти или награды в Царствии Божием (сидеть ближе к Богу, как ты говоришь), а ради того, чтобы загореться огнем и других зажечь, и всем соединиться во взаимной любви к Богу и друг к другу. В этом отличие христианского мессианизма от ветхозаветного.

Ты не прав, отрицая мессианизм окончательно. Остается пустое место – "дыра". Твое подозрение и недоверие напоминает неверующих, которые даже мучеников подозревали. Можно быть смиренным и гордым – это правда. Смиренным в смысле житейской власти, гордым – в сознании своей великой задачи; и воинственным не во имя свое, а во имя Его! И Соловьев так думал. «Не мир, но меч». Это все мне осталось непонятным, и я не согласилась. Может быть я не поняла?

Насчет антиномизма я совсем с тобой не согласна. Я только вполне понимаю, что нельзя предполагать неразрешимость антиномий. Мне ужасно нравится то, что ты говоришь «что здесь разум должен ожить в истине, нет окончательной разлуки между ним и божественными тайнами». Это ужасно хорошо! Но ведь это совершится в конце. А сам же ты утверждаешь антиномию безусловного и относительного, что лишь по ту сторону она будет преодолена. Как же не предположить, что этот антиномизм проявляется в жизни и психологии. Борьба и стремление победить эту антиномию и придти к гармонии – в этом и есть жизнь.

Например, я только что прочла Эйкена он всю историю Средних веков понимает как антиномию: стремление уйти от мира и победить мир[1106],. Я понимаю, что ты боишься не признали бы этого должествующим, не утвердили! Это твое всегдашнее и мне особенно знакомо! Но ты всегда, желая ограничить, что правильно, начинаешь уничтожать, что страшно!

Не знаю, ты, вероятно, все мои мысли разгромишь, обрушишься на меня! Не брани так нового религиозного сознания и в частности антиномизма. Это очень плодотворная мысль, она многое уяснила и ее не выбросишь, получится и в явлениях жизни и в психологии. Так же и мессианство! Не знаю, что ты подразумеваешь под тем, что у каждого народа "своя миссия". Тогда нужно скорее и конкретнее ее определить. Это самое важное. Нужна не только критика, а положительная оценка. Это верно, что Соловьев не сделал, а славянофилы ее не сделали – им мешали увлечения. Ну, а теперь ты должен сделать ее, правда?

Письмо к Кюльпе запоздало, после пришлю! Посылаю для вида книжку Штейнера. По ней не суди вполне. Еще достану тебе главную, если хочешь! Мы говорили с Григорием Николаевичем, что нужно обратить внимание на теософию. А я слышала, что в Москве уже образуется "Бунд" теософский.

Жду ответ.

354. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[1107] <11.01.1912. Москва – Рим>

11 января 1912 г.

Дорогой Владимир Францевич!

Пишу Вам по поручению издательства и совершенно конфиденциально.

Создалось очень трудное положение относительно Николая Александровича, отчасти связанное с этой злосчастной поездкой "в Италию". Уже не говоря о том, что он решил писать монографию о Федорове, захватив с собой в качестве орудия производства лишь первый том "Философии общего дела"[1108], причем, когда я написал ему, что по отзыву Кожевникова, до выхода второго тома, время которого совершенно неизвестно, монографии писать нельзя, он написал мне полное упреков, даже угроз, до крайности огорчившее меня письмо, (я предлагаю ему теперь вместо монографии написать статью о Федорове для сборника о русской философии). Не говоря об этом, дело в следующем.

Если Вы помните, Николай Александрович рекомендовал французскую книгу Гелло как монографию о католических святых, и мы имели легкомыслие принять ее. Теперь оказывается, что эту книгу перевела уже Евгения Ю<дифовна> и даже сделала заем под гонорар за перевод, который во всяком случае конечно должен быть оплачен. Но самая книга "Лес пчисиогномиес (сиц!) дес саинтес" оказалась лишь наполовину о католических святых, а другая половина занята житиями: роис, магес, ст.Йосеф, с.Йудас, с.Челене и проч. А литературный жанр книги по докладу Григория Алексеевича о ней, обладающему – увы! – для всех непререкаемой убедительностью, есть безвкусная поповски-ханжеская писанина, в которой, собственно говоря, отсутствует настоящий осведомительный материал (между прочим, нет даже Франциска Ассизского) и Григорий Алексеевич, склонность к католичеству коего Вы знаете, чует в книге дух иезуитский. Посмотрите сами. Здесь ни у кого нет сомнения, что печатать книгу нельзя. Это первое.

Второе, – перевод книги Леруа[1109], который по сделанным также Григорием Алексеевичем прозам, кишит вольностями и ошибками! (Вот пример: цонциле де Тренте переведено и не исправлено редактором: собор тридцати!). Он сделан двумя лицами (одно из них Лидия Ю<дифовна>), в богословской терминологии неизощренных и, быть может, литературно недостаточно опытных, и в таком виде перевод в печать идти не может. Он должен быть или возвращен для до-редактирования, или совсем заново сделан. Пока еще трудно решить, как тут поступить. Но главная трудность не в этом, а в Николае Александровиче, который нервничает, требует ускорения и т. д., а написать ему о положении дел уже в самой мягкой форме, значит вызвать его на резкости, на необдуманные и горячие, вредные для издательства, а еще более для него, поступки. В виду такого положения вещей остается надеяться на одно: на личные переговоры, на бесспорность наших утверждений, против очевидности которых не пойдет Николай Александрович. Да и вообще не было бы и полбеда,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. будь он в Москве у своего дела!

Вчера я провел в "Пути" самый тяжелый день за все время его существования, и в первый раз у меня было такое чувство, что пахнет трупом, и – самое горькое – это по вине участников. Итак, наша просьба к Вам вот в чем. Я, в ответ на последнее письмо ко мне Н.А., умолчал о новых фактах и, ссылаясь лишь на общую затруднительность положения дел, убеждаю его хоть на месяц заехать в Москву, сократив время пребывания в "Италии". И Вас мы просим о том же. Вы понимаете, до чего серьезно и трудно положение, оно может быть улажено только при личном свидании. Поэтому не задерживайте, но по разным мотивам содействуйте скорейшему его приезду в Москву.

Мне горько видеть, во всей этой итальянской истории, те самые черты Н.А., которые проходят чрез всю его жизнь, искажают и калечат ее. Очень горько!

Я писал уже Вам, что кн. Евгений Николаевич выступает против Н.А. и Вас (частью и меня) по национальному вопросу. Это имеет и хорошую сторону, но может быть чревато и – ой-ой! – какими осложнениями. Будем надеяться на лучшее. Изорвите это письмо по прочтении и помогите нам, как сумеете. Григорий Алексеевич пока ничего, но боюсь, непрочен, ибо старое налицо. Князь болен. Религиозно-философское ощущение в обмороке. Да хранит Вас и семью Вашу Господь.

Любящий Вас С.Б.

Вопрос о Бруно в прежнем положении. Жду с нетерпением ответа. Волжскому очень понравилась Ваша статья о Толстом (и мне она тоже очень нравится).

355. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1110] <11.01.1912. Москва – Москва>

Милая и дорогая Гармося,

придется еще потерпеть. Вчера два доктора были, выпустили в другую комнату, но выходить разрешают, смотря по наружной температуре, но не раньше десяти дней, та как есть еще ничтожные хрипы в нижней части легкого, где был фокус.

За эти дни я совершенно раскассировал прежнюю статью, сделал одну, очень большую – "Старый и новый мессианизм". Это уже не критика Бердяева, а рассуждения о мессианстве вообще. Антиномизм я там совершенно уничтожил, так как об нем нужно говорить или много, или ничего. Будет это большой реферат.

Ждать дальше окончательно невыносимо; но приходится слушаться, так как проделывать болезнь опять сначала нет ни малейшей охоты и надобности. Скоро – дня чрез три, разрешат выходить в нижние комнаты. Если это случится, (что наверное), то явится возможность в момент всеобщего отсутствия поговорить по телефону. Не могу сказать, как я об этом мечтаю, красота моя, радость, прелесть, милая, дорогая, сокровище. Ах, как хочется поцеловать тебя много, много раз, задушить тебя, мой светик дорогой.

Целую без счета.

А ведь и когда выпустят, то нельзя будет сначала видаться два раза в день. А зависимость от мороза прямо невыносима. Не могу об этом вздумать. Ну, да так или иначе увидимся и увидимся хорошо. Только надо вооружиться терпением.

Целую еще 20 раз.

356. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1111] <13.01.1912. Москва>

<...> Все время и долго думаю о "Пути". Сборник о Толстом – удачен. Статья Булгакова – прямо из души, а так как душа у него светлая, то и статья – тоже (первая). Всегда у него чувство хорошо; никуда не годится только рефлексия, что и видно в статье в Лопатинском сборнике. Статья Эрнэ прямо талантлива. Из этого я вижу, что лучше с ними – сборники редигиозные нежели философские. философский сборник приходится очень расширять. Иначе мы жестоко сядем в лужу. <...>

357. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[1112] <14.01.1912. Москва – Рим>

Дорогой Владимир Францевич!

Пишу Вам спешно и коротко и потому откладываю отчет о Ваших личных предложениях, тем более, что относительно них все более менее благоприятно. Пишу опять о Николае Александровиче. Выясняется, что замалчивать положение с Леруа и Гелло невозможно, ибо он все спрашивает о них, и потому Григорий Алексеевич пишет ему глухо об осложнениях с ними и еще раз зовет его в Москву для выяснения их. Вас же прошу это иметь в виду, и, если Николай Александрович заговорит, успокаивайте его всячески: пусть он знает, что здесь ведь не враги его и какие-то хулиганы, а любящие его и страдающие за все происходящее люди. Он уже угрожает мне "демонстративным выходом", и сгоряча способен сделать необдуманные поступки, о которых и сам будет жалеть и которые, главное, абсолютно необоснованы. Еще прошу Вас об одном: если можно, прочтите сами книгу Гелло и выскажите свое независимое мнение, может ли быть она – целиком или частью – напечатана в "Пути", ибо это вопрос общередакционный и жгучий.

Постановлено обратить внимание и возможно двинуть "Философскую библиотеку" переводную, классиков (туда может войти и Бруно) и положить конец случайным переводам. Очень был утешен Вашим последним письмом. Христос с Вами и Вашими.

358. М.К.Морозова – Е.Н.Трбецкому[1113] [? 02.1912. Москва – Бегичево]

Дорогое мое сокровище!

Дорогое мое сокровище! Заседание с твоим рефератом о "Русском мессианизме" назначено на воскресенье 19-го февраля. Повестки уже печатаются – все устрою я сама, т<ак> ч<то> ты готовься, пожалуйста. Имей в виду, мое сокровище, что т<ак> к<ак> реферат в воскресенье, то я не отпущу тебя в деревню раньше понедельника вечером. Помни это!

Экономический реферат менее интересен, да и был уже поднят только что этот вопрос, повторять его так близко будет, пожалуй, скучно. Реферат о мессианизме очень интересный и боевой! Так решено! <...>

359. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1114] <15.02.1912.Москва – Симбирск>

15. 02. 1912., Москва

Дорогой Александр Сергеевич!

От Венгерова я письма не имел, но, снесшись с Гершензоном, который снесся с "Миром"[1115], узнал, что Венгеров в бытность в Москве говорил о Вашей книге, и, хотя там смущаются ее размерами, но не отказываются познакомиться и вступить по этому поводу в переговоры. При этом Г<ершензон>, конечно, согласен передать рукопись и быть посредником. Рукопись (половину, как Вы предполагали) можете послать прямо ему: Москва, Никольский пер., д. Орловой, или, если предпочитаете, мне для передачи ему.

Не писал я Вам исключительно из-за недосуга. Я благополучен, на днях выпускаю "Философию хозяйства" – докторскую диссертацию. В издательстве сравнительно благополучно, Григорий Алексеевич, слава Богу, сейчас хорош, но с Бердяевым очень плохо, потому что одновременно сошлись у него кризис семейный (в связи с его братом[1116], –я не знаю рассказывал ли я Вам), болезнь матери, вырвавшая его из Рима в Киев[1117], денежные затруднения и ряд литературных неудач в "Пути", о которых он еще и не знает и о которых мы не знаем, как сообщить. (Негодный перевод, негодная книга для перевода и неисполнимая тема для монографии). Очень за него тревожно, но хорошо, что он в России, можно лично переговорить, я много переволновался из-за неприятной с ним переписки. Эрн, повидимому, благополучен, но слишком спешит со своей философской книгой.

Авва замаялся с Распутиным и, кроме того, серьезно рискует, его брошюра конфискована, и м<ожет> б<ыть> обыск, если не хуже[1118], а Вы сами знаете состояние его мамы. Его здоровье скверно. Поистине, он стяжает себе венец у Господа этим своим рачением на пользу Церкви![1119]

На эмпирических горизонтах темно, как в ночи, в Петербурге никто ничего не знает, все боятся, один Распутин распутничает.

Был я на первой неделе[1120] в пустыни, в первый раз без аввы, который должен был вместо пустыни уехать в Петербург по распутинству, – говел, там хорошо и благодатно, как и прежде. Нельзя ли будет Вам приехать в Москву на Пасхе? Мечтаю весной с детьми прокатиться по Волге, и тогда б.м. увидимся, но это вилами на воде писано.

Из Вашего умолчания заключаю, что у Вас корь окончилась благополучно. Спрашиваю же я потому, что болезнью, надорвавшей нашего Ивашечку, был нефрит, как осложнение кори.

Да хранит Вас Христос! Любящий Вас С.Б.

360. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[1121] <19.02.1912. Москва – Рим>

19 февраля 1912 г., Москва

Дорогой Владимир Францевич,

то, что Вы сообщаете о семейных делах Николая Александровича[1122], мне давно известно, и даже со стороны происхождения этих отношений, хотя я и не видел в этом вполне достаточного основания ни для отъезда на целый сезон в Италию (Лидия Юлиановна говорила со мной весной только об одном месяце, и так это стояло все время), не для того, чтобы избегать Москвы, – быть может наоборот. Но ведь, как говорится, "чужую беду руками разведу". Сейчас это обостряется для Николая Александровича еще больше, дай Бог ему сил. Он обещает приехать сюда в марте, это во всяком случае хорошо, потому что лицом клицу все не страшно.

Спешу сообщить Вам о повороте дел относительно Джордано Бруно, которого мы было склонились издать. Оказывается, что его издает "Мусагет" и уже переводит Яковенко, взявший под перевод даже аванс[1123]. Делать два издания Бруно нам кажется чрезмерным, – потому перевод этого, намеченного Вами трактата, становится невозможным. Я не знаю Бруно, может быть, у него найдется и другое кое-что.

На днях посылаю на Ваш суд "Философию хозяйства", – у меня по свойству моей природы по поводу выхода ее борются самые разные противоположные чувства. Были очень горячие и сравнительно серьезные дебаты в Религиозно-Философском обществе по моему докладу из нее (а раньше по докладу Яковенко[1124]), а сегодня предстоит неприятный вечер, – князь будет отмежевываться от нас перед почтенной публикой[1125], и я чувствую свои руки связанными – "Путем" и Маргаритой Кирилловной. Вообще это полугодие у нас идет живой и интересный <нрзб>.

Любящий Вас С.Б.

361. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[1126] <25.02.1912. Москва – Рим>

25 февраля 1912 г., Москва

Дорогой Владимир Францевич!

Положение дел ухудшилось. Вчера получено два письма от Николая Александровича, одно к Григорию Алексеевичу с ультимативным требованием печатать и Леруа и Гелло во всей неприкосновенности, другое ко мне, полное упреков в непризнании его индивидуальности и констатирующее личный и религиозный конфликт (сиц!)[1127]. Письмо это очень характерно для теперешнего настроения Николая Александровича и для меня совершенно неприемлемо, а он как будто требует принятия. Я употребляю все усилия, чтобы погасить конфликт, но, к сожалению, Николай Александрович объят прямо какой-то манией "индивидуальности" и боюсь, что усилия окажутся тщетны, да ведь, в конце концов, не можем измениться ни я, с моим пониманием долга, ни он, со взятым им теперь курсом. Конечно, больше всего жалко его самого и больно за дело, которое разбивается личными капризами. Он пишет Григорию Алексеевичу, что Вы с ним вполне солидарны. Это заставляет меня, ввиду того, что обстоятельства каждый день могут обостриться, поставить Вам лично в упор вопрос о личном ко мне доверии или недоверии, до получения Вашего ответа, которого прошу немедленно, я постараюсь тянуть дело. Определеннее вопрос ставится так: если действительно Николай Александрович демонстративно выйдет из "Пути", последуете ли за ним Вы? Я лично, по

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. крайней мере, пока считаю, что я не имею ни права, ни возможности бросить это дело, – перед Богом и людьми. Жду также Вашего ответа о Гелло. Бедный Григорий Алексеевич, вынесет ли он эту потасовку, а последнее время он был удивительно хорош. Если найдете возможным, даже телеграфируйте.

Обнимаю Вас. Любящий Вас С.Б.

362. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1128] [? 02.1912. Москва – Бегичево]

Дорогой мой Женичка! Вчера вечером вернулась из деревни, потому вчера не написала тебе, должна была отложить на сегодня. Это меня очень раздражало и стоило усилия, настолько нужно мне даже писать тебе, не только тебя видеть. Но все это нужно мне, а не тебе, мой равнодушный, мой жестокий тиран. Как-то ты поживаешь, как работаешь, здоров ли? Пиши обо всем подробно. Посылаю тебе сейчас вышедшие только что 2 письма К.Леонтьева о Соловьеве и эстетике жизни[1129]. Я эти дни читаю о Леонтьеве и захвачена обаянием и силой его личности. Как многое мне близко в его душе. Как он по-настоящему многое понимает. <...> У Леонтьева есть важная, одна из основных его мыслей, как раз та, что составляет мой крик с тобой <...>

Выспрашивала все время о впечатлении, произведенным твоим рефератом. Люди, скорее светские, очень довольны, в восторге эстетическом и другом. Люди религиозные (не свои), как священники и просто мессианисты неудовлетворены. Частью я в их обвинениях нахожу истинное. Они нашли, что недостаточно глубоко была продумана исторически идея мессианства, не показана во всей широте.

Скажу, что я всегда чувствую некоторое неудовлетворение, когда вдумываюсь в общем в картину твоего творчества. Основные мысли всегда глубоки, широки, сильны, говорю это с глубокой силой убеждения и энтузиазма. Но развитие этих мыслей, их воплощение всегда мне кажется несколько призрачным, бесплотным. Я с такой же силой убеждена в этом, как и в силе твоих слов. Твой блеск и остроумие, очень красочное, мешает мне часто, и я даже иногда чувствую враждебное чувство к нему. Хотелось бы глубины изучения фактов жизни, воплощения идей через картину и освещения их в истории и в психологии.

Вот то, о чем тревожится моя душа! Уверю тебя, что я ни с кем не говорила – это мое! Все это бродит во мне и ищет выяснения. Замечания посторонних только подчеркивают. тебе необходимо стать в некотором отношении эмпирическим и глубоко и сильно провести твои основные чудные, сильные и глубокие мысли. Тогда эти мысли воплотятся и окажут влияние. Я понимаю, что не возможно это сделать во всеобъемлющей ширине всех мировых проблем, всегда что-нибудь останется схематичным. Но важно хотя в одной сфере или мысли это сделать во всей глубине. Может быть я это не так чувствую и не то надо делать, но мне важно, чтобы ты меня понял, понял, что я хочу сказать. Я убеждена, что это очень важно для твоего влияния на умы идля вечного значения того, что ты пишешь. В некотором смысле ты должен выйти из себя и сердцем и всеми корнями войти в другое и других. Сейчас твое углубление в себя необходимо, а с ним и твое уединение. Но я уже вижу, как утвердив свои основы, которые должны быть найдены в самом себе и с Богом, как эти основы должны погрузиться «в темный корень» земли для того, чтобы, получив плоть и кровь, всем указать путь и действительно двинуть души! Ангел мой, услышь меня, откликнись горячо, сердечно и с пониманием! Оставь логическую правоту и взглядишь в корень! Только пойми, что я хочу сказать! Может быть, я не права, какэто нужно, но что нужно – это так!

Целую без конца, жду.

363. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1130] <26.02.1912. Бегичево – Москва>

Милая Гармосенька,

Спасибо за милое письмо и за еще более милое обо мне беспокойство. Но ты совершенно напрасно смешиваешь себя со священниками. Ты и они "неудовлетворены" по разным основаниям. Что они не удовлетворены, это мне на плюс, а не на минус. Батюшка, мне возражавший, нашел, что я победоносно опроверг "мессианизм". Но он недоволен, что для меня православие – только часть христианства и не исчерпывает его полноты. В этом основной корень разномыслия с Булгаковым. На дому он говорил мне, что в православии –

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. всяистина, и что протестантизм – профессорская религия, от чего я отскочил, как ошпаренный[1131]. С этой точки зрения я всегда буду "недостаточно глубок" и буду вменять это себе в заслугу. В дальнейшем узкий конфессионализм будет еще менее мною удовлетворен.

Твоя точка зрения не только иная, но ты в сущности находишь, что мне от точки зрения священников нужно отойти еще дальше. В споре с тобой все священники были бы несомненно на моей стороне. На этот раз, как всегда, прости мне несогласные мнения ради их "красочности" и острологии. То стихотворение Соловьева о "темном корне"[1132], которым ты так любишь победоносно меня поражать, теперь устарело и в ботаническом, и в агрономическом, и в метафизическом отношении. Вопреки Соловьеву ты можешь сейчас видеть на выставке в Германии великолепные розы и другие цветы, которые не только не углубляются в почву, но растут совсем без почвы – в бочках воды.

Вообще ботаника пришла к тому, что

большую часть питания растения получают из воздуха (с неба) и только меньшую – из земли;

и для этой меньшей части земля не необходима, а может быть заменена прозрачной водой, отражающей небо (при условии насыщения воды минеральными удобрениями рукою человека).

Земля сама по себе "ничто": она дает растению то, что в нее вносит человек

Главная пища, поглощаемая корнями из земли, – азот, тоже, как я тебе много раз объяснял, – небесного происхождения.

Метафизика пришла совершенно к тому же выводу: земля сама по себе – ничто; она есть только то, что она получает от неба через человека.

Угодно человеку, – растение может расти в воздухе. Я надеюсь, что скоро научатся их растить прямо корнями из неба. Представь себе со всех сторон ниспадающие с неба цветами книзу незабудки. Ведь лучше будет, чем нынешний устаревший способ расти корнями из болота, где их достать-то трудно, да и воняет...

Впрочем,

оставив незабудки,

здесь помещенные для шутки,

я серьезно тебе напоминаю, что во Христе весь рост переворачивается так, что корень у человека в самом деле – в небе (во Христе, а не на земле). И этот корень необходимо углублять беспредельно. (Это сравнение не мое; апостол Павел называет Христа корнем, а народы ветвями[1133]).

Твои указания на недостаточную жизненность моих мыслей, на их "воздушность" и недостаток почвенности совершенно верны, но только в этом смысле, и я мучусь об этом и день и ночь.

Вот что, милый, дорогой и хороший друг, давай вместе углублять этот корень. Сделаем так, чтобы мои писанья были не "литературными упражнениями" о Христе, а жизнью. Что для этого нужно? Сораспяться со Христом, чтобы совоскреснуть с Ним. Вот с понедельника начинается Крестопоклонная неделя! Вот я и чувствую, что, кто не понесет этого Креста, тот не будет иметь части и в радости.

Слушай, милая, дорогая, хорошая, горячо любимая, попробуем-ка понести! Не явится ли тогда у меня та сила и глубина, по которой ты тоскуешь. Ты женским чутьем чувствуешь, что чего-то мне не хватает, только не знаешь чего. Ах, милая, дорогая, хорошая, дай и тебе Бог силу радости из корня; тогда ты в любой момент почувствуешь, чего не хватает моей душе и какую силу она должна расти.

Но ты скажешь опять, что я эгоист и думаю только о себе. Ангел мой, что же со мной делать, если я непоколебимо верю, что ты – и всякая душа земная – тоже живет и питается небом. Ах, Гармося, Гармося, неужели ты не

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках
чувствуешь, сколько любви, сколько ласки, сколько обожания в этом моем письме. Нежно и горячо любимая, крепко и без конца тебя целую.

364. Е.К.Герцык – В.Ф.Эрну[1134] <27.02.1912. Лозанна – Рим>

Лаусанне

Чотел Британиа

27/11 марта

Я была бы неутешна здесь, в несуществующей Швейцарии, над озером, как будто нарисованным, и в пряничном шале, если бы у меня не росла уверенность в нашу будущую зиму в Италии, которой Вы можете осуществить, дорогой Владимир Францевич! Закрываю глаза и нюхаю эвкалиптовые четки и цветущую ветку из Тре Фонтане и думаю о Риме, и издали по-новому переживаю свой роман с ним, – потому что ведь к Риму отношение всегда как роман, то отталкивание, то влечение... У меня очень тоскливо и безвольно сейчас на душе; и это конечно не от Швейцарии, а глубже и хуже ее. Но хорошо мне с братом и в заботе о нем. Пробуду здесь три недели, буду переводить Баадера и тоже лечиться. Шлю привет и память нежную Евгении Давыдовне и Ириночке и Вам. Милы даже барельефы в Вашем ентрее...

Евгения Герцык

365. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1135] [? 1912]

<...> Жму сильно, сильно твою руку, мой ангел и друг милый, будь покоен и верь твоей Гармосе – это дает и мне силы на то, чтобы поставить самой себе жизненные преграды для возможности борьбы с собой, для внесения предела в беспредельный подъем и силу всего, то говорит во мне. Не для сведения всего к смерти, но для внесения предела!

Дорогой ангел, ведь и предел-то тогда и задача вносить, когда есть беспредельное, а когда его нет, то нет живого творчества в жизни, нет религиозного дела, а так, один предел, ничего непобеждающий. Ты все забываешь, что безотносительно равно ведет к смерти как беспредельное, не ограниченное пределом, так и предел, не наполненный беспредельным. Он имеет только видимость формальную выполнения задачи, видимость теургии. Компромисс несовершенства, как ты писал, на котором кротко смиряются, т.к. Господь разрешил. Хуже, это может обмануть человека, усыпить его, не заметит, как он умрет, а тут, по крайней мере, враг громко кричит о себе и вызывает на бой и тогда на победу, на какую победу! Вот тогда жизнь является действительно теургией, а не прилизанным благополучием.

Воображаю, как ты иронически улыбаешься на меня, читая это все! Вот эта моя любимая мысль о внесении предела в беспредельное (но только не надо, чтобы было беспредельное!) должна стать для меня живым делом теперь <...>

366. С.А.Аскольдов – В.Ф.Эрну[1136] <2.03.1912. СПб – Рим>

2 марта 1912 г.

Дорогой Владимир Францевич!

Хочу послать Вам книжку о Козлове и не уверен в Риме ли Вы и пробудете ли еще. Черкните о Вашем быте с точки зрения пространства, времени и всех прочих форм и категорий. Равным образом поставьте в известность и о Н.А.Бердяеве, который, как слышал, был с Вами в Риме, а может быть до сих пор там; ему также хочу послать книжку и не знаю куда.

С большим удовольствием читаю Вашу статью в Лопатинском сборнике. Только там у Вас есть местечко, которое меня испугало – не сделались ли и Вы антипсихологистом. Вопрос о психологизме – вопрос первостепенной важности. От того или иного решения зависит участь целых направлений, на дне этого вопроса лежит вопрос о Боге, о душе и др., не даром поднялась такая бешеная травля на психологизм. Неокритицисты и неогегельянцы чувствуют, что тут их погибель. Этот вопрос меня сейчас очень занимает и я жалею, что мы не можем все столкнуться по поводу предполагаемого "гносеологического" сборника. Обидно будет, если в таких вопросах мы будем, кто в лес, кто по дрова.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Пока до свидания. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш С.Алексеев.

С.Петербург, Кронверкская ул., д.21, кв.22.

367. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[1137] <7.03.1912. Москва – Рим>

7 марта 1912 г., Москва

Дорогой Владимир Францевич!

И телеграмму и письмо Ваше я получил. На меня некоторую горечью, хотя мимолетную, легла Ваша как бы обида, что я ставил вопрос о доверии. Конечно, вопрос этот риторический, и я ждал на него одного лишь ответа, какой и получил, но психологически момент был таков, что подтверждение это мне было совершенно необходимо, и не потому, что я принял всерьез заявление Николая Александровича о Вашей солидарности с ним, но потому, что слишком трудное создалось положение. Я не имел тогда ни времени, ни сил (не забудьте мой образ жизни!) больше написать Вам, но если бы Вы читали письма Николая Александровича мне и Григорию Алексеевичу, Вы поняли бы всю кошмарность положения, не рассеянную и теперь. Положение осложняется охватившим Николая Александровича совершенно ложным самочувствием и обострившейся в нем антипатией ко мне, создавшейся, очевидно, на почве этого года (тут есть промежуточные звенья, о которых не стоит говорить). Итак, не сомнения в Вас и Вашем понимании наших обязанностей, которое вполне сходится с моим, но прямо чувство моральной загнанности в угол и огромной ответственности заставило меня обезопасить себе тыл и поставить риторический вопрос о доверии. Забудем это.

Я не знаю теперь, будет ли иметь и Ваше письмо к Николаю Александровичу благие действия. Опасаюсь обратного. Надеюсь на время и силу логики и правды, которые всецело не на его стороне. А я делаю и буду делать от себя все, чтобы вести дело к мирному исходу и надежду на него не потерял. Ибо считаю, что это мой долг перед делом.

Вопрос о Гелло мы разрешили так: книга была нам рекомендована и принята как книга "кажется епископа" о католических святых, знакомящая с жизнью католической Церкви в носителях ее духа; В действительности же это книга литератора о всевозможных святых, для моего вкуса (да и всех здесь), должен сознаться, совершенно нестерпимая. Произошел еррор ин обиецто[1138], и виноваты обе стороны, одна – передоверием, вторая – недостаточным оправданием доверия. Выход мы видим в компромиссе: издать при "Пути", но без марки "Пути", – дать таковую, кроме Вас, никто не согласен здесь, но, я думаю, что этот исход дела устраивает всех, если Николай Александрович захочет признать и свою вину, и войти в наше положение. Леруа же надлежит ему доредактировать. Хотя, откровенно говоря, в том-то и горе, что мало надежды на благоприятное окончание этого дела, ибо исправить плохой перевод очень трудно, особенно, если его выполняли два лица, между собой не сговаривавшихся. Эти наши решения в возможно дружеской и легкой форме, излагает Григорий Алексеевич в письме к Николаю Александровичу. Должен прибавить, что образ действий Маргариты Кирилловны, и внутренний, и внешний, в этом деле выше всяких похвал; вообще от нее, кроме самого лучшего чувства, ничего не остается, – и это самая отрадная сторона в наших затруднениях.

Ваш отзыв о Гелло, конечно, мною сообщен и принят к сведению. К несчастью, это и денежный вопрос, и это препятствует более прямому его решению. Во всяком случае, медвежью мы окажем услугу католичеству, если будем знакомить с ним по таким "средним" типам!

Само собой разумеется, что и я, и все здесь, понимаем Ваше отношение к издательству, как и Вы, т.е., что по всем важным вопросам должно быть запрашиваемо Ваше мнение, а по остальным полномочия имею я, и я не склонен злоупотреблять властью, именно потому запросил о доверии, ввиду обстоятельств, могущих каждую минуту сгуститься и потребовать важных решений без сношений.

Знаете ли, какая у меня явилась мечта: я совершенно замучился в этом году и чувствую потребность проветриться, мне может удастся освободиться недели на три в половине апреля. И я мечтаю катнуть на них к Вам, неделю на

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках Флоренцию, где я не был, и дней 9–10 на Рим. Само собой я рассчитываю в Риме на Ваши указания, чтобы хоть что-нибудь извлечь, да и то боюсь, что слишком мало времени и не стоит. Но уж тогда переговоры бы о всех делах. Как Вы думаете? Но подчеркиваю, это только проект, который может разбиться о тысячи препятствий, но мне бы очень хотелось!

Обнимаю Вас. Разные дела откладываю снова. 100 рублей я получил из "Пути".

любящий Вас С.Б.

368. Е.К.Герцык – В.Ф.Эрну[1139] <14.03.1912. Лозанна – Рим>

14/27 марта

Мне было очень радостно, дорогой Владимир Францевич, хотя отчасти и грустно, но о близком мне, письмо, и особенно в эти дни, когда у нас было напряженно – трудно от операции (небольшой и вполне благополучной) и от того отвращения, которой у меня нарастает к этой стране, к которой я сейчас прикована. Конечно, это так мелочно, что в этом стыдно сознаваться, но все-таки это так, и я жила совсем угнетенная всем внешним. Здесь было Благовещение, и мне в этот день так страстно хотелось, чтобы в воздухе веяло праздником, звонили колокола, пахло воском... Но конечно не только этого здесь нет, но никто – я говорила с горничными, с фельдшерницей – здесь больше не знают о Благовещении – они забыли его, и забыли Матерь Божию... И это забвение вместе с неизменными благочестивыми псалмами и проповедями в воскресенье производит кошмарное впечатление какой-то механической веры. Знаете, я здесь впервые почувствовала и значительность протестантизма, и его враждебность Истине!

На то, что Вы почувствовали, в тоне письма С<ергея> Н<иколаевича> я много раз зимою с болью наталкивалась, когда речь шла и Н<иколае> Ал<ександровиче> (и не только с С<ергеем> Н<иколаевичем> – но конечно это всего важнее и ближе), но странным образом это и теперь, после Вашего письма и письма из Киева не восстанавливает меня против Серг<ея Николаевича>, хотя и душевно, и по пути своему мне исключительно близок Н<иколай> Ал<ександрович>. Я полюбила С<ергея> Н<иколаевича> и как-то уже раз и навсегда приняла все эти его ослепления, несправедливости, пристрастия, которые, по-моему, составляют сущность его души, именно благодаря или несмотря на его "семинарщину", утонченной, нервной. И я знаю, как он болезненно, тяжело переживает эти свои свойства. В их конфликте мне больше жалко его, чем Н<иколая> Ал<ександровича>, хотя сила, как будто, на его стороне. Н<иколай> Ал<ександрович> сейчас очень светел, вдохновенен, но именно поэтому его письмо (я знаю, как он написал Булгакову), боюсь еще больше восстановит С<ергея> Н<иколаевича>. Но мне все-таки и почему-то кажется, что это обострение не к худу, а к добру, потому что не может делаться большое дело с тем накопившимся тайным раздражением к сотрудникам, какое я видела в Москве – лучше пусть оно будет высказано до конца. Я надеюсь, что разрыва не произойдет, потому что у Н<иколая> Ал<ександровича> нет мелочного самолюбия, а про С<ергея> Н<иколаевича> я очень верю, что Ваши слова сильно повлияют на него, потому что знаю, какое значение он им придает. Но как я радуюсь и внутренне благодарна Вашему сближению с Ник<олаем> Ал<ександровичем>.

Нужно кончать, шлю Вам самый дружеский привет и желание сил и здоровья для Вашей радостной и нужной работы. Как будет радостно будущей зимой (она непременно будет) узнать эту книгу, выросшую тогда уже почти во весь рост!

Надеюсь, Вы не рассердитесь, если к Вам зайдут мои родственники Ильины которые на несколько дней будут в Риме. Он очень высокого мнения о Вашей философской силе, хотя он вообще злой и завистливый (в сфере мысли), но думаю, что за два года в Германии он изменился к лучшему[1140],. Нежный привет Евгении Давыдовне и Ириночке и Вам.

Евг. Герцык

<сверху на полях>: Сейчас получила открытку от Евгении Юдифовны, которая переезжает в Оспедале Ч. – в Нем <?> было ужасно. С ужасом и тягостно думаю о Пасхе здесь!

369. С.А.Аскольдов – В.Ф.Эрну[1141] <15.03.1912. СПб – Рим>

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
15 марта 1912 г.

<...> Ваш благоприятный отзыв о моей книжке меня ободрил несколько, ибо у меня неприятное сознание, что я ее выполнил не очень-то удачно. В биографической части это безусловно так.

Облик моего отца достоин был кисти художника, а я и не художник, и кроме того, в качестве сына чувствовал большую неуверенность и дал местами весьма робкие штрихи.

Об Александре Викторовиче [1142] знаю мало. Он пишет редко и скудно. Взял много уроков, вообще стал усиленно зарабатывать (для своих родных, конечно). О настроении судить трудно, повидимому, какое-то смутное, рабочее. Отчасти это хорошо, что он впрягся в плуг, а то он уж чересчур был "птичка Божия", с другой стороны это, повидимому, сшибло его с некоторых высот.

Ваш антипсихологизм в той форме, как Вы пишете, меня не смущает; я разумел нечто другое – современные гносеологические туманы.

К диссертации приступаю лишь теперь. Буду писать на гносеологическую тему, иначе нельзя: к метафизике проход опять загроможден немцами. Надо расчищать дорогу, а кроме того кое о чем высказаться более определенно, а то слишком много наговорено кругом да около. Кроме того к метафизике теперь надо идти через натурфилософию. А здесь масса нового материала и в сфере фактов и теории; в физике открылись весьма неожиданные перспективы. Все это надо поглотить и переварить. Живы будем, доберемся и до этого, а пока надо покориться участи и разговаривать с г. Риккертом о "гносеологическом субъекте" <...>

370. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну [1143] <19.03.1912. Москва – Рим>

19 марта 1912 г. Москва

Чистый Понедельник

Дорогой Владимир Францевич!

Думаю, что письмо это дойдет до Вас в праздник Пасхи и потому посылаю Вам и семье Вашей привет пасхальный: Христос воскрес! и целую пасхальным целованием. У меня сейчас остановились дела, преплыто море, и Бог дает утешение говения с тихим погружением в могучие волны благодати Страстной недели. Какое лишение, должно быть, проводить эти дни не в православной стране, и не на родине! Не хую католичество, но ничто не могло бы заменить мне этих светлых дней, так глубоко обвеянных воспоминаниями чистого и прекрасного детства. "Слава Вышнему во свете, слава Вышнему во мне!"

Сердечное Вам спасибо за пространное изложение Ваших впечатлений от "философии хозяйства". Вы верно угадали, как это интересно и приятно, и это тем более, что Вы были первым и пока единственным. Я потому отделил эсхатологию, что, во-первых, не дорос до нее, во-вторых же, по соображениям академического коварства: ведь это – диссертация на степень доктора политической экономии (сиц!) и, отвоевавши степень, я буду иметь развязанными руки и продолжать, не думая ни о чем постороннем. Кроме того, деление определилось как-то само собою и естественно, здесь не было ничего преднамеренного. Я не только ничего не имею против того, чтобы экономизм был в конце концов взорван катастрофизмом, но полагаю, что иначе и быть не может. Но моя задача была ввезти онтологизм через такие врата, через которые до сих пор ничего кроме материализма не провозилось. Сейчас я еще не приступаю и не знаю, когда приступлю ко второй части книги, и занят буду другим.

17 апреля

Начал это письмо в начале Страстной недели, продолжаю через месяц. Пока у Муночки был дифтерит, я не мог Вам писать. Теперь все, слава Богу, окончилось благополучно. Страстную и Пасхальную недели я просидел в карантине, отделенный от остальной семьи, со страшным волнением за других детей. Так поездка в Италию, стремление к которой все разгоралось во мне, сменилось путешествием в дифтерию... Ехать в конце мая или июне уже невозможно, я думаю, из-за жары, которую я плохо переношу. Ведь очень жарко

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. в это время? Теперь я мысленно переношу свою поездку на Рождественские каникулы. Вы еще будете в это время в Риме?

Такая масса дел скопилась, о которой хочу писать Вам, что не знаю, с чего начать. Пересказать оттенки отношений с Николаем Александровичем нет возможности, для этого надо было бы показать Вам всю переписку. Я лично страшно его жалею и сделаю все, чтобы достичь примирения. Однако, хотя мне казалось, что лед начинает таять в наших личных отношениях, сегодня вдруг получил от него письмо, в котором он в окончательной форме сообщает о своем выходе из редакционного комитета, притом делает это в письменной форме, хотя через два-три дня будет здесь сам. Огорчает это меня из-за дела, а еще больше и за него самого страшно, но что же остается делать! Он ссылается на "внутренний голос"... Во всяком случае верьте, что я со своей стороны сдеаю все, что сумею. Просто не верится, как все произошло. От редактирования Леруа он отказывается, говоря, что лучше не может, а на Гелло настаивает. Между тем Вы единственный, кто считает возможным издать эту книгу в "Пути", мы же все считаем это совершенно невозможным, и по-прежнему думаем об издании при "Пути" (такой выход преуказан "Мусagetом", где главным образом Эллис издает Штейнера). Это – компромисс, конечно, но другого выхода здесь нет. Думает ли Николай Александрович, принимая это решение, о завтрашнем дне для себя, не знаю, боюсь, что нет. Напишу Вам после его приезда, как все произойдет.

Теперь о Ваших делах. "Сковорода" не может поспеть – технически, – чтобы выйти весной, потому что теперь выпускать уже поздно. Помириться с выходом его осенью, вместе с книгой флоренского, (которая готова будет на днях и другими). Диссертация Ваша, как я писал Вам уже, принята и введена в бюджет 1913 года, но только, если можно, лучше устроить ее выпуск не в январе, а осенью 1913 года: так удобнее по бюджетным соображениям, да и Вы больше будете иметь времени на полировку, притом для успеха книги лучше, если выход ее будет ближе к Вашему диспуту и возвращению. Так нам здесь представляется.

Я ни разу, кажется, не писал Вам о своих впечатлениях за этот год от встреч со Степпуном и особенно с Яковенко, с которым мы не раз вели философские споры. Впечатление это становится все более положительным, в том смысле, что они, особенно Яковенко, которого я считаю философским талантом, идут своим путем, который, хотя и уводит их от нас, но есть путь философских исканий и искренности, – это, во всяком случае, не чета Гессену и разной неокантианской мелочи. Тем прискорбнее было для меня прочесть в "Логосе" резкую не только идейно, но и лично, рецензию против Вас [1144], в которой они, очевидно, не могут забыть ими же вызванного нападения. Это мне вдвойне прискорбно, потому что у меня здесь по отношению к ним настроение более примирительное, чем раньше, потому что не могу не ценить в них культурную силу и напряженность мысли и труда. И, соответственно, всю нашу идейную распрю можно было бы вести более спокойно и по существу. Они к тому же, повидимому, склонны, но в данном случае склонности не соответствуют поступкам. Разумеется, тут мешает линия "Логоса". Между прочим, Яковенко обращался (через Григория Алексеевича) с предложением написать монографию о Чичерине, (которого мы, все равно отдавали Новгородцеву). Мы же рассуждали так: Чичерин – нам чужой, Яковенко знает Гегеля, повидимому, хорошо. При наличности редакционных прав и гарантий он может написать деловую и годную для нас монографию, а само по себе, нам кажется желательным – не отталкивать, а привлекать силы. Конечно, вопрос этот не только не решен, но даже и не предложен, он может быть решен по общему нашему соглашению, и есть больше вопрос тактики (хотя и в лучшем смысле слова). Напишите Ваше мнение. Я знаю, что Вы взглянете на дело с точки зрения интересов русской культуры и абстрагируетесь от личных шоков. Во всяком случае, неокантианские штаны свои Яковенко и Степпун по-моему разорвали окончательно и обречены на новые искания. Это мое личное и глубокое от них впечатление.

Теперь о Волжском. По моему предложению ему поручается монография обычного размера о Достоевском. Мы не знаем лишь мнения Бердяева, который последнее время почему-то против него, но, раз он выходит сам, то этим вопрос решится, я думаю он также не будет спорить. В Вашем согласии я не сомневаюсь, но все-таки напишите. На очередь у нас поставлено издание некоторых сочинений князя Одоевского: "Русские ночи" и других (Вы не знаете его?), Чаадаева, кое-что Белого (которому Маргарита Кирилловна ссудила и вот – в отработку). Из философских классиков намечаются избранные сочинения Фихте (кубицкий и Успенский с предисловием Трубецкого), Баадер, Шеллинг

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. (которого я прочу пока для Николая Александровича). Проект сметы изданий (примерный), как он определяется на ближайшее время, Вы получите.

Сборник о русских мыслителях, то есть о тех, о которых не будет или не может быть по тем или иным причинам монографий (Киреевский, Чаадаев, Федоров и подобные) имел в виду главным образом Николая Александровича. Но повидимому, этот проект становится излишним.

Умерла сестра Толстого – монахиня Мария Николаевна. М<ихаил> Ал<ександрович> Новоселов передавал мне, что в одном из последних писем к нему она отзывалась о Толстовском сборнике и выделяла и особо похвалила Вашу статью, сказавши, что вот это – все верно. Вам это, наверное, приятно будет узнать.

Большим ударом для всех нас является удаление Синодом Экземплярского за статью в Толстовском сборнике из профессоров Академии[1145]. В действительности здесь, кажется, интриги. Ужасно больно за поругание Церкви, которое творится, и кажется, все больше и больше, что нет выхода из этого положения вне катастроф.

Григорий Алексеевич, слава Богу, остается хорош, как и был, для меня это большая поддержка в истории с Николаем Александровичем. Маргарита Кирилловна по прежнему относится к делу горячо и серьезно. Но у меня такое чувство, что в отношении ее к Николаю Александровичу что-то подломилось после всего и наступило нечто вроде разочарования. Ведь у нее, конечно, не могло быть той личной привязанности, которая делает для нас столь мучительной эту историю. И страшно заботит меня будущее Николая Александровича. Тем более, чем беспечнее и безогляднее он сам.

Пока прощайте. Обнимаю Вас и крепко целую. Христос с Вами! Привет всей Вашей семье.

А Свенцицкий, кажется, оттаял и начинает новый цикл, по разным признакам судя[1146].

Любящий Вас С.Б.

371. Н.А.Бердяев – В.Ф.Эрну[1147] <21.03.1912. Киев – Рим>

21 марта 1912 года,

Киев, Пушкинская, 10

Дорогой Владимир Францевич!

Из письма Ев<гении> Юд<ифовне> делаю заключение, что Вы мне писали после получения письма от Сергея Николаевича о наших распрях.

Письма Вашего я не получал, пока не получил и ответа от С.Н. Моя корреспонденция систематически пропадает, я уже знаю, что пропало писем восемь, кроме того пропали книги, посланные из "Пути", пропала "Русская Мысль" и оттиски моей статьи. Я уже подал два заявления на почту. Писать мне можно только заказным. Вы уже знаете, что у меня произошел деловой конфликт с "Путем" по поводу книги Гелло, которую хотят извергнуть из "Пути" после того, как она была принята и уже переведена (Ев<генией> Юд<ифовой>). В крайнем случае соглашаются издать без марки "Пути". Я считаю принципиально недопустимым такое отношение. Вы тоже были в некотором роде инициатором перевода Гелло (Вы посоветовали мне предложить эту книгу для перевода, чтобы дать заработок Евгении Юд<ифовны>) и в Риме высказывались за Гелло. Поэтому я надеюсь, что Вы будете на моей стороне в этом конфликте. Кроме того у меня происходит личный и идейный конфликт с Сергеем Николаевичем. Личный конфликт у меня происходит потому, что мне трудно вынести ту степень невнимания к моей личности, которую обнаруживает С.Н., и непризнание моей индивидуальности. С этим связан и идейный конфликт, который лучше бы назвать конфликтом разных мироощущений. Мне трудно жить и работать в той атмосфере уныния и подавленности, отрицания творчества и вдохновения, атмосфере утилитарно-деловой, которую создает вокруг себя С.Н. Ведь С.Н. морально навязывает другим, и мне свой путь, свое жизнеощущение, и относится несочувственно к чужой индивидуальности и ее судьбе. Это меня давно угнетало, но далее всего я расхожусь с С.Н., а может быть, и с Вами в оценке религиозного смысла творчества. Много раз я

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. высказывался устно и печатно в том направлении, что путь творческого вдохновения, путь переживания призвания есть религиозный опыт, отличный от опыта аскетического. Жизнь должна быть принята не только как послушание, но и как творчество. За тайной искупления скрыта тайна творчества, как свободного начала твари-человека, продолжающего творение мира. На этом я абсолютно стою и укрепился еще более. Можете меня считать еретиком, но я не отступлю от своей веры. Глубокие мотивы наводят меня на мысль, что мне лучше выйти из редакционного состава "Пути" без вражды и демонстративности, оставаясь работником для "Пути". Атмосфера "Пути" для меня тяжелая, я в ней вяну, а не расцветаю. А я ведь не общественный человек, я непоправимый индивидуалист по темпераменту. Сейчас для меня очень тяжелый и тяжкий период жизни во всех отношениях, но я чувствую скорее творческий подъем духа. В самом начале апреля я предлагаю недели на две ехать в Москву. Если захотите написать, то пишите или в Киев, чтобы письмо получить до 1 апреля, что трудно, или лучше в Москву на адрес "Пути". Получили ли Вы полностью мой долг? Я все еще полон Италией и хочу о ней писать. В Киеве нам живется тяжело, матери очень плохо, семейные дела ужасны. Мы с Л.? очень приветствуем Ев. Давыдовну. С теплым чувством вспоминаем дни в Риме.

372. Н.А.Бердяев – В.Ф.Эрну[1148] <23.03.1912. Киев – Рим>

Киев, 23 марта

Дорогой Владимир Францевич и Евгения Давыдовна! Сердечно поздравляем Вас с наступлением Светлого Праздника Христова Воскресения и трижды целуем Вас. Хотелось бы в эти дни всем быть вместе. Нам очень тяжело живется, но надежда не исчезает из сердца. Будьте радостны и благословенны.

Сердечно любящий Вас

Николай Бердяев

373. Н.А.Бердяев – В.Ф.Эрну[1149] <4.04.1912. Киев – Рим>

Киев, 4 апреля

Дорогой Владимир Францевич!

У меня большая к Вам просьба. Выяснилось, что корреспонденция моя пропала потому, что ее направили в Италию по моему осеннему заявлению. Очень прошу Вас справиться на центральной почте в Риме, есть ли для меня письмо и заказная бандероль с книгами и оттисками. Если есть, то я прошу их направить по адресу: ст. Люботин, Южных дорог. Зайдите также в пансион Кайзера, Там может быть для меня корреспонденция. Пусть тоже направят в Люботин. Я пишу открытку на почту. Досадно, если пропали важные письма, книги и оттиски. На днях еду в Москву, задержался от болезни матери и дифтерита у Булгакова. Привет Евгении Давыдовне.

Ваш Николай Бердяев

374. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1150] <весна? 1912>

Получила твое письмо! Душа переполнена тоской, горем и отчаянием. Пишу через силу несколько слов. Тяжело и больно говорить и бесплодно – я знаю. Скажу просто главное: я совершенно не в силах ни слышать, ни тем более читать этих слов твоих. Мгновенно вся моя душа повергается в мрак, отчаяние и ужас! С болью я переживаю ясно, как все мое существо отталкивается от тебя, отрывается от тебя – и ты уходишь от меня очень далеко! Нет такнелзя жить, это ужасно! К тому же вечные разлуки, да еще отъезд за границу! Я не могу говорить – все мне одно мученье, одна пустота, одно сознание полного одиночества! Делай, что хочешь! Если бы не Мика – ни одной минуты не стала бы жить.

Предупреждаю тебя, что 20-го апреля заседание Религиозно-Философского Общества и Григорий Алексеевич просит тебя остаться на 21-е с тем, чтобы участвовать в прениях. Это очень важно для дела, и я думаю, ты можешь принести эту жертву.

375. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1151] <15.04.1912.Москва – Симб.>

15 апреля 1912 г., Москва

Воистину Воскресе!

Вот привел Бог провести Страстную и Пасху под эпитимьей и в карантине, волнении и разлученности от своих. Слава Богу, все окончилось благополучно, и мы живем уже вместе. Спешу Вам написать относительно монографии о Достоевском. Во-первых, она принята пока наличным составом "Пути", нет еще ответа от Эрна (в котором я не сомневаюсь) и от Н.А.Бердяева, который (между нами!) собирается уходить из редакции, кажется. Отношения с ним за этот год до такой степени испортились, он взял такой внешний и внутренний курс поведения, что я (да и все мы) мучаемся с ним с января, и все-таки, кажется, не смогли отвратить разрыва, конечно, наиболее печального для него самого. Об этом не расскажешь, – это кошмар и чертов водевиль, но подтверждается Ваша прозорливость – тревога о нем. Очень тяжело! Если нам суждено будет увидаться, расскажу лично, а на бумаге даже и не расскажешь.

Вот Вам новая страница религиозной общественности. Боже мой! Как мы уже стары, сколько их: «Новый Путь», «Народ», «Союз христианской политики», история со Свенцицким (который оттаял, к стати, и расправляет крылья), теперь – Николай Александрович, который уходит куда-то, вроде как в Мережковщину, но в действительности-то – просто раскапризничался.

Но возвращаюсь к Вашей монографии. Во-вторых, задание для монографии определяется так. Размер «Хомякова» или вообще, «Русских мыслителей» – страниц 300 этого формата. Задача, конечно, не новая характеристика или изложение творчества Достоевского, но, главным образом, жизнь в связи с творчеством или творчество на фоне жизни. Это – та задача, которую Вы некогда ставили себе в докладе, читанном в Религиозно-философском обществе, но здесь она должна быть выполнена со всем фактическим материалом. Значит, фактически – так мы понимаем это задание – Вам придется спрессовать биографический материал книги и пронизать его философией жизни и, стало быть, творчества.

Так нам рисуется эта задача в общем плане серии. Подумайте и напишите, приемлема ли для Вас эта задача. Причем имейте в виду, что это пишу не я, но «Путь», и что это заказ обусловленный, но в случае принятия условий, – твердый. Гонорар 60–80 руб. за лист в 40000 букв (значит, не типографский). По моему мнению, для Вас было бы самое практичное, когда обдумаете план, прислать его нам, весной или осенью, во избежании недоразумений, а мы выразим свои замечания или пожелания, и Вы можете работать спокойно. Но это мой личный совет, а не «Пути». Жду от Вас ответа, чем скорее, тем лучше. Был я огорчен выгоном Экземпларского, очень религиозного человека. Относительно Тернавцева я хотел писать письмо в «Русскую Мысль», да боюсь, что запоздал. Может быть Вы захотите присоединиться. Я очень был возмущен.

Привет Ольге Федоровне. Целую Вас.

Христос с Вами. Помолитесь о наших сердцах.

Ваш С.Б.

376. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[1152] <13.05.1912. Москва – Рим>

13 мая 1912 г., Москва

День Пятидесятницы

Дорогой Владимир Францевич!

Не писал Вам потому, что у меня случилось несчастье, – 21 апреля внезапно умер в Ливнах от кровоизлияния в мозг мой отец, – умер, как жил, на работе, между двух литургий. Я не застал его в живых, но был с телом и на похоронах. Смерть, как и всегда, оставляет глубокий след в душе, и горе соединяется с религиозным торжеством. Особенно, это величественное иерейское погребение, – папу хоронил и провожал с сожалением весь город..

Воротясь в Москву, я почти немедленно встретил Николая Александровича. Рассказать о нем трудно. Лично мы встретились хорошо, по крайней мере, для данного положения, но тем болезненнее и похороннее чувствовалось, что он уходит в какую-то "нетовщину"[1153], но вместе с тем крепко стоит на своем

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. и утверждает в своем. Я могу относиться к этому только с глубокой тревогой и на теперешний его курс смотрю как на тупик и абберацию и, что самое главное, не верю в его творческую силу, без чего все это становится еще безнадежнее. Эмпирически он, во-первых, выходит из состава редакции, во-вторых, просит издать его книгу о "творчестве", которую будет писать ближайšie полтора года, и которой изложил уже план, тоже мало утешительный с моей точки зрения (де омнибус ребус сцибилибус атэуе эубусдам алиис[1154]). От писания статей (и в философский сборник) отказывается. Мне он, конечно, не прощает осуждения его отъезда, в чем видит недоверие к "индивидуальности" и подобное. Личной враждебности, хочется думать, у нас не появилось и не появится, но отчужденность неизбежна. Силен и лукав сатана! В "Пути" этот выход произвел очень тяжелое впечатление и есть, несомненно, духовный, если не деловой, удар. Но николаю Александровичу не до таких пустяков! Да будет милость Божия над ним и над всеми нами!

О приезде к Вам я теперь физически не могу и думать, да и жары не выношу. Будем мечтать о Рождественских каникулах.

Теперь о текущих делах. Отвечу по пунктам:

Относительно Ваших предложений брошюр взялся Вам ответить Григорий Алексеевич. Принципиально предложение брошюр соответствует нашим мечтаниям, но в частности, Ваше предложение встречает возражение (например, статья Макса Саксонского давно уже издана, другие велики и подобное).

Относительно монографии о Чичерине[1155] Ваши соображения относительно юридической стороны его мировоззрения, конечно, правильны и приходили в голову и нам. Найти достаточно многостороннего для нас автора, однако нельзя. Ввиду Ваших соображений, а также и вообще отношения к Яковенко, вопрос о нем, как авторе монографии о Чичерине, снимается. Рецензия в "Русских Ведомостях", составляющая сокращение большой рецензии в "логосе"[1156], очень не нравится и мне, как и вообще его отношение к Вам. Но вне того мне все-таки он кажется человеком талантливым, знающим и обещающим, когда он окончательно освободится от неокантианских пеленок.

Яценко предлагает систематическую библиографию русской философской литературы, над коей он работает давно[1157]. По существу возразить здесь нечего, и издать ее явно хочется М<аргарите> К<ириллов>не. Вот почему она попала в проект сметы. Мне Николай Александрович, кстати, говорил, что в Вас, как и в нем, вызвало недовольство помещение Анри[61][1158], но брошюра в сто страниц, горячо рекомендованная о. Флоренским, и притом с его большим предисловием. Мне казалось, что это не могло вызвать неудовольствия. Кстати Гелло будет издан при "Пути", а не от "Пути".

Шрифт и бумагу для классиков, к которым, конечно, бесспорно следует отнести и Августина, Вам пошлет Сусанна Михайловна осенью, когда вопрос будет определен. Вообще об этом сноситься с нею.

Я из Москвы уеду в конце мая. С июня летний адрес: Крым, ст. Кореиз. В Москве мы меняем квартиру (как и Маргарита Кирилловна с "Путем"). Сердечное Вам спасибо за зов и любовную готовность меня сопровождать. Целую Вас. Привет Евгении Давыдовне и поцелуй Вашей дочурке. У нас в семье, слава Богу, благополучно, если не считать постоянной болезненности Елены Ивановны. Я подлечился у Мамонова и чувствую себя крепче.

Христос с Вами.

Ваш С.Б.

377. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1159]<14.05.1912. Москва – Симбирск>

14 мая 1912 г., Москва

Дорогой Александр Сергеевич!

Ваше письмо меня застало в Москве, и потому запаздываю с ответом: 21-го апреля у меня скоропостижно (от кровоизлияния в мозг) умер отец, – умер как жил, в трудах, между двумя литургиями. Я не застал уже его в живых (как и мать), но поспел до похорон. Пережил много и горя, и возвышающего религиозного утешения. Не знаю, как кто, а я в смерти сильнее, чем в чем-либо слышу и чувствую Бога. Бедному Лене и Елене Яковлевне[1160]

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. пришлось пережить всю тяжесть этого события на своих руках. Папе был 71 год, но он чувствовал себя еще здоровым и бодрым, когда Господь призвал его. Дай Бог, и нам так прожить и так умереть, как он! Весь город хоронил его, и впервые я слышал у его тела дивный чин иерейского погребения... Услышу ли еще?

Воротясь в Москву, я без передышки погрузился в Бердяевский кошмар. Он приезжал "ликвидировать" дела. Лично мы встретились еще сносно, но он приехал с новым дополнением христианства, – "творчеством". (Это смесь Мережковского, Вяч. Иванова и собственного темперамента). В своем он тверд и даже хорош в своем безумии, если бы была хоть какая-нибудь надежда на подлинное здесь творчество. О деловых дрызгах я уже и не говорю. Я знаю, что для Вас все это остается непонятным, но, как и всякий кошмар, разве можно сделать понятным? После его отъезда чувствовалось, как после новых похорон... Помогите ему, Господь!

Я подтягиваюсь и все-таки здоров, вопреки всему. Много мне жизненных сил отпущено!

Теперь о Ваших делах. Вам может быть (говорю от издательства) отпущено, как предельный размер, 20 листов формата "Русской мысли" (монография о Козлове) т.е. 12 листов по 40000 букв, больше издательство отвести не может. Гонорар до 75 р. повышен может быть. Аванс, вообще говоря, возможен, хотя желательно было бы не раньше осени (сейчас в кассе денег нет). Ваше понимание заданий монографии в общем отвечает нашему, но только просим не забывать, что эта книжка входит в серию "Русские мыслители" и должна быть приведена в соответствие, насколько возможно, всему этому типу. Поэтому желательно, по возможности, сохранить внешние рамки. Я понимаю, как трудно выработать план книги и вообще сознаю все указываемые Вами трудности. Но в то же время хотел бы, чтобы Вы его все-таки выработали и, когда он определится, послали для ознакомления в издательство (и лучше не мне, но Григорию Алексеевичу, для объективности). Ведь речь идет о совершенно твердом заказе, об этом только я все время и хлопочу, а для этого, во избежании недоразумений и неудовольствий (конечно, не забывайте, что я все время говорю здесь не от себя лично, но от издательства, в котором есть люди Вас не знающие), самое лучшее, чтобы было наперед выяснено содержание заказа и заказчикам и исполнителю. Кроме того, я не сомневаюсь, что эта предварительная работа будет на пользу, хотя бы как некоторое противоядие Вашей "беспланности". Разумеется, способ составления этого плана и детализация его остается в Ваших руках. Цитирование придется, очевидно, свести до минимального минимума, и вообще многое должно предполагаться известным, – иначе книжка этого типа о Достоевском вообще невыполнима. Не сетуйте на меня за эту, как бы воркотню, Вы ведь сами знаете, что мне приходится на разные стороны вертеться.

Я мечтаю проехать с Муночкой и Федей по Волге и по Суре (там у нас есть знакомые). Доедем ли до Симбирска. еще не знаю, но если да, я Вам телеграфирую. Но времени для остановки мы иметь во всяком случае, кроме стоянки, не будем, ибо будем стремиться в Москву, где нас будет ждать Елена Ивановна, потому пришлось бы Вам на некоторое время побывать с нами на пароходе. Мы до сих пор еще не решили, по верхнему или по среднему плесу ехать. Вообще эта поездка для детей. Выехать думаем в пятницу 18-го, а 25-го уже назад в Москву. Дальше поедем в Крым, и я <может> <быть> заеду в Ливны на 40-й день. Во всяком случае, с 1-го июня адрес: Кореиз.

Нам до возвращения в Москву хотелось бы попасть в Нижний, чтобы сократить железнодорожный переезд. Если у Вас есть соображения и советы, то напишите, только немедленно, чтобы письмо застало меня в Москве до пятницы. Ведь жигули – это под Сызранью?

Единственное мое утешение в делах то, что это полугодие очень хорош и светел Григорий Алексеевич. Но вообще пусто кругом.

Да хранит Господь Вас и семью Вашу.

Любящий Вас С.Булгаков.

Авва – ничего. О. Павел Флоренский, насколько могу судить, хорош.

378. л.М.Лопатин – В.Ф.Эрну[1161]<16.05.1912. Москва – Рим>

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
16 мая 1912 г., Москва

Многоуважаемый Владимир Францевич!

К большому моему сожалению, должен известить Вас, что помещение Вашей статьи в нашем журнале встретило некоторые препятствия. Правда, Г.И.Челпанов ее еще не читал (последнее время он в постоянных разъездах), но я и другие члены редакционного комитета с ней внимательно ознакомились и совпали между собой в ее оценке[1162]. В статье Вашей "О природе мысли"[1163] есть превосходные отдельные страницы (например, те, на которых Вы говорите о сверхвременной природе трансцендентальной апперцепции), но в целом в ней так много недоговоренного, и она вызывает столько недоумений, что ее напечатание в ее теперешнем виде было бы, как мне кажется, даже и не в Ваших интересах. Опровержение психологизма через указание участия воли в процессах ума (хотя можно ли спорить, что воля фактор психологический), неясности в обосновании свободы логической истины и отрицание ее необходимости, а также в доказательствах вечности случайных фактических утверждений, смутности в определении сущности символического метода и т.д. – все это заставляет желать ознакомиться с дальнейшим ходом ваших заключений раньше, чем произнести суд над присланной частью. При этом невольно возникает мысль: не лучше ли Вам представить план Вашей общей работы? Не отложить ли на некоторое время формулировку тех очень ответственных принципиальных выводов, к которым Вы приходите, а предметом магистерской диссертации сделать одну из тех интересных исторических тем, которые, как Вы пишете, наметились для Вас в этом году. В результате получился бы труд и легче выполнимый и представляющий большее внутреннее единство. Впрочем, об этом, конечно, решать должны Вы сами, и настойчиво советовать в таких делах трудно. Всего хорошего. Сердечно преданный Вам

Лев Лопатин. 16 мая 1912 г.

Ваше ходатайство факультетом уважено[1164]. л.л.

379. Н.А.Бердяев – В.Ф.Эрну[1165] <30.05.1912. Люботин – Рим>

Ст. Люботин, Южных дорог, имение Трушевой

30 мая

Дорогой Владимир Францевич!

Давно уже чувствую потребность написать Вам, но все мешали разъезды. По переезде в деревню я скоро поехал в Москву. Там задержался дольше, чем предполагал, так как заболел ангиной и некоторое время не выходил из комнаты. По возвращении из Москвы был вызван в Киев для перевоза моих родителей на новую квартиру. Теперь только, кажется, более прочно утвердился в Люботине. Прежде всего хочу написать Вам, что было в Москве. Мне, повидимому, удалось откровенно и по душам поговорить с Сергеем Николаевичем, Григорием Алексеевичем и Маргаритой Кирилловной. Сначала Сергей Николаевич был духовно глух к тому, что я говорил, но потом все-таки услышал меня. Из редакционного состава "Пути" я ушел, и все, кажется, поняли, что ухожу я не из-за личных историй по поводу Гелло и т.п., не из демонстрации, а по глубоко осознанной внутренней потребности. Ничего враждебного и демонстративного в моем выходе нет, я остаюсь сотрудником "Пути" и сохраняю дружеские отношения с его участниками. Но выход из "Пути" для меня морально неизбежен, тут я повинуюсь своему внутреннему голосу. Для меня морально невозможно чувствовать себя в положении человека недобросовестного по отношению к издательству. Я даже думаю, что мне не следовало вступать в состав редакции "Пути". Я не чувствую себя принадлежащим к его духовному организму и это не могло не сказаться. Меня разделяют с Сергеем Николаевичем не разные мысли, идеи, как Вы склонны думать, а разные чувства жизни, разные религиозные оценки. Наше идейное единство казалось большим, чем реально было наше жизненное единство, и это гораздо глубже, чем различие в характерах и индивидуальностях[1166].

То что я Вам писал и в разное время говорил о творчестве, то говорил не о "науках и искусствах", не о творчестве в "культурном" смысле, не о личностных дарах каждого из нас, а о новой религиозной эпохе, об ином чувстве жизни и оценке жизни, об ином религиозном сознании и жизненной морали. Сейчас я целиком поглощен книгой, которая будет очень целостной и последовательной. Год или два я ничем не буду заниматься, кроме этой книги,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. в которой надеюсь сказать то, что до сих пор мне не удавалось сказать. Книгу эту я предполагаю издать в "Пути" и уже об этом разговаривал. Последние месяцы я чувствую огромное творческое возбуждение и подъем, и перед этим состоянием моего духа отходят на второй план житейские невзгоды и трудности. Я ушел внутрь себя, вглубь, и не смог бы теперь выступить в Религиозно-философском обществе, писать статьи, связанные со злобой дня, хотя бы чисто идейной (например, полемика с "Логосом"), делать внешние дела[1167]. До поздней осени буду жить в деревне и усердно работать над книгой. Что будет с нами потом, не знаю. Мы живем без твердой почвы. Вероятно, осенью нужно будет искать место[1168].

Об Италии вспоминаем, как о радости. У меня осталось впечатление, что "Путь" стоит твердо, что редакция в общем спелась, и опасностей редакции не грозит. Думаю, что мой уход не может поколебать "Путь", не приведет его к разложению. Да так никто и не ставил вопроса.

Григорий Алексеевич поправился и был очень мил и чуток. Отрадно было, что с Сергеем Николаевичем я до многого договорился интимно и откровенно. С его "Философией хозяйства" я во многом радикально расхожусь. Мои отношения с <Сергеем> <Николаевичем> теперь улучшились. Не должны омрачаться и наши с Вами отношения моим уходом из "Пути". Люблю Вас как всегда. Как Вы себя чувствуете? Над чем работаете? <Лидия> <Юдифовна> очень приветствует Вас и <Евгению> <Давыдовну>. Она была больна ангиной и сейчас оправляется. <Евгения> <Юдифовна>. собиралась Вам писать. Крепко Вас целую и приветствую Е.Д. Пишите.

Любящий Вас

Николай Бердяев

Поклонитесь Муратовым[1169], когда увидите.

380. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1170] <3.06.1912. Кореиз – Симбирск>

3 июня 1912 г. Кореиз

Дорогой Александр Сергеевич!

Меня начинает беспокоить, получили ли Вы мое письмо, написанное в ответ на Ваше, и содержащее разные указания по поводу Вашей монографии, а также и сообщение о смерти моего отца, последовавшей 21 апреля. Ответьте сюда немедленно, если нет, то я постараюсь повторить это письмо.

Гонорар Ваш повышен, как Вы хотели, но размер не может быть таков, каков Вам представляется, а меньше. Поездка по Волге не состоялась вследствие болезни феди. Сейчас мы благополучны.

Ваш С.Б.

381. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1171] <12.06.1912. Бегичево – Москва>

Милая, дорогая, бесценная,

Вот, наконец, опять письмо моей ненаглядной Гармоси, такое нежное, милое, хорошее, какое бывает только после грозы. Ты справливаешь, сержусь ли я и понимаю ли. Ангел мой, как теперь сердиться, когда я весь насквозь обласкан, и как не понять. Ведь и я все то же испытываю, тоску по тебе и жажду тебя видеть и поскорее хорошо, до дна переговорить перелить все, что накопилось в твою душу! Что делает расстояние! Теперь, размышляя спокойно, и я скажу, что, если бы выслушал от тебя с глазу на глаз еще и втрое сильнее против написанного в письме, то не рассердился бы. Но то, что в разговоре вдвоем выходит горячо и бурно, то же самое как-то ужасно холодно звучит в письме. Совершенно понимаю и то, что у тебя в душе закрадывается недоверие. При такой долгой разлуке это иначе и не может быть. Всякие письма, слова, "отвлеченное общение", как ты говоришь, ужасно холодно. Когда я тебя долго не вижу, и у меня часто закрадывается мучительное к тебе недоверие и кажется, что я совсем тебе чужд. А потом, когда тебя увижу, и почувствую вблизи, все это разом улетучивается. И как бы хотелось сократить время этой разлуки!

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Вот ты пишешь, что от меня зависит быть счастливым человеком на свете!
Родная моя, если бы знала, как это мало от меня зависит. Собраться и приехать к тебе, как это кажется просто – и как это на деле трудно. Вот я теперь опять стал ходить на свое ржаное поле и вижу там удивительно странные вещи: поле стало приподниматься[1172]. Колоски разбитые, надломленные в нескольких местах, все-таки живут, поворачиваются к солнцу, цветут. Иной держится на ниточке, а живет, но боишься тронуть, – а то ниточка того гляди оборвется.

Милая моя, дорогая, вот у меня дома – такой же надломленный колосок, который поворачивается к солнцу и живет, хоть и надломленный; но ты не поверишь, как я боюсь для нее всякого моего неосторожного движения. Всякий, даже маленький толчок воспринимается не могу сказать, до чего болезненно. Вот вдруг я неожиданно уеду в Москву без дела, явно для того, чтобы увидеть тебя! Она скажет, что она даже этого желала, – а сама съезится и будет точно морозом побита. И все с таким трудом начавшееся медленное поправление остановится. Ну, как же тут уехать! В июле она знает, что необходимо. Ну а до тех пор, нужно, чтобы действительно была необходимость ехать, чтобы было дело, не терпящее отлагательств, но чтобы не видно было этого нетерпенья – видеть тебя, во чтобы то ни стало.

Друг мой, ты не поверишь, как трудно мне это в себе подавлять и этого не показывать. А я с несомненной ясностью вижу, что именно в этом средство, восстанавливающее силы, которое бесконечно действеннее ванн, вспыскиваний, капел и т. п. Сейчас температура не выше 37,1° (хотя это все-таки для нее много), доктор находит, что легкое очень заметно поддается лечению. Но слабость сердца такая, что просто стояние на ногах немедленно повышает пульс до 100. Исследование на туберкулез умышленно не делается, так как лечение производится и без того все нужное против него: оно ни в чем бы не изменилось, если бы он открылся. А между тем впечатление от этого открытия было бы до крайней степени удручающее, что могло бы повредить! Да это сердце нужно беречь до последней возможности. Уж чересчур много оно перенесло!

О моем здоровье нечего и говорить. Ни соды, ни магнезий, ни капли Виши более не существуют, – желудок гораздо лучше и все прочее в том же духе.

15-го у меня экстренный день: приезжают в гости четыре семинариста[1173]: Успенский[1174], Кечекийян[1175], Воробьев, может быть и Устрялов[1176] Сейчас все время читаю твоего Шеллинга. Ну, прощай, крепко тебя целую. Думай обо мне нежно без гнева, без недоверия. Потерпи ради меня и потерпи на мне[1177]. Крепко, крепко целую.

382. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1178] <17.06.1912. Бегичево – Москва>

<...> Сегодня уехали 4 семинариста (Кечекийян, Успенский, Воробьев, Устрялов). Успенский оставил на просмотр образец фикште[1179]. Они провели полтора суток, ночевали, и разговоры были очень интенсивные. Я им читал мое заключение, они оживленно его обсуждали, много расспрашивали и нашли, что это "большой сдвиг" от Соловьева?]

Прочитав вслух, я согласился, что много рассуждений должно быть из заключения перенесено назад, в другие части[1180]<...>

383. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1181] <1912. Михайловское>

<...> Вчера не писала тебе, т.к. получила из Москвы твою рукопись и хотелось очень ее прочесть. Мне очень грустно, что я не с тобой вместе ее читаю, т.к. тогда наверное многие мои впечатления рассеялись бы и я лучше уяснила бы себе все. Главное, я как-то не так себе представляла заключение. Мне кажется, что тут все повторение, а нет того, что я себе представляла и чего как будто хочется после всей пройденной критической работы. Я воображала, что это будет изображением всей грандиозной картины души Соловьева в сопоставлении со всеми философскими проблемами и всеми направлениями и уж совсем заключительно указание положительного и отрицательного и твое резюме. Может быть я ошибаюсь! А тут все остается в имманентной сфере Соловьева и твоей критики, а не выходит за пределы и не охватывает всего мирового, что как-будто нужно после такой детальной внутренней критики всех проблем в отдельности. Потом, как всегда, я всегда страдала от того, что ярко чувствовала всю разницу моего мироощущения. Так в моей душе все

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. протестует против твоего мироощущения! Иного слова не подберешь, т.к. здесь не в мыслях и построениях дело. С построением я согласна, даже теперь понимаю его громадную плодотворность. Но уничтожить пантеизм, это значит уничтожить положительность временного и реальность его значения.

Дело в том, что ты оправдываешь его слабо и бледно, а убиваешь в нем все живое и прекрасное сильно. Если Крест реален и был на земле, то и Воскресение реально и было на земле. Как же можно все чудесное переносить в потусторонний мир, когда главное чудо воплощения и воскресения было на земле. Как ты смеешь называть все чудесное в душе человека, все, из чего он творит, утопией! Не умишку Новгородцева судить о великих бессмертных душах и умах. Все они были утопистами. И Соловьев тогда и был велик и создал свое бессмертное, когда был утопистом.

Когда любовь половая велика, когда она может быть оправдана? Только когда она утопична (Это твое выражение), а по-моему "чудесна" и "безумна" с житейской точки зрения. Иначе она гадость, дрянь, кислота, будни и бездарность, и ничем она не оправдывается. Разве по-твоему рождением детей? Вообще все это так не по душе, так мне больно, так мы далеки! Вообще все это по-моему очень опасная точка зрения. Так легко свести жизнь на что-то ужасное. Все таинственное теургическое из жизни исчезнет, а остается один Крест, или еще страшнее – будни. Да разве весь мир в своих муках не несет креста, разве Россия со времен татар не несет креста!

Я уверена, что не от того мир несчастен, что не несет креста, потому что я знаю, что он его несет, а потому, что мало в нем любви! А любовь одна творит чудеса и воскрешает здесь на земле. А раз есть живая любовь, то и Крест сней неразлучен, т.к. только они вместе открывают нам мировую душу. А если есть любовь и Крест, то есть и Воскресение, и радость!

Не стоит больше писать тебе об этом! Ах если бы мне дал Бог твой талант, как бы я написала, как бы я привлекла все души и как бы мы любили Бога и землю, и как бы мы ее жалели и украшали, и радовались бы, что Бог нас создал и послал нас этим Путем, и дал нам познать Любовь, следовательно возможность познать мир и Его самого. А это все сушь и неправда! Презрение к человеческому. Ничего из этого не выйдет.

Что ты пишешь о медиумическом прогрессе еще не переварилось в моем сердце, но возбуждает пока сомнения и вопросы. Не аристократизм ли это? Почему избранные только достойны и в чем тот критерий, которым они двигают, а не другие. Если это критерий "Креста", то нищий не больше ли Готе или Пушкина или даже Сократа несет Крест, так как его смерть, одного на дороге, ужаснее, чем торжественная смерть Сократа в славе!

По христианству так не выходит. А если признать, что Готе, Пушкин, Сократ, Бетховен – Медиумы, тогда это совсем не по-твоему, а по-моему больше. Тогда задача творчества жизни не только в Кресте, но еще в чем-то? А в чем? Это очень, очень глубокая штука, и по-моему в твоей мысли о медиумическом прогрессе ты должен натолкнуться на нечто очень важное.

Не знаю права ли я, но говорю то, что чувствую и что для меня составляет центр моей души. В философии я еще этого не нашла. Как хорошо бы, если бы ты нашел! Я могу только интуитивно догадаться, а ты можешь воплотить.

Счастливый вообще, но не понимающий своего счастья? Почему у тебя такая радость чувствуется в стремлении убить всякую фантазию всякий восторг, а не найти в них плодотворное. Я вполне согласна, что нельзя верить в чудодейственную силу политических перемен, и здесь можно охлаждать. Но нельзя смешивать все человеческие "утопии" в одно. Иные только одни и спасают мир от гибели и материализма, так как дают силу чувствовать чудесное и прекрасное в мире.

Уж очень ты закаменел в твоём справедливом христианстве и добродетели 48 лет. Пожалуй это непоправимо и безнадежно!

Ты мне говоришь "приятные" вещи в каждом письме "теплые слова"! Мне нужно или огненное или уж лучше ничего. А "приятное" и "теплое" меня ужасно выводит из себя. Не сердись или рассердись, но могу же я быть самой собой с тобой, или ты хочешь, чтобы и я превратилась в ходячую мораль, преисполненную "благих" и "теплых" намерений. Даю тебе слово, что эти молнии направлены на тебя, а не на Веру Александровну. Ее я только жалею,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках
боюсь за нее, молюсь за нее, чтобы она поправилась, а тебя я бы с удовольствием побила, если бы ты мне сейчас попался. Хорошенько тебе попадет за все! Дрянь, негодный, не стоящий любви, но все-таки целую. Пиши!

384. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1182] <лето 1912. Михайловское – Бегичево?>

Ангел мой, сокровище мое бесценное!

Необходимо мне сегодня написать тебе несколько слов! После таких тяжелых и мучительных дней сегодня у меня воскресенье в душе! Какое-то торжество чувствую в себе, крылья выросли! Весь мир хочется обнять и полететь куда-то высоко, высоко.

Ангел мой, мне так хочется сейчас писать тебе, тебе одному я могу все сказать и знаю, что ты услышишь меня, потому что с тобой одним связана неразрывно жизнь моей души.

Сегодня утром носилась везде, не могла остановиться, так радовалась ослепительному солнцу, пенью птиц, чудной зелени и вместе с такой нежной любовью думала о тебе! Сокровище мое, со слезами думала о тебе и жалела бесконечно, что вчера не написала так нежно, как хотела! Вчера не могла, а сегодня могу! Вчера чувствовала себя рабой разбитой, а сегодня свободной и бесконечно сильной. Так много, бесконечно много любви в душе я чувствую, так хочется, чтобы твоя душа почувствовала это расцвела и улыбнулась!

Что как не любовь к "нему" творит чудеса и раскрывает душу к Богу, к миру, а ты называешь ее утопией и ограничиваешь. Мне все чудится твой трогательный драгоценный образ и умиляет мое сердце. И несмотря на многие недовольства и несогласия я хочу быть тебе другом, хочу тебя любить без конца, дарить тебе всю любовь и нежность моей любви беззаветно. Будь спокоен и ясен, мой ангел, Христос с тобой, молю Его, чтобы Он дал тебе сил и бодрости и чтобы не иссякал источник жизни и творчества в твоей дорогой душе. Ах, сколько красоты, сколько музыки и бесконечно чудесного в мире, и как сияет в нем твой солнечный, волшебный образ! Смотри, не забывай меня! Я не хочу, чтобы ты любил кого-нибудь кроме меня, но с другой стороны именно оттого и любил бы всех, это глубоко так! Чем горячее отдашь, потеряешь свою душу для одного, тем глубже и горячее полюбишь мир! Ангел милый, светлый, прекрасный, целую тебя без конца, мое счастье, моя жизнь, моя радость, будь здоров, работай неустанно, помни обо мне!

Твоя Гармося. Пиши обо всем больше.

385. В.Ф.Эрн – А.В.Евчанинову[1183] <26.06.1912. Кастиль Гандольфо – Старый Менглис>

Дорогой Саша!

Ты до такой степени исчез у нас из виду, что становится даже грустно! Где ты? Что с тобой? Чем занимаешься? Помнится летом в прошлом году я послал тебе письмо, на которое ответа не пришло. На мои вопросы о тебе Аскольдовы и Надя пишут, что им тоже ничего не известно. Пожалуйста, отзовись! Вспомни о своих друзьях, которые часто поминают тебя в своем итальянском уединении, и напиши о себе подробно. Мы вот уже два месяца живем на берегу Альбанского озера в часе езды от Рима. Насчет здоровья у всех не очень важно, но вообще говоря, процветаем. Я усиленно работаю над книгой, Люсьенка[1184] усиленно растёт, Женя усиленно занимается хозяйством и итальянским. Теперь уже читает Ла Дивина цоммедиа. Шлем тебе привет задушевный и желаем всех благ. Привет твоим.

Твой В. Эрн.

Наш адрес: Рома, Цастел Гандолфо, виллино Монацо.

386. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1185] <5.07.1912. Бегичево – Михайловское>

Дорогая, милая и бесценная Гармося,

Ужасно огорчило меня и поразило неполучение тобою письма. <...>

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
У нас по-прежнему очень нервно и грустно: очень огорчает состояние Сережи, Верочка же лучше. И я чувствую, что энервировался, стал совершенно без нужды раздражителен! Ну, да что об этом писать, наверное ты уже получила пространное тому объяснение в том, надеюсь, только запоздавшем письме. Из сегодняшнего № «Русских ведомостей» вижу, что моя статья напечатана в «Речи». Когда получу оттуда оттиски, вышлю.

В Калуге испытал весьма грустные впечатления. Во всем ежеминутные напоминания о том, что у нас все к чорту. – Легкомысленное равнодушие народа, находящегося на краю гибели, к собственной участи! Выбирали от земства члена Государственного Совета. Мой кандидат Осоргин, дельный, знающий и чудный человек, разумеется, провалился, и выбрали полное ничтожество Булычева, который будет без речей проваливать все начинания Думы. Ужаснее всего то, что почти таким же большинством (на два шара меньше) был выбран его антипод – левый октябрист Коншин[1186]. Это доказывает, что у собрания – никакого направления и никакой заботы о России. Вся суть только в угождении личностям, особенно, власти имущим. 26-го я буду вдвоем с Сашей[1187] в Москве. На какой квартире ты будешь?

С.Щербатов застрял с больной женой в доме князевых.

Родная моя, любимая, и я тоже стосковался по тебе. Дай Бог, чтобы с Леночкой все обошлось благополучно, и несказанно рад, что повлиял на Мику. Несказанно рад, если вообще в чем-нибудь могу тебе помочь и сделать доброе! крепко-крепко и бесконечно нежно тебя целую. надеюсь, до скорого свидания, моя обожаемая, бесценная и дорогая.

387. С.Н.Булгаков – М.К.Морозовой[1188] <6.07.1912. Кореиз – Михайловское>

Кореиз, 6 июля 1912 г.

Дорогая Маргарита Кирилловна!

Летнее затишье, слава Богу, захватило и нас, я по крайней мере, вполне наслаждаюсь этим затишьем, благодаря которому, в соединении с прекрасной, т.е. прохладной погодой и крымским воздухом, я чувствую себя совершенно оправившимся телом и отдохнувшим душою.

К этому присоединяется и отсутствие интенсивной работы, т<ак> ч<то>, хотя и не бездельничаю, но ничго не пишу, а только подчитываю и почитываю. Для меня с несомненностью выяснилось уже теперь, что для статьи в философский сборник я за лето не напишу ни строки, – вселето, половина которого уже прошла, уйдет на подготовительную работу, а затем начнется "сезон", и до рождественских каникул писать тоже будет трудно. И это затрудняет для меня психологически поторапливание других, которые спрашивают о сроке (очень сомневаюсь я и в том, что Евг<ений> Н<иколаевич> напишет свою статью). Отсюда следует, что раньше 2-го полугодия философского сборника нам не изготовить, а стоит ли выпускать во втором полугодии? Над этим надо подумать. Этот сборник серьезнее, труднее и ответственнее предыдущих, и уже поэтому одному торопиться с ним не приходится, хотя для издательства это и неблагоприятно. Однако я предпочитаю теперь же отдавать себе отчет в положении дела. В самом благоприятном случае я смогу написать статью только осенью. – С.А.Цветков "Русские ночи" приготовил, но работа для него оказалась тягостнее, чем можно было думать (не позволили приводить переписчицы, не мог достать экз<емпляра> "Русских ночей" и под<обное>) Этот опыт наводит его на печальные размышления относительно возможности дальнейшей работы при условии существования его, и потому он предполагает искать заработка, чтобы литературе отдавать лишь досуги. Об этом мы будем говорить еще осенью, но хорошо было бы, если бы удалось оказать ему помощь в отыскании хорошего урока, который бы оставлял побольше досуга.

План брошюр переворачиваю в голове, но пока малоуспешно: нет людей! Как в пустыне! Однако кое-что все-таки наметил и буду еще намечать, главным образом из оригинальных, о переводах не думал, ибо здесь важно выработать общий план. Пишет ли Андрей Белый[1189]? О Н<иколае> А<лександровиче> нет известий*. <сноска С.Б.>: Только что получил от него письмо, – у него умерла мать.

Какую несимпатичную статью о Когене написал Яковенко[1190], он действительно для нас невозможен.Что происходит в "Мусагете"?

Передала ли Вам С<усанна> М<ихайловна> мою просьбу одолжить рукопись Шмидт[1191] по прочтении Вами для о. Флоренского? Пожалуйста, если можно.

Я думал и думаю и о судьбе этих рукописей, мы будем об этом еще говорить. Когда Вы будете в Москве и когда Гр<игорий> Ал<ексеевич>? Здоров ли он? Желая Вам отдыха на лето и восстановления сил для работы будущего года. Крепко жму Вашу руку.

Ваш С. Булгаков.

Получил письмо от Эрна, он благодушен.

388. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1192] <6.07.1912. Кореиз – Симбирск>

6 июля 1912 г. Кореиз

Дорогой Александр Сергеевич!

Вот и опять долго не писал Вам. На этот раз это происходило не от недосуга, а от каникулярной лени. Лето у меня проходит пока, слава Богу, благоприятно для отдыха и силы мои восстанавливаются, – Вы знаете мою живучесть.

В истории Николая Александровича сплелись в одно и случайные причины: обиды личные, моя требовательность в делах при его либеральности с глубоким иррациональным кризисом его души, потребностью бунта во имя индивидуальности, рыцарской его смелости и безудержности и рокового его дилетантизма, который решительно застилает ему глаза. Пафос его – "творчество", которого, как Вы сами знаете, у него нет в настоящем смысле, но в то же время он способен пройти этот путь до конца, как будто бы был настоящим творцом. Думаю о нем с тревогой и болью, но увы! – каждый из нас в своем неисправим и влеком фатумом своей судьбы. Я говорил о похоронном настроении с "путейской" точки зрения (Там ведь я один в рабочем смысле остаюсь!), но не о душе Николая Александровича, который может погибнуть, но не умереть. Помогите ему, Господи!

Очень бы я настаивал, чтобы Вы стряхнули свою нерешительность и стали писать о Достоевском. Хотя я и "пугал" Вас в письме, но ведь Вы знаете, что я вообще стараюсь преувеличено быть строгим, знаете и то, что в конце концов, можно преодолеть наши условия, и даже без существенных жертв. Главное, мне хотелось бы, чтобы Вы почувствовали, что нам очень хочется Вас и Вашей монографии. Еще мысль (это пишу пока от себя лично). Думаем издавать серию брошюр, 1–2 листа по 40000 букв, по возможности на бойкие и общеинтересные темы, хотя и в круге наших тем. Не приходит ли Вам в голову подобная тема, на которую Вы могли бы написать брошюру? И вообще, м<ожет> б<ыть> выскажете свои соображения о такой серии.

Я по обычаю сижу за учеными и толстыми книгами, но сам нисколько от них не становлюсь духовнее. Такова уж моя планида!

Михаил Александрович треплется все в Москве между телефоном и приемной. О. Павел – хорош, даже прекрасен, но тяжело и трудно ему, и он спасается от горькой действительности (конечно, я не касаюсь литургисания, а имею в виду человеческую сторону) в различные умственные интересы, которых у него так много.

Как хотелось бы повидаться с Вами, неужели вы так и не приедете в Москву? Привет Вашим от меня и Елены Ивановны. Целую Вас. Да хранит Господь Вас и семью Вашу.

Лето Вы проводите в пыльном Симбирске! Неужели безвыездно?

Любящий вас С. Булгаков

Получил письмо от Николая Александровича. У него умерла мать[1193], заметно, эта смерть имела для него просветляющее значение.

389. А.В.Ельчанинов – В.Ф.Эрну[1194] <9.07.1912. Старый Манглис – Кагель Гандольфо>

Дорогой Володя! Ты, разумеется, не думаешь, что я забыл о вас, если не

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. пишу. Писать я разлеился, а о тебе и Жене часто вспоминаю со своими (мы живем сейчас все вместе на Манглисе; только Борис вТифлисе в качестве солдата). Не писал я еще оттого, что не знал твоего адреса; от Нади его узнать не мог, т<ак> к<ак> Надин адрес я потерял. Итак, я живу в Манглисе, Старом; утром работаю – готовлюсь к урокам, а после обеда или хожу куда-нибудь, или – футбол. Физическое мое состояние очень хорошее, а про духовное – говорить противно. Кроме учебников, читаю и выписываю много книг, более ценных, приобрел почти всех русских классиков, поэтов, Ницше в новом издании и т.д. Знакомых новых, а тем более друзей у меня нет. С Павлом переписываюсь, но не очень часто. Алексеевым[1195] и Наде я тоже пишу лениво – нет смысла писать часто через эти ужасные пространства: это значит – всю свою душу повернуть в ту сторону, а она мне нужна здесь.

Этот год я провел преподавателем в гимназии Левандовского[1196]; будущий год – то же самое.

Я еще не женат (пишу это специально для Евг<ении> Давыдовны), хотя это очень огорчает маму.

Женя вполне здорова, толста и краснощека, хотя и без одного легкого. Когда она приехала из Абастумана в Тифлис (через 2 месяца после смерти мужа), она часто стала простужаться: в Манглисе сразу очень окрепла. Колины дети очень милые, слава Богу, здоровы. Маруся по-прежнему великолепна и трогательна, даже больше прежнего. Коля толстеет и жадно читает книги по теософии.

Пока все. очень хотел бы видеть тебя и Евг<ению> Давыдовну. Сообщи, не переменишь ли ты своего намерения жить после командировки в Тифлисе.

Адрес мой: Манглис (Старый), Тифл. губ., дача Запоросова.

Привет Евгении Давыдовне.

VII. 9.

Все мои кланяются вам.

390. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[1197] <20.07.1912. Кореиз – Кагель Гандольфо>

20 июля 1912., Кореиз

Дорогой Владимир Францевич!

Поглядел я на дату вашего письма и – ахнул, почти месяц я Вам не отвечал. И на этот раз кроме летнего фарниенте не было причин для молчания (да, пожалуй, отсутствие острых сюжетов). Слава Богу, я отдыхаю это лето. Благоприятствует погода, затишье, отсутствие впечатлений. Силы мои восстановились, насколько можно, и я, надеюсь, опять годен к употреблению. Живу с природой и семьей, хорошо живу. Занятия малопродуктивные: начал готовиться к своей статье – философия и религия (так сказать и с позволения сказать, "гносеология" религии, которая сводится, натурально, к отрицанию оной гносеологии) и влез так, что в течение лета так и не вылезу. Отсюда следует, что сам я готов со статьей к сентябрю не буду, да и никто, очевидно, не будет. Этот сборник и труднее и ответственнее, чем оба предыдущие. Едва ли нам его надо изо всех сил ускорять, да это и невозможно, я вижу по себе, я времени, Вы знаете, даром не теряю, да и то бессилён. Очевидно, ранее весны 1913 года сборник не может выйти. Но надо ли его тогда выпустить, и не отложить ли до осени, для меня еще не ясно.

Я написал в этом духе Маргарите Кирилловне. Поэтому другим сотрудникам я сейчас отвечаю в том смысле, что статьи надо представлять осенью, да и печатать можно по мере представления, но когда готов будет сборник, сейчас и отдаленно сказать нельзя. Соображайте на основании этих данных сами, как вам удобно расположить свое время для писания статьи. Я рад за Вас, что работа Ваша продолжится. Вас, действительно, по возвращении в Россию ждет необходимость "устраиваться" с расстройством здоровья и финансов. Впрочем, "довлеет дневи злоба его"[1198], – в свое время будем ею злобствовать.

Не знаю, как с осени пойдут дела в "Пути", трудно, конечно, при безлюдии, но, я думаю, что все-таки дело не станет, а от времени будет крепнуть и развиваться. Но плохо будет с Религиозно-философским обществом: в прошлом

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. году можно было жить надеждами, а теперь и этого нет. Общества нет – это факт. Конечно, можно и надо устраивать спорадически заседания, когда есть темы, но душу влагать в это дело мне становится все труднее, и тем более, что я открываю с осени в Университете Шанявского семинарий по философии религии, и туда должен буду вложить всю концентрацию своей духовной энергии, которая получит возможность прилагаться в планомерном и систематическом труде с определенным кругом лиц. Этот семинарий будет во мне несомненным подрывом для Религиозно-философского общества, ибо, в сущности, и будет именно обществом. Я очень хорошо сознаю, что допускать до замирания или разрушения РФО я не имею права, но в то же время, насколько я надеюсь на семинарий, настолько же не надеюсь на общество, которое будет, самое большое, влачить существование. Таковы мои летние думы относительно РФО.

Думаю также и об изданиях "Пути", между прочим, и о брошюрах. Надо русских брошюр несколько выпустить, и по возможности, на острые темы. Как жаль, что еще долго не будет у нас возможности личной беседы. Из новых и ценных сотрудников "Пути" назову С.А. Цветкова[1199], которого я очень люблю и ценю (я не помню встречались ли Вы с ним). Он очень полезен для издательства, – его амплуа – литературные раскопки. Он у нас заведует изданием "Русских ночей" Одоевского.

От Николая Александровича имел недавно закрытку, – умерла его мать, и мы все хотим печатать его книгу. Дай Бог ему не запутаться! Я, перечитывая религиозно-философские вещи Канта, убеждаюсь, что Соловьев вместо Толстого в качестве материала для Антихриста (который, конечно, будет стрелять категорическим императивом) мог бы взять атеистического кенигсбергца! Много поучительного и интересного нахожу в знакомстве со старо-немецкой мистикой XIV века, от Экхарта.

Мы сходимся с отцом Павлом Александровичем, что гносеологическая природа мистики разных сортов и устремлений есть один из самых жгучих вопросов современной мысли.

Ну прощайте. Да хранит Вас и семью Вашу Господь!

Привет от нас Евгении Давыдовне.

Целую Вас. Любящий Вас С. Булгаков

391. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1200] <26.07.1912. Бегичево – Михайловское>

Милая и дорогая Гармося,

Ты пишешь: «из твоих писем ничего нельзя уловить», и тебе кажется, что я и не чувствую ничего. Прежде, по-твоему, я сильнее и больше чувствовал. Не сильнее, а иначе. Так же, как и ты и даже гораздо больше, – я в тисках. Слушай, дорогая, тебе хочется найти в моих письмах сильное и горячее чувство. Тебе кажется, что его там нет, и оттого ты кипишь, волнуешься, сердисься, негодуешь, хоть и стараешься себя сдерживать.

Милая моя, – войди на минуту в мою душу и пойми, как в ней все самые тебе дорогие чувства пришиблены и сдавлены. Вот вчера я видел необыкновенно яркий сон, который лучше всяких слов это изображает.

Вижу я себя в Москве, стремлюсь к тебе обычной дорогой, – не шагом, а бегом. Вот уже Поварская, вот и Арбатская площадь. Сердце радостно бьется, потому что я чувствую, что там на Знаменке ты живешь и уже спряталась за дверь, чтобы вдруг оттуда броситься на меня. А там восторги, поток чувств, поток слов, слезы радости. И уже сердце начинает болеть, я чувствую спазму оттого, что неудержимо бегу вперед. И вдруг, что-то болезненно мучительное прожигает меня насквозь. Я слышу за собой грохот извозчика на мостовой и всеми фибрами души чувствую, что это она. Не вижу ее, но ощущаю этот большой, измученный, лихорадочный взгляд опавших глаз. Что это такое? Никогда ведь она за мной не следила, давно не спрашивает, куда я иду. Как она тут? И вспоминаю, что именно в этот час ей нужно на Волхонку, о чем она мне говорила. Я успеваю шмыгнуть во двор на Знаменке, рядом с тобой, прячусь за какой-то камень; но чувствую, что ничто меня не скроет: каким-то вторым зрением она меня видит сквозь камень. И каким бесконечно грустным взглядом она смотрит, без слов, без упрека.

Дорогой друг, право, этот сон – вся моя теперешняя внутренняя жизнь. Душа рвется к тебе, бежит, – до боли в сердце: а вот, что я не еду к тебе, – это прятанье за камни. А взгляд этот больной и исстрадавшийся постоянно передо мной! Понимаешь, душа моя, как всякое чувство, зарождаюсь, этим сдавливается. Сколько упреков я себе делал за зло, причиненное ей; и как слово любви и ласки к тебе, только что зародившееся, после не сходит с уст.

Помнишь, какое было твое первое впечатление ее болезни и что ты мне писала тогда. Любила ли ты меня меньше в ту минуту? Нет, не меньше, а ведь писала, что и видется нам не нужно, и о любви не должно быть речи, только бы ее спасти! Вот и пойми, что бывают положения в жизни, когда слово любви не идет с уст, и это не оттого, что не любишь, а может быть даже оттого, что любишь больше. Это бывает тогда, когда чувствуешь, что любовь твоя убивает третью, дорогую и ни в чем не повинную жизнь. Господи, за что же я сделал ей такое зло; за то такое непрекращающееся жгучее мученье!

Вот уже более двух месяцев прошло со дня ее первого заболевания. А как она еще слаба и больна! Слава Богу, температура уступает лечению и страх туберкулеза как будто меньше. Теперь обнаруживается яснее главный виновник зла, – это сердце: запыханно – болезненный быстрый пульс, который сдерживается только полной неподвижностью. Разве это жизнь, когда нельзя ни ходить, ни ездить, а большую часть дня приходится полулежать на кушетке. А главное – с таким сердцем малейшая причина может вызвать рецидив. Потеряв терпенье, я наконец телеграфировал Шварцу. Но он за границей, и никого, внушающего доверье нет. Ехать же куда-нибудь до августа я безусловно не согласен: Теперь нужен полный покой.

Ну вот, моя дорогая, уловила ты меня и почувствовала? Слушай, стосковался я по тебе, но теперь уже не так много осталось до свиданья нашего. Мне может оказаться удобнее начать с Михайловского. Но 17-го твои именины. Однако же, не весь день у тебя гости и не ночуют! Что, если бы я приехал 17-го с ночным в 24. 43м. (кажется, таков час прихода на разъезд № 15) и на другой день с тем же поездом – в Москву? Возможно ли это? Я пока еще не останавливаюсь на этой комбинации; мне только нужно знать, возможна ли она? Но во всяком случае мне надо быть в Москве 19го утром. Сообщи, как здоровье Мики. Очень рад, что он и Маруся согревают тебя своей лаской и служат тебе настоящими друзьями. Ему кланяйся, а ее расцелуй от меня. Крепко, крепко тебя целую.

На днях написал в «Русские Ведомости» статью к выборам в Думу («Нечто об умеренности») по просьбе (очень настоятельной) В.Н. Львова[1201]. Сейчас получена статья – напечатана в воскресном № «Русских Ведомостей». Вот и «Речь» испугалась и задержала очень резкую статью о Кассо! Состоялся ли переезд на Новинский б<ульвар>?

* Сейчас получена статья – напечатана в воскресном № «Русских ведомостей»[1202].

392. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1203] <30.07.1912. Бегичево – Михайловское>

Милая Гармося,

Я в полном недоумении. В Среду я отправил тебе обещанное письмо, недоумевал о твоём молчании, как вдруг сегодня (очень быстро) приходит твое письмо, написанное вчера с известием, что в Воскресенье ты моего письма еще не получила. До сих пор почта иногда запаздывала, теперь же – первый случай пропажи письма. Решительно не понимаю, что это значит, а потому письмо отнесу сам.

Родная моя, жалко мне того письма, оно было ласковое. И сообщил я тебе там известие, что буду на помолвке племянника Владимира Т<рубецкого> в Москве 26го[1204]. Со мной туда, по-видимому, поедет сын Саша. Поедет ли еще кто-нибудь, не знаю, не думаю. Родная моя, милая, дорогая и ласковая, – ты видела, что я тебя обожаю. Хорошо с тобой; но как бывает грустно и тяжело возвращение домой. Больно, моя дорогая, быть таким мучителем, причинять такую боль. Что же касается здоровья, то теперь – острая забота – Сережа. Так слаб, что от партии в крокет утомляется вдребезги. Вот кому может понадобиться за граница! Исхудал до последней степени. Разумеется, это действует плохо и на нее! Разумеется, настроение удрученное.

Я сюда донес мой воинствующий пыл против Кассо и облегчил душу, написал и отправил в "Речь": они прислали корректуру прежней статьи, обещая напечатать, но не теперь, а позже, когда пройдет "мертвый сезон". Я, напротив, настаиваю, чтобы они печатали теперь же, пока не съехались студенты, чтобы беспорядки, которые возникнут, не были отнесены на мой счет, да и не желаю я волновать студентов. А статья вышла очень крепкая, да и назначенным профессорам там досталось как нельзя крепче.

Работа моя пока стоит: читаю Федорова. Этот яркий мыслитель во многом утопист, и тебе понравился бы, хотя в слишком большом количестве он надоедает, тем более, что пишет скверно.

Рожь убираем и молотим. Но все это пустяки. А вот, что не пустяки, что я тебя обожаю! Ты моя милая, хорошая, радужная, дорогая, светик и сонышко, и мучительница! Ах, дорогая, трудно жить на свете! Вот что еще – береги ты своего Мику: уж очень он желт и бледен. Мягко воздерживай от шахматного переутомления. Скажи ему от меня, что так нельзя. А Маруську крепко расцелуй. Крепко, крепко, крепко и без конца тебя целую, много, много раз.

393. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[1205] <31.07.1912. Кореиз – Кагель Гандольфо>

Кореиз

Дорогой Владимир Францевич!

Немедленно отвечаю на Вашу открытку. Я ответил Вам (хотя и с опозданием) на Ваше письмо, надеюсь, что Вы письмо все-таки теперь получили (хотя оно и не заказное). Огорчаюсь Вашим недугом, даст Бог, Вы скоро поправитесь, но это служит подтверждением, что в Москве Вам жить постоянно нельзя, и придется Вам с этим примириться (кажется, Вы и примирились). Пожалуйста, долечитесь до конца, ангины бывают скверные, именно в смысле осложнений. Я совершенно здоров и благополучен, только начинаю с унынием помышлять о близости Москвы и начале сезона.

Реального срока представления статьи я Вам обозначить не могу (напишу из Москвы), но ясно, что до Рождества сборник не выйдет, прежде всего, я сам не буду готов, потому что уеду отсюда с пустыми руками, только с начатой в голове статьей (о философии и религии, – род критических пролегомен к "догматическому богословию"), хотя и работаю добросовестно.

Да хранит Вас Господь! Привет Евг. Давыдовне от нас обоих.

Любящий Вас С.Б.

394. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[1206] <12.08.1912. Кореиз – Кагель Гандольфо>

12 августа 1912 г.

Дорогой Владимир Францевич!

Очень огорчает меня ваше нездоровье. Вы правы: мы, как коллектив, терпим удар за ударом, а гессенята процветают. Какой ущерб для Вас и для нашего дела, что Вас нет в Москве. Я так теперь смотрю: я сам должен делать все, что могу, лишь бы Бог дал сил, а ни на какие осязательные для себя результаты не рассчитываю, – так уж не разочаруешься. В этом отношении гордая внешними замыслами юность миновала. Впрочем, мне этих замыслов, основанных на иллюзиях, или вернее, на ложных перспективах, и не жалко, тем более, что душа как-то все юнее становится с годами...

Разве я не писал Вам своевременно (а у меня уж перепуталось, кому и что я писал), что выяснилось из разговоров между собой (особенно с Евгением Николаевичем) и из переписки с сотрудниками, что выдержать полемический характер сборника нам не удается, да и не следует за него держаться, и потому следует предоставить сотрудникам большую свободу выбора тем. При этом ясно, что при общности религиозной веры нашей в области философского умозрения у нас, естественно, могут быть (и есть) разные оттенки, даже просто, разные концепции, которые каждый может развивать лишь от своего имени. При полемическом же характере сборника вся сила была бы в единстве

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. удара, иначе нас уловят в философском разброде наши противники. Потому, естественно, предмет сборника определился, не о современных мерзавцах в философии, но в основных проблемах религиозно-философского мировоззрения, при чем мерзавцы будут только для затравки или поводом. Я в конце концов и по существу склоняюсь к тому выводу, что на детальную полемику у нас не хватит сил, времени, возможности, ведь ихняя машина работает всеми шестернями, и ходить со шваброй и смывать, что каждый из них навалывает, мы, все равно, не можем. И то доброе, что есть у них, тоже легче принять в положительном изложении. Конечно, основные течения отразятся силою вещей в сборнике. Повторяю, это не была личная моя перемена плана, а учет обстоятельств, итог всей переписки и разговоров. Лично же за себя скажу, что сейчас я даже из "послушания" был бы неспособен писать отдельно и специально о каком-либо из мерзавцев, и так отвращается душа моя от этой мертвечины, как бы ни был силен ее трупный яд. Потому я взял для себя эту проблему, очередную в моем собственном философическом развитии. Но на беду чувствую, что не могу с нею справиться к сроку, – не такая это тема, и не могу уже от нее освободиться, пока не созреет. По выяснении положения сборника в Москве решу, как быть далее: может быть, с болью и скрепя сердце, вырежу кусок из целого и сварганю для сборника этюд или об отдельном представителе религиозной философии (конечно, не из мерзавцев, а из философов настоящих), или об отдельной стороне проблемы. Если бы я был свободен от необходимости дать статью в сборник, вообще непременно писать (тяжела ты, шапка Мономаха!), то я, конечно, ждал бы естественного созревания. Вы это понимаете.

Итак, в сборнике напечатаются статьи:

Трубецкого – "Метафизические основы трансцендентализма"[1207], – о трансцендентальном методе; очевидно, он хочет определить свою позицию к неокантианству.

1) я – "Проблема философии религии".

2) Павел Флоренский – "коген"[1208] (еще не брался, он кончает выросший и все вырастающий "Столп").

3) Аскольдов – свое введение в метафизику, кажется, приурочивает к критике Риккерта, но первоначально отказывается от этого сужения.

4) Эрн – ?

5) О Бергсоне хотел писать Николай Александрович, но отказался вообще писать, не желая отвлекаться от книжки, потому Бергсон свободен, и если захотите его взять, то спишитесь с Н<иколаем> А<лександровичем>.

6) Лопатин? – о каком-нибудь (эмпириокритике или имманенте) авторе из неокантианцев, но он вообще сомнителен.

7) Карпов – натурфилософские темы? <нрзб> (это моя инициатива пригласить его)[1209].

8) Зеньковский – о Гартмане[1210].

Возможно, что набегит еще одна-две статьи.

Вот и определяйте свою личную тему. Мне представляется, что ввиду того, что Вы свое философское кредо разовьете в своей книге, Вам можно было бы написать здесь об авторе. Для меня лично интереснее итальянцы, потому что их я не знаю, а Бергсона знаю. Вы скажете, что сборник не выдержан по плану, – знаю сам, но по одежке надо протягивать ножки, и поверьте, что много я и все мы думали над этим планом, иного выхода нет, да и теперешний сборник может быть интересен. Следующий наш сборник, я думаю, должен быть посвящен мистике и мистикам (в том числе теософии). Это для нас прямая обязанность и завлекательнейшая задача. Последнее время я много об этом думаю. И, кажется мне, к этому замыслу можно близко привлечь о. Павла Александровича, судя по нашей переписке с ним.

Я читаю это лето Эригену (в немецком переводе) и невольно думаю о том, как важно, чтобы этот мыслитель был поскорее дан русской публике. И потому решил предложить "Пути" поставить это на первую очередь*.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. <сноска С.Булгакова>: В сущности, это много нужнее немецких идеалистов, например, Фихте, предложенного князем.

13 августа.

Вы спрашиваете: приеду ли я на Рождество? Разве можно так далеко загадывать? По крайней мере, искушенный судьбой, я не могу. Скажу лишь, что мне страстно хочется в Италию (а еще более, пожалуй, в Грецию, куда я мечтал попасть летом через Константинополь, но это невозможно из-за политических и иных осложнений)[1211]. Однако, если пригонять выпуск сборника, ко 2-му полугодью, то, по всей вероятности, я буду должен на Рождество написать именно статью для него, потому что ранее мне писать некогда. Вообще очень я себя обременил тем, что приеду с пустыми руками, но ведь нельзя же только писать, не мешая и подумать и почитать. Поэтому вопрос об Италии стоит открытым.

А Вам следует ехать туда, куда посылает доктор, ибо более всего надо беречься простуд. Поправляйтесь же!

Да хранит Вас Матерь Божия, Успение Коей ныне (15 авг.) празднуем. Привет Евгении Давыдовне от нас.

Целую Вас.

Любящий Вас С.Б.

Перевод Эригены (а также позднее Дионисия и Максима Исповедника) можно было бы предложить профессору Бриллиантову как серьезному специалисту по нему[1212]. Но может быть, Вы захотите поработать над этим автором? Латынь Вы знаете и Эригене сочувствуете, наверное, не меньше, чем я (а это немало!). Напишите свое мнение к сентябрю, чтобы можно было это включить в план.

395. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1213] <19.08.1912.Кореиз – Симбирск>

19 августа 1912 г.

Дорогой Александр Сергеевич!

Обнимаю Вас за Ваши вести из Сарова и Дивеева, принесшие и мне аромат святости, и очень радуюсь за Вас, что привел Бог побывать там. Спасибо, что не поленились и порассказать об этом. Эти впечатления навсегда будут светить в душе, а ведь про многое ли иное можно сказать это... После такой благодати даже обидно переходить к "делам", однако нужно.

Все, что Вы пишете относительно трудностей вогнать книгу в указанный объем мне понятно и верно, но только условно. Думаю, что в математическом пределе литературного усовершенствования предлагаемый "путем" характер, если принять во внимание именно общеизвестность Достоевского, и предполагать у читателя такой книги многое известным, и не ставить себе задачей тут же знакомить с произведениями, наш размер, говорю, не мал. Я понимаю, как трудно и болезненно класть себя под литературный пресс и считаюсь с тем, что осуществить этот заказ в точности может оказаться и невозможным* <примечание С.Б.>: Между прочим Вы совсем по-Бердяевски огрызнулись на меня за "беспланность", так, что я даже рассмеялся, как это мне от столь разных людей одинаково попадает. Однако оставаясь самим собой, я тоже "с сердцем скажу": не имеет ни один человек права приписывать себе беспланности, и говорить, что "горбатого могила исправит". Напротив, надо считать, что непоправимых горбов не должно существовать, и не один человек не может отказаться от этого. Но это прибавляю ради остроты, а не ради спора, – мы слишком хорошо понимаем друг друга, чтобы спорить.

Вы ошибаетесь, думая, что в переговорах по поводу Вашей большой книги и размер не играл роли, – напротив, обилие необходимых цитат, увеличившее книгу, было в числе мотивов ее отклонения; а во-вторых, дело в том, что мне удастся обеспечить Вам в издательстве заказ с гонораром и авансом лишь на такой размер. Возможно, говоря теоретически, что книга Ваша, как она напишется, то есть не по "типу серии", и принята будет издательством, но это будет совершенно самостоятельная комбинация, иная нежели предлагаемая теперь. Конечно, дело бы стояло проще, если бы не стоял здесь еще и гонорарный вопрос (ведь книги, если не считать Эрнста и Бердяева, издаются у

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. нас без авансирования гонорара, кроме религиозных мыслителей и сборников).

Я Ваше письмо покажу Григорию Алексеевичу, и мы с ним еще раз обсудим вопрос. Но все-таки продолжайте начатую работу и, когда у Вас уже выяснится та или иная комбинация, тогда и напишите о ней. Не оставляйте работу ни в коем случае.

Относительно журнала скажу коротко: некому работать, сам же кроме того, я очень холодно отношусь к мысли о журнале.

Мне кажется, что самое ценное в нем может быть издано брошюрками. Как было бы хорошо, если бы Вы выбрались в Москву, поговорили бы обо всем, между прочим, и об этом. Мне не совсем ясна та форма, в которую Вы хотели бы облечь Дивеевские впечатления для брошюры. Если у Вас созреет, не забудьте написать.

За мысль о вечере с чтением стихотворений Соловьева и за предложение чтицы – спасибо; мне эта мысль симпатична прежде всего потому, что я сам рассчитываю получить много удовольствия от этого чтения. Однако оставляю это до Москвы. Нужно бы справиться с уставом РФО, позволяет ли он такие вечера. Может быть, возможно было бы развить и шире и устроить ряд вечеров: Тютчев, Фет, Достоевский, быть может, современные религиозные поэты. Но общее-то положение Общества окончательно плачевно, так что и я начинаю думать, что его вести уже почти некому, особенно если я сам перенесу свою энергию в другое место (в семинарий по философии религии, открываемый в Университете Шанявского).

Я прожил лето с большой пользой в смысле отдыха, но ничего не написал, хотя и занимался все время. Дети в общем здоровы, вообще живем благополучно. От аввы давно не имел вестей. Усердно кланяюсь О<льге> Ф<едороне>, Неля кланяется вам обоим! Да хранит Вас Христос!

Крепко целую Вас. Любящий Вас С.Б.

396. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову[1214] <30.08.1912. Кастель Гандольфо – Старый Менглис>

30 августа 1912

Дорогой Саша! Не ответил тебе сразу, потому что одолели меня Розмини и Джоберти, о которых пишу статью для нашего сборника[1215]. Хочется скорее кончить ее, чтобы вернуться к работе над книгой <...> Ты спрашиваешь, что будет с нами после 18/31 октября: переедем в Рим и, если ничего экстраординарного не случится, проведем в нем всю зиму вплоть до начала весны. а затем, медленно двигаясь через различные города Италии, лежащие нам по пути, к апрелю думаем добраться до России. Я сначала съезжу в Москву по делам издательства, и так к первым числам мая буду в Тифлисе. А может быть, "на различные города" денег не хватит, ибо командировка моя кончается 1-го января, и будет ли продлена еще на три месяца, как я просил, у меня надеяться очень мало оснований, особенно при той враждебности, с которой встретил Лопатин первую часть моей работы[1216]. В Риме есть русская читальня, в которую изредка захожу, очень, очень изредка покупаем "Речь" или "Русское Слово" – вот и все мои "внешние" сведения о России. Что же касается "внутренних" – то в курсе издательских дел меня держит Булгаков и затем имею хоть редкие, но веские письма своих друзей; кроме того весной в Риме были Бердяевы и Е.К. Герцык. Живем мы очень уединенно и это во многих смыслах полезно и хорошо. Для "духа" это несомненно здорово, но "душе" иногда очень хочется людей, близких и дорогих. Так что отъезд из Италии, который уже не за горами, родит одновременно чувства жути и радости. До боли жалко оставлять Италию, которой мы все еще не насытились, и оценить которую можно только долгими годами жизни и изучения, – и в то же время радостно думать о сладком "дыме отечества" и нашем возврате на родину. Меня окрестили "славянофилом". Может быть я и стану им к концу жизни. Знаю только, что почти двухлетнее пребывание в Италии какими-то дальними и окольными путями только утвердило меня в верности родным святыням.

То, что ты пишешь о педагогике, звучит сильно и искренно. В этом много правды, той горькой правды, которой пропитано все, что не связано прямо с Церковью. Все же думаю, что это не абсолютно и, утверждаясь в сверхличном, можно и педагогом быть "добрым". Но это тема слишком громоздкая для письма.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Всего тебе лучшего! Будешь ли еще в Тифлисе? Сердечный привет от нас двоих
всем твоим. После 18/31 октября адрес мой будет: Рома, Посто ресторанте.

Любящий тебя В. Эрн

397. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[1217] <23.09.1912. Москва – Кастель
Гандольфо>

23 сентября 1912.

Москва, зубовский бульв., 15, кв. 21.

Дорогой Владимир Францевич!

Очень огорчен Вашим последним письмом и заключающимися в нем сведениями.
Спешу ответить по предварительной оценке положения, ибо Маргариту
Кирилловну еще не видал, она в деревне, и редакционное собрание "Пути" еще
не было. Однако Григорий Алексеевич по моей просьбе зондировал почву, и я
пишу вам свое мнение не официально, но частно.

Я и Григорий Алексеевич думаем, что нужный заработок для Вас устроить
можно, но не скрою, неблагоприятно то, что в данном случае речь идет о
неизвестном никому из нас, хотя Вами столь высоко ценимом, Росмини[1218].
Во-первых, включить этот перевод в серию "классиков" философии из нас,
повидимому, никто не согласится, ибо даже если он и классичен по Вашей
оценке, то канонизация есть дело цоммунис опинионис доцторум[1219] и
произвольно распоряжаться этим термином в глазах публики значит создавать
недоразумения на почве произвольного употребления вполне определенных, хотя
и условных, терминов. Но это, конечно, не имеет решающего значения, и
Росмини может быть издан (не знаю когда, но для Вас это не имеет решающего
значения), однако не скрою, что для Маргариты Кирилловны, да и для меня и
для других членов редакции, по крайней мере пока мы не знаем Росмини, был
бы предпочтительнее во истину классик, и притом нужный и Вам близкий,
именно Иоанн Скотт Эригена[1220] (а за ним, мне так кажется, могли бы
последовать, и св. Максим[1221], и Дионисий[1222]). Ведь Вы пишете, что на
вашем пути лежат они, и что Вы готовы приняться за перевод. Если Вы не
имеете каких-либо особых и веских соображений в пользу предпочтения Росмини
Эригене, то я советовал бы Вам пойти навстречу и желаниям здешних членов
редакции, чтобы таким образом выход из положения был найден наиболее
благоприятным, и даже просто приятным для обеих сторон способом. Во всяком
случае я нахожу, что Вам надо употребить все усилия, чтобы посчитаться с
настроениями здесь. Однако вся эта история безмерно грустная! О сборнике
писать сейчас некогда, но ясно одно, что он сильно затягивается и
рассчитывать на выход в этом году мало оснований. Я лично могу взять перо
лишь на святках (на которые Вы зовете меня в Рим!), да и на святках едва ли
успею написать.

21-го был мой диспут, возражали Каблуков[1223] и Котляревский[1224]. Прошел
максимально прилично, публика вела себя сочувственно, так что все в этом
смысле прошло лучше, чем можно; но, конечно, все это – академическая
комедия. И вот я – доктор политической экономии, наверно, самый странный
доктор этой почтенной науки на земном шаре.

Напишу больше, когда опомнюсь.

Да хранит Вас Матерь Божия!

Привет наш Евг. Давыдовне. Была недавно у меня Надя[1225], ищет места. Мы
благополучны.

любящий Вас С.Б.

398. П.А.Флоренский – В.Ф.Эрну[1226] <25.09.1912. Сергиев Посад –
Кастель Гандольфо>

25 сентября 1912. Ночь. день Преп. Сергия.

Приехав из М<осквы>, получил Ваше письмо. Тороплюсь ответить. Вот
приблиз<ительный> список лиц, кот<орых> я имею в виду или желаю иметь в
журнале, хотя не все они равно-желательны и равно "достоверны". Кожевников
(масса материала истор.-филос.-рел. характера), Новоселов, Булгаков,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Волжский, Вы, Ельчанинов, А. Белый? Бердяев? Клиггер (католик из Киева, профессор по фольклору и религии...). Розанов, Щербов, еп<ископ> Антоний (!) (совершенно не знаю, как он отнесется к сему), Ф.Д. Самарин (?), Д. А. Хомяков (?), Мансуров, пер ет филс, Евг. Трубецкой (?!?), П.Н. (филс) Каптерев, Н. Лузин, Ф. Андреев, А.В. Ветухов, С.А. Цветков, Г. Флоровский, Шум (готово сочинение "Генезис идеи Бога у Толстого", весьма недурно, хотя и зеленовато), Голованенко, Вяч. Иванов, С.С. Глаголев, Б.П. Добровольцев, Вл. Карпов (проф. по естествознанию), Страхов (механик из Москвы, проф.), Аскольдов (?), Г.А. Рачинский, В.М. Васнецов (?), Тернавцев. По реком<ендации> С.Н. Булгакова: Н. Андреев, С.Н. Дурылин, Жуковский, Давидайтис, кн. <нрзб> (ун йуиф еррант ен цхристианисме[1227]), Макшеева[1228], кн. Ухтомский, богослов и минералог, проф.

Не знаю, как наладится дело потом, но сперва во всяком случае пойдет поток, ибо не сегодня завтра мне надо вступить в должность (если теперь Синод утвердит[1229]), а наши друзья вне черты своей оседлости. Присылайте, что есть. Для начала необходимо печатать (особенно лиц подозрительных) нетяжеловесное и вполне переносимое, с точки зрения цензуры, – нравов, языка, яркости и т.п., одним словом такое, чтобы оно не возбуждало лишнего внимания к себе. Надо нам к себе приучить читателей, верхних и нижних, чтобы они были уверены, что мы ничего собственно не намерены выкидывать. Господь да благословит Вас и Ваших. Обнимаю Вас дружески.

Недостойный священник Павел Флоренский.

399. А.В.Ельчанинов – В.Ф.Эрну[1230]

<? 06.1912. Тифлис – Кастель Гандольфо>

Дорогой Володя! На днях в подробной карте Италии я нашел место, где ты живешь[1231]; по-видимому это недалеко от Рима, километров 15–20, у самого озера. Если тебя не затруднит, пришли мне открытки с видом этого места. А мы, по-старому, в Менглисе – кажется, в последний раз.

Чтобы ты не удивлялся и не сердился, я объясню тебе и жене[1232] вкратце, почему я мало пишу. Я бы с радостью писал, если бы у меня, в моем душевном хозяйстве, все было бы благополучно; писать о своих неустройствах я уже совсем не могу (как раньше), противно и, по-моему, грешно; а хорошего, действительно благополучного, ничего нет; очень много милого, приятного, но все это вздор и мелочь, все это какие-то третьи и двадцать пятые этажи на тонких жердочках над трясиной. Сюда же относится и моя педагогика. Так как ты спрашиваешь о ней, то я напишу.

Педагогической деятельностью я совсем недоволен; школа – один из видов искусственного и внешнего соединения людей (как канцелярия, полк, банк и т.д.). Она не допускает отношений серьезных и глубоких и не удовлетворяет всех сторон жизни души. С детьми – связь на время, любовь до известных пределов, помощь им – в самом неважном, влияние на них –10% всех влияний, под которыми они растут, прав на них никаких. Розанов называет родственными проституции деятельность адвоката и журналиста, он забыл о педагогике; это смена любвей и привязанностей (неизбежная, где учишь 200–300 детей зараз) утомляет и развращает. Душа учителя непрерывно омывается постоянно обновляющейся волной детских душ, которые непрерывно уносят с собой частицы его сердца, его мозга, вдохновения, таланта, и какими бы сильными подземными ключами ни питался, его оскудение – дело очень недалекого времени (как всякого прелюбодея). Это ответ на твой вопрос: "Доволен ли ты своей педагогической деятельностью?"

Кроме гимназии, я читаю на курсах[1233] "будто историю церкви"; читал я с января 1 раз в неделю. К удивлению, имел внешний успех, т.е. меня слушали 20–25 девиц, в то время как у остальных лекторов бывало 5–8 человек. Все-таки, несмотря на увещания Т.И., я оставляю это дело с осени. Причина одна: я не знаю "истории церкви" так, как должен ее звать профессор и лектор высшего учебного заведения[1234]. Правда, у нас на филол<огическом> отделении "настоящих" ученых человека 3–4; остальные – такие же гастролеры, как и я. К сожалению, кафедра философии занята неким Городецким из Посада, а то ты бы мог воссесть на нее. Думается мне, впрочем, что если ты придешь сюда, то курсы непременно приспособят тебя к какому-либо делу.

Напиши точно, когда ты прибудешь в Россию и в Тифлис. Ты пишешь, что у Альбанского озера вы пробудете до 15-го октября – а потом?

В нашей семье все хорошо, отношения самые дружеские, все, слава Богу, здоровы. Коля[1235] весной издал, по настоянию округа, одну книгу, вроде учебника по элементарной физике.

От Павла[1236] я имею мало сведений, от Алексеевых[1237] – тоже. Я все думал быть летом в России, но дело не выгорело из-за лагерного сбора. Вообще лето я провел бездарно – за изучением бесчисленного количества методик, хотя прочел 2–3 хороших книги. Особенно меня занял Кони ("На жизненном пути"[1238]), которого очень рекомендую вам.

Получаешь ли или читаешь журналы и газеты? Откуда получаешь сведения о русских литературных делах?

Твоего "Сковороду" я еще не читал. Куплю зимой – ты не присылай, дорого, в Тифлисе ты надпишешь мой экземпляр.

Всего светлого всем вам трем.

400. С.А.Аскольдов – В.Ф. Эрну[1239] <3.10.1912. Спб – Кастель Гандольфо>

3 октября 1912 г.

<...> Вашего Сковороду я еще не получил. Я им очень интересуюсь, равно как и Гоголем. Также интересно, как составитя сборник (я даже не знаю точно его участников). Боюсь, что моя статья окажется слишком обременительной – 5 (нормальных) листов; но меньше я никак не могу: надо было непременно со всеми подраться. Ну да это в последний раз. Вы не можете себе представить до чего мне теперь тягостно входить в критику – страшно хочется положительной разработки вопросов. Но что же делать, когда везде поставлены загородки и запреты, все извращено и искажено до неузнаваемости. И это искаженное и слывет за последнее слово истины, за нечто чуть ли не безапелляционное.

Пуще всего меня злит этот софист и юла Риккерт, хотя он самый недолговечный из них. Конечно, главная сила в Марбурге, и надо отдать им справедливость – у них хорошие головы и мастера работать. С ними придется еще долго повозиться, особенно если они сделаются откровенными метафизиками. Но ведь метафизика может быть хуже позитивизма и это именно метафизика идеализма – превыспренняя мертвечина. О сколь милее мне их Д.С. Милль[1240].

Ну, пока будьте здоровы. Любящий Вас С. Алексеев.

401. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1241] <8.10.1912. Москва – Симбирск>

Москва, Зубовский бульвар, д. 21, кв. 15.

Дорогой Александр Сергеевич!

Как Вы поживаете? давно от Вас не было вестей. Работаете ли над Достоевским, здоровы ли, и все ли благополучно у вас в семье? Мы приехали в Москву с месяц тому назад и живем, как видите, на новой квартире. Впрочем, дома новы, но жители стары. В "Пути" благополучно, но все малолюднее становится. Мы с Григорием Алексеевичем обсуждали и принципиально приняли проект вечера со стихами Соловьева, но когда бы можно было его устроить? Теперь или после святок? Не соберетесь ли Вы в Москву и нельзя ли в таком случае соединить его с Вашим приездом.

Сейчас имею писать Вам вот о чем. Помните, Вы летом мне писали, что м<ожет> б<ыть> написали бы брошюру о поездке в Саров, как это отложилось в Вашей душе? Если Вы к этой мысли не охладели, то исполните ее для "Пути". Нам удобнее всего был бы размер два листа по 40000 букв (конечно возможны отступления как в сторону превышения, так и преуменьшения).

Гонорар за брошюру 120 рублей. (Не находите ли Вы этого преуменьшенным?) Время написания определяется Вами, но конечно, чем раньше, тем лучше. Содержание, конечно, определяется Вами, я могу его только угадывать по письму Вашему. Хотелось бы вызвать к жизни целый ряд подобных брошюр о современной религиозной России. Обещана одним, очень подходящим автором, брошюра о поездке в Китеж[1242]. Жду ответа.

Авва благополучен. О. Павел светится. У него теперь своя церковь [1243], и недавно мне довелось быть у него на всенощной. Осталось очень светлое и сильное впечатление, – меня это несказанно волнует. Он теперь становится редактором "Богословского вестника" и рассчитывает на общую помощь и участие, в том числе и на Вашу. Отчасти это идет навстречу Вашей потребности в журнале?

Эрну не везет и со здоровьем, и с университетскими делами: Лопатин от него все больше отшатывается. О Николае Александровиче не имею сведений, кроме того, что он творит "философию творчества". Я привязанность к нему отделяю от этих его занятий, которые беру не всерьез.

Недавно я стал "доктором политической экономии". Только не очень радуюсь, тем более, что ведь и Вы по финансовому ведомству, а у меня ведь связь с экономической кафедрой немного больше, чем Ваша с Казенной палатой.

Ну, прощайте! Да хранит Вас Господь! Привет О<льге> Ф<едоров>не. Неля кланяется Вам обоим.

Любящий Вас С.Б.

402. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну [1244] <16.10.1912. Москва – Рим>

16 октября 1912., Москва,

зубовский бульвар, 15, кв. 26.

Дорогой Владимир Францевич!

Ваше последнее письмо взволновало меня, потому что из него я увидел, что Вы все-таки нами как бы обижены, между тем, рассуждал я совершенно объективно, иного ответа мы дать Вам не могли. Я лично безусловно Вам верю, что книга Росмини так значительна, как Вы ее оцениваете, думаю, более или менее верят и другие. Поэтому ни у кого из нас не было и нет принципиального желания отвергать книгу. Но с Вашей стороны излишне настаивать на квалификации этого издания в числе "классиков"; такие канонизации принципиально не могут быть делом кого-либо из нас, – не только Вас, но и меня, князя, Гр<игория> А<лексеви>ча. Потому в Вашем положении единственно правильным образом действия было бы, если уж Вы непременно хотели добиться включения в эту серию (хотя я, признаться сказать, и не понимаю, почему надо этого так добиваться) попросить членов издательства прочитать эту книгу в листах и затем постановить о ней то или иное решение, и вообще, отдать вопрос на общий суд. Теперь Вы, вероятно, так и сделаете, когда поставите на очередь перевод Росмини. Как читатель, я очень желал бы этого, потому что читать по-итальянски мне трудно, а познакомиться хотелось бы. Думаю, что Вы будете решать этот вопрос по существу, независимо от происшедшего шока, и очень об этом Вас прошу. Мне особенно тяжело, что это недоразумение произошло вскоре после неприятности с "Вопросами философии и психологии" [1245]. Я, конечно, очень возмущен отношением Лопатина к Вам и вижу здесь не столько интриги, сколько результат его собственной косности и мертвенности, за которую он и, что гораздо хуже, – русское общество, – будет наказано тем, что на кафедру его воссядет какой-нибудь эмпириокритицист! Очень прискорбно это видеть! Князь здесь не при чем, и мы решили на последнем собрании просить Вас прислать нам статью, чтобы познакомиться с нею и иметь возможность протестовать против образа действий редакции. Однако, как я слышал от о. Павла, Вы прислали ее ему для "Богословского вестника", и он ее берет, так нужен ли теперь этот пересмотр, который практического значения иметь не будет? Радуюсь, что у нас будет богословский журнал, во главе которого будет стоять достойный этого человек. Все-таки это дело церковное, и принципы истинно церковного дела дороже хлеба мирского!

Увы! Я должен сегодня очень огорчить Вас, и это огорчение приберегаю до конца письма. После колебаний, сомнений и совещаний мы решили вовсе отменить философский сборник, который явным образом внутренне не удаётся, между тем как представляет наибольшие трудности. Делать это дело заведомо неудовлетворительно нельзя, а сделать удовлетворительно, по нашему здесь сознанию, мы не можем. Вы не переживали с нами тех трудностей и колебаний, какие начались с того момента, как только вопрос об этом сборнике стал практически. Мы меняли программу, меняли мысленно задание и план предисловия, и все-таки нет чувства, что сборник получил то органическое

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках. Единство, которое необходимо должен иметь. К этому присоединяется ряд личных причин:

Бердяев забастовал еще весной.

Князь всецело поглощен большой работой и сейчас болезненно не хочет отрываться от нее;

Флоренский не кончил книги, не приступил к статье и занят теперь делом еще более важным[1246].

Я работал все лето, но тем дальше уходил от конца.

Я ощущаю сейчас внутреннюю потребность молчания о том, о чем только и могу написать. Конечно, я могу, воспользовавшись первым досугом, выдавить из себя статью, но разве для этого духовного закабаления себя создается сборник?

Вы переживаете сейчас, бесспорно, наиболее благоприятную пору для творческого самоуглубления, которая едва ли у Вас когда-либо повторится. Вы полны идей, сил, располагаете временем, Вы не пережили с нами всей разлагающей остроты Бердяевского кризиса, наконец, Вы имеете полный портфель, – конечно Вы настроены иначе, чем мы. Но я Вам подчеркиваю, что в этом решении нет ни уныния, ни охлаждения; это трезвый расчет, необходимый для экономии уцелевших еще сил. Мы будем продолжать свое дело, и, быть может, наступит пора, когда сборник станет не полемической только (всего холоднее я отношусь к задаче полемической), но внутренней потребностью. К этому присоединяется то обстоятельство, на которое с наибольшей энергией указывает князь Е<вгений> Н<иколаевич>, что все мы философски ушли в себя, и каждый думает свое, и это неблагоприятно для совместного философского выступления.

Все статьи, заказанные и приготовленные для сборника, решено выпустить брошюрами. Брошюры нам нужны, а статьи в брошюрном издании не проигрывают. Так будет напечатана статья Карпова о натурфилософии[1247], вероятно, в той или другой форме Аскольдова (как статья или в составе диссертации), статья Зеньковского, если напишется. И я убедительно просил бы и Вас кончить Вашу статью и прислать для отдельного издания, ибо знакомство с итальянской философией, судя по Вашим же словам, важно и нужно, и Вы подготовите статью путь к изданию перевода. Я думаю, что Вы отнесетесь к нашему решению правильно и поймете его неизбежность. Я долго колебался, конечно, прежде чем его принять, но когда принял, чувствую (лично) неимоверное облегчение, словно освободившись от какого-то самонасилия. Я лично полагаю, что мы на ближайшее время могли бы ограничиться более легкими сборниками об отдельных писателях (подобно сборникам о Соловьеве и Толстом). Я лично на первую очередь поставил бы сборник о Леонтьеве[1248] (полное собрание сочинений которого теперь выходит), затем сборник о славянофилах, Чаадаеве[1249], киреевских[1250], Вл. Одоевском[1251], – вообще авторах, о которых монографий нет, и пишет пока один Гершензон. Думаю для этого, между прочим, привлечь В.В. Розанова, а также кое-кого из молодых.

Пока кончаю. Да хранит Вас и семью Вашу Царица Небесная! Крепко обнимаю Вас. Сердечно любящий Вас

Булгаков

403. П.А.Флоренский – В.Ф.Эрну[1252] <28.10.1912. Сергиев Посад – Рим>

Дорогой Володя!

Сегодня получил "Письмо первое", о Риме, и, только что прочитав его, не могу удержаться, чтобы не написать Вам несколько слов, хотя я весьма обременен работой. И по манере, и по тону оно мне весьма понравилось, – настолько, что я тут же решил задержать печатание "Природы мысли", сданной в типографию, и печатать в ноябре это письмо[1253]. Мне важно создать известную уютную атмосферу в ноябре и в декабре, чтобы показать новый характер редакции. Вам вышлю его, как только выйдет. Вы пишете, что хорошо бы подписываться иной фамилией – псевдонимно. Уж не знаю, как именно. Но нужно ли это? Давайте сделаем так. Пришлите мне к декабрю еще письмо. Двумя такими письмами Вы настолько зарекомендуете себя публике, что можно даже печатать и более трудное при Вашей подписи. А там будем чередовать

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. "Природу мысли" и письма. Но мне весьма хотелось бы, чтобы Вы прислали второе письмо поскорее.

Наше общее положение будет зависеть всецело от того, сумеем ли мы поднять подписку. Если сумеем – мы будем хозяева положения, если нет – придется подчиняться всем и каждому. А для поднятия подписки необходимо сделать легко читаемыми ноябрь и декабрь. Волей-неволей я пока еще не смею развешиваться с тяжелым балластом в виде скучнейших статей иных профф. Но потом, если увеличится подписка, я стану смелее. Итак, рассчитывая на Ваше согласие, я отложу "Природу мысли" к январю и там буду печатать большими порциями. Мне нравится, что вы в "Письме 1-м" проводите как бы невзначай многое из того, что надо будет твердить и основополагается в других статьях. Необходимо именно делать так, чтобы весьма разнообразным по тону, по манере и по содержанию материал сводился по основным руководящим идеям, а именно:

аскетизм против эвдемонизма; 2) эллинизм против "романизма"; 3) созерцание против рационализма; 4) свет эллинизма и православия; 5) "славянофильство" (как символ); 6) мистическая трезвенность против истерического энтузиазма и прелести; 7) таинства; 8) имена; 9) вкус к конкретности и древней – в особенности; 10) личность против вещиности и т.д. и т.д. 11) антихристианская мистика; 12) масонство и т.п.; мирность против треска. И необходимо, чтобы статьи перекликались между собой. У нас будут внутренние враги. Надо их обезвредить в одних случаях или представить в таких комбинациях, чтобы, как Валаамова ослица, изрекали истину <...>

404. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[1254] <10.11.1912. Москва – Рим>

10 ноября 1912, Москва

Дорогой Владимир Францевич!

Давно не писал Вам, потому что помимо всегдашней суеты, ездил в Орел на выборы[1255], а после проболел недели полторы пакостной ангиной. Ваше письмо последнее как будто звучит все-таки упреком или огорчением. Вы удивитесь по приезду, что расстояние неодолимо ставит в такие недоразумения. Слава Богу, что не хуже! У меня за это время наклюнулось было тягостное недоразумение с Зеньковским, но, к счастью, притушилось. Мне начинает казаться, что мое положение в "Пути" имеет миссию ссорить или охлаждать меня с дузьями; даже Волжский не составил было исключения, хотя и мимолетно. Волжский сейчас в Москве, и я ужасно радуюсь свиданию с ним. Он прежний (впрочем, насколько и я прежний: вместе плывем во времени!). Книжку Вашу о Сквороде получил только теперь, одновременно с выходом, и физически еще не успел прикоснуться. Напишу свое впечатление, когда прочту. Говорят (Аделаида Казимировна[1256]), что собирается в Москву Николас Александрович, но от него ничего не знаю. Вероятно, будет говорить об издании своей книги. Вероятно, Вы знаете, что А. Белый состоит "учеником" Штейнера и из-за него живет в Берлине[1257]. Ползет и ползет этот теософический туман! Вы пишете об Италии: мне по-прежнему страстно хочется ее видеть и пережить (хотя Вы причисляете меня к онемеченным, впрочем, не желал онемечиваться, не хочу и обитальяниваться), но и не знаю, могу ли мечтать о поездке на Рождество: у нас, как всегда осенью и зимой, болезни детей непрерывны, то по одиночке, то сразу (даже когда я лежал в ангине, одновременно со мной заполучил ее же Сереза, и это создает в доме атмосферу непрерывной тревоги, при которой трудно отдыхать, особенно зимой. Да кажется и перерыв будет слишком короткий. Но об этом я не говорю еще последнего слова.

Рад, что Вы погружаетесь в свою диссертацию, пользуетесь неповторяющейся в жизни возможностью свободно работать. Я во время семестра целиком ухожу на поденщину и оживаю только на каникулах, больших и малых. Если не поеду к Вам, то надеюсь на Рождественский перерыв.

Было одно занятие Религиозно-философского общества с рефератом Грифцова о Леонтьеве, который вывез, и сошло прилично, даже интересно.

Нередко видимся с о. Павлом, иже благу честь избра[1258], и радуюсь за него. Дай ему Бог сил!

Маленький Сергей нас радует, старшие же уже приближаются к возрасту, когда дети начинают заботить. Всему свое время! Ну прощайте. Да хранит Вас и

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. семье Вашу Господь! Поклон от Е<лены> Ивановны Вам и Евг<ении> Д<авыдовне>, которую приветствую.

Весь Ваш С.Б.

405. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[1259] <2.12.1912. Москва – Рим>

2 декабря 1912. Москва

Дорогой Владимир францевич!

Только теперь могу добраться до письма к Вам. За это время прочел "Сковороду" и спешу выложить Вам свое впечатление, – прежде всего читательское: я читал книжку с перерывами, но с неслабеющим и захватывающим интересом. Впечатление сам Сковорода производит огромное, и так как вы открываете для русского читателя и большой публики Сковороду, то даже и нельзя отделить, что здесь принадлежит Вам и что Сковороде, тем более трудно мне это сказать, что я Сковороду знаю только от Вас и через Вас, – это Ваше открытие, как ни странно, что можно делать такие открытия!

Вам лично, бесспорно, принадлежит Ваше сегодняшняя убежденность и энтузиазм, ясная и искусная планировка и истолкование Сковороды, в котором я особенно ценю то, что вы не гармонизируете и не прикрываете двойственности и в философии, и в религии Сковороды, двойственности, благодаря которой его своим считаете и Вы, и Бонч-Бруевич, издавший теперь его сочинения[1260], и... Толстой, хотя последнее, по-видимому, по недоразумению.

Если говорить о свойствах Вашей монографии, которые с известной точки зрения могут считаться и недостатками, то основным является чрезмерная и густая стилизация, обилие курсивов (не только словесных, Вам вообще свойственных, но и логических), вообще Васнецовская манера иконографии, это и в биографии, и в изложении. Получается стиль Бердяевской монографии о Хомякове: не столько Хомяков, сколько Бердяев о Хомякове, не столько Сковорода, сколько Эрн о Сковороде. Если бы Сковороду знали хоть столько, сколько Хомякова, положение было бы благоприятнее, чем теперь. С этим связано и изложение философии Сковороды в терминах философских построений Эрна и даже в его терминологии: например, – символы и схемы (смыслю о символах и схемах и их различии, насколько я Вас понимаю, я вполне согласен), "антропологизм", очевидно, в смысле святоотеческом, но ведь читатель может понять под антропологизмом и Протагора[1261], и Фейербаха[1262], и Шиллера[1263]... Остается все-таки неясным отношение Сковороды к Библии, как и место этого "символа в системе символов". Самое ясное и центральное, на мой взгляд, учение о внутреннем человеке. Вообще, изложению свойственны недостаточная простота, – Сковорода велик и за себя постоит и в совершенно простом изложении, с наименьшей стилизацией, таков мой личный вкус, да кроме того, есть некоторая растянутость, – конденсированная краткость есть идеал изложения. Наконец, не приемлю кое-чего в терминологии Вашей, особенно "логизм", происходящий из Божественного Логоса, ведь так можно сказать и "бог-изм" (или как писал уже Волжский, – "богофильство" – "логофильство"). "Изм" есть вообще рационалистическое изделие, и логизму угрожает опасность бессознательно стать одной из форм рационализма, с которым Вы боретесь. Мне давно это хотелось сказать. Это уже не критика, а спор...

Вот Вам полный и, как видите, нелицеприятный отчет о "Сковороде". А в заключение я желаю автору его доброго здоровья и сил для выполнения своего главного труда, в котором, я чувствую, будет сказано много важного и нужного по вопросам философии. Забыл еще указать Вам на неисследованную Вами возможность того, что Сковорода мог на Западе непосредственно или через посредство познакомиться с западными мистиками и оккультистами, особенно же с Боме, запах коего я чувствую все время (и даже гностические элементы Сковороды могут быть преломлением бемизма). В таком случае во всю линию развития Сковороды, в его духовную генеалогию должны быть внесены существенные поправки, и "дева" у Сковороды могла явиться из того же источника. Что Сковорода мог иметь знакомство с Каббалой при своем знании еврейского языка, это более чем вероятно. Во всяком случае здесь должны быть произведены еще раскопки.

Очень грустно, что мне, очевидно, не удастся приехать в Италию на святки: фактически у меня освобождается не более 2-х недель, на которые я мог бы

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках
уехать, и из них половина уйдет на разъезды. Кроме того, мне неудобно отлучаться сейчас из дому. Когда Вы назад в Россию? Может быть весной удастся захватить?

У меня все время уходит на суету, лекции и т.п. Ничего не пишу и не работаю для души, хотя, впрочем, сейчас об этом и не жалею, что-то в душе должно отстояться, что не просится еще в слово.

В издательстве у нас неудачи: начали печатать "Русские Ночи" кн. Одоевского, вдруг оказывается, что есть наследники, имеющие литературные права и могущие устроить неприятность, а между тем их трудно даже и сыскать. Еще не решили, как поступить. Если отказаться от печатания, то терпим немалый убыток по произведенным расходам.

Хорошо повидались с Волжским. Он уехал. Иногда приползает слух о Свенцицком, который, по-видимому, на прежнем амплуа. Николай Александрович в Москве еще не был. Вас благодарит М.А.Новоселов за книгу. Ну прощайте! Да сохранит Вас и Ваших Матерь Божия!

Сердечный привет Евгению Давыдовне, Неля кланяется Вам обоим.

Любящий Вас С.Б.

406. С.А.Аскольдов – В.Ф.Эрну[1264] <17.12.1912. СПб – Рим>

17 декабря 1912 г.

<...> Вы спрашиваете, как вышло дело с моей статьей. Издательство предложило мне напечатать отдельно. Но так как это часть моей диссертации и так как она могла быть изолирована от диссертации лишь в концертном исполнении сборника, то я от этого принужден был отказаться и предложил либо печатать всю мою диссертацию, либо сие предприятие считать неудавшимся. Издательство благосклонно согласилось на первое, чем меня весьма устроило, ибо я, откровенно говоря, совершенно недоумевал, на какие же деньги я напечатаю диссертацию. Диссертация выйдет в пределах 1913 года, весной или осенью – зависит от моей энергии и трудоспособности или от состояния моих мозгов, как сказал бы Базаров.

Вашего Сквороду получил и благодарю. За сию книжку – честь Вам и хвала. Она очень и очень хороша. Вы меня даже устыдили. Что Вам Скворода, отделенный от Вас двумя веками, – и Вы его так тонко и исчерпывающе обработали. А я в отношении родного отца допустил много неточностей, т.к. вообще много экскурсов в сторону не использовал, что очень важно в такой работе и что вами прекрасно использовано. Вообще Ваша книжка из вышедших трех несомненно самая лучшая – могу это сказать и Бердяеву и Аскольдову. Конечно наиболее производит впечатление биографическая часть. В учении много путанного (по части Библии), но в этом Вы не виноваты.

Розановскую статью мне пока не удалось найти. Сам Розанов забыл, в котором № (а то просто ему лень справиться: он на этот счет большой свинопас)[1265]. Но у меня есть в виду еще один собиратель "Нового Времени", и я, узнав число, приобрету и вышлю. В крайнем случае сам просмотрю октябрь в Публичной библиотеке.

В конце января или начале февраля еду в Москву читать доклад "о времени"[1266]. Когда Вы возвращаетесь? Как здоровье и самочувствие? Привет Евгению Давыдовне.

Любящий Вас С. Алексеев

407. П.А.Флоренский – В.Ф. Эрну[1267] <20.12.1912. Сергиев Посад – Рим>

20 декабря 1912 г.

Дорогой Володя!

Простите великодушно, что до сих пор не ответил Вам на Ваши письма, тем более, что должен бы поблагодарить Вас за Ваши прекрасные "Письма о Риме". 1-ое уже вышло в свет (разве не получили?), и всем нравится, в частност^ю получила одобрения и похвалы Преосвящен^{наго} Феодора, рект^{ора} Академии[1268]. 2-е выйдет на днях[1269], и, думаю, одним

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. должно понравиться еще более, а других обозлит – и поделом – пусть злятся. Написано оно лучше 1-го! Вы и думать не можете не писать более, – и меня подведете, и лишите всех нас прекрасной книжки, кот<орую> потом надо издать поизящнее, в мал<ом> формате, в 8°. Мне очень хотелось бы скорее напечатать еще Ваше что-ниб<удь>, но Вы не шлете. Если ничего не пришлете, то в январе-феврале напечатаю "Прир<оду> мысли"; хотя и это весьма хорошая работа, но для публики она будет трудна и мало понятна, а январь и февраль надо бы сделать полегче. Рецензии шлите какие хотите и о чем хотите – что Вы спрашиваете? Шлите скорее что-ниб<удь> рецензионное, – м<ожет> б<ыть> успеете к январю. Выслать ли Вам деньги, или хранить до приезда? Вам за №№ следует получить с редакции.

Вообще слишком много не спрашивайте меня о том, что делать для "Б<огословского> В<естника>". Мои мысли Вы знаете. Знаете потребности общества. Знаете и то, что слишком серьезной пищи оно не выносит. Знаете и то, что журнальная техника требует статей в 2, 3, 4 листа, а более уже – "от лукавого". Вот и все. Чем непосредственнее, живее и проще по внеш<ему> изложен<ию> – тем лучше. Ругайте иезуитов сколько угодно – это полезно. Под видом протестантов разделяйтесь с Тареевым и проч<ими> – сему рукоплещу. Хвалите Восток, Макс<има> Исп<оведика>, Дион<исия> Ареп<агита>, Григория Паламу[1270], Николая Кавасилу[1271] и т.д. и т.д. – сие лобзая. "логос" порицайте, сколько влезет – если выйдет шум, тем лучше: реклама "Б<огословскому> В<естнику>" и слава "логосу". Что же касается до содержательности работы, строя, то разве тут можно выразить хотя бы пожелания, но вот ругать немцев, целя в наших немцев, академических, это действительно полезно. Не по поводу "Б<огословского> В<естника>", это было бы слишком громко, – но скажу: нам надо создавать православную науку, ее почти нет, если не считать утерянных нитей отеческой мысли и лишь еле-еле нащупываемых в монастырях да отд<ельными> лицами. История, археология, филос<офия> во всех ее разветвлениях, даже богословские науки – все это требует творческого слова. Будем же хоть почву расчищать для этой работы <...>

408. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[1272] <20.12.1912. Москва – Рим>

20 декабря 1912, Москва

Дорогой Владимир Францевич!

Поздравляю Вас и Евгению Давыдовну с праздником Рождества Христова и Новым годом и шлю самые сердечные поздравления. Я встречаю праздник в Москве и пользуюсь маленьким перерывом в лекциях, чтобы кое-что для души почитать, – о писании не могу и думать. В числе намеченных для прочтения книг имеется и толстый (1) том сочинений Сковороды в новом издании. Мне очень интересно будет узнать от Вас о Вашем знакомстве с католическим священником; слышал из "Пути", что вы познакомились и с Пальмиери[1273], – это тоже очень интересно: он, судя по тем сочинениям, которые я имел в руках, хорошо знаком с русской литературой, хотя не знаю, насколько глубоко ее понимает.

Разных путейских дел, среди которых, впрочем, нет ничего крупного, Вам будет в письме касаться, кажется, Григорий Алексеевич. Я же не скрою от Вас своего огорчения, соединенного несколько с изумлением, от Вашего последнего письма по поводу моего суждения о Сковороде. Я хотел быть в нем лишь вполне искренним, и никакой внутренней перемены к Вам не чувствовал и не чувствую. Думается, что нам не следует отдаваться подобным настроением друг к другу. Уповаю, что при личном свидании Ваше настроение сгладится.

От души желаю Вам всех благ, наипаче здоровья, Вам и семье Вашей, которую приветствую.

любящий Вас С.Б.

409. Н.А.Бердяев – В.Ф.Эрну[1274] <23.12.1912. Люботин – Рим>

23 декабря, Люботин,

Дорогой Владимир Францевич!

Долго не писал я Вам, но душа моя много раз обращалась к Вам. Это время было для меня исключительно тяжелое. Сначала смерть матери. Потом такие запутанные семейные и материальные дела. Эти месяцы я занимался делами

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках отца, который находился во власти шайки мошенников. Полтора месяца провел в Польше. Но все-таки усердно работал над книгой.

Любящий Вас Николай Бердяев.

410. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1275] <27.12.1912. Москва – Симбирск>

27 декабря 1912. Москва

Дорогой Александр Сергеевич!

Поздравляю Вас с великим праздником. Да пошлет Вифлеемский Младенец Свой мир и радость Вам на душу.

Несколько раз за последние дни принимался писать Вам, и всякий раз отрывали, уже получил Ваше письмо. Мы, слава Богу, благополучны. Дети здоровы, как всегда, поочередно, но сейчас и в этом пауза. Я лишь немного болею экземой (очень сожалею Вас, познакомившегося с этой нравственно, а иногда и физически тягостной болезнью, но она по моему опыту всей жизни, не заразная, но органическая).

Перед праздниками ездили с аввой в Зосимову пустынь, было очень хорошо и благодатно. Там было заметно волнение в связи с вопросом об "имени Божиим"[1276], – спор, возбужденный книгой пустытника Иллариона "На горах Кавказа"[1277], знакомство с коей весьма рекомендую, если не познакомились уже. Вопрос разгорается до размеров церковно-догматического спора...

Рад, что Вам писалось о Сарове, буду ждать рукопись... А затем думаю, приметесь и за Достоевского[1278].

На днях жду сюда Зеньковского, он прислал уже первую часть Гоголя[1279], велика вышла. Вчера был о. Павел, я передал ему Ваш поклон. Был я однажды у Троицы, был у него на всенощной и обеде. Авва, слава Богу, благополучен и, по-прежнему, аввит.

Телефон, по Вашему совету, в сортир еще не перенесен.

От Эрна я имел письмо, огорчившее меня его тяжелым состоянием и его подозрительностью, или нетерпимостью что-ли, по поводу очень дружеских критических замечаний о "Сковороде". Он пишет и о придирчивости и об отчужденности и подобном. Вы достаточно знаете и его и меня, чтобы понять. А между тем, по приезде или до приезда его (и нас, конечно) ждут новые неприятности и недоразумения по поводу гонорара за диссертацию. Крутит нас всех сатана...

О Николае Александровиче доходят только окольные глухие слухи, кажется, скоро будет в Москву. Белый усиленно зовет его к Штейнеру, и думаю, он поедет к нему[1280], разве безденежье задержит. Штейнерианство по-старому ползет, хотя я как-то спокойнее или холоднее стал относиться к этому.

У меня, как всегда, а м<ожет> б<ыть>, даже больше, чем всегда, целая куча разных интеллектуальных волнений, но, благодарение Богу, освобождающему от них в святые минуты. Авве поручение Ваше передал и все разъяснил.

Новая каша, и повидимому, безнадежная, заварилась с христианской гимназией. Всего не расскажешь на письме, но чепуха выходит порядочная. В издательстве все по-старому. Волновались по поводу осложнений с "Русскими ночами", по поводу непомерного разрастания книги Флоренского и т.д. и т.д. Появилась в Москве Мариэтта, я ее видел в Религиозно-философском обществе, была у аввы. Внешне очень изменилась и не к лучшему.

Мережковские опять взялись за старую жвачку о православии и самодержавии[1281].

Газета "Русская молва" не редактируется Струве (ее редакционный комитет: А.В. Тыркова, Д.Д. Протопопов и проф. Адрианов), но Струве принимает близкое участие и влиятелен в редакции. Конечно, посредствовать мог бы и я, но как Вы сами понимаете, если Вашу статью передаст Струве, это будет гораздо благоприятнее для Вас. Изберите для начала наиболее подходящую или наименее неподходящую тему. А предварительно списываться не стоит.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Мы перебрались в новую квартиру, она лучше, потому что больше, но сырость есть и в ней небольшая.

Желаю Вашим восстановить здоровье и поздравляю Ольгу Федоровну с праздником и с Новым годом. Да хранит Вас всех Матерь Божия!

Любящий Вас С.Б.

1913 год

411. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[1282] <9.01.1913. Москва – Рим>

Дорогой Владимир Францевич!

Посылаю Вам рецензии на Сковороду из санктпетбургской газеты "Русская Молва". Отчего нет от Вас известий? Получили ли мою закрытку? Поздравляю Вас с Новым годом. У нас Новый год омрачен тем, что 2-го января на льду, на коньках разбился Федя, получил сотрясение мозга и до сих пор в постели. Сейчас опасности нет, но первые часы предполагалось внутреннее кровоизлияние и приходилось бояться всего. Привет Евг <ении /> Давыдовне.

Да хранит Вас Матерь Божия!

Любящий Вас С.Б.

412. Е.Ю.Рапп – В.Ф.Эрна[1283] <Начало 1913 г. Москва ? />

Дорогой друг!

Едва могу написать Вам несколько строк. Писать нельзя. Доктор не позволяет, но мне так хочется, чтоб Вы вспомнили обо мне. Работой по металлу я себе искалечила руку. Три месяца два пальца не сгибаются. А Вы, наверное, думали, что мне не хотелось писать Вам! И думали так неверно! Потребность говорить с Вами была напряженной, больше, чем прежде. Я переживаю что-то трудное. И часто не знаю плохо ли или хорошо. Я жду Вас с доверием и нежностью. И тогда расскажу.

Москву я еще не видела, и, кажется, не увижу. Улицы, дома, Кремль не чувствую реальным живым. Призрачно извилистые линии. Хочу увидеть картины и статуи и предчувствую их мертвенность. Я знаю, что Вас интересуют люди. Я видела их и много, и очень мало. Мне кажется, что все ушло внутрь, нет живого выявления. Все, что вовне бессильно и вяло и как будто ненужно.

Здесь устраивался вечер поэтов. Конечно, был Вячеслав Иванов, Аделаида Казимировна, были молодые поэты – Станевич[1284] и Анисимов[1285] – религиозно-мистического направления. Их стихи мне было особенно трудно слушать. Я не чувствовала напряженности, концентрации духа, всецелого отдавания. И все казалось тенью, глухим эхом, неживым прикосновением к Богу.

Вячеслав Иванов мне понравился меньше, чем когда-либо. Он ускользает, переливается многими цветами. Он и очень православен, и штейнерианец, и католик. Он как-то слишком стоит перед людьми, а не перед Богом.

Вера[1286], я видела ее первый раз, мне понравилась больше, чем я ожидала. Она сказала, что обожает Вас и, быть может, это привлекло меня к ней. У нее утомленный вид, но Лиле[1287] она говорила, что чувствует себя хорошо, спокойно, что ее брак – продолжение брака матери. Булгакова я не видела. Его сын болен, и он нигде не бывает.

Рачинский был и очень подчеркивал себя охранителем Церкви. Но разве Церковь нуждается в охранителях?

Петровский на меня произвел впечатление заколдованности. О, это очень жутко!

Евгении Казимировны нет. Она во флоренции ухаживает за больной белле соеур. К Рождеству собирается приехать.

В доме очень говорят о книге флоренского[1288]. Я еще не прочла. Книга занята. Но успела во время отсутствия ники пробежать одну главу и

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. показалось, что я в низкой, сводчатой церквях, где мерцают драгоценными камнями лампы, где душно от ладана и истонченных византийских линий, и где жажда глубокого, беспредельного, живого простора небес. Не знаю, может быть, увижу небо, когда прочту больше. Ник пишет статью о флоренском [1289] и против обыкновения очень мало говорит о нем.

На днях дочь Веры Степановны будет читать реферат о двух религиозных типах: арийском и семитическом. Будет Новоселов, Кожевников и много разных людей. Я Вам опишу подробнее, и если меньше будет болеть рука.

Боба [1290] очень ен вогуе. На вечере поэтов имела успех. Гершензон ее хвалит. Советует создавать стихи, находит, что она прерафаэлит в поэзии [1291].

Ну, вот и все! Мне хотелось написать Вам еще об одном замечательном человеке, который прожил здесь три дня, но мои пальцы не могут писать совсем.

До свидания! Моя душа Вас ждет, потому что ей нужно опереться на Вашу силу ясность, и отдохнуть.

Поцелуйте нежно Евгению Давыдовну и Иринку.

413. Г.А.Рачинский – В.Ф.Эрну [1292] <10.01.1913. Рубанка – Рим>

10 января 1913 г. с. Рубанка

Дорогой Владимир Францевич!

Во-первых, от всей души спасибо за посвящение "Сковороды". Еще до получения Вашего письма я увидел его в корректуре и до слез был тронут этой лаской ко мне. Я знаю, как Вам дорог Сковорода, и тем глубже я чувствую силу любви, заключенной в этом даре. Этим мое имя навсегда связалось с той борьбой за Слово Отчее, которой Вы себя посвятили. Я плохо умею на письме выражать свои чувства, но крепко, крепко обнимаю и нежно Вас целую. – Книгу я прочел в корректуре, перед тем, как отдавать листы в печать. Может быть именно от этого способа чтения у меня получалось более сильное впечатление от личности Сковороды и его религиозного пафоса, чем от его философии, которая у меня не сложилась в голове в цельную и оригинальную систему. Но дело в том, что я, по складу моей души, больше склонен любить и ценить в мыслителях этот личный и религиозный пафос, и то, что я не вижу стройной и, с историко-философской стороны, оригинальной системы, для меня дела несколько не портит. Навидался я этих стройных и оригинальных систем в истории философии, от которых, как от козла, – ни шерсти, ни молока. Но все же чувствую, что окончательного суждения произнести не могу; когда изгладится первое впечатление, перечту книгу с новой точки зрения.

Дела у нас в издательстве в этом году замялись: за восемь месяцев вышла только одна книга, а потому и продажа была сравнительно ничтожная, и денег у нас мало. План на будущее таков: до весны 1913 г. выйдут 1) Зейпель, 2) Сочинения /> Чаадаева, 3) флоренский, 4) 2-ой том Дюшена, 5) "Русские ночи" Одоевского, 6) Сборник статей священника Щукина, 7) переводная брошюра Вл. Соловьева и 8) и 9) две брошюры – Карпова об основаниях натурфилософии и Дурылина о китеже. На эти восемь изданий понадобится еще около 10 тысяч (ибо флоренский и Чаадаев огромны, в особенности – первый – около 50 листов), а кредит на 1912/1913 год почти весь исчерпан. Весь расчет теперь на продажу. На 1913/1914 год мы имеем 1) Леруа, 2) "Гоголя" Зеньковского [1293], 3) Вашу диссертацию, 4) "Достоевского" Волжского (в старом виде, но все же, как и "Гоголя", в двух выпусках) [1294], 5) диссертацию Аскольдова [1295], 6) Вендланда [1296], 7) и 8) две небольшие вещи Бугаева о фете и о природе у Пушкина, Баратынского и Тютчева [1297] и ряд брошюр: Вашу о Розмине [1298], Волжского о Сарове [1299], Фаминского об английских модернистах, Фаминского о Ньюмане [1300], переводную, порученную Макшеевой; всего, следовательно 13 номеров, что потребует около 12 тысяч (проставляя расходы, я не считая расходов коммерческих, которые за два года потребуют около 6-и тысяч). Затем впереди: Августин, Баадер, Эриугена, Пордедж, Плотин, Шеллинг [1301] и библиография русской философии работы Яценко [1302]. Мы надеемся по весну 1914 года продать книг на 12 тысяч, но все же за покрытием 10 тысяч 1912/1913 года и 12 тысяч 1913/1914 года у нас не хватит тысяч шести, и они падут на кредит 1914/1915 года. В этот расчет включены и приняты во внимание необходимые авансы переводчикам по тем

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и изданиях, которые еще готовятся и не попадут в две первые очереди, составленные из книг более или менее уже готовых и потому не терпящих отлагательства. Как видите, планов и работ – масса, причем, мы принимаем все меры, чтобы заказанные брошюры не превышали двух с половиной печатных листов по 40 тыс <яч /> букв. Затем у нас есть весьма важное предложение Гершензона. Чтобы Вы могли судить о нем, посылаю Вам копию его письма Маргарите Кирилловне (верните эту копию, если можете, она нам очень будет нужна в делах). Мы обсуждали проект Гершензона в принципе, и он нам покажется желательным и приемлемым[1303]; конечно, весь вопрос в подробностях. Денег на него сейчас, как видите, нет, но он очень привлекает Маргариту Кирилловну, и, может быть, она найдет возможность как-нибудь его вдвинуть, не нарушая нашего бюджета. Вот пока все, что у нас в планах. Целую ручки у кумы и крепко целую крестницу[1304]; надеюсь, что она продолжает быть беллиной; очень бы хотелось посмотреть на нее!

Храни Вас всех Христос! Жена шлет Вам свой сердечный привет. Душевно Вас любящий

Григорий Рачинский

Пишу из деревни, куда приехал отдохнуть на три недели. Через два дня еду опять в Москву на работу.

414. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1305] <13.01.1913. Бегичево – Москва>

<... /> что новенького сообщить про меня, дорогая моя? Ничего почти, все тоже; только вот то новенькое, что написал разом предисловие к Соловьеву, где кроме объяснения значения этого труда как итога целой умственной жизни, есть очень много тонкой дипломатии, идущей от сердца, по отношению к сотрудникам "Пути", к которым нужно было определить отношение, так как моя книга в политической своей части во многом направлена против них. Думаю, что эту тонкую и деликатную задачу я разрешил так, как ты бы хотела, по крайней мере льщу себя надеждой на это, ибо об этом думал и старался <... />

415. С.А.Аскольдов – В.Ф.Эрну[1306] <20.01.1913. СПб – Рим>

20 января 1913 г.

Дорогой Владимир Францевич!

Посылаю Вам две рецензии о Сковороде. Розанова, несмотря на все усилия, не разыскал. Через два дня еду в Москву читать реферат в РФО "Время и его религиозное значение" – реферат по существу чисто философский[1307]. Проблему времени развиваю в духе Бергсона[1308], но с некоторыми добавлениями и с полемикой против понятия времени как числа и 4-го измерения. Жалко, что Вас там не будет. Кажется, нет в Москве и Бердяева. До меня дошли слухи о каком-то будто бы разрыве его с москвичами, хотя и не принципиальном.

Пока будьте здоровы и благополучны. Кланяюсь Евгении Давыдовне.

Любящий Вас С.Алексеев

Неужели от Сковороды не осталось ни одного портрета, его очень не хватает в Вашей книжке.

416. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1309] <10.02.1913. Бегичево – Москва>

<... /> отвечаю на полученный от тебя сегодня обвинительный акт <... />

"Я не люблю Булгакова" – это неверно. Я его очень ценю и ему симпатизирую. Все, что могу сказать, это, что общность наших занятий не способствует, а наоборот препятствует еще большей между нами близости. И в этом не я один виновен, точнее говоря, оба невиновны. Он говорит, что я "всем нутром" не понимаю Соловьева и даже неспособен его понять; я же со своей стороны не могу переварить превращения Софии во вселенскую хозяйку. Не спорю, сближение между нами все-таки может произойти вопреки этому, но как же ты хочешь, чтобы именно это служило элементом сближения?

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.

"Я не смею больше любить Северцова[1310]". Каюсь, – виновен, все-таки люблю больше. И может быть этому способствует и то, что такого препятствия к близости нет. Нет того острого взаимного отрицания и взаимного оскорбления в той области, которую особенно горячо принимаешь к сердцу.

"Я не смею говорить с «Пометой» о каррикатурности булгаковских фантазий на соловьевские темы" и «Помета» не смеет его ругать. – Увы, виновен я, но она виновна только тем, что у нее есть эстетический вкус, которого у Булгакова нет вовсе. Кстати, выражение "вульгарные мысли" в отношении к нему употребил в разговоре со мною С.А.Котляревский, а не я.

В заключение обещаю тебе, что постараюсь быть не только мил, но и нежен с Булгаковым и буду любить его, но любви к его литературным упражнениям ты от меняне требуй: этого органически не могу. Вообще же, к чему ты начинаешь этот разговор, когда ты знаешь, что я из книги моей вытравливаю всякие следы каких-либо нападок на него? <... />

417. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1311] [? 1913. Москва – Михайловское?]

<... /> Завтра у нас боевое заседание в "пути". Я очень воинственно настроена, Рачок даже испугался моей энергии. Поддержанная тобой, я хочу завтра многое высказать Булгакову! <... />

418. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1312] <13.02.1913.Москва – Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич!

Отчего нет от Вас вести? Пишется ли Саров и Д <ивеевск /> ий? Здоровы ли Вы и Ваши? – Имею сообщить Вам печальную весть: наш авва серьезно болен, у него Мамонов находит болезнь сердца (миокардит), он лежит пластом, мамаша волнуется, ему нужен санаторий, она слышать не хочет, вообще положение тяжелое. Помолитесь о нашем друге и учителе!

В Москве Н.А.Бердяев. Мы встречаемся внешне хорошо, но остается какая-то дальность и отчужденность. Это и естественно: пишет он свое "творчество" и на нем уперся, хотя, верится, что это больше упорство, а не подлинная его сущность. Был в Москве В.В.Зеньковский. Встретились мы хорошо, и все прежнее изгладилось окончательно. Но возникли новые трудности уже реальные: работа о Гоголе, при содержательности и глубине, по форме оказалась очень плоха. Пришлось поговорить и с ним, и он впал в подавленность, особенно от разговора с Григорием Алексеевичем; не знаю, чем кончится, захочет ли и сможет ли он еще поработать над формой. Он сам признает, что не обращал на нее никакого внимания.

Если бы Вы были здесь, я показал бы Вам, о чем говорю, на примерах. Теософия все ползет и ползет. У меня был значительный разговор о ней с Петровским. Приходится теперь читать все это... Не помню, писал ли я, что на Святках у нас разбился Федя, но обошлось. Храни Вас Христос!

Любящий Вас С.Б.

419. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[1313] <18.02.1913. Москва – Рим>

18 февраля 1912, Москва, зубовский б., д. 15.

Дорогой Владимир Францевич!

Простите, что давно не писал Вам, был трудный и хлопотливый месяц. У нас в семье сейчас благополучно, чего и Вам от души желаю. Федя выздоровел. В "Пути" продолжает печататься начатое и принятое. Ваше заявление я передал. По смете, составленной Григорием Алексеевичем, уже принятые вещи занимают почти все место, и даже не на один год. Но приедете, сами увидите, и тогда будем вместе обсуждать, что можно вставить и на какую очередь.

Вы спрашиваете, отчего я не пишу в "Богословском Вестнике"? Оттого, что вообще ничего не писал это время, хотя чувствую долг пред о. Павлом Александровичем. Читаю "Богословский Вестник" с большим интересом. Читаю и Ваши "Римские письма"[1314], и чувствую, как много я теряю от того, что не пережил Рима и Италии. Но теперь у нас опять надвигаются семейные осложнения: тяжело (т.е. безнадежно) болен в Крыму брат Елены Ивановны, так

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. что возможно, что на Пасху поедем в Крым. Думаю, что увижу Италию уже с детьми...

Приехали сюда Бердяевы. Мы встретились внешне хорошо, но чувствуется отдаленность и отчужденность. Николай Александрович не заходит без зова, как заходил бывало. Пишет свою "Философию творчества"[1315], но о ней мне еще не приходилось говорить. Надо известные вещи пережить и словами их не обойти. Я, во всяком случае, исполнен добрых чувств и искренно к нему расположен. Может быть, я и преувеличиваю эту отчужденность.

Все больше приходится останавливать внимание на теософии, которая все ползет и ползет. Не знаю, чувствуется ли для Вас эта особенность настоящего сезона. Говорить об этом бегло не стоит, отмечаю лишь в качестве протоколиста.

Григорий Алексеевич, слава Богу, здоров (между прочим, и в этом последнем смысле), но у меня есть относительно его чувство какой-то его непрочности (в смысле здоровья).

Не порекомендуете ли Вы мне основных сочинений Росмини и Джоберти[1316], которые существуют в немецком или французском переводах. По-итальянски мне читать их трудно, а познакомиться хотелось бы и даже нужно, ввиду хода моей собственной работы.

В Религиозно-философском Обществе прошли в этом полугодии доклады Аскольдова[1317] и Зеньковского[1318]. Я не очень доволен ими, хотя заседания были оживленные. Предположены и еще доклады. Не познакомились ли Вы с сочинениями умершего недавно о. Астромова[1319], русского католика, который считал себя вдохновителем Вл. Соловьева?

Прощайте. Христос с Вами. Привет Евгении Давыдовне от нас обоих.

Любящий Вас С.Б.

420. С.И.Гессен – Вяч.Иванову[1320] <27.02.1913. СПб – Рим>

СПб. Таврическая, 35.

27 февраля 1913 г.

<... /> Это коллективная просьба к Вам от редакции "Логоса". Вы заметили наверное, что из числа ближайших сотрудников "Логоса" ушли Н.Лосский и С.Франк. Лосский потому, что не хочет раздражать своих московских друзей (Изд-во "Пути"), которым он отказал в ближайшем сотрудничестве. Франк потому, что считает "Логос" партийным органом нео-кантианцев, узурпировавшим наименование международного ежегодника по философии культуры. О Лосском говорить нечего. Его мотивы отчасти личные и вполне понятные. Он нам вполне сочувствует и будет продолжать сотрудничество у нас, тогда как в "Пути" не будет и сотрудничать. Но он не хочет, чтобы его считали в борьбе "Логоса" и "и "Пути" взявшим сторону "Логоса": это не соответствует вполне действительности и не желательно для него по личным мотивам.

О франке тоже говорить не приходится. Франк по личным свойствам своего ума и характера обречен на безнадежное смешение определенности философской позиции с узостью и философской расплывчатости и мягкотелости с широтой. "Логос" никогда не собирался стать складочным метом для всяческого рода философических размышлений. С 1-ой же книги он определенно заявил, к чему стремится, и в течение трех лет, думается, не сошел с намеченного пути. Обвинять его в какой-то узурпации прямо смешно. Считать его органом неокантианцев – какой это провинциальный анахронизм! Будто Яковенко, Степун и я (не говорю о немцах) – кантианство! С таким же правом можно было бы нас назвать и платоновцами, и фихтеанцами, и гегельянцами!

Впрочем, Вы лучше другого чувствуете, что "Логос", если и партиен, то партиен постольку, поскольку он неуклонно стоит на стороне чистой философии. Для человека, обладающего философским зрением, уе теперь должно стать ясно, сколь велики по существу расхождения между Яковенко и хотя бы мной: к какому большому разномыслию они со временем неизбежно должны привести.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
К сожалению не только Франк, но и Борис Николаевич своей последней статье в "Тр <удах /> и Дн <ях /> ", забывши все пережитое за последние три года, каким-то непонятным образом игнорируя происшедшее развитие и намечающуюся дифференциацию (признак живой силы!), попытался вернуть спор на старую позицию о схоластике (кантианство) и метафизике, которая в свое время так набила всем оскомину [1321].

Будто между нашей гносеологией и истинной метафизикой есть еще принципиальное различие! Будто происходит от скептической и боязливой гносеологии и бороться с дурной метафизикой значит быть схоластом и методолгом! Нет, даже Борису Николаевичу удастся (да и он сам наверное скоро изменит свое мнение) сделать небывшим то, что за это время случилось.

Итак, к чему я это все говорю? Чтобы просить Вас позволить нам поставить Ваше имя на обложке в числе ближайших сотрудников "Логоса" – на место Лосского и Франка. Нам важно поставить имя Вячеслава Иванова – Ваше сочувствие много значит и покажет всем, что мы не партийный, а вообще философский орган. Вспоминая наши беседы, я полагаю, что таково и Ваше мнение. Вы всегда считали "Логос" сознавшей себя философией. Критикуя "Логос", Вы критиковали философию. Вы не принимали "Логоса" постольку, поскольку для Вас вообще не приемлема в последнем смысле философия. Нам важно, чтобы это Ваше мнение, столько раз определенно Вами высказывавшееся, Вы ныне подтвердили еще раз Вашим согласием на нашу просьбу. Это и будет соответствовать фактам. Вы дали уже нам Вашу статью и, надеюсь, дадите еще. Мотивы Лосского к Вам не относятся. Из того, что Вы дали нам Ваше имя, никто не заключит, что Вы стали партийным философом – против "Пути", в котором Вы сотрудничаете. Всякий поймет, что Вы сочувствуете "Логосу" условно, как признаете ценность философии в сфере условного. Недовольство Бориса Николаевича философией Вас тоже вряд ли должно остановить. Думается, Вы не последуете зову Штейнера, и Ваше имя, ни в каком посредничестве не нуждающееся посланничество, слишком уверенно в себе и слишком широко чтобы отвергать условную ценность философии. Так как 30 марта выходит новая книга "Логоса", то нам очень желателен был бы Ваш скорый ответ.

Надеюсь, у Вас все благополучно, и Вы довольны Вашим пребыванием в Риме. Я остаюсь здесь до числа 15–20 мая, а затем собираюсь в Германию на лето. С наслаждением читаю Вашу "Нежную тайну" [1322].

Передайте, пожалуйста, искренний привет Вере Константиновне Марии Михайловне.

Сердечный привет шлет Вам искренне Вам преданный

С. Гессен

421. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке [1323] <28.02.1913. Москва – Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич!

Очень огорчен состоянием Вашего здоровья. Что у Вас с сердцем? Сообщите точнее. А что до настроения, то ведь всяко бывает, приходится терпеливо нести этот крест своей слабости. Говорю это, конечно, не о Вас, но о себе.

В здоровье аввы, слава Богу, произошли улучшения. Я не знаю еще, как это выражается точно медицински, но самочувствие его лучше, разрешено есть, прекратились припадки и перебои, и он повеселел. Однако лежит, и видеть его можно только ближайшим людям, да и то не надолго. Как только встанет, надо гнать его из Москвы, иначе опять свалится.

Рад, что Вы написали Саров, жду с нетерпением рукописи. Когда я передал Гр <игорию /> Алек <сееви /> чу Ваши пожелания относительно гонорара, он сказал, что по его мнению, около желаемого Вами, так рублей 175, можно будет. Но к идее иллюстраций здесь относятся кисло, да и я не уверен, нужно ли это. Ведь такие иллюстрации, как лик преподобного Серафима, нужно дать лишь в очень хорошем, художественном исполнении, а откуда его взять? А ведь на иконе его всякий знает. В значительной мере то же относится и к остальному. Впрочем, м <ожет /> б <ыть /> иллюстраций требует текст, и я слишком рано заговорил, до знакомства с ним.

От Вас <илия /> В <асильевича /> Зеньковского нет еще письма, не знаю, как он решит.

Христос с Вами и Вашими!

У Елены Ивановны умирает в Крыму брат, вероятно, она поедет туда к матери.

Целую Вас. Любящий Вас С.Б.

422. Л.Ю.Бердяева – В.Ф. и Е.Д.Эрн[1324] <7.03.1913. Москва – Рим>

Эрны дорогие! Простите меня окаянную, что так давно вам не писала, хотя всегда храню вас в сердце. Это ведь – главное. Вот уже около двух месяцев, как мы в Москве. Я радостно встретила старушку и живется нам в стенах ее древних – уютно и тепло. Поселились мы там, где живет теперь Евгения Казимировна – у В. С. Гриневич[1325], открывающей Гимназию[1326]. Вот в этой гимназии мы и проживаем все Коммуной. Большой старинный особняк представляет нечто весьма своеобразное по составу своих обитателей. В большой зале собираются самые различные люди, начиная с отца Евгения[1327] и кончая Максом Волошиным[1328]... Мы занимаем две комнаты, куда Ни[1329] втащил свою библиотеку и засел за "справки" для окончания книги своей[1330] <... /> Когда же вы двигаетесь обратно? Довольно уж вам питаться Италией, а то нам очень завидно. Будем ждать вас. Кто-то сообщил кому-то будто вы, Владимир /> фр <анцевич />, приедете в Москву? Правда ли и как – с фамилией или один? Мы пробудем здесь, вероятно, до конца апреля. Нужно ли условиться где и когда увидимся? Шлем вам, дорогие, нежнейший привет, поцелуи и, до свидания в России. Целую Италию.

Ваша всегда Лидия Бердяева.

423. Е.К.Герцык – В.Ф.Эрну[1331] <7.03.1913. Москва – Рим>

7/20 марта

Милый Владимир Францевич! Вы так давно не писали мне, я почти не понимала почему, но все-таки ждала... Пишу сейчас эти два слова только, чтобы спросить, чтоб услышать Ваш ответ, застану ли я еще Вас в Риме – или неужели мы встретимся только в мимомелькающих поездах? В эти последние дни выяснилось, что нам необходимо провести весну и начало лета с больной женой брата за границей, и тогда, конечно, я решаю во что бы то ни стало заехать хоть ненадолго в Рим. Выеду из Москвы через две недели и неделю проведу в Берлине с братом и его женой, а в Риме буду непременно в конце русского марта. Застану ли я Вас хоть немного? Мне бы этого очень хотелось. Чтоб мне радостнее ехалось в Рим, напишите мне хоть два слова еще сюда. Если не трудно будет, приглядите мне какой-нибудь, хоть плохонький, пансион, но близкий к Ивановым, но не на горе, как был наш Кейзер. И конечно недорогой. Так не верится мне, что все же Рим осуществится. О многом хочу говорить с Вами. Живем мы с Бердяевыми особенной и хорошей жизнью. И хоть Вам не писали, но часто поминали Вас. Приветствую и целую Ириночку, Евгению Давыдовну и Ивановых.

Буду ждать от Вас коротких двух слов.

Евгения Герцык[1332]

424. С.М. Соловьев[1333] – В.Ф.Эрну[1334] <10.03.1913. Боголюбь – Рим>

10 марта 1913 г. Боголюбь

Дорогой Владимир Францевич!

У нас в Волынской губернии наступила настоящая весна. Прилетели птицы и цветут первые цветы. Все же с каждой почтой ожидаю от Вас Синтаксиса сводного [?]. Писал Григорию Алексеевичу, что желал бы прочесть мою лекцию "Элинизм и христианство" в заседании Религиозно-философского общества в конце марта[1335].

Здесь Борис Николаевич, и я очень много узнал о теософии и Штейнере.

Двигаться на север думаем 20-го марта и к Страстной неделе перебраться в деревню.

У меня есть мечта: через несколько лет еще пожить во Флоренции и Ассизи.

И я и моя жена шлем сердечный привет Евгении Давыдовне и целуем Ирину.

Ваш Сер <гей /> Соловьев.

Дайте о себе знать, когда будете в Москве.

425. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1336] <24.03.1913. Спб – Москва>

<... /> Поылаю тебе мою статью, напечатанную в "Р <усской /> Молве". Вызвана она горячим сочувствием Грише[1337]. Он прямо мученик внешней политики и покоя себе не знает ни днем, ни ночью. Возвращается домой когда в 10, когда в 12 и ведет, по моему убеждению, глубоко правильную линию. А за все это – отвратительная травля в правой и националистической печати на самой отвратительной подкладке. Сами же лишили нас Константинополя и за это травят дипломатов <... />

426. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1338] [? 03.1913. Москва – Спб ?]

денег с твоей книги[1339] 610 р. Из них уплачиваю счет в 228 р. за бумагу. Остальные счета уплатим в мае. Книги разошлись всего: за наличные деньги 212 экз., даровых 94 экз. (больше не надо давать), 125 экз. на комиссию и 25 получить по наложенному платежу. Всего 456 экз.

У нас здесь оживленно, в редакции много разговоров. Вчера был С. Соловьев. Он стал гораздо лучше[1340]. Напишу тебе о его лекции[1341]. Бердяев сегодня был. Много толковали о книгах Илариона[1342] и Булатовича[1343]. Вообще, как они все ни плохи, а мне ближе Петербургских обывателей Ковалевских и Петражицких! Говорю это серьезно без личного гнева! Неужели же я в твоих глазах всегда только и руковожусь личным! Неужели в моих мнениях никогда нет объективно правильного? Впрочем, кому, что дорого! Мне дорога Москва и весь ее дух и самая природа около Москвы. Я это испытала, когда посмотрела, проснувшись в окно вагона и увидела чудные места, после Петербургской гнили и холода <... />

427. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1344] <29.03.1913.Москва – Симбпрск>

Дорогой Александр Сергеевич!

Простите, что заставил Вас беспокоиться, да и меня это непрерывно беспокоило, но я выжидал, когда могу написать Вам в совершенно окончательной форме, и для этого надо было дожидаться прочтения Вашей рукописи не мною, но и другими. Но все равно могу Вам уже сейчас сказать, что никакой "занозы" здесь для меня не возникало и что очерк Ваш, конечно, будет напечатан. Единственно, о чем может пойти речь, что – право за редакцией, м <ожет /> б <ыть /> , небольших сокращений, выпусков и под., конечно, без ущерба тому тону и основному настроению.

Мое личное впечатление, когда я читал, было, особенно местами, благодатно и сильно, давало ощущение Сарова (хотя глаз иногда спотыкался о стилистические недосмотры или – все-таки длинноты). Но ведь писать о Сарове вообще задача неразрешимой трудности. "Юродивую" я все-таки мало почувствовал, – больше страшно. Относительно иллюстраций и мое личное мнение, и, думаю, еще более редакционное будет отрицательное: иллюстрации должны быть художественны или оригинальны, а иначе это будет смахивать на распространенные дешевые издания, чего мы не хотим. И, затем, кто же не знает лика преподобного Серафима?

Еще прибавлю – по соображениям не тактическим, но религиозным: зачем Вы говорите постоянно о "нетленных" мощах преподобного Серафима, когда Промыслу было угодно, чтобы эти святые мощи были в виде костей? Упоминаю об этом потому, что это существенно, хотя и мимоходно.

Брат Ел <ены /> И <вановны /> скончался, она ездила в Крым на похороны. Остальное благополучно. если не считать периодической хвори у детей, отчасти и у меня самого. Но ничего серьезного не было. А вот, что это у Вас за "порок" сердца? Скажите точнее, чем оно опрочено? Здоровье аввы улучшается. но, конечно, остается инвалидом и большей частью лежит. Теперь большая задача, как восстановить его силы летом.

Пока формально не состоялось редакционного постановления о том, как и когда

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
печатать Вашу брошюру (вероятно, выпустят ее к осени), я не считаю тактичным возбуждать вопрос о немедленной высылке денег, но боюсь, что Вы рассчитываете на них к празднику или вообще испытываете острую нужду. Если да, напишите, впрочем, я и так буду говорить с Григорием Алексеевичем.

Не помню, писал ли, что с "Гоголем" Василия Вас <илье /> вича Зеньковского окончательно разладилось, и он отказался (хотя вполне дружески, любовно и внутренне мотивировано). Ждем Эрна. Старые и новые болезни дают себя знать, но на то и жизнь.

Да хранит Вас и семью Вашу Матерь Божия!

Любящий Вас С.Б.

428. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1345] <3.04.1913. Бегичево – Москва>

<... /> Все больше крепнет во мне одна мечта – съездить на Афон и там крепко, со всей силой любви, помолиться за тебя и за себя, чтобы Бог нам помог, поставил и дал силы. И не одно это меня туда тянет. Хочется вообще быть поближе к той духовной жизни, которая там пробуждается. Может быть, скоро удастся.

Читаю книгу Булатовича и все больше чувствую, до какой степени там суть не в богословии, которое у них слабое и неумелое, а в жизни, которая глубока, возвышена и совершенно не умещается в этом богословии. Подойти поближе к этой жизни, – вот где тепло и радостно.

Родная моя, помни только одно, что я всегда говорил тебе, что нет святой радости без Креста. И если тебе у Креста тепло и хорошо, это значит, что надо сораспяться со Христом, чтобы воскреснуть с ним <... />

429. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1346] [? 04.1913. Москва – Бегичево]

<... /> Милый мой, чудный мой, если ты мне ни в чем не веришь, то вспомни, что тебе говорил Успенский[1347]! Вот они тоже все видят, как в тебе много жизни, сил и именно молодости; ты переживаешь то, что многие переживают в молодые годы. А у тебя это выходит так особенно удивительно, сочетание молодого, светлого, прекрасного, такая сильная живая, духовная работа, в соединении с зрелым умом и такой глубиной чувств!

Друг мой, радуйся этому, отдавайся этому. Не на Афоне твое место, а здесь, среди людей, в служении духовному развитию молодежи, в раскрытии путей для мысли и чувства! Господи, как это хорошо, как прекрасно и светло! Напрасно ты боишься за меня и думаешь, что я не буду идти дальше, не буду лучше. Я работаю вообще над собой, работаю всегда. Разве можно быть возле тебя и не становиться лучше, не развиваться! <... /> Напрасно ты так все погребаешь: Афон, смерть и старость! Не люблю я этого и никогда не пойду на Афон, никогда не умру, потому что хочу радостной и светлой смерти и знаю, что Бог простит, я ему верю, и старости не признаю, ее нет! Не на Афоне твое место, ты дитя тонкой культуры и должен в ней жить и работать. Неужели не радостна твоя жизнь и деятельность только потому, что пока не все обстоит так, как ты хочешь! Подожди – и это придет, верь только и не убивай жизни, а тогда, я верю и знаю, что все так будет, как твоя душа того жаждет <... />

430. Л.Ю.Бердяева – В.Ф.Эрну[1348] <4.04.1913. Москва – Рим>

Остоженка, Савеловский, 10

Гриневич

4 апреля

Спешим мы все, милый Владимир Францевич, звать вас остановиться непременно у В.С.Гриневич вместе с нами. В <ера /> С <тепановна /> очень будет вам рада и просила меня передать вам ее большое желание принять вас у себя. Комната есть совсем отдельная, большая, удобная, та, где жила Евг <ения /> Каз <имировна /> . Прямо с вокзала приезжайте к нам, ждем с большой радостью вас, милый <... /> Очень рада, что вы тоскуете уже по России и не нужно вас больше ревновать к Италии. Ждем вас все дружно. Патя осведомляется давно уже, Зайцевы (она в особенности) не упускает случая

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. спросить, когда вы наконец приедете. Ну, и все прочие: Булгаков, Рачинский и т.д. Н <иколай /> А <лександрович /> обнимает вас и ждет очень. Я нежно целую ваших дам и очень жалею, что их не увижу здесь. До свидания, милый.

Ваша Лидия

431. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1349] <6.4.1913. Ст. Пятавская–Москва>

<... /> Посылаю тебе при этом письмо Эрна, очень милое[1350]. Что они все – несмотря на наши споры – ближе мне, чем Ковалевские и К°[1351] – в этом ты совершенно права. Может быть, даже наверное, от большей близости к ним и остроты в споре больше. Сейчас я настроен примирительно по отношению к нему.

Окончательно раздумал писать о Булгакове. Зачем, когда все разногласия и без того до дна высказаны. Письмо Эрну не требует ответа, т.к. я уже писал ему, что решения "Пути" по его делу может состояться только по его возвращении <... />

Не забудь пожалуйста прислать от "Пути" книги Щукина и Карпова. Корректуру в Петербурге получил и исправил. Осталось набрать всего часть "Эстетики" и заключение[1352] <... />

Лурье из Парижа прислал свой отчет об одном № «Вопросов философии». Там два слова о «Пути», где ты названа «Мадаме Моросоца, ун пчилантропе рицче ет ецлаирее» и есть глупенькая мысль, что расцвет мистицизма в России объясняется крушением русской революции.

432. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[1353] <8.04.1913. Москва – Рим>

8 апреля 1913 г. Москва

Дорогой Владимир Францевич!

Поздравляю Вас с приближающимся праздником и заочно христосуюсь с Вами. Я так давно не имел от Вас писем и, кроме того, предполагаю Вас в пути, что вовсе не уверен, чтобы это письмо достигло назначения. Однако пишу на всякий случай, между прочим, и потому, что последнее время по различным причинам часто и с беспокойством думаю о Вас и ощущаю потребность послать Вам свой привет и теплое рукопожатие.

Мы благополучны. Елена Ивановна ездила недавно на похороны своего брата. Ждем Вас в Москву. Стоит чудная нежная северная весна, а в духовной атмосфере – благовоное веяние Страстной недели. Как я сожалею в эти дни о тех, кто разлучен с православной родиной, а, стало быть, и о Вас[1354].

Передайте Евгении Давыдовне поздравления с праздником, Неля поздравляет обоих.

Да хранит Вас "грядый на вольную страсть" Христос!

Любящий Вас С.Б.

433. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1355] <1913.Москва>

<... /> Мы говеем с Микой и Марусей в церкви Рождества. Так хорошо, тепло на душе, около Христа, так светло и радостно! Так больно, что люди Его хотят соединить с мраком и смертью и страдаем! Все это так не свойственно моей душе! Я так люблю мир Божий, так люблю жизнь, все, что нам дано Богом, так благодарю Его за то, что Он создал нас и все нам дал на радость и творчество! Вот в чем моя душа! И только радостной и жизненной любовью ее можно победить, а не отдалением, отчуждением и отворачиванием! Прости меня, что это говорю, но ведь можно же сказать правду. Вот видишь, какие мы разные! Уверяю тебя, что это не значит, что я всей душой не мучусь, что так я грешна перед Богом! Все хотелось бы отдать, чтобы была моя жизнь светла и вся залита солнцем! Ах, как мне горько и больно, что я так сделала, что я не ушла от тебя! Это мой большой грех и искупить его я должна, я это знаю! Но, чтобы я примирилась на том, чтобы делить тебя с ней, то есть, чтобы обе были какими-то подругами – нет, нет, нет – никогда! На это я не чувствую себя в силах. Я отправлю свою душу ужасом и ревностью. Тогда я должна

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках
умереть. Так я покачувствую, может быть Бог будет ко мне милостив и даст силы вырвать из сердца эту мою святую, светлую любовь, которая приносит столько страдания, горя и мрака, что ты даже отвертываешься от меня в дни обения с Богом, как от греха! Ах как мне больно! Пиши.

434. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке [1356] <13.04.1913. Москва – Симбирск>

Великая Суббота

13 апреля 1913

Христос воскрес!

Дорогой Александр Сергеевич!

Приветствую Вас с радостью пасхальной, да пошлет Вам на сердце Воскресший Свою радость совершенную, Серафимскую радость! Надеюсь, что Вам дано было пережить Страстную неделю без внешних помех. Мне Бог послал это счастье. Страстная пролетела, как мгновение, пережилась как бы вне времени и пространства. Благодатные дни! Я говел со старшими детьми, и это совместное говенье доставило мне особую еще радость, которую Вы знаете. Все: и погода, и настроение, и обстоятельства сдружились. чтобы дать праздник душе. Благодарение Богу!

А Вы все-таки так и не написали мне, в чем же состоит Ваша болезнь сердца. Напишите. Когда и как намечается переезд Ваш в Нижний? Мы остаемся в Москве числа до 20-го мая, когда кончаются экзамены Муночки. О поездке по Волге пока не думали, да трудно и загадывать при склонности к простудам детей.

Авва чувствует себя удовлетворительно, но лишь в санаторном режиме. На днях он выбрался из своей квартиры в квартиру своего брата на первом этаже, чтобы не подниматься, а затем выедет из Москвы совсем. Вообще же инвалидность или полуинвалидность его остается не устранена, не знаю устранима ли. Получили ли Вы книжку о С.Щукина, я просил послать. Знаете ли Вы, что спор "об имени Божиим" [1357], естественно, очень волнующий авву [1358], который снова выступил здесь как ревнитель православия, имеет такое практически-жгучее (а догматически и тем более) значение? Интересна и своеобразна личность о. Антония Булатовича. Книжку прочтите, да и "На горах Кавказа" [1359] тоже. Непременно.

Теперь о лике преп. Серафима. Я не имел возможности говорить в "Пути" по поводу Вашего предложения – о фотографической репродукции старого, прижизненного еще изображения, но мне самому представляется, что, если может идти речь об иллюстрации, то именно такого рода, думаю, насколько знаю настроение, что и "художественная кислота" "Пути" (отрицательного отношения к которой, впрочем, я совершенно у Вас не разделяю) это примет. Важно узнать точнее, действительно ли это так. Насчет ускорения денег похлопочу и надеюсь иметь успех. А относительно выпуска брошюры весной нельзя поднимать и разговора: весь наш опыт говорит против этого, не забывайте, что нам ведь и без того приходится иметь дело с враждебностью и равнодушием. До осени задерживается уже напечатанная брошюра Дурылина о Китеже, книга флоренского (впрочем, еще не готовая) и пр.

Вашу тревогу относительно Василия Васильевича Зеньковского я понимаю и, насколько она касается всего происшествия, разделяю, но в частности, Вы здесь находитесь в заблуждении или недоразумении. Ведь работу взял обратно сам В <асилий /> В <асильевич /> и, притом, к моему искреннему и глубокому сожалению, взял по разным сложным личным соображениям, из которых некоторые и не относятся к Гоголю. Работу он взял для переделки после личных переговоров, при которых я допустил неосторожность – предложил Григорию Алексеевичу высказать все откровенно. Тот был по-моему на высоте призвания, но, конечно, сделал В <асилию /> В <асильеви /> чу большее, чем можно было.

Работу я читал сам всю со вниманием, неужели Вы могли допустить обратное? Я ее очень ценю, и Гр <игорий /> Ал <ексееви /> ч, но она страдает такую литературную беспомощностью, даже для меня в такой степент неожиданно (писана без всякой заботы над формой, без законченного пана, притом, первая книга, а ведь это не то же, что статья): повторения, невыдержанность стиля, академизм рядом с психологией. Даже механическое устранение повторений или некоторых страниц облегчило бы от балласта, а изменение плана, какое предложи Григорий Алексеевич, внесло бы существенное

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. улучшение. Если бы Вы имели в руках работу, Вы поняли бы сразу, что просто из любви к В <асилию /> В <асильеви /> чу нельзя было выпускать его в нечесанном виде и давать слишком легкую и обильную пищу зубоскальству, при важности и значительности содержания.

На Ваш, столь трудный для решения вопрос: можно ли выпускать Вашего преп. Серафима, отвечу так: я бы не мог, т.е. мог бы написать, но оставить для печатания "после смерти". В сущности, самое важное и нужное для себя я так оставляю или невыраженным, или еле намеченным для себя. Здесь два мотива: один – стыдность, обостряемая еще общим, повальным отсутствием целомудрия (одни Мережковские чего стоят!), а другой – немота: странно недавно еще, когда был моложе (в религиозном отношении) я мог то, чего сейчас не могу, а чтобы мочь, должен "взойти" на ступень. А что до желаний, то хотел бы мочь только так, от себя, от души, от своего ума говорить, но именно потому, что только этого и только так хочу, больше всего уклоняюсь, надо, чтобы само заговорило, а что может быть, это даже и я знаю. Кроме того, языка, формы, не имею, посконностью доступной мне формы гнушаюсь, а новой не родилось. Но у других, кто может, не кликушествуя и не бесстыдствуя, люблю и ценю: вот например, флоренский может, отчасти Розанов может (но как старикашка, немножко, как Федор Карамазов).

Можете ли Вы? Написали, – значит, можете. Я не ощущал, что нельзя, и от других не слыхал. Что может быть это иначе, совершеннее сказано, это – да, но это Вы и сами знаете. Потому практический мой совет: выйти из бесплодных сомнений – это оставить: еже писах, писах. Вон я из-за заметки о выборах, где просто по-человечески закричал, никого не уча и не призывая, перемучился: да можно ли, да не кликушествую ли, а как же Вам-то не перемучиться. А ведь, несомненно, для иных, не знаю, сколько их, но они нам и ценны и нужны, именно Ваши-то признания и переживания, вообще такого типа, и нужны. Мне бы хотелось вообще увеличить количество такого рода произведений, но, конечно, доброкачественных авторов.

Вот флоренский обещается о скитах написать близ Троицы[1360].

Ну вот, конечно, не ответил Вам на Ваш вопрос прямо, но ведь Вы сами знаете, что его переложить нельзя.

Ну прощайте. Да осенит Вас радость Воскресшего! Поздравляю Ольгу Федоровну с праздником. Ел <ена /> Ивановна Вас поздравляет, она Вас особенно выделяет из круга близких мне лиц, говоря, что с Вами чувствует себя просто (а, кроме того, с Павлом Александровичем. Не странно ли? А мне это очень дорого!).

Любящий Вас С.Б.

435. В.С.Гриневич – В.Ф.Эрну[1361] <13.04.1913. Москва – Рим>

На общем собрании нашего особняка вынесено единогласное постановление о том, что только сей почтенный особняк может явиться достойным приютом для Вас. Но так как Надежда Сергеевна заявила о своем приоритетном праве принять Вас у себя, то ей были представлены все убедительные доводы преимуществ Вашего пребывания под нашим соборным кровом – доводы, которым она не в силах была ничего противопоставить. А посему позвольте мне, всем нам, дорогой Владимир Францевич, обратиться к Вам сие красноречивое послание для принесения Вам нашей общей просьбы приехать рямо к нам и провести праздники с нами... Не желая обременять Вас перечислением всех неисчислимых доводов в пользу нашего особняка для Вас – сошлюсь только на один как самый неопровержимый. В особняке нашем проживают Евгения Юдифовна, Лидия Юдифовна, Николай Александрович, Евгения Казимировна (ожидается) <нрзб>. В то же время морозы наступили лютые и всякие ночные передвижения будут прямо для Вас опасны! Итак – просим и ожидаем Вас к нам и горячо радуемся Вашему появлению среди нас. Все мы здоровы и шлем Вам и семейству Вашему наши душевные приветы и пожелания.

До скоро светлого свидания.

За всех

Вера Гриневич

Александру Викторовичу наш привет и тоже приглашение остановиться у нас.

436. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <24.04.1913. Москва – Тифлис>

24 апреля 1913 года

<... /> Я страшно устал, слегка простудился и потому прости, что пишу сумбурно. В голове очень шумит. Все как-то кругом ходит и не стоит на месте. В Киеве у нас было три часа. Мы посмотрели соборы, Владимирский и Софийский, благополучно попали на скорый поезд и очень быстро доехали до Москвы[1362]. В Москве нас встретил ужасный холод. В воздухе летали снежинки, дул ветер, я надел на себя редингот, все носки, какие мог, Лидия[1363] все шали.

М-ме Гриневич нас встретила очень радушно. Нашлась комната и для Лидии. С Бердяевыми встреча была сердечная и радостная. Е <вгения /> Ю <дифовна /> не приехала. Сейчас же стал работать телефон. Через несколько часов приехали Булгаков, Рачинский. С Булгаковым пока что без всяких трений. Рачинский необыкновенно хорош, поздоровался как всегда "по-православному", встретились с ним с большим подъемом <... />

Все встречи происходят точно на экране от усталости и слишком большой быстроты. Недавно тут был Сашенька[1364], оставил по себе массу симпатий и вздыханий. О Павлуше[1365] говорят много и все с симпатией. Об издательских делах пока ничего не известно <... />

Мой адрес: Москва, Остоженка, Савеловский пер., д.10, кв. Гриневич, мне.

437. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <27.04.1913. Москва – Тифлис>

27 апреля 1913 года

<... /> У нас все изменилось. Ужасный холод вдруг прекратился, настали великолепные дни, столь ясные, что Рим мог бы позавидовать. Все эти дни я был сам не свой, шумело невероятно в голове, и только сегодня почувствовал, что прихожу в свое "нормальное" состояние. И придя в него, с ужасом вдруг почувствовал, что нужно во всех отношениях спешить, что называется переходить на телеграфический стиль образа действий, ибо дел уйма, а времени мало и совсем нет возможности предаваться размышлениям и "грусти томной", которую, признаюсь, вызвали во мне разговоры, свидания слишком скороспешные и неорганические. Собственно я еще ничего не сделал. Впрочем, осознал, что нужно сделать. Завтра еду в Посад к Павлуше и, вернувшись дня через три, примусь лихорадочно за дела. У Гриневич мне хорошо. Просторная комната, постоянно Бердяевы. С ним моментами очень спорим, с ней ведем уютные разговоры. Лидия очень энергично и планомерно ищет себе профессоров, купила план Москвы, ходит усердно и вчера, напр <имер /> , вернулась одна в 11 часов <... /> Свидание с Сусанной Михайловной[1366] было очень трогательным. Она меня посвятила во все подробности издательской жизни, "поплакались" мы вместе с ней обо всем, особенно о Павлуше, который вышел из всех возможных пределов и вместо 400 стр. написал уже 900 и все еще работы не кончил[1367]. Сусанна Михайловна между прочим показала мне кипу рецензий о Сковороде – половину хвалебных – половину ругательных, и особенно резкая Яковенки в "Русских Ведомостях"[1368]. Маргариты Кирилловны не видел еще – увидимся после Посада <... />

438. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <02.05.1913. Москва – Тифлис>

Москва, 2 мая 1913 года

<... /> Из дел пока решенных могу тебе сообщить, что 1.Письма о Риме приняты единогласно[1369]; 2.Проект моего журнала столь же единогласно провален[1370]. Насчет Университета ничего еще не ясно[1371] <... />

Бердяевы необыкновенно милы. Почти каждый день приглашают (главным образом для меня) по различным группировкам знакомых. Пока что самое интересное собрание было с участием далькрозиста – танцора, который показывал всякие забавные вещи, и завтра придет со своим профессором <нрзб>ритмичекой гимнастики с своим костюмом или вернее "без-костюмом" и будет целый вечер "танцевать" Шумана, Шопена и просто всякие ритмы[1372]. Самое скучное собрание было вчерашнее – религиозно-философское[1373]. Булгаков сух и холоден, неотзывчив и до него не доберешься. Рачинский потешал вначале забавнейшими анекдотами на темы божественные, а затем как-то тоже

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. за отсутствием. За эти дни: я встретил Валера, слушал стихи Лидии Юдифовны и Ад <елаиды /> Герцык (то и другое с большим наслаждением), три раза ухитрился упасть, разбил голову об лампу, купил новые башмаки (великолепные!) в магазине рекомендованном Павлушей и вместе с ним, затем искал с ним греческие монеты по антиквариям – провалился в "Пути", имел свидание с о. Ионой Брихничевым – ты видишь, что густо, даже очень <... />

439. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1374] [? 1913. Москва – Бегичево?]

На меня произвел глубокое впечатление реферат Л.М.Лопатина. Глубокое впечатление сводится к тому, что этот вечер был для меня особенно потрясающим доказательством смерти одних, бездарности других и полнопутаницы в голове третьих! Ангел мой, взываю к тебе, молю тебя, услышь меня, поверь мне, что в данное время ты один есть и не мертвый, и не бездарный, и не путанный! Ты один можешь сказать живое слово, один можешь иметь значение и влияние, авторитет! Умоляю тебя, сознай это глубже, ярче, сильнее, не склоняйся, не тоскуй, иди твердо, сильно, бодро и жизнерадостно! Вооружайся и воюй, борись! Ты молод, прекрасен, обожаем, ты свободен, как никто. Но только не через одного Соловьева ты должен действовать. Это дало тебе исходный пункт, но ты должен выйти на широкий путь общей мысли и там сказать свое слово! Поэтому пойми меня, с каким восторгом, с каким трепетом я отношусь именно к твоему окончанию работы о Соловьеве, именно к твоему чтению! <... /> Лопатин мертв – это ужасно. Хвостов бездарен, Булгаков путан, Степуны и Лесуны[1375] декаденты и нигилисты. Как ужасно! Ты, ты, ты один. Молю тебя, утешь меня – не останавливайся, не унывай, не сомневайся ни в чем! Твоя жизнь полна смысла и прекрасна <... />

440. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <5.05.1913. Москва – Тифлис>

5 мая 1913 г.

<... /> Только вчера вечером поймал Лопатина в телефон. Сегодня у нас свидание. Ясно, что оно ничего положительного дать не может, но все же выяснит мои отношения с Университетом. Позавчера у нас был необыкновенный вечер с танцами и всякими "безумствами". Должен сказать, что на меня, запутавшегося в делах и деловых отношениях, а также в философических размышлениях над жизнью – он произвел неотразимое впечатление. Народу собралось видимо-невидимо. Пати, Кати, Зайцевы, Чеботаревская, какие-то юнкера, какие-то барышни, Лоло с тетушкой, Гершензон, Жуковский и т.д. и т.д. С самим танцором студентом-футуристом пришла невеста красавица, затмившая всех дам и даже Л <идию /> Ю <дифовну /> ! Первая половина вечера прошла так себе. Смотрели, критиковали, Пата с Катей даже негодовали. Но с 11 ч. началось необычайное оживление. Танцор оделся и так стал с одной девицей танцевать матчиш, с таким искусством и ловкостью, что сразу появилась веселость. Затем он же начал "русскую" залихватски с дикими вскрикиваниями и, когда дошел до апогея – Жуковский, издатель Куно Фишера, затоптал ногами, схватил Л <идию /> Ю <дифовну /> , пронесся с нею через весь зал, она вырвалась, он же с таким азартом стал танцевать русскую при гомерическом хохоте, что повредил себе ногу. Вообще энергии развязались. Профессор, аккомпанировавший ритмическим танцам и уже выпивший 4-ю бутылку пива, стал вверх ногами и прошелся так по всей зале, главный танцор комически изобразил катание на скетинге, атлет, племянник Бердяевых, Гриша одной рукой поднял человека на стуле и поставил его на стол; затем пел итальянские романсы, голосом, от которого дрожали стены и окна (куда Леля Чоглокова!), словом был необычайный кавардак, а в общем результате какое-то душевное очищение от всякого гнета. Если б ты видела Гершензона – он был в экстазе, в упоении <... />

441. С.И.Гессен – Вяч. И. Иванову[1376] <10.05.1913. СПб – Рим>

СПб 23/10 1913 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович,

из Вашего письма я вижу, что решение Ваше, к сожалению, бесповоротно, и ему надо подчиниться. Тем настойчивее я просил бы Вас за то дать "Логосу" какую-нибудь статью (из области эстетики), чтобы тем подтвердить Ваше участие в нем, как дружественного сотрудника. В данном случае Вы последуете примеру Н.Лосского, напечатавшего статью в том самом номере "Логоса", с обложки которого было впервые снято его имя.

У меня экзамены в середине мая кончаются, и я тотчас же уеду во Фрайбург, где находятся уже Нина Лазаревна с сыном. Очень бы хотелось с Вами лично побеседовать. Надеюсь, осенью Вы будете в Петербурге? <... />

Искренне преданный и уважающий Вас С.Гессен.

Как жалко, что существенный спор Бориса Николаевича с Федором Августовичем[1377] по вине обоих принял такую ненужную, злую, личную форму!

442. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1378] [? 1913. Москва – Бегичево?]

<... /> Жизнь кругом так бесконечно грустна, все так несчастливы, так одиноки, и я сама так одинока! Я вижу, что моя жизнь сейчас так складывается, что главной моей заботой и делом должны быть дети Мика и Маруся! Я сейчас очень многими своими делами жертвую для них и чувствую себя постоянно отрезанной в порыве развить больше <сиц!> свою деятельность! Приходится и в этом бороться с тобой! А хотелось бы больше отдаться делам, хотя в этом искать удовлетворения и применения своих сил! С детьми я все время испытываю глубокие волнения. То радости, то страхи. Бывают дни, что я плачу и мучаюсь ужасно, и в этом я одна! Прежде была Екатерина Ивановна, но теперь я ее навсегда потеряла, т.к. она психически больна. Это тоже меня очень расстроило. Так что я одна как перст. Мика один у меня, но что ужасно, что он переживает такой ужасный возраст. От минут радости и глубокого душевного удовлетворения им я перехожу к ужасному страху и тепету! Неужели эта последняя моя надежда рухнет, и он уйдет от дорогого и святого для меня, на путь, на котором одно разрушение и смерть! Я вижу, как сильны страсти в моих детях и как много нужно, чтобы пасти их! Я говорю не о внешнем спасении, а обосуществлении ими того, для чего нужно и стоит жить! Много мне нужно перестрадать, и к чему это все еще приведет! Одно только существо, которому я верю и около которого отдыхаю – это ты, но ты далеко, и зачем-то я не могу тебя видеть, т.к. почему-то это нельзя! Это ужасно и неправда, и никому и ничему не нужно, а только мучает, мешает мне жить! Маруся меня также потрясает проявлением своего бурного темперамента и своенравия. Тоже не сулит спокойствия <... />

443. Б.В.Яковенко – В.Ф.Эрну[1379] <13.05.1913. Москва – Москва>

Дорогой Владимир Францевич!

Так как нам не удалось вчера увидеться лично и так как Вы на днях уезжаете, я же вряд ли сумею быть так скоро в Москве, – изложу Вам письменно то, о чем хотел поговорить.

Во-первых, я хотел обсудить с Вами "вопрос о Росмини". А именно: дело в том, что я давно уже работаю над его философией. Писать о нем что-либо объемистое, впрочем, я не собирался. Подготавливаю только доклад в "Психологическое общество и обзор его основных взглядов для "Вопросов Психологии" (листов на 5–6).

Мне сказали, что вы будете писать о нем диссертацию. Такое Ваше намерение меня чрезвычайно обрадовало. Я лично очень высоко ценю Росмини. Это мыслитель, достойный стать в одном ряду с Кантом, Маймоном[1380], Фихте, Шеллингом, Гегелем и Гербартом[1381]. На Западе (в Германии, Франции, Англии) он забыт, у нас – неизвестен вовсе. Ваша работа будет как нельзя более кстати.

Вместе с тем, однако, я почувствовал, что должен поставить вас в известность относительно своих намерений. Я уже почти что готов был читать о нем доклад этой весной, но отложил теперь на осень. Думаю, что и работа моя во всем целом будет готова к началу сентября.

Мне не думается, чтобы эти мои планы были для вас помехой в каком-либо отношении. Но мне хотелось бы услышать по этому поводу Ваше собственное мнение. Поэтому очень прошу вас ответить мне по следующему адресу:

Ст. Лианозово, Савеловской ж.д.

Архангельская ул., д.192

Борису Валентиновичу Яковенко

С добрым приветом

Яковенко. 13 мая 1913 г.

444. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[1382] <25.05.1913. Тифлис – Царские колодцы>

<... /> Вот я и в Тифлисе! Устал безмерно <... /> Сегодня же начну ходить по делам. Хочется все быстрее кончить <... />[1383]

445. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1384] <26.05.1913.Кореиз – Геленджик>

Крым, ст. Кореиз

Дорогой Александр Сергеевич!

Страшно виноват перед Вами молчанием. Оно имеет объяснение, с одной стороны в ряде болезней, из которых первая – фелькины экзамены (Вы знаете теперь по опыту, какова эта болезнь), затем болезнь Е <лены /> Ив <анов /> ны (на границе воспаления легких), затем выезд, но, с другой стороны, как ни грустно в этом признаться, мне не удавалось добиться от и через Григория Алексеевича такого пустяка, как нужный для Вас размер клише, определяющийся форматом книжки. Так и не дождался этого, пишу ему одновременно напоминание об этом и о другом.

Чтобы не забыть: Вам, вероятно, интересно будет познакомиться с теософским житием преп. Серафима, составленным М.В.Сабашниковой ("Духовное Знание", ц <ена /> 40 коп.)[1385] Я нахожу этот очерк талантливым, а его штейнерианскую приправу, для меня очевидную, для обыкновенного читателя в большинстве случаев маловразумительной. Интересно Ваше впечатление, как дышавшего Саровым, с одной стороны, и стоящего вне литературно-теософических влияний с другой.

Был Эрн. По-моему, он мало изменился, даже до странности, таково впечатление. Физически он выглядит во всяком случае не хуже, чем был. Он собирался, хотя, конечно, не собрался к Вам. Что касается взаимоотношений, то сейчас, кажется, такая полоса, что все мы как-то разбрелись и каждый в своем, дай Бог, чтобы это было не разделение, а лишь необходимое уединение.

Я приехал сюда несколько дней назад и пока пьянствую природой и свободой: море, розы, горы... Но уже начинает почесываться в голове и с будущей недели стану "учиться". Кроме всех прежних вопросов, которые от времени становятся только острее, на меня навалилось и, чувствую, что не на короткое время, "проблема оккультизма", пока чисто теоретически, хотя здесь очень трудно отделить теоретическое от практического. "Писать" становится все труднее во всех отношениях, не знаю, примусь ли за это.

Здоровье аввы остается все-таки надломленным, он постарел, обессилел, появилось в нем что-то детское. Не могу без боли сердечной вспоминать его на вокзале, куда он пришел нас проводить и принес-таки детям конфет. Как-то он переносит осуждение и от синода[1386] и от патриарха[1387] имяславству! Храни и укрепи его, Господь! И для о. Павла это осуждение создает конфликт, хотя и надеюсь, что на этот раз это еще смажется. Ах, как трудно совмещать свободное служение истине с обязательной (не внешне только) дисциплиной послушания клира, особенно в столь критическую эпоху, как наша! Всякий раз возвращаешься мыслью ко всей безысходности этого конфликта!

Виделся с Тернавцевым. Он постарел, вероятно, еще более обленился духовно, но мил и пленителен по-прежнему. Поговорили о всяком.

Николай Александрович уехал из Москвы, предполагал "посмотреть в Гельсингфорсе Штейнера"[1388], что из этого выйдет – не знаю. Вспоминаю о нем с любящей тревогой. Но все-таки нахожу, что он в периоде своего цветения. Таким углубленным и самособранным я его еще не видел, не помню, приходилось ли мне Вам выразить это впечатление?

Ну пока прощайте. Христос с Вами и с семьей Вашей.

Целую Вас. Пишите.

Говорили в Москве, что в Геленджике живет Мариэтта. Она написала талантливые стихи "Ориенталия", восточная эротика. Прочтите, если попадетсЯ, и ей кланяйтесЯ, если увидите.

446. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <28.05.1913.Тифлис – Царские колодцы>

<... /> С курсами уже переговорил. Они согласны на мои условия, остается оформить договор. В первое же свидание директор передал мне от имени факультета просьбу прочесть актовую речь 26-го сентября. Это занятно и почетно. Но я не дал пока своего согласия, еще подумаю, найдется ли для Тифлиса подходящая тема[1389] <... />

447. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <31.05.1913. Тифлис – Москва>

<... /> Тифлис как-то затягивает. Римские вещи еще не пришли. Я начинаю решаться ехать без них в Красную Поляну, ибо до каких же пор ожидать?! <... /> И хотя лето будет длинное, так как занятия на курсах начинаются 15-го сентября – все же лучше спешить. <... /> Вчера познакомился с Ю.Верховским[1390], поэтом, другом Вяч. Ивановича, который профессорствует на курсах. Очень мил и симпатичен, хотя внешностью напоминает Макса Волошина. Только глаза – ясные, голубые, хорошие, вроде Волжского что-то. Может быть, подружимся <... />

448. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <3.06.1913. Тифлис – Москва>

<... /> Вчера был с колей[1391] у непринцевых[1392]. Мне они очень понравились. Невеста очень мила, как две капли воды похожа на карточку, что у вас на пианино. Очень хозяйственная, распорядительна, заботлива, образована, приветлива. С колей все обращаются очень хорошо. Он острит, любезничает, все смеются, в результате оживление. Он уже заметно вошел в семью. Его патрон, инженер Непринцев, симпатичен, в своем деле хороший работник, с хорошим настоящим и, по-видимому, еще более хорошим будущим. Им строятся очень крупные здания в Тифлисе. Теперь он ведет постройку полумиллионного здания нового Музея в персидском стиле <... />

449. А.В.Ельчанинов. Дневник[1393] <4.06.1913. Тифлис>

VI/4 (или 5-го) 1913

Приехал Володя[1394] и очень много говорил о Вячеславе и его семье[1395].

...зашел ко мне Ю.Н.Верховский, и мы поехали к Эрну в Дидубе. Что говорил Эрн.

"Отношения между Вячеславом и Верой мне кажутся неразрешимыми, это узел, которого нельзя развязать. Вячеслав делает вид, что преклоняется перед Верой, поет ей дифирамбы, а сам скучает: она слишком обыкновенная для него, неумна, она не может заменить ему Лидию Дм <итриевну /> , не может быть ему женой... Он скоро сам почувствует это. Что же касается В <еры /> , то она не переживет охлаждения к ней Вячеслава, она на все решится. Я понял это, когда давно видел, как она, еще девочкой, низко склонялась над Роной, рискуя упасть...

Это – не брак, это просто связь, ничего мистического и священного здесь нет... Вячеслав – поэт, а не пророк, он умеет стилизовать, строить воздушные замки, фальсифицировать и закрывать правду".

Раньше я относился к Вячеславу, как к отцу, вождю: после этого рассказа я пережил сильное потрясение: я люблю Вячеслава по-прежнему, но не верю ему и не уважаю его; т.е. я уважаю его как переводчика, знатока Греции, но как пророка, учителя – нет.

450. П.А.Флоренский – В.В.Розанову[1396] <7.06.1913. Сергиев Посад–СПб>

1913.VI.7 Серг <иев /> Пос <ад />

Все, что пишете Вы, дорогой Василий Васильевич, отлично, но я не понимаю, что послужило поводом к тому. Или я что-нибудь не так написал о "зависти", или Вы недоразобрали, но я решительно не могу припомнить, в чем дело. Но

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. это и не важно. Конечно, московская "церковная дружба" есть лучшее, что есть у нас, и в дружбе это полная коинцидентия оппозиторум[1397]. Все свободны, и все связаны; все по-своему, и все – "как другие". Вы пишете о "новом" в богословии, что внесено нами, но к перечисленным Вами лицам не забудьте добавить Новоселова и Булгакова, Самарина и др., не выступающих в литературе, но мыслящих оригинально и со-участвующих в общей работе разговорами, советами, дружбой, книгами и т.д. Весь смысл московского движения[1398] в том, что для нас смысл жизни вовсе не в литературном запечатлении своих воззрений, а в непосредственности личных связей. Мы не пишем, а говорим, и даже не говорим, а скорее общаемся. Мы переписываемся, беседуем, пьем чай; Новоселов ради одной запятой в корректуре приезжает посоветоваться в Посад или вызывает к себе в Москву. Но это не флюберовские запятые, да удивляется им потомство, а искание поводов к общению. Вас удивляет отсутствие зависти. Но ведь у нас друг к другу не может быть зависти, ибо почти все работает сообща и лишь небольшая часть работ в том или другом случае падает на того или другого. Дело другого, скажем Новоселова, Булгакова, Андреева, Цветкова и т.д и т.д., для меня и для каждого из нас – не чужое дело, не дело соперника, которое "чем хуже – тем лучше", а мое дело, отчасти и мое. В совершенстве его заинтересованы все, как и успех относят часто и к себе. Поэтому естественно, что каждому хочется вплесть в это гнездо хоть одну соломинку, исправить хоть одну ошибку в корректуре или чем-нибудь помочь. В сущности фамилии "Новоселов", "Флоренский", "Булгаков" и т.д., на этих трудах надписываемые, означают несобственника, а скорее стиль, сорт, вкус работы. "Новоселов" – это значит работа исполняется в стиле Новоселова, т.е. в стиле "строного Православия", немного монастырского уклада; "Булгаков" – значит в профессорском стиле, более для внешних, апологетического значения и т.д. Вы нередко удивлялись, как я мало работаю, т.е. выпускаю в свет. А между тем я ведь сижу целый день. Но время уходит на корректуру одному, исправление перевода другому, пдыскание справок третьему, обширное письмо четвертому, разговор – с пятым, выслушание какой-нибудь статьи или плана шестому и т.д. Самые лекции, которые читаю я, семестровые и кандидатские сочинения, которые даю писать студентам, практические занятия и домашние разговоры со студентами, междулекционные беседы – все это очень утомляет, ибо это не просто учительство, а непрерывная борьба; мневедь приходится не просто созидать, а все время разрушать позитивистические настроения. То же – у Булгакова, у Новоселова, у всех нас. И вот, хотя и редко-редко (по неск <олько /> человек на курс) одерживаешь настоящую победу, однако, чувствуешь, что всех ранил и что впредь им придется все же задуматься, а при случае, когда Бог посетит несчастьем, – и принять кое-что в сердце. Но, Вы понимаете, это вечное военное положение требует много сил. Отдыхаешь лишь в церкви да за древностию – рисунками, монетами и т.д. <... />

451. Е.Н.Трубецкой –М.К.Морозовой[1399] <13.06.1913. Пятавская–Михайловское>

<... /> Продолжаю усиленно наполнять свою голову. Перечел целиком "Прелюдии" Виндельбанда[1400]. Читала ли ты эту книгу? Она имеет то достоинство, что будучи очень легко и живо написана, вводит прекрасно в цикл современных неокантианских учений, обнажает их душу, которую не всегда скоро и легко отыщешь в иных их многоученых, туманных и запутанных трактатах. Если не прочла, прочти.

А вот тебе книга, которую безусловно не советую читать ни под каким видом, это роман Гюисманса Ла-бас[1401]. Брат Гриша прислал мне ее как самую мерзкую книгу, какую он когда-либо читал. Она такова и есть, но он не без основания рассуждает, что мне нужно ознакомиться и с этим течением, необыкновенно ярко иллюстрирующим опасность оккультизма.

Тут оккультизм прямо и откровенно вырождается в сатанизм с черной мессой и убийством, с отвратительными оргиями. Описано так реально и отвратительно, что невозможно сомневаться – в основе лежит действительность. Этого выдумать нельзя, тем более, что многое совершенно совпадает с тем, что мне некогда рассказывал Соловьев о сатанических культах франкмасонов (он этим интересовался, так как считал франкмасонов церковью сатаны-антихриста). Эту книгу проглотил в два дня. <... />

452. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1402] <15.06.1913. Михайловское–Бегичево>

<... /> Сейчас читаю Историю Вселенских соборов, развитие догматов! Так это

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. на меня тяжело действует. До такой степени все это искусственно, так сильно меня смущают все сомнения и ариан и всех других ересей! Так все эти толкования натянуты, так понятны все сомнения, так естественно они возникают и во мне, что я иногда чувствую себя на стороне какого-нибудь еретика! На самом деле в чем же истина? Ведь Христос обо всем этом не говорил, а все это есть тот или другой уклон человеческой фантазии! Так все это смутно, так страшно, что остается только велеть замолчать своему внутреннему голосу, т.к. все равно знаю, что ничего не разрешу и лучше преклониться и силентиум[1403].

Но многие сомнения во мне очень глубоки. Странное дело, что я гораздо меньше сомневаюсь, когда погружаюсь в мой любимый мир свободы, теургии, красоты и жизни! Тут я чувствую, знаю, и бесконечно люблю Бога и верю всему наивно и светло! Но церковный мир, чтение писателей духовных меня так смущает и подымает бурю сомнений. Это ужасно! Какой ужас охватывает иногда, страшно сказать!

Есть вещи, в которых я никогда не сомневаюсь и знаю, что умру с твердой верой! Но церковные истины – это другое дело. Это страшно, потому что здесь столько соблазна. Один исход – это заставить замолчать смущающий голос, а не то открывается бездна. Вообще, мы ничего не знаем!

Прелюдии Виндельбанда у меня есть – я когда-то читала там статью, кажется, о Спинозе.

Ужасно интересуется меня вопрос о франк-масонах! Все это какая-то глубокая подпольная история. Очень важно разобраться в этом течении и схватить его нити. Насколько это сильно насколько влияет на события? Мы слишком привыкли все видеть и судить внешне, а не знаем, что делается в глубине души и жизни. Я давно ищу книг о масонах и сюда взяла книгу о русском масонстве[1404]. По вечерам читаю книгу Метнера, о музыке – очень интересно, и горячо написанная книга[1405]. <... />

453. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1406] <17.03.1913. Бегичево – Михайловское>

<... /> Ах, как хотелось бы с тобой всласть, до дна поговорить обо всех твоих сомнениях и вопросах. Об этих догматических спорах я много и много думал когда-то: в "Великом споре" Соловьева[1407] об них есть глубокие и сильные строки – перечти <... />

454. С.Н.Булгаков – М.К.Морозовой[1408] <23.06.1913? Кореиз – Михайловское>

Станция Кореиз, Ялтинского уезда

23 июня 19<13?]

Дорогая Маргарита Кирилловна!

Как поживаете и все ли у Вас благополучно? Я живу хорошо, если не считать мелких неприятностей (конечно, из области болезней), наслаждаюсь крымской природой, а вместе с тем, все свободное время отдаю работе (впрочем, пока не писанию, а только обдумыванию). Наслаждаюсь столь редкой для меня возможностью спокойно и не отвлекаясь отдаваться своей работе. Внешним образом живу в полном уединении и даже почти без переписки.

Сусанна Михайловна (которая, очевидно, и в этом году не хочет покинуть своего поста и отдохнуть) переслала мне два письма, касающиеся перевода Эри"у"гены (приходит и мне в транскрипции своей не отставать от века!). Эти письма, вероятно, уже у Вас в руках. Оба они произвели на меня благоприятное впечатление, особенно потому, что приятно иметь переводчика для Эриугены, и притом на определенный срок. Что касается проекта Шулькарского относительно примечаний и параллелей, то я этот проект нахожу непрактичным по невыполнимости: здесь не на чем остановиться, нельзя же сюда вклатить всю патристическую, да к стати и античную литературу, а выбор отдельных параллелей всегда вызовет справедливый упрек в произвольности, да, кроме того, надо ли положиться на опытности и вкус Ш <улькарского /> , кои нам неизвестны.

Наконец, русская литература имеет отличное исследование об Эриугене в

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. сочинении А.Бриллиантова. Не думаю также, чтобы желательно было теперь же поручать составление вступительного очерка Шулькарскому, лучше оставить вопрос открытым (Мой очерк, если и будет составлен, будет преследовать не историко-литературные, а религиозно-философские цели). Мысль о составлении предметного указателя в виде подробного оглавления (которому будут соответствовать и заголовки наверху каждой страницы) превосходна. Вообще по письму Шулькарский производит на меня впечатление занимающегося эпохой и знакомого с литературой, хотя и несколько неопита. Хорошо было бы, если бы можно было иметь пробу перевода, хотя из того материала, который уже имеется в портфеле Шулькарского (он упоминает в письме о переведенных для себя страницах). Но только как бы его не обидеть, во всяком случае об этом надо списаться с С.Ф.Кечекияном. Необходимо довести до сведения Шулькарского также, что перевод будет, хотя и не редактироваться, но редакционно прочитываться мною, а потому мне надо знать и предполагаемую терминологию наперед. Впрочем, это известно, кажется С.Ф-чу.

Такое мое впечатление от писем, однако это пока не более, как впечатление, и я на нем не настаиваю. Но, помимо всего прочего, эта комбинация соответствует и нашей тенденции стягивать около "Пути" молодые силы? Очевидно, от Б <ориса /> В.Вышеславцева относительно Николая Кузанского ответа не было?

Всего Вам доброго. Состоялась ли Ваша поездка <нрзб> ?

Е <лена /> И <вановна /> шлет Вам поклон.

Жму Вашу руку.

Ваш С.Булгаков

455. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1409] [? 06.1913. Михайловское – Бегичево?]

<... /> Я много хожу по хозяйству, слежу за всем. Теперь знаю все гораздо лучше. Хожу в колонию! Там как-то все становится благоустроеннее.

Читаю много. Перечитываю Минье "Французскую революцию". Давно не читала. Читаю с ужасом и волнением. Какое-то отвращение и ненависть испытываю. Несмотря на всю справедливость возмущения против старого порядка, несмотря на всю мою любовь к свободе, как противна политическая страсть и насилие. Я так живо вспоминала нашу революцию, и мне противны кадеты, которые так глупо воображали, что они исторические фигуры. Особенно противный Муромцев[1410], важно восседавший и воображавший, что он тоже играет во французскую революцию. Как все это было глупо, именно глупо! Разве возможна теперь такая революция! <... />

456. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1411] <28.06.1913. Калуга – Михайлоловское>

Милая и дорогая Гармося,

Вчера послал тебе письмо, вызванное твоим, а сегодня пишу то, что сам хотел тебе написать.

<... /> Душа моя, дорогая, меня беспокоит последнее предприятие "Пути". Брат мой Гриша был у меня и много рассказал такого, что заставляет очень осторожно относиться к материалу, который мы получили.

С обеих сторон масса вранья. Надо сказать, что, если с имяславцами было поступлено гнусно, то и их поведение было ниже всякой критики; спускание с лестницы игумна, ломанье рук и ног противникам – их рук дело. Вообще, если бы им дать войска, они поступили бы также с имяборцами, как с ними поступил Никон. Вообще, как всегда бывает в таком движении за чистыми людьми тут шли и проходимцы с очень скверными побуждениями. Вообще я предлагаю следующее: Гриша будет в Москве, и его необходимо пригласить на наше заседание для всестороннего освещения этого дела. Сообщи это Рачинскому.

Я написал ответ Радлову. Вышло очень крепко: он двадцать раз пожалеет о своей выходке, надо сказать довольно гнусной[1412].

Я получил предложение сделать доклад о моих опытах в московском Обществе

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках сельского хозяйства, но не будучи агрономом, я на это не решился.

Занятия Кантом открывают все новые перспективы. Только бы удалось написать: чувствую, что могу сказать об этом много нового и существенного. Хочется поделиться с тобой всем этим, милый, дорогой друг, как я привык с тобой всем делиться.

Душа моя, мучительно тревожусь за тебя, когда тебя мучу. Ах, чем, чем я могу тебя утешить.

Крепко, крепко тебя целую, Христос с тобой, мой ангел.

457. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1413] <3.08.1913. Бегичево – Михайловское>

<... /> Сейчас пользуюсь минуткой, чтобы черкнуть несколько строк из Калуги, куда я попал членом железнодорожной комиссии, и дать весточку о себе.

Сейчас в полном разгаре перевод фихте, который и мне очень много дает для главной темы. Перевод Яковенко превосходен и, так как главная масса отведена ему, я убежден, что мы даем русскому нечто очень и очень ценное. Попутно наклеиваются мысли о сущности трансцендентального метода, которые мне очень скоро придется положить на бумагу в виду обязанности написать предисловие к переводу, оно же и статья к столетию фихте.

Спасибо за присланные отзывы. Из них – два хвалебные, из коих один – в "Приазовском крае" принадлежит моему семинаристу Лодыженскому, а третий, обвиняющий меня в "обывательской пошлости" в "Дне" принадлежит какому-нибудь "товарищу", получившему помазание от Булгакова[1414] <... />

458. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1415] <13.08.1913.Олеиз – Н.Новгород>

Олеиз, 13 августа1913.

Дорогой Александр Сергеевич!

Рад был вести от Вас, столь долго молчавшего. Я писал вам в Геленджик еще (и не помню, чтобы письмо было особенно "грустнохолодным"). На днях я с Федей выезжаю в Москву "пристраивать его" в гимназию, процесс небезболезненный, как Вы знаете. У нас благополучно, лето я провел в общем спокойно, поправился физически, занимался, вообще, внешне, доволен, внутренне же я никогда собой не доволен. Ваше настроение в виду переезда и перемены места вполне понимаю, п <отому /> ч <то /> мы с Вами нервны на одинаковый манер, но надеюсь, что это первое впечатление пройдет и радуюсь Вашей близости к Москве.

Вестей и писем имею мало. Мих <аил /> Ал <ексадрови /> ч поправляется, но, видимо, не вполне поправился, тем более, что болела мамаша. Цветков пишет, что хочет в этом году принимать священство. Меня это и радует, и волнует, и тревожно за него, п <отому /> ч <то /> все-таки он молод, хотя молодые-то силы и нужно отдавать Богу. Да осенит Вас Матерь Божия!

Обнимаю Вас.

Любящий Вас С.Б.

Адрес прежний (с 19-го авг <уста />): зубовский б., 15, кв.11.

459. Г.А.Рачинский – М.К.Морозовой[1416] <15.08.1913. Бобровка – Москва>

15 августа 1913 г. с. Бобровка

<... /> А зима, думается мне, предстоит бурная: история новой "ереси" о имени Иисусовом, как Вы, вероятно, заметили из газет, принимает все более гнусные формы; военная экспедиция епископа Никона на Афон, арест монахов и рассылка их в изгнание по русским монастырям – все это создает такое положение, на которое нельзя не откликнуться, под риском быть осужденным за религиозное равнодушие и подпасть под проклятие тех, "кто дело Божие делают небрежно"! Ужасно боюсь, что из этого ничего не выйдет: поговорят, покипятятся и бросят бедных монахов на произвол судьбы; дай Бог, чтобы мое предчувствие

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах оказалось ложным!

Кроме этого, я имею основания думать, что борьба с теософией примет эту зиму более резкие формы. Выйдет книжка Метнера[1417], которая не замедлит вызвать взрыв негодования у Бориса Николаевича, да и у остальных теософов. Нельзя же трогать безнаказанно Великого Доктора, предтечу пришествия Христа на эфирном плане! Затем в самой среде теософов назревает раскол; Эллису надоела теософическая каббалистика, и он повернулся к чистому христианству, за что на него немедленно поднялось гонение. Он писал мне, прося меня заступиться за него и объяснить г.г.теософам, что нельзя быть такими нетерпимыми. Об этом еще одному из своих московских друзей – Киселеву[1418], которого я не без успеха отбиваю и, кажется, совсем отбил от увлечения философией Штейнера. Я послал Эллису в ответ на его письмо огромное послание на трех кругом исписанных листках большой писчей бумаги (около трети печатного листа), где излагается ему мое исповедание, мое отношение к теософии и, не задевая личности Штейнера, который ему все еще дорог, выясняю ему тот нетерпимый и прямо антихристианский характер, который приняло штейнерианство, поощряю и убеждаю его вступить на путь чисто христианской мистики, бросить шатание по заграницам и вернуться в Москву. Я снял копию с этого моего послания и прочту Вам его при свидании; пока вся моя переписка с Эллисом – секрет, ибо он просил не разглашать о его обращении ко мне, но я уверен, что он же первый покажет мое письмо теософам, и выйдет некоторый скандал, против которого я ничего не имею: мне надоела их злохитрая и покрывающаяся щитом духовной тайны пропаганда! Меня прямо возмутила вышедшая в "Духовном Знании" книжка Сабашниковой о Св. Серафиме Саровском. Это – теософская фальсификация жития этого святого, написанная очень хитро в ультрахристианском тоне, с возмутительными рассуждениями о смысле творчества и аскезы, о чуде, о Христе и т.д. Я сделал на нее ряд примечаний и начал даже писать ее разбор, имея в виду сделать о ней в тесном кругу обстоятельный доклад. Московские теософы, как мне известно, рассчитывали пустить книжку в народ, в круги сектантов, и вообще распространить ее в широкой православной публике. Это уже прямо нападение и надо защищаться!

Я очень рад, что Яковенко отличился переводом Фихте, а то нам на переводчиков не везло.

Я не писал Вам по поводу моих тревожений по поводу перевода Макшеевой "Боме" и 2-го тома Чаадаева, ибо хотел, чтобы Вы хоть летом отдохнули от редакционных недоразумений и невзгод, представляющих, впрочем, крестный путь всякого русского издателя. Не везет Булгакову на его "протезе"; оказалось, что Макшеева очень плохо знает немецкий язык; целый ряд мест переведен так, что смысл получается прямо обратный. Каждые три строки – какое-нибудь вранье. Как пример приведу Вам такой рекорд: Боме умирает и хочет причаститься – "Ер бегечрте дас Абендмачл зу нечмен"[1419]; переводчица передает это, ничтоже сумняшеся: "он попросил дать ему поужинать"!!! Я со скрежетом зубным отредактировал две трети рукописи и через три, четыре дня кончу всю; перевод будет приведен в приличный вид, хотя, конечно, при таких условиях хорошего перевода из него не сделаешь. Но кроме того у меня при редактировании возникли сомнения относительно мест брошюры, которые нам с Вами при чтении не бросились в глаза; очень уж грубо анти-христианский тон. Я думаю задержать ее набор до встречи с Вами и привлечь совет Булгакова, а то я начинаю бояться цензуры. Быть может предисловие или примечания, или смягчение текста (чего я впрочем принципиально не люблю) могут поправить дело.

О Чаадаеве Вы вероятно слышали от Сусанны Михайловны: Гершензон бросил его на меня и пропал; он прочел в Одессе 4, 5 и 6-ой листы и сделал свои замечания, но с тех пор о нем ни слуху, ни духу. Я злюсь, но усердно работаю над Чаадаевым. 7,8,9,10 и 11-й листы готовы у меня, хоть сейчас печатать, дело стоит за Гершензоном; 12, 13 и 14-й листы будут готовы на этих днях; 15, 16 и 17-й – в наборе и должны поспеть к концу августа. А так как всего будет 20 листов с небольшим, то я рассчитываю выпустить книгу, как предполагалось, в сентябре, если только Гершензон еще чего-нибудь не напутает. Я не унываю, работаю за себя и за него, но с его характером ни в чем нельзя быть уверенным; он в середине дела внес еще летом ряд изменений и заставил меня перечитать уже готовые листы и переделать их еще раз.

Очень меня обрадовало, что Мика вернулся из Англии патриотом! Пора нам вернуться к добрым, старым традициям, сороковых и пятидесятых годов, когда лучшие люди в России знали литературу Запада и его философию так, как

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. теперь и не снится никому, любили и понимали западную культуру не хуже Эмилия Метнера, но оставались в корне русскими людьми и жили до могилы русскими интересами, работая для России и во имя России. Я всю жизнь люблю Готе и носился с ним, но это не мешает мне любить и понимать старцев Оптиной и быть по мере сил моим человеком русским и православным.

Думаю быть в Москве в первых числах сентября и с нетерпением жду свидания с Вами. О многом хочется поговорить; на письме всего не скажешь. Таня шлет Вам свой душевный привет.

Сердечно Вас любящий

Григорий Рачинский.

460. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1420] <23.08.1913. Бегичево – Михайловское>

<... /> Вообще готовлюсь к полемике со многими, которая несомненно вынудит меня развить свои положения и, стало быть, будет интересна! На понимание же не рассчитываю. Вообще же думаю, что книга моя не исполнит своего назначения, если не вызовет страстного противодействия[1421]. Противодействие, вызываемое новой мыслью, очень часто бывает прямо пропорционально тому влиянию, которое она оказывает. То, что принимается без борьбы, тотчас забывается и глубоко не захватывает <... />

Заканчиваю сельско-хозяйственный сезон. Приятно было отметить еще новый шаг вперед, совершенно небывалую удачу с овсом, который, благодаря моей культуре, дал неслыханный урожай, выше даже черноземной нормы. Все это новыми методами, доселе здесь не применявшимися. Калужские агрономы, издающие в Калуге журнал, просили меня написать им мои наблюдения за 10 лет хозяйства, что я им и обещал сделать; так что зимой предстоит печататься:

в философском журнале; 2) в сельско-хозяйственном и 3) печатать мою музыку. Недостаёт только шахматных партий и газетных статей (на это совсем выдохся). <... />

461. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1422] <1913>

<... /> Вчера имела отрадное, умилившее меня впечатление – колония. Теперь я, кажется, окончательно начинаю убеждаться в том, какое это чудное дело! Не вообще, какое-нибудь морально-благотворительное, а живое, жизнерадостное, творческое! И в Шацком[1423] я начинаю серьезно убеждаться. Вчера был вечер прощальный! Ты не можешь себе представить, как эти дети были веселы, свободны, благородны, скромны вместе с тем! Ни тени пошлости, озорства или чего-нибудь грубого, распущенного. Потом, вообще, вся их жизнь за это лето обнаружила много хорошего! При свидании поговорим обо всем. Я очень счастлива этим! Хотя боюсь еще совсем отдаться своей радости, – все присматриваюсь к Шацкому! <... />

462. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1424] <30.08.1913. Бегичево – Михайловское>

Милая, дорогая Гармося, моя горячо любимая, сокровище мое,

Через неделю мы увидимся, и это письмо стало быть последнее до тех пор. Не могу тебе сказать, с каким волнением я жду этой минуты. – В ожидании ее я от тебя ничего не скрыл, ничего не утаил, всего, всего себя рассказал, каков я есть. Но и ты, душа моя, пойми меня всего, каков я есть, и помни меня всего, а не только ту сторону моего существа, которую хотелось бы помнить, не только ту, которая безбрежно и бесконечно радуется, тебя видя, но и ту, которая болезненно сокрушается и мучится об этой самой радости и тяжело – до боли – упрекает себя за нее. Пойми все это не умом, а любовью и не гневайся на меня, и не противься моей молитве, – той, которую я тебе исповедовал: ведь право, в ней высшая любовь и есть. Потому что в минуты, когда я ее твержу, я предпочитаю спасение твоей души моему собственному счастью и самой сильной, самойжгучей радости – той, которая заставляет всю душу трепетать в невыразимом невероятном волнении. Ах, какая сила подъема нужна, чтобы бороться против этих чувств. Вот когда чувствуешь, что Царство Божие силою берется. Ах, если бы ангел Божий мог конуться наших душ и дать нам эту силу полета; право, мы в нем не были бы разлучены, а внутренне спаяны, потому что была бы побеждена та несказанная мука, которая все-таки

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
нас с тобой разлучает, и как часто! Вот хотя бы теперь, в этой переписке последнего времени: сколько мучительных отчуждений мы преодолели! Сколько раз мне мучительно казалось, что ты совсем от меня уходишь, и тебе – тоже. А теперь этого не кажется, отчего? Оттого, что все сказано до дна, – ты вошла в мою муку, стало быть, оба мы поднялись над самым нашим чувством и поднялись любовью к чему-то многовысшему.

Дорогая моя, не пугайся этого слова "подняться над чувством" – это не значит подняться над любовью. Сколько раз я говорил тебе, да и писал в своем "Соловьеве", что любовь не есть чувство: она больше этого; любовь человека – это все его жизненное стремление, стало быть источник всех его чувств и мыслей, а не какое-либо чувство или мысль. И вот вся задача жизни в том, чтобы это стремление поднялось на эту высоту где уже никакой разлуки нет. Разве может внутренне разлучить "Христос воскрес"?

Ну вот тебе, душа моя, то самое главное и важное, что я теперь думаю и чувствую всей душой. Крепко, крепко тебя целую и люблю.

463. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1425] <1913?>

<... /> Вообще мне так не хочется огорчать тебя, хочется поддержать тебя, успокоить, я очень жалею тебя и понимаю. Но что же делать, если сердце и душа хочет этого, а натура у меня такая бурливая. Да, я слишком жизненный человек, совершенно неспособный жить отвлеченно, как тебе того нужно <... /> Я понимаю отлично, что тебе нужна тихая жизнь, а я тебе не по натуре. В этом я убеждена и это-то меня мучит. <... />

Вообще я чувствую себя как в тисках. Во что бы то ни стало хочу быть тебе другом, хочу понимать твою душу, потому что знаю, что без тебя не могу, ты мне нужен, а между тем, чтобы это осуществлять и быть в состоянии не терять равновесия, я должна запереть душу, т.е.самую интимную ее глубину. Чтобы самой жить и давать жить другим, я должна сдавить свое сердце и в некотором смысле стать поверхностной и суховатой. Слишком горячо и стлбно я чувствую, а жизнь держит в тисках и не дает возможности развернуться <... />

Я понимаю, что я часто тебе вероятно тяжела, нужно другое – более спокойное. Я делаю все усилия, чтобы сломать себя, другого выхода мне нет, потому что примириться я не могу. Когда ломаюсь, тогда и примирюсь, а рассуждениями живой души не переродишь.

Пока живу любовью и лаской с Микой и Марусей. Это мне наполняет душу и дает жизнь. Я не могу существовать без живого общения любви, ласки, экспансивности! А они мои настоящие и дорогие и действительно ласковые и горячие. <... />

464. С.А.Аскольдов – В.Ф.Эрну[1426] <1.09.1913. Спб – Тифлис>

1 сентября 1913 г.

Дорогой Владимир Францевич!

Только сейчас могу Вам ответить по поводу интересующего Вас вопроса, – спора об Имени. Теоретически он решается для меня довольно просто, практическая же сторона дела вызывает много проблем.

Суть спора относится к вопросу чисто метафизическому. О форме и способе взаимоотношения Бога с миром, в частности, с людьми. Идет ли эта связь и взаимодействие столь далеко, что даже имя в его физической и психической природе обожествлено, вернее, освящено какой-то активной силой Бога, или это только физическая и психологическая скорлупа культа, сама по себе ничего не значащая и не действительная. Я всецело на стороне первого взгляда. Все священные имена суть дары свыше, а потому даже переведенные на различные языки, произнесенные невнятно и косноязычно, психическим актом интенции на их смысл и соприкосновением с этим смыслом* оживотворяются этим смыслом реально и действенно. <примечание С.Аскольдова>: *Это не совсем по Гуссерлю. У него, по выражению Лапшина[1427], только указующие на смысл пальцы.

Далее, если рассматривать вопрос строго метафизически, то в силу непрерывности божественных энергий и абсолютного единства с Богом всех Его актов и сил, можно даже допустить такую словесную форму, что произносящий

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Имя Бога касается Его Самого, что Имя от Бога не отделено, что Оно и Бог одно.

Однако эта точность, ведущая уже к соблазну смешать часть с целым, придать части то же значение, что и Целому. Если я прикоснусь к кончику одного волоса на Вашей голове, то в известном смысле правильно будет сказать, что я прикоснулся к Владимиру Францевичу Эрну, что это Владимир Францевич Эрн. Однако это правильно будет для меня, видящего связь Вашего волоса с Вами, стоящего пред Вами лицом к лицу, но если бы Вашего волоса коснулось существо, видящее перед собою только конец Вашего волоса, и ничего больше, то ему правильнее было бы выразиться точнее. Приведенный пример, быть может, несколько неуклюже пояснит Вам, почему я, признавая возможным и метафизически допустимым такие выражения, что "Имя Божие есть Бог", считаю их все-таки неудачными и для общего употребления негодными. Вообще весь этот спор, как касающийся тонких и трудных метафизических вопросов, не есть спор для общего употребления и участия. Даже для времен вселенских соборов, когда каждый мирянин-христианин (а особенно участник догматических споров) был гораздо более философ, чем современный священник, я считаю этот вопрос слишком диалектичным. Но я его считаю по существу и не нужным. Вернее, я сказал бы так: его не следовало возбуждать, но уж раз он возбудился, он становится важным практически, поскольку он породил ложные мнения. Но в всяком случае его значение по-моему очень преувеличивается. Скажите, какая разница будет в настроении, в искренности и действенности молитв, произносимых десятками миллионов, от того восторжествует ли то или иное метафизическое истолкование этой действительности. Ведь надо же признать, что практика религиозная и церковная, и индивидуальная вполне совпадает с имясловством. Все происходит на практике так, как если бы они были признаны правыми. Так из-за чего же перья ломать, когда крепость уже давным давно занята. Мы все сидим в крепости и ведем метафизическую полемику о том, что в крепость надо войти и надо в ней сидеть. Вообще весь этот спор лишь метафизически напоминает иконоборчество. Там было практически важно ввести икону в культ, обосновать в ней множество новых пунктов богообщения. Но практика Имени Божия давно уже сакраментальна и возбуждением споров об Имени Божиим может только эту достигнутую уже сакраментальность подорвать.

По всем указанным основаниям я не могу не признать, что и предисловие к книге Булатовича, и статья Бердяева в "Р <русской /> Молве" проникнуты несколько ложным пафосом. Во всяком случае отречение Бердяева от Церкви православной для меня представляется актом легкомысленным и необоснованным. Или он два года тому назад не знал, что Синод состоит из чиновников в рясах, что нашим преосвященным [1428] давно уже приличествует более титул Тайных и Действительных Тайных Советников. Почему же он тогда умел различать гнилое от здорового в церковном теле. Ведь даже и Христос не отрекался от Храма Иерусалимского из-за того только, что он был в руках фарисеев и первосвященников. Пусть он нам покажет подлинную печать Христову в другом месте, подлинное подвижничество веры и воли, и тогда приглашает к отречению. Не в штейнерианстве ли возрождается новая церковь? К сожалению обо всем этом негде высказываться, да если бы и было где, нельзя было бы по другим причинам, по крайней мере для меня. Указывать неправоту Бердяева можно было бы, лишь указывая еще худшую неправоту наших иерархов, которые вполне подобны Евангельским фарисеям и Первосвященникам. Но я давно уже пришел к тому убеждению, что публичное обличение Царей и Первосвященников есть исключительная прерогатива пророков. Не нам касаться священных мест, хотя бы на них сидели ничтожные люди. Ибо чем заменить священное место в глазах тех, перед кем обличаешь.

Кроме всего прочего я должен сказать, что я до сих пор не знаю объективного изложения событий на Афоне. Конечно, обе стороны далеки от объективности. Далее, я не знаю официальных формулировок осуждения учения об Имени. Может быть, там осуждается только действительно неудачная формула "Имя есть Бог". Я посылаю одновременно А.В.Ельчанинову статью Бердяева из "Русской Молвы" <вставка сверху>: если не читали прочтите. Я просил бы Вас дать А <Александр /> В <Викторович /> это письмо для прочтения. Он задал мне некоторые вопросы по этому поводу. А дважды писать одно и то же не хочется. Да, вот еще что. У Вас ли один из № "Живой жизни", который я Вам послал в Рим. Там находится, кажется мне, статья о Святых [1429]. У меня нет ни одного ее экземпляра. Я не хотел бы, чтобы эта именно статья погибла без возврата. Если этот № у Вас, то будьте добры его переслать. Пока что будьте здоровы и благополучны.

Любящий Вас С. Алексеев.

465. Н.А.Бердяев – В.Ф.Эрну[1430] <12.09.1913. Люботин – Тифлис>

Люботин, 12 сентября

Дорогой Владимир Францевич!

Чувствую свою вину перед Вами. У меня какая-то психопатическая неспособность писать письма. Но не подумайте, что мое молчание означает забвение. Мы часто о Вас вспоминаем с любовью. Я думаю, что мы сейчас очень сильно с Вами расходимся в идеях и верованиях, но это нисколько не мешает моему личному хорошему отношению. О многом хотел бы поговорить с Вами, но в письмах это невозможно. За это лето много пережил и передумал, многое для меня оформилось. Отголоском того, что происходило во мне является моя статья "Гасители духа"[1431], которую я Вам послал. Написал еще в "Русскую мысль" статью о книге Е.Трубецкого[1432]. Книгу свою кончу в октябре[1433]. Теперь уже замышляю новую работу. Мне кажется, что я окончательно осмыслил Штейнера и оккультизм, над чем бился много лет[1434]. Моя точка зрения совершенно освобождающая и, как всякая освобождающая точка зрения, признает и правду того, что осмысливает. Так я отношусь к Ницше или к декадентству, или к социализму. Все это явления жертвенной безблагодатности. Меня до глубины души возмущает пассивное молчание Флоренского и Новоселова в деле расправы над афонскими имяславцами. Они должны принять на себя ответственность и пойти на все, вплоть до мученичества (изгнание из Академии, лишение сана, отлучение). Лиля сердечно Вас приветствует и напишет. В начале октября мы будем в Москве опять в Савеловском.

Рады будем получить от Вас известие. Какие у Вас планы, что делаете и как себя чувствуете? Привет Е.Д.

Ваш Ник. Бердяев

466. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1435] <13.09.1913. Бегичево – Москва>

<... /> Мы расстались с тобою на разговоре об имяславцах... И вот с тех пор я принялся вплотную читать "На горах Кавказа": в первый раз, т <ак /> к <ак /> до сих пор читал лишь отрывки. И эта книга – прожгла мне душу. Ничего более чистого, прекрасного и святого из человеческих произведений я никогда не читал. Это – человек, который видит Бога. И отчего же, душа моя, я испытывал такую жгучую боль, когда читал эту книгу?

Вот ты, Рачинский и Булгаков, требуете от меня, чтобы я высоко над людьми поднял этот свет, который я вижу и чувствую! А я, – и вижу, и не могу в одно и то же время. У меня открывается рана Амфорты[1436], вот и боль моя, и мука. Во всем мире всегда подвижники говорили одно и то же: только чистые сердцем Бога узрят, а если увидит тот, кто имеет в душе пятно, тот испытает муку, потому что не может соединиться с этим светом. Только душа, совершенно чистая и целомудренная, может вместить в себя Бога.

Иларион, как и все мистики всего мира, ставит совершенное целомудрие – условием Богопознания и говорит, что, кто в этой жизни не видал Бога, тот никогда Его не увидит. Все это я переживал все эти дни с мукой и слезами, и горькие мысли приходили в душу. Вот мне 50 лет! Жить уже не долго. Неужели я тебя погублю и сам умру в грехе, не примирившись с Богом. Господи, как больно быть от Него отлученным и сознавать, что отлучаешь от Него и ту, которую так горячо и так крепко любишь. А тут пришло твое письмо ко мне с мольбой: милый, дорогой, дай отдохнуть, дай порадоваться на мою осень!

Ах, дорогая моя, милая, хотим или не хотим, эта радость рано или поздно разобьется вдребезги; как скоро это случится, страшно даже подумать: как мало осталось жить, как бы осталось той радости, которая никогда, никогда не отнимется ни у меня, ни у тебя.

Душа моя, – к этой радости тесны врата и узок путь: неужели же у нас с тобой никогда, никогда не хватит сил пойти ими. Душа моя, прочитай, проживи ты эту книгу и найди в ней сил, – надо найти вместе сил, чтобы с корнем вырвать грех, который нас обоих разлучает с Богом. Ведь так или иначе это должно быть поставлено целью! Прости, прости, моя дорогая, что пишу тебе все это, но не могу. Я весь тут: только об этом и думаю все эти дни.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Крепко, крепко тебя целую и бесконечно нежно люблю.

Радлов написал на меня рецензию[1437], дышащую злобой. Покажу.

467. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[1438] <18.09.1913. Москва – Тифлис ?>

Дорогой Владимир Францевич!

Мне и скучно и грустно, что Вы не даете о себе вести. Летнего адреса Вашего я не знал, да и вообще узнал о Вас кое-что лишь стороной. Слышал, что Вы устроились в Тифлисе и готовите в печать диссертацию. Не знаю, радуетесь ли Вы сами устройству в Тифлисе. Конечно, целее будете, а сюда будете наезжать. Конечно, очень было бы прилично и полезно иметь Вас здесь в это безвременье, но приходится мириться с неизбежностью.

Я лето провел хорошо и сравнительно спокойно, удалось поработать, хотя здесь это прервалось. О многом хотелось с Вами поговорить. Прежде всего об Афоне. Нам (с о. Павлом и др <угими />) представляется необходимым издание серьезного религиозно-философского сборника об Имени Божием; была об этом речь и в редакции "Пути", конечно, только предварительная. Как Ваше мнение и возможно ли Ваше участие? Я слышал, что Вы этим вопросом затронуты.

Вероятно, Вы читали пронунциаменто[1439] Н.А.Бердяева по поводу афонских событий. Мне оно доставило много печали, хотя и я не считаю этого его последним словом. Невольно вспоминается время перед отъездом в Италию...

Григорий Алексеевич чувствует себя удовлетворительно физически, князь и Маргарита Кирилловна тоже. Очень не хватает Вас. Предполагаете ли Вы читать доклады в Религиозно-философском обществе в свой святочный приезд? Тем у Вас целый портфель, а для Общества это нужно.

Уже здесь я читал весенние номера "Богословского Вестника" и Ваши статьи в нем ("О природе мысли"). И чем дальше читал, тем больше ощущал особый пафос, которым проникнуты эти статьи, и радовался ему.

Чисто философская нить Вашего рассуждения мне еще не вполне ясна и не вполне бесспорна, но душу его я чувствую и люблю.

Как здоровье Вас всех? У нас сейчас все здоровы, хотя мелкая хворь, по обычаю, не переводится. Вчера получил письмо от Волжского, – крайне печальное, никак он не может устроиться. Его "Преподобный Серафим" печатается и скоро выйдет.

Кланяюсь Евгении Давыдовне. Неля шлет свой привет обоим. Христос с Вами. Обнимаю Вас.

Любящий Вас С.Б.

Поклонитесь А. В <икторови /> чу Ельчанинову. Написал ли он Сперанского[1440], коего обещал мне весной?

468. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1441] <21.09.1913. Москва – Н.Новгород>

Дорогой Александр Сергеевич!

Получил Ваше письмо из Нижнего и очень заболел душой за Ваше неустройство. Хотелось бы надеяться, что первые впечатления сгладятся. Неужели же такая разница в "цене жизни" между Нижним и Симбирском, что Вы опять чувствуете себя у разбитого корыта. Как Вы пристраиваете детей? В гимназиях или частных школах? Особенно дороги последние. Мне удалось пристроить Федора в 5-ю классическую гимназию, было это нелегко.

Только что приехала Ел <ена /> Ивановна, задержанная в Крыму болезнью маленького Сережи. Недавно был авва, он поправился, но все-таки невольно считает каждый шаг и каждую ступеньку. Злоба дня и боль наша – афонские события и самый вопрос об Имени Божием.

Предполагаем кое-что выпускать, авва воинствует против синода не меньше, а я думаю, больше, чем я. С.А.Цветков решил в скором времени принять священство, – благо ему! Жаль только всем нам, что он откладывает государственные экзамены, которые ему для священства-то не нужны, а

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. все-таки было бы лучше исполнить всякую правду. Впрочем, с высшей точки зрения, это не существенно, а в главном он как будто тверд, хотя и молод он.

Н.А.Бердяев по поводу Афона возвестил на страницах "Русской Молвы" о том, что "врата адовы овладели Церковью Православной", а также и католической и зовет все живое вон из церкви. Статья написана сильно, дерзко и... легкомысленно, – вы ведь знаете Николая Александровича не хуже меня. Мне это доставило, доставляет и еще доставит много печали.

Эрн мне не пишет. О. Павел пока благополучен, хотя и в немилости у еп <ископа /> Феодора из-за "имяславия". Григорий Алексеевич ничего, но, ин сумма суммарум, атмосфера в "Пути" и около "Пути" становится все тяжелее, – сами понимаете.

Теперь о постигшем Вас шоке с текстами. Виноват во всем я и выпуски сделал я, и, самое главное, не успел вовремя Вам об этом и Вас предупредить, в чем винюсь искренно. Сделал же я это вот почему: так как мне кажется в такого стиля вещи сторонний глаз может иногда ощущать непосредственнее авторского, то я решил воспользоваться и данным Вами разрешением и Вашим доверием, чтобы удалять (конечно в минимальных размерах) то, что может давать привкус елейности, опасность которого вообще велика для такого замысла. Между тем это мешает тому впечатлению, которое может и должно произвести Ваш очерк. И особенно определено этот привкус я ощущал и при первом и при повторном чтении там, где в Ваше изложение врываются тексты, притом самые употребительные. Кроме того, я думаю, что это как раз <нрзб /> , а вышло как раз наоборот. Разумеется, раз Вы желаете, все будет восстановлено, да вообще я не буду больше трогать Вашего текста, – мне это недоразумение слишком дорого стоило, а Вам еще больше.

Прощайте. Да сохранит Вас Матерь Божия!

Привет О <льге /> Ф <едоров /> не.

Любящий Вас С.Б.

469. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1442] <9.10.1913. Бегичево – Москва>

Милая и дорогая Гармося,

Посылаю тебе на прочтение мой проект обращения к св. Синоду вместе с Булгаковским, а также письмо к Булгакову. Все по прочтении запечатай и пошли ему (проверив адрес на конверте, в коем я не уверен), причем он может и не знать, что ты прочла. Я же, разумеется, не хотел посылать ему какого-либо документа по столь важному вопросу, которого бы раньше не прочла ты, мой милый, дорогой и бесценный друг. Я думаю, что это воззвание можно было бы еще сократить и улучшить, но он меня торопит, а в дальнейшем улучшения возможны.

Как ты поживаешь, моя милая и дорогая, что думаешь и чувствуешь? Я сейчас один с Соней и гувернантками. Сережу проводил вчера за границу, Верочку и Сашу сегодня в Москву. День же сегодняшний потратил на составление этого возвания. Признаюсь, это дело не легкое: нужны спокойствие и выдержка, коих у меня, как ты знаешь, не очень много, и большая осторожность в каждом выражении. И заметь, обвинения против Синода у меня гораздо менее категоричны, чем у Булгакова, но зато требую я гораздо большего: он – свободного обсуждения в церковной печати, я же – созыва собора.

Много и с большой нежностью думаю о тебе. Хотелось бы надеяться, что ты чувствуешь себя бодро и хорошо и не очень обо мне сокрушаешься, тем более, что я так скоро к тебе приеду.

Хотелось бы думать, нет потухшего взора и что правая бровь не заострится в острый угол, а огибает зеленый глазок мягкой и доброй дугой, причем темно-бурая родинка на веке остается скрытой от постороннего взора (ее выступление тоже бывает признаком "катастрофического мироощущения").

Крепко, крепко тебя целую.

Да хранит тебя Бог.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
470. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1443] <1.11.1913. Москва – Н.Новгород>

Москва, 1 ноября 1913.

Дорогой Александр Сергеевич!

Надеюсь, что Ваша девочка вполне здорова и Вы приобыкли к новому месту. О встрече с Вами говорил мне Степпун, просветитель Нижнего. В Москву приехали уже все зимние. Приехал В. И. Иванов с "семейством". Он живет недалеко от меня. Когда видимся, он почти неизменно пленяет своей исключительной одаренностью, "вещью"[1444], а остальное его Вы знаете. Злоба дня для него, конечно, Штейнер и штейнерианство, об этом всего больше говорится. Приехал Н. А. Бердяев. Виделись и уже спорили. У меня двойственное чувство: с одной стороны, для себя, он, несомненно, в росте духовном, в напряжении и страдании, а вместе с тем, его несознаваемый им "идеализм", который он принимает за реализм. Но люблю я его, мне кажется, не меньше прежнего, хотя и боль от него. М <ихаил /> Ал <ександрович />[1445] чувствует себя физически пока ничего и полон воинственного азарта против синода по делу афонцев. Но остается один, п <тому /> ч <то /> около него больше, чем следует рефлексии, рассудительности. пока, впрочем, он ничего из готовимого им не успел предпринять.

Эрн отозвался, наконец, он очень занят. Будет на Рождестве в Москве. О. Павел пока благополучно и терпеливо несет бремя своего положения в Академии, книга его выходит, но со степенью для него не спешат. Мы решили издать в "Пути" сборник об имени Божиим, но скоро с этим не раскочаемся[1446].

Не можете ли Вы оказать мне следующую услугу: при встрече с Мишенькиным[1447] (коему кланяйтесь) спросите его, не остается ли по его мнению (или не может ли он навести справки, однако, меня не называя) у известной Вам Анны Николаевны Шмидт родственников, которые могли бы заявить право собственности на ее сочинения[1448]. Я почти уверен (на основании своих сведений), что их нет*

<подстрочное примечание С.Б.: /> Кстати: не живет ли сейчас в Нижнем бывшая приятельница Шмидт, Анна Андреевна Иноземцева[1449], которая бывала у меня в Киеве в эпоху "Народа"?.[1450]

Не случится ли Вам встретить фотографию А. Н. Шмидт? Если бы Вы могли ее раздобыть, очень бы меня порадовали.

Сейчас читает лекции Мережковский. Он был в Москве 5 лет назад. Не знаю, будем ли видеться теперь, похоже, что нет, хотя это во всяком случае глупо[1451].

Книжка Ваша, кажется, оканчивается печатанием. Обнимаю Вас.

Христос с Вами и со всеми Вашими.

Ваш С.Б.

471. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1452] <21.11.1913.Москва – Н.Новгород>

Москва, Набережная Храма Христа Спасителя,

дом и кв. Мазуриной.

21 ноября 1913 г.

Дорогой Александр Сергеевич!

Письмо Ваше получил, но могу на него ответить лишь кратким извещением, что 12-го у нас заболел scarлатиной маленький Сережа (ему теперь 2 с половиной года). Я выселился из квартиры со старшими детьми и пока, вероятно, до декабря буду жить по указанному адресу, а затем, не знаю еще где. Пока болезнь идет ровно. Вы знаете, что переживается при таких обстоятельствах. Не забывайте в молитвах. Да хранит Вас Матерь Божия!

Ваш С.Б.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
472. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1453] <13.12.1913. Москва – Н.Новгород>

13 декабря 1913 г. Москва

Милый Александр Сергеевич!

Спасибо Вам за Ваши взволнованные строки. Слава Богу, на этот раз мы помилованы, – и у Сережи болезнь прошла гладко и без осложнений, хотя карантин еще не кончился (дай Бог, чтобы нам удалось соединиться в праздник Рождества). О том, что пережито было за это время, не расскажешь, да Вы и знаете это. Скажу одно: стыдно и грешно, когда сознаешь, как недостойн этих переживаний и как о них забываешь скоро, и душа снова погружается в сон. Скажу одно: во время таких испытаний, как никогда чувствуешь подлинность и единственность Церкви, и выходишь с укрепленной и освеженной верой в Нее, но с углубленным сознанием вины перед Ней, вины всей жизни и теперешним бессилием отдать Ей все свои силы и волю. Но об этом даже сетовать совестно.

Я жил отделенный со старшими детьми до последнего времени, когда пришлось переменить жилье, и детей взяли родственники, а я живу в меблированных комнатах. Как полагается, на лбу у меня экзема, и я никуда не могу показываться, даже на "службу", сижу в номере и бываю только у аввы (крестный отмолил крестника[1454]!). Обнимаю Вас Да хранит Вас и семью Вашу Матерь Божия!

Любящий Вас С.Б.

Писать мне все-таки лучше по адресу квартиры моей.

473. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1455] <23.12.1913. Калуга – Москва>

<... /> Я с большим увлечением возобновил чтение книги Флоренского. Главы о грехе, о геене, о Софии и о дружбе – дивные, и мне бы хотелось, чтобы ты их прочла. Это вполне возможно, даже если ты из предыдущего многого не поймешь (напр <имер />, об антиномизме – слабо и трудно). А хотелось бы иметь возможность об этом поговорить с тобой. Во всяком случае это – большой талант, к которому надо относиться бережно и любовно. Во мне все больше укрепляется намерение так или иначе отозваться на эту книгу – либо рефератом, либо статьей, – оценив положительно и приветствовать "дар Божий", но именно с этой точки зрения напасть на примесь ходячей школьной мудрости, которая портит целое – на узкое славянофильство в стиле Эрнста и на нелепо-дилетантский "антиномизм". Тут жестоко отомстил за себя неудовлетворенный и попраный разум. "Истина антиномична" – этим он хочет отделаться от "рассудочности", но именно этим он в нее впадает: ибо антиномичен как раз рассудок, а не истина. И переносить антиномичность в саму истину – значит переносить в нее наш рассудок и нашу субъективную ложь. <... />

474. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1456] [? 12.1913. Москва – Бегичево]

Дорогой? милый? бесценный мой!

Получил ли ты декабрьскую «Русскую мысль»? Пишу тебе под впечатлением противного и глупого письма Радлова. Зато Струве сделал такую милую заметку, которая служит прекрасным ответом на это письмо и все исчерпывает, что можно сказать[1457]. Само собой разумеется, что тебе нечего отвечать на такую личную бессильную досаду Радлова, но ты даже и не сердись, мой ангел, ради Бога. Пожалуйста, не сердись. Ты должен привыкнуть к мысли, что ты многое затронул, всколыхнул своей книгой и многое разрушил! Это не может пройти безболезненно для тебя и для других. Твоя роль вообще трудная и ответственная. Я много прислушиваюсь к впечатлению от твоей книги. Надо, необходимо, чтобы ты писал твою книгу – ее невольно ждет каждый прочитавший твоего Соловьева. Вообще, впечатление твоя книга производит острое! Милый ангел, пиши ради Бога, работай во всю, чтобы доказать, что ты не только разрушаешь, а главное, то, насколько ты развиваешь и ведешь линию Соловьева, что твоя книга не есть кризис религиозной мысли в России, а перелом и внесение свежего элемента в нее и более осознанное и пережитое освещение. Мне ужасно хочется, чтобы ты всем существом теперь вошел в твою работу. Напиши мне об этом, пожалуйста.

О Лопатине не беспокойся, он очень поправился[1458]. Огнев говорит, что он

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. давно не выглядел таким свежим и здоровым, как сейчас. Вся суть в том, чтобы он впредь бросил свои ужины на ночь с вином и ресторанной едой и вел немного более правильную жизнь. Еще хочется сказать о твоей работе. Я говорю не для тебя, так как ты меня не слушаешь, а для успокоения своей души, так как я этим всем много и глубоко живу. Твоя работа должна быть сильным доказательным оправданием трансцендентального метода мышления, и в этом будет ее связь со всей философией. Но она должна быть горячим всепроникающим подтверждением и приведением к Абсолютному. В этом будет весь пафос и устремление твоей работы. Напиши, так ли это.

Я тебя ужасно люблю и ужасно тоскую по тебе! Главное, всегда болезненно чувствую себя оторванной душевно, никогда не могу развивать и углублять, и переживать с тобой твои и свои мысли. Это очень трудно и тяжело! Все как-то отрывочно и недостаточно глубоко мы общаемся! Неужели ты этого не чувствуешь?

Во время нашего Рождественского пребывания в Михайловском хочу серьезно отрезвить Григория Алексеевича в его безумной влюбленности в Иванова. Я понимаю его эстетическое к нему отношение, но религиозного тут быть не может. Надо прежде всего определить мистически "откуда" человек, от Бога или от дьявола! Так, по-моему, Иванов – вампир темный! Все это я буду внушать Григорию Алексеевичу, пусть он кричит.

Недавно был вечер у Григория Алексеевича. За ужином мы сидели вчетвером с Ивановым и Булгаковым, и я пригляделась к Вяч. Иванову. – Это ужас, что за глаза! Ну, да ты чувствуешь! Какой ребенок Григорий Алексеевич!

Милый мой, как ты нужен и мне, и всем, и всему! Для выяснения и охранения светлой линии жизни среди хаоса! Ты опять скажешь свое на это в душе, читая эти строки. Хорошо, мой светлый ангел, отвечаю я твоей душе, давай бороться вместе, но горячо, близко-близко и дружно! А то я не хочу и боюсь страшно потерять мою опору! Тоже никто не захочет потерять светлое утешение и источник жизни!

Вяч. Иванов говорил мне за ужином, что у меня страшно дионисическая природа! Видишь, как страшно, хотя бы ты немножко испугался и вышел из равнодушия, мое сокровище. Пиши ответ в Михайловское. Целую нежно.

475. М.К.Морозова – Вяч.И.Иванову[1459] <14.11.1913. Москва – Москва>

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Кружок молодежи, организовавшийся для совместных занятий по литературе и искусству, решает обратиться к Вам в надежде, что Вы не откажете ему в своем сочувствии и помощи советом и указанием в его молодом деле. Ввиду этого он единогласно просит Вас не отказаться принять скромное звание почетного члена сказанного кружка.

Председательница кружка

М.Морозова

476. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1460] <26.12.1913. Бегичево – Москва>

26 декабря 1913.

Милая и дорогая Гармося,

Еще раз поздравляю тебя с Рождеством и Новым годом у тебя в милом Михайловском. Хочется мне сказать тебе все ласковое, что есть в душе, а главное, что все это время я как-то особенно горячо о тебе думаю, потому что вижу тебя постоянно и вижу в близком любимом деле.

Как-то само собой сложилось, что за все это время я занят исключительно "Путем" и ничем другим, т. е. в конце концов – тобою, потому что настоящая собирательница "Пути" – именно ты; а двигательница твоя – любовь ко мне; и на этом деле я вижу и силу ее и то, что она может сделать хорошего.

Что я делал за все это время. Редактировал перевод Фихте (кончил), получил книгу Кечекьяна с милым трогательным письмом, перечел Дурылина, читаю

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Волжского о преподобном Серафиме. Все это – какой-то расцвет "Пути", особенно в этом 1913 году. Сколько он выпустил крупного, значительного. Новый крупный талант Флоренского, несомненный литературный талант Дурылина, вновь зарождающийся талант Кечекьяна, начало библиотеки классиков-философов и, наконец, теплая, горячая задушевная брошюра Волжского, в которой обычные недостатки его стиля поглощены глубоким религиозным чувством. Не говорю уже о Щукине, который имеет такой заслуженный успех.

Все это ты собрала, и у тебя в твоём милом "Пути" собралось все, что есть теперь наиболее значительного в русской религиозной мысли. И кроме того, что есть, ты можешь радоваться еще и тому, что многого нет, например, Иванова, Мережковского, философов. Не пускай их, душа моя: все, названное мною, так хорошо своей чистотой. И вот тебе ответ на вопрос, нужна ли ты мне или не нужна. Нужна, ангел мой дорогой, – не внешнее дело твое нужно, а сама ты, – моя милая собирательница и вдохновительница этого дела.

Какое же это дело? Ну тут уж ты не сердись, моя дорогая, на меня. "Дионисического" экстаза, – того исступления, которым человек выходит из себя, чтобы впасть в низшую природу, тут нет совсем, есть высший экстаз, коим человек выходит из себя к высшему. Есть сплошной гимн Божией Матери и целомудрию.

Вот что вышло из недр "Пути", вот, что из тебя вышло, вот в чем я вижучезарную тебя ту, которую я так бесконечно, так горячо люблю. Вот твоя "аура" – твой солнечный аспект, а то, другое "я", которое говорит противоположное, которое борется против твоей же "ауры", есть только твой двойник, обманчивая тень тебя!

Пойми же всю глубокую двойственность моей любви к тебе; пойми почему мне так тяжело когда я укрепляю и утверждаю твоего "двойника" и затемняю "ауру". И пойми всю силу моего желания, чтобы оно – твое светлое, твое солнечное "я" в тебе победило. А разве эта победа так невозможна? Душа моя, есть чудное место у Флоренского, где он напоминает еще во сто крат более чудное место из Евангелия. Когда двое или трое на земле согласятся между собою просить о всяком деле, то исполнится молитва их, будет то, о чем они просят [1461].

Дорогая моя, ангел мой, давай условимся с тобой просить об одном и том же, чтобы пришло в нас Царствие Божие, чтобы осуществилось в нас совершенное целомудрие, чтобы наша светлая "аура" победила жгучий и темный огонь, дающий не жизнь, а обманчивый призрак жизни. А теперь – до свидания, мой милый, мой несравненный, мой радужный и горячо любимый друг.

477. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому [1462] [? 12.1913. Михайловское – Бегичево]

<... /> Родной мой, прости, но я не могу не упрекнуть тебя; зачем ты так давишь все, так убиваешь, когда жизнь так коротка, так полна лишений и страданий! Зачем?! Это и не нужно жестоко! Ангел мой, ну умоляю тебя, поезжай со мной в Михайловское! Если бы ты знал, как я боюсь потерять эти драгоценные минуты! Нет этого я не могу допустить. Когда поправишься, то приезжай, а потом в Москву. 10 дней в Москве не стоят одних суток в Михайловском. Не лишай мою душу этого утешения и отдыха! Ну прости, что тебя тревожу, но уж очень я сражена и взволнована! Ангел мой, будь осторожен, вылечись хорошенько. Я тоже больна, кашляю неистово! Завтра приедет доктор! Какой ты хитрый, написал в телеграмме: приехал сын! А я уже обдумывала, как поехать и хоть на минуту тебя повидать. Помни, что в четверг 15-го заседание философского кружка, а 17-го в Психологическом Общ <естве /> реферат Новгородцева [1463]. Если твой сын уедет, телеграфируй мне – я приеду, останюсь в другой гостинице, возьму паспорт чей-нибудь, чтобы тебя не смущать и приду к тебе хоть ненадолго! Ангел, позволь ради Бога. Скучаю по тебе ужасно.

Если ты не успеешь на реферат Новгородцева, то скажи прямо, что для "Пути", решения разных дел – твое присутствие необходимо. Что же такое, так нельзя жить, в таком рабстве – это возмутительно! Что же ты хочешь похоронить себя в имении и в хозяйстве. Какой это ущерб – твое отсутствие, для дела это ужасно! Я постоянно это чувствую и понимаю! Я тебе многое скажу, когда увидимся!

Пиши, ужасно прошу. Если останешься один, позволь мне приехать. Все выйдет

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. очень хорошо, я очень осторожна и дипломатична, когда нужно, уверяю тебя.

Сегодня послала тебе 3 наших книги. Просмотри их. Еще послала моего издания – Канта[1464]. Дорогой, чудный мой, благодарю за письмо. Оно оживило меня, озарило светом мое горестное настроение! Ну, Христос с тобой, молюсь ему, чтобы Он сохранил моего бесценного, дорогого, прелестного моего! Пиши, умоляю тебя! Целую миллион раз, мой ангел, нежно, горячо, крепко!

Твоя Г.

1914 год

478. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1465] <1.01.1914. Бегичево – Михайловское>

<...> Одновременно с письмом к тебе я в прошлый раз послал в Михайловское письмо Рачинскому, где затронул тему об Иванове[1466]. Я сделал это не без умысла – ввиду высказанного тобою намерения – затронуть эту тему. Это письмо к нему было послано тебе в подкрепление. Жду с нетерпением твоего рассказа о разговоре, который по этому поводу произойдет (точнее говоря – произошел). Я столько приятного ему попутно сказал о "Пути", что, надеюсь, жало негодования будет этим хоть отчасти притуплено! <...>

479. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1467] <3.01.1914. Москва – Н.Новгород>

Дорогой Александр Сергеевич!

Поздравляю Вас с прошедшим праздником Рождества Христова и Новым годом, да pošлет Создатель Вам и семье Вашей всех благ. Благодарю вас за письмо Ваше, с призывом к простоте и правдивости. Конечно, Вы правы были в нем. Мы вступили в квартиру в самый праздник Рождества Христова. Конечно, это была великая, сугубая радость, хотя первое время пришлось иметь дело не только с запахом формалина, но с разными неудобствами. Сережа совсем здоров, беда миновала. Елена Ивановна перенесла заточение довольно бодро и благополучно.

Праздники проходят, по обычаю, бестолково, хотя и довольно скромно. Не написал Вам вовремя, оттянул до сегодня. Приехал сюда Эрн, который вызывает Вас в Москву, не знаю успешно ли. Он светился своим внутренним светом, и как-то тревожно сердце о нем, особенно о его девочке, тоже заболевшей почками. Вчера мы ездили с ним к Троице, вместе молились у раки преподобного Сергия, и вместе были у о. Павла. День этот был духовным пиром, тихим и радостным. Да продлит Господь дни о. Павла! Сдается мне, что его силы надрываются от чрезмерной работы и неблагоприятных условий жизни. О выходе книги его[1468] Вы, конечно, знаете; она есть несомненно событие. Писать о Н.А.Бердяеве, В.И.Иванове и др., выяснять их теперешнее состояние и взаимоотношения трудно, расскажу, если увидимся.

М<ихаил> А<лександрович> здравствует, выпустил "Материалы к спору об имени Божием"[1469]. Ужасно ему признателен за внимательное участие во время злключений наших.

Как Ваше здоровье? Здоровье вашей семьи? Я слышал от Мишенькина, что Вы терпите неприятности при определении сына (Глеба?). Трудная это история, у меня относительно Федора всегда есть заботы, хотя он и поступил в гимназию.

Передайте мой привет О<льге> Ф<едоров>не. Приветствует Вас и Елена Ивановна. Христос с Вами!

Обнимаю Вас.

любящий Вас С.Б.

480. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1470] <3.01.1914. Бегичево – Москва>

<...> Глубоко возмущен второй статьей Лопатина[1471]. Это – опять сплошная фальсификация, мелко-придирчиво-злая, со скверным заподозрением и недоброжелательством по отношению к Соловьеву! На этот раз мера превзойдена, и я отправляю ему второе дружеское предупреждение в виде частного письма. (Печатно отвечать буду лишь по окончании его статьи). Если это не подействует, и третья статья будет столь же гнусна, тогда уже придется высказываться в печати со всей резкостью, которой он заслуживает.

Были у меня 4 семинариста, с которыми мы очень оживленно провели весь день[1472]. Я же сейчас пишу о флоренском[1473]. Очень хотел бы, чтобы эта статья вылилась в доклад для Религиозно-философского Общества. Не знаю, удастся ли. Ну, до свидания. <...>

481. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[1474] <10.01.1914. Москва – Тифлис>

<...> Прости, что все пишу тебе открытки. Это оттого, что все силы идут на людей и на хождения. За письменный стол я уже не присаживаюсь, из инстинкта самосохранения. У нас все по-прежнему. Собрания людей и разговоры, разговоры без конца. Не подумай, что пишу это "порицательно". Наоборот, почти все встречи радостны, почти все разговоры существенны. И все же я так счастлив, что скоро уже еду к вам <...>

482. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1475] [? 01.1914. Москва – Бегичево]

<...> Отчего же не променять Булгакова, Рачинского, Иванова на Ковалевского, Петражицкого и Гримма! Они, пожалуй, с большим вкусом и приятней! Я не уверена, что это не так! "Путь", за который я бесконечно обижена на тебя, менее всего важен. Ты не знаешь и не разделяешь (главное не разделяешь) со мною моих интересов! <...>

483. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[1476] <11.01.1914. Москва – Тифлис>

<...> Мне еще так много осталось сделать, а дней осталось так мало. Вчера Валя[1477] стала рисовать с меня портрет для Люси[1478]. Сегодня кончит. Очень хорошо выходит. Я так жалею, что не могу тебе его привезти. Е<вгения> Ю<дифовна> чувствует себя плохо. Температура и слабость. Вчера были без нее у Ивановых. Было так себе <...>

484. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[1479] <13.01.1914. Москва – Тифлис>

<...> Вот уже последние дни моего пребывания в Москве. Еще 2-3 дня, и я буду мчаться к вам. Тут все коловращение. Позавчера мой реферат[1480], вчера галерея щукина[1481], флоренские и, наконец, вечер у Гершензона с душераздирающими спорами, приведшими к общему и взаимному удовлетворению <...>

485. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1482] <14.01.1914. Бегичево – Москва>

Милая и дорогая Гармося.

Что ты замолкла и нет от тебя весточки? Боюсь, здорова ли ты и в духе ли? О себе могу сообщить, что кончил реферат о флоренском и получил от него замечательно милый и сердечный ответ, очень меня тронувший, на мое письмо[1483]. Но по вопросу, устраивать ли заседание с ним или без него (а стало быть, открытым или закрытым), он все-таки колеблется. Послал ему еще письмо с изложением всех данных, а также с просьбой сообщить окончательно Рачинскому свое решение, дабы, в случае отказа флоренского, он мог, как я его обэтом просил, нанять зал для публичного заседания. программу я ему уже выслал. Очень прошу толко, чтобы заседание не совпало с 10-м числом, 14-м и 24-м. Эти три дня для меня неудобны.

Несколько беспокоит меня то, что Лопатин ничего не отвечает на мое письмо. Такое письмо, казалось бы, требует ответа, а молчание делает положение более тягостным.

Я совершенно здоров. Сережа[1484] все еще в Киеве, заканчивает продажу дома. В деревне было бы хорошо, если бы не убийственный ветер, при котором гулять нет никакой охоты.

Реферат привезу и с наслаждением тебе прочитаю, что будет теперь уже очень скоро. Часто, часто и с большой нежностью о тебе думаю, моя милая и дорогая, – да будет благословенье Божие с тобой. Будь добра и весела и не забывай про наше "товарищество Лознгрин". Опять, ничем кроме "Пути" и Религиозно-философского общества заняться не мог. Сейчас отсылаю перевод Яковенко.

Крепко, крепко тебя целую.

486. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1485] <начало 1914>

<...> В воскресенье собираюсь на открытие нового философского общества[1486]. Говорят, что уже начались раздоры. Как это жаль! Твое собрание мы устраиваем на 12-е февраля, в Польской библиотеке. Флоренский написал Рачку, что он на собрании быть не может, а в интимном кружке с тобой очень хотел бы побеседовать! Мы думаем устроить беседу в "Пути", когда ты скажешь, вечером, в тесном кружке![1487] <...>

487. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1488] <15.01.1914. Москва – Н.Новгород>

15 января 1914 г. Москва.

Дорогой Александр Сергеевич!

Спешу (Вы, вероятно, найдете, что не очень "спешу") ответить на деловые пункты вашего письма. Все Ваши пожелания я сообщил "Пути" и, насколько можно, они будут исполнены. По редакциям светских и духовных журналов книжка[1489] рассылается. С указанными Вами магазинами сделана будет попытка завязать отношения, – частью сделаны письменные предложения, частью берется авва прилагать Вашу книжку к своим изданиям (в чудов монастырь, по епархиям и под.). Вообще же имейте в виду, что для издательства и конторы не всегда возможно создавать специальные условия для одного издания (например, давать его на комиссию, когда вообще не дается, в частности, например, Голубову даже авва перестал давать, потому что он не платит, хотя и о многих епархиальных лавках он говорит). Вообще, что может быть сделано, будет сделано. Хорошо, если бы могли помочь и Вы, коли имеете способы: как будто в бытность здесь Вы об этом говорили. Как раз здесь случился Тернавцев, и я его просил о содействии. Он записал и обещал, но по моему впечатлению, хорошо, если для напоминания Вы напишете ему и сами (хотя на Синод) и книжку приложите, а не то забудет. Не собираетесь ли вы весной в Москву? Поговорили бы, а то не хочется верить письму рассказов ни о людях, ни о себе.

Послал вам безделку – отписку об афонцах[1490]. "Суд" нас волнует и огорчает также, как ужасают доносящиеся вести о влиянии Распутина и о формах этого влияния. Я удерживал или, по крайней мере, не советовал авве печатать свою статью, именно щадя высокий авторитет, но, кто знает, может быть, нужно бить тревогу именно из-за него самого <...>

Читали ли Вы новые книги Розанова по еврейскому вопросу[1491]? Если отделить фельетонное и кошмарно-легкомысленное, то остается все-таки очень серьезный остаток, который лежит у меня на душе еще не освоенным. Как все трагично в жизни, в религии, а, стало быть, и в еврействе, долго будет трагичным!

Над головой о. Павла Флоренского все собираются тучи. Утверждают, что его диссертация не будет одобрена в Синоде, а сам он уже начинает советоваться об устройении своем после изгнания из Академии. Не дай Бог этого, ради Академии самой! Книга имела исключительный успех, все издание (2000) уже почти все разошлось.

Прощайте! Да осветит Вас своим миром и радостью Воскресший Господь!

Привет дому Вашему.

Ваш С.Б.

488. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1492] [? 1914. Москва – Бегичево ?]

<...> Да, мой ангел, и я того же боюсь, чтобы добродушные и беспечные дворянчики, хотя и делающие визиты, но все же добродушные и русские, мягкие и широкие не упустили всего из рук! У них вырвут все из рук – эти жестокие, холодные и бездушные интеллигенты! Я в таком случае становлюсь на сторону дворянчиков и всецело за дух старой России! Как страшно все это! Я сама так часто чувствую себя отставленной, как что-то старое, отжившее, ненужное и наивное для новой грядущей силы! Я знаю, что она неизбежна, эта новая сила, но необходимо, чтобы она признала и впитала в себя и прошлое, тогда она будет плодотворной! А на самом деле всюду ненависть! <...>

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
489. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1493] <26.01.1914. Бегичево – Москва>

Милая и дорогая моя Гармося,

Сколько я пережил под впечатлением твоего письма, – и сказать не могу. Никогда не ощущал сильнее невероятную сложность моего чувства к тебе.

Первое впечатление было, как всегда, – сочетание радости и горячей нежности к тебе; а потом пришла другая волна – мучительная и тревожная. Я проснулся ночью с ощущением – точно свинца в груди и потом уже не мог спать, – до утра плакал о тебе и о себе. Все вспоминалась твоя фраза: "мне не нужно бессмертия, лишь бы был Женичка". Вот эти-то слова милой, горячей, всем существом любящей меня души меня мучили! Отчего? Поймешь ли меня, моя дорогая и милая? – Вот отчего!

Ты помнишь, это бывало не раз, соя на коленях перед образом, который я тебе подарил и лоя на себе твой пламенный взгляд, я поворачивал рукой к Нему твою милую голову и говорил тебе: "Смотри на него, а не на меня". Вот отчего эта тяжесть в груди, с которой я проснулся. Мне все казалось, что ты смотришь только на меня и говоришь мне: "Он мне не нужен, мне нужен только Женичка!" Как это по-человечески, как это по-женски, как я понимаю это движение!

Но когда я его чувствую, еще сильнее поднимается в душе волна и сердце разрывается пополам. "Ведь я ее люблю, а спасение ее только в Нем, – а я Его заслоняю от нее, я ее же этим гублю, тем, что из-за меня она все, все забывает!" "Не хочу бессмертия!" Родная моя, как же не хотеть тебе моего бессмертия, если ты меня любишь, если ты меня любишь, как не хотеть тебе, чтобы я сиял "паче солнца" навеки, а не был бы съеден без остатка червяками. И как же мне не хотеть, чтобы также просияла и сохранилась моя милая, дорогая Гармося. Вспоминал в ту ночь со слезами и страхом другую твою фразу: "Вот бы нам быть навеки, как Франческа и Паоло; быть прикованной к Женичке и с ним навек носиться". Ты в этом видишь рай. Но скажи, душа моя, и подумай, почему Данте, изведавший до дна всю глубину человеческой любви, именно в этом образе видел ад, вечную муку Франчески и Паоло! Вот почему. Оба любящих в этом видении – не живые, а мертвые, – два бескровных призрака, навеки прикованные друг к другу. Подлинного в них – только палящая, огненная жажда жизни; они ищут жизни друг в друге и не находят. Перед Франческой – только призрак – мертвый двойник – того, кого она любит; также и перед Паоло – двойник, призрак Франчески. Это вечное, пламенное искание жизни, без надежды ее найти. Почему?

Да потому что настоящий, подлинный, солнечный образ Франчески, как и Паоло – только в Нем, а поэтому – на Него надо смотреть, к Нему всей душой прилепляться и только в Нем оживешь, в Нем найдешь ты и подлинного меня, а не двойника моего.

Прости, родная, за сумасшедшее письмо, но не могу не написать его тебе: ведь я из-за этого полночи проплакал. И не говори, что я – твое спасенье: потому что, чем больше ты это говоришь, тем мучительнее моя тревога, что я-то именно и заставляю тебя забывать о настоящем твоём спасении.

Целую тебя бесконечно нежно и крепко.

Получила ли ты первое мое письмо?

490. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1494] [? 1914. Москва – Москва]

<...> Я теперь решила потребовать от тебя за то, что ты уезжаешь[1495] и значит наносишь огромный удар по моей жизни, моим силам, за это я требую, чтобы ты успокоил мою душу и дал ей то, что ее может поддерживать!

Я требую, во-первых: чтобы ты никоим образом не печатал твоей работы раньше осени 15-го года.

Во-вторых, чтобы ты главные части твоей работы прочел тремя (все равно двумя) рефератами в Психологическом Обществе, в Научно-Философском и Религиозно-Философском Обществе. Все это глубоко важно для твоей работы, для твоего влияния, для значения твоей мысли. <...> Твоя главная, основная мысль выносилась, выяснилась и окрепла в тишине, и слава Богу! Это

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. результат твоего уединения и работы! Но развиться, сделаться органической, получить кровь и плоть эта мысль должна в борьбе, в столкновении с другими, все-таки умными и знающими. Это еще только начало: твое общение с твоими семинаристами. Теперь твоя мысль и твое влияние должно распространиться на более опытных в философии <...>

491. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1496] <9.02.1914. Бегичево – Москва>

Милая Гармося,

Уезжая на этот раз из Москвы, остался под одним очень милым твоим впечатлением – пылкой защиты фихте против Булгакова. Я тобой тогда все время любовался, и ты доставила мне большую радость! До сих пор я видел тебя мечущей грома только против меня и только подозревал, что умеешь так метать их и против моих обидчиков, но никогда не видел тебя сам в этой роли, а теперь увидел. Спасибо тебе, душа моя милая, я понимаю, что в лице фихте, которого я люблю, ты защищала меня. И хорошо ему (т.е. Булгакову) влетело. То, что он говорил про "люциферианство" фихте удивительно трафаретно и пошло. И Рачинский этого недостаточно понимает: иначе он осторожнее относился бы к этим очередным выставкам наших кустарных изделий, которые называются у нас "сборниками". Вот попробуй, подразни его, скажи, что <Евгений> <Николаевич> называет наши сборники выставками кустарных изделий в философии! Что он на это скажет! Пожалуй, того наговорит, что потом и ты найдешь, что я чересчур вдаюсь в "острословие", оно же "скептицизм", оно же рационализм – одним словом совокупность всех тех "измов", вследствие которых моя бедная Гармося и недооценена, и непонята, и оставлена одна на свете, между тем, как я от рационализма бросивший "кустарей" – стал "дворянчиком, делающим визиты". Обрати внимание, что недавняя речь Рачинского в твоей гостинной – за имяславческий сборник была сказана как бы в защиту кустарного производства. "Не нужно знаний, не нужно подготовки, не нужно богословия, – нужна интуиция". Это именно признак кустарей.

Не сомневаюсь, что были в философии гениальные кустари (Якоб Боме); но возводить их пример в метод, не имея их гения, – более, чем опасно: получится или что-нибудь вроде не то вяземских пряников – не то калужского теста, нечто пряное, слащавое и безвкусное с клеймом "Путь", за что нас пребольно высекут! Или же какое-нибудь кустарное "дерзновение" в стиле Бердяева. Какое счастье, что мы освободились хоть от "дерзновений" этих!

Но я напрасно и совсем даже нечаянно увлекся острословием! Совсем не для того я сел писать, а чтобы крепко поцеловать и поблагодарить мою милую пламенную защитницу и громовержницу, которой любовь я так сильно почувствовал в ее защите. А на кустарей я тебе пожаловался немного как ребенок, которого обижают, жалуется какому-нибудь женскому существу, его любящему (мать, старшая сестра и т.п.). Не обижайся за это сравнение! В настоящей любви женщины всегда собраны в одно все виды любви: в ней есть и сестра, и мать, и даже иногда – няня! Но это не значит, чтобы кроме этого не было еще другого более могучего и глубокого чувства женщины, по отношению к которому и материнское, и сестринское, и нянино – только привходящие, только "побочные тональности", которые не определяют, а только дополняют и украшают основной аккорд. И в этом-то невыразимая прелесть аккорда и состоит, что все тона в нем можно найти, и все заставить звучать, – когда пожаловаться как матери, когда поговорить как с другом (сестрой), а когда и крепко, крепко обнять как милую, любимую Гармоську.

До свидания, моя хорошая, мой ангел дорогой, милая моя мадам Парсиваль-Тристан-Лоэнгрин.

492. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1497] <12.03.1914. Москва – Н.Новгород>

Дорогой Александр Сергеевич!

Письмо Ваше получил, почти только что вернувшись из Зосимовой, куда ездил с Аввой на субботу и воскресенье. Ужасно жаль, но предупредить Вас даже при желании не мог, <потому> <что> Авве все нездоровилось да и не знал я про Ваши сборы. Второй раз уже не выбраться ранее весны. Было очень светло и благодатно. О. Герман стареет и слабеет, а вместе и светлеет как-то.

Авва прихварывает, но все-таки <нрзб> совершил новое выступление против Распутина, к которому я отношусь скептически ("справа"). У нас, слава Богу,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. благополучно, чего и Вам от души желаю.

Господь с Вами. Привет Вашим.

Любящий Вас С.Булгаков

493. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1498] <5.04.1914. Москва – Н.Новгород>

5 апреля 1914 г.

Великая Суббота

Христос воскрес!

Дорогой Александр Сергеевич!

Целую Вас пасхальным целованием и приветствую в праздников праздник. Поздравляю также О<льгу> Ф<едоров>ну. Надеюсь, что у Вас все благополучно. Мы провели Страстную светло и благодатно. Я со старшими детьми говел и причащался в Чистый четверг Святых Таин, посещал все службы в эти великие дни. Не могу выразить, с какой силой встает у меня в этом году мое чистое, Страстную и Святою неделями освещенное и освященное детство, папа и мама, наш старый дом, уже не наш теперь, где мы родились, выросли, любили, хоронили, ливны, улицы, – все с каким-то мучительно-сладким чувством влюбленности. Как они умели детски чистым сердцем и молиться, и радоваться празднику, умели жить в церкви. А я вот чувствую себя в родной стихии в страстные дни, но как будто все утериваю способность пасхальной радости, а ведь это – слабость, грех, этого не должно быть, ибо у св. Серафима всегда была на душе Пасха и пелось "Христос воскрес!"

Как Вы поживаете? Удалось ли Вам съездить в Пустынь? Спасибо Вам за согласие возвести меня в несоответствующий чин "русского философа", – не без смущения прочел об этом в письме Вашем. Вы знаете, что мне, чем дальше, тем труднее становится переносить одного из двух, вверенных Вам русских философов, – себя, и труднее барахтаться с другим (коего адрес: Москва, Савеловский пер., д.10, кв. Гриневич)[1499]. Готов Вам оказывать всяческое содействие, какое Вы найдете нужным, – приказывайте. Думаю по существу, что в Вашем очерке, если и могут отсутствовать детали школьной философии, будет уловлено, что не поддается скальпелю, т.к. указан живой нерв нашего "философствования". Думаю, кроме того, что Николая Александровича вам необходимо ощутить, он все-таки очень изменился, и, кроме того, готовит книгу, которая для него будет, очевидно, самым значительным из всего написанного им[1500]. Спишитесь с ним непосредственно, я нахожу это необходимым, хотя при случае и спрошу его мнение.

Эрн завтра уезжает[1501]. Я видел его хотя и несколько раз, но все-таки недостаточно, – он нарасхват. Читал доклад в Религиозно-философском обществе[1502]. Спорили. Он светел, ясен, спокоен и упрям, последнее, конечно, лишь в теоретических спорах. Вообще же было очень радостно его видеть, хотя над ним сгущаются тучи: заболела девочка и проч.

У нас, слава Богу, теперь все благополучно. Я вышел в круг своих повседневных забот. Начинаются лекции и будет некогда. Вполне понимаю ваши страдания в связи со школой для детей, а мы вступаем уже в круг и иных забот. Муночке уже 15 лет, появляются разные запросы. Сознаю, что надо бы посвящать детям больше времени и внимания, чем имеешь и, главное, умеешь.

Мишенькин прислал мне портреты Шмидт, пишу ему сегодня или завтра. Авва сейчас "звонил" и просил Вам передать благодарность за книжку и надпись. Он Вам на днях напишет. Стал опять закисать и переутомляться, – силы его убывают.

Ну, прощайте, да хранит Вас и семью Вашу Матерь Божия!

Любящий Вас С.Булгаков.

Спасибо за присылку книжки. Ее издали 3 тыс.

494. С.Н.Булгаков – В.Ф.Эрну[1503] <5.04.1914. Москва – Тифлис>

Москва, Зубовский б., д.15.

ЕВ. 1914 г.

Христос Воскресе!

Дорогой Владимир Францевич!

Поздравляю Вас и Евгению Давыдовну с праздником Христова Воскресения, да пошлет Воскресший Вам свою радость. Как здоровье Ваше и семьи Вашей? За это время от Вас и о Вас не было никаких вестей. Слышал только из "Пути", что Вы торопитесь печатанием и писанием диссертации, причем, кажется, героическими усилиями Сусанны Михайловны и Григория Алексеевича удалось сдвинуть типографию и заставить ее набрать все, Вами присланное.

У нас это время прошло благополучно в смысле внешнем и внутреннем. Очень отрадным фактом является исключительный внешний успех кнги о. Павла, – все почти издание (2000) уже разошлось! К сожалению, можно опасаться, будет ли она иметь такой же успех и как диссертация.

Повидимому, мне удастся получить на осенний семестр отпуск, которым я предполагаю воспользоваться и для своей работы, и для поездки в Италию[1504]. Во всяком случае из Москвы буду отсутствовать <нрзб>.

Кн. Е.Н.Трубецкой тоже уедет на год за границу, так что бедный Григорий Алексеевич временами впадает во вполне законное уныние о том, как будет он нести бремя Религиозно-философского общества и "Пути". Но для облегчения его, на счастье, есть в Москве Вяч. Иванов, так что кое-как протянут, а к январю и я на подмогу поспею.

Про людей московских ничего особенного, чего бы Вы уже не знали, не могу сообщить, – живем как жили.

<конец письма отсутствует>

495. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[1505] <9.05.1914. Москва – Тифлис>

<...> О себе пока не пишу. напишу подробно завтра. Дом Гриневич рассыпается[1506]. Завтра переезжаю к Ивановым[1507], у которых за отъездом Веры[1508] и димы[1509]. в деревню будут свободными целых две комнаты. Мои дела с диссертацией идут туго, но все же идут. "Пищит да лезет". <...>

496. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <10.05.1914. Москва – Тифлис>

10 мая 1914 г.

<...> Мне у Ивановых очень хорошо. Имею отдельную комнату, ухожу к себе, когда есть работа, с полной свободой. У них стало совсем по-иному, чем было в Риме. Спокойно, уравновешенно, просто и семейно. Вяч<еслав> встает в 11 ч. и ложится в три. К Вяч<еславу> ходит много людей и все его любят по настоящему, не то, что в Петербурге. Очень привязаны к нему Булгаков и Рачинский. Вообще кругом Вячеслава мистически чисто. О Голубкиной[1510] расскажу в другой раз <...>

497. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <11.05.1914. Москва – Тифлис>

Москва, 11 мая 1914 г.

<...> У Ивановых я встретился с Голубкиной – скульптором гениальным и изумительно вдохновенным, хотя и молчаливым человеком. Она сделала бюст Вячеслава – силы Бетховенской – титанический размах, Вяч<еслав> взят не в эмпирии, а в каком-то умопостигаемом пределе. Вячеслав гордится и говорит, смеясь, что чувствует себя "китайским императором". Представь мою радость, когда вчера Голубкина нарочно пришла к Ивановым, чтобы сказать, что хочет с меня лепить бюст. Я счастлив, что смогу смотреть на нее в процессе ее творчества. Она высокая худая, атлетически сильная, грубая на словах, прямая, из крестьянской среды, живет иногда впроголодь и раздает по 500 р. – страшно добрая, с лицом некрасивым и гениальным, не говорит, а бормочет и то смотрит так серьезно и глубоко, что жутко делается, а то улыбается прекрасной кроткой улыбкой. С Вяч<еславом> она познакомилась всего месяц назад на его лекции и сейчас же захотела лепить. Мне кажется лепка для нее метод особого художнического узнавания людей. <...>

498. Е.Н.Трубецкой – В.Ф.Эрну[1511] <б.д., весна 1914?>

Дорогой Владимир Францевич,

Получил Ваше письмо и имел еще разговор с Г.И.Челпановым. от него узнал довольно неприятную вещь. Именно, Правление Университета в целях экономии требует, чтобы авторы печатаемых трудов представляли целиком рукописи, дабы типография заранее определяла сколько листов приблизительно, выйдет в печати. На такое число листов и дается разрешение каждому автору. Что же выйдет сверх сего, то он печатает уже за свой счет или получает новое разрешение. Повидимому, для печатания требуется кроме того и благоприятное заключение профессоров-специалистов данной кафедры в факультете.

Словом, есть затруднения не для Вас лично, а для всех авторов. Мой совет – не обращать на это внимания и пытаться войти в соглашение. Челпанов мне говорил, что в типографию (если профессор-специалист на это согласен) можно представить и неполную рукопись. Допустим даже, что Вам дано разрешение напечатать часть: если труд выйдет больше, возможна приплата со стороны "Пути". Обо всем этом я доложил "Пути" вместе с Вашей просьбой. Мы все присоединяемся к ней, тем более единодушно, что мы должны считаться с возможностью отказа напечатать за счет Университета Ваш труд[1512].

Надеюсь, что Вам был переслан мой первый том о Соловьеве с моей подписью. Второй выйдет вскоре после Пасхи и будет Вам выслан.

Сердечно Вам преданный

Кн. Е.Трубецкой

"Непрактичность" советов Лопатина не должна Вас смущать: он в делах практических понимает столько же, сколько Вы – в жителях Марса.

499. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <14.05.1914. Москва – Тифлис>

14 мая 1914.

<...> Я ужасно занят, гораздо больше, чем мог ожидать. Каждый день хожу в типографию, уговариваю и убеждаю, каждый день правлю массу корректуры. Дело идет, но с трудностями, и мне каждую минуту нужно их устранять. Надежда, что выпущу книгу[1513] к сроку, у меня полная, и все же зевать не приходится, ибо от одного пропущенного дня могут рухнуть все мои замыслы. Виделся с Лопатиным на днях и много говорил с ним. Он определенно заявил, что защита моей диссертации раньше октября-ноября устроить никак нельзя, потому что в сентябре будет защита диссертации Аскольдова. Когда я ему указал, что для меня это создаст большие и непредвиденные затруднения, что сам он мне совсем иное говорил в январе (тогда мы решили устроить защиту до 1-го октября, чтобы успеть ходатайствовать о командировке), он мне предложил то, что меня вполне успокоило, а именно, подать прошение о командировке теперь же при подаче диссертации. Он самым энергичным образом поддержит мое ходатайство и тогда можно рассчитывать с большой уверенностью на командировку в этом же году[1514]. Потом я виделся с Челпановым, который сказал, что со своей стороны он с удовольствием присоединится к Лопатину и кроме того уверил меня, что после защиты диссертации мне совсем легко будет получить кафедру в Киеве, Харькове или Одессе. Теперь у меня, значит, забота, во-первых нигде не пропустить сроков, во-вторых сделать все по форме. Сколько я знаю, заседание факультета (момент, когда я должен подать диссертацию) будет всего лишь в последних числах мая, и значит надежда моя быстро выбраться из Москвы пропадает <...>

500. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <17.05.1914. Москва – Тифлис>

17 мая 1914

<...> Завтра еду в Посад на защиту диссертации Павлуши <...> Диссертацию мою набрали и сверстали всю. Теперь дней через пять она выйдет в свет. Заседание факультета будет все лишь 31 мая, и, значит, раньше 1 июня я никак не смогу выехать <...> Я в экстазе от мысли переводить Цонвивио. Вячеслав вчера начал переводить первую канцону мастерски и удивительно, и мы с ним вполне разобрались во всех ее тонкостях[1515] <...>

21 мая

<...> Сфотографировать Голубкину я не смогу. Она не выносит фотографии. Начала она с меня лепить этюд для большой своей работы. В первый сеанс почти все было готово, и что-то значительное, Голубкинское стало проступать в глине. Во второй сеанс она решила переменить ракурс, переместила всю глину с профиля на троис зуартиерс – вдруг потеряла "нить". Билась, билась, ничего не вышло. В сердцах сорвала всю глину с "мольберта" (если можно мольбертом назвать какие-то циклопические сооружения из неструганного дерева) и начала снова. Но работа ей не далась, и напасть на свой собственный след она уже не могла. Так что пока что ничего не вышло. Но зато, во-первых, я осмотрел все ее вещи (что удастся далеко не всем), во-вторых, мы хорошо поговорили с ней и внутренне подружились, в-третьих, мог долго наблюдать ее "в работе", когда она вдохновенно "кидалась" глиной в мольберт и кроме того видел несколько мгновений, став за ее спиной, когда она "подправляла" свою работу, чудесную сверхъестественную зиждительность ее пальцев. Все впечатления очень сильные <...>

502. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <21.05.1914. Москва – Тифлис>

21 мая 1914 г.

<...> Третьего дня я собрался ехать в Посад. Вячеслав захотел вместе со мной. Мы отправились вместе и вышло очень хорошо. Хотя Павлуша ругался, что мы приехали на его позор[1516], но все же внутренне был доволен. Вместо позора вышло "прославление". Оппоненты вместо критики рассыпались в похвалах. Один из них (Глаголев), старый профессор так и сказал прямо: когда 10-летний брамин встречается с 100-летним кшатрием, то первый является учителем, а второй учеником. Павлуша – брамин[1517], а он, Глаголев, даже не кшатрий, а вайшья[1518] [?]. Ректор сказал, что с книгой Павлуши Совет Академии переживает затруднение. С одной стороны ему следовало бы дать не магистра, а доктора (но это по их законам нельзя), с другой стороны давать ему степень несколько зазорно: своей книгой он совершенно опрокидывает академическую науку. Павлуша в возражениях своих был ужасно хорош: тих, сдержан, добр, и говорил так, как будто это был не торжественный диспут, а простой интимный разговор. Между прочим: специально на диспут приехал из Москвы Антоний (Донской)[1519] и не переночевав уехал. Я был радостно потрясен, увидев его старческую величественную и прекрасную фигуру. После диспута был традиционно обязательный ужин (стоивший Павлуше около 200 р.). Здесь говорилось много хвалебных речей. Сказал маленькое слово и Вячеслав. Анна Михайловна[1520] в иные моменты сияла от счастья <...>

503. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову <24.05.1914. Москва – Тифлис?>

<...> Когда пришло твое письмо, в Москве был разъезд во всем разгаре. Герцык с Бердяевыми и с Гриневиц "рассыпались" в начале апреля. Поэтому, несмотря на все мое желание быть тебе полезным по поводу твоих педагогических десидери, мне удалось заявить только в одном месте, тем более, что твое письмо пришло в тот момент, когда я уже начал укладывать чемоданы. Накануне отъезда Гершензон, желая почтить мое удаление из Москвы, а также близкое исчезновение Булгакова, собрал маленький соирее, на который собрались: Вяч. Иванов с семьей, Булгаков, Шестов, влюбленный в Вячеслава[1521], художница Кругликова которая в этот вечер очень искусно резала со всех присутствующих силуэты[1522], позже пришла г-жа Орлова[1523], родственница С.А.Котляревского. Вот в этой компании я рассказал к слову о твоих "предположениях"[1524], но увы эта компания была чрезвычайно не педагогическая! Булгаков с живым интересом расспрашивал о тебе, но не о деле. Жаль, что Орлова пришла после того, как я уже на эту тему переговорил: она занимается, сколько я знаю, педагогиею и, кажется, богата; по крайней мере Гершензон живет в ее доме, и домов у Орловых несколько. Во всяком случае твоего желания не забуду и на будущий год при встречах со всякого рода людьми буду твердо о нем помнить.

Ивановы очень были рады твоим приветствиям и в свою очередь просили приветствовать тебя. Лидия даже засмеялась, когда я сказал, что ты просишь им кланяться, если они тебя не забыли. Ты уж очень короткую память предполагаешь у таких необыкновенно памятливых людей <...>

Из Геленджика пришлю тебе оттиски и может быть две книжечки, если только

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. они вышли из печати и будут присланы мне из Москвы <...>

504. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <29.05.1914. Москва – Тифлис>

29 мая 1914 г.

<...> Три дня не писал тебе и сейчас пишу лишь открытку. Причины–невероятная "густота" последних дней. Все дела нужно заканчивать и завершать. Все эти дни возился с выпуском диссертации. Сегодня обещали сброшюровать 50 экз., и я их свезу в Университет. Обещали – не значит "сделали". И потому я и сегодняшней день не считаю концом. Все эти дни гостит у нас о. Павел. Мое спасение, что днем они с Вячеславом спят, а ночью я с ними сижу лишь до 1, до 2-х, они же сидят каждый день до 7 – до 8!! Лидия сдала вчера последний экзамен и переживает экстаз <...>

505. В.В.Розанов – Д.С.Мережковскому[1525] <15.06.1914. Луга – СПб>

15 июня 1914 года

Я очень тронут, Дим<итрий> Серг<еевич>, что Вы не выкинули места обо мне из "Л<ьва> Т<олстого> и Д<остоевского>"[1526] – как можно было ожидать и как я опасался после наших "историй"[1527] (НБ "история о мидянах темна и полна вымыслов" – у Кайданова[1528] или иловайского[1529]). Не будем церемониться и скажем просто, что это было бы убыточно в торговом отношении (после дела Бейлиса[1530], как мне заявил Митюрников[1531], – "совсем остановилась продажа В<аших> книг" – по телефону). (Но я все-таки буду стоять на своем: в ритуале я свято убежден, и даже это для жидов не грех, а только напрасно скрывают и брали бы своих)[1532].

Для самолюбия ("все грешны"): Столпнер[1533] сказал раз: "Ваше признание в литературе в значительной степени обязано тому, что Мер<ежковский> о Вас сказал в предисловии к "Л<ьву> Т<олстому> и Дост<оевскому>". Я был удивлен, но поверил. И прочее.

Не сердитесь, что я Вас назвал "не умен"[1534] в "Оп<авших> л<истьях>": удовольствуйтесь, что о Толст<ом> я сказал: "гениален, но не умен"[1535]. Ум – какое-то свежее утро в глазу, видящее все мелочи, нуждишки, страстишки етц. Вы же человек, постоянно живущий в воображении и Вас не то что нельзя назвать "умным", а просто нужно назвать "полуумным", сумасшедшим, бесноватым, одержимым, но и "с хитрецей". У Вас она есть, и не хорошо, и не идет. Не Ваш стиль.

Кстати: о стиле. Место обо мне в "Л<ьве> Т<олстом> и Д<остоевском>" надо было сохранить п<отому> ч<то> оно стильно сказалось, удачно, литературно. Можно ведь и любя, но как говно сказать. "Похвалить – и только зажмешь уши".

Вообще иногда порицания и даже ругань (если стильно) приятнее похвал. Стиль люблю безумно. Стиль – душа вещей, и я даже сциничичаю: "Аллонс, мес амис, аймер ле стиле де цсосес"[1536].

Мамочка[1537] расплакалась, когда читала в "Русск<ом> слове" обо мне[1538]. Не хорошо. Не надо было. И зачем "ляпать все прямо". Стиля не выходит. Мове[1539].

А знаете ли Вы постоянную доброту Суворина[1540]: Михаил (ред.)[1541] сказал: "Мне стало жалко Мережковского". Вот ваши такого о враге не скажут. "Не туда Вы попали с "Речью" и "Русск<им> Словом". Вам надо было хорошо и твердо и прямо устроиться в "Н<овом> Вр<емени>"[1542] или в "Русск<ой> М<олве>"[1543], но никак не в левых и не в жидовских изданиях. Это ужасная ошибка. Ведь Вас "по<ебу>т" жиды сперва (как Андреева[1544], как Арцыбашева[1545]), а затем шлепнут в грязь. (Они всегда так). И новому философу придется писать новое "конец Мережковского" (= "конец Горького") [1546]. Бойтесь этого и вовремя отстранитесь от жидов. Увы! Они вообще предают. Они по существу своему предатели.

Вообще всех глубин и загадок "Израиля" Вы не знаете. В них есть что-то ноуменально "отреченное", несмотря на милого Спинозу. О "жиде" писать 100 томов. Я вовремя отскочил от них. Тут мой "ум" и ... забота Бога обо мне (чувствую его теплую руку).

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Но это самая трудная проблема для человека. Страшно, что "без жидов нельзя обойтись", и не обходились римляне и греки. "Жидок где-то тут". Это в сущности мировые ови, яйца. Нельзя же скопиться!

Но они ужасны. Нужно посмотреть в "местечках". Вы, напр<имер>, не знаете (и никто не обратил внимания), что дома их построены лицом (фасад, окна, балкон) – на улицу, а отхожими местами, нужниками – на Днестр!!!

Прекрасен вид Днепра (Гоголь). А жид просто на этот "вид" насрал. Что за подлецы такие. Ведь это никакому Писареву[1547] в голову не придет.

Нет, они ужасны.

Похабство их, скрытое в обрезании (и о чем знают только "мудрецы") – до того ужасно, что стынет кровь. Кто не щадит чести своего Творца (пошлю "колесницу" Иезекииля[1548]), – тому лучше бы не родиться на свет. Обрезание и суть юдаизма ужасны потому, что в нем опозорен Бог, лишен чести, "без погонов и мундира". Только в Сахарне[1549] пришло мне окончательно на ум, в чем суть обрезания. Хасиды[1550], молясь, делают цоит'альное движение: я просто ахнул и сказал: "Да это я знал". (т.е. из моих догадок вытекает). И добавил: "Они это не совокупляются во время молитвы, а поддают, т.е. суб спечие феминарум"[1551]. В "обрезании" их такая чертовщина, что все "лысые горы"[1552] побледнеют. – Что Лысая гора. У них Синай почище[1553].

Ну, устал.

Мое мнение: России надо выйти из КАБАКА. Сие есть кабак: отрицание России, Царя, Церкви. Без этого Лысая гора как ультимум[1554], как медиас рес[1555], Скабичевские[1556], Гольцевы[1557], Винаверы[1558], "аблакаты"[1559] и "подворотная печать"[1560].

– В Церковь, господа! В Церковь, честной народ.

Но я устал и пишу уже "без стилия". Со стилем написалось бы об этом же хорошо.

506. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1561] <28.6.1914. Бегичево – Москва>

<...> Получила ли ты "Вопросы философии". Там статья Лопатина[1562], дышащая злобой и с такими передержками, до того органически нечестная, что ни о каких отношениях между нами после этого не может быть и речи. Для меня очевидна сознательная недобросовестность. Если я этого не скажу в печати, то только вследствие глубокого отвращения, какое внушает мне подобного рода полемика.

Милая моя, дорогая моя, золотая моя, красота моя неопалимая. Гармосенька, когда же, когда же это, наконец, будет. Когда же, когда же, наконец, ты встанешь надо мною на кресло, взглянешь на меня оттуда сверху, обоймешь, скажешь поток горячих, ласковых слов, а потом, потом... сведешь с ума, заставишь скакать, скакать как лошадь, а потом, превратишь меня в куклу и начнешь игать этой куклой, как Маруська баринном!

Впрочем, мне кажется, что ты уже теперь свела меня с ума. Целую крепко, без конца.

507. Г.А.Рачинский – М.К.Морозовой[1563] <14.07.1914. Бобровка – Михайловское>

<...> Перевожу для "Пути" биографию Паскаля, переданную, как Вы знаете, от Сусанны Михайловны, в мое распоряжение Розановым. Рассчитываю кончить ее к сентябрю и привезти в готовом виде, так что можно будет немедленно приступить к ее печатанию. Заканчиваю редактирование брошюры о Боме, которую в конце июля пришлю для сдачи в печать. О Герцык и ее Баадере пока ни слуха ни духа; напишу ей на этих днях запрос. Я очень рад, что мы, временно оставив перевод Вендланда, решили взяться за Паскаля[1564]: он меньше, я могу кончить его к сентябрю, и у нас к Рождеству будет готова лишняя и, на мой взгляд, очень интересная книга, что нам очень нужно. А Вендлан, даже если бы я и положил на него все свое время все равно не мог бы выйти из печати раньше весны, а это для нас самое невыгодное время.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Флоренский собщи́л мне радостную весть, что казанский профессор Шестаков согласился перевести для нас св. Дионисия Ареопагита. Он написал Флоренскому, что весьма сочувствует "Пути" и считает мистическую философию высшей формой философии, что бы ни говорили против мистики. Перевод он рассчитывает кончить к сентябрю; так что у нас наконец, будет налицо еще один философ кроме Фихте. Перевод обойдется нам около 50 руб. за лист, как мы предполагали; но книга будет сравнительно небольшая, и перевод будет выполнен образцово, ибо он большой знаток, как греческого языка вообще, так и отцов Церкви в частности[1565].

<...> нам на святых пока не везет, примером чему служит брошюра Волжского; хотя, по слухам книга хорошая (сам я ее не читал) и представляет, по-видимому, ученое исследование, а не житие святых или художественную картинку <...>

508. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1566] <3.08.1914. Кореиз – Н.Новгород>

Ст. Кореиз, имение Олеиз

3 августа 1914

Милый Александр Сергеевич!

Живу, как все, как и Вы, потрясенный, умиленный, смущенный, возрадованный. Никогда Родина не переживала такого брачного часа, никогда еще народ не познавал так своего Царя, а Царь своего народа (как прекрасен, как смиренен и мужественен наш Государь, какие слова нашел он для выражения чувства всей России. Воистину, Господь с ним!). Какая молитвенность загорелась, как воссияла Мать Наша, Православная Церковь! Куда делась вся интеллигентская и партийная мерзость, распря, вражда! Совершилось воистину чудо, и радостно умереть при этом: "ныне отпускаеши..." Чтобы ни было впереди, но мы увидели Русь, и она сама себя увидела! Это неотъемлемо и это бесценно!

как и Вы, сначала метался и искал себя применить к войне. Теперь успокоился и решил предать себя Провидению и не высказывать из рядов. Однако чувствую, что основные решения жизни за это время окрепли. Сейчас приходится заботиться о семье, ее доставке в Москву и под<обном>. Здесь казалось одно время тревожно, но теперь спокойно, но выехать еще трудно. Хотя я имею отпуск до января, но в Москву приеду вместе со своими, в конце августа. Разумеется дам Вам знать, если только что-нибудь явится нужное. Господь укажет, что делать. Но тяжело сейчас бездействовать.

Мы это время жили как всегда, т.е. с разнообразными болезнями (последнее время все ухудшается здоровье Е<лены> И<ванов>ны), но в общем благополучно. Тон жизни остается прежний, т.е. все кажется, что жизнь еще не начиналась, а она уже давно под гору катится. Дети растут учатся. На нас непохожи, и лучше, и хуже. Мих<аил> Алекс<андрович> проводил лето в Гефсиманском скиту, где он сейчас, – не знаю, но можно писать ему на Москву.

Слышал, что плохи дела Николая Александровича, п<отому> ч<то> майорат его отца занят уже немцами. Будто бы он ищет места, т.е. делает то, что давно уже следовало. Жаль его, но этот толчок освободит его от власти иллюзий. О. Павел благополучен.

Какое время, какое время! Дивен Господь в делах Своих! Но я о роли военного корреспондента даже и не думал ни минуты. Жду своего зова.

Христос с Вами. Да осенит Заступница Своим Покровом нашу Родину! Обнимаю Вас. Е<лена> И<вановна> кланяется. Здорова ли О<льга> Ф<едоровна>? Ей привет.

509. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1567]

/? 08.1914. Москва – Бегичево,

<...> Я думаю отдать низ нашего дома для бедных детей ушедших солдат и для раненых, если они будут привозиться в Москву[1568] <...>

510. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1569] [? 08.1914. Бегичево – Михайловское]

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
<...> Сейчас написал и отправляю в "Русские Ведомости" вылившуюся у меня статью – "Борьба двух миров"[1570]. За последнее время я получил два письма от незнакомых мне евреев, которые в очень трогательных выражениях призывают меня, под впечатлением моих польских статей, сказать доброе слово о еврейском народе. Все это я делаю, между прочим, в только что написанной статье[1571].

Кончил корректуру перевода Яковенки[1572]. Однако только пока не могу взяться за большую мою работу: уж очень сильно мое непрекращающееся волнение, и уж очень исключительно одним я живу сейчас: Россия, сын Саша[1573], колебания между верой в нашу победу и страхом из-за неудач французов, ужас от потоков крови, которые льются как никогда от начала мира – все это как-то слилось в состояние острой тревоги <...>

511. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1574] [? 08.1914. Москва – Бегичево]

<...> С одной стороны я вполне разделяю твоё стремление активно участвовать во всей общей грандиозной работе. Слава Богу, что ты наконец начинаешь томиться созерцательным настроением в деревне! <...> Для меня главное, чтобы ты переехал жить в Москву! Если ты хочешь ездить с санитарным поездом, то отчего же тебе не ездить! <...> Думаю я об этом потому, что вижу и знаю, что ты можешь во многом, кроме этого, быть полезен. Поедешь с поездом или еще что-нибудь будешь делать, но это не мешает думать и делать тебе твоё дело, для которого приближается момент особенно огромный! Я говорю о христианской политике, не знаю, как лучше выразить! Теперь нужна напряженная работа, нужно влиять, направлять мысль и чувство! Все сейчас в таком хаосе, все перевернулось в сознании, нужна будет огромная духовная работа. Ты лучше, чем кто другой, можешь ковать железо пока горячо!

Ангел мой! Молю тебя, заклинаю тебя, не смешивай ты чисто философской работы твоей, которую ты можешь отложить, с этой горячей, жизненной и такой необходимой сейчас деятельностью! Я слышу от многих о том, как хороши твои статьи по польскому вопросу и даже, что нужны или лекции и беседы, или собрания! всем хочется разобраться в этом вихре поднявшихся вопросов. Как и что, ты увидишь и обдумаешь, но я тебя умоляю, не отбрасывай этого вопроса! А главное путем логическим ничего не решай, подожди! Твой талант, твоя душа – все это очень, очень нужно было и всегда, а теперь как раз соответствующий твоему складу и направлению момент! Момент религиозный, момент сверхполитический, сверхнациональный, идеалистический! Нужно горячо, глаголом жечь сердца людей. Нужно давать удовлетворение сметению души, разрешать мятущуюся мысль! Намечать новый будущий, новый путь! Умоляю тебя, не отбрасывай этого. Но, конечно, не сиди в своем кабинете, а всюду и везде входи в самую гущу этих ужасов, тем горячее и глубже будет твоё слово и влияние! Вот все, что я в общем думаю!

Первого сентября я открываю свой лазарет. Будут тяжелые больные. В деревне я объехала соседние деревни, была во всех избах и решила выдавать муку, крупу и одежду всем бедным семьям. Жду тебя после первого! Приезжай поскорее, умоляю тебя. Целую тебя крепко, пишу скорее.

512. Г.А.Рачинский – М.К.Морозовой[1575] <28.08.1914. Бобровка – Михайловское>

<...> Я переписываюсь с Евгением Николаевичем и чувствую, что он с каждым днем становится мне все дороже и дороже. Сейчас он мне по внутреннему строю души ближе всех моих друзей, ближе Булгакова; об Иванове уж не говорю. Я знаю, что Вас это порадует и рад сам написать Вам об этом.

Затем должен Вам сообщить, что не только вся Россия стала трезвой, и все партии в ней примирились, но даже Григорий Алексеевич Рачинский сидит и пишет статью, которую прочтет Вам и Евгению Николаевичу, с тем, чтобы потом ее напечатать <...> Я кончил всю работу и везу Вам в готовом виде и Боме (брошюру) и Паскаля (биографию). Начал готовить Баадера <...>

513. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <29.08.1914. Ростов – Тифлис>

августа 1914 г.

<...> Пишу тебе из Ростова, куда вместо утра, прибыл в шесть часов вечера. Если успею выехать с одиннадцатичасовым поездом, пробуду в пути еще 2–2½ дня. Сегодня целый день пролежал на полке. Внизу было набито битком, сидели

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и друг на друге, казаки, оставшие от своих эшелонов тифлисы и запасные с бабами. Народ все очень простой, душевный и мужественный. Они много острили друг над другом, иногда очень удачно. Оказывается тифлисы, мингрельцы, эриванцы входят в тот самый корпус, в который войдет и Сашук[1576]. Так что Сашук рядом с собой будет иметь храбрых кавказских гренадеров <...>

514. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1577] [? 08.1914. Москва – Бегичево]

<...> Сегодня я была на вокзале на встрече поезда с ранеными! Ты бы видел эту тысячную толпу, которая их встречала! на носилки им клали деньги, булки, хлеба и цветы <...>

Я очень занята. Сегодня у нас весь дом в перселении. Освобождаем низ для лазарета. Это устройство очень хлопотливо и сложно. Затем у нас в Обществе устраивается огромное убежище для 150 детей. надо все устраивать! Я все это налаживаю сейчас. Потом начну как следует с 1-го сентября <...>

515. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1578] <29.08.1914. Бегичево – Москва>

Милая и дорогая Гармося,

Сегодня получил твое письмо и (как это ни странно) окончил довольно значительную по содержанию (не по объему) главу из книги "Явление и сущее"[1579], разбирающуюся в кантовых противоречиях по этому предмету и формирующую мое собственное учение на этот счет. Я не мог это сделать только потому, что надуманная раньше мысль сама докатилась до этой точки; буду ли я в состоянии дальше продолжать о "трансцендентальной диалектике" – это вопрос.

Душа моя сейчас не в этом – вся на войне. Каждый день хожу пешком на станцию Пятовскую, куда к 4 часам приезжают печатные телеграммы из Калуги. Там вижу то проезжающих запасных, то раненых. На станции всегда толпа, интересующаяся теми и другими. Отношения к пленным очень характерны. Мой кучер, взятый в солдаты и стоящий в Калуге, говорил мне: "Австрийцы – те добродушные, а вот немцы те такие сурьезные, – не дай Бог", и от раненых я слышал: "Австрийцы – те ничего, а вот немцы – те сукины сыны"; а сам я у вагона вел разговор с прусаками, к которому жадно прислушивалась ничего не понимающая толпа. Их караульный говорил: "Господа, немцы папирос хотят". А публика делала замечания: "Иш глаза недобрые, азиатом смотрит, да уж какие жестокие". Я объяснил, что жестокость – больше от ихнего начальства, на что послышалось: "Да, это так точно, солдат – тот свою службу сполняет". А на мое замечание, что до начальства ихнего мы доберемся, раздался жирный и сочувственный смех. Все-таки смесь добродушия и любопытства, какая бывает у клетки диких зверей <...>

Очень боюсь, что у нас вдруг запоют: "Руссланд, Руссланд юбер аллес", – это очень опасно. Мою статью "Русские Ведомости" пока печатают, вероятно, потому, что по настроению она предполагает большие победы и предостерегает против националистического дурмана под их влиянием. Когда победа будет одержана, ее, по-моему, не поздно напечатать.

Целую тебя крепко, очень крепко, еще и еще раз и много раз.

Твой

Добрыня никитич, Илья Муромец, Алеша Попович (но не Лоэнгрин-Парсифаль-Тристан). Еще раз целую крепко Маргариту свет Кирилловну (не Эльзу).

516. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1580] <31.08.1914. Бегичево – Москва>

<...> От Мануилова получил обратно статью при письме: "не подходит по настроению": я там придрался к речи Государя в Кремле и выводил из нее вывод о новом отношении к народностям в будущей России, которого, увы, за правительство теперь делать нельзя: увы, у нас всегда так, – шаг вперед, шаг назад, и для евреев, о которых я писал, почти ровно ничего не делают. Ах, дай Бог, чтобы за страдания России простились ей эти тяжкие грехи ее правительства и копирующей с немцев части ее общества <...>

1 сентября 1914 г.

Москва, Zubovskiy b., d. 25, kv. 9

<...> Пишу тебе на другой день после приезда, для того, чтобы поделиться самыми первыми впечатлениями. За дорогу я все же устал. С Козлова насело невероятное множество народа, и я на весь день снова оказался "пленником верхней полки". Поезд приехал в Москву только в 9 часов вечера, четверть часа потерял на торговлю с извозчиками, которые просили по 3 руб. и 4 даже, чтобы привезти с вокзала на Zubovskiy bulvar. Представь мою радость, когда я узнал от швейцарихи (швейцар пошел на войну), что Мария Михайловна [1581] с Лидией приехали с дачи. Я поднялся на лифте и вместо них нашел мать Марии Михайловны, ветхую, говорливую старушку, 76 лет. "Барышня", оказывается, пошла на лекцию Михайловского о войне. Скоро они вернулись, потому что билетов не оказалось, и мы очень приятно попили чайку. Я приподнес Лидии большую корзинку винограда, случайно купленного по дороге, фунтов в 30; которую и истребляем сегодня самым усиленным образом. Узнал от них много новостей. Сережа и Костя [1582] оба в действующей армии. Костя пошел в первую голову, потому что стоял близ границы. Сережа (прапорщиком) принимал участие в боях с австрийцами. Последняя открытка его написана с траншеи во время боев под Люблином. Он настроен очень бодро, но по-спортсменски. У Голубкиной расстроились нервы, и она все лето в лечебнице. Лидия рвется в сестры милосердия, или на работы на пользу раненых и, кажется, своего добьется. Она всеми жилками следит за событиями и обвешала всю столовую картами. Сегодня утром встал в половине девятого, "почайпопил", вынул свой редингот и, попахивая нафталином, отправился делать "дела". Во-первых, пошел к Иверской [1583] и помолился. Во-вторых пошел в Университет. Там пусто и "ненаселенно". В коридорах встретил ректора [1584] с субинспектором [1585]. Ректор стал спрашивать о моих делах, о диссертации. Затем вышел очень живой "патриотический" разговор на всякие темы. Потом я выяснил себе, что я могу читать лекции с половины сентября. Значит у меня будет время устроиться. Кроме того, возможно, что занятия будут прерваны, ибо юридический факультет уже занят ранеными, возможно, что для раненых будут отведены и наши помещения. Скушав у Бландова кислое молоко [1586], пошел к Новоселову, не застав его (он не приехал еще), отправился в "Путь". Там меня встретила вывеска "Госпиталь Земского Союза". Я вошел и встретил Сусанну Михайловну [1587], всю горящую святыми волнениями о раненых, о России, о задачах "момента". Маргарита Кирилловна отвела весь низ своего помещения под лазарет. Когда Сусанна Михайловна в энтузиазме показывала мне чистое белье на постелях и чудный вид в сад, встретила Маргарита Кирилловна. Она давала последние распоряжения, ибо завтра утром привезут тридцать раненых. Мы пошли в редакционную комнату и здесь очень долго беседовали о всех событиях. Я должен сказать, что был прямо поражен, насколько прекрасны и чудесны обе эти женщины, столь различные по всему. Маргарита Кирилловна с момента мобилизации осталась в Москве и с присущей ей деловитостью и умом работает, что называется, во всю, для семей запасных, для раненых, для детей, а Сусанна Михайловна записалась в попечительство и обошла уже 180 семей запасных, ютящихся в углах по подвалам. Ее больше всего поразило, что в самом, самом смрадном углу, над кроватью она видела икону с лампадкой, которая в большие праздники зажигается на последние гроши. Обе они в страшном подъеме и восторге от того, что делается в России. Наш народ проявляет чудеса гуманности. С пленными обращаются поистине по-христиански. Немцы и тут себя показали. В Крутицких казармах, где сидят они, местные немки и немцы приезжали к ним, как на бал, с цветами, с конфетами, в бальных платьях, мужчины с гвоздичкой в петлицах, и смотрят на русских с презрением. А русские стоят кругом в глубоком молчании и... ни слова. Местные немцы устроили нечто вроде торжества – и русские ни единым звуком не протестуют. Как это прекрасно! Вот она русская ширь и духовность <...>

518. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому [1588] <2.09.1914. Москва – Бегичево>

<...> Я сейчас в больших хлопотах. Все ездю на вокзал за ранеными и не могу еще их получить! Сегодня, в 5 часов, к нам привезут 20 человек. Мы в ожидании и волнении! Наш лазарет очень уютен и все устроено хорошо, весь персонал для ухода – серьезный и опытный!

Я тебе писала, кажется, что в деревне я оступила так: взяла у старосты список взятых на войну и все сведения о семьях и потом обошла их сама и

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. проверила. Попутно, я нашла нищету и в домах, где никто не взят, и думаю, что и им помочь нужно, тем более, что урожай неважный. Мы решили им выдать муки, крупы, а кому не нужно, то обувь и одежду детям. Что ты об этом думаешь и как думаешь сам сделать?

Завтра возвращается из деревни Григорий Алексеевич, уже вернулись Булгаков и Эрн. Все кажется одушевлены мыслью о возможности собраний и чтений на самые современные и горячие темы. Что ты об этом скажешь? Если это нужно не сейчас, то в очень скором времени, я в этом убеждена. Я думаю, что теперь будет настоящий момент для твоих и общих идей! Нужно самым горячим образом их поднимать в обществе, потому что на общество только надежда. Такая нужна переоценка, так многое рухнуло и поколебалось, что необходимо горячо и твердо закладывать новый фундамент.

Так важно и радостно, что авторитет современного германизма рухнул! Меня страшно захватывает и воодушевляет сознание, что на этих развалинах так возможно и благоприятно водрузить знамя настоящей, истинной, религиозной русской культуры. Так верна и важна твоя работа – указать гибельность имманентизма во всем! Вот он к чему приводит. Это очень зажигательно и в этом радостный элемент всего, что совершается! <...>

519. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1589] <2.09.1914. Москва – Н.Новгород>
сентября 1914 г. Москва

Дорогой Александр Сергеевич!

Вы не ошиблись: я только что приехал в Москву, когда пришло Ваше письмо. А вчера приехал и Эрн. М<ихаил> Ал<ександрович> еще остается на даче у Троицы, и кажется, приедет только на будущей неделе. Завтра я собираюсь к нему съездить. Конечно, Вы можете и там его повидать. Относительно поездки в Пустынь решим здесь на месте. Я до января свободен от лекций. Возможны, конечно, другие дела и заботы. Ни к какой организации помощи около войны не успел еще пристать, собираюсь. В настроениях здесь как будто есть уже порча, вероятно, это неизбежно. Откладываю разговоры до свидания.

Поклон Ольге> Федоров>не от нас. Елена> Ив<анов>на Вас приветствует. Мы относительно здоровы. Целую Вас.

Да хранит Вас Матерь Божия.

Любящий Вас С.Б.

520. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <4.09.1914. Москва – Тифлис>
сентября 1914 г.

<...> Вчера неожиданно встретился с Павлушей. Его вызывают в Тифлис, потому что с Валеи[1590] плохо, кажется доживает последние дни. Я уже раньше услышал о ее серьезной болезни (туберкулез легких и желудка и воспаление легких), но все же не думал, что развязка так близка. Теперь она умирает. Мне ужасно грустно и даже больно думать, как тяжело теперь бедной Ольге Павловне[1591]. Павлуша еще летом видел о Вале вещей сон и держит себя сосредоточено и спокойно. Он зашел к нам, посидел часа два, потом я отвез его на вокзал и пробыл с ним все время, пока он не достал наконец плацкарту на скорый поезд и место в беспересадочном вагоне. очень приятно мне было увидеть его. Я так счастлив, что мы столкнулись с ним на улице (они не знал, что я в Москве). 1-го числа я пошел к Булгакову. Мы с ним как-то ужасно сошлись во всем, что сейчас делается в России и Европе, но когда я предложил сборник, он испугался и решил действовать самостоятельно. Пошел на другой день к Сытину и сказал, что хочу написать ряд статей на современные темы (о славянстве, германизме и европейской культуре) и желал бы поместить их в "Русском слове". Он с радостью ухватился за мое предложение, но все же просил ввиду известной крайности моих убеждений написать сначала один фельетон. Он с ним пойдет в редакцию "Русского слова" и тогда даст мне ответ о дальнейших статьях. Я согласился. На другой день утром пришел Булгаков, ехавший к Троице, и сказал, что он много думал насчет нашего разговора и решил, что мы можем войти сплоченной группой в "Утро России", которое охотно печатает его статьи и статьи Бердяева, например: там повести кампанию с "внутренними врагами" русской культуры, которые уже начинают подымать голову. Так как он поставил мне

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. вопрос в упор, согласен ли я на такую комбинацию, то я должен был рассказать о своем свидании с Сытиным и со своей стороны предложил ему подумать о том, не войти ли нам сплоченной группой в "Русское слово". Эта газета сейчас расходуется в 550 тысячах и для проповеди наших идей в такой ответственный момент, для нас бесконечно важнее занять позиции именно в этой газете. Он с радостью ухватился за эту мысль, и мы решили в ближайшие дни обо всем переговорить, ибо с Сытиным нужно держать ухо востро. Пока же я пишу первую вступительную статью[1592]. Пишу со страстью и Бога молю, чтоб мне удалось во весь голос сказать то, что сейчас нужно прокричать на всю Россию, даже на весь мир. Дал бы мне только Бог сил справиться с трудностью и важностью темы.

Я живу пока у Ивановых <...>

521. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1593] <5.09.1914. Бегичево – Москва>

<...> О проекте устройства какого-либо заседания от Религиозно-философского общества я уже давно думаю, но только оно должно быть совершенно нового типа. – В огромном зале (Консерватория), за плату (в первых рядах даже до 5 руб.) в пользу раненых, исключительно по вопросам дня и без прений: одни только речи членов. А то как бы не вышла ерунда: споры, и притом жгучие, сейчас недопустимы, да и опасны; надо уменьшить коллизии, которые и все равно будут, когда Булгаков заговорит о гниении Запада и о народе-богоносце в стиле "Руссланд, Руссланд юбер аллес", а я буду находить, что это плохой и вредный перевод с немецкого.

Пока, впрочем, не говори о моих предположениях, т<ак> к<ак> я не знаю, что бы я мог предположить в качестве беседы: чувствую только, что нужно обстоятельно развить мой взгляд на задачу этой войны, но как? Очень много на этот счет я уже напечатал: как бы не впасть в повторения. Кстати, читала ли ты мою статью "Победа" в "Русских ведомостях" от 4 сентября <...> – это переделка ранее посланной статьи "Борьба двух миров", которую не приняли, а та была красивее <...>

522. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <8.09.1914. Москва – Тифлис>

сентября 1914 г.

<...> У нас возникла мысль организовать лазарет имени В.Соловьева от имени нашего Общества. Уже сделаны первые шаги и, кажется все удастся. Я тогда пожертвую много наших вещей... Хотим снять квартиру в 7 комнат, и значит будет кроватей 15 <...>

523. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <13.09.1914. Москва – Тифлис>

сентября 1914 г.

<...> У меня сегодня не совсем ясная голова, и я не представляю себе хорошенько, что было за эти дни. Да! приехал Вячеслав, и мы пошли с ним вчера к Рачинскому. Дядя Гриша был в восторге от нашего прихода, непрерывно целовал Вячеслава, вскакивал, садился, подбегал то ко мне, то к Вячеславу и не давал никому говорить. Он настроен страшно оптимистически, не сомневается в победе и уже говорил нам речь, которую готовит к нашему выступлению. Между прочим, он сделал несколько полемических выпадов против меня, и это побудило Вячеслава сделать торжественную декларацию. Он сказал: "Мы все прежде всего должны признать, что победил Эрн" и все в этом духе по поводу моих давнишних выступлений. В таком же приблизительно духе недавно сказала мне и Маргарита Кирилловна. Григорий Алексеевич против этого ничего не возражает, хотя ему приятнее было бы, если б это было не так. Все это пустяки, мне говорят, что пришло мое время, я же чувствую, что я с большим пафосом выступал тогда в одиночку, теперь же, когда немцы сами себя перед всем миром разоблачили, и все это поняли и увидели, – мне выступать как-то не особенно хочется. Впрочем во мне шевелится несколько радикальных и глубоко ехидных мыслей о немецкой "культуре", и это настраивает меня весело и выступательно. Все-таки самого главного о немцах еще никто не сказал <...>

В нашей жизни появилась уже регулярность: утром я пью чай с Лидией, читаю "Русско-Слово" и перекидываюсь с "барышней" военно-стратегическими соображениями о вновь занятых городах. Потом занимаюсь, пишу и читаю (у меня на столе гора новых журналов и свежих книг, взятых в "Пути") и так до

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках. Обедая с Вячеславом (Лидия на курсах), и мы, можно сказать, на свободе высказываем самые невероятные гипотезы и прогнозы о ходе военных действий, о роли славянства, о православии, о католичестве, о германизме, <nrзб>, – все это в самом мирном тоне, без малейших споров. Потом я опять занимаюсь (надвигаются уже лекции), и большей частью пишу тебе письмо, а к вечеру кто-нибудь приходит, чаще всего Н<иколай> А<лександрович> с какими-нибудь сенсациями или о смещении генералов, или о том, что пруссаки уже под Варшавой. "Сенсациям" мы не очень верим, и Н.А. переходит на мирные темы <...>

Сегодня говорил по телефону с Новоселовым. Он обещал порадовать об уроках. Вячеслав говорит, что за переведенную часть [1594]... я могу получить рублей 150 <...> Статьи для "Русского Слова" я все не кончил еще, нет охоты кончать, потому что вижу уже, что по серьезному тону своему к ним не подойдет. Помещу где-нибудь в другом месте, а для них что-нибудь черкну повеселее. У нас есть мысль начать издавать неперIODические тетради о войне и связанных с нею вопросах. Пока зондируем почву и переговариваемся. Погода последние дни скверная, пасмурно и холодно, сегодня дождило, и я не выходил. Вячеслав все время высказывает радость, что я поселился у них и вместе с Марией Михайловной выказывает мне трогательную заботливость. Мне у них уютно и хорошо. <...>

524. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <15.09.1914. Москва – Тифлис>

сентября 1914 г.

<...> С лазаретом у нас дело идет очень хорошо. Щукин [1595], раньше изъявлявший желание быть полезным Рф обществу, прислал все белье материалы рублей на 500, одна дама пожертвовала кровати, есть пожертвования и деньгами в несколько сот рублей, а ведь сборы еще не начинали. Собрание членов Общест<ва> с докладом о лазарете – завтра <...> Вчера я перебрался в свю настоящую комнату, которую Мария Михайловна сумела очень мило обставить. На столе расставила фотографии, повесила икону с лампадкой, и вот пишу тебе отсюда первое письмо <...> Вчера Вячеслав заставил меня прочесть ему письма "об имясловии". От второго письма он пришел в настоящий восторг, и это еще раз возбудило во мне желание в ближайшие же месяцы написать все письма [1596]. Это исполнимо только при одном условии: если достану урок. <...>

525. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <21.09.1914. Москва – Тифлис>

21 сентября 1914 г.

<...> Последнюю неделю я чувствовал себя плоховато, должно быть от ужасной погоды, хотя носа на улицу не показывал и все принимал ванны. Вчера к счастью погода прояснилась, и я вышел в Университет даже при солнце. Я ожидал, что студентов будет не больше 5–6 человек, ибо курс специальнейший и интересен лишь единицам. На самом деле пришло человек 35, и несмотря на то, что я ругнул немцев и отстаивал идею национальной философии, проводили меня дружными аплодисментами. В это время был у нас Рачинский, приехавший за тезисами наших речей. Когда он увидел мое заглавие: "От Канта к Круппу", он страшно заволновался и обронил М<арии> М<ихайловне>, что этого он не позволит. Когда М.М. рассказала об этом Вячеславу, спавшему во время визита Рачинского, Вячеслав страшно рассердился на Рачинского и тутти зуанти за то, что они ко мне так недоверчиво относятся. Несмотря на мои уговоры, он поскакал вниз к телефону и прямо сказал Рачинскому, что отказывается в виде протеста от участия в заседании. На Рачинского это подействовало ошеломляюще, Вяч. смутился и сказал, что сейчас поедет к Рач<инскому> изъясняться. Я решил ехать с ним, чтобы окончательно ликвидировать "инцидент". Г.А. страшно волновался, вплоть до слез, и все настаивал, что я делаю что-то ужасное. Когда я разъяснил содержание речи и воззвал к свободе мысли, которая должна быть священной для всех членов Рф общества, он постепенно успокоился [1597]. Т.к. мы много раз целовались и так как Г<ригорий> А<лексеевич> с истинной сердечностью ко мне относится, то "инцидент разрешился", и тем не менее из обмолвок Г<ригория> А<лексеевича> я понял, что он волнуется от того, что волнуется Трубецкой, от того, что волнуется Маргарита Кирилловна, от того, что волнуется Булгаков. Между ними идут какие-то сепаратные разговоры обо "мне", и все они очень боятся "меня". Сегодня утром приехал Рачинский и сказал, что "все они" решили в содержание статей не вмешиваться и предоставить каждому оратору полную свободу. Из этого я заключаю, что вчера у "них" было обсуждение "проблемы

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках В.Ф.Эрна, и это меня настраивает даже весело <...>

526. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <23.09.1914. Москва – Тифлис>

23 сентября 1914

<...> Вчера приехала Вера[1598] с димочкой[1599], и дом очень наполнился. Димочка прелестный мальчик, с нежным голоском и копной льна на голове, и очень смиренный и добродушный. Я конфисковал у Веры несколько фотографий для себя. Лидия занимается на курсах Каспарянца[1600] – чтобы сдать весной экзамен за седьмой класс и в консерваторию у Вильшау[1601]. Теперь она стала вставать в семь часов, так что я ее вижу только за ужином. Ввиду двойственности ее занятий, я называю ее «двуединой ученицей». Она смеется. Вчера привезла с собой кота "Серба", который, можно сказать, в семье Ивановых занял самое видное место[1602] <...>

Волнения с моей речью все продолжают. Г.<ригорий> А.<лексеевич> вчера много говорил с Вячеславом, а Булгаков со мной. Я правду сказать очень мало их понимаю и вчера вместо всяких разговоров приступил к писанию речи. Очень боюсь, что она выйдет все-таки "трудной", несмотря на всю свою остроту. Ну как Бог даст. Меня ужасно трогает, что ты так ждешь моих писаний и так веришь, что я напишу что-нибудь дельное и нужное. В тебе есть какая-то удивительная гармония и мера в этом отношении. Ты относишься к моим работам именно с тем самым чувством, которое живит, радует и вдохновляет. Только будь терпеливой. Ничего хорошего скоро сделать нельзя. Сегодня был удивительно хороший сухой день. В воздухе носились пылинки снега. И мне сразу от дня этого стало хорошо. Очень жду наступления морозов, я буду чувствовать себя совсем иначе <...>

527. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <25.09.1914. Москва – Тифлис>

25 сентября 1914 г.

<...> Сегодня я разоделся в синий костюм с новой крахмальной рубашкой, постригся и, вызвав своим "блестящим видом" дружное одобрение семейства Ивановых, отправился к Лопатину. Он уже прочел диссертацию, пишет отзыв и со своей стороны ничего не имеет против того, чтобы назначить защиту в текущем полугодии. Теперь, значит, дело только за Челпановым, который, я уверен, чинить препятствий не станет. Так как в октябре предстоит защита Аскольдовской диссертации, то я могу рассчитывать на конец ноября или на начало декабря. Для меня важно только покончить с этим в первом полугодии, чтоб потом можно было начать хлопотать о "кафедре" <...>

С моей речью дела пошли "тише". Повестки отпечатаны. Г.А. уже без запинки, не спотыкаясь, читает: "От Канта к Круппу". Трубецкой, который сначала заявил Рачинскому, что снимет свою речь, который потом меланхолически и безнадежно говорил: "Ну хорошо, пусть, пусть он читает!..", Трубецкой теперь "равеселился". Впрочем я его еще не видел, сужу по Рачинскому. У меня пока что выходит очень серьезно и очень кусаче. Кажется, дальше будет еще сильнее <...>

528. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <28.09.1914. Москва – Тифлис>

28 сентября 1914 г.

<...> Моя речь пишется, дня через два кончу. Это будет настоящая "мина" под всю германскую культуру, – к сожалению она полна философичности, которая доступна не всем, все-таки начинена самым острым перцем. Я уверен, что многие расчихаются <...>

529. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <30.09.1914. Москва – Тифлис>

30 сентября 1914 г.

<...> Почему именно Павлуша так не понравился Евгении Викторовне? В утешение могу сказать тебе одно: отношения между людьми полны глубокой тайны и самым явным образом нарушают принцип математики: "две величины порознь равны" и т.д. Ибо два человека бесконечно дружные с каким-нибудь третьим человеком могут относиться друг к другу даже с величайшим отталкиванием. Это общее правило и потому тот факт, что Евгения Викторовна решительно отвернулась от Павлуши, не должен возбуждать никаких особенных суждений ни о Евг.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Викторшне, ни о Павлуше. Впрочем я согласен с тобой, что это прискорбно и, конечно, было бы гораздо приятнее, если б Е.В. отнеслась к Павлуше открыто и дружески <...> Вчера я весь вечер провел с Волжским. Он пришел ко мне и к Вяч<еславу>, и мы очень мило и дружно беседовали о всяких материях, много о Достоевском, еще больше о войне и России. Волжский впервые увидел близко Вяч<еслава> и остался им совершенно очарованным. Вяч<еслав> тоже мне изливался потом по поводу Волжского, так что я лично был чрезвычайно доволен, ибо до сего находился в положении того третьего лица, о котором только что говорил, а теперь линия дружеских чувств перекинулась непосредственно от Волжского к Вячеславу и от Вячеслава к Волжскому. Волжский остался у меня ночевать, я ему устроил прекрасную постель, и мы раздевшись и потушив электричество, беседовали должно быть до третьего часа <...> Да, я тебе обещаю написать о Гречанинове[1603]. Он был с женой, довольно интересной дамой, с которой у него вышел трескучий роман. Он оставил свою жену, она своего мужа и детей. Он очень влюблен в нее, у нее нескрываемый культ "супруга". Вид у него странный от того, что вставлен искусственный глаз, говорит, говорит с увлечением, но без всякого красноречия. Больше всего разговор шел на "испанские" темы, ибо они проводили весну и лето в Испании, были на бое быков, на живописных праздниках мая. Гречанинов подъезжает к Вяч<еславу> с просьбой написать стихотворное либретто для музыкальной картины, может быть оперы "Куликовская битва"[1604]. Я должен сознаться, что ушел спать в свое время и конца разговора не слышал <...>

530. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <3.10.1914. Москва – Тифлис>

3 октября 1914 г.

<...> Сегодня у нас заседание "Пути". Будем обсуждать не издать ли нам тетрадкой наши речи на заседании и затем не издавать ли нам вообще непериодические тетради о войне. Многие зависит от того, какое впечатление производит моя речь. Вчера Рачинский презжал специально для того, чтобы выведать у Вяч<еслава>, что именно такое я написал. Кажется, узнавши, он успокоился. Вот сегодня и увижу так ли это. Они все в вопросе о германской культуре останавливаются на полдорожке. Один Вячеслав присоединяется ко мне всецело и от себя развивает целый ряд тонких соображений, которые очевидно выльются в статью <...>

Вера выбрала после долгих колебаний философское отделение и теперь хочет заняться изучением Канта и Платона. Не знаю, что из этого выйдет, знаю только, что в доме за последнее время необыкновенно возросло количество философских разговоров. Вяч<еслав> все пытается меня о Канте. Все Ивановы относятся ко мне с самой трогательной заботливостью. Родные не могут заботиться больше. Барышня усиленно занимается и ее видно очень редко. Дима очаровательный и прямо чудесный мальчик, поет, бегаёт, целый день веселится, почти никогда не плачет и больше всего дружит с Сережиным денщиком, которого называет "дядя Петя". очень незлобивое и доброе существо. Я думаю, ты будешь от него в восторге <...>

531. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <6.10.1914. Москва – Тифлис>

<...> Сегодня у нас заседание и в "доме" настроены чрезвычайно торжественно[1605]. Вячеслав отдал приказ подать ужин в половине седьмого и кроме того сбить гоголь-моголь для него и для меня. Это для того, чтобы голос звучал звонче и лучше. Я слышу как во исполнение этого строгого приказания с кухни в столовую и из столовой в кухню суетясь бегают Мария Михайловна, – лучший знак, что мне нужно торопиться с письмом и принимать сугубо торжественный вид. Мы сняли тысячную аудиторию в Политехническом и, представь, после одного объявления и выпуска афиш – все билеты были проданы за два дня. Всякие опоздавшие знакомые и друзья осаждают всех кого можно – "Путь", Григ<ория> Ал<ексевича>, чтобы достать билеты и всем сурово отказывают. Сейчас звонили Гречаниновы. Умоляют дать входные билеты за три рубля. У нас с Вяч<еславом> было два входных билета – 10-копеечных и мы отдали их <...>

532. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову[1606] < 7.10.1914. Москва – Тифлис>

7 октября 1914 г.

Дорогой Саша, Женя писала, что ты интересуешься нашими заседаниями о войне. Так как Мария Михайловна закупила целый ворох газет – посылаю тебе вырезки.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Они очень неумные, а в отношении Вячеслава и совсем глупые. Вячеслав имел необыкновенный успех и своим артистическим чтением совершенно пронзил аудиторию <...>

533. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <7.10.1914. Москва – Тифлис>

7 октября 1914 г.

<...> Сегодня напишу тебе немного слов. Заседание кончилось в первом часу, дома были в начале второго, и т.к. с нами пошли Рачинский и Булгаков, то засиделись до половины третьего – посему я сегодня усталый и большого письма написать не могу. Вместо этого посылаю тебе вырезки из газет, они не очень умны, но все же интересны. От себя могу сказать, что заседание вышло необыкновенно удачным. Из наших речей вышел чрезвычайно сильный букет. Аплодировали всем очень сильно, – всего сильнее Булгакову и Вячеславу. Вячеслав читал неподражаемо хорошо, с таким артистическим умением акцентировал немецкие фразы на берлинский манер, и так художественно саркастически провел характеристику немцев, что аудитория совершенно замерла и когда он перешел к лирической части, то аудитория была готова и слушала его с величайшим напряжением. Ко всем нам подходили массы людей, благодарили, жали руки и одобряли. Народу было более тысячи человек. На улице, на лестницах стояли толпы людей, не получившие билетов. Словом первое наше выступление состоялось очень удачно. Насчет впечатлений друг от друга пока молчу. Во время моей речи князь погрузился в черную меланхолию. М<аргарита> К<ирилловна> же всячески высказывала свое одобрение и форме и силе речи, хотя с сущностью несогласна[1607] <...>

534. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <9.10.1914. Москва – Тифлис>

8 октября 1914 г.

<...> Мы с Вяч<еславом> пришли как раз ко времени открытия заседания. О заседании идет масса толков. Публика уходила в совершенном удовлетворении. Сегодня М<аргарита> К<ирилловна> повторила мне, что речь моя "увлекла" очень многих. Г<ригорий> А<лексеевич> в лицо мне старается говорить маленькие гадости, а за спиной оказывается стоит за меня горой. Секретарь "Мусагета" Киселев[1608] стал было критиковать мою речь в телефонном разговоре с Г<ригорием> А<лексеевичем> Г<ригорий> А<лексеевич> форменно выругал его, объяснив, что он может критиковать, а "Мусагет" не смеет. Я воспользовался общим подъемом и предложил устроить следующее такое торжественное публичное заседание Общества, посвятив его Польше и назначив сборы с него в пользу пострадавших от войны поляков. М<аргарита> К<ирилловна> и Г<ригорий> А<лексеевич> очень горячо восприняли предложение – на днях, должно быть, мы будем обсуждать его в заседании Совета. Вяч<еслав>, как только я высказал мысль, всячески ее подхватил и мы вчера уже обрабатывали Балтрушайтиса, хорошо знающего польский язык и польскую литературу, чтоб он выступил у нас с речью о польском мессианизме. Если заседание будет решено, я изберу себе темой: отношение православия к католичеству <...>

535. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <12.10.1914. Москва – Тифлис>

12 октября 1914 г.

<...> Сегодня воскресенье и я "субботствую". Утром пошел к обедне, встретил при выходе Сергея Николаевича, погулял с ним по бульвару; пришед домой, застал Г<ригория> А<лексеевича>, который теперь развивает волнения по поводу нашего польского заседания. Оно уже налаживается, и мы уполномочили Трубецкого вести переговоры с краковским профессором Здзеховским об участии в нашем заседании. О том заседании все еще идут толки, самые разнообразные (прилагаю и документ)[1609]. (Жалею, что у меня нет экземпляра для Саши). Сегодня пришел к Вячеславу Скрябин и, познакомившись со мной, начал с фразы: «А об Вашей речи идут большие споры». Я должен сказать, что с величайшим вниманием рассматривал Скрябина. Человек весьма примечательный и большой. Я долго слушал его разговор с Вячеславом, почти молча[1610]; но потом, когда он стал развивать свою иллюзионистическую философию с преодолением христианства – атаковал его и поддержанный Вячеславом заставил его в некоторых пунктах отступить и скромнее сформулировать свою точку зрения[1611]. Что он талантлив и даже очень, это совершенно несомненно, но что в каком-то горестном и очевидном духовном уклоне – это тоже несомненно. Он не просто музыкант Божией милостью,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. "поющий как птицы поют", а философ, ставящий музыке своей философские задания – и задания эти духовно недоброкачественны[1612]. По форме мы разговаривали очень мирно, и я весьма доволен, что увидел его близко. Тем более, что в конце он очень интересно говорил о своем новом произведении, теперь им приводимом к концу, в котором не будет зрителей, а все будут участники, в котором будет осуществлен частичный синтез между искусствами: музыкой, танцами и световыми эффектами[1613] <...>

Вчера явился к нам кн. Трубецкой и, сообщив, что Струве просит все наши пять речей в "Русскую Мысль", спрашивал нашего согласия. Мы, конечно, согласились, без всяких колебаний, потому что "Русская Мысль" сейчас чуть не единственный приличный журнал и кроме того, там как раз место для наших речей. Так что тебе придется свое "нетерпение" опять подавить и ждать еще месяц появления моего "Крупна". Время бежит ужасно скоро, и я начинаю как-то внутренне вопить от того, что ничего не успеваю делать. Сколь обширны у меня планы и как мало осуществленного! <...>

536. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <14.10.1914. Москва – Тифлис>

14 октября 1914 г.

<...> Я ужасно разочаровался, что твое любопытство, или, как говорит Вячеслав, твоя "любоиспытательность", не удовлетворилась выдержками из газет и моими описаниями. Увы мне несчастному! Твоя жажда подобна раскаленной плите, а я на нее могу брызгать всего лишь капельки. Что же мне делать? Я послал тебе еще две вырезки, из них последняя довольно точно передает мою мысль, и ты по нескольким цитатам узнаешь своего неистового супруга. В дополнение могу сказать, что сегодня приходил ко мне Ботик (помнишь, Наташин спутник в Тифлисе?) от редакции "Бюллетеней книжных известий и литературы"[1614] и на том основании, что их интересует "все выдающееся и находящееся в центре интересов момента" просил у меня рукопись моей речи для того, чтобы сделать из нее несколько цитат и вообще дать отчет. Я несколько побоялся на том основании, что он мне испортит дело с "Русской Мыслью", но все же рукопись дал. Из этого ты можешь заключить, что мой удар по немцам оказался более или менее сильным <...>

Возможно, что в начале ноября мы с Вячеславом поедem в Петербург, вдвоем повторять наши доклады, и я мечтаю о том, чтобы поехать вместе с тобой. Тогда ты услышишь мою речь, да и в Петербург проедешь <...>

Я ходил к Челпаше зондировать насчет диссертации. Он говорил, что приложит все усилия, чтобы сделать мой диспут в этом полугодии. Если приедут Бердяевы и "приложат все усилия" на Челпанова – то я думаю, свое обещание он сдержит, и с этим делом я покончу к Рождеству. Дал бы Бог! А то я очень тягочусь своим неопределенным положением и необходимостью всячески изворачиваться, чтобы добывать презренный металл <...>

537. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1615] <29.10.1914. Москва – Н.Новгород>

29 октября 1914 г. Москва

Дорогой Александр Сергеевич!

Очень скорблю с Вами и за Вас о болезни Глеба, дай, Бог, ему вполне оправиться. Кажется, после тифа надо очень беречься, особенно в диете. А как же со зрением Вашего младшего мальчика? Как второй глаз? В настоящее время здесь, в Москве, о. Георгий, которому Головин снимал катаракт, собираюсь с аввой его навестить. После Вашего отъезда у нас было заседание по поводу войны, после чего выяснилось для меня, что в "Пути" сборники едва ли осуществимы, по крайней мере, теперь, так что даже и вопрос об этом поднимать не охота. Доклады же наши все пошли в "Русскую Мысль".

Конечно, если будет планироваться какой-либо сборник, я непременно Вас буду иметь в виду. Вы забыли (или раздумали?) поговорить с Н.В.Соловьевым[1616], скоро оставляющим Москву, по поводу книжки о преп. Серафиме. М<ожет> б<ыть>, поручите это авве? Я живу пока очень благополучно, ввиду свободы от лекций. Дети хворают умеренно. Вяч. И<ванов> и Эрн живут по-прежнему.

На днях Вяч. Ив<анов> читал нам (вкупе с приехавшим о. Павлом) свою трагедию "Дети Прометея"[1617].

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Христос с Вами и Вашей семьей.

Обнимаю Вас. С.Б.

538. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1618] <17.11.1914. Саратов – Москва>

17 ноября 1914 г. Саратов

Милая и дорогая Гармося, пишу тебе из Саратова коротенькую записочку, так как некогда, – сейчас предстоит осмотр города, а потом отъезд. лекция вчера собрала много народа. не обошлось без типического "российского" инцидента. полиция уже в самом помещении для лекции перед самым началом потребовала от нас подробных конспектов. мы вынужден были их тут же написать и через это опоздали на 1/2 часа. Ильин, по-видимому, понравился – его три раза вызывали; а меня встретили аплодисментами и провожали. Чувствую, что моя лекция была куда лучше и с большим подъемом, чем то, что я читал в Москве. но в какой мере она подняла публику – не знаю. Т<ак> к<ак> ни от кого об этом не мог услышать. <...>

539. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1619] <24.12.1914. Москва – Н.Новгород>

Москва, 24 декабря 1914 г.

Дорогой Александр Сергеевич!

Поздравляю Вас с праздником Рождества Христова и шлю Вам сердечный привет. Надеюсь, что все Ваши здоровы и благополучны и от души Вам этого желаю. Мы совершенно благополучны и встречаем праздник все вместе. Перед праздником я бы в Зосимовой пустыни (один). Там довольно малоллюдно по случаю войны, вопреки моим ожиданиям. О. Герман сильно стареет и производит впечатление уже уходящего, хотя по-прежнему на своем посту. Ему недавно делали глазную операцию, но без большой пользы. Мих<аил> Ал<ександрович> хворает инфлуенцией, почему-то затянувшейся. Эрны уехали. О. Павел тоже прихварывает, – чересчур изнуряет себя работой и постом. Был Николай Александрович, – в общем все то же. Дела его плохи, но голову несет высоко, и за это, конечно, молодец!

У меня от войны очень щемит сердце, не от самой войны, но от пассивного безучастия в ней. Тяжело быть только зрителем. Но до сих пор не умею принять участия, а до мая теперь буду и занят. Мне отвратительна мысль корреспондентства, но очень манит мысль пережить войну в какой-нибудь деловой службе, хотя на короткий срок. но все равно, сейчас об этом нельзя и думать.

Пока что, читал о войне лекцию и буду читать ее в Киеве. Осенью воспользовался для работы над своей книгой[1620] и порядочно ее подвинул, хотя еще и не кончил. Уже вижу Вашу мину по поводу этого...

Что же Вы не повидались с Соловьевым относительно рекомендации книжки о преп. Серафиме? Кажется теперь он переведен в Кострому, и дело опоздано, хотя в Москве он бывает.

Между нами. Мы приступили к печатанию творений А.Н. Шмидт. Уже много встреч прошло в колебаниях и незнании, как поступить с ее рукописями. Дело в том, что по характеру их содержания установить внутреннее к ним отношение до сих пор невозможно (да и не станет возможно до каких-либо мистических подтверждений или обнаружений). Но со времени войны нам стало ясно, что таить от мира факт существования Шмидт далее нельзя, да и докуда же таить? И разве нерешительность и медлительность есть решение? Под этим молчаливым и настойчивым понуждением и было принято это очень важное решение. Возможно, впрочем, что книга будет задержана цензурой и т.д., ну, значит, так и надо, а мы свое дело сделали. Вероятно Вы будете ворчать, но поставьте себя мысленно в положение фактического душеприказчика Шмидт, и Вы почувствуете, как оно трудно и ответственно. Впрочем, ведь Вы не знакомы с содержанием рукописей, и Вам трудно судить о всей значительности их.

Елена Ив<ановна> шлет Вам привет. Кланяюсь О<льге> Ф<едоров>не. Да хранит Вас Христос, днесь в Вифлееме рождется.

Любящий Вас С.Б.

540. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1621] <8.01.1915. Москва – Н.Новгород>

8 января 1915 г.

Дорогой Александр Сергеевич!

Поздравляю Вас с Новым годом. Спасибо Вам за письмо Ваше, такое тихое и для Вас очень типичное, православно-роденбаховское [нрзб]. Понимаю Ваш все еще немного романтический пафос, но не могу сделать это своим настроением, и не только по слабости греховной, но и по другому. Ведь у каждого свое. Я же в те времена, когда полагается быть романтиком по возрасту, слишком засушил себя "измами", и только от времени оттаивает душа, так что про себя я сказал бы наоборот, что у меня романтизм (м<ожет /> б<ыть /> иной) как-то крепнет с религиозным опытом. Осень я всегда любил, по-пушкински, эстетически, но не влюблялся в природу, как теперь, и во все ее моменты, а больше всего люблю неподвижную, вечную красоту юга: море, солнце и горы. Невесту природу люблю, хотя и люблю "охотное ее умирание".

Я и очень заинтересовался, и был обрадован, что Вы мне пишете письмо-статью: окончите и присылайте... в "Русскую Мысль", я думаю, что пойдет. Напишите Франку, он близко стоит к редакции и Вас любит. А "Путь" – точно "беспутствует" и, кроме всяческих бестактностей, Вам известных, кроме финансовых причин, фактическое препятствие – б<ыть /> м<ожет />, и помимо ведома – чинится оным сиятельным "польско-еврейским соловьем"[1622]. Увы! выяснилось, что того "Пути", о котором в начале мечталось, уже нет (если и был когда-либо); впрочем, я это отболел уже давно и теперь констатирую холодно, что по существу Эрн в том разговоре со мной был прав. Остается "Путь" академический и религиозно-философский; я, конечно, очень ценю и этот, тем более, что другой, б<ыть /> м<ожет />, есть и впрямь романтизм в Вашем смысле слова. Посылаю Вам оттиск. Лекцию свою пошлю, когда напечатаю (а печатать будет Сытин)[1623].

Б<ыть /> м<ожет />, поеду с лекцией в Киев, впервые после тех дней. Даже голова кружится от волнения, когда представишь себя, вроде гейновского [нрзб], на тех улицах и площадях... Это здесь, а приедешь и, вероятно, будет бить в нос жидовский ренессанс киевского стиля. Только Софийский собор не изменится, да Лавра...

Не могу без волнения читать Ваши строки о Ваших детях. Хотя бы маленького удалось Вам привезти в Москву показать... У Ивановых, кажется, корь. Эрн приехал уже, из-за мобилизации. Авва все время праздников прохворал в инфлуэнце, не вполне оправился и теперь. О. Павла не видал давно.

Не пришлете и свою статью для прочтения в Р<елигиозно />-Ф<илософском /> о<бществе />? Или не подходит? К счастью, надеюсь, что заседание с Здзеховским, авву огорчающего, не будет. Ах, как хочется мне понюхать воздуха войны, только дохнуть! Как-то навязчиво и неотвязно хочется. Но до весны даже и мечтать нельзя – лекции, теперь более глупые [нрзб], чем всегда. Мы все благополучны. Е<лена /> И<вановна /> кланяется.

Христос с Вами всеми. Ваш С.Б.

541. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <13.01.1915. Москва – Тифлис>

13 января 1915 г.

<... /> На прошлой неделе я написал статью "Плач над германской культурой" – для "Утра России"[1624], а теперь принялся за "Время славянофильствует" это для "Войны и культуры"[1625]. Тема очень ответственная и мне придется сделать большие напряжения для того, чтобы отчеканить и отлить в подходящую форму то многое, что нужно сказать. Я уже по началу вижу, что трудно, что в ход придется пустить все свои "пожарные силы" <... /> Народу ходит много, каждый вечер кто-нибудь да сидит. Вячеслав Иванович с величайшею своею умелостью ведет всякие свои тонкие разговоры. У тебя является, конечно, подозрение, что я засиживаюсь из-за разговоров позднее, чем нужно; но уверяю тебя в 12 я уже в постели и утром регулярно встаю в 9 1/2. Раньше вставать незачем потому, что у меня всегда не хватает не времени, а физических сил. Позавчера была лекция князя в "Войне и культуре" о Софии и Константинополе[1626]. Нас с Вячеславом лекция прямо обворожила, и это

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. чрезвычайно удачное его выступление. Я со всей горячностью высказал ему свое восхищение и одобрение, на что он отозвался очень горячо и видимо был по-настоящему тронут. Дядя Гриша, услышав наши восторги, чрезвычайно просиял, и у нас в "Пути" сразу рассеялись недоразумения и воцарилась полная гармония. Мне это ужасно приятно. Я всячески теперь буду поддерживать мир <... />

542. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <16.01.1915. Москва – Тифлис>

16 января 1915 г.

<... /> Вчера писал конспект для беседы, которая велась в Соловьевском обществе[1627]. Позавчера писал рецензии для "Голоса Москвы" – т.е. это кроме утренних серьезных занятий, когда я пишу "Время славянофильствует" <... /> Вчера было заседание нашего общества. Я в виде вступления рассказал своими словами с добавлениями свою статью о германской культуре (предназначавшуюся для "Утра России"). Я прилагаю тебе отчет. Он очень перевертан. Вячеслав /> говорил совсем не то. Бедный репортер сбежал с половины заседания (чтобы поспеть с своей заметкой) и получил поэтому совсем неправильное впечатление. Когда я кончил вступление, поднялся гвалт и суматоха, записалась бездна "ораторов". Ильин[1628], бледный и злой, подошел ко мне и спросил, разрешаю ли я ему возражать на тему "Кант-Крупп". При этом он угрожающе показывал "Русскую Мысль" с моей статьей и добавил, что он пришел специально затем, чтобы напасть на меня. Я сказал ему, что его возражение против Канта-Круппа разобьет прения, которые будут вертеться не на мне, а на положительном обсуждении специальной темы "о нашем отношении к германской культуре", а потому я предложил ему собраться в небольшом круге лиц и обсудить сообща Канта-Круппа. На это он мне сказал, что я выступал против Канта публично, и он так же хочет против меня выступить публично. Тогда я предложил ему на следующей неделе устроить особое заседание на интересующую его тему, в котором я прочту вторую часть "От Канта к Круппу />", читанную мной в Петербурге. Совет принял мое предложение и я буду в скорости иметь удовольствие сразиться с Ильиным. Узнав, что на этом заседании о "Канте-Круппе" не будет говорить, многие сняли записи, и все же осталось 12 ораторов! Заседание прошло очень оживленно и полнозвучно. Говорили 3-4 германophileствующих молодых человека, не знающих о Германии "мы пишем или нам пишут" – но они, высказавшись на полной свободе, были совершенно преодолены внутренне уничтожены речами "религиозных философов". Чудесно говорил Булгаков и, что удивительно, Вышеславцев, который выступал раньше против меня. Тут вдруг обнаружился неожиданный консонанс! В заключение я сказал свое слово, сокрушительно игривое в первой части и весьма возвышенное во второй. Поистине я сам себе изумился: слова лились свободно, плавно и остановился как раз в том месте, в котором нужно было остановиться. Все остались несколько потрясенными. Маргарита Кирилловна очень живо мне выразила сочувствие, Мария Михайловна была в восторге, Вячеслав сегодня пространно выражал мне свою позицию. Как я узнал, Рачинский в самых сильных местах моей речи восторженно дергался в сторону Трубецкого, подмигивая глазом: "знай наших". Словом, вышло чрезвычайно удачно, и оттого, что мне удалось сказать хорошо то, что нужно было сказать, я заснул спокойно и сегодня провел день в полном обладании сил. <... />

543. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <20.01.1915. Москва – Тифлис>

20 января 1915 г.

<... /> Эти дни я совсем замотался. Представь, в два дня (позавчера и вчера) я написал большой фельетон – 9 стр., ответ Бердяеву. Он с яростью напал на нас вчера в фельетоне "О вечно бабьем в русской душе"[1629] и нужно было ему отвечать. Статья вылилась страшно легко и все же 9 стр. в два дня для меня слишком много и я сегодня разбит[1630] <... />

Когда я читал статью Ивановым – они дико смеялись, Вячеслав от смеха наливался кровью до того, что я переставал читать. Он говорит, что я во всех отношениях превзошел себя и он просто в восторге от остроумия и блеска статьи. Никто из них не нашел никакой грубости. Только вот не знаю, что делать с нею. Для "Утра /> России />" она велика, попробую устроить в "Биржевые /> Ведомости />", где появилась статья Бердяева. Вчера неожиданно появился Павлуша. Вызвал меня вниз и мы пошли гулять по бульвару. Снегу намело безумно и мы прямо погибали в сугробах. Представь наше изумление, когда навстречу нам появился Вячеслав. Узнав о приходе

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Павлуши, он спустился на бульвар и долго искал нас, поминутно рискуя упасть при его неумении ходить. Это было с его стороны "сверхгероически". Так мы и походили еще втроем по ухабам. Павлуша приехал с необыкновенными целями. Он с санитарным поездом едет на передовые позиции. Будет служить, причащать раненых и умирающих. Когда он перебивает у знакомых, у которых нет детей – он придет к нам, потому что в Посад он не вернется, а сам он кори[1631] не боится. Пока что он получил отпуск из Академии на месяц. Мне бесконечно нравится это его решение, с каким бы удовольствием я поехал с ним, хотя бы в роли дьячка. Он вошел и через швейцара передал свою книжку об идеализме[1632] с надписью тебе и мне <... />

Лопатин меня вчера рассмешил: повестку на заседание факультета принимает у него слуга, в два с половиной раза старше самого старого человека, и вот слуга забыл сказать Лопатину о повестке, и Лопатин заседание пропустил. Так что день защиты еще определится, он по всей вероятности будет в феврале. Я даже рад, потому что именно сейчас у меня много работы, а к середине февраля станет полегче. <... />

544. В.Ф.Эрн – А.С.Глинке[1633] <25.01.1915. Москва – Н.Новгород>

Милому и любимому Александру Сергеевичу с всегдашней душевной памятью о нем. От автора.

25 янв. 1915 г. Москва.

545. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <25.01.1915. Москва – Тифлис>

<... /> К этому письму я прикладываю стихотворение, которое Брюсов экспромтом написал Марии Михайловне в альбом. Наверное тебе доставит удовольствие. Это едва ли не самое удачное стихотворение Брюсова. Боже, как скучен и пуст, внутренне пуст: прямо как личинка какая-то. Один вечер просидел у Вячеслава, читая стихи и рассказывая о войне. И патриотично "настроен", и анекдотики героические рассказывает, и все же скука какая-то умопостигаемая идет от него. У меня даже сатирический рассказ возник на него в голове. Павлуша приходил к нам позавчера ненадолго, признаюсь, просидел с ним до 3 часов; от 6 до 10 он ночевал у нас, а потом я вместе с ним вышел <... /> Хороший Павлуша, тихий, нежный, оваян прозрачностью; у нас все к нему относятся с любовью. Сегодня в 3 часа на курском вокзале он служит молебен перед отъездом. Сегодня же едут. Вот я слышу, как встает Вячеслав – его пробудили сегодня "страшно" рано – ровно в час, и мы сейчас вместе с ним поедем провожать Павлушу.

<... /> Мы живем очень дружно. Вяч. Иванович каждый день читает новые стихи. Каждую ночь рождает их. У него образуется чудесный цикл эфирных стихов, изумительно нежных и тонких. С двумя котами[1634] были в синематографе. Нужно было доставить им удовольствие. Мария Михайловна в своей неистощимой заботливости заштопала мне куртку, так что я опять в обновленном состоянии. "Барышня"[1635] усердно музицирует. Вчера был необыкновенный визит. Чета Скрябиных самолично занесла швейцару бутылочку водки для Вячеслава. Наверх прислали ее вместо визитной карточки. Вячеслав по этому поводу торжественно за ужином пропустил две рюмочки...

М.М.Замятниной

Куда задумчивую келью
Не переносит Вячеслав,
Его тоске, его веселью
Часам труда, часам забав
Порой неслышимая слуху
От праздных глаз утаена
Подобно ласковому духу
Всегда спутница она;
Ее обход незримый нужен

Хранить певца святой досуг,
И тот, кто с Вячеславом дружен,
И ей быть должен верный друг!

Валерий Брюсов

546. С.А.Аскольдов – В.Ф.Эрну[1636] <30.01.1915. СПб – Москва>

Дорогой Владимир Францевич! Не могу не выразить Вам своего восхищения Вашей статей о Бердяеве, которую сейчас прочел. И остроумно, и верно, и в конце концов весьма глубокомысленно. Конечно, все это одержимость со стороны "князя воздушного". Розанов же грешит от земли. И лучшего ответа Бердяеву не могло быть, а ответить надо было для него же самого (читатели "Биржевой" в общем ведь ничего не понимают). Ну и емкая же газета. А все-таки необходим "свой" орган.

Ваш С.Алексеев.

547. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <30.01.1915. Москва – Тифлис>

30 января 1915 г.

<... /> Прости, так давно не писал тебе, но эта неделя для меня была очень хлопотливой. Во-первых, я написал две статьи, во-вторых, был еще Павлуша, в-третьих, вчера было заседание с Ильиным[1637]. О последнем скажу, что оно вышло довольно несуразным. Ильин говорил мне тоном невероятной внутренней грубости. Я ему отвечал спокойно, но несколько моментов вышло все-таки острыми. У меня осталось большое неудовлетворение, хотя кругом говорили, что Ильин был совершенно побит и главное морально провален. С необыкновенной душевностью выразила мне свои симпатии и чувства Маргарита Кирилловна. Вера, придя домой, сказала, что она хотела встать и поцеловать меня за то, как я отвечал Ильину. Но я был очень усталый и в умственном забытьи, и потому не всегда находил слова и лишь изредка говорил с удачей. Князь напал на меня довольно резко, я ему ответил энергичною контратакою. После заседания он был очень сердечен и почти меня обнимал. Словом, внутренне вышло в конце концов хорошо, но с какими-то углами, которые перемололись лишь к концу вечера. Очень хорошо поддержал меня С.Н.Булгаков.

Статью о Бердяеве я послал в "Бирж<евые /> Вед<омости />"[1638]. представь мое изумление, когда я (на другой день) получил телеграмму "очень благодарен за прекрасную статью, прошу продолжать сотрудничество. Гаккебуш[1639]." А с Гаккебушем я и не знаком. Когда я прочел телеграмму вслух, все Ивановы дружно устроили мне овацию. Это мне приятно для будущего времени. Все-таки теперь будет заработок. Хорошо иметь базу пошире <... />

Эта неделя вышла очень "музыкальной" у нас. Приехала в Москву певица Девет из Петрограда. Она большая приятельница Гречанинова и Вячеслава. Очень простая и милая дама. Приходила раза три и все пела, себе аккомпанируя. Последний раз был даже званый вечер с ней. Пришли: Булгаков, Рачинский с женою, семья Чулкова, Маргарита Кирилловна[1640]. Кроме того с Ивановыми попал на концерт Скрябина и с великим удовольствием слушал его.

<... /> Был вчера "стратег"[1641] и тронул меня надписями на двух сборниках своих стихов. На одном написал "Влад. Эрну с братским приветом", на другом "Влад. Эрну в душевном единении". Ты видишь, как быстро сдружились мы с ним. Это ведь уже совсем по-дружески. Слов он не произносит напрасно <... />

Ты пожалуйста не смотри на мои планы пессимистично. То, что "Бирж<евые /> Вед<омости />" сами открыли мне свои объятия, и то, что "Утро России" обещало повысить мне гонорар – это ведь настоящий экономический выход для меня, и в то же самое время выход духовный, ибо у меня есть величайшая потребность теперь писать именно на темы публицистические. А ведь к развертыванию идей я еле-еле приступил. Каждая написанная статья порождает во мне по крайней мере три новых мысли для последующих статей. Так что у меня все время <нрзб. два иностранных слова />. Словом, с помощью Божией наши дела поправятся, и мы заживем славно без нужды <... />

Вчера получил открытку от Аскольдова с изъявлениями восторга по поводу

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. "Налета Валькирий". Бердяевы ("ни и ли")[1642] скоро приезжают, должно быть 3-го. 8-го назначена его лекция в "Воине и культуре"[1643]. Вероятно, что я буду читать 15-го. Нужно будет теперь усердно засесть за работу, чтобы поскорее кончить ее. Мое выступление, как всегда, вызвало массу толков. Кругом говорят все о "канте и круппе". Вчера прилетел нилендер[1644] и зашел Балтрушайтис. За сочувствие, выраженное первым Ильину, Вячеслав резко сказал: "это показывает нетребовательность Ваших этических и эстетических вкусов". Когда тот застонал, Вячеслав прибавил: "Передайте это мое мнение всему "Мусагету". Словом вышла история (без меня). Когда я пришел, они там исчерпывали инцидент, а "стратег", прервав молчание грозно сказал: "Я не знаю в чем дело, но по тому, что я слышал, становлюсь на сторону В<ладимира /> Ф<ранцевича />, и во мне Вы имеете противника с левого фланга"... Лидия очень удачно состроила насчет Ильина: "Он ставит кавычки только перед цитатами (из моих статей), а сзади забывает поставить" (и наговаривает от себя). А Вяч<слав /> еще сильнее выразился: "Такими цитатами можно из чужого кармана похитить часы" <... />

548. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1645] [? 01.1915. Москва – Бегичево]

<... /> Если ты не приедешь на Масленице и если тебе неудобно, чтобы я приехала, то я могу только поехать на второй неделе[1646], а это очень долго. В Петрограде у меня масса дела. Нужно узнать о Михайловском училище для Мики[1647], нужно поговорить со Струве, нужно познакомиться с Игнатьевым[1648] через С.Рачинского[1649], нужно поговорить с Радловым[1650] и с Оболенским[1651]. Даже не знаю, когда все это успею. Главное, мне нужно быть в Михайловском училище. А самое, самое, самое главное – мне нужно увидеть моего ангела, обнять его, крепко, крепко расцеловать и сказать ему все, что в моем сердце есть самого лучшего и светлого <... />

549. Н.А.Бердяев – Вяч.И.Иванову[1652] <30.01.1915. Люботин – Москва>

Люботин, 30 января 1915 г.

Дорогой Вячеслав Иванович!

Уже почти перед отъездом моим в Москву (8 февраля я читаю лекцию, а в Москву приеду, вероятно, 6 февраля) собрался я писать Вам. Для "энциклики", как Вы выражаетесь, не было у меня подходящей настроенности. Вы все хотели, чтобы я сказал Вам откровенно, что я мыслю о Вас. И вот я скажу Вам, хотя и недостаточно пространно. Думаю я прежде всего, что Вы изменили заветам свободолюбия Лидии Дмитриевны, ее мятежному духу. Ваш дионисизм, Ваш мистический анархизм, Ваши оккультные искания, все это очень разное, было связано с Лидией Дмитриевной, с ее прививкой.

О Вас я очень сильно чувствую вот что: тайна Вашей творческой природы в том, что Вы можете раскрываться и творить лишь через женщину, через женскую прививку, через женщину-пробудителя. Таков Вы, это роковое для Вас. Творческое начало в Вас падает без взаимодействия с женской гениальностью, Ваша огромная одаренность вянет. Вы сами по себе не свободолюбивы, Вы боитесь трудностей истинной свободы, распятия, к которому ведет путь свободы. Вы слишком любите легкое, отрадное, условное, в Вашей природе есть оппортунизм. Вы думаете, что теперь живете в свободе, потому что свободу смешиваете с легкостью, с приятностью, с отказом от бремени. У Вас нет религиозного дара свободы. Вы свободу всегда переживали, как демоническое дерзание, и для Вас лично воспоминания о путях свободы связаны с чем-то темным и сомнительным. И в Вашей природе есть робость, которая лишь внешне прикрывается дерзновением. Вы всегда нуждаетесь во внешней санкции. Сейчас Вам необходима санкция Эрна или Флоренского. Вы ищете санкции и в личной жизни и в жизни духовной и идейной. Жизнь в свободе – трудная и страдальческая жизнь, легка и приятна – лишь жизнь в необходимости. Вам не знакома божественная свобода, у Вас есть лишь воспоминания о демонической свободе.

В православии Вы ищете легкой и приятной жизни, отдыха, возможности все принять. И это усталость в Вас, духовное истощение от ложных опытов дерзания. Последние годы Вы живете уже творческими откровениями и подъемами прежних лет. Но сейчас я чувствую, что прежний огонь погас в Вас. Вы стали перекладывать в стихи прозу Эрна. Вы почти отреклись от Ваших греческих дионисических истоков. И на высоте Вы лишь тогда, когда остаетесь поэтом.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Я не люблю в Вас религиозного мыслителя. Ваша необычайная творческая одаренность цвела и раскрывалась под воздействием сначала жизни Лидии Дмитриевны, а потом ее смерти. А в Ваших оккультных исканиях для Вас имело огромное значение Анна Рудольфовна[1653]. Теперь Вы попали в быт и живете под санкцией Эрн, говоря символически.

В Вас лишком много было всегда игры. И сейчас Вы очень привлекаете и соблазняйте в минуты игры. Но думается мне, что Вы никогда не пережили чего-то существенного, коренного в христианстве. Я чувствую Вас безнадежным язычником, язычником в самом православии Вашем. И как прекрасно было бы, если бы Вы оставались язычником, не надевали бы на себя православного. В Вас была бы языческая праведность. В Вас есть языческий страх христианской свободы, бремя которой нелегко вынести. Вашей природе чужда Христова трагедия, мистерия личности, и Вы всегда хотели переделать ее на языческий лад, видели в ней лишь трансформацию эллинского дионисизма. Ваше чувство жизни, Ваше мироощущение в своей первооснове языческое, просто внехристианское, а не антихристианское. Вот в моей природе есть что-то антихристианское, но вся кровь моя пропитана христианской мистерией. Я – "еретик", но в тысячу раз более христианин, чем Вы – "ортодокс". Вы совсем не могли бы жить и религией Христа, не знали, что в ней делать, она просто не нужна Вам. Но культ Богоматери очень Вам подходит, сердечно нужен Вам для жизни, для мистических млений. И свое языческое чувство жизни вы теперь прилаживаете к Церкви, как к женственности и земле.

Я объявляю себя решительным врагом Ваших нынешних платформ и лозунгов. Я не верю в глубину и значительность Вашего "православия".

Простите, что я так открыто и резко высказал то, что думаю и чувствую. На это дает мне право наша старая дружба и высказанное Вами желание, чтобы я прямо написал, что переживаю я о Вас. Скоро увидимся. Приеду на этот раз с Лидией Юрьевной. Три ее стихотворения приняты в "Русской мысли". С нетерпением жду Ваших "Сынов Прометея". Привет всем Вашим.

До свидания, целую Вас.

Любящий Вас Николай Бердяев

550. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[1654] 4.02.1915. Москва – Тифлис

4 февраля 1915 г.

<... /> Вчера у нас были Шестов и Шпетт, опять был "симпозион", но не такой интересный, как прошлый раз. Шестов все выпрашивает о православии, все не может никак ни в чем поймать. Позавчера был вечер у Герцык, где выступали в высочайшем присутствии моего друга-маэстро 5 поэтов[1655]. Вячеслав /> был очень сдержан и "слез" не было. а я уже приготовил чистый платок. Читала стихи свои Крандиевская[1656], мне ее представили как невесту А.Н.Толстого. Оказывается "Алешка" уже бросил осеннюю свою любовь и воспылал к Крандиевской. Последняя же очень "небесного" направления, судя по стихам и по виду, и "Алешке" придется несколько себя перекрутить <... />

551. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <8.02.1915. Москва – Тифлис>

8 февраля 1915 г.

<... /> Я очень рад, что тебе понравилась моя статья[1657]. А вот "Зюзючке"[1658] не понравилась. Написала мне длинное письмо с критикой, но с "любовью". Я ей сейчас же в нескольких словах ответил примирительно, не отдавая своих позиций.

<... /> Бердяевы приехали третьего дня, но до сих пор мы не виделись. Сегодня он читает лекцию в "Воине и культуре" о душе России[1659]. Мы все идем и встретимся там. "Посмотрим, что выйдет".

<... /> На днях со всей "фамилией" (впрочем без Лидии) были у "стратега"[1660]. Очень "фешенебельная" квартира, роскошный ужин с водкой и шабли, отдельный закусочный стол. Вячеслав был в восторге от водки, выпил четыре рюмки и просидел с "фамилией" до 5 часов, мы же с "профессором" (Булгаковым) благоразумно ретировались в 12 1/2 ч., потому что на другой день у нас были лекции. У стратега два портрета: один большой углем, сделанный Ульяновым[1661] – великолепный, тонкий, характерный, Балтрушайтис

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. "в идее и сущности" – другой поменьше, в красках, сделанный Пастернаком[1662]. Хорошо схвачено сходство, но немного фотографично. Ты насчет меня не беспокойся. Я действительно много пишу, но с большим удовлетворением и потому почти без усталости. Теперь работаю над "Время славянофильствует"[1663]. Опять замешал густо. Меня в газетах почти везде и много ругают. Бюро вырезок исправно присылает мне все новые и новые шедевры для коллекции. Бердяев в фельетоне о Ницше[1664] опять меня сильно выругал, еще не зная моей статьи против него. Так что "Налет Валькирий" вполне им заслужен. <... />

552. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <11.02.1915. Москва – Тифлис>

11 февраля 1915 г.

<... /> Какие у тебя чудесные братья! Как хорошо написал Оник – один восторг. Чистые, великолепные души! Сегодня пришел стратег взволнованный. Вячеслав еще не встал и мы с ним вместе пережили восторг перед этим изумительным корпусом ген. Булгакова[1665]. Мы с ним сошлись на том, что этот эпизод – неувядаемый лавр и наша величайшая духовная слава. Это сверхчеловеческий героизм: 9 дней пробиваться через кольцо немецких полчищ, не спать, может быть, не есть, и без дорог, главное, почти без надежды, прокладывая себе путь назад. И только расстрелявши снаряды, положить оружие. И при этом вести пленных; и все же остатки пробились. Это какое-то чудо героического напряжения воли, – я думаю немцев должна взять оторопь-испуг – и без растерянности в немцах нельзя понять того, что они со своими сотнями пулеметов, орудий и тройными силами не могли в 9 дней физически уничтожить какие-то 25 тысяч, окруженных со всех сторон. Гинденбург хотел ускорить русский Седан, а вышли русские фермопилы[1666]. А Н.А.Бердяев только два дня тому назад читал о "бабьем" в русской душе, и публика аплодировала... С Николоае /> Александровичем /> мы встретились на лекции. Поцеловались, поговорили. Лидия /> Юдифовна /> была больна и не пришла. Потом с Вячеславом /> звонились к ним в часов 9 1/2 – они сказали, что устали и ложатся. Вчера пришел Николай /> Александрович /> и пригласил нас к себе на завтра. С ним поговорили немного. Сначала о пустяках, а потом Вячеслав /> стал говорить в открытую, но деликатно. Николай /> Александрович /> был сдержан, но немного растерян. Вот завтра придется говорить гораздо больше. Я решил всячески воздерживаться от споров /> что /> с Николоае /> Александровичем /> они совершенно бесплодны. Если начать ему уступать, он празднует "победу", если же диалектически его побивать – он приходит в раздражение, волнуется и просто кричит. Я уступаю и буду смотреть, как будет разговаривать Вячеслав />. Он искусен и дипломатичен.

Время защиты наконец определилось. Она назначена на 1-е марта. Я прочел это в "Русских Ведомостях />". Придется теперь скорее кончать "Время славянофильствует" и приниматься за составление "речи" перед защитой. Впрочем, она должна быть коротенькая, на 20–30 минут, не больше. Мой "Кант-Крупп" все еще продолжает вызывать раздражение. Сегодня в "Русских Ведомостях />" появилась скучнейшая статья "Винovat ли Кант?" с большими цитатами, не относящимися к делу и с маленькими ругательствами, относящимися ко мне <... />

Мария Михайловна страшно радуется твоим письмам и приносит их мне с сияющим лицом. Если бы мы не были уже мужем и женой, она наверное бы нас поженила! <... />

553. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <15.02.1915. Москва – Тифлис>

15 февраля 1915 г.

<... /> Третьего дня мы, наконец, выбрались к Бердяевым. Когда пришли, было маленькое напряжение, но потом Лидия /> Юдифовна /> отвела меня в отдельную комнату и прямо сказала, что ей было бы очень больно думать, что какая бы то ни было полемика между нами может как-нибудь отразиться на наших личных дружественных отношениях. Я на это поцеловал ей ручку и сказал, что я об этом и думать не мог и очень рад, что и она с Николоае /> Александровичем /> думает почти так же. Натянутость сразу прошла, и мы разговаривали потом, как всегда – "в простоте и дружбе". Оказывается больше всех переволновалась Евгения /> Юдифовна /> из-за моей статьи. Мы сошлись на том, что спорить с Н.А. не нужно, ибо он совершенно одинаково со мной сознавался своим дамам, что очень любит меня в "домашней обстановке" и любит вести со мною разговоры о "котах и собаках", а вот в спорах я

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. невыносим. Так что у нас все быстро выяснилось, а в это время Вячеслав /> очень удачно разговаривал с Н.А., так что у нас образовался мир, который, надеюсь, не нарушится. За ужином Лидия /> Юдифовна /> читала свои стихи русские и французские. Она неожиданно для себя и для супруга стала читать французские стихи и очень недурные. Тут Н.А. с широкой детской улыбкой признался, что его дамы сыграли с ним шутку: Л.Ю. прочла ему свое первое стихотворение, как стихотворение Верлена. Н.А., прослушав, сказал: "Да, да! я вспоминаю, это у Верлена находится в сборнике..." Тут дамы захохотали, и целый вечер Н.А. пребыл в совершенном конфузе и молчании. Воображаешь, сколько наговорила в этот вечер, воспользовавшись его полным "выбытием из строя" – Евгения Юдифовна! <... />

У меня личная полоса головокружительная: во-1) предстоит лекция публичная "Время славянофильствует", 2) 18-го должен выступить на докладе Здзеховского о Польше; в 3) 1-го марта защита. Кроме текущие занятия в Университете и "публицистика" <... />

554. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <19.02.1915. Москва – Тифлис>

19 февраля 1915 г.

<... /> После вчерашнего вечера решил не заниматься сегодня и вот сажусь беседовать с тобой. Против всякого моего ожидания вечер сошел очень хорошо. Здзеховский был интересен, хотя и застегнут на все пуговицы. Князь был трогателен глубокой взволнованностью. В иных местах его речи голос дрожал и почти слышались слезы. Добрый и хороший он человек. Я хотя написал свою речь заранее, говорил "свободно" и не так, как написал, пользуясь докладом Здзеховского. Вдохновения никакого не чувствовал и сам собою остался недоволен. Но почти все выражали мне свое удовлетворение. особенно горячо похвалила меня Маргарита Кирилловна. Она теперь вообще относится ко мне с личной дружественностью. Очень сердечно говорил Булгаков. Так что заседание все удалось, и многочисленные поляки, сошедшиеся на заседание, воочию увидели, как дружественно относятся к ним русские, из глубины, а не из политики или расчетов. Было радостное возбуждение, после которого я хорошо заснул и проснулся с ясной головой, несмотря на то, что добрался до постели лишь к 2-м часам (вообще же живу регулярно). В "Русском Слове />" ты прочтешь отчет Жилкина[1667], а из "Утра /> России />" я вырезку тебе приложу.

Третьего дня у Рачинского был прием – он теперь стал у него ежегодным. Т.к. его квартира мала, он делал прием у своих знакомых Ян-Рубан (певица), жена Поля (пианиста), живущих в том же дворе[1668]. набралось много народа: князь, Маргарита Кирилловна с сестрою, Шпетт с женою, Булгаков с женою, Вячеслав и еще много других. Вечер вышел чудесным оттого, что пела Ян Рубан и играл Поль. Поль прекрасный пианист (и сам композитор), и его исполнение 5-ой симфонии Бетховена в переложении Листа вышло потрясающим. Но вот кто меня пронзил до глубины – это Рубан. У нее совсем небольшой голос, но исполнение... я не нахожу слов – я в жизни никогда не слыхал такого художественного исполнения. Много выше, артистичнее, первоначальнее, сильнее, чем у Олениной д'Альгейм[1669]. Уж на что требователен Вячеслав, но и он нашел ее пение совершенным. Дальше был ужин, говорят прекрасный, но я уже во время него мирно покоился на своей постели <... />

555. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <23.02.1915. Москва – Тифлис>

23 февраля 1915 г.

<... /> Вчера должен был написать тезисы к диссертации (4 стр.). Позавчера была лекция в Университете. Сегодня засяду за составление речи перед защитой. Она очень ответственна и потому ее нужно сделать возможно лучше <... />

556. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн[1670] <27.02.1915. Москва – Тифлис>

<... /> Пишу тебе открытку, потому что эти дни исключительно занят. Пишу "речь" и подчитываю всякие книжки. Как только освобожусь, напишу большое письмо. Мне бесконечно жаль, что ты не будешь присутствовать на диспуте, но я утешаю себя тем, что во-1) диспут – страшнейшая чепуха и ерунда, и во-2) экономия от твоего неприязда улучшит нашу жизнь осенью, и кроме того ты не устанешь и сбережешь свои силы <... />

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
557. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <2.03.1915. Москва – Тифлис>

2 марта 1915 г.

<... /> Должен прямо сказать, что диспут был как диспут, и если что и было особенного, – то не в диспуте, а вокруг него. Уже со вторника прошлой недели М<ария /> М<ихайловна /> вытащила мой сюртук и прочее, чистила, чинила цалзонцини, пришивала пуговицы, и это все незаметно – я узнал о ее самоотверженной работе, когда увидел в день диспута все выглаженным и приведенным в полную боевую готовность. Накануне диспута мы разговаривали с Вячеславом о двух вещах – о китайском дворце, из коего открывается вид одновременно на весну, лето, осень и зиму, и в коем царит день, ночь, восход и заход, и о Доцтор Сцчманс'е, т.е. о пирушке по поводу получения степени <... /> Вяч<еслав /> требовал, чтобы я либо пригласил Лопатина, декана и моих друзей в ресторан, либо позвал их к нам. Я протестовал самым решительным образом и грозил выброситься из окошка на улицу. Спор был вынесен на суд Г<ригория /> А<лексеевича /> и Сергея /> Н<иколаевича />, которые случайно подошли, и они стали решительно на мою сторону. Диспут вышел очень удачным против всякого ожидания. После щедрых похвал, к которым присоединился и мой второй оппонент, Лопатин в течение двух часов нападал на меня, но корректно, с большим уважением ко мне, и я на каждое возражение легко и без всякого труда отвечал и, как говорит Вячеслав: "удачно, веско и красиво по форме". Когда вся церемония кончилась и декан, вставши, прочел обычные слова о присуждении степени – раздались громкие аплодисменты – публики было много – и мне неизвестной. Все стали поздравлять. Лопатин очень горячо поцеловал меня, другой оппонент последовал его примеру, и неожиданно крепко расцеловался со мной декан, и потом пошли свои. Диспут длился 4 часа, и я, конечно, безумно устал от стояния и говорения. Когда приехали домой, был приятно изумлен трогательною любовью Ивановых. На столе стояли великолепные цветы, коробка конфет; от Сережи[1671] прекрасно сделанный деревянный слон. М<ария /> М<ихайловна /> и Вячеслав сияли и были довольны, как если бы степень магистра получила вся семья. Ну, словом, их любовь какая-то безграничная. Только что я отлежался и выпил черного кофе – прибежал Котляревский прямо с поезда и, поздравив, ушел; затем пришел Балтрушайтис, затем звонил Гершензон с поздравлениями (он упал и повредил бок и не мог придти). Вяч<еслав /> все-таки от себя пригласил на вечер Домначку, Рач<инского />, Булг<акова />, Шпетта и князя. Князь со мной тоже густо расцеловался и очень сердечно высказал всякие пожелания. Он был необыкновенно мил, остроумен, заметно доволен, что попал дружески в нашу среду, и я лично через его присутствие как-то почувствовал привет от покойного его брата[1672], который был настоящим учителем моим. Вообще с князем у нас теперь стали совсем дружеские отношения. Вяч<еслав /> несколько раз говорил мне: "Разве ты не видишь, как он тебя любит?"

Ну вот – дело сделано, и мой Розмини фаит аццомпли.

558. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <5.03.1915. Москва – Тифлис>

5 марта 1915 г.

<... /> На другой день после диспута я получил цветы, очевидно от Домика[1673], а так как вчера был именинник Вячеслав, и Вера преподнесла ему цветы, то у нас теперь полон дом цветов. Карлюкина телеграмма[1674] вызвала всеобщий восторг. Ее стиль нашли чрезвычайно подходящим моему нраву[1675]. Приношу Карлюке почтительную благодарность. На другой день я мог только написать тебе письмо и весь день лежал в полном изнеможении. Друзья накануне разошлись в 21/2 ч., так что от переутомления я даже на третий день ничего не мог делать. Когда я пришел в собственное свое самочувствие на четвертый, я впервые испытал действительную радость освобождения от всяческих обязательных занятий, связанных с диссертацией, и мне стало приятно думать, что вот ближайшие месяцы, по крайней мере, я смогу отдаться собственным работам, а их накопилось многое множество: 1. несколько статей в газеты 2. ответ Бердяеву 3. статьи о Джоберти и пр. и пр. Писание речи и какое-то внутренне связанное состояние поглотило у меня конец февраля, и все у меня остановилось: накопились письма, белья собралась целая грудка, стол завалился корректурами и взятыми отовсюду книгами, и после защиты эта "плотина" прорвалась, и я начинаю, кажется, с завтрашнего дня входить в свои берега. Кроме того ложусь рано и начинаю чувствовать себя человеком. Теперь много сил положу на заработок денег – хочу обеспечить ваш проезд; ведь нам нужно будет сделать многое: и рояль перевезти и ковры, и книги из Тифлиса, и кроме того придется прикупить

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. некоторые вещи. Ты не подумай, что для меня думать об этом хлопотно. Наоборот страшно радостно, и я мечтаю, чтоб мы зажили, наконец, все вместе и своим собственным домом <... />

Бердяевы настроены печально. Н<иколай /> А<лександрович /> все лежит, кость срастается плохо. У него постоянно толчется народ и, как говорит Л<идия /> Ю<дифовна />, – он с удовольствием принимает "ванны любви". <... />

559. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <8.03.1915. Москва – Тифлис>

8 марта 1915 г.

<... /> Эти дни я усиленно занимался. Почти до конца написал ответ Бердяеву (должно быть, завтра кончу) и еще 6 писем – сбросил с себя всю почтовую тяжесть одним махом. Курсы[1676] прислали мне телеграмму: "Согласны ли занять кафедру философии. Получено право. Мейер." Я подумал, подумал (в письме предлагают 7 часов по 400 р. т.е. 2800 р. в год) и ответил отказом, но вежливо: "Будущем году не могу". Вячеслав одобрил. Перед диспутом я подал заявление в факультет о желании моем вести на будущий год практические занятия по Платону. Слышал от Лопатина, что факультет согласился, и я таким образом смогу несколько развернуться и укорениться в Университете. А мысль углубиться и погрузиться в Платона по уши и в греческий язык – для меня мечта <... />

560. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <15.03.1915. Москва – Тифлис>

15 марта 1915 г.

<... /> Сегодня я чувствую себя утомленным, потому что вчера случился неожиданный "вечер". Позвала нас к себе Маргарита Кирилловна "на Струве". Он судился (присужден к 2 месячному аресту при тюрьме) по этому поводу приехал в Москву[1677],. Собрались без определенной цели, так – чтоб "поговорить". Струве начал застольную беседу словами о том, что сейчас с особой остротой поставлен национальный вопрос. Вокруг этой темы и пошли разговоры. Говорили один за другим Котляревский, Вячеслав, Булгаков, Новгородцев, Ильин, Турбин, Рачинский и твой супруг. Речи чередовались диалогами со Струве и его "ответами". Было очень сердечно, серьезно и хорошо. Весьма возможно, что из этой беседы что-нибудь вырастет, либо сборник, либо постоянный отдел в "Русской Мысли". Разошлись поздно, но я никак не мог не пойти. Вячеслав очень хвалил меня. Маргарита Кирилловна выразила полную солидарность с тем, что я говорил, а Струве был несколько озадачен, потому что я поставил ему трудные вопросы, о которых он очевидно никогда не думал. Сегодня чудесный день – солнце и мороз – я выбежал прогуляться и подышать чудесным воздухом. Как мороз, я оживаю и уже спешу воспользоваться им, а в сырые дни сижу дома <... /> Теперь время самое горячее, нужно не упускать ни одного дня. Тогда летом я смогу иметь спокойную работу (Данта кончу и о Джоберти писать буду). Сегодня была у Ивановых жена Скрябина, очень милая дама, вся вращающаяся вокруг своего супруга, забросившая музыку и собственные композиции, чтобы жить всецело им[1678]. Она умна и "жертвенна", но впечатление получилось очень грустное. Что-то все-таки неуютное есть в нем, замкнутость в себе, в каких-то больших, но ограниченных сферах; сын необыкновенно развитой и музыкальный (7 лет), все боится "сойти с ума"[1679]. Просто страшно было слушать ее рассказы (она рассказывала просто, почти весело). Как люди ходят над безднами <... />

Позавчера была у меня Люся с Домночкой. Она еще похудела. Одеты очень элегантно. С своими компаньонами по найму квартиры расходится. Хочет даже бросить службу в Центральном [нрзб] и ехать на войну. С Домночкой она очень хорошо встретила. Ивановым всем понравилась. Лидия нашла, что она "безумно красива", как все флоренские <... />

561. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1680] <16.03.1915. Москва – Москва>

дорогой мой ангел, спасибо за письмо! напишу только один раз, больше писать не буду, а то тебе наверно неприятно. Начала говеть, молюсь за тебя! Очень больно, что столько причиняю тебе страдания. Совсем не этого хотела бы!

Я очень рада, что ты все больше приходишь к заключению, что Петроград не Москва и что там лишь небольшая кучка людей тебя понимающих! И все твои Ковалевские и Петражицкие недалеко ушли! А скептицизм это просто душевная

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. бездарность! Еще очень важное подтверждение моей оценке Петрограда я получила на днях от П.Б.Струве. Он приехал в Москву в пятницу и просил меня на субботу вечер пригласить 8 человек с тем, чтобы поделиться своими мыслями.

Эти 8 человек: Рачок[1681], Булгаков, Эрн, Вяч. Иванов, Котляревский, Новгородцев, Ильин, Гершензон. Все пришли, только тебя так не доставало, что и передать не в силах. Беседа была прямо знаменательная. Очень, очень тебя прошу, позвони скорее Рачку и расспроси его. Струве остался страшно доволен этим вечером и на другой день даже звонил мне и благодарил меня за то, что я отозвалась, и высказал, что он в Петрограде никогда не находил такого удовлетворенья душевного, и такого сочувствия, и понимания!

Вот подтверждение! Поставил Струве вопрос об оправдании национализма. Он сказал, что национализм может быть оправдан только на религиозной почве, т<ак /> к<ак /> иначе он становится зоологическим, тем, против чего ты выступаешь! Тебя поминали каждую минуту. Постановка этой проблемы для общественного сознания есть великое событие вообще, а такими людьми как Струве особенно. Я так была воодушевлена и радостно взволнована этим всем впечатлением, что не спала всю ночь. Григорий Алексеевич говорил твоими словами. Струве говорил по-своему, но важно дать в этом направлении как можно больше общественному сознанию, иначе грозит большая опасность.

По-моему, надо сделать все, чтобы воскресить в общественном сознании идею Святой Руси и т<ак /> к<ак /> это религиозный идеал, то никакой опасности немецкого национализма здесь нет. Ты в твоей лекции о Софии это делаешь и оттого она особенно хороша, но надо еще определеннее это развивать. Если бы немцы искали в своем Граале содержания своего национализма, то это было бы прекрасно!

Я оттого так рада, что Струве это провозглашает, что он может привлечь широкие круги интеллигенции. Всех бессодержательнее был Ильин, а всех неопределеннее – Новгородцев и Котляревский. Но и эти культуртрегеры все были сочувственны и соглашались! И этому я страшно рада. Пусть каждый в своей сфере основывается на религии и связывает с ней все! Только это и нужно. Боюсь, ты поймешь меня не так, и я рассержусь тогда до болезни, т<ак /> к<ак /> я очень этим захвачена и не могу, и не хочу всегда рассуждать. Хочу, чтобы без рассуждения провозглашались любовь и обожание к России, и все силы были положены не на равноправие всех народов (это между прочим), а на раскрытие сокровищ и святыни нашей народной души!

Поговори с Григорием Алексеевичем, пожалуйста, т<ак /> к<ак /> я слишком волнуюсь, чтобы быть понятной и ясной для тебя! Будь здоров, пожалуйста.

Я поеду к Троице с Микой в пятницу и в субботу вернусь. В воскресенье 22-го мы с Микой поедem в Михайловское и вернемся во вторник. Напиши мне так, чтобы я получила письмо в воскресенье утром, здесь. Ради Бога прости меня за все, что я тебе причинила, мне очень, очень это больно! Напиши мне! Целую тебя очень крепко миллион раз!

562. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1682] <19.03.1915. Москва – Бегичев>

Христос воскрес, моя дорогая,

Пишу тебе заранее, уже в Среду, так как очень боюсь, что в нынешнем году почта будет особенно неаккуратна. Дай тебе Бог, чтобы этот праздник был для тебя в полной мере светлым праздником. Ужасно рад твоей блестящей мысли поговеть с твоим Микой у Троицы. Дай Тебе Бог мир душевный и радость в детях.

Ужасно думать о тех, кто даже в этот день не будут избавлены от необходимости убивать и быть убиваемыми в окопах. Дай Бог, чтобы им хоть Пасху дано было встретить спокойно и без боя.

Гармося, моя родная, дай Бог в этот день всем нам легкости душевной, в особенности тем, кто носит на душе большую и уже давно накопившуюся тяжесть греха. Да простится в этот день всякий грех и в особенности тот, который так больно и так мучительно чувствовать, потому что он вкрадывается в самые естественные и в самые сильные человеческие чувства. Ах, как мучительно хочется, чтобы перед Богом было свято и непорочно все человеческое и в

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Особенности наше с тобой, моя дорогая. Моли Бога, чтобы так было и чтобы ничем не омрачалась ни твоя, ни моя душа.

О чем еще писать, моя дорогая; спорить о "национализме" с тобой не хочется, хоть есть тут большое и опасное недоразумение. Да будет свята и велика пред нами всякая народность; и свой народ надо любить всеми силами души; но национализм требует, чтобы мы любили только свою народность, и попытка примирить это с христианством – чистейшее безумие – вопреки уверениям русских немцев – всех возможных Бернгардовичей и Францевичей[1683] на свете. Для них "русская народность" – имущество благоприобретенное; я понимаю, что они из-за нее из кожи вон лезут и стараются – отсюда их национализм. Но для меня и для тебя "быть русским" – это наше родовое имущество; "стараться" нам об этом нечего: все равно, как мы не повернись, мы будем русскими, даже если бы мы заботились о противном. А потому нам национализм в лучшем случае бесполезен, а в худшем – вреден, потому что он стирает всякую грань между нами и теми, кто ради своего народа считает все дозволенным.

Но довольно об этом и не стоит. Ведь ты знаешь, что у меня теперь особенный подъем любви ко всему русскому; и с каждой новой поездкой по России он усиливается; вот и теперь, когда я из Новгорода приехал в диком восторге; может быть именно поэтому я особенно сильно чувствую всю нелепость требования "быть русским": не быть им для меня так же невозможно, как вдруг стать "Францевичем" или "Бернгардовичем" или вдруг вылезти из своей кожи.

Ну прощай, еще раз Христос воскрес. Крепко целую.

563. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1684] <19.03.1915. Москва – Н.Новгород>
19 марта 1915 г.

Чистый и Великий Четверток

Христос воскрес, милый Александр Сергеевич!

Целую Вас пасхальным целованием и сердце сердцем иду с Вами на встречу к Воскресшему. Помните и то отдаленное и по времени и по внутренним переживаниям чувство, с каким мы встречали Пасху в Киеве в эпоху "Народа"[1685]? Брр... как много лжи не видел я тогда в себе и на лжи своей утверждался подбоченься! Не то, чтобы то, что болело тогда, перестало болеть и теперь, и не то, чтобы теперь стал чувствовать себя лучшим, но все как-то по иному, без мальчишеского незнания себя. А вот стихи пасхальные в "Народе" (Белявской и Вяч. Ив<анова />[1686]) вспоминаю и доселе как сноп лучей. Сегодня я с Муночкой и Федей причащался св. Таин, и опять благодарно радуюсь бесконечной милости Спасителя и Его долготерпению.

Вспоминаю я, как в 1907 году, приехав из СПб, (член Государственной Думы) проводив своих в Крым, зашел я в церковь с постоянным тогда волнением и жаждой таинства в Чистый Четверг, день, который освящен для меня сильнейшими воспоминаниями детства. Пели "Вечери Твоя Тайная" и люди шли к Чаше. Я как отверженный, "исшед вон, плакался горько"[1687], и долго шел я по улицам Москвы, плача и всхлипывая о своем бессилии и отверженности, "член Государственной Думы" 2-го призыва... А Отец уже выбежал в то время навстречу блудному сыну... Сейчас на душе особенно тихий свет и покой, потому что сметена и угнетена она была и не только по вечной впечатлительности своей и скверной способности отзываться на всякие бури в стакане воды, но по той глубокой тоске, которая все более меня захватывает от войны, т.е. от моего неучастия – не в войне, а в несении ее креста. Вы понимаете это чувство, потому что оно остро было у Вас в начале войны, а у меня все сильнее становится с течением времени. И кажется вся жизнь преступление. Не буду говорить о бродящих у меня планах и мечтать, потому что не уверен в осуществимости их, да и все равно, это дало бы только некоторый личный исход. – Исконная же наша общая мечта все сильнее в душе[1688], иногда кажется, что только внешние препятствия (необходимость службы для заработка) отдалают от осуществления, хотя это, конечно, не так. При этом я не о служении, а лишь о достижении для себя, о некотором религиозном эгоизме, хотя и не знаю, неправ ли я в этом, и, во всяком случае, в искренности этой правде, чем в ложном и сентиментальном предначертании "служения", довольно с меня было этих служений...

В семье у нас, слава Богу, сейчас благополучно. Надеюсь и у Вас теперь

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. спокойнее? Я еще не поблагодарил Вас за фотографию Вашу (Эрну я передал). Портрет хорош, но голова одна слишком велика и заставляет предполагать туловище гораздо более основательное, нежели каковым Вы располагаете. Это общее свойство головных портретов.

Наши общие приятели благополучны пока. Н.А. Бердяев сломал себе, поскользнувшись на улице, ногу и лежит; кажется, перелом не серьезный и скоро встанет. О духовном его состоянии не хочется говорить, тем более, что я сохраняю веру в добрый для него исход его идейных авантур, хотя и не приемлю этого авантюризма. Эрн недано магистровался. Как всегда добр, энергичен, полемичен и на свете боится, кажется, только сырости. Вяч. Ив<анов /> благополучен. Совместная жизнь с Эрном на нем, конечно, отражается, но я нахожу, по учете всего, что влияние это для него благотворно и оздоравливающе, и, кроме того, устраняет разные возможности инфекций, которым наш друг подвержен (ведь стоит только вспомнить, какого дурака из него валял "Георгий" Чулков![1689] Кстати, последний болен легкими и даже был опасен, я как-то встретил Над<ежду /> Григ<орьевну />, его жену, и она рассказывала, – вспомнили и о Вас с нею).

Павел ездил месяц с санитарным поездом с вагоном-церковью, собирался ехать снова, как только освободиться; я еще не видал его по возвращении и не слышал от него об его впечатлениях. Авва здоров (если не считать рождественской хвори), "окормляет голубиц" и возится с голубцами, из которых однако мало настоящих голубей. Слышали ли Вы, что В.В. Розанов был на Рождестве тяжело и даже опасно болен сердцем? Теперь он начал опять писать и, кажется, поправился, хотя в восстановление его сил как-то не верится. Был он в Москве, был и у меня, впервые после того, как вместе с Вами обедал у нас в день открытия памятника Гоголю[1690]. Иногда меняем письмами.

Вот Вам рапорт о Москве, который Вы склонны считать у меня актом дисциплины и послушания, что есть все-таки <нрзб>, хотя и дружеский, пасквиль.

Дописали ли Вы свое "письмо" ко мне о войне? Если не хотите печатать, то хоть для моего личного употребления пришлите. Религиозно-философское общество в этом году проявляло довольно оживленную и "патриотическую" деятельность: зубоскальствуйте себе на здоровье! А вот Вам послушание: осуните в Нижнем, на страх интеллигенции горьковской, религиозно-философское общество с Вами – председателем и А.С. Мишенькиным – секретарем (или наоборот), поищите преподавателей семинарии, Мельникова раскачайте, м<ожет /> б<ыть />, гастролеры будут и кирилломедофодийствуйте наздоровье. Оному кандидату в председатели или секретари будущего Нижегородского религиозно-философского общества мой привет. Печатание Шмидт замедлилось из-за моей занятости и медлительности о. Павла.

Привет Ольге Федоровне и детям Вашим. Елена Ивановна шлет отдельный привет обоим. Да хранит Вас Заступница Небесная.

Целую Вас. любящий С.Б.

564. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1691] <22.03.1915. Михайловское – Бегичево>

Христос воскрес, мой дорогой!

Надеюсь, что хорошо говел и хорошо проведешь Пасху! Надеюсь, что тебе по крайней мере принесут мир душевный твои безумные поступки. О себе мне не хочется говорить, я очень страдаю и не примирюсь с твоим отношением ко мне. б этом довольно, ты и так знаешь, каково мне! И зачем?! Понять не могу и никогда не пойму! Впрочем, делай как знаешь! Вся моя душа кипит и возмущается! Ну довольно об этом! Я говела очень хорошо и без всяких ужасов и верю, что Бог простит, что Он Любовь и Милосердие, а не палач людей! Люди же ничтожны бесконечно! Причащалась я в Четверг. Вчера мы с Микой ездили к Троице к Плащанице. Чудная была служба! Как-то неизмеримо сильнее чувствуешь Православие и Россию там! Рака мощей св. Сергия на меня всегда потрясающе действует! Слова Ключевского, что пока она есть и притекает к ней народ, до тех пор стоит Россия, вдохновенны. Когда прикладываешься, то как будто приобщаешься лучшей, святой душе России! И этот национализм святой, и не о гордыне он говорит, и не Бернгардовичи и Францевичи его сочиняют, а он у нас есть, и давно нам дан, только надо его воскресить и освятить по-новому. Какая чудная толпа у Троицы, настоящие коренные мужики

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках и бабы – богомольцы! Во всяком случае с безличным либерализмом я не примирюсь и с "Русскими Ведомостями" я не пойду. Надо, чтобы было сказано настоящее слово для общественного сознания, кроме критики и запрещения. Об этом надо думать и я глубоко благодарна Струве, что он подымает этот вопрос, а каждый свободен думать по-своему. Ну, до свидания! Я испытываю огромное внутреннее препятствие по отношению к тебе, что-то мне мешает быть близкой к тебе, я сдержана не нарочно, а потому что не могу. А ты наверно наоборот – тебе это-то все и нравится! Потому что это не жизнь, а теория и сентиментальность.

565. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <23.03.1915. Москва – Тифлис>

23 марта 1915 г.

<... /> Статья о Царьграде напечатана сегодня в пасхальном №[1692], и в то же время редакция написала статейку по поводу нее! Так что с одной стороны они меня ценят, а с другой все стараются что-то "оговорить" и глуповато выходит. Я и рад. Этим сами они создают мне в "Утре России" "автономное" положение, – и я таким образом никак не буду ответственен за то, что они пишут в других отделах (иногда очень скверно) <... />

566. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1693] <24.03.1915. Москва – Михайловское>

24 марта, вторник

<... /> Получив твое последнее письмо, я сначала рассердился на абсолютное непонимание меня, которое там высказалось. Хотел тебе написать на эту тему, что если после стольких лет, что ты меня знаешь, ты не научилась отличать меня даже от "Русских Ведомостей", то, значит, не стоило со мной и знакомиться. Почувствовал я себя в раздражении и вообще лишним для тебя: когда меня нет, – в кругу твоих немецких профессоров русского национального чувства царит полное дружеское согласие, которое один я нарушил бы резким диссонансом. По твоему письму выходит, что они тебе гораздо ближе и нужнее меня. И я хотел тебе сказать – "ну и ступай к ним, зачем тебе я?"

Все это я хотел тебе написать, и по отношению к твоему письму все это и многое другое было бы справедливо. Но тут вдруг меня захватила тоска по тебе; больно и тяжело мне стало почувствовать себя без тебя на праздниках. Ты кипишь и негодуешь, и я тебя понимаю, потому что мне до боли хочется тебя видеть, забыться с тобой и крепко накрепко тебя расцеловать: от того это твое умышленное милое непонимание, упреки в космополитизме и т.п. – Я так же, получив твое письмо, в раздражении и досаде стал разыскивать в твоих словах и поступках следы "немецкого" твоего происхождения, хотел выругать тебя "немкой" и т.п. Но тут мне вдруг представилась милая катастрофическая бровь, слезки и отогнутые углы рта, так живо напоминающие ревущую Марусю. И вдруг – вместо гнева – прилив нежности к этой милой, дорогой и бесценной "немке".

Ах, милая, милая, дорогая, что мне делать и как мне бороться с этой могучей, нежной, страстной, но все же грешной любовью! Право, порой я дохожу до отчаяния! Какую другую волну любви, еще более могучую, противопоставить этой любви? Разве уйти куда-нибудь на Кавказ – в опасное место – бороться с тифом, как делал Геловани[1694], и там найти исход, который в самом деле покрывает грех и освобождает от него?

Много, много я думаю об этом и о многом в этом роде. Вообще, хорошо ли, что я все "читаю лекции" о том, как другие жертвуют собой. А сам-то я, что я делаю и чем жертвую? – Пустяками, делаю приятное себе, потому что наслаждаюсь и творчеством, и передачей этого творчества другим. А другие идут на Голгофу. Вот, что нужно, вот, что высшее в жизни, без чего и творчество бессильно и нет настоящей любви.

Не есть ли это и для тебя настоящий исход? Может быть, ты тогда поймешь меня и примиришься со мною внутренне, когда увидишь меня не в спокойной домашней обстановке, а в месте несравненно более опасном и при деле тяжелом и трудном?

Милая, тысячу раз милая и дорогая. Теперь уже скоро мы увидимся с тобой, наговоримся, поплачем, посмеемся и крепко поцелуемся. Не так ли, моя родная? А пока еще раз крепко, крепко тебя целую.

567. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <24.03.1915. Москва – Тифлис>

24 марта 1915 г.

<... /> Вчера у меня был Анатолий Петрович[1695]. В это время были Ивановы, мы пошли в столовую, Анатолий Петрович смутился, но потом разошелся и очень интересно говорил о войне. Потом Ивановы пошли к Бердяевым на именины, а я остался с А.П. и просидел с ним до 121/2 часов. Его визит мне был очень приятен. Мы первый раз видимся так основательно. 28-го он возвращается. Постараюсь у него побывать <... /> Я через Веру заказал для Лидии Юдифовны цветы, магазинчик ошибся и вместо одной розы принес ей две, одну необыкновенно великолепную. Лидия Юдифовна прислала мне с Ивановыми хорошенькое граненое "сапфирное" яичко с запиской "Дар василиску от друга его". <... /> На первый день Пасхи был "Алешка". Прочел вслух свой рассказ из "Русских Ведомостей"[1696], сидел долго, заговорился. Мы с Вячеславом его похвалили, и он был очень доволен. Как раз письмо твое, где ты вспоминаешь его, я читал при нем и, если б он скосил глаза и "нырнул" взглядом в письмо, он бы с удивлением прочел "Алешка"<... />

568. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <27.03.1915. Москва – Тифлис>

27 марта 1915 г.

<... /> По утрам работаю регулярно, в исполнение своей "большой судостроительной программы". Я решил очень много сделать за лето, да это и необходимо и по чисто литературным соображениям. Нужно непременно дать в майскую книжку "Вопросов философии и психологии" статью о Джоберти. Во-первых, для того, чтобы постепенно создавалась диссертация, во-вторых, всякая моя статья в "Вопросах" "консолидирует" мое положение с "тактической точки зрения". 25-го, в день Благовещения, у нас был роскошный весенний день, на улицах шумные потоки, и мне ужасно вдруг стало скучно от своей комнатной жизни и захотелось на простор – в поля, в леса, на море, в горы, только куда-нибудь поближе к земле и к солнцу <... />

Очень хорошее письмо получил от Волжского Князь Звенигородский[1697] прислал старинное издание Сковороды. <... />

569. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <31.03.1915. Москва – Тифлис>

31 марта 1915 г.

<... /> Думаю о тебе все время, а вот когда писал тебе последний раз, никак вспомнить не могу – чи два дня тому назад, чи три дня. Пожалуйста, прости и не сердись, ибо я, во-первых, кончил вторую статью о Царьграде[1698], во-вторых, болел и выздоровел за эти дни, в-третьих за эти дни было много людей – Балтрушайтис, Скрябин, Рачинский, Булгаков, Гершензон, петербургский Каблуков и т.д. и т.д. Еще успел принять 1 ванну. И еще вчера ночью в 12 часов был разбужен Павлушей и с ним просидел, вернее, пролежал до половины второго, когда вернулся Вячеслав из своих ночных странствий. С Павлушей говорил очень мало, ибо 1. был пробужен от сна и плохо соображал; 2. он выходил из моей комнаты мыться, есть яичницу и отбиваться от Марии Михайловны, которая хотела угостить его ванною, ждавшею Вячеслава. И все же душевно с ним соприкоснулся хорошо, хотя и сквозь сон. От войска у него впечатление светлое – в чисто духовном смысле, хотя и говорит о "непорядках". Для Павлуши это марка очень большая. Твой привет я передал в совершенной всецелости, и он был очень доволен. Тебе принес маленький молитвенник, привезенный им из-под Оссовца <... /> Мне принес посмотреть "Известия Академии наук" со статьей знатока Сковороды проф. Багалея о "сочинениях Сковороды и стоящих в связи с ними исследованиях"[1699]. Здесь 10 стр. посвящено разбору моего Сковороды, весьма лестному и хвалебному. И это я прочел сквозь сон, а книжку Павлуша утром уже унес, и я очень жалею, что не могу показать разбора Карлушке, у него бы наверное в зобу дыхание сперло от того, как о зяте его пишут в "Известиях Императорской Академии Наук"! Скажи ему еще, что через 10 лет, быть может, и моя речь о Канте дождется такого же признания! Тогда я в "Мемуарах" сообщу о том, как меня судили в Пятигорске два юриста – один настоящий, а другой вдохновенный и как они мне вынесли обвинительный вердикт. И пригвождю их к позорному столбу!! <... />

570. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <8.04.1915. Москва – Тифлис>

8 апреля 1915 г.

<... /> Вчера у Бердяевых был вечер, многолюдный и блестящий. Л.Ю. сшила себе новое платье, очень великолепное; по наведенным справкам подарено ей на именины. Гвоздем вечера оказалась читка юмористических произведений, предназначенных для нашего интимного журнала "Бульвар и Переулок"[1700]. Журнал этот мы задумали, смеясь, когда Л.Ю. была у нас в прошлый раз перед падением Н.А. Я тебе не писал, чтобы не томить ожиданием. Теперь можно сказать журнал родился и вышел чрезвычайно удачным. Особенный успех имели: превосходная юмористическая теория словесности М.О.Гершензона[1701] и моя статейка "Бульварная пресса и переулочная точка зрения". Я хвалил взакос Гершензона, а он был "очарован" моей чепухой. Журнал без подписчиков, – только для участников. Как получу свой экземпляр – сейчас же вышлю тебе. Но это очевидно будет через несколько недель. Вячеслав написал остроумную пародию на меня[1702]. Блеснула и Л.Ю.[1703] Очень недурно выступили Вера[1704] и Гершензон. Дальше обещаны вещи: Булгакова, Балтрушайтиса, Толстого. Последний пришел вчера в 12 ч. и чтения уже не застал, но вдохновился пересказами и спросил с комико-серьезным сосанием трубки: "Вячеслав Иванович (голосом нежным), а можно мне... две вещи написать. Одну драматическую, а другую в стихах?" Словом, тебе будет доставлено удовольствие. А пародию Вяч. Ивановича перепишу и пришлю. Я ушел в час и сегодня немного болит голова, потому что все последнее время ложился в 11 (уверяю тебя!). Представь, сегодня в доме Ивановых великая радость. Утром неожиданно, без всяких предупреждений появился Костя[1705], здоровый, целый, живой, веселый, красивый, добрый и скромный. Оказывается дали ему маленькую "командировочку", очевидно проветриться. Он ужасно мил. Безумно похож губами на Лидию Дмитриевну[1706], очень хороший голубой взгляд. По разговору полная противоположность Сереже[1707]. Говорит просто, без всяких пессимизмов, деловито и быстро. Настоящий военный, как твои братья. И так спокойно сидит за столом, что совершенно не верится, что этот юноша с первого дня войны, как Жоржик[1708], вел боевую жизнь. Он представлен к Владимиру[1709]. Много раз жизнь была на волоске. Я к нему чувствую большую симпатию <... />

571. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <14.04.1915. Москва – Тифлис>

14 апреля 1915 г.

<... /> Все эти дни был болен Скрябин, тревожно и тяжело[1710]. Часто приходил Балтрушайтис от него. Вячеславу было очень тяжело. Вчера вечером он у него был и был бесконечно тронут детскостью Скрябина и изумительной твердостью его жены. Сегодня Скрябин скончался, ночью причастившись вместе с женою. Они остались без всяких средств. Вяч<еслав /> с другими оснует организацию для сбора денег[1711]. Это все должно быть в больших размерах. Сейчас был у них кн. Трубецкой, горячо отозвался на сбор. Странно мне, что при последнем визите Скрябина с женою я чувствовал, что над ним нависла Судьба <... />

572. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <15.04.1915. Москва – Тифлис>

15 апреля 1915 г.

<... /> Ивановы очень разочарованы, что лето мы не проводим вместе. Они хотят на будущий год нанять квартиру в 9 комнат и две отдать нам, чтобы жить с нами вместе. Это было бы идеально! Они смотрят квартиры, но я что-то не очень в это верю. Во всяком случае радуется самое их желание и самая их готовность. В редкие дни когда я выхожу, я посматриваю на красные билетки[1712] и вижу, что квартиры нам по карману существуют <... />

573. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <16.04.1915. Москва – Тифлис>

16 апреля 1915 г.

<... /> Несколько дней тому назад (я не успел написать в прошлом письме) я был у Грушки, нашего декана Побудило меня заехать к нему то, что он очень уж горячо поздравлял меня на диспуте и вместо одного раза, как все, поцеловал и обнял второй раз в передней. Из-за этого я решил, что симпатия. В тот вечер, когда я позвонил ему, он уезжал в Одессу председателем испытательной комиссии. Несмотря на суматоху просил непременно приехать, чтоб рассказать в чем дело. Я взял лихача и поехал. Принял он меня очень

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. любезно и во-первых сказал, что будет ходатайствовать о вознаграждении за мой семинарий по Платону в будущем году, а во-вторых на мой вопрос, могу ли я рассчитывать в дальнейшем устроиться при Московском Университете, т.е. получить кафедру, – совершенно откровенно рассказал мне факультетские дела. Выходит так, что и там две партии, одна мне сочувствует, другая нет. Сочувствующих больше, и в случае моей кандидатуры голосов за меня соберется по его мнению больше. Но зато, пока что кафедру занимает Лопатин, который действительно агитирует против меня[нрзб]. Челпанов не только перед деканом, но и перед факультетом стоит за меня. Словом Грушка сказал мне, что в пессимизм я впадать не должен и хорошо бы, если бы я теперь же принял за докторскую диссертацию <... />

Сегодня хоронили Скрябина. Я не пошел из-за дождя. Вячеслав /> потрясен. Сегодня же рождение Лидии. Я подарил ей несколько етуд'ов Скрябина <... />

574. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <22.04.1915. Москва – Тифлис>

22 апреля 1915 г.

<... /> Близится уже отъезд, и это с особенной благодарностью заставляет меня обращаться мыслью к изумительным свойствам семьи Ивановых, в которой я себя чувствовал все время как родным. Их заботливости и любви нет конца. Всегда выходит так, что, живя у них и пользуясь их гостеприимством, я же их обязываю, и мой отъезд все время подчеркивают как большую убыль в их доме. На днях у Вячеслава было собрание всяких "мужчин", организующих вечер в пользу одного нуждающегося киевского литератора. Было много народу: Шпетт, Шестов, Гольденвейзер, Алешка, Гершензон, Юргис[1713], Жилкин, Жилев[1714]. Вера и Лидия чувствовали себя торжественно, о чем сейчас же мне сообщили, т.к. у обеих было по "профессору". Жилев, очень талантливый ученик Скрябина, превосходно играл вещи Скрябина <... /> Да, "барышня" Лидия сдала экзамен благополучно. Получила четверку. И, значит, переходит к Гольденвейзеру в профессорский класс. Вячеслав торжествует, а сама Лидия повеселела и теперь порхает по Москве и за Москвой. Вера страшно учится. Вчера произошел инцидент. За смертью Корша[1715] редакцию "Греческих лириков" Сабашников передал Вячеславу. Вчера пришел Ньюфаунлендер[1716] и очень дерзко заговорил, как он согласен и как он не согласен с Вячеславом /> работать, не осведомившись даже, что думает сам Вячеслав. Вячеслав /> устроил "ассаже"[1717]. Нидерлендер запутался, проврался и когда Вячеслав потребовал взять слова, обидные для Вячеслава />, обратно, отказался. Разговор кончился, и он моментально вылетел. Вячеслав /> был безукоризнен, т<ак /> ч<то /> Ньюфаунлендер в доме Ивановых прекратился очевидно навсегда. Все включительно с Верой даже обрадовались. Хорошо, что Нидерлендер показал свои грязные ноготки раньше, чем Вячеслав /> втянулся в редактирование совместно с ним целого тома. Он бы совсем измучил Вячеслава <... />

575. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <27.04.1915. Москва – Тифлис>

27 апреля 1915 г.

<... /> Если бы ты знала, сколько квартир пересмотрели мы с М<арией /> М<ихайловной /> за это время (к сожалению ничего подходящего не нашли), ты бы увидела, как хотели бы Ивановы поселиться с нами на будущий год. Вчера с Костей[1718], вернувшимся из Петербурга, с Лидией и Васькой[1719] мы ездили в Петровско-Разумовское. Я не мог отказать "барышне", п<отому /> ч<то /> без меня не соглашался ехать Костя, а им хотелось проездиться. Вернувшись в 9 часов, я не успел написать тебе письмо, как хотел. Сегодня у меня был монах-имесловец о. Манасия, приехал спросить, готова ли моя работа об имясловии[1720], а я с лета ее не трогал. О. Павел писал о ней о. А. Булатовичу и тот, уезжая на войну, "завещал", как говорит Манасия, сестрице своей, чтобы работа "Эрна" об имясловии была ими издана. Это меня очень тронуло <... /> Для обеспечения семьи Скрябина пожертвовали уже 26 тыс. рублей. А нужно тысяч 70! <... />

576. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1721] <3.05.1915. Москва – Н.Новгород>

3 мая 1915. Москва

Дорогой Александр Сергеевич!

Вашу рукопись через посредство князя, я пристроил в "Войну и культуру"

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. (хотя и размер ее не может не вызвать нареканий, но ничего). Сокращений я не производил (только устранил цитату из Хомякова на стр. 165–166, Вами предназначенную к исключению), представляя это Вам самому. В Вас слабость к длинным цитатам – неудовлетворенное профессорство. Я в своих курсах даю большие цитаты и делаю это сознательно, но тем более не люблю этого в своих литературных работах. Нахожу, что и Ваш очерк – живой, взволнованный и интересный – длинные цитаты обременяют и расхолаживают. Я дал Ваш адрес для присылки корректуры. Дать Вам возможность познакомиться со Шмидт теперь я не могу, потому что не стану пересылать по почте, а иного случая нет. Подождите до осени. Мои перспективы остаются неясны, но мечтаю о поездке в Галицию. Как тяжело и трудно будет Вам летом одному и в городе! Ну, Христос с Вами! Поклон Ольге Федоровне.

Ваш С.Б.

577. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1722] <весна 1915 ?> />

<... /> На меня доклад Столпнера[1723] произвел потрясающее впечатление огромной внутренней трагедией еврейства! Они все потеряли – им остается только обратиться к Христу! Как страшно, что они к Нему шли и вдруг отвернулись и к какой бездне подошли! И социализм не спасет! Этот Столпнер есть действительно яркий представитель современного еврейства, а потому это было замечательно интересно.

Возражали флоренский, Булгаков и Иван. Первые два были недовольны рационализмом Столпнера и защищали мистицизм Каббалы. Но это был взгляд исторический и научный, а практически говорить было, я думаю, даже и нельзя! Страшно обнаружить весь ужас их религиозной жизни <... />

578. В.Ф.Эрн – Е.Д.Эрн <4.05.1915. Москва – Тифлис>

4 мая 1915 г.

<... /> В тот день, написав письмо, я пошел к Зюну[1724] в гостиницу; там застал у него его товарищей по полку, очень славных и милых ребят. Потом Зюн со мною пришел к нам и, т.к. ему хотелось прогуляться, мы решили проехать на Воробьевы. Поехали с Верой и Лидией[1725]. День был чудесный. Деревья чуть-чуть только покрылись листвой. С террасы Крынкина, где мы пили прохладительное, открывался роскошный вид, не уступающий виду с Гианицоло[1726]. Жорж был очень доволен. Но так как времени до отхода поезда оставалось страшно мало, то мы быстро спустились к реке, чтобы выйти к Девичьему монастырю, переехали на пароме – и тут я успел для Зюна захватить извозчика. До монастыря оставалось еще версты три. Здесь мы и расстались, потому что другого извозчика не было, а оставить Веру и Лидию в поле, где шаталось много народа (1 мая), я не мог. Зюн нам очень долго махал шапкой, а мы ему платками до тех пор, пока бугор не скрыл его от нас. Он ужасно добрый и хороший, и на ласку ответчив. И Лидия и Вера были, конечно, страшно довольны редким для них блестящим кавалером <... />

579. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1727] <24.05.1915. Москва – Н.Новгород>

Москва. 24 мая 1915.

Дорогой Александр Сергеевич!

Ваше письмо застало меня еще в Москве, и я немедленно навел по телефону справки о судьбе Вашей корректуры. Оказывается, она действительно еще не послана. В этом не следует видеть ничего кроме небрежности, – типография Сытина столь же нуждается в понукании, как и всякая другая типография. Обещали послать корректуру, значит Вы должны получить ее в середине недели. Если этого не будет, советую Вам обратиться к Г.А.Рачинскому с просьбой справиться по телефону или кого-нибудь еще (тел. 4-55-70), от десяти до одного часу. Упомянуть про перемену адреса Вашего забыл, да ведь не беда?

Что же касается гонорара (который рассчитывается как 25% к общей валовой оценке издания: цена, умноженная на количество экз<емпляров />, обычно 3000), то рекомендую Вам по истечении некоторого времени после отсылки корректуры, чтобы брошюра успела напечататься, обратиться с письмом в правления товарищества Сытина на имя Николая Ивановича Сытина, и он уже распорядится. Так мне посоветовали.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Как видите, я все еще в Москве, хотя уже собираюсь ее так или иначе оставлять. Мишенькина при его проезде не видел, слышал, что он проехал в санитарном поезде, а что с ним дальше, не знаю.

Последнюю неделю провел в Сергиевом Посаде, в гостях у отца Павла, который просил Вам очень кланяться. Там же и авва неподалеку. Излишне говорить, что это было очень хорошо. Как уныло Вам теперь одному вдали от семьи, да еще при столь трудных обстоятельствах наших! Да хранит Вас Господь!

Я уже проводил всех и тоже один все ждал у моря погоды. – Сейчас имел последний разговор. Комиссии для меня на войну, благодаря изменившемуся военному положению, теперь нет. Уезжаю в Крым. Буду, в случае нужды, вызван телеграммой. Пока прощайте. Целую Вас. Христос с Вами.

Ваш С.Б.

580. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1728] <8.06.1915. Бегичево – Москва>

8 июня 1915

<... /> Вечером, накануне отъезда из Москвы у меня экспромтом собрался весьма интересный вечер: просил позволения зайти Струве[1729] с Маклаковым[1730] (оба они были на Земском съезде)[1731]. Но внезапно пришли еще Котляревский[1732], князь Львов[1733], Игорь Демидов[1734], Поль Бутенев[1735] и Володя Трубецкой[1736]. Говорили об остром внутреннем положении; все ломали голову, – кого бы послать к Государю, чтобы убедить его уволить министра Маклакова[1737], и приходили в отчаяние, так как /> к<как /> известие из Петербурга гласит, что положение его – очень крепко. Каково же было мое радостное изумление, когда на другое утро мы прочли об увольнении Маклакова. Это – событие огромной важности: при Маклакове созвать Думу было нельзя, а теперь – можно[1738]. Это большая уступка общественному мнению, благодаря которой отменено важнейшее препятствие к объединению общественных сил вокруг правительства[1739]. <... />

581. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1740] <23.06.1915. Бегичево – Михайловское>

<... /> Ты не можешь себе представить, как меня тянет к тебе: до боли тянет. Все подробности приезда припоминаются до мелочей и словно дразнят. Бесконечно длинный перегон от Малоярославца до 15-го разъезда, потом поезд мешает дойти до лошадей, потом лошади не дают сесть и Григорий их не может удержать, потом бесконечно далеко ехать до Михайловского. Потом, наконец, сосны Михайловского, официальная, притворно-ранодушная встреча на балконе с рукопожатием, медленный уход в заветную комнату... И только вдруг там мы одни, одни в целом мире вдвоем; и сразу все плотины прорваны! Опять потоки горячих, искренних, бессмысленных, милых, волнующих слов, сумашествия; как-будто мне опять 20–25 лет <... />

582. Г.А.Рачинский – М.К.Морозовой[1741] <5.07.1915. Бобровка – Михайловское>

<... /> Я очень рад, что С.Н.Дурылин принялся за своего Лескова[1742]: думаю, что книжка выйдет хорошая. Он пишет мне, что хочет ее прочесть мне и посоветоваться со мной. Он Вам читал часть ее, какое у Вас впечатление от слышанного?<... />

583. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1743] <7.07.1915. Кореиз – Н.Новгород>

Кореиз, 7 июля 1915 г.

Дорогой Александр Сергеевич!

Я так и не имею вестей, появилась ли Ваша брошюра. Накануне отъезда я справлялся (как и писал Вам), и мне была обещана корректура через два дня. Но знаю, что без понуканий это могло и задержаться. Дайте вести о себе. Как живете? Как видите, все мои порывания на фронт лопнули подобно многим благим порывам, впрочем, по независящим обстоятельствам, и я оставил это с грызущим чувством виновности и бессилия. Нечего говорить, что лето мучительное, но, укоряя и осуждая себя за все и во всем, я благословляю по-прежнему происходящее и с некоторым ужасом вспоминаю о той мерзости, которая царила в мире до войны. Внутренно я живу значительно, как-то все

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. яснее обозначается многое в жизни, что доселе было неясно, но сил, сил перевести в жизнь узренное, по-прежнему нет, так и мучусь. Вы поймете меня. Как А.С.Мишенькин? Он уехал тогда, но устроился ли? Или вернулся ни с чем? Не забудьте написать. Вы по-прежнему сидите один в нижнем? Хоть бы познакомились с Мельниковым, кстати я ему сейчас писал о Шм<идт />.

Да хранит Вас Матерь Божия! Целую Вас.

Ваш С.Б.

584. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1744] <19.07.1915. Москва – Н.Новгород> 19/VII. 1915.

День преп. Серафима – годовщина войны

Дорогой Александр Сергеевич!

Ваше письмо от 14-го получил. Если нужно будет оказывать давление на Сытина, напишите, я попрошу князя, а мои собственные шансы там, судя по некоторым признакам, равны нулю.

Мельникова я рекомендовал Вам совсем не "о Шмидт" (я на этот счет нахожусь с ним в прямых сношениях), и не для духовных разговоров с этим ленивым увальнем, но как красочное бытовое явление в Вашем вкусе (то, что в Кожевникове Вас отчасти пленяло) с массой воспоминаний и наблюдений, жизненных и литературных, тоже в вашем вкусе. Одним словом, я хотел Вас развлекать в вашем одиночестве летнем, и только всего.

Ваши слова о "романе" с Шм<идт /> психологически очень метки и, вероятно, в известном смысле и верны. Только, как вы увидите, это и ответственнее, и страшнее, чем все мои другие "романы", так что один я, не разделив это бремя с о. Павлом, не знаю, подъял ли бы. Особенно все ответственно становится на фоне событий, ею предвиденных в общем. Почти все уже напечатано, – прочтете осенью, будет и маленький вступительный биографический очерк. Вы меня осудите, я знаю, но, когда будете судить, мысленно поставьте себя в мое положение и ответственность.

Живется и по поводу хода войны, и по причине, как никогда осознанного своего бессилия и ненужности, трудно и порой сверхмучительно (как будто смерть заживо), но порою благодатно и как-то освободительно. Очень бы хотелось с Вами видаться и обменяться мыслями и чувствами на тему, Вам известную и нам общую, и с небывалой конкретностью теперь ставшую в душе. Неужели же и это "роман"? Господи, спаси и сохрани! Здесь до сентября. Авва в Посаде, Эрн, кажется, в Анапе, – не писал. Привет А.С.Мишенькину, жду от него письма.

Христос с вами!

Ваш С.Б.

585. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1745] <лето 1915 ? Михайловское – Бегицево ?> />

<... /> Мне рассказал Петровский, что в имени Сухотиных существует альбом, где сам Соловьев написал, что его любимый писатель Гофман и его любимая вещь "Золотой горшок"[1746] <... />

586. Г.А.Рачинский – М.К.Морозовой[1747] <24.07.1915. Бобровка – Михайловское>

<... /> Моя племянница, ее муж – химик и их родные и друзья, живущие здесь с нами, все очень добрые и хорошие люди, но все, за исключением только, и то не вполне, художницы Остроумовой-Лебедевой[1748], реалисты и либералы отвлеченно кадетского закала; о религии и настоящей, как мы ее с Вами понимаем, любви к России и помину нет. Так что многие из своих мыслей и чувств приходится держать про себя во избежание бесполезных и только раздражающих споров. А теперь более, чем когда-либо, надо "иметь горе сердца"[1749]! Известия с театра войны в уныние меня не приводят, но чувствую, что только теперь началась настоящая "трагедия" и мы подходим к действительной Голгофе, после которой нас будет ждать светлое воскресение

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Руси. Зима эта будет для всех нас многознаменательна: надо неустанно продолжать дело духовной проповеди, не бросать того, что начато было в нашем Религиозно-философском обществе и в "Воине и культуре". Чтобы бороться, как следует, нужна надежда на светлое будущее и глубокое и верное понимание его. А этого все еще так недостает в квази-интеллигентном обществе. Надо бросить все эти ни к чему не ведущие споры и перекоры о Востоке и Западе, падении вековой немецкой культуры и какой-то борьбе за Логос, и понять, наконец, что дело сейчас идет о всем человечестве, что потрясен в своих духовных основах весь христианский мир, и что мы, русские, если хотим сделать предуказанное нам великое дело, должны выступить с нашей вселенской верой и надеждой и с такими положительными идеалами, которые мир действительно мог бы принять, как благовествование грядущей славы, добра и свободы во Христе Иисусе. Я писал об этом Евгению Николаевичу.

Я очень рад, что Дурылин принялся вплотную за своего Лескова; думаю, как уже писал Вам, что книга выйдет хорошая, только не насовал бы он туда полемики, а убрать ее будет трудно: человек он упрямый и, когда захочет, умеет, как уж, из рук выскакивать. Я очень его люблю и ценю, несмотря на ведомые мне недостатки его, и боюсь влияния на него Самарина и Новоселовского кружка, вкуче с епископами и черносотенным духовенством.

В Самарине, Новоселове и их друзьях очень много хоршего, и я не без пользы для себя бываю в их обществе; но Дурылин склонен брать от них не это глубокое и доброе, а полемический задор и миссионерскую манеру видеть в чужих верованиях только черное и без критики превозносить свое. Вот это-то и страшно и опасно. Я оттого так свирепо и обрушился на него во время его доклада о св. Софии[1750], что он мне говорил и писал, что полемики в докладе не будет, а Булгакову, который мне случайно показал письмо, писал, что его доклад отчасти направлен против Трубецкого. Ну да может быть все это еще молодость, и пермелется, Божия мука будет!

Очень мне жаль бедного Эмилия Карловича: у него смысл жизни уходит из-под ног, и как он будет дальше жить – неизвестно! Русским без оговорок он быть не хочет и не может, а немца из него тоже не выйдет: очень уж он воспитан русской землей и вырос в русской атмосфере. У Николая Карловича[1751] тоже немалая буря на душе, но у него натура более самостоятельная и менее зараженная немецкой школьной мыслью и философскою культурой Германии последних десятилетий, да к тому же он художник и имеет свое великое свободное дело. Его очень мучит трагедия, переживаемая его братом; а несчастная Анна Михайловна прямо не знает, что ей делать и думать[1752].

В таких трагедиях и кризисах, какие мы все переживаем, теперь исход один – глубокая вера во вселенские начала, а пресловутой "культурой", на которой должен быть построен "Мусагет", теперь не спасешься!

Очень я рад за Вас и завидую Вам, что Вы в деревне можете теперь работать с народом и для него: это огромный ресурс и утешение. – Ведь в конечном счете только он нас выведет: он создавал Россию, хранил и лелеял православную веру и все то русское, что в нас ценно и имеет будущее. Нам надо только прийти к нему на помощь, с тем лучшим, что мы вынесли из наших годов учения, под разными указками, в том числе и немецкой, которую мы теперь так ругаем; но и самим надо поучиться у него.<... />

587. Н.А.Бердяев – неизвестному лицу[1753] <17.08.1915>

Письмо ваше, пересланное мне "Бирж<евыми /> Ведом<остями />", подымает очень интересный вопрос. Все, что вы пишете по поводу моей статьи[1754], в сущности сводится к вопросу об отношении между личностью и коллективом, о личной ответственности за коллектив, о круговой поруке ответственности. Всеми своими примерами Вы хотите показать, что есть люди, которые в войне не виноваты и потому не должны нести за нее ответственности. Здесь вы вплотную подходите к проблеме индивидуальной судьбы? которая рационально не может быть постигнута. Ведь в судьбе каждого человека многое представляется нам несправедливым и незаслуженным. Мы не можем постигнуть, почему у этого человека умирает близкий, почему он беден, почему несчастье и неудача преследуют хороших людей. Всякая судьба есть тайна. Можно верить в высший смысл всего свершающегося в жизни и отвергать [?] легкий случай. Но нам и не дано постигнуть конкретно, почему именно это произошло с нами в жизни, почему отвергающий войну Пахом призывается на войну. Одно только для меня несомненно: личная судьба не может быть выделена из судьбы национальностей, общечеловеческой и мировой, каждый человек несет ответственность за всех и

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. за все. Величайшая иллюзия думать, что находишься вне круговой поруки, потому что исповедуешь какие-нибудь учения, [?] за мир, напр. толстовство. И Пахом несет вину, хотя бы он был самым крайним пацифистом. В национальном организме находится не только тот, кто признает идею национальности, но всякий живущий. Анархист так же пользуется государством, и так же ответственен за государство, как и любой государственный. Вопрос этот решается не состоянием сознания лица, а объективной его принадлежностью к миропорядку, к национальному и государственному бытию. Даже святой в пустыне не может уйти от круговой поруки. Война – ужасна, с ней трудно примириться. Но она есть лишь частный случай ужаса жизни вообще. Жизнь в этом мире вообще ужасна, она вся в насилии, в постоянном убийстве. Трудно примириться с насилиями, которые совершает над человеческой судьбой природа и ее законы. Несчастный Пахом постоянно бывает раздавлен, не одной войной. Насилие войны – лишь частный случай всяких насилий, на котором основана жизнь в этом теле на этой земле. И с этой жизнью можно примириться, лишь приняв ужас жизни внутрь, как путь искупления. Иначе мы обречены внешне бунтовать и быть рабами. Внешнее отрицание войны не освобождает нас. Еще мне хочется сказать, что искупление не есть наказание, что наказание есть чисто внешняя категория, неприложимая к духовной жизни. Поэтому не может быть и речи об арифметически справедливом соответствии между виной и тяжестью искупления вины. Христианство не знает арифметических подсчетов. Слова Христа, сказанные разбойнику – ведь могут произвести впечатление отвержения закона справедливости, в них была милость, а не законническая справедливость. Вот мысли, которые мне пришли в голову по поводу Вашего письма.

Готовый к услугам, Николай Бердяев.

588. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1755] <лето 1915 ?> />

<... /> Я должна назначить за это время два собрания в селе Белкине с крестьянами по поводу устройства народного дома. Это неотложно, но зависит от меня, когда назначить. Затем еще: у меня живут метнеры и проживут до 26-го июня[1756]. После этого дня постоянных гостей не будет, а только вот Кривошеин[1757] и С.И.Четвериков[1758] <... />

589. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1759] <6.09.1915. Москва – Н.Новгород>

Дорогой Александр Сергеевич!

По наведенным через секретаря "Войны и культуры" (от имени кн. Е<вгения /> Н<иколаевича />) справкам оказалось, что брошюра Ваша находится в брошюровке и будет послана дня через два Вам, затем и деньги. Если это замедлится, напишите сюда. О себе напишу подробнее позднее. Мы благополучны, насколько вообще можно быть теперь. Христос с Вами.

Ваш С.Б.

590. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1760] <лето 1915. Михайловское – Бегичево />

<... /> Я здесь очень занята с Шацким и с будущими учителями нашей будущей школы, обсуждением этой школы и ее программы и системы ведения. Нашла очень милых молодых людей – будущих учителей <... />

591. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1761] <18.09.1915. Бегичево – Москва>

Милая моя, хорошая Гармося,

Получил дорогое письмецо твое и во многом, очень во многом с тобой согласен. Ведь сам же я тебе говорил в мой приезд, что в политике нет полной правды, а есть только полуправды и полулжи; от этих полулжей мне тошно. И когда ты говоришь, что не веришь в политику, ты говоришь то же самое. И ты была бы совершенно права, если бы в данную минуту не было таких полулжей и даже чистых лжей, которые угрожают России.

И все-таки совесть не велит с тобой согласиться и вот почему – Помнишь легенду о св. Николае Чудотворце[1762] и о св. Кассиане[1763]. Шли они в белых ризах по полю и повстречали мужика, увязшего с конем и телегой в грязи. Св. Николай полез в грязь, ризу запачкал, но мужика с телегой и

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. лошадей вытащил; а св. Кассиан пожалел своей светлой ризы и мужику не помог. Когда оба дошли до ворот рая, св. Петр назначил Николе за то, что пожалел мужика четыре праздника в году, а Кассиану оставил чистую ризу, но назначил ему праздник всего раз в 4 года (29 февраля)[1764].

Вот теперь как раз наш русский мужик с телегой увяз; что же прикажешь, следовать ли Николе, или по примеру Кассиана не лезть в политику из боязни запачкаться? Душа моя, не чувствуешь ли ты сама, сколько в такую минуту нужно черствости сердца, чтобы сказать, что у меня поважнее этого дело – о Риккертe писать. Вот тогда я стану "гербарием"!

Я долго проверял свою совесть и решил подчиниться на выборах[1765] толькоявной необходимости. Приехав в Калугу, стал интриговать против самого себя заОсоргина[1766]; шепнул даже крайне правым, что если они переложат ему записок и шаров, то только этим они могут устранить мою кандидатуру. Это была сущая правда, и правые этим соблазнились, так как Осоргин правее меня и для них приемлемее. Делал и умышленные "бестактности", которые могли привести к избранию третьего кандидата – Коншина.

И все напрасно: записок я получил почти вдвое против Осоргина (у него не оказалось вовсе шансов) и больше всех. Перед тем, чтобы выразить согласие баллотироваться, я громко заявил, что иду только на время опасности и по миновании ее сложу полномочия. Не помогло и это: выбрали большинством 34 против 18, т.е. подавляющим большинством! Признаюсь, что у меня защемило в сердце и было больно! <... />

592. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецком[1767] <осень 1915. Москва – СПб ?> />

Милый, драгоценный мой женичка!

Сию минуту вернулась из Михайловского и нашла твои два письма! Эти дни я переживала бурю душевную как-то особенно остро. Спешу тебе излить душу!

По приезде в Михайловское – вечером, за чаем разговор зашел о тебе. Мика и Саша Габричевский[1768] горячо говорили и каждое их слово жгло мое сердце! И так я этим замучена, а их слова привели меня, право, в отчаяние! Я сейчас прямо задыхаюсь, когда пишу. Дело в том, что они выражали большое сожаление, что ты занимаешься политикой (проклятый, сморчковый совет[1769]) – и таким образом не осуществишь того дела, в котором так ярко проявилось твое настоящее призвание, и ты бы мог сделать великое дело для всей русской духовной жизни. Как это верно, и как это ужасно! И главное ужасно, что ты не понимаешь этого, ты слеп и глух, и оттого я так несчастна и в таком отчаянии! Господи, как ты непростительно легкомысленен, как ты испорчен этой кадетской средой политики и журналистики, как ты разбрасываешься на двадцать дел. Господи, как ты не можешь сосредоточиться и углубиться в одно! Что с тобой делать, как тебя вразумить, чтобы ты бросил писать статьи, а углубился в древнюю Русь! Времени ведь не так много, не надо его терять. И без тебя пройдут подоходные налоги и тому подобное, очень важное, но не твое дело! А то, где твой талант, где никто так не сделает, там ты мимоходом, даже книг не собрал! О как это меня мучит и в какое отчаяние повергает! Что с тобой делать? Я в отчаянии, что Дурылина нет, не могу его спросить насчет книг, чтобы тебе купить! Тебе столько надо читать, что ужас! Главное невыносимо то, что ты воображаешь, что это совместимо с Государственным Советом! Возможно ли заниматься политикой и философией?! Будет ни то, ни другое! А твоя философия могла бы дать новое, живое конкретное и национальное! Это так важно, так нужно, это вечное, то, чем ты приобщаешь себя к будущему и указываешь ему путь! И ты не горишь этим весь, а рассуждаешь и размениваешься. Бог видит, как это невыносимо больно!

Бедная наша Россия, нет у нее твердых волей людей, или пьяницы, или такие шатающиеся! Не сердись, но ведь это так у меня болит, и я не могу не винить тебя! С твоей статьей Муретову[1770], я знаю, что буду согласна, но только наполовину! Боюсь "словечек" и "логики". Жду тебя с нетерпением, замучилась! Неужели ты опять будешь ходить по "станциям" и "банкам", а книг себе не выберешь и так уедешь! Невыносимый ты, женечка! Я для тебя не существую, меня ты никогда не слушаешь и для меня никогда ничего не сделаешь! Я тебе всю душу отдаю, а ты хотя бы за это сделал что-нибудь, чтобы успокоить меня! Все только насмешечки, да шуточки, а до глубины ты ни в чем не хочешь мне дать удовлетворения! Уж не говорю о личном, но теперь даже духовно ты пошел против меня! За что? Целую тебя!

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках
Приезжай.

593. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1771] [? 1915. Михайловское – Бегичево?]

<... /> Завтра приезжает к нам С.И.Четвериков. Я очень рада – мне нужно о многом с ним поговорить в связи с нашими с тобой разговорами о колонии. Мы с Шацким поставили вопрос о практическом значении колонии для Московских детей и о соединении с здешними деревенскими интересами. Ты меня очень взбудоражил своими вопросами и заставил их поставить! <... />

594. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1772] <11.10.1915. Москва – Н.Новгород>
11 октября 1915 г. Москва

Дорогой Александр Сергеевич!

Уже несколько раз я наводил справки о брошюре и деньгах, и всегда получал ответ, что скоро будет посланно. Завтра опять будет произведена проверка. А вы, в свой черед, известите, если получите. Машина Сытина громоздка, по крайней мере, для нас, маленьких людей.

Живем мы благополучно. Настроение смутное и тусклое. Война не только становится все трудней, но и вошла уже в такой фазис, когда к ней привыкли, и она перестала оказывать то оздоровляющее влияние на души, какое имела в начале. Я это чувствую не только на себе, но и наблюдаю на студенчестве и на обществе. Суечусь около помощи беженцам.

Одним из крупнейших фактов является дезорганизация и деморализация власти и – увя! – падение, кажется, почти окончательное, престижа монархии, в котором виноват в данном случае никто иной как ее глава. Эсхатологически приемлемо и это, но исторически и психологически очень трудно мириться. Не подумайте, что во мне говорит истерическая впечатлительность, скорее наоборот, слабость чувства влечет меня надеяться, а разум велит считать эту ставку проигранной. Впрочем, сейчас вообще нельзя ни за что поручиться за завтрашний день, – в этом есть какая-то свежесть жизни...

Мои настроения и робкие решения остаются прежние, хотя относительно срока по-прежнему не чувствую еще твердости, даже сравнительно с летом: рассматривается здесь, даже и при (сравнительной) утрате вкуса к трепке. Но внутренне, для себя, живу только этим. Трудности семейные, сопряженные с этим, конечно, больше, чем их можно издали предвидеть, – Вы это знаете. Касаюсь этого щекотливого вопроса лишь потому, что писал об этом вам летом, так чтобы не оставлять в неведении. А вообще думаю, лучше об этом совсем не говорить.

Сочинения А.Н.Шмидт должны выйти скоро, если не будут задержаны цензурой. Вы получите.

Все, могущие вас интересовать знакомые здесь в сборе и в общем благополучны. Нехороша только мамаша у Михаила Алекс<андровича /> – что-то нервничает свыше меры. Остальное в своем собственном градусе. Рассказывать подробнее как-то не хочется, да и нечего.

Итак, известите о получении от Сытина.

Христос с Вами! Привет Ольге /> Федоров />не. Кланяйтесь А.С.Мишенькину. Ему, конечно, тоже пришлю книгу. Обнимаю Вас.

Любящий Вас С.Б.

Что это Вы все меняете адреса? Вот Вам новость: И.С.Книжник[1773] (помните?) принял летом христианство, но "католическое по восточному обряду". Мой крестник. Интересные были его письма.

595. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1774] [? осень 1915. Москва – Москва]

<... /> Милый, милый мой, что твоя работа? надеюсь, что ты начал Гуссерля! Забудь пока о Шмидт и Бердяеве, не стоит тебе размениваться. Времени тогда не хватит, на большое, главное! Когда ты выработаешь свое теоретическое

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
обоснование в твоей солнечной мистики, то тогда ты повергнешь этих "пигмеев с зубовского бульвара"[1775] между прочим, но в самом корне.

Будь здоров – это самое главное для меня и работай побольше, думай о Гуссерле и тому подобном, сейчас это второе важное для меня. Этим ты приближаешься к главной твоей работе <... />

596. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1776] <29.11.1915. Москва – Н.Новгород>
Москва, 29. XI. 1915 г.

Дорогой Александр Сергеевич!

Сердцем с Вами и скорблю Вашей скорбью. Молюсь как умею, надеюсь помолиться и в Зосимовой пустыни, куда мечтаю поехать перед праздником. Имейте в виду, что Мамонов теперь в Москве, если понадобится для диагноза. Как трудна Ваша жизнь, подкрепи Вас, Господи! Конечно о своем здоровье Вы совсем забываете теперь! Здоровая ли по крайней мере Ольга /> Федоровна />?

Мы относительно благополучны. Ужасно хотелось бы видиться с Вами, так много, много есть, о чем можно бы поговорить именно только с Вами! Чего это Вы все передо мною винитесь? Если суждено нам увидиться скоро, то пойдем друг друга вернее. Авва все мучается с мамашей. Иногда он бывал очень беспомощен, как ребенок, но в общем несет испытание как христианин. Ему предписано не видиться с мамашей, которая и не испытывает в теперешнем своем состоянии от этого лишения, а надо, чтобы стала испытывать. Ее болезнь выражается в суетливости, возбужденности, легкомыслии каком-то, вообще в изменении характера. Точнее, в усилении некоторых его, но без всякого бреда. Теперь он ее поместил у Троицы, но, конечно много трудностей, сейчас он и сам там находится. Остальные все по-прежнему и за прежним. Я все уединяюсь и ко всему теряю вкус, в безмолвной пока думе все об одном. Вл. А. Кожевников прихварывает[1777]. О. Павел утверждает, он благополучен. Известно ли Вам, что Сергей Михайлович Соловьев, поступивший в Духовную академию, принимает (вероятно уже принял) сан священства? Он человек странный и психически неуравновешенный, я радуюсь за него не без тревожного сердца, а все-таки... волнует. Вероятно, Вы получите от В.И.Экземплярского приглашение в журнал – я ему писал Ваш адрес. Шмидт, если пройдет цензуру, выходит на днях.

Господь да хранит Вас и семью Вашу и болящего Глеба. Целую Вас.

С.Б.

597. П.А.Флоренский – А.С.Глинке[1778] <29.11.1915. Сергиев Посад – Н.Новгород>

†

Дорогой Александр Сергеевич!

Получили ли Вы мою брошюру? Впрочем, это не важно. Приветствую Вас и благодарю, что сделали внушение В.В.Розанову. Он понял его, и я крайне рад. Не могу ли я Вас попросить распорядиться о высылке мне из Нижегородской Архивной Комиссии оттиска статьи Г.И.Родзевича о В.М.Флоринском (†1899). Она была напечатана в Журналах заседаний Комиссии (заседание 46–49, стр.15). Высылать прошу наложенным платежом. Если нет отдельного оттиска, пусть пришлют "журнал заседаний".

Простите, что беспокою Вас. Главное, мне хотелось сказать Вам относительно Розанова. Дружески обнимаю Вас.

Господь да хранит Вас и всех Ваших.

Любящий Вас священник Павел Флоренский.

1915. XI. 29. Сергиев-Посад.

598. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1779] <1915 ?>

<... /> Как твоя работа, что ты делаешь с Когеном? По-моему теперь как раз момент, чтоб разоблачить всю эту безнадежную и бесплодную немецкую

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др философию последнего времени! Как тебе ни тяжело, но ты уж не поленись и основательно всех их разоблачи и растолкуй всем. Нужно это иго сбросить русской молодежи. Делай это с вдохновением, а не со скукой, так как смысл твоей работы (их разоблачить и ниспровергнуть) очень увлекательный

599. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1780] <25.12.1915. Москва – Н.Новгород>
25. XII. 1915. Москва

Милый Александр Сергеевич!

Поздравляю Вас со светлым и тихим праздником Рождества Христова, желаю вслушиваться умиленным, трепетно-плачущим сердцем в эту святую Его тишину и строгую жертвенность, ответственную и зовущую, желаю сердцем робко жаться у его пещеры, там позади с овцами и коровами, желаю петь Его и хвалить гимном радования, с Девою Материю и Иосифом Обручником...

Что делается у Вас в семье? Бог не привел мне попасть в пустынь, чтобы помолиться и о себе, и о своих, и о сыне Вашем там, хотя никогда Вас всех не забываю в своей грешной молитве. Я изменил отмеченной Вами аккуратности в поздравлениях вследствие семейных тревог, тоже связанных с болезнью маленького Сережи. Теперь она, слава Богу, улеглась.

Авва живет тяжело, мамаше не лучше, и он теряет иногда самообладание. Грустно думать, но думается, что для нас это начало конца, а для него... не знаю, во всяком случае, самого большого кризиса. У о. Павла родился сын[1781], кажется, благополучно. Книга А.Н.Шмидт готова, вероятно, Вы уже скоро ее получите. Я чувствую себя теперь как-будто освобожденным (хотя, вероятно придется, да и пришлось пострадать из-за этого) от бремени неудобоносимого, а вместе, кажется, и от ее соблазна (многим я там по существу не соблазняюсь, что может казаться и соблазнительным). Перед тем как станете меня отчитывать, не забудьте мысленно поставить себя в мое положение и спросить себя, чтобы Вы сделали здесь.

Зов моего сердца неизменен, и я считаю это вопросом времени, но по-видимому, сроки приходится еще переставлять, из-за соображений семейных и экономических, хочется надеяться не на необозримое будущее.

Христос с Вами и Вашими.

Любящий Вас С.Б.

1916 год

600. В.Ф.Эрн – А.В.Ельчанинову[1782] <7.01.1916. Москва – Тифлис>

<...> У о. Павла родился сын, именованный Кириллом. Все флоренские очень рады. О. Павел последнее время болел, не виделись мы с ним с осени. Мы сейчас живем у Ивановых. Стало очень уютно и тепло. Все Ивановы тебя помнят, особенно Мария Михайловна и Лидия. Лидия, которая сейчас в нашей комнате читает Тургенева, узнавши, что я пишу тебе письмо, просит передать тебе привет. <...>

601. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1783] <14.02.1916. Петроград – Москва>

Суббота 14 февраля 1916 г.

<...> Здесь настоящее ощущение ада. Тут только я как следует впервые понял, что такое Распутин, и убежден, что это настоящий, хотя и не самого крупного размера чорт и антихрист. Им все отравлено, и берет мистический ужас. Мой мир мыслей и чувств мне здесь более, чем когда-либо нужен, чтобы не сойти с ума. Долгими часами в номере сижу и обдумываю "два мира в русской иконописи"; весь план продумал и почувствовал до конца. Не знаю, что выйдет и как напишется, но то, что я вижу умными очами захватывает меня до дна. Едва ли эта лекция будет хуже первой[1784] <...>

602. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1785] <начало 1916. Москва – Петроград>

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др
<...> Я сейчас очень занят постройкой Народного дома и подысканием для этого опытного агронома и кооператора. Не знаешь ли ты кого-нибудь? Эти хлопоты берут много времени.

Также я озабочена многими вопросами в "Пути" и Религиозно-философском обществе. Наплыв народа к нам большой, жажда собраний очень велика, а рефератов у нас нет. Сделай что-нибудь для общества и для меня, поговори со Струве и с Франком. Может быть Франк прочтет, может быть Аскольдов, спроси его по телефону. Может быть священник Аггеев кого-нибудь рекомендует. Пожалуйста похлопочи, это какой-нибудь час времени! Что ты и как? Как твоя новая жизнь? Успеваешь ли что-нибудь писать, читать или думать? Какие впечатления от Совета? <...>

603. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1786] <21.02.1916. Петроград – Москва>

21 февраля 1916 г.

<...> Только что приехал я во "Францию"[1787] и уселся за обеденный стол с моим Сашей[1788], я ярко ощутил прикосновение здешнего, Петроградского ада, о котором мне рассказал подсевший к нашему столу Николай Николаевич. От него я узнал следующую черту из "жизни" Хвостова[1789] и Белецкого[1790].

Хвостов взял агентом в полицию некоего весьма недвусмысленного Ржевского из Нижнего: это человек, любящий пожить и сотрудничавший одновременно в "Русском Слове", в черносотенном нижегородском листке. Но Белецкий – в то время товарищ министра – приставил, не веря Хвостову, других агентов следить за хвостовским агентом. Проследили и выяснили, что Ржевский по поручению Хвостова ездил в Финляндию – нанимать убийц для Распутина. И Ржевский был арестован.

Теперь, как говорит Н.Н.Львов[1791], Хвостова держат в министрах только из страха, как бы, вернувшись на депутатское кресло в Думу, он не наделал скандальных разоблачений.

С кем же сатана? С Хвостовым или с Белецким? Вернее всего, что с обоими, и что он "разделился на ся". Но во всяком случае, сатана – чорт знает в какой компании! Это одно – не подлежит сомнению! Верь мне, дорогая, что в борьбе с чортом и его компанией я не слишком уповаю на заседания Государственного Совета, которого до поры до времени ни ад, ни рай не приемлет. А посему всеми силами устремился писать об иконе. Работа разрослась. Писал целый день вчера в вагоне. Сегодня утро провел в музее Александра III, там нашел полное подтверждение моих новых мыслей: целых три Софии, все три пурпуровые, и все три на ночном фоне. Потом опять сегодня писал день и вечер. Но все же кончил. Не написал заключение – весьма содержательное и ответственное.

В общем, никогда я не чувствовал такого сильного захвата. Я даже взволнован тем, какая мне открылась тайна о России. И пока я один ее знаю, т.к. даже и тебе, моя дорогая, лишь кое-какие обрывки и штрихи мог сообщить, т.к. только по мере написания из этих штрихов получается что-то цельное. Ну, до свидания, моя дорогая: скоро надеюсь тебя видеть и это цельное сообщить. А пока крепко, крепко тебя целую и прошу не забывать твоего

СМОРЧКА!

604. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1792] <весна 1916. Михайловское – Бегичево>

<...> С народным домом возни много и сложно. Некоторые крестьяне понимают пользу, сочувствуют и помогают делу, возят материал. А другие ругают бедного агронома и говорят, что все это пустяки, что, как они родились, так и умрут серыми мужиками. Вчера мы с агрономом спорили очень азартно с двумя <...>

605. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1793] <11.03.1916. Петроград – Москва>

<...> Вечер в историческом музее был очень оживлен. Была вся редакция "Иконы" с Маковским-сыном[1794] во главе. Реферат видимо их захватил; хотя и чувствовалась некоторая обида: как же, дескать, мы – ученые обыкновенно

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. подходит к иконе с археологией и историей, а автор подошел к ней "интуитивно"; но "интуитивный" и "небывалый" метод встретил горячую защиту Георгиевского – автора чудного издания "Фрески Ферапонтова монастыря"[1795]. И когда мы спустились к иконам "интуиция" оказалась правою: возражения относительно ассиста, луковицы и Софии были сняты и Маковский признал, что у меня "нет ошибок".

Он настаивает на напечатании доклада в "Иконе" с их иллюстрациями. Я пока не говорю ни да, ни нет; но думаю, что придется согласиться, ибо во 1-х это не исключает напечатания отдельной брошюрой; во-вторых иллюстрации у них чудные и при том даровые; в 3-х они дорого стоят и в 4-х попасть в "Икону" уже само по себе – рекомендация, и поддержать такой хороший журнал следует. Впрочем, до свидания с тобой этого не смею.

Далее, вчера утром я был у генерала Волкова – вице-председателя общества хранения памятников древности. Он бывший московский градоначальник, очень порядочный человек и давний мой знакомый – большой почитатель брата Сережи. Он взялся на 5-й или 6-й неделе устроить лекцию в Петрограде. Я ее прочту в пользу той церкви в Пскове, где лупятся краски.

Наконец, вчера же напал на след П.Г.Виноградова[1796], с которым и завтракал в ресторане Донона. Он давно напечатал мою статью в "Манчестер Гардиан" и доставил ее мне. Он говорит, что мысль – ознакомить англичан с иконою встретит в Англии отклик, несравненно более горячий, чем мысль об ознакомлении их с философией.

Кстати, Маковский обещал сделать все, что в силах, чтобы со своей стороны содействовать этой цели <...>

606. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1797] [? 03.1916]

<...> Мы хлопочем насчет твоей лекции. Я ужасно себя упрекаю, что не просила тебя устроить ее в пользу музея-библиотеки Соловьевской[1798]! Все я уступаю для роли Танечек и других, а сама ничем не пользуюсь и ни от кого никакой помощи! Теперь собираю библиографию о Соловьеве – уже мне стоило 300 р. – теперь еще стоит 30 р. в месяц[1799]! Я все жертвую и жертвую, а мне никто не поможет. Так обидно! Пожалуйста, мой ангел, обдумаем и давай вместе делать, чтобы поддержать наш будущий музей! И больше ни в чью пользу не читай, не слушай рачка. У них все-таки свои маленькие интересы. Я вообще обижена! Стараюсь, выбиваюсь из сил, а меня никто не признает, а все отнимают! Ты вот уехал и мне не пишешь. Ужасно грустно и пусто без тебя, мой драгоценный! <...>

607. П.А.Флоренский – А.С.Глинке[1800] <9.04.1916. Сергиев Посад – Н.Новгород>

†

1916. IV. 9. Светлое Воскресение

Христос Воскресе!

Дорогой Александр Сергеевич! Господне благословение да будет над Вашим домом. Приветствую Вас с Христовым Воскресеньем, хотя и в единонадесятый час и прошу прощения в долгом молчании.

Сперва был смущен Вашими вопросами о В.В.Розанове. То, что спрашивали или о чем просили Вы было пустяками, сравнительно с тем, что знал я. Но написать Вам об этом значило бы объяснить как и что, а в праве сделать это да еще письменно, я не чувствовал себя. Вот и избрал восточную политику, оттягивания. А там восточная превратилась в общечеловеческую: я заболел, и далее – в русскую: задыхался (и пост) от разных дел. Простите, относительно Вашей статьи[1801] С.Н.Булгаков писал Вам, что я ее не читал, но раз Вы прислали, то тем самым и вопрос о напечатании решен. Но сделано быть это может не ранее июня. О многом хотелось бы поговорить с Вами "усте ко устом". А писать и сил нет и охоты: иное от письма так огрубляется, что потом самому тошно вспомнить. Вот хорошо бы, если бы Вам можно было бы перевестись в Посад. Хорошо бы нам собраться у Преподобного Сергия. А м<ожет> б<ыть> – все это только кажется мне, и было бы это совсем не хорошо, ибо мы любим дальнего.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
608. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1802] <1916.Москва – Петроград>

Дорогой, бесценный женичка!

Как ты там в Петрограде поживаешь? <...> Как устроил еду и когда пойдешь к Романовскому[1803]? Напиши обо всем подробно. С нетерпением жду известий о Карачане[1804] и его заместителе. Подробно узнай, мой ангел. Не забудь распросить о том, через кого есть ходы к новому начальнику. Что политические дела, к чему все клонится, какие слухи, пиши обо всем подробнее <...>

Насчет твоей корректуры я распорядилась: ее будут посылать в "Путь", а отсюда мы ее тебе будем препровождать. Не забудь, что тебе послана на Новинский бульвар вся рукопись Фихте. За твоим отсутствием, надеюсь, что ее никто не тронет. Милый мой, родной, птикуля[1805], грустно мне без тебя! Много волнений и страхов обуревают душу. Очень боюсь, что ты меня не совсем понимаешь, когда я заступаюсь перед тобой за Булгакова, Бердяева и К°. Тут затрагивается много глубоких чувств из любви к тебе, из-за тебя, из-за страха за очень многое мне дорогое! Они же тут непричем, они только символы. Главное мне ты, твоя чуткость, отзывчивость, умение понять жизнь в ее движении вперед, разобраться во всем, в то же время сохраняя твою ясную устойчивость, которая мне нужна и дорога и дорога прежде всего. Ты не можешь даже понять насколько ты этим своим драгоценным свойством вообще нужен и дорог, но в то же время надо, надо и надо, чтобы ты всегда сохранял чуткость и восприимчивость ко всему, что делается вокруг! <...>

609. А.В.Ельчанинов – Е.Д.Эрн[1806] <24.04.1916. Тифлис – Москва>

Милая Женья! не сердись, что пишу на машине, это не мешает мистике (ср. пример Тернавцева). Ваше письмо еще раз подтверждает мне прочность Ваших дружеских чувств, а это такая поддержка в той духовной пустыне, в которой я влачусь. Впрочем, это не совсем верно, так как со мною родные мои и некоторые еще милые люди. Сейчас я переживаю новое увлечение – не беспокойтесь, дело идет о предметах неодушевленных. Я страшно занят огородами! У себя в госпитале я разбил 6 больших гряд и засеял их укропом, морковью, бураками и т.п. Это дает совсем особенные, мне раньше совсем неведомые эмоции и служит основанием многих метафизических, моральных и житейских размышлений, больше в стиле Манилова.

Ваши сообщения о Лидии мы все приняли с огорчением и сочувствием. Коля, между прочим, поинтересовался ее экзаменами. Я ничего не знал о Володиной диссертации, как и о других его делах[1807]. Мария Давыдовна, которую я недавно видел, ничего мне не могла об этом рассказать, Ваших же братьев не было дома.

Мое положение сейчас неопределенное: с одной стороны, я мало проникнут войной и все мои мысли о том, что будет после войны. Об этом у меня подробные проекты, снова соединяющие меня с Москвой и друзьями. Это что-то в роде соединения школы и церковной общины. имея это в виду, я не тороплюсь жертвовать собой и т.д.... С другой стороны, я почти уверен, что мирного течения жизни я, может быть, и не дождусь, так как мало оснований думать, что даже победив немцев, мы сумеем без войны поделиться с мильми союзниками. Но если это так, то прожить несколько лет в ожидании, только к чему-то готовясь – дело довольно гнусное. Отсюда мое большое желание оставить на время войны школу и заняться всерьез войной, во всяком случае, выйти из того межеумочного состояния, в котором я нахожусь с начала войны. В этом направлении я предпринял некоторые шаги и жду результатов. Что думают мои друзья на этот счет? Одновременно это будет невинным способом уйти из гимназии Левандовского.

Спасибо за сведения о знакомых. О Наде я хотел бы получить более подробные сведения. Я бы хотел написать Вам с Володей еще много другого, но не все удобно писать в письме.

Все до сих пор было написано сейчас же по получении Вашего письма, но потом обстоятельства все мешали мне кончить. Не кончил я и сейчас, но посылаю, как есть. Бориса забрали, и он уже уехал в запасной батальон в Кутаис, мы очень огорчены, мама особенно. Коля с Марусей на лето наняли дачу в Анапе. Весна уже кончается. Всего Вам светлого, семье Ивановых – мои самые горячие

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. симпатии.

Ваш Саша.

1916. IV. 24. г. Тифлис

610. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1808] [? 06.1916. Москва – Петроград]

<...> Открытие Народного дома было большой и светлой радостью для меня. Чувствовалось радостное единение и начало новой, лучшей жизни. Прошло все с подъемом, были хорошие речи. Были гости и между ними Дмитрий Николаевич Челищев и кн. Урусов (сын).

Ангел мой, жду тебя скорей в Москву. Мы с Григорием Алексеевичем и Сусанной Михайловной отложили решение о твоей книге[1809] до твоего приезда. Это лучше, т.к. надо решать с толком. Бумаги у Кувшинова[1810] совсем нет сейчас, но может быть скоро будет. Это тоже меня заставило подождать. Когда ты приедешь – мы все обсудим <...>

611. П.А.Флоренский – А.С.Глинке[1811] <11.07.1916.Сергиев – Н.Новгород>

†

1916. VII. 11.

Милый Александр Сергеевич!

Вот всегда вспоминаю о Вас с любовью, тысячи раз решаю: сегодня уж непременно напишу, несколько раз даже начинал, – "а воз и ныне там". Да и сейчас-то взялся за письмо, чтобы иметь благовидный предлог отложить в сторону корректуру. Статья Ваша о "правде и кривде"[1812] не только очень хороша, но и, что важнее, принесет много понимания ее читателям, и вообще будет глубоко жизненной, – в этом я уверен.

Если бы таких статей побольше, как необходимы они. Но можете быть уверены, конечно, что многие, найдя в ней обличенье себя, не стерпят и раздраженно изругают Вас. И как редактор, и как читатель я благодарю Вас за статью и снова, как уже говорил ранее, прошу прислать что-нибудь в "Богословский Вестник", не взирая на мое молчание. Одно прошу, молчание не толкуйте никак. Усталость, неприятности, горе, частые болезни, если не мои, то кого-нибудь из близких, и самое главное – мускульная усталость (вот если бы был секретарь, я бы стал вести себя иначе!) не дают мне писать писем, в которых нет прямой внешней надобности. Я много пишу писем, но близким – никому, пишу же все деловые.

Смерть косит вокруг меня обильную жатву, а мне мучительно хочется запечатлеть и сохранить прошлое – не для себя, а для детей своих. И я весь ушел в собирание сведений, воспоминаний, в архивную работу, "никому не нужную", по единомудушному, хотя и не всегда откровенно выражаемому признанию чуть ли не всех меня окружающих.

Черкните мне при случае, хочется ли Вам иметь "Исследование Апокалипсиса" Арх<имандрита> Феодора Бухарева[1813]. Если да, то я пришлю Вам в подарок. Ф.К.Андреев рассказывал мне, что Вас сосет желание быть князем. Мне этого ничуть не хочется. Мне даже все равно, кто были мои предки – м<ожет> б<ыть> даже, чем ниже они по общественному положению, тем лучше. Но мне хочется установить "свою" связь с историей на всем протяжении веков. Когда было "то-то и то-то", что делали "мы" и где "мы" были. И невозможность сказать что-нибудь про долгие века ставит меня словно пред запертой дверью, и я начинаю ломиться в нее.

Хорошо бы повидаться лично. М<ожет> б<ыть>, вы думаете приехать сюда как-нибудь? Только вот С.Н.Булгаков в Крыму. Его "Софийность твари" в "Вопросах философии и психологии"[1814] вызывает восторги в Академии нашей, даже у о.Иллариона[1815]. Боюсь, что они все это огрубят. Но не значит ли это "победихом, перепрехом"?

Господь да благословит Вас и Вашу семью.

Священник Павел Флоренский

1916. VII. 12.

Сергиевский Посад. Моск<овской> губ<ернии>,

Дворянская ул.

612. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1816] [? 07.1916. Москва – Петроград]

<...> Мы с Григорием Алексеевичем сегодня много говорили о твоей работе и сошлись во всем. Главное то, что ты немедленно по выходе этой твоей гносеологической работы, должен начать вторую часть: положительную, твою философию. Показать каким образом тот принцип абсолютного сознания раскрывается в религии, красоте, нравственной жизни, во всем мире. Это необходимо. Меня очень окрыляет твое "об иконах". Я крепко верю и на деюсь, что ты вдохновишься и раскроешь много прекрасного! Ты все раскритиковал, а теперь нужно раскрыть положительное, развернуть из твоего абсолюта красоту и полноту смысла жизни и показать жизненное значение твоего основного принципа! Правда, мой милый? И о любви ты должен написать, не только о семейном начале и о деторождении. Я мечтаю, чтобы отразилось все пережитое нами с тобой в твоей будущей книге! Надо, чтобы вся твоя музыка и вся поэзия природы и вместе вся херувимская песнь твоей души отразилась там. Она должна быть вся конкретная и доказать, что абсолютное сознание живет! [1817]<...>

Григорий Алексеевич уезжает 1 августа <...>

613. Н.А.Бердяев – неизвестному лицу[1818] <13.09.1916.>

Мне помнится, что в прошлом году я ответил на Ваше письмо. Во всяком случае, я не почувствовал ничего такого, после чего явилось бы нежелание отвечать. Теперь отвечаю на письмо, присланное редакцией "Бирж<евых> Вед<омостей>". Вы меня неверно понимаете, если думаете, что я проповедую "возврат к сухой и черствой церковности". Я вообще не проповедую "возврат". Моя последняя книга "Смысл творчества. Опыт оправдания человека", лучше всего отражающая мои стремления, достаточно доказывает, как я далек от "сухой и черствой церковности" и от "возврата". Но ваша характеристика религиозных стремлений современной молодежи представляется мне слишком расплывчатой, слишком неопределенной, слишком желающей совместить несовместимое. Без жертвы, без выбора и разделения невозможна никакая религиозная жизнь и никакие религиозные достижения. Религиозная истина не определяется тем, что нравится и не нравится современной молодежи, что соответствует или не соответствует ее инстинктам. Суэта міра ("весь блеск, весь шум, весь говор міра") не может быть введена в религиозную систему. Религиозное сознание не может быть миродовольством и самодовольством: но все должно быть имманентно изжито, все может быть путем человека, его испытанием, странствованием его духа к высшей жизни. Нельзя "предлагать" молодому поколению уверовать в Троичность Божества. Вера не может быть навязана, она может быть лишь плодом жизненного пути и опыта. Если для Вас еще мертвы слова о Троичности Божества и о Христе – Сыне Божиим, то и не нужно Вам принимать всего этого извне. Но я не верю в "Религию Міра", которой, по Вашим словам, "ждет современная молодежь". Это была бы религия довольства, но всякая религия есть глубокое, страдальческое, трагическое недовольство "миром". Всякое творчество есть недовольство "міром", преодоление "міра", исполнение заповеди – "не любите міра, но любите в мире". Я бы хотел, чтоб современная молодежь помнила и любила Ницше и путь Заратустры. Это – жертвенный и суровый путь, путь горний, в нем есть совершенно своеобразный аскетизм духа. Жертва и аскетизм возможны не только во имя исполнения заповеди Бога, но также и во имя высшего достоинства и творческого признания человека. Человек не должен быть рабом суеты міра, он должен быть свободен от низких стихий міра во имя своего творческого и царственного назначения. Человек не может допустить себя до того, чтобы быть распиленным "міром". Человек должен творить себя и новый мір, претворяя хаос в космос. Эгоцентризм может быть великим рабством и утерей своего "я". Пер Гюнт Ибсена был очень эгоцентричен. Нужно выковырять свое "я", высвобождая его из эгоцентризма и хаоса. Путь свободы – суровый путь и трудный. Легкий путь – путь рабства. Вот мысли, которые мне хотелось

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
высказать по поводу Вашего письма.

Готовый к услугам Николай Бердяев.

614. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1819] [? 09.1916. Москва – Петроград ?]

<...> Как ты доехал, здоров ли? <...> У нас все налаживается. Мика поправляется, но все еще горло красное. Несмотря ни на что сегодня вечером идет к Гагариным. Они приехали и его зовут. Конечно, сердце не камень! Пусть повеселится бедненький напоследок. Маруся здорова и радуется очень успехами в музыке. Я нашла ей чудного батюшку. Если нужно твоей Соне[1820] – возьми его, чудный батюшка.

Я много суечусь по разным делам, много хлопот. Завтра мы с Микой идем слушать новую повесть Бугаева[1821]. Он будет ее читать своим друзьям. Рачок идет с нами <...>

Очень грустная история с нашим дредноутом "Марией" – говорят, – это измена. Им забаррикадирован был ход флоту, оттого немцам удалось взять Констанцу! Какой ужас и сколько горя.

С.И.Четвериков был в Сибири, говорит, что хлеба везде масса, урожай хорош, а между тем в Рыбинске, который снабжает Среднюю Россию – хлеба нет. Он думает, что оттого может быть голод у нас. Да он уже почти есть. Погода у нас уже почти неделю сухая и солнечная, но по утрам небольшие морозы. Хотела сегодня ехать в Михайловское, но Юра завтра приезжает, я отложила на неделю. Страшно тянет в деревню, только там хочется жить, а здесь тянешь ляжку. А когда тебя нет – это совсем плохо! С болью думаю, как тебе будет тяжело в Петрограде. Успокоюсь только немного, если ты увлечешься и войдешь с головой в какой-нибудь "мир". Надеюсь, что это будет на почве древне-русского. Что-нибудь тебя захватит, Бог даст, раскроется тебе, и ты будешь погружаться и жить в этом! Да и вообще, только так легче! Жду с нетерпением скорей письма и потом 27-го! Целую ужасно крепко, без конца, мое сокровище!

615. А.В.Ельчанинов – В.Ф.Эрну[1822] <16.09.1916. Тифлис – Москва>

Милые мои Женя и Володя, я написал вам в Красную и в Москву, но теперь письма ходят скверно, пропадают. У меня к вам колоссальная просьба. На днях поехала в Москву на курсы дочь генерала Левандовского, моя любимая ученица Тамара Владимировна Левандовская[1823]. Он придет к вам передать мой привет и рассказать обо мне, если вы захотите слушать. Думаю, что она вам понравится: в ней есть упорство и гордость, но вместе с тем редкая правдивость, прямота и верность при большом ясном уме, хорошем вкусе и воспитанности. По убеждениям она твердая христианка.

Мое большое желание, чтобы вы подружились, и ради меня вы это сделаете, а потом и сами оцените ее. Адреса ее я не знаю еще. Пока все. Жажду узнать побольше о вас.

Нахожусь в обалдении, простите.

С<аша>

IX. 16.

616. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1824] [? 09.1916. Москва – Петроград ?]

второе письмо

<...> Отвечаю тебе по пунктам:

Послала повестку Илье с посланником.

"Энциклопедия права"[1825] будет готова в понедельник 24-го и отослана к Карбасникову[1826].

Не кипи и приучайся теперь к терпению. Твоя рукопись сдана и бумага уже в типографии. На днях начнут печатать твою новую книгу[1827]. Я даже уступила

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. первое место твоей книге и нашу велела отложить.

Целую тебя ужасно крепко <...>

Марусю поцеловала особенно крепко и она велит тебя крепко целовать. Мика очень похудел, бледнел, тревожит мое сердце. <...> Юра[1828] приехал здоров и весел. Вот тебе и все мои семейные новости.

В делах – кроме суеты мало интересного. Вижу Бугаева и слушала его новое произведение. Много интересного и талантливо, но бесформенно и бесплотное. Мы с Григорием Алексеевичем оба думали о тебе во время чтения. Что бы, если бы ты тут сидела? Какой бы это был ужас! Я бы хотела этого, а Григорий Алексеевич говорит: "нет, я бы этого не вынес, это мне не по силам". Очень забавно это себе представить.

Вижу Лопатина, он очень постарел, бедненький! Извозчик постоянный у него отнят, ты можешь себе представить, какая перемена у него в жизни. Он сидит один дома. Я решила его звать чаще вечером. Он нанимает в этом же доме свои бывшие комнаты.

Известия с войны и внутренние дела не радуют, а мучат. <...>

До свиданья, мой ангел дорогой. <...> Жду тебя 27-го с нетерпением <...>

617. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1829] <1916. Москва>

<...> Милый, дорогой, как я жалею, что ты вчера не был. Было очень интересно! Я волновалась даже особым волнением, которое испытываю, когда затрагиваются до моих сокровенных тем! Вообще с Леонтьевым связано очень, очень глубокое мое, то, до чего ты никогда со мной не касаешься, ты не любишь и не считаешь важным это в общем! Надо поговорить подробно об этом <...>

Струве сказал, между прочим, что Леонтьев первый русский мыслитель по силе мысли, он больше Соловьева. Что Соловьев и Достоевский дети по сравнению с Леонтьевым – это говорили почти все. Я согласна, что Леонтьев вообще "реальнее" Соловьева и других, и это очень важно <...>

618. А.В.Ельчанинов – В.Ф.Эрну[1830] <15.11.1916. Тифлис – Москва ?>

Милый Володя! Приступаю прямо к делу: насколько я представляю положение, ты можешь, прочтя здесь лекций 5–6, заработать около 500–600 руб. минимум. Здесь можно читать у нас – в обществе преподавателей гуманитарных наук, где я состою товарищем председателя, а Георгий Николаевич – председателем; думаю, что мы можем обеспечить до 300 человек и, следовательно, столько же рублей. Что касается темы, то выбор довольно свободный, но все же лучше из круга гуманитарных наук. Затем, можно выступить от общества народных Университетов, которое теперь как раз устраивает ряд небольших курсов по вечерам. К ним ты можешь обратиться непосредственно – Председателю Общества народных Университетов (Рцихладзе) – Великокняжеская, Учительский Институт.

Мне думается, они приняли бы предложение небольшого курса, лекции четыре, для публики средней подготовки (как можно доступнее, если ты на это согласен). Возможны и публичные лекции, "от себя", но тут возня с залом, полицией и т.д., а мне так жаль, что я этого не могу взять на себя. Сообщил тему[1831].

Я не могу выразить, как я признателен тебе и жене (но тут я должен перейти на перо, так как машина слишком грубый инструмент) – за ласковые и внимательное отношение к Мусе[1832], благодаря Вам обоим Москва для нее так много дала (Белый, Религиозно-философское общество и др., но главное – ваша ласка и внимательность; мне кажется чем-то чудесным, что мои друзья почти стали ее друзьями. Правда, она сама настолько хороша и цельна (так мне кажется), что вы сами могли оценить это. Но все же – мало ли цельных людей без призора бродит по Москве.

Как я мечтаю о вашем приезде! Я хочу использовать ваши разнообразные способности <нрзб>. На днях напишу определеннее о лекциях. Всего вам светлого. Целую вас обоих.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Ваш Саша.

1916. XI. 15.

1917 год

619. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1833] <27? 02.1917. Москва – Петроград>

Дорогой Евгений Николаевич!

Посылаю письмо с оказией. Ради Бога, напишите мне обо всем, т.к. ответ будет мне доставлен с верным человеком. Из предосторожности не подписывайте письма.

Что у Вас происходит, что будет? Что Вы думаете и чувствуете, лично? Тревожусь о Вас ужасно. Произошло много прекрасного, назад уже Россия не вернется. Но что впереди? Навряд ли удастся удержать бразды правления в руках хороших людей, если Царь не присягнет конституции. Что Вы об этом думаете? Я очень волнуюсь главным образом об этом. Страшно делается при мысли, если онне согласится. Всякие перемены чреваты последствиями, стоит раз почувствовать свободу и власть, чтобы при первом недовольстве начать бунтовать и крушить.

Ради Бога не соглашайтесь принять никакой должности! Молю Вас! Помните, что Ваш характер, Ваше сердце (физически) этого не вынесут – Вы все растрепите и погубите себя. В обновленной России Вы нужней, чем когда-либо! Вы должны будете отвоевывать свободу духовной России и устанавливать и укреплять ее истинный духовный путь. Молю, ради России, ради нашей идеи, ради меня быть твердым и не принимать никакого служебного поста. Оставайтесь свободным в этой сфере, делайте, что хотите, даже умрите, если найдете нужным!

У нас в Москве спокойно, но двойственно, при малейшей затяжке и неопределенности – все может обернуться ко злу. Напишите обо всем, молю Вас, подробно. Это письмо идет через Земгор и Тверскую мануфактуру.

Христос с Вами.

620. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1834] [? 03.1917. Москва – Петроград>

Милый бесценный друг! Бесконечно благодарю за телеграмму, она меня утешила. Получила ее сейчас. Пишу с оказией: Герман Германович Лерхе едет в Петроград и опустит там письмо в ящик <...>

У нас все плохо, полный хаос, ни одного сильного человека. Социалистическая пропаганда сильно действует и не пускает рабочих на работу. Челноков[1835], Грузинов и К°[1836] замучены и потеряли голову. Надеюсь, что новое правительство даст твердые директивы – иначе, боюсь. Думаю о тебе непрестанно и понимаю, что ты переживаешь. Ты ближе там ко всему, у тебя вернее взгляд, но я здесь очень тревожусь за все. Что возьмет верх?! Молю Бога, чтобы новому правительству удалось удержать власть. Переживаю много чувств, аналогичных 1905 г., но насколько серьезней, насколько страшней. И хорошо и страшно. Страшно в глубине души – страшно торжества совсем не того, чего все хотели. Я очень рада, что Государь отрекся и за Наследника; несчастный ребенок, пусть уж лучше живет в своей семье. Не знаю, согласен ли Михаил быть регентом и что это за строй с регентом, и что за Учредительное собрание с 4-х хвостным голосованием впереди. Все это тревожит сердце! Молю Бога, чтобы ты приехал сюда, ангел мой. Пиши ради Бога. Пришли ответ на квартиру Лерхе: ул. Глинки, д.1, кв. 7, на мое имя. Целую без конца! Христос с тобой! Это третье письмо.

621. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1837] <6.03.1917. Петроград – Москва>

<...> Привезу тебе "Речь" от 5-го марта с моей статьей[1838]. Быть может, ты прочтешь ее раньше. Имей тогда в виду, что в день первого выхода газет нужно было написать в праздничном тоне только хорошее. О тревогах и опасениях пока молчу, но скажу тебе по совести, что они – глубоко мучительны. Есть хорошее, но есть и ад. Который ад лучше: республика чертей или самодержавие сатаны – решить трудно. Отвратительно и то и другое. Дай

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Бог, чтобы "республикой чертей" российская демократия не стала. Дай Бог, чтобы у нас утвердилось что-нибудь сносное, чтобы мы не захлебнулись в междоусобии и не стали добычей немцев. Но в республиканский рай могут верить только малолетние, а мне 53 года.

Исполняю давнишнее твое желание, с наслаждением и увлечением пишу воспоминания об ахтырском прошлом[1839] – об ушедшей навсегда поэзии прошлой России. Пусть эти воспоминания будут духовным завещанием России будущей, если ... если эта Россия будущего еще будет способна не втоптать в грязь, а понять духовную красоту России ушедшей. Об этом пусть судят мои дети, коим я и предоставляю печатать или не печатать эти воспоминания после моей смерти[1840].

Целую тебя крепчайше, дорогой друг.

622. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1841] [? 06.1917. Михайловское – Бегичево]

Дорогой ангел Женичка!

Вчера приехали сюда. Слава Богу, Марусечка здорова и все здесь благополучно! Горе только эта жара и сушь! Каждый год какое-нибудь бедствие: или холод и сырость, или жара и сушь! Картина упавшего леса ужасна и не дает мне забвения и покоя! Вчера пришли ко мне крестьяне; беседа была замечательная. С виду любезно, ласково, посмеивались они, и я посмеивалась. И они и я прекрасно понимаем, что дело идет об отобрании земли! Видно им совестно этого, их останавливает чувство неловкости передо мной. Но я чувствую, что приди ловкий большевик, и они заберут, что могут. Это сквозило, а говорили они так: что мы пришли с Вами посоветоваться, как нам быть, как действовать и к какой партии пристать. Я сказала, что надо ждать Учредительного собрания. Что мы все должны ему подчиниться, а насчет партии хорош Крестьянский союз, хороша и партия Народной Свободы. Они закричали, что партия Народной Свободы – это партия хоша и республиканская, но для миллионеров и поддерживает собственность, а нас кнутом будет бить и нам мстить за все теперешнее будет. Оказалось, что они все за С<оциалистов>-Р<еволюционеров>, против собственности, за социализацию земли. В итоге разговора, они сказали, что насчет покоса придут со мной говорить, что теперь цены другие! Взяли на чай, попросили даже, с приездом! Я дала – это проще! Все было очень мило, но чувствуется, что в них все приподнято, и они неуклонно считают, что земля их! <...>

623. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1842] [? 07.1917. Михайловское – Бегичево?]

<...> Пишу тебе второе письмо. Первое послала из Москвы в день отъезда в Петроград, 27-го <июня>. Все с Микой устроилось прекрасно, и я счастлива. Он получил место в Москве во 2-ой тяжелой артиллерийской бригаде, получил без всякой задержки. Поэтому ему дали отдых на 22 дня, т<ак> ч<то> мы с ним будем в Москве 23-го. Кажется и ты собирался в Москву к этому времени. Я рассчитываю это время по-настоящему отдохнуть и, главное, полечиться. Буду брать ванны и лежать после них, а то у меня ноги ужасно пухнут и сердце болит. Все это время мне пришлось разъезжать, волноваться ужасно много из-за Мики, из-за Маруси и Юры.

Насчет Юры не хочется и писать тебе, так все тяжело и мучительно! Марусечка меня серьезной глубоко мучит. Надо принять меры и посоветоваться с умным психиатром. Позову осенью Демидова и посоветуюсь с ним. Мика меня очень просит для него беречь себя и полечиться и отдохнуть, а главное, не слишком принимать к сердцу все. Конечно, для него, мне хочется и нужно жить, и я приму меры, чтобы ободриться и поправиться. Мне очень тяжела такая разобщенность с тобой, мое сокровище! <...>

Каким утешением мне было известие, что ты принялся за работу, да еще за такую основную! Пиши, работай, ради Бога! Зачем только эта политика и хлопоты в Калуге об Учредительном Собрании? С<оциалисты>-р<еволюционеры> и без тебя это сделают и гораздо лучше. Оставь это, мое сокровище! Ну скажи одну-две речи, побывай на двух собраниях и довольно! Будь же благоразумен! Я никогда не пойму отношения а ла Самарин[1843] к избранию себя! Это ни холодно, ни горячо – а из тепленького никогда ничего не выходит. Или я горю и борюсь – тогда я холоден в этой области, но за то горю вдругой! Неужели ты будешь опять твои (не сердись) из некоторого честолюбия и самолюбия (мы

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. (это должны вместе определить) происходящие порывы прикрывать доказательствами, что, когда пожар.. и т.д. Брось все это! Для политики надо быть или Милюковым[1844], или Игнатьевым[1845], или Керенским[1846], тогда стоит все отдать этому. Мы с тобой точно определили границы твоей политики, стой на них твердо! Умоляю тебя! Отдайся твоей работе, ради Бога! Я очень счастлива, что твои дети тебя радуют. В деревне все-таки очень хорошо!

А я очень радуюсь, глубоко радуюсь нашему наступлению, нашему Керенскому, а главное, германскому внутреннему волнению[1847]. Может быть, все повернется теперь ближе к миру! А как тогда восторжествует Россия, как восторжествует социализм и как верен окажется его путь, конечно, в его лучшем смысле.

Целую крепко, бесконечно крепко. Рачинские 10-го будут у нас.

624. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1848] <8.07.1917. Бегичево – Михайловское>

<...> Здесь в Бегичеве настроение мужиков будто становится нервнее. Сегодня пришли две деревни безо всякой надобности вследствие слуха, будто ко мне должны приехать какие-то делегаты "решать земельный вопрос". Разговоры при этом – самые мирные, но я боюсь, не предвестник ли это? В одной деревне уже поговаривают, что надо "снять у князя австрийцев". Мужики же, бывшие сегодня, сердились на "ленинскую провокацию" и волновались, что надо арестовать Ленина.

Благодаря этому все мои отъезды из Бегичева осложняются. Боюсь оставлять моих одних и буду настаивать, чтобы во время моих отъездов они отправлялись гостить к Осоргиным[1849]. В нашем уезде уже много земель захвачено, а в одном временно захвачен дом под собрание. К этому с благословением относятся эсэры, и я сильно сомневаюсь, что они "все устроят гораздо лучше меня". Может быть, и лучше без меня, но едва ли лучше без кадет. Армию они, во всяком случае, устроили плохо: "удар в спину" в Петрограде не имел бы места, если бы они не расшатали до последней степени порядка[1850]<...>

625. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1851] [? 07.1917. Михайловское – Бегичево]

Дорогой мой, бесценный женичка!

Вчера вечером получила твое 2-ое письмо. Спасибо, мой ангел, это такое утешение для меня! Я тебе написала два письма – это третье.

Я сначала очень испугалась этому мятежу в Петрограде, но потом по ходу дела, успокоилась и, когда пришло известие с разоблачением Ленина и большевиков[1852], я даже обрадовалась. Для хода революции большевистское движение окончательно провалилось! Неужели же народ и солдаты не увидят, что это такое за грязь и за подлость.

Мы с Микой выехали из Петрограда в субботу 1-го июля вечером, как раз накануне мятежа <...>

626. М.К.Морозова – Е.Н.Трубецкому[1853] [? 07.1917. Михайловское – Бегичево]

<...> Дорогой мой, непременно приезжай сюда, в Михайловское, 22-го ночным, т.е. Калужским, в субботу рано утром 22-го, а 23-го утром мы можем с тобой вместе ехать в Москву. Рачинские уезжают 20-го или 21-го, самый последний срок. Итак жду тебя непременно! 23-го я тоже должна быть в Москве, т.к. Мика начинает свою службу, и я должна ему все устроить в доме, как его кормить и т.д. <...> Мика вероятно только до конца сентября пробудет в Москве, а там на фронт. Я дорожу каждым днем, проведенным с ним. Ты это поймешь, мой бесценный!

Я так отдыхаю здесь, мы совсем забываемся в увлечении поэзией! Какое-то опьянение на нас всех находит по вечерам! Григорий Алексеевич, Саша Габричевский[1854], Соня Томара, Мика и я, мы все обожаем поэзию и прямо наслаждаемся и все забываем! Хочу и Марусечку вовлечь в это, Григорий Алексеевич будет ей читать Пушкина.

Милый, милый мой, посылаю тебе стихотворение Гете, которое мне ужасно нравится, и в котором есть то, что я переживаю, когда расстаюсь с тобой!

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Прочти и почувствуй!

Няче дес Гелибтен

Ицч денке деин, ценн мир ден Сонне Сцциммер

Вон Меере стралт;

Ицч денке деин, ценн сицч дес Мондес Флимммер

Ин Эуеллен малт.

Ицч сече дицч, ценн ауф дем фернен Щеге

Дер Стауб сицч чебт;

Ин тиефер Нацчт, ценн ауф дем сццмален Стеге

Дер Цандрер белт;

Ицч чочре дицч, ценн дорт мит думпфен Паусцчен

Дие Цеиле стеигт;

Им стиллен Чеине геч' ицч офт зу таусцчен

Щен аллес сцццеигт.

Ицч бин беи дир; ду сеист ауцч ноцч со ферн

ду бист мир нач!

Дие Сонне синкт, балд леуцчтен мир дие Стерне

О щярст ду да!

Гоеече

Милый, милый мой, что же это будет с нашей Россией, с нашими детьми, что будет с нами? Какой ужас, какое горе, какой позор! Неужели доведут до победы немцев и до торжества правых? Это невероятно. Не знаю, что думать, чему верить, чего ждать? Ну как мы можем сейчас воевать; за что будут гибнуть лучшие, а останется нам одно отрепье людей. И смертная казнь не поможет теперь, пожалуй[1855]?

Дорогой мой, воображаю как ты страдаешь! Какие мы все сейчас несчастные и какие бессильные! Нам все равно не поверят и нас смешают с грязью, несмотря на то, что мы гораздо больше жертвовали для свобод, чем эти крикуны! Думаю, что все идет к военной диктатуре, а ты что думаешь? Ужасно! Радость моя, что твоя работа? Не бросай ее, черпай силы в ней, это только и спасет душевные силы и поможет перенести, что предстоит! Приезжай, непременно, умоляю тебя! Целую.

627. Е.Н.Трубецкой – А.Ф.Кони[1856] <1.11.1917. Москва–СПб ?>

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович!

Переписка наша оборвалась вследствие навалившейся на меня груды дел, из-за которых иногда есть вовремя не успеваешь. Но все время думал о Вас с признательностью за духовное общение с Вами, в котором почерпнул я так много хорошего, и мечтал найти досуг написать Вам. Досуг явился в самой неожиданной форме. Взгляните на дату этого письма и Вы поймете: досуг явился потому, что я сию отрезанный от всего мира без возможности выйти из дому, вспоминая под звуки пулеметной и ружейной пальбы[1857] всех, с кем связан узами глубоко сочувствия и кто, как Вы, любит истерзанную, несчастную, глубоко падшую, но все же бесконечно дорогую Россию.

Теперь эта любовь не ослабляется ее падением, а только становится бесконечно мучительной. Я вижу нередко людей, которые до того разочаровались в России, что мечтают порвать с ней всякие узы и ничего не имеют к ней в душе, кроме презрения и озлобления.

Меня глубоко огорчает столь неглубокое к ней отношение. Если Россия – это рассеянные в пространстве лица, говорящие по-русски, но предающие родину, или несчастное, обманутое серое стадо, висящее на трамваях, грызущее "семячко", а ныне восставшее за Ленина, то России, конечно, – нет. Нет ее вообще для людей, которые не верят в невидимую, духовную связь поколений, связующую живых и мертвых во единое целое. Но я, как и Вы, верю в духе. Отец и мать у меня есть; они похоронены в Москве, и их могилы напоминают мне о моей духовной связи с землей, где они похоронены. А когда в Кремле я вижу другие могилы святителей и молитвенников за Россию, я чувствую, что это – земля святая. Одни ли могилы? Нет, каждый камень в Кремле говорит о великом, святом, неумирающем, чего нельзя отдать и что переживет все нынешнее беснование. А об этом бесновании, знаете ли, что я думаю. На днях я выразил образно мою мысль одному высокопреосвященному из нашего собора [1858], и он ее одобрил. – Я сказал, что легион бесов, сидевших недавно в одном Распутине, теперь после его убийства переселился в стадо свиней. Увы, это стадо сейчас на наших глазах бросается с крутизны в море: это и есть начало конца русской революции.

Все стадии разочарования уже пройдены, кроме одной: народ должен еще разочароваться в большевиках. Естественно сомнение: останется ли тогда в России что-либо не разрушенное, что еще можно спасти? – Я человек верующий, и для меня несомненно: святое духовное, что есть в человеке и в народе, не сгорает в огне, а выходит из него очищенным. Верю, что это будет с Россией; верю, когда вижу, какие духовные силы явились в святом, мученическом подвиге наших юнкеров и офицеров [1859].

Крепко жму Вашу руку.

Ваш кн. Е. Трубецкой.

628. С.Н.Булгаков – В.В.Розанову [1860] <22.12.1917. Москва – Сергиев Посад>

Дорогой Василий Васильевич!

Благодарю Вас за "Апокалипсис" [1861] и за письмецо. "Апок<алипсис>" я прочел раньше. Здесь "Розановские" – последние страницы 2-го, где с прежней свежестью красок и яркостью свидетельствуется Ваш собственный... мистический социализм [1862]. Да, это несомненно так, Вы – мистический социалист и переводите на религиозный язык то, что они вопят по-волчьи. Это – новый вариант первого искушения, искушения социализмом [1863], и Вы снова приступаете к Тому, Кого Вы столь роковым образом не любите, с вопросом того, кто Его тогда искушал. Неужели же Вы сами этого не видите? Или же видите, но таитесь? Это именно означает и Ваш новый поворот к еврейству "и" германству, – это не к каббале, даже не к Талмуду и не к Ветхому Завету, но к Лассалю и Марксу, от коих отрекаетесь [1864]. Это – воистину так, с той, конечно, разницей, что они оба – кроты и щенки по сравнению с Вами, – де ребус мистицист [1865]. Это Вам с моей стороны в виде реванша за "позитивиста и профессора". Но Вы, конечно, правы, что между тоном и музыкой Апокалипсиса и всего Нового Завета, в частности Евангелиями, разница огромная, и, однако, и то, и другое об одном и об одном, а Вам с Лассалем и Марксом, "немцами и евреями" [1866], не за что прицепиться к "Апокалипсису". Да, христианство не удастся в истории, да самая история не удастся, как не удастся более всего и русская история, что не мешает быть русскому народу единственным по предназначению. Слишком христианство трудно, аристократично, художественно по своим заданиям, довольно одной неверной черты, и все рушится. Но оно прожжет историю в какой-нибудь точке (да и постоянно ее жжет), и начнется – "Апокалипсис".

Насчет о. "Павла" всему Вами сказанному, говорю: аминь, и без конца мог бы прибавить, но думаю, что здесь более приличествует молчание – для меня. Радуюсь, что повидал Вас после нескольких лет, надеюсь, вскоре и еще увидимся. Живется трудно и тяжело. Мы побеждены, как бы не сложилась наша судьба, которая не от нас зависит, и по заслугам. Исторически чувствуем себя на Страшном суде раньше смерти, истлеваем заживо. И все-таки – все остается по-прежнему, русский народ должен быть народом-мессией, и к черту "немцев" и К°, да будут они ненавистны!

Привет семье Вашей. Жму руку

Посылаю, за неимением оттисков номер журнала с некрологическими заметками[1867].

629. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1868] <24.1.1917. Москва – Н.Новгород>
24. XII.1917. Москва.

Милый Александр Сергеевич!

Поздравляю Вас с великим праздником Рождества Христова, да светит нам свет его через облегающую тьму. Сегодня я испытываю этот благодатный свет и мир, поэтому ч^то приобрелся св. Таин и укреплен Трапезой Господней. По-человечески же невеселое для меня Рождество. Должен был ехать к своим, но не решаюсь подвергаться всем неверностям пути и переезда через несколько фронтов. Главное, вот уже две недели, как я отрезан от своих и не имею никаких вестей, как и они обо мне[1869]. Но на все воля Божья, и слава Богу, что их нет со мной, на здешний холод и голод (лично я пока, впрочем, нисколько не голодаю). Я бесконечно виноват перед Вами своим молчанием, впрочем, извинительным. Эти месяцы пролетели для меня за соборной суетой[1870]. Лично я, разумеется, был счастлив, что мог стоять при церковном деле, и это особенно спасало меня от убивающих впечатлений русской жизни. Но, должен сознаться, для "творчества" или просто для личной работы это – перерыв и некоторая отвычка, после которой необходимо умственно себя ремонтировать. Благодарение Богу, моя связь с церковным делом начинает упрочиваться: не знаю, хорошо ли это лично, – во всяком случае, это сложно, – но я избран в Высший Церковный Совет[1871] и, значит, связан на три с церковным правительством (кстати, это было бы лишним и уже решающим мотивом в пользу отклонения места в Учредительном Собрании[1872], если бы нужны были эти мотивы). Впечатлений от церковного общества за это время у меня накопилась масса: можно сказать, что я знаю более или менее епископат, а также и белое духовенство, притом все-таки скорее <нрзб>. Люблю их, только здесь чувствуя себя в родной среде, в уюте, но... но все то, что мы знали про себя и раньше, с большой силой и отстоенностью даже остается и теперь. Есть – "новое религиозное сознание", или "третий завет"[1873], или светская культура, но нечто радикальное есть в нас то, что остается непонятым, закрытым, несуществующим. В конце концов, я имел приятельство или даже дружественность ко всем, с кем соприкасался, но в то же время оставался один. Сначала страдал от этого, затем привык и примирился. Кто же это мы, затерянные, перекликающиеся и друг другу загадочно близкие? Эрн ушел[1874], уйдет еще один, другой и останется последний, как я теперь, без семьи, без свист вьюги. И в то же время в душе спокойное, не гармонирующее с чувством личного бессилия, знание силы и правды своей.

Среди внешних (относительно) дел на соборе теперь приступаем и к делу афонскому, к вопросу об имяславии, трепетно приближаться к земле священной[1875]!

Как Вас Бог милует? как дети? не остаетесь ли без жалования, как, напр<имер>, о. Павел? Последний, б<ыть> м<ожет>, будет издавать "собрание сочинений"[1876], излишне говорить, какое это радостное событие. Но за него всегда мне страшно: слишком прекрасен этот хрупкий алавастр мура драгоценного для этого мира! В <Сергиевом> Посаде теперь живет Розанов. Он стар, нуждается, слаб, но переживает снова рецидив жидовствующей ереси и вражды к Христу. Об этом можете прочесть в выпускаемых им "Апокалипсисах наших дней". Он вспоминал о Вас с теплотой, мы встретились ласково, хотя, по существу, он продолжает меня недолюбливать, по-своему и справедливо. Вяч. Ив<анов> без Эрна как-то поблек, да вообще растерялся, что ли, только поблек. Да и живется трудно Вера К<онстантиновна> болеет[1877]. "Авва" хлопочет с кружками, окормляет голубиц и голубей. Видал его мало, телефон же не действует. Господь с Вами и Вашими. Целую Вас.

Павел все проектирует издать сборник об Эрне[1878].

Любящий Вас С.Булгаков.

1918 год

630. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1879] <начало 1918>
Страница 349

Дорогой и милый друг,

Не скрою, что Ваше письмо с известием, что Вы отложили Ваш отъезд, меня взволновало и огорчило. Я так рассчитывал Вас видеть, мечтал даже, что Вы приедете раньше. И вдруг, – оказывается позже. А я уж так соскучился по Вас и теперь почти отчаиваюсь видеть, так как Вы можете пропустить все сроки, пока это еще возможно. Забастовка не состоялась и судя по газетам, едва ли сейчас состоится. Но глухое брожение между железнодорожниками идет все время, слухи о ней не прекращаются. И, если Вы будете ждать, пока они не прекратятся, то и в самом деле дождетесь либо забастовки, либо того времени, когда, чего доброго, и я исчезну, потому что ручаться за то, где будешь завтра, теперь нельзя. Все мое существо истосковалось по Вас и вообще. Нигде пути я не вижу, ни с Поленькиными <?> родными, ни с их врагами, ниоткуда просвета. Один просвет – Патриарх Тихон; но помереть с голода он нам не помешает: он помогает только против вечной гибели. Я прихожу к заключению, что с партиями, которым можно следовать на основании человеческого предвидения, вообще связывать себя не стоит. Все равно, не угадаешь, – откуда спасение, а потому и гадать не стоит.

Книгу мою кончил [1880], и набирается <?>. осталось листа два-три. Ну, до свидания или, кто знает, может быть и прощайте.

Крепко целую вашу руку.

Само собою разумеется, что если Вы приедете, я никуда в Воскресенье не поеду.

631. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой [1881] <6.03.1918. Петроград – Москва>

БУДУ НА ДНЯХ? МИКУ ВИДЕЛ? ОБА ЗДОРОВЫ.

632. А.Г.Габричевский [1882] – М.К.Морозовой [1883] <весна 1918. Михайловское – Москва>

<...> Попробуйте на всякий случай достать для меня лично и для Федя (магистранта по истории искусств) [1884] бумагу, удостоверяющую, что мы коллегией художников назначены охранять Михайловские коллекции.

Обратитесь к Виппер [1885] или Шамшиной [1886], которые служат у Вас [1887] и меня знают лично <...>

Сегодня комиссары уехали. Шацкий [1888] получил всю власть в имении в качестве садовника. Хлеб будет выдаваться пайками. Вы имеете право жить в доме, но будете ли Вы получать паек – не выяснено. Подымался вопрос об описи дома, но остался не разрешенным. Кажется Шацкий хочет заставить Якова Ивановича [1889] сделать опись и сдать ему, а он в свою очередь сдаст Совдепу. Комиссары приедут в воскресенье, поэтому сделайте все возможное, чтобы приехать в субботу!

Последний трюк Шацкого: (по-моему ц'ест ле цомбле) весь хлеб, который мы свезли к нему он передал комиссарам и они взяли его на учет.<...>

Я только что видел Шацкого. Он был в М<алом> Ярославце и сдал (на словах) имение под колонию. Сегодня Федя хотел поехать к Вам, но теперь т<ак> к<ак> завтра придут комиссары, нам лучше быть обоим в доме и настаивать, чтобы нас назначили хранителями его впредь до основания колонии.

Калуга объявила Михайловское принадлежащим только не Малому Ярославцу. Так что хлеб будут отнимать у боровских. Передача имения означает расчет рабочих и массу недоразумений. Шацкий считает, что всем латышам нужно будет уйти; он, очевидно, надеется выжить и Якова Ивановича. В смысле безопасности все вполне благополучно, хотя Шацкий ждет неприятностей от ненавистных ему латышей. Не смею советовать Вам приезжать, но я считаю Ваш приезд вполне безопасным и необходимым. Большевики разрешат Вам жить как члену колонии.

Этот исход конечно очень печален. Если бы решение было предоставлено нам, я думаю, что нам удалось бы спасти все дело иначе и без конфликтов.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах (и др.). Уезжать нам с Федей – значит оставлять дом на произвол латышей (и колонистов?). Если можно, то пришлите нам какую-нибудь грамоту (личную) от художников, назначающую нас с Федей хранителями дома и всего в нем находящегося <...>

633. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1890] <21.05.1918. Москва – Н.Новгород>

25 мая 1918 года. Москва

Дорогой Александр Сергеевич!

Пишу Вам в это число, прежде всего чтобы известить Вас, что желанное в этот день не свершилось[1891]. Меня постигло приключение, а именно в канун 11го, того дня, когда я условился быть у еп. Феодора[1892], я, во-первых, получил предупреждение о "гостях", что до сих пор еще не подтвердилось, а во-2-х, в ту же ночь заболел, как оказалось, припадком аппендицита. 10 дней провел в кварт<ире> Хорошо[1893] и лишь сегодня водворился дома, но пока на положении инвалида, с запрещением передвижения[1894]. Поэтому все, естественно, откладывается, хотя и уповаю на милость Божию и надеюсь, что не надолго. Но теперь уже боюсь сроки определять. Да к тому же до сих пор не удалось материи достать, хотя о. Павел дарит мне одну свою рясу, что мне, конечно, особенно дорого.

Зато получил письмо из Крыма в эти дни, и от Муночки[1895], такое хорошее. Они, слава Богу, живы и благополучны, теперь уже не подвергаются опасности. Но целую неделю над ними висела угроза быть вырезанными, а на один день это прямо намечалось. Все-таки факт тот, что спасли мне жизнь моих милых от лиходеев – немцы[1896]. Как все это отразилось, могу только угадывать. Но, во всяком случае, огромная тяжесть с души моей свалилась с получением дорогой весточки. Во время жара я многое переживал в связи с предстоящим. Мне казалось, что я повергнут пламенным мечем херувима в мрак и трепет, и трепещу, трава сый, ко огню приближаясь[1897]. С патриархом еще не говорил, эта неделя пройдет в выздоровлении.

Теперь о Ваших делах. Отн<осительно> предисловия к Д<остоевско>му я согласен и так, и так, – как укажет время и обстоятельства. Ко сборнику Лемана[1898] едва ли нужно предисловие, не думаю даже, чтоб он сам этого захотел. Конечно, если бы возник вопрос, я согласился бы написать предисловие. Если я увижу Лемана – а это маловероятно в скором времени, то я его спрошу. <...>

Здесь был вскоре после Вас В.В.Розанов. Он тоже "виделся" с Леманом, поладил и нечто "получил". Ходил по всем московским домам. Жалел, что не повидал Вас. О. Павел бывает еженедельно на своих лекциях[1899].

Удивительно теплые и ласковые слова Вы для меня находите в своих письмах, спасибо Вам! Сейчас перечел их и снова был заласкан ими.

634. Г.А.Леман – Вяч.И.Иванову[1900] 22.05.1918. Москва – Москва>

Управляющий делами Московской

просветительской комиссии.

Смоленский бул. 8.

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

Разрешите поставить Вас в известность, что завтра, в среду, в 9 ч. вечера у меня собирается небольшое, интимное совещание, на котором Аскольдов и Л.П.Карсавин сделают сообщение о новом, возникшем в Петрограде Братстве Св. Софии-Премудрости Божией[1901], и просит Вас принять участие в этом собрании. Мы все будем рады Вас видеть. Позволяю себе на Вас рассчитывать.

Полуэктов пер., 6, кв.2.

Преданный Вам Г.Леман

635. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1902] <31.05.1918. Москва – Н.Новгород>

31 мая 1918.

День Вознесения Христова

Милый Александр Сергеевич! <...>

Мечтаю в начале июля, если только можно об этом сметь мечтать, вырваться к своим в Крым, – уж очень страстно хочется их видеть. Мысль о приезде к Вам приходится отложить, – уже 15го июня соберется собор[1903]. Мое посвящение назначено еп. Феодором на дни св. Троицы (во диакона) и св. Духа (во иерея), 10го и 11го, в Даниловом монастыре. Патриарх уже наложил резолюцию на моем прошении, хотя официально ему не дано еще хода ввиду отъезда патриарха в Петербург. Трудности с довыванием материи и портными почти преодолены, хотя вообще количество мелких трений и трудностей как-то бесчисленно. Я живу, с одной стороны, в атмосфере чуда, когда порою снимается стена между мною и ушедшими и приближаются чувства 1909 года, моего первого "посвящения"[1904], а с другой – нахожусь в агонии умирания, неисходного, ужасного, рокового. Порою так безумно болит душа и жжет тревога за своих, рождается надежда на чудо, что приедет Е<лена> И<вановна>, а то опять смиряюсь с волею Божией. Не знаю, что здесь закономерно, в порядке вещей, как встреча со "стражем порога"[1905], что принадлежит моей слабости, маловерию, малодушию. Чувствую свою вину и пред Вами, что я, а не Вы, приближаюсь к этому жребью, которого так недостоин. Надо бы писать многое, многое, чтобы Вы конкретно постигли мое состояние, но думаю, что не нужно, <потому> <что> Вы и так понимаете. Для меня несомненно, что я уже умер, прежнего меня нет. Если бы почему-либо посвящение не состоялось, мне все равно нечем жить; я себя изжил окончательно и совершенно, не могу существовать вне нового рождения. Но о нем трепещу, не умею думать. И весь этот огонь палит меня на фоне всей обыденной суеты, забот, беготни. В воскресенье в р<елигиозно>-ф<илософском> об<щест>ве читаю прощальное (конечно, неведомо для публики) кармасиновское "мерци"[1906] – свои диалоги[1907]. Все как-то мучительно больно. Просто не знаю, доживу ли, разве только милостью Божией. Не забудьте в молитвах, как и я Вас буду помнить в страшную и трепетную минуту. Боже, будь милостив мне грешному! Напишу Вам тотчас, если совершится. Да хранит Вас и семью Вашу Матерь Божия. Целую Вас. Люб<ящий> Вас С.Булгаков.

Порою посещает нечеловеческая тоска и тревога за Муночку г<лавным> обр<азом>, а затем так же чудесно отходит. Постигаю, что такое смерть.

636. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1908] <3.07.1918. Петроград – Москва>

ВСЕ БЛАГОПОЛУЧНО, ТИХО, Я ЗДОРОВ, МИКА ЗДОРОВ, ДАЙТЕ ИЗВЕСТИЕ. ТРУБЕЦКОЙ.

637. М.М.Морозов. Дневник[1909] <17.07.1918. Михайловское>

Тетрадь I-я (первая)

год

Михайловское. 1918 год. 17 июля (по старому стилю).

Сегодня мамыны именины. С утра все слоняются без дела, по-праздничному. Пошли посмотреть шмелиные гнезда. Когда Еня (Габричевский)[1910] приоткрыл гнездо, матка легла на спину, обороняясь, и, когда он коснулся палочкой ее животика, она выпустила длинную струю яды. Еня сказал: "Яд". Сергей Васильевич в испуге отскочил. Успокоившись от страха, он сказал: "Подобно тому, как человек может раздавить стопой шмелиное гнездо, божества могут раздавить целые государства". Пошли посмотреть на осиное гнездо на сирени. Когда кто-то сказал, что в одних ячейках еще личинки, а из других уже вышли осы, С.В. тотчас сформулировал: "Осы кладут яйца не одновременно, а понемногу." Он напоминает м-р Маргот Габричевских, который говорил: "ла terre est ронде"[1911] <...>

Пошли купаться. Вернулись к завтраку. Юра[1912] подарил маме свои рисунки: в папке, на которой с одной стороны – орнамент из буквы "М" и маленьких сатиров; под буквой медальон с нашим домом: над медальоном ленточка с надписью "Маргарита". С другой стороны папки – вид нашего дома сквозь паутину. В папку вложена карандашная картина Юры "Пиета", которую он теперь нарисовал.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
За завтраком заметил, что у Сергея Васильевича галстук новый, цвета сирени.
Он за завтраком сказал: "горлицы очень изящны". После завтрака читал
"Л'Ассомоир" Зола[1913].

Приезжал большевик на дрожках; вместе с ним на дрожках сидела девица в венке. Через некоторое время пришел другой большевик, хорошенький, с черными усиками. Они требуют планы и дали маме подписать "Опись" Михайловского.

Григорий (кучер) не принес газеты. Газеты сейчас только большевистские, и кондуктора саботируют, хотя получают 80 копеек за номер. Они говорят: "Ничего в газетах нет интересного". После чая лежал с пледом на реке. Читал: "Л'Ассомоир". К концу обеда пришла Шацкая (Валентина Николаевна). Потом Пантелеимон, Анна Ивановна и рыжий (Кашкин). Саша (Габричевский) говорит, что рыжий так рыж, что светится. Он гимназист. Живет у Трояновских (гостит на лето). Мы недавно купались и говорили похабья <...>

Вечером был разговор об искусстве. Потом играли в мнения <...> Провожали Трояновскую. Говорили об игре "в мнения". Решили, что мнение должно говориться не по внешности человека, не по предмету, относящемуся к его занятиям или ентоураге'у[1914], а к его сущности в целом, к аасоциациям, которые пробуждает этот человек всем своим существом.<...>

Проводя Трояновских, вернулись домой. В гостиной на столе стояли бронзовые бюсты Екатерины и Павла. Их тени падали на стену и дрожали вместе с пламенем свечи.

Пахло "Никольским", и сердце чуть затосковало.

Пахло на меня вдруг Никольским. Никто с Гагариными не сравнится! Думаю, засыпая, о вещи, которую хочу написать и которая будет называться: "Водолаз" (баллада).

Блуждаю вялыми ногами
чуть зыблется хрустальный свод
Над сумраком зеленых вод,
Над помертвелыми песками.
И страшно мне: я глух и нем..
Ничто безмолвья не нарушит.
Меня гнетет, гнетет и душит
Мой стеклоокий грузный шлем.
Мую одежду из резины
Недвижно годы обтекли
И сверху на плечи легли,
Как духи, тяжкие глубины.
Давно погибших кораблей
Порой из тьмы.....
я прохожу – искатель клада –
К могиле сумрачных морей.

638. Е.Н.Трубецкой – М.К.Морозовой[1915] [? 08.1918. Москва ? – Михайловское]

Дорогой друг,

Теперь решение принято, и я накануне отъезда; изыскиваются только для него
Страница 353

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. способы, но самое решение уже принято. Я взял отпуск у патриарха и больше ни на Соборе[1916], ни в Церковном совете не буду.

Когда я уеду, не знаю. Это может случиться в зависимости от того, когда представится случай, – через два, три дня дня, через неделю или две, не знаю, но во всяком случае, как только можно будет, ибо, повторяю, обстоятельства вынуждают. Увидимся ли мы с Вами, дорогой, бесценный друг, перед отъездом, увидимся ли вообще и когда, – вот вопрос, который я с ужасом себе ставлю: времена такие, что не занешь, будешь ли еще жив завтра. ломаю себе голову, как сделать, чтобы увидеться. Это трудно. Приехать в Михайловское я не могу, т.к. должен быть настолько близко, чтобы мой Сережа[1917], хлопочущий о моем отъезде, мог ежеминутно меня найти, переговорить о необходимом и чтобы можно было в любую секунду собраться выехать.

Завтра, во вторник, я еще буду в Москве (хотя домой не захожу и писать туда мне бесполезно). Но послезавтра, в среду, думаю быть в И...ве[1918] и остаться там впредь до окончательного отъезда. Но этим не исключается возможность приехать в Москву без ночевки – повидать Вас. Поэтому мы условимся так. Раз Вы мне писали, что будете 1 сентября, то буде я к этому времени еще буду блтзко (в И.), я приеду нарочно для Вас утром и около десяти часов буду у Вас (увиду сегодня Дуню и, если она мне укажет какой-либо другойсрок Вашего приезда, сделаю изменение в пост ссрипту). Есть еще и другой способ Вам видеть меня, когда приедете. Почту и телеграф надо исключить, т.к. эти способы там не действуют, и письма доставляются с оказией, неаккуратно из Москвы. Можно только послать ко мне кого-либо – Василия или мужичка из Михайловского. Имение И... находится или в 20 минутах ходьбы от платформы 17-я верста (Переделкино тож или Лукино) по Киево-Воронежской или в 40 мин. хотьбы от полустанка 20-я верста Брестской дороги. Буду тотчас, как только укажете.

Псылаю Вам книгу, которая соединена с бесконечно дорогой памятью о Вас – друге и поверенном всех моих любимых и сокровенных дум[1919]. Больше, чем когда-либо, я в ней вылился и поэтому больше других она и Вам должна меня напоминать. Хотелось бы сказать, до свидания, на всякий случай – прощайте!

Дорогой друг и бесценный. Да сохранит Вас Бог и да поможет в бесконечно трудных предстоящих испытаниях. Да соблюдет Он Вас, Мику, Марусю и да пошлет Он Вам свое благословение и благодатную помощь. Ах, дорогой друг, как тяжел этот скачок в неизвестность, как тяжело это в лучшем случае долгое расставание с Вами. Да будет над Вами Ангел Божий. А я крепко, крепко, с бесконечной любовью мысленно прижимаю Вас к сердцу.

п.с. [1920] Видел Дуню и, получив подтверждение, что Вы будете 1-го, запечатаваю письмо.

1921 год

639. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1921] <24.04.1921. Кореиз – Н.Новгород>

24.IV 1921. Олеиз.

7.V

Милый мой Александр Сергеевич! Христос воскрес! Не знаю ничего, ничего о Вас и Вашей семье. Да хранит Вас всех Господь и Его Пречистая Мать! Уже три года, как мы отторгнуты друг от друга. Благодарение Богу, уже скоро будет и три года моего священства. Мы благополучны, теряли на целый год Федю[1922], но он вернулся к нам. Целую Вас. Благословляю всю Вашу семью. Отзовитесь.

люб<ящий> Вас прот<оиерей> С.Б.

640. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1923] <17.09.1921. Олеиз – Н.Новгород>

Милый Александр Сергеевич! Приветствую Вас лобзанием святых. Был бесконечно рад узнать, что Вы живы и, надеюсь, благополучны с семьей. Мне так и не удалось выбраться в Москву, – осел пока в Ялте на приходе. Очевидно, здесь буду и зимовать. Помимо возможности устроиться в Москве, мне необходим вызов и бесплатный проезд при сносных условиях, иначе с семьей не проедем. О том, как жил это время, в письме не расскажешь, благодарение Господу за

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Мы живы, здоровы и сейчас все вместе. Дайте весть о себе, авось Господь приведет увидеться. Всегда Вас и Вашу семью молитвенно вспоминаю пред Престолом Господним. Шлю всем Вам благословение и целую Вас горячо. Ваш С.Б

Какой ряд могил за это время, что мы не виделись: В.В.Розанов, В.К.Иванова, Т.А.Рачинская[1924] и др. Храни Вас Бог! Вспоминаю последнюю встречу в Москве и всю Вашу любовь и дружбу в эти великие дни.

Любящий Вас протодиакон С.Б.

Пишу Вам второй уже раз.

641. М.А.Новоселов – А.С.Глинке[1925] <5.11.1921>

5 ноября 1921 г.

Дорогой Александр Сергеевич!

Как Вас Господь милует? Как устроились в семье? Тепло ли? Сытно ли? Как на душе? Мирно ли? Храни Вас всех Господь Многомилостивый!

Пересылаю Вам два письма Сергея Николаевича Булгакова. Одно из них получено мною на днях, другое – несколько ранее. Положение его в Крыму не совсем то, какое мы представляли: более, так сказать, легальное. Но живется трудно, довольно голодно. Приехать на зиму в Москву нельзя за отсутствием теплой одежды...

Не соберетесь ли Вы в наши края? Может быть на Рождество Христово? Очень бы хотелось повидаться с Вами и по душам поговорить о многом. Ну, а помысл о служении Церкви Божьей не оставляет Вас?

Епископ Феодор и митрополит Кирилл все еще в узах[1926]. На днях был у них. Слава Богу, здоровы и бодры. От Тернавцева получил 2 письма из Евпатории. Стремится в Москву из-за голода. Привет домашним Вашим. Храни Вас Господь!

Любящий Вас Михаил Новоселов.

1922 год

642. С.Н.Булгаков. "Ялтинский дневник"[1927] <5.06.1922>

5/18 июня 1922 г.

<...> Часто я думаю в последние дни об о. Павле и с болью и страхом говорю себе, что конечно, и он будет не со мною, хотя в то же время я чувствую и понимаю, что он должен быть со мною. Я так ничтожен и бессилен перед ним, так перед ним склоняюсь и пасую, что я, конечно, не мог бы вблизи его проходить свой путь. Я от него получал бы бесконечно много идей и импульсов, как это было, и из всех сил старался бы вольно или невольно, сознательно или бессознательно, – подражать ему. Теперь, на расстоянии места и времени, я, кажется, больше различаю его и себя. Он, конечно, единственный, он – чудо человеческого ума и гения, – он это знает сам о себе, и это, освобождая его от всего мелочного и суетного, дает ему силу и сознание своей сверхчеловеческой свободы. Он есть на самом деле Уберменсцх[1928], но вместе с тем и христианин, – святой. Но силы его не в его святости, не в подчинении низших сил вышним, – иначе – не мог бы быть такого калибра духовного человек, но в его железном уме и жажде познания – беспредельной... о. Павел слишком сам, иногда он изнемогает от этого богатства своего, которое не становится для него самоостью, но мешает его детской непосредственности. Он ни в чем не наивен и не детск, у него все опосредовано, прошло через сознание и волю, и в этом смысле сделано, стилизовано. Странно, но он для меня перестал быть церковным авторитетом, хотя я по-прежнему, не меньше прежнего знаю его единственность, он для меня не непогрешим в вопросах церковного сознания, как я в сущности его считал. И "Столп и утверждение истины", как я теперь ясно вижу, сделан и, действительно ведь прав Бердяев, не злобным и мелочным, завистливым тоном, но по существу есть стилизация православия[1929]. Я помню о. Павел когда-то мне писал, что он имеет свою идею православия и, действительно, в этой книге есть его собственное православие, его мысли о нем. И его православие

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. – с такой безнадежностью в смысле неразстворенности и, кажется, неразстворимости оккультизма, неоплатонизма, гностицизма, не есть историческое православие, не есть и церковное православие. Его личная, человеческая сила, уверенность сознающей себя силы отнюдь не есть еще церковная сила, как мне наивно все время казалось. О. Павел – загадка из загадок, и для себя он загадка, <может> <быть> это самый интересный человек, значительный из людей, когда-либо бывших, потому что в нем пересекается лабиринт ходов, его совет и суждение единственны и все-таки это не голос церкви, это – роковым образом свое, мудрость рядом с чудачеством, свой произвол. Я, разумеется, верю в его дружбу, он меня не оставит, ибо он верен, он так благороден, что может быть не верным, но он любит меня своим произволом, причем, конечно, не может не третировать, я это вижу, разве я ему ровня, как мой слабый Сережа не товарищ моего умного Вани, но который имеет право на существование, и каждый сам по себе. О. Павел, написавший гениально о дружбе и с распаленной ее жаждой, в сущности всегда один, как Эльбрус с снеговой вершиной, никого не видит около себя, наравне с собой. И его привязанности, "друзья" (характерно для роковой для него стилизации, что ведь и "письма к другу" тоже литературная фикция, ибо друга-то не существует, и правыте наивные, которые все разгадывали и спрашивали, кто же друг, потому что для простого человеческого чувства здесь стилизация недопустима и невозможна, а между тем она была) суть избрания иррационального произвола, почему так не понятны и удивляли: "Васенька" Гиацинтов! Я никогда не занимал такого места, скорее своим робким отношением вынудил или вымолил ответную дружбу, всегда великодушную и щедрую, но отнюдь не страстную и единственную. Да, все волевые акты избрания, озолачивания собою, своими лучами, зеркала я: и епископ Антоний, и Анна Михайловна, и старец Исидор, и... "православие" (именно в кавычках, то есть "Столпа"), и даже моя малость и эта "стилизация" роковая, безысходная, от силы, от богатства... может быть, люциферического, даимонического (в неоплатоническом смысле), от которого не дано освободиться. Около него я был бы задавлен, и мое глупое, но непосредственное и в этом смысле более подлинное церковное чувство молчало бы... Поэтому мне кажется я понимаю, почему я удален и отлучен и от него, от единственного, чтобы пережить все, что мне суждено пережить* <сноска Булгакова:> А с ним, по-видимому, чувствую это без слов и заключаю из косвенных, до меня доходящих признаков, – опять происходит рецидив того, давно уже прошедшего и погасшего, казалось, люциферического подполья, которое наглухо закрыто было, но не преодолено (ибо непреодолимо "айгцирадич", ведь сам он называл себя несчастным "Гераклитиком") сверхчеловеческим усилием воли <...>

1923 год

643. С.Н.Булгаков – А.С.Глинке[1930] <19.03.1923. Константинополь? – Н.Новгород>

Христос воскресе, милый мой Александр Сергеевич!

Не знаю, донесут ли эти строки мою любовь и сердечную память о Вас. Внешне мы благополучны, т.е. были бы, если бы все были в сборе, но с нами нет Феи[1931]. Сломала дорогой Е<лена> И<вановна> ногу, но она уже срослась. Я еду на Прагу, там буду читать лекции и служить[1932]. Пока адрес там: Тцечецословазуе. Прача. Бубенец. Чавлицкова. 36/IV, проф. Г.Вернадскы[1933], для меня. Здесь, думаю, найдется работы больше, чем хватит надорванных сил. Так что слава Богу. Но новая "проблематика" жизни, особенно церковной, обступает здесь и давит с силой неимоверной[1934]. Когда мы расставались с Вами в Москве, казалось, что я уже вступил в последнюю и окончательную стадию жизни и что будет ровный и гладкий путь до конца. В известном смысле это и верно, насколько это касается благодатного дара священства, который, хотя и не возгревал, хранишь как величайшую радость и святыню и ощущаешь как вторую природу. Но путь и здесь не оказывается гладким и исполнен новых задач и трудностей великих, пред которыми и стою. Мое позднее возвращение в Европу и стояние лицом к лицу с нею теперь, в этот момент жизни, с теми мыслями и настроениями, в которых я жил в Крыму, исполнено особой трудности и значительности. Но об этом не напишешь[1935]. Если може<те>, отзовитесь. Благословляю и <цел>ую так нежно, как только можно.

Прот<оиерей> С.Б.

Приложения

Проект программы "Христианского Братства Борьбы" [1936]

В основу всех человеческих отношений должны быть положены: Христова любовь и Христова свобода.

Идеал полной и всецелой правды людских отношений не должен полагаться только в будущее, как это делается рабочими партиями, а осуществляться теперь же, немедленно, всеми верующими во Христа. Вся правда должна теперь же быть реализована среди верующих, но верующими будут не все.

Христиане совершенно не принимают того количественного представления о прогрессе, которое господствует в современном мировоззрении, по которому благополучие и обеспеченность, являющиеся сейчас достоянием некоторых, по достижении цели станут достоянием всех, и тогда настанет Царство всеобщего благоденствия.

Христиане имеют свое представление о прогрессе, коренным образом отличающееся от мирского. Этот прогресс – качественный, идущий вглубь, а не вширь. Количественное развитие его является чем-то производным и обуславливается развитием качественным.

Реализация полной правды в жизни верующих есть необходимый момент этого христианского прогресса. Она послужит началом того окончательного разделения, той последней и неизбежной борьбы добра со злом, о которых говорится в Апокалипсисе.

Всеобщего благополучия, по глубочайшей вере христианской, на этой земленикогда не будет. Всеобщего благополучия никакой социализм дать не может, ибо никакой социализм не властен над законами природы, из которых наиболее неустранимый и беспощадный – закон смерти.

Христианство идет по пути преобразования слепых и мертвых законов природы в благодатный строй Царствия Божия, и по вере христианской "последний враг истребится – смерть" (I Кор.15,26). В пределах истории последняя цель христиан – это явление "жены, облеченной в солнце" (Откр.12,1). Церковь откроется верующим как Невеста Христова, готовящаяся к браку с Господином своим.

После этого – начало уже вечного царствования Христова на новой земле и под новыми небесами (2Петр.3,13). Это и есть окончательная, за пределы истории выходящая цель христианского прогресса.

Христианский прогресс есть прогресс богочеловеческий. Действует и Бог и человек. Человек свободно совершает работу Господню, а Господь подает ему нужную силу и указывает, что нужно делать и как. Поэтому христианский прогресс есть дело и человека. Его усилиями, его свободной сыновней работой человечество приближается к своей запредельной цели.

Пришло время сознательно послужить этому приближению. Ибо "время близко" – мы вступаем в окончательный, апокалиптический период всемирной истории. Это говорил уже Достоевский. Об этом недавно во всеуслышание сказал Вл.Соловьев, неясным предчувствием и тревогой об этом полны все движения нашего времени и вся современная литература, отражающая их.

На теперешнем поколении лежит колоссальная задача – найти конкретные пути осуществления полной правды в жизни верующих и тем самым при содействии Духа Святого положить начало концу господства зла и смерти.

Одним из безусловно необходимых путей к этому является создание христианской общественности, выработка и нахождение форм христианского общественного служения. Последнее предполагает наличность определенной и конкретной практической программы.

ПРОГРАММА

Часть общая

У всякой практической программы должен быть непременно конечный и окончательный идеал. Только он может дать цельность, последовательность и

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. единство разнородной в своих частях программе, и только он может объединить действия различных лиц, поставляя и указывая им единую цель.

Для Братства таким идеалом всех человеческих отношений (в частности, политических, общественных и экономических) является Церковь. В ней одной возможна полная реализация свободы Христовой, то есть свободы от всего внешнего и реализация полной Христовой любви. А действительное осуществление свободы любви есть полная правда человеческой жизни.

В Церкви Христовой должна быть воплощена вся полнота истины. Поэтому всякое человеческое учение, всякое человеческое действие или переживание, в котором содержится крупица истины, в Церкви должны быть превзойдены. В общественном виде, в живой наличной деятельности Церкви всегда должно быть больше, чем даже то, что справедливо намечается в самых крайних запросах и требованиях (а не в осуществленном виде) у различных направлений, партий и отдельных людей.

Поэтому, в частности, вся та правда, которая находится в представлении анархистов о государственном строе, или в представлении социалистов об экономическом – должна быть реализована в Церкви.

Всякая власть одного человека над другим, покоящаяся на чем-либо внешнем (на богатстве, происхождении, традиции, внешнем авторитете и т.д.), с христианской точки зрения, является безусловно недолжной и недопустимой, и потому в церковной жизни подлежит полному упразднению. В христианских общинах должен быть осуществлен полный идеал безвластия. Отношения между членами общин должны определяться исключительно внутренними, глубочайшими, Богом заложенными, индивидуальными свойствами и теми дарами Духа Святого, который будет излит от Бога на верующих.

Этим самым внутри общин должны уничтожаться и все темные следствия государственной жизни. Должны уничтожаться суды и тюрьмы и какое-либо участие в войне. Продолжая жить в государстве, верующие будут исполнять лишь те требования, которые не противоречат их вере, и потому они должны навсегда и безусловно отказываться от несения воинской повинности.

Управление всеми делами общины должно основываться на принципе выборности. В выборах реализуется основная черта общинной жизни – общение. Священнослужители всех степеней, выбранные в свободном согласии всех членов общины, будут находить необходимую основу для своего пастырского служения.

Богослужение в христианских общинах должно определяться непосредственным вдохновением и свободным религиозным творчеством.

Оно должно приблизиться к жизни так, чтобы жизнь верующих со всеми запросами, со всеми глубочайшими и задушевными стремлениями литургически в нем отражалась, находила бы в нем высшее освящение и оправдание. Богослужение должно проникнуться жизнью для того, чтобы вся жизнь стала молитвою.

Подлинное общение в молитвах должно повести к тому, что в церковных общинах должны ощутительно проявиться дары Духа Святого, дар чудес, дар пророчеств и живые новые откровения.

В этой атмосфере художественные силы верующих развернутся на полной свободе во всю свою ширь, и жизнь верующих облечется в новую, еще не виданную миром красоту.

Находя свое высшее выражение в общении молитв, единство и единение верующих должно осуществляться и в полном общении имуществ. Всякая частная собственность у верующих должна быть превзойдена. Внутренне от нее освободившись, верующие должны жить в полном общении, владея всем сообща.

Для полного общения необходимо:

Чтобы земля, перестав быть чьей-нибудь, стала Господней и по возможности пользование ею было предоставлено всякому, кто пожелает вложить в нее личный труд, или поработать на ней совместно с семьей или со своими товарищами.

Чтобы все прочие орудия и средства производства в виде фабрик и различных

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах промышленных, ремесленных и торговых заведений находилась в распоряжении всей общины.

Чтобы уничтожена была в среде верующих навсегда и совсем эксплуатация одними труда и рабочей силы других. Должно быть общение и в труде. Труд должен стать общим во исполнение слов Апостола: "не трудящийся, да не ест", справедливым, то есть сообразоваться с природными задатками и наличными силами всех, на кого он будет возлагаться, и религиозным, то есть для верующих труд должен быть не эмпирическим общественным занятием, а работой Господней, производимой с молитвой и религиозным одушевлением.

Чтобы все результаты совместного труда и общего труда, все продукты производства стали общими, то есть распределялись любовно и справедливо "смотря по нужде каждого" (Деян.11,45). "чтобы была равномерность" (2Кор.8,13-14).

ЧАСТЬ СПЕЦИАЛЬНАЯ

Программа церковная

Установление выборного начала при замещении всех должностных лиц в Церкви. Выборными должны быть епископы, священники, диаконы и весь причт.

Выборы должны производиться всеми верующими. Всеобщность выборов требуется свободой, ибо только при всеобщности выборов будут устранены все внешние влияния, вследствие которых ответственные должности руководителей в Церкви занимают совершенно неподходящие люди—

любовью, которая открывает, что самый последний прихожанин такой же член Церкви, и такой же сын Божий, как и все остальные.

Епископы могут избираться только из священников. Священники же, диаконы и другие лица причта выбираются из всех верующих. Причем монахи всех степеней не имеют никаких преимуществ перед другими верующими. Они избираются на совершенно равных правах со всеми.

Выборное начало должно вступать в действие постепенно, за смертью или выбытием по другим причинам священника или диакона его место занимает не назначенным, а выборным кандидатом. Что касается епископов, то все они должны быть теперь же удалены на покой, во исполнение слов Правил Апостольских: "Аще который епископ, мирских начальников употребив, через них получает епископскую в Церкви власть, да будет извержен и отлучен и отлучены будут все сообщающиеся с ним" (Правило 30). На освобождающиеся кафедры должны быть избраны общими усилиями епархиального духовенства и мирян — новые епископы из священников или монахов, проявивших себя истинными служителями Церкви Христовой (может быть переизбран и прежний епископ, если он занимал должность с честью).

В соответствии с введением выборного начала, должно быть совершенно реформировано дело духовного образования. Все существующие школы, от высших до низших, должны быть уничтожены или же превращены в светские — никакого специального отношения к подготовке пастырей не имеющие.

Для избранных священников и диаконов должны быть открыты годичные курсы, для специальной подготовки к пастырскому служению.

Необходимо немедленное уничтожение духовной цензуры и представление полной свободы всякому желающему устно или письменно проповедовать и распространять свои религиозные взгляды.

Материальная сторона обеспечения духовенства всецело переходит в руки прихода. С государством должны быть прерваны все связи, которые налагают какие-либо внешние обязательства и мешают внутренней свободе действия. Таким образом будет проведено полное отделение Церкви от Государства. Это отделение выражается:

В отказе от какого бы то ни было покровительства государственной власти. Церковь должна потребовать, чтобы были отменены все карательные законы за так называемые религиозные преступления.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
В отказе от принятия Церковью присяги у отбывавших воинскую повинность, поступающих на высшую судебную и государственную службу, а также отказ от принятия присяги в суде. Для верующих присяга излишня, ибо они и без того не могут лгать, а для неверующих она – кощунство.

В отделении школы от Церкви. Свое религиозное воспитание подрастающие поколения должны получать в храме, и воспитание это должно быть свободным, не связанным ни с каким принуждением.

Все монастырские имущества должны перейти в руки всей Церкви. При монастырях должно быть оставлено самое необходимое. Содержаться все монахи должны своим личным трудом. Эти имущества идут:

на построение новых храмов во всех местах, где это необходимо–

на обеспечение приходской общинной жизни–

оставшийся излишек – на народное образование и на дела общественной благотворительности. Кроме того, все дальнейшие пожертвования в монастыри должны передаваться всей Церкви.

Для проведения этих реформ в жизнь должен быть созван Всероссийский Церковный Собор, как из представителей духовенства, так и из представителей мирян с правом решающего голоса. Все заседания Собора должны быть открытыми для всех желающих.

Подробный отчет каждого заседания должен печататься в специальных бесплатных изданиях, которые могут получать все желающие на местах.

Серия заседаний по одному вопросу должна быть отделена от другой серии по другому вопросу некоторым промежутком времени для того, чтобы поднятые в прошлом заседании вопросы и постановления по ним могли быть обсуждены печатью.

Во все продолжение совещаний каждым желающим может быть подано заявление или мнение по поводу обсуждаемых вопросов, для рассмотрения которых избираются из состава Собора особые комиссии.

Созванию Собора должны предшествовать разнообразные подготовительные работы:

организация на местах епархиальных съездов при участии мирян с правом решающего голоса;

обсуждение всех вопросов, подлежащих рассмотрению Собора в печати и т.д.

Программа политическая

Стоя по отношению к верующим на точке зрения безусловного идеала, долженствующего быть воплощенным теперь же немедленно, Братство по отношению к неверующим или иначе верующим будет предъявлять требования в виде программы-минимума.

Эта программа, в узком смысле практическая, определяется взаимоотношением безусловных христианских норм с изменчивыми условиями данного момента и данного места, а потому и программа будет подвижной и будет принимать новые формы, в зависимости от достигнутых результатов.

Ее содержание будет определяться реальными нуждами и потребностями живущего теперь поколения, и потому Братство будет всегда стоять по отношению к находящимся вне Церкви на почве так называемой реальной политики. В данный момент эта программа такова:

В виду отсутствия в настоящее время правительства, гарантирующего выполнение назревших и неотложных нужд всей страны, – Братство считает необходимым немедленный созыв Учредительного Собрания, обладающего полнотой суверенной власти.

Выборы в Учредительное Собрание должны производиться на основах всеобщего (без различия вероисповедания, национальности и пола) равного избирательного права с прямой и тайной подачей голосов. Пропорциональное

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. представительство для обеспечения прав меньшинства.

В Учредительном Собрании Братство считает нужным отстаивать демократическую республику. Со своей точки зрения Братство мотивирует это религиозной необходимостью в корне уничтожить в народе языческое отношение к власти, к царю как помазаннику Божию. Такое отношение Братство считает одним из основных грехов русского народа и одной из главных причин паралича Церкви.

В соответствии с основной реформой государственного строя необходимы:

амнистия всех без исключения пострадавших за политические и религиозные убеждения (аграрные волнения, беспорядки в войсках и т.д.);

немедленная отмена всех ограничительных узаконений и снятие военного положения со всех мест, где оно еще сохранилось;

учреждение независимого, гласного суда, равного для всех с несменяемыми судьями, немедленная отмена смертной казни.

неприкосновенность личности, жилищ, почтовой корреспонденции, свобода совести, слова, печати, собраний, союзов, стачек, право петиций.

реформы местного и городского самоуправления на основах всеобщего избирательного права.

признание за отдельными нациями права на самоопределение.

ж) введение всеобщего бесплатного и обязательного народного образования.

Программа экономическая

Проповедуя и осуществляя среди верующих полное уничтожение частной собственности и переход к общему и любовному владению землей, орудиями и продуктами производства, Братство по отношению к неверующим предьявляет программу-минимум:

реформа всей налоговой системы в направлении развития прямых налогов за счет косвенных; установление прогрессивного подоходного и поимущественного обложения;

переход всех земель государственных, удельных, кабинетских, церковных и частновладельческих в собственность всего народа и в распоряжение демократически организованных сельских общин, территориальных союзов общин, на началах уравнительного пользования;

введение 8-часового рабочего дня и широкое развитие фабричного законодательства; установление минимума заработной платы, государственное страхование на началах самоуправления страхуемых; законодательная охрана труда во всех отраслях производства; гигиеническая обстановка труда; выборность фабричных инспекторов; профессиональная организация рабочих и участие профессиональных союзов в установлении внутреннего распорядка на фабриках и заводах.

Приложение 2.

ВОЗЗВАНИЕ К ЦЕРКВИ [1937]

Ныне, когда порвана всякая связь Царя с народом, когда самодержец, принявший вместе с помазанием от Церкви обязанность служить народу, окончательно сию обязанность нарушил, когда не услышан им голос народа, требовавший ближайшего участия в правлении как единственного спасения России от неминуемой гибели, когда все обещания правительства оказываются обманом, так что все, что делается им, тот час же отнимается, когда власть самодержавная поддерживается лишь диким и грубым военным насилием и попранием всех законов, Божеских и человеческих, когда предстоит такая кровавая смута, о коей и помыслить страшно.

Ныне мы, собравшиеся в Петербурге в открытом собрании, объединенные священники и миряне, признаем самодержавное правительство отступившим от духа Христова, духа любви и свободы и, следовательно, навсегда лишившимся

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах благославления Церкви Православной.

Мы взываем к Истинной, Святой, Соборной, Апостольской Церкви, да возвысит она свой голос в голосе своих верховных святителей, пастырей, учителей и всех христиан православных, да произнесет безболезненно перед лицом всей России свой суд над самодержавием как над врагом Церкви и народа. Да благословит всех русских людей на великий и святой подвиг освобождения, на мученическое пролитие не чужой, а своей крови за великое дело свободы народной.

Молимся Тебе, Господи, освободи землю русскую от ига рабства духовного и телесного. Веруем, что никто, кроме Тебя, Бога любви, не сможет сделать нас свободными по слову Твоему: "Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете"[1938] и послону Твоего ученика: "Вы куплены дорогой ценой, не делайтесь рабами человеков"[1939].

Власть только от Бога, насилие от дьявола, рабство от дьявола.

Дабы Церковь действительно могла встать на сей подвиг освобождения вместе со всем русским народом, мы считаем должным и нужным следующее:

Прекратить в храмах возношение молитв за Царя и Царствующий дом. Возносить молитву за освобождение народа.

Как лицам духовным, так и мирянам проповедовать против той кровавой смуты, которая поддерживается самодержавным правительством.

Разрешить войско от присяги Царю.

Посылать к властям и начальствам представителей Церкви вместе с мирянами для предотвращения насилий и кровопролитий.

Объявить Синод лишенным канонических прав. Немедленно созвать собор, который явился бы истинным полномочным представителем Церкви перед народом.

Это решение настоящего собрания распространяется по всем Духовным Академиям, Семинариям и приходам. По всем другим городам устроить точно такие же собрания, дабы они присоединились к сему решению.

Не бойся, малое стадо!

Со Христом к свободе!

Аминь!

Приложение 3.

Философско-юридический кружок

Темы некоторых докладов и рефератов, прочитанных в 1907–09 гг.[1940]

Темы первых четырех заседаний не выяснены.

5 заседание:	Воскресенье.	Савицкий	реферат на тему:
		Неокантианская философия и Марбургская школа	
6 заседание:	Воскресенье.	Б.П.Вышеславцев	доклад на тему:
		Философское обоснование прав большинства	
7 заседание:	Четверг.	Д.В.Викторов	доклад на тему:
		Об эмпириокритицизме	
8 заседание:	Среда.	С.Л.Франк	доклад на тему:
		О прагматизме	
9 заседание:	Четверг.	А.И.Топорков	доклад на тему:
		Индивидуализм и соборность	
/?/ заседание:	Суббота.	Д.С.Мережковский	доклад на тему:
		Борьба за догмат	
/?/ заседание:	Пятница.	С.В.Лурье	доклад на тему:
		О гетерогенности искусств	
/?/заседание:	Суббота.	С.О.Гессен	доклад на тему:
		Понятие реальности и ценности в философии Риккерта	

Приложение 4

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Предисловие к "Сборнику первому. О Владимире Соловьеве"

От издательства "Путь"

Русское самосознание находится в периоде затяжного кризиса, который, повидимому, не ограничится одним нашим поколением. Старые устои жизни и традиционные формы самосознания разбиты или же разбиваются на наших глазах историей, а новое только зарождается в мучительной борьбе и проходит через начальную стадию своего развития.

В такую критическую, но вместе с тем, творческую эпоху, когда закладывается фундамент нашего будущего, с совершенно исключительной остротой поднимается в душе загадка России. Что такое Россия, в чем ее святыня и задача?

Перед нами ставится вопрос не об одних только внешних судьбах России, не об одном только ее государственном бытии и экономическом благосостоянии, но обо всем ее духовном облике, о ее призвании и значении в мировой истории. Предоставляя себе отвечать на эти вопросы в ряде последующих изданий, книгоиздательство Путь однако ставит вне вопроса и сомнения общую религиозную задачу России и ее призвание послужить в мысли и в жизни всестороннему осуществлению вселенского христианского идеала.

В таких мыслях и чувствах приступая к своему делу, оно желает в меру сил и возможности послужить углублению русского самосознания. Нашему поколению предстоит заново ориентироваться в своем прошлом и настоящем, пересмотреть свое идейное наследие и сознательно отнестись к основным явлениям духовной жизни современности. Этими задачами определяется план деятельности издательства Путь. Во-первых, оно имеет в виду знакомит русского читателя с позабытыми и мало или недостаточно известными русскими мыслителями, служившими религиозной русской идее. В этих видах оно предпринимает переиздание сочинений некоторых писателей (так уже изданы сочинения И.В.Киреевского, предполагается издание сочинений Чаадаева и др.), а также подготавливает серию монографий "Русские мыслители", в которых даны будут духовные портреты крупнейших представителей русской религиозной мысли и русского самосознания.

Во-вторых, в издании Пути будут выходить произведения современных русских авторов, посвященные религиозным и философским вопросам и соответствующие по своему содержанию и направлению намеченным задачам. Этими же соображениями определяется выбор и переводных произведений.

В-третьих, издательство предполагает непериодически выпускать сборники статей разных авторов на определенные темы, которые представляются ему очередными или же наиболее важными. Кроме настоящего, в этом году будет выпущен (осенью) сборник о религии Льва Толстого. В дальнейших сборниках предполагается касаться важнейших явлений религиозной и философской мысли на Западе, в частности новейших течений в современном католицизме и протестантизме, основных направлений современной философской мысли (преимущественно немецкой) в области гносеологии, метафизики, этики, эстетики. Наряду с этим издательство имеет посвящать подобные же сборники и различным сторонам духовной жизни России. Центральное место естественно принадлежит здесь теме, которая по времени разработки может оказаться последней, но по значению в глазах издательства является первой: о православии и об его отношении к современности.

Настоящий, первый, сборник издательства Путь посвящен Влад. Соловьеву и представляет собой десятилетние поминки о нем. Он составился преимущественно из речей и рефератов, читанных в торжественных заседаниях двух московских обществ – Психологического и Религиозно-философского и посвященных памяти Вл. С. Соловьева.

Приложение 5.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА В. Ф. ЭРНА [1941]

<1913–1914 ?>

Выписки и заметки

Время и пространство.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
"В наше время!" Что такое наше время? Его время – вовсе не мое время, быть может... Он живет вчерашней остывшей новизной, которая по закону инерции еще действует нынче, и будет участвовать завтра, все расширяясь и расширяясь, но и слабея вместе с тем, "Мое время не его эпоха..."

К.Леонтьев. Отшельничество, монастырь, мир.

Серг<иев> посад. 1913, стр.39. р>

Отрывки хилиастического мифа

Новое время захотело овладеть Природой. Выведать ее "секреты", насильственно их раскрыть принудительными методами исследования, и затем утилизировать природные силы. Природа взяла и скрылась спрятала лицо свое, ушла и свернулась в недрах своих. Получился новый зон. Человек всей силою своей бесконечности стал против природы. Природа всей силой своей бесконечности стала против человека. Ключ направился против замка, оборотившись рукояткой, замок замкнулся против ключа, оборотившись к его рукоятке непроницаемой спиной. Новое естествознания непрерывная попытка взлома замка негодными средствами. Кроме порчи лицевой стороны замкового зада ничего не происходит. Оккультизм продолжая традиции естествознания направился к тому же задку и тоже "задом". Только вместо миллиметровых царапин на бесконечно большом теле запечатленного "замка" Природы, он проводит царапины в два миллиметра. Вот и все. Положение не изменяется.

Одна бесконечность уперлась в бесконечность другую. Вольга Святославич, вцепившись в "суму переметную", в тайную точку скрытой земной силы, – вращается в землю, и больше ничего. Также вращается в землю, в "персть", в ничтожество земной суеты, в макулатуру земного комфорта-оков новое человечество. "Нет! Силой не поднять покровов седых небес". Сила одна против силы другой – дает взаимное их обессиливание, бесплодная динамика напряжения недолжно направленного оборачивается по законам мировой иронии безжизненной статикой стояния на пустом месте. Современная материальная цивилизация может сказать вместе с Прустовской курицей: "Я несусь сидя". Или как командовал один ротмистр: Карьером потихоньку". Или еще лучше: "Карьером ни с места".

Запечатленность природы, спящей красавицы "пани Катерины" космической подвенечного одеяния Человека – может раскрыться лишь через распечатление сил самого человека, человеческой его бесконечности. Два момента: покаянный, катартический, – совлечение нищенских рубищ из грубой рационалистической нового время (времени?), выхождение из ложных и грязных самодельных покровов, измышленных от бедствия и от скудости и в ту эпоху, когда человечество в своих блудных путях (неразб.) от Отца, дошло до питания одной пищей со свиньями; – и момент второй – дифирамбический, творческий, распадающийся в свою очередь а) на отыскание космических брачных одежд уготованных в предвечном Отцом б) на облечение в них.

Тот (неразб.), фрагменты коего я хочу рассказать ниже, относятся к начальному периоду момента второго. Как ни были они фантастичны по форме, как бы не искажались ограниченностью и скудостью моего постижения – я чувствую, что в основе своей они и где-то соприкасаются с высшей реальностью грядущего, которая, конечно, безгранично больше, чем все гадания о ней – безмерно превосходит все бледные, чахлые предчувствия.

Основа моей веры проста. Бессилие нашего Зона – во взаимонаправленности двух бесконечных сил, как по своей вечной идее едины и созданы друг для друга также, как хор и трагедия, как слово и смысл. Между тем, если силы из вражды перейдут в согласие, из состояния взаимного нейтрализования – в состояние потенцирования – если эхо закрытости и Исаяи (?), которым ответила Природа на нищету нового человечества, сменится дифирамбическим эхом Пороса и открытости, – это не может не произойти, ибо из глубин человеческого сердца уже нарастает радостный крик ребенка, узнающего в спящей красавице свою мать., – радостный крик жениха, узнающего свою суженную, радостный крик невесты, узнающей свою предвечно замышленную Славу, и Отец вместо просимого хлеба не может дать камня, тогда все существенно должно измениться, наступит новый веселый Зон, перед окончательной жатвой.

Что ясновидит? Тоска и стелание сердца. Что пророчит и чуёт? Узы, тюрьма. Сердцу становится тесно в добровольных самодельных оковах того Зона. Бьется

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. оно как поток под ледниковой корой, сбегает навстречу невидимому Солнцу, которое вышними лучами на помощь идет и незнание, темное, пророческое и радостное влечет к себе. Видит тоска свою бедность, стыдится своей наготы, бьется головой о стены тюрьмы. Тяжело дышать от эфирного Наливаются корни во тьме и крепнут. Тесно, тесно сердцу. Значит, весна. И не значит, весна, а уже весна, в корнях весна, в темных недрах весна. Это сердце во тьме зацветает и горит и пророчит.

Я не знаю, в каком году, – знаю, что с наступлением нового Эона случилось невероятное. Мой фантастический интеллект, который все шпионит за сердцем и подслушивает его безумные вздохи и прозрения, так рассказал мне об этом событии.

Началось все с катастрофы, ужасающей катастрофы. Впрочем нужно сказать несколько слов о том, что было до катастрофы. Все человечество было объято одной грандиозной войной. Такой войны еще не видел мир. Немцы, побитые в прошлой войне и подписавшие мир на самых постыдных условиях, придумали адский замысел. Они прикинулись примирившимися и вернулись к своим конторкам и прилавкам, огромное количество безработных расплодилось по всем странам и подняли стальное дело на недосягаемую высоту. Профессора и пасторы писали книги об ошибках Вильгельма и Бисмарка, призывали к мирному труду..., а впрочем, мне нужно рассказывать быстрее, это лишь пролог.

Дело в том, что под землей они организовали колоссальные заводы вооружений. Они наводнили Китай, захватили в свои руки все нити внутренней жизни. И, самое главное, мыслью внутренне покорили сердца всех китайцев. У них явился гениальный философ, который привел в окончательную систему философию Канта и доказал с помощью последней на пекинском конгрессе всех китайских ученых абсолютное тождество вечного зерна китаизма с вечным зерном философии Канта. Огромным большинством голосов на этом своеобразном вселенском собрании было формально и торжественно исповедано это единство. Несогласное меньшинство на другой же день все плыло с распоротыми животами по Яньдзы-Дзамчу и в тот же день обнаружилось никем не предвиденные результаты тайной германской пропаганды. К вечеру уже весь Китай был мобилизован. Сорок миллионов войск двинулись по 200 колеям железных дорог в Индию. Из под земли выросли колоссальные склады оружия и припасов. По всему миру разносилось весть о том, что Китай начал поход против Индии, что Германия и Китай соединены подземной четырехколейной дорогой, что в Германии одновременно с быстротой молнии прошла мобилизация и из подземных складов появилось огромное количество артиллерии, аэропланов, подводных лодок. На другой день стало известно, что китайцы вторглись в Индию, не встречая на своем пути никаких препятствий, а в Германии на все границы было оставлено четыре миллиона своих войск и два миллиона китайских. Когда бросились уничтожить подземную артиллерию (?) было поздно. Весь мир объединился в один союз против Германии и Китая и через два дня мобилизовались почти все государства мира. Америка, испугавшись, пошла рука об руку с Англией. Но события неслись с головокружительной быстротой. К концу первого месяца китайская бронированная лавина, сметая перед собой всякое сопротивление, подошла к Русскому Царьграду, к которому с другой стороны подошли миллионные полчища германо-китайцев. Произошло их соединение, и св. София была превращена в буддийскую пагоду. В это же самое время шесть тысяч подводных лодок потопили в один день весь британский флот, и немцы вступили уже победителями в Лондон. Англичан избивали поголовно, оставляли только молодых женщин для производства новой расы людей задуманных по способу старика Штейнера, усовершенствованному китайскими оккультистами. Немецко-китайским сюрпризом в этой войне был особый "оккультический истребитель" и еще "гипнотический дистурбатор". Сущность первого заключалась в том, что он был невидим и им управляли на расстоянии одной лишь силой концентрированной воли 13 особо воспитанных оккультистов, зачатых при помощи оккультических пассов, во всю жизнь свою не вкусивших ни разу ни мяса ни вина. Сущность второго была гораздо проще, и им заведовали простые ученые, прошедшие высшую школу экспериментальной психологии. Если первый действовал совершенно убийственно, мгновенно превращая в остолбенелые трупы все, что попадалось по пути его невидимых разрядов, охватывавших район, в 60 – 65 верст, то второй посылал лишь гипнотические волны, вносящие заметное расстройство как в организацию борьбы, так особенно подавляюще действовал на психику, вызывая массовые самоубийства и помешательства. Все эти условия вместе взятые делали борьбу невозможной и исход ее заранее предрешенным. Тем не менее борьба все же шла во первых потому, что оккультических истребителей на всю китайско-германскую армию

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. таинственно и тесно с полом. Зачатки древнейшей комедии в фаллической исступленности. Шутки, маски, "козлогласие", дикие прыжки и ревы, все это исступление пола, побчные его манифестации, буйная игра его сил. Этот смех имеет два аспекта: аспект бесформенно-стихийный и аспект оформленный и некою силой направленный. В первом случае смех плавит и уничтожает все застывшие формы жизни путем безмерного преувеличения их. Всякая мелочь становится безобразной и отвратительно смешной. Волны этого смеха подмывают тонкую кору установившейся жизни, врываются какими-то (?) вулканами и этим мгновенно в исступлении освобождающего смеха, сдирают безобразные покровы мелочных форм, не соответствующих глубинам жизни, их духовно уничтожают и тем содействуют катартическому процессу. Нас не должно удивлять, что таинства Диониса привели не только к установлению трагических действий, но и действ комедийных, несомненно имевших религиозный, т. е. глубокий и внутренне серьезный характер.

Второй аспект есть тот же смех, но в низшей реакционной потенции. В нем не текущий экстаз смеха, а ниспадающая любовь к смехотворным формам пережитого ранее или пережитого другими экстаза. Экстаз смеха может родить дикое козлование, но это козлование переживается изнутри, как экстаз, как отсутствие формы, как акт. Во втором жес аспекте прилепляются к сменяющимся внешним формам козлования, их синематографически разбивают на застывшие моменты, и начинают любить искусственное движение застывших и умерших моментов, прилепляясь к самой маске, а не к тому состоянию, которое заставляет надеть маску. Здесь несомненная убыль душевной энергии. Смеющийся становится зрителем смеха, а его создатель режиссером, ни тот ни другой не его участники. Отсюда правильно, что адский смех – смех бесконечно холодный. Бесы могут надевать все маски смеха, и других смешить этими масками, но сами смеяться, сами участвовать (. . . ? .) в смехе не могут. Этот второй аспект, через заражение и поражающее подражание содержит в себе целую лестницу возможностей приближения к холоду бесовского смеха, т. е. к глубинам греха и падения. Одна из обычных и легких форм этого второго аспекта – "клозетное" остроумие, к которому имели склонность Вл. Соловьев и кн. С. Трубецкой. Неприличные слова, не содержащие в себе никаких энергий, смеха, являются удобными словесными масками для холодного, не экстатического, не дифирамбического смеха.

Этих видов можно было бы установить еще несколько. При желании можно виды разбить на подвиды. Но все они будут принадлежать к одному роду. Есть же и иной вид смеха, разбивающийся на виды и подвиды. Различие между родами смеха отмечается твердо и определенно. Первый род смеха характеризует субъекта, на низших ступенях выражаясь в терминах физиологических, на высших – экстатических. Самая высшая точка этого смеха есть выхождение из субъекта, но не вхождение в объект, самозабвение, но не слияние с другим и потому в нем лишь подхождение к корню "всяческих" т. е. к точке тождества субъекта и объекта, но ни в каком случае не ее нахождение.

Второй же род смеха объективен. Он рождается из вникания в объект, из соприкосновения с предметными линиями объективной действительности. Сущность вещи расходится с ее эмпирическим бытием. Переплетение судеб различных сущностей дает как бы две линии: – одну умопостигаемую, невидимую, другую эмпирическую, всеми видимую. Так как сущность есть то, чем вещь внутренне жива и держится и так как она поэтому в пределах понятия каждой вещи или группы их неуничтожима, то поэтому всякая вещь своим эмпирическим бытием обличает себя самою, иронизирует над собой и вызывает объективный смех о себе. Ирония есть понятие не только субъективное, но и объективное, разлитое в природе и есть некое слово реальных вещей о самих себе. Ирония не есть только состояние человеческой мысли, рождающейся из "установки" сознания, из угла зрения, из неожиданного и "ехидного" поворота умственного зрения.

Философский смех рождается из созерцания несходящихся и враждующих линий эмпирической идеальной действительности (реалиа и реалиера). Это созерцание, мгновенное, интуитивное, распространено гораздо больше чем думают и свойственно очень многим людям, даже самым малым и незаметным. У философов "....." и этот смех почти всегда отсутствует...

Анекдотисты всегда носители масок смеха. Их одушевление – одушевление режиссеров. Они подстраивают смех содержащимися в их памяти готовыми стереотипами смеха и испытывают не смех, а томительное отсутствие растворения и экстаза. Даже после большой удачи у них душа остается пустой и не "очищенной".

В словах Гоголя о смехе, как о единственном честном лице в "Ревизоре" есть намек на смех объективности, на тот, который смеется в вещах и сам себя манифестирует в обыкновенном ходе рассказа или действия. Но к сожалению смех Гоголя так, как он выразился в художественных его творениях почти никогда не поднимается до объективности. Он либо живописец смеха чужого и так сказать искусный воспроизводитель его (в ранних произведениях) либо создатель масок скорее трагических, чем комических. Трагедия Гоголя, что он не мог засмеяться своим смехом, приобщиться ему не(?) мог воспроизвести не чужой субъективный смех, а смех и иронию самих вещей.

Первоучитель философского смеха и философской иронии Сократ, а лучший литературный выразитель Платон. И это оттого, что оба они и эротики. Проявляя иронию и Эрос нераздельны. Эрос сознание над привычным с делением причин и следствий, над тем, что лишь кажется неизбежным и в неизбежности разумным. Помещая в центр сущности Эрос обнажает и уродливость и недолжность (?) и смехотворность эмпирических вещей. Поэтому у Сократа и Платона упоение сущностью – ирония над всей эмпирией больного, мнящего себя здоровым бытия.

Посему возможно совершенно особая тема: ироника любви т. е. расшифрование скрытого смеха проникающего и всю феноменологию человеческой эротики (жесты, слова, мимика и схема всяческих "романов"). Иронические типы всяческих мужчин и женщин с эротической точки зрения.

Сегодня я видел барышню милую, нарядно одетую с довольно живыми глазами. Шляпа обрамлявшая ее лицо старомодной линией вдруг оформила одну старую мою мысль. Таких барышень сотни и даже тысячи. Они ходят теперь с тем же видом и с той же средней и серединной энергией жизни, как ходили десятки и сотни лет тому назад. В этой линии гармонизировавшей с общим видом какой-то средней свежести, средней молодости, средних красот, средних желаний и среднего ума идеально обрисовалась какая-то замкнутость и ограниченность, оторванность от родимых глубин. Точно дерево в небольшой кадке. Все на месте, но нет связи с живой землей и потому ограниченное количество живых возможностей, отсутствие беспредельности. Отсутствие таящихся неожиданностей.

Ужас женщин, в которых не дышет уже беспредельность, в отрыве от общих условий космической жизни. Тайна и таинства жизни вселенской совершается вне их: над ними, под ними, около них, но не в них. Они за тонкой стеклянной перегородочкой в теплице, в комнате дома тогда, когда над ними настоящее небо, даже когда они в поле, в лесу.

Буржуазная жизнь последних веков со своей моралью организовала массовое производство этих принадлежностей буржуазного быта. Мягкая мебель, цветы, комфорт и эта дистиллированная, денатурированная женщина – это одна цепь, одно сплошное явление безобразного человеческого существования.

Милый М<ихаил> Осипович>а[1942] ревнует свою жену к ее брату, которого она обожает[1943]. "Он не может допустить, что бы он был не все для М.Б." А сам "млеет в присутствии Л<идии> Юдифовны>"[1944]. И так все мы, все ревнивцы.

В ревности нашей (не Божьей) всегда слабость – всегда она от бессилия. Хочется быть всем для "нее" – или для "него", а быть всем не можешь. И вот тут начинаются муки от бессилия с одной стороны в самых разных видах, от чуть заметного сжатия сердца до перебоев сердечных – и всяческая тирания с другой – от мелких "деспотических" жестокостей словесных и до столько же мелочных деспотических запретительных действий.

Не худо, а хорошо, божественно хорошо стремиться быть всем для нее или для него (быть всем – понятие не столько количественное, но и качественное – оно количественно достигается во все полные моменты любви). В этом стремлении – наличность высшей сверх-эмпирической функции и может быть слегка "сверх-разумной"). Но в ревности лишь первый импульс имеет идеальное оправдание. Все же течение чувства в высокой степени низменно, отвратительно исофистично. "Я вижу, что я не все для нее." Сердце сжимается и болит. Первый разумный вывод: Я не все для нее потому, что я не все сам в себе. Я сам отъединен от мирового бытия, не всецело и не во всем с ним связан. Она, интересуясь еще и другим, права. Закрывать же для нее все я не имею права, ибо не прав в своем ревнивом движении, поскольку я хотел бы быть всем для нее. Значит жало ревности подымаясь в сердце должно направляться прежде всего против меня самого, пробуждая мою всецелость,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках, вызывая меня самого из установившихся тесных границ моего личного бытия.

Сущность "набобства" заключается в том, что ревнивое движение, быть может бессознательно правое в своей исходной точке, развивается дальше сплошь по уродливым, софистическим путям житейской психологии. "Набоб" это как бы материализованный и определенный семейными условиями софист. Ему хорошо и удобно в данных условиях своей жизни. Он не разбирает данности этой, но ищет оправдания ей в истине безусловной. Он берет ее обособленно, так как сформировалась она предоставляя ему всякого рода подходящие условия, своего рода комфорт. Господин исходит из факта своего обладания рабом, наездник из факта сидения своего на лошади, а софист вообще из факта своих материальных и "душевных", вернее, психологических потребностей и из фактического своего умения и сноровки их удовлетворять. "Фуррор цроицус – канщн обтянутый кожей барабан. Патетика как отвлеченное начало. Барочность или порочность отвлеченной патетики. Жест как необходимый исход патетики. Жест определенная совокупность подвижных линий, музыкальный аккорд пространственной динамики.

Похороны большого человека. Как вынули невидимую сердцевину и вставили канщн, обтянутый книжным пергаментом

(конец записи)

Сфера филии – эфир. В духе и в теле любовь единый акт, единое событие. Единство и цельность коррелятивны тут. Энтелехия тела – душа, энтелехия души – дух. Отсюда единство, отсюда единственность. В любовь полную входит и эфир. Но эфир ее не исчерпывается, как не исчерпывается и дух. Эфир, как живое явление второго пространства, чаемого ... и лишь предчувствуемого, абсолютно пронизывает и не имеет замыкающих, преграждающих измерений. Потому в нем ничто не может быть вытесняемо ничем, никто не может отодвигаться или заслоняться никем другим.

Эфир обладает абсолютной емкостью, абсолютной вместительностью, но ничто кроме эфира и эфирного не может в него войти. Отсюда един муж у жены и единая жена у мужа, ибо соединяясь в теле и в духе, соединяются они во всей судьбе своей, во всей полноте своей. Не все находят это единство, но все ищут его. Если оно и не осуществляется часто (абсолютно лишь в отношении Церкви и Христа), то осуществимо и реализуемо и есть не норма, а тонус (?) брака. Отсюда же множественность филии, т.е. круг филий естественно лишь соприкасается с кругом брака и может обнимать много лиц, по крайней мере несколько.

Омкость или вместительность эфира есть некоторый просвет в условия нового существования, <nrзб>/i> Это отсветы того благодатного, безграничного строя и фрагменты эдемского.

Эфир или особое вложение света, один из постоянных его модусов, вернее одна из вечных его ипостасей.

Кака свет, эфир имеет два основных явления – физическое и метафизическое. Как сотворенный, он одна из глубоких черт, часто скрытых и нелегко обнаруживаемых, космического бытия. Как несотворенный – он черта жизни внутри божественности, божественная телесность, материя в ее идее. Все споры о сотворенности и сверхсотворенности света (Фаворского например и интеллектуального) имеют прямое соотношение с тварностью и растворенностью эфира.

Как после яркого света тяжело погружение во тьму и главное в этой относительной тьме видишь хуже, чем те, кто на свет из нее не выходил – так тягостно терять чувство эфира и лишиться способности эфирного зрения. Воспоминания о сладостных видениях, которые уже больше не видятся – томишься и изнываешь и мир становится запечатанной книгой, которую уже не умеешь читать и все чувства без эфирного питания попадают точно в тюрьму в горькое заключение.

Средства: молитва, помощь свыше. Эфирное зрение есть непрерывный акт, усилие, перешедшее в тонус, воля которая горит. Горение есто и парение – нельзя парить телом тяжелым в атмосфере не затрачивая постоянно энергии. Поэтому чувство эфира состояние полета т.е. душевной динамики, а не статики. Молитва становится постоянным моментом душевной жизни, коснувшейся эфира, и только в ней те крылья, взмахами коих можно преодолеть тяжесть

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневной записной книжке. Молитва и эфир – неразрывны, как неразрывны крылья в лете.

По Ар<истотелю> женщина пассивна, мужчина активен. Это очень обще и неопределенно. Даже в низших половых моментах, оба захватываются чем-то в них не находящимся сложно оба полу-пассивны и полу-активны. В высших же планах распределения активности свности совсем сложное. Женщина часто носительница высших откровений. Есть и>активность усвоения, рецептивности, активность приятия. Чистота сосуда, прозрачность среды – это подвиг и жертва. Мужчина же активен и своим тайным волнением и алканием вызывает его, но и он получаясь от женщины и часто спасаясь через нее <нрзб> – является восприемником наполненного сосуда, т.е. восприемником восприятия. Так что активны и пассивны оба начала, мужское и женское, но в разных моментах и в разных отношениях.

Идет по тротуару прихрамывая герой в серой шинели с Георгием на груди, брюки навывпуск, в туфлях. За ним плетется баба. О чем они говорят? Слушаю. "Чай, значит, дают, одежду, обед?.." что-то необыкновенно материальное, земное. Иду дальше, группа интеллигентов "Товарищи, это никак нельзя. Это вопрос принципиальный!..." Эти серые, темные, материальные как святыню несут свою веру в высший, идеальный религиозный смысл жизни. А эти возвышенные "принципиальники", просвещенные охотно признают Маркса и примат экономики над всеми сторонами духовной жизни.

Мир (т.е. вся наличность космического бытия физического и психического) ровно настолько вечен, насколько он проникается эфирностью. Граница эфира есть граница того, что от Бога, от высших (?) и что самым фактом приятия эфира уже спасается, отмечаясь в мировой Душе нетленными чертами негибнущей памяти. То, что облеклось в эфир, что тем самым поднялось над тлением и приобрело бессмертие. Все, что ниже – это только материя и потенция вечности, но отнюдь не сама она. Все, что дышет живет всегда проникнуто возможностью просветиться эфиром потому спасаемо. В частности человек до последнего смертного момента всегда может войти в эфир. А за мир в целом – до страшного суда.

Суд отделит солому от золота, и золото все, что облеклось эфиром, солома же все, что недоплеснулось до него, не поднялось до его Страшно, как мало в душе эфира. Все уходит, течет, исчезает, все волнения и страсти – бесплодно. Так мало действительно претворенных мгновений. Иногда они сверкнут, нет им продолжения. Они прерывны. Жизнь своим <нрзб>/i> течением обходит высокие подъемы и они торчат островами возможно лишь ожерелье из этих мигнов, иррациональная и тайная их сокровищница, а всю реку вопреки законам земного тяготения (земной отяжеленности) заставить течь вверх (?) претвориться . . . – силу имеют только святые.

Общение в эфире – есть внутренний расцвет самого момента вхождения в эфир – вхождение в свою энтелехийность. Поэтому эфир – всегда высшая форма активности, достигшей плавности парения.

Есть эфир действия и эфирное действие и в поступках и в жизни лишь то унаследует вечность, что пронизалось эфиром, что было эфиром.

Как эфир есть явление света воплощенного – претворение пронизанной (светом?) плоти явления (физического и душевного все равно) так улыбка и взгляд суть , ступени нисхождения света в материю и подъем материи к вечности, поэтому улыбка и взгляд – есть потенцированная энтропия эфира.

Улыбка есть чудесный фантом эфира столь же разнообразны – как разнообразны виды источников бьющей воды. Есть улыбки – колодцы, есть улыбки лесные ключи, есть улыбки гармонически сочетающие культуру ума и сердца с первоначальной действительностью лучащегося эфира, как фонтаны итальянских мастеров – разбросанные по всей Италии.

Смех без улыбки т.е. без проникающего его эфира может вырождаться в дикое безобразие и тогда остается лишь труп смеха, зловонный и гниющий, ибо Психея его давно отошла от него. Смех воинов над Христом – это танец трупов вокруг Начальника Жизни.

Смех постольку здоров и ценен поскольку тело его одушевляется Психеей – улыбкой. Поэтому смех пограничная область где бунтующий хаос рвется овладеть организованным планом душевной жизни, накопленными кристаллами и

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. лишь игра небесной лазури на его расхолодившихся волнах, красота борющегося с ним эфира дает ему оправдание и может увековечивать его в нетленной памяти высшего Сознания.

Сказать недостаточно: "Эфир, эфир" и вдруг он начнет гаснуть в душе и исчезать.

"Астрал" – это плоть души. Эфир же дух тела. Когда я сказал Вячеславу, Вячеслав сказал: это совершенно точно.

Кант со своим догматизмом как и все скептики похож на человека, который в кубышке в тайне от всех держит известную толику "знаков денежной оплаты", а сам убеждает всех, что ассигнации потеряли всякую ценность.

Храм есть тело литургии. Литургия душа храма. Литургия есть приобщение Славе, таинственное касание Ее.

Данность и дарность. Ошибка трансцендентального типографа. Замена в печатающихся книгах целого ряда народностей буквы Н – буквой Р. Смысл этих двух букв. Н-н-н – носовой звук – глухой, слитный, сливающий сущее с существующим, снимающий границу с Ты, обобщающий я с объектом в отвлеченности в концепте, мычание, стон, немота, афазия, От нарушения взаимодействия т.е. отношение уничтожения двух объединяющихся через третье, т.е. сведение троичности к единству неопределенности, конкрет и гармонически сопряженной жизни – пустою абстракцию.

– мохнатость, определенность, волнистость, т.е. чередование себя и другого, высшего и низшего – актуальное переходение границы, но не снятие ее. Синтез двух в третьем через динамику движения, эротическое соединение. Р-р-р как конкрет, воркование – дарность т.е. соединение Р. и Н. – предела и (греческ.), глубины и лица – основы и проявления, я и Ты. р>Данность – концепт. Дарность идея.

Философия данности и трансцендентализм барабан пустоты обтянутой понятиями. Философия дарности или дара – через благодарность стремится к Дарящему. Дар от Него – благодарность к Нему. Первое нисхождение – второе восхождение. Два цикла. Творение как энтелехия дара, как дар в идее, в пределе. Новый свет падает на христианский креационизм. Дар как Слова и благодарность как прославление, воспевание, дифирамб. Сущность творения – дара в , в лике. Лик в глазах – глаза в зрачке. Встреча взгляда как высочайшая форма постижения как живое явление божественной полноты. "Мышление" утомляет. Дискурсия подвластна круговороту природных сил. Кто работает много мысля, тот должен возмещать мозговую потерю. Т.е. прежде всего много есть. Тип современного ученого физически взятый с грузностью, с черепом занимающим центральное и всеопределяющее место – тем типом мысли, который устанавливается в новое время. Можно как из основного сдвига в самоопределении разума, нарождается новый антропологический тип и, разнобразясь по местам и народностям, – тем не менее имеет некоторые общие черты: общую ориентацию на возмещение сильных потерь мозговой работы. Общее размягчение организма. Соответствующий быт. Это в чисто дарвиновском духе. Но внешнее связано с внутренним. "Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным." Явь рационализма мы созерцаем ежедневно в лицах, в немощах, малокровии, в неврастении, во всей внешней феноменологии интеллигентской жизни. Ибо интеллигент это средний промежуточный тип между ученым и природным человеком. – Напротив созерцание питает. То, что мы созерцаем не только не берет никакой энергии, но наоборот наполняет нас новыми силами. Созерцание низшее ставит нас в связь с круговоротом космической жизни, – и оно обновляет кровь свежит воздух. Легкие нашей души путем созерцания выходят из душевных пределов дискурсии, т.е. человеческих "комнат" – и дышат вольным эфиром Вселенной и мысль постигая бесконечно много не задает работы мозгу. Наш психологический организм не только ничего не теряет при этом, но наоборот принимает дары и внутри себя обогащается. Оттого так отдохновенна и блаженна созерцательная мысль – с легкостью делающая чудеса постижений – и так изнурительна, подневольна и мрачна мысльдискурсивная, и "ученая" и при малых(?) ничтожных результатах часто сводит людей в могилу, доводя до полного истощения сил.

Это еще заметнее на высших ступенях созерцания – религиозного. Подвижники достигающие высших пределов постижения и видения довольствуются куском хлеба в неделю. Тут уже явная "амброзия и нектар". – Это уже область очевидной Хариты – и дара свыше!

Что такое пустыня? Это те пространства земли, которые не идут навстречу солнцу, не принимают его даров, не хотят встать и раскрыть ему свое лоно. Из замкнутости бесплодие. На бесплодии проклятие. Дары вместо благословения жалют. Солнце в пустыне –ный мститель. Но мстит оно только лучами, т.е. дарами и каждую секунду мстительный луч может обратиться в высочайшую радость если сумеет принять его, если вынести навстречу ему "хлеб и соль". И так пустыня – это пассивность, отказ от взаимодействия, от брака. И пустыня расцветает если сын земли – человек – поправляет ошибку матери. "Малый" расцвет если человек подымает пустыню до уровня обычной природы – проводя каналы и т.п. Великий расцвет – если в пустыне человек насаждает сверхприроду т.е. вступает во взаимодействие с лучами. Но тогда начинает в ней цвести "фиваида" и возрастают нетленные пальмы Царствия Божия свв.
.....

Сущность дискурсии та же, что сущность пустыни – это отказ от взаимодействия с высшим неприятие даров созерцания. Отсюда колоссальное обеднение человечества. Рост дискурсии – рост Сахары.

Солнце любит землю. Солнце в браке с землей. Вечный образ моногамии. Других супруг у Солнца нет. Но у Солнца есть хоровод планет, которые тоже полны жизни – но иной. не физически плодородной – не рождающей, а жизни духов, и душ, уже не плодящихся, а "пребывающих".

Эти планеты – друзья.

Из нашего религиозного сознания неискоренима мысль о божественной телесности, о святом, эдемском, но теле. И замечательно, что нам доступно лишь одно как, а не что этой мысли. Одно горение сердца, , "тишное", молчаливое – всякое же наполнение определенным содержанием всегда – "срыв", искушение, прелесть. Есть только созерцательные миги, которые вспыхивают далекие как звезды, и нет от них прямых, непосредственно реализуемых путей к Земле. Сердце загорает и цветет в немоте и потусторонности.

Сущность брака – элевсинская. Предбрачная любовь это явление таинственного хлебного зерна, которое в браке бросается в землю и приобщается к подземному царству мрака, разрыва, очищения и имманентной жертвы (мученические венцы!). Это своего рода мистериальное жертвенное укоренение в истоках жизни, добровольное сошествие в царство девственной строгой, неулыбающейся Керы. Отсюда все особенности брака. Это священное в известном смысле мученическое сопряжение, связанное с многими разрывами (от отца, от матери) и уходом (от своего личного в узком смысле). В браке и тяжесть – "Крест" – но тяжесть освященная, Богом благославляемая и тяжесть плодотворяющая – тяжесть таинственно "легкая" – с внутренним источником для обновления сил – в последнем и самом высшем смысле – иго Христово. Радостный свет, мистический, таинственный.

Тема Антихриста в современной философии. Как формируется чешуйка за чешуйкой его самосознание. Пример: Авенариус. Гетеротип, минимум – как антихристово стадность. Все соглашаются на пустоте. "Омни...мальность" полученного знания – добровольного подчинения власти Зверя и участие в делах его. "Социология без души" – потеря "и" в Антихристовом коллективе.

Свиток эмириокритических имен (....., имманентных и пр.) – как хартия внушения богов <нрзб>:

Интуиция сущего имеет две стороны: интуиция сверхразумного и интуиция разумного. Первая остается темной для и значит для всего дискурсивного мышления, вторая органически соединяется со светлыми формами разума, ибо по природе своей есть свет разума.

Приложение 6.

СПИСОК действительных членов Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге

на 1914 год[1945]

Совет Религиозно-философского общества:

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Председатель общества: Карташев Антон Владимирович (СПб)

Товарищ председателя: философ Дмитрий Владимирович (СПб)

Секретарь общества: Чеботаревская Александра Николаевна (СПб)

Казначей общества: Гиппиус Наталия Николаевна (СПб)

Члены совета:

Мережковский Дмитрий Сергеевич (СПб)

Струве Петр Бернгардович (СПб)

Франк Семен Людвигович (СПб)

Действительные члены:

Абрамович	Дмитрий Иванович	СПб	
Аггеев	Константин Маркович (свящ.)		—
Андрианов	Сергей Александрович		—
Аксенов	Петр Серапионович		—
Алексеев (Аскольдов)	Сергей Алексеевич		—
Альбов	Иван Федорович		—
Андреев	Иван Дмитриевич		—
Аничков	Евгений Васильевич		—
Бенешевич	Владимир Николаевич		—
Бенуа	Александр Николаевич		—
Бердяев	Николай Александрович		—
Блок	Александр Александрович		—
Бонч-Бруевич	Владимир Дмитриевич		—
Боргман	Александр Иванович		—
Бородаевский	Валериан Валерианович		—
Бриллиантов	Александр Иванович		—
Бугаев (Андрей Белый)	Борис Николаевич		М
Булгаков	Сергей Николаевич		М
Бухарова	Зоя Дмитриевна		СПб
Венгерова	Зинаида Афанасьевна		—
Василевский	Григорий Афанасьевич		—
Волкович	Вера Акинфиевна		—
Волочкова	Александра Георгиевна		—
Волочкова	Екатерина Георгиевна		—
Габрилович	Леонид Евгеньевич		—
Ганфман	Максим Ипполитович		—
Герцык	Евгения Казимировна		—
Гессен	Иосиф Владимирович		—
Гиппиус	Владимир Васильевич		—
Гиппиус	Наталия Николаевна		—
Гиппиус	Татьяна Николаевна		—
Глаголев	Михаил Федорович		—
Гордон	Григорий Израилевич		—
Горнфельд	Аркадий Георгиевич		—
Гофман	Модест Людвигович		—
Греве	Иван Михайлович		—
Гредескул	Николай Андреевич		—
Гримм	Эрвин Давидович		—
Дмитриев	Петр Иванович		—
Дьяконов	Александр Петрович		—
Егоров	Иван Федорович (свящ.)		—
Евдокимова	София Эдуардовна		—
Ельчанинов	Александр Викторович		М
Ефименко	Александра Яковлевна		СПб
Жаков	Калистрат Фалалеевич		—
Жилкин	Иван Васильевич		—
Замятнина	Мария Васильевна		—
Знаменский	Дмитрий Владимирович		—
Зелинский	Фаддей Францевич		—
Иванов	Вячеслав Иванович		М
Иванов	Евгений Павлович		СПб
Каблуков	Сергей Платонович		—
Калмыкова	Александра Михайловна		—

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.

Камене́цкая	Мария Владимировна	—	
Каменская	Анна Алексеевна	—	
Карташев	Антон Владимирович	—	
Книжник Иван	Сергеевич	—	
Колачев Владимир	Яковлевич (свящ.)	—	
Колтановская	Елена Александровна	—	
Кондаков	Никодим Павлович (академик)	—	
Кондурушкин	Степан Семенович	—	
Коноплянцев	Александр Михайлович	—	
Корш Елена	Валентиновна	—	
Котляревский	Нестор Александрович	—	
Котович Александр	Никандрович	—	
Краснопевцева	Павла Васильевна	—	
Кудрявцев	Константин Дмитриевич	—	
Лапшин Иван	Иванович	—	
Лепорский	Петр Иванович	—	
Лосский Николай	Онуфриевич	—	
Максин Николай	Моисеевич	—	
Макшеева	Наталья Алексеевна	—	
Манасейна	Наталья Ивановна	—	
Маркович	Марк Осипович	—	
Маркович	Наталья Ивановна	—	
Медведь Ярослав	Иванович (свящ.)	—	
Мейер Александр	Александрович	—	
Мейер Прасковья	Васильевна	—	
Мережковская-Гиппиус	Зинаида Николаевна	—	
Мережковский	Дмитрий Сергеевич	—	
Миртов Дмитрий	Павлович	—	
Набоков Владимир	Дмитриевич	—	
Нечаев Иван	Васильевич	—	
Никифорова	Аглаида Петровна	—	
Никольский	Виктор Александрович	М	
Никольский	Николай Константинович	СПб	
Оболенский	Алексей Дмитриевич	—	
Осадчий Петр	Семенович	—	
Пакоруков	Евгений Дмитриевич	—	
Перцов Петр	Петрович	—	
Погодин Александр	Львович	—	
Половцова	Ксения Анатольевна	—	
Покровская	Мария Павловна	—	
Покровский	Иосиф Алексеевич	—	
Пришвин Михаил	Михайлович	—	
Протейкинский	Виктор Петрович	—	
Попов Александр	Васильевич	—	
Протопопов	Дмитрий Дмитриевич	—	
Пругавин	Александр Степанович	—	
Пресняков	Александр Евгеньевич	—	
Раевский	Павел Васильевич (свящ.)	—	
Ратькова-Рожнова		—	
Ремизова	Серафима Павловна	—	
Римский-Корсаков	Андрей Николаевич	—	
Розанов Василий	Васильевич	—	
Ростиславов	Александр Александрович	—	
Ростовцев	Михаил Иванович	—	
Свенцицкий	Валентин Павлович	М	
Сизов Михаил	Иванович	СПб	
Скалдин Алексей	Дмитриевич	—	
Слунский	Платон Дариевич	—	
Соколов Василий	Петрович	—	
Соколов Иван	Павлович	—	
Соллертинский	Сергей Александрович	—	
Соловьева	Поликсена Сергеевна	—	
Стахович	Александр Александрович	—	
Степанов	Василий Александрович	—	
Столица Зинаида	Константиновна	—	
Стоюнина	Мария Николаевна	—	
Страндей	Дмитрий Владимирович	—	
Столпнер	Борис Григорьевич	—	
Струве Нина	Александровна	—	
Струве Петр	Бернгардович	—	
Судаков Анатолий	Семенович	—	

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.

Терк Александр Яковлевич	–	
Тернавцев Валентин Александрович	–	
Титлинов Борис Васильевич	–	
Трегубов Иван Михайлович	–	
Туган-Барановский Михаил Михайлович	–	
Успенский Василий Васильевич	–	
Успенский Владимир Васильевич	–	
Фетлер Вильгельм Андреевич	–	
Философов Дмитрий Владимирович	–	
Фиников Петр Михайлович	–	
Флексер (Волынский) Аким Львович	–	
Фурнье Павел Петрович	–	
Франк Семен Людвигович	–	
Холопов Иродион Доментьевич	–	
Чеботаревская Александра Николаевна	–	
Шервуд Леонид Владимирович	–	
Щербов Иван Павлович	–	
Эристова Нина Александровна	–	
Эрн Владимир Францевич	М	
Яковкин Иннокентий Иванович	СПб	
Ясевич-Бородаевская Варвара Ивановна		СПб

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ ПУБЛИКУЕМЫХ ДОКУМЕНТОВ

Ссылки даны на номера публикуемых документов.

Аггеев К.М.: 21, 24, 26, 27, 29, 30, 66, 67, 80, 228.

Аскольдов С.А.: 89, 91, 335, 341, 366, 369, 400, 406, 415, 464, 546.

Архипова С.М.: 303, 307.

Бердяева Л.Ю.: 421, 430.

Бердяев Н.А.: 95, 107, 240, 246, 255, 321, 340, 343, 350, 371, 372, 373, 379, 409, 465, 549, 587, 613.

Богатурова Н.: 242.

Брихничев И.П.: 81.

Булгаков С.Н.: 16, 17, 18, 19, 22, 25, 28, 36, 39, 42, 46, 48, 50–58, 62, 74, 77, 79, 83, 90, 92, 93, 94, 96, 97, 109, 115, 117, 122, 127, 129, 139, 141, 146, 149, 185, 191, 193, 195, 196, 214, 229, 231, 232, 233, 241, 258, 265, 304, 306, 308, 310–314, 316, 317, 319, 320, 322, 323, 328, 330, 331, 332, 333, 334, 336–339, 342, 346, 348, 354, 357, 359, 360, 361, 367, 370, 375, 376, 377, 380, 387, 388, 390, 393, 394, 395, 397, 401, 402, 404, 405, 408, 410, 411, 412, 416, 418, 419, 423, 427, 432, 434, 445, 454, 458, 467, 468, 470, 471, 472, 479, 487, 492, 493, 494, 508, 537, 539, 540, 563, 576, 579, 583, 584, 589, 594, 596, 599, 628, 629, 633, 635, 639, 640, 642, 643.

Ельчанинов А.В.: 7, 98, 113, 114, 125, 130, 132, 133, 134, 136, 137, 150, 152, 157, 160, 163, 389, 399, 449, 609, 615, 618.

Габричевский А.Г.: 632.

Герцык А.К.: 220.

Герцык Е.К.: 197, 274, 364, 368, 422.

Гессен С.И.: 324, 420, 441.

Гриневич В.С.: 435.

Делекторский С.Н.: 11.

Ивашева П.А.: 38, 59.

Карташев А.В.: 20, 45, 60, 69, 71.

Леман Г.А.: 634.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
Лопатин Л.М.: 378.

Метнер Э.К.: 68, 75, 82.

Милюков П.Н.: предисл.

Минцлова А.Р.: 135.

Морозова М.К.: 112, 200, 235, 237, 239, 244, 247, 249, 251, 252, 254, 261, 262, 269, 272, 275, 276, 278, 279, 282, 283, 284, 286, 290, 293, 300, 315, 325, 327, 334, 352, 353, 358, 362, 365, 374, 383, 384, 417, 426, 429, 433, 439, 442, 452, 455, 461, 463, 474, 475, 477, 482, 486, 488, 490, 509, 511, 514, 518, 548, 561, 564, 577, 585, 588, 590, 592, 593, 595, 598, 602, 604, 606, 608, 610, 612, 614, 616, 617, 619, 620, 622, 623, 625, 626.

Морозов М.М.: 14, 637.

Новоселов М.А.: 110, 111, 126, 641.

Рапп Е.Ю.: 412.

Рачинский Г.А.: 329, 413, 459, 507, 512, 582, 586.

Розанов В.В.: 505.

Соловьев С.М.: 424.

Трубецкой Е.Н.: 40, 41, 119, 120, 121, 123, 124, 128, 148, 198, 199, 201, 234, 236, 238, 243, 245, 248, 250, 253, 259, 267, 271, 273, 277, 280, 287, 288, 289, 291, 297, 305, 309, 318, 326, 345, 347, 349, 351, 355, 256, 363, 381, 382, 386, 387, 391, 392, 414, 416, 425, 428, 431, 451, 453, 456, 457, 460, 462, 466, 469, 473, 476, 478, 480, 485, 489, 491, 506, 515, 516, 521, 538, 562, 566, 580, 581, 582, 586, 591, 601, 603, 605, 621, 624, 630, 631, 636, 638.

Флоренский П.А.: 9, 32, 118, 138, 140, 398, 403, 407, 450, 597, 607, 611.

Эрн В.Ф.: 1-6, 8, 10, 12, 13, 15, 31, 33, 34, 37, 43, 44, 47, 61, 63, 64, 65, 70, 72, 73, 76, 78, 84, 85, 87, 88, 99-106, 131, 142-145, 147, 151, 153-156, 158-162, 164-184, 186-190, 192, 194, 202-213, 215-219, 221-227, 230, 256, 257, 260, 263, 264, 266, 268, 270, 281, 285, 292, 294, 298, 299, 301, 302, 385, 396, 436, 437, 438, 440, 443, 446, 447, 448, 481, 483, 484, 495, 496, 497, 499-504, 513, 517, 520, 522, 523, 524-536, 541-545, 547, 550-560, 565, 567-575, 578, 600.

Яковенко Б.В.: 443.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ АДРЕСАТОВ ПИСЕМ

Ссылки даны на номера публикуемых доку-ментов

Архипова С.М.: 295.

Гехтман Г.Н.: 1.

Гиппиус З.Н.: 45, 60, 69, 71.

Глинка (Волжский) А.С.: 16, 17, 18, 19, 22, 25, 28, 36, 39, 42, 46, 48-57, 62, 74, 77, 79, 83, 89, 90, 92, 93, 94, 96, 109, 110, 111, 115, 117, 118, 122, 126, 127, 129, 138, 140, 149, 185, 191, 193, 195, 196, 214, 229, 231, 232, 233, 241, 258, 265, 306, 308, 311, 313, 322, 329, 330, 333, 336, 342, 348, 359, 375, 377, 380, 388, 395, 401, 410, 418, 423, 427, 434, 445, 458, 468, 470, 471, 472, 479, 487, 492, 493, 508, 519, 537, 539, 540, 544, 563, 579, 583, 584, 589, 594, 596, 597, 599, 607, 611, 629, 633, 635, 639, 640, 641, 643.

Ельчанинов А.В.: 3-6, 8, 10, 12, 13, 15, 31, 33, 34, 37, 43, 44, 47, 61, 63, 64, 70, 72, 73, 76, 78, 84-88, 396, 503, 532, 600.

Иванов В.И.: 107, 135, 246, 255, 324, 338, 339, 420, 441, 475, 549, 634.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
Кони А.Ф.: 627.

Мережковский Д.С.: 20, 505.

Морозова М.К.: 40, 41, 119, 120, 121, 123, 124, 128, 148, 198, 199, 201, 234, 236, 238, 243, 245, 248, 250, 253, 259, 267, 271, 273, 277, 280, 287, 288, 289, 291, 297, 303, 304, 305, 307, 309, 317, 318, 323, 326, 345, 347, 349, 351, 355, 256, 363, 381, 382, 386, 387, 391, 392, 414, 416, 425, 428, 431, 451, 453, 454, 456, 457, 459, 460, 462, 466, 469, 473, 476, 478, 480, 485, 489, 491, 506, 507, 512, 515, 516, 521, 538, 562, 566, 580, 581, 582, 586, 591, 601, 603, 605, 621, 624, 630, 631, 632, 636, 638.

Рачинский Г.А.: 296.

Розанов В.В.: 450, 628.

Свенцицкий В.П.: 23, 24, 26, 27, 29, 30, 66.

Трубецкой Е.Н.: 112, 200, 235, 237, 239, 244, 247, 249, 251, 252, 254, 261, 262, 269, 272, 275, 276, 278, 279, 282, 284, 286, 290, 293, 300, 315, 325, 327, 334, 352, 353, 358, 362, 365, 374, 383, 384, 417, 426, 429, 433, 439, 442, 452, 455, 461, 463, 474, 477, 482, 486, 488, 490, 509, 511, 514, 518, 548, 561, 564, 577, 585, 588, 590, 592, 593, 595, 598, 602, 604, 606, 608, 610, 612, 614, 616, 617, 619, 620, 622, 623, 625, 626.

Флоренская О.П.: 9.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ УПОМИНАЕМЫХ ЛИЦ И АВТОРОВ

Прямым шрифтом указаны номера публикуемых документов, где упомянуто данное лицо, курсивом выделены номера публикуемых документов, где соответствующее лицо упомянуто в примечаниях, либо как автор или публикатор.

Августин, бл.: 5, 40, 161, 346, 346, 413.

Авенариус Р.: 128, 128, прил. 5.

Аггеев К. свящ.: 16, 20, 51, 54, 70, 70, 78, 78, 602, прил. 6.

Адрианов: 410.

Аксаков А.В.: 20.

Аксаков И.С.: 16, 128.

Аксакова: 51.

Аксенов-Меерсон М., свящ: Введ..

Александр III: 603.

Алексей (Романов), царевич: 620.

Алексий, схим.: 232, 232, 245, 245.

Алексинский И.П.: 267.

Альтман М.С.: 520.

Амальрик А.: 359.

Амфитеатров: 78

Андреев И.Д.: прил. 6

Андреев Л.Н.: 51, 505.

Андреев Н.: 398.

Андреев Ф.К.: 110, 110, 398, 450, 450, 611.

Андрей (Ухтомский) архиеп.: 62, 398.

Анисимов Ю.П.: 412, 412.

Анри: 376.

Антоний (Булатович): 426, 426, 434, 434.

Антоний (Вадковский), митрополит: 17.

Антоний (Флоренсов), епископ: 109, 109, 137, 152, 152, 214, 245, 398, 597, 632.

Антоний (Храповицкий), архиепископ: 110, 110, 434, 434.

Арсеньев Н.: 109.

Архипов Е.: 1, 5.

Архипова С.М.: 295, 304, 376, 387, 437, 437, 454, 459, 494, 507, 517, 610.

Арцыбашев: 92, 505.

Асатиани М.М.: 260, 260.

Аскольдов (Алексеев) С.А.: 16, 17, 73, 76, 76, 87, 91, 98, 98, 162, 170, 170, 177, 227, 319, 320, 326, 323, 328, 331, 335, 346, 385, 389, 394, 398, 402, 406, 413, 413, 419, 419, 499, 527, 533, 547, 602, 628, 629, 634, 634, прил. 6.

Астров П.И.: Введ., 24, 24, 146, 146, 176, 181.

Астромов Владимир, свящ. : 253, 419.

Афанасьев, свящ.: 38.

Баадер: 271, 271, 346, 364, 370, 413, 507, 512.

Бабакин: 168.

Багaley: 569.

Байрон Дж.: 547.

Бакст: 216.

Балтрушайтис Ю.: 534, 534, 547, 547, 551, 552, 557, 569, 570, 571, 574.

Баранович Л.: 332.

Баратынский

Бахтин М.М.: 394.

Беато Анджелико: 106, 183.

Бейлис М.: пред., 26, 505.

Белецкий: 603, 603.

Белинский В.: 228.

Белкин З.

Белый Андрей (Бугаев Б.Н.): 5, 11, 13, 13, 24, 24, 68, 70, 106, 107, 109, 110, 131, 144, 165, 173, 174, 178, 197, 211, 212, 213, 216, 218, 225, 226, 231, 232, 314, 323?, 332, 336, 337, 342, 370, 387, 404, 410, 420, 424, 441, 459, 618, прил. 6.

Белявская: 563.

Боме Якоб: 218, 405, 459, 491, 507, 512.

Беневский И.: 70, 70.

Бенини: 379.

Бергсон А.: 200, 200, 321, 321, 335, 336, 394, 415.

Бердяев Н.А.: 16, 17, 19, 19, 24, 28, 39, 48, 51, 51, 52, 54, 57, 60, 60, 62, 62, 64, 69, 77, 78, 79, 86, 90, 94, 94, 95, 96, 108, 109, 109, 117, 139, 141, 142, 144, 146, 148, 148, 153, 155, 156, 157, 158, 161, 162, 162, 164, 165, 167, 169, 173, 174, 175, 176, 179, 180, 185, 195, 197, 199, 200, 203, 212, 214, 218, 219, 222, 224, 225, 226, 227, 231, 233, 240, 241, 241, 250, 251, 256, 257, 258, 260, 266, 266, 268, 269, 269, 270, 274, 281, 282, 288, 293, 301, 303, 304, 305, 308, 310, 311, 314, 318, 320, 322, 322, 323, 332, 333, 337, 342, 345, 346, 349, 353, 354, 355, 357, 359, 359, 360, 361, 361, 366, 367, 368, 370, 375, 376, 377, 379, 387, 388, 390, 394, 395, 396, 398, 401, 402, 404, 405, 406, 410, 412, 412, 415, 418, 419, 421, 421, 422, 426, 430, 434, 435, 436, 437, 438, 440, 445, 464, 465, 467, 468, 470, 479, 491, 493, 503, 508, 520, 523, 536, 539, 543, 546, 547, 551, 552, 553, 558, 559, 563, 567, 570, 595, 608, 629, 642.

Бердяев С.А.: 360.

Бердяева А.С.: 387, 387, 388, 390.

Бердяева Л.Ю.: 107, 162, 162, 174, 240, 321, 354, 354, 436, 438, 547, 553, 567, 570, прил. 5.

Беклин А.: 199, 199.

Блаватская Е.П.: 135.

Блок А.А.: 17, 34, 162, 226, 226, 231, 240, 246, 255, 266.

Боборыкин: 148, 148, прил. 6.

Бобринская В.Н.: 94, 94, 100, 103, 181, 241.

Бобров: 266.

Багатурова Н.С.: 61, 61, 78, 115, 131, 141, 144, 153, 154, 155, 156, 158, 161, 162, 167, 168, 169, 170, 171, 174, 175, 176, 177, 180, 186, 219, 230, 242, 257, 260, 268, 270, 281, 308, 308, 321, 322, 385, 389, 435, 608.

Боголюбский, свящ.: 66.

Бонч-Бруевич В.: 165, 199, 216, 405, 405, прил. 6.

Боровой А.А.: 267.

Бородаевский В.В.: 266, 266, прил. 6.

Бриллиантов А.И.: 394, 394, 454, прил. 6.

Брихничев И.П. свящ.: 34, 34, 73, 78, 78, 80, 168, 168, 438.

Бруно Джордано: 261, 281, 341, 346, 346, 354, 357, 360, 360.

Бугаева К.Н.: 218.

Булгаков ген.: 552.

Булгаков И.С.: 16, 117, 122, 127, 129, 141, 153, 153, 210, 311, 359, 635, 642.

Булгаков С.Н.: 2, 16, 17, 19, 22, 24, 28, 33, 34, 34, 36, 39, 42, 43, 43, 48, 50-54, 57, 60, 60, 62, 69, 70, 79, 81, 87, 91, 95, 108, 109, 110, 111, 118, 122, 145, 146, 153, 155-158, 161, 162, 162, 165, 167, 169, 170, 176, 173, 176, 177, 179, 181, 181, 199, 200, 203, 207, 210, 211, 212, 215, 218,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.

221, 222, 224, 225, 226, 231, 240, 241, 254, 257, 258, 264, 266, 267, 269,
270, 281, 282, 283, 285, 286, 288, 293, 297, 301, 305, 311, 313, 314, 315,
318, 319, 321, 325, 332, 337, 342, 344, 346, 347, 349, 351, 351, 356, 359,
363, 363, 368, 373, 376, 379, 379, 387, 396, 398, 404, 416, 417, 430,
431, 432, 434, 436, 438, 439, 450, 450, 457, 457, 459, 466, 469, 470, 474,
482, 487, 491, 496, 503, 512, 518, 520, 521, 525, 526, 533, 533, 540, 542,
547, 551, 554, 554, 557, 560, 561, 563, 569, 570, 577, 586, 595, 606, 607,
608, 611, 628, 629, 632, 633, 635, 641, 641, 643.

Булгаков С.С.: 311, 312, 313, 314, 414, 468, 471, 472, 472, 479, 599, 642.

Булгаков Ф.С.: 185, 377, 380, 411, 418, 419, 445, 458, 468, 479, 563, 632,
639, 639, 642, 643, 643.

Булгакова М. С. (Муночка): 115, 115, 117, 122, 185, 342, 370, 377, 434, 493,
563, 633, 635.

Булгакова Е.И.: 42, 42, 122, 127, 129, 139, 141, 185, 195, 214, 233, 258,
308, 311, 346, 376, 388, 395, 401, 404, 405, 419, 421, 432, 434, 467, 468,
479, 456.

Бурышкин П.А.: 75.

Бутенев П.: 580.

Вагнер Рихард: 128, 234, 234.

Вадимов А.: пред., 162.

Васнецов В.М.: 110? 110? 122?122? 199?199? 239? 239? 270? 398? 405.

Векилов Г.Д.: 570, 578.

Векилов Н.Д.: 154, 154, 165, 169, 176, 222, 230, 266, 269, 285, 448, 558,
558, 569.

Векилова Е.Л.: 190.

Векилова Е.Д.: 7, 7, 37, 59, 70, 91, 240, 270, 310, 312, 314, 321, 335, 340,
346 364, 368, 371, 372, 373, 376, 379, 385, 389, 390, 393, 394, 397, 399,
406, 408, 411, 412, 415, 419, 421, 424, 432, 436, 467, 494, 526, 532, 618.

Векилова М.Д.: 37, 609.

Венгеров: 49, 50, 336, 359.

Венгерова З.А.: прил №6.

Вендланд: 413, 507.

Вересаев В.: 16.

Верлен: 553.

Вернадский В.И.: 267.

Вернадский Н.В.: 254.

Верховской Ю.Н.: 447, 447, 449.

Ветухов А.В.: 398.

Викторов Д.: 202.

Вильшау: 526, 526.

Винавер М.М.: 505.

Винавер М..Л.: 505.

Виндельбанд В.: Введ., 2, 2, 269, 280, 451, 452.

- Виноградов Н.Д.: 267.
Виноградов П.Г.: 146.
Виппер Б.Р.: 632, 632.
Виппер Р.Ю.: 146, 146, 632.
Волков В.А.: 1, 208, 281.
Волков К.В.: 241, 265.
Волков, ген.: 605.
Волков, книготорговец: 303.
Волконская З.Н.: 162.
Волконский С.М.: 253, 253.
Волошин М.А.: 226, 226, 368, 421, 447.
Вормс А.Э.: 267.
Воробьев: 381, 382.
Вострякова (Мамонтова) Е.К.: 148, 148, 237, 238.
Вышеславцев Б.П.: Введ., 218, 454, 542, прил. №3.
Врубель М.: 165, 165, 216.
Вульф Г.В.: 267.
Вундт: 173.
Вьюник Е.: Введ.
Гавронский Д.: 394.
Габричевский А.Г.: 592, 626, 637.
Габричевский Е.Г.: 637, 637.
Гавриил Голосов еп.: 152.
Гагарин: 614.
Галанин Д.Д.: 39, 46, 51, 51.
Гальперин Ю.М.: 412.
Гальцева Р.А.:
Галятовский И: 332.
Гамсун К.: 547.
Ганнебуш: 547.
Гарнак А: 70, 161.
Гартман : 394, 394.
Гауптман Г.: 547.
Гегель: 180, 227, 239, 243, 275, 370, 443.
Гелло: Введ., 354, 357, 361, 367, 370, 371, 376, 379.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Гераклит: 5, 642.

Герман, схиигумен: 157, 157, 232, 492, 539.

Гернет М.К.: 267.

Гернет М.Н.: 36.

Гернет Н.Н.: 135, 135.

Герцык А.К.: 181, 220, 222, 266, 281, 438, 505.

Герцык Е.К.: 169, 173, 174, 181, 220, 266, 281, 310, 311, 321, 338, 346, 396, 412, 422, 435, 507, прил. №6.

Гершензон М.О.: Введ., 50, 50, 52, 92, 146, 176, 207, 215, 18, 224, 231, 285, 288, 288, 336, 346, 346, 359, 402, 412, 413, 440, 459, 484, 503, 557, 561, 569, 570, 574, 629, 629, прил. №6.

Герье: Введ., 3, 5.

Гессен С.И.: 211, 215, 218, 251, 331, 332, 334, 349, 370, приложение 3.

Гессен И.В.: 79, приложение 6.

Гехтман Г.Н.: 1, 177, 629.

Готе: 12, 290, 321, 383, 459, 626.

Гиацинтов В.М.: 136, 136, 160, 179, 206, 206, 219, 230, 242, 642.

Гинденбург: 552.

Гиппиус З.Н. (А.Крайний): 17, 53, 79, 79, 92, 93, 109, 117, 228, 231, 231, 470, прил. 6.

Гиппиус Н.Н.: прил. 6.

Глаголев С.С.: 73, 73, 80, 137, 398, 502.

Глаголев М.Ф.: прил. 6.

Глинка (Волжский) А.С.: пред., 139, 157, 212, 244, 314, 319, 320, 323, 337, 354, 370, 398, 404, 405, 413, 447, 467, 476, 507, 529, 568.

Глинка О.Ф., жена А.С.Глинки: 195, 195, 214, 228, 229, 231, 241, 241, 258, 308, 410, 434, 468, 479, 563, 576.

Глиэр: 554.

Гоген: 216.

Гоголь Н.В.: 39, 253, 400, 410, 413, 413, 418, 427, 434, 505, 563, 505, прил. 5.

Голлербах: предисл

Голованенко: 398.

Голубкина А.С.: 496, 496, 497, 500, 501, 517.

Гольденвейзер: 574, прил. №5.

Гольдовский: 5, 5, 36.

Гольцев: 505, 505.

Горгий: 272.

Гордон Г.: 394.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Городцов: 34, 34.

Горький М.: 16, 98, 547

Гречанинов А.Т.: 529, 529, 531, 547, 554, 554.

Грез: 213, 213.

Григорий Палама: 407, 407.

Гримм: 482

Гриневич В.С.: 412, 421, 421, 430, 436, 437, 503.

Грифцов Б.А.: 33, 33, 34, 51, 404.

Грузинов: 620.

Грушко: 573.

Губельман: 34.

Гукович В.А.: 91.

Гурлянд А.:

Гуссерль: 180, 180, 337, 464, 595.

Гюисманс Ж.К.: 107, 164, 451.

Д'Аннунцио Г.: 547.

Даидайтис: 398.

Давыдов Н.В.: 41, 41, 48, 254, 267, 267, 278.

Далькрозист: 438.

Дарвин Ч.: 98, прил. 5.

Делекторский С.Н.: 11.

Джеймс У.: 107.

Девет: 547.

Дега: 216.

Декарт: 2.

Демидов: 580, 623.

Джоберти В.: 396, 396, 421, 421, 446, 484, 558, 560, 568.

Джугашвили (Сталин) И.В.: 34.

Джунковский В.Ф.: 327, 327.

Дионисий Ареопагит: 394, 394, 397, 407, 507.

Добровольцев Б.П.: 398.

Добролюбов А.М.: Введ., 109, 109.

Добролюбов Н.А.: 22.

Добронравов, свящ.: 66.

Достоевская А.Г.: 46, 48, 51, 52, 191.

Достоевский Ф.М.: 16, 17, 19, 34, 48, 48, 49, 51, 53, 53, 56, 60, 78, 80,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
92, 92, 94, 154, 165, 165, 177, 185, 214, 226, 231, 305, 329, 370, 375, 377,
387, 395, 401, 410, 410, 413, 505, 505, 529, 617, 635, прил. 1.

Дубасов: 168.

Дубинина: 445.

Думова Н.: 11, 75, 165.

Дурылин С.Н.: Введ., 62, 398, 401, 412, 413, 434, 476, 582, 582, 586, 592,
606.

Дюшен Л. монсеньор: 248, 248, 259, 283, 314, 325, 325, 413.

Егоров И.Ф. свящ.: 20, 20, 78, прил. 6.

Егоров Д.Н.: 35, 131, 215, 629.

Екатерина II: 637.

Ельчанинов А.В.: 46, 51, 80, 81, 91, 95, 105, 109, 116, 143, 144, 147, 170,
172, 176, 260, 312, 314, 319, 323, 328, 332, 337, 369, 398, 436, 487, 535.

Ельчанинова С.В.: 47, 47, 70, 84, 98.

Ефимов: 46, 47, 47, 50.

Жилкин И.В.: 554, 554, 574 , прил. 6.

Жилев: 574, 574.

Жолтовский: 165.

Жуковский Д.Е.: Введ., 16, 16, 17, 19, 28, 220, 220, 222, 270, 398, 440.

Зайцев Б.К.: 162, 340, 340, 343, 379, 430, 440.

Закс Л.: 542.

Зернов Н.: 17, 17.

Замятнина М.В.: прил. 6.

Замятнина М.М.: 107, 107, 420, 436, 517, 523, 524, 531, 532, 542, 545, 552,
569.

Зарубина (Гиацинтова) О.И.: 186, 242.

Звенигородский А.В. кн.: 5, 568.

Здзеховский: 535, 540, 553, 554.

Зейпель И.: 283, 320, 320, 323, 332, 413.

Зеньковский В.В.: 19, 34, 40, 51, 54, 57, 62, 62, 122, 139, 231, 314, 319,
320, 323, 328, 332, 336, 337, 337, 394, 394, 402, 404, 410, 413, 413, 418,
419, 419, 421, 427, 434.

Зиновьева-Аннибал Л.Д.: 107, 135, 174, 174, 178, 255, 412, 437, 449, 495,
517, 549, 570, 570.

Ибсен Г.: 17, 57, 58, 63, 73, 91, 128, 128, 423, 547, 613.

Иванов А.И.: 213, 213.

Иванов В.И.: 107, 168, 173, 178, 218, 222, 227, 231, 266, 266, 270, 314,
314, 331, 377, 398, 412, 420, 423, 447, 470, 474, 476, 478, 482, 483, 494,
495, 496, 497, 503, 512, 520, 520, 523, 526, 527, 529, 530, 533, 540, 541,
542, 543, 543, 545, 547, 547, 549, 554, 557, 560, 561, 561, 563, 567, 570,
570, 572, 574, 575, 578, 595, 600, 606, 629, 640.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Иванов Д.В.: Введ., 465, 465, 530, 543.

Иванова Л.В.: 436, 437, 503, 504, 517, 523, 526, 530, 545, 547, 551, 560, 573, 574, 5575, 578, 600, 609.

Иванова (Шварсалон) В.К.: 107, 174, 174, 255, 412, 449, 495, 526, 530, 547, 558, 567, 570, 574, 579, 629.

Ивашев С.: 31, 37, 37, 38.

Ивашева П.А.: 31, 31, 34, 37, 37, 61, 72, 81.

Игнатъев: 548, 623.

Иларион, архим.: 426, 426, 466.

Иловайский Д.Н.: 505, 505.

Ильин И.А.: 6, 180, 180, 368, 368, 538, 542, 547, 560, 561.

Иноземцева А.А.: 470, 470.

Исидор, иеромонах: 118, 118, 122, 138, 155, 434, 643.

Каблуков М. свящ.: Введ.

Каблуков С.П.: 397, 397, 569.

Каган М.: 394.

Казимирчак-Полонская Е.К.: 39.

Кайданов: 505.

Комаровский гр.: 199.

Каменев (Розенфельд) Л.Б.: 98.

Кант И.: Введ., 104, 161, 170, 221, 239, 243, 254, 272, 310, 352, 390, 394, 443, 456, 477, 515, 525, 527, 530, 533, 535, 542, 544, 547, 552, 569, прил. 5.

Каптерев Н.Ф.: 70, 70, 398.

Каптерев П.Ф.: 114, 114.

Караулов: 214, 214.

Карачан: 608.

Карпентер Э.: 107.

Карпов В.: 394, 394, 398, 402, 402, 406, 413, 431.

Карпович М.: 116.

Каррьер: 216.

Карташев А.В.: Введ., 16, 17, 17, 19, 20, 21, 24, 51, 54, 54, 57, 70, 79, 214, 505, 629, прил. 6.

Карякин И.Н.: 34.

Каспарянц: 326, 326.

Кассиан, св.: 591.

Кассирер Э.: Введ.

Кассо А.А.: 247, 267, 289, 386, 392.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
Кашкин: 637.

Квасников М.: 5.

Кейдан В.И.: 305, 403.

Керенский А.Ф.: 623, 623.

Кечекьян С.Ф.: 381, 381, 382, 454.

Кизеветтер А.А.: Введ., 11, 244, 267.

Киреевский И.В.: 214, 231, 231, 244, 287, 316, 370, 402, 402, прил. 4.

Киреевский П.В.: 402, 402.

Киселев: 459, 534.

Кистяковский Б.А.: Введ., 332.

Кистяковский И.А.: 267.

Клейст Г., фон: 12.

Клере Рене, де: 376.

Клинггер: 398.

Книжник И.С.: 594.

Кобылинский С.Л.: 239.

Ковалевский М.М.: 18, 18, 426, 431.

Коген: Введ., 387, 394, 394.

Кожевников В.А.: 62, 79, 96, 96, 109, 110, 111, 122, 195, 218, 231, 258, 270, 348, 354, 398, 412, 434, 450, 584, 596, 596.

Козлов А.А.: Введ., 323, 323, 335, 366, 377.

Козловский: 316, 317.

Козьма Прутков: 305, 318.

Койген Д.: 394.

Колачев В.Я. свящ.: 20, 52, 53, 54, прил.6.

Колеров М.А.: Введ., 34, 60, 628, 629, 633, 635, 639.

Кольцов Н.К.: 267.

Коковцев: 282.

Кокошкин Ф.Ф.: 267.

Комиссаржевская В.Ф.: 547.

Кони А.Ф.: 627.

Коновалов А.И.: 269, 278, 278.

Коншин: 386, 591.

Коральник А.: 394

Корелина: 352.

Корнилов А.: 232, 402.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Корш Ф.Е.: 574, 574.
Корш Е.В.: прил. 6.
Костеловская: 34.
Котляревский С.А.: пред., 5, 30, 145, 145, 146, 224, 254, 269, 305, 307, 416, 503, 557, 560, 561, 580, прил. 6.
Котрелев Н.В.: пред., 12.
Кочановский: 329.
Крандиевская Н.В.: 550, 550.
Крахмальникова З.А.: 6.
Крейд В.: 17, 109.
Кривошеин А.В.: 252, 252, 269, 588.
Кривошеин К.А.: 252.
Кристи: 70.
Кругликова Е.С.: 503, 503.
Крупп: Введ., 525, 527, 533, 535, 542, 544, 547, 552.
Ксенофонт: 5.
Кубицкий А.В.: 267, 272, 272, 273, 278, 293, 370.
Кувшинов: 610, 610.
Кудрявцев П.П.: 78, 78.
Кудрявцев К.Д.: прил. 6.
Кузнецов Н.Д.: 110, 110, 332.
Куликова М.В.: 1, 208, 281.
Кюльпе: 352, 352, 354.
Лавров А.В.: предисл, 68, 332.
Лагерлеф .: 107.
ланге М.: 114, 114.
Ланц Г.: 394.
Лаппо-Данилевский А.С.: Введ.
Лапшин И.И.: 464, 464, прил. 6.
Лашнюков В.: 16, 16, 17, 19, 33, 34, 42, 48, 48, 54, 57, 62, 74.
Лев XIII: 248, 250, 250.
Левандовский В.: 98, 389, 609, 615.
Левандовская Т.В.: 615, 615, 618.
Левенштейн О.И.: 251, 253.
Левон: 293, 352.
Лейбниц: 147, 323, 335.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
Леман Г.А.: 465, 633, 633, 634.
Ленин (Ульянов) В.И.: 117, 624, 625, 627.
Лемберг Ф.: 282.
Леонтьев К.Н.: 20, 362, 362, 402, 404, 617, 617.
Леохар: 239.
Лерке: 93.
Лерхе Г.Г.: 620.
Лермонтов М.: 109.
Леруа Э.: Введ., 250, 321, 354, 354, 357, 361, 368, 370, 413.
Лиховидова Т.В.: 320.
Локс К.: 412.
Локтева О.: Введ., 34.
Лопатин Л.М.: 3, 116, 147, 148, 164, 1700, 173, 175, 176, 178, 194, 208, 211, 224, 252, 264, 303, 304, 307, 319, 321, 337, 346, 351, 352, 356, 366, 394, 396, 401, 402, 439, 440, 480, 485, 498, 499, 506, 527, 543, 557, 559, 573, 616.
Лосский Н.О.: 280, 335, 335, 420, 441, прил. 6.
Лосская Л.: 280.
Лотце Р.Г.: 239, 239, 243.
Лузин Н.: 398.
Луначарский А.В.: 16, 98.
Лундберг Е.Г.: Введ., 54, 54.
Лурье С.В.: 112, 112, 169, прил. 3.
Лурье П.С.: 431.
Львов В.Н.: 391.
Львов Г.Е., кн.: 11, 259, 580.
Львов Н.Н.: 90, 90, 603.
Любавский: 202, 202.
Мазурина: 471.
Маймонид М.: 443, 443.
Маклаков В.А.: 580.
Маковский С.К.: 554, 605, 605.
Макс Саксонский: 376.
Максим Исповедник: 394, 394, 397, 407.
Макшеева Н.И.: 398, 413, 459, прил. 6.
Мальбранш: 2, 269, 280, 451, 452.
Малявин: 216.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Мамонов, врач: 90, 92, 185, 195, 294, 298, 299, 310, 313, 376, 418, 596.

Мамонтов К.: Введ., 11.

Мамонтов С.И.: 252.

Мамонтова (Левенштейн) М.О.: 251, 251.

Манасия: 575.

Мансуров И.В.(если верить Булгакову): 62, 79, 398.

Манусевич-Мануйлов: 250.

Мануилов А.А.: 198, 198, 199, 247, 259, 267, 267, 516.

Мандельберг В.Е.: 241, 241.

Марков (Марк Вишняк): 59, 168, 168, 170, 170.

Марков II: 305.

Маркс К.: 16, 39, 39, 628, прил. 6.

Марцинковский В.Ф.: 92.

Машкин С. свящ.: Введ., 81.

Мейер А.А.: 559.

Меерович Е.И.: 54.

Мельников: 563, 583, 584.

Мережковский Д.С.: Введ., 5, 6, 7, 16, 17, 19, 20, 23, 28, 34, 36, 39, 39, 46, 48, 50, 52, 54, 54, 62, 69, 76, 76, 78, 79, 79, 86, 86, 93, 93, 95, 95, 106, 108, 109, 109, 110, 117, 213, 228, 240, 323, 333, 342, 377, 410, 434, 470, 470, 476, 478, 505, 505, прил. 3, 6.

Метнер Е.К.: 452, 459, 588.

Метнер Н.К.: 586.

Метерлинк М.: 51, 98, 534.

Милль Д.С.: 400, 400.

Милюков П.Н.: 11, 79, 79, 94, 269, 623.

Минский Н.М.: 17, 17, 19.

Минцлова А.Р.: 174, 197.

Митюрников: 505.

михаил (Семенов) архимандрит.: Введ., 51, 51, 52, 52, 62, 63, 63, 168, 168.

михаил (Романов), вел. кн.: 620.

Михайлов А.В.: Введ.

Мишенькин А.С.: 470, 470, 479, 493, 563, 579, 583, 584, 594.

Могиланский: 57.

Монэ: 216.

Мотт Дж: 93, 115, 115.

Мопассан Г. де: 12.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.

Морозов М.М.(Мика): 14, 234, 239, 243, 251, 253, 278, 433, 442, 459, 464, 548,561, 562, 564, 592, 614, 616, 623, 625, 631.

Морозов Н.А.: 66.

Морозов С.Т.: 75.

Морозова З.Г.: 75.

Морозова М.К.: 11, 11, 12, 12, 14, 30, 39, 40, 68, 68, 75, 82, 109, 112, 119, 144, 148,161, 164, 165, 165, 169, 173, 176,177, 178, 179, 181, 185, 199, 204, 214, 216, 216, 239, 243, 244, 251, 252, 253, 266, 266, 277, 279, 293, 295, 296, 308, 319, 326, 332, 337, 338, 342, 346, 360, 367, 370, 376, 379, 387, 390, 397, 404, 413, 437, 461, 467, 517, 523, 525, 533, 534, 542, 547, 547, 554, 560, 560, 571, 606, 616, 632, 637.

Морозова М.М.: 14? 14? 237? 243? 244? 251? 278? 328? 433? 442? 463? 506? 566? 614? 616? 622? 623? 626? 638.

Муратов П.П.: 379, 379.

Муратова Е.С.: 379, 379.

Муретов, проф.: 592.

Муромцев С.А.: 455, 455.

Мюллер: 98.

Мюссе А. де: 107.

Наторп П.: Введ...: 394.

Нилендер: 547, 574, 574.

Неменова-Лунц М.С.: 560.

Непринцев: 448.

Несмелов В.И.: 251, 251.

Никиш: 14.

Николаи П.Н.: 92.

Николай Кавасила: 407, 407.

Николай Кузанский: Введ., 454.

Николай II: 52, 126, 510, 620.

Николай Чудотворец: 6, 591.

Ницше ф.: 12, 80, 107, 222, 329, 389, 465, 551, 613, 642.

Новалис: 173.

Новгородцев П.И.: Введ., 54, 55, 55, 162, 176, 254, 267, 278, 280, 352, 370, 383, 477, 560, 561, 643.

Новоселов М.А. (авва): 17, 62, 62, 79, 79, 90, 92, 93, 94, 95, 96, 96, 109, 109, 110,115,

117, 122, 125, 126, 138, 140, 146, 149, 157, 185, 195, 214, 229, 231, 232, 233, 251,251, 258, 258, 270, 308, 310, 313, 321, 322, 330, 333, 342, 343, 359, 359, 370, 377, 388, 395, 401, 405, 410, 412, 418, 423, 427, 434, 434, 445, 450, 450, 465, 468,470, 472, 472, 479, 487, 492, 517, 519, 523, 537, 541, 563, 579, 584, 586, 594, 596, 599, 629.

Носов А.: Введ., 119, 120, 121, 123, 124, 128, 148, 198, 199, 200, 201, 234, 235, 236, 237, 239, 243, 244, 247, 251, 253, 259, 266, 268, 269, 271,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
273, 278, 286, 288, 289, 290, 293, 297, 304, 305, 627.

Ньюман: 413.

Огнев: 227, 251, 251, 352.

Одоевский В.Ф.: 370, 370, 390, 402, 405, 413.

Озеров: 19.

Орлов: 329.

Орлова: 359, 503.

Осипов И.: 73, 76, 78.

Осоргин М.А.: 386, 591, 624.

Осоргин Г.: 510.

Остроумова-Лебедева: 586.

Павел I: 637.

Пагирев И: 104, 104, 105.

Палладио: 165.

Пальмьери А.: 250, 250, 259, 259.

Памиров: 164.

Панкратов А.С.: 52, 266.

Панкрат муч.: 6.

Патнэм Дж.: Введ.

Пахмус Т.: Введ.

Паскаль П.: 628.

Пастернак Л.О.: 547, 551.

Пастернак Б.Л.: 412, 547.

Петражицкий: 280, 426, 482, 561.

Петров Г., свящ.: Введ., 17, 17, 18, 19, 20, 21, 24, 25, 28, 80, 81, 92, 146, 168, 243.

Петровский А.С.: 5, 218, 218, 226, 265, 266, 314, 412, 418, 585.

Пий X: 250, 250, 259.

Пинес Д.М.: 218.

Пирожков: 19, 19, 48, 53, 57.

Писарев: 505.

Пифагор: 5.

Платон: 121, 147, 170, 183, 272, 273, 278, 290, 530, 559, 573, прил.6.

Плеханов: 17.

Плотин: 346, 413.

Плотников Н.С.: 628.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
Плюханов Б.В. 92, 109.

Погодин М.П.: 39.

Погодин А.Л.: прил.6.

Поливанов М.П.: 128, 128, 272.

Полищук Е.: 6, 92.

Половинкин С.М.: 445.

Полторацкий Н.: Введ.

Полянский В.И.: 267.

Попов А.И.: прил.6.

Попов И.В.: 73, 73, 325.

Попов П.: 317, 317.

Пордедж: 413.

Поспелов Н. свящ.: пред., 66.

Преображенский Д.В.: 376.

Пресняков А.Е.: 36, прил.6.

Петрушевский Д.М.: 267.

Прагер: 234.

Пресняков:

Протагор: 405, 405.

Протопопов Д.Д.: 410, прил.6.

Пушкин А.С.: 38, 168, 174, 322, 383, 413, 626.

Пыпин: 452.

Пятюкостовский, свящ.: 39, 39, 66.

Разумовский: 176, 264.

Рамполла Мариано дель Тиндаро, : 248, 248, 250, 273.

Рапп Е.Ю.: 162, 162, 174, 188, 354, 354, 359, 359, 368, 379, 421, 421, 436, 483, 553.

Распутин Г.Е.: 61, 185, 195, 359, 359, 487, 492, 601, 603, 627.

Рафаэль: 213, 213, 236, 261, 267, 412.

Рахманов Г.К.: 40.

Рачинский А.К.: 239.

Рачинский Г.А.: 12, 12, 17, 61, 90, 99, 103, 109, 139, 141, 143, 144, 146, 153, 156, 161, 164, 166, 172, 179, 185, 192-194, 203, 204, 219, 221, 224, 226, 231, 233, 239, 240, 241, 241, 243, 248, 250, 251-253, 254, 258, 265, 266, 282, 286, 293, 304, 306-308, 310, 311, 314, 321, 321, 322, 325, 331, 332, 334, 337, 340, 342, 346, 347, 354, 357, 359, 361, 367, 370, 374, 376, 377, 379, 395, 397, 401, 408, 413, 418, 419, 424, 427, 430, 434, 436, 438, 445, 466-468, 474, 478, 478, 482, 485, 491, 494, 512, 518, 523, 525, 527, 530, 531, 533, 533, 534, 535, 541, 542, 547, 554, 554, 557, 560, 561, 569, 579, 606, 610, 612, 616, 626, 640.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Рачинский С.: 548.

Рачинская (Мамонтова) Н.А.: 239.

Рачинская (Мамонтова) Т.А.: 239, 640, 640.

Рачинская (Мамонтова) П.А.: 239.

Ржевский: 603, 603.

Рейнбот А.А.: 75, 75.

Ремизов А.: 50.

Ремизова С.П.: прил.6.

Рескин: 220.

Риккерт Г.: Введ., 211, 251, 269, 337, 337, 369, 394, 400, 591.

Риль: 280.

Родзевич Г.И.: 597.

Роднянская И.: Введ.

Розанов В.В.: Введ., 12, 17, 20, 20, 76, 76, 78, 78, 75, 241, 314, 317, 319, 323, 342, 342, 399, 402, 406, 406, 415, 434, 487, 487, 505, 507, 543, 546, 563, 597, 607, 628, 629, 633, прил.6.

Розанов С.С.: 156.

Розеггер: 46.

Розмини С.А.: 396, 396, 413, 413, 421, 446, 484, 498, 557.

Россолимо Г.И.: 267.

Рцхиладзе: 618.

Рябушинский Н.П.: 68.

Рябушинский П.П.: 112, 112, 269.

Сабанеев Л.Л.: 560.

Сабашников: 93, 193, 195, 214, 500, 574.

Сабашникова М.С.: 218, 445, 445, 459.

Саблин: 53.

Савальский Б.: 394.

Садовской Б.А.: 211, 412.

Саксон Грамматик: 135.

Сакулин П.Н.: Введ., 109, 267.

Самарин Д.Ф.: 62, 79, 398, 434, 450, 586, 623.

Сахаров: 36, 44.

Северцов А.Н.: 416, 146.

Сеземан В.: 394.

Семенников: 1, 5.

Серафим Саровский, св.: 16, 155, 218, 413, 421, 427, 434, 445, 445, 459,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
467, 476, 487, 493, 537, 539, 634.

Серафимович: 16.

Сергий (Романов) в. кн.: 14.

Серов В., худ.: 216.

Серов, врач: 100.

Свенцицкий В.П.: 5, 6, 6, 9, 16, 16, 17, 19, 21, 29, 30, 34, 36, 37, 37, 38, 39, 42, 43, 43, 45, 46, 51, 51, 53, 53, 54, 57, 57, 58, 58, 59, 60, 61, 61, 63, 63, 65, 65, 66, 69, 69, 70, 70, 72, 72, 73, 78, 78, 79, 79, 80, 81, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 94, 95, 96, 99, 99, 103, 109, 110, 116, 139, 168, 168, 174, 176, 176, 241, 241, 370, 375, 405, прил.6..

Сизов М.И.: 33, 33, прил.6.

Синайский Е. свящ.: 321, 422.

Синани, книготорговец: 303.

Синицын Д.Ф.: 267.

Скабичевский: 505, 505.

Сковорода Г.С.: пред., 100, 184, 192, 210, 215, 218, 227, 282, 283, 285, 285, 314, 319, 321, 331, 331, 332, 370, 370, 399, 400, 404, 405, 405, 406, 406, 408, 410, 411, 413, 415, 437, 568, 569, 569.

Скрябин А.Н.: 11, 11, 14, 112, 112, 128, 445, 534, 535, 535, 545, 547, 554, 560, 560, 569, 571, 571, 573, 574, 575.

Сойкин: 26, 28.

Соловьев В.С.: пред., 1, 2, 5, 12, 12, 17, 19, 19, 22, 28, 39, 39, 51, 52, 62, 65, 84, 103, 109, 119, 119, 120, 121, 123, 123, 124, 128, 128, 144, 144, 147, 148, 173, 180, 200, 201, 212, 214, 224, 231, 234, 234, 236, 237, 240, 243, 244, 244, 246, 246, 247, 248, 250, 250, 251, 251, 253, 253, 254, 257, 258, 259, 260, 260, 265, 266, 266, 268, 270, 271, 271, 272, 272, 273, 275, 278, 282, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 290, 293, 296, 297, 297, 300, 303, 305, 315, 316, 318, 326, 330, 337, 345, 345, 352, 353, 362, 362, 363, 363, 381, 382, 383, 387, 390, 395, 401, 402, 413, 416, 419, 419, 422, 424, 426, 429, 431, 439, 451, 453, 453, 460, 462, 466, 470, 480, 480, 498, 506, 520, 522, 533, 537, 541, 585, 606, 606, 617, прил.1, прил.4.

Соловьев Н.М.: 537, 539.

Соловьев С.М.: пред., 24, 57, 424, 426, 596.

Соловьева Н.С.: 51.

Соловьева П.С.: прил.6.

Спиноза Б.: 147, 381, 452, 505.

Станевич В.О.: 412, 412.

Стахович А.: 28, 28, прил.

Степун Ф. (Степпун): 12, 14, 16, 17, 24, 40, 51, 61, 92, 165, 180, 180, 205, 247, 248, 251, 269, 293, 321, 321, 324, 370, 412, 420, 439, 441, 470.

Стечкин: 17.

Столлнер Б.Г.: 17, 110, 110, 505, 577, прил.6.

Столыпин П.А.: 53, 53, 75, 90, 92, 247, 252, 259, 267, 282, 289, 289, 291, 332.

Страупман: 110.

Страхов: 398.

Стринберг А.: 547.

Струве Н.А.: 16, 113, 114, 125, 130, 132, 133, 134, 136, 137, 150, 152, 157, 160, 163, 389, 399, 449, 642.

Струве П.Б.: Введ., 19, 28, 28, 36, 48, 56, 109, 117, 198, 198, 226, 231, 269, 305, 342, 351, 410, 535, 548, 560, 560, 561, 564, 562, 580, 602, 617, 628.

Суворин М.А.: 505.

Сумцов М.: 332.

Сухотин: 585.

Сыромятников В.И.: 267.

Сытин И.Д.: 17, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 40, 46, 452, 168, 176, 176, 185, 257, 264, 264, 461, 520, 540, 584, 594.

Сытин Н.И.: 579.

Тареев М.М.: 70, 70, 407.

Тарувские: 260.

Терещенко М.И.: 39, 39.

Тернавцев В.А.: Введ., 16, 20, 52, 52, 54, 57, 79, 86, 110, 126, 144, 146, 375, 398, 445, 487, 609, 641, прил. 6.

Тесленко Н.В.: 176, 176, 185, 264.

Титов, врач: 145, 187, 189, 298.

Тихомиров П.: 94, 94.

Тихомиров П.И.: Введ.

Тихон (Беллавин), патриарх: 638, 638.

Толстая М.Н.: 370.

Толстая С.А.: 337.

Толстой А.Н.: 550, 567, 570, 574.

Толстой Л.Н.: 17, 62, 65, 70, 80, 84, 84, 96, 162, 228, 231, 241, 250, 250, 253, 253, 308, 312, 313, 314, 314, 316, 317, 321, 322, 323, 324, 330, 331, 334, 336, 337, 337, 342, 354, 356, 370, 390, 398, 402, 405, 505, 505, 550, прил. 4.

Толстой Н.: 214, 214.

Томара С.: 626.

Трегубов И.М.: 51, прил.6.

Третьяков П.М.: 11.

Троицкий С.: 231.

Троцкий С.В.: 98, 445.

Трояновские: 637.

Трубачев А.: 104, 206, 398, 403, 407, 434, 445, 450.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах

Трубецкая (Щербатова) В.А.: 128, 234, 235, 236, 237, 240, 245, 247, 259, 261, 277, 309, 388, 469.

Трубецкая С.Е.: 261, 469, 614.

Трубецкая П.В.: 211, 211.

Трубецкой А.Е.: 234, 510, 510, 603, 603.

Трубецкой В.С.: 391, 391.

Трубецкой Г.Н.: 245, 245, 425, 451, 456.

Трубецкой Е.Н.: Введ, 17, 19, 29, 30, 30, 36, 39, 40, 46, 51, 54, 407, 109, 109, 123, 144, 148, 161, 164, 165, 167, 168, 169, 173, 176, 179, 179, 181, 205, 218, 224, 226, 231, 234, 237, 239, 245, 248, 250, 251, 253, 259, 261, 266, 267, 271, 273, 277, 279, 280, 297, 305, 308, 310, 320, 326, 332, 337, 342, 345, 346, 347, 351, 354, 360, 360, 370, 381, 382, 391, 394, 394, 398, 402, 424, 425, 429, 431, 460, 465, 465, 466, 467, 478, 480, 485, 486, 490, 506, 510, 515, 525, 527, 533, 533, 535, 540, 541, 542, 546, 547, 554, 554, 557, 566, 576, 564, 571, 586, 592, 601, 603, 606, 614, 616, 621, 629, 630, 633, 638

Трубецкой Паоло: 188.

Трубецкой С.Е.: 234, 469, 485, 638.

Трубецкой С.Н.: Введ., 19, 35, 146, 194, 211, 226, 272, 337, 352, 557, 557, 605, прил. 5.

Туган-Барановский М.И.: 19, прил.6.

Турбин В.М.: 105, 105, 254, 560, 606.

Тыркова А.В.: 410.

Тьерри А.: 124, 124.

Тютчев Ф.И.: Введ., 277, 395, 413.

Уайльд О.: 547.

Ульянов: 551.

Умов Н.А.: 254, 267.

Унфуг О.: 47, 47, 87.

Успенский Л.В.: Введ., 51, 52, 370, 381, 429.

Успенский В.В.: прил. 6.

Устинов В.М.: 267.

Устрялов Н.В.: 381, 382.

Фальковский Е.А.: 264, 268.

Фаминский: 413.

Федотов Г.: Введ.

Фейербах Л.: 16, 16, 17, 17, 405.

Фет А.А.: 395, 413.

Феодор (Бухарев), архимандрит: 39, 39, 57, 110, 468, 611.

Феодор (Поздеевский), епископ: 62, 96, 96, 126, 126, 633, 633, 641.

Федоров М.М.: 93, 93, 108, 349.

Федоров Н.Ф.: 34, 109, 109, 110, 195, 258, 354, 370, 392.

Филиппов М.М.: 16.

Философов Д.В.: Введ., 39, 39, 54, 54, 57, 69, 73, 73, 76, 76, 79, 93, 95, 108, 227, 231, 476, 478, 505, прил.6.

Фихте И.Г.: Введ., 227, 272, 278, 370, 381, 382, 382, 394, 443, 457, 459, 476, 491, 507, 510, 608.

Фишер Куно : 40, 243, 272, 440.

Флоренская (Гиацинтова) А.М.: 136, 206, 206, 219, 230, 260, 502

Флоренская О.А.: 102, 106, 156, 483, 520

Флоренская О.П.: 9, 520.

Флоренская Ю.А.: 78, 78, 106, 153, 230, 260, 281, 483, 560.

Флоренский А.А.: 230, 230

Флоренский А.П.: 230.

Флоренский В.П.: 313, 313

Флоренский К.П.: 600, 600

Флоренский П.А.: 1, 2, 2, 3, 5, 7, 8, 8, 9, 10, 17, 19, 26, 34, 34, 36, 39, 61, 62, 63, 70, 70, 78, 81, 90, 94, 96, 102, 104, 104, 105, 106, 109, 109, 110, 111, 113, 113, 114, 118, 122, 125, 130, 132, 133, 136, 136, 143, 150, 152, 157, 160, 170, 172, 179, 179, 195, 206, 214, 219, 230, 231, 240, 240, 242, 257, 258, 260, 281, 283, 308, 323, 342, 342, 370, 376, 376, 377, 387, 394, 394, 398, 399, 399, 401, 402, 403, 410, 412, 412, 413, 426, 434, 434, 436, 437, 438, 450, 465, 470, 473, 476, 480, 480, 484, 485, 486, 486, 487, 500, 502, 507, 520, 520, 529, 543, 544, 545, 547, 549, 560, 568, 569, 577, 597, 600, 611, 629, 629.

Флоринский В.М.: 597, 597.

Флоровский Г.: 398.

Фогаццаро А.: 250, 250.

Фохт Б.: 251, 251, 349, 394.

Франк С.Л.: 39, 170, 205, 207, 207, 209, 209, 222, 420, 540, 602, прил.3.

Франциск Ассизский, св.: 31, 31, 354.

Фрей П.: 1.

Фрейд З.: 277, 461.

Хвостов В.А.: 267.

Хвостов В.М.: 148, 148, 224, 244, 247, 247, 254, 261, 293, 305, 439, 603.

Хейзинга Й.: Введ.

Хлебников В.В.: 16.

Хомяков А.С.: Введ., 17, 214, 283, 321, 321, 344, 345, 361, 375, 405, 576.

Хомяков Д.А.: 398.

Хорошко В.К.: 633, 633.

Христофорова К.П. 24.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
Цветков Н. свящ.: 17.

Цветков С.А.: 387, 387, 390, 398, 450, 458, 468.

Церетели И.Г.: 1.

Цингер А.В.: 267.

Циммерман: 264, 264.

Цукерман: 64.

Чаадаев П.Я.: 121, 121, 346, 370, 402, 413, 459, прил.4.

Чаплыгин С.А.: 267.

Чеботаревская А.М.: 106, 106, 207, 440, прил.6.

Челищев Д.Н.: 610.

Челноков: 620.

Челпанов Г.И.: 5, 146, 146, 162, 169, 170, 175, 194, 202, 208, 208, 225, 240, 319, 320, 321, 328, 352, 378, 498, 499, 527, 536, 573.

Четвериков С., прот.: 110.

Четвериков С.И.: 269, 271, 278, 278, 282, 588, 593, 614.

Чехов А.П.: 97, 320, 320, 410.

Чичерин Б.Н.: 370, 370, 376.

Чоглокова Л. 440.

Чулков Г.И.: Введ., 17, 17, 547, 563.

Чюрлонис М.К.: 547.

Шагинян М.С.: Введ., 122, 333, 342, 410, 445.

Шадурский: 264.

Шамшина: 632.

Шапошников Н.Н.: 267

Шацкая В.Н.: 637.

Шварсалон (Иванова) В.К.: 107, 174, 255, 412, 420, 449, 495, 526, 530, 547, 558, 567, 570, 574, 578, 629, 640.

Шварсалон К.К.: 517, 570, 57.

Шварсалон С.К.: 517, 570, 570.

Шварц, врач: 239, 243, 251, 391.

Штеглих Д.: Введ.

Шеллапутин: 35.

Шеллинг Ф.В.: 227, 243, 370, 381, 413, 443.

Шер Василий Д.(чмич): 37, 38, 47, 61, 78, 158.

Шер В.В.: 161, 175, 176, 226, 256, 257.

Шер Вера Д.: 156, 158, 161, 170, 176, 257, 268.

Шер О.Д.: 61, 78.

- Шеррер Ютта: Введ.
- Шершеневич Г.Ф.: 267,
- Шестаков: 507.
- Шестов Лев: 17.
- Шиллер И.Ф.: 405.
- Шипов Д.Н.: 259.
- Шишкин А.Б.: Введ., 95.
- Шлецер Т.Ф.: 560.
- Шмидт А.Н.: 470, 493, 539.
- Шопен Ф.: 438.
- Шпет (Шпетт) Г.Г.: 251, 251.
- Штаммлер: 394.
- Штейнберг А.: 280.
- Штейнер Р.: 321, 337, 337, 353, 370, 404, 404, 410, 410, 420, 424, 445, 445, 459, 465, 470, прил. 5.
- Штроссмайер Й. Ю., епископ: 248, 248, 250, 273.
- Шулкарский: 354.
- Шукхард К.: 135.
- Шургаия А.В.: 445.
- Шум: 398.
- Шуман: 300.
- Щербов: 398, прил. 6.
- Шукин Сергей, свящ.: Введ., 283, 300, 305, 314, 315, 316, 317, 319, 320, 322, 323, 325, 328, 342, 413, 431, 434, 476.
- Щукин, меценат: 484, 524.
- Экхарт И.: 390.
- Эйкен Р.: 353, 353.
- Эйхенвальд А.А.: 267.
- Экземплярский В.И.: 314, 332, 342, 370, 375, 596.
- Эллис (Л.Л.Кобылинский): 68.
- Эригена (Эриугена) Скот: 394.
- Эрн Е.Д.: 105, 155, 202, 231, 399.
- Эрн В.Ф.: 1, 2, 5, 6, 7, 8, 10, 16, 16, 17, 17, 19, 19, 30, 31, 32, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 39, 40, 43, 44, 48, 51, 52, 57, 58, 59, 60, 63, 64, 65, 69, 70, 71, 72, 73, 76, 78, 79, 87, 90, 91, 92, 94, 96, 98, 100, 101, 102, 103, 109, 109, 122, 149, 152, 162, 168, 179, 185, 189, 195, 196, 197, 200, 200, 207, 208, 209, 211, 214, 218, 219, 221, 226, 227, 231, 233, 240, 241, 241, 246, 250, 256, 257, 258, 260, 264, 265, 266, 269, 269, 271, 271, 281, 282, 285, 288, 288, 293, 300, 303, 303, 305, 308, 308, 315, 317, 321, 322, 323, 331, 332, 333, 340, 342, 346, 356, 359, 370, 375, 387, 389, 394, 395,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. 396, 401, 402, 403, 405, 406, 410, 413, 419, 422, 427, 430, 431, 432, 434, 435, 438, 444, 449, 450, 464, 468, 470, 473, 479, 484, 493, 493, 495, 498, 501, 503, 518, 519, 520, 521, 523, 524, 525, 533, 537, 539, 540, 541, 543, 547, 549, 559, 561, 562, 563, 575, 584, 595, 606, 628, 629, 629, Прил. 2 (примеч), Прил. 6.

Эрн (Кублицкая) д. ф.: 106, 106, 558.

Эрн (Калашникова) И.В.: Введ., 156, 156, 629.

Эрн Н.Ф.: 38.

Эрн Ф.К. 155.

Эткинд А. 379, 461.

Эфрос Н.Е.: 116, 116.

Яковенко Б.В.: 250, 269, 269, 271, 280, 293, 317, 332, 335, 349, 360, 360, 370, 370, 376, 376, 382, 387, 387, 420, 437, 457, 459, 485, 510.

Якунчикова (Мамонтова) М .ф.: 251, 251.

Ярославский Е. (Губельман): 34.

Яценко А.С.: 376.

Примечания

1

Понятия "христианская общественность" и "христианская политика" были введены в обращение В.С. Соловьевым в работах 1880-90-х годов (Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика. Собр. соч., в 10 т. СПб. 1912, т. 4, с. 1-114. О подделках, там же, т. 6, с. 327-339). Развивая учение о Богочеловечестве на основе христологического догмата, он полемизирует со сторонниками псевдохристианского индивидуализма, утверждавшими "неотмирность" Евангелия, и потому невозможность для христианина участвовать в политике. Философ обвинял своих оппонентов в докетической ереси, в "подделке христианства", которую они совершают, умаляя роль человеческой личности в Богочеловеческом процессе таинственного созидания Царствия Божия. В его понимании «Царствие Божие есть полная реализация божественного в природно-человеческом чрез Богочеловека-Христа, или другими словами – полнота естественной человеческой жизни, соединяете его чрез Христа с полнотою Божества. Напоминая слова Иисуса о том, что «Царствие Божие силою берется, и употребляющие усилие восхищают его», Соловьев заключает, что «Царствие Божие, совершенное в вечной божественной идее ("на небесах"), потенциально присущее нашей природе, необходимо есть вместе с тем нечто совершаемое для нас и через нас. С этой стороны оно есть наше дело, задача нашей деятельности... Итак, идея царствия Божия необходимо приводит нас (разумеется всякого сознательного и искреннего христианина) к обязанности действовать – в пределах своего призвания – для реализации христианских начал в собирательной жизни человечества, для преобразования в духе высшей правды всех наших общественных форм и отношений – то есть приводит нас к христианской политике».

2

В.Свенцицкий. Проект программы "Христанского братства Борьбы", М., 1906. См. Приложение 1.

3

Г.Федотов. Об антихристовом добре. Лицо России. Ымца-Пресс. Париж. 1988, с. 44.

4

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.

Путнам Г.Ф. Россия и альтернативы: христианский социализм и либерализм в XIX и начале XX в. – Кнохвилле. 1977. Здесь и далее цитируется по: Христианский социализм или социальное христианство? (Русская религиозная мысль и общественный вопрос в XX в.) Цит. по обзору Р.А.Гальцевой и И.Б.Роднянской // Проблемы православия в зарубежных исследованиях. Реферативный сборник. ИНИОН. М., 1988, с. 215–238.

5

Аксенов-Меерсон Михаил. Православие и свобода. Ццалидзе Публикационс. 1986.

6

С. Булгаков. От марксизма к идеализму. Сборник статей. 1902.

7

Проект программы ХББ, см. Приложение 1.

8

Там же.

9

Колеров М. А., С.Н. Булгаков и религиозно-философская печать. 1903–1905 // Вопросы философии. 1993, № 11, с. 101–114.

10

Ленин В.И. ПСС. 4 изд., т. 16, с. 106.

11

Карташев А.В. Мои ранние встречи с отцом Сергием Булгаковым // Православная мысль. Труды Православного богословского института в Париже. Вып. еUсігс;Х, Париж, 1953, с. 47–55.

12

Там же, 51–52.

13

Вопросы жизни. №2. 1905.

14

Там же, с.35.

15

Там же, №1, с. 36.

16

Там же, №9, с.28.

17

Там же, №2, с.358.

18

Вопросы жизни, 1905, №4-5, с. 101-117.

19

Там же, №6, с.293-317.

20

Г.Чулков. Годы странствий, с.151

21

ЖМП. 1981. №9,10.

22

//Вперед, № 11, 10/23 марта 1905. Редактором еженедельника был В.Ульянов (Ленин). Представляется вполне вероятным, что текст Программы был доставлен в редакцию В.Эрном, который приехал в еІасute;вейцарию в конце 1904 и здесь познакомился и подружился с Вяч. Ивановым и Л.Зиновьевой (Аннибал).

23

Свенцицкий В. Христианское Братство Борьбы и его программа...

24

Там же. Следует отметить параллелизм текста "Обращения к войскам" и проповеди, произнесенной П.Флоренским (тогда еще студентом МДА) 12 марта 1906 года, изданной впоследствии отдельной брошюрой. См. Павел Флоренский. Вопль крови. Слово в неделю Крестопоклонную. Сказано в храме МДА, за литургией 12 марта 1873 г. по смерти И<исуса /> Хр<иста />.М., 1906. Издание М-на и Х-ва. В своем Слове П.Флоренский открыто обличил правительственный террор во время и после подавления революции 1905 года. Содержание этой проповеди и публикуемые письма (32, 34) свидетельствуют о близости П.Флоренского к позиции основателей ХББ, о его участии в акциях этой нелегальной организации: рассылка обращений и листовок (в том числе брошюры «Вопль крови»), подбор потенциальных сторонников и сотрудников. Известно также, что за эту проповедь П.Флоренский был арестован, но вскоре по ходатайствам друзей из академических кругов освобожден. В п. 34 саркастически упоминается предложение Мережковского написать статью об опыте пребывания в тюрьме.

25

В.Свенцицкий. ХББ...

26

В.Свенцицкий. ХББ...

27

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
В.Свенцицкий, В.Эрн. Взыскующим Града. №1, М.1906.

28

С.Н.Булгаков. Неотложная задача. М., 1906, с.35–36.

29

Народ. 1906, №1, с.1.

30

Живая жизнь. Орган критического осмысления настоящего. Редактор В.Д.Гукович. №1 вышел 27.11.1907, №4 (последний) – 30.01.1908. В.Эрн опубликовал здесь следующие статьи: Христианство и мир, №1, с.15–46; Старообрядцы и современные религиозные вопросы, № 1, с. 9–14; Социализм и проблема свободы, №2, с.40–87. См. Колеров М.А. Издания «Христианского Братства Борьбы» (1906–1908). Новое литературное обозрение. 1993, № 5.

31

Век. Еженедельник религиозно-общественной жизни и политики. Редактор В.А.Никольский. При участии А.Карташева, архим. Михаила Семенова, священн. К.Аггеева, В.Свенцицкого, В.Эрна, А.Ельчанинова, П.Флоренского, С.Булгакова, Н.Бердяева, С.Аскольдова, Д.Философова, В.Розанова. Выходил с 12.11.1906 по 8.07.1907.

32

Церковное обновление. – двухнедельное приложение к "Веку", выходившее с ноября 1906 по март 1907 г.

33

Религия и жизнь. Редактор-издатель В.А.Говоров. В.Адлер <В.Эрн />. Из диалогов о современности. О смирении и свободе. №1, 1908, с.37–41; М.Каблуков, священн., В.Эрн. К вопросу о современном значении старообрядчества (из газетной переписки), №1, с.75–82; Г.Векилов <В.Эрн />, с.3–5; В.Адлер <В.Эрн />. Храм или биржа, №1, с.11–13.

34

М.Меерсон-Аксенов. Книгоиздательство "Путь". Машинопись.

35

С.Булгаков. О Союзе христианской политики", Вопросы жизни, №.8, 1905.

36

Прот. Сергей Булгаков. Автобиографические заметки (посмертное издание). ЫМЦА-ПРЕСС. Париж, 1946, с.79.

37

Андрей Белый. Начало века, с.461.

38

Поправка: в этот период М.К. жила в особняке, расположенном на углу

39

Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991, с. 190, 191.

40

Ср. письмо П.Н.Милюкова М.К.Морозовой // ОР РГБ, ф. 171.2.1.л. 7-8:

П.Н.Милюков – М.К.Морозовой

<октябрь 1905 ? />

Милый друг, третий день я с утра до вечера провожу в Петербурге в хлопотах по газете и домой возвращаюсь после полуночи, с последним поездом. Политическое положение складывается с каждым днем все мрачнее. Витте, по-видимому, решил, что все равно, хуже не будет, и что надо испробовать твердую руку. На совещании с министрами общественные деятели (Гучков, Ефимов, Стахович, Кузьмин-Караваев, Муромцев) все высказались за "всеобщее" – последний и за прямое, – а министры молчали. Дурново был бы за минимальные прибавки к избирательному закону 6 августа; от "всеобщего" по-видимому, за исключением двух-трех министров, все остальные готовы отказаться. Все это упрощает положение: о "поддержке" при таких условиях уже и речи быть не может. Сегодня депутация от бюро съезда, по желанию Витте представила резолюцию с объяснительной запиской, очень хорошая и решительно написанной. Витте, по-видимому, этого не ожидал, намекая, что съезд находится под влиянием не-земских элементов – например... М.М.Ковалевского – и заявил, что ответит письменно и опубликует ответ вместе с запиской. Это еще не так плохо: теперь съезд очень выиграет в общественном мнении, после ответа Витте.

У нас газета еще не началась – начнется 1-го декабря, – но начались уже некоторые внутренние трения. Друг мой, – между идеей – даже не отвлеченной, платоновской, а конкретной – политической, – и ее осуществлением – какое огромное расстояние! Сколько разнородных элементов надо съездить, ассимилировать, чтобы машина делала именно то, что Вам хочется, чтобы она работала. А при общем остром питерском настроении, которое совершенно не то, что среднее настроение в Москве и в провинции – страшно трудно, почти невозможно. Я хотел было, помятуя наш разговор, назвать газету «Миром». Куда тут! «Борьбой» еще можно бы, а «Мир» – это измена, предательство! Ну, вот Вам сколько деловых сообщений.

Переходя к отделу "неофициальному", чувствую некоторое затруднение, которое в первые дни по возвращении не чувствовал вовсе. Опять закрадывается сомнение, опять кажется, что все мое настроение висит в воздухе, и там, за 600 верст, не встретит отклика, окажется совсем не нужным, никчемным. Не сердитесь, голубчик, – или нет, пожалуйста, рассердитесь и разбраните меня хорошенько, как Вы умеете бранить, за эти тени и облака. Но как Вы разбраните, как узнаете? Ведь письмо неизвестно когда дойдет – и тогда будет какое-нибудь совсем новое настроение. Не грешно ли, право, что мы даем пройти этому времени, которое могли бы превратить в чистое золото личных отношений.

Меня прервали на полуслове, и только день спустя могу вернуться к письму. Целые дни вожусь с газетой: чем ближе подходишь, тем виднее, какая это огромная и сложная машина. Нервы сильно треплются, а на душе в то же время сумятица. От той "логической ясности", которая Вам так не нравилась, не осталось и следа, и только Вы могли бы ее вернуть. Мне страшно нужно Вас видеть, Вас чувствовать близко: я уверяю себя, что Вы ведь скоро приедете, двухнедельный срок подходит к концу, и сам себе не верю, что это было: сон или действительность? Порыв доброты или внутренняя потребность? Может быть, Вы жалеете, что обещали? Может быть, это будет милостыня. Я и жду Вас и боюсь смертельно этого свидания. Оно столько должно дать, столько выяснить; и вдруг, что если со спокойным тактом светской женщины Вы мне скажете, что я думаю и чувствую, как мальчик! Ведь может быть, это и правда, но мне-то от этого не легче. Скажите мне, что я на Вас клевету, что я неблагодарен, обрушьте на меня новую бурю: Вы не поверите, как мне это страшно нужно.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Опять перерыв в целый день – день полный неопределенных переговоров по поводу газеты. Издатель «Биржевых ведомостей» – Проппер, выражаясь деликатно, человек очень практический, что называется жила-человек. Отдав газетку нам, он в тоже время старается сохранить в ней достаточно простора для себя и для своего жакторума, юркого полячка из типа таких, которые «без мыла пролезут». Отпор приходится давать главным образом мне: мой приятель утверждает, что я «держу его за горло». Но несмотря на моюадамантову твердость, он выскальзывает увертывается и в ближайший момент ищет нового пути к прежней цели с какой-нибудь неожиданной стороны. Это неприятно, утомительно, да и главное, рисует очень неприятные перспективы столкновений самого низменного свойства в будущем. Начинаю понимать правильность Ваших осторожных предостережений. Сегодня отправил ему довольно резкий отказ на одну из его финансовых атак, – и мечтаю, просто-таки мечтаю, чтобы вся комбинация разрушится, и я буду свободен!

На душе стало немножко спокойнее, какой-то отлив, затишье после бури. Перечитал в этом настроении все письмо, и стало немножко стыдно. Почему стыдно в точности не сумею сказать. Может быть, потому, что писал его, как будто 16-летний, а не 40-летний субеззліг;ект; может быть потому, что как-то уж бледно легло на бумагу все, что терзало и мучило в последние дни; может быть, и самый предмет, или лучше – повод, – терзаний и мучений как будто, не такой уже реальный, как тогда казался; может быть, все это как-то чересчур по-детски прочувствовано. Но пусть все идет к Вам; Вы уж там разберете и, должно быть, поставите три с минусом, если не меньше. А ведь хотелось бы, знаете, какую-нибудь богатейшую натуру в себе ощутить, чтобы все это перед Вами рассыпаться: на бери!

Странно, написал это, и, как в лабиринте, чувствую, что нечаянно вышел неведомыми путями опять на прежнее место, знакомое место, бойкое место. Леитмотиввсе тот же: «полюби нас серенькими»... Почему я люблю Ваше лицо? Ведь не потому, что оно – абсолютный образец красоты. Я люблю не одну его красоту, но и его недостатки; и может быть даже недостатки в нем люблю больше его красоты, потому что эти недостатки делают это лицо – индивидуальным, милым, дают ему характер. Мне эта живая связь дорога.

Ну, нет, не буду писать, что в нем лучше и что хуже, а то, пожалуй, опять зарепортуюсь. Я хотел олько сказать то, что когда-то сказал Вам в первые дни знакомства. Страшно больно и тяжело делается на душе, когда Вы чувствуете, что в Вас интересуются не Вами самими, а какой-нибудь частностью в Вас, чем-нибудь показным, что всегда видно, – тем, что блестит, а не тем, в чем корень Вашей жизни. А уж если кто и этим заинтересовался, подошел поближе, разобрал внимательно, поморщился и пошел мимо: угадайте сами, каково это вынести. Да и не "кто-нибудь", а тот один человек в міре, которого (по Платону) Вы признаете своей "половинкой".

ОР РГБ, ф.171.2.1, л. 7–8.

41

Думова Н. Московские меценаты. М., 1992.

42

Сообщение о повторной регистрации МРФО //Русские ведомости. 3.08.1906, с. 3.

43

Параллельно с МРФО в доме М.К.Морозовой время от времени собирался философско-юридический кружок под председательством кн. Е.Н.Трубецкого, темы некоторых докладов которого публикуются в Приложении 3.

44

Цит. по: Ф. Степун. Бывшее и несбывшееся., с. 367.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
45

Арсеньев Н.С. Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне, 1974. С. 61-63, цит. по: Половинкин С.М. Философские и религиозно-философские общества. //Русская философия. Словарь. М., 1995. С. 579.

46

Булгаков С. На пиру богов. Про и контра. Современные диалоги. // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1918. См. также в настоящей публикации п. № 635.

47

Текст предисловия опубликован в Приложении 4 настоящего издания.

48

При написании обзора изданий "Пути" я с благодарностью использовал неопубликованную работу М.Меерсона-Аксенова "Книгоиздательство "Путь". – В.К. Подробно десятилетняя история становления и деятельности книгоиздательства "Путь" изложена в работе Е.Голлербаха «Религиозно-философское издательство "Путь". 1910–1919», там же опубликован и полный каталог его изданий.

49

Лосев А.Ф. Вл. Соловьев. Мысль. М. 1983. С. 80.

50

Предисловие. См. Приложение 4.

51

Здесь и далее числа в круглых скобках отсылают к номерам документов опубликованных в данной книге.

52

Заседание 6.12.1908. Суббота. Из п. А.С.Яценко – Сакулину, б.д. РГАЛИ, ф.444, оп.1, ед.хр. 1044.

53

См. примеч. к п. № 103.

54

См. примеч. к п. № 109.

55

Ср. воспоминания М.еIасите;агинян. Человек и время // Новый мир. 1978, № 9–12.

56

ОР РГБ ф. 167.6.13.

57

Морозова М.К. Метнер. Цит. по: Лавров А.В. «Труды и дни». //Русская литература и журналистика XX века. 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., Наука, 1984, с. 194, 195.

58

Московский еженедельник. 1910, №29, с.31–40; №30, с.29–40; №31, с.33–44; №32, с.33–42.

59

Федор Степун. Бывшее и несбывшееся. Изд. 2-ое, тт. 1–2. Лондон., 1990, с. 258.

60

Там же. С. 282.

61

Предисловие к книге Эрн Владимир. Г. С. Сковорода (1722 –1794). Путь. М. 1912. С. eUсіrc;+342. Рец.: П.А. Книга о Сковороде. //Русская молва. СПб. 8.01.1913. Д.Философов. // Речь. № 135. 1913.

62

Там же.

63

В.Эрн.Культурное непонимание (Ответ Франку). //Русская Мысль". 1910, т.10, ч. 2. с.116–129. Затем последовал ответС.Франка.Еще о национализме в философии. Ответ на ответ В.Ф.Эрна. //Там же, с. 10–137. Эрн ссылается на статьюВяч. ИвановО веселом ремесле и умном веселии // Золотое руно 1907, 5; Собр. соч., т. 3, Брюссель, 1979. Однако Вяч. Иванов определяет этими словами не диалектику, а культуру в целом: «Будет ли у нас, наконец, искусство веселым ремеслом, каким оно хотело бы стать, – а не иеремиадой и сатирой, как оно определило себя едва ли не с начала нашей письменности, – не учительством и даже не пророчеством, но умным веселием? Ибо не вином только весел человек, но всякую игру своего божественного духа. И будет ли ремесленник веселого ремесла выполнять веселые заказы, а не скорбеть и поститься, как Иоанн, – и, как Иоанн, называть себя "голосом вопиющего в пустыне"?<... /> Вот имя культуре: умное веселие народное». Вяч. Иванов практически предвосхищает известную мысль Й. Хейзингиесент; восходящую к Ф. Ниц,е: «Игра в культуре – это данная величина, которая проявляется раньше культуры и сопровождает и пронизывает ее насквозь с самого начала и до той фазы, какую переживаешь ты сам.»чуизинга Й.Чомо луденс.Цит. по:Михайлов А.В.Хейзинга в историографии культуры, приложение к:Хейзинга Й.Осень средневековья. М., Наука, 1988, с. 433.

64

См. биографическую справку к п. № 1.

65

Эрн заявил тогда: «Я убежден, во-первых, что бурное восстание германизма предreshено аналитикой Канта; я убежден, во-вторых, что орудия Круппа полны глубочайшей философичности; я убежден, в-третьих, что внутренняя транскрипция германского духа философии Канта закономерно и фатально

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах. В.Эрн. От Канта к Крупну. //Меч и крест. М.. 1915. Один из рецензентов этого доклада саркастически заметил: "В нем научно-детская надменность сочетается с пафосом человека, желающего быть оригинальным." Рысс П. От Вл. Соловьева к Вл. Эрну // День, 27.11.1914.

66

Памяти Эрн. Машинописный сборник. Архив Эрн, частное собрание. С сокращениями опубликован //Русская Мысль. 1917. № 7.

67

С.Булгаков //Памяти Эрн

68

В.Эрн. Верховное постижение платона. //Вопросы философии и психологии. 1917. Т. 2-3.

69

М.К.Морозова – Е.И.Полянской<4.08.1905. Биариц-Москва>

Дорогая моя!

Мы приедем в субботу 29-го августа /> днем по Брестской дороге. Если бы Вы знали, как я жду возвращения. Это хорошо, что я прожила внутренней жизнью, почитала, подумала, отдохнула, но теперь довольно. Мне хочется жизни и деятельности. Но насчет Обломова и еІасите;тольца Вы правы и неправы*. Житейски это так, еІасите;толец мог бы мне многое дать, но никогда не мог бы дать того, что может дать "он". Кроме "него" может только Христос. Положение моей души поистине драматическое сейчас. Вы узнаете и не можете пока этого понять, когда поговорим – все увидите. Борьба моя вовсе не житейская, а в самой глубине, борьбаличногос Богом, с Христом, который здесь личного не допускает, как в нем, так и во мне совершенно одинаково. А чтоконечили победа должны придти, я в этом не сомневаюсь. И придет, но искусственные решения здесь невозможны, мы слишком близки. Особенно мы пережили сильные и какие-то священные минуты здесь, заграницей.Победую предполагаю только в том, что угаснет такое острое желание, но сохранится то светлое с ним, что мне так дорого и незаменимо. Это зависит от его сил и от моих.Конецбудет, если даже и будет известное событие, но будет потеряна светлая небесная сторона всего. Уверяю Вас, что у меня даже волосы поседели, так я здесь мучилась. Я предполагаю для себя возможным теперь в крайнем случае, какого-нибудь другого человека, чтобы только успокоить эту бурю. Пишу очень беспорядочно, трудно такие важные вещи так просто сказать. Поймите одно, что я "его" люблю очень глубоко и не расстраивайтесь этим, а радуйтесь. Только через глубокие страдания можно придти к Богу и к людям. Конечно жалко людей бесконечно и Вам жалко меня, но пока мір так несовершенен, до тех пор это еще так. А неужели Вам хотелось бы чтобы моя жизнь разрешилась буржуазно-благополучной связью с обманом. Чтобымоя душана этом остановилась! Если бы душа не была затронута, а так общие характеры, общие интересы – это другое, я допускаю компромисс. С еІасите;тольцем это возможно. А здесь, где вся моя душа, и вдруг в ее святую – ложь и обман! – никогда! Возможна катастрофа – это другое дело! Или какой-нибудь другой случай, но без души для меня! Прочтите это письмо со вниманием и услышьте его, умоляю Вас, и Вы поймете. От подвига я не только не отказываюсь, но вижу единственный в нем исход для своей души! А житейское должно разрешиться непременно само скоро.

Целую очень крепко.

ОР РГБ, ф. 171. 3.10. Датировано по пчт. шт.

* По всей видимости, под именем «Обломов» подразумевается "он", возлюбленный М.К., кн. Е.Н.Трубецкой, а именем «еІасите;толец» обозначен П.Н.Милюков.

70

Этот мотив проявляется в ее письмах к Трубецкому в августе-сентябре 1910: "Надеюсь, что В.А. успокоило хотя бы известие о прекращении Еженедельника />: она поймет и поверит, что не на словах только, а на деле есть желание все сделать к лучшему <... /> Надеюсь она видит и верит, что по-прежнему продолжаться не будет <... /> Важно устроить жизнь так, чтобы ежедневно ты мог спокойно работать, а В.А. не волновалась бы тем, что ты сейчас где-то со мной. Я уверена, что в этом отношении закрытие Еженедельника – огромная вещь. Это одно внесет большую перемену и успокоенье, а затем и редкие свидания, я надеюсь довершат все это. Нужно, чтобы В.А. убедилась, что ты проводишь с ней больше времени, чем со мной". Цит. по публикации: А. Носов// Новый мир, 1993, №9.

71

Драматизм отношений М.К. и Е.Н и их проекция вовне проявляется, в частности, в следующем письме ближайшей подруге, которой М.К., как матери, доверяет самое сокровенное.

М.К.Морозова – Е.И.Полянской

<20.07.1908. Москва – Галич, Костромской губ., имение Кабаново>

Дорогая моя Мамочка! Целую и обнимаю Вас! Здравствуйте, моя милочка! Спасибо за Ваше письмо, за труд, положенный в него! Конечно, как всегда, я все это решу сама, но Ваша душа мне очень очень нужна! Как мне досадно, что все Вам пишу об "этом", о моем личном! У Вас может составить ложное представление о моей жизни и моем настроении. Дел в том, что моя жизнь за это лето так полна духовно, так много всего я продумала и пережила во области обесцвеченного, что писать Вам не решаюсь, оставляю до встречи! Вам я не могу кратко написать, нужно много, много сказать! Очень я сравнительно созрела в религиозном своем миросозерцании! Если бы Вы знали, в каком подесцвеченном духа я все время жила! В музыке я тоже разрабатывала оттенки тончайших чувств! Рада буду бесконечно поделиться. Конечно временами мелькают у меня заботы о том, как быть. Эти заботы я никому не могу передать и вот пишу Вам! Но не думайте, что я живу только "этим". Так же и с детьми много сделано хорошего! Даже Наталья Васильевна меня полюбила. Это все я пишу, чтобы рассеять Ваши мысли о том, что я только погружена в "то". Нет я очень поправилась, посвежела и помолодела, чувствую себя превосходно. Вот только сейчас мне очень гадко, ангел мой, мамочка! Я в Москве одна в пустом доме и одна, одна! Чувствую себя на развалинах с такую любовью построенного здания! Я одна и вот опять Вам пишу, хотела бы прислониться, прижаться к Вам, чтобы не видеть этого мрака одиночества! Мои сомнения относительно поездки в Москву разрешились "его" письмом. Он написал "глупое письмо" и там было сказано: «если приедете в Москву, то не забудьте взять книги Соловьева – мы поговорим». Это первое, а второе – мое настроение после той статьи разрешилось и душа наполнилась светом и раскаянием! Под влиянием христианства и Евангелия, которое я читаю, и его "правоты", я заклемила себя, свои грешные мечты и решила поехать, и даже, если зайдет разговор, то попросить у него прощения за недолжные чувства и сказать, что это, грешное, не суть моих отношений к нему, что я ищу подвига и верю в свою победу. Вот как радостно у меня на душе! Я приехала вчера, он уже звонил и сейчас же пришел. Мы провели вечер очень хорошо, читали Соловьева и беседовали радостно. Я была светла и покойна, но меня потрясло его волнение и желаниеразговора! На другой день он пришел ко мне опять, не хотел в редакцию, и целый день мы просидели! Сначала я играла все свои пьесы. Потом зашел разговор о его характере, я говорила, что он воплощение разума, что все у него покоряется размышлению; вообще я его себе представляю как мраморный, светлый, греческий храм, ну в этом роде. Я говорила просто и весело! Но это его, как всегда, задело, и он превратился в Юпитера Громовержца и начал меня отчитывать, что у меня нет никакой последовательности в мыслях, что я сбиваюсь в своем пути, если говорю, что боюсь за себя! Я ему говорила, помните, что боюсь иногда себя, потом злился, что я была тогда весной в редакции с ужасными глазами. Он тут припоминал все мои слова весной в смысле какой-нибудь ошибки. Что все это для него было так ужасно, что он стал раскаиваться, что так сблизился со мной, что, может быть, он был неправ, что дал мне повод думать, что у него

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. есть ко мне чувство больше, чем дружба, что этого нет, что он любит свою жену! До этой грозной речи я просила у него прощение за мои недолжные чувства и плакала! Тогда он изрек, что прощает мне и что доказательством того, как высоко он ставит меня, служит то, что он рассказал все своей жене и в таких красках обо мне, что она хочет ко мне приехать! Это все было сказано по-моему очень грубо по смыслу, но я обескуражена его раздражением на меня, которое несомненно. Более подробно об этом всем мы поговорим после, при свидании. Одно скажу, что больше уж, конечно, мечтать ни о чем не следует, а нужно изменить свое чувство! Это все Бог меня наказывает за грешные пожелания! После такой несчастливой жизни, такой крест опять! Ну что ж, кому много дано, с того много и спрашивается! Я должна смириться в душе, а тактику мы обдумаем. Скажу Вам, что меня не оскорбило бы, если бы вера или пришла ко мне, или положила конец этому, но это вечное напоминание и угроза меня убила! По существу он прав, он иначе действовать в жизни не может по своей твердости и прямолинейности. Я забыла Вам сказать, что при прощании он сказал, что очень счастлив, что видит, что мы можем быть опять близки, что он мне все прощает! Тут много во всем, что он говорил, верного! Кажется мне, что он на меня рассердился, а, главное, самолюбие и гордость, а тяжело ведь это все.

Вот и подоспел мой добрый и искренний рухнул! Я к нему с добром и самоотвержением, а он с гордостью, женой и самолюбием! Не легко это. Хотя он прав, но тогда зачем он влез во все это? И весной, не он ли меня смутил? Хотя он прав, а я виновата! Пожалейте меня, моя самая лучшая, дорогая! Вы бы так не ответили на чувство – так жестоко! Целую, жду словечка!! Скорее!

Ваша М.

У "него" по-моему очень тяжелый, замкнутый и памятный характер.

ОР РГБ ф. 171.3.10, л. 12–14.

72

Булгаковский текст предисловия не найден.

73

Письмо, не вошедшее в настоящую публикацию, от 28.09.1913 ОР РГБ ф.171.8.1.

74

См. его письма к Розанову ОР РГБ ф. 249. М 3823 (7), а также публикацию М. Колерова. Неопубликованные письма С.Н.Булгакова к В.В.Розанову. // Вопросы философии, 1992, № 10.

75

"...Спрашивал Г<ершензона> о "Пути" и Морозовой. Удивительная по уму и вкусу женщина. Оказывается, не просто "бросает деньги", а одушевлена и во всем сама принимает участие. Это важнее, чем больницы, приюты, школы. Загаженность литературы, ее оголтело-радикальный характер, ее кабак отрицания и проклятия—это в России такой ужас, не победив который нечего думать о школах, ни даже о лечении больных и кормлении голодных. Душа погибает: что же тут тело. И она взялась за душу. Конечно, ее понесли бы на руках, покорми она из своего миллиона разных радикалистов. Она этого не сделала. Теперь ее клянут. Но благословят в будущем. Изданные уже теперь "Путем" книги гораздо превосходят содержательностью, интересом, ценностью "Сочинения Соловьева" (вышла деятельность из "Кружка Соловьева"). Между тем книги эти все и не появились бы, не будь издательницы. Таким образом, простое богатство, "нищая вещь перед Богом", в умных руках сотворила как бы второго философа и писателя в России, Соловьева. Удивительно." //Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый. М. 1991, т. 2. с. 393–94.

76

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
См. Розанов В. Обаятельное и осязательное отношение евреев к крови. Спб. 1912. Автор приходит к выводу, что евреи должны употреблять в ритуальных целях кровь христиан.

77

Н.А.Бердяев. Самопознание. М. 1991.

78

Письмо к Л.Ю.Бердяевой цит. по: А. Вадимов. Жизнь Бердяева. Оакланд, Цалифорния, 1993.

79

Вяч. Иванов. Римский дневник. Там же, с. 584.

80

См. примечания к пп. 129, 136, 139, 140.

81

Здесь следует отметить издавна выработанную в народе чувствительность к мистике Имени Божиего. Пламенный вождь "древлего православия" еще в X в. писал о сторонниках нового написания имени Сына Божия в тексте церковного Символа веры (вместо старого): "лучше бы им в символе веры не глаголати Господа, виновнаго имени, а нежели истиннаго отсекати, в нем же существо Божие содержится". Житие протопопы Аввакума им самим написанное. Изборник. М. 1979. С. 627.

82

С.Булгаков. Афонское дело //Русская мысль, 1913, №9, с. 37–46.

83

См. п. Е.Трубецкого М.Морозовой от 26.12.1913, ОР РГБ ф.171.8.1.

84

Владимир Эрн. Разбор послания св. синода об Имени Божиим. М., 1917.

85

Из новейших работ на эту тему см. Слесинский Роберт, свящ. Начало своеобразной русской философии языка: имеславие и имеборчество //Путь православия, 1994, № 3.

86

Гиппиус Зинаида. Петербургские дневники (1914–1919). Нью-Йорк, 1982. С.99.

87

Там же . С.109.

88

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.

«Наша любовь нужна России...» Переписка Е.Н.Трубецкого и М.К.Морозовой. Вступительная статья, публикация и комментарии А. Носова. //Новый мир. № 9-10, 1993.

89

«Смерть первая и воскресенье первое». Письма С.Н.Булгакова 1917–1923 гг. Публикация и комментарии М.Колерова //Новый мир, 1994, № 11.

90

Богословские труды. Вып. 28, м., 1987.

91

Вестник Русского Христианского движения. № 142. Париж. 1984.

92

Йутта Сцчеррер. Дие Петербургер Религиос-пчилософисцчен Вереинигунг. Берлин, 1973.

Йутта Сцчеррер.Интеллигентсиа, религион, револутион: Премиеееgrave;рес манифестатионс д'ун социалисме цчрееасcute;тиен ен Руссие. 1905-1907. ен: Цачиерс ду Монде руссе ет совиеееасcute;тизуе, ХВИИ (4), пп.427-466; ХВИИ (1-2), пп.5-32.

93

Диетер Стяглицч. Владимир Ерн. Рчеинисцчен Фриедрицч-Щилчелм-Университят зу Бонн. 1966.

94

Путнам Г.Ф.Руссиан алтернативес то Мархисм: Цчристиан социалисм анд идеалистиц либералисм ин ХХцентуры Руссиа. –Кнохвилле.1977.

Путнам Г.Ф.Руссиан либералисм цчалленгед фром щитчин: Булгаков анд Бердыаев ин 1904–1905 іі Славониц а. Еаст Еуроп. рев.–Л. 1965 –вол. 43, Н 101–п.335–353.

95

Н.Полторацкий. Россия и революция. Русская религиозно-философская и национально-политическая мысль XX века. Сб. статей. Тенафлай, СеIасcute;А, 1988.

96

Н.Зернов. Русское религиозное возрождение. Париж. 1974.

97

Е.А.Голлербах. Религиозно-философское издательство "Путь" (1910–1919) //Вопросы философии, 1994, № 2, № 4. Его же, П.А.Флоренский и Московское религиозно-философское издательство "Путь". Б.д.

98

Колеров М.А., Локтева О.К. С.Н.Булгаков и религиозно-философская печать
Страница 412

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах (1906-1907) // Лица. Биографический альманах. 5. М. – СПб. 1994. Колеров М.А. Не мир, но меч. Религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». СПб., Алетея. В печати.

99

Эрн Владимир Францевич (1882-1917) – религиозный философ, общественный деятель, публицист, последователь В.С.Соловьева, ученик С.Н.Трубецкого и Л.М.Лопатина. Один из организаторов «Христианского братства борьбы», Московского Религиозно-философского общества памяти Вл.Соловьева. В связи с тем, что в нижеследующих текстах встречаются пассажи относительно шведско-немецкого происхождения В. Эрна, приведем недавно опубликованный архивный документ, непосредственно относящийся к этой теме. Владимир родился 5.08.1882 года в Тифлисе. Согласно выписке из метрического свидетельства (ЦГИАМ, ф.418, оп.82, д.390, л.5, опубликованной с комментариями Волковым В.А. и Куликовой М.В. // Начала М. 1993, №3, с.129) он был сыном тифлисского гражданина Гавриила Андреевича Арефьева и Ольги Павловны Райской. После смерти первого мужа О.П.Райская вышла замуж за Франца Карловича Эрна, уроженца г. Ревеля Эстляндской губернии (сейчас Таллинн, Эстония), управляющего тифлисским аптечным складом Кавказского военного округа (с 1882 г.), выпускника Дерптского университета, который 28.04.1884 г. усыновил Владимира (ЦГИАМ, ф.418, оп. 82, д.и 390, лл. 10 – 15; опубл. там же).

Он с отличием закончил 2-ую Тифлисскую гимназию, где его одноклассниками были П.А. Флоренский и А.В. Ельчанинов. В воспоминаниях одноклассников Владимир остался «вечно сосредоточенным искателем книг для своего духовного роста». Высокий, сосредоточенный и в то же время стремительный в походке и в движениях, со светлыми всегда короткими волосами и лучистыми синими глазами, он казался очень молодым для восьмого класса. Не участвуя в "сражениях" между параллельными классами, он держался группы "нейтралистов": Флоренского, Ельчанинова, Семенникова, Фрея", – свидетельствует Евгений Архипов, – "чаще всего с Владимиром мы говорили о Г.Н. Гехтмане, новом преподавателе истории, и о древней Элладе; мы были буквально влюблены в каждый камень троянских и микенских раскопок. Гехтман знакомил нас с немецкими источниками о раскопках, приносил в класс карты картограммы... Среди обычного шума на лестнице, я как-то уловил фразу Владимира: "Знаете, моя мечта – войти в греческий храм и молиться, всем существом распростершись на блестящем и святом камне Акрополя..." В седьмом классе Эрн, Флоренский, Ельчанинов и Церетели организовали литературно-философский кружок, где обсуждались серьезные религиозные, философские и этические вопросы. Однако в отличие от Флоренского Эрн "побаивался" материалистической науки, говоря о ней сдержанно-иронически. Окончив в 1900 гимназию с золотой медалью, трое друзей отправляются в Москву, с волнением мечтая в первую очередь посетить В.С. Соловьева, чтобы выразить ему свою глубокую любовь и почтение. Но в пути их настигает скорбная весть – 31 июля В.С. Соловьев умер.

В том же году В. Эрн поступает на историко-филологический факультет Московского Императорского университета, А.П.Флоренский – на физико-математический. Друзья живут в одной комнате студенческого общежития на Миусской площади.

100

Архив Эрна, частное собрание. "Памяти Эрна", машинописный сборник воспоминаний, с. 48. Часть воспоминаний Гехтмана вошла в текст некролога, опубликованного им в газете "Республика" 14.05.1917.

101

Ельчанинов Александр Викторович (1881 – 1934) – Родился 1.03.1881 г. в Николаеве в семье офицера. Учился в одном классе 2-ой Тифлисской гимназии с В.Ф. Эрном и П.А.Флоренским, по окончании которой трое друзей вместе покинули Тифлис, чтобы поступить в Университет. Окончил Историко-филологический факультет С.Петербургского Университета. Отказался от академической карьеры поступил в Московскую Духовную Академию, но проучившись там два года, покинул ее, считая, что программа обучения носила слишком теоретический, интеллектуальный характер. Был одним из основателей

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах Христианского Братства Борьбы. С 1905 г. участник и секретарь Московского Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева. Член редакций "Религиозно-общественной библиотеки" и еженедельника "Век". В 1912 вернулся в Тифлис и преподавал в гимназии Левандовского. Здесь встретился со своей будущей женой Тamarой Владимировной Левандовской. Покинул Россию в 1921 г. и поселился во Франции. Был одним из организаторов и руководителей Русского Студенческого Христианского Движения. В 1926 году по настоянию о. Сергия Булгакова принял священство, о котором мечтал еще в России. Вскоре о. Александр стал одним из самых любимых и чтимых в эмиграции пастырей, особенно среди молодежи. Умер в Париже 24.08.1934 г. См. Памяти отца Александра Ельчанинова. Париж, 1935. Священник А. Ельчанинов. Записи. П. 1935.

102

Архив Эрн, частное собрание. Отрывной купон почтового перевода из Москвы в СПб, п.шт. отпр: 8.02.1901.

103

Архив Эрн, частное собрание. Адрес на конверте: С. Петербург, Васильевский О-в, 9 линия, д.64, кварт. 26. Студенту Александру Викторовичу Ельчанинову

104

Архив Эрн, частное собрание. Открытка, п.шт.отпр: Москва 16.11.1902. Адрес: гор. Петербург, Его Высокоблагородию Александру Викторовичу Ельчанинову. Васильевский о-в, 9 л., д. 64, кв.26.

105

Архив Эрн, частное собрание. Адрес на конверте: В Петербург, Его Высокоблагородию Александру Викторовичу Ельчанинову. Вас. о-в, 9 л. д. 64, кв. 26. П.шт.получ.: Петербург, 17.11.1902

106

Получив Кавказскую стипендию, В.Ф. Эрн в 1900 г. поступил в Императорский Московский Университет на Историко-филологический факультет. Здесь занятия его распределились поровну между историей и философией. В философской секции Историко-филологического студенческого общества он в заседании под председательством проф. Челпанова прочел в 1903 г. выдающийся реферат о Беркли. В 1904 г. был удостоен премии за философско-историческую работу об Иустине философе. В 1904 г. В.Ф. Эрн сдал Государственный экзамен и был оставлен при университете заслуженным профессором В.И.Герье по кафедре всеобщей истории.

Е.Архипов в некрологе из неизданного сборника «Памяти Владимира Эрн» так вспоминает о быте студенческого общежития в Миусах, где поселились В. Эрн и П. Флоренский: «Ученая обстановка смягчала обычную неприютность студенческой "кельи", где не только столы и подоконники, но и кровати были завалены книгами. Владимир заведывал историко-философским отделом студенческой библиотеки и регулярно после обеда выдавал книги. Однако читателей становилось все меньше, и постепенно библиотекарь стал появляться раз в неделю. Он поддерживал дружбу с земляками-тифлисцами: Семенниковым и мною (Е. Архиповым), а из прочих – с М. Квасниковым и кн. Андр. Вл. Звенигородским. Беседы с друзьями происходили обычно после вечернего чая или поздно ночью, когда Владимир спускался вниз, чтобы взять черного хлеба и кипяченой воды для себя и Павла. Пока собеседники не спешили до отдаленного номера на четвертом этаже, они успевали поделить мысли о Вл. Соловьеве, о курсе философии кн. С.Н.Трубецкого, о Д.Мережковском и журнале "Весы". Остановившись в дверях "кельи", чтобы послушать суждение Владимира о бл. Августине, об Оригене или "Трех разговорах" Вл. Соловьева. Заходя иногда в номер, соседи, стараясь не мешать математическим занятиям Павла и прочтя на стене письменное обращение с просьбой не отнимать время у обитателей

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках В.Эрна, "кельи", торопились уйти. Многие за глаза потешались над этим обращением, выучивая "затворническую" жизнь друзей. Поговаривали даже, что они спят на досках, убирая на ночь матрацы. По-видимому, так оно и было: в прозе эссе самовоспитания были необходимы некоторые начальные аскетические упражнения тем, кто стал на путь духовного возрастания, ревностно-строгое постижения знаний. Это не мешало Павлу Флоренскому поздним вечером в опустевшей столовой играть на рояле музыку Моцарта, Бетховена, Шуберта и собственные импровизации..." Далее Е. Архипов вспоминает май 1903 г., проведенный в тесном единении с Владимиром Францевичем в подготовке к экзаменам по истории древней философии у кн. С.Н.Трубецкого и по психологии у Л.М.Лопатина.

«Конец мая. Пруд в соседнем с общежитием владении... Тихая немосковская обстановка, не слышно уличного шума... Заросшие тропинки, на отлогом берегу полусгнившие скамейки. В уме – системы Пифагора, Гераклита, Ксенофонта, а в руках – литографированный курс с греческими фрагментами. Перечитывая страницы курса, мы вновь представляли себе жесты, интонации и мимику дорогого лица а. Удаляясь от текста, мы предлагали друг другу собственные построения, прося угадать в них элементы изученных нами систем. От Сократа и Платона мысль невольно обращалась к христианству, и завязывался долгий разговор об историческом христианстве и истинном. Среди разговора Владимир спросил, бываю ли я в церкви. Я ответил, что бываю в кремлевских соборах, где меня очень интересуют стенные росписи. О себе он сказал, что бывает в ближайших приходских храмах: у Покрова в Кудрине или у Святого Георгия на Малой Никитской... Вглядевшись в его глаза, светлые, строго-серьезные с кристально-чистым выражением, смотревшие несколько выше меня, и вдруг улыбнувшиеся мне, – я понял, что христианская молитва в простом храме и возвышенном сердце есть недоступная мне и присущая Владимиру потребность...»

В Университете В.Эрн еще раз пережил увлечение историей Греции. Из предложенных П.Г.Виноградовым тем он выбрал "Быт греков по Гомеру". В реферате в особой тщательностью написаны страницы, посвященные религиозному быту. В православии Эрн не было ничего от мрачного византизма, – он просто верил, что на русской земле, преображенной Христовым светом, расцветет солнечная религиозная стихия Эллады." В 1904 г. в Московском Университете возник кружок, объединивший студентов, желавших углубленно изучать историю религии. Формально он считался секцией, примыкавшей к философскому семинару проф. С.Н.Трубецкого. Председательствовал на заседаниях известный историк и общественный деятель С.А.Котляревский. Ядро кружка составляли студенты-филологи В.Эрн и В.Свенцицкий, математики П.Флоренский и Б.Бугаев (Андрей Белый), химик А.Петровский. Когда в 1905 г. из-за революционных волнений среди студентов университетские аудитории часто занимала полиция, заседания происходили на квартире В.Эрна и В.Свенцицкого в Обыденском переулке, возле храма Христа Спасителя.

В конце 1904 г. Эрн заканчивает Московский Университет и выезжает в Швейцарию. Там он встречается и сближается с Вяч. Ив. Ивановым. Позже А.Белый со свойственной ему пристрастностью так охарактеризует их отношения: «скрепилась парадоксальная и бестолковая дружба фанатика от православия с этим Протеем». А.Белый. Начало века, с.313, с.452.

107

Архив Эрна, частное собрание. фонд А.Ельчанинова. Все письма А.Ельчанинова В.Эрну находятся в частном собрании наследников Эрна. Поскольку этот фонд не систематизирован, в дальнейшем ссылки на него опускаются, кроме случаев датировки письма по почт. шт.

108

Свенцицкий (Свентицкий) Валентин Павлович (1879–1931), религиозный публицист, один из ярких деятелей русского религиозного возрождения, после 1917 г. православный священник, родился в Казани в православно-католической семье (отец – католик, мать и дети – православные). С раннего детства проявлял глубокий интерес к религии. Наделенный исключительными умственными способностями, в пятнадцать лет он обсуждал с профессиональными философами "критику чистого разума" И.Канта. Тогда же в молодости он начал "крестовый поход" против пороков общества, провозглашая безжалостное умерщвление плоти. Марк Вишняк, политический деятель радикального направления, весьма

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. критически относясь к взглядам Свенциц кого, считал его, тем не менее, самым талантливым человеком из своих современников. По его воспоминаниям С. говорил едва слышим голосом, опустив глаза. Однако его голос, истощенная фигура и глаза производили почти магическое впечатление (М.Вишняк."Дань прошлому", Нью-Йорк, 1954, с.30–39). После переезда семьи в Москву учился сначала в 1-й Московской классической, затем в частной гимназии Креймана и наконец – на историко-филологическом факультете Московского университета. В студенческой среде поражал всех обширной философской начитанностью и умением вести многочасовые диспуты на любые научные, религиозные и нравственные темы. Проповедуя крайние формы аскетизма, С. в то же время сочувствовал радикальным политическим течениям. В одной из своих статей "Христианское отношение к власти и насилию" он с богословских позиций отстаивал право рабочих на забастовку.

Революционные события 1905 года способствовали проявлению его общественного темперамента. Вместе со своими друзьями В.Эрнстом и А.Ельчаниновым организует "Христианское Братство Борьбы" составляет его Программу и серию обращений (к православному иерархам, интеллигенции, к солдатам); один из организаторов, издателей и авторов "Религиозно-общественной библиотеки". Активно выступает с докладами и публичными лекциями. За опубликованное в "Полярной звезде" (1906, № 8, с. 561–564) "Открытое обращение верующего к Православной Церкви", содержащее призыв наложить епитимью на усмирителя декабрьского восстания в Москве генерала Ф.М.Дубасова, а также за призыв к всенародному посту-покаянию, Свенцицкий был привлечен к суду, но в духе того времени оправдан.

9 сентября 1917 С. принимает священный сан и получает назначение проповедником при штабе 1-й Армии. С 1918 г. участвует в гражданской войне на стороне Добровольческой армии. К этому времени под непосредственным впечатлением большевистских зверств он полностью пересматривает прежние взгляды на христианское отношение к насилию, которое, как писал он ранее, "с христианской точки зрения, абсолютно недопустимы при каких обстоятельствах, ни с какими целями". В опубликованных в 1919 г. в Ростове брошюрах "Война и Церковь" и "Общее положение России и задачи Добровольческой армии" (см.: Московский журнал. 1992. №10. С. 23–29) о. Валентин уже призывает – вполне в духе И.А.Ильина – к "сопротивлению злу силой" и благословляет вооруженную борьбу с большевизмом.

После поражения Белой армии о. Валентин не только не эмигрировал, но перебрался в Москву, где не имея своего прихода, служил и проповедовал в разных храмах. За резкие обличения обновленческого раскола в 1922 г. был арестован и сослан в Пенджикент (Таджикистан). После возвращения в 1925 г. в Москву назначен Патриархом Тихоном штатным священником в церкви Святого мученика Панкратия на Сретенке, а с 1926-го – настоятелем церкви Святителя Николая Чудотворца "Большой Крест" на Ильинке. Продолжались его пламенные проповеди в различных московских храмах; не ограничиваясь воскресными днями, он организует и проводит целые циклы бесед на духовные и церковно-исторические темы. Его духовные дети записывали эти беседы и распространяли их среди верующих. Составленное таким образом "Полное собрание сочинений протоиерея Валентина Свенцицкого", имевшее до 1980-х годов хождение в церковном самиздате, насчитывает 9 томов. Наибольший интерес представляют "шесть чтений о таинстве Покаяния в его истории", в которой о. Валентин подверг всесторонней критике повсеместно распространявшуюся тогда практику общей исповеди (опубл. в сб. "Надежда". Христианское чтение. Сост. Зоя Крахмальникова, вып.2, Посев, 1979., с.105–178.). После опубликования "Декларации" митр. Сергия о лояльности советской власти, о. Валентин, как и многие другие священники и епископы, прервал общение с Местоблюстителем, примкнув к движению "непоминающих". Уже в следующем, 1928 г., он был вновь арестован и сослан в Сибирь (под Тайшет). Там была написана его последняя апологетическая работа "Диалоги" (священника с неверующим). Смертельно больной он посылает письмо митр. Сергию (Страгородскому) с покаянием и просьбой присоединить его к возглавляемой им Церкви (опубл.: Свенцицкий В.П. Предсмертные письма / Публ. Р.Крепса // Минувшее: Исторический альманах. М., 1990. Вып.1. С. 294–298.). В 1931 г. о. Валентин Свенцицкий скончался.

См. о нем: Полищук Евгений. Вдохновенный пастырь // Московский журнал. 1992, №10. С. 22–23; Свенцицкий А. Он обрел покой в Церкви: (Воспоминания о протоиерее Валентине Свенцицком) // Московский церковный вестник. 1992. №7. С. 11; Алексеев В. Московские проповедники // Московский журнал. 1992. №6. С. 58–59.

109

Предположительно: Асов. Ноябрьской ночью // Русская мысль, 1903, № 5. Под таким же псевдонимом в «Веке» регулярно публиковались статьи на религиозно-общественную тему, по стилистике близкие публицистике В. Свенцицкого.

110

Вероятно, имеется в виду Марк Вишняк.

111

Может быть, имеется в виду Дмитрий Дмитриевич Галанин, будущий соратник Свенцицкого и Эрнэ по Христианскому Братству Борьбы.

112

Рассказ не был опубликован.

113

ОР РГБ ф.348.2.23 л.1. Открытка, п.шт.: СПб 14.10.1903. На конверте: Москва, Б.Козихинский пер. д. Фроловой, 16, кв.9. Е.В.Ельчаниновой (с передачей В.Эрну)

114

Векилова Евгения Давыдовна (1886–1972) – пианистка, окончила Екатеринбургский институт, с 1907 замужем за В.Ф.Эрном († 1917). Со своей будущей женой, дочерью подполковника в отставке, В.Эрн познакомился в 1903 году в Царских Колодцах (Тифлисская губ.) на свадьбе своего брата, Николая Францевича, и сестры Е.Д.Векиловой, Марии Давыдовны. Это обстоятельство вызвало определенные сложности, когда В.Эрн и Е.Векилова решили обвенчаться, так как согласно канонам Православной церкви брак со свояченицей не дозволяется. В конце концов они все-таки были обвенчаны 28 января 1907 года в церкви при Академии Генерального штаба. Совершил венчание о. Георгий Шавельский, будущий Протопресвитер армии и флота, глава всего военного православного духовенства.

115

Архив Эрнэ, частное собрание; открытка, п.шт.: Москва. 17. 11. 1903. На конверте: В Петербург, Лиговка, 56, кв. 8. Ельчанинову

116

В университетский период В.Эрн, А.Ельчанинов и П.Флоренский стремились осмыслить свое предназначение, выработать личное мировоззрение, "искали пути праведного жития", – как вспоминал впоследствии один из них, находясь уже в эмиграции. Священник Александр Ельчанинов. Записи. изд. 3, Париж, 1962, с. 6.

117

Флоренская Ольга Павловна, (в крещении Саломия, урожд. Сапарова), (1859 – 1951), мать П.А.Флоренского.

118

119

Архив Эрна, частное собрание; пчт. шт.: Москва 12.04.1904. На конверте: В Петербург Лиговка 56, кв.8. Е.В.Б.Александрю Викторовичу Ельчанинову.

120

Речь идет о жертвах землетрясения.

121

Эти мысли вероятно легли в основу первой опубликованной статьи В.Эрна Христианское отношение к собственности //Вопросыжизни. 1905. 8–9.

122

Делекторский Сергей Николаевич – врач, жил по соседству с М.К.Морозовой на Остоженке, помимо профессиональных услуг исполнял в этот период роль ее секретаря.

123

ОР РГБ ф. 348. 2. 5, л. 1–2. Пчт. шт.: Н ы он. 15.12.1904. В Женеву. Дата в конце письма указана неточно: следует читать 28/15 декабря.

124

Морозова Маргарита Кирилловна– (рожд. Мамонтова), (1873–1958), жена фабриканта М.А.Морозова (овдовела в 1904 г.), одна из крупнейших представительниц религиозно-философского и культурного просвещения России начала XX века. Соучредительница Московского музыкального общества, обладательница одной из крупнейших коллекций современной русской и западной живописи и древнерусских икон, переданной ею Третьяковской галерее, и вошедших в ядро собраний этого и нескольких других российских музеев. М.К. финансировала такие издания, как "Вопросыфилософии и психологии", "Московский еженедельник". Она же стала учредительниц ей МРФО и книгоиздательства "Путь" при нем. Организовала и финансировала множество благотворительных и просветительских начинаний: школ, приютов, больниц. Без ее помощи и материальной поддержки мыбыне досчитались множества философских, поэтических, музыкальных и живописных произведений, вошедших в золотой фонд русской культуры.

По ее собственным словам в ее жилах текло множество кровей: русская, немецкая, английская, еврейская, армянская («во мне ж<ид> с армянином восстают» из п. Морозовой к Полянской от 5.07.1906. ОР РГБ ф.171) . может быть, поэтому она поражала современников необыкновенной красотой, унаследованной от матери, в честь которой была названа. После скамоубийства отца, Кирилла Николаевича Мамонтова, проигравшего все состояние в Марселе, мать, Маргарита Оттовна, с двумя малютками-дочерьми осталась без всяких средств. Однако, обучившись шить и работая с невероятной энергией, она открыла модное ателье в Москве, которое вскоре стало одним из самых фешенебельных в городе. Детство сестер Мамонтовых прошло в тесном общении с семейством Третьяковых, в доме которых сиротки-племянницычувствовали себя желанными гостями. Девочки наблюдали самоотверженный труд Павла Михайловича по собиранию своей коллекции и знали в ней на память каждую картину.

Выйдя замуж за Михаила Абрамовича Морозова и родив ему четырех детей, она не обрела семейного счастья. Пьянство, грубость, деспотичный нрав, буйная раздражительность и ревность мужа делали жизнь с ним тяжелой и унижительной. При этом следует отметить, что М.А.Морозов также был широким мец енатом, коллекционером живописи и икон, покровителем художников, литераторов, артистов и музыкантов. После внезапной смерти мужа, отказавшись от всего полученного в наследство недвижимого имущества в

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. пользу детей, М.К. оставила лишь московский особняк.

В 1904 году во время поездки в швейцарию М.К. встречается с композитором А.Н.Скрябиным. Предложив ему давать ей уроки фортепианной игры, она щедрым вознаграждением дала ему возможность обеспечить содержание семьи и сосредоточиться на музыкальном творчестве. До самой смерти композитор и оставленная им первая жена с детьми получали от нее 2000 руб. ежегодно, а после его скоропостижной кончины пенсию получали обе его вдовьи дети.

В 1907 году Морозова была в числе тех, на чью финансовую помощь опирался С.П.Дягилев в организации в Париже концертов русской музыки. «Концерты были так хороши, – вспоминала она, – и свидетельствовали о таком высоком уровне русской музыки, что мы чувствовали себя преисполненными гордости и ходили по фойе театра, высоко подняв голову».

См. подробнее: Наталья Думова. Московские меценаты. М., 1992, с. 97–107.

125

Скрябин Александр Николаевич (1871/72 – 1915) – композитор, пианист.

126

Архив Эрна, частное собрание; открытка, п.шт.: Москва 2. 4. 1905 г. На конверте: Тифлис, Великокняжеская 40 (близ 2-ой Мужской Гимназии), Е.В.Б.Александру Викторовичу Ельчанинову

127

Вопреки утверждению В.В.Розанова: "...Ее понесли бына руках, покорми она из своего миллиона разных радикалистов. Она этого не сделала. Теперь ее клянут." (Опавшие листья. Короб второй) настоящее письмо дает основания предполагать, что М.К. оказывала финансовую помощь Христианскому Братству Борьбы его изданиям.

128

Вероятно здесь содержится намек на устройство типографии, где печатались листовки и брошюрыХББ.

129

Отделение ХББ.

130

С М.К.Морозовой

131

Рачинский Григорий Алексеевич (1859 –1939) – религиозный публицист, редактор и переводчик Собр. соч. Ф.Ницше, постоянный председатель Московского Религиозно-философского общества памяти Вл.Соловьева. Был редактором 3-х последних томов Собрания сочинений В.С.Соловьева, сотрудничал в журналах "Северное сияние", "Русская мысль", "Вопросы философии и психологии" Постоянный участник собраний МРФО, выступавший в этот период идейным противником "путейского" направления, вспоминает: "...Председательствовал обыкновенно по-гимназически остриженный бобриком, пунц оволицый, одутловатый Григорий Алексеевич Рачинский, милый талантливый барин-говорун, широко, но по-дилетантски начитанный "знаток" богословских и философских вопросов. Боязнь друзей, что "Рачинский будет бесконечно говорить" создала Григорию Аексеевичу славу незаменимого председателя: по заведенному обычаю, председателю полагалось лишь заключительное слово. Свое принц ипиально примирительное резюме Григорий

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках Алексея Степуна. Степун Алексей Иванович всегда произносил с одинаковым подъемом, но всегда с одинаковым талантом. Нередко он бывал по-настоящему блестящ, но иногда весьма неясен. Зависело это от состояния его нервной системы, которую он временами уезжал подкреплять в деревню. По обе стороны Рачинского, за длинным, покрытым зеленым сукном столом рассаживались члены президиума. До чего памятных облики!" Ф.А.Степун. Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990, с. 255–56. Был связан с кругом московских символистов, особенно с А.Белым, председательствовал в Обществе свободной эстетики, после октябрьской революции – профессор Высшего литературно-художественного института им. В.Брюсова; переводчик Мопассана, Клейста, Бальзака, Гете. Подробнее см. статью Н.В.Котрелева //КЛЭ, т.6, с. 203.

132

Архив Эрна, частное собрание; открытка, п.шт.: Москва 3. 04. 1905 Тифлис, Великокняжеская 40. ЕВБ Александру Викторовичу Ельчанинову.

133

Речь идет о нелегальном печатании листовок и брошюр ХББ в подпольной типографии.

134

Морозов Михаил Михайлович, "мика", (1897–1952), сын М.К.Морозовой, широко известен его детский портрет кисти В.Серова; впоследствии литературовед, шекспировед, переводчик, общественный деятель.

135

ОР РГБ ф.171.13.12, л.л. 1-15. Записано рукой М.К.Морозовой.

136

Морозова Мария Михайловна (1899–1970) – младшая дочь М.К.Морозовой. Ф.Степун пишет о ней в своих воспоминаниях, относящихся к 30-м годам: "...не подозревая, что младшая дочь Маргариты Кирилловны живет с мужем в Берлине, заметил ее в числе своих слушателей на докладе о театрах Москвы. На следующий же день я зашел к ней. На стене просторной комнаты – портрет работы Тропинина. На конц ертном рояле – пастернаковский набросок дирижирующего Никиша, за спиной дирижера колонны антресоли Благородного собрания <...> Рядом с ним фотография Скрябина (хорошо знакомое по эстраде тонкое, нервное лицо) и еще несколько своих московских вещей, – смротствующих в Берлине мигов прошлого. Пьем чай, разговариваем обо всем сразу: Мария Михайловна лицом и манерами очень напоминающая мать, говорит больше вздохами, восклицаниями, отрывочными вопросительными фразами, радостными кивками головы: "ну, конечно... мыс вами знаем..." Вспоминаем нашу Москву. В Марии Михайловне, слава Богу, нет и тени злостной эмигрантщины. Она и в советской Москве чувствует хоть и грешную, но все же вечную Россию. После чая она садится за рояль и долго играет Скрябина, Метнера, Калининкова. В моей душе поднимается мучительная тоска. Странно, тоска – голод, а все же она насыщает душу". Федор Степун. Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990, с. 259.

137

Архив Эрна, частное собрание; п.шт.: Тифлис, 21. 06. 1905; на конверте: Гомбори, Тифлисской губернии, ЕВБ Александру Викторовичу Ельчанинову

138

Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) – русский философ и богослов, в 1918 г. принимает сан православного священника. Родился в семье, где пять поколений предков были священнослужителями. Учился в духовной семинарии,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках. Пережив трагедию утраты веры сознательно приняв атеистическую идеологию, оставил семинарию и закончил светскую гимназию. После окончания в 1894 году Московского Университета погружается в изучение марксистской политической экономии и выпускает труд "О рынках при капиталистическом производстве", а в 1901 г. – "Капитализм и земледелие". В 1901–05 гг. приват-доцент Киевского политехникума. Весной 1905 г. издает в Киеве газету "Народ" христианско-социалистического направления, вскоре закрытую по решению суда; в тот же период выступает циклом статей, опубликованных в "Вопросах жизни", где излагает программу "Союза христианской политики", однако дальше дело не пошло. В 1906 г. избран депутатом 2-ой Государственной Думы Орловской губернии по внепартийному списку, как независимый "христианский социалист". В описываемый период, окончательно возвращается в Церковь и отходит на консервативные позиции.

В конце жизни он записал в дневнике: «1898–1900 гг. за границей и упоение счастьем, однако с угрозой болезни (туберкулеза); 1901–06 – счастливые годы Киева с рождением двух сыновей (Федор 1900 и Иван 1905 – В.К.), но с начинающимся изломом в жизни и революции. С 1906–09 г. я окончательно вернулся в Церковь. Жизнь в Москве переходная до 1909 г., когда раздался гром с неба: кончина Ивашечки, и с него переворот всей жизни... Молодость без знания горя окончилась, кое-что было бесповоротно сломано, сердце было ранено, казалось, навсегда и непоправимо, но вместе с тем в нем зародилась новая жизнь, которая созрела к священству. Затем большевизм, испытания: потеря Феди, обнищание, опасности, приходская жизнь и изгнание: ряд ступеней, по которым Господь нас возводит к уразумению воли Своей...» С.Н.Булгаков. Из дневника. Публ. и примеч. Н.А.Струве // Вестник РСХД. Париж. 1979, № 129, с. 237.

139

Глинка Александр Сергеевич (псевд. Волжский), (1878–1940) – религиозно-философский публицист, критик, историк литературы. Родился в московской дворянской семье, правнук поэта, мемуариста, прозаика Сергея Николаевича Глинки. В детстве был очень религиозен, подростком пережил духовный кризис, во многом обусловленный чтением Н.К.Михайловского, который стал для него "в полном смысле духовным отцом" в 1889–96 гг. учился в Симбирской гимназии, из 7-го класса которой "был исключен за пьянство, которое как-то уживалось одно время с идейными увлечениями...". Зимой 1896–97 гг. был домашним учителем в деревне Помаево Симбирской губ., в числе его учеников был В.В.Хлебников. Весной 1898 г., сдав экстерном экзамен на аттестат зрелости за курс гимназии, поступает в Московский Университет на юридический факультет. Здесь под влиянием "легальных марксистов" он отходит от народничества. В 1901 г. за участие в студенческих сходках выслан в Симбирск под гласный надзор полиции. Впервые выступил в печати в 1900 г. с разбором книги М.М.Филиппова об экономическом учении К.Маркса (Научное обозрение, 1900, №5). В ссылке начал регулярно печатать литературно-критические статьи. Приглашенный Михайловским сотрудничать в "Русское богатство" опубликовал статью "Глеб Успенский о заболевании личности русского человека" (1904, № 1–2). В полемике с А.Луначарским, признававшим необходимость жертв как цены социального прогресса, отстаивал абсолютную ценность всякой человеческой личности (Вопросы философии и психологии, 1902, кн. 63–64). После появления положительной рецензии Г.-В. на книгу С.Н.Булгакова "От марксизма к идеализму" он знакомится и сближается с ее автором. Вскоре под влиянием Булгакова он совершает ту же эволюцию, провозгласив, что "на смену изжившему себя марксизму явился идеализм абсолютный, метафизический и религиозный" (Журнал для всех, 1903, № 12). В результате возникшего конфликта с журналом и его постоянными авторами (Горький, Серафимович, Вересаев) выел из состава редакции, заявив, что для него "упразднение Бога, исключение религиозного элемента из предметов обсуждения – условие неприемлемое". Вскоре через С.Булгакова сближается с Н.Бердяевым, В.Эрном, С.Аскольдовым и начинает публиковаться в "Новом пути" и "Вопросах жизни". Впоследствии эти публикации были изданы в сборнике "Из мира литературных исканий", СПб, 1906. Обращается к духовно-нравственной проблематике и проблеме человеческой личности под влиянием творчества Ф.М.Достоевского который по его словам совершил "самый большой сгиб в моих душевных переживаниях", стал подходить к личности отвлеченно-метафизически, "сознательно и свободно пошел к подлинной религии, не чураясь метафизики и не боясь мистики". Резко критиковал Горького, обвиняя его в нищезащитстве и умалении "ценности человеческого личного" в пользу стихийного потока жизни

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках и "сильной индивидуальности". В 1905 возвращается в Симбирск, изредка печатается в "Московском еженедельнике" и "Русской мысли". После безуспешной попытки сдать экстерном за курс духовной семинарии и поступить в Казанскую Духовную Академию поступает на службу в уездное финансовое ведомство. Многие годы работает над книгой "Жизнь и творчество Достоевского", так и не увидевшей свет. Опубликовал в издательстве "Путь" брошюру Волжский Александр < Глинка>. В обители преподобного Серафима. М. Путь. 1914. С. 115., где звучит апология бездумной народной веры. В годы войны публикует патриотическую брошюру "Святая Русь и русское призвание" (М., 1915), а после революции – "Социализм и христианство" (Нижний Новгород, 1919). В советское время, занимаясь финансово-хозяйственной работой, подвергается идеологическим преследованиям за свое "религиозно-идеалистическое прошлое". Изложено по статье В.И. Масловского // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь, т. 1.

140

РГАЛИ ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.2-3об. На конверте: г. Тетюша Казанской губ., село Черныевка. Письмо на бланке: Вопросы жизни. Ежемесячный журнал. СПб, Саперный, 10, телефон 3515.

141

Характеристика, данная В.П. Свенциц кому его петербургским оппонентом В.А. Тернавц евым: "Сущность действия Свенцицкого на слушателей в том, что он гипнотизер: сначала молча внушает человеку, а потом уже обращается к нему со словом, так что слушателю кажется, что это все – его собственные мысли, что Свенцицкий идет к нему навстречу, а не тянет за собой: в этом суть всякого мороченья и ведьмовства. <...> Я <А.Ельчанинов> спросил у В.А., как он представляет себе самый механизм такого воздействия на нас людей подобного типа.

– Я других не знаю и буду говорить только о нем. Это можно пояснить сравнением. Это то великолепно поясняет апостол: "я в муках рождения, пока в вас не вообразится Христос". Ведь мы поступают в этом же роде, только мук рождения они не берут на себя: они вкладывают в вашу душу такого болвана, марионетку, а потом дергают его за нитки по своему желанию". Ранее опубликовано: Н.А. Струве // Вестник РХД. № 142. Париж. 1984, с. 66.

142

Жуковский Дмитрий Евгениевич (1883–1968) – «писатель, философ и помещик. Свои, довольно значительные средства он тратил на издание двух журналов. В Петербурге он давал деньги на "Вопросы жизни", в штутгарте оплачивал большую часть расходов по "Освобождению". Жуковскому было лет тридцать. Милый привлекательный, тонкий, образованный, он был до смешного скромнен. Он добродушно признавал превосходство часто мнимое, своих более шумных, более честолюбивых и напористых приятелей, а себе, раз навсегда, отвел место во втором ряду. Только изредка, да и то робко, позволял он себе помещать в собственном журнале свои статьи, хотя его философские этюды были написаны ясно, понятно, даже изящно, что не обо всех его сотрудниках можно сказать». Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Лондон, 1990, с.173.

143

Агеев Константин Маркович (1868–1919) – православный священник, богослов, участник Религиозно-философских собраний в Петербурге, Московского и Петербургского религиозно-философских обществ, член "Группы 32-х священников", выступившей с инициативой реформирования Православной Церкви; поддерживал деятельность ОББ, активный сотрудник журнала "Век", автор книг: «Христианство и его отношение к благоденствию земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства». Киев. 1909; «Христова вера» 2 тт., СПб, 1911; и многочисленных статей по церковно-общественным вопросам.

144

Лашнюков Владимир – редактор киевской газеты "Народ" христианско-социалистического направления, в которой ведущую роль играл С.Н.Булгаков. Газета просуществовала всего две недели, после чего была закрыта по постановлению суда. См. подробно об этом: М.А.Колеров. С.Н.Булгаков и религиозно-философская печать 1903-1905 // Вопросы философии, 1993, № 11, с. 101-114

145

РГАЛИ, ф.142, 1, л.5-7об.

146

С.Булгаков. Религия человекобожия у Фейербаха. // Вопросы жизни, 1905, № 10/11, с. 280-289.

147

Речь идет об эпизоде, положившем начало конфронтации между старым и новым составом редакции «Нового пути», приведшей в итоге к ее распаду. Вот как вспоминает об этом З.Гиппиус: "...скажу вскользь: «Новый путь», по многим причинам разнообразного характера, мы решили 1904 годом закончить, и, конечно, желательнее было его кому-нибудь передать. Одна из причин была та, что мы хотели уехать года на три за границу. Срока отъезда мы, впрочем, не назначили, и, если б удалось, привлечением новых людей к журналу, перестроить его так, как того требовало время (не изменяя, однако, его основ), мы рады были бы его продолжать. Короче и яснее – «Новый путь», журнал религиозный, был слишком индивидуалистичен: ему недоставало струи общественной. "Идеализм" группы Булгакова – Бердяева был тем мостом, по которому эта группа вчерашних общественников (э с-деков) переходила к религии – может быть, сама еще того не зная... (Будущее показало, что мы указали верно, – в общем. Всем известно, как далеко, в последующие годы, ушли в сторону религии Булгаков и Бердяев и как скоро мосты за ними были сожжены.)

Надежды наши оправдались не вполне. Идеалисты вошли в «Новый путь», но при самом соединении было ясно, что для совместной работы еще не настал момент: они еще слишком "эс-деки", мы – еще слишком индивидуалисты. И, фактически, уже к концу года журнал был передан им, с тем, чтобы далее он, переименовавшись в «Вопросы жизни», продолжался без нашего участия. Естественно изменялся и состав сотрудников. Это было решено полюбовно, хотя не могу не сказать, что у нас было больше доброй воли к соединению и уступкам. Но привычное недоверие чистых общественников к людям искусства, да еще с уклоном к христианству (не привычно ли "религия-реакция"?) не удивило нас и в "идеалистах".

Секретарь журнала Чулков оставался секретарем и в «Вопросах жизни». Он уже и при конце «Нового пути» перешел всецело на сторону новой группы. С ним и с Булгаковым у меня было – в декабре, кажется, – единственное журнальное столкновение, очень характерное для наших взаимоотношений и показательное для тогдашнего положения Блока. Ибо оно вышло как раз из-за моей статьи о Блоке, первой, кажется. Она была, конечно, о его стихах. И вот Чулков и Булгаков дали мне понять, что тема недостаточно общественна, а Блок недостаточно замечателен, и статейка моя, при новом облике журнала, не может пойти. Признаюсь, эта нелепость меня тогда раздосадовала, и правдами и неправдами заметку удалось напечатать. Все-таки это был еще «Новый путь»! В «Вопросы жизни» мы больше ни с чем не ходили, конечно, хотя до конца а оставались со всеми его участниками в самых дружеских отношениях, с Бердяевыми в особенности."Гиппиус З. Живые лица. Т.1. Прага, 1925. Цит. по: "Воспоминания о серебряном веке". Сост., авт. предисл. и коммент. В.Крейд. М. Республика, 1993, с. 148-149.

148

Чулков Георгий Иванович (1879-1939) – поэт, писатель, в 1904-05 г.г. литературный редактор журналов "Новый Путь" и "Вопросы жизни", в 1906-08

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. г.г. издатель альманаха "Факелы" (орган мистического анархизма), в 1908-10 г.г. сотрудник журналов "Золотое Руно" и "Весы". Упоминается одна из его статей: "О мистическом анархизме". В.ж. №6 1905г., стр. 199-204 или "Анархические идеи в драмах Г.Ибсена" //Вопросыжизни, 1905, № 7, а также "Критические заметки" //Вопросыжизни, 1905 № 8, с. 207-217.

149

Скорпион (1900 – 1916) – издательство символистов. Булгаков намекает на декадентский характер некоторых публикаций в журнале и духовную близость к декадентству Г.Чулкова, единственного сотрудника, оставшегося из прежнего состава редакции, который заведовал в нем отделом поэзии и художественной прозы. В своих воспоминаниях он так характеризовал изменившийся журнал: «"Вопросыжизни" не были тем боевым, своеобразным и нарушавшим все интеллигентские каноны журналом, каким был "Новый путь", но зато новый журнал был солиднее, умнее, убедительнее, внушительнее своего неосторожного предшественника... Впервые, наконец, поэты-символисты стали печататься в журнале, который пользовался известным авторитетом не только в литературно-художественной богеме, но и вообще среди культурных людей» Г.Чулков. Годы странствий. М.1930.

150

Минский Николай Максимович (наст. фамилия – Виленкин), (1855-1937). по образованию юрист. Выступил в 1887 г. в качестве поэта и философ-публициста. В своем учении о "меонизме" видел религию будущего, которая возникнет на месте существующих религий, исчерпавших себя в духовных кризисах. Взгляды Минского отвергались как В.Соловьевым, так и Г.Плехановым. Чтобы основать газету "Новая жизнь", Минский в 1905 г. на недолгое время сблизился с социал-демократами. Был близок к Д.Мережковскому и З.Гиппиус. С.Булгаков видимо имеет в виду книгу Минский Н. Религия будущего. СПб, 1905. См. Вольфганг Казак. Энциклопедический словарь русской литературы 1917 года. Лондон. 1988.

151

Шестов (наст. фам. Шварцман) Лев Исаакович, (1866 – 1938), религиозный мыслитель и публицист. Учился в Московском и Киевском университетах на математическом и юридическом факультетах, закончил образование в Италии и Швейцарии. Начал литературную деятельность как критик и журналист, став впоследствии одной из центральных фигур русского религиозно-философского возрождения. Его главные произведения переведены на большинство европейских языков. Умер в Париже.

152

«Булгаковский проект создать радикально-реформистский "Союз христианской политики" не обрел широкого круга приверженцев ни в среде либеральной интеллигенции, ни в кругах духовенства, ни, тем более, в народной среде. Идеи "Союза" на некоторое время сплотили небольшой круг единомышленников, среди которых были не только молодые "христианские социалисты" В.Эрн, В.Свенцицкий и А.Ельчанинов, но и Н.Бердяев, А.Карташев, А.Глинка (Волжский), А.Аскольдов, священники К.Аггеев, Н.Цветков и др. Из опыта участия в "Союзе освобождения" Булгаков знал, что созданию партии предшествует долгий подготовительный период вынашивания ее идей, программы организации ионной структуры. Согласно первоначальному замыслу, образование партии должно было стать конечным этапом деятельности "Союза". Однако тактические соображения требовали неотложного создания именно партии, отстаивающей интересы своего "направления", к чему сам Булгаков не был готов. Идея "христианско-политического союза", задуманного как "сверхиндивидуальный коллективный организм" противоречила идее партии. Поэтому проект объединения сил, "непримиримых на почве направленных программ" остался неосуществленным». Акулинин В.Н. Вст. ст. к кн. «Христианский социализм (С.Н.Булгаков). Новосибирск. 1991, с. 17.

153

В докладе содержался проект создания надпартийного движения "христианской общественности", опубл.: С. Булгаков. Неотложная задача (О Союзе христианской полиики). // Вопросы жизни, 1905, № 9–12. «Всю гамму интеллигентской непримиримости к самодержавию я изведаль и пережил. В студенчестве я мечтал о цареубийстве (хотя, разумеется, меня начинало трясти уже при мысли об исполнении акта), когда я вступил на путь, самодержавие казалось мне главным религиозным врагом, с которым связана основная ложь нашей церковности. И в своих мыслях и чувствах я не находил никакого подхода к тому, чтобы можно было мистически познать и признать самодержавие. В подготовке революций 1905 г. участвовал и я <...> Развернувшаяся картина революций очень скоро показала, что представляет собою революция как духовная сущность; и я уже с этого времени отделился от революции и отгородился от нее утопической и наивной мыслью о создании христианского освободительного движения, для чего нужно создать "союз христианской политики" (ранний прототип "живой церкви")». Прот. Сергей Булгаков. Автобиографические заметки (Посмертное издание). М.: А-Пресс, Париж, 1946.

154

Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934) – издатель-просветитель. Начал издательскую деятельность в Москве в 1876 г. С 1884 печатал издания "Посредника", учебники, научно-популярные книги и религиозно-философские брошюры Религиозно-общественной библиотеки. Неоднократно привлекался к судебной ответственности за издание "антиправительственных" книг.

155

Петров Григорий Спиридонович (1868–1925), – православный священник, проповедник, общественный деятель, публицист, депутат 2-ой Государственной Думы, в период революционных событий 1905–07 г.г. приобрел широкую популярность в рабочих и студенческих кругах своими проповедями социалистической направленности. Автор популярной книги "Евангелие как основа жизни". В 1907 г. после избрания его в Думу, Синод запретил ему проповедовать "ввиду его политической деятельности и протестантских тенденций". Отец Григорий отказался подчиниться этому запрету и, как следствие этого, сложил с себя сан; начал странствовать по России, выступая с христианско-социалистическими лекциями; после 1917 года эмигрировал, читал лекции в Сербии на религиозно-культурные темы. Умер в Париже. См. Н. Зернов. Русское религиозное возрождение. Париж. 1975.

Сохранилась характеристика, данная ему В. Розановым, поддерживавшим его в период гонений (как все сказанное этим автором, она в первую очередь выявляет его собственную личность и отнюдь не претендует на объективность):

"Григорий Петров. Одна из самых отвратительных фигур, мною встреченных за жизнь. Но: какова слабость человеческой природы: постоянной лживостью и "вниманием во все мои идеи" он подкупил на много лет меня. Ужасен и таинственно-прекрасен его портрет Репина: Репин и поместил его зади портретов, в плохо освещенном углу (вот гений Репина!!): надув рот, как раздувшийся кот, готовый броситься на жертву, мышь, птичку, курицу, – он схватился за крест, как за нож. Раз видел в прихожей, как он снял наперсный крест: как каторжник сбрасывает цепи. Не – индифферентизм, а вражда и пренебрежение.

Раз он проговорился мне: "Я (в сочинениях) – балаболка". Я промолчал, но был поражен: неужели он видит?! Тайна его успеха лежала в чарующем тембре голоса, одновременно властительного, великолепно и что-то шепчущего вот лично Вам, я думаю, таков был Авессалом. Не все знают, что своим поднятием, службою и первыми успехами он был обязан Победоносцеву и митрополиту Антонию, и оба они его холили, ласкали. И как он им отомстил. Жил он (жена?), как кокетка, кушеточка, диванчики, тубареточки, шелк, бархат, цветы-камелии, альбомы из серебра и т.д. и всегда даст курсисточке 10 р. "на родителей", чем очаровывал бедняжек. Но – целомудрен и лично одевался скромно. Такого честолюбия я ни в ком не видел: Александр Македонский со средствами Мазини". // В. В. Розанов. Соч. М. "Правда". 1990. Т. 2, примечание к с. 273, с. 654–55.

156

Вероятно, речь идет о нелегальном организационном совещании "Союза освобождения" и "Союза земцев-конституц иалистов", проходившем в Финляндии летом 1905 года и подготовившем учредительный съезд партии конституц иалистов-демократов в Москве 12 – 18 октября 1905 г. С.Булгаков весьма сочувственно относился к программе "Союза освобождения" и ко многим основателям партии, но отказался войти в состав ее учредителей.

157

Карташев Антон Владимирович (1875–1960) родился в семье уральского рудокопа, видный церковно-общественный деятель. Окончил Пермскую духовную семинарию, Спб Духовную Академию, преподавал в той же Академии церковную историю (1900–05). Ушел из академии, преподавал на Высших женских курсах (1906–1918). Председатель С.Петербургского Религиозно-философского общества (1909). Последний обер-прокурор Святейшего Синода и первый министр вероисповеданий во Временном правительстве (1917). Выехал из России в 1919 г., профессор Богословского института св. Сергия в Париже.

158

Бердяев Николай Александрович (1874–1947) – философ, литератор, публицист, религиозно-общественный деятель; в 1904–05 г.г. соредатор журналов "Новый Путь" и "Вопросьжизни", сотрудничал также в журналах "Полярная Звезда", "Вопросьфилософии и Психологии", "Образование", "Голос юга", "Московский Еженедельник" до 1907 г. был идейно близок к кружку Мережковского – Гиппиус, затем разошелся с ними и примкнул в 1908 г. движению "православного возрождения", вместе с С.Булгаковым, В. Эрном, Е.Трубецким, П.Флоренским, Г.Рачинским участвовал в организац ии Московского и петербургского религиозно-философских обществ, сотрудничал в издательстве "Путь", где был издан ряд его работ; общался с кружком православных традиц ионалистов во главе с М.А.Новоселовым, посещал Зосимову пустынь (беседа с старцами этой пустыни шокировали его отсутствием духовной свободы резкими нападками на Льва Толстого). Один из авторов сборника "Вехи" (1909). Пафос реформаторства, ранее направлявшийся на "общественность", постепенно оформился в экстатическую утопию творчества. В 1912 выел из МРФО и "Пути". Резко отриц ательно отнесся к Октябрьской революции, вел открытую полемику с идеологией большевизма. В 1922 году был выслан из Советской России. Русские писатели.Биографический словарь. Т. 1.

"...Особенно видною фигурою за зеленым столом являлся философский спутник Булгакова–Бердяев... Оба начали с марксизма, оба эволюционировали к идеализму и вот оба горячо защищают славянофильскую идею христианской культуры, – строят каждый по-своему: на Хомякове, Достоевском и Соловьеве русскую христианскую философию. По внешности темпераменту и стилю Бердяев–полная противоположность Булгакову. Он не только красив, но и на редкость декоративен. Минутами, когда его благородная голова перестает подергиваться (Бердяев страдает нервным тиком), и успоеенное лицо отходит в тишину и даль духовного созерцания, он невольнo напоминает колористически страстные и все же духовно утонченные портретыТициана. В горячих газах Н.А. с золотой иронической искрой, в его темных волнистых почти что до плеч волосах, во всей природе его нарядности есть нечто романское. По внешности он скорее европейский аристократ, чем русский барин. Его предков легче представить себе рыц арями, гордо выезжающими из ворот средневекового замка, чем боярами, согбенно переступающими порог низких палат. У Бердяева прекрасные руки, он любит перчатки–быть может, в память того бранного значения, которое брошенная перчатка имела в феодальные времена. Темперамент у Бердяева боевой. Все статьи его и даже книги – атаки. Он с Богом разговаривает так, как будто атакует его в небесной крепости. Подобно Чаадаеву, писавшему, что он почел бысебя безумным, если быу него в голове оказалось больше одной мысли, – Бердяев определенный однодум. Единая мысль, которой он мучася уже в довоенной Москве и которую будет мучиться на смертном одре, эта мысль о свободе. Могократно меняя свои теоретические точки зрения и свои оценки, Бердяев никогда не изменял ни своей теме, ни своему пафосу: как марксист он защищал экономическое раскрепощение масс, как идеалист – свободу религиозного творчества от экономических баз и идеологических тенденций, как христианин он с каждым годом все страстнее

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах защищает свободное сотрудничество человека с Богом, и с недопустимую подчас запальчивостью борется против авторитарных посягательств духовенства на свободу профетически-философского духа в христианстве. На исходе средневековья Н.А.Бердяев, несмотря на свое христианство, мог бы кончить свою жизнь и на костре."Ф.А.Степун. Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990, с.258-59.

159

РГАЛИ, ф. 142, оп.1, ед.хр. 193, л.9; Адрес на конверте: Москва, Пречистенка, Зачатьевский пер., дом и квартира шер. В.П.Свенц ищкому с просьбой передать А.С.Глинке

160

Ковалевский Максим Максимович (1851-1916) – историк, юрист, социолог эволюционистского направления, академик СПб АН (1914), издатель журнала "Вестник Европы" (1909 – 1916).

161

ЦГАЛИ ф.142.оп.1,ед.хр.198,л.10-13об. на бланке журнала "ВопросыЖизни".

162

Цитата из Покаянного канона св. Андрея Критского.

163

ла Руссие ет л`Еглисе универселле. Парис.1889.

164

Вестник Европы– русский ежемесячный журнал либерального направления. Издавался в СПб в 1866 – 1918 М.М.Стасюлевичем (по 1908 г.), в 1913-18 гг. выходил под редакцией Д.Н.Овсяннико-Куликовского. Здесь печатались наряду с В.Соловьевым Н.Минский, Д.Мережковский.

165

Освобождение – нелегальный журнал "Союза освобождения" (будущая конституционно-демократическая партия, "партия народной свободы"), издававшийся с июля 1902 г. по октябрь 1905 г. в Штутгарте под редакцией П.Б.Струве.

166

"Союз освобождения" и "Союз земцев-конституционалистов", две организации либерального направления, оформившиеся летом – осенью 1903 г., а в октябре 1905 г. ставшие основным ядром партии конституционных демократов (кадетов). С.Н.Булгаков в 1905-07 г.г. сотрудничал с "Союзом Освобождения", формально не принадлежа к организациям ии. После закрытия издававшейся им совместно с В.В.Зеньковским и В.Лашнюковым в Киеве газеты "Народ" и избрания С.Булгакова депутатом Государственной Думы он переходит на христианско-социалистическую позицию примирения, призвав в своей думской речи 12 марта 1907 прекратить и революционный и правительственный террор. Опыт "думского года", как и анализ революционных событий 1905-07 в целом, приводит С.Булгакова к отказу от политической деятельности и переключению в основном на религиозно-философскую и литературно-публицистическую работу.

167

Пирожков Михаил Васильевич (1867-1927) – петербургский книготорговец,
Страница 427

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
168
Туган-Барановский Михаил Иванович (1865 – 1919), русский экономист, историк, представитель "легального марксизма".

168

Туган-Барановский Михаил Иванович (1865 – 1919), русский экономист, историк, представитель "легального марксизма".

169

Предварительное заявление

170

С.Булгаков с 1901 по 1906 г. был профессором Киевского политехнического института и приват-доцентом университета

171

Трубецкой Сергей Николаевич, князь (1862 – 1905) – религиозный философ, общественный деятель, публицист, профессор Московского университета (1900–05), в его семинарах по античной философии активное участие принимали В.Эрн, П.Флоренский, В.Свенцицкий. Перед самой смертью был избран ректором, один из редакторов журнала "Вопросы философии и психологии", близкий друг В.С.Соловьева, старший брат Е.Н.Трубецкого. В своем учении, которое он называл "конкретным идеализмом", развивал соловьевские идеи "философии всеединства".

172

Вот характеристика, данная Н.Бердяевым журналу "Вопросы жизни" много лет спустя: "Эта была попытка соединения бывших марксистов, ставших идеалистами и двигающихся к христианству, с Мережковскими и символистами, частью с представителями академической философии идеалистического и спиритуалистического направления, и с публицистами радикального направления. Синтез был недостаточно органическим и не мог быть прочным" Бердяев Н. Русская идея. Париж, 1973, с.246–247. Цит. по: Н.А.Бердяев. Письма Андрею Белому. Публикация и примечания А.Г.Бойчука // Де Вису, № 2, 1993, с. 21.

173

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941) – писатель, публицист, общественный деятель. Вместе с женой, З.Н.Гиппиус, В.В.Розановым, В.Тернавцевым и Миролубовым организовал в 1901–1903 гг. в СПб "Религиозно-философские собрания", ставшие началом "русского религиозно-философского возрождения". Поддерживал революцию 1905–07 гг., стремясь заразить революционным пафосом духовенство и верующий народ. См. в Приложении приписываемое ему "Обращение к Церкви". После провала революции Мережковские эмигрировали в Париж, где опубликовали по-французски сборник статей "Царь и революция". А.В.Карташев в этот период принадлежал к кругу ближайших друзей Мережковского и его жены Зинаиды Николаевны Гиппиус.

174

из частного собрания; письмо датировано по календарю.

175

Свящ. К. Аггеев, см. о нем примеч. к п. от 22.06.1905.

176

Егоров Иоанн – православный священник, член "Братства ревнителей церковного обновления".

177

Колачев Владимир Яковлевич – православный священник, член "Братства ревнителей церковного обновления" и сотрудник редакции «Века».

178

Розанов Василий Васильевич (1856–1919) – философ, критик, публицист, участник "Религиозно-философских собраний", Московского и Петербургского РФО;

179

ОР РГБ ф. 348.1.3. л.3,4.

180

Журнал под таким названием не вышел.

181

А. В. Карташев.

182

РГАЛИ, ф.124, ед.хр. 189, оп.1, лл. 15–16 об.

183

Между участниками прежней редакции журнала "Новый путь" и влившейся группой было больше различий, чем общего. "Новый путь" стал местом встречи всех новых течений русской идеалистической мысли. Пришедшие из разных миров, осознав спустя короткое время неорганичность их союза, они разошлись, сохранив, впрочем, взаимно необходимые связи культурного и духовного "притяжения-отталкивания". В этот период их объединило отрицание народнических материалистических позиций, присущих большей части российской интеллигенции, завещанных Чернышевским, Добролюбовым и Михайловским. Однако, их различала мера отрицания этих позиций и исходные мировоззренческие ориентиры. Основатели "Нового пути" сформировались на эстетизме журнала "Мир искусства", к кругу авторов которого они принадлежали, с его аполитичной ориентацией на художественную элитарность. В поисках "нового религиозного сознания" они пытались сочетать эллинизм и христианский гнозис. Разочаровавшись в "исторической церкви", они объявили ей войну за новую мистическую церковь "Третьего завета".

Философы-идеалисты имели за плечами несколько лет политической деятельности в рядах социал-демократической партии, опыт общения с простым народом в марксистских кружках и публицистических выступлений в левой прессе, где общим местом было отрицание самодержавия и установка на демократию. В 1904 году в общем фронте политических сил они держались левого фланга, и потому их сотрудничество в "Новом пути" предполагало смену политического курса редакции. Новые сотрудники журнала, пришедшие вместе с С. Булгаковым, экономисты и публицисты, Водовозов, Туган-Барановский, Яснопольский по своим взглядам были совершенно чужды основателям журнала. Вскоре эта чуждость проявилась в разногласиях между Мережковским и Булгаковым, который не скрывал своей антипатии к декадентской тенденции журнала. В результате в декабре 1904 года "Новый путь" прекратил существование, и с января 1905 г.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. на той же издательской базе начал выходить новый журнал "Вопросы жизни". Под этим названием он просуществовал еще год вплоть до своего закрытия в 1906 году. См. Зернов Н. Русское религиозное возрождение...

184

Журнал под таким названием не выел.

185

Модный в то время тип журнала декадентского искусства и литературы (от лат. se c e s s i o – отделение, уход, отступничество).

186

ОР ГБЛ ф.348.1.2., л.1.

187

ОР ГБЛ ф.348.1.2., л.л.6-8 об. В Москву. Приложен конверт с типографской надпечаткой: "Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви". СПб Стремянная, 20.

188

Астров Павел Иванович (в 1918 г. расстрелян), юрист, религиозно-общественный деятель, в 1900-ые годы организовал в своем московском доме кружок, где собирались люди разных поколений, взглядов и интересов: поэты-символисты Андрей Белый, Эллис и Сергей Соловьев; философы – Н. Бердяев и Ф. Степун; священники – К. Аггеев, Г. Петров, теософ К. П. Христофорова; либеральные политические деятели, московская интеллигенция. В этот период опубликовал работы: Правда марксизма. На пути к свободе совести // Свободная совесть. Литературно-философский сборник. Кн. 1. М., тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1906.

189

Эта партия не была организована.

190

РГАЛИ, ф.142, оп.1, ед.хр.198, л.18.

191

О. Григорий Петров.

192

Г. И. Чулков.

193

ОР ГБЛ ф.348.1.3., л.9-11 об. Пчт.шт.: СПб 14. 11. 1905, в Москву; получено 8.12. 1905.

194

Журнал под таким названием не выел.

195

ОР ГБЛ ф.348.1.3. л.12-13об.

196

Нужды деревни. «Право». СПб, 1904.

197

ЦГАЛИ.ф.142. оп.1.ед.хр.198.л.19 - 20об.

198

В конце жизни о. С.Булгаков напишет: «С 1905 года я стал преодолевать революционные искушения, и однако также не в смысле изменывсвободе – повторяю, здесь я не могу и не хочу ничему изменять, но в отношении к идее священной власти, которая получила для меня характер политического апокалипсиса, запредельного метаисторического явления Царствования Христова на земле. Примечание С.Б.: Вспоминаю следующий жест: 18 октября 1905 г. в Киеве я выел из Политехникума с толпой студентов праздновать торжество свободы, имея в петлице красную тряпицу, как и многие, но увидав и почувствовав происходящее, я бросил ее в отхожее место. И мне открылось Евангелие со следующим текстом в ответ на мое вопрошание: "сей род изгоняется молитвой и постом"». Прот. Сергей Булгаков. Автобиографические заметки. С. 28-29.

199

Д. Е. Жуковский.

200

П.Б.Струве вернулся из штутгарта, где в 1902-05 гг. редактировал журнал "Возрождение", орган Союза освобождения, на страницах которого дискутировались и формулировались идейные и организационные принципы будущей Конституции ионно-демократической партии. С 1907 и до его закрытия редактировал журнал "Русская мысль".

201

Н. А. Бердяев.

202

Стахович Александр Александрович(1858-1915) – орловский (елецкий) помещик, общественный деятель, член Второй Государственной Думы Орловской губернии, участник Религиозно-философских собраний в СПб, знакомый и корреспондент и адресат Л. Н. Толстого, сторонник церковных реформ. Предположительно финансировал издание первого сборника «Вопросов религии». С начала 1907 г. издавал газету «Елецкий край», близкой по направлению «Веку», где была опубликована ее программа: «<...> Изменившееся настроение общества и, главное, обещание многих убежденных и талантливых сторонников, дают мне надежду осуществить мою трудно, на первый взгляд, осуществимую мечту: в органе, поставившем себе главной задачей освещение вопросов практической, реальной политики, предоставить широкое место обсуждению вопросов, чисто идеалистических, церковно-религиозной жизни русского народа, религиозное настроение которого составляет, без сомнения, одну из самых характерных его черт».

203

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Правда Божия. Народная политическая, общественная, экономическая и литературная газета. М. 1906. Ежедн. газета. Ред. свящ. Г. С. Петров. № 1 (1.01.1906) – последний № 132 (6.06.1906). Газета приостановлена московским градоначальником за «вредное направление».

204

Всероссийский поместный собор, намеченный на ближайшие после 1905-го годы, был созван лишь в 1917 году.

205

ОР РГБ ф.348.1.2. л.2-4. Пчт.шт.: СПб. 15. 02. 1906. в Москву.

206

В.Свенцицкий. Открытое обращение верующего к Православной церкви. // Полярная звезда. 1905, №8, с. 561 - 564.

207

ОР ГБЛ ф.348. 1.3. л.15-16.

208

В. Свенцицкий, В.Эрн. Взыскующим Града. Рел.-общ. библиотека, № 1, м. 1906.

209

Московский Еженедельник. Еженедельная общественно-политическая газета. М. 1906-1910 Ред.-изд. проф. Е.Н.Трубецкой; с № 8 1907 по 1908 он же и Г. Н. Трубецкой. № 1 (7.03.1906) – последний № 34 (28.08.1910). Орган либеральной московской профессуры. Финансировался М.К.Морозовой.

210

Архив В.Ф.Эрна. На конверте: Петербург, Лиговка, 56 кв. Валенковых. Е.В.Б. А.В.Ельчанинову.

211

Ивашева Пелагея Александровна – учительница, журналистка, одна из издательниц газеты "Народ", член ХББ.

212

Вероятно, обозначение конспиративной квартиры.

213

Малолетний сын Ивашевой.

214

В.Эрн. Апостольская церковь или как нужно жить христианам. Религионо-общественная библиотека. Серия 2. Для народа. Вып. 7. М. 1906. В № 8, 9 «Вопросов жизни» была опубликована работа В.Эрна "Христианское отношение к собственности", в которой на евангельской и святоотеческой основе сделана попытка раскрыть антиномию земного и небесного в жизни общества и отдельной личности.

215

Девушка, убиравшая квартиру, где происходили встречи членов ХББ.

216

А.Ельчанинов. Житие св. Франциска. Религиозно-общественная б-ка, серия 2. М. 1906.

217

Житие и "Цветочки" св. Франциска Ассизского не были изданы в серии "Религиозно-общественная библиотека".

218

РГАЛИ ф.142, ед.хр. 327, оп.1, л.1. Открытка из Москвы. П.шт.: Москва 18.03.1906. Адрес: Киев, Б.Житомирская, 12. Профессору С.Н.Булгакову.

219

Воззвание Христианского Братства Борьбы. Агитационный плакат.

220

Послание к архиеереям. Листовка.

221

Архив Эрна, частное собрание. Открытка из Москвы, п.шт.отпр: Москва 26.03.1906

222

Грифцов Борис Александрович (1885–1950) – критик, переводчик, литературовед, искусствовед.

223

Сизов Михаил Иванович (1884–1956) – специалист по естествознанию, литератор, антропософ, близкий друг Андрея Белого.

224

Архив Эрна, частное собрание, п.шт.отпр: Тифлис, 5.04.1906. Адрес на конверте: Москва, Сивцев Вражек, Нащекинский пер., д. Яковлевой, кв. 16. Е.В.Б. Александрю Викторовичу Ельчанинову.

225

Речь идет о проповеди Павла Флоренского "Вопль крови", в то время еще студента Московской Духовной Академии.

226

Городцов – православный священник в Тифлисе, активист Союза русского народа, произносил проповеди антиеврейского содержания.

Брихничев Иона Пантелеймонович (1879–1968) – православный священник (до 1907), поэт, публицист, после 1917 активист Союза воинствующих безбожников. Окончил Тифлисскую духовную семинарию, где учился в одном классе с И. Джугашвили. С 1903 до 1907 года приходской священник, преподаватель Закона Божия в кадетском корпусе, религиозно-общественный деятель, публицист, поэт; опубликовал в начале 1906 г. в тифлисской газете "Возрождение" два открытых письма против антиеврейских проповедей черносотенного крыла православного духовенства Кавказа и насильственной руссификации инородцев. С апреля 1906 г. издавал в Тифлисе газету "Встань, спящий", в каждом номере которой помещал собственные статьи, стремясь показать с позиций христианского социализма "антихристианский" характер общественного устройства, основанного на собственности, неравенстве и насилии, вразумить "Ивана простого", к которому и был обращен призыв, вынесенный в название газеты: "Встань, спящий". По донесению наместника на Кавказе оберпрокурору Святейшего Синода, его статьи оказывали значительное влияние "на средние и низшие классы населения и войска". После нескольких запретов газета возобновлялась под другими названиями вплоть до ареста о. Ионы в июне 1906, после которого он был приговорен к Тюремному заключению сроком на год. После освобождения в июне 1907 был лишен сана и выслан в Егорьевск Рязанской губ. В те же годы сблизается с членами ХББ и Московского религиозно-философского общества, сотрудничает в еженедельнике "Век", а с 1908 – с Мережковскими и заочно знакомится с А.Блоком. Продолжает издательскую и публицистическую деятельность, подвергается цензурным и административным преследованиям. В начале десятых годов при поддержке В. Свенцицкого, архимандрита Михаила Семенова и о. Григория Петрова образовал религиозно-политическое движение "Голгофские христиане", участники которого провозгласили, что путь к спасению, к "новой земле" лежит через самопожертвование, через "Голгофу". В его проповедях эклектически сочетались идеи французского теолога-просветителя аббата Ламенне и учение русского философа Н.Ф.Федорова о "научной" победе над смертью и всеобщем спасении через "воскрешение" предков. Призывал к обновлению Церкви и разрушению современного ему государственного устройства. Писал стихи в стиле символизма. После октября 1917 вступил в РКП(б), работал в системе Пролеткульта, Наркомпроса, один из организаторов "Союза воинствующих безбожников", активно включился в антирелигиозную пропаганду и борьбу с Церковью, работая под руководством Емельяна Ярославского, председателя Антирелигиозной комиссии при Главполитпросвете ЦК РКП(б).

В этот период он писал: «Тихон от начала до конца – ставленник контр-революции, ее поборник и застрельщик. Тихон – это символ черносотенства и знамя самой непроходимой реакции. Но этот волк на всем протяжении своей деятельности прикрывается овечьей шкурой смирения и святейшества». Брихничев Иона. Патриарх Тихон и его церковь. // Красная новь, Главполитпросвет. М. 1923.

В опубликованном письме Сталину (1925 г.) он, жалуясь на Е.Ярославского, пишет: «<...> Трудно было согласиться с тем, что Костеловской и еврею Губельману можно быть антирелигиозниками в крестьянской стране, а нам, русским, вынесшим и ссылки, и крепость, и десятилетние скитания с волчьим билетом при царизме, двадцать лет служившим революции, – нельзя быть антирелигиозниками, потому что я, например, двадцать лет тому назад был попом. Лично Ильичем моя деятельность была одобрена на 8-м съезде Советов (смотри стенограмму съезда) <...> И вот мы только "густопсовые попы". Партия, где ты? Рабочие и крестьяне, – Вы, миллионы товарищей, ощутившие результаты нашей самоотверженной работы, почему вы молчите, почему позволяете топтать в грязь Ваших часовых на передовом посту безбожия?» Цит. по // Нежный А.И. Комиссар дьявола. М. 1993. Вскоре после этого письма И.Брихничев был исключен из РКП(б), но не переставал писать личные письма Сталину, на которые не получал ответа.

В письме П.Грифцова В.Свенцицкому от 10.01.1907 говорится, что на Кавказе В.Эрн встречался с сектантом Иосифом Николаевичем Карякиным, "человеком глубоко и мучительно переживающим религиозные вопросы и влиятельным в его секте".

229

Возможно, речь идет об оттисках статьи С.Н.Булгакова "Достоевский и самодержавие", опубликованных впоследствии под заглавием "Через четверть века" в т.1 ПСС Ф. М. Достоевского 1906г.

230

За проповедь "Вопль крови" П.Флоренский был подвергнут аресту, но вскоре освобожден под давлением общественности.

231

Народ – газета религиозно-народнического направления, недолго издававшаяся С. Н. Булгаковым, В. Н. Лашнюковым, А. С. Глинкой (Волжским), П. Ивашевой, В. В. Зеньковским, орган объявленного, но не осуществленного "Союза христианской политики". Выходила в Киеве в апреле 1906 г. См. подробнее: М.А.Колеров, О.К.Локтева. С.Н.Булгаков и религиозная печать (1906–07). //Лица. Биографический альманах. Вып. 5. Спб. 1994.

232

Егоров Дмитрий Николаевич – историк, преподаватель всеобщей истории и истории искусств гимназии Шелапутина, Высших женских курсов, Университета Шанявского, Московского Коммерческого института, однокурсник В. Эрн по Московскому университету.

233

ОР РГБ, ф.348.2.9, лл. 2–3об. В этот период В.Эрн искал место преподавателя истории или философии в гимназии. Поиски не увенчались успехом.

234

С.Н.Трубецкой.

235

ЦГАЛИ.ф.142.ед.хр.198.оп.1.л.22–24об.

236

С.Н.Булгаков. О смертной казни. // Против смертной казни. Под ред. М.Н.Гернета, О.Б.Гольдовского и И.Н.Сахарова. М., 1906; 2-е изд. – М., 1907.

237

Архив Эрн, частное собрание, пчт.шт.отпр.: 2. 06.1906, Царские колодцы. Адрес на конверте: Москва, Нащокинский пер. д. Яковлева, кв. 16, П.А.Ивашевой (для А.В.Ельчанинова)

238

Свенцицкого.

239

Царские колодцы – село в окрестностях Тифлиса, где находилась дача Векиловых, семьи будущей жены Эрн.

240

П.А.Ивашева.

241

Сын Ивашевой.

242

Дружеское прозвище Дмитрия Дмитриевича Шера, семейного друга Эрнов, члена ХББ.

243

ОР РГБ ф.348. 2.47 л.21. П.шт.: Москва, 5.06.1906. Адрес: Тифлисская губ. Царские колодцы.

244

Прозвище Д.Д.Шера.

245

В.Свенцицкий. Что нужно крестьянину? Рел.-общ. библиотека, сер. 2, м. 1906.

246

В.Свенцицкий, В.Эрн. Взыскующим Града. Рел.-общ. библиотека, № 1, м. 1906.

247

Радуйтесь ! (греч.)

248

Последний абзац написан другим почерком.

249

ЦГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.л.26-29 об.

250

Вероятно речь идет о члене семьи крупного банкира, предпринимателя, мецената, а впоследствии владельца петербургского издательства «Сирин», М.И.Терещенко, обещавшей финансировать журнал "христианских политиков".

251

Священник, один из членов "Союза 32".

252

В.Эрн и В.Свенцицкий в 1905 году снимали одну квартиру.

Бухарев Александр Матвеевич (в монашестве Феодор) (1824–1871) – религиозный мыслитель, профессор Московской и Казанской духовных академий, цензор религиозных изданий, архимандрит. В 1862 г. Синод запрещает публиковать его многолетний труд «Исследование Апокалипсиса», и архимандрит Феодор подает прошение о выходе из монашества и после лишения сана священника и ученой степени магистра богословия женится и посвящает себя литературной деятельности. Позже в письме М. П. Погодину он так объяснял свой поступок: «Имея за себя неподкупную историю, оправдывающую мое разъяснение Откровения, и правду православия, раскрываемую в моем труде вместе с откровением и историей, я не мог и не могу согласиться с усиливающимися отношениями по монашеству к высшим даже аввам, я сложил с себя монашеский и священный сан, хотя до этого я был монахом не фальшивым, а по совести; поэтому-то, впрочем, мне и не хотелось, как и следовало, фальшивить, оставаясь в монашестве, когда я внутренне всеми силами протестовал против тех, кого должен был по монашеству слушаться <...>» Погодин М. П. Сборник, служащий дополнением к «Простой речи о мудреных вещах». М., 1875, с. 204; Был в близких отношениях со многими представителями русской культуры (см: Погодин М. П. Воспоминание об Александре Матвеевиче Бухареве (Архимандрит Феодор) // Московские ведомости. 1874, №84. "Три письма к Н. В. Гоголю, писанных в 1848 году" СПб, 1861.

Разработанное А. М. Бухаревым учение о сближении церкви с повседневной жизнью на основе идеи об искупительной жертве Христа оказало большое влияние на тематику Религиозно-философских собраний (см. Розанов В. В. О возобновлении Религиозно-философских собраний // Новое время. 8.10.1907) в письме, вероятно, обсуждается книга: «Феодор (Бухарев), архимандрит». О православии в отношении к современности, в разных статьях архимандрита Феодора. Изд. «Странника». СПб, 1860.

254

П. А. Флоренский, работавший над книгой о Бухареве, также высоко оценивая наследие отвергнутого Синодом богослова, утверждал, что подлинное понимание духа его учения предстоит только в будущем.

255

Философов Дмитрий Владимирович (1872–1940) – литературный критик и публицист, сотрудник многих либеральных периодических изданий («Новый путь», «Речь»), ближайший друг и единомышленник Д. Мережковского и З. Гиппиус («союз трех»), в доме которых (в Петербурге и Париже) он на протяжении многих лет жил.

256

Название проектируемого кружком Мережковских совместно с Бердяевым и Булгаковым сборника, который должен был продолжить линию закрывшихся «Вопросов жизни». Предполагаемый состав участников указан в письме Д. В. Философова – В. Я. Брюсову:

<Париж> 11/24– III–<19>06.

<...> Издание сборника нашего подвигается постепенно к своему осуществлению. С октября надеемся приступить к его печатанию. Он будет состоять из статей наших, затем Розанова, Бердяева, Бенуа, Булгакова, Белого, Успенского, Карташева, Волжского, Минского, вероятно Вяч. Иванова. Очень бы хотелось иметь и Вашу статью. В Вашей рецензии на книгу Дмитрия Сергеевича Вы очень точно определили ту общую почву, которая нас связывает, и я думаю, что Вы не делаете никакого компромисса, если согласитесь участвовать в сборнике. Имейте в виду, что он будет издан на французском языке, т. е. преследует "вселенские" цели, следовательно и тема статьи должна общего характера. Мы предоставляем Вам полную свободу, но конечно в той твердой уверенности, что Вы не забудете общей крыши, которая над нами. Мы будем работать вместе в «Весах» нисколько не стесняя друг друга, веря, что наши разногласия объединяются в общих культурных целях. Отчего же нам не

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
выступить вместе и в сборнике?

Словом, рассчитываем на Вас. Статья должна быть не больше 11/2– 2 листов; прислать ее следует к 1 октября (ноября) (ноября), конечно, если можно, так и раньше. Корректуру (французскую) мы можем прислать Вам на протомтр. Надеемся, что перевод будет лучше, чем "Вальдорский" <...> ОР РГБ ф. 386.106.32, л. 25, об. Фрагмент письма публикуется по рукописной копии из собрания Н. В. Котрелевым.

Сборник под таким названием и с вышеуказанным авторским составом не был издан. Вместо него был опубликован: Д. Мерейкошкы, З. Чиппиус, Дм. Пчилопчифф. Ле Тсар ет ла Револютион. Парис, 1907. шПозже были опубликованы: Мережковский Д. Меч. // Не мир, но меч. Собр. соч., 1914, т. XIII. Гиппиус З. Алый меч. СПб. 1906. См. об этом: Колеров М. А. «Меч»: мечта о журнале // Вопросы философии. Новое литературное обозрение. 1994, № 7

257

С. Н. Булгаков. Кабинет министров и обер-прокурор Св. Синода. // Дума. 1906, № 24.

258

С. Булгаков. Карл Маркс как религиозный тип. // Московский еженедельник. 1906, № 22 с. 34–434 № 23, с. 24–33; № 24, с. 42–52; № 25, с. 46–54.

259

Статьи под таким названием в библиографии С. Н. Булгакова (составленной монахиней Еленой Казимирчак-Полонской // Богословские труды. № 27, с. 179–189) не найдено. Речь может идти о статье, вышедшей под заглавием «Религия и политика» // Полярная звезда. 1906, № 13, с. 118–127; или «Индивидуализм и соборность» // Народ. 1906, № 6; «Церковь и социальный вопрос»; «Церковь и государство» // Вопросы религии, 1906, № 1.

260

Трубецкой Евгений Николаевич, князь, (1863–1920) – философ, правовед, брат С. Н. Трубецкого, независимый общественно-политический деятель либерального направления, издатель "Московского еженедельника". По окончании Московского университета преподавал в Ярославском юридическом лицее. Получил степень магистра (1892) и доктора (1897) философии. Обе его диссертации были посвящены изучению западной религиозной мысли (первая – бл. Августину, вторая – религиозно-общественному идеалу западного христианства в XI веке). Главные его интересы лежали в сфере философии. Он получил место профессора в Киевском университете, откуда в 1905 году перешел в Московский университет. Участвовал в организации и деятельности ряда научных обществ: Психологического общества при Московском университете, МРФО памяти Вл. Соловьева, инициатор и сотрудник книгоиздательства "Путь" (1910–18). Подобно своему брату, Е. Трубецкой, еще в юные годы, пережил духовный кризис, связанный с эволюцией его миропонимания. Он утратил веру в Бога, увлекся позитивизмом "спенсеровского типа", затем отошел от этого учения, в основном благодаря изучению истории новой философии (Куно Фишер), проникся идеями А. Шопенгауэра и, обратившись к религиозной теме, познакомился с философским учением Вл. Соловьева, став одним из самых последовательных его приверженцев и ближайших друзей. "Философское творчество Е. Трубецкого выросло из построений Соловьева – оно вносит большую последовательность и внутреннее единство в некоторые концепции Соловьева. В области гносеологии построения Е. Трубецкого обнаруживают... несомненную самостоятельность... Быть может, внутренним тормозом в философском творчестве Е. Трубецкого была зависимость его от Вл. Соловьева, концепции которого словно ослепляли его. Трубецкой постепенно освобождался от этих чар, – и чем свободнее он был от них, тем сильнее выступала его философская одаренность". Зеньковский В. В., История русской философии. Т. 2. Ч. 2. Л., 1991, с. 113. Принимая проблему Софии, он критически относился, однако, к софиологии Вл. Соловьева, усматривая в ней элементы пантеизма. // Философы России XIX–XX столетий (биографии, идеи, труды). М., 1933, с. 186.

Младший современник и участник заседаний МРФО дает такой портрет Е.Трубецкого: «...Вот крупный, громоздкий, простонародно-барственный князь Е.Н.Трубецкой, уютный, медленный, с детскими глазами и мукой честной мысли на не слишком выразительном квадратном лице».Степун Ф.А.Бывшее и несбывшееся, Лондон, 1990, с. 256.

261

ОР РГБ ф.171.6.1. л.2-3;

262

Рахманов Георгий Карпович – приват-доцент Московского университета, издатель «Московской недели», еженедельной общественно-политической газеты, выходящей в Москве в мае 1905 г. (всего три номера) под редакцией проф. С. Н. Трубецкого; после его смерти издание было продолжено Е. Н. Трубецким под названием «Московский еженедельник».

263

Московский еженедельник издавался группой пайщиков, главным из которых была М.К.Морозова.

264

ОР РГБ ф.171.6.1.л.6-7.

265

Давыдов Николай Васильевич (1848-?)– приват-доцент кафедры уголовного процесса юридического факультета Московского университета, член попечительного совета Народного Университета Шанявского, председатель Московского окружного суда, член редакции «Московского еженедельника», родственник Е. Н. Трубецкого.

266

ЦГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, 2. Пчт. шт. Симбирск.

267

Семья предпринимателей и банкиров, с которой Булгаков вел переговоры о финансировании издания религиозно-общественного журнала.

268

Кульженко Василий Степанович – киевский издатель журналов «Искусство и печатное дело» (1909-1910), «Искусство» (1911-1912), «Искусство в Южной России» (1913-1914).

269

С.Булгаков. История политической экономии. Лекции, читанные в Московском коммерческом институте в 1907 г. М., Студенческая комиссия Общества взаимопомощи студентам. 1907.

270

Булгакова (рожд. Токмакова) Елена Ивановна, (1873-1945) – литератор, с 1898 г. жена С.Н.Булгакова.

271

Опубликовано: Вопросы религии. М., 1906, вып. 1, с. 298 – 334.

272

дума. ???

273

Полярная звезда. Еженедельное общественно-политическое и культурно-философское издание. Спб. 1905-1906. Ред. П. Б. Струве, Изд. М. В. Пирожков. № 1 (15.12.1905) – последний № 14 (19.03.1906). Далее выходил под названием Свобода и культура.

274

Архив Эрна, частное собрание. пчт. шт. отпр.: Тифлис, 9.07.1906. Адрес на конверте: Москва, Нащокинский пер. д.Яковлевой, кв. 16, ЕВБ А.В.Ельчанинову

275

Под таким названием в 1906 году Эрном, Свенцицким и Ельчаниновым вышло два номера еженедельника христианско-социалистического направления (9 и 17 июля). Речь идет также о готовящемся периодическом издании сборников статей членов "Братства взыскующих церковного обновления", из которых увидел свет только первый: В.Свенцицкий, В.Эрн. "Взыскующим града". М. 1906.

276

летом 1906 года С.Н.Булгаков переехал из Киева в Москву после неудачи с изданием газеты "Народ".

277

Архив Эрна, частное собрание.Открытка, п.шт.: Царские колодцы, 11. 07. 1906. Адрес на конверте: Москва, Нащокинский пер. д. Яковлевой, кв. 16, Е.В.Б. А.В.Ельчанинову

278

Статьи с таким названием среди опубликованных работ В.Эрна не найдено.

279

Статья не найдена

280

Видимо, статья предназначалась для журнала "Церковное обновление" (приложение к журналу "Век"), органа "Братства взыскующих церковного обновления" (позже Союз церковного обновления), однако нам не удалось ее обнаружить на страницах этого журнала.

281

Опубл. Т. Пацчмусс. ш// Цанадиан Славониц Паперс. 1965, н 7.

- Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
282
"Взыскующим града".
- 283
РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.34-35об. В Симбирск; на конверте напечатано: "Стойте в свободе" издательство, Москва, Нащекинский пер., дом Яковлевой, кв.14.
- 284
Ефимов – издатель "Религиозно-общественной библиотеки".
- 285
Унфуг Отто – владелец типографии, где печатались брошюры "Религиозно-общественной библиотеки".
- 286
Ельчанинова Софья Викторовна – сестра А.В.Ельчанинова.
- 287
РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.37-39об. п.шт.: 4.09.1906. Кореиз
- 288
Мережковский Д. Пророк русской революции. СПб. Издание М.В.Пирожкова. 1906.
- 289
А.Глинка в этот период также работал над книгой о Достоевском, которая так и не вышла в свет. В газете "Русские ведомости" от 1.09.1906 он опубликовал письмо с просьбой ко всем присылать ему био-библиографические материалы о Достоевском.
- 290
С.Булгаков. Венец терновый. (Памяти Ф.М.Достоевского). //Свобода и культура, 1906, № 2, с. 17-36.
- 291
которые не преодолеешь (церковнослав.)
- 292
Пирожков официально был обвинен в том, что издавая книги, он нелегально увеличивал их тираж, присваивая себе дополнительную выручку.
- 293
Речь идет о не вышедшем в свет сб. «Меч» на французском языке. Статьи Бердяева этого периода изданы: Н. Бердяев. Суб спеце аетернитатис.ш Опыты философские, социальные и литературные. 1900-1906. СПб, М. В. Пирожков, 1907. 437 с.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
294

Вопросы религии. Выпуск первый. М. 1906. Книжный магазин Д.П.Ефимова.
Моховая, д. Бенкендорф.

Содержание: В.Свенцицкий. Христианское отношение к власти и насилию. С.Н.Булгаков. Церковь и культура. С.Н.Булгаков. Церковь и государство. В.Ф.Эрн. Церковное возрождение (О приходе). П.А.Флоренский. "К почести вышнего звания". Серапион Машкин, архимандрит. Письма. Волжский. Проблема зла у Вл.Соловьева. С.Н.Булгаков. Церковь и социальный вопрос.

295

Намек на содержащиеся в программе ХББ призывы к построению общества на основе "христианского коммунизма", быта первохристианских общин, описанного в книге "Деяний святых апостолов" (2. 42 – 47). См. Приложение 1

296

В. Лашнюков, совместно с которым С.Булгаков издавал в Киеве газету "Народ", был психически неуравновешен, "экстатически настроен".

297

Венгеров Семен Афанасьевич (1850–1920) – историк русской литературы, библиограф.

298

ЦГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.41,42об. На листе именной бумаги.

299

Письмо С.Булгакова написано на обороте письма С.Венгерова; на конверте п.шт.: 26. 11. 1906. Москва, в Симбирск.

300

Гершензон Михаил Осипович (1869 – 1925) – историк литературы, философ.

301

ЦГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1. л.44–46об. п.шт.: 15. 11. 1906 Москва.

302

Газета "Русские ведомости" от 9.11.1906 дала отчет об этом выступлении: "В воскресенье 5 ноября в МРФО С.Н.Булгаков прочел реферат на тему "Достоевский и современность", в котором разбирал вопрос об отношении Достоевского к самодержавию. С.Н.Булгаков доказывал, что увлечение Достоевского самодержавием объяснялось боязнью ненародного "беложилетного" парламента с одной стороны, и с другой – характером самодержавия в 60-х гг. В прениях выступили: Б.А.Грифцов, Гартунг, И.М.Трегубов, Е.Н.Труб, Д.Д.Галанин, В.П.Свенцицкий. Следующее публичное заседание состоится 26 ноября. В.П.Свенцицкий прочтет реферат "Ценность человеческой жизни в связи с идеей бессмертия".

303

Середина ноября 1906 г., реферат Д.Д.Галанина "Мое религиозное мировоззрение".

304

На 4.12.1906 был намечен реферат В.П.Свенцицкого "Террор и бессмертие", опубликован: "Вопросы Религии", 1906, №2, с.3 – 28. Он был душой и основным оратором в первые три года существования Московского РФО. По воспоминаниям современника «Речи Свенцицкого носили не только проповеднический, но и пророчески-обличительный характер. В них было и исповедническое биение себя в перси и волевой, почти гипнотический нажим на слушателей». Федор Степун. Бывшее и несбывшееся. Изд.2-ое, тт.1–2. Лондон. 1990, с. 260–261.

305

Андреев Леонид Николаевич (1871–1919) – писатель.

306

Метерлинк Морис (1862–1949) – бельгийский франкоязычный драматург и поэт.

307

На январь 1906 был намечен доклад Н.А.Бердяева «Великий Инквизитор Достоевского» // Вопросы философии и психологии" т.86, 1907, с.1 – 36.

308

Журнал с таким названием не вышел.

309

следует выслушать и другую сторону (лат.)

310

Вероятно имеется в виду статья архимандрита Михаила (Семенова), опубликованная под неизвестным нам псевдонимом.

311

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.48–50об. в Симбирск; п.шт.: 30. 11. 1906 Москва.

312

Тернавцев Валентин Александрович (1866–1944) – богослов либерального направления, религиозно-общественный деятель и публицист, чиновник особых поручений при обер-прокуроре Святейшего синода, вместе с Д.Мережковским и З.Гиппиус был организатором "Религиозно-философских собраний" в СПб в 1903–04 г.г., участник и организатор Петербургского РФО.

313

Согласно указу императора Николая II в это время ожидался созыв поместного Собора Российской Православной Церкви, который впоследствии был перенесен на неопределенное будущее из-за нестабильности внутривластной обстановки. Собор был созван лишь в сентябре 1917 года.

314

Михаил, (Семенов Павел Васильевич, 1874–1916), архимандрит, впоследствии с

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. 1909 г. старообрядческий епископ Канадский, (1874–1916) родом из семьи кантониста; в 1903 г. по окончании СПбДА и защиты диссертации был рукоположен в сан архимандрита и получил звание профессора канонического права. В 1901–03 гг. участник Религиозно-философских собраний, где выступал с традиционно-церковных, консервативных позиций. После революции 1905 г. переходит на позиции церковного обновления и "социального христианства", член "Группы 32-х", один из основателей "Союза церковного обновления", близкого к идеям ХББ, член Московского и Петербургского РФО, религиозно-общественный деятель, публицист, издатель и активный сотрудник журнала "Век", после его закрытия издавал журнал "Товарищ", где изложил собственную концепцию "мировой религии свободного духа", в которой христианство сочеталось с идеями утопического коммунизма. После вступления в 1906 г. в партию Народных социалистов был сослан в Задонский монастырь и отстранен от преподавательской деятельности. Опасаясь отлучения от Церкви, присоединился в 1907 г. в сущем сане к Старообрядческой церкви белокриницкого согласия, а в 1908 г. хиротонисан во епископа на канадскую кафедру, однако не сумев вовремя прибыть в свою епархию, был постановлением Освященного собора от 31.08.1910 был запрещен в священнослужении (перед смертью это запрещение было снято). В 1909 образовал движение реформистское "Свободных христиан". Сотрудничал в старообрядческих изданиях: еженедельнике «Церковь», журналах «Старообрядческая мысль», «Старая Русь», издал множество брошюр и книг. Единомышленники называли его «апостолом XX века», противники угрожали расправой. Зарабатывал на жизнь физическим трудом. В октябре 1916 г. был найден на улице зверски избитым, скончался от ран в богадельне Рогожского кладбища, где и был похоронен. С.Н.Булгаков в 1906 г. напечатал в его журнале "Товарищ" статью «Духовенство и политика». См. Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., Церковь, 1996. Панкратов А. С. Ищущие Бога. Очерки современных религиозных исканий и настроений. М., 1911, с. 123–127.

315

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.52–54об. в Симбирск; п.шт.: 4. 12 1906г.

316

Первый вариант этой работы: А. Волжский. Памяти Ф.М.Достоевского //Московский еженедельник. № 41. 30.12.1906. С. 48; содержит упоминание о докладе Булгакова "Достоевский и самодержавие". Полностью монография не была опубликована.

317

Возражение на доклад С.Булгакова на заседании МРФО "Достоевский и самодержавие" в конце 1906 г.

318

Реферат "Террор и бессмертие" был прочитан В.Свенцицким на заседании МРФО 5.12.1906, после чего по распоряжению полиции заседания были преостановлены

319

Товарищ— ежедневная газета, издававшаяся в Петербурге с 15.03.1906 по 1907 г. Ред. В.В.Португалов, В.Н.Гардин, изд. Н.Н.Русанова. Редакция объявила целью «примирение крайних партий, <...> умиротворение страны», «Ни реакции, ни революции», «Прогресс мирный и постепенный»; резкой критике подвергались большевики и эсеры.

320

В «Письме в редакцию» от 28.11.1906 архимандрит Михаил (Семенов) протестует против решения Синода об отстранении его от преподавательской деятельности в СПбДА за вступление в партию Народных социалистов. Ср. Булгаков С. Духовенство и политика. // Товарищ. 6.11.1906, где выражается поддержка

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. позиции о Михаила (Семенова) и священников Огнева и Афанасьева, вступивших в партию социалистической направленности и подвергнутых со стороны Синода запрещению. Булгаков С. Об о. Гр. Петрове. // Товарищ. 18.12.1906.

321

В письме от 5.12.1906. священник В. Колачев извещает читателей «Века» о выходе из редакции еженедельника. // Век. 17.12.1906. № 6.

322

Перевал – литературно-художественный журнал, основанный в 1906 г. С.А.Кречетовым (Соколовым) (1879–1936), владельцем издательства "Гриф". Издание прекратилось осенью 1907 г

323

Проект не был осуществлен.

324

РГАЛИ ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.56–59об. в Симбирск

325

Меерович Ефим Израилевич – писатель, журналист.

326

Лундберг Евгений Германович (1887–1965), публицист, член ХББ, писатель, автор книги о Д.Мережковском (1914).

327

В этот период существовало два одноименных периодических издания: Век. Независимый орган печати; с № 45 – Ежедневная политическая, общественная и литературная газета. М., 1906–1907. Ред.-изд. С. Г. Мимиконян. Век. Еженедельник религиозно-общественной жизни и политики. Спб, 1906–1907. Ред. В. А. Никольский, с № 15 – А. В. Попов.

328

Философов Д.В. О братстве церковного обновления. // Товарищ. 1906, № 34. Ср. Его же. Бунтующие институтки. // Товарищ. 8.12.1906.: «в "Веке" увидите лишь прогрессивные банальности, приправленные крайне туманными социалистическими мечтаниями». Автор приглашает "обновленцев" присоединиться к нехристианскому освободительному движению.

329

Никольский Владимир Александрович – религиозный публицист, редактор-издатель еженедельника «Век».

330

С.Булгаков. Временное и вечное. //Век. 1906, № 7.

331

А.В.Карташев служил в канцелярии Святейшего Синода.

332

РГАЛИ, 142, ед.хр.1, оп.1, л.61 (открытка в Симбирск), п.шт.: 22. 12. 1906, Москва.

333

Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) – правовед, философ, социолог, член ЦК партии Народной Свободы (конституционалистов-демократов). Участник сборника "Проблемы идеализма". В философии права разрабатывал идеи неокантианства.

334

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.60–62об.

335

Глинка (Волжский) А.С. Гаршин как религиозный тип. М. 1906.

336

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.63–65об.

337

По-видимому – В.П.Свенцицкий и В.Ф.Эрн.

338

Предположительно: Бердяев Н. Анархизм // Русская мысль, 1907, № 1, с. 26–45.

339

В течении всей жизни Тернавцев работал над исследованием и толкованием «Откровения ап. Иоанна Богослова». Труд не был опубликован, местонахождение рукописи установить не удалось.

340

Речь идет об отвергнутой и запрещенной к публикации Синодом рукописи архимандрита Феодора Бухарева «Исследование об Апокалипсисе», которая хранилась в архиве Св. Синода. Ее местонахождение в настоящее время установить не удалось. См. примеч. к № 39.

341

Бранд. (Брандш) Драматическая поэма в 7 картинах Г. Ибсена. Перевод с норвежского А. В. и П. Г. Ганзен. Премьера спектакля в МХТ состоялась 20.12.1906, в постановке К. С. Станиславского, который сам исполнял роль Штокмана, в роли Бранда выступал В. Качалов.

342

Философов Д. Бунтующие институтки // Товарищ, 8.12.1906. Автор ядовито пишет о Братстве церковного обновления и его органе: «В «Веке» увидите лишь прогрессивные банальности, приправленные крайне туманными социалистическими мечтаниями. В заключение автор призывает адресатов своей критики

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. присоединиться к нехристианскому общественному движению.

343

В период, предшествующий написанию данного письма, опубликовано только письмо А.Карташева о выходе из состава редакции журнала «Век» (10.12.1906). Немного позже опубликована статья Карташева «Ревнителю церковного авторитета» // Телеграф. 18.02.1907.

344

С.Булгаков. Средневековый идеал и новейшая культура. (По поводу книги Г. Эйкена "История и система средневекового мирозерцания". СПб. 1907) //Русская мысль, 1907, № 1, с. 61–83.

345

Соловьев С. М. Рец.: Вопросы религии, вып. 1. М. 1906 // Перевал, 1906, № 2 (декабрь). «"Теплохладная семинарщина" – название, гораздо более подходящее к сборнику, чем "Вопросы религии" <...> Г.Г. Флоренский и Эрн свалили без разбора Софокла, Машкина, Бебеля и прочих, все смешалось в одном пошлом безразличии <...> Книга не только не нужная, это книга вредная. <...> Теплохладная пошлость Г. Эрн и компании липкими комьями насаждает на драгоценный ковчег церковной истины».

346

ОР РГБ, ф.348.1.26. Открытка, б.д., датирована по пчт. шт. отпр.

347

Вероятно речь идет о реферате В.Свенцицкого «Религиозный смысл "Бранда" Ибсена».

348

Архив Эрн, частное собрание; п.шт: Москва 22.01.1907; в СПб.

349

Век, 1907, № 4, с.34–35.

350

Обвинение по "политической", статье было предъявлено также Эрну, М.Вишняку (Маркову), Ельчанинову и Свенцицкому за публикацию антиправительственных сочинений и участие в христианском братстве борьбы.

351

Полностью письмо опубликовано Т.Пацчмус. Цанадиан Славониц Паперс. Н 7.1965.

352

В январе Н.А.Бердяев прочел в МРФО реферат на тему «Великий инквизитор Достоевского» // Вопросы философии и психологии", т. 86, 1907, с.1 – 36.

353

Этой теме посвящена переписка С.Булгакова с В.Розановым. См.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах. Неопубликованные письма С.Н.Булгакова к В.В.Розанову. Публикация, предисловие, комментарии М.А.Колерова. //Вопросы философии. №10, 1992.

354

Ивашева П.А.

355

Багатурова Надежда Сергеевна – семейный друг Эрнов и Ельчаниновых.

356

Шер Дмитрий Дмитриевич (Чмич) – близкий друг В.Эрна, А.Ельчанинова и П.Флоренского, член ХББ.

357

Из-за отсутствия данных о сути произошедшего конфликта и не поддающихся однозначному истолкованию описанных в письме бурных объяснений ограничимся воспоминаниями современника: «Женщины, причем не только фетишистки дискуссионной эстрады, которых в Москве было немало, но и вполне серьезные девушки, сходили по Свенцицкому с ума. Они его и погубили. Со слов Рачинского знаю, что до президиума Соловьевского общества дошли слухи, будто бы на дому у Свенцицкого происходят какие-то, чуть ли не хлыстовские исповеди-радения. Было назначено расследование и было постановлено исключить Свенцицкого из членов общества. Был ли он на самом деле предшественником Распутина, или нет, занимался ли он соборным духовлудием, или вокруг него лишь сплелась темная легенда, которая сделала невозможным его членство в обществе, я в точности не знаю». Ф.Степун. Бывшее и несбывшееся.

358

ЦГАЛИ ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.67.

359

В.Н.Лашнюков, издатель «Века».

360

Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962) – русский религиозный философ, психолог, с 1942 г. православный священник, в эмиграции один из основателей и председатель Русского студенческого христианского движения (1923–62). Автор "Истории русской философии", тт.1–2, Париж, 1952. В начале века под влиянием книг В.С.Соловьева вернулся в Православную церковь после долгого периода атеизма.

361

30.01.1907 архимандрит Михаил (Семенов) прочел в литературно-художественном кружке лекцию под названием «О будущем христианстве». «Подробно разобрав повести «Коринфское чудо» Косоротова, Господа и рабы» ***, пьсу «Брандт» Ибсена он выяснял будущий тип христианства. <...> Свою мечту – "стать сильным как всемогущий Бог" он выкрикнул громким голосом на весь зал». Эрн В. Лекция о. Михаила (Корреспонденция из Москвы) // Век. 30.01.1907.

362

Исходя из публикаций Бердяева этого периода, можно предположить, что доклад был посвящен одной из следующих тем: «Русские богоискатели» // Московский

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. еженедельник, 1907, № 29, с. 18–28. «Анархизм» // Русская мысль, 1907, № 1, с. 26–45. «К вопросу об отношении христианства к общественности» // Век, 24.06.1907.

363

Лекция Шестова, по-видимому, не состоялась.

364

Новоселов Михаил Александрович (1869–1939?), в узком кругу друзей его называли «Авва» (духовный отец) – профессор Московского Университета по кафедре классической филологии; в молодости был сторонником учения Л.Н.Толстого, впоследствии отошел от него и вернулся в Православную церковь. Организовал вместе с епископом Феодором (Поздеевским), П.Мансуровым, А.Д.Самариным, о.Езерским, В.А.Кожевниковым и о. Иосифом Фуделем в начале века в Москве в своем доме «Братство взыскующих христианского просвещения»; позже к ним присоединились С.Дурылин и С.Булгаков; издавал в Вышнем Волочке очень популярную среди интеллигенции серию книг карманного формата под названием "Религиозно-философская библиотека" (вышло несколько десятков названий); был в близких отношениях с о.Иоанном Кронштадским, оптинскими старцами. Постепенно оказался в центре охранительно-консервативных кругов православной интеллигенции и духовенства, выступавших с резкой критикой "модернизма" в Церкви, исходящего по их мнению из философско-богословской трудов В.Соловьева, С.Н.Булгакова, Н.А.Бердяева, Д.С.Мережковского и других известных деятелей "Русского религиозно-философского Возрождения". После Октябрьской революции принял монашеский постриг и тайно был посвящен в сан епископа с именем Марк. По-видимому, принадлежал к Катакомбной Церкви, канонически оформившейся вокруг архиепископа Андрея (Ухтомского). С 1923 по 1928 г.г. жил на нелегальном положении, скрываясь в домах друзей. Арестован ОГПУ в 1928 году, приговорен к 10 годам политизолятора, которые отбыл в одиночной камере; в 1928 направлен в ссылку в Сибирь, где скончался в конце 30-х годов (или был расстрелян).

365

Архив Эрн, частное собрание. П.шт.отпр: Москва 19.2.1907. Адрес на конверте: Петербург, Лиговка, 72, кв. 3. ЕВБ А.В. Ельчанинову

366

Речь видимо идет о собрании "Братства ревнителей церковного обновления", организации, основанной в 1905 г. "группой 32-х", состоявшей из либерально настроенных священников и церковной интеллигенции. Братство выступало за реформу церковного управления, оживление приходской жизни, обновление богословского образования с целью приблизить церковную жизнь к текущим проблемам общества; впоследствии представители этого движения выступали за скорейший созыв поместного собора, а на соборе 1917–18 г. голосовали против восстановления патриаршества. С началом массовых гонений на Церковь «обновленцы», попав в полную зависимость от ОГПУ, вышли из подчинения Патриарху Тихону, образовав так называемую "живую церковь", впоследствии также распавшуюся на ряд враждующих деноминаций.

367

Лекция, прочитанная 26 февраля 1907 г., была впоследствии опубликована: В.Свенцицкий. Религиозный смысл "Бранда" Ибсена. // Парус. М., 14.02.1907, № 3.

368

В.Эрн. О жизненной правде //Вопросы религии. Вып. 2. 1908, с.29 – 61

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
369

Реферат, прочитанный о. Михаилом Семеновым на заседании Московского религиозно-философского общества 7.02.1907.

370

В.Эрн. Таинства и возрождение Церкви. //Церковное обновление, 1907, №9, с. 65 - 66.

371

Архив Эрна, частное собрание. Открытка, п.шт.отпр.: Москва 12.03.1907.
Адрес на конверте: Петербург, Лиговка, 72, кв.3. ЕВБ А.В.Ельчанинову

372

Книготорговец.

373

Издано брошюрой в "Религиозно-общественной библиотеке", сер.2, 1906. За эту брошюру В.Ф.Эрн был дважды привлечен к суду в 1910-1911 гг. и оба раза оправдан.

374

По-видимому, речь идет о рецензиях на книги: Б.Демчинского "Христос в революции". М., 1906, опубл.: Век, 1907, №11, с.83-85; Н.Бердяева. Субспециае етернитатисш. Опыты философские и литературные. СПб, 1907, // Век. 1907, № 13, с. 167.

375

Архив Эрна, частное собрание. Открытка, п.шт.: Москва, 16.03.1907

376

Анонимная заметка, уведомляющая об открытии "Вольного богословского университета".

377

Имеются в виду лекции "Вольного богословского университета" при МРФО. 15 марта 1907 В.Эрн прочел там лекцию "Социализм, анархизм и христианство"; В.Свенцицкий - "Лев Толстой и Вл. Соловьев". См. Век, 1907, №13, с.103.

378

ОР РГБ ф.348.1.3.л.21 - 23. письмо из СПб в Москву.

379

Священники, члены "Союза церковного обновления".

380

Вероятно, автор иронически намекает на Морозова Николая Александровича, (1854 - 1908), революционера-народоволеца, узника Шлиссельбургской крепости. автора нашумевшей в то время книги "Откровение в грозе и буре",
Страница 450

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. где делается весьма неубедительная интерпретация новозаветной книги "Откровение Иоанна Богослова" на основе астрономических спекуляций. Здесь метафора дилетантизма. В.Эрн опубликовал рецензию на эту книгу "Откровение в грозе и буре. Разбор книги Н.Морозова" (М. 1907), полностью опровергающую концепцию автора как дилитантскую.

381

Намек на демагогические статьи религиозно-политического характера редактора-издателя еженедельника "Век" В. Никольского.

382

ОР ГБЛ ф.348.1.3.л.24. Открытка, п.шт.: СПб 19.03.1907. Адрес: Москва, Плющиха, угол Грибоедовского и Полуэктовского. д. Попова, В.Ф.Эрну.

383

Доклад К.М.Аггеева «Религия и политика» //Век, 1907, № 10.

384

Метнер Эмилий Карлович (псевд. Вольфинг), (1872–1936) – музыкальный критик, философ, литератор. Заведовал музыкальным отделом журнала "Золотое руно". Один из основателей символистского издательства "Мусагет" в Москве, редактор-издатель журнала "Труды и дни", автор многочисленных статей в этом и других символистских журналах.

385

Эллис (Кобылинский) Лев Львович (1879–1947) – поэт-символист, переводчик, критик, во второй половине жизни – католический монах. Умер в Швейцарии .

386

ОР РГБ ф.167.6.3.л.2 – Зоб. фрагмент.

387

Речь идет видимо о журнале "Золотое руно", издававшемся на средства Н.П.Рябушинского.

388

Жена Э.Метнера.

389

Речь идет о попытке уговорить М.Морозову финансировать книгоиздательство и журнал "Мусагет". 27.01.1907 Э.К.Метнер предлагает Эллису проект издания нового журнала: «У меня в голове одно, правда несколько претенциозное, название журнала; именно: Мусагет. Этим 1) объединяются не только чисто эстетические темы и произведения, но и научные... эллинвсепонимал артистически, и только такое понимание – культуропроизводительно». ОР РГБ ф. 167, 6, 1. В марте того же года Эллис пишет в ответ: «<...> вы обязаны создать художеств<енный> орган в России и создать эстетич<еский> центр, вроде братства Ст<ефана> Георге». ОР РГБ ф. 167, 7, 3. В ответном письме Эллису от 14.04.1907 Э.К.Метнер уже выражает решимость стать редактором будущего журнала Мусагет, который предполагался к изданию с 1908 г., а также намечал организовать издательство «Культура» и выпустить в свет несколько книг, дающих представление «о культуре в нашем новом синтетическом смысле». Цит. по: Лавров А. «Труды и дни» // Русская литература

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах. Журналистика начала XX века. 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М. Наука. 1984, с. 192. В 1909 г. на средства Ядвиги Фридрих, состоятельной немецкой приятельницы в Москве организуется книгоиздательство «Мусагет», см. Вступительную статью к наст. изд.

390

Полностью опубликовано Т. Пацчмус. Цанадиан Славониц Паперс. Н7.1965.

391

Эрн В. Наша вина // Век, 1907, № 3. Эрн В. Рец.: на сб. статей: Бердяев Н. Субспецие аетернитатис.ш Опыты философские, социальные и литературные. СПб. 1907 // Век, 1907, № 13, с. 167–168. Свенцицкий В. Ответ Н. А. Бердяеву // Век, 1907, № 26. Ответ: Бердяев Н. Русские богоискатели // Московский еженедельник, 28.07.1907.

392

Статьи Д. В. Филофова в газете «Телеграф» не найдено. Вероятно, речь идет о статье «Церковь и революция» // Век. 13.05.1907, № 18. См. при этом: Карташев А. Ревнителы церковного авторитета // Телеграф, 18.02.1907, № 26.

393

Архив Эрна, частное собрание. П. шт. отпр.: Москва 23.03.1907 г.

394

Свенцицкий В. Религиозный смысл «Бранда». СПб. 1907. Рец.: Грифцов Б. // Перевал, 1907, № 7.: «Протест против официального христианства, против "слабой человеческой жалости", призыв к религиозному действию – это те последние упования, которые можно возлагать на христианство. <...> Надо отметить поспешность работы и местами философскую наивность (например, в трактовке вопроса о свободе)».

395

Московское религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева

396

Каптерев Николай Федорович – профессор МДА по кафедре всеобщей истории, автор монографии «Старообрядчество и Церковь в 17 веке», прочел лекцию «Раскол и Церковь в X II в.»

397

Тареев Михаил Михайлович (1866–1934) – профессор МДА, прочел доклад, опубликованный позже под названием «Христианская проблема и современная русская религиозная мысль». // Век, 1907, № 13, с. 163. Позже этот текст в расширенном виде вошел в состав последнего тома его основного труда, где изложена нетрадиционная концепция христианства: Тареев М. М. Основы христианства. 2-е изд., Сергиев Посад, 1908. Т. 1 – Христос; т. 2 – Евангелие; т. 3 – Христианское мировоззрение; т. 4 – Христианская свобода

398

Андрей Белый. Социал-демократия и религия. // Перевал, 1907, № 5, с. 23–25.

399

Продолжение лекции от 17.03.07.

400

Константин Аггеев, священник. Религия и политика. //Век, 1907, № 10, с. 121-122; № 12 с. 142-143.

401

Опубл.: В.Эрн. Методы исторического исследования и "Сущность христианства" А.Гарнака. (Предисловие к книге: Гарнак Адольф. "Сущность христианства" М., 1907, с. 1 - 30.

402

А.Карташев вспоминает: "Эрн... весь был ученость, разум, строжайший морализм. Высокий, с бледным безбородым никогда не улыбающимся лицом, в обычном для того времени черном сюртуке, он казался протестантским пастором какой-то морализующей секты, являя собой пример протестантского пафоса в православии. Его друг-сподвижник Свенцицкий, судя по фамилии, польского происхождения, невысокого роста блондин с большими светло-голубыми глазами, напряженно и требовательно на всех смотрящими. Какой-то едва сдерживающий себя Савонаролла, готовый разразиться обличениями, анафемами, повести толпу в бой. Тип теократа латинского стиля". А.В.Карташев. Мои ранние встречи с отцом Сергием Булгаковым. Православная мысль. Труды Православного богословского института в Париже. Вып. IX, Париж, 1953, с. 47-55.

403

А.Ельчанинов в это время был в составе редакции еженедельника "Век".

404

См. примечание к п. №.

405

Кристи Владимир Григорьевич (1882-1946) – бессарабский помещик, корреспондент, адресат, последователь Льва Толстого, посетитель Ясной Поляны.

406

Беневский Иван Аркадьевич(1880-1921) – корреспондент, адресат, многократный посетитель и последователь Льва Толстого, основатель и руководитель земледельческой общины в Харьковской губернии. Происходит из семьи генерала и военного историка А.С.Беневского. Зафиксирован устный отзыв о нем Л. Толстого: «<...> Потом вспомнил, что в общине под Харьковом, где Беневский, был обыск, о чем писал Лебрен. И Л. Н. разговорился о Беневском, его глубокой религиозности, милой доброте. У него некоторые особенности: придает значение крестному знаменю. Рассказал про смерть (самоубийство) его матери: у нее умер сын от чахотки, дочь искалечилась и попала в тюрьму и теперь в подавленном состоянии, желала бы на поруки, не пускают. Его мать, генеральша, любящая очень нашего Беневского; она показала ему место из Марка Аврелия: "Если жизнь тебе тяжела, можешь уйти из нее". Он ей объяснил, как он это понимает. Чрез некоторое время приходит к нему отец: "С матерью что-то случилось". – Пошли в сад: лежит с огнестрельной раной в виске, мертвая». У Толстого. Яснополянские записки Д. П. Маковицкого. Кн. 2. М. 1979, с. 265.

Его сестра Мария Аркадьевна (по первому мужу Моисеенко, 1882-1942), эсерка, участвовавшая в изготовлении и перевозке самодельных взрывных устройств, при взрыве, перевозимой ею бомбы была тяжело ранена, отбывала каторгу;

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. корреспондент и адресат Л.Н.Толстого.

407

Позже опубл.: В.Эрн "Социализм и общее мировоззрение" //Богословский вестник, 1907, №9, с. 35-60. "Социализм и проблема свободы" //Живая жизнь, №2, с. 40-87.

408

Сестра А.Ельчанинова, С.В.Ельчанинова.

409

Предположительно: Флоренский П. "Вопль крови". Слово в неделю Крестопоклонную. М. 1906; или "О типах возрастания" //Богословский вестник" 1906, т.2, № 7; отд. оттиск.

410

фрагмент, письмо полностью опубликовано //Т.Пацчмусс... ш(см. выше).

411

Архив Эрна, частное собрание. "Закрытка", п.шт.: Москва 4. 04. 1907. Адрес:Петербург, Лиговка, 72, кв.6. ЕВБ Ельчанинову А.В. от Д.И.Егорова, Б.Козихинский, дом Ульянова,кв.3. Из конспиративных соображений письмо подписано "Д.И.Егоров" .

412

Журнал Свенцицкого, Эрна, Ельчанинова, Ивашевой, напечатанный в организованной ими нелегальной типографии в 1905 г. и вероятно конфискованный при обыске. Также должно было называться издательство, в котором предполагалось печатать христианско-социалистическую литературу.

413

После обыска в конце 1906 г. на московской квартире Эрна и Свенцицкого и в подмосковном доме, где размещалась нелегальная типография, против них и Ельчанинова было возбуждено уголовное дело и взята подписка о невыезде. Переехав в Петербург, Ельчанинов нарушил подписку. Ему оставалось либо явиться в суд, либо перейти на нелегальное положение.

414

Архив Эрна, частное собрание. Открытка, п.шт.: Москва 4.04.1907.

415

В.Свенцицкий. Религиозное значение «Бранда» Ибсена //Библиотека "Века". М., 1907.

416

Объявление о подписке на журнал "Берег" появилось в марте-апреле 1907 в "Веке", но издание не состоялось.

417

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Предположительно речь идет о профессоре МДА Попове Иване Васильевиче.

418

Глаголев Сергей Сергеевич свящ., (1865–1937) – профессор основного богословия в МДА, автор многочисленных книг и брошюр.

419

Речь идет о предполагавшемся тогда Поместном соборе Российской Православной церкви, который был созван лишь после февральской революции. Не удалось найти брошюры Эрн с таким названием. Возможно речь идет об опубликованной позже работе "Что делать?" //Вопросы религии. 1908, вып.2, с. 62 – 91. Редакция "Века" вела активную подготовительную работу в ожидании собора, стремясь направить его в русло "христианской политики". См. "Положение о составе собора //Век, 13.05.07, №18, с. 249; Вал.С. <Свен/и>цицкий>Мертвый собор //Век, 27.05.07, №20, с. 289 – 290; Свенцицкий В. Готовьтесь к собору! //Век, 3.06.07., с. 309–310. Аггеев К. свящ. Задачи Собора. //Век.10.06.07, №22, с. 331–332.

420

Опубликована: Д.В.Философов. Церковь и революция //Век. 13.05.07, №18; статья содержит полемику с программой "Братства ревнителей церковного обновления". Ответы: С.А.Аскольдов. По поводу поучений Д.В. Философова //Век, 20.05.07, №19, с.273–275; В.Свенцицкий. О новом религиозном сознании. //Век, 13.05.07, с. 253–254.

421

В.Эрн. Историческая церковь //Церковное обновление, 1907, № 11, с.81–83.

422

Осипов И. Таинства и возрождение Церкви. // Век. Спб, 1907, № 13, с. 154–155.

423

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.63.

424

ОР РГБ ф.167.ви. 5, л. 1 об.

425

Рейнбот А. А. – в этот период был оберполицмейстером Москвы. Автор письма ошибается: Рейнбот женился на вдове Саввы Тимофеевича Морозова, Зинаиде Григорьевне Морозовой, см. П.А.Бурышкин. Москва купеческая. М. 1990. Н.Думова. Московские меценаты. М. 1987.

426

Архив Эрн, частное собрание. Открытка, п.шт.отпр.: Москва. 25.04.1907. Адрес на конверте: Петербург, Лиговка, 72, кв.6. ЕВБ А.В.Ельчанинову.

427

Аскольдов Сергей Алексеевич (наст. фамилия Алексеев) (1871–1945) – философ, член ПРФО, внебрачный сын философа А.А.Козлова. Главные работы

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. рассматриваемого периода: "Основные проблемы теории познания и онтологии" (1900), "Мысль и действительность" (магистерская диссертация, М.1914).

428

См. примеч. к № 73

429

В. Эрн. Христианство и мир (ответ Д.Мережковскому). //Живая жизнь. №1, с. 15. Ответ на эту публикацию: Д.Мережковский. Ответ на вопрос //Век, 20.05.1907, № 19, с. 272-273.

430

Ответ В.Эрна на полемическую заметку В.Розанова О таинствах (письмо в редакцию по поводу статьи В.Эрна "Таинства и возрождение Церкви") // Век. 6. 05. 07., № 17, с. 233-235.

431

Ответ на статью: Д.Философов. Церковь и революция. Век. 13.05.07, № 18, которая содержит полемику с "Братством ревнителей церковного обновления".

432

См. № 84.

433

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.69, датировано по пчт. шт.

434

«В сутолке Таврического дворца С.А.Булгаков сжимался, проходил через парламентское торжище сторонкой, в кулуарах помалчивал, больше слушал, пощипывая маленькую, темную бородку и улыбался насмешливо, невесело. Влияния он не искал, но и над собой влияния, но инад собой влиянияне любил. Таким людям в партии тесно, скучно, и они этого не скрывают. Не долго продолжалась политичекая деятельность этого богато одаренного мыслителя. Его мысли вздымались выше. Внутренне он уже готовился к высокой пастырской деятельности». Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. Лондон, 1990, с. 349.

435

Архив Эрна, частное собрание. Без конверта.

436

Эрн В. «Идея катастрофического прогресса», доклад в МРФО, опубл. // Русская мысль. 1909, т. 2, отдел 2, с. 142-159; отклик // Русская Мысль, 1907, № 10.

437

Священник Иона Брихничев в 1907 г. был лишен сана и к моменту написания письма уже четыре месяца находился в тифлисской тюрьме за революционные проповеди.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
438

Егоров Иоанн – православный священник, член "Братства ревнителей церковного обновления", публиковался в «Веке», участвовал во 2-ом сборнике «Вопросы религии». М., 1908.

439

Священник Константин Аггеев, член "Братства церковного обновления".

440

Видимо, сестра П.А.Флоренского.

441

Неустановленное лицо.

442

Шер Ольга Дмитриевна – приятельница Эрн, Ельчанинова, Свенцицкого, слушательница Свободной богословской академии.

443

Век, № 17, 6.05.1907.

444

А.Ельчанинов. Опасный путь, там же, с.229-230.

445

Н.Бердяев. Нигилизм на религиозной почве, там же, с.231-233.

446

В.Розанов. О таинствах. Там же., с.233-235.

447

В статье «Историческая церковь» //Церковное обновление, № 11, с. 82, В.Эрн полемически утверждает, что само выражение "историческая церковь" неправомерно, поскольку несет в себе "внутреннее противоречие". Человеческий разум, по его мнению, не способен постичь двойственную, "земно-божественную" природу церковного организма и видимого, и в основе своей невидимого, ибо мир этот, по выражению Достоевского, лишь краем "касается мирам иным". Ср. Н.С.Семенкин. Философия богоискательства, с. 154.

448

Там ж, с. 236, см. ответ В.Свенцицкого П.П.Кудрявцеву //Век, №20, с.293.

449

ЦГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.70-73об. П.шт.: 27. 05. 1907 г. СПб, в Симбирск.

В. Свенцицкий побывал в гостях у А. Глинки в Симбирске.

451

Тихон Задонский (1724-1783) – святитель Воронежский, духовный писатель.

452

Розанов В. В. Об Иисусе сладчайшем и горьких плодах мира. Доклад, прочитанный на заседании ПРФО 21.11.1907 // Русская мысль, 1908, № 1, с. 33–42.

453

Речь идет о кружке Новоселова; о духовной атмосфере, царившей в нем и устремлениях его участников Булгаков впоследствии писал: "Культурный консерватизм, почвенность, верность преданию, соединяющаяся со способностью к развитию – таково было это задание, которое и на самом деле оказалось бы спасительным в истории, если бы было выполнено. Впрочем, про себя лично скажу, что хотя в бытовых и практических отношениях я шел об руку с этим культурным консерватизмом (как он ни был слаб в России), исповедывал почвенность, однако, в глубине души никогда не мог бы слиться с этим слоем, который у нас получил в идеологии наиболее яркое выражение в славянофильстве (с осколками славянофильства: Д.Ф.Самариным, И.В.Мансуровым, М.А.Новоселовым, В.А.Кожевниковым и др<угими> я дружил лично. Меня разделяло <с ними> общее ощущение мiра и истории, како-то внутренний апокалипсис, однажды и навсегда воспринятый душой как самое интимное обетование и мечта. Русские почвенники были культурные консерваторы, хранители и чтители священного предания, они были живым отрицаниемнигилизма, но они небыли его преодолением, не были потому, что сами были, в сущности, духовно сыты, и никуда не порывались души их, никуда не стремились. Они жили прошлым, если только не в прошлом. Их истина была в том, что прошлое есть настоящее, но настоящее-то неесть только прошлое, но оно есть и будущее и притом не только будущее, которое есть выявление прошлого через настоящее в будущем, т.е. только прошлое, а будущее как новое рождение. "Се аз творю все новое". К этому новому рвалась и рвется, его нает душа. И это религиозно-революционное, апокалипсическое ощущение "прерывности" (о чем любил философствовать рано ушедший друг наш В.Ф.Эрн), родни меня неразрывно с революцией, даже –чоррибиле дицту– с русским большевизмом. Отрицая всеми илами души революционность как мировоззрение и программу, я остаюсь и, вероятно, останусь "революционером" в смысле мироощущения (да разве такими "революционерами" не были первохристиане, ожидавшие скорого мирового пожара). Но эта "революционность" в русской душе так неразделимо соединилась с гадаринской бесноватостью, что с национально-государственной и культурной точки зрения она может быть только самоубийственной".Прот. Сергей Булгаков.Автобиографические заметки...

454

Милюков Павел Николаевич (1859 – 1943) –историк, социолог, публицист, один из основателей партии конституционных демократов (кадетов, партии Народной свободы), депутат III и I Государственной Думы.

455

Гессен Иосиф Владимирович – один из основателей кадетской партии и член ее ЦК, депутат Государственной Думы, отец философа С.И.Гессена.

456

«<...> Столыпин затеял тайный роман с "черносотенными" кадетами, как сами

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. себя прозвали кадеты, к которым он обратился. Их было четверо – С. Н. Булгаков, В. А. Маклаков, П. С. Струве и М. Н. Челноков.» В начале июня 1907 г. <...> лидер партии, Милюков, был против какого бы то ни было сговора с правительством <...> Зорко наблюдал он за тем, чтобы кадеты не нарушали партийных директив, выработанных при его самом деятельном участии, чтобы не угасла в партии оппозиционная непримиримость. От Второй Думы, где социалистическое большинство делало все, чтобы ее взорвать, Милюков не ждал добра. Он смутно догадывался, что помимо его ведома, что-то происходит и зорко следил за четырьмя кадетами. А они шли на разговоры с премьером в надежде, что и в этой Думе может образоваться какое-то разумное большинство, которое перестанет митинговать и займется законодательством. Из этих тайных встреч ничего не вышло, да вряд ли и могло выйти при таком резком расхождении настроения думского большинства с настроением властей. Вторая Дума, как и Первая, сама себя не хотела беречь. Прения принимали все более воинственный характер. Революционный террор продолжался. Столыпин решил, что выгоднее Думу распустить нашел для этого выирышный повод. Он обвинил социал-демократическую партию в революционной пропаганде среди войск и потребовал, чтобы Дума дала согласие на арест всей с.-д. фракции. Их было несколько десятков. Требование было неожиданное и юридически необоснованное. Думские социал-демократы все обвинения отрицали, утверждали, что они солдат к бунту не подстрекали. <...> В военный заговор никто не верил. Подробности обвинения казались подстроенными, неправдоподобными. Членов с.-д. фракции окружали. Даже противники выражали им сочувствие, убеждали их скрыться, готовы были им в этом помочь. Было уже одиннадцать часов, когда лидер марксистов, молодой красавец-грузин, кн. Церетели, в последний раз взбежал на трибуну и произнес свою лучшую думскую речь. Церетели походил на орленка, отбивавшегося от охотников. Он заявил, что народным представителям прятаться не подобает. Пусть их арестуют, пусть судят. На суде они докажут народу нелепость возводимых на них обвинений. Тогда увидим, что народ скажет. Цереели, да и не он один, все еще верил, что народ что-то скажет. На этом красивом месте оборвалась Вторая Дума. Звонкий, взволнованный голос грузина был последним аккордом в ее нестройном хоре. В ту же ночь все депутаты с.-д. фракции были арестованы. Скоро состоялся суд над ними. Их всех отправили в Сибирь. Церетели пробыл там 10 лет. <...> В то время как в Таврическом Дворце фракция с.-д. допевала свою лебедину песню, четыре черносотенных кадета попытались еще уладить конфликт. Это была простодушная затея. Они не отдавали себе отчета, что первый бурный период русского парламентаризма кончился. Не только указ о роспуске был уже подписан, но также и указ о новом избирательном законе, помеченный тем же днем, как и указ о роспуске – 3-го июня 1907 г. Об этом не знал секретарь Государственной Думы М. В. Челноков, когда поздно вечером позвонил Столыпину и просил принять его, Булгакова, Маклакова и Струве. Премьер просил немедленно приехать к нему на дачу. Около полуночи добрались они до Елагина Дворца. У Столыпина шло заседание Совета Министров. Но он тотчас же принял депутатов. С первых же слов стало ясно, что Вторая Дума кончила свое короткое существование. У этого романа четырех либералов с премьером был свой эпилог. Несмотря на все предосторожности, тайна их свиданий вскрылась. Шустрый репортер вырвал ее у министра торговли и напечатал в вечерней "Биржевки", что Струве, Маклаков, Булгаков, Челноков были у Столыпина. На кадетском озере разыгралась буря. Визит почему-то сразу окрестили "стольпинской чашкой чаю", хотя Столыпин их ни чаем, ни чем иным не угащал. Но даже мнимая чашка чаю вызвала у многих глубочайшее отвращение, точно это был зазорный напиток. Такой неприступной чертой отрезала себя оппозиция от власти, что один разговор с премьером уже набрасывал тень на репутацию политического деятеля. Столыпинская чашка чаю надолго осталась символом недостойного соглашательства, нарушения оппозиционного канона».Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. Лондон. 1990, с. 359–363. Литературными плодами думской деятельности С.Н.Булгакова стали написанные им в этот период статьи: "Горе русского пастыря" //Новь, 29.10.1906; "Церковный вопрос в Государственной Думе" //Век, 1907, №10, с.119–120; "Из думских впечатлений. Прения о военно-полевых судах" //Век, 1907, №12, с. 144–145.

457

фраза зачеркнута, но легко читается.

458

В "Автобиографических заметках" Булгаков пишет о думском периоде своей жизни: «Своей партии я не создал, а примкнуть к кадетам я не хотел и не мог, не теряя своего лица. <...> Для меня было необходимо пережить Государственную Думу, да и, разумеется, я имел достаточные данные, а потому и обязанность вложить и свои силы в общую работу. Однако препятствием оказалась партийность. По вышеуказанным причинам, став боком к революции уже тогда, я не мог примкнуть ни к одной из политических партий, всецело стоявших на почве революционного или контр-революционного мировоззрения (не говорю об "октябризме", который который всегда имел классово-опортунистическую природу). <...> Моя очередь пришла во вторую Гос. Думу, куда и выбран по родной Орловской губернии, как беспартийный "христианский социалист". Я получил, наконец, депутатское крещение, и четырехмесячное сидение в "революционной" Гос. Думе совершенно и окончательно отвратило меня от революции. Из Гос. Думы я вышел таким черным, как никогда не бывал. И это было понятно. Нужно было пережить всю безнадежность, нелепость, невежественность, никчемность этого собрания, в своем убожестве даже не замечавшего этой своей абсолютной непригодности ни для какого дела, утопавшего в бесконечной болтовне, тешившего самые мелкие тщеславные чувства. Я не знавал в мире места с более нездоровой атмосферой, нежели общий зал и кулуары Гос. Думы, где потом достойно воцарились бесовские игрища советских депутатов. Разумеется, сам я совершенно не годен в депутаты, и потому, может быть, с таким ужасом и вспоминаю эту атмосферу. Однако я сохранил достаточную объективность и бесстрашие, чтобы видеть там происходящее. И нет достаточно сильных слов негодования, разочарования, печали, даже презрения, которые бы мне нужны были, чтобы выразить свои чувства. И это – спасение России. Эта уличная рвань, которая клички позорной не заслуживает. Возьмите с улицы первых попавшихся встречных, присоедините к ним горсть бессильных, но благомыслящих людей, внушите им, что они спасители России, к каждому слову их, немедленно становящемуся предметом общегосударственного, прислушивается вся Россия, и вы получите 2-ую Государственную Думу. И какими знающими, государственными, дельными представлялись на этом фоне деловые работники ведомств, – "бюрократы". Одним словом, 2-ая Гос. Дума для меня явилась таким обличением лжи революции, что я и политически от нее выздоровел. Однако я еще не стал монархистом. <...> В мою "почвенность" идея монархии и монархической государственности отнюдь не входила. Вопрос о монархии есть, в существе дела, вопрос любви или нелюбви (есть любовь и в политике), и я не любил Царя. Мне был гнусен, разумеется, рев и рычание революционной Думы, но я ощущал как лакейство, когда некоторые члены Гос. Думы удостоились царского приема, где-то с заднего крыльца. Но выйдя из Гос. Думы, после банкротства и разочарования в ней, куда мог я пойти. В Гос. Думе на меня произвел сильное впечатление своей личностью, смелостью, своеобразной силой слова (особенно на фоне жалкой брехни) Столыпин. Я совершенно не сочувствовал его политике, но я сохранил веру, что он любит Россию и, в конце концов, не солжет. И с этой – последней – надеждой я выел из Таврического Дворца. Это была слабая соломинка, но и она уже гнулась во все стороны. И здесь была течь. И в этом я убедился с трагической ясностью, когда встретился со Столыпинской работой по подготовке выборов в Гос. Думу. Я снова участвовал в Орловских выборах, но в Думу не пошел, хотя меня и посылали настойчиво. За время третьей Думы революция затихла, но зато подняла голову – все решительнее и решительнее – контр-революция. Начались ликвидационные процессы, дело Бейлиса и под. Россия экономически росла стихийно и стремительно, духовно разлагаясь. И за это время каким-то внутренним актом, постижением, силу которого дало мне православие, изменилось мое отношение у царской власти, воля к ней». Сергей Булгаков. Автобиографические заметки. Париж, 1946, с. 78–81.

459

В Париже в это время находились Д.Мережковский, З.Гиппиус, Д.Философов.

460

В число депутатов Второй Государственной Думы были избраны следующие представители православного духовенства: Петров Г. С., священник, от Санкт-Петербурга (был избран в период отбывания ссылки в монастыре); Владимирский Ф. И., священник, от Нижегородской губ., Колокольников К. А.,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. священник, член партии Народной свободы, от г. Перми (после избрания был отстранен от богослужения и лишен права ношения наперсного креста), Платон (Рождественский), епископ, от г. Киева (выступал против смертной казни), Архипов А. В., свящ., от Оренбургской губ.; Герштинский Д., свящ., от Волынской губ.; Гриневич А. И., свящ., от Подольской губ.; Пашкевич М. И., свящ., от Могилевской губ.; Пирский Н. П., священник, от Полтавской губ.; Тихвинский Ф. В., свящ., от Вятской губ.; Якубович В. А., свящ., от Минской губ.

461

Евлогий (Георгиевский), епископ Холмский, впоследствии митрополит (1868-1948) – выдающийся церковный и общественный деятель, депутат 2-ой и 3-ей Государственной Думы. «В Государственной Думе в ту весну я встретился впервые и с профессором политической экономии Сергеем Николаевичем Булгаковым (впоследствии – инспектор Парижского Богословского Института). Он уже тогда приближался к Церкви и выступил с предложением организовать особую комиссию по делам Православной Церкви параллельно вероисповедной комиссии. Я взял слово и направился к трибуне, с коорой он спускался. Мы встретились... "Неужели вы хотите возражать?" – удивился он. "Нет, дополнить: чтобы членами ее могли быть только православные", – сказал я». Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М. 1994, с. 166.

462

ОР РГБ ф.348.1.3.л.25-26.

463

ОР РГБ, ф.348.1.25, лл. 10-13, б.д.

464

Все перечисленные работы опубликованы //Вопросы религии, 1906, №1.

465

имеются в виду члены "Братства церковного обновления".

466

Тюрьма в Тифлисе, где отбывал заключение о. Иона Брихничев. Ростовский (предположительно) – один из издателей или авторов статей газеты «Встань, спящий», близкий к секте «Новый Израиль» (со слов И.В.Эрн).

467

ОР РГБ ф.167. I.8. л.2 об.

468

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.75. В Симбирск.

469

Макарий Египетский, святой, основатель восточного монашества.

470

Видимо речь идет о тексте доклада, прочитанного В.Свенцицким 15 марта 1907 г. на открытом заседании МРФО: "Лев Толстой и Вл. Соловьев", на котором

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. присутствовало около 200 слушателей. См. «Век». 1907, № 13, с. 103.

471

Архив Эрнэ, частное собрание. Открытка. П.шт.: Москва 3.11.1907. Адрес: Петербург, Невский, 40-42, кв. бывшей редакции "Века", ЕВБ А.В.Ельчанинову.

472

Е. (Ельчанинов). Религиозно-философское общество памяти В.С.Соловьева в Москве. //Век, 1907, №9, с. 107-108. Канцелярия МРФО располагалась по адресу: М.Остоженка, 1-ый Зачатьевский пер., дом Шера, кв.1.

В статье в частности сказано: «Смысл, содержание и теоретическое оправдание наше религиозное движение найдет, только идя по пути, указанному религиозным философом В.Соловьевым. Его неустанное стремление христиански освещать и оценивать всю жизнь; литературу, искусство, факты общественной жизни, его методы, цели его философии. Идея Богочеловечества и мира как Становящейся Церкви...»

473

ОР РГБ ф. 348.2.23. л.2. Открытка, п.шт.: СПб 09. 11. 1907. Адрес: Москва, Девичье поле, 2й Воздвиженский пер., д. Бом. ЕВБ Эрнэ В.Ф.

474

Статья Н.Бердяева.

475

Эрн В. Рец.на сб. статей: Бердяев Н. Суб спечие аетернитатис.ш Опыты философские, социальные и литературные. СПб, 1907 //Век, 1.04.1907, №13.

476

8.11.1907 года на заседании Петербургского РФО Д.С. Мережковский прочел доклад "О Церкви грядущего", после которой была дискуссия. См. Записки ПРФО, ч. 2, с. 1-18.

477

Роман В.Свенцицкого, вызвавший глубокий шок в кругах религиозной интеллигенции; его публикация послужила причиной исключения его автора из редколлегии "Века", а затем и закрытия журнала. Это довольно посредственное в литературном отношении произведение написано от первого лица, в форме исповеди. "Демонический" герой, по канонам декадентской литературы метящий в Антихриста, повествует о своих эротических похождениях, которые чередуются с приступами самообожания в стиле провинциального ницееанства и подпольной революционной деятельностью. Среди прочих действующих лиц легко узнаются С.Булгаков и В.Эрн, которых главный герой цинично дурачит, притворяясь пророком "нового, социального христианства". Не следует конечно отождествлять автора и главного героя его романа, но в предисловии ко второму изданию романа Свенцицкий сам намекает на его автобиографичность.

478

Неустановленное лицо.

479

Предположительно реферат был посвящен деятельности протестантских сект на Кавказе и в Закавказье. Точная дата не установлена

480

С. А. Аскольдов был приглашен в Москву для повторения доклада «О старом и новом религиозном сознании», прочитанного 3.10.1907 на открытии Петербургского РФО.

481

Архив Эрна, частное собрание. Телеграмма от 12.11.1907.

482

РГАЛИ, ф.142, оп.1 ед.хр. 181, л.43об. В Симбирск.

483

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.81-82об. в Симбирск.

484

Львов Николай Николаевич, (1867-1944), земский деятель, один из основателей "Союза Освобождения", партий мирнообновленцев и прогрессистов, депутат I, III и I Государственных Дум, товарищ председателя I Государственной Думы; умер в эмиграции.

485

Столыпин Петр Аркадьевич, (1862 – 1911) в это время занимал посты министра внутренних дел и председателя Совета министров.

486

Доклад Свенцицкого.

487

суть дела (лат.)

488

Об этом периоде сам Бердяев вспоминал: «читал я также в это время святоотеческую литературу, но большой любовью к ней не проникся. Из учителей церкви любил я главным образом Оригена и особенно св. Григория Нисского; из аскетико-мистической литературы глубже других мне казался Исаак Сирианин». Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991.

489

Пустынь Преподобного Зосимы Соловецкого – небольшой монастырь неподалеку от станции Арсаки Ярославской ж.д., бывший в то время наряду с Оптиной Введенской пустыней, одним из центров духовного "старчества", привлекавшим туда множество паломников, в том числе из кругов столичной интеллигенции.

490

шОР РГБ ф. 348. 1.111. л. 13–14. Письмо датировано по сообщению о закрытии

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах журнала "Живая Жизнь".

491

Живая Жизнь – орган критического осмысления действительности. Редактор В.А.Гукович. № 1 вышел 27.11.1907, № 4 и последний – 30.01.1908. Эрн и Аскольдов активно сотрудничали в этом журнале. Историю журнала и роспись статей см.: Колеров М.А. Издания Христианского братства борьбы// Новое литературное обозрение. 1993, № 5.

492

Можно предположить, что речь идет о реферате В.Свенцицкого "Религиозный смысл «Бранда» Ибсена".

493

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.84–85об. В Симбирск.

494

Видимо речь идет о лекции "Интеллигенция и религия" //Русская мысль, 1908, № 3, с. 72–103.

495

Всемирная студенческая христианская федерация (Щорлд Студент'сцхристиан Федератион), была основана в 1895 г. протестантским миссионером Джоном Моттом (1865–1955). Ее коллективными членами стали Ассоциация христианских молодых людей (Ыанг Мен'сцхристиан Ассоциатион) и Ассоциация молодых женщин-христианок (Ыанг Щомен'сцхристиан Ассоциатион). Во время его приездов в Россию (1899 и 1908) здесь был организован "Русский студенческий христианский союз", которым руководил протестант Павел Николаевич Николаи († 1919). Преемником этого союза в русском рассеянии стало "Русское студенческое христианское движение" (РСХД), возникшее в середине 20-х годов и объединившее в своих рядах русскую православную молодежь, открытую для общения с верующими иных конфессий. Большинство иерархов Карловацкого Синода Русской Православной Церкви в рассеянии (кроме Патриаршего экзарха Западной Европы митрополита Евлогия и Патриаршего Экзарха Северной Америки митрополита Платона) в то время воспринимали все американские интерконфессиональные организации и РСХД как масонско-протестантские секты со своими литургическими обрядами и запрещали православным под угрозой отлучения от церкви вступать в них.

Кроме того, по инициативе видного баптистского деятеля Ивана Степановича Проханова (1869–1935) в 1906 году был основан «Российский Евангельский Союз», в задачи которого входило:

- Содействие всякому духовному пробуждению в среде Русской Православной церкви, установление связей со всеми живыми проявлениями духовной жизни, распространение идеи религиозного обновления на евангельских основах.
- Проповедь евангельской истины среди русского народа и всего населения России.
- Проведение евангельского учения в жизнь.
- Содействие объединению всех евангельских верующих в духе, слове и деле путем устройства молитвенных собраний и съездов; обмен духовным опытом и т. п.
- Ревностное привлечение к союзу всех ищущих истину людей.

По замыслу Проханова, это был союз не церквей или конфессий, а отдельных лиц, сочувствующих целям и задачам Союза и исповедующих основные евангельские догматы. В отношении внешних проявлений веры и церковного

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
устройства всем членам Союза предоставлялась полная свобода: к Союзу могли принадлежать не только евангельские христиане и баптисты, но и христиане других вероисповеданий. В число учредителей этого Союза входил организатор студенческих христианских кружков Павел Николаевич Николаи. В Союз вошли люди разных сословий и христианских исповеданий. Баптистские деятели в большинстве своем такой союз отвергали. См. подробнее: История евангельских христиан-баптистов в СССР. Издание ВСЕХБ. М., 1989. История баптизма. Сборник. Вып. 1. Одесская Богословская семинария ЕХБ; сост. и предисл. С.В. Санников. – Одесса. «Богомыслие». 1996.

496

Приведем воспоминание одного из участников первого евангельского кружка: «Это было в 1903 году. В долгий зимний вечер я сижу в своей крошечной студенческой комнате, в галерной гавани, в Петербурге.

На столе тускло горит лампочка с самодельным абажуром. Тускло на душе. Тогда я читал уже Евангелие, хотя видел в нем лишь нравственные идеи, а жизнь была так далека от них, не было силы жить. Как студент я работал усердно, но тяжелые мысли о бесцельности, а главное, о собственном нравственном бессилии – наводили не раз печальные думы. Вдруг стучат в дверь. Входит горняк – мой товарищ по гимназии, А.Ш. Разговорились.

– Слушай... Тут есть новый студенческий кружок, христианский... пойдешь? Проповедуют живое христианство... Каждый должен быть возрожден духовно. И эти возрожденные христиане объединятся во всем мире. Пойдем туда, очень интересно.

В ближайшее воскресенье мы пошли вместе. Это было далеко от меня, за час ходьбы. <... /> Студенты – человек 30 – садятся в кружок. Посредине руководитель – Павел Николаевич <Николаи />, лет сорока, среднего роста, худощавый, гладко выбритый с бакенбардами. Лицо такое простое и близкое. Встает.

– Начнем краткой молитвой, друзья. – Все поднимаются с мест. Я в первый раз слышу такую простую, свободную молитву к Богу, чтобы Он нас всех благословил и просветил словом Своим. Я почувствовал не формальную молитву по обязанности, а что-то такое естественное, как дыхание, и в то же время я ощутил как бы чье-то невидимое присутствие.

Садимся. После краткого вступления он читает притчу о блудном сыне. Читает так душевно, объясняет так жизненно, проникновенно, так по-новому, что я (как, наверное, и все) чувствую, что речь идет обо мне, о каждом из нас. Это я блуждаю вдали от Отца, питаюсь рожками, умираю от голода.

Самое главное – впервые я почувствовал в Евангелии новую сторону. До сих пор оно представлялось мне суровым идеальным учением о долге, которого я не могу выполнить. "Ты должен, ты должен..." А теперь откуда-то из глубины звучал ласковый ободряющий голос Отчий: "ты можешь" Приди таким как есть... Я тебе дам белую одежду и перстень, сверкающий красотой... Я возлюбил тебя... Ради тебя я пришел..."

Я шел домой переполненный новыми мыслями, надеждами. Так я познакомился с Павлом Николаевичем, основателем Русского студенческого христианского движения <... />

– Мы движение не оборонительное, но наступательное! – вот лозунг, который он с зажигательной силой бросал в русское студенчество, жаждущее действия и движения. "Каждый христианин – миссионер. Если не идем вперед, – идем назад. Если не рост – то тление. Стоячая вода портится, – таковы любимые афоризмы». В.Ф. Марцинковский. Из моего религиозного опыта // Записки верующего. Прага. 1929.

Отец Сергей Булгаков так отзывался о Движении в России и деятельности П.Н. Николаи: «Наивны были комментарии, наивно было вручать Евангелие так, как он делал. Но он спас многие души». Цит. по: Плюханов Б.В. РСХД в Латвии и Эстонии. Париж. Ымца-Прессш, 1993.

497

Роман "Антихрист" (1908, переиздан с дополнениями в 1909 г.) напоминает "Записки из подполья" Достоевского и роман Арцыбашева "Санин", где изображен типичный для декадентской литературы "биполярный" герой, успешно преодолевший – во имя предельной искренности перед собой и достижения максимальной полноты жизни – традиционную "буржуазную мораль"; обоснованием для разврата и иных аморальных поступков для него стала мысль о том, что избегающий искушений не узнает и святости. По мнению Ф. Степуна это не только очень интересная, но и очень искренняя книга. После выхода романа, вызвавшего скандал в кругу его друзей и единомысленников, часть из которых узнали себя в персонажах романа, Свенцицкий был исключен из Московского Рфо. В 1909 г. им были написаны также пьесы "Пастор Реллинг" и "Смерть", в 1912 – "Интеллигенция", в центре которых все тот же конфликт между общественной и личной моралью. Первая пьеса была поставлена артистом Орленевым, исполнившим главную роль. См. подробнее: Полищук Евгений. Вдохновенный пастырь // Московский журнал. 1992, №10. С.22–23; Свенцицкий А. "Он обрел покой в Церкви": (Воспоминания о протоиерее Валентине Свенцицком) // Московский церковный вестник. 1992. № 7, с. 11.

498

Гиппиус З. Из дневника журналиста. I. Декаденты и сознание. II. Толстой и Плеханов. III. Острая точка //Русская мысль, 198, № 2, с. 155–160. В первой части содержится критика Бердяева, в третьей части – желчная критика романа В. Свенцицкого «Антихрист».

499

Письмо написано в четверг первой, очень строгой, недели Великого поста, поэтому автор приводит фразу из Покаянного канона св. Андрея Критского, читаемого в это время на православном богослужении.

500

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.88–90об.

501

Федоров М.М. – редактор газеты "Слово", орган "Союза 17 октября".

502

Примечание С. Булгакова на нижнем поле страницы: о каковых он просит и меня.

503

Мережковский, Гиппиус, философов.

504

РГАЛИ, ф.142. ед.хр.198.оп.1.л.92–93об.

505

Бобринская Вера Николаевна, графиня, издательница журнала кадетского направления «Северное сияние».

506

Парафраза Ф.М.Достоевского: «Широк русский человек – я бы сузил».

507

Тихомиров Павел Васильевич (1868 – ?) – выпускник МДА, магистр богословия (1903), приват-доцент кафедры еврейского языка, истории философии МДА; с 1896 г. регулярно помещал в «Богословском вестнике» обзоры новых книг и статей по философии на русском и иностранных языках; один из участников киевского литературно-художественного общества, куда в начале века входили С.Булгаков и Н.Бердяев. Участник Религиозно-философских собраний в СПб, где на 3-м заседании выступил с кратким обзором реформы церковного управления, проведенной Петром I. Один из участников киевского религиозно-философского общества. Соч.: Художественное творчество и религиозное познание. Сергиев Посад, 1897. Вечный мир в философском проекте Канта. Там же, 1899. Гносеологические и метафизические предпосылки истины бытия Божия. Харьков, 1899. Православная догматика и религиозно-философское умозрение. Там же, 1897. К вопросу о политических, национальных и религиозных задачах России // Богословский вестник, 1897, кн. 3. Значение философских наук в системе семинарского образования // Богословский вестник, 1898, кн. 3. Каноническое достоинство реформы Петра Великого по церковному управлению? б.м., 1904.

508

ОР РГБ. Ф.109. Вяч. Иванов, л. 1, 2. Датировано по выходу 2-го тома "Вопросов религии", где опубликована статья Н.Бердяева.

509

См. Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии. СПб., 1910.

510

Бердяев Н.А. Распря церкви и государства в России. Вопросы религии, вып. 2, М., 1908, с. 108 – 122.

511

Для анализа духовной эволюции Бердяева можно привести его письмо к Вяч. Иванову от 22.06.<1908?>: <... /> Я отношусь отрицательно и враждебно к некоторым Вашим идеям и стремлениям, а к Вам всегда относился и отношусь с любовью. Но Вы, быть может, совсем забыли меня, Вы, быть может, не любите разномыслия с Вами? Вспоминаю <Париж?>, и воспоминание это мне приятно, поскольку из него выделяется чувство дружбы к вам двум, а затем воспоминание становится смутным и примешивается что-то неприятное. Я никогда не разделял Ваших мистических надежд, лично Ваших надежд (у других их повидимому не было) на такого рода формы общения, для меня это было обыкновенное дружеское общение с эстетикой и остроумием. Но некоторые обнаружившиеся тенденции этого общения мне были неприятны и становились в противоречие с моим сознанием. Тогда я отошел, да и скоро все само распалось. Все это давно было, очень давно по количеству внутренних для меня событий, да и не знаю, что Вы теперь об этом думаете и чувствуете.

Мое сознание и все мое существо все крепче и крепче срослось с христианством и теперь вне христианской веры для меня невозможна жизнь. В своем отношении к христианству я гораздо правее и консервативнее Мережковских. Очень многое за последний год я переоценил и с особенной силой чувствую зло в жизни. Это ощущение зла меня очень мучит. Прежде всего и больше всего ощущаю зло в себе, свое несовершенство, свою недостойность. Недалеко я ушел на религиозном пути, да и все мои близкие немногим дальше ушли. Быть может следует начать с личного ощущения. Прожил четыре месяца в Париже, а теперь опять вернулся в деревню. В Парижежизнь была внутренне интересной, особенно важно и значительно было мое общение с Мережковскими. Все почти время мы очень жестоко полемизировали друг с другом, спорили и даже ссорились, но то было поучительным столкновением людей, которые находятся в одной плоскости и живут одними интересами. Обзывали они меня и православным, и консерватором, и спиритуалистом, и индивидуалистом, а я ругал их за ложное отношение к революции, за разрыв с религиозным прошлым,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. за склонность к сектантскому самоутверждению, но эти споры и ссоры были значительны и много дали. Были минуты, когда я думал, что мы окончательно и бесповоротно расходимся с Мережковскими. Особенно трудны были отношения с философским, и с ним у меня были частые столкновения. Но все-таки взаимодействия должно продолжаться, и быть может что-нибудь из него выйдет. О последней книжке Мережковского я написал статью, в которой подвергаю решительной критике его новейшие взгляды.

А куда Вы движетесь, как Вы ко всему этому относитесь? Теперь совершается что-то очень важное, совершается очень глубокий кризис. Много нового и ценного я подсмотрел в душах молодежи, когда был в Париже. Старое окончательно рухнуло и настало время очень опасное. Где мы будем жить эту зиму еще не выяснилось, но осенью во всяком случае буду в Петербурге, т. к. предполагаю читать лекцию. Надеюсь Вас увидеть. Очень радостно было бы для меня, если бы Вы написали мне, откликнулись бы. До осени будем в деревне. Очень задумываюсь над тем, как сложится жизнь и отношения, если буду жить в Петербурге. Внутренно я знаю, что делать, но, что делать общественно, знаю очень мало, да и никто из нас толком не знает. Писал весь этот год довольно много, написал целый трактат "О происхождении зла и смысле истории", ряд статей, а теперь задумываюсь над большим философским трудом. Но остро чувствую, что мало писать о хороших вещах, нужно и жить хорошо, а жизни мало, жизнь безобразна. Да и литература становится безобразной <... /> /ОР РГБ ф. 109.13.48, лл. 22–23об. Полностью опубликовано А.Б.Шишкиным // Материалы конференции по Вячеславу Иванову. М., Наследие. 1996.

512

РГАЛИ. ф. 142. оп. 1. ед. хр. 198. л. 76–78 об. п. шт.: 12. 07. 1908. Адрес: г. Тетюши, Казанской губ., село Черныевка, Е.О. Знаменскому, для А.С.Г.

513

Новоселова.

514

Кожевников Владимир Александрович (1852 – 1917) – религиозный мыслитель и общественный деятель, последователь философского учения и издатель трудов Николая Федорова; близкий друг С. Булгакова. Автор книг: "Значение А.А. Иванова в религиозной живописи" М. 1907; "О значении христианского подвижничества в прошлом и настоящем" СПб. 1910; "Буддизм в сравнении с христианством" Пг. 1916. Издал несколько работ по апологетике христианства в "Религиозно-философской библиотеке" М. А. Новоселова

515

Савин Александр Николаевич (1873–1928) – с 1904 – профессор церковной истории Высших женских курсов, с 1908 – профессор Московского Университета по кафедре всеобщей истории..

516

В. Эрн в это время находился в Германии.

517

Феодор (Александр Поздеевский), (1878–1937?) – в то время архимандрит, с 1909 епископ Волоколамский и ректор Московской Духовной Академии, автор работ по истории православной аскетики; ректор, умер мученической смертью.

518

Толстой Л. Н. Не убий никого // Столичное утро // Речь // Товарищ.

- Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
8.09.1907. Смертная казнь и христианство. 1908.
- 519
ОР РГБ, ф. 348.1.26, л.2
- 520
ОР РГБ, ф.348.2.29, л. 15–17об.
- 521
Речь вероятно идет о реферате С.А.Аскольдова «О старом и новом религиозном сознании», прочитанном в ПРФО 3.10.1907.
- 522
Дункан Айседора (1877–1927) – американская танцовщица, основоположница школы танца модерн, гастролировала в России в осень 1909 г.
- 523
Вероятно, учебник английского языка.
- 524
литературный распад. Спб., 1908.
- 525
Здесь, очевидно, ошибка, из текста письма следует, что Эрны ездили в Петербург.
- 526
Архив Эрна, частное собрание. Письмо не датировано.
- 527
В.П.Свенцицкий.
- 528
Эрн Евгения Давыдовна (урожд. Векилова), жена В.Ф.Эрна. См. о ней прим. к п. №37. Архив Эрна, частное собрание. Вся семейная переписка супругов Эрн хранится в несистематизированном архивном собрании их наследников. Далее сноски на него опускаются (если не требуется обоснование датировки письма).
- 529
Врач.
- 530
Северное сияние. Ежемесячный иллюстрированный журнал. М. 1908–1909). Ред. А. М. Поццо; с № 5 1909 в. Н. Бобринская. Изд. В. Н. Бобринская. № 1 (1.11.1908) – последний № 8 (1.06.1909). См. в нем: Эрн В. Русский Сократ. // Северное сияние, 1908, № 1, с .59 – 69.

531

Бобринская В.Н. см. прим. к п. № 94.

532

Флоренская Ольга Александровна (в семье – Валя), (1890–1914), художница, скульптор, поэтесса, сестра П.А.Флоренского.

533

Флоренская Елизавета Александровна (Лиля) (1886–1959), художница, педагог, сестра П.А.Флоренского.

534

В.Эрн в это время жил на Погодинской улице в доме Бом, недалеко от Девичьего поля.

535

Друг В.Эрна и П.Флоренского.

536

В Троице-Сергиеву лавру.

537

23 сентября 1908 года после прочтения двух пробных лекций (17 сентября – "Космологические антиномии Канта". Сергиев Посад, 1909; "Общечеловеческие корни идеализма". Сергиев Посад, 1909) П.А.Флоренский был утвержден исправляющим должность доцента Московской Духовной Академии по кафедре истории философии. См. Иеродиакон Андроник (Трубачев) К 100-летию со дня рождения священника Павла Флоренского. //Богословские труды. Сб. 23, М. 1982. (Даты даны по новому стилю)

538

А.В.Ельчанинова

539

Турбин Владимир Михайлович – редактор издательства "Полезьа", профессор Московского университета.

540

Эрн (в замужестве Кублицкая) Домна Францевна , сестра В.Эрна.

541

Неясно, о какой из двух сестер чеботаревских Александре Николаевне или Анне Николаевне идет речь.

542

Неустановленное лицо.

543

О.А.Флоренская.

544

Флоренская Юлия Александровна (Люся), (1884–1947), врач-психиатр, сестра П.А.Флоренского, была замужем за одноклассником П.А. Флоренского по 2-ой Тифлисской гимназии, М.М.Асатиани, который оставил ее с ребенком.

545

П.А.Флоренский.

546

Ранее опубликовано с некоторыми разночтениями Р.Гальцевой // Новый мир. 1991, № 1.

547

«Башня» – петербургская квартира Вяч. Иванова и Л. Зиновьевой (Аннибал), где собирались знаменитые "ивановские среды".

548

Кшатрий – представитель индийской касты воинов.

549

Замятнина М.М.– ближайший друг семьи Ивановых, воспитательница их детей.

550

Шварсалон В.К. – падчерица Вяч.Иванова, впоследствии ставшая его женой.

551

Герцык, (наст. фамилия Лубны-Герцык) Евгения Казимировна, (1878–1944), переводчица, критик сестра Герцык Евгении Казимировны, перевела труды Ф.Нице, У.Джеймса, Э. Карпентера, С.Лагерлеф, Ж.К.Гюисманса, А. де Мюссе. Утонченная культура, чуткость к философско-эстетическим веяниям эпохи делали ее заметной фигурой в окружении Вяч.Иванова, который считал ее близким другом и называл сореллаш – сестра. Была также в близких дружеских отношениях с С.Булгаковым, Н.Бердяевым, Л.Шестовым. С 1936 писала Воспоминания (частично опубликованы–Париж, 1973), содержащие характеристики эпохи и деятелей "серебряного века". См. Русские писатели. 1800–1917. Био-библиографический словарь.

552

Машинописная копия из частного собрания. На письме помета Д.Философова: «Получено 4 ноября 1908».

553

Неясно о какой статье идет речь, в «Московском еженедельнике» в течение 1908 г. опубликованы след. статьи этого автора: Философов Д. Без стиля // Московский еженедельник, 1908, № 12. Его же. Мировая литература // МЕ, 1908, № 22. Его же. "Рассказ о семи повешенных", МЕ, 1908, № 23. Его же.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах // М.: МГУ, 1988, № 29.

554

Вероятно, речь идет о статье философов Д. На распутьи // Слова и жизнь. Литературные споры новейшего времени (1901–1908). СПб., 1908. С. 199–206.

555

ЦГАЛИ. ф.142. ед.хр.198. оп.1. лл.95–98.

556

Заседание состоялось 5.12.1908.

557

Д.Мережковский прочел доклад "Поэт сверхчеловечества". Оpubл. //Русская мысль, 1909, № 3, ч. 2, с. 1–32.

558

Ср. более ранний отзыв о Свенцицком другого современника: «Кто слыал его, тот поймет, что через 2–3 года эта немощная фигура с горящими как уголь глазами, с напряженным властным голосом будет лозунгом для безумных последователей. Революционный психоз заразителен, – а при религиозном изуверстве особенно». Никольский Н.В. «Свенцицкианство – страшная опасность» //Московские ведомости, 23.12.1906, № 309.

559

Возможно об этом заседании вспоминал один из его участников: «Помню выступление Андрея Белого на одном из собраний Соловьевского общества. Докладчиком был князь Евгений Николаевич Трубецкой, читавший с большим внутренним жаром о смысле и бессмыслице жизни (этот доклад был зародышем его замечательной, местами вдохновенной книги "Смысл жизни"). В прениях выступал Белый; у него был почти голый череп и всклокоченные по обе стороны жиденькие волосенки. С медленной расстановкой он начал: "Смысл – бессмыслица, бессмыслица смысла!" – и пошел... Я чувствовал резкое отталкивание от духа оргазма и от "символически"-кликушеских выкриков, от запаха разложения, пряного и развратного, которым несло из значительной части тогдашней литературы <... />. Тем отраднее было на собраниях религиозно-философского Соловьевского общества – в противовес часто господствующему болезненно-сладострасного кликушеству – слышать веские и трезвенные, духовно-мужественные выступления князя Е.Н.Трубецкого, полные внутреннего чувства меры и религиозной подлинности. Другим – более свежим, здоровым, "чистым воздухом с высот" веяло в такие минуты». Николай Арсеньев. О московских религиозно-философских и литературных кружках и собраниях начала XX века. // Воспоминания о серебряном веке. /Сост., авт. предисл. и коммент. В.Крейд.– М.: Республика, 1993.

560

Заседание 6.12.1908. Суббота. Д.С.Мережковский прочел доклад на тему: "Борьба за догмат". Из п. А.С.Яценко–Сакулину. б.д. РГАЛИ, ф.444.1, ед.хр.1044. Опубликовано //Речь, № 307, 14.12.1908. Ответ П.Б.Струве //Русская мысль, 1909, №1, ч.2, с. 208–210.

561

Коллективное письмо членов Московского РФО об исключении В.Свенцицкого из своих рядов было опубликовано в газете "Утро России" в ноябре 1908 г.

562

Женщина переменчива (итал.), цитата из либретто оперы Дж.Верди "Риголетто".

563

Предположение, что в узком кругу Мережковских совершались литургические служения, профанирующие церковные таинства.

564

Добролюбов Александр Михайлович (1876–1945?) – поэт-символист, с 1898 г. становится религиозным странником и проповедником. К 1906 году в Поволжье и Оренбургской губ. под воздействием его проповедей образовалась религиозная секта "добролюбовцев", среди которой А.Добролюбов жил как ее глава до 1915 г. Доктрина секты отрицала частную собственность, книжную культуру и городскую цивилизацию. Сам Добролюбов выступал в роли пророка и совершителя литургических обрядов, за что подвергался преследованиям и тюремному заключению по обвинению в "иконоборчестве, оскорблении святыни и величества". После 1917 г. странствовал по Средней Азии и Кавказу.

565

См. прим. к п. № 92.

566

В.Свенцицкий скрывался от судебного преследования по обвинению в издании двух брошюр "антиправительственного содержания": «Письма ко всем». М., 1907; «Второе распятие Христа». М., 1908.

567

В. А. Кожевников

568

М. А. Новоселов

569

Антоний (Флоренсов), (1847–1918) – епископ-старец, бывший епископ Вологодский, живший в московском Донском монастыре на покое. Духовный руководитель П. Флоренского, А.Ельчанинова, В.Свенцицкого и других участников "Христианского братства борьбы" и МРФО. Если предположить, что епископ Антоний является историческим прообразом анонимного епископа-старца, описанного в романе В.Свенцицкого "Антихрист", к которому приходят в отчаянии главный герой романа (Свенцицкий) и его друг (Эрн) вскоре после "Кровавого Воскресенья" в надежде получить духовное руководство, то можно предположить, что он одобрил создание ХББ и отредактировал "Обращение к войскам", "Обращение к духовенству" и другие нелегальные издания Братства. По воспоминаниям о. Александра Ельчанинова "Он жил в Донском монастыре "на покое" с 1898 г., занимая точно то самое помещение, которое впоследствии было отведено Святейшему Патриарху Тихону, – от ворот сейчас же направо, в монастырской стене. <... /> Всегдашняя бодрость, какая-то душевная выпрямленность, постоянная готовность к действию – были его главными чертами. Таков он был и по наружности: очень высокий, негибаемый, в остроконечной скуфье, с темными суровыми глазами на темном, худом лице. Таким именно я вспоминаю его чаще всего, хотя и часто видел его и в других аспектах: шутивным, ласковым; но и тут всегда чувствовалось его постоянная готовность к бою, к беспощадному действию. Говорил он, в диалогах – отрывисто, повелительно, немного нетерпеливо, а в беседах – монологах – очень драматично, выразительно и живо, богатым

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и других образным языком, не гнушаясь простонародностью и грубоватостью. <... /> Беседы владыки касались самых разнообразных вопросов: житейских, научных, философских, но было у него несколько излюбленных тем: греческий язык, брак и семья <постригся в монахи после смерти любимой жены— В.К.>, некоторые психологические вопросы, главным образом из той несущес-твующей еще науки, которую Проф. о. П. Флоренский называл "биографикой" <... /> Вопросы индивидуальной психологии, характерологии и биографии занимали Владыку прежде всего как духовного руководителя множества разнообразных душ: от торговца квасом до профессора Московских клиик. У него был особый вкус и чутье к вопросам человеческой психо-физиологии, к той области, где душевные проявления стоят в связи с физическим складом человека, к вопросам расы, породы, крови, темперамента. Справками из этих областей он часто мудро объяснял и разрешал запутанные положения и сложные вопросы, с которыми к нему обращались его духовные дети. Часто, говоря об определенных людях и их пороках, он говорил: "Это у него—в крови, в самой его физиологии; от этого он избавится только освободившись от тела", и из житий святых приводил примеры прочности и неискоренимости черт темперамента, как, например, гневливости. <... /> Не без его влияния о. П. Флоренский пришел к задаче найти законы, по которым строится индивидуальная биография: характеристика возрастов, кризисы, характеристика имени и его влияние, планетные типы и т.д. Обширные наблюдения и выводы в этой области Владыка особенно применял к двум сферам практической жизни: браку и выбору жизненного пути. <... />

Из своего заточения Владыка зорко следи за современной жизнью; он был в курсе многих течений, которыми бурлила Москва в мутный период 1908–09 гг. Многие из видных деятелей разнообразных религиозных и мистических течений были ему хорошо известны, кое-кто посещал его. Особенно близко к сердцу принимал он частые среди молодежи увлечения внехристианской и антихристианской мистикой <... /> Между прочим, он присматривал в самой Москве один упраздненный монастырь <Андреевский монастырь на Воробьевых горах—В.К.>, бывший еще во времена царя Алексея Михайловича приютом для любителей книжной мудрости. Там он думал устроить особое братство и сделать его идейным центром, просветительным, миссионерским. В разработке этого плана ему очень помогал его духовный сын тогда приват-доцент Московской Духовной Академии, впоследствии священник Флоренский <... />. По настоянию владыки Антония П.А.Флоренский поступает в МДА и отказывается от монашеского пострижения, становится доцентом, а потом профессором МДА, женится и принимает священный сан. Он же помог Флоренскому выйти из состояния "тихого бунта", темной полосы его жизни (1908–09), о которой упоминается в письме В.Эрна—Е.Эрн от 4.12.1909 и в примечании к нему.

Епископ Антоний часто резко критиковал действия правительства. В одной из бесед с А. Ельчаниновым он прямо высказал, что "понимает антипатию Мережковского к русскому самодержавию, говорил о множестве исторических ошибок, допущенных нашим правительством, упрекал его в покровительстве немцам и в полном непонимании основного духа нашей народности и православия". А. Ельчанинов. Епископ-старец. //Путь. Орган русской духовной мысли. Париж, № 4, июнь—июль 1926, с. 505–512.

570

Г.А.Рачинский.

571

Булгаков С. Загадочный мыслитель. (Н.Ф.Федоров) //Московский еженедельник. 5.12.1908

572

См. о нем примеч. к п. № 62.

573

РГАЛИ ф.142, ед.хр.263, оп.1, л.1–4. Из Москвы в Симбирск, п.шт.: 7.01.1909.

574

В. А. Тернавцев.

575

Кожевников.

576

С. Н. Булгакова.

577

Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926) – живописец, автор монументально-эпических полотен на темы русской истории, народных былин, сказок; в 1885 – 96 г.г. участвовал в росписи собора св. Владимира в Киеве. В коллекции М.А.Морозова было несколько его работ, позже переданных М.К.Морозовой Третьяковской галерее. См. примеч. к п. № 199.

578

Столпнер Борис Григорьевич (1871–1937) – писатель, публицист, один из инициаторов и авторов "Еврейской энциклопедии", философ-марксист, входивший в состав совета Петербургского РФО. Из воспоминаний Андрея Белого о нем: "Столпнер, вертлявенький, маленький, лысенький, в страшных очках, но с глазами ребенка, настолько питавшийся словом, что не представлялось, что может желудок его варить пищу действительности" (Начало века, с. 322).

579

По свидетельству одного из основателей баптистско-евангелического движения в России И.С. Проханова он организовал первую Ассоциацию христианской молодежи при Петербургской церкви Евангельских христиан-баптистов. «Мы назначили религиозную встречу на квартире одного молодого брата в пригороде Санкт-Петербурга. Эта встреча произошла 9 января 1905 года. Я разъяснил молодым людям, собравшимся там, главные тезисы молодежной Христианской ассоциации и описал прекрасное будущее христианского движения среди молодых людей в России. "Если эта работа начнется в правильном направлении, – говорил я, – это будет великим прогрессивным событием в России и повлечет великие изменения. Религиозная свобода будет провозглашена в ближайшем будущем для всякой организации. И мы будем иметь Союз Евангельских Христиан, а затем – ассоциацию Христианских союзов молодых людей, и что Союз будет иметь Всероссийскую конференцию и будет издавать свой журнал, Библию, и заниматься другой деятельностью." <...> Конечно, мы приняли резолюцию об организации 1-ой ассоциации и вскоре после этого разработали устав и приняли его к руководству. Позднее мои предсказания исполнились удивительным образом. Мой оптимизм был оправдан. После провозглашения закона о веротерпимости от 17 апреля 1905 года первая национальная конференция нашей молодежи проходила в Москве. Союз молодых христиан был создан, и я был избран первым его президентом.

Вскоре после этого я создал орган Союза, первое периодическое издание для молодежи в России. Двух наших молодых людей мы отправили в Англию для прохождения краткосрочного курса практического изучения методов работы в миссиях, и вскоре после этого два миссионера были направлены специально для работы среди молодежи. <...> В ноябре 1905 года я получил официальное разрешение издавать первый протестантский христианский евангельский журнал, который был назван "Христианин"

Союз Христианской молодежи был назван "Молодым союзом", а Союз Евангельских церквей назывался "Большим союзом"». Проханов И.С. В котле России.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках
Автобиография основателя и почетного президента Всероссийского Союза Евангельских Христиан. Издатель: Всемирный Союз Евангельских Христиан. Чикаго. 1992. С. 128–130.

Вероятно, в письме идет речь о приезде представителя Всемирной студенческой христианской федерации, (позже – Ассоциации христианских молодых людей (ЫМЦАШ)), основанной протестантским миссионером Джоном Моттом (1865–1955) (см. прим. к п. № 92) для переговоров о вхождении в федерацию "Молодого союза" и православного "Новоселовского" студенческого.

Духовный руководитель "Русского студенческого христианского движения" (после его реорганизации за рубежом в 1926 г.) так оценивал его начальный этап: «РСХД возникло под влиянием западных религиозных течений, но почву для себя оно имело и у нас <в России>, – в глубокой внутренней потребности молодой души найти в себе самой твердое религиозное основание для разумной и осмысленной жизни. Эта же самая потребность, с особой силой заговорившая в русской молодежи после предшествующей эпохи позитивизма, материализма, атеизма и исключительного увлечения политическими и экономическими вопросами, многих побудила увлекаться и религиозными, и нравственными идеями Л.Н. Толстого, влияние которого, может быть до известной степени также отразилось на возникновении Студенческого христианского движения. Нужно сказать, что, как ни сильно было в те годы влияние Л.Н. Толстого, молодежь, объединявшаяся в Христианском движении, не пошла за Толстым в его понимании христианства и сохранила веру в Христа как в воплотившегося Сына Божия, и в Евангелие как божественное откровение. Но вместе с тем Христианское студенческое движение того времени и движением церковным, православным. По духу своему оно ближе стояло к протестантским и сектантским воззрениям. Оно не имело своих корней и истоков в народной православной идеологии, в житиях русских святых, в богослужении Русской Православной церкви. Оно носило характер интерконфессионализма, хотело удовлетвориться только содержанием христианства, какое свойственно всем разветвлениям. Теоретически оно, может быть, и не отрицало церковных путей христианской жизни, но практически оно просто не замечало и боялось их из опасения разделения с христианами других исповеданий. В этом Движении была его молодая, пылкая обращенность к Евангелию, которая постепенно может быть и привела бы его к более тесному слиянию с церковью, если бы наступившие годы войны и революции не помешали ему развиваться и окрепнуть. Но возможно, что оно совсем бы отошло от церкви, примкнув к баптизму и другим сектантским учениям. Вообще, оно тогда еще стояло на некотором распутье». Четвериков С., прот. Задачи Движения // Вестник РСХД, 1928, № 5, с. 1–8.

580

Тернавцев.

581

Антоний (Храповицкий Алексей Павлович) (1863 – 1936) – в этот период архиепископ Волынский, Житомирский и Харьковский, крайне отрицательно относился к движениям "нового религиозного сознания" и "религиозной общественности".

582

Кузнецов Николай Дмитриевич (1863 – 1929) – юрист, профессор церковного права, автор ряда проектов церковных реформ, после 1917 г. автор многих церковно-юридических документов в защиту прав Православной церкви. Умер в ссылке в Алма-Ате в 1929 г.

583

Андреев Феодор Константинович (1888–1929) – профессор Московской Духовной Академии по кафедре Систематической философии и логики, занявший это место после о. Павла Флоренского, к которому он относился весьма критически. С

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. 1924 года священник, известный проповедник, с 1924 по 1928 г. состоял профессором догматического богословия и Литургики на Пастырских курсах в Ленинграде (фактически заменившие собой Петроградскую Духовную Академию после ее закрытия властями; в декабре 1927 года возглавил петроградскую оппозицию "Декларации" митрополита Сергия (Страгородского) и составил текст "Послания", где была изложена церковно-каноническая позиция отошедших от "Сергианской" церкви сторонников митрополита Иосифа Петроградского. Арестован в 1928 году, в апреле 1929 года, вскоре после освобождения из тюрьмы по состоянию здоровья, умер.

584

РГАЛИ ф.142, ед. хр. 263, оп. 1, л. 6; в Симбирск.

585

Кожевников.

586

Программа в архиве отсутствует.

587

ОР РГБ, ф.171.3.9, л.23, б.д.

588

Лурье Семен Владимирович (1867–1927) – философ, публицист, друг Л.Шестова.

589

Рябушинский Павел Павлович (1862–1924) – один из крупнейших российских предпринимателей, общественный деятель, меценат.

590

А.Н.Скрябин находился под финансовым покровительством М.К.Морозовой, которая брала у него уроки музыки. Гонорары за эти уроки были столь высоки, что позволяли А.Скрябину содержать семью и выезжать за границу. Кроме того М. К. Морозова оказывала материальную помощь его первой жене, пианистке В.И.Исакович, и их детям.

591

Ранее опубликовано: Из встреч с П.А.Флоренским (1909–1910). //Вестник РХД. № 142, Париж. 1982. Публикация и примечания Н.А.Струве.

592

В Сергиевом Посаде, где П.А.Флоренский жил, состоя профессором философии МДА.

593

Собрание частушек Костромской губернии Неряхтовского уезда. Кострома. 1909. Предисловие П.А.Флоренского. В течение более четырех лет Флоренский изучал несколько сел Костромской губернии, откуда были родом флоренские. Большая часть частушек записана им самим.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
594

Ранее опубликовано там же. Н.А.Струве.

595

Воронцов, отец Евгений (†1927) – гебраист, профессор древнееврейского языка МДА.

596

Будущая жена Николая Викторовича Ельчанинова, брата Александра.

597

Каптерев Петр Федорович – педагог, или Каптерев Николай Федорович (1847–1918) – профессор всеобщей истории МДА., член I Государственной Думы, прогрессист.

598

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, л.87 (лист пронумерован ошибочно. Он должен находиться между лл.99 и 100–в.к.) Пчт.шт. отпр.: 26.03.1909. Москва.

599

Булгакова Мария Сергеевна, Муночка – дочь С.Н.Булгакова.

600

Мотт Джон (1865–1955)– американский протестантский пастор, основатель и секретарь "Всемирной студенческой христианской федерации" (Щорд Мен`с Цристиан Ассоциатионш) и Русского студенческого христианского движения. Впервые посетил Россию в 1899 г. и без особого успеха проповедовал в студенческой среде. Во второй приезд ему оказали дружелюбный прием. Громадные аудитории в Петербурге и Москве были переполнены студентами, желавшими послушать знаменитого американского евангелиста. Традиционная в интеллигентской среде враждебность к христианству в то время уже ослабла, и д-р Мотт обратил немало русских интеллигентов. В основанное им Русское студенческое христианское движение (первый секретарь – барон Павел Николаевич Николаи, †1919) хотя и имело протестантский характер, принимало в свои члены православных. Оказал большую помощь в организации и материальной помощи русским православным молодежным организациям в эмиграции.

601

Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М. 1909. Там опубликована статья С.Булгакова "Героизм и подвижничество". Количество опубликованных разборов, критических и сочувствующих отзывов на этот сборник насчитывается более сотни.

602

Эфрос Николай Ефимович – секретарь Московского литературного кружка, заведующий редакцией газеты «Путь».

603

Речь идет об экзаменах в Московском Университете на звание магистра философии.

604

РГАЛИ ф.142, оп.1, ед.хр.198, л.100. На конверте пчт.шт. опр.: Кореиз. 24.05.1909. В Москву, Б.Афанасьевский пер., дом Страхового общества, кв.9.

605

Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982) – литератор, поэтесса, в 1908–12 гг., будучи студенткой историко-философского факультета Петербургских Высших женских курсов, входила в круг сторонников "нового религиозного сознания" (Мережковский–Гиппиус) и одновременно была близка и переписывалась с С.Булгаковым, и другими членами МРФО. В письме речь идет, видимо, о переходе М. Шагинян из армяно-григорианства в православие. Ср. мемуары М.Шагинян. Человек и время //Новый мир, 1978, № 9–12.

606

Речь идет о приветственном письме архиепископа Волынского Антония (Храповицкого) в адрес П. Б. Струве в связи с выходом сборника «Вехи»: Архиепископ Антоний. Открытое письмо авторам сборника «Вехи». // Слово. 10.05.1909. «Мы не знаем, – писал он, – чем больше восхищаться: научностью ли, разумностью ли ваших доводов, или примиренным любящим голосом вашего обращения к инакомыслящим, или вашею верою в силу человеческой совести даже утех, кто ее отрицает и в теории и на практике, или, наконец, вашей суворовской храбростью, вашим восторженным мужеством, с которым вы, подобно уверовавшему Савлу, обращаетесь к своим собратья побылому ложному увлечению». Вскоре в той газете был опубликован: Струве П.Б. Ответ Архиепископу Антонию. // Слово. 10.05.1909. Статья Булгакова не была опубликована, см. № 122.

607

РГАЛИ ф.142, оп.1, ед.хр.300, оп.1, л.1. Открытка из Сергиева Посада в Симбирск датирована по п.шт.

608

Смирнов Сергей Иванович (1870–1916) – профессор кафедры русской церковной истории МДА.

609

А.С.Глинка готовился к сдаче экстерном экзаменов за курс Казанской Духовной Академии.

610

Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. 2 изд. Казань, 1876.

611

Доброклонский Александр Павлович (1856–1937) – профессор кафедры церковной истории Новороссийского университета (Одесса). Соч.: Руководство по истории Русской церкви. Вып. 1, 1884; вып 2, 1886; 2-ое изд., Рязань, 1889; вып. 3, М., 1889; вып. 4, М., 1893.

612

Голубинский Е.Е. История Русской церкви. Т. 1–3. М., 1870–1917.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
613

<Флоренский. П.А.> Соль земли, то есть сказание о жизни старца Гефсиманского скита иеромонаха аввы Исидора, собранное и по порядку изложенное недостойным сыном его духовным Павлом Флоренским. Сергиев Посад, 1909. 84 с.

614

Ранее опубл. с коммент. А.Носовым //Новый мир. № 9, 1993. /ОР РГБ, ф.171.6.За.лл. 27-28об.

615

Дорога философов (нем.). Имеется в виду открытка, посланная М.Морозовой из Шварцвальда, на которой изображена уединенная тропинка, с которой открывается красивый пейзаж.

616

В.Соловьев. История и будущее теократии. // Собр. соч., т. 4. Здесь изложена идея всемирного теократического государства как цели "христианской политики".

617

Работу "Россия и Вселенская Церковь", В. Соловьев по цензурным соображениям написал и опубликовал по-французски.

618

Устаревшая , преодоленная точка зрения (нем.).

619

Имеется в виду евангельская сцена на горе Фавор во время Преображения, когда рядом с преобразившимся Иисусом предстали пророки Илья и Моисей, будущий ап. Петр в изумлении воскликнул: "Равви, хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: Тебе одну, Моисею одну, и одну Илии." (Мк. 9. 5)

620

Слова ап. Павла из 1 Кор. 15.19.

621

См. Вл. Соловьев. История и будущее теократии. Собрание соч., т. 4, Брюссель. 1970.

622

Ранее опубл. с коммент. А.Носовым //Новый мир, №9, 1993. Письмо отправлено в одном конверте с предыдущим.

623

Ранее опубл. с комментариями А.Носовым //Новый мир, №9, 1993.

624

С нарастанием жизненного опыта без всякой перемены в существе своих убеждений, я все более и более сомневался в полезности и исполнимости тех внешних замыслов, которым были отданы мои так называемые "лучшие годы".
В.Соловьев. Творения Платона. М. 1899, т. 1, с. 1.

625

РГАЛИ, ф.142, ед.хр. 198, оп.1, лл. 101–102об.

626

Видимо, речь идет о М.Новоселове, "авве".

627

Кожевников В.А.

628

Ср. п. В.М.Васнецова – А.В.Васнецовой из Ялты от 11.06.1909: "Третьего дня, т.е. девятого <июня>, были у нас философы: Булгаков и Кожевников с женами. В субботу собираюсь к Булгаковым, а у Кожевниковых уже был. Жены у них ничего – милые. <...>" //Виктор Михайлович Васнецов: Письма. Дневники. Воспоминания. Документы. Суждения современников /Сост., вступ. ст. и примеч. Н.А.Ярославцевой. – М.: Искусство, 1987.

629

Текст заметки не найден.

630

Ранее опубл. с коммент. А.Носовым //Новый мир. № 9, 1993. Комментарии дополнены.

631

Открытка с видом Рчеинфалл шпослана "по дороге на автомобиле из Ст.-Бласиенш в Цонстанзш" ОР РГБ, ф.171.3.2, л. 26.

632

По мнению автора В.Соловьев к концу жизни отказался от идей, высказанных в его работе "Еврейство и христианский вопрос" (1884), где в частности сказано: "Можно было бы отчаяться в судьбах христианства, если бы в запасе всемирной истории не хранились еще свежие силы – силы славянских народов. Обе нации, представляющие собою два противоположные полюса в славянстве – Россия и Польша – еще не отреклись от начала христианской теократии. Лучшие люди Польши, а также вся масса простого польского народа – остаются ревностными католиками и усердно поддерживают теократическую идею Рима. Лучшие люди России и масса русского народа пребывают верными восточному православию и держатся теократических преданий византии. В среду этих двух религиозных наций, имеющих каждая свою особую теократическую идею, история вдвинула третий религиозный народ, также обладающий своеобразным теократическим представлением – народ израильский. <...> Объединение христианства будет великим разделением иудейства: но если разделение христианства было для него бедствием, то разделение Израиля будет для него великим благом. Лучшая часть еврейства войдет в христианскую теократию, а худшая останется вне ее, и лишь в последние времена, получив возмездие по правде Божией, спасается по Его милосердию, ибо твердо слово апостола,

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках И.С. Соловьева. "Собр. соч.", т. 4, с. 172, 184. Объединение церквей в "Трех разговорах" происходит в пустыне в лице горстки верующих, представителей трех основных ветвей христианства, чудом спасшихся от преследования Антихриста, непосредственно перед Вторым Пришествием Иисуса Христа.

633

Энергичный и волевой персонаж романа И.Гончарова "Обломов", противопоставленный расслабленному и безвольному Обломову.

634

О житейской непрактичности В.Соловьева Е.Трубецкой подробно рассказывает по личному опыту общения с ним во вступительной главе "Личность В.С.Соловьева" //Мирозерцание В.С.Соловьева, т.1, с. 7.

635

Опубл. с комментариями А.Носовым //Новый мир. №9, 1993.

636

Опубл. //Московский Еженедельник. 1909, № 27.

637

Тьерри Амэде (1797–1873) – французский историк.

638

Ранее опубликовано с комментариями Н.А.Струве //Вестник РХД. № 142, Париж. 1982.

639

Может быть, здесь описка и следует понимать: который бы мог принять его энергию (?).

640

недостаточно мужественные (греч.)

641

чрезмерно мужественные (греч.).

642

РГАЛИ ф.142, оп.1, ед.хр.263,л.8 – 9об. В Симбирск

643

Феодор (Поздеевский), в то время архимандрит (впоследствии епископ Волоколамский) – ректор Московской Духовной Академии.

644

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах. Вероятно Феофан (Быстров), архимандрит (1909 г. – епископ), ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии.

645

Иеромонах Варсонофий, преподобный † 1913.

646

Имеются в виду конные скачки.

647

6 июня 1909 года император Николай II встретился в финских шхерах с императором Вильгельмом II. Встреча носила сердечный характер, но на следующий день газета "Новое Время" писала: "Не может быть и речи о каком-либо изменении в уже определившейся внешней политике нашего государства". В том же году Николай II посетил Великобританию и встретился с королем Эдуардом I. Однако эти встречи не смогли предотвратить уже надвигавшуюся I Мировую войну и революцию. Пророчество М.А.Новоселова полностью сбылось.

648

РГАЛИ ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.79. Ошибка в архивной пагинации; судя по штемпелю и авторской дате, лист должен находиться между лл.102 и 103 – В.К.

649

Ранее опубликовано с комментариями А.Носовым. //Новый мир. 1993, № 9. /ОР РГБ, ф.171.6, За, лл.18–19об.

650

Поливанов Михаил Павлович – юрист, философ, последователь Г.Когена, студент С.Н.Трубецкого (оставил воспоминания "Памяти С.Н.Трубецкого" //ВФП, 1906, №31). Статья М.П.Поливанова об Ибсене опубликована в "Московском Еженедельнике". 1909, № 25–30, 34. Из-за критического отзыва Е.Н.Трубецкого публикация статьи была задержана. Сведения взяты из публикации А. Носова.

651

То есть в духе философии Германа Когена (1842–1918), немецкого философа, главы Марбургской школы неокантианства.

652

В духе "имманентной философии", направления в философии кон. XIX – нач. XX вв., отождествляющее бытие, познаваемую реальность, с содержанием сознания и отрицающее существование независимой от сознания действительности.

653

Авенариус Рихард (1843–1896) – швейцарский философ, один из основоположников эмпириокритицизма.

654

...Смерть и время царят на земле, –/Ты владыками их не зови; /Все, кружась, исчезает во мгле, /Неподвижно лишь солнце любви. – Последнее четверостишие из стихотворения Вл.Соловьева "Бедный друг! истомил тебя путь..." См.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Собрание сочинений, Брюссель, 1970, т.12, с.23.

655

Неточная цитата из передовой статьи газеты "Русь" 1882 //Аксаков И.С.
Сочинения. М. 1886, с. 503.

656

Трубецкая Вера Александровна, (урожд. княжна Щербатова), (1867-1942) – жена
Е.Н.Трубецкого.

657

РГАЛИ ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.104. Адресовано в Симбирск.

658

Неточная цитата из церковнославянского текста Пс. 136, 5: «Аще забуду тебе,
Иерусалиме, забвена буди десница моя».

659

Ранее опубликовано с комментариями Н.А.Струве //Вестник РХД. № 142. Париж.
1982.

660

См. примеч к п. 35.

661

Ранее опубликовано с комментариями Н.А.Струве //Вестник РХД. № 142. Париж.
1982.

662

Ранее опубликовано с комментариями Н.А.Струве //Вестник РХД. № 142. Париж.
1982.

663

Опубл. //Богословский Вестник. 1910, т. 1, с. 257-272, паг 3-я.

664

Ранее опубликовано с комментариями Н.А.Струве //Вестник РХД. № 142. Париж.
1982.

665

Минцлова Анна Рудольфовна († 1910?) – теософка, влиятельная в кругах
религиозной интеллигенции обеих столиц. После смерти Л.Зиновьевой,
утверждая свое "посланничество", занималась мистическим просвещением Вяч.
Иванова. После женитьбы последнего на В.К.Шварсалон исчезла и, как
предполагают, умерла.

666

667

Аркона – город балтийских славян (X–XII вв.) на самом северном мысу (высота 45 м) острова Рюген (слав. Руяна) в Балтийском море (в настоящее время принадлежит ФРГ). С западной стороны город окружен валом высотой 10–13 м. Аркона была религиозным центром, объединявшим ряд славянских племен. Островом управлял верховный жрец бога Святовита. Храм этого бога в Арконе описан датским средневековым автором Саксоном Грамматиком. Его данные были подтверждены в 1920 г. раскопками немецкого археолога К.Шуххарда и др. Был вскрыт квадрат стен храма (20x20 м) покрытого некогда пурпурной крышей, внутри него отрыты фундаменты четырех столбов святилища (между ними висели ковровые завесы) и каменное основание деревянной статуи четырехголового бога. Рядом вскрыта площадь народных собраний. В западной части находились жилища, расположенные вдоль вала. В 1168 г. датский король Вальдемар I разрушил город и храм. Статуя Святовита была сожжена, а храмовые сокровища перевезены в Данию. См. Сцзучччардт С.Аркона Ретчра / Винета, Берлин. 1926. //ШИЭ, т.1, кол. 737.

668

"Акаша хроники" – теософский трактат о духовной эволюции мира и человека. "Акаша, Астральный Свет, может быть определена в нескольких словах; это есть Всемирная Душа, Утроба Вселенной, Мистерум Магнумш, из которой рождается все сущее через разъединение или дифференциацию. Это есть причина существования; она наполняет бесконечное Пространство, она, в одном смысле, есть само пространство, или же его шестой, также седьмой, принцип одновременно." Е.П.Блаватская. Тайная доктрина. т. 2, Антропогенезис. Адьяр, 1991, с. 642.

669

Гернет Нина Николаевна – теософ, речь идет, вероятно о ее статье, посвященной славянскому языческому святилищу на о. Рюген: Гернет Н.Н. В святом святых славян //Вестник теософии, 1908, № 5–6.

670

Культ Святовита (Свентовита), восходящий по-видимому к культу Перуна, описан у средневековых германских хронистов Саксона Грамматика и Гельтольда (XII в.). Святовит был главным в пантеоне западных славян, живших на острове Рюген, где в посвященном ему храме с красной кровлей стояло его изображение с огромным мечем в руках. Согласно верованиям Святовит ночью садится на коня и поражает мечем врагов славян. В его честь при храме содержались 300 вооруженных всадников, беспрестанно делавших набеги на соседей и посвящавших награбленную добычу богу. В храме хранилось также большое красное (пурпурное) знамя, которое выносили при открытии войны; это служило знаком, что разгневанное божество разрешает опустошать неприятельские города, разорять алтари иных богов. Святовит был богом плодородия и войны, его отличительным цветом был красный. В храме жил его священный белый конь, который после каждой ночи становился грязным: верили, что ночью он выезжает для борьбы с врагами. На коне запрещено было ездить. Во время ритуала гадания в землю перед храмом втыкали три ряда копий, связанных попарно крест на крест. Совершив моление, жрецы вели коня под уздцы к рядам копий и, смотря по тому, переступал он через них правой или левой ногой, предсказывали успех или неудачу.

Арконский идол держал в правой руке турий рог, который ежегодно наполнялся вином. Ежегоднопослежаты жители собирались перед храмом, приносили жертвы (в архаический период – человеческие, позднее их заменили животными) и устраивали общий пир. Жрец брал из руки идола рог и, если обнаруживал, что напиток в нем осталось мало, предсказывал неурожайный и несчастливый год, и наоборот. Согласно предсказанию жрец советовал народу быть скупее или щедрее в употреблении хлеба, потом выливал старое вино к

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах. Ногам идола и наливал в рог свежего, громко испрашивая у бога счастья, побед и богатства народу. После этой молитвы жрец осушал единым духом рог, наливал снова и вкладывал в руку идола. В другом обряде ежегодно приготавлился медовый пирог почти в рост человека. Жрец, став за пирогом, спрашивал у собравшихся, видят ли его, и когда ему отвечали утвердительно, громко возглашал прошение, чтобы будущий год был еще плодороднее, а пирог еще выше. //ЭСБЭ, т. 29, с. 264; Славянская мифология. М. 1995, с. 349.

671

Ранее опубликовано Н.А.Струве //Вестник РХД. № 142. Париж. 1982.

672

Гиацинтов Василий Михайлович, в то время студент МДА, близкий друг П.Флоренского, после женитьбы принял священный сан; на его сестре, Анне Михайловне Гиацинтовой, 25 августа 1910 г. женился Флоренский. Предполагается, что к В.Гиацинтову обращены письма, составившие впоследствии главный труд П.Флоренского "Столп и утверждение истины".

673

Ранее опубликовано Н.А.Струве //Вестник РХД. № 142. Париж. 1982.

674

Епископ Антоний (Флоренсов).

675

РГАЛИ ф.142, ед.хр.300, оп.1. л.3. Открытка в Казань, п.шт. отпр.: Сергиевский Посад. 15.11.1909.

676

Месяц указан неверно. Датировано по пчт. шт. отпр.

677

Архив Эрна, частное собрание, ф. Булгакова, л.1 – 2 об.

678

В письме совет МРФО согласно решению, принятому 17.11.1908, доводил до «общего сведения, что он предложил В. П. Свенцицкому выйти из состава Общества за ряд действий явно предосудительного характера» // Русское слово. 21.11.1908, с. 5. В том же письме совет МРФО предлагал совету ПРФО последовать его примеру и публично заявить об удалении Свенцицкого из своего состава. «На эту просьбу петербургский совет ответил самым решительным отказом. Брать на себя роль судей, отпускать или не отпускать грехов своим членам совету казалось прямо чудовищным. А потому в списках действительных членов петербургского Общества означенное лицо числится до сих пор» // Записки С.-Петербургского Религиозно-философского общества. Вып. 1–6. СПб. 1908–1916.

679

РГАЛИ ф.142, ед.хр. 300, оп.1, л.5. Открытка в Казань, п.шт.отпр.: 26.11.1909. Сергиев Посад.

680

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.

Архив Эрна, частное собрание, ф. Булгакова, л.3.

681

Ср. дневниковые записи А. Ельчанинова № 133, 134 об этом периоде.

682

Речь идет о книге "Мирозерцание В.С.Соловьева".

683

Г.А.Рачинский.

684

Вероятно речь идет о суде над Галаниным Д.Д. за его принадлежность к ХББ и участие в его нелегальных изданиях.

685

Котляревский Сергей Андреевич (1873–1941) – историк и общественный деятель, член ЦК партии кадетов, один из членов-основателей МРФО.

686

Речь, вероятно, идет о гонораре за статью «Идея катастрофического прогресса» //Русская мысль. 1909. № 10.

687

Архив Эрна, частное собрание, ф. Булгакова, л 4 – 5об.

688

Челпанов Георгий Иванович (1862–1936) – философ, психолог, логик. Автор ряда многократно переиздававшихся в России руководств по философии, психологии и логике, хорошо известных в конце XIX–начале XX вв. С 1907 по 1923 заведовал кафедрой философии Московского университета В 1912 г. создал при Московском университете Психологический институт, директором которого был до 1923г.

689

Грушка Аполлон Аполлонович – декан (до 1918 г.) историко-филологического факультета Московского Университета.

690

Виппер Роберт Юрьевич (1859–1954) – историк, методолог исторической науки марксистской школы, в 1899–1922 – профессор Московского университета..

691

Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) – историк, член Российской АН, долго жил в Англии, основные труды по аграрной истории средневековой Англии.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
692

Астров П.И. (см. о нем примеч. к п. № 24) не был введен в совет МРФО. Неприятие С.Булгаковым П.Астрова видимо объясняется нецерковностью и близостью последнего к о. Григорию Петрову, занимавшему в Думе экстремистскую по отношению к властям и церкви позицию.

693

Лопатин Лев Михайлович (1855–1920) – философ-персоналист, психолог, друг и последователь Вл. Соловьева; с 1894 до 1917 г. редактор журнала "Вопросы философии и психологии", с 1899 до 1918 г. председатель Московского психологического общества, профессор Московского университета, научный руководитель Вл. Эрн. В 1920 г. умер от голода.

694

Ранее опубл. с комментариями А.Носовым //Новый мир, №9, 1993. Комментарии дополнены В.К.

695

Вострякова (урожд. Мамонтова) Елена Кирилловна – сестра М.К.Морозовой

696

Боборыкин Петр Дмитриевич, (1836–1921) – писатель, психолог, почетный профессор СПбургского университета, почетный член Российской АН.

697

В заседании Психологического общества 19 декабря 1909 г. П.Д.Боборыкин выступил с рефератом "Антропоцентризм и космическое миропонимание", который "вызвал оживленные прения, в которых приняли участие, кроме референта, кн. Е.Н.Трубецкой, Н.А.Бердяев, В.М.Хвостов и Л.М.Лопатин" //ВФП, 1910, № 101 (1), с. 112. Цит. по примечаниям к публикации А.Носова.

698

РГАЛИ ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.105.

699

Новоселов.

700

Ранее опубл. с комментариями Н.А.Струве //Вестник РХД. № 142. Париж. 1984.

701

Архив Эрн. Открытка, датируется по почт. шт. отпр.: 21.01.1910. Москва; печатается по автографу.

702

Ранее опубл. с комментариями Н.А.Струве //Вестник РХД. № 142. Париж. 1984.

703

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах. Епископ-старец Антоний (Флоренсов) был духовником Флоренского, Ельчанинова, Эрна.

704

Гавриил (Голосов), епископ Омский (1839–1916).

705

Архив Эрна, частное собрание. Публикуется по автографу.

706

Недавно скончался младший сын С.Булгакова – Ваня.

707

Архив Эрна, частное собрание. Публикуется по автографу.

708

Без денег (фр.)

709

Векилов Георгий Давыдович, офицер, шурина В.Ф. Эрна.

710

Архив Эрна, частное собрание. Публикуется по автографу.

711

Е.Д.Эрн (Векилова) в это время жила в доме родителей мужа и должна была работать в аптеке свекра, Франца Эрна. Фряулеинш – здесь: служанка (нем.).

712

претензия (фр.)

713

Данте Алигьери. Божественная комедия, перевод Д.Мина <Д.Минаева>, СПб, 1855.

714

Архив Эрна, частное собрание; публикуется по автографу.

715

Флоренская О. А.

716

Дочь В.Эрна Ирина.

717

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.

Ранее опубли. с комментариями Н.А.Струве //Вестник РХД. №142. Париж. 1984.

718

Возможно речь идет об схиигумене Германе, настоятеле Зосимовой пустыни, к числу духовных детей которого относил себя и П.А.Флоренский.

719

Архив Эрна, частное собрание; публикуется по автографу.

720

Архив Эрна, частное собрание; публикуется по автографу.

721

лк. 16, 9.

722

Ранее опубликовано с коммент. Н.А.Струве //Вестник РХД. №142. Париж. 1984.

723

Архив Эрна, частное собрание; публикуется по автографу.

724

сладостному ничегонеделанию (итал.)

725

Речь идет о воспитании дочери Ирины.

726

Детей Василия и Татьяны Шер звали так же: Василий и Татьяна.

727

Профессор Г.Челпанов.

728

Бердяева (урожд.Трушева,по первому мужу–Рапп) Лидия Юдифовна(1874–1945)–жена Н.А.Бердяева, переводчица, поэтесса; родилась в Харькове в семье преуспевающего юриста. В воспоминаниях ее младшей сестры Евгении Юдифовны читаем: "В детстве мы жили в богатой обстановке. Зимой в городе, у нас был собственный дом, весной и летом в деревне. У нас была вначале немка бонна, затем француженка. <...> После смерти отца мы разорились. Все лишения моя мать переносила очень мужественно, стараясь, чтобы никто из нас не чувствовал лишений". Из-за стесненного материального положения сестер отдали в пансион, где они приобщились к революционным кругам. В 16 лет Лидия обратилась за советом ко всероссийскому учителю праведности Л.Н.Толстому. Он ответил: "Не советую Вам поступать на фельдшерские курсы. Не советую вообще искать средств делать добро. Прежде всего надо искать средств перестать делать зло <...> Человек доброе существо, и если только он не делает дурное, он делает хорошее. Идеал христианский

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. есть 5–7 гл. Матфея. Сличайте с ними всю жизнь, приближайте ее к этому идеалу, и Вам хватит работы на всю жизнь".

"В доме у нас,—вспоминает Евгения,—не было никакой религиозной атмосферы, все обряды совершались только потому, что так принято?" Но Лидия "с детства была очень религиозна, и вера ее сохранялась даже тогда, когда она начала принимать участие в революционной деятельности". Бердяев вспоминает: "Она по натуре была душа религиозная, но прошедшая через революционность, что особенно ценно. У нее образовалась глубина и твердая религиозная вера". За свою революционную деятельность сестры дважды подвергались арестам, после чего их ожидала ссылка. Благодаря связям их матери их сослали в Киев. Вплоть до 1904 года их вызывали на допросы в полицию. По-видимому они содействовали бегству из тюрьмы одного из революционеров.

В начале века Лидия вышла замуж за В.И.Раппа, Евгения стала женой его брата Е.И.Раппа. Оба брака оказались недолговечными. Здесь же, в Киеве, Лидия встречает молодого философа Н.Бердяева. Евгения вспоминает: "Нас познакомил Булгаков. Однажды, когда мы были у него, он сказал: — Непременно познакомлю вас с молодым философом Бердяевым. У него такие же литературные вкусы, как и у вас: любит Белого, Блока, живопись — не передвижников, как я, а авангардеш во всех областях... На банкете в день Освобождения крестьян, 19 февраля, где речи говорили Булгаков, Шестов, Н.А. и т.д., Булгаков нас познакомил с Н.А., который сделался нашим постоянным гостем." Рапп Е.Ю. Отрывок из воспоминаний. РГАЛИ, ф.1496, оп.1, д.932, лл.5–6 об. Цит. по: Александр Вадимов. Жизнь Бердяева. Оакланд, Цалифорниаш, 1993.

"...Лидия Юдифовна — редкостный профиль и по красоте редкостные глаза. Полная противоположность мужу: он православный, может быть, с некоторыми "уклонами", она ортодоксальнейшая католичка. Облик особенный, среди интеллигенток наших редкий, ни на кого не похожий. Католический фанатизм! Мало подходит для русской женщины (хотя примеры бывали: кн. Зинаида Волконская). Однажды, спускаясь с нами с крыльца, вдруг остановилась, посмотрела на мою жену своими прекрасными, прозрачно-зеленоватыми глазами сфинкса и сказала: "Я за догмат непорочного зачатия на смерть пойду!"

Какие мы с женой богословы? Мы и не задевали никого, и никто этого догмата не обижал, но у нее действительно был такой вид, будто вблизи разведен уже костер для сожжения верящих в непорочное зачатие." Борис Зайцев. Мои современники. Бердяев. Лондон, 1988, с.62–63.

729

Рапп (рожд. Трушина) Евгения Юдифовна (1875–1960) — художник, скульптор, сестра Лидии Юдифовны, жены Бердяева, .

730

Ранее опубликовано Н.А.Струве //Вестник РХД. №142. Париж. 1984.

731

Н.Бердяев. Утонченная фиваида. Религиозная драма Гюисманса //Русская мысль, 1910, № 7, с. 113–131.

732

М. К. Морозова.

733

Е. Н. Трубецкой.

734

Дочери Ирине.

735

Векилов Георгий Давыдович.

736

В домашнем собрании М.К. находились картины М.Врубеля: "Фауст и Маргарита", "Царевна Лебедь". См. "Опись картин, скульптур и икон в доме М.К.Морозовой" /ОР РГБ, ф.369.311.11, ф. Бонч-Бруевича. "...Морозовский особняк в мертвом переулке, строгий и простой, перестроенный талантливым Жолтовским, считавшим последним великим архитектором Палладио, был по своему внутреннему убранству редким образцом хорошего вкуса. Мягкие тона мебельной обивки, карельская береза гостиной, продолговатая столовая, по-музейному завешанная старинными иконами, несколько полотен Врубеля и ряд других картин известных русских и иностранных мастеров, прекрасная бронза, изобилие цветов – все это сообщало вечерам, на которые собиралось иной раз до ста человек, совершенно особую атмосферу красоты, духовности, тишины и того благополучия, которое невольно заставляло забывать революционную угрозу<...>"Ф.А.Степун. Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990, с. 262.

737

В ОР РГБ, ф. 171 хранятся многочисленные письма Андрея Белого (Бориса Николаевича Бугаева) к М.К.Морозовой, полные восхищения и неподдельной нежности.

738

Существуют более подробные описания внешности М.К., например, частого гостя ее дома Ф.А.Степуна "...Вижу ее большую, несколько тяжеловесную..., сидящую где-нибудь у стены, на широком старинном диване. Руки ее спокойно сложены на коленях или заняты длинной нитью тяжелого жемчуга. На ее, с формальной точки зрения, может быть, слишком высоких плечах меховая накидка. Почему-то Маргарита Кирилловна мне неизменно видится в серебристо-лиловых, зеленовато-лунных тонах перламутровой гаммы. Писать портрет ее было бы всего лучше пастелью." Андрей Белый подметил в ней неожиданную для хозяйки гостеприимно-открытого дома черту – "кто бы мог догадаться: она боялась людей". Многих поражали глаза М.К.: Андрей Белый назвал их ослепительными, с отблеском то сапфира, то изумруда. "Подчеркнутая темными бровями чернь длинных ресниц, – вспоминал Степун, – придавала им в сочетании с синеватым отливом белка какую-то особую стальную переливчатость. Такие типично русские серые глаза бывают особенно хороши в гневе и скорби". Цит. по: Наталья Думова. Московские меценаты. М., 1992, с. 102.

739

Полностью книга А.С.Глинки (Волжского) "Жизнь и творчество Достоевского" так и не была опубликована. Рукопись хранится в РГАЛИ, ф. 142. Опубликован первоначальный вариант Ф.М.Достоевский. Жизнь и проповедь. М., 1906

740

Архив Эрна, частное собрание; публикуется по автографу.

741

Архив Эрна, частное собрание; публикуется по автографу.

742

Вероятно речь идет о реферате на одну из тем, готовившегося в то время к печати сборника статей: Н.Бердяев. Духовный кризис интеллигенции. М., 1910.

743

Речь идет о брошюре, посвященной деятельности о. Ионы Брихничева: В.Эрн. Пастырь нового типа. Религиозно-общественная библиотека. Серия 1. Для интеллигенции, № 7, М., 1907.

744

Марков В. «Марк Вишняк» Положение евреев в России. Религиозно-общественная библиотека. Серия 1, М. 1906.

745

Свенцицкий был отдан под суд за "Открытое обращение верующего", где содержался призыв к моральному осуждению ген. Дубасова, усмирителя Московского восстания и бы оправдан присяжными. См. подробнее об этом в биографии В.П.Свенцицкого, помещенной в примечании к письму В.Эрна к А.Ельчанинову от 9.10.1903.

746

"что нужно знать крестьянину" и "Семь свобод".

747

В начале 1910-х годов Свенцицкий сближается со старцем Оптиной пустыни иеросхимонахом Анатолием (Потаповым) и становится его духовным сыном. Изданная в 1915 году книга "Граждане неба", повествующая о путешествии автора по скитам пустынножителей Кавказа, уже полностью свободна от каких-либо декадентских черт; с нее начинается Свенцицкий – церковный писатель.

748

Из этой едкой характеристики можно сделать вывод, что В.Эрн в это время полностью отказался от "христианской политики" и с горьким чувством вспоминает своих бывших соратников по ХББ: В. Свенцицкого, о. Иону Брихничева, о. Михаила Семенова.

749

Архив Эрн, частное собрание. Публикуется по автографу.

750

См. о нем прим. к п. № 112.

751

Архив Эрн, частное собрание. Публикуется по автографу.

752

А.Ельчанинов и Н.Богатурова.

753

вверх тармашками (фр.)

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах

754

С.А. Алексеев (Аскольдов).

755

То есть допрос по делу Марка Вишняка (Маркова).

756

Вероятно, С.А.Алексеев (Аскольдов).

757

В то же время вышла статья С.Л.Франка "Философия религии В.Джемса".
//Русская мысль, 1910, №2.

758

С.А. Алексеев (Аскольдов).

759

Архив Эрна, частное собрание; публикуется по автографу.

760

Архив Эрна, частное собрание; публикуется по автографу.

761

Архив Эрна, частное собрание; публикуется по автографу.

762

Вячеслав Иванов.

763

Н.А.Бердяев.

764

Е.Ю. Рапп.

765

Л.Ю.Рапп

766

Е.К.Герцык.

767

См. о ней в примеч. к п. Минцловой – Вяч. Иванову от 9.10.1909 в наст. изд.

768

Л.Д.Зиновьева(Аннибал) умерла в 1907 г. от скарлатины, заразившись от крестьянского мальчика, которого она выхаживала.

769

Жрица в диалоге Платона "Пир", которая сообщает Сократу эзотерическое учение о взаимосвязи духовной любви с познанием (См.: Платон. Собр. соч., т. 2, М., 1970). Домашнее прозвище Л.Д.Зиновьевой-Аннибал. Перед своей скоропостижной смертью в 1907 г. она передает это имя своей дочери от первого брака Вере Константиновне Шварсалон, которая через некоторое время становится женой Вяч.Иванова.

770

Издательство "Скорпион".

771

Вячеслав Иванов. По звездам. СПб, 1909. Сборник статей 1904 – 09 гг.

772

Александр Ельчанинов.

773

Тесленко Николай Васильевич (1870- ?) присяжный поверенный, член ЦК партии Народной свободы, депутат Второй и Третьей Государственной Думы. Адвокат В.Свенцицкого и И.Сытина по делу об издании нескольких брошюр в серии "Религиозно-общественная библиотека".

774

сладкое безделье (итал.)

775

Речь идет об А.В. Ельчанинове, который в это время был студентом МДА.

776

Богатурова Н.

777

Степан Трофимович Верховенский, персонаж романа Достоевского "Бесы".

778

Речь идет о глубоком душевном кризисе, который переживал П.Флоренский в связи с необходимостью сделать выбор перед посвящением в сан священника: жениться или принять монашество.

779

Ср. воспоминания П.А.Флоренского об этом же периоде, вошедшие в текст написанного им по случаю смерти друга некролога : "<...> мы с тобой учились

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. вместе со второго класса гимназии, часто бывали друг у друга, прожили в одной комнате университетские годы, в дальнейшем часто виделись и гостили друг у друга; вместе увлекались мы многим, самым дорогим для нас, вместе воспламенялись теми мечтами, из которых потом выкристаллизовались наши позднейшие жизненные убеждения. Вероятно, немного есть мыслей, которые не прошли через совместное обсуждение. Наша общая мысль была насыщена и философскими интересами и горячими чувствами близости; мы прожили нашу дружбу не вяло – и восторгаясь и ссорясь порою от перенапряжения юношеских мыслей. Мы вместе бродили по лесам и по скалам, по скалам преимущественно, вместе читали Платона на горных прогалинах и на разогретых солнцем каменных уступах. Вместе же ценили благородный пафос кн. С.Н.Трубецкого и острую критичность Л.М.Лопатина, подсмеивались над лженаучными притязаниями важных наших философских со товарищей. И мы взаимно наблюдали, часто не говоря о том, тайные надломы в недрах души друг друга и оба скорбели в бессилии помочь, и оба уповали на иные силы помощи, силы Вечности.

Удивительно ли, милый друг, что у меня нет решимости из сплошной картины воспоминаний, из этих сплетающихся в одно целое впечатлений солнечного зноя, горячих скал, серых, грязно-зеленоватых и ржаво-красных лишаев, глубоких синих далей, тонкой резьбы полуразрушенных храмов, выжженных полей, карабкающихся где-нибудь по кручам коз, темной синевы небе, сухого ковыля, летящего в горячем ветре, воздуха, окутывающего строгим благовоением богородичной травки, горной полыни и мяты, иммортелей и других горьких трав, и, наконец, потоков слепящего света – удивительно ли, сли из всех этих впечатлений, сплетшихся с впечатлениями от тебя в неразрывное целое, я не нахожу в себе решимости вырвать отдельные случаи. Не от недостатка, а от избытка, не решаюсь и не буду пробовать."П.А.Флоренский. Памяти Эрна. Машинописный сборник. М.1917. Архив Эрна, частное собрание.

780

Употребление кавычек при слове "князь" объясняется, видимо, тем, что демократически-эгалитаристское сознание Эрна внутренне противилось аристократическим титулам.

781

Г. А. Рачинский

782

Степпун Федор Августович (после 1914 г. – Степун) (1884–1965) – философ, историк, культуролог, получил философское образование в Гейдельберге. Защитил докторскую диссертацию "Владимир Соловьев". Вернувшись в 1910 г. в Россию, становится одним из организаторов издания на русском языке международного ежегодника по философии культуры "Логос", участник собраний МРФО и ПРФО.

783

Ильин Иван Александрович (1882–1954) – философ, исследователь Гегеля, в 1910–12 гг. находился в научной командировке в университетах Германии и Франции.

784

Гуссерль Эдмунд (1859–1938) – немецкий философ, основатель феноменологии.

785

Ср. воспоминания Лидии Вячеславовны Ивановой: "Были люди, которые ненавидели Вячеслава без всякого видимого повода. Это особенно видно было на примере философа Ильина. Однажды я была этим потрясена. Мы уходили из квартиры друзей у которых провели вечер. В передней одевались шубы, ботики, хозяева провожали. Откуда ни возьмись появился Ильин и начал вопить

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах. Что-то совершенно непонятное в сторону Вячеслава. Казалось, что у него на губах была пена, он весь извивался, как в конвульсиях. Друзья его окружили, спровадили на лестницу и куда-то увели. Никакой внешней причины для этой ненависти не было." Л.В.Иванова приводит воспоминания Андрея Белого о том же эпизоде: "<...> молодой, одержимый, бледный, как скелет. Иван Александрович Ильин, гегельянец, <...> возненавидел меня с первой встречи: ни за что ни про что; <...> по-моему, он страдал затаенной душевной болезнью задолго до явных вспышек ее; <...> у него были острые увлечения людьми; и ничем не мотивированные антипатии; ему место было в психиатрической клинике, а вовсе не за зеленым столом. Рассказывали: в многолюдном обществе он, почувствовав ненависть к Вячеславу Иванову, стал за спину его и передразнивал его жесты, что в державшемся подтянуто гегельянцем уже выглядело бредом с укусом уха Николаем Ставрогиним". Белый Андрей. Между двух революций, с. 312. Цит. по: Иванова Лидия. Воспоминания. Книга об отце. Подготовка текста и комментарий Джона Мальмстеда. Париж, Атченеумш, 1990, с. 63.

786

Богатурова Н.С.

787

вдохновение (итал.)

788

Архив Эрн, частное собрание. Письмо адресовано: Тифлис, Дидубе, Глданская, 6, ЕВБ Е.Д.Эрн Векиловой.

789

РГАЛИ ф.142, ед.хр. 198, оп..1, лл. 110-111об. Адресовано в Симбирск.

790

Эта дама талантлива (итал.)

791

"Эрн рассказывал, как в студенческие годы в Москве он соединился с друзьями, такими же как и он революционерами. Они наняли сарай, где работали и спали на дощатом полу с большими щелями. Там он страшно разболелся и нажил себе хронический нефрит. Со временем его убеждения переменились, и он осуждал этот период. Несмотря на плохое здоровье, он всегда бывеселый и радостный." Лидия Иванова. Воспоминания. Книга об отце. Париж, Атченеумш 1990, с.51.

792

В письме обсуждается подарок теще В.Эрна, Елизавете Лазаревне Векиловой.

793

РГАЛИ ф.142, ед.хр. 198, оп.1, л.. 113. Открытка, пчт. шт. отпр.: 5.05.1910.

794

Архив Эрн, частное собрание. Из Москвы в Пятигорск.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
795

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, лл.114; пчт. шт. отпр.: 10. 05. 1910.
Москва, адресовано в Симбирск.

796

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, лл.115–116об.

797

Жена А.С.Глинки.

798

Кожевников В.А.. Н.Ф.Федоров. Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам. Ч. I. М., 1908.

799

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, лл.118; открытка.

800

ОР РГБ, ф.348.2.19, лл.1–2об. Адрес на конверте: ст. Бакуриани, Закавказской ж/д.

801

В.Эрн. Беркли как родоначальник современного имманентизма. //ВФП, т. 3, 1910.

802

В.Эрн. Нечто о Логосе, русской философии и научности. По поводу нового философского журнала "Логос"// Московский Еженедельник, №29, с.31–40; №30, с.29–40; №31, с.33–44; №32, с.33–42. Через год статья была помещена в сборнике статей В.Эрна "Борьба за Логос".

803

Андрей Белый. Символизм. М. 1910.

804

См. биографическую справку о ней в прим. к п. Минцловой–Вяч.Иванову от 9.10.1909 наст. изд.

805

Впервые опубл. с комментариями А.Носовым //Новый мир, № 9, 1993. При сверке обнаружены некоторые разночтения с /ОР РГБ, ф.171.6.46, л.29.

806

Мануилов Александр Аполлонович (1861–1929) – профессор-экономист, с 1905 по ухода в отставку протеста в 1911 г. был ректором Московского университета.

807

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.

П.Б.Струве редактировал в "Московском Еженедельнике" экономический отдел.

808

Ранее опублик. с коммент. А.Носовым // Новый мир, № 9, 1993. /ОР РГБ, ф.171.6.46, л.45.

809

В доме М.К. по описи 1906 г. находились следующие картины В.Васнецова: "Три царевны", "Боярыня", "Этюд"; А. Васнецова – "Перунов холм", "Пейзаж". См. "Опись картин, скульптур и икон в доме М.К.Морозовой" //ОР РГБ, ф.369.311.11, ф. Бонч-Бруевича.

810

Боклин Арнольд (1827–1901) – швейцарский живописец, представитель символизма стиля "модерн". В этот период М.Морозова переезжает на другую квартиру (Знаменка, 11) и жертвует большую часть своего художественного собрания Третьяковской галерее. См. примеч. вые.

811

Впервые опублик. с комментариями А.Носовым //Новый мир, 1993, №9. Обнаружены незначительные разночтения – В.К./ОР РГБ, ф.171.3.5, л.164, б.д.

812

В научную командировку в Германию и Италию.

813

Речь идет о главах книги "Мирозозерцание В.С.Соловьева".

814

Бергсон Анри. Творческая эволюция. М. 1909.

815

В.Эрн. Нечто о Логосе, русской философии и научности. См. примеч. к п. № 197.

816

Московский Еженедельник, 1909, № 30, с. 35.

817

Впервые опубликовано А.Носовым //Новый мир, 1993, №9. При сверке с оригиналом обнаружены некоторые разночтения.

818

"Было быслишком обидно, если бы русское общество дало погибнуть этой внепартийной прогрессивной трибуне, необходимостью которой чувствуется очень сильно. Не всегда и не во всем мы соглашались с "Московским Еженедельником", но очень часто нам приходилось отмечать серьезные, проникнутые глубоким сознанием долга и ответственности перед Россией

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. статьи как самого редактора "Московского Еженедельника", так и многочисленных его сотрудников. Журнал занял определенное, своеобразное место в рядах русской публицистики". //Речь. 22.8.1911.

819

Архив Эрна, частное собрание. Из Москвы в Пятигорск. Сверху приписано рукой Е.Д.Эрн: "После лета, проведенного в Бакурианах".

820

Викторов Д. – магистрант историко-филологического факультета.

821

Секретарь историко-филологического факультета Московского университета.

822

Гиацинтова (Флоренская) Анна Михайловна (1889–1973), жена П.А.Флоренского (с 25 августа 1910 года), сестра его ближайшего друга "Васеньки" (Гиацинтова Василия Михайловича, будущего священника). Род их происходил из Рязанской губернии.

823

Флоренская Е. А.

824

В библиографии, составленной игуменом Андроником (Трубачевым), указан только один сборник стихов: П.А.Флоренский В вечной лазури. Сергиев Посад, 1907. см. //Богословские труды, сборник 23. Издательство Московской Патриархии. М., 1982, с.282.

825

Речь идет об утверждении В.Эрна в должности приват-доцента в Московском Университете.

826

С.Франк. философские отклики. О национализме в философии. //Русская мысль. 1910, №9, с. 162–171.

827

См. примеч., к п. 197

828

См. заявление заслуженного профессора Л.Лопатина и ординарного проф. Г.Челпанова "о предоставлении приват-доценту В.Ф.Эрну заграничной командировки на два года для написания магистерской диссертации, с содержанием из сумм Министерства." //В.Ф.Эрн: Новые документы и материалы. Публикация и комментарии В.А.Волкова и М.В.Куликовой. //Начала, № 3, М., 1993, с.134–135. В нем, в частности, сказано: "... В.Ф. Эрн представляет из себя уже определенную величину в русской философской литературе. Человек многосторонней начитанности и даже учености, живой и даровитый писатель, с твердыми, ясно сложившимися убеждениями, он заставляет много ждать от себя в будущем. Напечатанные до сих пор статьи его невольно обращают на себя

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. внимание искренностью своего тона, оригинальностью взглядов и диалектической тонкостью аргументации. Темой своей будущей магистерской диссертации В.Ф. Эрн избрал всестороннее рассмотрение проблемы познания, как в ее историческом развитии, так и в ее в систематической нормальной постановке. Для успешной разработки этой темы В.Ф. Эрну необходимо посещение европейских библиотек в Париже, Лондоне и Флоренции, а также возможно более близкое ознакомление с течениями философской мысли в современной Германии. Считаю необходимо отметить, что В.Ф.Эрн вполне хорошо владеет новыми языками".

829

В.Эрн. Культурное непонимание. Ответ С.Л.Франку. //Русская мысль, 1910, т.10, ч. 2, с.116–129.

830

Речь идет о вышедшей впоследствии книге В.Эрн. Борьба за Логос. Опыты философские и критические. "Путь", М., 1911.

831

труд всей жизни (нем.)

832

Смерть пятилетнего сына Ивашечки.

833

Андрей Белый. Символизм. М. 1910.

834

Андрей Белый. Луч зеленый. М. 1910.

835

Книгоиздательство "Мусагет", которым руководили Эмилий Метнер, Андрей Белый, Сергей Гессен и др.

836

Намек на поговорку – "попал как кур в ошип", то есть оказался в неожиданной ситуации – традиционно искажаемую.

837

Гессен Сергей Иосифович (1887–1950), философ-неокантианец, последователь Риккерта, один из основателей книгоиздательства "Мусагет", постоянный оппонент В.Эрна. Его рецензия на книгу "Борьба за Логос" под названием "Неославянофильство в философии" содержит резкую критику и обвинение в философском дилетантизме.

838

Садовской Борис Александрович наст. фам. Садовский(1881–1952) – поэт, прозаик, критик, историк литературы.

839

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах

В.Эрн. Природа философского сомнения. //Вопросы философии и психологии, 1910, т.5, с. 309–324.

840

Трубецкая (урожденная Оболенская) Параскева Владимировна (1860–1914).

841

Грез Жан Баттист (1725–1805) – французский живописец-сентименталист.

842

Знаменитые флорентийские галереи, где хранятся в частности картины Рафаэля.

843

В архиве не сохранились.

844

Иванов Александр Иванович (1806–1858) – художник; его картина "Явление Христа народу" (вместе с этюдами к ней), была в то время вывешена в специально построенном для этого павильоне во дворе Румянцевского музея.

845

РГАЛИ, ф.142, ед.хр. 198, оп.1, лл. 119–120об. Из Москвы в Симбирск.

846

Толстой Николай. Вл. Соловьев – католик. Письмо в редакцию //"Русское слово", 1910, № 192.

847

М.А.Новоселов.

848

Еп. Антоний (Флоренсов) см. биогр. примеч. к п. № 109 или архиеп. Антоний (Храповицкий) см. прим. к п. № 110.

849

Караулов Василий Андреевич (1834–1909) – общественно-политический деятель либерального направления.

850

См. примеч. к п. № 211.

851

Список икон и картин, пожертвованных М.К.Морозовой Третьяковской галерее: ОР РГБ ф. 171; ф. В.Бонч-Бруевича.

Из открытки от 13 октября (Архив Эрна, частное собрание): "Я прочту (в измененном виде) свою вступительную лекцию (т.е. о русской философии)". Впоследствии эта лекция была опубликована под названием "Основной характер русской философии" в книге В.Эрна "Г.С.Сковорода".

853

Петровский Алексей Сергеевич (1881–1958), активный член кружка "аргонавтов", близкий друг Андрея Белого, антропософ, сотрудник издательства "Мусагет". С 1907 г. работал в Румянцевском музее, затем в ГБЛ. Переводчик "Авроры" Якоба Боме ("Мусагет", 1914) и ряда других философских и эстетических работ. Наследник рукописной библиотеки из круга Н.И.Новикова; передана им в 1919 г. в Румянцевский музей. Один из строителей первого антропософского храма (Гетеанума) в Дорнахе. В 1931 был арестован, провел два года в ссылке. Составил вместе с К.Н.Бугаевой и Д.М.Пинесом описание литературного наследия А.Белого. Цит. по: М.Сабашникова. Зеленая змея. История одной жизни. М., 1993, с. 366, 374.

854

Гордон Григорий – русский философ, последователь Марбургской школы.

855

Вышеславцев Борис Петрович (1877–1954), философ, в то время сторонник трансцендентального идеализма.

856

Василий Михайлович Гиацинтов и Анна Михайловна Флоренская (Гиацинтова).

857

Примерно к тому же периоду, по-видимому относится характеристика В.Эрна из письма П.Флоренского третьему лицу, которую приводит Е.Герцык: "Мир души – вот что нужно оттенить в Эрне, реализовавшем слованашегосвятого, апокалиптического Серафима: "Радость моя, радость моя, стяжи мирный дух, и тогда тысячи душ спасутся около тебя!"

Мир духа – это не нирвана, наоборот, это повышение жизненного пульса, так что и радость с горем становятся конкретнее и сочнее. Но сознание всякий раз допускает в себя только осиянную сторону и не дает врываться хаосу. Для Эрна зло не абстракция, он относится к злу как к чему-то чуждому и внешнему, с викингской яростью нападает на него... Одним утром, когда я лежал еще в полусне, мой друг разговаривал в соседней комнате с проворовавшимся мужиком и убеждал его покаяться. Ты знаешь, как нестерпимы для меня все наставления и морализования. Навязчивость их, обычное неуважение к живой личности во имя принципа заставляет из одного протеста поступить наоборот... Но тут – тут впервые может быть я услышал голос власть имущего. Такая убежденность в силе добра в каждой ноте его голоса, столько любви, уважения к личности в его речах, простых и безвычурных, что я был потрясен.

Я видел действие Эрна на других. Но я знаю больше. Однажды Эрн и я были вынуждены прождать со сторожем на вокзале всю холодную ночь в сторожевой будке. Обессиленный двумя бессонными ночами и иззябший я невольно опустил голову на колени друга и заснул. Во сне он явился мне сияющим Архангелом, и я знал, что он отгоняет от меня все злые силы. Может быть в эту холодную ночь, голодный и измученный, впервые за всю жизнь я был безусловно спокоен." Е.К.Герцык. Воспоминания.

858

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Часть фотографий сохранилась в архиве Эрн.

859

ОР РГБ, ф.348.2.20, л. 1.

860

Жуковский Д.Е., муж А.Герцык.

861

В своем выступлении Эрн вступил в бой с новейшей западной философией, с неомизмом <от греч. /srap>мчҮ щ\н– не сущий>европейской мысли, оторванной по его мнению от бытия, утерявшей чувство природы. По мнению Эрн путь восхождения человека к полноте своего умопостигаемого существа неминуемо лежит через Церковь, и гносеология сливается с аскетикой и учением восточных отцов церкви о духовной жизни. Смысл своего философского дела сам Эрн видел в борьбе против психологизма – за онтологию не только в философии, но и в общественном сознании, в защиту религиозной культуры. Психологизм в его понимании порожден индивидуализмом Реформации, а онтологизм возможен лишь на Востоке, в Православной церкви, сохранившей благодаря верности святоотеческому наследию онтологизм платоников. Отчасти он свойственен и католической традиции, но лишь в той мере, в которой она сохраняет верность наследию неразделенной церкви. Со свойственным ему радикализмом Эрн делает выпад против всего направления. "Кантианство (а не мировоззрение Канта), – пишет он, – всецело умещается в рамки рационализма. Составители "Логоса" находят всецело во власти двух основных принципов всей новой философии, нашедших в кантианстве свое завершение: первый явный, всепроникающий принцип – рационализм, второй – неомизм">. Это выступление положило начало острой полемике между "путейцами" и "логосовцами".

Далее Эрн переходит к центральной теме своей философской борьбы – Логосу. Он употребляет этот непостижимый термин античной философии и христианской мистики для обозначения цельного и органичного знания, которому присуще гармоническое равновесие ума и сердца, анализа и интуиции. Эрн даже обозначает свое философское построение термином логизм и утверждает, что "<...> культура поглощается прогрессом материальной цивилизации. Я считаю, что "логизм", понятый в самом глубоком и самом широком смысле, может быть признан истинным и действенным лозунгом не только в борьбе за философскую истину, но и в трагической борьбе за культуру".

862

Герцык Аделаида Казимировна (наст. фамилия – Лубны-Герцык, в замужестве – Жуковская), (1874–1925), поэтесса, прозаик, переводчица, критик, жена Д.Е.Жуковского, сестра Е.К.Герцык. Переводила Рескина, Нице, примыкала к кругу московских символистов, многолетняя дружба связывала ее с Н.Бердяевым, С.Булгаковым, Вяч.Ивановым. Московская квартира Жуковских в Кречетниковском переулке в 1910-е годы была литературно-философским салоном.

863

Андрей Белый. Неославянофильство и западничество в современной русской философской мысли // Утро России. 15.10.1910. № 274., с. 2.

864

Брюсов Валерий Яковлевич (1873– 1924) – поэт, литературный критик.

865

См. о нем примеч. к п. № 27.

866

Волошин Максимилиан Александрович (1877–1932) – поэт, критик, художник.

867

Блок Александр Александрович, (1880–1921), поэт; за несколько лет до этого он записал в дневнике свое впечатление от другого религиозно-философского заседания: "<...> Невообразимая и безобразная каша, идиотское мелькание слов. И вот – один тоненький, маленький священник в бедной ряске выкликает Иисуса, – и всем неловко <...> Да хоть бы все эти нововременцы, новопутейцы, болтуны – влоск исхудали от собственных исканий, никому на свете, кроме «утонченных натур», не нужных, – ничего в России не убавилось бы и не прибавилось. <...> хорошо резюмировал прения остроумный философ. Но ведь ониговорят о Боге, о том, о чем можно только плакать одному, шептать вдвоем, а они занимаются этим при обилии электрического света; и это –тожепотеря стыда, потеря реальности; лучше бы никогда ничем не интересовались и никакими «религиозными сомнениями» не мучились, если не умеют молчать и так смертельно любят соборно сплетничать о Боге". Александр Блок. Собрание сочинений в 8 томах. ГИХЛ. М–л. 1962, т. 5, с. 211.

868

Тургенева Анна Алексеевна (Ася) (1890–1966) – художница, антропософка, первая жена Андрея Белого.

869

Философское общество памяти С.Н.Трубецкого при Московском университете, в котором В.Эрн состоял со студенческих лет, фактически представляло собой студенческую фракцию партии Народной свободы (конституционалистов-демократов). См. Е.А.Ефимовский. Мечты и действительность // Возрождение, Париж, 1960, № 97.

870

Речь может идти об опубликованной позже работе: В. Эрн. Об изучении философии Розмини // Богословский вестник. 1913, № 10, с. 381–393.

871

Доклад В.Эрна на заседании Петербургского РФО, состоявшемся 22.11.1910, назывался "Основной характер русской философской мысли и метод ее изучения". Позже опубл. в качестве предисловия в книге В.Эрн. "Г.С.Сковорода. Жизнь и учение". В архиве Эрн хранится вырезка из газеты "Речь" № 324 от 25.11.1910 с отчетом Огнева о заседании, где в частности сказано, что "доклад является введением к целому ряду историко-философских работ Эрн под скромным названием "Очерки по истории русской философии" <...> В прениях по докладу участвовали: Вяч. Иванов, С.А.Алексеев (Аскольдов), одобрявшие доклад. Докладчику долго возражал неокантианский младенец Гессен, хлестко и грубо, но малодоказательно. Говорили еще В.И.Иванов и С.А.Алексеев. Первый старался примирить Эрн и неокантианцев, а Алексеев возражал Эрну на тему о значении <нрзб> в философии, не согласился с Ивановым и предпочел "меч" Эрн "миру" Иванова". На полях газетной вырезки рукой В.Эрна: "Написано бывшим священником Огневым".

872

Из частного собрания.

873

874

Гиппиус

875

Священник Константин Аггеев был членом Совета Петербургского РФО.

876

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.122. Из Москвы в Симбирск.

877

Архив Эрна, частное собрание. Публикуется по автографу.

878

Флоренский Александр Александрович (Шура), (1888–1954), минеролог, искусствовед, брат П.А.Флоренского.

879

Флоренская Ю. А.

880

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, лл. 123–124об., 126–127об. Из Москвы в Казань. К письму приложен рекламный проспект издательства "Путь" л.125.

881

Киреевский Иван. шПолное собрание сочинений в 2-х томах. Под редакцией М.Гершензона. Путь. М. 1911. Т. 1, с. +288; т. 2, с. II+290. Рец.: А.Корнилов //Русская мысль. 1912. № 1. Без подписи //Русское богатство. 1912. № 2.

882

Псевдоним Зинаиды Гиппиус.

883

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.128.

884

Схиеромонах Алексей – духовник Зосимовой пустыни.

885

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, лл.129–130об.

886

Ранее опубл. с комментариями А.Носовым //Новый мир, 1993, № 9. Написано на

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
на бланке и послано в конверте Цонтинентал Хотелш.

887

Книжная торговля (нем.)

888

Трубецкой Сергей Евгеньевич (1890–1949) и Трубецкой Александр Евгеньевич (1892–1968) – сыновья Е.Н.Трубецкого. С.Е. Трубецкой, сын Е.Н., много лет спустя так вспоминает об этих прогулках: "Папа путешествовал не иначе как с большим количеством книг, и куда бы ни приезжали, у него всегда был свой кабинет для занятий, но во время путешествий Папа гораздо чаще, чем в городе или даже в деревне, "спускался на землю" и жил общей жизнью с нами. В Папа просыпалась туристическая жилка, и он с увлечением совершал с нами большие экипажные прогулки. От этого особенно выгадывал я, так как Саша был еще слишком мал. Никогда в детстве я так много не общался с Папа, как за границей. Он много разговаривал со мною во время прогулок, обо многом рассказывал, многое показывал и объяснял." //Трубецкой С.Е. Минувшее, с. 38. Цит. по: А.Носов ...//Новый мир, 1993, №9.

889

шутки (нем.)

890

очень прозорлива (нем.)

891

прохладительные напитки (франц.)

892

Этот эпизод, оставил столь глубокое впечатление, что Е.Н.Трубецкой подробно описал его в центральной главе своей последней книги "Смысл жизни". М. 1918.

893

По сведениям А.Носова (Новый мир, 1993, № 9) Соловьев не был последовательным вегетарианцем, он ел рыбу, а в гостях и мясо, чтобы не обижать хозяев.

894

Отсылка к сцене из оперы Вагнера "Зигфрид". Символика огня в этой сцене истолковывается в работе: Лосев А.Ф. Проблема Вагнера в прошлом и настоящем //Вопросы эстетики. Вып. 8. М. 1968, с. 185.

895

Ранее опубли. с комментариями А.Носовым //Новый мир, 1993, № 9.

896

Ранее опубликовано с комментариями А. Носовым //Новый мир. 1993. № 9. При сверке обнаружены небольшие разночтения.

нервная разрядка (фр.)

898

Ранее опубликовано с комментариями А.Носовым //Новый мир, 1993, №9.

899

Вострякова (Мамонтова) Елена Кирилловна.

900

Вероятно цитата из письма Е.Трубецкого.

901

Григорий II, Папа Римский (1073–1085) Речь идет о книге Кн. Евгений Трубецкой "Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI веке. – Идея Божеского царства в творениях Григория II и публицистов его современников. Киев. 1897. Во вступительной статье автор так объясняет выбор этого исторического персонажа: "...благодаря изумительной цельности своего характера он представляет собою одно из наиболее ярких олицетворений того святительского папского идеала, которому он служит в течение всей своей жизни– в его произведениях находят себе выражение пртязания папства во всей их полноте." Указ. соч. с. . См. рецензию В.С. Соловьева на книгу //Вестник Европы, апрель 1897

902

Намек на "диванную" партию "Мирного обновления", объединявшую в своих рядах либеральную интеллигенцию обеих столиц, печатным органом которой фактически был "Московский Еженедельник". "Ее основатели не имели настойчивости и аппетита к власти. Они были, быть может, для этого слишком "баринами". Но, образуя аристократическое меньшинство, каждый из них в силу личного уважения, которое внушал, заставлял к себе прислушиваться. Эта маленькая группа была чем-то вроде голоса общественной совести". Трубецкой Г.Н. Воспоминания. Облики прошлого. Цит по: А.Носов...//Новый мир, 1993, № 9.

903

Последняя строфа стихотворения Вл. Соловьева: "Мы сошлись с тобой недаром, /И недаром, как пожаром, /дышит страсть моя:/ Эти пламенные муки/ Только верные поруки/ Силы бытия.// В бездну мрака огневую/ Льет струю свою живую/ Вечная любовь./ Из пылающей темницы/ Для тебя перо Жар-птицы/ Я добуду вновь, // Свет из тьмы. Над черной глыбой/ Вознестися не могли бы/ Лики роз твоих,/ Если б в сумрачное лоно/ Не вписался погруженный/ Темный корень их." В.С.Соловьев. Собр. соч., т.ХI, Брюссель. 1969, с.18–19.

904

Впервые опубликовано с примечаниями А.Носовым //Новый мир, 1993, №9. Здесь письмо публикуется с сохранением старой орфографии для различения слов мирь и мѣрь, (ъ опускается)/ОР РГБ. 171.7.1а. лл.5–6 об.

905

Елена Кирилловна Вострякова (Мамонтова).

906

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Ранее опубл. с комментариями А.Носовым //Новый мир, 1993, № 9. /ОР РГБ,
ф.171, 76, лл. 28-29.

907

Лотце Рудольф Герман (1817–1881) – немецкий философ, врач. Его основное сочинение–"Микрокосм", ч.1–3, М., 1866–67. В начале нашего века его труды активно популяризировал С.Л.Кобылинский, брат поэта Л.Кобылинского (Эллиса), который часто бывал в доме М.Морозовой и получал от нее материальную помощь

908

В коллекции М.А.Морозова и М.К.Морозовой было несколько работ В.Васнецова, позже переданных М.К.Морозовой Третьяковской галерее.

909

Мамонтовы и Рачинские состояли в свойстве: Г.А.Рачинский был женат на двоюродной сестре Маргариты Кирилловны, Татьяне Анатольевне Мамонтовой. Сестры последней, Наталья и Прасковья, были по очереди замужем за Александром Константиновичем Рачинским. См. Публикацию Александра Носова переписки Е.Н.Трубецкого и М.К.Морозовой «Наша любовь нужна России» //Новый мир, №9–10, 1993.

910

Видимо речь идет о статуе Аполлона из собрания Ватиканского музея – мраморной римской копии с работы древнегреческого скульптора I в. до Р.Х. мастера Леохара

911

Архив Эрн, частное собрание, частное собрание, ф. Бердяева, л. 1. В Пятигорск.

912

См. примеч. к п. № 208.

913

В.Эрн с 1905 г. был болен нефритом, от которого несмотря на постоянное лечение скончался 28 апреля 1917 г. "Эрн рассказывал, как в студенческие годы в Москве он соединился с друзьями, такими же как и он революционерами. Они наняли сарай, где работали и спали на дощатом полу с большими щелями. Там он страшно разболелся и нажил себе хронический нефрит. Со временем его убеждения переменились, и он осуждал этот период. Несмотря на плохое здоровье, он всегда был веселый и радостный." Лидия Иванова. Воспоминания. Книга об отце. Париж, Атченеум. ш1990, с. 51.

914

Речь идет о заседании МРФО, посвященном 10-летию кончины В.С.Соловьева, которое состоялось 10 февраля 1911 г. в актовом зале Университета Шанявского. В программе было четыре доклада: Бердяева, Вяч.Иванова, Блока и Эрн.

915

Г.А.Рачинский после перенесенного им микроинсульта и нервного кризиса находился на излечении в клинике нервных болезней д-ра Э.Э.Соколовского в

916

В.Ф.Эрн находился в это время на лечении в Пятигорске.

917

Через много лет Н.Бердяев дает старому другу иную характеристику:

"В Москве я встретил у С.Булгакова П.Флоренского, человека очень оригинального и больших дарований. Это одна из самых интересных фигур интеллектуальной России того времени, обращенных к православию. С П.Флоренским у нас было изначальное взаимное отталкивание, слишком разные мы были люди, враждебно разные. Самые темы у нас были разные. Если от Мережковского меня отталкивала двойственность, переходящая в двусмысленность, отсутствие волевого выбора, злоупотребление литературными схемами, то от Флоренского отталкивал его магизм, первоощущение заколдованности мира, вызывающее не восстание, а пассивное мление, отсутствие темы о свободе, слабое чувство Христа, его стилизация и упадочность, которую он ввел в русскую религиозную философию. В Флоренском меня поражало моральное равнодушие, замена этических оценок оценками эстетическими. Флоренский был утонченный реакционер. Подлинной традиционности в нем не было. Об его книге "Столп и утверждение истины", книге блестящей, имевшей большой успех и влияние в некоторых кругах, я написал статью под названием "Стилизованное православие". За эту статью на меня очень нападали. В книге Флоренского чувствовалась меланхолия осени, падающих осенних листьев. Флоренский был универсальный человек, он талантливый математик, физик, филолог, оккультист, поэт, богослов, философ. Наиболее ценной мне казалась психологическая сторона книги, самая замечательная глава о сомнении. Но я не нахожу, чтобы у него был специфический философский дар. У него можно найти элементы экзистенциальной философии, во всяком случае, экзистенциального богословия. Чувствовалась при большой одаренности большая слабость, бессильная борьба с сомнением, искусственная и стилизованная защита консервативного православия, лиризм, парализующий энергию, преобладание стихии религиозного мления. В Флоренском и его душевной структуре было что-то тепличное, отсутствие свободного воздуха, удушье. Он был во всем стилизатор, говорил искусственно тихим голосом, с опущенными вниз глазами. В своей книге он борется с самим собой, сводит счеты с собственной стихийной натурой. Он как-то сказал в минуту откровенности, что борется с собственной безграничной дионисической стихией. Одно время он пил. В Флоренском было что-то соблазняющее и прельщающее. В этом он походил на В. Иванова. Он был инициатором нового типа православного богословствования, богословствования не схоластического, а опытного. Он был своеобразным платоником и по-своему интерпретировал Платона. Платоновские идеи приобретали у него почти сексуальный характер. Его богословствование было эротическое. Это было ново в России. Он также по-своему ждал новой эпохи Духа в христианстве, но был связан и скован. От Флоренского пошла и софиология, хотя он не разработал и не развил ее так, как потом С.Булгаков. Творческая инициатива во многом принадлежала Флоренскому. Но центральной фигурой православного возрождения XX века был С.Булгаков." Н.А.Бердяев. Самопознание. М. 1991, с.160-163.

918

Со своей будущей женой, Евгенией Давыдовной Векиловой, дочь подполковника в отставке, В.Эрн познакомился в 1903 году в Царских Колодцах (Тифлисская губ.) на свадьбе своего брата, Николая Францевича, и Марии Давыдовны Векиловой, сестры Е.Д.Векиловой. Это обстоятельство вызвало определенные сложности, когда В.Эрн и Е.Векилова решили обвенчаться, так как согласно канонам Православной церкви брак со свояченицей не дозволяется. В конце концов они все-таки были обвенчаны 28 января 1907 года в церкви при Академии Генерального штаба. Совершил венчание о. Георгий Шавельский, будущий Протопресвитер армии и флота, глава всего военного православного духовенства.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.

919

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, лл.132. Из Москвы в Симбирск.

920

Курорт в окрестностях Генуи.

921

жена А.С.Глинки(Волжского), страдавшая болезнью печени.

922

Мандельберг Виктор Евсеевич (1870–19..?), врач-терапевт, социал-демократ. Окончив медицинский ф-т Киевского университета (1893), поселился в СПб; в 1899 за пропаганду среди рабочих был выслан в Восточную Сибирь. В 1907 был избран от г. Иркутска депутатом в Государственную Думу (2-го созыва). Ссылаясь на свою принадлежность к РСДРП, уклонялся от совещания с прочими евреями-депутатами по вопросам, касавшимся гражданских прав евреев. Привлеченный к процессу группы депутатов социал-демократов, удалился в Италию. Еврейская Энциклопедия, тХ.

923

См. примеч. к п. № 100.

924

В описываемый период Н.Бердяев переживал большие трудности в связи с родительской усадьбой, которая должна была быть продана за долги.

925

См. напр.: В.Свенцицкий. Христианство и "половой вопрос". (По поводу книги В.Розанова "Люди лунного света".) //Новая земля. 1911. № 3–4.

926

Багатурова Надежда Сергеевна-семейная подруга Эрнов.

927

Архив Эрна, частное собрание.

928

Впервые опубл. с комментариями А.Носовым //Новый мир, 1993, № 10. / РО РГБ ф.171, 76, лл. 28–30.

929

Впервые опубликовано А.Носовым // Новый мир, 1993, №10, с.176.

930

В доме М.К.Морозовой помимо религиозно-философских собраний с 1905 г. устраивались литературно-музыкальные вечера, один из их постоянных

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках участников вспоминает: "Она приглашала несоединимые, вне ее дома не встречавшиеся элементы: для "дружеских", интимных чаев с музыкой и разговорами <...> я стал встречаться в ее салоне с людьми, доселе меня ненавидевшими: профессорами Лопатиным, Хвостовым, Сергеем Трубецким, Фортунатовым, Кизеветтером..." (Андрей Белый. Начало века, с.505). Со временем из этих вечеров выделился "философский кружок", где с регулярными рефератами выступали отечественные и зарубежные докладчики. Цель кружка состояла в том, чтобы "дать возможность приезжающим из-за границы, окончившим там университет, прочесть доклад" (Морозова М.К., Воспоминания, с. 104, цит. по: Александр Носов// Новый мир, №10, 1993, с. 211). Список некоторых докладчиков, выступавших в кружке, их докладов и рефератов см. в Приложении 3.

931

Неподалеку от своей усадьбы Михайловское, в селе Белкино Калужской губ. М.К.Морозова открыла школу для крестьянских детей. См. прим. к пп.

932

Речь идет о сборнике "О Владимире Соловьеве", подготовившемся к изданию "Путем" к 10-летию кончины философа Е.Н.Трубецкой опубликовал в нем две статьи: "Личность В.С.Соловьева" (позже вошедшая в книгу "Миросозерцание В.С.Соловьева") и "Владимир Соловьев и его дело", текст который был прочитан на заседании Психологического общества на заседании памяти Вл.Соловьева 6.11.1909, см.: Вопросы философии и психологии, 1910, кн. 106(1), с.126.

933

ОР РГБ ф.171, 76, лл. 31–34.

934

в упор (фр.)

935

См. примеч. к дневниковой записи А.Ельчанинова от 18.10.1909.

936

Алексий, схиеромонах – духовник Зосимовой пустыни, ослепший в последние годы жизни. 5 ноября 1917 г. на Соборе Российской Церкви он перед иконой Владимирской Божией Матери в храме Христа Спасителя вынул жребий с именем митрополита Тихона Беллавина, определив избрание его Патриархом Всероссийским.

937

Трубецкой Григорий Николаевич (1873–1929) – дипломат, публицист, участник Собора 1917–18 г., младший брат С. Н и Е.Н.Трубецкого, умер в эмиграции.

938

РО РГБ, ф.109.13.48, л.14, открытка.

939

Речь идет о заседании МРФО, посвященном десятилетней годовщине смерти Вл. Соловьева

940

Ранее опубл. с комментариями А.Носовым //Новый мир, 1993, № 10. / РО РГБ ф.171, 76, лл. 35–36.

941

Кассо Лев Аристидович (1865–1914) – юрист, министр народного просвещения с осени 1910 до конца 1914 г., совместно с премьер-министром Столыпиным издал от имени Совета Министров распоряжение, временно запрещавшее собрания в стенах высших учебных заведений, что означало не только прекращение разрешенных ранее сходов, но и ликвидацию всех легальных студенческих организаций. 16 января 1911 от имени совета министров во все университетские советы был разослан циркуляр, предписывающий принять меры "для установления действительного надзора за учащимися", далее следовало предупреждение, что в случае неисполнения требования министерства это "приведет общегосударственную власть к необходимости принятия особых мер к упорядочению внутренней жизни высших учебных заведений" (Русские ведомости, 1911, 16 и 17.01). Это было прямым покушением на остатки университетской автономии, в частности на их экстерриториальность. В ответ последовали массовые протесты студентов и преподавателей. См. последующие письма и примечания.

Ответом на циркуляр Кассо был протест в самых широких студенческих и профессорских кругах. Перед дверями аудиторий становились группы студентов, которые не пропускали "срывателей", студентов, желавших слушать лекции. После рождественских каникул волнения вспыхнули с новой силой. На территорию университетов была введена полиция. В знак протеста ректор Московского университета А.А.Мануйлов, проректор Минаков и помощник ректора Мензбир подали в отставку. В ответ они были не только уволены со своих постов, но и отрешены от должности профессоров. В знак солидарности с ними несколько десятков профессоров и приват-доцентов Московского университета также подали в отставку. Сопrotивление студентов шло до конца февраля. К концу марта забастовка почти везде закончилась, сломленная государственным насилием и репрессиями студентов, участвовавших в беспорядках, митингах и публичных протестах.

942

Хвостов Вениамин Михайлович (1868–1920) – юрист, профессор Московского университета. Занимал консервативную позицию в отношении к новейшим западным течениям философской мысли. Ф.Степун приводит шутовое свидетельство поэта и юмориста Эллы (Л.Л.Кобылинского) о том что Хвостов исчислял прочитанные им книги аршинами. Возвращаясь с дачи, он торжественно объявлял: «А я, знаете ли, за дождливое лето три с половиной аршина прочел, славно поработал».

943

Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929) – профессор-экономист, член ЦК партии Народной свободы, в 1908–11 ректор Московского университета. Вышел в отставку в знак протеста против притеснений студенчества.

944

ОР РГБ, ф.171.7. 1а, лл.12–14, публикуется впервые.

945

Рамполла дель Тиндаро, Мариано (1842–1913), видный католический церковный деятель, кардинал. Во время понтификата папы Льва XIII занимал пост государственного секретаря Ватикана.

946

Штроссмайер Йосип Юрай, хорватский католический епископ Босненский и Сремский (1815–1905), с которым переписывался и встречался Вл. Соловьев в Загребе в 1886 и 1888 гг. и обсуждал перспективы объединения церквей. В апреле 1888 г. Штроссмайер представил через кардинала-секретаря Рамполлу большую записку папе Льву XIII, в которой сообщал, что "этой весной прибудет в Рим Владимир Соловьев, человек настолько же ученый, насколько благочестивый, который много хлопочет по делу о соединении церквей" // Письма В.С. Соловьева. СПб. 1908, т.1, с.192.

947

Дюшен Луи, монсиньор (1843–1913?) – французский церковный историк, перевод его основного труда, "История древней церкви", был выпущен издательством.

948

Речь идет о сборнике о Владимире Соловьеве. Сборник первый. Путь. М. 1911. С. II+222. Рец.: Ф. Степун. // Логос. Кн. 2–3. М. 1911–12. ш. Е. Трубецкой поместил в нем две статьи: "Личность В.С. Соловьева" и "Владимир Соловьев и его дело".

949

В воспоминаниях сына, кн. Сергея Евгеньевича Трубецкого читаем: "Папа путешествовал не иначе как с большим количеством книг, и куда бы мы ни приезжали, у него всегда был свой кабинет для занятий..." // Трубецкой С.Е. Минувшее, с.38.

950

Новый мир. 1993, №7, с. 179–180.

951

публикуется впервые // ОР РГБ, ф.171.7. 1а, лл.15–17.

952

Пальмиери Аурелио (1870–1926) – католический богослов и ориенталист, исследователь и крупнейший специалист своего времени в области православной догматики, экклезиологии, сакраментологии и русской светской культуры; примыкал к движению "католического модернизма". "Ученый августинец, влюбленный в Россию и православие." (Иванова Лидия. Воспоминания. Книга об отце. Париж. 1988), помимо Е.Н. Трубецкого дружил со всеми русскими религиозными мыслителями, бывавшими в Италии: Вяч. Ивановым, кн. Е. Трубецким, В. Эрном, Б. Яковенко и др. Автор статей: Льюомо, ла натура ед ил мале нелла философия ди Щладимир Соловьев, // Бессарион ИИИ вол. ИИ пп. 8–33, 1907//. Щл. Соловьев, льяпостоло делльунионе делле цчиесе ин Руссия. // Ривиста интернационале ди сциензе социали, 1909, п.153–170. шАвтор монографий: Ла Цчиеса Русса. Фирензе, 1908> Теология догматица ортодохае еццлесиае граецоруссиае ад лумен цатчолиае доцтринае ехамената ет дисцусса, тт.1–2, Флорентиае, 1911–12. Номенцлатор литтерариус... 2 вол. 1910. Ла политица асиатица деи болсцевички, 1924. Ла география политица делла Руссия, 1926. шСм. о нем: С. Мерцанзин. Аурелио Палмиери ед ил суо цонтрибуто алла цоносценза делл'ориенте цристиано ед ин партицоларе делла Цчиеса Русса. Ун пиониере делл'ецуменисмо. Рома. 1989.

953

Речь идет о статьях, опубликованных Вл. Соловьевым по-французски в католической газете Л'Универсш во время его пребывания в Париже "Владимир
Страница 514

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Святой и христианское государство" (4, 11 и 19 августа 1888), "Ответ на корреспонденцию из Кракова" (22 сент. 1888), и книге "Россия и Вселенская Церковь" (1889). Они были изданы в "Пути" в русском переводе Г.Рачинского.

954

Согласно примечанию Э. Радлова ко 2-му тому писем В.С.Соловьева (Брюссель, 1970, с. 113–114) Соловьев написал католическому священнику о. В. Астромову пять больших писем по вопросу о непорочном зачатии Святой Девы, который тот передал в Ватикан. Эти письма по слухам были похищены журналистом, сотрудником "Новостей" и агентом Охранного отделения, Манусевичем-Мануйловым. После его ареста и расстрела в ЧК ОГПУ они исчезли.

955

Лев XIII (Винченцо Джоакино Печчи, 1810–1903), Папа Римский (1878–1903), издал в 1891 г. энциклику *Rerum novarum*, где впервые была сформулирована социальная доктрина Католической церкви, противопоставленная социалистическим учениям, распространившимся в рабочей среде. Папа пригласил Вл. Соловьева в Рим для личной встречи и ординации на католическую проповедь в России, однако Соловьев не приехал.

956

Пальмиери был запрещен в священнослужении за принадлежность к движению "католического модернизма".

957

Пий X (Джузеппе Мельхиор Сарто, 1835–1914), Папа Римский (1907–1914), происходил из простой семьи, окончил духовную семинарию. После принятия сана занимал административные должности. Еще в сане кардинала, а затем будучи избран папой, решительно выступал против отделения церкви от государства в Австро-Венгрии и во Франции, боролся с модернизмом в Католической церкви.

958

Диоцез, епархия (ит.).

959

А.Пальмиери покинул орден августинцев из-за разногласий с приором по поводу "католического модернизма", а впоследствии был предан суду за нарушение монашеских обетов и вступление в тайный брак. Е.Трубецкой конечно не догадывался о схожести его личной драмы и судьбы Пальмиери, так же вынужденного жить мучительной двойной жизнью. Здесь стоит обратить внимание на то, что как "католический модернизм" в частности требовал омены celibата католических священнослужителей, так и "Союз церковного обновления" ратовал за разрешение вторичного брака для вдовых православных священников и за право епископской хиротонии для "белого духовенства" без пострижения в монашество. См. //С.Мерцанзин. Аурелио Пальмиери ед ил суо контрибуто алла ционсценза делл'ориенте цристиано ед ин партицоларе делла Циеса Русса. Ун пиониере делл'ецуменисмо..Рома, 1989.

Много лет спустя, когда Вяч. Иванов с сыном Дмитрием и дочерью Лидией оказались в Риме и нуждались в помощи, они попытались возобновить отношения с Пальмиери. О том, что произошло далее, пишет Лидия Иванова – Е. Д. Эрн:

24 окт<ября> 1924 г.

Дорогая Женя,

пишу тебе из Рима, куда приехали мы наконец 14 сент<ября> после 3-недельного путешествия и после 3-хмесячных хлопот. Несмотря на столь длинные хлопоты, отъезд как-то сделался для меня все же внезапным, отчасти потому что я ему до последней минуты не верила. Ведь уже с 20-го г<ода> мы все собирались, поэтому когда Вячеслав поехал в Москву на пушкинские торжества, я-то собиралась уехать на дачу к знакомым в Киев. И вдруг, как снег на голову, телеграмма и пришлось все спешно ликвидировать в Баку, брать Диму в охапку и ехать в Москву. Впопыхах написала тебе какое-то довольно глупое письмо и уехала. Из Москвы удалось выехать только 28 авг<уста>. И вот сидим опять в Риме – видно не даром кидала я тогда монету в фонтан Треви. Но мне он представляется сейчас совершенно другим городом, и никаких живых воспоминаний у меня не вызывают его камни. Этому способствует также и совершенное исчезновение наших прежних знакомых в нем. Шнубельша, потерявши мужа и сына, уже много лет, как уехала к себе на родину, в Геранию. (Об этом сообщила консьержка). Наша хозяйка англичанка тоже сто лет тому назад выехала. Заходили к августинцам, и там нам объявили (долго сначала притворяясь, будто они и не знают фамилии Пальмиери), что он сделался "боргчесеш", что он бросил монашество, побывал в Америке, а что теперь и где теперь они не знают и не хотят знать, а только молятся, чтобы он одумался! Как тебенравится это? Мы в изумлении и не знаем, что и думать. Быть может, это результат обиды, вызванной тем, что его огромный труд многих лет попал уже давно под индекс и был у них запрещен? – Одним словом, старых наших римских занкомых никого нет. Жить в Риме мы собираемся год, но не знаю, сумеем ли, так как денег у нас еще на 11/2ш месяца, самое большое на 2. Если пошлет еще Наркомпрос, как обещал, то можно будет жить еще. Покажеживем в мебелированных комнатах, малюсеньких, в старом римском доме на 4-ом этаже. Через две недели начинается учебный год. Отдаем Диму во французскую школу Лицее Цчатеаубриандш для изучения языка. Школа прекрасная. Я поступаю в Санта Цецилиа для окончания композит<орского> отделения к маестро Респигиш (прекрасный симфонич<еский> композитор и директор академии), а Вячеслав ходит в Национальную библиотеку и работает, намереваясь приступить к специальной монографии об Эсхиле. По дороге в Рим останавливались во Флоренции, Венеции и Берлине <...> .

Архив Эрна. Публикуется по машинописной копии из собрания Н. В. Котрелева.

960

отделенные братья (фр.).

961

Движение обновления внутри католической церкви, возникшее на грани XIX и XX веков среди священников и мирян. Признавая себя католиками, "модернисты" стремились гармонизировать церковное учение в "духе времени", призывали церковь усвоить культурные и научные достижения, поддержать либеральные и социально-прогрессивистские движения. В доктринальной области они выступали против засилия аристотелизма и томизма в католическом богословии, однако не сформулировали собственной систематической доктрины. По своим устремлениям "католический модернизм" был близок к движению православной "христианской общестственности" в среде русской интеллигенции, к которому принадлежал кн. Е.Трубецкой. Папа Пий X в энциклике Пасцендиш (1907) решительно осудил "модернизм" и призвал его сторонников, покаявшись, вернуться к ортодоксальному учению; в противном случае им грозило отлучение. Свидетельством интереса к "католическому модернизму" в среде русской религиозной интеллигенции было издание книги Эдуарда Леруа "Догмат и критика" в издательстве "Путь" (1915) с предисловием Н.Бердяева, выразившей близкие этому движению идеи.

962

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Речь идет о готовившемся в то время в издательстве "Путь" сборнике, посвященном религиозно-философскому учению Л.Н.Толстого.

963

Фогаццаро Антонио (1841–1911), итальянский католический писатель и публицист, один из идеологов и вдохновителей движения католического модернизма. Никто из иностранных авторов в сборнике "О религии Льва Толстого" не участвовал.

964

Ранее опубл. с комментариями А.Носовым //Новый мир, 1993, № 10. Обнаружены разночтения с /ОР РГБ, ф.171.7.1.

965

Сборник творений отцов Восточной Церкви на темы аскетике и нравственности.

966

Несмелов Виктор Иванович – профессор богословия Казанской духовной академии. М. Морозова читала его книгу "Наука о человеке". Т. 1, 1896; т. 2, 1898. Н.А.Бердяев поддерживал и пропагандировал идеи Несмелова, в рефератах, прочитанных в МРФО, ПРФО и КРФО. Опубл. //Русская мысль, 1909, № 9, с. 54–72.

967

Речь идет о книгах из серии "Религиозно-философская библиотека" (всего с 1902 по 1917 вышло 39 выпусков), выпускавшихся М.А.Новоселовым.

968

Левенштейн Отто Иванович (дед М.К.) и ее мать Левенштейн (Мамонтова) Маргарита Оттовна. Дед (вероятно, перешедший со всей семьей из иудаизма в католицизм – В.К.) "был ревностный католик и принимал деятельное участие <...> в постройке римско-католической церкви в Москве, где был постоянно старостой". Морозова М.К. Мои воспоминания. //Наше наследие. 1991, с. 91.

969

Вл. С. Соловьев. Россия и Вселенская Церковь. Пер. франц. Г.Рачинского. М. Путь. 1911.

970

Книга не была конфискована.

971

Б.Н.Бугаев (Андрей Белый) (в публикации А.Носова неверно прочтена фамилия) успел написать статью для сборника

972

Л.М. Лопатин.

973

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Речь идет о семье двоюродной сестры М.К., Марии Федороне Якунчиковой (Мамонтовой), или о семье ее тетки, Зинаиде Николаевне Мамонтовой.

974

Щербатов Сергей Александрович – князь, художник, коллекционер живописи, член Российской Академии художеств, автор книги "Художник в ушедшей России". Н-й, 1955; брат Веры Александровны Щербатовой, жены Е.Н. Трубецкого.

975

Гессен Сергей Иосифович прочел доклад "Понятие реальности и ценности в философии Риккерта"

976

Огнев Александр Иванович ???

977

Шпет Густав Густавович (1879–1938) – философ, искусствовед, психолог.

978

Фохт Борис Александрович (1875–1946)– философ неокантианец.

979

ОР РГБ, ф.171.3.66? лл. 58–59об., б.д.

980

Кривошеин Александр Васильевич (1858–1923) – главноуправляющий земледелием и землеустройством в 1908–1915 гг., активно сотрудничая с П.А.Столыпиным, проводил в жизнь его аграрную политику. Будучи юристконсультантом С.И.Мамонтова, сблизился с кругом художников и промышленников-меценатов; был женат на дочери Т.С.Морозова, следовательно находился в свойстве с М.К.Морозовой. (См. Кривошеин К.А.. А.В.Кривошеин. Его значение в истории России начала XX в. Париж.1973.)

981

ОР РГБ, ф.171.7.1а, лл. 22–23об. Публикуется впервые. Письмо датировано по старому стилю на основании почтового шт. отпр.: 15.02.1911. Рим.

982

Речь идет о рукописи книги "Миросозерцание Владимира Соловьева".

983

Двумя годами раньше, прочтя книгу Вл. Соловьева "Еврейский вопрос", М.К.Морозова писала Е.Н.Трубецкому: "<...> Очень, очень много там моих самых любимых и сокровенных мыслей. Я теперь определила, что во мне иудейство сидит <...> Все, где Соловьев говорит о религиозном, внутреннем, или мыслит отвлеченно – он просто гениален. Но его мысли в применении к действительности, или когда он их облакает в более конкретное – мне всегда не нравятся <...> Этот диалектический способ меня всегда ужасно отвращает, нет крови и плоти в мылении <...> Поэтому все его рассуждения о соединении церквей, о роли России, Польши и Еврейства ужасно ложные. <...>"

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах //11.07.1909. ОР РГБ, ф.171.7.1а. Ср.А.Носов//Новый мир, 1993, №9.

Кроме того предки М.К. по материнской линии (Левенштейн) происходили видимо из евреев, перешедших в католицизм.

984

Текст до сих пор не найден.

985

Штроссмайер Йосип Юрай, хорватский католический епископ Босненский и Сремский (1815–1905), с которым переписывался и встречался Вл. Соловьев в Загребе в 1886 и 1888 гг. и обсуждал перспективы объединения церквей. В апреле 1888 г. Штроссмайер представил через кардинала-секретаря Рамполлу большую записку папе Льву XIII, в которой сообщал, что "этой весной прибудет в Рим Владимир Соловьев, человек настолько же ученый, насколько благочестивый, который много хлопочет по делу о соединении церквей" //Письма В.С.Соловьева.СПб. 1908, т.1, с.192.

986

См. примеч к п. № 215.

987

Русская библиотека-читальня имени Н.В.Гоголя была основана в Риме в 1902 г. (в память 50-летия кончины Н.В.Гоголя) и находилась на виа Цолонеттеш, 27. В настоящее время находится в подвале Православной церкви на виа Палестрош, 71.

988

Волконский Сергей Михайлович, князь, (1860–1937), художественный критик, прозаик, театральный деятель. Е.Н.Трубецкой навещал его в Риме.

989

Имеются в виду заседания памяти Л.Н.Толстого и В.С.Соловьева. Заседание памяти Соловьева состоялось 10.02.1911, а памяти Л.Н.Толстого – 2.11.1911.

990

ОР РГБ ф.171.3.4. л. 1, 2. Датировано по указанию дня ухода профессоров Московского университета.

991

ОР РГБ, ф.109.13.48, л.16, открытка.

992

"Башней" называли петербургскую квартиру Вяч. Иванова и Л.Зиновьевой-Аннибал.

993

Семейные друзья, у которых часто бывал В.Эрн.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
994

Шер Вера Васильевна—мать семейства.

995

"Путь".

996

Архив Эрна, частное собрание. Публикуется по автографу.

997

Радлов Эрнест Леопольдович (1854–1928) – историк философии, редактор философского отдела Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона после смерти Вл.Соловьева.

998

11 февраля 1911 года в Москве состоялся второй судебный процесс над В.Эрном по обвинению в издании антиправительственных сочинений. Вторым обвиняемым был известный издатель И.Сытин. См. описание процесса и приговора в письме В.Эрна к жене от 12.02.1911.

999

Богатурова Н.С.

1000

вдвоем (фр.)

1001

Шер Вера Дмитриевна, дочь В.В.Шер.

1002

Шер Василий Дмитриевич, сын В.В.Шер, участник ХББ.

1003

Эрн Ирина Владимировна (1909–1991), дочь В.Эрна, в будущем историк архитектуры

1004

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.133. В Симбирск.

1005

В начале 1911 года большая часть профессоров и доцентов Московского Университета подали в отставку знак протеста против отмены прав автономии российских университетов и введения полиции и войск на их территорию для подавления студенческих беспорядков.

1006

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Впервые опубл. к комментариями А.Носовым //Новый мир, 1993, №10.

1007

Шипов Дмитрий Николаевич (1851-1920) – известный деятель земства, один из основателей партии "октябристов". Может быть, Трубецкой имеет в виду его дальнего родственника, И.П.Шипова, занимавшего пост министра торговли и промышленности в кабинете П.А.Столыпина, и ушедшего в отставку из-за разногласий с премьером.

1008

Львов Георгий Евгеньевич (1861-1925), князь – известный земский деятель, с 1912 г. член московского комитета партии прогрессистов.

1009

Он хочет превратить лодку св. Петра в венецианскую гондолу (фр.). Лодка св. Петра – католическая церковь, кроме того на портале собора св. Петра в Риме помещена мозаика Джотто, (перенесенная сюда со стены старой базилики), изображающая сцену из Мф. 8, 24; здесь выражена ирония по поводу ограниченности кругозора Папы Пия X, ранее управлявшего Венецианской епархией.

1010

Через несколько лет А.Пальмери примкнул к движению "католического модернизма". Произошло это, впрочем, на фоне скандала, разразившегося из-за его "тайнобрачия". По решению церковного суда брак был признан недействительным, а двое детей Пальмери – незаконнорожденными.

1011

См. примеч к письму Трубецкого-Морозовой от 24.01.1911.

1012

Архив Эрн, частное собрание. Публикуется по автографу.

1013

Флоренская Ю. А. Видимо, Эрн вспоминает, как она делала ему уколы.

1014

В.Эрн готовился писать статью для готовившегося издательством "Путь" сборника "О Владимире Соловьеве".

1015

П.А. Флоренский.

1016

Гиацинтова Анна Михайловна, на которой недавно женился П.А.Флоренский.

1017

Ельчанинов Александр Викторович.

1018

Флоренская Ю.А.

1019

Асатиани Михаил Михайлович (1881–1938), российско-грузинский врач-психиатр, одноклассник Эрна, Флоренского и Ельчанинова по 2-ой Тифлисской гимназии. Был женат на Юлии Александровне Флоренской, оставил ее с ребенком. Окончил медицинский ф-т Московского университета, работал в подмосковном нервно-психиатрическом санатории. Один из первых российских психиатров обратил внимание на терапевтические возможности психоанализа. В 1910 г. на собрании врачей Московской психиатрической клиники сделал доклад "Психоанализ истерического психоза". В 1910 опубликовал статьи "Современное состояние вопроса теории и практики психоанализа по взглядам Юнга" и "Психоанализ одного случая истерического психоза". В 1912 был соучередителем и членом бюро Московского психиатрического кружка "Малые пятницы". С 1921 заведовал кафедрой психиатрии Тбилисского университета. В 1925 организовал НИИ психиатрии Грузии, которому присвоено его имя.

1020

ОР РГБ.Ф.171.3.4.лл.38,39,40. п. шт.: 8.02.1911. Публикуется впервые.

1021

Трубецкая София Евгеньевна (1900–1982) – дочь Е.Н.Трубецкого.

1022

ОР РГБ ф.171.3.4.лл. 44, об., 46.

1023

Архив Эрна, частное собрание. Телеграмма из Москвы в Тифлис.

1024

В.Эрн проходил по одному делу с издателем И.Сытиным, который писал в своих воспоминаниях: "Другая брошюра – под названием "что нужно крестьянину" – тоже послужила поводом к возбуждению дела <...> причем на скамье подсудимых сидел уже не только я, но и автор брошюры, молодой ученый В.Ф.Эрн."Сытин И.Д.Жизнь для книги. Страницы пережитого. М., 1962, с.144.

1025

По-видимому, дать взятку.

1026

выживший из ума (фр.) .

1027

обвинитель на процессе Эрна–Сытина.

1028

Фальковский Е.А., присяжный поверенный, возглавлял нелегальную марксистскую

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах студенческую фракцию в Московском университете; на данном процессе – адвокат В.Эрна

1029

Адвокат Сытина.

1030

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.134. В Симбирск.

1031

Архив Эрна, частное собрание. Публикуется по автографу.

1032

Векилова Елизавета Лазаревна, теща В.Эрна.

1033

Векилов Георгий Давыдович, брат жены В.Эрна.

1034

Выступление на открытом заседании МРФО памяти В.С.Соловьева.

1035

10 февраля 1911 г. состоялось открытое заседание МРФО, посвященное 10-летию кончины В.С.Соловьева в зале Политехнического музея. В собрании газетных вырезок из архива В.Эрна есть отчет, подписанный инициалами А.П., "Русское Слово", 10.02.1911, где дано краткое одобрительное изложение докладов В.Эрна и Н.Бердяева; выступление Вяч. Иванова названо малопонятным, а доклад А.Блока – "поэтической погрешкой". На вырезке рукой В.Эрна написано: «Очевидно Панкратов». Панкратов Александр Саввич (1872–1922) – журналист, писавший очерки на религиозно-общественные темы.

1036

Вяч. Иванов прочел доклад "О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания", который был опубликован // "О Вл. Соловьеве. Сборник первый."

1037

"О Вл. Соловьеве. Сборник первый. ". М., Путь, 1911.

1038

Вл. Эрн прочел доклад "Вл. Соловьев как философ", который стал первой главой его работы "Гносеология В. С. Соловьева" // "О Вл. Соловьеве. Сборник первый. Там же были опубликованы доклады А.Блока "Рыцарь-монах" и доклад Н.А.Бердяев "Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева".

1039

Интересно сопоставить мнение В. Эрна с оценками других лиц,
Страница 523

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах присутствовавших на вечере.

Вот как оценила М.К.Морозова в письме Е.Н.Трубецкому в Рим прочитанные доклады: "Была масса народа. Недурны были доклады Вяч. Иван<ова> и Бердяева, Блока – ерунда, а Эрн бледно". «Наша любовь нужна России...» Публикация А.Носова //Новый мир, 1993, №10, с. 185.

С.Соловьев 18.02.1911 писал А.Белому: "Был вечер Владимира Соловьева в Религиозно-философском обществе. Эрн читал про профессора Введэнского и демонов. Вячеслав развел что-то гносеологически-педерастическое."

Из письма Т.А.Тургеневой – А.А.Тургеневой от 11 февраля 1911: <...> Вчера была на торжественном Владимиро-Соловьевском заседании. Вяч. Иванов гнусил, гнусил, я ничего не поняла. Бердяев читал так длинно и так страшно высывал язык, что я чуть не заснула. Эрн читал очень вежливо и выпил три стакана воды. Потом выел Михаил Иванович, поправил пэнснэ и прочел очень хорошую статью Блока, который не приехал, п<отому> ч<то> свернул себе шею, но что смешно, что в день заседания Мих<аил> Ив<анович>, когда проснулся, не мог повернуть голову, у него сделалось то же самое, но к вечеру прошло. В общем было скучно."

Из п. М.И.Сизова – Андрею Белому от 11.02.1911: <...> Блок заболел и совсем не приедет. <...> Вчера Соловьевский вечер прошел без заметного подъема. Народа было много. Блок заболел и не приехал, его реферат "Рыцарь-Монах" читал я. Были два молодых патера. Они заинтересовались взглядом Бердяева на различие церквей Зап<ада> и Вос<тока> и невозможность их соединения. Различие это он приводел к образам Иоанна и Петра в "Трех разговорах". Они сказали, что различие действительно таково. Сегодня один из них просил <разрешения> прийти к Бердяеву еще поговорить."

Из п. от 12.02.1911 Т.А.Рачинской своему мужу, Г.А.Рачинскому, который в это время находился в клинике нервных болезней в Риге: "<...> Я уверена, что Булгаков, а вероятно и еще другие уже написали тебе о Соловьевском заседании все подробно и основательно. Очень жаль, что не приехал Блок и потому его реферат в чтении Сизова выел менее интересным. Понравился нам Эрн; Вяч. Иванов интересно и довольно понятное читал. Но не было его обыкновенного подъема духа. Бердяев уж очень длинно и не приготовившись, т.е. уж очень тянул и повторялся."

Из п. С.П.Боброва – Андрею Белому от 16.02.1911.: "<...> 10-го в Политехническом музее был вечер, посвященный амяти Владимира Соловьева. Говорили Эрн, Бердяев, В. Иванов, Блок (собственно он не говорил, а читали его доклад, сам он не приехал), я на этом вечере не был, а вох популиш говорит приблизительно следующее: Эрн – бессодержателен был, Бердяев длинновато и больше о себе, чем о Соловьеве, Вяч. Иванов очень интересен. Блок тоже."

Из п. А.С. Петровского – Г.А.Рачинскому от 16.02.1911: "<...> Самым крупным событием был за последние дни приезд Иванова и Соловьевский вечер. Блок был болен и не приехал, реферат его – далеко лучший из всех прочитанных, потрясающий священной правдой и прямоотой, поистине достойный и Блока и Соловьева – прочитан был за него Сизовым. Доклад Иванова неважен, вял, разбросан, бескрылый; Эрн очень слаб: роковая неспособность освободиться от гимназических пристрастий, гимназическая же незрелость, злоупотребление "Тремя свиданиями", совершенно беспомощное; затем полуторачасовая речь Бердяева, талантливая, во многом справедливая (напр<имер>, в отрицательном отношении к "унии" церквей). Полный зал, полный сбор. ...>"

Из п. М.И. Сизова – Г.А. Рачинскому от 17.02.1911: "<...> Из московских "событий" можно упомянуть лишь о заседании в память Соловьева. Блок не приехал, и его доклад читал я. Любопытно: он не приехал потому, что у него такие ревматические боли в шее сделались, что он не мог головы повернуть, у меня накануне заседания та же самая история, и я едва размялся, намазавшись

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках. Особенного подъема не было на заседании. Речь Бердяева заинтересовала двух бывших на нем католических патеров, они подошли к нему после заседания и разговаривали довольно долго. Сказали, что разница между церквями именно та, как он сказал. Один из них был на другой день у Бердяева на дому. Иванов был в Москве недолго, уехал через день."

Все приведенные здесь фрагменты опубликованы //Блок в неизданной переписке и дневниках современников. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М. 1982. С.379–381.

1040

Герцык Е.К. и Герцык А.К.

1041

Бородаевский Валериан Валерианович (1874–1923) – поэт, примыкал к "неоклассическому" течению, сложившемуся в рамках символизма, находился под сильным влиянием Вяч. Иванова.

1042

ОР РГБ ф.171.7.1а, лл. 36–37об. Пчт. шт. отпр.: 27.02.1911.Рим.

1043

Видимо, речь идет о следующем эпизоде: 12–18 октября 1905 г. в Москве проходил учредительный съезд партии конституционалистов-демократов, в котором участвовал Е.Н.Трубецкой как лидер "партии мирного обновления". Не желая быть избранным в руководящие органы партии к.-д., он покинул съезд до начала голосования.

1044

В начале 1911 г. министр народного просвещения Л.А.Кассо совместно с премьер-министром П.А.Столыпиным издал от имени Совета Министров распоряжение, временно запрещающее собрания в стенах высших учебных заведений, что означало не только прекращение разрешенных ранее сходок, но и ликвидацию всех легальных студенческих организаций. Ответом был протест в самых широких студенческих и профессорских кругах. Перед дверями аудиторий становились группы студентов, которые не пропускали "срывателей", студенты, желавших слушать лекции. После рождественских каникул волнения вспыхнули с новой силой. На территорию университетов была введена полиция. 28 января 1911 г. в знак протеста ректор Московского университета А.А.Мануилов, проректор П.А.Минаков и помощник ректора М.А.Мензбир подали в отставку. В ответ 2 февраля высочайшим указом они были не только уволены со своих постов, но и отрешены от должности профессоров. В знак солидарности с ними 3 февраля подали в отставку профессора: В.И.Вернадский, Н.А.Умов, В.А.Хвостов, С.А.Чаплыгин, Г.Ф.Шершеневич, Д.М.Петрушевский, А.А.Эйхенвальд, И.П.Алексинский; приват-доценты: Ф.Ф.Кокошкин, А.А.Кизеветтер, В.И.Сыромятников, П.Н.Сакулин, В.И.Полянский, Г.В.Вульф, Н.В.Давыдов, А.Э.Вормс, Н.К.Кольцов, И.А.Кистяковский, Н.Н.Шапошников, А.А.Боровой, Г.И.Россолимо, А.В.Цингер, М.К.Гернет, Д.Ф.Синицын, В.М.Устинов, А.В.Кубицкий, Н.Д.Виноградов (см. "Русские ведомости", 4 февраля 1911). П.И.Новгородцев и С.Н.Булгаков подали прошение на другой день (см. там же, 5.02.1911). В последующие несколько дней отставки продолжались. Соппротивление студентов шло до конца февраля. К концу марта забастовка почти везде закончилась, сломленная государственным насилием и репрессиями студентов, участвовавших в беспорядках, митингах и публичных протестах. См. Носов А. Примечания к публикации «Наша любовь нужна России» // Новый мир. 1993, № 10.

1045

1046

Архив Эрна, частное собрание. Публикуется по автографу.

1047

ОР РГБ, ф.171.3.4, лл.11–12об.

1048

Четвериков С.И.

1049

Котляревский С.А.

1050

Открытое письмо русских промышленников:

"Бывают моменты в жизни общества, когда его молчание может быть истолковано как знак сочувствия. Не порочит людей уступка материальной силе. Иное поражение почетнее победы. Но отказ от всякой защиты дела в области права и правды, есть уже несомненный симптом поражения и разложения духовных сил общества.

Мы, нижеподписавшиеся, члены торгово-промышленной среды, в сознании того огромного значения, какое имеет в сфере нашей деятельности высшее образование, не считаем себя в праве молчаливо присутствовать при том распадении высшей школы, которому нам приходится быть свидетелями.

Мы являемся убежденными сторонниками необходимости настойчивой и непреклонной борьбы со студенческими забастовками, но полагаем, что борьба эта не может вестись средствами, которые затрагивают в корне все существование высшей школы.

Нелепые, а подчас даже преступные приемы насилия и обструкции, к которым ныне прибегает кучка фанатиков, не могут класть клейма на те мотивы, которые легли в основание отношений к учащейся молодежи, не могут стать точкой отправления и оправдания всех мероприятий, на которые, видимо, ныне решилась правительственная власть.

Молодежь вообще, а русская интеллигентская в особенности, чрезвычайно чутка к вопросам права и правды и ни на что так быстро не реагирует, как на нарушение таковых. Это ее свойство, давая ей подчас выдающуюся моральную силу, дает, вместе с тем, каждому желающему руководствовать ею верное указание того пути, которого следует держаться.

Революционная волна среди нашей учащейся молодежи уступила за последние годы несомненному стремлению отдаться делу учения. Можно с уверенностью сказать, что еще несколько месяцев назад подавляющие массы студентов были совершенно чужды мысли о каком-либо активном протесте.

Если эти протесты в силу последних мероприятий правительственной власти в сфере высшей школы, ныне состоялись и вылились в резкую, подчас даже антикультурную форму, то неужели со спокойной совестью можно самую высшую

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах. Школа делать объектом воздействия. Нет, в великом деле народного строительства гнев плохой советчик, и одними приемами материальной силы не улаживаются конфликты, так глубоко затрагивающие духовные силы русского народа.

Плохую услугу оказывает обществу правительству и стране, когда в моменты их духовного разлада оно своим молчанием дает правительству повод думать, что за ним моральная поддержка страны.

Следует 66 подписей, среди которых С.И.Четвериков, А.И.Коновалов, П.П.Рябушинский. //Русские ведомости. 13.02.1911.

1051

Яковенко Борис Валентинович (1884–1949) – философ, историк философии, публицист. Учился в Германии у Виндельбанда и Риккерта. В 1910 возвратился в Россию, был сотрудником русского отделения международного журнала "Логос", тогда же опубликовал программную статью «О задачах философии в России» // Русские ведомости. 1910, № 98. Выступал как пропагандист новейших результатов европейской философии и ее историк, оппонент участников МРФО и «Пути». В своих многочисленных публикациях, содержащих острую критику идей Бердяева, Булгакова, Флоренского, Эрн, он определял философию как научную дисциплину, содержание которой свободно от действия каких либо внефилософских мотивов (в том числе религиозных). Сущее "вовсем своем целом, во всех своих деталях, во всех своих обнаружениях" – вот высшая цель философии. В 1912 за участие в революционном движении (на стороне эсеров) был арестован, содержался в одиночной камере Бутырской тюрьмы. В 1913 вновь уехал в Европу, жил в Италии, близ Генуи, затем в Риме, где работал в русском посольстве, занимался преподавательской и публицистической деятельностью, в 20-е годы издавал журналы «Ла Руссия нуоваш», «Дер руссисцхе Геданкеш», с 1935 по 1944 издал по-немецки серию монографий по современной европейской философии «Международная библиотека по философии».

1052

По предположению А.Носова (Новый мир, 1993, № 10) речь идет о докладе Б.В.Яковенко, который так характеризуется Э.Метнером в письме к Андрею Белому: "Он прочел реферат, <...> где высек жестоко Эрн, но, конечно не прямо, а косвенно; были ожесточенные прения, и наши обскуранты (Бердяев, Эрн) договорились до цредо эуиа абсурдум естш, до мыслей типично инквизиционно-иезуитски-католических; нет, уж знаете, тогда лучше на стороне Когена, ибо в этом возмутительном рабском догматизме больше жидовства, чем в сдвинутом со своих арийских скреп кантианстве Когена".

1053

Кривошеин А.В., см. о нем в примеч. к п. № 252.

1054

Е.Голлербах опубликовал полицейский документ, содержащий политическую характеристику деятелей МРФО и "Пути": "Пока "путейцы" представляют чисто идейную группу и являются правее кадет. Сперва в среде кадет были только две группы, да и те не слишком резко отличались друг о друга: левые кадеты с Милюковым во главе, и правые с Петром Струве. Более резкий раскол в среде кадет начался в 1909 г., когда выел известный сборник "Вехи". Это был раскол не только на почве тактики, но глубокий идейный разрыв. С тех пор эволюция вправо шла, не останавливаясь. Многие полагают, что "путейцы" это те же "веховцы". Но в действительности это не так. После сборника "Вехи" все издания "Пути" – дальнейшие шаги вправо. Все эти явные признаки эволюции вправо в чисто идейном отношении должны неизбежно, и притом в ближайшем времени, привести к практическим последствиям –

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах обоснованию конституционно-демократической партии на новых началах и в том именно направлении, которое делает возможным сближение ее с правительством <...> Хотя новая идейная группа находится в настоящий момент в стадии своего формирования, но уже ясно и сейчас, что она явится элементом в радикальном переформировании традиционной интеллигентской идеологии. С дальнейшим ростом этой группы и с усилением ее влияния на общество – она может даже оказаться разлагающим элементом крайних течений и союзником государства и церкви. Во главе этой группы стоят лица, пользующиеся безусловным авторитетом в интеллигентских кругах, – и это не может не оказать влияния на изменение отрицательного отношения в этих кругах к церкви, патриотизму, национализму, вопросам государственной обороны, экономическим реформам пока без всяких социалистических увлечений." Е. Голербах. Религиозно-философское издательство "Путь". // Вопросы философии. 1994, № 2, примеч. 40, 213.

1055

Архив Эрна, частное собрание. Публикуется по автографу.

1056

Герцык А. К.

1057

Впервые опубликовано с комментариями А. Носовым // Новый мир, 1993, №10.

1058

Доклад Б. В. Яковенко в МРФО: "Об имманентном трансцендентализме, трансцендентном имманентизме и дуализме вообще" // Логос. Кн. 2–3, 1912–13.

1059

Речь на заседании памяти Вл. Соловьева.

1060

Баадер Франц Ксавер фон (1765–1841) – немецкий религиозный философ-мистик, врач, естествоиспытатель, представитель философского романтизма и неортодоксального католицизма.

1061

Согласно комментариям А. Носова в газетном отчете о докладе В. Эрна не приводится утверждения Эрна об "открытии" Вл. Соловьевым Софии.

1062

Трубецкой Е. Н. "К уходу профессоров (Письмо в редакцию)", Речь, 23.02.1911.

1063

Е. Н. объяснил коллективную отставку профессоров как "протест против всякой политики в университете" и возлагал ответственность за нее поровну на "на революционные комитеты и на правительство".

1064

"Из Рима мы с братом ездили в Сицилию, которую объехали кругом по железной дороге, останавливаясь в разных местах. В Неаполе мы вновь встретились с

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках наших родителями и сестрой. Проведя некоторое время в окрестностях Неаполя и на Капри, мы – с остановкой в Сиене – проехали во Флоренцию" Трубецкой С.Е. Минувшее, с. 72.

1065

Мф. 24, 8; Мк 13, 8; намек на наступление "последних времен" перед приходом Антихриста, а затем Вторым пришествием Иисуса Христа.

1066

ОР РГБ ф.171.3.4., л.4. Б.д., датируется по контексту.

1067

Речь идет о о научной командировке в Италию на два года.

1068

Ранее полностью опубл. с комментариями А.Носовым //Новый мир, 1993, № 10. При считывании с оригиналом обнаружены некоторые разночтения.

1069

Бюджет Психологического общества на 1909 г. составлял 4060 р. 84 к., из которых М.Морозовой внесены 3000 р; в контору журнала ВФП выдано 3741 р., то есть почти все расходы по изданию журнала покрывались М.К.М. См. ВФП, 1910, № 102, с. 195–196.

1070

Лопатин Л.М. философские характеристики и речи. М., Путь. 1911. Книга вышла в марте.

1071

Архипова Сусанна Михайловна – секретарь издательства "Путь".

1072

шОР РГБ ф.171.7.1а. л.64. Телеграмма из Флоренции в Москву; оригинал по-французски. Одновременно Е.Н. отправил телеграмму М.К.Морозовой: 25.03.1911. МОСКВА. ПРЕДИСЛОВИЕ БУЛГАКОВА НЕПРИЕМЛЕМО. ПОШЛАЮ ПОЛНОСТ`Ю ИЗМЕНЕННЫЙ ТЕКСТ (оригинал по-французски). //Новый мир, 1993, №10, с.199.

1073

ОР РГБ ф.171.9.6, л. 1–2об. Ранее частично опубликовано //Новый мир, 1990, № 7.

1074

Ранее опубликовано с комментариями А.Носовым //Новый мир, 1993, № 10, с. 199.

1075

Ср. Кн. Евгений Трубецкой. Крушение теократии в творениях В.С.Соловьева. //Русская мысль. 1912, № 1

1076

Имеется в виду слова ап. Петра, сказанные им Иисусу Христу на горе Фавор во время Преображения, когда рядом с преобразившимся Иисусом предстали пророки Илья и Моисей: "Равви, хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: Тебе одну, Моисею одну, и одну Илии." (Мк. 9. 5).

1077

ОР РГБ, ф.171.

1078

Шуман Роберт(1810-1856) – немецкий композитор. В 1834 г. вместе с группой молодых друзей-единомысленников он начал издавать «Новую газету», которая ставила своей целью развивать художественный и музыкальный вкус читателей, выдвигая и поощряя молодые таланты и в то же время сохраняя традиции немецкого музыкального классического наследия; кроме того публицистика «Новой газеты» стремилась подавлять устаревшие понятия в искусстве, «уничтожать бесталанных, дюженных талантов и талантливых многострочителей, трех архиврагов искусства». Шуман выступал в газете под несколькими псевдонимами, от имени целой группы друзей, знатоков искусства: «мягкий, тонко одаренный Евзебий старается все смягчить и во всем отыскивает что-нибудь хорошее; пылкий, резкий Флорестан с необыкновенной чуткостью находит все недостатки, призывает побить филистеров, музыкальных и прочих <...> "Время обоюдных любезностей пришло к концу, мы сознаемся, что ничего не сделаем для его возрождения. Кто боится нападать на дурное, защищает хорошее лишь наполовину"». Соединяет и примиряет их спокойный, разумный Мейстер Раро, к которому они обращаются за решением своих споров. Описывая подробно их внешность вплоть до костюма, Шуман тонкими штрихами очерчивает их характер, упоминает об их привычках, в которых читатель угадывает самого автора. Встречаясь на концертах, в салонах они часто высказывают противоположные суждения о новых музыкальных произведениях, спорят, переубеждают друг друга. Цит. по: Давыдова М.А. Шуман. СПб., 1892 // Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. Переизд. Челябинск. Урал. 1995. н.ф. Христианович. Письма о Шопене, Шуберте и Шумане. М., 1872. Вероятно, эти две книги и прочитала М.К.

1079

Через неделю М.К. Морозова в письме ближайшей подруге-наставнице Е.И. Полянской пишет:

<6.04.1911. Ялта –Галич, Костромской губ.>

<...> Я массу читаю и особенно хорошо говею. Так много молюсь, плачу и испытываю большое умиление души! Что бы было на свете, если бы Христос не зажег нам своего светильника! Сердце кровью обливается при одной этой мысли! В моих делах с Ж-еней> что-то новое и меня очень интригует. Он наверное почувствовал, что слишком меня измучил и написал сам очень "двусмысленное письмо". Он его адресовал в Алупку и, испугавшись, что я не получу этого письма, даже телеграфировал, что отправил лучшее письмо в Алупку. Я думала, что это будет кульминационный пункт нравоучений, но оказалось – наоборот! А он назвал его лучшим, следовательно надо думать, что оно сознательно. Нарочно выпишу Вам, слово в слово, главный пассаж из этого письма. – Сначала он говорит, что в письме не может излить всю нежность ко мне, а делает это при свидании и затем такая фраза: «При свидании я тебе скажу на ушко, чтобы никто, никто на свете не слышал, а только ты, да я. Ты никому не расскажешь, что я тогда тебе скажу и в чем признаюсь (который раз!); а я ничего не расскажу, что ты мне ответишь! Давай условимся так, по рукам что ли, а?»

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Как Вам нравится это, моя дорогая, какой Дон Жуан! Что он со мной делает! В итоге скажу, что если это будет действительно так, то он меня этим всем так разжигает, так доводит до белого каления и так горячие чувства, что я не знаю до чего я дойду. Никакого уменьшения с моей стороны быть не может! Я чувствую, что это все будет признание в своей любви и страсти, аборьбаиупорствобудут продолжаться! Спокойно насладиться и нарадоваться он мне не даст. Одно я теперь думаю, что встречане будетсдержанной! Он еще пишет, что в нем «страсть кипит и клокочет». Видите как! Потом еще: «Милый ангел, не к мраку я тебя зову, а предлагаю тот единственный путь к весне, в который я верю!» Это он говорит, что без креста и страдания нет радости Воскресения. Потом еще: «как я хочу, чтобы твои страдания расцвели в весну и превратились в радость». Видите как пишет негодный! Ну, разве это не называется соблазнять человека? Мучит меня нравочениями, заставляет от жизни отказываться, а потом так соблазняет! Вы можете себе представить, в каком градусе чувств! Всеми силами стараюсь себя сдерживать, но иногда не в силах! – Сейчас иду исповедоваться! Прошу Вас, моя дорогая, золотая, от всей души простите меня за все! Помните только, что Вы мой лучший друг, что я это понимаю и безгранично благодарна за все. Целую.

Ваша М.

ОР РГБ ф. 171.3.10, л. 21–22об.

1080

На бланке, датировано по пчт. шт.

1081

По сведениям Е.Голлербаха наборщики и печатники типографии Мамонтова были возмущены плохой правкой В.Эрна гранок книги Л.Лопатина и необходимостью перенабора и перепечатки многих листов.

1082

Ранее частично опубл. А.Носовым //Новый мир, 1991, № 7.

1083

ОР РГБ ф.171.7. Ранее опубликовано с теми же купюрами: "О народе-Богоносце я скажу вот что!...". Полемика кн. Е.Н. Трубецкого с неославянофилами. //Русская мысль. 10.08.1990 – 17.08.1990. Публикация, предисловие и примечания В.Кейдана. Опубл. также с коммент. А.Носовым //Новый мир, 1991, №7.

1084

Россия, Россия превые всего! (нем.). Парафраза первой строки немецкого национального, а с 1922 г. государственного, гимна на слова Гоффманна фон Фаллерслебена: Деутсчланд, Деутсчланд юбер аллесш! (Германия, Германия превые всего!)

1085

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.136, открытка в Симбирск

1086

ОР РГБ, ф. 171.1.5. Датируется по пчт. шт., отпр., написано на бланке издательства "Путь".

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
1087

С.А.Котляревский не ушел в отставку протеста вместе с большинством преподавателей Московского Университета, но пожертвовал 1000 рублей для поддержки нуждающихся.

1088

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, лл.136–137об. Из Москвы в Симбирск.

1089

28 апреля 1911 в Рим вместе с В.Ф.Эрном приехали Е.Д.Эрн, их дочь Ирина, Н.С.Богатурова с дочерью Надей.

1090

Н.А.Бердяев находился в трудном материальном положении и активно занимался возвращением родительской усадьбы.

1091

23.04.1911 г. П.А.Флоренский был рукоположен епископом Волоколамским Феодором в сан диакона, а на следующий день. – в сан священника.

1092

М.А.Новоселов.

1093

ОР РГБ ф.171.7.1б. лл.24–25об.

1094

Архив Эрна, частное собрание, ф. Булгакова, лл. 9–10.

1095

Е.К.Герцык

1096

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л.139. Из Москвы в Симбирск.

1097

27 июля 1909 г. умер младший сын С.Н.Булгакова Ивашечка. Это событие стало основой глубокого духовного кризиса, определившего во многом дальнейшую жизнь философа. См. п. № 117.

1098

ОР РГБ ф.171.7.1в. лл. 44об.–45.

1099

См. выше:Трубецкой Е.Старый и новый национальный мессианизм...

1100

С.Булгаков.

1101

ОР РГБ ф. 171. 3.6а, л.л. 118–119об.

1102

Кюльпе Освальд (1862–1915) немецкий философ и психолог, представитель критическоо реализма, один из руководителей Кантовского общества в Бонне. Письма к Кюльпе в архивном фонде Морозовой не найдено.

1103

Господин профессор или господин тайный советник.

1104

ОР РГБ. ф. 171. 3.6а, л.л. 120–122.

1105

«Старый и новый национальный мессианиззм».

1106

Эйкен Рудольф (1846–1926) – немецкий философ, лауреат Нобелевской премии по литературе 1908 г. М.К., вероятнее всего, читала русский перевод его книги «Дер Синн унд Щерт дес Лебенс», Леипзиг, 1904; («Смысл и ценность жизни». Харьков. 1911); или одну из следующих работ: «Дие Единчеит дер Геистеслебен ин Бещустсечен унд Тат дер Менсцччеит. Леипзиг, 1888; Дер Кампф ум еинен Геиситиген Лебенсинчалт. Леипзиг, 1896.

1107

Архив Эрна, частное собрание, ф. Булгакова, л. 6–8об.

1108

Федоров Н.Ф. философия общего дела. т. 1, Верный, 1906; т. 2. М. 1913.

1109

Леруа Эдуард. Догмат и критика. М. 1916. с. XIX+331. Вступительная статья Н.А.Бердяева «Догмат и современное сознание» – датирована: 15 сентября 1911. На обложке и титульном листе издательство не обозначено. На обороте титульного листа: Склад издания в книгоиздательстве "Путь". Москва, Мертвый пер., 19.

1110

ОР РГБ ф.171.7.2а, л. 20,об. Пчт.шт.отпр.: 11.01.1912.

1111

ОР РГБ ф.171.7.1в. л. 48–49об.

1112

Архив Эрна, частное собрание, ф. Булгакова, л. 34.

1113

ОР РГБ, ф.171.3.66, л.5, б.д., датируется по содержанию.

1114

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, лл. 155–156об. В Симбирск.

1115

Журнал "Современный мир" издавался в Петербурге с 1892 по январь 1918 (до октября 1906 под названием "Мир Божий"), придерживался умеренно оппозиционного направления. Руководили журналом А.И.Богданович и Ф.Д.Батюшков.

1116

Бердяев Сергей Александрович (1860–1914) – старший брат Н.А.Бердяева, литератор, поэт, страдал нервно-психической болезнью. Н.А.Бердяев оплачивал его содержание в частной клинике.

1117

Вскоре после приезда супругов Бердяевых и Е.Ю.Рапп в Рим они получили известие из Киева о болезни матери Н.А.. Приехавшая к ним в феврале 1911 г. Е.К.Герцык пишет: "Я застала их в Риме–перед этим они долго прожили во Флоренции, объехали маленькие городки <...> Но все бывает не так, как ждешь. Праздника наслаждения Италией с другом–нет. Я опоздала. Два-три месяца он переживал, выпитывал ее с ему одному свойственной стремительностью, потом щелкнул внутренний затвор, отбрасывая впечатления извне, рука потянулась к перу–писать, писать... А из Киева тревожные письма о болезни матери, о запутанности денежных дел этой обнищавшей и избалованной семьи. которая привыкла к тому, что "Коля" выручит из всех бед, телеграммы, требующие его возвращения, а здесь–слезы жены, возмущенной эгоизмом стариков: нарушить так трудно давшуюся ему передышку... Мы зажали не по-туристски тревожно. Просыпаюсь утром не отдохнувшая после позднего сидения вечером и спешу опять к нервно озабоченному Николаю Александровичу, разговорить его тревогу, вдвоем пьем кофейную бурду с темными хлебцами (живем в бедном пансионе). Потом идем–не ждем медленных сестер–идем разыскивать мозаики по старым базиликам..."Е.К.Герцык.Николай Бердяев //Бердяев Н.А. Самопознание. М.,1991, С.360–362.

1118

Новоселов М.А. Григорий Распутин и мистическое распутство. М. 1912. «Брошюра печаталась в начале 1912 г. в Москве, распоряжением властей набор был рассыпан и тираж конфискован – тем не менее и печатные, и машинописные копии ходили по рукам.. Брошюра имела те же источники, что и синодальное дело, в частности, доносы священников из Покровского, возможно, что Новоселов как миссионер имел доступ и к самому "делу"». Цит. по: А.Амальрик. Распутин. М., 1992. В этой брошюре Новоселов, в частности, рассказывает, как Распутин в принесенные ему книги Соловьева «посмотрел да и сказал: "Да, человек он хороший... Он свое, а я свое... Но... профессор профессора судить не может"». Цит. по: Эткинд А. Содом и психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М. 1996. С. 379.

1119

Пророчество Булгакова сбылось: М.А.Новоселов примет в конце 30-х годов мученическую смерть в сане епископа Катакомбной Православной Церкви.

1120

На первой неделе Великого поста.

1121

Архив Эрна, частное собрание, ф. Булгакова, л. 35.

1122

С лета 1911 года Н.Бердяев пытается спасти от продажи семейное имение Бабаки с торгов за долги. Одновременно ухудшается здоровье отца и брата. В письме матери он сообщает: "Доктор лечебницы написал мне, что Сергею не хорошо, что скоро кончается срок платы и что нигде не соглашаются его держать в кредит. Меня это так взволновало, что я достал в Харькове через Ирину Васильевну 75 р. и завтра отправлю деньги директору лечебницы за месяц Сережиного лечения. Но эти 75 р. нужно будет вернуть, а через месяц опять деньги доставать. Очень меня это беспокоит" Цитируется по: А.Вадимов. Жизнь Бердяева. Берkeley Славич Специалниес. 1993. с. 135.

1123

Ранее Б.Яковенко в письме Э.Метнеру от 8.05.1911 просит: «Напишите о том, как решается вопрос о переводе диалога Бруно "Де ла цауса принципия е уна". Мне бы очень хотелось перевести его... В этом диалоге ... наиболее философским способом и наиболее полно изложено учение Бруно о мире, познании и сущем. Что Бруно – пантеистический мистик, в этом трудно сомневаться. И потому было бы в высшей степени желательным иметь его в серии мистиков <изд. "Мусагет" – i>В.К.> как представителя особой мистики». Цит по: Булгаков С.Н. Свет невечерний. Подготовка текста и комментарии В.В.Сапова.М., 1994. С. 382. Впоследствии издан Бруно Джордано. Изгнание торжествующего зверя. Перевод с итальянского Б.Яковенко. Спб., 1914.

1124

"Об имманентном трансцендентализме, трансцендентном имманентизме и дуализме вообще".

1125

19.02.1912. Е.Н.Трубецкой выступил на открытом заседании МРФО с докладом: "Старый и новый национальный мессианизм", где подверг критике своих коллег по издательству за привнесение темы "избранности России" в философию //Русская мысль. 1912, №3, с. 82–102.

1126

Архив Эрна, частное собрание, ф. Булгакова, л. 36.

1127

"...Назревает раскол с "Путем", с московскими православными. Рвутся цепи благочестия, смирения, наложенные им на себя. Боль от еще не пробившейся к свету своей правды – канун ослепительных молний. Глазами вижу эту боль: бледная, с длинными ногтями рука – рука мыслителя, не человека земных дел – чаще обычного судорожно впивается в медный набалдашник трости... Трещина между Н.Бердяевым и московским издательством все шире. обмен враждебными письмами; он спешит закончить монографию о Хомякове, деньги за которую давно прожиты, строит планы отъезда на зиму за границу с женой и ее сестрой

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках на родину творчества, в Италию, добывает деньги, закабаляет себя в другом издательстве, где просто толстая мошна, коммерция, где не станут залезать в его совесть...". Е.К.Герцык. Николай Бердяев. Там же, с. 360.

1128

ОР РГБ, ф.171.3.6б, лл. 11–13об., б.д., датируется по содержанию.

1129

Леонтьев К.Н. О В.Соловьеве и эстетике жизни... М., 1912 // Творческая мысль, с. 40.

1130

ОР РГБ ф.171.7.2а, лл.27–29. Пчт.шт.отпр.: 26.02.1912., ст. Пятовская. В Москву.

1131

Эту трактовку протестантизма С.Булгаков развивает в работе "Современное арианство" (Из этюдов о религии человекобожия), первая глава которого так и называется "Профессорская религия" //РМ, 1910, №10. Позже опубл. в сб.: С.Булгаков. Тихие думы. Из статей 1911–1915 гг. М., 1918. С. 146–202.

1132

итата из стихотворения В.Соловьева, см. примеч. к п. № 237.

1133

"Если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви. Если же некоторые из ветвей отломались, а ты, дикая маслина, привился на место их и стал общником корня и сока маслины, то не превозносишь перед ветвями. Если же превозносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, но корень тебя." (Рим.11,16–18).

1134

Архив Эрна, частное собрание, ф. Е.К.Герцык, лл.1

1135

ОР РГБ, ф.171.3.5, л.175, б.д.

1136

Архив Эрна, частное собрание, ф. Аскольдова, лл.5–6об.

1137

Архив Эрна, частное собрание, ф. Булгакова, лл.37–39об.

1138

Произошла ошибка в выборе предмета (лат.).

1139

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Архив Эрна, частное собрание, ф. Е.К.Герцык, лл.1–5. без конверта, год
установлен по контексту, место написания – предположительно.

1140

Из воспоминаний Е.К.Герцык: "Когда же наши пристрастия из книжных превратились в живых людей, и Ильины стали встречать у нас Волошина, Бердяева, Вяч. Иванова, стало плоше: с неутомимым сыском Ильин ловил все слабости их, за всеми с торжеством вскрывал "сексуальные извращения". И между нами и Ильиным прошла трещинка, вражда, сменявшаяся опять моментами старинной дружественности. Способность ненавидеть, презирать, оскорблять идейных противников была у Ильина исключительна, и с этой стороны знали его москвичи тех лет, таким отражен он в Воспоминаниях Белого. Ненависть, граничащая с психозом" Герцык Е.К. Воспоминания. Париж, 1973, с. 154.

1141

Архив Эрна, частное собрание, ф. Аскольдова, лл.7–8об. Из СПб в Рим

1142

Ельчанинов А.В.

1143

Архив Эрна, частное собрание, ф. Булгакова, лл.40–45об. Из Москвы в Рим.

1144

Рецензия Б.Яковенко на книгу В.Эрна "Борьба за Логос" разгромного характера была опубликована в журнале "Логос" кн. 2–3, с. 296–298.

1145

Экземплярский был профессором Киевской духовной академии. Профессорам духовных семинарий и академий по уставу было запрещено выступать в светской печати. Ситуация усугублялась тем, что сборник статей, хотя и критических, был посвящен лицу, отлученному от Православной церкви.

1146

После пребывания в Оптиной пустыни и в скитах на Кавказе В. Свенцицкий вновь возвращается к религиозно-общественной жизни, присоединившись к христианско-социалистическому движению «Голгофские христиане», в которое входил Николай Клюев и Иона Брихничев. В этот период в частности ими был опубликован сборник «Н. Клюев». «Братские песни». (Книга вторая). Вступ. статья В. Свенцицкого. М., 1912, XI, 61 с. // История русской литературы конца XIX – начала XX века. Библиографический указатель.

1147

Архив Эрна, частное собрание, ф. Бердяева, лл. 5–6 об.

1148

Архив Эрна, частное собрание, ф. Бердяева, л. 11, открытка в Рим; на лицевой стороне изображена ветка вербы и надпись: Христос Воскресе.

1149

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Архив Эрна, частное собрание, ф. Бердяева, л. 8, открытка в Рим.

1150

ОР РГБ, ф.171.3.6а, л.37, б.д.

1151

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, лл.158–159об. Из Москвы в Симбирск.

1152

Архив Эрна, частное собрание, ф. Булгакова, лл.47–49об.

1153

Название одного из радикальных течений русского "низового" протестантизма, полностью отрицавшего православное предание вместе со всеми церковными и государственными институтами.

1154

О всех вещах познаваемых и о некоторых других (лат.)

1155

Чичерин Борис Николаевич (1828–1904) – русский философ, правовед, публицист, историк, один из виднейших представителей русского гегельянства, выступал как против позитивизма, так и против мистицизма в научной и философской деятельности.

1156

Б.Яковенко, "Русские Ведомости", 1912, № 158. "Логос", вып. 1–2.

1157

Яценко Александр Семенович (1877–1934) – юрист, философ, с 1907 – приват-доцент Московского университета, с 1909 – экстраординарный профессор Юрьевского университета по кафедре энциклопедии и философии права. С 1913 – профессор Петербургского университета. В эти годы А. С. Яценко готовит уникальный труд "Русская библиография по философии и религии с начала письменности и по наши дни" (около 100 печатных листов), часть которой (около 30 печ. лл.) была сдана весной 1918 г. в издательство "Путь". Судьба этой рукописи до сих пор неизвестна. Однако Яценко удалось опубликовать ее часть (по истории древней философии) в "Ученых записках Императорского Юрьевского университета", 1915. В ней учтено 2500 названий–книги и журнальные статьи с конца X III в. по 1914 г., наиболее значительные книги подробно аннотированы и снабжены указаниями на журнальные и газетные рецензии; материал расположен в хронологическом порядке, по философским школам с дробной систематизацией внутри разделов. См. о нем // Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. М., 1993, с. 215–216.

1158

Брошюра этого автора не была издана "Путем". Вероятно, здесь ошибка, и С.Булгаков имеет в виду изданную впоследствии работу Клере Рене, де. Математическое доказательство необходимости бытия Божия. Пер. с франц. проф. свящ. Д.В.Преображенского (под ред. проф. свящ. П.А.Флоренского). //Богословский вестник, 1915, т.1, №2, с.395–429.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
1159

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, лл. 161–164. Из Москвы в Симбирск.

1160

Брат С.Н.Булгакова, Алексей Николаевич, и его жена.

1161

Архив Эрна, частное собрание. ф. Лопатина, лл. 1–2об. Из Москвы в Рим.

1162

Редакционный комитет журнала "Вопросы философии и психологии".

1163

Статья так и не была опубликована в "Вопросах философии и психологии". Под названием "Природа мысли" она была опубликована в журнале "Богословский вестник", 1913, т.3, с.500–531; т.4, с. 803–843; т.5, с. 107–120.

1164

Ходатайство о продлении научной командировки.

1165

Архив Эрна, частное собрание, ф. Бердяева, лл. 9–10 об.

1166

О том же Бердяев пишет в письме Андрею Белому от 16.05.1912: "Внутренно неизбежен сделался для меня выход из редакционного состава "Пути". Я слишком далеко ушел от религиозного сознания, господствующего в "Пути", особенно от С.Н.Булгакова. Много говорил теперь со всеми в Москве, очень откровенно и интимно, и ушел без демонстративности, оставаясь сотрудником и сохранив хорошие отношения." Н.А.Бердяев. Письма Андрею Белому. Предисловие, публикация и примечания А.Г.Бойчука // Де вису, № 2, 1993, С.19. О выходе из редакции издательства "Путь" и отдалении от Московского РФО он пишет в другом письме Андрею Белому от 9.12.1912: "Я совсем ушел от всякой общности, от всяких выявлений и выступлений, от публичных споров, от религиозно-философского общества и проч/его/." //Новый журнал. №137, 1979, с.122. Ср. также оценку Булгаковым этого события в настоящей публикации:п. Булгакова Глинке(Волжскому) от 15.04.1912.

1167

"я совсем ушел от всякой общности, от всяких выявлений и выступлений, от публичных споров, от религиозно-философского общества и пр. Хочу только интимного общения в замкнутом кругу. Верю сейчас только в путь катакомбный. Часто вижу с Вячеславом Ивановичем <Ивановым>, <...> мы с ним спорим и противимся друг другу. Он настроен очень право-павославно. Со мной особенно стилизует на этот лад, держит сторону и Булгакова. Меня обвиняет в излишнем тяготении к штейнерианцам, в имманентизме, в люциферианстве и мн<огом> др<угом> <...>. Свою новую книгу решил не печатать в "Пути", так как слишком разошелся с духом путейским". Цит. по:Голлербах Е.//Вф, 1994, № 2, примеч. 114.

1168

Вдругом письме к Андрею Белому (май 1912) Бердяев писал: "За этот последний
Страница 539

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках
год вопрос о творчестве переживался мной как религиозная драма, и на этой почве во мне окончательно созрело новое сознание. Я верю глубоко, что наступает в мире третья религиозная эпоха, эпоха творчества, откровения человека как творца и идет на смену эпохам ветхого завета, откровения закона, и нового завета, откровения искупления. Эту весну я переживал очень трудное для себя время и вместе с тем небывалый творческий подъем духа. Внутренне неизбежен сделался для меня выход из редакционного состава "Пути". Я слишком далеко ушел от религиозного сознания, господствующего в "Пути", особенно от С.Н. Булгакова." Там же, с. 121.

1169

Муратов Павел Павлович(1881–1950) – прозаик, историк, искусствовед, издатель, автор книги "Образы Италии" (1911–12; 1924), которая заново открыла для русского читателя страну классического европейского искусства. Б.Зайцев через много лет писал: "Вскоре и он попал в Италию и так же, как мы, навсегда попался. Это была роковая встреча: она внесла его имя в нашу культуру и литературу – в высокой и благородной форме. Три тома "Образов Италии" посвящены мне "в воспоминание о счастливых днях". В этом сходились мы вполне: для обоих лучшие дни были – Италия, а его слова относятся к 1908 году, когда вместе жили мы и во Флоренции, и в Риме. Во Флоренции, в том самом "Алберго Нуово Цорона д'Италия", который открыли мы с женой еще в 1904 году. (Существует и сейчас, и даже очень процвел.) Оттуда вместе ходили смотреть "Ведова аллегра" в Политеама Назионале через улицу, за гроши видели знаменитого комика Бенини, вместе помирали со смеху. Под Римом солнечный ноябрьский день с блаженной тишиной Кампаньи проводили на вилле Адриана, на солнце завтракали, запивая спагетти, сыр прохладным фраскатти. <...> Рядом стоял осел и мило-бесстыдно ревел от избытка сил. Вдали, за серебристыми оливками, в голубовато-златистом тумане сияли горы. Да есть чем помянуть... Правда, "счастливые дни" – были они счастливы и в 1911 году опять в Риме (где с Павлом Павловичем и его женой Екатериной Сергеевной – вместе мы встречали Новый год). "Образы Италии" и явились плодом этих дней. Их корни в итальянской земле – как все существенное, они рождены любовью. Успех образов был большой, непререкаемый. В русской литературе нет ничего им равного по артистичности переживания Италии, по познаниям и изяществу исполнения. Идут эти книги в тон и с той полосой русского духовного развития, когда культура наша, в некоем недолгом "ренессансе" или "серебряном веке" выходила из провинциализма конца XIX столетия к краткому, трагическому цветению начала XX-го". //Зайцев Б. Мои современники. ОПИ. Лондон. 1988. С. 160-161.

1170

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, л. 166, открытка из Кореиза в Симбирск.

1171

ОР РГБ ф.171.7.26. л.4. Пчт.шт.отпр.: 12.06.1912., ст. Пятовская; из Бегичева в Москву.

1172

Е. Трубецкой был селекционером-любителем и вывел весьма урожайный и морозоустойчивый сорт ржи, которая в это лето сильно пострадала от града.

1173

Участники философского семинара по В.С.Соловьеву, который вел Е.Н.Трубецкой в Университете Шанявского.

1174

Успенский Леонид Васильевич – философ, участник "соловьевского" семинара по проблемам этики, руководимого Е.Н. Трубецким в Университете Шанявского, один переводчиков трудов Фихте (М., Путь, 1914); впоследствии профессор

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах юридического факультета Среднеазиатского Университета (Ташкент).
«Небольшого роста, приземистый, сильно сутулый (настоящий конек-горбунок), с большим лбом, который казался еще больше от лысины, и прекрасными синими глазами, выступал всегда очень живо, захлебываясь, плюясь, но ярко и эмоционально». Фиолетова Н.Ю. История одной жизни. Публикация и предисловие В. Кейдана. // Минувшее. Исторический альманах. Т. 9. Париж. 1990.

1175

Кечекьян Степан Федорович (1890–1963) – правовед, философ, ученик Е.Трубецкого по семинару в Университете Шанявского (см. предыд. примеч.), один из переводчиков трудов Фихте, изданных в "Пути"; там же вышла книга: Кечекьян С. Этическое мирозерцание Спинозы. Путь. М. 1914. С. XI +337. Впоследствии – профессор МГУ по кафедре философии советского права.

1176

Устрялов Николай Васильевич – историк, политический деятель, участник семинара Е.Н.Трубецкого; в эмиграции стал одним из основателей и идеологов движения "смена вех".

1177

Намек на евангельскую притчу о жестоком домоправителе, которому должник говорит: «Потерпи на мне и все заплачу» (Мф. 18, 26).

1178

ОР РГБ ф.171.7.26. л. 7,об. Из Бегичева в Москву.

1179

Перевод для будущего издания Фихте И.Г. Избранные сочинения. Пер. с нем. С.Ф.Кечекьяна, Л.В.Успенского, Б.В.Яковенко под ред. кн. Е.Н.Трубецкого. Предисловие Е.Н.Трубецкого. Т. 1. Путь. М. 1916. С I+521. Был опубликован только 1-ый из задуманных двух томов.

1180

Видимо речь идет о готовившейся к печати книге Е.Н.Трубецкого "Мирозерцание Вл. Соловьева". Тт. 1–2. М., Путь, 1913.

1181

ОР РГБ. ф.171.3.5.лл. 60–63 об. Отклик Морозовой на рукопись книги Трубецкого о В.Соловьеве.

1182

ОР РГБ, ф.171.3.5, л.50–51об., б.д.

1183

Архив Эрна, частное собрание, датир. по пчт. шт. отпр.: 8.07.1912. Открытка из Кастель Гандольфо в Старый Менглис.

1184

Дочь Ирина.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
1185

ОР РГБ ф.171.7.26. л.27–28об. Из Бегичева в Москву.

1186

Коншин Николай Яковлевич (1864– ?) – депутат I и II Государственной Думы.

1187

А.Е.Трубецкой, сын Е.Н.

1188

ОР РГБ ф.171.7.2, лл. 8–9об.

1189

Анрей Белый в это время путешествовал с женой по Палестине, Египту и Европе на аванс, полученный от М.Морозовой.

1190

Яковенко Б. О теоретической философии Когена. Логос, вып. 1, Москва, Мусагет, 1910, с. 199–249.

1191

Шмидт Анна Николаевна (1851 – 1905) – нижегородская журналистка, визионер, мистик, создательница собственной гностической теории, где личности Вл. Соловьева отводилась мессианская роль. Булгаков стал ее душеприказчиком и впоследствии опубликовал ее рукописи.

1192

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, лл. 167–168об. Из Кореиза в Симбирск

1193

Бердяева Алина Сергеевна (урожд. Кудашева) скончалась 23 июня 1912 года.

1194

Ранее опубликовано: Два письма к В.Ф.Эрну //Вестник РХД. № 142, 1984 (III), с. 78–81. Публикация и примечания Н.А.Струве.

1195

С.А.Алексеев (Аскольдов).

1196

Частная гимназия, созданная в Тифлисе полковником (впоследствии генералом) Владимиром Левандовским, славилась своими передовыми педагогическими приемами. А.Ельчанинов преподавал там историю.

1197

Архив Эрна, частное собрание, ф. Булгакова, лл. 50–52об. Из Кореиза в
Страница 542

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
Кастель Гандольфо.

1198

Довольно для каждого дня своей заботы (церковнослав.) (Мф. 6, 34).

1199

Цветков Сергей А. (1888-1964) – литературовед, библиограф, см. о нем // Вестник РХД, 1979, № 130; Новый мир, 1991, № 3.

1200

ОР РГБ, ф.171.7.26, л. 27.

1201

Львов Владимир Николаевич (1872-1934) – один из организаторов и активных деятелей «Союза 17-го октября», депутат III и I Государственной Думы, председатель думского комитета по делам Российской Православной Церкви.

1202

Трубецкой Евг., кн. Нечто об умеренности // Русские ведомости, 1912, № 145. Последняя приписка сделана карандашом.

1203

ОР РГБ ф.171.7. 26. л.24, из Бегичева в Михайловское, п. шт. отпр.: 30.07.1912.

1204

Трубецкой Владимир Сергеевич (1891-1937), племянник Е.Н.Трубецкого, женился 4 ноября 1912 г. на Елизавете Владимировне Голицыной.

1205

Архив Эрна, частное собрание, ф. Булгакова, л.53, из Кореиза в Кастель Гандольфо.

1206

Архив Эрна, частное собрание, ф. Булгакова, лл. 54-58 об.

1207

Эта работа Евг. Трубецкого, разросшаяся до книги, вышла позже под названием "Метафизические предположения познания". Опыт преодоления Канта и кантианства. М., 1917.

1208

Коген Герман(1842-1918) – немецкий философ, вместе с П.Наторпом основал и возглавил марбургскую школу неокантианской философии; с 1876 по 1912 гг. был профессором философии в Марбургском университете, где в числе его учеников и слушателей было много студентов из России, ставших впоследствии известными философами, литераторами, деятелями культуры: Дм.Гавронский, В.Сеземан, А.Коральник, А.Гурлянд, Д.Койген, Б.Савальский (автор монографии "Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии:

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Коген, Наторп, Штаммлер и др.", т. 1, М., 1908), Г.Гордон, Б.Фохт, Г.Ланц, Б.Вышеславцев, М.Каган (близкий друг М.Бахтина). П.Флоренскому принадлежит отзыв о кандидатском сочинении, посвященном Когену. Этот отзыв был весьма благосклонно оценен в «Логосе»: «Несмотря на свое принципиальное расхождение с Когеном, <автор> высказывается об его философии в чрезвычайно лестном для нее тоне <...> дает прекрасный пример идеального отношения к своим идейным противникам и наставительный урок тем, кто, не потрудившись изучить Когена, тем не менее позволяет себе говорить и о нем, и о всем современном неокантианстве что попало». // Логос. 1912-1913, № 1-2, с. 412. Специальной работы Флоренского о Когене не найдено.

1209

Карпов Владимир. Основные черты органического понимания природы. Путь. М. 1914. С. 75.

1210

Работы Зеньковского о Гартмане не найдено.

1211

В это время обострился военно-политический конфликт, приведший 9.10.1912 к началу 1-ой Балканской войны между Балканским союзом (Болгария, Сербия, Греция, Черногория) и Турцией, которая закончилась 30.05.1913 поражением Турции и потерей ею своих последних европейских территорий.

1212

Бриллиантов А.И. – профессор СПб Духовной Академии, автор монографии "Влияние восточного богословия на западную в произведениях Иоанна Скота Эригены. СПб. 1898.

1213

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, лл.170–173об. Из Кореиза в Симбирск.

1214

Архив Эрна, частное собрание. Из Кастель Гандольфо в Старый Менглис.

1215

Третий философский сборник не вышел. Были опубликованы две монографии: Эрн Владимир. Росмини и его теория знания. Исследование по истории итальянской философии XIX столетия. Путь. М. 1914. С. III+296. Эрн Владимир. Философия Джоберти. Путь. М. 1916. С. I+351. Рец.: Борис Шлецер. //Биржевые ведомости. Пг. 27.01.1917. См. также его статью "Итальянская философия". //Новый энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз и Ефрон. т. 19.

1216

См. письмо Л.Лопатина к В.Эрну от 16. 05. 1912, где в конце сказано, что его ходатайство удовлетворено.

1217

Архив Эрна, частное собрание, ф. Булгакова, лл. 59–60об. Из Москвы в Рим.

1218

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Росмини-Сербати Антонио (1797–1855) – итальянский философ и теолог, общественный и церковный деятель.

1219

ученого сообщества (лат.)

1220

Иоанн Скот Эригена (Эриугена), (ок.810–после 877) – средневековый философ-платоник ирландского происхождения.

1221

Максим Исповедник, (ок. 580–662) – святой, византийский богослов, находился под влиянием неоплатонизма.

1222

Дионисий Ареопагит (Псевдо-Дионисий Ареопагит), святой, (– I вв.) – псевдоним христианского мыслителя, труды которого появились не ранее второй половины в. под именем персонажа новозаветных "Деяний святых апостолов", члена афинского Ареопага Дионисия, обращенного в I веке в христианство проповедью ап. Павла.

1223

Каблуков Сергей платонович (1881–1919) – преподаватель математики в гимназии, секретарь ПРФО (1909–1913).

1224

См. о нем примеч к п. № 145.

1225

Богатурова Н.С.

1226

Впервые опубликовано: Игумен Андроник (Трубачев). Священник Павел Флоренский–редактор. Богословские труды, сб. 28, М., 1987, с. 301.

1227

врей, перешедший в христианство (фр.)

1228

Макшеева Наталья Алексеевна (1869– ?) – писательница, переводчица, автор биографических очерков о Кольцове, Лескове, Т. Море и др.

1229

28 сентября 1912 года Святейший Синод утвердил священника Павла Флоренского в должности редактора издававшегося при МДА журнала "Богословский вестник" (указ № 14663–30, с. 554). //Богословские труды, сб. 28, М., 1987, с.301.

1230

. Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.

Опубликовано: Вестник РХД. № 142. Публикация и комментарии Н.А.Струве.

1231

В.Эрн жил в это время на берегу Альбанского озера в Кастель Гандольфо.

1232

Е.Д.Эрн, жена В.Эрна

1233

Речь идет о Тифлисских высших женских курсах.

1234

Следует напомнить, что А.Ельчанинов прослушал полный курс всеобщей истории в Петербургском университете и (неполный) курс истории церкви в МДА, кроме того в соавторстве с П.Флоренским он опубликовал книгу ???

1235

Ельчанинов Николай Викторович, учитель гимназии, брат А.В.Ельчанинова.

1236

П.А.Флоренского.

1237

Речь идет о семье С.А.Алексеева (Аскольдове).

1238

Речь идет о воспоминаниях известного юриста, писателя и общественного деятеля А.Ф.Кони. На жизненном пути: Из записок судебного деятеля. Житейские встречи. СПб, 1912.

1239

Архив Эрн, частное собрание, ф. Аскольдова, лл. 11–12.

1240

Милль Джон Стюарт (1806–1873) – английский философ-позитивист.

1241

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, лл. 175–176 об. Пчт.шт.отпр.: 8.10.1912. Из Москвы в Симбирск.

1242

Речь идет об изданной позже брошюре: С. Дурылин. Сказание о Граде Китеже. М., Путь, 1914.

1243

С праздника Воздвижения Креста Господня 14 (27) сентября 1912 г. о. Павел Флоренский служил в церкви приюта Красного Креста в Сергиевом Посаде.

1244

Архив Эрна, частное собрание, ф. Булгакова, лл. 61–65. Из Москвы в Рим.

1245

Имеется в виду отказ Л.Лопатина опубликовать в журнале ВФП статью В.Эрна "Природа мысли". См. п. Л.Лопатина В.Эрну от 16.05.1912.

1246

П. Флоренский работал в то время над своей диссертацией, вышедшей под названием "О духовной истине". Опыт православной теодицеи. Вып. 1–2. М., 1913. Одновременно занимался редактированием "Богословского Вестника".

1247

Карпов Владимир. Основные черты органического понимания природы. Путь. М. 1914. С. 75.

1248

Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891) – писатель, философ, публицист, критик.

1249

Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856) – философ и публицист.

1250

Киреевский Иван Васильевич (1806–1856) – философ, литературный критик, один из основоположников славянофильства. Киреевский Иван. Полное собрание сочинений в 2-х томах. Под редакцией М.Гершензона. Путь. М. 1911. Т. 1, с. +288; т. 2, с. II+290. Рец.: А.Корнилов //Русская мысль. 1912. № 1. Без подписи //Русское богатство. 1912. № 2.

Киреевский Петр Васильевич (1808–1856) – фольклорист, археограф.

1251

Одоевский Владимир Федорович, князь, (1803–1869) – писатель, философ, музыкальный и литературный критик. См. Одоевский Владимир, кн. Русские ночи. Путь. М. 1913. С. I +429.

1252

Впервые опубликовано: Игумен Андроник (Трубачев). Священник Павел Флоренский – редактор. //Богословские труды. Сб. 28. М. 1987. С. 302.

1253

В.Эрн. "Письма о христианском Риме". Письмо первое. Богословский вестник, 1912, ноябрь. с. 561–568. Повторная публикация //Наше наследие. 1991. № 2, с. 116–137. Предисловие, подготовка текста, примечания В.Кейдана; послесловие: В.Зелинский. Безмолвная тайна христианства.

1254

Архив Эрн, частное собрание, ф. Булгакова, лл. 66–67 об. Из Москвы в Рим.

1255

С. Н. Булгаков был избран внепартийным депутатом I Государственной Думы от Орловской губернии.

1256

А.К.Герцык.

1257

Путешествуя по Европе вслед за Р.Штейнером, А.Белый получал щедрую финансовую поддержку от М.К.Морозовой: так в период с сентября по декабрь 1912 г. она послала ему 1400 рублей. ОР РГБ ф.171.7. 2.

1258

который избрал лучшую участь (церковнослав.), – слова Христа об одной из двух сестер, принимавших Его в своем доме, Марии, которая расположившись у ног Иисуса, внимала Его словам, в то время как ее сестра Марфа готовила угощение для Него; (Лк. 10, 38–42).

1259

Архив Эрн, частное собрание, ф. Булгакова, лл. 68–71. Из Москвы в Рим.

1260

Г.Сковорода. Собрание сочинений. Под редакцией В. Бонч-Бруевича. Т.1 Спб 1913.

1261

Протагор из Абдер (ок. 480–410 до н.э)–древнегреческий философ, один из зичинателей софистического движения.

1262

Фейербах Людвиг Андреас (1804–1872) – немецкий философ, атеист.

1263

Шиллер Фридрих (1759–1805) – немецкий поэт, историк и философ.

1264

Архив Эрн, частное собрание, ф. Аскольдова, лл. 13–14об. Из СПб в Рим

1265

Розанов В.В. Маленький фельетон. Новые работы по философии. О статьях: В.Ф.Эрн "Очерк теоретической философии Г.С.Сковороды" (ВФП, 1911, т. 5); Вл. Карпов. "Натурфилософия Аристотеля и ее значение в настоящее время", опубликован //Новое время, 8 октября 1912.

1266

Приблизительная дата выступления – 24–26 января 1913 г. устанавливается из письма Аскольдова–Эрну от 20.01.1913: "<...> Через два дня еду в Москву читать реферат в РФО "Время и его религиозное значение".
Ср.: С. Аскольдов. Время и его религиозный смысл. // Вопросы философии и психологии, 1913, № 2, с. 137–147.

1267

Ранее опубликовано: Игумен Андроник (Трубачев). Священник Павел Форенский профессор МДА и редактор "Богословского вестника". Богословские труды, 1987, сб. 28, с. 303.

1268

Ректор МДА, см. о нем в примеч к п. № 93.

1269

В. Эрн. Письма о христианском Риме. Письмо первое. См. примечание к п. П. Флоренского – В. Эрну от 28. 10 . 1912. Письмо второе. Богословский вестник. 1912, декабрь, с. 760–771. Письмо третье. БВ, 1913, январь, с. 104–114. Письмо четвертое. БВ, 1913, сентябрь, с. 77–86.

1270

Григорий Палама, святой, (1296–1359), византийский богослов и церковный деятель, поборник и систематизатор мистического учения исихазма, давший ему систематическое философское оформление.

1271

Николай Кавасила, (XI в.), митрополит Фессалоникийский, сторонник исихазма.

1272

Архив Эрна, частное собрание, ф. Булгакова, л. 72. Из Москвы в Рим.

1273

С Аурелио Пальмиери был знаком (по крайней мере по переписке) и о. Павел Флоренский, который пригласил его к сотрудничеству в «Богословском вестнике».

Из письма П. А. Флоренского – В. Ф. Эрну <13 января 1913>:

<...> Пальмиери я давно уже написал. На всяк<ий> случ<ай> сообщаю и Вам, что я его просил написать о "Монсеньоре Дюшесне", как он и сделал; разумеется, имени мы его не предадим, но пусть он придумает себе псевдоним, а то неудобно печатать статьи анонимные <...> . Архив Эрна. Публикуется по машинописной копии фрагмента письма из собрания Н. В. Котрелева.

1274

Архив Эрна, частное собрание, ф. Бердяева, лл. 12 – 13. В Рим.

1275

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, лл. 178–180об. Из Москвы в Симбирск.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.

1276

Спор об "Имени Божиим" возник в русском монастыре на Афоне в 1910 г.

1277

Илларион (Булатович). На горах Кавказа. 1912.

1278

В следующем году вышла статья: Волжский. Достоевский и Чехов. Параллель. //Русская мысль. 1913, № 5.

1279

книга не была опубликована.

1280

Встреча Н. Бердяева с Р. Штейнером состоялась в Гельсингфорсе 28 мая – 5 июня 1913.

1281

Вероятно, имеются в виду статьи Д. Мережковского, позже изданные в сборнике "Было и будет". Дневник. 1910–1912. Птг. 1915

1282

Архив Эрна, частное собрание, ф. Булгакова, л. 73, открытка.

1283

Архив Эрна, частное собрание, ф. Е.Рапп, 1–2; б.д. Датируется по контексту.

1284

Станевич В. О. – поэтесса, переводчица, была замужем за Ю.П. Анисимовым. В их доме в 1910-е годы собиралась московская литературно-художественная молодежь.

1285

Анисимов Юлиан Павлович (1886–1940) – поэт, переводчик, художник, искусствовед получил образование в Германии, Италии, Франции. Принимал участие в литературно-художественном кружке "Сертарда", собиравшемся в доме его и его жены В.О.Станевич, куда входили Б.Пастернак, С.Дурылин, Б.Садовской, К.Локс; вместе с ними примыкал к литературно-философскому кружку при издательстве "Мусагет". См. о нем статью Ю.М.Гальперина //Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь, Т. 1, с. 76–77.

1286

Шварсалон В.К., дочь Л.Д.Зиновьевой-Аннибал, жена Вяч. Иванова.

1287

Бердяева Л.Ю.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.

1288

"О духовной Истине" или "Столп и утверждение истины".

1289

Вероятно, речь идет о рецензии Бердяева на книгу Флоренского "Столп и утверждение истины истины" – "Стилизованное православие" //Русская мысль. 1914. № 1.

1290

Л.Ю.Бердяева.

1291

"Братство прерафаэлитов" – группа английских художников и писателей середины – второй половины XIX в., избравших своим идеалом искусство Средних веков и Раннего Возрождения (до Рафаэля). Критиковали современную им культуру с религиозно-романтических позиций.

1292

Архив Эрна, частное собрание, ф. Рачинского, лл. 1–5об.

1293

книга не была издана в "Пути", первые десять глав ее увидели свет в киевском журнале "Христианская мысль", а через полвека вышла другая книга того же автора: Зеньковский В.В. Н.В.Гоголь. Париж. ымца-Пресс, <1961>.

1294

книга не была издана.

1295

Аскольдов С.А. Мысль и действительность. М., Путь, 1914.

1296

книга не была издана.

1297

Не были изданы.

1298

Позже была издана диссертация: В. Эрна "Росмини и его теория знания. Исследование по истории итальянской философии XIX столетия". М., Путь, 1914, с. III+296.

1299

Волжкий А.С. В обители преподобного Серафима. М., Путь, 1914.

1300

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
книги не были изданы "путем".

1301

Книги этих авторов не были изданы "путем".

1302

См. примеч. к п. Булгакова-Эрну от 13.05.1912.

1303

Текста проекта найти не удалось.

1304

Г.А.Рачинский был крестным отцом дочери В.Ф. и Е.Д.Эрн Ирины, следовательно супруги Эрн приходились ему кумом и кумой.

1305

ОР РГБ, ф.171.8.1а, л.

1306

Архив Эрн, частное собрание, ф. Аскольдова, л. 15, об.

1307

Можно предположить, что реферат был прочитан 25-28 января 1913. См. примеч. к п. С.Аскольдова-В.Эрну от 17.12.1912.

1308

С. Аскольдов писал: «Существует громадная разница в философском и физическом смысле понятия времени. К сожалению, этой разницы обыкновенно не замечают, несмотря на то, что сущность и последствия подмены времени онтологического физическим исчерпывающе разъяснены Бергсоном» // Аскольдов С. Время и его преодоление. «Мысль», 1922, № 3, с. 82. При этом Аскольдов считал, что интуитивизм и вообще гносеология Бергсона не закончены, особенно в области взглядов на природу, возникновение общих понятий, проблемы чистой мысли и отношение понятий к опыту (См. Аскольдов С. Мысль и действительность. М., 1914, с. 165).

1309

ОР РГБ, ф.171.9.1а, л.9.

1310

Северцов Александр Николаевич (1866-1936) – биолог, основоположник эволюционной морфологии, профессор Московского университета.

1311

ОР РГБ, ф.171.3.76, л.29, б.д.

1312

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
РГАЛИ ф. 142, ед.хр. 198, оп. 1, л. 182.

1313

Архив Эрн, частное собрание, ф. Булгакова, лл. 74–75 об.

1314

Имеются в виду "Письма о христианском Риме".

1315

Имеется в виду "Смысл творчества".

1316

Джоберти Винченцо (1801–1852) – итальянский теолог, философ и общественный деятель, представитель неоготической теологической онтологии. В Италии В.Эрн написал докторскую диссертацию "Философия Джоберти". М. "Путь", 1916. Защита не состоялась из-за смерти соискателя.

1317

Можно предположить, что выступление С.А.Аскольдова (Алексеева) относилось к теме его будущей магистерской диссертации "Мысль и действительность". М., 1914. Дата выступления не установлена.

1318

Предположительно тема выступления В.В.Зеньковского касалась тем, затронутых в его вскоре опубликованной книге "Проблема психической причинности", Киев, 1914. Дата выступления не установлена.

1319

Астромов Владимир – русский католический священник, друг и корреспондент В.С.Соловьева.

1320

ОР РГБ, ф.109.14.71, л.3–5.

1321

Речь идет журнальной полемике: Степпун Ф. Открытое письмо А. Белому // Труды и дни. 1912, № 4–5. Андрей Белый.. Ответ Ф.А. Степпуну // Труды и дни. 1912, № 6.

1322

Иванов Вяч. Нежная тайна. СПб. 1912.

1323

РГАЛИ, ф. 142, ед.хр. 198, оп. 1, лл. 182–183.

1324

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Архив Эрна, частное собрание, ф. Бердяевой, лл. 1–2.

1325

Гриневиц Вера Степановна (18 – 19), поэтесса, переводчик, "одна из очень интересных и очень своеобразных женщин эпохи русского Ренессанса. Она жила вдохновением. Огнем вдохновения, который никогда не угасал в ней, она старалась зажечь души окружающих ее друзей. Она стремилась к подвигу и на этот подвиг звала других. Н.А. и моя сестра очень любили В.С. Ее дом был одним из культурных центров Москвы." Е.Ю.Рапп. Мои воспоминания // Бердяев Н.А.. Самопознание. Приложение, М. 1991. с.372–373.

1326

В.С.Гриневиц организовала в своем доме Гимназию (Школу) имени Вл. Соловьева. "В уютном старинном особняке с огромной залой в два света и антресолями всегда было многолюдно, но меньше всего в Школе были заметны дети. Утром и вечером сходились для чаепития и беседы за большим столом. Любопытно, что в памяти некоторых гостей дома Бердяевы представляли его хозяевами. Здесь они прожили до начала мая" А. Вадимов. Жизнь Бердяева, с.145–146.

1327

Вероятно, о. Евгений Синайский.

1328

См. о нем примеч. к п. № 226.

1329

Бердяев Н.А.

1330

"Смысл творчества".

1331

Архив Эрна, частное собрание, ф. Е.К.Герцык, л. 3.

1332

Е.К.Герцык оставила краткое воспоминание-характеристику В.Ф.Эрна, включенное ею в пространные воспоминания о Вяч.Иванове (здесь следует делать поправки, учитывающие, во-первых, помещенный в настоящей публикации документ о русском происхождении Эрна; во-вторых, что приемный отец В.Эрна, франц Карлович Эрн, был по происхождению шведом, а не немцем):

"Прихотливым узором сплетаются иногда в человеке национальные черты. Вот еще полунемец, близкий нашему кружку. Эрн – по отчеству даже Францевич – отец его природный немец из Германии, провизор. Не знаю, какими путями, может быть, под влиянием матери, русской, Эрн смолоду пришел к православию. Но знаю, что уж потом никогда сомнение не коснулось его ясной монолитной души. Одновременно и также цельно он полюбил античность, светлый мир Эллады. Обе любви сплелись в одну через посредство необыкновенно в нем живого чувства первохристианства. В Риме, где Эрн писал свою диссертацию, он пристально изучал катакомбы – символика их посвятил не одну статью. Упор на христианство первых веков – это ведь черта лютеранская. В православии Эрна не было ничего от мрачного византизма, – он просто верил, что на русской земле преображенной Христовым светом зацветает та же солнечная религиозная стихия Эллады. Концепция фантастическая? Но утверждал ее Эрн со

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. всем фанатизмом и нетерпимостью пасторского "Брандовского" духа (Бранд – персонаж Ибсена). Кротким и мирным его нельзя было назвать – даже книгу своих религиозных опытов он озаглавил "Борьбой за Логос", и вправду был бойцом, но, яростно споря, чужд был и тениличнойнеприятности. Весь он был тверд как алмаз и как-то кругло закончен, не было в нем щелки, чтобы просунуть в нее кончиксвоеймысли, своеговозражения, и мне казалось, что как-то не о чем говорить с ним. Может быть, это происходило и от того, что в эти годы он – ещесовсем молодой – уже нес в себе смертельную болезнь, от которой и умер в 17 году – тяжелое заболевание почек. Серо-бледный, с отеками на лице, слишком светлым, глядящим и неглядящим взглядом. Он как-будто все нужное для жизни и смерти узнал и больше ни в чем и ни в ком не нуждался. Жил в те годы с женой и голубоглазой, похожей на него дочкой-пятилеткой – у Вяч. Иванова, в котором влек его тот же сплав христианства с античностью. А Вячеслав Иванов, посмеиваясь говаривал: "Владимир Францевич – совесть моя и – ох! уживался он со своей совестью неплохо, умея, когда хотел заморозить ее." Е.К.Герцык. Воспоминания. Париж. 1973.

1333

Соловьев Сергей Михайлович (1885–1942) – поэт, переводчик, специалист по античной литературе, религиозный публицист, племянник В.С.Соловьева, с 1917 г. православный, а с 1920 г. католический священник.

1334

Архив Эрна, частное собрание, ф. Соловьева, л. 1.

1335

Лекция С.Соловьева в МРФО состоялась, ср. п. М.Морозовой–Е.Трубецкому от конца марта 1913.

1336

ОР РГБ, ф. 171.

1337

Г. Н. Трубецкой, дипломат, заведующий департаментом Балкан и Ближнего Востока.

1338

ОР РГБ, ф.171.3.5, л.99, б.д.

1339

"Миросозерцание Вл. Соловьева".

1340

С.М.Соловьев страдал психическим расстройством.

1341

Предположительно: Идея церкви в поэзии Владимира Соловьева // Богословский вестник. 1915, янв.-февр.

1342

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. Иларион, схимонах. На горах Кавказа. Беседа двух старцев подвижников о внутреннем единении с Господом наших сердец через молитву Иисус Христову, или молитвенная деятельность современных пустынников; составил пустынножитель Кавказских гор схимонах Иларион. 1-е изд. Баталпашинск, 1907; 3-е изд. Киево-Печерская лавра, 1912. Книга послужила началом движению "имеславия", которое было в 1913 г. объявлено Российским Св. Синодом и Константинопольским Патриархом ересью, и его последователи были подвергнуты преследованиям.

1343

Булатович Александр Ксаверьевич (в монашестве Антоний), (1870–1919) – офицер русской армии, путешественник, исследователь Эфиопии, с 1907 г. иеромонах (с 1911 – иеросхимонах) русского монастыря св. Пантелеимона на Афоне, апологет "имеславия". Его книги: Апология веры во Имя Божие и во Имя Иисус. М., 1913, анонимное предисловие "От редакции" написано о. П.А.Флоренским; Материалы к спору о почитании имени Божия. Вып. 1, изд. "Исповедник", 1917; Моя борьба с имяборцами на Святой Горе. ПТГ., изд. "Исповедник", 1917. После 1915 г. оставил монастырь, забытый всеми проживал в собственном имении. Погиб во время разграбления крестьянами его имения.

1344

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, лл. 184–186об.

1345

ОР РГБ, ф.171.8.1а, л.17.

1346

ОР РГБ, ф.171.3.6б, лл.6–7. б.д.

1347

Ученик Е.Трубецкого, участник его семинара по философии Вл. Соловьева.

1348

Архив Эрна, частное собрание.

1349

ОР РГБ. ф.171.8.1а.л.15, об.п. шт.: 6.4.1913. Ст. Пятовская.

1350

Письмо в архиве М.Морозовой не найдено.

1351

Круг либеральной кадетской профессуры.

1352

Последние разделы книги Е.Трубецкого "Миросозерцание В. С.Соловьева".

1353

Архив Эрна, частное собрание, ф. Булгакова, л. 76.

1354

Ранее Эрн писал Глинке: "С Булгаковым у нас как-то охладели отношения. Я почувствовал определенно по многим его письмам и поступкам, что он связан со мною делом, а не любовью. Это для меня большое разочарование и главное какое-то непоправимое, ибо не-любовь трудно изгладима, и я думаю, что личное свидание, уничтожив всякие внешние недоразумения, не сможет ничего переменить во внутреннем. Это заставит меня настораживаться и к поездке в Москву относиться без энтузиазма..." Цит. по: Голлербах Е. //ВФ, 1994, №2, с. 153.

1355

ОР РГБ, ф.171.3.5, л.110, б.д.

1356

РГАЛИ, ф.142, ед.хр.198, оп.1, лл. 187–191об.

1357

Речь идет о полемике вокруг имяславия, мистического движения в среде русского монашества, продолжавшего традицию афонских последователей исихазиа XII–XI вв., возглавленного иеромонахом Антонием (Булатовичем), утверждавшим, что "Имя Бога есть Бог". Движение возникло под влиянием изданной впервые в 1907 г. книги иеросхимонаха Илариона "На горах Кавказа". В начале книга была принята в монашеской среде с большим сочувствием, но впоследствии многим показалось соблазнительной та смелость, с которой Иларион говорит о божественном присутствии в молитве и называет Имя Иисусово "Самим Богом". Для Илариона это было по-видимому не столько богословским утверждением, сколько описанием его ичного молитвенного опыта. Но и сам молитвенный реализм показался слишком смелым. Психологизм в истолковании молитвы многим представлялся более безопасным, смиренным и благочестивым. Началась полемика в печати, начало которой положил журнал "Русский инок", где против Илариона весьма резко выступил архп. Антоний Храповицкий. На Афоне спор принял весьма резкий характер с обеих сторон, дело доходило до рукоприкладства между монахами. Обе стороны видели в борьбе "за" или "против" книги Илариона – борьбу за Православие. Странники Илариона называли себя "имяславцами" (имеславцами), а своих противников – "имяборцами" (имеборцами). Синод пытался запретительными и силовыми средствами ликвидировать "опасную ересь". Для вразумления имеславцев на Афон был послан архп. Вологодский и Тотемский Никон (Н.И.Рождественский, 1851–1918), который прибыл туда на военном корабле в сопровождении команды матросов. После резкого отказа имеславцев "оставить заблуждения" матросы перешли к безжалостному избиению монахов, в результате которых некоторые поплатились жизнью (по поводу этих жертв в Государственной Думе был сделан запрос. См.: Владимир Рожков, прот. "Церковные вопросы в Государственной Думе". Рома. ПИО, сс. 344–354). Около 200 имеславцев были официально объявлены еретиками под именем "имябожников", они были насильно вывезены в Россию и разосланы под надзор по отдаленным монастырям (Определение Синода от 29.08.1913). О. Иларион был запрещен в служении и до конца жизни забытый всеми проживал в своем имении. Библиография "Спора об Имени Божиим" содержится в комментариях к публикации переписки В.А.Кожевникова с П.А.Флоренским //Вопросы философии, 1991, №6, с. 136; подробнее см. комментарии игум. Андроника Трубачева к статье о. П.Флоренского "Имеславие" //Сочинения, т. 2., М., 1990, с. 332–338.

1358

М.А.Новоселов и участники его кружка (кроме Ф.Д.Самарина) были на стороне имеславцев. Понимая богословскую беспомощность книги о. Илариона, они тем не менее считали затронутую в ней проблему весьма важной для уточнения и развития православного богословия. На эту тему в печати в поддержку гонимых выступили о. П.А.Флоренский, С.Н.Булгаков, В.Ф.Эрн, Н.А.Бердяев.

1359

См. прим. к п. № 426.

1360

В библиографии о. П.А.Флоренского //Богословские труды, №23, м. 1982.// удалось найти лишь одну работу на эту тему – Соль земли, то есть сказание о жизни старца Гефсиманского скита иеромонаха аввы Исидора, собранное и по порядку изложенное недостойным сыном его духовным Павлом Флоренским. Сергиев Посад, 1909. 84 с.

1361

Архив Эрна, частное собрание.

1362

18 апреля 1913 г. семейство Эрнов отправилось из Италии в Россию. Вместе с ними приехала Лидия Вячеславовна Иванова, которая впоследствии вспоминала: "Первого мая (18 апреля ст. ст. – В.К.) я оставила наших в Риме и уехала в сопровождении Эрнов в Москву, чтобы подготовиться к приемному экзамену в консерваторию. Позже уехала и Маруся (Замятнина, семейный друг и домоправительница Ивановых–В.К.), чтобы найти и устроить нам квартиру: было решено переехать в Москву." Лидия Иванова. Воспоминания. Книга об отце. Париж, Атченеум, 1990, с. 52. По дороге они заехали в Тифлис, где Евгения Давыдовна осталась у родителей, а Владимир Францевич с Лидией на поезде с остановкой в Киеве направились в Москву.

1363

Иванова Лидия Вячеславовна (1896 – 1985) – музыкант, композитор, дочь Вяч. Иванова и Л.Д.Зиновьевой–Аннибал.

1364

Ельчанинов А.В.

1365

Флоренский П.А.

1366

Архипова С.М., секретарь издательства "Путь".

1367

Флоренский Павел, свящ. Столп и утверждение истины. Опыт православной феодицеи. М. Путь. 1914. С. 812+406 (приложение).

1368

Яковенко Б. В. Новая книга о Сковороде // Русские ведомости. 1913, № 42

1369

Речь идет о проекте издания в "Пути" книги В.Эрна «Письма о христианском Риме». Издание не было осуществлено.

1370

Свое первое впечатление от обстановки в издательстве и о своей роли в нем Эрн описал в письме Глинке: «Я себя в "Пути" не чувствую более "коренным". Два года отсутствия превратили меня в "пристяжную". Я не знаю, кто сейчас заправляет делами. Знаю только, что царит какая-то нерешительность и все мои весенние предложения были встречены с какою-то немотивированною враждебностью. может быть, это разойдется, м <ожет /> б <ыть /> сгустится. Вот посмотрим <... /> » Цит. по: Голлербах Е. // Вопросы философии. 1994, № 2, с. 153–154.

1371

В. Эрн ожидал утверждения в должности приват-доцента.

1372

Речь идет о последователе школы французского композитора и музыкального теоретика Эмиля Далькроза (1866–1935), разработавшего новую теорию и технику ритмической гимнастики и балета (альтернативную штейнеровской школе «эвритмии»). Основал и возглавил Институт ритмической гимнастики в Дрездене.

1373

Тему заседания и фамилию докладчика установить не удалось. Можно предположить, что это был реферат Л. Лопатина.

1374

ОР РГБ, ф.171.3.5, л.121, б.д.

1375

Саркастическое наименование молодых философов неокантианского направления, объединившихся вокруг «Логоса».

1376

ОР РГБ, ф.109.14.71, л.4.

1377

Спор Андрея Белого с Федором Степнуном о штейнерианстве.

1378

ОР РГБ, ф.171,3.5, л.125, б.д.

1379

Архив Эрна, частное собрание, ф. Яковенко, лл. 2–3, письмо без конверта.

1380

Маймонид Моисей (1135–1204) – еврейский философ аристотелевского направления.

1381

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.

Герbart Иоганн Фридрих (1776–1841) – немецкий философ и педагог.

1382

Архив Эрн, частное собрание, датировано по пчт. шт. отпр.

1383

В.Эрн пытался получить место приват-доцента на Тифлисских Высших женских курсах. Однако начавшаяся Мировая война изменила его планы.

1384

РГАЛИ, ф. 142, ед.хр. 198, оп.1, лл.193–195, датировано по пчт. шт.отпр.

1385

Сабашникова М. С. Святой Серафим. М., Духовное знание, М., 1913.

1386

Св. Синод в Послании от 18.05.1913 осудил книгу о. Илариона (Булатовича) и все движение "имяславия" как ведущее к ереси.

1387

На основании вывода богословов Халкинской школы Константинопольский патриарх Иоаким III в Послании от 2.09.1912 к насельникам Афонских монастырей осудил имясловие и запретил чтение книги о. Илариона как "содержащей много ошибочного и ведущей к заблуждению и ереси". //Троицкий С.В. Об именах Божиих и имябожниках. СПб., 1914; Приложение с. II. Цит. по комментариям И.В.Дубининой, А.В.Шургаия (с участием С.М.Половинкина) к публикации игумена Андроника (Трубачева), И.В.Дубининой, А.В.Шургаия. //Вопросы философии, №6, 1991, с. 135.

1388

С.Н.Бердяев слушал в Гельсингфорсе (Хельсинки) цикл лекций Р.Штейнера "Оккультные основы Бхавагад-Гиты" (28 мая – 5 июня 1913 г.). См.Маргарита Волошина (Сабашникова).Зеленая змея. М., 1993, Примечания, с. 370. Сам Н.Бердяев пишет: "Штейнер читал еще публичную лекцию о свободе воли! которая показалась мне очень посредственной и философски не интересной, как не интересна его философская (не теософическая) книга "Философия свободы". Из пребывания в Гельсингфорсе я вынес некоторое поучение и еще больше укрепился в своей критике антропософии и оккультизма вообще. Я это выразил в "Русской мысли", которая вызвала негодование антропософов." Н.А.Бердяев. Самопознание. М., 1991, с. 192.

Попытка Бердяева сблизиться с антропософией описана Андреем Белым: "Никогда не забуду комического инцидента с Бердяевым, допущенным на Гельсингфорсский курс; все десять лекций курса он не столько прослушал, сколько проболтался с могущим на него воздействовать влиянием "МАГИЧЕСКИХ ПАСС" Штейнера; да так и "ПРОШЕЛ" мимо курса – в собственную схему, до глупого ничего не поняв; слышалось лишь сопенье и пыхтенье, да скрип стула на весь зал; и когда я поворачивался на СОПЫ, ВЗДОХИ и ТРЕСК Бердяева, я видел лишь в нервном тике высунутый язык. Бердяев – "БОРОЛСЯ". С чем он боролся, обнаружилось неожиданно. Дело в том, что лекции шли в наемном помещении; в других комнатах помещения, не имевших никакого отношения к курсу Штейнера, упражнялся кто-то пренебрежительно на рояли, играя... "СОБАЧИЙ ВАЛ С". Подходит Бердяев и спрашивает моего приятеля: "А что, всегда лекции Штейнера сопровождаются музыкой? В вопросе подчёрк, что музыка для мистического приподнятия настроения. – Да это – "СОБАЧИЙ ВАЛ С", – отвечал ему мой приятель и подумал: "А вы думаете, что Штейнер аккомпанирует себе

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
"СОБАЧИМ ВАЛ`СОМ"? Бердяев сконфузился. Борьба с "ВЛИЯНИЕМ" атрофировала в
БЕРДЯЕВЕ элементарные восприятия музыки (а ведь ценитель Скрябина)!"
//Андрей Белый. Воспоминания о Штейнере. Париж. 1982, с. 119. Выделение слов
– авторское.

1389

Речь была прочитана на годовичном акте Тифлисских Высших женских курсов 24 сентября 1913 г. на тему "Спор Джоберти с Росмини" // Известия Тифлисских Высших женских курсов, Тифлис, 1914.

1390

Верховской Юрий Никандрович (1878–1956) – поэт, историк литературы.

1391

Векилов Николай Давыдович, брат жены В.Эрна.

1392

Непринцев Юрий Алексеевич – инженер, архитектор, на его дочери впоследствии женился Николай Францевич Эрн.

1393

Ранее опубликовано Н.А.Струве //Вестник РХД. №142. Париж. 1984.

1394

В.Ф.Эрн.

1395

Вяч.Иванов.

1396

Ранее опубликовано: Игумен Андроник (Трубачев). Священник Павел Флоренский – редактор "Богословского вестника". //Богословские труды, № 28, М., 1987, с. 304. Исправлены явные опечатки – В.К.

1397

сходство противоположного (лат.).

1398

Имеется в виду "Общество взыскующих христианского просвещения" (кружок Новоселова), куда помимо него входили – Ф.Д.Самарин, П.Б.Мансуров, В.А.Кожевников, о. Иосиф Фудель, Ф.К.Андреев, С.А.Цветков, С.Н.Булгаков, В.Ф.Эрн. и др.

1399

ОР РГБ. ф.171.8.1а.л.34,об,35,об, пчт. шт. отпр.: 13.6.1913, ст. Пятовская Сызранско-Рязанской ж.д.

1400

Виндельбанд Вильгельм. Прелюдии. СПб, 1904. Очерк истории европейской философии, написанный с кантианских позиций.

1401

Гюисманс Ж. К. Там внизу // Собр. соч. М., 1911. Т. 1, с. 69. В романе излагается история черной мессы и описывается садизм сатаниста X века Жилия де Рэ, включавший выпускание крови из тела жертвы.

1402

ОР РГБ ф.171.3.66, л.л. 49–50об.

1403

молчание (лат.)

1404

Вероятно: Пыпин А.Н. Русское масонство в X III и первой четверти XIX века. СПб., 1868. Пекарский П. П. Дополнения к истории масонства в России X III столетия. СПб., 1869.

1405

Вольфинг<Метнер Э.К. /> . Модернизм и музыка: Статьи критические и полемические. М., Мусажет, 1912.

1406

ОР РГБ, ф. 171.

1407

Вл. Соловьев. Великий спор и христианская политика.

1408

ОР РГБ, ф.171.2.19, л.л. 1–3об.

1409

ОР РГБ. ф.171.8.66, л.35, б.д.

1410

Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) – профессор юриспруденции Московского университета, земский деятель, один из лидеров партии кадетов, Председатель I Государственной Думы. "На председатльском месте сидел С.А.Муромцев. Не сидел, восседал, всем своим обликом, кждым движением, каждым словом воплощая величавую значимость высокого учреждения. Голос у него был ровный, глубокий, внушительный. Он неговорил, а изрекал. Каждое его словоб простое его заявление – слово принадлежит члену Государственной Думы от Калужской губернии, – или, – заседание Государственной думы возобновляется, – звучало, точно перед нами был шейх, читающий строфы из Корана. Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. Лондон, 1990, с 264.

1411

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
ОР РГБ. Ф.171.8.16, п.шт.: 28.09.1913. Калуга.

1412

Радлов Э. рец. на книгу: Трубецкой Евг. "Миросозерцание Вл. Соловьева"
//Журнал Министерства народного просвещения. 1913, сентябрь.

1413

ОР РГБ. Ф.171.8.16, л.л. 3–4об.

1414

Намек на то, что С.Булгаков в молодости был марксистом.

1415

РГАЛИ, ф. 142, ед.хр. 198, оп.1, л.197. Адресовано в Нижний Новгород, куда незадолго до этого переехал А.С.Глинка.

1416

ОР РГБ, ф.171.2.19, л.л.4–10об.

1417

Речь идет о книге

1418

Киселев Николай Петрович (1884–1965) – секретарь редакции книгоиздательства «Мусагет», книговед.

1419

Он попросил дать ему причастие (нем.).

1420

ОР РГБ, ф.171.8.16, л.13.

1421

Речь идет о только что вышедшей книге Е.Трубецкого "Миросозерцание Вл. Соловьева.

1422

ОР РГБ, ф.171.3.5, л.13, б.д.

1423

Шацкий Станислав Теофилович (1878–1934) – педагог-реформатор, психолог, один из первых применил в педагогической практике психоаналитическую теорию З.Фрейда, в пореволюционные годы был председателем Русского психоаналитического общества. В 1906 г. организовал в Москве на средства предпринимателей-меценатов (среди которых были И.Д.Сытин и М.К.Морозова) Опытную врачебно-воспитательную колонию "Сетлемент". Колония представляла собой сеть детских клубов по 15 человек в каждом, функционировавшие как

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах самостоятельно управляемые республики с руководителями, выбиравшимися детьми из своей среды. В 1908 г. организация под давлением монархически настроенной части общественности была закрыта. Дети по мнению властей воспитывались неправильно: обращались к старшим фамильярно, здоровались за руку, по каждому поводу собирали общее собрание, выбирали председателя, секретаря, проводили тайное голосование; как писала правая газета "Старая Москва", "из детей вырабатывали будущих фанатиков-революционеров, с малых лет прививая им парламентские привычки". Колония под новым названием "Бодрая жизнь" через два года возродилась в имении М.Морозовой Михайловском и соседнем селе Белкине на средства М.Морозовой. После национализации Михайловского Шацкий организует на его территории Первую опытную станцию по народному образованию, входившую в систему Наркомпроса и находившуюся под личной опекой Н.Крупской. Здесь разрабатывались и проверялись на практике педологические методики воспитания и изучения детской психики, основанные на фрейдомарксизме. Известный американский философ Джон Дьюи, посетивший колонию в 1928 г. назвал беспрецедентными успехи группы педологов под руководством С.Шацкого. После разгрома советской педологии С.Шацкий занимал различные административные посты в учреждениях Наркомпроса, окончив жизнь директором Московской консерватории. Подробнее о деятельности С.Шацкого см. А.Эткинд. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб, 1993. См. также примеч. к п. Морозовой-Трубецкому от 14.01.1911.

1424

ОР РГБ, ф.171.8.16, лл.14–15об.

1425

ОР РГБ, ф.171.3.5, лл.52–53, б.д.

1426

Архив Эрна, частное собрание, ф. Аскольдова, лл. 16–19об.

1427

Лапшин Иван Иванович (1870–1950) – специалист по истории философии и теории творчества. Вероятно автор письма ссылается на его книгу "Проблема чужого "я" в новейшей философии". СПб. 1910.

1428

епископам

1429

Аскольдов С. Святые как выразители христианства // Живая жизнь. 1908, № 2.

1430

Архив Эрна, частное собрание, ф. Бердяева, л. 14. В Тифлис.

1431

Бердяев Н.А. Гасители духа. "Русская молва", 5.08.1913, № 232. Статья содержала резкую критику позиции Св. Синода, применившего грубую силу в полемике со сторонниками движения "имяславия", возникшего в русском монастыре на Афоне. "Врата адавы одолели Православную Российскую церковь", – заключил с пафосом автор. За эту статью против Н.Бердяева было возбуждено уголовное преследование.

1432

Бердяев Н.А. О земном и небесном утопизме (рецензия на книгу: Е.Трубецкой. "Миросозерцание Вл. Соловьева). // Русская мысль. 1913, сентябрь, с. 46 – 54.

1433

Речь идет о книге : Николай Бердяев. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М. Изд. Г.А. Леман и С.И.Сахаров. 1916

1434

Об отношении Н. Бердяева к антропософии и личности Р. Штейнера в этот период свидетельствует Е. Ю. Рапп в письме к В. Ф. Эрну:

Бабаки. 6 июня <1913?]

<... /> Мою дружбу с вами я люблю как-то особенно, потому что она родилась тогда, когда я пришла к Христу, и на ней отблеск небесного света <... />

Ник давно возвратился из Гельсингфорса. Он много говорил о своих впечатлениях, но больше о внешнем, очень вскользь о внутреннем. Мне кажется, что он не может сказать о Штейнере последнего. И очень прав, по-моему. Страшно произнести окончательный приговор над человеком. Теперь я читаю книги Штейнера и минутами меня соблазняет его путь, давно меня давит внешний мир, давно хочется поднять его тяжелую завесу, но за Штейнером я не пойду никогда. В Гельсингфорсе Ник вел непрерывные, кровавые битвы с А. Белым, Бородаевским, Петровским. Всеми и всем противился, но в душе Ники я чувствую раздумье. А. Белый всецело поглещен Штейнером. Его записи лекций гениальнее Штейнера, будет русским Штейнером, вероятно.. Лицо Штейнера произвело на Ника совсем иное впечатление, чем его портрет. Не демоническое, не острое, а такое добродушное, пасторское, ласковое и приветливое очень. Читает лекции своеобразно и очень музыкально. Ник не говорил с ним отдельно. Прослушал цикл лекций, новых идей не нашел, все то же, что у мистиков, но говорит по-своему. <... />

Архив Эрн, публикуется по рукописной копии из собрания Н. В. Котрелева.

Позже были опубликованы: Бердяев Н. Теософия и антропософия // Русская мысль, № 11. 1916. Бердяев Н. Учение о перевоплощении и проблема человека. // Переселение душ. Париж. 1935, с. 63–82.

1435

ОР РГБ, ф.171.8.16, лл. 18–19об.

1436

Амфорта (Амфортас, Анфортас) – в сказании Вольфрама фон Эшенбаха король-рыбак, дядя Парсифаля, недостойный хранитель Грааля, страдает от незаживающей раны, символизируя собой болезненное безволие и бессилие как результат нравственной нечистоты. На этот сюжет написана опера Р. Вагнера «Персифаль». Трубецкой и Морозова, как и большинство представителей русской культурной элиты, находились под глубоким воздействием музыкальных и философских произведений Р. Вагнера. Они неоднократно присутствовали на Вагнеровских фестивалях в Байрейте. (Следует отметить, что кн. Е.Трубецкой был еще и композитором-любителем.) Этим объясняется столь частое употребление имен персонажей оперного цикла Р. Вагнера (Парсифаль, Лознгрин, Брунгильда) в переписке Трубецкого–Морозовой; см. пп. № 485, 491, 515. Благодарю за консультацию проф. О. А. Седакову.

1437

Радлов Э. рец. на книгу: Трубецкой Евг. "Миросозерцание Вл. Соловьева" // Журнал Министерства народного просвещения. 1913, сентябрь. На нее

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. последовал ответ: Трубецкой. Евг, кн. Э.Л.Радлов о В.С.Соловьеве //Русская мысль, 1913, №11; затем – Э.Радлов. Письмо в редакцию // Русская мысль, 1913, №12, содержащее резкое несогласие автора с оценкой рецензии Е.Трубецким и отказ от дальнейшей полемики с ним. <Сруве П.Б. /> "От редакции". Там же.

1438

Архив Эрна, частное собрание, ф.Булгакова, лл.77–78.

1439

возвещение (итал.), имеется в виду статья "Гасителя духа".

1440

Согласно предварительной программме книгоиздательства "Путь" А.В.Ельчанинов должен был написать монографию о русском правоведе и общественном деятеле Михаиле Михайловиче Сперанском (1772–1839), но не осуществил этого намерения.

1441

РГАЛИ, ф. 142, ед.хр. 198, оп. 1, лл. 198–199об.

1442

ОР РГБ, ф.171.8.16, лл. 27–28об.

1443

РГАЛИ, ф. 142, ед.хр. 198, оп. 1, лл. 201–202об.

1444

По-видимому, здесь неологизм, образованный от слова вещей, т. е. обладающий тайным знанием.

1445

М.А.Новоселов.

1446

Сборник не был издан.

1447

Мишенькин А. С. – учитель словесности одной из нижегородских гимназий, организовавший около 1913 г. религиозно-философский кружок для учащихся, который после 1917 г. просуществовал подпольно до 1929 года, когда был раскрыт и все его участники арестованы и сосланы.

1448

Перед смертью А.Н.Шмидт передала свои мистические рукописии, содержавшие по ее мнению внушения свыше, которые были изданы: Шмидт А.Н. Из рукописей. С письмами к ней Вл. Соловьева /Издание, предисл., и примеч. священника П.А.Флоренского и С.Н.Булгакова/. Без указания издательства. М. 1916. Кроме того ей посвящена статья: С.Н.Булгаков. Вл. Соловьев и Анна Шмидт // Тихие

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах. 1918. сс. 71–114

1449

Иноземцева Анна Андреевна, (рожд. Золотилова), (1864 – после 1915) – прозаик, драматург, журналистка религиозно-народнического направления; публиковалась регулярно в "Нижегородских губернских ведомостях".

1450

См. биографич. примеч. к п. № 14.

1451

С.Булгаков описал предыдущую встречу с Д.Мережковским З.Гиппиус в письме А.Глинке (Волжскому) от 12.12.1908.

1452

РГАЛИ, ф.142, ед.хр. 198, оп. 1, л. 204, открытка.

1453

РГАЛИ, ф.142, ед.хр. 198, оп. 1, лл. 205–206.

1454

Крестным отцом Сергея Сергеевича Булгакова был Михаил Александрович Новоселов.

1455

ОР РГБ, ф.171.8.16, л.47.

1456

ОР РГБ, ф.171.3.6а, л. 8, б. д.

1457

Радлов Э. Письмо в редакцию //Русская мысль, 1913, № 12, содержащее резкое несогласие автора с оценкой его рецензии Е.Трубецким и отказ от дальнейшей полемики с ним. Здесь же помещен ответ «От редакции», написанный П. Струве.

1458

В период полемики о личности и философском наследии Вл. Соловьева на страницах журнала «Вопросы философии и психологии» между его ближайшими друзьями, Е. Трубецким и Л. Лопатиным, последний пережил сердечное заболевание. Трубецкой в письмах к Морозовой (не вошедших в настоящую публикацию) переживает чувство вины перед другом за то, что их полемика могла стать причиной его болезни.

1459

ОР РГБ, ф.109. п.Морозовой, л.3.

1460

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
ОР РГБ. ф. 171.8.16, л. 48, об, 49, об.

1461

Контаминация нескольких речений Иисуса Христа: "Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего ни попросили, будет им от Отца Моего небесного. Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди вас" (Мф. 18, 19–20). "Все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите – и будет вам" (Мк. 11, 24). "Если пребудете во Мне, и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите и будет вам" (Ин.15, 7).

1462

ОР РГБ ф.171.3.6а, лл. 133–134об.

1463

Можно предположить, что реферат был на тему одной из глав книги П.И.Новгородцева «Об общественном идеале» (1917), над которой он в то время работал.

1464

Вероятно речь идет о книге Кант И. Основоположение к метафизике нравов (перевод под редакцией В.Хвостова).М., 1912.

1465

ОР РГБ ф.171.8.16, л. 50об; датировано по п.шт.

1466

Ср. п. Е.Трубецкого – М.Морозовой от 26.12.1913, где высказывается одобрение по поводу неучастия в "Пути" Вяч. Иванова, Мережковского, философа. В письме к Рачинскому, которое осталось нам недоступным, Трубецкой, по-видимому, убеждает его не приглашать Иванова к сотрудничеству в "Пути".

1467

РГАЛИ, ф.142, ед. хр.198, оп.1, л. 208–209.

1468

Столп и утверждение истины.

1469

Сборник статей "Материалы к спору об имени Божиим". СПб. 1914.

1470

ОР РГБ ф.171.8.2а, л. 1,об.; дат. по п.шт.

1471

//Вопросы философии и психологии. № 123 (I), 1914, май–июнь.

1472

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.

Видимо речь идет об участниках семинара по философии Соловьева, который Трубецкой вел в Университете Шанявского. См. о них в пп. Трубецкого – Морозовой от 12 и 17.06.1912.

1473

Реферат о книге флоренского "Столп и утверждение истины".

1474

Архив Эрна, частное собрание; открытка, датирована по пчт. шт.

1475

ОР РГБ ф.171.3.7, лл. 16–об.

1476

Архив Эрна, частное собрание; открытка, датирована по пчт. шт.

1477

Флоренская О. А.

1478

Флоренская Ю. А. см. о ней в примеч. к п. № 220.

1479

Архив Эрна, частное собрание, открытка, датирована по пчт. шт.

1480

Предположительно реферат В.Эрна был на одну из следующих тем: "Розмини и его теория знания", М. 1914, "Спор Розмини с Джоберти" //Известия Тифлиских высших женских курсов. Т. 1. 1914, "Спор о психологизме в итальянской философии" //Богословский вестник. Т. 4. 1914.

1481

Частная галерея западного искусства XIX–XX вв., коллекция которой впоследствии вошла в собрание Музея изобразительных искусств им. Пушкина.

1482

ОР РГБ, ф.171.8.2а, лл. 3–4об.; дат. по п.шт.

1483

Трубецкой Евг. кн. Свет фаворский и преображение ума // Русская мысль. 1914, № 4. Реферат посвящен недавно вышедшей книге о. Павла Флореского «Столп и утверждение истины».

1484

Трубецкой Сергей Евгеньевич.

1485

ОР РГБ, ф.171.3.4, л. 39; б.д.

1486

Вероятно, речь идет о студенческом религиозно-философском кружке, который упомянут в воспоминаниях: Николай Арсеньев. О московских религиозно-философских и литературных кружках и собраниях начала XX века. // Воспоминания о серебряном веке. /Сост., авт. предисл. и коммент. В.Крейд. – М.: Республика, 1993.

1487

Собрание, посвященное обсуждению книги Флоренского "Столп и утверждение истины", на котором Е.Н.Трубецкой выступил с докладом "Свет Фаворский и преображение ума".

1488

РГАЛИ, ф.142, ед. хр.198, оп.1, л.216-17об.

1489

А.Волжский. В обители преподобного Серафима. Путь. М. 1914.

1490

Булгаков С. Афонское дело. //Русская мысль. 1913. №9

1491

См. например: В.Розанов. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. СПб. 1914.

1492

ОР РГБ, ф.171.3.5, л.173, б.д.

1493

ОР РГБ, ф.171.8.2а, лл. 9-10об., датир. по пчт. шт. отпр.

1494

ОР РГБ, ф. 171.8.2а, л. 7-9.

1495

Вероятно речь идет о временном переезде Е.Н.Трубецкого в Петербург для участия в работе Государственного Совета, членом которого он был избран от Калужской губернии.

1496

ОР РГБ, ф. 171.8.2а, лл. 11-12об. Пчт. шт.

1497

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах

РГАЛИ, ф.142, ед. хр.198, оп.1, л.215.

1498

РГАЛИ, ф.142, ед. хр.198, оп.1, л.211-213.

1499

Н.А.Бердяев.

1500

Видимо речь идет о книге "Смысл творчества".

1501

В Тифлис.

1502

Можно предположить, что тема доклада совпадала с опубликованной впоследствии статьей В.Эрна "Природа научной мысли" //Богословский вестник. 1914. Т.1-2.

1503

Архив Эрна, частное собрание, ф. Булгакова, л. 32.

1504

Поездка в Италию не состоялась.

1505

Архив Эрна, частное собрание, открытка, датирована по почт. шт.

1506

См. примеч. к п. № 333.

1507

По возвращении из Рима семья Ивановых поселилась в Москве по адресу: Зубовский бульвар, 25, кв.9, В.Эрн прожил в их квартире до конца своей жизни.

1508

Шварсалон Вера Константиновна (1890 - 1920) - дочь Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал от ее первого брака; после смерти матери, с 1911 г. она становится женой Вячеслава Ивановича Иванова.

1509

Иванов Димитрий Вячеславович (род. 1912) - сын В.К.Шварсалон и Вяч. И. Иванова, впоследствии журналист, издатель Собрания сочинений своего отца, историк русской культуры "серебряного века".

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
1510

Голубкина Анна Семеновна (1864–1927) – скульптор, для работ которой характерны черты импрессионизма. Участница революционного движения 1905–07 гг.

1511

Архив Эрна, частное собрание, ф. Трубецкого л.1.

1512

Речь идет о магистерской диссертации В.Эрна, опубликованной под названием "Росмини и его теория знания", Путь. М. 1914.

1513

См. предыдущее примечание.

1514

Речь идет о заграничной командировке, не состоявшейся из-за начавшейся войны.

1515

В ОР РГБ хранится рукописный текст перевода "Пира" Данте, выполненный по заказу издательства "Братьев Собашниковых", где Эрну принадлежит перевод прозаических, а Иванову – поэтических частей. Издание не было осуществлено. См. ОР РГБ ф. 261 (изд-во Сабашниковых). 10.10.

1516

19 мая состоялась защита диссертации о. Павла Форенского на степень магистра богословия на тему: "О Духовной Истине" (изд. в 1912 г.), легшей в основу книги "Столп и утверждение Истины", см. Е.Голлербах //ВФ, 1994, № 2–4.

1517

Представитель высшей индийской касты священнослужителей.

1518

Представитель касты ремесленников, стоящих в традиционном индийском обществе на ступень ниже кшатриев (воинов).

1519

Епископ Антоний (Флоренсов), живший на покое в Донском монастыре; см. о нем в примеч. к п. № 109.

1520

А.М.Флоренская (Гиацинтова), жена о. Павла Флоренского.

1521

Ср. Шестов Л. Вячеслав Великолепный. К характеристике русского упадочничества. //Русская мысль, 1916, № 10, с. 80–110.

1522

Кругликова Елизавета Сергеевна (1865–1941), художница, график, автор многочисленных силуэтных портретов современников (в том числе В.Эрна, см. приложение), которые она вырезала из черной бумаги.

1523

Орлова Е.Н. – домовладелица, меценатка, покровительница М.О.Гершензона, издательница журнала «Критическое обозрение» (издавался до 1910 г.), в котором литературный отдел вел М.О.Гершензон.

1524

Можно предположить, что Эрн по просьбе Ельчанинова пропагандировал проект открытия школы, на новых педагогических принципах, разрабатываемых им в тифлисской гимназии Левандовского.

1525

Публикуется по машинописной копии из частного собрания; на конверте: Заказное. Саперный пер., д. 10, кв. 68. Ея Высокородию Елизавете Владимировне Карташевой с просьбой передать или переслать Д.С. Мережковскому от Розанова. Обр. адрес: г. Луга, Спб губ., имение Зыбина. Пчт. шт.: Луга. 15.06.1914.

1526

Речь идет о переиздании двухтомного трактата: Мережковский. Д. С. .Л. Толстой и Достоевский. // Полн. собр. соч. Т. IX–XII. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1914. Здесь, как и в предыдущих изданиях, есть два пассажа о В. Розанове: «Ницше, со своими откровениями нового оргазма, "святой плоти и крови", воскресшего Диониса – на Западе; а у нас, в России, почти с теми же откровениями – В. В. Розанов, русский Ницше. Я знаю, что такое сопоставление многих удивит; но когда этот мыслитель, при всех своих слабостях, в иных прозрениях столь же гениальный, как Ницше, и может быть, даже более, чем Ницше, самородный, первозданный в своей антихристианской сущности, будет понят, то он окажется явлением, едва ли не более грозным, требующем большего внимания со стороны церкви, чем Л. Толстой, несмотря на всю теперешнюю разницу в общественном влиянии обоих писателей». «<...> в вопросе пола, в этом по преимуществу нашем новом вопросе, от которого зависит все будущее христианства, вся его вторая не открывшаяся половина, – "кроткий демонизм" Л. Толстого, совершенно противоположен и все-таки подобен мятежному демонизму Достоевского». Собственно В. Розанову здесь принадлежат только два взятые в кавычки слова, о чем свидетельствует авторская ссылка. Первым откликом на первую публикацию трактата в журнале «Мир искусства» (1900, №№ 1–4, 7–12. 1901, №№ 4–12. 1902, № 2) был Розанов В. В. Новая работа о Толстом и Достоевском // новое время. 1900. № 8736. 24 июня.

1527

Намек на недавнюю попытку исключения В. Розанова из ПРФО за публицистическую поддержку обвинения евреев в ритуальных убийствах в ходе полемики вокруг "дела Бейлиса" в 1911–13 гг. См. подробнее об этом: Иванова Е. Об исключении В. В. Розанова из Религиозно-Философского общества. Доклад Совета и прения по вопросу об отношении общества к деятельности В. В. Розанова // Наш современник. 1990? № 10? с. 104–122. Записки С.-Петербургского Религиозно-Философского общества. Доклад Совета и прения по вопросу об отношении общества к деятельности В. В. Розанова. Стенографический отчет. Выступление Д. В. Философова. Однако в этом своем выступлении философ, поддерживаемый Мережковским и Гиппиус, ультимативно потребовал исключения Розанова из ПРФО.

1528

Кайданов Иван Кузьмич (1782-1845) – адъюнкт-профессор истории Царскосельского (впоследствии Александровского) лицея (1811-1841), автор учебников древней истории.

1529

Иловайский Дмитрий Иванович (1832-1920) – историк, публицист, автор пятитомной «Русской истории» и гимназического курса древней истории, откуда видимо и приводит цитату Розанов.

1530

Бейлис Мендель Тевье (1874-1934) – приказчик кирпичного завода в Киеве, который был обвинен в 1911 году в ритуальном убийстве мальчика-христианина Андрея Ющинского и на процесс в 1913 признан судом присяжных невиновным. После процесса уехал за границу, оставил воспоминания: Бейлис М. История моих страданий. 1925.

1531

Митюрников Иван Иванович – владелец книжного магазина в Санкт-Петербурге.

1532

Процесс Бейлиса подтолкнул Розанова к написанию серии статей, в которых он высказывает убеждение, что евреи в ритуальных целях должны употреблять кровь христиан; см. например: Розанов В. В. Есть ли у евреев тайны //Новое время. 9.12.1911. Иудейская тайнопись // Новое время. 12.12.1911; Иудейская тайна. //Новое время. 11.12.1911., которые впоследствии вошли в его книгу «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови». 1914.

1533

Столпнер Борис Григорьевич(1871-1937) – философ, социолог, переводчик, сотрудник «Еврейской энциклопедии» был постоянным посетителем воскресений Розанова, высоко отзывавшегося об этой столь значимой для него личности. В письме Н. Н. Глубоковскому 29.12.1909 он писал: «Столпнер – еврей, редкой честности и младенчества жизни, но редкой начитанности и ума <...>» (Цит. по: Переписка В.В. Розанова и М. О. Гершензона. 1909-1918. Вступительная статья, публикация и комментарииВ. Проскуриной) // новый мир. 1991, № 3, с. 215-242.

1534

«Но Мережковский, при кротких и милых его чертах, никогда не был умен; не был практически, "под ногами" умен». Розанов В. Опавшие листья. Короб первый. СПб. 1913.

1535

Там же.

1536

Итак, друзья, любим стиль вещей (фр.).

1537

Имеется в виду В.Д.Бутягина, вторая жена В.Розанова.

1538

Д.Мережковский. Розанов. // Русское слово. 1.06.1913. Переизд.: Мережковский Д. С. Было и будет., М. 1915, с. 237–253.

1539

дурно (фр.).

1540

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – редактор газеты «Новое время», где В. В. Розанов постоянно сотрудничал с 1899 по 1917. См. о нем: Розанов В. В. Из припоминаний и мыслей об А. С. Суворине. М., 1992.

1541

Суворин Михаил Алексеевич (1859–1918) публицист, один из ведущих сотрудников, а после смерти отца, А. С. Суворина (1912), – редактор «Нового времени».

1542

Ранее в этой газете была опубликована статья: Мережковский Д. С. Что такое язычество? // Новое время. 1902. 28 сент.

1543

Газета правого направления.

1544

Розанов неоднократно критически высказывался о призывах Л. Н. Андреева. См. его статьи: «Литературные новинки» // Новое время. 2.06.1904; «Русский "реалист" об евангельских событиях и лицах» // Новое время. 19.07.1907; «Л. Андреев и его "Тьма"» // Новое время. 25.01.1908.

1545

Арцыбашев Михаил Павлович (1876–1941) – писатель автор в то время скандально известного романа «Санин» (1908), см. рецензию: Розанов В. В. На книжном и литературном рынке // Новое время. 11.07.1908.

1546

Намек на статью: Философов Д. Конец Горького // Русская мысль, 1907? № 4? С 122–141.

1547

Писарев Дмитрий Иванович (1840–1868) – публицист и литературный критик, идеолог русского нигилизма и утопического социализма.

1548

Вероятно, отсылка к пророчеству о грядущем возмездии над неправедными жителями Тира: «Ибо так говорит Господь Бог: вот приведу против Тира от севера Навуходоносора, царя Вавилонского, царя царей, с конями и с колесницами, и со всадниками, и с войском, и с многочисленным народом»

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах (Иез. 26, 7).

1549

Сахарна – бессарабское имение Е. И. Апостолопуло, где летом 1913 г. вместе с семьей отдыхал Розанов. Из записей этого периода составлена книга «Сахарна», состоящая из трех частей: «Перед Сахарной», «Сахарна», «После Сахарны».

1550

Благочестивые (древнеевр.) – сторонники религиозно-мистического течения в иудаизме, возникшего в первой половине X III в. среди еврейского населения Вольни, Подолии и Галиции, как оппозиция ортодоксальному иудаизму. Для хасидизма характерна мистическая экзальтация, почитание цадиков (праведников).

1551

в положении женщины (лат.).

1552

Согласно средневековым поверьям на Лысой горе (гора Броккен в Гарце) ежегодно в Вальпургиеву ночь (на 1 мая) происходил ведьмовский шабаш, где совершалась черная месса.

1553

Согласно книге Исход (19–34) на горе Синай Господь заключил Завет с еврейским народом и дал Моисею скрижали, на которых были высечены 10 заповедей.

1554

последнее (лат.).

1555

сущность (лат.)

1556

Скабичевский Александр Михайлович (1838–910/11) – критик, историк русской литературы либерально-народнического направления.

1557

Гольцев Виктор Александрович (1850–1906) – журналист либерально-народнического направления, литературный критик, до конца дней редактировал журнал "Русская мысль".

1558

Эту фамилию носили представители целого клана российских врачей, юристов, общественных деятелей еврейского происхождения, наиболее известные из которых:

Винавер Максим Моисеевич (1862–1926) – правовед, один из основателей кадетской партии и заместитель председателя ее ЦК, депутат I Государственной Думы от СПб.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.

Винавер Михаил Львович (1880–1942) – работник Политического Красного Креста, погиб в заключении.

1559

простонародная форма слова "адвокат" для обозначения любого юриста.

1560

либеральная печать.

1561

ОР РГБ, ф.171.8.26.

1562

Вл. С. Соловьев и кн. Е. Трубецкой //Вопросы философии и психологии. 1914, № 123 (I).

1563

ОР РГБ, ф.171. 2. 19, лл. 13–14об.

1564

Обе книги не были изданы в "Пути".

1565

Книга не была издана в "Пути".

1566

РГАЛИ, ф. 142, ед.хр. 198, оп. 1, лл. 219–220об.

1567

ОР РГБ ф.171.3.7, л.120; б.д.

1568

В доме М.К.М. был организован лазарет для раненых. См. № 515.

1569

ОР РГБ, ф.171. 26. л.24–об.

1570

Статья не была опубликована, см. № 516.

1571

См. Трубецкой Е., кн. Война и мировая задача России. М., 1915.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
1572

Фихте. См. примеч. к п. № 382.

1573

Трубецкой Александр Евгениевич (1893–1968), сын Е.Н.Трубецкого, был призван на фронт с 4-го курса юридического факультета Московского университета в чине прапорщика и до конца 1917 г. находился в действующей армии. Весной 1918 участвовал вместе с присяжным поверенным В.С.Полянским (вероятно провокатором), М.Лопухиным, В.Трубецким, Н.Лермонтовым, Г.Осоргиным и братьями Соловыми в неудавшейся попытке освобождения Императора Николая II и его семьи из-под ареста. В 1920 г. эвакуировался в составе армии ген. Врангеля в Константинополь, умер в Париже.

1574

ОР РГБ ф. 171.3.66, л. 107–108об.

1575

ОР РГБ, ф.171. 2.19, лл. 22–23об.

1576

Векилов Александр Давидович – офицер, брат Е.Д.Эрн

1577

ОР РГБ ф. 171.3.66, л. 97.

1578

ОР РГБ ф. 171.8.26, лл. 28–29об.

1579

Речь идет об изданной впоследствии книге: Е.Н.Трубецкой. Гносеологические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства. М., 1917.

1580

ОР РГБ ф. 171.8.26, лл. 31.

1581

Замятнина Мария Михайловна.

1582

Шварсалон Сергей Константинович и Шварсалон Константин Константинович , офицеры, сыновья Л.Д.Зиновьевой-Аннибал. .

1583

В часовню иконы Иверской Божией Матери в Воскресенских воротах на Красной площади (разрушена в 1934 – ввосстановлена в 1995 г.)

1584

Любавский Матвей Кузьмич – ректор Московского Университета с 1906 по 1918 г., ординарный профессор историко-филологического факультета.

1585

Лейст Эрнест Егорович – помощник ректора Московского Университета, ординарный профессор физико-математического факультета. Должности субъинспектора в штате Университета не было.

1586

Братья Бландовы владели сетью молочных магазинов, расположенных по всей Москве. По пути к дому Новоселова (Нижний Лесной пер., 2) Эрн мог зайти в молочную, располагавшуюся в Охотном ряду.

1587

Секретарь издательства "Путь".

1588

ОР РГБ ф.171.3.66, лл.110–112об.

1589

РГАЛИ, ф. 142, ед.хр.198, оп. 1, лл.222.

1590

Флоренская О.А, сестра П.А.Флоренского.

1591

Флоренская О. П., мать О.А. и П.А.Флоренских.

1592

Статьи составили сборник: В.Эрн. Меч и крест. М. 1915.

1593

ОР РГБ ф.171.8.26, лл. 32–33.

1594

В.Эрн и Вяч.Иванов вместе перевели "Пир" Данте.

1595

Один из членов купеческой семьи Щукиных, крупных предпринимателей, меценатов, коллекционеров древнерусского и нового западного искусства.

1596

В.Эрн. Спор об имени Божиим. //Христианская мысль, 1916, т. 9, с. 101–109; Его же. Разбор Послания Св. Синода об имени Божиим //Религиозно-философская библиотека. М. 1917.

1597

После заседания (6.10.1914) «Он <Вяч. Иванов> рассказывает о лекции Эрна "От Канта (кантианства) к Крупфу" – какую бурю негодования вызвал, и только один он, В.И., нашел достаточно мужества поддержать его. А немцы признали Эрна правым. Коген в одном письме говорит, что немецкие полководцы – ученики кантовских учеников. Так сильна у нас немецкая идеология. В этой войнесталкиваются разные интересы – и ее ведут не только на земле – здесь борьба таинственных сил, борьба философий – неокантианства с платонизмом <...> В.И. говорил – что идет борьба немецкого духа с античностью. Романские народы выросли, воспитались на античности. По словам Ростовцева, славяне эллинизировались еще через скифов. В обоих народах есть слияние с античностью, восприятие античности в недра духа (православие – платонизм). Германцы воевали с античным миром: они усердно усваивали, изучали античность, но то было только изучение, а не приятие и внутреннее перерождение на античности <...>» // «...Мои встречи с вами нетленны. Вячеслав Иванов в дневниках, записных книжках и письмах П.А.Журова. Публикация, вступит. ст. и примечания Субботина С.И. // Новое литературное обозрени. 1994, № 10, с. 209–236.

1598

В.К.Шварсалон, жена Вяч. Иванова.

1599

Иванов Димитрий Вячеславович (род. 1912) – сын В.К.Шварсалон и Вяч. Иванова.

1600

Частные курсы в Москве по подготовке к сдаче экстерном за курс гимназии.

1601

Вильшау Владимир Робертович (1868 – 1957) – пианист, педагог; преподавал с 1909 по 1924 в Московской консерватории.

1602

Коты в доме Ивановых полушутя считались "домашним тотемом". В Римской музее-квартире Вяч. Иванова хранится портрет одного из котов работы художника Сергея Иванова.

1603

Гречанинов Александр Тихонович (1864–1956) – русский композитор.

1604

Вяч. Иванов не написал такого либретто.

1605

Открытое заседание МРФО, посвященное началу Мировой войны состоялось 6.10.1914 в большом зале Политехнического музея. С докладами, впоследствии опубликованными, выступили:

Рачинский Г.А. Братство и свобода // Русская мысль, 1914, № 12, разд. 2, с. 83–87.

Трубецкой Е.Н., кн. Война и мировая задача России // Там же, разд. 2, с. 88–96.

Вяч. Иванов. Вселенское дело // Там же, с. 97–107.

Булгаков С.Н. Русские думы // Там же, с. 108–115.

Эрнв. От Канта к Круппу // Там же, с. 116–124.

1606

Архив Эрна, частное собрание. На конверте: Тифлис, Матиновская, 26. Е.В.Б. Александру Викторовичу Ельчанинову.

1607

Приведем впечатление еще одного из присутствовавших на этом заседании: «Октябрь 1914 года. Третий месяц войны. Открытое заседание религиозно-философского общества памяти В.Соловьева. Большая аудитория Политехнического музея полна, а публика все прибывает... переполнены все проходы, слушатели уже размещаются на эстраде. Пять речей на тему о религиозном смысле войны. Тихо и напряженно-внимательно слушает аудитория вступительное слово председателя Г.А.Рачинского, скоро и дружно отвечает она на гражданский пафос Е.Н.Трубецкого, прерывая его рукоплесканиями, саркастически усмехается и негодует вместе с Вячеславом Ивановым на немецкого Мефистофеля, соблазняющего Фауста; вдумчиво внимает размышлениям С.Н.Булгакова... Но вот на трибуну выходит Владимир Эрн: "...Я убежден, во-первых, что бурное восстание германизма предрешило Аналитикой Канта; я убежден, во-вторых, что орудия Круппа полны глубочайшей философичности; я убежден, в-третьих, что внутренняя транскрипция германского духа философии Канта закономерно и фатально сходится с внешней транскрипцией того же самого германского духа в орудиях Круппа..."

– Ах этот Эрн! – слышится со всех сторон, – опять он всех рассердил и никого не убедил! То же слово, да не так молвил. Недоуменные перглядывания... Что он несет?!

Вспыхнула полемика, посыпались обвинения: "Не читал Канта! Блудный сын философии! славянофильствующий богоискатель!"

Что же сделал этот рыцарь русской философии с нерусской фамилией и отчеством? – Он заострил и без того острые углы, отчего тупые стали еще тупее. Он набрал курсивом там, где было набрано петитом, он примечания перенес в текст, он продолжил линии, которые современники не решились продолжить, затер точки, на которых они хотели остановиться. Параллели он перенес в иные измерения, и они там пересеклись... И все это он назвал словами, которые стали крылатыми: "От Канта к Круппу"».

"Сколько напрасных ударов принял он на себя, – думалось жалеющими его друзьями, и было досадно за него. Казалось, нападающие в чем-то правы, но и он не виноват..." С.Аскольдов. Памяти Эрна. Машинописный сборник. Архив Эрна, частное собрание.

1608

См. прим. к № 459.

Вероятно, имеется в виду несохранившаяся в архиве вырезка из газеты.

1610

Вяч. Иванову принадлежат две статьи о творчестве А. Скрябина, увидевшие свет после скоростижной смерти композитора: «Взгляд Скрябина на искусство» (доклад на заседании МРФО) // Родное и вселенское. М., 1918; «Скрябин и революция», Собр. соч. Брюссель, 1979, т. 3, с. 172–189.

1611

Вот как запомнлась биографу композитора одна из таких бесед Иванова со Скрябиным: «Мнение Вяч. Иванова его расстраивало. Ему хотелось быть с ним во всем соидарным, а этогоне вышло... Помню в этот же день в гостиной они заспорили о мистерии. Разговор принял сразу самые "эзотерические" очертания: говорилось тут о расах, о мессиях рас, о конечны мистериях, о "манвантарах" и прочем. В. Иванов обнаруживал, к великому удовольствию Скрябина и доктора, огромную осведомленность во всех этих вещах и даже в самой терминологии. Зашло дело и о Христе как миссии человечества. Тут начали выясняться точки расхождения с Скрябиным. Стоявший на точке зрения христианской теодицеи и мистики В. Иванов не мог понять, почему А. Н. так горячо настаивал на том, что Христос "не единственный мессия", и даже не "из самых важных": ему надо было "очистить место для творца Мистерии". <...> А. Н. горячился. Он начал доказывать, что есть "мессии рас", которые появляются в пограничных эрах, при конце "манвантары", чтобы свершить мистирию и воссоединить человечество с божеством или "мировым духом" <...> И есть простые, "будничные" мессии, которые как бы готовят человечество для этих настоящих. Судя по всему разговору, <...> – Христос как раз попадал в эти самые "будничные мессии". Место "праздничного" очевидно А. Н. очищал для себя, но В. Иванов не понимал или делал вид, что этого не понимает, а Скрябин, "деликатный" по отношению к себе, не хотел высказать всего этого своего мнения ентотес леттрес».Сабанеев Л. Л. Воспоминания. М., 1926. С.

1612

«Очень много говорили о Мистерии, о ее провиденциальном значении, о ее смысле, причем комментаторами являлись преимущественно Вяч. Иванов и Подгаецкий, отчасти Шлецер. Бывал Булгаков, и я не мог скоро не почувствовать, что Скрябина начинают как-то перекрашивать, в такие цвета и направления, каких у него при жизни как будто и не было. Это было и не удивительно: в кружке был определенный мистический уклон и притом не столько в сторону теософии, сколько в сторону "неохристианства"» <...> В частном разговоре сам Скрябин так определил конечную цель своего творчества: «Мистерия – это акт эротический, акт любви. Вот, как любовь между мужчиной и женщиной оканчивается (тут он понзил голос до шопота) актом излияния семени – так и в Мистерии <...> И вот это (он наиграл последние такты сонаты) – это есть излияние и затем то ослабление, которое всегда бывает, исчезновение в небытие <...> Не мистерия будет подражать нашему "акту", а мы сейчас подражаем будущей Мистерии <...> Единый овладеет всем женственным – всем миром. Нельзя описать этого – он замылся – как нельзя ведь сказать, какими ласками (тут он опять понзил голос) будет мужчина ласкать женщину в момент экстаза – так и тут это нельзя высказать... Татьяна Федоровна, прислушавшаяся к разговору, почему-то осталась недовольна таким концом мистерии, видимо ее ласки Единого по отношению к множеству мало устраивали».Сабанеев Л. Л., с. 107.

1613

А. Скрябин излагал идею свето-музыкальной кантаты "Предварительное действие" (оставшейся незавершенной), в которую по мысли автора должно быть постепенно втянуто все человечество, а в его финале наступит Мистерия "конец времен" и начнется "новый эон".

1614

Периодическое издание, публиковавшее рецензии на наиболее интересные книжные новинки и изложения публицистических статей.

1615

РГАЛИ, ф.142, ед.хр. 198, оп.1, л. 223.

1616

Соловьев Николай Васильевич – владелец сети книжно-антикварных магазинов.

1617

Трагедия впервые была опубликована под заглавием «Сыны Прометея» // Русская мысль. 1915, № 1 (январь-февраль). Отдельным изданием: Иванов Вячеслав. Прометей / Алконост, Петербург, 1919.

1618

ОР РГБ ф.171.

1619

РГАЛИ, ф.142, ед.хр. 198, оп.1, л. 224–225.

1620

Булгаков С. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1917.

1621

РГАЛИ, ф.142, ед.хр. 198, оп.1, л. 227–228.

1622

Намек на кн. Е.Н.Трубецкого, в первые месяцы войны опубликовавшего несколько сочувственных статей о поляках и евреях, ставших жертвами принудительной эвакуации; ср. в наст. публ. п. Трубецкого–Морозовой от августа 1914.

1623

Булгаков С.Н.. Война и русское самосознание. Публичная лекция. М., 1915.

1624

Экрн В />. Спор о германской культуре (в Религиозно-философском обществе памяти Вл. Соловьева в Москве) //Утро России, 1915, № 31, с. 4.

1625

Эрн В. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия /Война и культура. М., 1915.

1626

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах Е.Н.Трубецкой. Национальный вопрос. Константинополь и Святая София. М., 1915.

1627

В архиве Вяч. Иванова сохранилось приглашение на литературный вечер, состоявшийся в ее доме (Новинский бульв. 103) 15 марта 1915, на котором выступил Л.Закс с докладом: "Оправдание реализма".

1628

Ильин Иван Александрович (1883-1954) – философ, исследователь Гегеля, политический мыслитель, теоретик и историк религии и культуры.

1629

Бердяев Н. О "вечно бабьем" в русской душе. Эпигонам славянофильства. //Биржевые ведомости, 1915, 14-15 января, 18 февраля; поводом для нее послужила статья В.Розанова. Война 1914 г. и русское возрождение //Биржевые ведомости, 1915, № 3.

1630

В.Эрн. Налет валькирий // биржевые ведомости, 23.01.1915. Переиздание: //Меч и крест. М., 1915. Затем в полемику вступил Вяч. Иванов. Живое предание. Ответ Бердяеву //Биржевые ведомости, 18.03.1915. В ответ выступил Н.Бердяев. Омертвевшее предание //Биржевые ведомости, 8.04.1915, № 323.

1631

Дима Иванов в это время болел корью.

1632

Павел Флоренский. Смысл идеализма. Сергиев посад, 1914.

1633

РГАЛИ ф.142, оп.1, ед.хр.376. Дарственная надпись на отдельном оттиске речи «От Канта к Круппу», произнесенной в публичном заседании МРФО 6 октября 1914 г. в Москве // Русская мысль, 1914, № 11.

1634

Л.В.Иванова и В.К.Шварсалон.

1635

Лидия Вячеславовна Иванова.

1636

Архив Эрна, частное собрание, ф. Аскольдова, л.17, открытка.

1637

И.А.Ильин.

1638

В.Эрн. Налет валькирий // Биржевые ведомости. 23.01.1915, 30.01.1915.

1639

Гаккебуш Михаил Михайлович (Горелов) – редактор газеты «Биржевые ведомости» был в дружеских отношениях с Вяч. Ивановым. В его квартире выступал композитор Гречанинов, аккомпонируя на фортепиано исполнителям написанных им романсов на слова Бальмонта, Блока, Городецкого, Вяч. Иванова.

1640

В доме М.К.Морозовой (Новинский бульвар, 103) в те же годы также регулярно проводились музыкально-художественные вечера: 5.12.1913, 14.12.1913, 4.02.1914 музыковед М.Я.Корецкий прочел цикл докладов на тему: "Музыка абсолютная и музыка программная". Все приглашенные получили печатный текст тезисов доклада:

1) Музыка в ряду других искусств. Отношение музыки к природе. Музыка не имеет цели вызывать в слушателе чувство. Изображение чувств и идей не есть содержание музыки. Выяснение содержания музыки: содержание музыки есть нечто чисто музыкальное, не имеющее элементов вне музыкальной сферы мыслей и идей, – "бессодержательность" музыки.

2) Инструментальная музыка. Определение понятия музыки абсолютной и программной. Отношение композитора к программе. Программой инструментальной музыки не существует. Можно ли рассказать содержание инструментального музыкального произведения.

3) Вокальная музыка. Связь музыки с языком. Безусловное подчинение музыки содержанию текста обратно пропорционально ее самостоятельной красоте. Речитатив, песня, романс, опера и музыкальная драма.

ОР РГБ, ф.109.Вяч.Иванов, лл. 5–10.

1641

Вероятно, Ю.Балтрушайтис.

1642

Николай Александрович и Лидия Юдифовна.

1643

Вероятно лекция на тем

1644

Нилендер Владимир Оттонович (1883–) – филолог-классик, сотрудник «Мусагета». В его переводе в этом издательстве вышел Гераклит Эфесский. Фрагменты. М., 1910.

1645

ОР РГБ ф.171.3.7, лл. 5–6об.

1646

На второй неделе Великого поста.

1647

Артиллерийское училище Великого князя Михаила Александровича, куда хотел поступить М.М.Морозов.

1648

Вероятно, имеется в виду Игнатьев Павел Николаевич (1870–1926), граф, – в январе 1915 – декабре 1916 – министр народного просвещения, был известен своими либеральными настроениями и дружескими связями с кадетами.

1649

Рачинский Сергей Сергеевич (?) – чиновник министерства народного просвещения, племянник Г.А.Рачинского

1650

Радлов Эрнест Леопольдович– философ, в то время заместитель председатель философского общества при СПбургском университете, сотрудник Императорской публичной библиотеки, чиновник министерства народного просвещения.

1651

Вероятно, имеется в виду Оболенский Владимир Андреевич (1869–1950), князь, – один из лидеров левог ЦК кадетской партии.

1652

Машинописная копия из частного собрания. Благодарю А. Б. Шишкина за консультацию.

1653

Минцлова А.Р., см. биографическую справку о ней в прим. к ее п. к Вяч. Иванову от 9.10.1909 наст. изд.

1654

Архив Эрна, частное собрание.

1655

Л.Ю.Бердяева, А.К.Герцык, Н.В.Крандиевская; предположительно: А.Д. Радлова, Е.Г.Полонская.

1656

Крандиевская Наталия Васильевна (1888–1963) – поэтесса, начала писать стихи в 7 лет, в 13 лет опубликовано несколько стиховорений; с 1915 по 1935 жена А.Н.Толстого.

1657

Вероятно, "Налет валькирий".

1658

Е.Ю.Рапп.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках
1659

лекция на тему ранее опубликованной статьи "О вечно бабьем в русской душе".

1660

Дружеское прозвище Юргиса Балтрушайтиса, поэта, критика.

1661

Ульянов Николай Павлович (1875-1949) – художник, книжный график. См. монографию, изданную к его 50-летию: Грифцов Б., Муратов. Николай Павлович Ульянов. М.; Л., 1925.

1662

Пастернак Леонид Осипович (1862–1945) – живописец, книжный график.

1663

Эрн В. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. М., Типография Т-ва И.Д.Сытина, 1915. Серия «Война и культура».

1664

Бердяев Н. Ницше и современная Германия // Биржевые ведомости, № 14650, 4.02.1915.

1665

Ген. Булгаков командовал пехотным корпусом, с которым вышел из окружения.

1666

Во время франко-прусской войны около французского г. Седан 2.09.1870 германские войска под командованием ген. Х. фон Мольтке (старшего) окружили и разбили французскую армию маршала П. Мак-Магона, которая капитулировала во главе с императором Наполеоном III, что явилось толчком к падению Второй империи. С тех пор слово "Седан" употребляется в нарицательном смысле для обозначения сокрушительного военного поражения.

Фермопилы – горный проход к югу от Фессалийской равнины, соединяющий север и юг Греции. Во время греко-персидских войн, в 480 г. до н.э., 300 спартанских воинов во главе с царем Леонидом стойко обороняли Фермопилы от персов и все погибли в неравном бою. Слово стало нарицательным для обозначения военного героизма.

1667

Жилкин Иван Васильевич (1874–1958) – журналист, сотрудник "Русского слова", прозаик, общественный деятель.

1668

Ян-Рубан(наст. фамилия Петрункевич) Анна Михайловна(† 1955)– певица, и ее муж, Поль Владимир Иванович(† 1963 ?) – пианист, композитор, аккомпанировал на концертах своей жены. С.Маковский, редактор "Аполлона", тонкий знаток музыки, вспоминал: "В атмосфере энциклопедической просвещенности, где музыка дружила с философией, и красоты Италии с русским фольклором, где встречались постоянно – Лев Шестов, Евгений Трубецкой, С.Н.Булгаков, Вяч.Иванов, Глиэр, Гречанинов, Метнер, выработал Поль свое мировоззрение пианиста и композитора, и расцвел удивительный дар Ян-Рубан, камерной

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках Листа, Шопена, Скрябина. Оба они прекрасно дополнили друг друга. Всегда гостеприимной чете оказались Рачинские. Любознательность, любопытность <Поля /> были беспредельны, и потому заглядывал он к спиритистам, и в кумирни тайных обществ, и к плутовским духовидцам, "втирателям очков", более или менее безобидным... Ему не было тридцати лет, когда сплелась вокруг него легенда многоопытного "мудреца", не напрасно побывавшего и в Индии (куда он никогда не ездил)." Сергей Маковский. На Парнасе "серебряного века". Мюнхен. 1962, с. 346–348.

1669

Оленина – д'Альгейм Мария Алексеевна (1869–1970) – русская певица (меццо-сопрано).

1670

Архив Эрн, частное собрание. Открытка, датирована по почт. шт.

1671

Сергей Константинович Шварсалон.

1672

Т.е. от Сергея Николаевича Трубецкого.

1673

Эрн Домна Францевна, сестра В.Эрна.

1674

Векилов Николай Давыдович, домашнее прозвище Карл, брат Е.Д. Эрн (Векиловой), офицер.

1675

Текст телеграммы: "Подлейшему Володьке ура. Николай." Архив Эрн, частное собрание.

1676

Петроградские Высшие женские курсы, куда Эрн приглашали в качестве преподавателя философии.

1677

Петр Бернгардович Струве был осужден за выступление в Думе

1678

Шлецер Татьяна Федоровна (1883–1922) – пианистка, с 1905 вторая (гражданская) жена А.Н.Скрябина. Тем же днем датировано приглашение, направленное М. Морозовой Вяч. Иванову, на "музыкальный вечер, посвященный произведениям А.Н.Скрябина сучастием М.С.Неменовой-Лунц и Л.Л.Сабанеева". //ОР РГБ, ф.109. Вяч.Ив. л.13.

1679

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Скрябин Юлиан Александрович (1908–1919), сын А.Н.Скрябина, утонул в Днепре в возрасте 11 лет.

1680

ОР РГБ ф.171.3.7, лл. 82–84.

1681

Г.А.Рачинский.

1682

ОР РГБ ф.171.8.3. лл. 3–4об.

1683

Намек на Владимира Францевича Эрна и Петра Бернгардовича Струве, занимавших подчеркнута патриотическую позицию.

1684

РГАЛИ, ф.142, ед.хр. 198, оп.1, л. 230–233

1685

В 1905 г., в краткий период издания С.Булгаковым в Киеве газеты "Народ".

1686

С.Н.Булгакову

I

Пусть голод пленниц-душ неутолим:

Все ж ночью вешней колокол пасхальный,

как белый луч, в тюрьме сердец страдальной

затеplit Новый Иерусалим.

И вновь на миг подвигнутся сердца.

И трепетно соприкоснутся свечи

огнепричастьем богоносной встречи.

И вспыхнет сокровенное далече

на лицах отсветом Единого Лица.

II

Христос Воскрес! Воскрес Христос,

И смертью смерть попрал!

Кто духа тьмы в юдоли слез

Любовью поборал,

Пленял любовью духа злоб

И крест любви понес, –

Над тем распался душный гроб,

Тому воскрес Христос.

1905

1687

В приведенной цитате из церковно-славянского текста Евангелия от Матфея (26,75), повествуется о раскаянии Петра после троекратного отречения от Иисуса Христа в ночь перед Его Распятием.

1688

Речь идет о желании принять сан священника.

1689

Булгаков, по-видимому, имеет в виду участие Вяч. Иванова в издававшихся Г.Чулковым сборниках "Факелы", где проповедовался "мистический анархизм".

1690

Памятник Гоголю работы скульптора Андреева был открыт в Москве 26 апреля 1909 г.

1691

ОР РГБ ф.171.3.7, лл. 85–86об. Датировано по дням Страстной недели в 1915 г.

1692

Пасха в 1915 г. приходилась на 22 марта ст. ст.

1693

ОР РГБ ф.171.8.3, лл. 5–6об.

1694

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
Геловани Г., князь, вошел санитаром-добровольцем в группу медиков во время борьбы с эпидемией тифа в 1912 г. и умер от этой болезни. Кн. Е.Трубецкой умер от тифа в Новороссийске 23 января 1920 г. накануне эвакуации остатков Белой армии.

1695

Неустановленное лицо.

1696

А.Н.Толстой.

1697

Звенигородский Андрей Владимирович, князь (1882-?) – одноклассник Эрн, флоренского, Ельчанинова по 2-ой Тифлисской гимназии.

1698

Сначала была прочитана в качестве лекции, затем опубликована: Эрн В.Ф. Меч и крест. М., 1915.

1699

Багалей Д.И. Сочинения Сковороды и стоящие в связи с ними исследования. //Известия Императорской Академии наук. 1914. См. также его монографию: Багалій Д.І. Український мандрований філософ. Грігорій Савич Сковорода. Харків, 1926.

1700

Вышел только один номер этого журнала, опубликован со вступительной статьей и комментариями: Проскурина Вера. Рукописный журнал «Бульвар и переулок» // Новое литературное обозрение. 1994, № 10, с. 173–208.

1701

М.О.Гершензон />. Теория словесности //Бульвар и переулок.

1702

<Вяч. Иванов />.Бедный викинг.Там же.

1703

<Л.Ю.Бердяева />.Врачи и лечебницы. Мысли и недомысли мудрых людей.Там же.

1704

<Шварсалон В.К. />Самсон и Далила в генеральском мундире.Там же

1705

Шварсалон Константин Константинович, офицер, сын от первого брака Л.Д.Зиновьевой-Аннибал, брат В.К. и С.К.Шварсалон.

1706

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах Л.Д.Зиновьева-Аннибал Л.Д., вторая жена Вяч. Иванова.

1707

Шварсалон Сергей Константинович, офицер, сын от первого брака Л.Д.Зиновьевой-Аннибал, брат В.К. и К.К.Шварсалон.

1708

Векилов Георгий Давыдович, окончил юридический факультет Московского Университета, офицер, брат Е.Д.Эрн(Векиловой).

1709

Орденом св. Владимира награждались офицеры Российской армии за личное мужество в бою.

1710

Скрябин скоропостижно скончался от фурункула на верхней губе.

1711

Сразу после смерти Скрябина М.К.Морозова пожертвовала его семье 10000 рублей, а потом выплачивала регулярную пенсию.

1712

Объявления о сдаче квартир в наем.

1713

Ю.Балтрушайтис.

1714

Жиляев Николай Сергеевич (1881–1938) – композитор, музыкальный теоретик, критик и текстолог, преподаватель Московской консерватории.

1715

Корш Федор Евгеньевич (1843–1915) – филолог, переводчик, публицист, педагог.

1716

Нилендер В. О., филолог-классик и переводчик. См.: Эсхил. Прометей прикованный /перевод С. Соловьева (диалоги и монологи) и В. Нилендера (хоры). М., л. 1927. Здесь и далее автор письма саркастически обыгрывает фамилию Нилендера.

1717

пробу, испытание (фр.).

1718

К.К.Шварсалон.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.

1719

Вероятно, В.Д.Шер.

1720

Впоследствии вышла книга Эрн В. Разбор послания Святейшего Синода об имяславии. М., 1917.

1721

РГАЛИ, ф.142, ед.хр. 198, оп.1, л. 235.

1722

ОР РГБ, ф.171.3.7, лл. 92–93. Не датировано.

1723

Название доклада установить не удалось.

1724

Векилов Г.Д.

1725

В.К.Шварсалон и Л.В.Иванова.

1726

Автор сравнивает вид Москвы с Воробьевых гор с видом Рима с Яникульского холма.

1727

РГАЛИ, ф.142, ед.хр. 198, оп.1, л. 236–237.

1728

ОР РГБ ф.171.8.3, л.9.

1729

Струве П. Б., см. о нем в примеч. к № 342.

1730

Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) – адвокат, защитник на процессах большевика Н.Абаумана (1905–07) и М. Бейлиса (1913), депутат 2, 3 и 4-ой Государственной Думы, с 1906 член ЦК партии кадетов, занимал в нем правые позиции, член масонской ложи, член Прогрессивного блока, брат министра юстиции Н. А. Маклакова. В 1915 г. выступил со знаменитой статьей «Трагическое положение» («Русские ведомости», № 221), где речь шла о «безумном шофоре», который «править не может», «ведет к гибели вас и себя», но «цепко ухватился за руль» и не пускает людей, «которые умеют править машиной». Под этой прозрачной метафорой подразумевался император Николай II. С 1915 г. один из лидеров московских кадетов, выразивших свою позицию в резолюции заседания ЦК 29.09.1915 следующими словами: «Отложить счета с

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. властью до момента поражения внешнего врага». Поддерживал (но лично не участвовал) заговор против Г. Распутина. После февраля 1917 активный деятель Временного правительства, с августа по ноябрь 1917 – посол Российской республики во Франции, один из основателей «Белого движения».

1731

Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам (ВЗС) и Союз городов – общественные организации, созданные с началом войны для помощи фронту: переправка раненых, устройство госпиталей, интендантские поставки. Съезды Земского и Городского союзов прошли в Москве в середине марта 1915 г.

1732

Котляревский С. А., см. о нем примеч. к № 145, член ЦК кадетской партии.

1733

Львов Георгий Николаевич, см. о нем в примеч. к № 259; с 1914 председатель (главноуполномоченный) Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, один из руководителей Объединенного комитета Земско-городского союза (Земгор). В августе 1915 общественностью было составлено 6 списков кандидатов в правительство – в 4 списках фигурирует Г. Львов (премьер-министр, министр внутренних дел) А. И. Гучков, со ссылкой на рассказ А. И. Хатисова (в то время председателя Кавказского комитета союза городов), рассказывал, что в декабре 1916 Львов предложил план «дворцового переворота», во главе которого должен был стоять Великий князь Николай Николаевич. Львов просил Хатисова сообщить этот план Великому князю, надеясь войти в его правительство. (См. «А. И. Гучков рассказывает...» // Вопросы истории. 1991, № 7-8, с. 212-213. Указом Николая II от 2.03.1917 Львов был назначен председателем Совета министров и министром внутренних дел. П. Милюков, приложивший немало сил, чтобы отстоять кандидатуру кн. Львова против кандидатуры М. Родзянко, писал впоследствии о первом премьер-министре Российской республики: «Надо признать, что выбор князя Львова главой революционного правительства был столь же неудачен, сколько он был в свое время неизбежен. Гамлетовская нерешительность, прикрытая толстовским непотычливостью и облеченная в слащаво-елейный официально-оптимистический стиль, – это было прямо противоположно тому, что требовалось от революционного премьера». (Цит. по: Думова Н. Г. Кончилось ваше время. М., 1990). В. Д. Набоков дает деятельности кн. Львова схожую оценку: «Он не только не делал, но и не пытался сделать что-нибудь для проиводействия все растущему разложению. Он сидел на козлах, но даже не пробовал собрать вожжи. Он чужд был честолюбия и никогда не цеплялся за власть». (Цит. по: Временное правительство // Архив русской революции. Берлин. (М.), 1991, т. 1, с. 40.). Подробнее о нем см. Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993.

1734

Демидов Игорь Платонович (1873–1946) – внук по матери В.И. Даля, земский деятель, член левого крыла ЦК кадетской партии, масон, член I Государственной Думы, с началом войны организовал передовой санитарный отряд, во главе которого стала его жена Е.Ю. Демидова. Принимал активное участие в работе ВЗС. В Думе пользовался доверием "справа и слева", в административных верхах и среди общественности; играл роль посредника между фракциями, с одной стороны, комиссиями и правительством, с другой; ратовал за объединение демократических сил и более радикальный тактический курс. После февральской революции поддерживал коалицию кадетов с социалистами. После Октября участвовал в создании антибольшевистского «Национального центра», руководил его работой в Киеве до 1919 г. По его словам из революции «кадеты вынесли лишь одно – наш демос никуда не годен, ни на что не способен и только палкой его головы можно успокоить и привести в порядок». Цит. по: Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (окт. 1917–1920). М. 1983. см. подробнее о нем: Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М. 1993.

1735

утенев Аполлинарий Константинович (1879–1947), – дипломат, посланник Российского императора при Константинопольском патриархе.

1736

Трубецкой Владимир Сергеевич, см. прим. к п. № 392.

1737

Маклаков Николай Алексеевич – († 1918, расстрелян), черниговский губернатор, до 6 июня 1915 г. был министром внутренних дел.

1738

Очередная сессия I Государственной думы была созвана 19 июля 1915.

1739

Свою позицию, близкую к позиции Царя, Н. А. Маклаков впоследствии изложил в думских прениях 26.11.1916: «С самого начала войны началась хорошо замаскированная святыми словами, тонкая, искусная работа <... /> Русскому народу стали прививать и внушать, что для войны и победы нужно то, что в действительности должно было вести нас к разложению и распаду <... /> Это была ложь, господа, для большинства бессознательная, а для меньшинства, стремившегося захватить руководство политической жизнью страны, ложь сознательная и едва ли не преступная. Все это делалось для войны, для победы, и правительство скромно опускало глаза <... /> По мере того, как организовывалась общественность, росла разруха русской жизни. <... /> На московских съездах выковывались очертания главного штаба русской воинствующей общественности <... /> Общество, не переставая говорить о войне, о значении ее, постоянно забывает; оно делает все для войны, но для войны с порядком; оно делает все для победы – но для победы над властью. <... /> Мы погасили свет и жалуемся, что стало темно. Мы почитаем, что уступка отдельных фортов – очень плохое средство для спасения самой крепости». Цит. по: С.С.Ольденбург. Царствование Императора Николая II. Мюнхен. 1949.

1740

ОР РГБ ф.171. 8.3, лл.14–15; дат. по п.шт.

1741

ОР РГБ, ф. 171.2.19, л. 23об.

1742

Дурылин С.Н. О религиозном творчестве Лескова. //Христианская мысль. Киев, 1916, № 11.

1743

РГАЛИ, ф.142, ед.хр. 198, оп.1, л. 239.

1744

ГАЛИ, ф.142, ед.хр. 198, оп.1, л. 240.

1745

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
ОР РГБ, ф.171.3.7, л.117; б.д.

1746

Из «Альбома признаний» Т.Л.Сухотиной // Вл. Соловьев. Письма. Т. I. Под редакцией Э.Л.Радлова. Издательство «Время», Петербург, 1923, с. 238–239.

1747

ОР РГБ, ф. 171.2.19, лл. 24–28об.

1748

Остроумова-Лебедева Анна Петровна (1871–1955) – художник-график, принадлежала к группе «Мир искусств».

1749

«Горе имеем сердца!», возвысим сердца! (церковнослав.) – возглас на литургии Иоанна Златоуста.

1750

Опубл.: Дурылин С.Н. Град Софии. Царьград и Святая София в русском народном религиозном сознании. М., 1915.

1751

Метрнер Николай Карлович (1879/80–1951) – русский композитор и пианист.

1752

С началом войны Э.К.Метрнер, находившийся в Германии, был интернирован в Швейцарию и оказался отрезанным от России. В письме к М.К.Морозовой из Цюриха от 13. 09. 1914, подводя итоги «мусагетской» деятельности, он писал: «5 лет тревог, беспокойств, неприятностей, дрызг, забот, ушло время, ушли силы; я все на той же мели; а то, что сделано, никому не нужно или нужно десятку-двум приятелей» Цит. по:Лавров А.В.«Труды и дни» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. М., 1984. В 1915 г. Э.Метрнер написал письмо С.Булгакову. Сохранился ответ на него С.Булгакова: «Очень рад Вашему письму как дружескому рукопожатию в такую годину, когда события разделяют даже и близких по симпатиям людей. Заочно, отчасти по слухам, отчасти по интуиции, я представлял себе и Ваше настроение, и Ваше пониание текущих событий. Много в них я не могу ни принять, ни разделить, но в то же время ощущал всю неразрывность Вашей связи с Россией, а следовательно, с моей верой и любовью <... />». Цит по:Булгаков С.Н.Свет невечерний. М., 1994. Подготовка текста и примечанияВ.В.Сапова. С. 371.

1753

Публикуется по машинописной копии из частного собрания.

1754

По-видимому, речь идет об одной из статей Бердяева в ходе его полемики на страницах «Биржевых ведомостей» с Розановым, Эрном, Вяч. Ивановым; см. примеч. к № 543. Бердяев Н. О "вечно бабьем" в русской душе. Эпигонам славянофильства. //Биржевые ведомости, 1915, 14–15 января, 18 февраля; Н.Бердяев. Омертвевшее предание //Биржевые ведомости, 8.04.1915, № 323.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
1755

РО РГБ ф.171.3.7, л.51, б.д.

1756

Э.К.Метнер с семьей жили в Михайловском, опасаясь погромов против немцев, волна которых прокатилась летом 1915 по России.

1757

См. о нем примеч. к п. №

1758

См. о нем примеч. к п. №

1759

РГАЛИ, ф.142, ед.хр. 198, оп.1, л. 241, открытка.

1760

РО РГБ ф.171.3.7, л.64, б.д.

1761

РО РГБ ф.171.8.3, л.41–42. Датировано по пчт. шт. отпр.: 18.09.1915. ст. Пятовская, Бегичево.

1762

Николай, архиепископ Мир Ликийских, Чудотворец, (Никола) (†342) – святой, почитаемый как Православной, так и Католической церковью. Один из самых чтимых святых в России.

1763

Иоанн Кассиан Римлянин († 435), преподобный, один из основоположников христианского аскетического богословия, основатель первого монастыря в Галлии, для которого он составил устав, автор сочинения против ереси Нестория и сборника житий святых.

1764

Здесь автор письма излагает околоцерковный фольклорный сюжет, не закрепленный в письменном предании (в житиях обоих святых этот эпизод отсутствует). Согласно Церковному Уставу и календарю в течение православного литургического года память св. Николая Мир Ликийских Чудотворца празднуется только два раза: 6/19 декабря (день кончины) и 9/21 мая (день перенесения мощей святого из Мир Ликийских в Бари). Кроме этого св. Николай поминается в течение всех уставных суточных богослужений каждый четверг в цикле недельного круга наравне с апостолами. Что же касается св. Иоанна Кассиана Римлянина, то в невисокосные годы память его празднуется на повечерии 28 февраля или 1 марта.

1765

Речь идет о выборах в Государственный Совет от Калужской губернии.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
1766

Осоргин Михаил Александрович – генерал-губернатор Калужской губернии, родственник Трубецких.

1767

ОР РГБ ф.171.3.8, лл.15–17об., б.д.

1768

Габричевский Александр Георгиевич (1891–1968)– литературовед, искусствовед, переводчик, друг М.М.Морозова (Мики), участник литературного кружка в доме М.К.Морозовой.

1769

Государственный Совет, членом которого Е.Н.Трубецкой был избран от Калужской губернии.

1770

Муретов

1771

ОР РГБ, ф.171.3.6а, л.76, б.д.

1772

РГАЛИ, ф.142, ед.хр. 198, оп.1, л. 242–243об.

1773

Книжник (Ветров) Иван Сергеевич (1878–1965) – историк, библиограф.

1774

ОР РГБ ф.171.3.7, л.8; б.д.

1775

На зубовском бульваре в это время жили С. Булгаков, Вяч. Иванов и В. Эрн

1776

РГАЛИ, ф.142, ед.хр. 198, оп.1, л. 245.

1777

У Кожевникова был рак, слишком поздно диагностированный. Через несколько месяцев он скончался.

1778

РГАЛИ, ф.142, ед.хр. 300, оп.1, л. 6. Открытка. Адрес на конверте: Нижний Новгород, Ошарская, 31. Адрес отправителя: Сергиевский Посад, Дворянская ул., д. Якуб.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.

1779

ОР РГБ ф.171.3.7, л.41, б.д.

1780

РГАЛИ, ф.142, ед.хр. 198, оп.1, л. 246.

1781

Флоренский Кирилл Павлович (1915-1982).

1782

Архив Эрна, частное собрание.

1783

ОР РГБ ф.171.9.1. л.15, об.

1784

Курс лекций о древнерусской иконописи по материалам ранее опубликованной работы: Е.Н.Трубецкой, кн. Богословие в красках. Два мира в русской иконописи. М. 1915.

1785

ОР РГБ ф.171.3.7, л.3-4об., б.д.

1786

ОР РГБ ф.171.9.1. л.11-12об.

1787

Гостиница в Петрограде.

1788

Трубецкой Александр Евгеньевич, сын Е.Н.Трубецкого, см прим. к п. 234.

1789

Хвостов Алексей Николаевич (1872-1918) – в этот период был председателем бюро фракции правых в I Государственной Думе, а в 1915-1916 – министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов, ставленник Распутина. Арестован при Временном правительстве, расстрелян в ЧК.

1790

Белецкий Степан Петрович (1873-1918) – в 1914-15 гг. директор департамента полиции, в 1915-16 – товарищ (заместитель) министра внутренних дел. Арестован при Временном правительстве, расстрелян в ЧК

1791

См. прим. к п. № 90.

1792

РО РГБ ф.171.3.8, б.д.

1793

ОР РГБ ф.171.9.1. л.5–6об. Датировано по пчт. шт. отпр.

1794

Маковский Сергей Константинович (1877–1962) – художественный критик, поэт, основатель и редактор журналов «Аполлон» и «Русская икона», сын известного художника-передвижника.

1795

Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. Спб., 1913.

1796

См. о нем примеч. к п. № 146.

1797

ОР РГБ ф.17173.7, л.12, б.д.

1798

В архиве М.К.Морозовой сохранился не датированный типографский текст следующего содержания:

ОТ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА

ПАМЯТИ ВЛ.СОЛОВЬЕВА В МОСКВЕ

Общее собрание религиозно-философского Общества памяти Вл.Соловьева постановило учредить при Обществе Библиотеку-музей памяти Вл.Соловьева. В состав ее должно входить:

- 1) Собрание рукописей, писем, портретов и т.п. Вл.С.Соловьева.
- 2) Собрание рукописных материалов для изучения жизни и сочинений Соловьева (воспоминания, записки, письма разных лиц к Соловьеву и т.п.).
- 3) Библиотека, составленная из всех изданий сочинений Вл.Соловьева и сочинений о нем (книги, журналы, оттиски и т.д.)

Религиозно-философское Общество памяти Вл. Соловьева просит всех сочувствующих делу содания Библиотеки-Музея памяти Вл. Соловьева, помочь ему доставлением указанных материалов, относящихся до жизни и деятельности Вл.С.Соловьева. Общество питает надежду, что его обращение встретит отклик среди всех, дорожащих личностью и деятельностью Вл.С.Соловьева, и общими усилиями создастся основание Библиотеке-Музею, учреждение которой может много способствовать составлению полной библиографии Вл.С.Соловьева и широкому и планомерному изучению его жизни и творчества.

Рукописи, книги и проч<ее> просят доставлять: Москва, Мертвый пер., д.9. Канцелярия Религиозно-философского Общества памяти Вл.С.Соловьева.

Председатель: Г.А.Рачинский

Товарищ председателя: С.Н.Булгаков

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
Члены Совета: Вяч.И.Иванов

М.К.Морозова

кн. Е.Н.Трубецкой

В.М.Турбин

В.Ф.Эрн

Секретарь: С.Н.Дурылин

ОР РГБ ф.171.22.23, л.7.

1799

С 21.02. по 21.03.1916 г. С.А.Сидоров занимался составлением библиографии Вл.С.Соловьева для Библиотеки-Музея при Обществе памяти Вл.Соловьева в Москве. С 12.09.1916 по 8.03.1917 г. составление библиографии продолжил К.Шлапаков. В архиве М.К.Морозовой хранится 8 расписок в получении денег за эту работу, всего на 240 р. Там же хранится заказ от 23.03.1916 на изготовление каучукового бланка. ОР РГБ, ф.171.22.23, лл. 1-12.

1800

РГАЛИ ф.142, ед.хр.300, оп.1, л.10.

1801

Волжский <Глинка А. С.> Святая Русь и русское призвание. М., 1915.

1802

ОР РГБ ф.171.3.8, лл. 61-62об., б.д.

1803

Если предположить, что Е.Трубецкой должен был выполнить какое-то поручение М.К.М. в связи с прохождением службы ее старшего сына прапорщика Ю.М.Морозова или с поступлением в артиллерийское училище ее младшего сына М.М.Морозова, то тогда имеется в виду полковник Генерального штаба, а с началом войны боевой генерал Романовский Иван Павлович.

1804

Карачан Н.Ф. – офицер Генерального штаба, курировавший военные училища.

1805

от франц. петит – маленький.

1806

ОР РГБ ф.348.2.23. л.4.

1807

В. Эрн готовился в это время к защите докторской диссертации «Философия Джоберти». М., 1916.

1808

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах.
ОР РГБ ф.17173.8, л.48, б.д.

1809

Вероятно речь идет о готовящейся к изданию книге Е.Трубецкого «Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи». М., 1916.

1810

Кувшинов – владелец типографии.

1811

РГАЛИ ф.142, ед.хр.300, оп.1, л.7–9. Письмо написано нехарактерным для П.Флоренского неразборчивым почерком, что, видимо, свидетельствует о его плохом самочувствии; отправлено в конверте с надпечаткой: "Редакция "Богословского Вестника" Сергиевский Посад, Московской губернии.

1812

Вероятно имеется в виду брошюра Волжский. Святая Русь и русское призвание. М., 1915.

1813

Речь идет, вероятно, о копии с запрещенного к публикации труда арх. Феодора Бухарева, хранившегося в архиве Св. Синода; см. примеч. к № 39.

1814

Булгаков С. Софийность твари. Фрагмент // Вопросы философии и психологии, 1916, №132/133, с. 79–194.

1815

Иларион (Троицкий), архимандрит, в то время инспектор МДА, умер мученической смертью.

1816

ОР РГБ ф.171.3.8, лл.37–38об., б.д.

1817

Речь идет о задуманной Е.Трубецким книге, вышедшей впоследствии под названием "Смысл жизни". М., 1918.

1818

Машинописная копия, частное собрание.

1819

ОР РГБ ф.171.3.8, лл. 65–66об., б.д.

1820

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах
Трубецкая Софья Евгеньевна, дочь Е.Н.Трубецкого.

1821

Речь идет об автобиографическом романе, опубликованном через полтора года:
Андрей Белый. Котик Летаев // Скифы, сб. 1–2, П., 1917–18.

1822

ОР РГБ ф. 348.2.23. л. 2.

1823

Левандовская Тамара Владимировна – будущая жена А.Ельчанинова.

1824

ОР РГБ ф.171.3.8, лл. 67–68об., б.д.

1825

Речь идет о переиздании книги Е.Н.Трубецкой. Энциклопедия права. М., 1909.

1826

глава книготорговой фирмы.

1827

Видимо речь идет о книге Е.Н.Трубецкой. Гносеологические предположения
познания. М. 1917.

1828

Морозов Георгий (Юрий) Михайлович, (1895–1918) – старший сын М.К.Морозовой
и М.А.Морозова, выпускник юнкерского училища, в 1918 г. покончил собой

1829

ОР РГБ ф.171.3.5, л.138, б.д. Письмо написано после заседания МРФО памяти
философа Константина Ниолаевича Леонтьева (1831–1891).

1830

ОР РГБ ф. 348.2.23. л. 3.

1831

До этого места письмо написано на пишущей машинке, далее – пером.

1832

Т.В.Левандовская

1833

ОР РГБ ф.171.3.8, лл.75–76об., б.д.

1834

ОР РГБ ф.171.3.8, лл. 69–70об., б.д.

1835

Челноков Михаил Васильевич, кадет, представитель Московской городской управы во Временном совете Российской республики (предпарламенте).

1836

Грузинов Александр Евграфович – член Совета Московского совещания общественных деятелей.

1837

ОР РГБ ф.171.9.2, л. 7.

1838

Кн. Е.Трубецкой. Российская республика// Речь. 5.03.1917.

1839

Ахтырка – родовое имение князей Трубецких, где провели детство Сергей и Евгений Трубецкие.

1840

Кн. Евгений Трубецкой. Воспоминания. София, 1921.

1841

ОР РГБ ф.171.3.8, л. 11, б.д.

1842

ОР РГБ ф.171.3.8, л. 52–53об., б.д.

1843

Вероятно речь идет об церковном деятеле Алексее Дмитриевиче Самарине, который в течение короткого времени (июль–сентябрь 1915) занимал пост обер-прокурора Св. Синода и был смещен за оппозицию Г. Распутину. Е.Н. Трубецкому предлагали пост министра просвещения в новом коалиционном правительстве Керенского, от которого он отказался.

1844

П.Н.Милюков в это время уже не ушел в отставку с поста министра иностранных дел Временного правительства, но продолжал активно заниматься политической деятельностью.

1845

См. прмеч. к № 548.

1846

Керенский Александр Федорович (1881–1970) – в март-май 1917 г. – министр юстиции; в июле-октябре – председатель Временного правительства, верховный главнокомандующий.

1847

16 июня 1917 началось наступление русской армии на Юго-западном и Западном фронтах, закончившееся 12 июля вынужденным отступлением. К весне 1917 года Германия потеряла более двух миллионов убитыми, командование требовало всеобщей мобилизации на фронт мужчин от 15 до 60 лет и женщин – на работы в тылу. Из-за экономической блокады в Германии остро ощущался дефицит топлива и продовольствия. «Положение было невероятно трудно и почти безвыходно. Нечего было больше думать о наступлении. Надо было сохранить резервы для обороны», – вспоминал немецкий главнокомандующий маршал Людендорф. Цит. по: Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917 г. М., Наука, 1991, с. 228.

1848

ОР РГБ ф.171.9.3, лл.14–15об.

1849

Осоргины приходились родственниками Трубецким.

1850

Вероятно автор имеет в виду июньско-июльский кризис Временного правительства, когда кадеты во главе с Г. Львовым вышли из кабинета министров, а также попытку большевистского мятежа в Петрограде 3–4 июля.

1851

ОР РГБ ф.171.3.8, л. 49, б.д.

1852

Речь идет о публикациях в прессе сведений о получении руководством большевистской партии субсидий от германского правительства в обмен на обещания установления сепаратного мира между Россией и Германией.

1853

ОР РГБ ф.171.3.8, лл. 54–56, б.д.

1854

См. о нем в примеч. к п. № 592.

1855

Смертная казнь на фронте была введена ???

1856

Ранее опубликовано А.Носовым //Новый мир, 1991, № 7.

1857

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
В эти дни в Москве происходили уличные бои между большевиками и силами верными Временному правительству.

1858

Т.е. архиепископу (или митрополиту), участнику Поместного собора Российской православной церкви 1917-18 г.

1859

Речь идет о юнкерах и офицерах, погибших при обороне Московского Кремля от большевиков.

1860

Впервые опубли.: "Смерть первая и воскресенье первое". Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания М.А.Колерова. //Новый мир. 1994, № 11. С. 200-208. В настоящей публикации приводится большая часть примечаний М.А.Колерова.

1861

Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Вып. 1-10. Сергиев Посад. 1917-1918. Согласно датировке В.Г.Сукача, к 22 декабря 1917 г. вышли первые два выпуска, на которые мог отозваться Булгаков (см.: Сукач В.Г., "Комментарии" // Розанов В.В. О себе и жизни своей. Сб. М. 1990, с. 783-785; здесь же приведен отрывок из письма Булгакова).

1862

См. главку "Апокалипсиса" "Последние времена": "«Богочеловеческий процесс воплощения Христа» потрясается. Он потрясается в бурях, он потрясается в молниях... Он потрясается в «голодовках человечества», которые настали, настают ныне... В вопияниях народных. «Мы вопияли Христу, и Он не помог». «Он – немощен» <...> – Христос – мяса!" Понимание истории как процесса боговоплощения входило также в основы философской программы ХББ.

1863

Речь идет о первом искушении Христа в пустыне – искушении хлебами (Мф. 4, 3-4). Булгаков согласно письму Пьера Паскаля И.С.Книжнику-Ветрову от 30 мая 1918 г., назвал выбор, вставший перед русской небольшевистской интеллигенцией во время голода и разрухи военного коммунизма "искушением хлебами". См.: Колеров М.А., Плотников Н.С., "Примечания" // "Вехи. Из глубины". Сб. М. 1991, с. 554.

1864

Об отношении Булгакова к левым увлечениям Розанова эпохи революции 1905-1907 гг. см. письмо к нему от 30 декабря 1912 г. и примеч. М.Колерова: Булгаков С.Н. Письма к В.В.Розанову // Вопросы философии. 1992. №10, с.152-156.

1865

в делах мистических (лат.)

1866

В феврале 1918 г. Розанов писал П.Б.Струве, посылая для опубликования в "Русской мысли" статью "Разговор с немцем": "Тайная моя мысль, – а в сущности 20-летняя мысль, – что только инородцы – латыши, литовцы

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах (благороднейшая народность), финны, балты, евреи – умеют России служить, умеют Россию любить и каким-то образом уважать, умеют привязываться к России..." Розанов В.В.. О себе и жизни своей. С. 680.

1867

Вероятно, некролог В.Эрну С.Аскольдова. //Русская мысль. 1917, № 5–6, отд. 2, с. 132–134.

1868

Опубликовано с комментариями М.А.Колеровым //Новый мир. 1994, № 11.

1869

Семья Булгакова осталась в их крымском имении Олеиз.

1870

Избранный на Поместный Собор Православной Российской Церкви от мирян Таврической епархии, Булгаков с 15 августа 1917 г. принимал участие в работе двух сессий собора (из трех).

1871

На выборах в члены Высшего Церковного Совета от мирян, состоявшихся в заседании Собора 8 декабря 1917 г. Булгаков набрал наибольшее число голосов и вместе с А.В.Карташевым и Е.Н.Трубецким стал действительным членом Совета; среди заместителей членов был избран Г.Н.Трубецкой.

1872

В ноябре 1917 г. Булгаков получил предложение баллотироваться в депутаты Учредительного собрания от Орловской губернии, подобно тому, как в 1907 г. он стал депутатом II Государственной Думы от той же губернии.

1873

Речь идет о религиозной концепции Д.С.Мережковского, некогда отчасти разделявшейся и Н.А.Бердяевым, но не Булгаковым и Глинкой. Показательно, что по отношению к духовенству Булгаков находит возможным культурно консолидироваться с Мережковским, хотя единственный эпизод их сотрудничества остался в далеком прошлом.

1874

В.Ф. Эрн умер 29 апреля 1917 г., за два дня, до намеченной на 1-е мая защиты его докторской диссертации.

1875

О богословских спорах об имяславии см. примеч. к п. № 434. Собор несмотря на надежды Булгакова специальных заседаний, посвященных имяславии, не провел. Документы деятельности специальной подкомиссии, в которую вошел Булгаков неизвестны.

1876

Речь идет о неосуществленном проекте собрания сочинений о. П. Флоренского.

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
1877

В.К.Иванова (Шварсалон).

1878

Проект издания сборника памяти В.Эрна, в котором должны были принять участие Булгаков, Флоренский, Гершензон, Аскольдов, Вяч.Иванов, Гехтман, Егоров и др. не был осуществлен. Машинописный текст сборника хранится в семейном архиве Эрнов-Калашниковых-Фоминых. Часть текстов в том или ином виде опубликована в периодической печати того времени.

1879

ОР РГБ ф. 171.6.1. л. 10–11. Письмо без конверта, без указания адреса отправителя.

1880

Кн. Евг. Трубецкой. Смысл жизни. М. 1918.

1881

Телеграмма из Петрограда, по адресу: Москва? Мертвый пер. 9? Морозовой? бланк № 82, принята в Москве 6.03.1918 в 22 ч. 18 м.

1882

См. о нем в примеч к п. № 592.

1883

ОР РГБ, ф.171.1.11, 2–5, 11об.

1884

Неустановленное лицо.

1885

Виппер Борис Робертович (1888–1967) – историк искусства, организатор музейного дела, в данный период был сотрудником Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса.

1886

Шамшина – сотрудница Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины; возможно, происходит из семьи предпринимателя А.И.Шамшина, одного из совладельцев золото-канительной фабрики.

1887

В доме М.К.Морозовой (Мертвый переулок, 9) с весны 1918 г. разместился Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса, которым заведовали художник и искусствовед И.Э.Грабарь и историк Ю.Виппер. В воспоминаниях В.Ф.Булгакова читаем: «<...> Он помещался в великолепном, стильном особняке, с врубелевской мозаикой на стенах некоторых комнат, в Мертвом переулке <в 30-е гг. переименован в переулок Н.Островского, после 1990 г. возвращено старое название – В.К.>. В подвале проживала бывшая владелица особняка красавица и меценатка М.К.Морозова, большой портрет которой, работы Н.К.Бодаревского, украсил кабинет управляющего делами

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах Отдела <...>». //В.Ф.Булгаков. Встречи с художниками. Глава "Игорь Грабарь". /Художник РСФСР, л. 1969. С 1926 г. и по сей день в особняке размещается посольство Дании. Интерьер особняка в основном сохранился.

1888

См. примеч. к п. Морозовой –Трубецкому №

1889

Служащий имения М.Морозовой.

1890

Опубликовано с комментариями М.А.Колеровым //Новый мир. 1994. №11. При сравнении с оригиналом обнаружены некоторые разночтения.

1891

Речь идет о рукоположении в сан священника.

1892

Феодор (Поздеевский), епископ Волоколамский (1876–1941?) – профессор нравственного богословия, бывший ректор МДА, в данный период, настоятель Даниловского монастыря в Москве.

1893

Хорошко Василий Константинович (врач) и его жена Мария Ивановна, – семья, жившая по адресу: Остоженка, 8, была в близких отношениях с семьей Булгаковых.

1894

В середине мая 1918 г. большевики провели в Москве аресты членов ЦК и Московского комитета партии Народной свободы (кадетов), а также близких к ним общественных деятелей. С.Булгаков вспоминал: «Я получил от Кн. Евг. Н.Трубецкого однажды поздним вечером дружеское извещение по телефону, в котором он меня на латинском (!) языке предупреждал, что я это ночью буду арестован. Но когда я после этого лег спать, то почувствовал себя больным, поднялась температура с болями. Утром доктор определил припадок аппендицита, хотя и настаивал на немедленной операции. Из своей квартиры мне надо было скрываться (хотя предупреждение Е.Н. и не исполнилось). Кое-как оправившись от припадков, я начал действовать: сначала обратился к Преосвященному Феодору Волоколамскому, одному из Московских викариев, лично меня знавшему (и рукоположившего моего друга проф. о. Павла Флореского), с вопросом, согласится ли он меня рукоположить во иереи. После его согласия я объяснил ему всю срочность этого дела ввиду моей угрожаемости (поэтому он от первоначального своего предложения провести некоторое время во диаконстве, узнав о мое положение, и сам отказался). После этого я уже обратился к самому патриарху Тихону с прошением о рукоположении, на что Святейший милостиво и без всяких возражений и согласился. (Он сказал мне, смеясь, что "Вы в сюртуке нам нужнее, чем в рясе")».Булгаков Сергей, прот.Автобиографические заметки. Париж. 1946.

1895

Мария Сергеевна Булгакова, дочь С.Н.Булгакова.

1896

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах.
Угроза расправы исходила от большевистских властей, вытесненных в апреле 1918 г. временно оккупировавшими Крым германскими войсками.

1897

как трава, приближающаяся к огню (церковнослав.).

1898

Сборник, подготовившийся издательством Г.А.Лемана и С.М.Сахарова, где планировалось поместить статью А.С.Глинки (Волжского) не был издан.

1899

В 1918 г. МДА была переведена из Сергиева Посада в Москву, и о. Павел Флоренский вынужден был еженедельно ездить оттуда в Москву.

1900

ОР РГБ, ф.109., п. Лемана, л.4.

1901

Братство св. Софии было организовано А.В.Карташевым в Петрограде. Поскольку большая часть участниов Братства Св. Софии вскоре потеряли связь, С.А.Алексеев (Аскольдов) и Л.П.Карсавин в 1921 г. основали новое религиозно-философское общество, которое с 1926 г. стало называться "Братством св. Серафима Саровского". В 1928 г. все его участники были арестованы. С.Аскольдов был сослан на Урал. В 1935 г. ему было разрешено поселиться в Новгороде, откуда во время немецкой оккупации он переселился в Германию. Подробнее см.: Колеров М.А. Веховцы и евразийцы// Вопросы философии, 1995, № 10.

1902

Опубликовано с комментариями М.Колеровым //Новый мир. 1994. № 11

1903

Третья сессия Поместного Собора началась 19 июня/2 июля и продолжалась до 7/20 сентября 1918 г. Булгаков в ней не участвовал, хотя согласно "Автобиографическим заметкам" он выехал в Крым 25 июня/8 июля.

1904

Речь идет о духовном перевороте, произошедшем после смерти 27 июля 1909 г. любимого сына Булгакова Ивашечки, см. письма Булгакова от мая – июня 1909 г. в настоящей публикации.

1905

«Желаю лучше быть у порога в доме Божиим, нежели жить в шатрах нечестия» (Пс. 83, 11). Согласно I книге Паралипоменон (9, 19) «Кореяне, по делу служения своего, были стражами у порогов скинии, а отцы их охраняли вход в стан Господень» от недостойных.

1906

Персонаж романа Ф.Достоевского "Бесы" писатель Кармазинов заканчивает одноименный рассказ прощанием с "русской публикой" (ч. 3, гл. 1).

1907

Речь идет о диалогах С.Булгакова «На пиру богов», прочитанных им на последнем (закрытом) заседании МРФО 3 июня 1918 г. // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1918.

1908

Телеграмма из Петрограда, по адресу: Москва? Мертвый пер. 9? Морозовой? бланк № 89, принята в Москве 3.07.1918 в 10ч. 26м.

1909

ОР РГБ ф.171.13.13. л.л. 1-5а.

1910

Габричевский Юрий Георгиевич, брат А.Г.Габричевского.

1911

земля круглая (фр.)

1912

Старший сын М.К.

1913

Э.Золя. "Западня".

1914

внешний вид (фр.)

1915

ОР РГБ ф.171.9.3, лл. 1-2об., б.д., послано не по почте.

1916

Е.Трубецкой был участником Поместного Собора Российской Православной Церкви, на котором митрополит Тихон (Беллавин) был избран Патриархом Всероссийским.

1917

Трубецкой Сергей Евгеньевич (1890-1949), старший сын Е.Н.Трубецкого, в 1912 окончил историко-филологический факультет Московского Университета, во время Первой мировой войны до весны 1917 служил в Контрольном комитете Всероссийского Земского Союза на Северо-Западном и Северном фронтах. После большевистского переворота стал членом (в Москве) антибольшевицких тайных организаций – «Национального Центра» и Военной Комиссии «Тактического Центра». В октябре 1920 арестован ЧК и после долгого следствия на Лубянке приговорен Верховным трибуналом РСФСР к расстрелу, с заменой на "10 лет строжайшей изоляции". Отбывал заключение в Таганской тюрьме. Осенью 1922 был выслан из СССР в Германию в числе более чем ста русских философов и общественных деятелей. В 1923 женился на кн. Марии Николаевне Гагариной и поселился в предместье Парижа Кламаре. Работал в Русском Обще-Воинском Союзе генерала Кутепова, а затем генерала Миллера. После похищения агентами

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и документах НКВД обоих руководителей и роспуска РОВС С.Е.Трубецкой до конца жизни занимался литературной работой.

1918

зачеркнуто.

1919

Кн. Евгений Трубецкой. "Смысл жизни" М.1918.

1920

далее карандашом.

1921

Опубликовано с комментариями М.Колеровым //Новый мир. 1994. № 11.
Обнаружены некоторые разночтения.

1922

Ф.С.Булгаков находился в Москве в течение 1919–20 г.

1923

Опубликовано с комментариями М.Колеровым //Новый мир. 1994. № 11.

1924

Вера Константиновна Иванова (Шварсалон), жена Вяч. Иванова († 1920);
Татьяна Анатольевна Рачинская (Мамонтова), жена Г.А.Рачинского († 1920)

1925

РГАЛИ ф. 142. ед.хр. 263. оп. 1. л. 29.

1926

Епископ Феодор (Поздеевский) и митрополит Кирилл (Смирнов) находились в это время под арестом в московском Даниловом монастыре, куда к ним допускались редкие посетители.

1927

Впервые опубликовано Н.А.Струве //Вестник РХД, № 170, 1994.

1928

Сверхчеловек (нем.), термин Ф.Ницше.

1929

Намек на статью Н.Бердяева "Стилизованное православие", рецензию на "Столп..."

1930

Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др.
Опубликовано с комментариями М. Колероым //Новый мир. 1994. № 11.

1931

1 января 1923 г. о. Сергей Булгаков был вместе с семьей выслан из Советского союза и прибыл на пароходе в Стамбул. Его старший сын, Ф.С.Булгаков, женившись на дочери художника М.В.Нестерова, остался в Москве.

1932

О. Сергей Булгаков с 1923 по 1925 г. читал курс церковного права на основанном П.И.Новгородцевым Пражском Русском юридическом факультете при Пражском университете.

1933

Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973) – историк, сын В.И.Вернадского, бывшего в то время ректором Таврического университета в Симферополе, где недолго преподавал о. Сергей Булгаков.

1934

Здесь, вероятно, намек на симпатии к обновленцам со стороны Константинопольского патриархата, признавшего решение Всероссийского обновленческого церковного собора о лишении сана Патриарха Тихона.

1935

Церковно-конфессиональный кризис, пережитый о. С.Булгаковым в Крыму, отражен в диалогах «У стен Херсонеса» //Символ. Брюссель, 1994.

1936

В.Свенцицкий. "Христианское братство борьбы" и его программа. М.1906. Издание конфисковано, но экземпляры хранятся в Санкт-Петербургской Публичной библиотеке и в РГБ.

1937

Архив Эрна, частное собрание. Рукописная копия. На полях карандашная помета рукой В.Эрна: "Составлено Мережковским, 1906 г".

1938

ин.8,36.

1939

1 Кор.7.23.

1940

Все данные взяты из открыток, адресованных неизвестным лицом А.Белому б.д. //ОР РГБ, ф.25.25, лл. 2-10. Заседания кружка проходили в доме М.К.Морозовой на Смоленском бульваре. Перечень тем требует дополнения.

1941

Архив Эрна, частное собрание; публикуется по промежуточной копии, сделанной
Страница 613

. Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и др. дочери философа. Многоточиями отмечены неразобранные ею места оригинала.

1942

Гершензон М. О.

1943

Гольденвейзер Александр Борисович - брат жены Гершензона.

1944

Бердяева Л.Ю.

1945

ОР РГБ ф. 369. 311. 10. В этом же фонде находятся программы заседаний ПРФО за 1913-17 гг.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!